

Становление нации

Религиозно-политическая история Англии
XVI—первой половины XVII в.

В.Н. Ерохин

В.Н. Ерохин

Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI—первой половины XVII в. в современной британской исторической науке

В.Н. Ерохин

**Становление нации.
Религиозно-политическая
история Англии
XVI – первой половины XVII в.
в современной британской
исторической
науке**

Центр гуманитарных инициатив

Москва – Санкт-Петербург
2016

94(100-87)(09)

63.3(0)4

Серия MEDIAEVALIA
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

Рецензенты:

член-корреспондент РАН Л.П. Репина
доктор исторических наук, профессор Н.И. Смоленский
доктор исторических наук, профессор Г.П. Мягков

Ерохин В.Н.

Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI—первой половины XVII в. в современной британской исторической науке. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 752 с. (MEDIAEVALIA)

ISBN 978-5-98712-643-1

В монографии представлено современное понимание истории Реформации и религиозно-политической борьбы в Англии XVI—первые десятилетия XVII века. Данный период в британской истории был временем разрыва церковно-административных связей с римско-католической церковью, началом формирования национальной церкви и пуританизма, комплекс этих факторов оказал большое влияние на развитие духовной культуры во всем англоязычном мире. Под непосредственным воздействием Реформации приобрела свою идентичность британская политическая система, государственность во главе с монархом, сосредоточившим светские и церковные властные функции, а также активизировался Парламент как законодательное учреждение. В Англии сохранилось католическое сообщество, ограниченное в правах, но не потерявшее свою вероисповедную идентичность, что стало одной из основ толерантности и культурного разнообразия. Период XVI—первой половины XVII в. во многих отношениях ознаменовал начало становления политической системы и складывания социо-культурной самобытности современной Великобритании.

Книга будет интересна всем тем, кого занимают вопросы религиозно-политической истории Англии XVI—первой половины XVII в., а также становления британской конфессиональной и культурной идентичности в целом.

978-5-98712-643-1

© Ерохин В.Н., 2016

© Гладков А.К., составление серии, 2016

© Центр гуманитарных инициатив, оформление, 2016

Оглавление

Введение	7
Глава I. Методологические подходы к изучению Реформации в Англии в современной британской историографии	
§1. Либеральное направление в современной британской историографии о ходе английской Реформации	31
1.1. Либеральное направление в британской историографии и изучение истории Реформации в Англии	31
1.2. Концепция истории английской Реформации в работах А.Дж. Диккенса — идейно-теоретическая основа либерального направления в современной британской историографии	34
1.3. А.Дж. Диккенс о происхождении Реформации в Англии	35
1.4. А.Дж. Диккенс о развитии Реформации в Англии в правление Генриха VIII в 1530—40-е гг.	43
1.5. А.Дж. Диккенс о религиозно-политической ситуации в Англии в правление Эдуарда VI и Марии Тюдор.....	55
1.6. А.Дж. Диккенс об утверждении протестантизма в Англии и об исторических следствиях протестантизма для истории английского общества.....	65
1.7. Либеральное направление в изучении религиозной Реформации в Англии в 1960—90-е гг.: проблематика и идейное содержание.....	71
§2. Ревизионистское направление в современной британской историографии об истории Реформации в Англии.....	89
2.1. Особенности историографической ситуации в изучении истории английской Реформации на рубеже 1970—80-х гг. в британской историографии.....	89
2.2. Идейно-теоретические источники в формировании ревизионистского направления в изучении Реформации в Англии в современной британской историографии.	92
2.3. Критика либеральной концепции в изучении истории Реформации в Англии в работах К. Хейга	100
2.4. Дж. Скарисбрик — критик либерального подхода к изучению английской Реформации	132
2.5. Влияние консервативного направления в современной британской историографии на изучение истории Реформации в Англии	142
§3. Проблемы Реформации в Англии в трактовке социальной истории	154
3.1. Понимание задач социальной истории в современной британской историографии и её влияние на изучение Реформации в Англии.....	154

3.2. Концептуальные подходы к изучению Реформации в рамках социальной истории в современной британской историографии	169
3.2.1. Социально-экономическая интерпретация английской Реформации в трудах К. Хилла	169
3.2.2. Культурно-антропологический подход к изучению религиозных верований в Англии в реформационный период в работах К. Томаса	184
3.3. Изучение Реформации в Англии в рамках социальной истории в 1980—90-е гг.	205

Глава II. Становление и развитие англиканской церкви в середине XVI—начале XVII вв. в оценке современной британской историографии

§1. Современная британская историография о начальном этапе Реформации в Англии и положении в церкви Англии в первой половине XVI в.	231
§2. Развитие церкви Англии в правление Елизаветы I в трактовке современных британских историков.	305
§3. Британские историки о положении в англиканской церкви в правление первых Стюартов	373

Глава III. Пуританское движение в Англии в XVI—начале XVII вв. в трактовке современных британских историков .....

§1. Современная британская историография об определении и социальной природе пуританизма.	445
§2. Проблемы формирования пуританизма в современной британской историографии	496
§3. Пуританское движение в начале 1570-х—1604 гг. в современных дискуссиях британских историков.	525
§4. Пуританизм и англиканская церковь при первых Стюартах в оценке британской историографии	563

Глава IV. Британские историки о трансформации католицизма в Англии в эпоху Реформации .....

§1. Проблемы изучения английского католицизма XVI—первых десятилетий XVII вв. в современной британской историографии	597
§2. Положение католиков в Англии в XVI—начале XVII в. в характеристике современной британской историографии	641
§3. Оценка современными британскими историками изменений в английском католическом сообществе в первые десятилетия XVII в.	692

Заключение..... 721

Библиография..... 732

В современной мировой историографии изучение развития британской историографии и развивающихся в её рамках методологических подходов представляет большой интерес, поскольку британская историография остаётся одной из самых интересных и влиятельных, а также важных в познавательном отношении национальных историографических традиций, достижения и опыт которой имеют широкое значение для развития исторического познания. В рамках британской историографии есть предметные области, которым британские историки традиционно уделяют большое внимание, поскольку с ними связаны становление и развитие современного британского общества — политической и экономической системы, культуры, которая, как убеждены англичане, имеет непреходящую значимость для всего цивилизованного мира. К таким важным периодам в истории Великобритании относятся XVI—XVII вв. — эпоха начавшегося утверждения капитализма в английском обществе, с чем была сопряжена значительная трансформация английской экономики, политической системы и культуры, религиозности. Процесс модернизации английского общества со всеми сопутствующими ему экономическими, политическими и культурными новациями, развернувшийся в своей начальной стадии в XVI—XVII вв., стал началом становления современной Великобритании. Есть все основания рассматривать религиозную Реформацию в Англии как начальный этап становления британской политической нации.

Одним из важнейших явлений английской истории раннего нового времени была религиозная Реформация. Под её влиянием религиозные проблемы в стране в XVI—первой половине XVII вв. вышли на первый план в общественной жизни, при этом превратившись в существенный фактор развития политической истории Англии. В связи с этим изучение религиозных аспектов истории Англии в XVI—XVII вв. в течение длительного времени является одной из проблем, к рассмотрению которой обращаются всё новые и новые поколения британских историков. Рассмотрение религиозных проблем является неотъемлемой составной частью изучения истории Англии XVI—XVII вв., поскольку обращение к такому ракурсу исследования позволяет глубже понять мышление англичан раннего нового времени с присущей ему в этот период мировоззренческой спецификой, когда самые разнообразные проблемы общественной жизни люди, жившие в эти века, осмысливали, как правило, на основе религиозных понятий, образности и символики.

Религиозно-политическая история Англии в XVI—XVII вв. в отечественной исторической науке не является областью, в которой когда-либо

были сосредоточены значительные исследовательские усилия. Для изучения этих проблем необходимо было специальное обращение к истории протестантизма, англиканства, протестантских богословских доктрин, но в XIX—XX вв. и до 1917 г., и в советский период по разным причинам ситуация не была благоприятной для глубокого изучения тех или иных протестантских вероисповеданий и религиозно-политической истории: в дореволюционный период Русская Православная Церковь не хотела пропагандировать протестантизм и сдержанно относилась к проявлениям исследовательского интереса в этой области, а в советское время, когда методологической основой отечественной исторической науки был марксизм, изучение религиозной сферы общественной жизни было смещено на периферию в проблематике научно-исторических исследований, поскольку содержание религиозного сознания трактовалось лишь как деформированное следствие тех процессов, которые происходили в социально-экономической жизни общества. Тем не менее, и в дореволюционный¹, и особенно в советский период было опубликовано немало конкретно-исторических исследований, большая часть которых посвящена политической истории Англии XVI—XVII вв.: монографий², сборников статей и отдельных статейных публикаций с редкими публикациями источников³, а также

¹ *Кареев Н.И.* История Западной Европы в Новое время. В 7 томах. — СПб., 1904. — Т. 2; *Потехин А.Н.* Очерки из истории борьбы англиканства с пуританством при Тюдорах (1550—1603). — Казань, 1894; *Соколов В.А.* Реформация в Англии (Генрих VIII и Эдуард VI). — М., 1881; *Соколов В.* Церковь и университеты Англии XVI в. по описанию современников // Творения Св. отцов в русском переводе. Прибавления ... — М., 1884. — Ч. 33. — С. 482—541; *Делицын Н.* Очерк истории англиканской церкви. — СПб., 1860; *Михайловский В.М.* Англиканская церковь и её отношение к православию. — СПб., 1864; *Ретивцев Х.* Характер протестантизма и его историческое развитие. — СПб., 1868; *Победоносцев К.П.* Церковь // Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. — М., 1993. — С. 233—266.

² *Дмитриева О.В.* Елизавета Тюдор. — М., 2004; *Исаенко А.В.* Английская королевская реформация XVI века. — Орджоникидзе, 1982; *Исаенко А.В.* Пуританская реформация в Англии в XVI—начале XVII в. — Орджоникидзе, 1980; *Кондратьев С.В.* Идея права в предреволюционной Англии. — Тюмень, 1996; *Кондратьев С.В.* Юристы в предреволюционной Англии (политические и правовые воззрения). — Шадринск, 1993; *Серёгина А.Ю.* Политическая мысль английских католиков второй половины XVI — начала XVII вв. — СПб., 2006; *Фёдоров С.Е.* Пуританизм и общество в раннестюартовской Англии. — СПб., 1993; *Фёдоров С.Е.* Раннестюартовская аристократия (1603—1629). — СПб., 2005; *Фёдоров С.Е.* *Кондратьев С.В.* *Питулько Г.Н.* Англия XVII века: Социально-профессиональные группы и общество. — СПб., 1997.

³ Английская реформация (Документы и материалы) / Под ред. Ю.М. Сапрыкина. — М., 1990; Англия в эпоху абсолютизма / Под ред. Ю.М. Сапрыкина. — М., 1984; Англия XVII века: Идеология, политика, культура / Под ред. Г.Р. Левина и С.Е. Федорова. — СПб., 1992; Англия XVII века: Социальные группы и общество / Под ред. С.Е. Федорова. — СПб., 1994; *Ивошин Ю.Е.* Был ли Томас Кромвель протестантом? // Античная древность и средние века. — Свердловск, 1975. — Сб. 11. — С. 168—172; *Ивошин Ю.Е.* О характере реформации Генриха VIII // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. — Л., 1980. — Вып. 3. — С. 83—93; *Ивошина Л.И.* Конфессионализм и дипломатия Англии накануне двух английских революций XVII в. // Религия и политика. От античности к эпохе Просвещения. — Смоленск, 1997. — С. 23—31; *Исаенко А.В.* Теория «королевской супрематии» в английской религиозно-политической литературе 50—70-х гг. XVI в. // Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии. Горький, 1980; *Каменецкий Б.А.* Томас Старки и его место в истории политической мысли в Англии в XVI в. // Средние века. — М., 1973. — Вып. 36; *Он же.* Формирование абсолютистской идеологии в Англии XVI в. и ее особенности // Вопросы исто-

кандидатских диссертаций⁴. Все эти работы затрагивают отдельные проблемы, сюжеты и эпизоды в истории английской Реформации. Как видно, специальных обобщающих трудов по истории английской Реформации в целом в отечественной исторической науке не было создано, но всё же имеющиеся исследования заложили определённые основы для изучения религиозно-политической истории XVI—XVII вв.

При очень небольшом количестве работ, непосредственно посвященных английской Реформации, религиозным проблемам в Англии в XVI—пер-

рии. — М., 1969. — № 8; *Лукоянов В.В.* Фрэнсис Бэкон о церковной политике Англии в конце XVI — начале XVII вв. // Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Европе. — Горький, 1989. — С. 47—56; *Осиновский И.Н.* Гуманизм и Реформация в Англии в первой трети XVI века // Культура Эпохи Возрождения и Реформация. — Л., 1981. — С. 218—226; *Он же.* Томас Мор и реформация Генриха VIII (к вопросу о противоречиях в идеологических взглядах Т. Мора) // Очерки социально-экономической и политической истории Англии и Франции XIII-XVII вв. — М., 1960. — С. 79—95; *Павлова Т.А.* Роль раннего пуританизма в политической и культурной жизни Англии // Культура эпохи Возрождения и Реформация. — Л., 1981. — С. 226—231; *Сапрыкин Ю.М.* Политические идеи английской эмиграции при Марии Тюдор // Вестник МГУ. История. — М., 1983. — № 1; *Он же.* Абсолютистские идеи английской реформации в XVI в. // Вестник МГУ. История. — М., 1985. — № 1; *Он же.* Эдмунд Дадли и его идеи реформы церкви в Англии // Культура эпохи Возрождения и Реформация. — Л., 1981. — С. 211—218; *Урнов Д.М.* Борьба пуритан против театра в эпоху Шекспира // Культура эпохи Возрождения и Реформация. — Л., 1981. — С. 239—243; *Штокмар В.В.* Борьба с пуританами как один из аспектов социальной политики Тюдоров во второй половине XVI века // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. — Л., 1974. — Вып. 1. — С. 124—134; *Она же.* К истории английского пуританского движения в конце XVI века // Англия XIV-XVII вв. — Горький, 1974. — С. 27—36; *Она же.* Идеология английского абсолютизма в письмах Елизаветы Тюдор // Уч. зап. Ленингр. ун-та. Серия исторических наук. — Л., 1950. — № 127. — Вып. 17. — С. 223—248; *Она же.* Особенности пуританского движения конца XVI-первой трети XVII в. и начало конфликта между пуританами и абсолютной монархией // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. — Л., 1980. — Вып. 3. — С. 93—104; *Она же.* Пуританское движение 70—80-х годов XVI века в Англии // Уч. зап. Ленингр. ун-та. Серия исторических наук. — 1956. — № 192. — Вып. 21. — С. 138—168; *Шулякова Н.Г.* Архиепископ Лод. Английский Киприан // Человек XVII столетия / Под ред. А.А. Сванидзе и В.А. Ведюшкина. — М., 2005. — Ч. 1. — С. 174—202.

⁴ *Алексеева Н.С.* Пуританская оппозиция абсолютизму Стюартов в первой четверти XVII в. Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1972; *Будилова К.А.* Возникновение движения индипендентов в Англии во второй половине XVI века. Дисс. ... канд. ист. наук. — Владикавказ, 2000; *Волосникова Л.М.* Социально-политическая борьба в Англии во второй половине XVI в. и её отражение в парламентских дебатах. Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1989; *Воробьёва Е.Д.* Политическая борьба в Англии в парламентах Якова I Стюарта (1603—1625 годы). Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1962; *Дмитриева О.В.* Социально-политическая борьба в Англии в конце XVI-начале XVII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1985; *Журавель Н.А.* Граф Лестер и католическая оппозиция при Елизавете I Тюдор. Дисс. ... канд. ист. наук. — СПб., 2000; *Ивошин Ю.Е.* Реформация Генриха VIII и внешняя политика Англии. Дисс. ... канд. ист. наук. — Л., 1974; *Ильин В.Н.* Анабаптизм в Англии в XVI веке. Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1987; *Исаенко А.В.* Пуританское движение в Англии в XVI-начале XVII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1975; *Ковин В.С.* Королевские слуги и яковитский двор в Англии 1603—1625 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. — СПб., 1999; *Миронова И.А.* Общественно-политические взгляды Джона Понета. Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1951; *Петросьян А.А.* Джон Нокс и кальвинистская реформация в Шотландии. Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1982; *Руденко О.А.* Англо-испанский союз 1554 г. и его крах. Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1984; *Серёгина А.Ю.* Церковь и государство в политической мысли английской католической эмиграции конца XVI-первой четверти XVII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1999; *Смирнова Н.А.* Реформация в Англии и деятельность Томаса Кранмера в первой половине XVI в. Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1990; *Хозиева Т.Х.* Религиозно-политические идеи Томаса Картрайта и опыт определения авторства анонимных памфлетов. Дисс. ... канд. ист. наук. — Владикавказ, 1995.

вой половине XVII в. и пуританскому движению в Англии этого времени, в отечественной историографии советского периода были сформулированы обобщающие суждения в понимании этих явлений. Английскую Реформацию было принято трактовать как политическое по характеру явление. Как утверждалось, «своеобразие реформационного процесса в Англии в значительной степени было предопределено тем, что самое знаменательное событие Реформации — отделение от римской католической церкви — произошло не в результате реформационной борьбы, а как следствие проведения в жизнь политики абсолютизма. Именно абсолютная монархия оказалась достаточно могущественной для того, чтобы противопоставить свою власть католическому централизму... движущей силой этого процесса на первом этапе стало проабсолютистское дворянство и духовенство, возглавляемое королём и его фаворитами»⁵. Эти выводы советской историографии в понимании происхождения английской Реформации как политического явления удивительным образом созвучны оценкам, которые предлагают представители ревизионистского направления в современной британской историографии К. Хейг и Дж. Скарисбрик, которые, правда, руководствуются совершенно иными методологическими подходами и считают, что принимаемые властями политические решения не детерминируются влияниями социально-экономического базиса и сами могут превращаться в фактор, определяющий ход развития страны. Ревизионисты утверждают, что инициаторами Реформации были руководствовавшиеся своими мотивами монарх, экономически активные группы в среде светских лиц, особенно предпринимательская верхушка, которые были недовольны церковными поборами, и юристы общего права, борющиеся против церковной юрисдикции⁶.

В изучении английского пуританизма уделившие ему наибольшее внимание среди отечественных исследователей В.В. Штокмар и А.В. Исаенко предложили социально-экономическую интерпретацию пуританизма в соответствии с традиционным марксистским тезисом, согласно которому Реформация понималась как борьба за «дешёвую церковь». А.В. Исаенко дал общую характеристику периодов истории пуританского движения, рассмотрел этические и политические взгляды пуритан и пришёл к выводу, что «пуританская реформация имела ярко выраженное классовое содержание и соответствовала реальному экономическому базису английского общества в XVI в. и определялась уровнем его экономического развития»⁷. Этот подход был, в сущности, простой проекцией общетеоретических марксистских постулатов в конкретную историческую тему и мало способствовал углублению понимания пуританизма и все-

⁵ Английская реформация (Документы и материалы) / Под ред. Ю.М. Сапрыкина. — М., 1990. — С. 6.

⁶ The English Reformation Revised / Ed. by C. Haigh. — Cambridge University Press, 1990; Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993; Scarisbrick J.J. Henry VIII. — London, 1970; Scarisbrick J.J. The Reformation and the English People. — Oxford, 1984.

⁷ Исаенко А.В. Пуританское движение в Англии в XVI—начале XVII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1975. — С. 166.

сторонней оценке этого явления, которое имело, кроме социальных, ещё и богословские, духовные аспекты, что сохранило влияние пуританизма в английской и американской культуре по сей день.

В то же время марксистский подход к пониманию религиозной истории реформационного периода в целом и истории Реформации в Англии не давал возможности обсуждать и даже сформулировать некоторые исследовательские проблемы. В рамках марксистского подхода было затруднительным осмысление того, почему в Англии, которая стала в XVI—XVII вв. превращаться в одну из наиболее развитых западноевропейских стран, сохранился католицизм — согласно марксистской логике, передовому социально-экономическому базису должна была соответствовать передовая духовно-идеологическая надстройка, чего отнюдь не наблюдалось. Английское католическое сообщество не исчезло в Англии в XVI—XVIII вв., несмотря на все экономические успехи страны, а в середине XIX века католицизм в Англии даже был легализован. Вопрос о том, каким образом социально-экономический базис английского общества способствовал сохранению в раннее новое время английского католицизма, не озадачил ни одного историка-марксиста: советская историография просто молчала об этом. Если в изучении Реформации, пуританизма в Англии в советской историографии всё же появилось небольшое количество работ, то, как остаётся предполагать, существование английского католического сообщества в постреформационный период просто не вписывалось в марксистскую парадигму. Интерес к изучению английского католицизма XVI—XVII вв. смог проявиться в отечественной историографии только в 1990—2000-е гг., когда благодаря работам А.Ю. Серёгиной появились первые специальные исследования об английских католиках раннего нового времени. Сферой её интересов являются представления католиков о взаимоотношениях духовной и светской властей, о возможности подчинения католиков протестантской власти в сфере политической жизни. Вместе с тем, в обобщающей монографии А.Ю. Серёгиной представлен также очерк истории английского католического сообщества во второй половине XVI—начале XVII в.⁸

В изучении современной британской историографии в отечественной исторической науке в настоящее время работает ряд специалистов, труды которых составляют основу для понимания современного состояния британской историографии. Методологические, идейно-теоретические и институциональные устои исторической науки в Великобритании проанализированы в коллективной монографии В.В. Согрина, Г.И. Зверевой и Л.П. Репиной⁹, в работе Г.И. Зверевой¹⁰, которая также всесторонне рас-

⁸ Серёгина А.Ю. Церковь и государство в политической мысли английской католической эмиграции конца XVI—первой четверти XVII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1999; Она же. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI—начала XVII вв. — СПб., 2006.

⁹ Согрин В.В. Зверева Г.И. Репина Л.П. Современная историография Великобритании. — М., 1991.

¹⁰ Зверева Г.И. Организация исторической науки в Великобритании в новое и новейшее время. — М., 1986.

смотрела развитие британской историографии в своём диссертационном исследовании¹¹. Важна также работа К.Б. Виноградова об английской историографии нового и новейшего периода¹². Очень значительную работу в характеристике направлений в современной британской историографии проделал И.И. Шарифжанов¹³.

В изучение отдельных направлений в современной британской историографии большой вклад внесла Л.П. Репина. В своих многочисленных работах она дала всестороннюю характеристику социальной истории в современной британской историографии¹⁴, обобщив свои выводы в монографии о социальной истории и в защищённой в 1998 г. докторской диссертации¹⁵.

Современные отечественные исследователи обращались также ещё к некоторым общетеоретическим вопросам в изучении современной британской историографии. Диссертационное исследование, посвящённое анализу понятийного аппарата в английской историографии и философии истории середины XX в., подготовил И.В. Будцын¹⁶. А.М. Нейман рассмотрел полемику сторонников индивидуализирующих и генерализирующих подходов в британской историографии, которые с середины 1960-х гг. стали также именоваться «старыми» и «новыми» путями¹⁷. Имеет значение также работа философа Я.Я. Вейша о становлении англи-

¹¹ *Зверева Г.И.* Британская историография в контексте академической культуры XX в. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. — М., 1998.

¹² *Виноградов К.Б.* Очерки английской историографии нового и новейшего времени. — Л., 1975.

¹³ *Шарифжанов И.И.* Английская историография в XX веке. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. — Казань, 2004; *Он же.* Современная английская буржуазная историография. Проблемы теории и метода. — М., 1984; *Он же.* Эволюция теоретико-методологических основ английской немарксистской историографии в XX веке (1900—1980). Дисс. ... доктора исторических наук. — Казань, 1990.

¹⁴ *Репина Л.П.* Дискуссия о «методе Хилла» или новое наступление реакционной историографии // Идеино-политические проблемы исторической науки. — М., 1987. — С. 47—57; *Она же.* Концепции «локальной автономии» и «провинциального общества» в современной историографии английской революции середины XVII века // Ранние буржуазные революции и современная историческая мысль. Тезисы докладов. — Казань, 1990. — С. 9—10; *Она же.* Локальная история и современная историография Английской революции // Новая и новейшая история. — М., 1992. — № 3. — С. 174—183; *Она же.* Локальные исследования и национальная история: проблема синтеза // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. — М., 1989. — Вып. 1. — С. 148—158; *Она же.* Новые подходы к Английской революции середины XVII в. в немарксистской историографии // Средние века. — М., 1992. — Вып. 54. — С. 202—216; *Она же.* На пути к новому синтезу: перспективные тенденции в современной британской историографии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. — Томск, 1994. — Вып. 21. — С. 3—18; *Репина Л.П., Зверева Г.И.* Социальная история и «новая историческая наука» // Новая и новейшая история. — М., 1988. — № 4. — С. 159—174.

¹⁵ *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. — М., 1998; *Она же.* Социальная история в историографии XX века: научные традиции и новые подходы. Дисс. ... доктора исторических наук (в форме научного доклада). — М., 1998.

¹⁶ *Будцын И.В.* Проблема исторических понятий в английской буржуазной историографии и философии истории 50—60-х годов XX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Казань, 1988.

¹⁷ *Нейман А.М.* «Старые» и «новые» пути в истории (некоторые проблемы методологии в английской буржуазной историографии 30-60-х годов XX в.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Томск, 1977.

канской церкви¹⁸. Предметом специального исследования в отечественной историографии были также взгляды двух крупных британских историков XX в. — М. Оукшотта¹⁹ и Р. Дж. Коллингвуда²⁰. Методологические работы этих британских исследователей повлияли на современных британских историков, которые занимаются изучением истории Реформации в Англии.

Важна также статья Б.Г. Могильницкого и его коллег И.Ю. Николаевой и В.М. Мучника, обративших внимание на возрождение традиционалистских подходов к историописанию в британской историографии в 1970-е гг., а также на возникновение и развитие постмодернизма²¹. В рамках социальной истории в современной британской историографии в 1960-е гг. появился ряд историков, которых стали характеризовать как представителей исторической антропологии, культурной истории. Этому явлению в британской историографии, недавно попавшему в поле зрения отечественных историков, а также рассмотрению методологических подходов исторической антропологии в западноевропейской и отечественной историографии уделил внимание М.М. Кром²².

Историографическим изучением истории Реформации в Англии занимались А.В. Исаенко²³, писавший об историографии пуританизма, и М.И. Бацер²⁴. Ряд работ о современной британской историографии английской Реформации, важнейшие из которых посвящены методологическим подходам к изучению Реформации, историографии пуританского движения в Англии, характеристике положения католиков в Англии в XVI—XVII вв., пониманию предметной области религиозной истории современными британскими историками, опубликованы автором²⁵.

¹⁸ *Вейш Я.Я.* Критика идеологии англиканской церкви. Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. — М., 1970.

¹⁹ *Николаев Б.В.* Проблемы методологии истории в творчестве М. Оукшотта. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. — Казань, 1996.

²⁰ *Яцук А.Н.* Идеино-методологические основы исторической концепции Р.Дж. Коллингвуда. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Томск, 1977.

²¹ *Могильницкий Б.Г. Мучник В.М. Николаева И.Ю.* «Возрождение нарратива»: О новейшей тенденции в развитии буржуазной исторической мысли // Новая и новейшая история. — М., 1987. — № 3. — С. 87—105.

²² *Кром М.М.* Историческая антропология. — СПб., 2004.

²³ *Исаенко А.В.* Английский пуританизм XVI—начала XVII вв. в освещении англо-американской буржуазной историографии // Вопросы истории. — М., 1979. — № 3.

²⁴ *Бацер М.И.* К вопросу о неоконсервативной интерпретации протестантизма в современной американской и английской историографии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Сб. статей / Отв. ред. Б.Г. Могильницкий. — Томск, 1992. — Вып. 20. — С. 41—61; *Он же.* От Кальвина к Руссо. Историографические исследования. — Петрозаводск, 2008.

²⁵ *Ерохин В.Н.* Пуританское движение в Англии в XVI—начале XVII вв. в освещении современной англо-американской историографии. — Екатеринбург, 2001; *Он же.* Методологические подходы к изучению истории религиозной Реформации в Англии в современной британской историографии. — Нижневартовск, 2008; *Он же.* Современная британская историография о пуританском движении в Англии в правление королевы Елизаветы I (1558—1603) // *Clio Moderna.* Зарубежная история и историография. Сборник научных статей. — Казань, 2001. — Вып. 2. — С. 106—122; *Он же.* Дискуссия о начальном этапе религиозной Реформации в Англии в современной британской историографии // *Clio Moderna.* Альманах зарубежной истории и историографии. — Казань, 2008. — Вып. 6. — С. 103—118; *Он же.*

Вместе с тем, изучение религиозных проблем в Англии в XVI—первой половине XVII в. в современной британской историографии ещё не было предметом специального исследования в отечественной историографии. К настоящему времени, как упомянуто выше, современная британская историография истории английской Реформации исследована в отечественной историографии очень фрагментарно. Представляется, что специальное исследование методологических подходов современных британских историков к изучению Реформации в Англии, что является одной из важнейших предметных областей для британской историографии, способно расширить и углубить знания о современной британской историографии в целом и выявить исследовательские достижения британских историков в решении теоретико-познавательных и конкретно-исторических проблем.

В отечественной историографии до сих пор не были предметом специального исследования также подходы современной британской историографии к становлению англиканской церкви в XVI—первой половине XVII в., а также к истории английского католического сообщества. Между тем, изучение истории Реформации в Англии позволяет обсудить многие проблемы, актуальные для современной исторической науки: о влиянии идей в целом, в том числе и религиозных идей, на историческое развитие общества, о том, насколько отдельная личность может повлиять на историческое развитие страны, о роли политической истории в изучении истории общества, о взаимодействии социально-экономических, политических и идейных факторов в истории раннего нового времени и в истории Реформации, а также многое другое.

Современная британская историография располагает значительной источниковой базой в изучении религиозной истории XVI—XVII вв. Ещё в XIX—первой половине XX в. была проделана большая работа по публикации источников, которая продолжалась и во второй половине XX в. Вместе с тем, современные британские историки продолжают разбор и инвентаризацию материалов из епархиальных архивов XVI—XVII вв., активно используют в своих работах неопубликованные рукописные источники.

Взгляды английских пуритан второй половины XVI—начала XVII вв. на вопросы церковного устройства, проблемы общественной и частной жизни // Исторический ежегодник ОмГУ. Специальный выпуск к 60-летию Г.К. Садретдинова. — Омск, 2001. — С. 132—149; *Он же*. Характеристика положения католиков в Англии в XVI—первой половине XVII века в современной британской историографии // Европа. Международный альманах. — Тюмень, 2004. — Вып. IV. — С. 41—55; *Он же*. Понимание содержания предметной области религиозной истории в современной британской историографии // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. — Омск, 2004. — С. 94—100; *Он же*. Антиклерикализм в английской религиозной Реформации XVI века в трактовке современных британских историков-ревизионистов // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы научной конференции / Отв. ред. Л.П. Репина. — М., 2006. — С. 237—240; *Он же*. Религиозная Реформация XVI века в Англии в освещении современной британской историографии // Методологические и историографические вопросы исторической науки / Отв. ред. Б.Г. Могильницкий, И.Ю. Николаева. — Томск, 2007. — Вып. 28. — С. 155—165; *Он же*. Либеральное направление в изучении религиозной Реформации в Англии в 1960—90-е годы: проблематика и идейное содержание // Проблемы исторического познания / Отв. ред. К.В. Хвостова. — М., 2008. — С. 189—213.

Количество работ, посвящённых анализу религиозно-политических проблем в Англии в XVI—первой половине XVII в., в современной британской историографии очень велико, и тематика их весьма обширна. Автором использованы работы британских историков, посвящённые важнейшим проблемам в истории английской Реформации и постреформационного периода, которые были опубликованы в 1950—90-е гг. Эти труды, а также привлечённые в работе источники, демонстрирующие, на какой базе работают современные британские исследователи, позволяют составить представление о современной британской историографии реформационного и постреформационного периодов в истории Англии.

Опубликованные исследования британских историков можно сгруппировать по тематическому принципу. Продолжают привлекать внимание вопросы, связанные с изучением происхождения Реформации, которые рассматриваются как в специальных работах²⁶, так и попутно во многих других исследованиях. Значительное внимание уделяется изучению становления англиканской церкви в XVI—первой половине XVII вв.²⁷

Необходимым компонентом для рассмотрения религиозных проблем в Англии XVI—XVII вв. является исследование английского пуританизма, которому посвящено много важных работ²⁸. Составной частью

²⁶ *Aston M.* England's Iconoclasts. Laws against Images. — Oxford, 1988. — Vol. I; *Block J.S.* Factional Politics and the English Reformation, 1520—1540. — Rochester, 1993; *Clebsch W.A.* England's Earliest Protestants. — New Haven-London, 1964; *Dickens A.G.* Lollards and Protestants in the Diocese of York, 1509—1558. — Oxford University Press, 1959; *Elton G.R.* Reform and Reformation England, 1509—1558. — Cambridge (Mass.), 1979; *Fox A. Guy J.* Reassessing the Henrician Age: Humanism, Politics and Reform, 1500—1550. — Oxford-New York, 1986; *Parker T. M.* The English Reformation to 1558. — London-Cambridge, 1950.

²⁷ *Collinson P.* Archbishop Grindal, 1519—1583. The Struggle for a Reformed Church. — London, 1979; *Idem.* Godly People: Essays on English Protestantism and Puritanism. — London, 1983; *Cross C.* Patronage and Recruitment in the Tudor and Early Stuart Church. — York, 1996; *Idem.* The Royal Supremacy in the Elizabethan Church. — London, 1969; *Davies J.* The Caroline Captivity of the Church: Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625—1641. — Oxford, 1992; *Haugaard W.P.* Elizabeth and the English Reformation. The Struggle for a Stable Settlement of Religion. — Cambridge, 1968; *Heal F.* Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate. — Cambridge, 1980; *Helmholz R.H.* Roman Canon Law in Reformation England. — Cambridge, 1990; *Hembry P.M.* The Bishops of Bath and Wells, 1540—1640. Social and Economic Problems. — London, 1967; *Hill Ch.* The Economic Problems of the Church. From Archbishop Whitgift to the Long Parliament. — Oxford, 1956; *Houlbrooke R.* Church Courts and the People during the English Reformation 1520—1570. — Oxford, 1979; *Malby J.* Prayer Book and People in Elizabethan and Early Stuart England. — Cambridge, 1998; *Milton A.* Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought, 1600—1640. — Cambridge, 1995; *Solt L.F.* Church and State in Early Modern England, 1509—1640. — Oxford, 1990.

²⁸ *Ashton R.* Reformation and Revolution, 1558—1660. — London, 1984; *Breslow M.A.* A Mirror of England. English Puritan's Views of Foreign Nations (1618—1640). — Cambridge (Mass.), 1970; *Collinson P.* The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982; *Idem.* English Puritanism. — London, 1984; *Cross C.* Church and People, 1450—1660. The Triumph of the Laity in the English Church. — London, 1976; *Danner D.* Pilgrimage to Puritanism. History and Theology of the Marian Exiles at Geneva, 1550—1560. — New York, 1999; *Goring J.* Godly Exercises or the Devil's Dance? Puritanism in Popular Culture in Pre-Civil War England. — London, 1983; *Grell O.P.* Calvinist Exiles in Tudor and Stuart England. — Aldershot, 1996; *Gwynn R.D.* Huguenot Heritage: The History and Contribution of the Huguenots in Britain. — London, 1985; *Hill Ch.* Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England. — New York, 1967; *Knappen M.M.* Tudor Puritan-

изучения пуританизма является анализ взаимоотношений между радикальными пуританами и так называемыми сепаратистами, которые разуверились в возможности дальнейших реформ в церкви Англии и её очищения от остатков «папизма» и приняли решение покинуть англиканскую церковь. Сепаратистов британские историки рассматривают как предшественников конгрегационалистов и индипендентов²⁹.

Для понимания религиозной истории Англии XVI—XVII вв. британские историки занимаются также изучением английского постреформационного католицизма, сохранившегося в стране, хотя к рассмотрению его истории обращается относительно меньшее количество исследователей³⁰.

Характеристике религиозных проблем в Англии XVI—XVII вв. посвящены также обобщающие работы по истории Реформации и постреформационного периода, религиозности англичан этого времени³¹.

ism. A Chapter in the History of Idealism. — Chicago, 1939 (2nd ed. 1970); *Lake P.* Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker. — London, 1988; *New J.F.H.* Anglican and Puritan. The Basis of Their Opposition, 1558—1640. — Stanford, 1964; *Pearson A.F.S.* Thomas Cartwright and Elizabethan Puritanism, 1535—1603. — Gloucester (Mass.), 1966; *Reese M.M.* The Puritan Impulse. The English Revolution, 1559—1660. — London, 1975; *Seaver P.S.* The Puritan Lectureships. The Politics of Religious Dissent, 1560—1662. — Stanford, 1970; *Todd M.* Christian Humanism and the Puritan Social Order. — Cambridge, 1987; *Walzer M.* The Revolution of the Saints. A Study in the Origins of Radical Politics. — Cambridge (Mass.), 1965; *Webster T.* Godly Clergy in Early Stuart England: The Caroline Puritan Movement c. 1620—1643. — Cambridge, 1997; *Zaret D.* The Heavenly Contract. Ideology and Organization in Pre-Revolutionary Puritanism. — Chicago-London, 1985.

²⁹ *Ashton R.* Radical Puritans in England, 1550—1660. — London-New York, 1990; *Brachlow S.* The Communion of Saints: Radical Puritan and Separatist Ecclesiology, 1570—1625. — Oxford, 1988; *Firth K.R.* The Apocalyptic Tradition in Reformation Britain, 1530—1645. — Oxford, 1979; *Martin J.W.* Religious Radicals in Tudor England. — London, 1989; *Tolmie M.* The Triumph of the Saints. The Separatist Churches of London, 1616—1649. — Cambridge, 1977; *White B.R.* The English Separatist Tradition. From the Marian Martyrs to the Pilgrim Fathers. — Oxford University Press, 1971.

³⁰ *Aveling J.C.H.* Catholic Recusancy in the City of York, 1558—1791. — St. Albans (Hertfordshire), 1970; *Idem.* The Catholic Recusants of the West Riding of Yorkshire, 1558—1790. Leeds, 1963; *Idem.* Northern Catholics. The Catholic Recusants of the North Riding of Yorkshire, 1558—1790. — London, 1966; *Bossy J.* The English Catholic Community, 1570—1850. — London, 1975; *Dures A.* English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983; *Fraser A.* Faith and Treason: The Story of Gunpowder Plot. — New York etc., 1996; *Holmes P.* Resistance and Compromise. The Political Thought of Elizabethan Catholics. — Cambridge, 1982; *Hughes Ph.* The Reformation in England. — London, 1952—1953. — Vol. I-II; *Knowles D.* Bare Ruined Choirs. The Dissolution of the English Monasteries. — Cambridge, 1976; *Leys M.D.R.* Catholics in England 1559—1829. A Social History. — London, 1961; *Loomie A.J.* The Spanish Elizabethans. The English Exiles at the Court of Philip II. — Westport (Connecticut), 1983; *Marshall P.* The Catholic Priesthood and the English Reformation. — Oxford, 1994; *Rose E.* Cases of Conscience. Alternatives Open to Recusants and Puritans under Elizabeth I and James I. — Cambridge, 1975; *Trimble W.R.* The Catholic Laity in Elizabethan England, 1558—1603. — Cambridge (Mass.), 1964.

³¹ *Addy J.* Sin and Society in the Seventeenth Century. — London, 1989; *Best E.E.* Religion and Society in Transition: The Church and Social Change in England, 1560—1850. — New York-Toronto, 1982; *Brigden S.* London and the Reformation. — Oxford, 1989; *Collinson P.* The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. — New York, 1988; *Idem.* The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982; *Davies C.S.L.* Peace, Print and Protestantism, 1450—1558. — London, 1976; *Dickens A.G.* The English Reformation. — London, 1973; *Duffy E.* The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, 1400—1580. — New Haven-London, 1992; *Elton G.R.* England under the Tudors. — London, 1978; *George C.H.* *George K.* The Protestant Mind of the English Reformation, 1570—1640. — Princeton (N.J.), 1961; *Greaves R.L.* Society and Re-

Предметом интересов историков являются также богословские вопросы, изучение религиозных доктрин англиканской церкви, пуритан, английских католиков³². Вместе с тем, богословским вопросам уделяют определённое внимание практически все исследователи, занимающиеся религиозно-политической историей XVI—XVII вв.

Для современной британской историографии характерно активное развитие региональных и локальных исследований, что проявляется в обращении историков к изучению религиозных проблем в постреформационный период в различных местностях на территории Англии³³.

Вопросы, связанные с анализом религиозной политики английских властей и религиозной ситуацией в стране, рассматриваются также в биографических исследованиях, посвящённых монархам³⁴, политическим дея-

---

ligion in Elizabethan England. — Minneapolis, 1981; *Green J.* The Christian's ABC: Catechisms and Catechizing in England c. 1530—1740. — Oxford, 1996; *The English Reformation Revised* / Ed. by C. Haigh. — Cambridge University Press, 1990; *Haigh C.* English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993; *MacCulloch D.* The Later Reformation in England, 1547—1603. — New York, 1990; *Marsh C.* Popular Religion in Sixteenth-Century England: Holding Their Peace. — New York, 1998; *Palliser D.M.* The Age of Elizabeth: England under the Later Tudors, 1547—1603. — London-New York, 1983; *Scarisbrick J.J.* The Reformation and the English People. — Oxford, 1984; *The Sixteenth Century, 1485—1603* / Ed. by P. Collinson — Oxford-New York, 2002; *Smith A.G.R.* The Emergence of a Nation State. The Commonwealth of England, 1529—1660. — London-New York, 1984; *Sommerville J.P.* The Secularization of Early Modern England: From Religious Culture to Religious Faith. — New York, 1992; *Wrightson K.* English Society, 1580—1680. — London, 1982; *Youings J.* Sixteenth-Century England. — London etc., 1988.

³² *Cremins C.D.* The Reception of Calvinist Thought in England. — University of Illinois Press, Urbana, 1949; *Kendall R.T.* Calvin and English Calvinism to 1649. — Oxford University Press, 1979; *McGrath A.E.* In the Beginning: The Story of the King James Bible and How it Changed A Nation, A Language and A Culture. — New York, 2001; *Idem.* Reformation Thought. — New York, 1988; *Miller P.* Orthodoxy in Massachusetts, 1630—1650. — Boston, 1959; *Milward P.* Religious Controversies of the Jacobean Age. — London, 1978; *Parker K.L.* The English Sabbath. A Study of Doctrine and Discipline from the Reformation to the Civil War. — Cambridge University Press, 1988; *Trueman C.R.* Luther's Legacy: Salvation and English Reformers, 1525—1556. — Oxford, 1994; *White P.* Predestination, Policy and Polemic: Conflict and Consensus in the English Church from the Reformation to the Civil War. — Cambridge, 1992.

³³ *Beaver D.C.* Parish Communities and Religious Conflict in the Vale of Gloucester, 1590—1690. — Cambridge (Mass.), 1998; *Eales J.* Puritans and Roundheads: The Harleys of Brampton Bryan and the Outbreak of the English Civil War. — Cambridge, 1990; *Haigh C.* Reformation and Resistance in Tudor Lancashire. — London, 1975; *Hunt W.* The Puritan Moment. The Coming of Revolution in an English County. — Cambridge (Mass.)-London, 1983; *James M.E.* Family, Lineage and Civil Society: A Study of Society, Politics and Mentality in the Durham Region, 1500—1640. — Oxford, 1974; *Litzenberger C.* The English Reformation and the Laity: Gloucestershire, 1540—1580. — Cambridge, 1997; *MacCulloch D.* Suffolk and the Tudors: Politics and Religion in an English County, 1500—1600. — Oxford, 1986; *Manning R.* Religion and Society in Elizabethan Sussex. A Study of the Enforcement of the Religious Settlement, 1558—1603. — Leicester University Press, 1969; *Marchant R.A.* The Church under the Law: Justice, Administration and Discipline in the Diocese of York, 1560—1640. — Cambridge, 1969; *Ogier D.M.* Reformation and Society in Guernsey. — Woodbridge, 1996; *Skeeters M.C.* Community and Clergy: Bristol and the Reformation c. 1530—1570. — Oxford, 1993; *Whiting R.* The Blind Devotion of the People. Popular Religion and the English Reformation. — Cambridge (Mass.), 1989; *Whiting R.* Local Responses to the English Reformation. — New York, 1998; *Wrightson K., Levine D.* Poverty and Piety in an English Village. Terling, 1525—1700. — New York, 1979.

³⁴ *Black J.B.* The Reign of Elizabeth, 1558—1603. 2nd Ed. — Oxford-New York, 1994; *Bruce M.L.* Anne Boleyn. — New York, 1972; *Carlton Ch.* Charles I: The Personal Monarch. — London, 1983; *Chapman H.W.* The Last Tudor King: A Study of Edward VI (Oct. 12th 1537—July

телям реформационного и постреформационного периодов³⁵, церковным деятелям и представителям преследуемых религиозных меньшинств³⁶. Опубликован также ряд важных сборников статей, посвящённых церковной и религиозно-политической истории Англии XVI—XVII вв.³⁷

Стали появляться историко-антропологические исследования религиозности англичан в постреформационный период, авторы которых

- 6th 1553). — Bath, 1982; *Ives E.W.* Anne Boleyn. — Oxford-New York, 1988; *Jenkins E.* Elizabeth The Great. — London, 1965; *Johnson P.* Elizabeth I: A Study in Power and Intellect. — London, 1974; *Loades D.M.* The Reign of Mary Tudor: Politics, Government and Religion in England, 1553—1558. — London, 1979; *MacCaffrey W.* Elizabeth I. — London, 1993; *Patterson W.B.* James VI and the Reunion of Christendom. — Cambridge, 1997; *Rex R.* Henry VIII and the English Reformation. — New York, 1993; *Ridley J.G.* Elizabeth I: The Shrewdness of Virtue. — New York, 1988; *Idem.* Henry VIII: The Politics of Tyranny. — New York, 1986; *Idem.* The Life and Times of Mary Tudor. — London, 1973; *Scarisbrick J.J.* Henry VIII. — London, 1970; *Sharpe K.* The Personal Rule of Charles I. — New Haven-London, 1992; *Starkey D.* The Reign of Henry VIII. Personalities and Politics. — London, 1985.
- ³⁵ *Beckingsale B.W.* Burghley — Tudor Statesman, 1520—1598. — London-New York, 1967; *Idem.* Thomas Cromwell, Tudor Minister. — London, 1978; *Cross C.* The Puritan Earl. The Life of Henry Hastings, Third Earl of Huntingdon, 1536—1595. — New York, 1966; *Dickens A.G.* Thomas Cromwell and the English Reformation. — New York, 1969; *Elton G.R.* Policy and Police: The Enforcement of the Reformation in the Age of Thomas Cromwell. — Cambridge, 1972; *Jenkins E.* Elizabeth and Leicester. — London, 1961; *Loades D.M.* John Dudley, Duke of Northumberland, 1504—1553. — Oxford, 1996; *Read C.* Lord Burghley and Queen Elizabeth. — New York, 1960.
- ³⁶ *Beilin E.V.* The Examination of Anne Askew. — New York, 1996; *Daniell D.* William Tyndale: A Biography. — New Haven, 1994; *Gwyn P.* The King's Cardinal: The Rise and Fall of Thomas Wolsey. — London, 1990; *John Foxe* and the English Reformation / Ed. by D. Loades. — Aldershot, 1997; *John Knox* and the English Reformations / Ed. by R.A. Mason. — Aldershot, 1998; *MacCulloch D.* Thomas Cranmer: A Life. — New Haven, 1996; *Martin Bucer: Reforming Church and Community* / Ed. by D.F. Wright. — Cambridge, 1994; *Mayer T.F.* Reginald Pole: Prince and Prophet. — Cambridge, 2000; *Parker K.L., Carlson E.J.* "Practical Divinity": The Works and Life of Revd. Richard Greenham. — Aldershot, 1998; *Primus J.H.* Richard Greenham: Portrait of an Elizabethan Pastor. — Macon, Ga., 1998; *Ridley J.* John Knox. — New York-Oxford, 1968; *Idem.* Thomas Cranmer. — London-Oxford, 1962; *Idem.* The Statesman and the Fanatic: Thomas Wolsey and Thomas More. — London, 1983; *Trevor-Roper H.R.* Archbishop Laud, 1573—1645. 3rd Ed. — London, 1988.
- ³⁷ *Catholics of Parish and Town, 1558—1778* / Ed. by M.B. Rowlands. — London, 1999; *Church and Society in England: Henry VIII to James I* / Ed. by F. Heal and R. O'Day. — London, 1977; *Conflict in Early Stuart England. Studies in Religion and Politics, 1603—1642* / Ed. by R. Cust and A. Hughes. — London-New York, 1989; *Continuity and Change. Personnel and Administration of the Church in England, 1500—1642* / Ed. by F. Heal and R. O'Day. — Leicester University Press, 1976; *The Culture of English Puritanism, 1560—1700* / Ed. by C. Dartston and J. Eales. — New York, 1996; *The Early Stuart Church, 1603—1642* / Ed. by K. Fincham. — Stanford, 1993; *English Commonwealth, 1547—1640: Essays in Politics and Society Presented to Joel Hurstfield.* — Leicester University Press, 1979; *The Impact of the English Reformation, 1500—1640* / Ed. by P. Marshall. — London, 1997; *The Parish in English Life, 1400—1600* / Ed. by K.L. French, G.G. Gibbes, B.A. Kümin. — Manchester, 1997; *Persecution and Toleration* / Ed. by W.J. Sheils. — Oxford, 1984; *Protestantism and the National Church in Sixteenth Century England* / Ed. by P. Lake and M. Dowling. — London, 1988; *Puritans and Revolutionaries: Essays in 17th Century History Presented to C. Hill* / Ed. by D. Pennington and K. Thomas. — Oxford, 1982; *Rebellion, Popular Protest and the Social Order in Early Modern England* / Ed. by P. Slack. — London, 1984; *The Reformation in England to the Accession of Elizabeth I* / Ed. by A.G. Dickens and D. Carr. — London, 1969; *The Reformation in English Towns, 1500—1640* / Ed. by P. Collinson and John Grovig. — London, 1998; *Religion, Culture and Society in Early Modern Britain: Essays in Honour of P. Collinson* / Ed. by A. Fletcher, P. Roberts. — Cambridge, 1994; *Revolution Reassessed: Revisions in the History of Tudor Government and Administration* / Ed. by C. Coleman, D. Starkey. — Oxford, 1986.

пользуются дескриптивным методом³⁸. Изучалась религиозная ситуация в университетах, которые играли важную роль в распространении протестантских идей в стране³⁹.

Ряд дискуссионных вопросов в изучении религиозных проблем в Англии в XVI—XVII вв. обсуждался в последние десятилетия в статьях, посвящённых методологическим вопросам⁴⁰, английскому постреформационному католицизму⁴¹, богословским вопросам в учениях основных религиозных направлений в Англии⁴², выяснению взаимосвязей между развитием протестантизма, пуританизма, науки, образования и развити-

³⁸ *Cressy D.* Birth, Marriage and Death: Ritual, Religion and the Life-Cycle in Tudor and Stuart England. — Oxford, 1997; *Idem.* Bonfires and Bells: National Memory and the Protestant Calendar in Elizabethan and Stuart England. — Berkley, 1989; *Greaves R.L.* Society and Religion in Elizabethan England. — Minneapolis, 1981; *Hutton R.* The Rise and Fall of Merry England: The Ritual Year, 1400—1700. — Oxford-New York, 1994; *Thomas K.* Religion and the Decline of Magic: Studies in Popular Beliefs in 16th and 17th Century England. — Harmondsworth, 1973.

³⁹ *Curtis M.* Oxford and Cambridge in Transition, 1558—1642. An Essay on Changing Relations between the English University and English Society. — Oxford, 1959; *Porter H.C.* Reformation and Reaction in Tudor Cambridge. — Hamden, 1972.

⁴⁰ *George Ch.H.* Puritanism as History and Historiography // Past and Present. — 1968. — № 41. — P. 77—104; *Hobsbawm E.* The Revival of Narrative: Some Comments // Past and Present. — 1980. — № 86. — P. 3—8; *Hutton R.* The English Reformation and the Evidence of Folklore // Past and Present. — 1995. — № 148. — P. 89—116; *Joyce P.* The Return of History: Postmodernism and the Politics of Academic History in Britain // Past and Present. — 1998. — № 158. — P. 207—235; *Lamont W.M.* Puritanism as History and Historiography: Some Further Thoughts // Past and Present. — 1969. — № 44. — P. 133—146; *Stone L.* The Revival of Narrative: Reflections on a New Old History // Past and Present. — 1979. — № 85. — P. 3—24; *Thomas K.* History and Anthropology // Past and Present. — 1963. — № 24. — P. 3—24.

⁴¹ *Bossy J.* The Character of Elizabethan Catholicism // Past and Present. — 1962. — № 21. — P. 39—59; *Idem.* The Mass as a Social Institution 1200—1700 // Past and Present. — 1983. — № 100. — P. 29—61; *Clifton R.* The Popular Fear of Catholics during the English Revolution // Past and Present. — 1971. — № 52. — P. 23—55; *Haigh Ch.* The Continuity of Catholicism in the English Reformation // Past and Present. — 1981. — № 93. — P. 37—69; *Idem.* The Fall of a Church or the Rise of a Sect? Post-Reformation Catholicism in England // Historical Journal. — 1978. — № 21. — P. 182—186; *Idem.* From Monopoly to Minority: Catholicism in Early Modern England // TRHS. 5th Series. — 1981. — № 31. — P. 129—147; *Loomie A.J.* The Armadas and the Catholics of England // Catholic Historical Review. — 1973. — Vol. LIX. — № 3. — P. 385—403; *Walsham A.* “Domme Preachers?” Post-Reformation English Catholicism and the Culture of Print // Past and Present. — 2000. — № 168. — P. 72—123; *Idem.* “The Fatal Vesper”: Providentialism and Anti-Popery in Late Jacobean London // Past and Present. — 1994. — № 144. — P. 36—87; *Wiener C.Z.* The Beleaguered Isle: A Study of Elizabethan and Early Jacobean Anti-Catholicism // Past and Present. — № 51. — 1971. — P. 27—62.

⁴² *Avis P.D.L.* Richard Hooker and John Calvin // JEH. — 1978. — Vol. 39. — P. 251—270; *Cressy D.* Purification, Thanksgiving and the Churcing of Women in Post-Reformation England // Past and Present. — 1993. — № 141. — P. 106—146; *Gascoigne J.* Church and State Unified: Hooker's Rationale for the English Post-Reformation Order // The Journal of Religious History. — 1997. — Vol. 21. — № 1. — P. 23—34; *Hunt A.* The Lord's Supper in Early Modern England // Past and Present. — 1998. — № 161. — P. 39—83; *Knott J.* John Foxe and Joy of Suffering // The Sixteenth Century Journal. — 1996. — Vol. 27. — № 4. — P. 721—734; *Lake P.G.* Calvinism and the English Church, 1570-1535 // Past and Present. — 1987. — № 114. — P. 32—76; *Lamont W.* The Rise of Arminianism Reconsidered: A Comment // Past and Present. — 1985. — № 107. — P. 227—231; *Perrot M.E.C.* Richard Hooker and the Problem of Authority in the Elizabethan Church // Journal of Ecclesiastical History. — 1998. — Vol. XLIX. — № 1. — P. 29—60; *Todd M.* The Godly and the Church: New Views of Protestantism in Early Modern Britain // Journal of British Studies. — 1989. — Vol. 28. — № 4. — P. 418—427; *White P.* The Rise of Arminianism Reconsidered // Past and Present. — 1983. — № 101. — P. 34—54.

ем общества⁴³, выявлению религиозных аспектов восстаний в Англии в XVI в.⁴⁴

Среди работ британских историков о религиозных проблемах в Англии XVI—XVII вв. очень мало исследований, которые выполняли бы ту роль, которую в отечественной исторической науке выполняют историографические исследования. Большинство работ британских историков содержат историографические экскурсы, но эти разделы носят характер, прежде всего, тематических обзоров трудов своих предшественников и современников, а эксплицитно заявленная своя методологическая позиция, сформулированная автором, встречается очень редко, и её приходится реконструировать из общего содержания исследования. Полезные обобщающие работы, в которых представлен обзор и анализ того, что было сделано британскими историками в исследовании реформационного и постреформационного периодов, принадлежат Х.Г. Александеру, П. Мак-Грату и Р. О'Дей⁴⁵.

Британские историки в последние десятилетия подготовили также ряд значительных справочных изданий по истории Англии XVI—XVII вв.⁴⁶, среди которых особенно важна 4-томная энциклопедия, посвященная Реформации⁴⁷.

- ⁴³ *Brigden S.* Youth and the English Reformation // Past and Present. — 1982. — № 95. — P. 37—67; *Cromartie A.* The Constitutional Revolution: the Transformation of Political Culture in Early Stuart England // Past and Present. — 1999. — № 163. — P. 76—120; *Curtis M.* The Alienated Intellectuals of Early Stuart England // Past and Present. — 1962. — № 23. — P. 25—43; *Green J.* Career Prospects and Clerical Conformity in the Early Stuart Church // Past and Present. — 1981. — № 90. — P. 71—115; *Heal F.* The Idea of Hospitality in Early Modern England // Past and Present. — 1984. — № 102. — P. 66—93; *Hill C.* Debate: Puritanism, Capitalism and the Scientific Revolution // Past and Present. — 1965. — № 29. — P. 88—97; *Idem.* Science, Religion and Society in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Past and Present. — 1965. — № 32. — P. 110—112; *Ingram M.* Ridings, Rough Music and the "Reform of Popular Culture" in Early Modern England // Past and Present. — 1984. — № 105. — P. 79—113; *Kearney H.F.* Puritanism and Science: Problems of Definition // Past and Present. — 1965. — № 31. — P. 104—110; *Idem.* Puritanism, Capitalism and Scientific Revolution // Past and Present. — 1964. — № 28. — P. 81—101; *Morrill J.* The Religious Context of the English Civil War // TRHS. — 1984. — Vol. 34. — P. 155—178; *Rabb T.K.* Religion and the Rise of Modern Science // Past and Present. — 1965. — № 31. — P. 111—126.
- ⁴⁴ *Cornwall J.* Debate: Kett's Rebellion in Context // Past and Present. — 1981. — № 93. — P. 160; *Davies C.S.L.* The Pilgrimage of Grace Reconsidered // Past and Present. — 1968. — № 41. — P. 54—76; *James M.E.* The Concept of Order and the Northern Rising 1569 // Past and Present. — 1973. — № 60. — P. 49—83; *Idem.* Obedience and Dissent in Henrician England: The Lincolnshire Rebellion 1536 // Past and Present. — 1970. — № 48. — P. 3—78; *MacCulloch D.* Kett's Rebellion in Context // Past and Present. — 1979. — № 84. — P. 36—59; *Idem.* Kett's Rebellion in Context: A Rejoinder // Past and Present. — 1981. — № 93. — P. 165—173.
- ⁴⁵ *Alexander H.G.* Religion in England, 1558—1662. — London, 1968; *McGrath P.* Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967; *O'Day R.* The Debate on the English Reformation. — London-New York, 1986.
- ⁴⁶ *Bibliography of the Reform, 1450—1648. Related to the United Kingdom and Ireland for Years 1955—1970.* — Oxford, 1975; *Hoffman A.* Lives of the Tudor Age, 1485—1603. — New York, 1977; *Routh C.R.N.* (Revised by P. Holmes). Who's Who in Tudor England. — Mechanicsburg (Pa), 2001 (Originally published in Great Britain in 1990 by Shephard-Walwyn Publishers Limited); *Shorney D.* Protestant Nonconformity and Roman Catholicism: A Guide to Sources in the Public Record Office. PRO Readers' Guide 13. — London: PRO Publications, 1996; *Smeaton D.D.* English Religion. A Bibliography. — Macon (Georgia), 1988; *Tudor England: An Encyclopedia / Gen. ed. A.F. Kinney and D.W. Swain.* — New York — London, 2001.
- ⁴⁷ *The Oxford Encyclopedia of the Reformation / Ed. by H.J. Hillerbrand.* — New York, 1996. — Vol. I—IV.

Объектом исследования в данной работе является развитие британской историографии английской Реформации и постреформационного периода в 1950—90-е гг. Нижняя граница в этих хронологических рамках связана с тем, что к 1950-м гг. восходит развитие тех идей и тенденций, которые проявились среди британских историков в последующие десятилетия в изучении религиозных проблем в Англии XVI—XVII вв. и реализовались в развитии трёх направлений в современной британской историографии английской Реформации — либерального, ревизионистского и социально-исторического. Верхняя граница в хронологических рамках работы — рубеж XX—XXI вв., когда, как представляется, наметился новый этап в эволюции идейных установок, влияющих на развитие британской исторической науки. К 1990-м гг. в Великобритании стали всё более заметными признаки роста этнического регионализма и самосознания в отдельных частях Соединённого Королевства, что нашло одно из своих ярких выражений в принятии решений на основе проведённых в 1997 г. референдумов о создании парламента в Шотландии, выборной ассамблеи в Уэльсе, начавших свою деятельность в 1999 г. Вследствие этого всё более явственно стала проявляться тенденция к рассмотрению истории Англии в общебританском контексте, что уже превратилось в характерную черту развития новейшей британской историографии, которая в своём дальнейшем развитии в XXI в., как можно предполагать, будет продолжать развиваться под влиянием этой идейной установки, поскольку на основе такого подхода уже структурируются учебные курсы в изучении истории в Великобритании.

Рассмотрение религиозно-политических проблем в Англии в хронологических рамках XVI—первой половины XVII в. обусловлено подходом к пониманию содержания этого периода, утвердившимся в британской историографии. Изучение истории реформационного и постреформационного периодов британские историки начинают с рассмотрения положения в церкви Англии в предреформационные десятилетия XVI в. Религиозно-политическая борьба в стране, связанная с влиянием Реформации, продолжалась вплоть до Английской революции середины XVII в. Вопрос о том, когда завершилась религиозная Реформация в Англии, во второй половине XX в. оставался среди британских историков дискуссионным. Сама Английская революция рассматривается в британской историографии как явление, по своему происхождению связанное с религиозно-политическими противоречиями, существовавшими в стране. Но с революционного времени в английской истории начинается следующий период, характеризующийся новым содержанием, так что в диссертационном исследовании, следуя подходу британских историков, анализируются их работы, посвящённые религиозно-политической истории Англии до 1640 г.

В изучении Реформации в Англии в британской историографии во второй половине XX в. главная роль принадлежала английской историографии. Уделено внимание также важнейшим работам по этим проблемам, принадлежащим североамериканским историкам, в той мере, в какой они обсуждаются британскими историками и оказали влияние на

них. Это касается, в первую очередь, исследований, посвящённых истории пуританизма. Изучение истории пуританского движения является такой темой, в которой идейное взаимодействие между британскими и американскими историками происходит очень активно, поскольку история пуританизма тесно связана и с историей Англии, и с историей США. По этой причине провести абсолютное и полное разграничение в объекте исследования в данном вопросе между британской историографией и североамериканской историографией, совершенно не упоминая работы американских историков, не представляется возможным. При этом следует отметить, что британские историки пуританизма в большей мере тяготеют к конкретно-историческим исследованиям, а их американские коллеги в относительно большей мере испытали влияние междисциплинарных подходов к историческому исследованию и тяготеют к социологическим обобщениям.

Предметом исследования в монографии выступают выделяемые в современной британской историографии методологические подходы в изучении Реформации в Англии — либеральное и ревизионистское направления и труды историков, принадлежащих к этим направлениям, а также характеристика и оценки английской Реформации в рамках широкого по составу представителей, идейно разнородного, но влиятельного направления — социальной истории, которое можно назвать социально-историческим направлением. Тремя важнейшими предметными областями в изучении Реформации и постреформационного периода в истории Англии в современной британской историографии являются изучение становления англиканской церкви в XVI—первой половине XVII в., а также пуританское движение и английский католицизм постреформационного периода, что также стало составной частью предмета диссертационного исследования. Подходы современных британских историков ко всем этим проблемам рассматриваются в четырех главах работы.

Методологической основой предпринятого исследования являются подходы, обоснованные в отечественной историографии на современной стадии её развития. К началу 2000-х гг. среди отечественных историков стала формироваться позиция, которая, как представляется, способна стать рабочим основанием для исследовательской деятельности историков и приносить продуктивные в познавательном отношении результаты. Если понимать историческое знание как моделирование, то критерием удовлетворительного объяснения изучаемых проблем можно считать построение такой модели, которая наиболее непротиворечивым образом объясняет наибольшую совокупность фактов. Единственно верной и всеохватывающей теории или модели для понимания исторического процесса никто из историков к настоящему времени синтезировать не смог, но в современной историографии практикуется немало продуктивных методологических подходов, так что историки, придерживающиеся в изучении исторического прошлого разных методологических позиций, смогли получить имеющие значение познавательные результаты. Поэтому, как думается, для понимания прошлого продуктивным может быть

синтез различных концептуальных подходов, которые позволяют понять те или иные аспекты событий и процессов, происходивших в истории общества. В 1990-е гг. Л.П. Репина — один из крупнейших специалистов в изучении современной британской историографии — сформулировала эффективный в эвристическом отношении методологический подход для исторических и историографических исследований, в котором предлагает опираться на принцип взаимодополнительности различных научных парадигм, которые отстаивают отличные друг от друга и даже противоположные способы описания одного и того же явления, дающие в итоговой комбинации более сложную и полноценную картину прошлого. По её мнению, принципиальной исходной установкой современной историографии стал взгляд на общество как на целостный организм, в котором все элементы взаимодействуют в сложной системе прямых и обратных связей, исключающей возможность редукции и нахождения какого-либо одного пусть даже относительно независимого фактора, способного определять историческое развитие. Одновременно с поисками новых интегральных моделей возрастает осознание взаимодополнительности междисциплинарных и традиционных исторических методов, сохранивших своё центральное место в исследовательской практике⁴⁸. Важным в некоторых отношениях методологическим ориентиром для гуманитарных наук следует признать современное естествознание, принявшее принцип дополтельности Н. Бора и В. Гейзенберга, в котором утверждается идея о невозможности изучения явлений при помощи только одной теоретической модели. Представляется, что обосновываемый таким образом принцип взаимодополнительности научных парадигм — это продуктивное стремление к новому историческому синтезу, которое характерно также и для западноевропейской историографии.

В современной британской историографии подобные идеи высказывает П. Берк, убеждённый в необходимости синтеза различных теоретических моделей истории — марксистской, позитивистской, веберовской, современных западных соционаучных и культурологических, подходов «Школы Анналов», поскольку все эти методологические подходы по-своему продуктивны в познавательном отношении⁴⁹. На возможность и эффективность такого подхода обращает внимание также И.И. Шарифжанов, упоминая о том, что необходимость взаимопонимания между сторонниками разных методологических подходов обосновывали уже «традиционалист» Дж. Элтон и клиометрист Р. Фогель в начале 1980-х гг., выступившие против «методологического экстремизма» за, так сказать, «экуменический взгляд» на проблемы исторического познания⁵⁰. Принцип взаимодополнительности различных научных парадигм, по сути дела, обосновывает в своей недавней статье в литературном приложении к газете «Таймс»

⁴⁸ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. — М., 1998. — С. 7, 20—21, 48.

⁴⁹ Burke P. History and Social Theory. — Cambridge, 1992.

⁵⁰ Шарифжанов И.И. Английская историография в XX веке. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. — Казань, 2004. — С. 181.

известный британский историк К. Томас. По его словам, у современных историков усилилось и углубилось осознание сложности прошлого, что повлекло за собой осознание невозможности изложить происходившие в истории события лишь с какой-то одной, избирательной по характеру точки зрения. В среде историков стало распространяться понимание того, что по поводу тех или иных событий могут существовать самые разнообразные мнения, и соблюсти объективность в сопоставлении этих многообразных мнений — это, по сути дела, «искусство»⁵¹. В этих рассуждениях, думается, проявилось также косвенное влияние постмодернизма, распространившееся в современном историческом знании, но К. Томас, отстаивая возможность и правомерность разных методологических подходов к изучению прошлого, не соглашается с постмодернистскими крайностями, которые ведут к предельной релятивизации познавательных результатов исторических исследований. Среди британских историков, занимающихся изучением истории английской Реформации, сторонников постмодернистской методологической программы нет.

Опора на принцип взаимодополнительности позволяет глубже понять познавательную ситуацию, существующую к настоящему времени как раз в данной предметной области, которой посвящено диссертационное исследование. В изучении религиозных проблем в Англии в XVI—первой половине XVII в. в современной британской историографии сосуществуют и в определенной мере идейно взаимодействуют либеральное, ревизионистское, социально-историческое направления, и ни одно из этих направлений, как будет показано в основном тексте работы, не может доказать ненужность другого направления. Историки того или иного из этих направлений порой всё же претендуют на объективность своего подхода и достоверность именно своих выводов, но представляется, что ни одно из этих направлений не может полностью исключить интерпретацию, предлагаемую оппонентами. Эти три направления взаимно дополняют общие исследовательские усилия в изучении Реформации и постреформационного периода в истории Англии.

Историографическое исследование обязательно должно учитывать зависимость исторической мысли от проблем общественной жизни, от развития политической и философской мысли в изучаемый исторический период в конкретной стране. Следование принципу историзма даёт возможность понять возникновение, эволюцию существующих исследовательских направлений, их взаимоотношения и взаимодействие в контексте теоретико-методологического и идейного развития британской историографии во второй половине XX в. Опора на системный подход позволяет анализировать исследовательские концепции британских историков как непротиворечивые целостности в тесной взаимосвязи отдельных элементов этих концепций.

В соответствии с данными методологическими подходами и принципами в исследовании использованы сравнительный метод, позволяющий

⁵¹ Thomas K. History Revisited // The Times Literary Supplement. 2006. October 11.

анализировать и сравнивать различные исследовательские концепции, хронологический метод, рассматривающий смену концепций, взглядов и идей историка в хронологической последовательности, проблемный метод, дающий возможность выделить в изучаемой общей теме проблемные блоки и позволяющий в рамках большой темы рассмотреть составляющие её отдельные проблемы, метод периодизаций, который направлен на выделение отдельных этапов в развитии исторической науки с целью обнаружения и характеристики важнейших особенностей этих этапов как качественно определённых периодов с присущими им чертами, метод ретроспективно-перспективного анализа, позволяющий рассмотреть движение мысли историков во времени в разработке ими своих концепций.

Цель данного исследования — дать характеристику того, что было сделано в британской историографии в 1950—1990-е гг. в области изучения религиозных проблем в Англии в XVI—первой половине XVII в. до начала Английской революции середины XVII в. Эта цель достигается путём последовательного решения следующих основных задач, к числу которых относятся:

- анализ методологических подходов к изучению английской Реформации историков либерального, ревизионистского и социально-исторического направлений в современной британской историографии;
- рассмотрение концептуальных подходов современных британских историков к становлению англиканской церкви в XVI—первой половине XVII в. и результатов, достигнутых в конкретно-историческом изучении проблем истории церкви Англии;
- анализ понимания пуританского движения в Англии в XVI—первые десятилетия XVII в. в современной британской историографии;
- изучение представлений современных британских историков о постреформационном английском католическом сообществе в XVI—первые десятилетия XVII в.;
- рассмотрение достигнутых британскими историками к началу 2000-х годов знаний в изучении истории англиканской церкви, пуританского движения в Англии и истории английского постреформационного католического сообщества в XVI—первые десятилетия XVII в.

В ходе исследования сделан ряд новых для отечественной исторической науки результатов и выводов, к числу важнейших из которых относятся:

1. Как установлено, в современной британской историографии английской Реформации и изучении религиозных проблем в Англии в XVI—XVII вв. можно выделить три методологических направления: либеральное, ревизионистское и социально-историческое.
2. Впервые в отечественной историографии проанализирована либеральная концепция в изучении английской Реформации и религи-

озных проблем в Англии в XVI—первых десятилетиях XVII вв. в современной британской историографии.

3. Впервые в отечественной историографии рассмотрена ревизионистская концепция в изучении религиозной истории Англии XVI—начала XVII вв. в современной британской историографии.
4. Впервые в отечественной историографии дан анализ социально-исторического направления в изучении английской Реформации и религиозных проблем в Англии в XVI—первых десятилетиях XVII вв. в современной британской историографии.
5. Рассмотрен процесс становления англиканской церкви в XVI—первые десятилетия XVII вв. в трактовке современных британских историков, что ранее не было предметом специальных исследований в отечественной историографии.
6. Проанализирована современная британская историография пуританского движения в Англии в XVI—первые десятилетия XVII вв., ещё не изученная в отечественной историографии.
7. Впервые в отечественной историографии рассмотрено становление английского католического сообщества в постреформационные десятилетия XVI—XVII вв. в трактовке современных британских историков.

* * *

В основу настоящей книги положен текст докторской диссертации, защищенной в 2009 г. Во многом именно по этой причине в библиографическом приложении к монографии не был отражен ряд новейших отечественных исследований, а также переводов источников, знакомство с которыми, в целом, не изменило нашей оценки характера и стратегий изучения Реформации Англии в британской исторической науке. В любом случае, ответственность за все имеющиеся в тексте пробелы и недочеты берет на себя автор. Вместе с тем, хотел бы выразить слова искренней признательности главному редактору серии к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН А.К. Гладкову и издательству за работу, проделанную при подготовке рукописи к печати.

Многолетние плодотворные научные изыскания в области историографии английской Реформации — итог того вдохновляющего влияния, какое оказывали и по сей день оказывают на автора учителя, коллеги и друзья; всем им выражаю свою сердечную благодарность. Навсегда в памяти останутся помощь, поддержка и научное руководство моего первого наставника — заведующего кафедрой всеобщей истории ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, профессора Г.К. Садретдинова (1939—2008). Особенно значимы для меня теплые, дружеские отношения с коллективами кафедр всеобщей истории Исторических факультетов двух сибирских вузов — Омского и Томского государственных университетов. Исключительную важность имеют научные связи с Томской историографической школой, созданной при кафедре истории древнего мира, средних веков

и методологии истории выдающимся историком и организатором науки Б.Г. Могильницким (1929—2014).

Со времени работы над кандидатской диссертацией в середине 1990-х гг. неоценимую помощь и поддержку научными советами оказывал мне д.и.н., профессор Казанского (Приволжского) федерального университета И.И. Шарифжанов. Общение с казанскими историками — неизменно профессиональное, доброжелательное и уважительное — стало одним из факторов, вдохновляющих меня на протяжении долгих лет в научных изысканиях. Неоценимое участие в реализации моих исследовательских планов и проектов приняло руководство Нижневартковского государственного университета — считаю своим приятным долгом выразить ему слова искренней признательности.

Круг тех, кого хочется поблагодарить за внимание и содействие, очень широк, и все равно высказываемые признания с неизбежностью останутся неполными. Трудно переоценить значимость научного общения, расположения и помощи со стороны член-корр. РАН Л.П. Репиной, поддерживавшей меня в избранных исследовательских начинаниях, а также д.и.н., в.н.с. ИВИ РАН Т.Л. Лабутиной и д.и.н., профессора А.Б. Соколова.

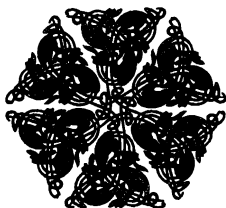
Важную роль играют для меня научные контакты с коллегами-англоведами, среди которых особое место занимают специалисты из Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина — искренние, доброжелательные, надежные друзья, не только побуждающие к научной работе, но и делящиеся своей творческой энергией, одаривающие столь необходимой в жизни радостью от подлинно ученой беседы.

Благодарность многим другим коллегам и друзьям за поддержку в научной работе еще выскажу при личных встречах.

Глава I

Методологические подходы
к изучению Реформации в Англии
в современной британской
историографии

§1. Либеральное направление в современной британской историографии о ходе английской Реформации

1.1. Либеральное направление в британской историографии и изучение истории Реформации в Англии

Либеральное направление в британской историографии оказало глубочайшее влияние на историческую, политическую мысль в Великобритании и английскую интеллектуальную культуру в целом. Изучение религиозной Реформации в Англии привлекало английских либеральных историков со времени оформления либерального направления в первой половине XIX в., поскольку эпоха Реформации, истолкованная с либеральной точки зрения, способна предоставить фактический материал для иллюстрации базовых идей либерального мировоззрения: можно было утверждать, что борьба за религиозные, политические и экономические свободы, за освобождение личности от чрезмерного давления и опеки государства дает колоссальный стимул экономическому и политическому развитию страны.

Либеральные историки в XIX в. создали ряд крупных работ по истории Реформации в Англии, среди которых в первую очередь заслуживают упоминания труды, принадлежащие Дж. Марсдену¹, С. Хопкинсу² и особенно Дж.Э. Фруду³, работа последнего была написана с позиций убежденного протестанта. Дж.Э. Фруд рассматривал религию как решающую силу в истории и преподносил Реформацию как моральную победу в борьбе за свободу. Сочетание исследовательского интереса к изучению истории Реформации с более или менее заметно выраженными симпатиями к протестантизму стало характерной чертой либерального направления в изучении истории Реформации в Англии, сохранявшейся у либеральных историков Реформации и во второй половине XX в.

Известная современная исследовательница Реформации в Англии Р. О'Дей отмечает, что англичане в течение долгого времени воспринимали религиозную Реформацию как процесс. Идея о продолжающейся Реформации находила отклик в богословской мысли англичан ещё и в течение значительной части XIX в.⁴ Историки Реформации в Англии обсуждали также

¹ *Marsden J.B.* The History of the Early Puritans from the Reformation to the Opening of the Civil War in 1642. — London, 1859.

² *Hopkins S.* The Puritans and Church, Court and Parliament of England during the Reigns of Edward VI and Queen Elizabeth. — London, 1860. — Vol. I—III.

³ *Froude J.A.* History of England from the Fall of Wolsey to Destruction of Great Armada. — London, 1856—1870. — Vol. I—XII.

⁴ *O'Day R.* The Debate on the English Reformation. — London and New York, 1986. — P. 1.

вопрос о том, как можно определить хронологические рамки процесса религиозной Реформации в стране. По мнению Р. О'Дей, которую тоже можно отнести к либеральному направлению в изучении английской Реформации в современной британской историографии, есть аргументы, чтобы утверждать, что Реформация в Англии закончилась к 1662 г., поскольку после реставрации Стюартов церкви Англии было дано такое полное доктринальное определение, что более конкретного определения она не получала в своей истории, и в то же время было признано существование нонконформизма. При этом только в принятом в 1689 г. Акте о веротерпимости было заявлено, что не желающие признавать литургию англиканской церкви лица протестантского вероисповедания могут проводить богослужения в согласованных с епископом помещениях, которые не должны были запираяться во время службы, при условии, что проводящий службу священник признает все 39 статей церкви Англии, за исключением тех, которые регулировали церковное устройство и крещение. После 1662 г. протестантские историки, изучавшие и комментировавшие события Реформации, обычно считали её свершившейся, хотя эти историки могли высказывать пожелания, чтобы Реформация была продолжена или возобновлена, о чем писали известные либеральные историки Т.Б. Маколей и Дж.Э. Фруд⁵. Современные либеральные историки в определении хронологических рамок Реформации в Англии придерживаются мнения, что все важнейшие события в истории английской Реформации уже произошли ко времени на рубеже 1550—60-х гг., а завершение религиозной Реформации в стране они связывают со вступлением на престол королевы Елизаветы в 1558 г.

После первой мировой войны, несмотря на то, что политическая идеология либерализма и вигско-либеральная историческая концепция стали подвергаться критике под влиянием того, что общественные катаклизмы первых десятилетий XX в. посеяли сомнения в проповедававшейся ранее либералами вере в общественный прогресс и развитие общества как постепенное утверждение идеалов свободы, развитие либерального направления в изучении истории Реформации в британской историографии продолжалось. Известным исследователем истории английской Реформации, через труды которого проходит преемственная линия в развитии либеральной традиции, был А.Ф. Поллард (1869—1948)⁶. Он был первым директором Института исторических исследований Лондонского университета, занимавшим этот пост в 1921—1939 гг. У А.Ф. Полларда Реформация представлена не только как доктринальное религиозное движение, а в первую очередь как эпизод в долгой борьбе государства и церкви. А.Ф. Поллард рассматривал Реформацию в качестве кульминации длительной борьбы между духовной и светской властями в Европе. Поллард также отвергал морализаторские рассуждения о разводе и новом браке короля Генриха VIII (1509—1547) как факторе происхождения Реформации и считал, что

⁵ *Ibid.* — P. 2.

⁶ *Pollard A.F. Thomas Cranmer and the English Reformation, 1489—1556.* — New York-London, 1904.

королём в данном случае двигала практическая необходимость — ему нужен был наследник мужского пола. Но А.Ф. Поллард бесосновательно рассматривал Генриха VIII как сторонника конституционного правления страной вместе с парламентом. Поллард пришел в изучении Реформации к выводу, что религиозная Реформация в Англии была творением Генриха VIII и проистекала из стремления короля быть хозяином в своей стране, выгнать иностранцев, которые заставляли его подданных подчиняться властной инстанции, находившейся за пределами Англии — Риму⁷.

Ещё одним известным либеральным историком, занимавшимся изучением истории Англии эпохи Реформации, был А.Л. Роуз (1903—1997), переключившийся во второй половине XX века на изучение истории литературы в Англии XVI в.⁸

Высоко ценил изучение религиозной истории А. Тойнби (1889—1975), также рассматривавший Реформацию в Англии в русле либеральной традиции. По его словам, «если нашим первым правилом должно стать исследование нашей истории не ради неё самой, а с точки зрения той роли, которую Запад сыграл в унификации человечества, то нашим вторым правилом (в исследовании истории в целом) должны быть низведение экономической и политической истории в подчинённое положение и отведение первенства религиозной истории»⁹.

Либеральные историки в британской историографии всегда обращали большое внимание на изучение истории тех периодов в истории Англии, которые могли предоставить фактическую основу для того, чтобы показать значение борьбы за политические и религиозные свободы. В связи с этим изучение истории Реформации в Англии изначально было глубоко созвучно идейным устремлениям либералов. При всех сложностях идейной эволюции британского общества в XX в. либеральная политическая идеология всегда сохраняла в Великобритании большое число приверженцев. Соответственно, по сей день либеральное направление является важной частью британской историографии.

⁷ O'Day R. The Debate on the English Reformation. — London and New York, 1986. — P. 107—116.

⁸ Rowse A.L. Tudor Cornwall. — London, 1941; *Idem*. The England of Elizabeth. The Structure of Society. — New York, 1951; *Idem*. The England of Elizabeth. — London, 1953; *Idem*. The Expansion of Elizabethan England. — London, 1955.

⁹ Toynbee A.J. The Unification of the World and the Change in Historical Perspective // History. — London, 1948. — Vol. XXXIII. — № 117—118. — P. 26. Цит. по: Шарифжанов И.И. Эволюция теоретико-методологических основ английской немарксистской историографии в XX веке (1900—1980). Дисс. ... доктора исторических наук. — Казань, 1990. С. 102.

1.2. Концепция истории английской Реформации в работах А.Дж. Диккенса — идейно-теоретическая основа либерального направления в современной британской историографии

В современной британской историографии, если говорить о времени с 1960-х гг. до конца XX в., определяющее влияние на развитие либерального направления в изучении истории Реформации в Англии оказали работы А.Дж. Диккенса (1910—2001) — одного из известнейших британских историков второй половины XX в., в 1966 г. избранного членом Британской Академии наук. Научная деятельность А.Дж. Диккенса началась в 1930-е гг., а на рубеже 1950—60-х гг. у него сформировалась концепция понимания английской Реформации, которая стала основой для развития либерального направления в изучении Реформации в Англии на современной стадии его существования. Эта концепция была обоснована и воплотилась в нескольких важнейших работах А.Дж. Диккенса¹⁰. Самой важной из этих работ является изданное впервые в 1964 г. исследование «Английская Реформация», которое является наиболее наглядным воплощением основных идей А.Дж. Диккенса. В течение примерно 20 лет с 1964 г. работа А. Дж. Диккенса «Английская Реформация» была вне конкуренции и оставалась лучшей целостной историей этого вопроса, написанной в объеме одного тома, и по широте охвата проблемы, и по систематичности истолкования Реформации. Это был фактически и учебник, и исследование, влиявшее на изучение истории Реформации на всех уровнях. Новые издания этого основного труда А.Дж. Диккенса продолжали публиковаться ещё и на рубеже 1980—90-х гг.

Анализ этой работы А.Дж. Диккенса дает возможность наиболее наглядно выявить идейно-теоретические и методологические подходы современных британских либеральных историков к изучению истории Реформации в Англии. Большой интерес представляет также и фактическая основа его труда — собранный А.Дж. Диккенсом значительный объем сведений, ставший основой для построения его концепции. В работе «Английская Реформация», таким образом, синтезированы все важнейшие результаты научной деятельности А.Дж. Диккенса, в чём и состоит её значение для изучения либерального направления в современной британской историографии Реформации в Англии. Такой целостной концепции Реформации, которая была бы воплощена в одном труде, нет ни у кого из современных британских либеральных историков английской Реформации.

¹⁰ *Dickens A.G. Lollards and Protestants in the Diocese of York, 1509—1558.* — Oxford, 1959; *Idem. The English Reformation.* — Batsford, 1964; *Idem. Reformation and Society in Sixteenth-Century Europe.* — London, 1966; *Idem. Thomas Cromwell and the English Reformation.* — New York, 1969; *Idem. The Shape of Anti-Clericalism and the English Reformation // Politics and Society in the Reformation Europe.* — Basingstoke, 1987. — P. 379—410.

1.3. А.Дж. Диккенс о происхождении Реформации в Англии

Либеральные историки традиционно высоко оценивают значение Реформации в истории Англии. По утверждению А.Дж. Диккенса, религиозные, культурные и социальные вопросы, поднятые Реформацией, по сей день остаются источниками размышлений. Реформация изменила мировоззрение англичан, в результате чего этот народ оказал своё «удивительное влияние на развитие западной цивилизации». В методологических подходах к изучению истории Реформации у А.Дж. Диккенса прослеживается глубоко укоренившееся в британской историографии внимание к конкретным фактам: свою концепцию в понимании английской Реформации он тщательно выстраивает не через рассуждения общего характера, а детальным изложением и анализом подобранных им фактов, чтобы подвести читателя к своим выводам. Главная задача историка, в его толковании, состоит в том, чтобы объяснить, как события развернулись именно таким образом¹¹.

А.Дж. Диккенс настаивал на необходимости продолжения работы в епархиальных архивах для дальнейшего изучения социальных и институциональных проблем истории церкви¹².

Диккенс считал необходимым рассмотреть состояние церкви в Англии накануне Реформации и отмечал, что многое в религиозных верованиях англичан в XV—начале XVI вв. ещё оставалось традиционным. Традиционная религиозность, по его мнению, была равно распространена и в социальных верхах, и в народной массе, отвечала определенной социальной потребности, давала чувство связи с предками, оказывала ещё плодотворное воздействие на культуру, поскольку продолжала развиваться английская готика, строились и расширялись церкви, и люди видели в этом не какие-то предрассудки, а форму религиозности¹³. Большинство англичан, считал А.Дж. Диккенс, особо не интересовалось богословием, но и агностицизм, атеизм не имели распространения. По его мнению, не считая тех, кто из англичан был знаком с идеями Дж. Уиклифа и лоллардов, до последних лет правления Генриха VIII мало кто требовал реформ в литургии¹⁴.

А.Дж. Диккенс полагал, что восприятию идей Реформации способствовал характерный для средневековой английской философии номинализм, в котором утверждалось, что человек в своем знании богословских истин зависит только от действия Откровения. Вера и разум рассматривались в английской номиналистической традиции как антиподы, что было благоприятно для последующего влияния Реформации¹⁵.

Либеральные историки английской религиозной Реформации среди ее идейных предшественников всегда рассматривают Дж. Уиклифа. А.Дж. Диккенс давал неоднозначную характеристику личности Дж. Уиклифа: «разочаровавшийся карьерист, темпераментный бунтовщик, искренний

¹¹ *Dickens A.G. The English Reformation.* — London and Glasgow, 1973. — P. 5.

¹² *Ibid.* — P. 6.

¹³ *Ibid.* — P. 14—18, 20—24.

¹⁴ *Ibid.* — P. 27.

¹⁵ *Ibid.* — P. 97.

реформатор, отличавшийся большим моральным мужеством». Но при этом А.Дж. Диккенс отмечал, что идеи Уиклифа подготавливали восприятие реформационных идей в Англии: этот предшественник протестантизма причислял к истинной церкви только тех, кого Бог предопределил к спасению, отвергал доктрину транссубстанции как новшество и утверждал, что Тело и Кровь Христова присутствуют в Евхаристии не телесно, а, по его формулировке, *sacramentaliter, spiritualiter et virtualiter*, склонялся к рецепционализму — доктрине, согласно которой действительность освящаемых элементов, принимаемых в Евхаристии, зависит от духовного состояния причащающегося, призывал светскую власть реформировать церковь. Из идей последующих реформаторов, как писал А.Дж. Диккенс, Уиклиф не выдвинул разве что лишь только доктрину оправдания одной верой. Последователи Уиклифа Николас Герефорд и Джон Перви сделали переводы Библии, которые стали основой её лоллардистских версий, продолжавших распространяться в рукописях вплоть до начала Реформации в Англии. Лолларды осуждали церковные колокола, образа, паломничества, чистилище, притязания папы на власть над чистилищем. С 1490-х гг. в сохранившихся церковных документах, как отмечал А.Дж. Диккенс, участились упоминания об оживившихся лоллардах. До середины XV в. лоллардов преследовали, а затем то ли их число несколько сократилось, то ли во время войны Роз власти не имели возможности их преследовать. Массу свидетельств о лоллардизме начала правления династии Тюдоров приводит крупнейший протестантский историк XVI в. Джон Фокс (1517—1587) в своём труде «Деяния и памятники церкви Англии», ссылавшийся на записи епископов, записи в приходских книгах, в материалах церковных судов. Джона Фокса, отмечал А.Дж. Диккенс, бывало, обвиняли в подлогах, но для такого подлога, по его словам, «нужна нечеловеческая изобретательность», к тому же многие события, касающиеся деятельности лоллардов в 1520-е гг., сохранялись ещё в памяти людей его поколения и старше, которые были живы. Многие из этих материалов, на которые опирался Фокс, не сохранилось в церковных архивах, но это, как считал А.Дж. Диккенс, не ставит под сомнение содержание труда Фокса¹⁶.

Современным историкам доступны 18 журналов записей епископов, относящиеся к 1490—1530 гг., и в каждом из них фигурируют несколько дел о преследованиях лоллардов. Встречаются упоминания о таких преследованиях также и в Лондонских хрониках, в записях об отлучении от церкви, сохранившихся в Государственном архиве Великобритании, в документах, происходящих из центрального государственного аппарата, во многих других светских источниках. Современные историки выявили также 18 мучеников-лоллардов, о которых не знал Джон Фокс.

Историками выявлены годы, когда преследования лоллардов активизировались: в 1506—1508 гг. за ересь преследовались 80 человек, двое из которых были сожжены. В 1521 г. преследовали до 350 человек, шестеро были казнены. В 1527—1532 гг., как утверждал Джон Фокс, более 200 еретиков, чьи име-

¹⁶ Ibid. — P. 41—46.

на и обстоятельства жизни он приводит, отречись в Лондонской епархии от своих лоллардистских убеждений под давлением церковных судов. Среди лоллардов стал проявляться интерес к лютеранской литературе, появившейся в Англии в 1520-е гг. В 1514 г. в Лондоне произошла громкая история с Ричардом Ганном, арестованным церковными властями купцом-еретиком, который затем был найден повешенным в тюрьме епископа при соборе Св. Павла при епископе Фитцджерейсе. В результате в парламенте зазвучали требования о том, чтобы духовные лица при совершении преступлений стали бы подсудны светским судам, и этот подход поддерживал король Генрих VIII. События, связанные с делом Ганна, считал А.Дж. Диккенс, показали королю, что в стране появились антиклерикальные настроения, которые можно использовать в своих целях, и то, что можно найти духовных лиц, которые могли бы проповедовать в защиту прерогатив королевской власти¹⁷.

По социальному статусу лолларды, как отмечал А.Дж. Диккенс, принадлежали преимущественно к простонародью (в большинстве к ремесленникам), и очень немногие из них были грамотными, но при этом имели познания в религиозной доктрине и в Писании. В то же время среди лоллардов были представители белого духовенства, бродячие монахи, школьные учителя, в Лондоне — несколько купцов и представителей среднего класса. Социальный состав лоллардов, как отмечал А.Дж. Диккенс, напоминает конгрегационалистских диссентеров XVII в. К 1540-м гг., как считал А.Дж. Диккенс, лоллардистские взгляды стали взаимодействовать и сливаться с лютеранскими. Взаимовлияние лютеранства и лоллардизма, как считал А.Дж. Диккенс, начинается примерно с того времени, когда Библия, переведённая на английский язык У. Тиндейлом, в конце 1520-х гг. попала в руки англичан. Лолларды во время происходившей в середине XVI в. Реформации в Англии пытались также сохранить особенности своих взглядов¹⁸.

А.Дж. Диккенс придерживался мнения, что в английском обществе накануне Реформации существовали антиклерикальные настроения, в формирование которых внес вклад лоллардизм. Некоторые лица улавливали только отдельные лоллардистские и протестантские идеи, не становясь приверженцами этих учений в целом. В сознании англичан проявлялась также потребность освободиться от контроля иерархии, от канонического права. В целом, отмечал А.Дж. Диккенс, лоллардизм был «уклончивым, негероическим и подпольным движением», и эти черты помогли ему избежать уничтожения во времена преследований¹⁹.

Обсуждая влияние лоллардов на историю Реформации, А.Дж. Диккенс считал, что к началу XVI в. лолларды сформировали в епископах отрицательное отношение к новшествам в религиозной сфере и предотвратили развитие церковной политики в Англии по линии католической реформы. Влияние лоллардов на дальнейшее развитие Реформации состояло ещё в том, что лолларды были союзниками и в определенной мере вдохновите-

¹⁷ Ibid. — P. 47—50, 132—137.

¹⁸ Ibid. — P. 51—53.

¹⁹ Ibid. — P. 54—55.

лями тех антиклерикальных сил, которые сделали возможным осуществлённый Генрихом VIII разрыв с Римом. Лолларды также способствовали появлению в Англии районов, где население стало восприимчивым к протестантизму. Лоллардизм сформировал образ личностной по характеру верований, опирающейся на Писание, не уважающей таинства и церковную иерархию формы религии, решающую роль в исповедании которой играли светские лица. Для лоллардов был вообще характерен анти-институционализм, что отталкивало от них правящие классы. Протестантские интеллектуалы в дальнейшем осознали значение идей лоллардов и в 1530—1547 гг. опубликовали в печатном виде не менее 9 лоллардистских трактатов²⁰.

По мнению А.Дж. Диккенса, внесла свой вклад в формирование антиклерикальных настроений в английском обществе накануне Реформации также деятельность Томаса Уолси — папского легата и лорда-канцлера. Его стремление к усилению суда канцлера, к повышению налогообложения в парламенте, к увеличению собственных доходов за счёт церковного имущества, оттеснение от дел юристов общего права путём усиления суда канцлера усилили антицерковные настроения, породили у англичан антипатию к римской юрисдикции в церкви Англии²¹.

По оценке А.Дж. Диккенса, накануне Реформации Англия уплачивала Риму совсем «не астрономические суммы». Это был пенс Св. Петра — единственный налог в пользу папы, уплачивавшийся светскими лицами, который составлял менее 200 фунтов в год со всей Англии. В 1485—1533 гг., по его подсчётам, ежегодный объём всех платежей английского духовенства в Рим в среднем составлял около 4800 фунтов в год, а вместе с платежами церкви в пользу королевской казны — около 17300 фунтов в год. После же подчинения монарху в 1535—1547 гг. церковь Англии платила королю в среднем 47 тысяч фунтов в год, оказавшись в гораздо большей финансовой зависимости, но следует при этом также учитывать начавшуюся в стране инфляцию²².

При этом, отмечал А.Дж. Диккенс, в церкви Англии не было засилья иностранцев на административных должностях — подобные случаи были единичны²³. Среди епископов при Генрихе VIII было мало богословов: большинство были юристами, преимущественно гражданского права и в меньшей степени канонического права. Епископов обычно активно использовали на государственной, королевской службе, и они фактически не были духовными лидерами в церкви, что облегчило действия Генриха VIII в ходе Реформации: даже консервативно настроенные епископы понимали Реформацию как политический акт. Важной группой в церкви были держатели плюралитетов — пребендарии, деканы, архидиаконы. Они также были сторонниками короля²⁴.

А.Дж. Диккенс считал, что накануне Реформации действовали определённые факторы, которые снижали авторитет духовенства. Епископы ред-

²⁰ Ibid. — P. 60.

²¹ Ibid. — P. 63—65.

²² Ibid. — P. 68.

²³ Trevor-Roper H. Archbishop Laud, 1573—1645. 3rd ed. — Houndmills etc., 1988. — P. 187.

²⁴ Dickens A.G. The English Reformation. — London and Glasgow, 1973. — P. 68—71.

ко отклоняли кандидатуры тех лиц, которые вступали в духовный сан, не обостряя отношения с влиятельными светскими лицами, которые патронировали своих ставленников. Духовные лица часто подолгу не имели возможности продвинуться по службе, оставаясь дьяконами и субдьяконами, совершали моральные проступки, давая пищу антиклерикальной пропаганде. Обычный деревенский священник шесть дней в неделю занимался сельским хозяйством и не выглядел выше по социальному рангу, чем прихожане, что подспудно питало у крестьян нежелание платить десятину — конфликты по этому поводу, утверждал А.Дж. Диккенс, были нередки. К тому же десятина еще до Реформации стала утрачивать свой личный и сакральный характер: десятины нередко сдавались в аренду светским лицам и стали рассматриваться как разновидность ренты. В церкви был распространен абсентеизм. Переписи по епархиям обычно фиксировали долю священников-абсентеистов в рамках от 10 до 25%. Многие из абсентеистов имели право на отсутствие в соответствии с действовавшими правовыми нормами: это были капелланы епископов, епархиальные администраторы, церковные юристы, капелланы знати, больные, или те, кто отправился по согласованию с епархиальными властями в паломничество. Уровень доходов большинства духовенства был низким. В часовнях священники служили за плату от 4 до 7 фунтов в год, и это уже были, как писал А.Дж. Диккенс, «пролетарские размеры дохода», но в беднейших приходах страны ректоры и викарии имели ненамного больше. А.Дж. Диккенс предполагал, что определенное количество приходских священников в начале Реформации внутренне не принимали новации Генриха VIII, но большинство из них были бедными и робкими людьми и делали то, что им говорили епископы и архидиаконы, не имея способов выражения протеста²⁵.

А.Дж. Диккенс рассмотрел также положение в английских монастырях накануне Реформации. По его данным, в 1534 г. количество монахов в Англии и Уэльсе составляло примерно 11 тыс., а монахинь примерно 1600 человек в 136 женских монастырях. К началу диссолюции в 1536 г. в Англии было 825 монастырей. Средняя численность монахов в монастыре составляла 12 человек, а в так называемых мелких монастырях, распущенных в 1536 году — в среднем 7,5—8 человек. Особую группу составляли лица, купившие себе право проживать в монастырях в качестве пенсионеров (*corrodians*). Доходы монастырей при диссолюции оценивались в 136362 фунта в год — это была половина доходов церкви Англии в то время. Более ста лет монастыри уже не получали крупных пожалований. Все женские монастыри в совокупности получали доходы примерно 15 тыс. фунтов в год, а мелкие монастыри, по численности составлявшие почти половину от общего числа получали менее 1/9 от общего дохода. Крупные монастыри получали доход более 2 тыс. фунтов в год. Были также нищенствующие монахи, не владевшие землей, чувствовавшие себя духовно свободнее. Из числа этих нищенствующих монахов появилось несколько радикальных мыслителей и протестантских реформаторов.

²⁵ Ibid. — P. 73—79.

Как писал А.Дж. Диккенс, монастыри в Англии — наилучшим образом документированная часть истории церкви Англии. Относительно положения в монастырях накануне Реформации беспристрастными источниками Диккенс называет записи о епископских визитациях монастырей. Подавляющее большинство монастырей, по словам А.Дж. Диккенса, совсем не были какими-то вертепами, как их потом стали представлять протестантские пропагандисты. Некоторое количество монахов училось в университетах (например, в Оксфорде с 1505 по 1538 г. зафиксированы 357 монахов), но, вернувшись в монастырь, они фактически не находили применения своим знаниям²⁶.

В целом светские лица, считал А.Дж. Диккенс, смирились с монастырями и монахами как давними членами местного сообщества, и вплоть до Реформации не было признаков того, что люди хотят роспуска монастырей и скупки их земель, но и особой любви к монастырям у англичан А.Дж. Диккенс не находил. Он считал, что монастыри были не намного щедрее к своим арендаторам, чем светские лорды. Некоторые монастыри в начале XVI в. стали заниматься огораживаниями, сгоном крестьян, но при этом управляющими монастырскими хозяйствами были зачастую светские лица²⁷.

В переписи 1535 г. *Valor Ecclesiasticus*, предпринятой властями накануне диссолюции монастырей, утверждалось, что монахи выделяют только 3% от своих доходов на милостыню, но это, считал А.Дж. Диккенс, занижало ее действительный объем. Активны в противостоянии Генриху VIII были только три ордена — францисканцев-обсервантов (с 7 монастырями, главный в Гринвиче), картузианцев (с 9 монастырями) и бригиттинцев (один монастырь с мужской и женской частями). Они были в целом малочисленны, но все же подчинялись Виму и пытались отвергать притязания Генриха VIII. Картузианский орден за то, что отказывался признавать Генриха VIII главой церкви, подвергся разгрому — его монахов вешали, некоторых уморили голодом в цепях. В церкви накануне Реформации не было единства между разными группами духовенства, и существовали внутренние конфликты: между кардиналом-легатом и епископами, между высшим и низшим духовенством, между белым и черным духовенством, развивался конфликт между духовенством и светскими лицами, что тоже, по оценке А.Дж. Диккенса, помогло утверждению Реформации²⁸.

Британский историк высказал также свое мнение о роли английского христианского гуманизма в идейной атмосфере начала XVI в. У известного английского гуманиста Джона Колета (1467—1519) он находил некоторые лютеранские мотивы: Колет осуждал церемонии в церкви и считал, что они не очищают дух и не оправдывают человека, при этом признавая соучастие человека в делах спасения. Но, по мнению А.Дж. Диккенса, во взглядах Колета наибольшее влияние исходило от неоплатоников Марсилио Фичино и Пико делла Мирандола, чьи мысли не вели к идеям Лютера, так что Колет остался католиком, при этом заняв определенное место

²⁶ Ibid. — P. 80—82.

²⁷ Ibid. — P. 85—86.

²⁸ Ibid. — P. 87—89.

в истории английского протестантизма, поскольку его выступления и проповеди посеяли мысль о необходимости реформ в церкви²⁹.

А.Дж. Диккенс проявил себя как либеральный историк также в критике позднесредневекового католицизма. Как ему представлялось, накануне Реформации происходил упадок схоластики. Образовательный уровень духовенства был низким, монашество не играло духовной роли за пределами монастырей. Примитивизированные формы службы и культа, предлагавшиеся церковью для простого народа, казались более образованным людям чем-то детским и направленным на выколачивание денег. В такой атмосфере группа интеллектуально подготовленных клириков в Англии открыла для себя идеи Лютера и стала распространять лютеранские идеи в университетах, найдя поддержку в среде английского купечества. Епископат этого времени не пожелал каких-либо реформ, подозрительно относился к светским инициативам из-за лоллардизма³⁰.

Объясняя причины распространения протестантизма в Англии, А.Дж. Диккенс предполагал, что некоторые лица пришли к нему, признав его идейную привлекательность, а некоторые — из-за одолевавшей их ненависти к иерархическим церковным структурам. При этом протестантизм, как ему представлялось, надо понимать изнутри, с духовной точки зрения. Протестантизм в Англии стал развиваться на волне критицизма, но у него были и свои позитивные утверждения, соответствовавшие условиям XVI в., что выразилось в стремлении распространить английский перевод Нового Завета, подготовленный Уильямом Тиндейлом и отпечатанный в Антверпене в 1526 г., поскольку это удовлетворяло духовные потребности наиболее интересовавшихся религиозными вопросами англичан. Печатная версия английского перевода Нового Завета была способна оказать более широкое идейное влияние, чем лоллардистские переводы Библии: в Англии перевод Тиндейла продавался примерно за 3 шиллинга 2 пенса (недельный заработок квалифицированного ремесленника), в то время как рукописные Евангелия, созданные в лоллардистской среде, стоили в 7—18 раз дороже.

Как обращает внимание А.Дж. Диккенс, после 1530 г. Тиндейл, наряду с тем, что он, как Лютер, подчеркивал значение Евангелия, стал обращать особое внимание на соблюдение закона. Согласно рассуждениям Тиндейла, грешник оправдывается верой перед Богом, но перед людьми он оправдывается тем, что соблюдает моральный закон, и Бог заключает ковенант, чтобы проявить свою милость к тем, кто соблюдает законы. Эта мыслительная схема, отмечал А.Дж. Диккенс, повлияла впоследствии на английских пуритан тем, что в пуританской среде отношения между Богом и «истинными верующими», к которым относили себя пуритане, стали осмысливаться как отношения ковенанта³¹.

А.Дж. Диккенс считал, что самое раннее известное общество, которое организовали английские лютеране, было создано около 1520 г. в Кембридже,

²⁹ Ibid. — P. 99.

³⁰ Ibid. — P. 444—445.

³¹ Ibid. — P. 56, 90, 92, 105—112.

где в 1511—1514 г. Эразм Роттердамский работал над греческим текстом своего Нового Завета и пересматривал латинскую версию этого текста, на создание которой ранее его вдохновил Колет. Этот кембриджский кружок оказал затем влияние на Оксфорд³². Видимо, впервые в Англии идеи Лютера обсуждались в маленькой церкви в Кембридже — церкви Св. Эдуарда (ум. 978), короля и мученика. В ней собирались Роберт Барнс, Томас Билни и Хью Латимер, ходившие также в расположенное на территории их прихода штейное заведение «Белая лошадь», в котором бывали ещё и Уильям Тиндейл, Майлс Ковердейл, Хью Латимер, Томас Кранмер, Мэтью Паркер и много других впоследствии известных протестантов. Первоначальными распространителями лютеранства А.Дж. Диккенс считал также торговцев, еретически настроенных бывших монахов, преподавателей университетов. Затем лютеранство распространилось в Лондоне среди горожан³³.

А.Дж. Диккенс утверждал, что английская протестантская Реформация началась и стала развиваться в 1520-е гг. в противостоянии Генриху VIII, а затем по своим мотивам король начал вторую Реформацию, которая стала влиять на ход и характер первоначальной Реформации. Сам конфликт с Римом в Англии имел предысторию, и лишь в свете этого, считал А.Дж. Диккенс, можно понимать действия реформационного парламента. В толковании Диккенса, для Реформации сложились определенные духовные предпосылки в английском обществе — постепенно усиливавшийся рост антиклерикализма, распространение взглядов, которые в последующей истории Реформации в Англии получили название эрастианских. Это понятие появилось в середине XVI в. и было связано с именем жившего в Швейцарии богослова Томаса Эрастуса (1524—1583), который проповедовал необходимость подчинения церкви государству. Взгляды, которые во второй половине XVI в. стали называть эрастианскими, постепенно формировались в предренессансной и ренессансной Европе у Данте, публицистов, служивших французскому королю Филиппу IV, у Марсилия Падуанского, у Уиклифа с опорой на библейские, теологические, философские, исторические источники. Самым примечательным эрастианцем и бунтарем против папства А.Дж. Диккенс называл Марсилия Падуанского (1275/80—ок. 1343) с его трактатом «Защитник мира». В Англии в начале XVI в., несмотря на то, что в европейской мысли уже были примеры эрастианских взглядов, и даже в Англии в лице Уиклифа эти идеи тоже проявились, антиклерикализм и эрастианство формировались не под влиянием чтения чьих-либо сочинений, а в основном под впечатлением о церковных злоупотреблениях, скандалах, конфликтах интересов. Упоминания о Марсилие Падуанском понадобились англичанам тогда, когда Генрих VIII уже разорвал отношения с Римом в 1534 г., и Томас Кромвель, осуществлявший по поручению Генриха VIII руководство религиозными преобразованиями в Англии в 1530-е гг., лично выделил средства на английский перевод трактата Марсилия Падуанского в 1535 г.³⁴

³² Ibid. — P. 101—102.

³³ Ibid. — P. 102—105.

³⁴ Ibid. — P. 122—125.

Ещё до XVI в отношениях между Англией и Римом происходили конфликты, которые, как отмечал А.Дж. Диккенс, повлияли на развитие законодательства в Англии. Три статута Praemunire (1353, 1365 и 1393 гг.) имели своей целью предотвратить покушения со стороны папы на права короны в церкви Англии и угрожали тем, кто обращается в Рим, невзирая на волю монарха, конфискацией имущества, но использовались в зависимости от обстоятельств, с учётом того, была ли сильна в данный момент королевская власть. При Генрихе VII Тюдоре влияние королевской власти в отношениях с Римом усиливалось. Генрих VII при этом публично проявлял рвение в преследовании лоллардистской ереси. В его правление по-прежнему существовало право неподсудности духовенства светским судам при совершении преступлений, и преступники даже могли избежать наказания, приняв духовное звание. Крупнейшие монастыри имели право предоставлять убежище преступникам, если те давали клятву подчиняться настоятелю монастыря. Это право убежища по требованию королевской власти не распространялось на дела о государственной измене³⁵.

Характеризуя религиозную ситуацию в Англии накануне Реформации, А.Дж. Диккенс, таким образом, утверждал, что к этому времени позднесредневековая церковь в Англии не удовлетворяла духовным потребностям времени, в английском обществе существовало недовольство состоянием церкви в стране, находившее выражение в лоллардистской ереси, которую никак не могли искоренить церковные власти. В английском обществе, по мнению А.Дж. Диккенса, появились также антиклерикальные настроения, в первую очередь в среде торговцев и ремесленников, находившие сочувствие и поддержку у знати и королевской власти. По этим причинам протестантские идейные влияния с европейского континента нашли заинтересованный отклик у религиозно активных и сознательных англичан. Ранние английские протестанты ещё в 1520-е гг. откликнулись на развитие реформационных процессов на континенте, так что политическая Реформация, начатая Генрихом VIII в 1530-е гг., как утверждает А.Дж. Диккенс, была подготовлена к этому времени самим текущим историческим развитием Англии.

1.4. А.Дж. Диккенс о развитии Реформации в Англии в правление Генриха VIII в 1530–40-е гг.

По мнению А.Дж. Диккенса, действия Генриха VIII на рубеже 1520—30-х гг., направленные на разрыв с Римом, сочувственно воспринимались политически активной частью нации. На заседаниях реформационного парламента в ноябре 1529 г. в палате общин, выражавшей интересы джентри и купеческих олигархий, сразу зазвучали претензии к духовенству³⁶.

³⁵ Ibid. — P. 127—130.

³⁶ Ibid. — P. 138—140.

Генрих VIII, как обратил внимание А.Дж. Диккенс, использовал в начале заседаний реформационного парламента в своих целях пропагандистские выступления юриста Кристофера Сент-Джермена (р. 1460). В них нашла концентрированное воплощение давняя ненависть юристов общего права в отношении церковной юрисдикции. К. Сент-Джермен отстаивал приоритет светской власти над духовной, подчёркивал необходимость согласия парламента для того, чтобы в Англии совершался процесс законотворчества. Парламент, как считал К. Сент-Джермен, должен был ведать вопросами, касавшимися собственности, товаров и денег. С другой стороны, выступления К. Сент-Джермена ещё не предполагали нападков на папство и притязаний на то, что церковная юрисдикция в Англии принадлежит короне³⁷.

А.Дж. Диккенс проанализировал тактику борьбы королевской власти с церковью. Деятельность реформационного парламента, как отмечал А.Дж. Диккенс, привела к политическому падению кардинала Уолси, против которого было выдвинуто обвинение по статуту *praemunire*. Королевское недовольство в отношении Уолси было связано ещё и с тем, что он, будучи папским легатом в Англии, не сумел договориться о разводе Генриха VIII и Екатерины Арагонской с Римом. Генрих VIII позволил парламенту начать новую церковную политику. Были приняты меры, которые, однако, ещё не были направлены на разрыв с папством: плата за похоронные обряды и утверждение завещаний теперь регулировалась в соответствии с размерами имущества плательщика, ограничивались плюралитеты (совмещение нескольких должностей в церкви — В.Е.), священникам, имевшим бенефиции, запрещалось принимать в свое ведение часовни, духовным лицам запрещалось заниматься торговлей. Низшие духовные лица лишались привилегии духовенства на освобождение от светского суда. Затем парламент обвинил церковь Англии в целом в том, что она осуществляла церковную юрисдикцию вразрез с королевскими статутами *praemunire*. Конвокация (высший орган управления в церкви Англии) в январе 1531 г. решила откупиться от короля, и южная церковная провинция предложила заплатить ему 100 тыс. фунтов, а северная — 18840 фунтов, но когда духовенство попросило точно определить, что духовным лицам запрещено по статуту *praemunire*, король отказался это сделать, желая, чтобы неопределенная и туманная угроза продолжала висеть над духовенством. В феврале 1531 г. король впервые предложил церкви признать за ним титул «Протектор и верховный глава английской церкви и духовенства», а духовенство хотело прибавить к этому фразу «насколько это позволяет Христос»³⁸.

В осмыслении Генрихом VIII своего развода с Екатериной Арагонской, как отмечал А.Дж. Диккенс, под влиянием чтения Библии королю поновому увиделся тот факт, что он женился на вдове своего брата Артура. В книге Левит Ветхого Завета есть фраза о проклятии в бездетности тому,

³⁷ Ibid. — P. 140—142.

³⁸ Ibid. — P. 149.

кто женится на жене брата, и Генрих VIII, считал А.Дж. Диккенс, стал воспринимать эту фразу на свой счёт³⁹.

По мнению А.Дж. Диккенса, значение королевского развода в истории Реформации в Англии всегда будет предметом споров. Протестантские писатели стремились преуменьшить место развода в истории английской Реформации и представить его как случайное совпадение во времени с Реформацией, а католики утверждали, что, если бы не развод, Англия могла бы остаться католической страной. Но, как писал А.Дж. Диккенс, не развод создал протестантизм, антипапские и антиклерикальные силы в Англии, начавшие укореняться в обществе и осознавшие привлекательность протестантизма, в том числе для правящих классов. Атмосфера в отношениях между церковью и светскими лицами в Англии, в трактовке А.Дж. Диккенса, заметно накалялась с начала XVI в. в связи с ростом грамотности, интеллектуальной самостоятельности мирян, увеличением их богатства и политического влияния. Светским лицам досаждала масса дел по вопросам о завещаниях и высокая плата за их утверждение в церковных судах, необходимость уплачивать десятину. Возникновению недовольства церковью и началу Реформации в Англии способствовали, как считал А.Дж. Диккенс, гуманистическая критика Библии, насмешки Эразма Роттердамского над духовенством, упадок авторитета римской курии, сохранение лоллардизма, антиклерикализм юристов общего права, скандал с убийством Ричарда Ганна, роскошная жизнь и притязания на влияние в стране папского легата Томаса Уолси, так что разрыв с папством, проводил свою мысль А.Дж. Диккенс, был обусловлен не только разводом Генриха VIII. Все эти явления, по мнению Диккенса, не сами по себе привели к Реформации, но Англия всё же, как он считал, была на пороге того или иного преобразования отношений с Римом, и это же касалось форм взаимоотношений государства и церкви внутри страны. Генрих VIII поначалу не желал Реформации и не осознавал, каким мощным инструментом может быть антиклерикализм его подданных. Действуя в соответствии со своими интересами, Генрих VIII придал Реформации в Англии уникальный характер. Если бы даже ситуация на престоле в Англии складывалась благоприятно для католицизма, в Европе в XVI в. с формированием национальных государств нарастал национализм, в связи с чем А.Дж. Диккенс не мог себе представить Англию, по крайней мере, к концу XVI в., как страну, послушную папской курии. В таких утверждениях проявилась прямо-таки вера А.Дж. Диккенса как либерального историка в необходимость Реформации в Англии⁴⁰.

А.Дж. Диккенс проанализировал также роль Томаса Кромвеля в начальный период истории Реформации в Англии. По своему мировоззрению и опыту Кромвель и его последователи были юристами общего права, стремившимися действовать через парламент. С 1512 г. Кромвель жил в Лондоне и изучал право, работал в окружении Уолси, а 1524 г. организовал передачу имущества 29 мелких монастырей для основания колледжей

³⁹ Ibid. — P. 152.

⁴⁰ Ibid. — P. 154.

в Оксфорде и Ипсвиче — т.е. у Кромвеля был опыт в обращении с монастырским имуществом. После падения Уолси Кромвель сумел остаться на виду, и уже в 1531 г. занимал пост канцлера казначейства, а в 1534 г. был назначен главным королевским секретарём и сумел превратить эту должность в «должность министра по всем делам». В деятельности Кромвеля при проведении реформ проблемы церкви, государства и общества в целом были тесно взаимосвязаны. По оценке А. Дж. Диккенса, в 1532—1540 гг. реализовывалась целостная программа мероприятий. Подчиняя церковь, Кромвель в то же время ограничивал её феодальные свободы и права предоставления убежища, усовершенствовал порядок управления в Уэльсе и на севере Англии. Реформационный парламент за время деятельности Кромвеля принял около 70 статутов по социально-экономическим вопросам и 37 статутов, реформировавших уголовное и гражданское право. При посредстве парламента Кромвель решил обострившиеся проблемы раннетюдоровского общества и придал английскому обществу новую форму равновесия, которая, как считал А. Дж. Диккенс, «выдержала напряжение и проявления фанатизма, некомпетентности в управлении страной в десятилетия после падения Томаса Кромвеля». Эта система управления страной, как считал А. Дж. Диккенс, испытавший в этом вопросе влияние работ Дж. Элтона⁴¹, даже пережила династию Тюдоров⁴².

В результате деятельности Кромвеля после выдвигания документа «Мольба общин против служащих церковных судов» (*The Supplication of the Commons against the Ordinaries*) была ликвидирована законодательная самостоятельность церкви Англии. Церковь в начале 1532 г. пыталась разработать собственную программу реформ, но многие светские лица, видимо, отмечал А. Дж. Диккенс, уже не хотели, чтобы церковь сама восстанавливала бы свой престиж. 15 мая 1532 г. конвокация уступила всем королевским требованиям, приняв документ под названием «Подчинение духовенства» (*The Submission of the Clergy*). 16 мая 1532 г. подал в отставку с поста лорда-канцлера Томас Мор, и его заменил Томас Одли, спикер парламента. Палата общин стремилась вообще упразднить церковную юрисдикцию, но это не входило в планы короля, который, считал А. Дж. Диккенс, манипулировал антиклерикальными настроениями в обществе⁴³.

В августе 1532 г. умер архиепископ Кентерберийский Уорхэм, и король принял решение, что английские епископы будут вступать в должность без одобрительной буллы папы, если он её не пришлет. В начале 1533 г., тем не менее, в Риме согласились на посвящение в сан архиепископа Кентерберийского выдвигенца Генриха VIII Томаса Кранмера. В 1533 г. был

⁴¹ *Elton G.R. England under the Tudors.* — London, 1978; *Idem. Policy and Police: The Enforcement of the Reformation in the Age of Thomas Cromwell.* — Cambridge, 1972; *Idem. Studies in Tudor and Stuart Politics and Government.* — Cambridge, 1974. — Vol. 1—2; *Idem. Reform and Reformation England, 1509—1558.* — Cambridge (Mass.), 1979; *Idem. Reformation Europe 1517—1559.* — London-Glasgow, 1963; *Idem. The Tudor Revolution in Government. Administrative Changes in the Reign of Henry VIII.* — Cambridge, 1953.

⁴² *Dickens A.G. The English Reformation.* — London and Glasgow, 1973. — P. 159—161.

⁴³ *Ibid.* — P. 162—164.

также издан Акт об ограничении апелляций духовных лиц в Рим, в котором Англия именовалась суверенной «империей»⁴⁴.

В 1534 г. были приняты Акт об отмене аннатов, Акт о диспенсациях, Акт о подчинении духовенства, и процесс выхода церкви Англии из папской юрисдикции увенчало издание Акта о королевском верховенстве в церкви, в результате чего все платежи в Рим прекратились. В январе 1535 г. король назначил Томаса Кромвеля своим наместником (*vice-gent*) в церковных делах, генеральным викарием и специальным комиссаром⁴⁵. Законодательные новации Генриха VIII, считал А.Дж. Диккенс, породили две тенденции в понимании отношений церкви и светской власти: с одной стороны, король в церковной политике иногда действовал только через конвокацию, а, с другой стороны, проявилась тенденция считать парламент высшей властной инстанцией и рассматривать парламентское статутное право в церковных делах как более значимое по сравнению с каноническим правом⁴⁶.

Кромвель также организовал составление переписи *Valor Ecclesiasticus* 1535 г. — детальной оценки всех доходов духовных лиц от уровня епархий до доходов викариев и часовен. Результаты этой переписи не полны по нескольким епархиям, но в целом это важнейший источник по экономической истории церкви при Тюдорах, опубликованный впоследствии в 6 томах⁴⁷. В результате корона стала получать от церкви ежегодный доход более 40 тыс. фунтов. До 1542 г. это было больше, чем доходы от земельных владений короны, принадлежавших ей до диссолюции монастырей⁴⁸.

А.Дж. Диккенс высказал также свое мнение о характере восстаний на севере Англии в 1536—37 гг. и о влиянии на них религиозного фактора. Он считал, что на севере в 1536—37 годах фактически произошли четыре разных восстания: 1) восстание в Линкольншире 1—12 октября 1536 г.; 2) восстание, которое рассматривают как основную часть «Благодатного паломничества» во главе с Робертом Аском, захватившее Йоркшир, Ланкашир и северо-восточные графства и продолжавшееся с 9 октября по 5 декабря 1536 г.; 3) одновременно развернулся бунт в Камберленде и Уэстморленде, вторично разгоревшийся в январе 1537 г., который произошёл по социально-экономическим причинам, практически не имевшим отношения к какому-либо аспекту Реформации; 4) второе восстание в Йоркшире под предводительством сэра Фрэнсиса Бигода, который был не католиком, а ярым протестантом, критиком монастырей: он поднял в январе 1537 г. своих арендаторов и соседей не для противостояния Реформации, а из-за опасений королевского возмездия. В Линкольнширском восстании участники протестовали против сбора субсидии для короля и были возбуждены слухами о том, что король, наряду с закрытием мелких монастырей, якобы собирается ещё закрыть также и приходские

⁴⁴ *Ibid.* — P. 167.

⁴⁵ *Ibid.* — P. 169.

⁴⁶ *Ibid.* — P. 172.

⁴⁷ *Valor Ecclesiasticus* / Ed. J. Caley and J. Hunter. — London, 1810—1834. — Vol. 1—6.

⁴⁸ *Dickens A.G. The English Reformation.* — London and Glasgow, 1973. — P. 173.

церкви, конфисковав их утварь. Против королевского верховенства в церкви как такового восставшие в Линкольншире не выступали⁴⁹.

Многие участники «Благодатного паломничества» были управляющими в монастырских хозяйствах, слугами рода Перси, и были недовольны тем, что бездетный брат сэра Томаса Перси, шестой граф Нортумберленд, завещал свои поместья королю. Они опасались, что земли в результате диссолюции уйдут к южным лордам, а не местным жителям. На момент восстания были распущены только 15 монастырей в Йоркшире, но толпа, участвовавшая в восстании, неоднозначно вела себя по отношению к монахам, и большинство монахов старались держаться подальше от восставших. Народная масса на севере, считал А.Дж. Диккенс, была непросвещённой и консервативной, но этот консерватизм имел также и оттенок антиклерикализма, хотя местные священники многим сумели внушить отвращение к новшествам как к ереси. Руководители восстания даже в итоге согласились, что король может сохранить за собой титул «Главы церкви», но без права совершать духовные церемонии и проводить визитации⁵⁰.

В народных восстаниях, отмечал А.Дж. Диккенс, обычно всегда присутствовала масса иррациональных элементов, и это надо учитывать также в «Благодатном паломничестве». Движение было разнородным, и его нельзя рассматривать как выступление в пользу восстановления прежней церкви и монастырей и за изгнание еретиков низкого социального происхождения. Как считал А.Дж. Диккенс, корни движения были определённно экономические по характеру, и требования носили преимущественно светский характер, Римом восставшие почти не интересовались. Подавили это восстание не купцы-протестанты, а высшая северная знать, которая была враждебно настроена по отношению к протестантизму, но в её сознании возобладало стремление вернуть стабильность: англичане, считал А.Дж. Диккенс, были «неспособны вести настоящие религиозные войны»⁵¹.

После 1534 г. король согласился с необходимостью иметь Библию на английском языке, в результате чего появилось несколько переводов Библии. В 1538 г. Кромвель отправил епископам циркулярное письмо, где обязал их увещевать мирян в необходимости чтения Библии, и установить в епархии дату, к которой каждый приходский священник должен будет обеспечить открытый доступ к Библии в своём приходе, но это требование выполнялось медленно в основном из-за нехватки средств. А.Дж. Диккенс проанализировал уровень исполнения всех появившихся в начале английской Реформации переводов Библии. Целью Кромвеля, считал А.Дж. Диккенс, было стремление к тому, чтобы в обществе появилась достаточная группа светских лиц, которые бы знали Писание и могли быть основой упорядоченного христианского протестантского сообщества⁵².

В первоначальном варианте реформы церковных имуществ, который, как отмечал А.Дж. Диккенс, сохранился в Государственном архиве Вели-

⁴⁹ Ibid. — P. 177—178.

⁵⁰ Ibid. — P. 179.

⁵¹ Ibid. — P. 180.

⁵² Ibid. — P. 184—192.

Кромвель планировал передать земли епископов короне, а самих епископов посадить на жалованье, и король должен был получать аннаты и половину доходов соборов и университетских церквей. Но в итоге решили взять землю у монастырей: у них были обширные земельные владения, сговорчивые настоятели, множество критиков в парламентских кругах и среди белого духовенства. По его мнению, «при грабеже монастырей вся нация превратилась в сторонников короля, но открыто заявить о том, что король нуждается в средствах, было нельзя, поэтому нужно было говорить о плохой дисциплине в монастырях и об их неэффективности»⁵³.

А.Дж. Диккенс считал, что в 1536 г. планировалось закрытие только мелких монастырей, и правительство не предполагало, что вскоре будут закрыты ещё и крупные монастыри, поскольку во введении к Акту о диссолюции говорилось о том, что в больших монастырях сохраняется дисциплина. По Акту 1536 г. закрывались монастыри с годовым доходом менее 200 фунтов. Таких монастырей было 304, но 67 из них получили освобождение от закрытия. Монахи могли быть переведены в другой монастырь или получали разрешение оставить монашескую жизнь. По 1536—37 г. есть данные, что 975 монахов решили уйти в светскую жизнь, не дожидаясь пенсий, но некоторые из них получили бенефиции и стали священниками. С 1537 г. настоятели монастырей начали передавать их королю, и окончательный Акт о диссолюции 1539 г. оформил юридически право короля на земли монастырей⁵⁴.

В апреле 1536 г. Кромвель создал Суд приращений (Court of Augmentations), чтобы заниматься бывшими монастырскими землями и их доходами. К 1544 г. доходы этого ведомства достигли 253292 фунтов в год, но после казни Кромвеля в июне 1540 г. оно стало приходить в упадок, и в 1553—54 гг. было включено в казначейство. Монастырские земли, отмечал А.Дж. Диккенс, по преимуществу раскупили люди, имевшие репутацию католиков, а не протестантов. Настоятели монастырей после диссолюции, как он показал, были хорошо обеспечены в материальном отношении. Целый ряд из них впоследствии стал епископами, деканами. Простой монах получал пенсию 5—6 фунтов в год — это была зарплата неквалифицированного ремесленника или бедного священника. Свыше 1 тыс. монахов пенсий не получили⁵⁵.

Согласно *Valor Ecclesiasticus*, валовой доход включенных в опись монастырей составлял 161853 фунтов в год, чистый доход — 131361 фунтов. Последняя цифра более чем в три раза превосходила доход от королевских поместий накануне Реформации. В доходах монастырей около четверти валового дохода шло от десятин, поступлений от церковных приходов, апропрированных монастырями — при апроприации в приход назначался священник-монах как ректор, получавший большую десятину, и его обязывали найти священника-викария, получавшего малую десятину. Остальное

⁵³ Ibid. — P. 197—199.

⁵⁴ Ibid. — P. 201.

⁵⁵ Ibid. — P. 203—206.

составляли светские по характеру доходы от земель. Монастырям принадлежало по стране примерно 40% прав допуска священника в приход⁵⁶.

В результате диссолюции появились 6 новых епархий — Петерборо, Глостер, Оксфорд, Честер, Бристоль, Вестминстер, но последняя из них была ликвидирована в 1550 г. Были также созданы новые соборные капитулы: Ковентри, Рочестер, Винчестер, Эли, Дарем, Карлайл, Норидж. Был создан целый ряд школ при соборах, а ранее существовавшие школы при соборах получили новые материальные средства. В Оксфорде был основан колледж Крайст Черч, в Кембридже — Тринити Коледж. С 1540 г. в Кембридже и с 1546 г. в Оксфорде Генрих VIII учредил финансируемые монархом профессорские должности в богословии, медицине, гражданском праве, греческом и еврейском языке с годовыми жалованьями по 40 фунтов. Частные лица, приобретшие монастырские земли, тоже выделяли средства для школ, так что диссолюция, как считал А.Дж. Диккенс, имела определенные положительные последствия для развития образования в Англии⁵⁷.

По замыслу Томаса Кромвеля, земли монастырей, полученные в результате диссолюции, должны были стать для короля источником дохода, независимым от парламентских субсидий, что укрепило бы королевскую власть материально, но эти земли были розданы и распроданы. Если бы они остались у короны, считал А.Дж. Диккенс, «становление английской свободы было бы более медленным и болезненным» — королевская власть в меньшей мере зависела бы от парламентских субсидий. После диссолюции монастырей Генрих VIII сделал 1593 пожалования монастырской земли. В декабре 1539 г. король дал поручение продавать монастырские земли на 6 тыс. фунтов в год. Землю продавали по цене 20 годовых рент, и это была обычная цена земли на тот момент. До падения Кромвеля земли продали мало, а с 1543 по 1547 гг. продали две трети всей земли. Эти средства пошли на войну 1542—46 гг. с Шотландией и Францией, на что ушло более 2 млн. фунтов, так что король вынужден был продавать и другие земли. Горожане в это время создавали синдикаты для совместной покупки земли⁵⁸.

При пожалованиях монастырской земли духовные корпорации — деканы и собрания каноников — получили земли на 20 тыс. фунтов из всей пожалованной земли стоимостью 90 тыс. фунтов; 38 пэров — на 16 тыс. фунтов годового дохода; придворные — на 7 тыс. фунтов; должностные лица на королевской службе — на 14 тыс. фунтов; юристы — на 1,5 тыс.; промышленники — на 6 тыс.; на 23,5 тыс. фунтов — люди разного социального статуса, в основном джентри. Покупали монастырские земли главным образом представители всех групп джентри, младшие сыновья землевладельцев, йомены⁵⁹.

По мнению А.Дж. Диккенса, диссолюция не нанесла удара по социальным низам и не изменила коренным образом характера английского землевладения, но при этом, по его мнению, с диссолюцией связан подъем

⁵⁶ Ibid. — P. 208.

⁵⁷ Ibid. — P. 210.

⁵⁸ Ibid. — P. 211—217.

⁵⁹ Ibid. — P. 219.

джентри. Спор о джентри, начатый еще Джеймсом Гаррингтоном (1611—1677), как полагал А.Дж. Диккенс, никогда не может быть решен к всеобщему удовлетворению, хотя, по его мнению, для утверждений о подъеме джентри в широком смысле есть основания. В XVII в. наблюдался заметный подъём семей джентри в каждом графстве и подъём йоменов, питавший джентри. Феодальное, церковное общество в результате диссолюции стало превращаться в общество, в котором доминировало джентри, йомены, торговцы и ремесленники. Их средства стали вкладываться в сельское хозяйство, строительство домов в городах, в образование и благотворительность. Продажа монастырских земель в результате диссолюции увеличила возможности приобрести землю для младших сыновей, так что численность землевладельческих семей в Англии увеличилась, что способствовало экономическому развитию страны в целом. Расширение рынка земли, увеличение земельного капитала в результате диссолюции, по мнению А.Дж. Диккенса, были фактором с более мощным влиянием, чем «влияние позднепротестантской экономической теории на уже сложившуюся капиталистическую этику», так что А.Дж. Диккенс скептически относился к тезису М. Вебера о влиянии протестантской этики на «дух капитализма»⁶⁰.

А.Дж. Диккенс рассмотрел также роль Томаса Кранмера — архиепископа Кентерберийского в начальный период Реформации в Англии. В 1529—30 гг. Кранмер, который к этому времени был доктором богословия, сблизился с семьёй Болейн, так что на передний план среди возможных кандидатур для продвижения на высшие церковные должности его вывели, в трактовке Диккенса, личные связи. В 1532 г. во время поездки в Европу с посольством к Карлу V Кранмер женился на племяннице известного лютеранского богослова Андреаса Осияндера. Под влиянием Анны Болейн Генрих VIII сделал Кранмера архиепископом Кентерберийским, разрешил привезти в Англию жену. Характерной чертой взглядов Кранмера была его безусловная вера в монархию. Кранмер стал партнёром и единомышленником Томаса Кромвеля. При этом реформаторская партия Кромвеля-Кранмера находилась в недостаточно устойчивом положении, зависела от капризов короля и колебаний его внешней политики.

А.Дж. Диккенс рассмотрел также доктринальную эволюция церкви Англии после начала Реформации. 10 статей 1536 г., считал А. Дж. Диккенс, не следует рассматривать как возможное сближение с лютеранами — это продукт английских условий. Ранее в 1535 г. Кромвель послал своего представителя Эдварда Фокса для переговоров с немецкой Шмалькальденской лигой, в том числе о возможности вступления в неё Англии, на что лютеранские князья потребовали финансовой помощи и признания Аугсбургского вероисповедания, а Генрих VIII посчитал такие требования чрезмерными. В 10 статьях ещё объявлялось таинством покаяние и не отрицалось значение остальных католических таинств.

В июле 1537 г. епископы и богословы согласовали текст «Установления христианина» (*Institution of a Christian Man*), которое называли также «Кни-

⁶⁰ Ibid. — P. 229—231, 453—455.

гой епископов», где говорилось уже о семи таинствах (включая брак, конфирмацию, священство, соборование). Такое произведение выглядело вообще католическим по характеру, но отличалось от католической позиции тем, что воздерживалось от признания трансубстанциации в Евхаристии, признавало меньшими по значимости те таинства, которые не имели прообраза в Писании, и подчеркивало авторитет Писания, проблему оправдания, а также развивало идею о существовании всеобъемлющей церкви, состоявшей из свободных и равных национальных церквей. Но король не авторизовал эту книгу, советовал ее использовать лишь для наставления приходских священников, хотя книга, по мнению А.Дж. Диккенса, была сложна для них. Вместе с тем, как считал А.Дж. Диккенс, в проведении Реформации Генрих VIII по политическим причинам стремился идти своим путем и не копировать европейские образцы Реформации. С этим были связаны действия короля, выглядевшие как консервативные отступления от проведения Реформации, и такая консервативная стадия в ходе Реформации началась в 1539 г., выразившись в принятии Акта из шести статей. После Акта из шести статей 1539 г. Кранмер был вынужден отправить жену в Германию, хотя про неё и так шутили, что он «прячет её в сундуке». Смещение Кромвеля в июне 1540 г. было, как считал А.Дж. Диккенс, результатом происков консервативной группировки Норфолка-Гардинера⁶¹.

В демонстративной казни трёх протестантов и трёх католиков после казни Кромвеля в 1540 г. А.Дж. Диккенс предлагал видеть зачатки будущего *via media* англиканской церкви. О том, что церковь Англии должна идти средним путем между «католическими предрассудками и еретической распущенностью», говорил также сам Кромвель в одной из своих последних речей в парламенте 12 апреля 1540 г. Публицист Томас Старки, которого А.Дж. Диккенс рассматривал как одного из предшественников известного богослова конца XVI в. Ричарда Хукера, в своем памфлете «Увещание к народу» писал о том, какие беспорядки развернулись в Германии из-за вопросов, связанных не со спасением, а лишь с обрядами и церемониями. В Англии же, да и везде, считал Томас Старки, надо идти средним путем между позициями крайних традиционалистов и новаторов. Это неодобрение крайностей в религиозном реформаторстве сочеталось у англичан 1530—40-х гг., по мнению Дикенса, с глубоко укорененной ксенофобией, что и привело к очень осторожному подходу к событиям Реформации на континенте. При этом подчеркивалось, что национальная церковь должна опираться на Писание, что предполагало также стимулирование учёности духовенства и соответствовало интересам протестантов⁶².

Как утверждал А.Дж. Диккенс, Томас Старки первым распространил среди английских богословов идею лютеранина Филиппа Меланхтона об *adiaphora* — важную для последующей истории церкви Англии, согласно которой в управлении христианской церковью есть элементы, которые являются обязательными, и в то же время есть такие черты церковного

⁶¹ Ibid. — P. 233—247.

⁶² Ibid. — P. 249—250.

управления, которые сообразуются лишь с обстоятельствами данной страны, места и времени. Об *adiaphora* говорил ещё Лютер, а Меланхтон развил эту идею. Это мнение могло основываться на нескольких текстах из Св. Павла (например, Послание к Колоссянам 2:16—20, Первое Послание к Тимофею 4:1—5, Послание к Галатам 2:3—5, 5:13—15). Мнение, сходное с такой точкой зрения на *adiaphora*, высказывалось ранее в письме Августина Блаженного Януарию, и у либеральных богословов XV в. — Жерсона, Иоанна Везельского, Весселя Гансфорта⁶³. В англиканской церкви, воспринявшей эту идею, поэтому в дальнейшем смогли сосуществовать различавшиеся между собой идейные течения. Как отмечал А.Дж. Диккенс, в образе и деятельности Хью Латимера можно видеть прообраз будущей евангелической ветви (так называемой Низкой церкви) в церкви Англии, а в деятельности и взглядах Стивена Гардинера — будущую Высокую Церковь в англиканстве, имеющую внешне католические черты, существующие в протестантском контексте. Эти направления изначально спланивались государством. Даже Генрих VIII, считал А.Дж. Диккенс, при всей его капризности и жестокости, заслуживает своей деятельностью внимания в этом отношении, поскольку ему удавалось сочетать и использовать в деятельности государственного организма таких разных людей с отличавшимися взглядами⁶⁴. А.Дж. Диккенс, рассуждая об этих проблемах с либеральной точки зрения, считал, что и для ныне существующих христианских церквей плодотворно понятие *adiaphora*, утверждая также, что все теологические системы должны сохранять статус гипотезы и не быть обязывающими или официально рекомендованными⁶⁵.

Постепенность в темпе религиозных преобразований при Генрихе VIII — типично английская по духу, считал А.Дж. Диккенс. Церковь Англии вообще не отличалась святыми, мистиками, аскетами: по его словам, «англичане избегали и вершин, и бездн католицизма и протестантизма». Церковь Англии стремилась создать условия для того, чтобы средний христианин исповедовал достаточно прочувствованно христианскую веру, но не до таких глубин, чтобы уходить от светской жизни. При этом с 1538 г. архиепископ Кентерберийский Кранмер думал о введении молитвенника на английском языке, и А.Дж. Диккенс полагал, что Генрих VIII был в курсе этих планов. В начальный период Реформации англичане нащупывали свой собственный путь в её проведении, подходивший под стремящийся к равновесию английский характер, а также действовали под влиянием патриотического недоверия к иностранным образцам. Становление англиканства, считал А.Дж. Диккенс, начиналось уже в религиозной политике 1530-х гг., а не при Эдуарде VI и не при Елизавете⁶⁶.

В 1543 г. из «Книги епископов» был подготовлен документ под названием «Необходимая доктрина и эрудиция христианина», написанный Томасом Кранмером с участием нескольких епископов. Здесь признавалась

⁶³ Ibid. — P. 117.

⁶⁴ Ibid. — P. 251.

⁶⁵ Ibid. — P. 426.

⁶⁶ Ibid. — P. 252.

трансубстанциация, не делалось различий между таинствами, объявлялось «вредным и дьявольским» причастие под обоими видами. Мессы за умерших признавались, но при этом появилась формулировка, что месса совершается за всю общину, и никто не может иметь исключительное право на благотворное действие мессы именно для себя, и осуждалось злоупотребление чистилищем, вина за которое возлагалась на папство. При этом римско-католическая церковь лишалась претензий на универсальность, а папство лишалось права на власть над христианскими церквями. Велась полемика с учением Лютера об оправдании верой, признавалась свобода воли. Этот документ был авторизован королем, который снабдил его своим предисловием, так что он стал называться «Книга короля». А.Дж. Диккенс называл эту книгу «самым значительным памятником эксперименту с англо-католицизмом»⁶⁷.

У наиболее известных английских религиозных реформаторов также, как полагал А.Дж. Диккенс, формировались собственные богословские взгляды, которые не следует считать механическим заимствованием идей европейской Реформации. У Томаса Кранмера и Николаса Ридли складывалось свое понимание Евхаристии. Ридли утверждал, что на его взгляды повлияла работа «De Corpore et Sanguine Domini» бенедиктинца Ратрамна (Ратрамнуса) Корбийского, жившего в IX в. В ней говорилось о духовном, а не о телесном присутствии Христа в Евхаристии: внешне мы потребляем освященные элементы, внутренне же — Тело Христово. К этим взглядам Кранмер пришел в 1546—48 гг. Исследователи видели в них близость к цвинглианскому символизму, или особую позицию, своего рода *via media*, в отличие от доктрин о Евхаристии, выдвинутых другими европейскими реформаторами. Затем польский реформатор Иоанн А'Ляско повлиял на Кранмера в цвинглианском направлении, но потом Кранмер вернулся ко взглядам Ратрамнуса, в которые Кранмер был обращен Николасом Ридли⁶⁸.

В последние годы правления Генриха VIII, как отмечал А.Дж. Диккенс, в качестве свидетельства начавшегося в народном религиозном сознании распространения протестантских идей можно рассматривать проявившуюся тенденцию не упоминать в завещаниях Деву Марию и святых, а только Христа. Это протестантское идейное влияние, которое, хотя и нельзя подтвердить сплошным статистическим наблюдением, как представлялось А.Дж. Диккенсу, можно считать свидетельством распространения в Англии протестантских идей. Он придерживался мнения, что протестантизация Англии уже началась в правление Генриха VIII⁶⁹.

⁶⁷ Ibid. — P. 256—257.

⁶⁸ Ibid. — P. 259—260.

⁶⁹ Ibid. — P. 266.

1.5. А.Дж. Диккенс о религиозно-политической ситуации в Англии в правление Эдуарда VI и Марии Тюдор.

А.Дж. Диккенс придерживался мнения, что ход Реформации в Англии сильно зависел от конкретных политических обстоятельств и воли монарха. 26 декабря 1546 г. умиравший Генрих VIII назначил регентский совет из 16 человек. Практически все они были новыми людьми с протестантскими взглядами, среди которых доминировала группировка Сеймуров. Власть захватил Эдвард Сеймур, граф Гертфорд, ставший лордом-протектором. Гертфорд, как утверждает А.Дж. Диккенс, затаил с объявлением о смерти короля Генриха VIII, о чём было сообщено лишь 31 января — через четыре дня после кончины монарха, и взял под контроль девятилетнего наследника престола Эдуарда VI. Сомерсет установил контакты с Кальвином, который побуждал его реформировать церковь Англии по Женевскому образцу, но лорд-протектор сохранял постепенность в темпе проведения религиозных преобразований. Летом 1548 г. была проведена новая перепись церковного имущества, материалы которой хранятся в Государственном архиве Великобритании⁷⁰.

Сомерсет, как считал А.Дж. Диккенс, столкнулся с двумя крупными проблемами: аграрными беспорядками и осложнившимися отношениями с Шотландией, но продолжал разворачивать планы дальнейшей секуляризации церковного имущества и реформы литургии. И всё же из-за внутриполитических трудностей в Англии встал вопрос о выживании Сомерсета, в результате чего летом 1549 г. Сомерсет был вынужден передать власть Джону Дадли, графу Уорику, чтобы он подавил волнения в стране с помощью военной силы, а в октябре 1549 г. был отправлен в Тауэр⁷¹.

К этому времени протестантская группировка Сомерсета решила конфисковать имущество часовен, поскольку оно использовалось для совершения служб за ускорение прохождения душ через чистилище, и был принят Акт о ликвидации часовен. В результате секуляризации, проведенной Сомерсетом, были конфисковано, по подсчетам современников, имущество 2374 часовен, 90 религиозных коллегий и 110 больниц, которое быстро распродалось. В целом, как отмечал А.Дж. Диккенс, связанная с часовнями сфера традиционных религиозных верований находилась в упадке, как и многие благотворительные заведения, больницы, основанные на средствах от завещаний⁷².

В Акте о ликвидации часовен говорилось о том, что конфискованные средства должны пойти на нужды образования и помощь бедным, но, как считал А.Дж. Диккенс, это не реализовалось. По Акту о часовнях предполагалась также ликвидация религиозных братств. Там, где при часовнях существовали школы, они были сохранены. А.Дж. Диккенс придерживался мнения, что ликвидация часовен не нанесла урона английским

⁷⁰ Ibid. — P. 271—285.

⁷¹ Ibid. — P. 284.

⁷² Ibid. — P. 287—291.

школам того времени, но при этом утверждал, что ликвидация часовен внесла определённый вклад в моральное разложение английского общества, так как создавала атмосферу, в которой стремились пожить все те, кто мог ухватить хотя бы часть этого имущества. Это морально повредило восприятию протестантизма англичанами при Эдуарде VI, поскольку протестантизация страны порождала ассоциации с грабежом.

Но, вместе с тем, происходили также изменения в доктрине и литургии. К маю 1548 г. были запрещены церемонии со свечами на Сретение, пепел (ashes) в среду на первой неделе Великого поста (в католической церкви Великий пост начинается со среды, называемой «пепельной», вследствие обычая посыпать пеплом голову при богослужении, введенного папой Григорием Великим (590—604), вербы в Вербное воскресенье, подползание к распятию в Страстную Пятницу, использование освященной воды и хлеба, и от имени Тайного совета было запрещено использование всех образов. Несмотря на возражения консерваторов, самыми известными из которых были епископы Гардинер и Боннер, новая английская форма литургии была утверждена обеими палатами парламента и вступила в действие как единственная законная форма организации службы 9 июня 1549 г. на Троицу⁷³.

Как считал А.Дж. Диккенс, богословы церкви Англии всё в большей степени шли своим путем в проведении Реформации. В толковании Евхаристии Кранмер и его единомышленники стали прямо ссылаться на авторитет патристики и «не выглядели почтительными учениками Виттенберга, фактически отвергая лютеранскую доктрину консубстанции» (вездесущности освящённого тела Христа). Введённый в 1549 г. в использование новый молитвенник церкви Англии прямо не отвергал католическую доктрину, и в то же время мог толковаться вполне в протестантском смысле. Существовавший Канон по-прежнему включал в себя заупокойную молитву, почитание Девы Марии и других святых, на усмотрение священника оставалось использование устной исповеди. Было отменено миропомазание при конфирмации, но сохранено при крещении, сохранено соборование при посещении больных. С апреля 1550 г. алтари в церквях стали заменяться столами для причастия⁷⁴.

Религиозные преобразования, отмечал А.Дж. Диккенс, были частью происходившей в стране политической борьбы. Оттесняя Сомерсета от власти, граф Уорик, Джон Дадли беспринципно маневрировал и заручился поддержкой сторонников католицизма (Томас Райотсли, граф Саутгемптон, граф Эрандел, сэр Ричард Саутвелл), обещая консерваторам пересмотреть религиозную политику. Архиепископ Кентерберийский Кранмер тоже поддержал Уорика, и 14 октября 1549 г. Сомерсет был отправлен в Тауэр. Затем 6 февраля 1550 г. его выпустили, а своих католических сторонников Уорик лишил влияния, держал в тюрьме, под домашним арестом. В октябре 1551 г. Уорик сделал себя герцогом Нортумберлендским. Он ввёл в управлении страной должность лорда-лейтенанта по графствам. Страна

⁷³ Ibid. — P. 291—302.

⁷⁴ Ibid. — P. 303—307.

была в сложном финансовом положении. Находившийся на свободе Сомерсет вербовал сторонников, и могло случиться так, что Сомерсета восстановили бы в должности лорда-протектора. Против Сомерсета и его сторонников Уорик выдвинул обвинение в государственной измене. Король Эдуард VI отдал приказ о суде над Сомерсетом, а Уорик изменил формулировку в королевском указе вместо ареста на приказ казнить Сомерсета, чтобы успеть расправиться с ним до того, как соберётся парламент 23 января 1552 г., и 22 января 1552 г. Сомерсет был казнён⁷⁵.

Как отмечал А.Дж. Диккенс, к 1550 г. определённое влияние на английскую Реформацию оказал также анабаптизм. А.Дж. Диккенс называл анабаптистов «пионерами либерализации в истории западной цивилизации», но в то же время подчёркивал, что «эксцессы ранней истории анабаптизма затормозили рост религиозной свободы в странах, где развернулась Реформация». Среди анабаптистов было много разобщённых групп, неспособных выработать какую-либо общую линию. В целом идеи анабаптистов, по оценке А. Дж. Диккенса, были «смесью заимствований из арианства, социнианства, пелагианства, манихейства, докетизма, милленаризма, мистицизма и коммунизма, и ещё массы всего — от пацифизма до многоженства». С 1552 г. в графстве Кент обнаруживались следы деятельности ответвления от анабаптизма — пантеистической и антиномианской секты «Семья любви», основанной Хендриком Никлаесом в Нидерландах. Влияние зарубежных протестантов на доктринальные и литургические реформы в Англии, как считал А.Дж. Диккенс, в целом не было значительным, но такой богослов, как Мартин Буцер, реформатор Страсбурга, всё же повлиял на развитие богословия в Кембридже во второй половине XVI в.⁷⁶

В феврале 1549 г. был издан статут о разрешении браков духовенства. По оценке А.Дж. Диккенса, после этого духовные лица получили возможность лучше организовать домашнее хозяйство, но не все категории духовенства имели для этого достаточные доходы. Ректоры, получавшие большую десятину, находились в наилучшем положении, а викарии, помощники приходского священника, обычно получавшие фиксированное содержание, имели гораздо более стеснённые материальные условия, их положение и далее ухудшалось — некоторые имели меньше средств, чем сельскохозяйственные наёмные рабочие. Размышляя о положении английского духовенства к концу XVI в. как результате влияния Реформации, А.Дж. Диккенс отмечал, что, взятое в целом, приходское духовенство, видимо, получало меньше, чем составляла бы достойная духовных лиц доля возраставшего национального богатства Англии, но духовенство при этом вступило в новую фазу возрастания его социального влияния, и в последующее время смогло численно пополнить английский средний класс, внесло также вклад в развитие духовной культуры Англии. Но традиционное общество не сразу восприняло эти явления: на севере Англии детей священников старухи даже во второй полови-

⁷⁵ Ibid. — P. 315—317.

⁷⁶ Ibid. — P. 325—328.

не XVI в. называли «телятами». Сама королева Елизавета унизительно отзывалась о жёнах священников и не желала, чтобы они появлялись в окрестностях соборов⁷⁷.

Как отмечал А.Дж. Диккенс, с 1550 г. можно обнаружить свидетельства активизации распространения в Англии идей европейской Реформации. В январе 1551 г. под влиянием мнений Мартина Буцера, приехавшего жить в Англию, начал обсуждаться проект нового молитвенника. А.Дж. Диккенс отстаивал мнение, что Кранмер и Ридли не собирались писать цвинглианский или кальвинистский молитвенник, намеренно не пользовались формой службы, уже практиковавшейся к этому времени в Англии в эмигрантских церквях, созданных протестантами, бежавшими с европейского континента, хотя на Кранмера, считал Диккенс, оказывала давление группировка радикальных протестантов Хупера-Нокса-А'Ляско, к которой прислушивались и в Тайном совете. Кранмер отказывался вставить в текст молитвенника будущую «чёрную рубрику» — об опускании на колени во время причастия, но она была вставлена от имени Тайного совета, поскольку радикальный реформатор Джон Нокс лично убедил в этом малолетнего короля Эдуарда VI во время придворной проповеди. В апреле 1552 г. парламент принял второй Акт о единообразии, где предписывалось использовать с 1 ноября 1552 г. новый молитвенник⁷⁸.

Томасом Кранмером велась также подготовка нового кодекса канонического права (*Reformatio Legum Ecclesiasticarum*), но она не была завершена. Долгую разработку нового кодекса канонического права, когда новый кодекс был сформулирован и принят только в 1604 г., А.Дж. Диккенс объяснял тем, что у канонического права было много противников, которые не хотели оживлять его путем реформ. При Нортумберленде всячески насаждалась идея о том, что укрепление дисциплины в церкви невозможно поручить самим епископам⁷⁹.

В правление Эдуарда VI протестанты успели также подготовить вероисповедное кредо церкви Англии — 42 статьи, которые Эдуард VI одобрил 12 июня 1553 г., менее чем за месяц до смерти. Исследователи обсуждали вопрос о том, в какой степени на доктрину церкви Англии повлиял кальвинизм. А.Дж. Диккенс считал, что статья XVII из 42 статей содержит самую жёсткую в кальвинизме супралапсаристскую позицию (супралапсаризм — точка зрения в кальвинистском богословии, согласно которому ещё до сотворения мира Бог предопределил одних людей к спасению, других — к гибели), хотя статьи II и XXX (XXXI в редакции 1571 г.) подразумевают, что Христос умер за всех, а не только за избранных. Взгляды самого Кальвина на спасение исследователи квалифицируют, скорее, как инфралапсаризм — мнение, согласно которому Бог принял решение относительно причисления тех или иных людей к спасенным или осужденным на гибель лишь после грехопадения Адама.

⁷⁷ Ibid. — P. 337—339.

⁷⁸ Ibid. — P. 340—342.

⁷⁹ Ibid. — P. 343.

А.Дж. Диккенс полагал, что англиканские статьи веры полемизируют с анабаптизмом, который в 1552 г. представлялся существенной угрозой. Нападки на анабаптизм, по его мнению, могут быть прослежены не менее чем в 18 статьях (II—IV, VI, VIII—X, XVIII, XIX, XXIV, XXXVI—XCII). Часто также встречается полемика с учением католической церкви. А.Дж. Диккенс считал, что позиция англиканской церкви действительно может быть названа «средней», но «средней» она является, по его мнению, между Римом и анабаптизмом, а не между Римом и кальвинизмом или между Римом и лютеранством. Некоторые статьи, особенно XI, где говорится об оправдании «одной только верой в Иисуса Христа», очень близки к «Аугсбургскому вероисповеданию» в лютеранстве. Учение о Евхаристии, по мнению А.Дж. Диккенса, намеренно было оставлено неопределённым (статья XXIX в 42 статьях и в 39 статьях статья XXVIII) в надежде таким способом не накалять споры. В статье есть мотив, согласно которому причастие действительно только для достойных, осуждается пресуществление и реальное присутствие, поскольку Тело Христа не может быть одновременно во многих местах, и утверждается, что таинство не предписывал соблюдать Сам Христос. В XIX в. английские богословы характеризовали эту статью от процвинглианской до «опровергающей ошибки Цвингли», но, считал А.Дж. Диккенс, статья больше напоминает компромисс между Кранмером и группировкой Хушера-Нокса, проводившей кальвинистские идеи. Но всё же, по мнению А.Дж. Диккенса, при чтении 42 статей «восхищение преобладает над эмоциями». Статьи содержали то, что было уже самым продуманным в протестантском богословии к середине XVI в., стремились принести необходимый в это время элемент стабильности в интеллектуальной и социальной сфере. Как писал А.Дж. Диккенс, «эти статьи в их сознательной попытке найти мудрый баланс между крайностями весьма неуравновешенного XVI в. представляются по характеру выражающими нечто очень английское по духу»⁸⁰.

Оценивая религиозное положение в Англии к концу правления Эдуарда VI, А.Дж. Диккенс писал, что в 1553 г. «большая часть нации не была ни страстными протестантами, ни сознательными католиками». Все яркие свидетельства распространения протестантизма в стране этих лет, отмечал А.Дж. Диккенс, происходят из Лондона и местности вокруг него. В последующем развитии политических событий в борьбе за престол Марию Тюдор привел к власти, по мнению А.Дж. Диккенса, сохранившийся в обществе принцип легитимизма, а не стремление населения страны к возрождению католицизма. К началу 1553 г. Нортумберленд становился всё более непопулярным, ухудшалось отношение к нему и со стороны лидеров протестантской партии. При этом Нортумберленд не хотел отказываться от власти, предвидя скорую кончину Эдуарда VI из-за болезни. 21 мая 1553 г., в соответствии с планами Нортумберленда, внучка Генриха VIII Джейн Грей вышла замуж за сына Нортумберленда Гилдфорда Дадли, и стали явными планы захвата короны родом Нортумберленда⁸¹.

⁸⁰ Ibid. — P. 345—349.

⁸¹ Ibid. — P. 351—352.

Ошибкой Нортумберленда А.Дж. Диккенс считает то, что он после смерти Эдуарда VI не смог взять под контроль Марию, и она выбралась из Лондона в Восточную Англию. Действия населения Восточной Англии, склонного к протестантизму, показали, что англичане предпочитали мир, единство и законное престолонаследие тому, «чтобы какие-либо религиозные энтузиасты развернули бы в стране по религиозным причинам гражданскую войну». Нортумберленд пугал народ будущей опасностью испанского влияния в случае восшествия на престол Марии, но всем было известно его собственное своекорыстие. Ходили даже слухи, что он отравил Эдуарда VI, которые разносились людьми самых разных позиций и убеждений, но эти предположения, считал А.Дж. Диккенс, не имеют реальных оснований, и «Нортумберленд при его непопулярности должен был бы скорее молиться за здоровье Эдуарда VI». Нортумберленд сделал также еще одну ошибку — оставил Тайный совет без присмотра в Лондоне и отправился на подавление движения, поддерживавшего Марию в Восточной Англии. В итоге 24 июля 1553 г. Нортумберленд был заключён в Тауэр. Протестанты в Лондоне во главе с епископом Лондонским Николасом Ридли пытались проповедовать идею о том, что Мария и Елизавета не могут занимать престол как незаконные дети Генриха VIII. Нортумберленд продолжал приносить вред делу Реформации тем, что перед казнью отрекся от протестантизма, призывал присутствующих избегать «ереси». Те, кто знал Нортумберленда, были уверены, что он надеется на помилование в последнюю минуту⁸².

По мнению А.Дж. Диккенса, после восшествия на престол Марии последствия протестантизации Англии уже были непреодолимы. В парламенте при Марии всегда сохранялась заметная протестантская группировка, которая была конформистской лишь внешне. Большая группа депутатов парламента, численно оцениваемая историками от одной четверти до одной трети от общей численности, голосовала против отмены законодательства Эдуарда VI по религиозному вопросу, и королевское верховенство в церкви не было сразу отменено. Из палаты общин к Марии была отправлена депутация, просившая её выйти замуж за англичанина. В начале правления Марии происходили вспышки протестантской агитации в Кенте и Эссексе, были случаи оскорбления католических священников, разрушения утвари в лондонских церквях. А.Дж. Диккенс отмечал, что Марии для укрепления своего влияния не хватало английского национального чувства: «Мария презирала то, что было английским в её происхождении». В январе 1554 г. была достигнута договоренность о браке Марии с Филиппом Испанским, и его отпраздновали в июле 1554 г. При этом против испанского брака выступали парламент, треть Тайного совета, даже консервативный епископ Гардинер⁸³.

А.Дж. Диккенс утверждал, что правление Марии не было спокойным: государственные документы этого времени, в его истолковании, «про-

⁸² Ibid. — P. 353—355.

⁸³ Ibid. — P. 356—357.

сто пропитаны сообщениями о недовольстве и волнениях в стране». Насчитывают три попытки поднять восстание против Марии: в Девоншире (организованное сэром Питером Кэрю), в Уэльсе и в пограничных районах Уэльса и Англии (во главе с Джеймсом Крофтом), в Мидленде во главе с герцогом Суффолком и его братьями лордом Джоном и Томасом Греем. Неудача этих попыток, считал А.Дж. Диккенс, была связана исключительно с неумелым руководством. В наиболее опасном для власти Марии восстании под предводительством Томаса Уайатта было более 4 тысяч участников. Главным мотивом выступала ненависть к испанцам, к восставшим примкнула лондонская милиция. Марию спасла, считал А.Дж. Диккенс, поддержка некоторых магнатов — Уильяма Герберта, графа Пемброка, Джона Рассела, графа Бедфорда, а также то, что в Лондоне не знали Томаса Уайатта. Из участников восстания Уайатта было казнено около 90 человек, причём почти все были бедными людьми⁸⁴.

Расстановка политических сил в Англии в правление Марии, считал А.Дж. Диккенс, складывалась под влиянием тех перемен в стране, которые произошли вследствие Реформации. В Тайном совете при Марии существовали две группировки: католические эрастианцы во главе с лордом Пэджетом и католические клерикалы во главе с Гардинером. Первая группировка не позволила вернуть церкви ранее конфискованные у неё земли и не хотела возвращения духовных лиц в палату лордов в парламенте⁸⁵.

В ноябре 1554 г. в качестве папского легата в Англию прибыл Реджинальд Поул, отпустивший англичанам грех схизмы. Парламент отменил всё антипапское законодательство, принятое с 1529 г., и были восстановлены законы против лоллардов. Четвертый парламент Марии (октябрь—декабрь 1555 г.) проявил оппозиционность, провалив попытку представить законопроект о конфискации доходов тех протестантов, которые бежали за рубеж⁸⁶.

4 февраля 1555 г. начались сожжения за ересь с казни переводчика Библии Джона Роджерса. Джон Фокс, писавший о преследованиях английских протестантов по горячим следам на рубеже 1550—60-х гг., винил в этих преследованиях Гардинера, а затем, после смерти Гардинера в ноябре 1555 г., главным зачинщиком стал, как он считал, ещё один консервативный епископ — Боннер. Обсуждая этот вопрос, А.Дж. Диккенс отводил большую роль в организации сожжений Реджинальду Поулу, а не другим иерархам. Боннер, отмечал Диккенс, был епископом Лондонским, и через него проходило много дел, рассматривавшихся другими епископами, Тайным советом. В Лондоне Боннер был на глазах у двора и не мог дать послаблений в борьбе с протестантами. А.Дж. Диккенс считал, что источники позволяют утверждать, что инициатором жестоких преследований протестантов была Мария. На неё могли влиять испанцы-доминиканцы из её окружения, исповедовавшие её и связанные с инквизицией:

⁸⁴ Ibid. — P. 357.

⁸⁵ Ibid. — P. 360.

⁸⁶ Ibid. — P. 361.

Бартоломео Карранца, Хуан де Виллагарсия, Педро де Сото, обсервант Альфонсо-и-Кастро, но испанцы скрывали свою роль в религиозных преследованиях во время пребывания в Англии⁸⁷.

Как считал А.Дж. Диккенс, наиболее полный список сожжённых, найденный среди бумаг государственного секретаря Уильяма Сесилия и впоследствии напечатанный английским церковным историком рубежа XVII—XVIII вв. Джоном Страйпом, включает 282 человека. Из них у Фокса упомянуты 275. Есть ещё несколько имен, упоминания о которых не встречаются у Фокса и в бумагах Сесилия. Сожжения концентрировались в юго-восточной Англии, что отражает и степень распространения здесь протестантизма, и то, что этот район власти специально контролировали. В Лондоне были сожжены 67 человек, в Миддлсексе — 11, Эссексе — 39, в Кенте — не менее 58, Суссексе — 23, Суффолке — 18, Норфолке — 14, Глостершире — 10, и меньшее количество в западных районах Англии, Уэльсе, а на северные графства приходится одно сожжение. Из числа сожжённых Фокс зафиксировал социальный статус 135 человек, в числе которых 5 епископов, 16 священников, 9 джентльменов и леди, 4 торговца, 26 ткачей и прядильщиков, 75 рабочих, занятых в сельском хозяйстве, а социальный статус остальных пострадавших неясен. Эти данные, по мнению А.Дж. Диккенса, не колеблют представление о том, что протестантизм был буржуазным движением, но в раннем протестантизме значительное количество его приверженцев происходило из высших и средних слоев английского общества. Характерной чертой группы пострадавших была высокая доля среди них женщин (более 50 по количеству) — главным образом бедные вдовы. Было много молодых людей — двадцатилетних и моложе. По материалам Фокса складывается впечатление, обнаруживаемое и по другим источникам, что протестантизм был привлекателен для подмастерьев и молодых ремесленников. Консервативные англиканские авторы утверждали, что две трети этих людей сожгли бы и в тех условиях, которые существовали в стране при Эдуарде VI, но А.Дж. Диккенс не соглашался с этим мнением: при Эдуарде VI сожгли только двоих религиозных экстремистов в течение шести лет. Из описаний взглядов сожженных не видно, чтобы их взгляды отличались бы от молитвенника 1552 г. или были радикальнее, чем взгляды Кранмера или Хупера⁸⁸. При мышлении, характерном для XVI в., мало кто отрицал в принципе возможность уголовного наказания за неортодоксальные религиозные взгляды. Некоторые из сожжённых (например, Филлот, Роджерс) сами допускали сожжение анабаптистов, которых жгли и в последующее время при Елизавете. Но таких масштабных сожжений, как при Марии, в истории Англии больше не было. Многие католики без удовольствия узнавали о сожжениях. Светские власти без рвения исполняли распоряжения о таких казнях. Толпа, бывало, даже демонстрировала сочувствие жертвам, особенно, если они были местными жителями⁸⁹.

⁸⁷ Ibid. — P. 362—363.

⁸⁸ Ibid. — P. 365.

⁸⁹ Ibid. — P. 366.

Преследования протестантов времени правления Марии, считал А.Дж. Диккенс, создали в ключевых для любого тюдоровского правительства районах — в Эссексе, Кенте, Лондоне — протестантский фанатизм, сохранявшийся в течение полутора столетий, поскольку «один вид экстремизма породил другой вид экстремизма». Самые известные протестанты-мученики при этом вели себя мужественно, сразу подняв моральный статус протестантизма в стране, сгладив негативный эффект от грабительской по отношению к церкви деятельности правительства Нортумберленда. Мужественное поведение человека в это время, отмечал А.Дж. Диккенс, «было необыкновенно заразительным». В английской национальной истории память о мучениках времён Марии, как считал А.Дж. Диккенс, пробуждала, с одной стороны, протестантский фанатизм, но также «имела и более творческие по характеру последствия — формировала независимость мировоззрения, уверенность в том, что будущее находится в ведении Бога, презрение к текущей моде и своё отношение к существующим общественным установлениям». Эти качества в дальнейшем вполне проявились у англичан во время революции середины XVII в.⁹⁰

А.Дж. Диккенс охарактеризовал разные формы оппозиционных по отношению к религиозной политике Марии Тюдор выступлений со стороны населения страны. Продолжали свою деятельность протестантские общины в Лондоне и Колчестере. Другие группы вряд ли можно назвать общинами, поскольку в них, по всей видимости, протестантское духовенство не проводило регулярных служб. В Суффолке, в Ланкашире записи о протестантских группах прослеживаются в епархиальных записях о ереси, так что, по мнению А.Дж. Диккенса, такие группы не были чем-то необычным в правление Марии. Наверняка были и не зафиксированные историками конгрегации, но во многих районах их организация была сопряжена с трудностями, поскольку нужны были протестантские священники, а местные приходские священники были не склонны к риску⁹¹.

Отношение к католицизму в стране, как отмечали современники, ухудшила потеря англичанами в январе 1558 г. порта Кале — опорного пункта на континенте. Последний год правления Марии отличался сильными бурями и наводнениями, распространением лихорадки с большой смертностью. За год умерло 13 епископов — католические иерархи были уже в преклонном возрасте. На момент смерти Марии 5 епархий были вакантными, до конца 1558 г. умерло ещё 5 епископов⁹².

А.Дж. Диккенс характеризовал также английскую протестантскую эмиграцию времени правления Марии. В числе эмигрантов по религиозным причинам, бежавших на континент во время правления Марии, исследователи выявили 788 имен. А.Дж. Диккенс называл эту группу «микрокосмом английского протестантского общественного мнения середины XVI в.». Среди эмигрантов, видимо, были и другие, менее известные лица. Из этих

⁹⁰ Ibid. — P. 368, 371.

⁹¹ Ibid. — P. 377—379.

⁹² Ibid. — P. 384—385.

выявленных эмигрантов известен социальный статус 472 мужчин. 166 человек принадлежали к джентри, 67 — к духовенству, 40 — к торговцам, 119 молодых людей называли себя студентами и готовились стать священниками, 32 были ремесленниками, 13 — слугами, 7 — печатниками⁹³.

Высказывались предположения о планомерности в организации отъезда эмигрантов, но, по мнению А.Дж. Диккенса, если рассмотреть неопределённость маршрута поездки у многих эмигрантов, резкие разногласия между ними в том, что нужно делать, «это не оставляет впечатления скоординированных политических действий, которыми бы кто-то руководил». В эмиграции на континенте были созданы 8 английских религиозных общин. Первые пять из них были созданы в Эмдене, Везеле, Франкфурте, Страсбурге, Цюрихе, а их ответвлениями стали общины в Базеле, Женеве Аару (к западу от Цюриха)⁹⁴.

В оценке публицистической деятельности английских эмигрантов-протестантов А.Дж. Диккенс считает важным опубликованный в Страсбурге епископом Джоном Понетом «Короткий трактат о политической власти» (1556) — первую книгу, в которой английские протестанты обсуждали вопрос об убийстве тирана, хотя автор в данном случае был представителем англиканской партии и противником кальвинизма. Знаменательно, что трактат Понета переиздавали в Англии в 1639 и 1642 гг.⁹⁵

Лучше всего документирована история английской франкфуртской эмигрантской общины в сочинении «Краткое рассуждение о бедах, начавшихся во Франкфурте» (1574—1575). Эту работу традиционно приписывали Уильяму Уиттингему, а сейчас думают, что она была составлена его постоянным соратником во всех делах Томасом Вудом. Происходившие во Франкфурте споры относительно обрядности и формы управления общиной оказали влияние на последующую историю протестантизма в Англии. Это был, по мнению А.Дж. Диккенса, конфликт между «пуританами, преданными молитвеннику, подготовленному при Томасе Кранмере, и пуританами, исповедовавшими кальвинизм женевского образца». В дальнейшем во франкфуртской общине происходили споры по вопросу о степени власти священника над общиной, и верх одержали сторонники точки зрения о подчинении священника общине. Как считал А.Дж. Диккенс, фактически это было началом английского конгрегационализма и индипендентства, поскольку община признавала себя самодостаточной в вопросах управления и не собиралась кому-либо подчиняться.

Англичане-эмигранты, отмечал А.Дж. Диккенс, так и не стали идейно сплоченной группой. Они все признавали авторитет Кальвина, но не все из них собирались моделировать английские церковные порядки по кальвинистскому образцу, поскольку многие из них были готовы принять не только сохранение в церкви епископата, но и значительной степени государственного контроля. Большинство эмигрантов, считал А.Дж.

⁹³ Ibid. — P. 386.

⁹⁴ Ibid. — P. 388—389.

⁹⁵ Ibid. — P. 391.

Диккенс, были патриотами, сохранившими приверженность формирувавшемуся англиканству, хотя они в эмиграции экспериментировали с более радикальными континентальными идеями⁹⁶.

Оценивая развитие реформационных процессов в Англии в 1547—1558 годах, А.Дж. Диккенс приходил к выводу, что правление Эдуарда VI (1547—1553) было грандиозным прорывом в ходе протестантизации Англии и важным этапом в укоренении протестантских идей в стране. Диккенс также развивал мнение о том, что официальное восстановление католицизма в Англии в правление Марии Тюдор (1553—1558) не прервало развитие английского протестантизма, и эти годы следует рассматривать как составную часть истории Реформации в Англии.

1.6. А.Дж. Диккенс об утверждении протестантизма в Англии и об исторических следствиях протестантизма для истории английского общества

А.Дж. Диккенс считал, что после восшествия на престол Елизаветы в 1558 г. творцами парламентского решения религиозного вопроса в 1559 г. и возврата Англии к протестантизму были не только Елизавета и государственный секретарь Уильям Сесиль, но и активная группа протестантов в палате общин. Парламент 1559 г., отмечал А.Дж. Диккенс, не был сформирован королевской властью путем пэкинга⁹⁷. При этом ни одна группа католиков не выступила в нижней палате парламента против протестантских активистов. В верхней палате только один светский пэр, лорд Монтагю, а также епископы упорно голосовали против перехода к протестантизму⁹⁸. В трактовке хода заседаний парламента 1559 г. А.Дж. Диккенс соглашался с мнением известного исследователя истории парламента времени правления Елизаветы Дж. Нила, активно работавшего в 1930—50-е гг.⁹⁹ Последующие исследователи внесли некоторые поправки, но, считал Диккенс, «представляется невероятным, что может еще появиться какая-то более удовлетворительная общая гипотеза». Записи, сохранившиеся от заседаний парламента 1559 г., очень кратки, и в них иногда трудно состыковать одну трактовку происходившего с другой¹⁰⁰.

Решение религиозного вопроса в более радикальном направлении ускорили, считал А.Дж. Диккенс, бывшие эмигранты, но не женеvские,

⁹⁶ Ibid. — P. 394—400.

⁹⁷ Пэкинг (packing) — понятие, которым английские историки называли действия королевской власти во время парламентских выборов, когда принимались специальные меры, чтобы обеспечить избрание в парламент тех, кто был угоден королевской власти.

⁹⁸ Dickens A.G. The English Reformation. — London and Glasgow, 1973. — P. 404—405.

⁹⁹ Neale J.E. Elizabeth I and her Parliaments, 1559—1581. — London, 1953; Idem. Elizabeth I and her Parliaments, 1584—1601. — London, 1957; Idem. The Elizabethan House of Commons. — London, 1950.

¹⁰⁰ Dickens A.G. The English Reformation. — London and Glasgow, 1973. — P. 406.

а те, что были близки по взглядам сохранявшему верность идеям Томаса Кранмера Ричарду Коксу, который стал епископом ещё в правление короля Эдуарда VI. Со времени малолетства Эдуарда VI в стране возросло влияние парламента, и депутаты всё так же стремились влиять на религиозную политику.

Бывшие эмигранты были достаточно представлены в парламенте в палате общин. Как отмечал А.Дж. Диккенс, полного списка депутатов нет, но известно, что 12 бывших эмигрантов были в нем определённо и четверо — вполне вероятно, а может быть, и больше, чем четверо. В дополнение к ним в парламент были избраны сторонники протестантизма, входившие даже в парламент Марии 1555 г. В итоге, считал А.Дж. Диккенс, по самым осторожным подсчетам, четверть из 404 депутатов нижней палаты были недовольны медленным темпом религиозных преобразований, предложенным правительством. Эта группа убеждённых протестантов потянула за собой ещё не определившееся в религиозном вопросе большинство. Возможно, их с осторожностью поощрял сам Уильям Сесиль. Первоначально же правительство, предполагал А.Дж. Диккенс, собиралось лишь ввести причастие под обоими видами для мирян, ко времени заседаний второго парламента лишит должностей епископов-католиков, всех известных сторонников католицизма, если они не принесут клятву о верности королевскому верховенству в церковных делах, принять протестантский молитвенник, очистить от католиков конвокацию. Законопроект был представлен 9 февраля 1559 г., но за время пребывания в комитете 21 февраля появился радикально переработанный законопроект по вопросу о религиозной реформе. В нём планировалось введение протестантской формы службы, и утверждались королевское верховенство в церкви и религиозное единообразие. Но этот законопроект сначала не прошёл через палату лордов. Далее к 22 марта через обе палаты прошёл билль о королевском верховенстве в церкви, и королева уже подумывала о том, чтобы распустить парламент до осени, но потом лишь отсрочила его заседания до 3 апреля. Затем, считал А.Дж. Диккенс, сказало также влияние внешнеполитического фактора: 19 марта 1559 г. пришли известия о том, что Франция заключила мирный договор в Като-Камбрези с Испанией и Англией. Обстановка в стране была спокойной, отпала угроза войны с Францией, и возобладало мнение, что не следует распускать парламент, не решив религиозный вопрос. Стало ясно, что назначенные при Марии епископы не будут сотрудничать с Елизаветой, и оставалось опираться только на тех, кто был привержен протестантизму. Приходское духовенство также было нежелательно надолго оставлять в неопределённости¹⁰¹.

За основу нового молитвенника был взят молитвенник 1552 г. В нём были сделаны изменения, которые были направлены на то, чтобы удовлетворить политические потребности и религиозные вкусы королевы. В трактовке Евхаристии были соединены слова из молитвенника 1549 г.

¹⁰¹ Ibid. — P. 407—409.

«Тело Господа нашего Иисуса Христа, Которое было отдано за тебя ...» со словами из молитвенника 1552 г. «Возьми и ешь это в воспоминание ...», что делало понимание Евхаристии неопределённым в доктринальном отношении для предотвращения религиозных споров. Из текста убрали «чёрную рубрику», предписывавшую опускание на колени при причастии¹⁰². По оценке А.Дж. Диккенса, Елизавета получила в 1559 г. при решении религиозного вопроса «практически всё, что было возможно, и, вероятно, больше, чем смогла бы добиться позднее в течение своего правления». Это законодательство «не было чьей-то однозначной победой, но оно было поражением для сторонников женевской системы церковного управления»¹⁰³.

В результате Реформации в Англии стало возрастать стремление светских лиц оказывать влияние на церковные дела. Кальвин своей системой церковного управления, дав право голоса в церковных делах светским лицам, как считал А.Дж. Диккенс, разрешил проблему антиклерикализма. Но при Елизавете, по мнению Диккенса, та энергия светских лиц, в результате которой развивалась Реформация, не получила желаемой ими степени воздействия на церковные дела — положение в церкви в принципиальных вопросах контролировалось короной. Влиятельные светские лица могли пытаться воздействовать на церковь лишь в палате общин, и это, считал А.Дж. Диккенс, «впоследствии вызвало напряжённость, которая чуть не уничтожила монархию и англиканскую церковь, но воспроизвести кальвинистскую модель церковного управления в монархической Англии было невозможно»¹⁰⁴.

Важную роль в укреплении английского протестантизма, как считал А.Дж. Диккенс, сыграл также успешный поход англичан в Шотландию, в результате которого в июле 1560 г. был заключён договор в Эдинбурге, в итоге из Шотландии были вытеснены французы, и контроль над страной перешел в руки протестантских лордов конгрегации, а также известных шотландских реформаторов Джона Нокса и Уильяма Мейтленда. Протестантизм в Англии и Шотландии, считает А.Дж. Диккенс, развивался во взаимном влиянии¹⁰⁵.

До появления работ Ричарда Хукера в конце 1590-х гг., по мнению А.Дж. Диккенса, «церковь Англии была не только протестантской, но и пуританской церковью». Женевская Библия, опубликованная в Женеве в апреле 1560 г. английским печатником Роулендом Холлом, до появления Авторизованной версии 1611 г. была издана примерно 60 изданиями, а её основной соперник, Епископская Библия 1568 г., только 15 изданиями. В 1611—1640 гг. вышли ещё 10 изданий женевской Библии. А.Дж. Диккенс объясняет этим сильно проявлявшийся кальвинистский компонент в англиканстве времени правления Елизаветы¹⁰⁶.

¹⁰² Ibid. — P. 413.

¹⁰³ Ibid. — P. 415—416.

¹⁰⁴ Ibid. — P. 277.

¹⁰⁵ Ibid. — P. 416—417.

¹⁰⁶ Ibid. — P. 393.

Оценивая положение в церкви Англии в 1558—1640 гг., А.Дж. Диккенс отмечал, что в это время церковь во многих отношениях хорошо приспособилась к условиям места и времени. Она проявила себя на фоне других протестантских церквей в Европе XVI в., как считал А.Дж. Диккенс, «не такой угнетающей и деспотической в социальном и интеллектуальном отношении, допускала значительные возможности для размышлений и практических экспериментов, не впала в монотонный пиетизм некоторых государственных протестантских церквей». Удовлетворяя общему требованию о необходимости в стране централизованной церковной структуры, которая совпадала бы в своих границах с границами нации, церковь Англии оставляла простор для возможности существования расхождений во взглядах в большей степени, чем в Риме или Женеве. Важно, что по мере проникновения протестантизма в отдалённые районы страны круг приверженцев церкви Англии явно расширялся. В значительной мере реформы распространялись благодаря пуританскому идеализму и активности, но по мере знакомства с епархиальными архивами становится видно, что и многие епископы работали на реформы и их укоренение¹⁰⁷.

Факторами, которые способствовали тому, что в Англии было принято протестантское решение церковного вопроса в 1559 г., были, по мнению А.Дж. Диккенса, «секуляристские настроения в обществе, относительное безразличие к религиозным вопросам, усталость от доктринальных споров, стремление к миру и безопасности в обществе». Трудно избавиться от впечатления, писал А.Дж. Диккенс, что стремление к спокойствию в обществе оказало примерно такое же влияние на утверждение протестантизма в стране, как и религиозные аргументы. В этом проявился, как он считал, также «инстинкт нации в стремлении к самосохранению». Во второй половине XVI в. стал развиваться процесс секуляризации английской культуры, происходили расширение и диверсификация интересов образованных мирян. И клирики, и светские лица стали интересоваться наукой, медициной, естественной историей, поэзией, генеалогией, историей, правом, социально-экономическими проблемами. Рост уровня культуры в среде светских лиц, полагал А.Дж. Диккенс, происходил во многом независимо от Реформации, и протестантское богословие уже просто не охватывало всю проблематику, интересовавшую образованного человека¹⁰⁸.

Утверждение протестантизма в Англии, отмечал А.Дж. Диккенс, способствовало удовлетворению амбиций и материальных интересов влиятельных светских лиц. Светские лица в результате Реформации смогли увеличить свои доходы за счёт церкви, наряду с диссолюцией монастырей, ещё и тем, что к 1603 г. в руках светских импроприаторов (владельцев права на сбор десятины) было 3849 церковных приходов из 9284 приходов по стране. Но материальное положение самих духовных лиц в церкви Англии улучшилось в послереформационный период только зна-

¹⁰⁷ Ibid. — P. 418.

¹⁰⁸ Ibid. — P. 451.

чительно позднее: заметное приращение имущество приходов получило только пожалованиями королевы Анны (1702—1714)¹⁰⁹.

А.Дж. Диккенс обращал внимание и на католицизм, сохранившийся в постреформационный период в Англии, рассматривая, в первую очередь, причины ослабления католицизма. Он полагал, что новый английский постреформационный католицизм приобрёл «некоторые аристократические отличительные черты и такого же рода социальную опору». Значительная часть новообращённых среди английских католиков происходила из семей католического джентри, а также их слуг, арендаторов. Военно-морская слабость Испании, считал А.Дж. Диккенс, ослабила и английский католицизм, не дала возможности испанцам поддержать католиков в Ирландии, на севере Англии. Неблагоприятным для католиков было то, что их деятельность в сознании англичан была прочно связана с иностранным влиянием, а это будило патриотические чувства, и католические миссионеры при всём своем мужестве не могли совершить в Англии невозможного¹¹⁰.

Только к концу правления Елизаветы со времени появления трудов Ричарда Хукера в 1590-е гг., считал А.Дж. Диккенс, стало формироваться «уравновешенное» англиканство, а в течение большей части её правления большинство тех, кто активно проявлял свои религиозные убеждения, были католиками или пуританами. А.Дж. Диккенс считает, что даже архиепископ Кентеберийский Джон Уитгифт (1583—1604), который так яростно призывал к порядку пуритан, не хотевших носить стихарь, не отличался от этих же пуритан в существенных компонентах своих богословских взглядов¹¹¹.

Как считал А.Дж. Диккенс, только после 1604 г., с признанием труда Ричарда Хукера «Законы церковного устройства», с отказом от крайностей кальвинизма, с некоторым восстановлением роли разума в толковании веры произошло возвращение церкви Англии к *via media*, намеченному при Генрихе VIII, Эдуарде VI и в явственной форме при Елизавете в 1559 г. Но пуританизм, как считал А.Дж. Диккенс, всё же принадлежал к основной линии развития английской Реформации и не был маргинальным явлением¹¹².

Рассмотрение истории Реформации в Англии А.Дж. Диккенс заканчивал рубежом 1550—60-х гг. Эта позиция характерна для либерального направления в изучении английской Реформации и исходит из того, что с восшествием на престол королевы-протестантки Елизаветы победа протестантизма в Англии была достигнута, и в принципиальном плане вопрос был решён. Но следствием такого подхода к изучению истории Реформации было недостаточное внимание к тому, когда же не власти, а большинство граждан страны стали протестантами, поскольку 1559 г., когда Елизавета вступила на престол, не принёс с собой автоматического превращения большей части англичан в протестантов, на что в последу-

¹⁰⁹ Ibid. — P. 421—422.

¹¹⁰ Ibid. — P. 425.

¹¹¹ Ibid. — P. 426.

¹¹² Ibid. — P. 427—428.

ющее время обратили внимание критики концепции А.Дж. Диккенса из числа историков-ревизионистов.

А.Дж. Диккенс также высказался еще по ряду важнейших вопросов религиозно-политической истории Англии XVI—XVII вв. Он проводил мысль о закономерности Реформации в Англии, что характерно для либеральных историков¹¹³. В экономической жизни общества, по его мнению, Реформация только акцентировала, подчеркнула те тенденции, которые уже действовали при её начале, и которые, в общем-то, не зависели от ее поддержки. При этом Диккенс сдержанно относился к тезису М. Вебера о влиянии протестантской этики на развитие капитализма. По его словам, «сомнительно, чтобы деловая практика протестантских землевладельцев и деловых людей была на каком-то этапе отлична от подобных им по занятиям католиков в этическом отношении». А.Дж. Диккенс призывал к осторожности в обобщениях относительно связи религиозной и секулярной истории¹¹⁴.

Оценивая религиозную историю Англии середины XVII в., А.Дж. Диккенс считал, что развитие пресвитерианства, конгрегационализма, баптизма и квакерства, других деноминаций в ходе Английской революции может рассматриваться «практически как вторая английская Реформация»¹¹⁵. В его представлении, Реформация XVI в. — «это ранняя и произвольная стадия в подъёме обществ, которые допускали существование в одном государстве разных религий и верований, свободу выбора для личности и свободу выбора для человека религиозных верований, пусть даже в результате этого он примкнёт к незначительной и непопулярной секте». В последующее время, по его словам, «даже страны, где победила Контрреформация, были вынуждены пойти по пути религиозной терпимости, пожалев о своих долгих колебаниях в этой области; вплоть до нашего времени мы обнаруживаем последствия влияния Реформации, помогающие лучше понять её природу»¹¹⁶. При этом в британском протестантизме, как посчитал нужным заметить А.Дж. Диккенс, «долго не осуждались рабство, детский фабричный труд и тяжёлые условия работы времен раннего индустриализма»¹¹⁷.

А.Дж. Диккенс в соответствии со своими либеральными убеждениями заявлял, что работающий ныне исследователь эпохи Реформации должен способствовать взаимопониманию современных христианских церквей. Историография, по его мнению, должна «освобождать людей от мёртвой хватки прошлого и его конфликтов. В современном мире крепнут антихристианские силы, а часть этого мира еще ожидает христианского обращения. Необходимо и укрепление взаимопонимания с католиками, и тенденция к этому прослеживается с обеих сторон, но ещё очень далеко до доктринального согласия или институциональной интеграции»¹¹⁸.

¹¹³ Ibid. — P. 443.

¹¹⁴ Ibid. — P. 456.

¹¹⁵ Ibid. — P. 457.

¹¹⁶ Ibid. — P. 457.

¹¹⁷ Ibid. — P. 458.

¹¹⁸ Ibid. — P. 460.

Таким образом, значительный охват исторического материала и систематически осмысленное его изложение А.Дж. Диккенсом превратили его в наиболее авторитетного представителя либерального направления в современной британской историографии в изучении этих проблем.

1.7. Либеральное направление в изучении религиозной Реформации в Англии в 1960–90-е гг.: проблематика и идейное содержание

Либеральное направление в изучении английской Реформации в современной британской историографии представлено именами целого ряда историков. Л.П. Репина характеризует это направление как неолиберальное. По её словам, становление неолиберального направления в современной британской историографии происходило в 1960—середине 1970-х гг. Представители этого направления «модернизировали вигскую интерпретацию английской революции и подвели под неё фундамент «социально-научной истории»¹¹⁹.

Характерное для представителей либерального направления мнение, что хронологические рамки религиозной Реформации в Англии охватывают 1520—1559 гг., ведёт к тому, что значительная часть исследовательских усилий в изучении Реформации сосредоточена на углублении представлений о событийной стороне того, что происходило в Англии в реформационный период, обозначенный этим временным отрезком. На первом плане в содержании этих работ — вопросы религии и политики, рассматриваемые на общенациональном и региональном уровне. Свою задачу авторы такого рода исследований видят в том, чтобы выявить новые факты и обстоятельства, составлявшие процесс Реформации и влиявшие на её ход. Последователи А.Дж. Диккенса, подкрепляя либеральную концепцию английской Реформации более широким и разнообразным содержанием, стали также в большей мере обращаться к изучению истории Реформации в Англии после вступления на престол Елизаветы в 1558 г., признавая, что протестантизация Англии была процессом, разворачивавшимся в течение нескольких десятилетий.

Либеральное направление занимает очень значительное место в изучении истории английской Реформации. Современные либеральные историки опубликовали в 1960—90-е гг. большое количество обобщающих исследований и сборников статей, в которых представили свое видение религиозно-политической истории Англии в реформационный период¹²⁰.

¹¹⁹ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. — М., 1998. — С. 76.

¹²⁰ Alexander H.G. Religion in England, 1558—1662. — London, 1968; Ashton R. Reformation and Revolution, 1558—1660. — London, 1984; Best E.E. Religion and Society in Transition: The Church and Social Change in England, 1560—1850. — New York-Toronto, 1982; Davies C.S.L. Peace, Print and Protestantism, 1450—1558. — London, 1976; English Commonwealth,

Либеральная концепция в понимании Реформации в Англии разрабатывалась также на материалах локальной истории¹²¹. Либеральные историки высказывали своё мнение и о методологических подходах социальной истории. А.Дж. Диккенс и его последователи в изучении истории Реформации заявляют, что они не противопоставляют теологию и социальные науки как две взаимоисключающие сферы, поскольку «религия существует в реальных человеческих обществах, а не в какой-то духовной стратосфере». Но, с другой стороны, по их мнению, историки, которые не включают теологию в сферу своих интересов, «сбились с верного пути», поскольку это, на их взгляд, искажает изучение истории ещё больше, чем исключение из области исторической причинности влияния индивидуальной человеческой мотивации в действиях¹²². У либеральных историков в изучении английской Реформации заметны опасения в том, что влияние социальных наук с их стремлением к обобщениям может быть не только полезным аналитическим средством, но также и препятствием в пони-

1547—1640: Essays in Politics and Society Presented to Joel Hurstfield. — Leicester University Press, 1979; *Haugaard W.P.* Elizabeth and the English Reformation. The Struggle for a Stable Settlement of Religion. — Cambridge, 1968; *The Impact of the English Reformation, 1500—1640* / Ed. by P. Marshall. — London, 1997; *James M.* Society, Politics and Culture. Studies in Early Modern England. — Cambridge, 1986; *Loades D.M.* Politics and the Nation, 1450—1660. Obedience, Resistance and Public Order. — London-Glasgow, 1974; *MacCaffrey W.* The Shaping of the Elizabethan Regime (1558—1572). — London, 1969; *The Parish in English Life, 1400—1600* / Ed. by K.L. French, G.G. Gibbes, B.A. Kümin. — Manchester, 1997; *Protestantism and the National Church in Sixteenth Century England* / Ed. by P. Lale and M. Dowling. — London, 1988; *Rebellion, Popular Protest and the Social Order in Early Modern England* / Ed. by P. Slack. — London, 1984; *The Reformation in England to the Accession of Elizabeth I* / Ed. by A.G. Dickens and D. Carr. — London, 1969; *Religion, Culture and Society in Early Modern Britain: Essays in Honour of P. Collinson* / Ed. by A. Fletcher, P. Roberts. — Cambridge, 1994; *Rupp E.G.* Studies in the Making of the English Protestant Tradition. — Cambridge, 1966; *The Sixteenth Century, 1485—1603* / Ed. by P. Collinson — Oxford-New York, 2002; *Smith A.G.R.* The Emergence of a Nation State. The Commonwealth of England, 1529—1660. — London-New York, 1984; *Solt L.F.* Church and State in Early Modern England, 1509—1640. — Oxford, 1990; *Stone L.* The Causes of the English Revolution, 1529—1642. — London, 1972; *Idem.* Social Change and Revolution in England, 1540—1640. — London, 1966; *Woodward G.W.O.* Reformation and Resurgence England in the 16th Century, 1485—1603. — New York, 1968; *Wrightson K.* English Society, 1580—1680. — London, 1982; *Youings J.* Sixteenth-Century England. — London etc., 1988.

¹²¹ *Clark P.* English Provincial Society from the Reformation to the Revolution: Religion, Politics and Society in Kent, 1500—1640. — Hassocks, 1977; *Hembry P.M.* The Bishops of Bath and Wells, 1540—1640. Social and Economic Problems. — London, 1967; *Litzenberger C.* The English Reformation and the Laity: Gloucestershire, 1540—1580. — Cambridge, 1997; *MacCulloch D.* Suffolk and the Tudors: Politics and Religion in an English County, 1500—1600. — Oxford, 1986; *Manning R.* Religion and Society in Elizabethan Sussex. A Study of the Enforcement of the Religious Settlement, 1558—1603. — Leicester University Press, 1969; *Marchant R.A.* The Church under the Law: Justice, Administration and Discipline in the Diocese of York, 1560—1640. — Cambridge, 1969; *James M.E.* Family, Lineage and Civil Society: A Study of Society, Politics and Mentality in the Durham Region, 1500—1640. — Oxford, 1974; *Ogier D.M.* Reformation and Society in Guernsey. — Woodbridge, 1996; *Richardson R.C.* Puritanism in North-West England: A Regional Study of the Diocese of Chester to 1642. — Manchester, 1972; *Sheils W.J.* The Puritans in the Diocese of Peterborough, 1558—1610. — Northamptonshire Record Society, 1979; *Skeeters M.C.* Community and Clergy: Bristol and the Reformation c. 1530—1570. — Oxford, 1993; *Spufford M.* Contrasting Communities: English Villagers in the 16th and 17th Centuries. — Cambridge, 1974; *Wrightson K.* *Levine D.* Poverty and Piety in an English Village. Terling, 1525—1700. — New York, 1979.

¹²² *Dickens A.G., Tonkin J.* The Reformation in Historical Thought. — Cambridge (Mass.), 1985. — P. 1.

мании событий и процессов в их исторической конкретности. По этой причине среди либеральных британских исследователей истории Реформации, хотя большинство из них испытали влияние методологических подходов социальной истории, размышляли об их познавательных возможностях, сохраняется предрасположенность к нарративизму, к традиционалистскому историописанию в организации повествования, пусть и не лишённому полностью той или иной концептуальной нагруженности.

Либеральные историки продолжают уделять внимание исследованию предреформационной церкви Англии. Заметный вклад в изучение положения в церкви накануне Реформации внесла М. Баукер, работавшая с материалами, относящимися к Линкольнской епархии. Она показала, что некоторые епископы в 1480—1530-х гг. не относились ко всем идеям лоллардов однозначно негативно, были в некотором роде сторонниками реформ и улучшения нравов в церкви, но отвергали лоллардизм как ересь. В обсуждении вопроса о темпах распространения Реформации М. Баукер отмечает, что духовенство и светские лица в Линкольнской епархии проявляли мало склонности к протестантизму до конца 1540-х гг., а эффективная протестантизация этого района Англии началась только в правление Елизаветы. К 1529 г. лоллардистская ересь на территории епархии была распространена в районе Чилтерна на площади не более 50 квадратных миль, а также среди небольшого числа молодых учёных в Оксфордском университете. При этом лолларды совершали пропагандистские вылазки из Чилтерна, ездили слушать проповеди гуманиста Джона Колета у собора Св. Павла в Лондоне¹²³.

Появились также новые работы, посвященные более глубокому анализу идейных связей между лоллардами и ранними английскими религиозными реформаторами и взаимодействию между ними в начальный период английской Реформации¹²⁴.

Важную, объёмную и содержательную работу о распространении реформационных идей в Лондоне до 1559 г. и деятельности первых религиозных реформаторов опубликовала С. Бригден, в своих выводах следящая за концепцией А.Дж. Диккенса¹²⁵. Учитывая критику со стороны историков-ревизионистов в вопросах, касающихся происхождения английской Реформации, С. Бригден отмечает, что «поначалу Реформация застала англичан врасплох и не была результатом реализации их собственных намерений, но со временем Реформацию в стране совершил именно английский народ»¹²⁶.

¹²³ Bowker M. Non-Residence in the Lincoln Diocese in the Early 16th Century // JEH 15. — 1964. — P. 40—50; *Idem*. The Secular Clergy in the Diocese of Lincoln, 1495—1520. — Cambridge, 1968; *Idem*. The Diocese of Lincoln under John Longland, 1521—1547. — Cambridge, 1981

¹²⁴ Thompson J.A.F. The Later Lollards 1414—1520. — London, 1965; Aston M. Lollards and Reformers: Images and Literacy in Late Medieval Religion. — London, 1984; Hudson A. The Premature Reformation: Wycliffite Texts and Lollard History. — London, 1988; Plumb D. The Social and Economic Spread of Rural Lollardy: A Reappraisal // Studies in Church History. Vol. XXIII. — Oxford, 1986; Hope A. Lollardy: The Stone the Builders Rejected? // Lake, P. Dowling, M. (Eds). Protestantism and the National Church. — London, 1987.

¹²⁵ Brigden S. London and the Reformation. — Oxford, 1989.

¹²⁶ *Ibid.* — P. 2.

Дж. Блок, У. Клебш, Дж. Дейвис, Д. Пэллизер, Т. Паркер и Г. Рапп исследовали религиозно-политические события и процессы, происходившие в 1520—1550-е гг.¹²⁷ Идейними предшественниками Реформации эти историки считают лоллардов и деятельность тех кембриджских богословов, которые собирались в таверне «Белая лошадь». Среди них были эрзмианцы и лютеране, и целый ряд из них впоследствии занял должности в церковной администрации в правление Эдуарда VI. Следовательно, ещё тогда, когда Генрих VIII имел репутацию и дарованное ему Римом звание «защитника католической веры», в Англии уже были протестанты. Эти историки писали о 1520—1535 гг. как о наиболее трудном времени для английских протестантов, когда согласие с идеями Лютера могло стать путём к мученичеству за веру. При этом лютеранские влияния признаются ими идейным стимулом для ранних английских религиозных реформаторов. Влияние континентального протестантизма, согласно такому подходу, усилило исконно присущие лоллардизму черты: антиклерикализм, отказ от поклонения святым, тяготение к чтению Евангелия, сомнения в таинствах католической церкви, подчеркивание значения Писания. Районами самого раннего распространения протестантизма исследователи признают Кент, Эссекс, Суффолк, Норфолк, Суссекс, Лондон. Влияние континентальных реформаторов на английскую Реформацию рассматривается также в сборнике статей «Реформа и Реформация: Англия и европейский континент в 1500—1750 гг.»¹²⁸.

Либеральные историки в исследовании Реформации отмечают, что для ее понимания необходимо углубленное специальное внимание к богословскому содержанию происходивших процессов и дискуссий, к эволюции богослужения в реформационный период.¹²⁹ Значительную работу, посвященную этим вопросам, опубликовал Х. Дейвис.¹³⁰

Либеральные историки с 1960-х гг. испытали влияние социальной истории и рассматривали Реформацию в Англии также в контексте социально-экономических и политических процессов, происходивших в английском обществе в XVI—XVII вв. Этот подход проявился в работах

¹²⁷ *Block J.S.* Factional Politics and the English Reformation, 1520—1540. — Suffolk, 1993; *Clebsch W.A.* England's Earliest Protestants, 1520—1535. — New Haven, 1964; *Davies J.F.* Heresy and Reformation in the South-East of England 1520—1559. — London, 1983; *Idem.* The Trials of Thomas Bilney and the English Reformation // *Historical Journal*. — 1984. — № 24. — P. 775—790; *Palliser D.M.* Popular Reactions to the Reformation 1530—1570 // *Heal, F. and O'Day, R.* (Eds.). Church and Society in England. Henry VIII to James I. — London, 1977; *Parker T.M.* The English Reformation to 1558. — London-Cambridge, 1950; *Rupp E.G.* Studies in the Making of the English Protestant Tradition. — Cambridge, 1966.

¹²⁸ *Reform and Reformation: England and the Continent c. 1500—1750* / Ed. by D. Baker. — Oxford, 1979.

¹²⁹ *Blench J.W.* Preaching in England in the Late Fifteenth and Sixteenth Centuries. — Oxford, 1964; *Bromiley G.W.* Baptism and the Anglican Reformers. — London, 1953; *Dugmore C.W.* The Mass and the English Reformers. — London, 1958; *Clark F.* Eucharistic Sacrifice and the Reformation. — London, 1960; *Trueman C.R.* Luther's Legacy: Salvation and English Reformers, 1525—1556. — Oxford, 1994.

¹³⁰ *Davies H.* Worship and Theology in England from Cranmer to Hooker, 1534—1603. — Princeton-London, 1970.

П. Кларка, К. Кросс, М. Кертиса, М. Спаффорд, Ф. Хил¹³¹. Их подход к пониманию Реформации в целом сводится к утверждению, что Реформация была победой светских лиц над духовенством. Светские лица в средние века были недовольны привилегиями духовенства, хотели участвовать в религиозной жизни и читать Писание на родном языке, а в ходе Реформации как раз добились своих целей. П. Кларк показал, как Томас Кромвель, руководствуясь политическими причинами, умело используя пагронаж, способствовал появлению в Кенте значительного количества протестантски настроенных священников, влиявших на прихожан¹³².

Либеральные историки всегда придавали большое значение жанру биографии, что характерно, впрочем, и для британской историографии в целом. Во второй половине XX в. в изучении истории Реформации отнюдь не были развенчаны традиционалистские подходы к историописанию, что способствовало созданию биографий монархов и многих из крупнейших религиозно-политических деятелей этой эпохи. Биографический жанр давал возможность для того, чтобы представить и проанализировать событийную сторону тех процессов, которые происходили в Англии эпохи Реформации, во всей её порой причудливой конкретике, изобиловавшей историческими случайностями. Наиболее крупные историки, обращавшиеся к написанию биографий — Б. Бекингсейл, Д. Лоудз, Д. Мак-Каллок и особенно Дж. Ридли¹³³.

В изучении причин Реформации высказывалось мнение, что в дореформационный период худшим врагом церкви оказался кардинал Уолси из-за коррупции, надменности, которые вызывали недовольство церковной властью. С таким мнением не соглашается Р. Гвин, протестующий, что в объяснении происхождения Реформации большое внимание уделялось подчеркиванию негативной роли Уолси, и настаивающий на том, что происхождение Реформации связано с влиянием совокупности всех

¹³¹ Clark P. *The English Provincial Society from the Reformation to the Revolution. Religion, Politics and Society in Kent, 1500—1640.* — Hassocks (Sussex), 1977; Cross C. *Church and People, 1450—1660. The Triumph of the Laity in the English Church.* — London, 1976; *Idem.* *The Puritan Earl. The Life of Henry Hastings, Third Earl of Huntingdon, 1536—1595.* — New York, 1966; *Idem.* *Patronage and Recruitment in the Tudor and Early Stuart Church.* — York, 1996; *Idem.* *The Royal Supremacy in the Elizabethan Church.* — London, 1969; Curtis M. *Oxford and Cambridge in Transition, 1558—1642. An Essay on Changing Relations between the English University and English Society.* — Oxford, 1959; Spufford M. *Contrasting Communities.* — Cambridge, 1974; Heal F. *Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate.* — Cambridge, 1980.

¹³² Clark P. *The English Provincial Society from the Reformation to the Revolution. Religion, Politics and Society in Kent, 1500—1640.* — Hassocks (Sussex), 1977.

¹³³ Beckingsale B. W. *Burghley — Tudor Statesman, 1520—1598.* — London-New York, 1967; *Idem.* *Thomas Cromwell, Tudor Minister.* — London, 1978; Loades D. M. *John Dudley, Duke of Northumberland, 1504—1553.* — Oxford, 1996; *Idem.* *The Reign of Mary Tudor: Politics, Government and Religion in England, 1553—1558.* — London, 1979; MacCulloch D. *Thomas Cranmer: A Life.* — New Haven (Conn.), 1996; Ridley J. *Henry VIII: The Politics of Tyranny.* — New York, 1986; *Idem.* *John Knox.* — New York-Oxford, 1968; *Idem.* *The Life and Times of Mary Tudor.* — London, 1973; *Idem.* *Thomas Cranmer.* — London-Oxford, 1962; *Idem.* *The Statesman and the Fanatic: Thomas Wolsey and Thomas More.* — London, 1983; *Idem.* *G. Elizabeth I: The Shrewdness of Virtue.* — New York, 1988.

обстоятельств этого времени: неудовлетворительного состояния церкви, действий Генриха VIII в начале реформационного периода, которые он предпринял в своих интересах¹³⁴.

В последнее время было также отмечено влияние международных отношений на развитие Реформации в Англии¹³⁵. Продолжалась работа по изучению процесса ликвидации монастырей и часовен¹³⁶. Современные историки, особенно Д. Лоудз, углубили представления о правлении Марии Тюдор¹³⁷.

Существуют различные мнения относительно того, каковы были в действительности религиозные взгляды Генриха VIII. Дж. Ридли полагал, что Генрих VIII в итоге претерпел протестантское обращение¹³⁸. Р. Локьер считал, что в своих религиозных взглядах Генрих VIII склонялся к мнениям большинства¹³⁹. Дж. Элтон сомневался в приверженности Генриха VIII католицизму и не ставил под сомнение его итоговое обращение в протестантизм¹⁴⁰. Дж. Скарисбрик утверждал, что в проявлении своих религиозных убеждений Генрих VIII руководствовался лишь политическими соображениями, боялся возрождения папизма и, исходя из этого, в 1546 г. предлагал Франции упразднить мессу и заставить сделать то же самое германского императора¹⁴¹.

Современные либеральные историки, сосредоточивая наибольшее внимание в изучении английской Реформации на том, что происходило в ходе Реформации до восшествия на престол Елизаветы в 1559 г., обращаются также к изучению религиозно-политической истории второй половины XVI—первых десятилетий XVII в. Заметное место в изучении этого периода занимают работы Д. Мак-Каллока, а также Д. Пэллизера, М. Риза. Эти историки позитивно характеризуют попытки пуритан продолжить Реформацию в Англии за те рамки, которые были установлены с восшествием на престол королевы Елизаветы I в 1559 г., с тем, чтобы церковь Англии приобрела большее сходство с европейскими реформированными церквями, под которыми в данном случае имелась в виду кальвинистская Женева. Д. Пэллизер объяснял распространение протестантизма и подготовленность к его восприятию влиянием географической близости к Европе, контактов с континентом — протестантизм был

¹³⁴ Gwyn R. *The King's Cardinal: The Rise and Fall of Thomas Wolsey*. — London, 1990.

¹³⁵ Redworth G. *In Defence of the Church Catholic: The Life of Stephen Gardiner*. — Oxford, 1990; *Idem*. *A Study in the Formulation of Policy: The Genesis and Evolution of the Act of Six Articles // JEH*. — 1986. — Vol. 37; Bush M.L. *The Government Policy of Protector Somerset*. — London, 1975.

¹³⁶ Youings J. *The Dissolution of the Monasteries*. — London, 1971; Kreider A. *English Chantries: The Road to Dissolution*. — Cambridge (Mass.), 1979; Scarisbrick J.J. *The Dissolution of the Secular Colleges // Cross C. et al (Eds). Law and Government under the Tudors; Heal F. Of Prelates and Princes*. — Cambridge, 1980; Lehmborg S.E. *The Reformation of Cathedrals*. — Princeton (NJ), 1988; Aston M. *England's Iconoclasts: Laws against Images*. — Oxford, 1988.

¹³⁷ Loades D.M. *The Oxford Martyrs*. — London, 1970; *Idem*. *Mary Tudor: A Life*. — Oxford, 1989; *Idem*. *The Reign of Mary Tudor*. — London, 1979; Loach J. *Parliament and Crown in the Reign of Mary Tudor*. — Oxford, 1986.

¹³⁸ Ridley J. *Thomas Cranmer*. — London-Oxford, 1962. — P. 255.

¹³⁹ Lockyer R. *Tudor and Stuart Britain*. — London, 1964. — P. 105.

¹⁴⁰ Elton G.R. *Henry VIII*. — London, 1962. — P. 25—26.

¹⁴¹ Scarisbrick J.J. *Henry VIII*. — London, 1968. — P. 474—475.

распространён в Восточной Англии, в Лондоне, в портах Халл и Бристоль. Он отмечает, что изучение распространения протестантизма следует вести не только на региональном, но и на местном уровне — здесь распространению реформационных идей могли способствовать отдельные личности, какие-то местные интересы, позиция местного магната-землевладельца, социальные и экономические условия¹⁴².

В понимании политической истории Англии периода Реформации очень важны работы Дж. Элтона (1921—1994)¹⁴³. Он был учеником известного либерального историка Дж. Нила, занимавшегося изучением истории парламента в Англии времени правления Елизаветы I и так активно отстаивавшего интересы короны на историческом материале XVI в., что ему было пожаловано рыцарское звание¹⁴⁴. Дж. Элтон, которого можно отнести к либералам консервативного толка, исследовал административную деятельность Томаса Кромвеля в начальный период английской Реформации. В изучении правления Генриха VIII Дж. Элтон исходил из убеждения, что король прямо не занимался делами повседневного управления государством: Генриха VIII интересовали цели, которых надо было достигнуть в стратегическом отношении — укрепление королевской власти, развод с Екатериной Арагонской и новый брак для обеспечения передачи престола по мужской линии, увеличение доходов королевской казны, и гораздо меньше — конкретные средства достижения этих целей. Томас Кромвель, по мнению Дж. Элтона, «талантливый бюрократ», воспользовался таким отношением короля к повседневным делам и провёл реформу государственного управления и администрации. Попутно последовавшие изменения в религиозной сфере — разрыв с Римом, издание Акта о королевском верховенстве в церкви Англии — были только лишь составной частью этих политических по характеру реформ, в результате которых власть короля Генриха VIII стала осмысливаться как имперская в том смысле, что теперь он стал в своем государстве полным сувереном, подчинив церковь. Согласно Дж. Элтону, Т. Кромвель был и архитектором, автором замысла, и умелым исполнителем религиозных реформ. Т. Кромвель, в толковании Дж. Элтона, задумал провести в Англии конституционную реформу, хотел создать в Англии ограниченную конституционную монархию, в которой бы король правил страной вместе с парламентом, и мыслил секулярными категориями. Разрыв с Ри-

¹⁴² *MacCulloch D.* The Later Reformation in England, 1547—1603. — New York, 1990; *Idem.* Suffolk and the Tudors: Politics and Religion in an English County, 1500—1600. — Oxford, 1986; *Palliser D.M.* The Age of Elizabeth: England under the Later Tudors, 1547—1603. — London-New York, 1983; *Reese M.M.* The Puritan Impulse. The English Revolution, 1559—1660. — London, 1975.

¹⁴³ *Elton G.R.* England under the Tudors. — London, 1978; *Idem.* Policy and Police: The Enforcement of the Reformation in the Age of Thomas Cromwell. — Cambridge, 1972; *Idem.* Studies in Tudor and Stuart Politics and Government. — Cambridge, 1974. — Vol. 1—2; *Idem.* Reformation England, 1509—1558. — Cambridge (Mass.), 1979; *Idem.* Reformation Europe 1517—1559. — London-Glasgow, 1963; *Idem.* The Tudor Revolution in Government. Administrative Changes in the Reign of Henry VIII. — Cambridge, 1953.

¹⁴⁴ *Neale J.E.* Elizabeth I and her Parliaments, 1559—1581. — London, 1953; *Idem.* Elizabeth I and her Parliaments, 1584—1601. — London, 1957; *Idem.* The Elizabethan House of Commons. — London, 1950.

мом был для Т. Кромвеля политическим актом, а не выражением религиозных симпатий и ненависти к католицизму, поскольку он считал, что реформированная церковь Англии будет лучше соответствовать и служить реформированному государственному аппарату. Для Дж. Элтона Реформация была частью создания английского национального суверенного государства, избавившегося от папской юрисдикции над Англией, и эти действия стимулировал как раз Томас Кромвель — именно с его приходом в ближайшее королевское окружение произошёл разрыв с Римом. Дж. Элтон развивал концепцию, согласно которой одновременно с Реформацией в Англии происходила также административная революция.

По мнению Дж. Элтона, в историописании всегда приходится делать какой-то выбор, который может показаться неудовлетворительным другим историкам, и каким-то одним аспектам исторического прошлого приходится уделять больше внимания, чем другим. Главным содержанием истории для Дж. Элтона была политическая история. По словам Дж. Элтона, «мне представляется, что в истории наибольшее значение имеет изучение постепенного формирования государства — история нации и её лидеров в политических действиях и история управления в самом широком смысле слова»¹⁴⁵. При таком подходе меньшее внимание уделялось экономическим, социальным, военным, культурным вопросам, но, как считал Дж. Элтон, таков должен быть подход к историописанию для понимания основного содержания истории. Еще с конца XIX в. целый ряд историков, влияние которых на развитие своих взглядов признавал Дж. Элтон — Дж. Сили, Э. Фримен, Г. Адамс — исповедовали такие же взгляды, расценивая историю как политику, опрокинутую в прошлое. Дж. Элтон сознательно противопоставлял себя модной в 1960-е гг. социальной истории и писал, что «историки, которые не проявляют интереса к активной политической деятельности в исследуемых ими обществах прошлого, совсем не имеют чувства истории»; «историк, который устал от политики, устал от жизни и от самой истории»¹⁴⁶.

В толковании Дж. Элтона, при подходе к истории Англии XVI в. получалось, что всё важнейшее случилось в 1530-е гг. при Томасе Кромвеле, которого Дж. Элтон считал одним из наиболее творческих по характеру государственных деятелей во всей английской истории. Т. Кромвель внёс большой вклад в модернизацию позднесредневекового английского государственного аппарата. Разрыв с Римом помог создать в Англии суверенное государство с единым правовым строем во главе с одним монархом, выступавшим также как глава церкви. Дж. Элтон верил, что после этого английское государство стало развиваться в направлении создания бюрократической структуры, которая больше не зависела от личных причуд монарха, и благодаря этому английская политическая система в дальнейшем смогла выдержать правление ребенка Эдуарда VI и двух женщин, Марии и Елизаветы Тюдор. Частью политики Кромвеля

¹⁴⁵ Elton G.R. England under the Tudors. — London, 1955. — P. VI.

¹⁴⁶ Elton G.R. Political History, Principles and Practice. — London, 1970. — P. 4.

было установление союза с Уэльсом, а усиление давления на Ирландию и Шотландию в 1540-е гг. выглядело как отход от политики Кромвеля. Как отмечает П. Коллинсон, Дж. Элтон «чуть ли не редуцировал всю историю XVI в. к творческой деятельности одного человека в течение одного десятилетия»¹⁴⁷.

Работа Дж. Элтона «Революция в управлении при Тюдорах» (1953), хотя и не выдержала, по мнению многих современных историков, проверки временем и атак критиков, среди которых оказалась и группа учеников Дж. Элтона, опубликовавших в 1986 г. работу «Пересмотренная революция»¹⁴⁸, все же оказала большое стимулирующее влияние на изучение истории XVI в. Дальнейшее изучение системы управления в Англии раннего нового времени развивается в полемике с тезисами Дж. Элтона. Один из критиков Дж. Элтона — Дж. Гай, который испытал влияние Дж. Элтона в том, что тоже строит свои работы как рассказ о религиозно-политической истории, в котором главы об экономике и общественной жизни служат только контекстом для политической истории. Точка зрения Дж. Гая состоит в том, что, если говорить о происходившей революции в управлении, то не следует ограничивать ее деятельностью Томаса Кромвеля, поскольку революция в управлении, по мнению Дж. Гая, разворачивалась вплоть до смерти Елизаветы в 1603 г. Дж. Гай назвал спор о «революции в управлении» «старой шляпой» для современной историографии и проблематизировал само понятие «революция» применительно к этим процессам, рассуждая, уместно ли применение к ним слова «революция», или же для их описания подходят понятия «регулирование», «изменения». По его мнению, сам характер происходивших перемен является основанием для дискуссий о том, как их точнее можно назвать¹⁴⁹.

Понимание политической системы в Англии в XVI веке уточнил своими работами также Дж. Хёрстфилд (1911—1980), специалист по изучению политической истории. В представлении Дж. Хёрстфилда, парламент в Англии не был в этот исторический период самостоятельным учреждением — он созывался монархом, не представлял народ и лишь утверждал то, что было угодно монарху. Парламент, считал Хёрстфилд, даже в достаточной степени не инициировал законодательный процесс, который тоже был под контролем монарха¹⁵⁰.

Очень значительный вклад в изучение Реформации в Англии внёс ещё один ученик Дж. Нила — П. Коллинсон (1929—2011). Он занимается в первую очередь историей пуританского движения в Англии в XVI—начале XVII вв. и опубликовал ряд крупных и важных работ¹⁵¹. В среде

¹⁴⁷ The Sixteenth Century 1485—1603 / Ed. by P. Collinson. — Oxford, 2002. — P. 5.

¹⁴⁸ Revolution Reassessed: Revisions in the History of Tudor Government and Administration / Ed. D. Starkey and C. Coleman. — London, 1986.

¹⁴⁹ Guy J. Tudor England. — Oxford, 1988; The Tudor Monarchy / Ed. by J. Guy. — London, 1997.

¹⁵⁰ Hursfield J. Freedom, Corruption and Government in Elizabethan England. — Cambridge (Mass.), 1973.

¹⁵¹ Collinson P. A Mirror of Elizabethan Puritanism. The Life and Letters of “Godly Master Dering”. — London, 1964; *Idem*. The Elizabethan Puritan Movement. — London—New York, 1967 (2nd ed. 1982); *Idem*. Archbishop Grindal, 1519—1583. The Struggle for a Reformed

британских историков встречается характеристика П. Коллинсона как сторонника понимания английской Реформации в качестве «медленной Реформации снизу» (т.е. при участии части населения), при этом отводящего главную роль в распространении и последующем утверждении Реформации в Англии влиянию пуританизма¹⁵².

По мнению П. Коллинсона, Реформация была глубокой культурной революцией, влияние которой ощущалось в течение всего периода 1559—1625 гг. Наиболее значительный труд П. Коллинсона — «Пуританское движение при Елизавете» (1967, вт. изд. 1982). В центре внимания П. Коллинсона при изучении истории Реформации тоже находятся вопросы религии и политики. П. Коллинсон в соответствии с либеральными подходами переосмыслил пуританизм как внутрицерковное явление реформационного периода и разрабатывает идею о том, что «наиболее заслуживающим внимания компонентом деятельности епископата церкви Англии было стремление поддерживать возможность примирения с пуританами, чтобы они остались в церкви, при этом не подавляя деятельность пуритан насильственным путем». Такими оценками П. Коллинсон, как представляется, придаёт церкви Англии во второй половине XVI—начале XVII вв. ещё более либеральный характер, опираясь на то, что церковные власти в Англии этого времени, как можно найти примеры, были достаточно терпимы к сознательным сомнениям, инакомыслию, что отличало религиозную ситуацию в реформационной Англии от острых религиозных разногласий на континенте, перераставших в религиозные войны. В протестантских странах Западной Европы внутри образовавшихся протестантских церквей атмосфера для разномыслия тоже была неблагоприятной. Церковным же властям в Англии, как пишет П. Коллинсон, удавалось поддерживать относительное спокойствие в течение длительного времени — до восшествия на престол Карла I Стюарта (1625—1649). При этом П. Коллинсон проводил мысль о резко отрицательной, пагубной роли архиепископа Кентерберийского Уильяма Лода (1633—1645) в истории церкви Англии как разрушителя единства церкви. П. Коллинсон, таким образом, опираясь на свои изыскания, возрождал в современной историографической ситуации в некоторых ключевых пунктах, в сущности, такие оценки положения в церкви Англии накануне Английской революции середины XVII в., которые, хотя и сформулированы с использованием другой аргументации, очень схожи с позицией пуританских нонконформистов 1630-х гг.

В том, что касается политических компонентов мировоззрения П. Коллинсона, он может быть отнесен к левым либералам — иногда Коллинсон

Church. — London, 1979; *Idem*. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York—Oxford, 1982; *Idem*. Godly People: Essays on English Protestantism and Puritanism. — London, 1983; *Idem*. English Puritanism. — London, 1984; *Idem*. The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. — New York, 1988; *Idem*. Andrew Perne. — London, 1991; *Idem*. Elizabethan Essays. — London, 1994; *Idem*. Elizabethan and Jacobean Puritanism as Forms of Popular Religious Culture // The Culture of English Puritanism, 1560—1700 / Ed. by C. Darston and J. Eales. — New York, 1996. P. 45—54.

¹⁵²The English Reformation Revised. — Cambridge University Press, 1990. — P. 26—27.

вступает в полемику с праволиберальными взглядами консервативного толка, характерными, например, для Дж. Элтона, используя исторический материал XVI в. Так, по словам П. Коллинсона, «честными бедняками в конце XVI в. считали только больных и инвалидов». Бедность рассматривали как личную вину, как результат добровольного выбора или криминальной склонности. Общество не признавало системный характер безработицы. В раннем протестантизме в 1540-е гг. ещё был мотив осуждения алчного богатства, но к концу XVI в. нападки духовенства обрушились уже на бедных¹⁵³. Такие осуждающие подходы к беднякам, сформировавшиеся в британской историографии, живы и сегодня, считает П. Коллинсон: в работе Дж. Элтона «Англия в правление Тюдоров» (1977, 2-е изд.)¹⁵⁴ П. Коллинсон находит «буквально 250 слов» о бедности в обществе в тюдоровской Англии. Хотя Дж. Элтон замечает, что бедность в это время существовала, и об этом могло бы быть сказано больше, поскольку в XVI в. изменявшееся и развивавшееся английское общество несло при этом также и большие потери, всё же Дж. Элтон в итоге заявляет, что следует соблюдать определенную пропорцию в описании этих процессов, что, по мнению П. Коллинсона, означает, что «Дж. Элтон не хочет писать историю XVI в. с точки зрения тех людей, которые в это время потерпели поражение (losers)». В целом в современной британской историографии сохраняется ситуация, считает П. Коллинсон, когда история XVI в. по-прежнему написана отнюдь не с точки зрения «лузеров»¹⁵⁵.

В современной либеральной британской историографии истории Реформации в Англии важна также работа известной исследовательницы Р. О'Дей «Спор об английской Реформации», в которой автор предпринимает историографические по содержанию обобщения¹⁵⁶. К пониманию истории Реформации англичанами-современниками в XVI в. обращался также Т. Беттеридж¹⁵⁷.

Р. О'Дей, ученица П. Коллинсона, обзорно рассмотрела историю изучения Реформации в Англии в английской историографии XVI—конца XX в. Она формулирует также исследовательские вопросы в изучении истории Реформации, представляющиеся ей актуальными для дальнейших исследований, которые продолжают обсуждаться британскими историками по сей день: Каковы были движущие силы и действующие лица в ходе Реформации? Какими мотивами они руководствовались? Какой характер имели религиозные реформы? Была ли религиозная реформа по своему характеру «официальной» или «народной»? Как к Реформации относились современники? Как в последующее время истолковывали Реформацию историки, деловые люди и государственные деятели, другие англичане?¹⁵⁸

¹⁵³ Collinson P. Puritanism and the Poor // Pragmatic Utopias, 1200—1630 / Ed. R. Horrox and S. Rees-Jones. — London, 2001.

¹⁵⁴ Elton G.R. England under the Tudors. 2nd ed. — London, 1974.

¹⁵⁵ The Sixteenth Century 1485—1603 / Ed. by P. Collinson. — Oxford, 2002. — P. 241.

¹⁵⁶ O'Day R. The Debate on the English Reformation. — London—New York, 1986.

¹⁵⁷ Betteridge T. Tudor Histories of the English Reformations, 1530—1583. — Aldershot, 1999.

¹⁵⁸ O'Day R. The Debate on the English Reformation. — London—New York, 1986. — P. 2.

Р. О'Дей представила связную картину изучения истории английской Реформации в британской историографии. По её словам, в XVI в. для современников событий Реформации её движущими силами представлялись действия монархов, религиозных деятелей, образованных и благочестивых личностей. Социальные, экономические и географические факторы в их влиянии на английскую Реформацию для англичан XVI в., считает Р. О'Дей, находились вне поля зрения. По её мнению, появлению аргументов о необходимости религиозной реформы способствовала гуманистическая учёность с подчеркиванием важности точного перевода Библии. При этом сами ранние английские религиозные реформаторы представляли лоллардов как своих предшественников¹⁵⁹.

Р. О'Дей отмечает, что У. Тиндейл не хотел признавать ту Реформацию, которую начал Генрих VIII в качестве настоящей Реформации, и в истории Реформации в Англии это был ранний пример нежелания соглашаться с официальным вариантом проведения Реформации, поскольку действия властей, к тому же, сопровождалось пролитием крови мучеников за свои убеждения. Такой подход к действиям властей в будущем способствовал появлению пуританского движения¹⁶⁰.

Р. О'Дей обращает внимание на то, что в изучении истории Реформации в Англии изначально прослеживается попытка представить её как национальное по характеру явление, выросшее из английских условий. Крупнейший историк начального периода английской Реформации Джон Фокс начал работу над своим трудом «Деяния и памятники церкви Англии» в 1552 г. в Англии и стремился опровергнуть любые представления о том, что развитие английского протестантизма началось под влиянием Лютера. Со времени публикации его труда английские протестантские писатели пропагандировали также идею об избранности английского народа. Джон Мильтон в XVII в., проповедуя идею об избранности англичан, заявлял, что их долг — завершить Реформацию церкви¹⁶¹.

В дальнейшей истории церкви Англии, по мнению Р. О'Дей, группировка Лода в 1630-е годы отказалась от пропаганды представлений об англичанах как об избранном народе, но стала фактически проповедовать представление о церкви Англии как об избранной церкви. Лод и его сторонники, считает Р. О'Дей, стремились восстановить относительно большую самостоятельность церкви Англии по отношению к власти монарха. Самым известным апологетом лодианской позиции, работавшим в историческом жанре, был Питер Хейлин (1600—1662). Хейлин был убеждён, что традиция мысли, которую разрабатывал и защищал Джон Фокс, была неверна: протестантская церковь Англии вела свою историю не от выступления Уиклифа, как утверждал Фокс, а от первоначальной христианской церкви. Как считает Р. О'Дей, Хейлин стремился поколебать позиции монарха как главы церкви Англии, утверждая, что англиканство является

¹⁵⁹ Ibid. — P. 6—7.

¹⁶⁰ Ibid. — P. 20.

¹⁶¹ Ibid. — P. 22—24.

очищенной католической церковью, епископы англиканской церкви находятся в прямой преемственности с апостолами и поэтому их полномочия происходят не от монарха, а от Бога через обряд возложения рук при посвящении в епископы. Хейлин защищал существование епископата и обосновывал своеобразие английской литургии. В трактовке Хейлина, при Эдуарде VI в Англии быстрыми темпами стала происходить Реформация, и первые её шаги, публикация Книги гомилий, молитвенника 1549 г., «были деяниями, свидетельствующими о действии Св. Духа». Затем всё испортил Жан Кальвин: он критиковал английскую литургию, что способствовало росту в церкви Англии «цвинглианской фракции», которая требовала доктринальных и обрядовых новшеств. Эта цвинглианская тенденция смогла укорениться потому, что Иоанну А'Ляско разрешили создать в Англии эмигрантские общины с особым строем управления и организацией службы, отличавшимися от официальной, что и привело в дальнейшем к развитию согласованных и организованных нападков на облачения, литургию и богослужебные предметы, используемые при службе¹⁶².

В трактовке Хейлина, с приходом к власти Елизаветы форма литургии, доктрина и управление церкви вернулись на тот путь, который подходил для внутривластных условий Англии. Была подтверждена апостольская преемственность церкви Англии. Елизавета, по убеждению Хейлина, правильно поступала, когда не давала развернуть активную деятельность пуританам. Но Хейлин также и упрекает Елизавету в том, что она подолгу держала вакантными епархии, получая, тем временем, доходы с них как глава церкви, наносила церкви ущерб выгодными лишь для короны обменами земельным фондом с епархиями. Хейлин даже утверждает, что все монархи в Англии делали что-то доброе для церкви только случайно, преследуя свои цели. При этом Хейлин защищал и почитал Кранмера и считал, что при Елизавете церковь Англии вернулась к тому состоянию, в которое ее привел Кранмер к 1553 г. накануне реставрации католицизма Марией Тюдор. В отношении эмигрантов, вернувшихся в Англию при Елизавете и части елизаветинского епископата Хейлин высказывал мнение, что эти лица принадлежали к чуждой, неанглийской церковной традиции. Хейлин был противником точки зрения Джона Фокса на деятельность Елизаветы как призванную продолжить дело Реформации в Англии, поскольку Фокс имел в виду Реформацию по примеру континентальных реформированных церквей.

Книга Хейлина по истории церкви Англии была опубликована фактически посмертно в 1662 г., и была ответом на «Церковную историю Англии» Томаса Фуллера (1655). Р. О'Дей отмечает, что Томас Фуллер принадлежал к той традиции в истории церкви Англии, которая восходила к Джону Фоксу. Фуллер не считал епископат необходимой частью церкви, и поэтому он оставался в церкви также во времена протектората в ходе Английской революции.

¹⁶² Ibid. — P. 31.

Еще одной важной работой была «История Реформации церкви Англии» Гилберта Бернета (1679—1681). В работе Бернета в приложениях содержались значительные по объему выдержки из источников, которые подкрепляли утверждения и выводы автора¹⁶³.

Как отмечает Р. О’Дей, очень важны для современных исследователей истории Реформации работы английского церковного историка конца XVII—начала XVIII в. Дж. Страйпа. Страйп заложил основы для решения многих вопросов истории Реформации. При этом работы Страйпа в оценке событий Реформации вобрали также некритично перенесённые в его собственные работы характеристики, почерпнутые у Джона Фокса, из государственных документов, документов епископов реформационного периода. Больше всего сведений Страйп сообщает по истории реформированной церкви Англии, в то время как сведений о католиках и пуританах у него можно найти гораздо меньше. Страйп видел историю Реформации в Англии глазами человека, принадлежавшего к государственной церкви Англии, и одним из последствий этого подхода Страйпа к церковной истории стало то, что преимущественное внимание историки стали обращать на историю церковных учреждений в ущерб другим аспектам религиозной жизни. В трудах Страйпа сохранились отрывки из некоторых источников, которые уже недоступны современному историку¹⁶⁴.

К концу XVIII в. сложились условия для того, чтобы в обсуждение истории Реформации в Англии на легальном основании смогли вступить английские католики. Благодаря Акту об освобождении 1778 г. католики получили право приобретать землю по наследству или путем покупки, открывать школы без угрозы пожизненного заключения. Свобода исповедания католицизма была предоставлена Актом об освобождении 1791 г., а в 1793 г. эти уступки были предоставлены шотландским католикам. Но католики по-прежнему не имели права участия в выборах, не могли занимать никакие должности в армии и на флоте, заседать ни в одной палате парламента и учиться в университетах. Они получили право становиться адвокатами, но не могли войти в состав Высшего суда правосудия. С конца XVIII в., когда для католиков появились относительно большие возможности открытых высказываний, они в оценке Реформации стали подчеркивать низменные мирские мотивы в ее проведении¹⁶⁵.

В первой четверти XIX в., как пишет Р. О’Дей, в результате деятельности радикального журналиста и политического деятеля У. Коббетта (1763—1835) появился первый опыт социально-экономической интерпретации Реформации в Англии. Книга Коббетта называлась «История протестантской Реформации в Англии и Ирландии» (1824—1827) с подзаголовком «показывающая, как Реформация разорила большую часть населения этих стран». Как отмечает Р. О’Дей, при всей своей тенденциозности книга Коббетта породила новую и влиятельную социальную

¹⁶³ Ibid. — P. 35.

¹⁶⁴ Ibid. — P. 47—52.

¹⁶⁵ Ibid. — P. 54.

интерпретацию Реформации, которая оказала глубокое влияние на тех социальных историков XIX и XX вв., которые предлагали социально-экономический подход к изучению Реформации. Реформация в этом отношении виделась явлением, с которым в английскую общественную жизнь пришло ещё большее угнетение бедных людей богатыми. Реформация также ухудшила отношения англичан и ирландцев. Коббетт пользовался работами современных ему историков Реформации, особенно католического историка Дж. Лингарда (1771—1851)¹⁶⁶.

Католические авторы также пытались преподнести Томаса Кранмера как лицемера, наделенного всевозможными недостатками. Объектом нападок католиков была и Анна Болейн. Католический историк Дж. Лингард проводил версию о том, что Генрих VIII женился на Анне Болейн из-за похоти. Протестанты пытались этому возражать. В XIX в. широкие некаатолические круги впервые познакомились с аргументами католиков и, как представляется Р. О'Дей, «в значительной степени приняли их». В то же время она называет взвешенными умеренными историками Реформации католиков Ч. Батлера, Дж. Берринга и особенно Дж. Лингарда. Последствием деятельности английских католических историков XIX в. Р. О'Дей также считает то, что даже страстные протестанты задумались и в определённой мере приняли точку зрения католиков о том, что Реформация в Англии была, прежде всего, политическим актом, и святость протестантских мучеников не является чем-то безусловным¹⁶⁷.

В 1829 г. парламентским решением католики получили всю полноту гражданских прав в Англии, причём в этом же году стали полноправными гражданами Англии также и диссентеры. Церковь испытывала в эти годы трудные времена: диссентеры оспаривали монополию установленной церкви на совершение важнейших обрядов, требовали свободы от уплаты налогов в пользу государственной церкви, стремились организовать получение образования молодежью своего исповедания, а также доступ для неё к получению университетских степеней. Основными течениями этого времени в англиканской церкви были евангелисты (искали наивысшего авторитета в Писании), сторонники «широкой церкви» (предоставляли большие права личности в индивидуальном толковании Писания), «высокоцерковники» (консервативные защитники епископальной церкви), трактарианцы — они высоко ценили влиятельную и авторитарную средневековую церковь, которая держала в своих руках духовную жизнь прихожан и контролировала её. Возникшее в 1833 г. Оксфордское движение (трактарианцы) подчёркивало нерушимые традиции церкви Англии — католическую веру, католическое наследие, апостольскую преемственность церкви. Под влиянием Оксфордского движения в церкви Англии было восстановлено монашество — это единственная протестантская церковь, признающая институт монашества. К Оксфордскому движению принадлежали Дж. Кибл, Дж. Ньюмен. На них влиял историк Р.Х. Фруд,

¹⁶⁶ Ibid. — P. 71.

¹⁶⁷ Ibid. — P. 72—82.

который подходил к истории Реформации в Англии, как считает Р. О'Дей, более как критик-моралист, а не как историк.

Аргументы католических историков в оценке английской Реформации в середине XIX в., как отмечает Р. О'Дей, широко циркулировали в английском обществе. В статье о епископе церкви Англии времен Елизаветы I Джоне Джуэле, опубликованной в 1841 г., историк Ф. Оукли объявил Реформацию «достойной сожаления схизмой» и призвал к депротестантизации церкви Англии. В 1844 г. У.Дж. Уорд в работе «Идеал христианской церкви» назвал Реформацию в Англии политической по характеру и беспринципной. Начались новые нападки на сочинение Джона Фокса, главным образом со стороны С.Р. Мэйтленда, который обвинял Фокса в неточности и намеренных искажениях. Одна из удачных попыток защиты Реформации в это время принадлежит младшему брату Р.Х. Фруда Дж.Э. Фруду, опубликовавшему большую работу «История Англии от падения Уолси до разгрома испанской Армады» (1856—1870) в 12 томах¹⁶⁸.

По мнению Р. О'Дей, исследования развития Реформации в Англии к началу XX в. так и не дали окончательных ответов на вопросы о том, был ли инициатором Реформации Генрих VIII или Томас Кромвель, представлял ли политический строй Англии накануне Реформации ограниченную парламентом монархию, или же это был, в сущности, королевский деспотизм, да и в целом, чем была Реформация в истории Англии — случайностью или преднамеренным замыслом?¹⁶⁹

До второй мировой войны, считает Р. О'Дей, историки Реформации «старой школы» не осознавали в полной мере того, что в истории Реформации в Англии взаимодействовали социально-экономические, религиозные и политические факторы. С середины же XX в. в изучении Реформации стало обращаться гораздо больше внимания на выявление взаимодействия между религией и тем обществом, в котором она существовала и развивалась¹⁷⁰.

Как пишет Р. О'Дей, спор о причинах Реформации продолжается. С одной стороны, несмотря на всю её критику, сохраняет свое влияние точка зрения Дж. Элтона, согласно которой утверждение появившегося в Англии протестантизма произошло главным образом благодаря тому, что его распространение совпало с интересами королевской власти, которая своими насильственными действиями утвердила в стране протестантский режим. По словам Р. О'Дей, эту сформулированную Дж. Элтоном точку зрения поддерживают и сторонники «новых путей» в исторической науке, и некоторые историки-традиционалисты, сторонники «старых путей» (сюда Р. О'Дей относит К. Хейга и Дж. Скарисбрика, хотя эти историки-ревизионисты заслуживают особой, более детальной характеристики). С другой стороны, продолжает существовать и развиваться та линия в аргументации причин Реформации в Англии, которая

¹⁶⁸ Ibid. — P. 87.

¹⁶⁹ Ibid. — P. 125.

¹⁷⁰ Ibid. — P. 131—132.

была сформулирована А.Дж. Диккенсом. Либеральные историки — последователи А.Дж. Диккенса рассуждают о том, какие церковные приходы лучше выражали верования начального этапа реформационного периода — или наиболее традиционалистские на севере и западе Англии, или отличавшиеся религиозным индифферентизмом юго-западные, или же следует ориентироваться в первую очередь на изучение религиозного сознания и взглядов жителей наиболее развитых в социально-экономическом отношении районов Англии. А.Дж. Диккенс, отстаивая свое мнение о раннем и быстром распространении протестантизма в Англии, сознательно делал акцент не на религиозных верованиях некоего «среднего англичанина», а на том, что думали о религии наиболее динамично мыслящие и влиятельные англичане, и поэтому отстаивал мнение, что надо изучать в первую очередь религиозные взгляды тех, кто жил в наиболее развитых районах Англии — в Лондоне, на юго-востоке страны. Самые активные и мобильные люди, считал А.Дж. Диккенс, способны увлечь влиянием своих взглядов остальных сограждан. С этим подходом в целом соглашается П. Коллинсон.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что для историков либерального направления, которое есть основания называть также вигско-протестантским, поскольку в их трудах по-прежнему проявляется симпатия к протестантизму, Реформация при Генрихе VIII (и английская Реформация в целом) была по своему содержанию подъемом протестантизма в среде позднесредневекового католицизма, объясняемым упадком католицизма к началу XVI в. Реформация рассматривается ими в позитивных понятиях как установление реформированной церкви и реформированной религиозности. А.Дж. Диккенс и его последователи рассматривают Реформацию как преимущественно богословскую по своей природе. Дж. Элтон рассматривает Реформацию в политических понятиях, но всё так же позитивно, как подъем современного национального государства. При обеих такого рода интерпретациях, богословской и политической, реформы при Генрихе VIII рассматриваются как конструктивные, устанавливающие новое понимание христианства в Англии, благотворные для дальнейшего исторического развития страны. Труды современных либеральных историков об английской Реформации — это позитивный по содержанию рассказ о расширяющем своё влияние протестантизме.

Рассматривая источники происхождения Реформации, либеральное направление, хотя всё-таки признает за Генрихом VIII приоритетную роль в отношении начала Реформации, стремится также выявить признаки поддержки Реформации в народе, идейные влияния со стороны лоллардизма и континентальных религиозных реформаторов. Для А.Дж. Диккенса главная причина начала и конечного успеха английской Реформации состояла в кризисном состоянии позднесредневекового католицизма, то есть находилась в сфере идейных влияний, хотя он не забывал также о важной роли королевской власти в этом процессе, признавая, таким образом, значение властно-политического фактора. Поэтому,

когда стала возможной легальная альтернатива средневековой религиозности в результате начала протестантских реформ, большинство английского народа приняло эти реформы, и не только из-за подчинения воле короны, но в первую очередь потому, что они восприняли как убедительную проповедь реформаторов.

В понимании хронологических рамок истории Реформации в Англии либеральные историки определяют их в промежутке между 1520-ми—1559 гг. и считают, что фундаментальным по своему историческому значению событием, способствовавшим завершению Реформации, было восшествие на престол королевы-протестантки Елизаветы в 1558 г., что привело к парламентскому решению религиозного вопроса в стране в 1559 г. По мнению либеральных историков, все ключевые события в истории Реформации в Англии к концу 1559 г. уже произошли.

В развитии либерального направления в изучении Реформации в Англии в современной британской историографии прослеживается определённая динамика, связанная с тем, что в 1960—70-е гг. в связи с активизацией в британской историографии исследователей, исповедовавших методологические подходы социальной истории, стали появляться работы, авторы которых стремились вписать религиозно-политическую историю Реформации в более широкий контекст тех социально-экономических процессов, которые происходили в Англии в XVI в. Вместе с тем, среди современных либеральных историков, занимающихся изучением английской Реформации, всегда были влиятельны историки-традиционалисты, отводившие главную роль в исследовании Реформации изучению событий в сфере религии и политики, которые под влиянием социальной истории пытались интегрировать в свои подходы элементы социальной, интеллектуальной, экономической истории, не отходя от опоры на традиционный историзм с присущим ему нарративизмом.

§2. Ревизионистское направление в современной британской историографии об истории Реформации в Англии

2.1. Особенности историографической ситуации в изучении истории английской Реформации на рубеже 1970–80-х гг. в британской историографии

Одной из характерных особенностей в развитии современной британской историографии, проявившейся в 1970–80-е гг., стало стремление историков нового поколения пересмотреть исследовательские подходы и оценки в ряде предметных областей в изучении истории Англии. В британской историографии в это время получил довольно значительное распространение ревизионизм в широком смысле слова. Это явление отразило внутринаучную потребность в обобщении нового материала, побуждавшего методологическую мысль к обновлению исследовательских подходов. В то же время есть основания для утверждений о том, что ревизионистское направление — это, фактически, консервативное направление в изучении истории Реформации на современной стадии существования этого традиционного направления британской историографии.

В области изучения истории Англии раннего нового времени двумя предметными областями, на которые особенно обратили внимание ревизионисты, являются история гражданской войны, Английской революции середины XVII в. и история Реформации в Англии. Эти явления в истории страны, к тому же, в определённой мере взаимосвязаны, поскольку религиозные споры и конфликты, порождённые в основе своей исходным влиянием Реформации, были заметной составной частью той идейной атмосферы, которая сложилась в Англии накануне гражданской войны, а также в её ходе.

Появлению ревизионизма как тенденции в современной британской историографии уделила внимание Л.П. Репина. По её словам, на рубеже 1970–80-х гг. в изучении английской революции появляется «неоревизионизм». Понятие «неоревизионизм» применительно к этому явлению она использует, видимо, для того, чтобы придать конкретную смысловую нагрузку чрезвычайно многозначному понятию «ревизионизм». В этом «неоревизионизме», по её словам, можно выделить определенное ядро аргументов: ограниченность роли парламента (и особенно палаты общин) в первой половине XVII в., неистребимый консерватизм политической идеологии парламентских лидеров, противостоявших «революционным новациям» короны в области политики и религии; случайный характер гражданской войны; установление в

результате гражданской войны «парламентской тирании», более жестокой, чем королевский абсолютизм. Инициатива в ревизии политической истории первой половины XVII в. принадлежала североамериканским историкам¹⁷¹, затем выступил канадский историк П. Кристиансон¹⁷², но и британские историки, особенно К. Рассел, практически одновременно внесли свой заметный вклад в развитие этого «неоревизионизма». Ревизионизм стал далее захватывать и область истории английского протестантизма, контрреформационных течений, обсуждение роли пуританизма. Ревизионистская историография дала большое количество эмпирических исследований¹⁷³.

В изучении причин гражданской войны и революции ревизионисты стали оспаривать существование долговременных конституционных и социальных конфликтов в Англии начала XVII в.¹⁷⁴ Ставилось под сомнение существование в предреволюционных парламентах сплочённой пуританской оппозиции, оспаривалось и значение пуританизма как прогрессивного идеологического движения в целом, подчеркивалось, что в предреволюционный период сохранялись влияние и престиж монархии как наиболее авторитетного политического института в стране, и обострение политического конфликта, которое привело к гражданской войне и революции, объяснялось стечением ряда в принципе случайных по характеру обстоятельств, сложившихся, в первую очередь, из-за неспособности к администрированию и к мирному разрешению конфликтов Карла I Стюарта и правящей элиты, на которую опирался монарх. Ревизионисты в оценке мотивов действий исторических персонажей также проявили склонность принижать значение идеологии, принципов, и, возрождая подходы к политической истории Англии, впервые апробированные Л.Б. Нэмиром (1888—1960), в нео-нэмирианском духе обращали внимание на корыстные материальные интересы, слабые административные способности тех или иных лиц. Консервативных историков также не устраивал телеологизм в толковании хода исторического процесса, который действительно может быть прослежен у либеральных британских историков, для которых характерны поиски долговременных причин

¹⁷¹ Farnell J.E. The Aristocracy and Leadership of Parliament in the English Civil War // *Journal of Modern History*. — 1972. — Vol. 44. — № 1. — P. 79—86.

¹⁷² Christianson P. The Causes of the English Revolution: A Reappraisal // *Journal of British Studies*. — 1976. — Vol. 15. — № 2. — P. 40—75.

¹⁷³ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. — М., 1998. — С. 95—96.

¹⁷⁴ The Origins of the English Civil War / Ed. by C.S.R. Russell. — London, 1973; *Idem*. Parliaments and English Politics 1621—1629. — Oxford, 1979; *Idem*. The Causes of the English Civil War. — Oxford, 1990; Morrill J.S. The Revolt of the Provinces. — London, 1976; Sharpe K. Introduction: Parliamentary History 1603—29: in or out of Perspective? // *Faction and Parliament* / Ed. by K. Sharpe. — Oxford, 1973. — P. 1—42; Kishlansky M. The Emergence of Adversary Politics in the Long Parliament // *Journal of Modern History*. — 1977. — № 49. — P. 617—640; *Idem*. Parliamentary Selection. — London, 1986; Kenyon J. P. The Stuart Constitution 1603—88. — London, 1986; Tyacke N. Anti-Calvinists. The Rise of English Arminianism c. 1590—1640. — Oxford, 1987; *Idem*. Puritanism, Arminianism and Counter-Revolution // The Origins of the English Civil War / Ed. by C.S.R. Russell. — London, 1973. — P. 119—143; Morrill J.S. The Religious Context of the English Civil War // *TRHS 5th Series*. — 1984. — № 34. — P. 155—178; *Idem*. The Attack of the Church of England in the Long Parliament, 1640—1642 // *History, Society and the Churches* / Ed. by D. Beales, G. Best. — London, 1985. — P. 105—124.

исторических событий. Сам исследовательский метод либеральных историков таков, что, как им виделось, если какое-то крупное историческое событие произошло, значительное историческое явление реализовалось, значит, у всего этого должны быть свои глубокие причины, коренящиеся и выражающиеся в долго вызревавших тенденциях, а не появившиеся накануне происшедшего события. История Англии в такой либеральной трактовке оказывалась историей того, как в стране победили «прогрессивные силы». В истории общества появлялась предзаданность: когда определенная тенденция общественного развития победила, задним числом гораздо легче проследить её истоки и представить её как важнейшую изначально, что и привело к её торжеству. В результате история Англии с середины XV по середину XVII вв. преподносилась как серия ряда «подъёмов» — подъёма монархии нового типа, подъёма протестантизма, подъёма джентри, пуританизма, парламента, и все эти движения имели своей кульминацией события гражданской войны и революции в стране. Ревизионисты же поставили под сомнение степень влияния этих модернизационных процессов на ход истории страны, отмечая сохранение исторической преемственности, консервативных по характеру устоев в социальной организации, общественном сознании, которые не были сломлены событийными бурями гражданской войны и революции. В этих оценках с ревизионистами стал солидаризироваться также известный праволиберальный историк Дж. Элтон¹⁷⁵.

Подобные же исследовательские подходы, которые были названы ревизионистскими самими британскими историками, стали развиваться в изучении истории Реформации в Англии XVI—начала XVII в.¹⁷⁶ Историки ревизионистского направления в 1987 г. опубликовали сборник «Пересмотренная английская Реформация», повторяя это издание в последующие годы еще несколько раз¹⁷⁷. В предисловии объявляется, что авторы задумали создать «альтернативную историю Реформации в Англии в её основных контурах»¹⁷⁸. Историки-ревизионисты развернули целенаправленную полемику с той концепцией истории Реформации в Англии, которая была разработана А.Дж. Диккенсом. К классическим либеральным работам по истории английской Реформации ревизионисты относят, наряду с основной работой А.Дж. Диккенса «Английская Реформация»¹⁷⁹, также работу Т. Паркера «Английская Реформация до 1558 года» (1950)¹⁸⁰.

¹⁷⁵ Elton G.R. *A High Road to Civil War? // Studies in Tudor and Stuart Politics and Government.* — Cambridge, 1974—1983. — Vol. II. — P. 164—169.

¹⁷⁶ *The Reign of Elizabeth I / Ed. by Ch. Haigh.* — London etc., 1984; *The English Reformation Revised / Ed. by Ch. Haigh.* — Cambridge University Press, 1990; *Idem.* *English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors.* — Oxford, 1993; *Idem.* *Reformation and Resistance in Tudor Lancashire.* — London, 1975; *Scarisbrick J. J.* *Henry VIII.* — London, 1970; *Idem.* *The Reformation and the English People.* — Oxford, 1984; *Duffy E.* *The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, 1400—1580.* — New Haven — London, 1992.

¹⁷⁷ *The English Reformation Revised / Ed. by Ch. Haigh.* — Cambridge University Press, 1990.

¹⁷⁸ *Ibid.* — P. IX.

¹⁷⁹ *Dickens A.G.* *The English Reformation.* — London, 1964.

¹⁸⁰ *Parker T.M.* *The English Reformation to 1558.* — London, 1950.

Главным вдохновителем в развернувшейся полемике между историками-ревизионистами и либеральным направлением в изучении истории Реформации в Англии стал К. Хейг. Признавая значение работ А.Дж. Диккенса и тот большой вклад, который он внес в изучение английской Реформации, ревизионисты в то же самое время отмечают, что под влиянием работ самого А.Дж. Диккенса стали ставиться под сомнение старые ответы, возникать новые вопросы по сравнению с тем видением проблем, которое было у него при написании его обобщающего труда о Реформации. К 1980-м гг. исследователи Реформации стали добавлять некоторые детали к её истории, но появились и такие историки, которые предполагали, что возникла необходимость в фундаментальном пересмотре исследовательской перспективы. В эти годы завершился определенный этап в изучении истории Реформации. Ревизионисты проводят мысль о том, что современная стадия в изучении истории английской Реформации — это не только результат намеренного применения ревизионистских подходов, но ещё и результат изучения свидетельств, которым раньше не придавали значения, а также следствие значительного расширения региональных исследований.

2.2. Идеино-теоретические источники в формировании ревизионистского направления в изучении Реформации в Англии в современной британской историографии.

На представителей ревизионистского направления повлияли теоретико-методологические взгляды Р.Дж. Коллингвуда (1889—1943) и особенно М. Оукшотта (1901—1990), на которого прямо ссылается К. Хейг, отмечая, что философско-методологические идеи М. Оукшотта помогли ему осмыслить ход Реформации в Англии¹⁸¹.

М. Оукшотт — убежденный сторонник индивидуализирующего подхода в изучении истории. Как писал М. Оукшотт в статье «Деятельность историка» (1955), «в изучении истории наиболее привлекательным считается метод исследования (хотя могут существовать и другие, еще не известные методы), объясняющий события прошлого посредством представления их в качестве примеров действия общих законов. Я лично не могу понять, как этот путь рассуждений мог бы привести к полезным результатам. В основе его лежат далеко не очевидные предположения, и его приемлемость зависит от нашего отношения к обоснованности этих предположений. Историческое познание в его нынешнем состоянии в принципе вынуждено оставлять прошлое не вполне понятым»¹⁸².

¹⁸¹ Haigh Ch. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 20.

¹⁸² Оукшотт М. Рационализм в политике и другие статьи. — М., 2002. — С. 129. В этом издании русская транслитерация фамилии британского философа (Oakeshott) воспроизводится именно так.

Историк, по мнению М. Оукшотта, отличается своими стремлениями верифицировать свои утверждения о прошлом — в этом видно влияние неопозитивизма на его взгляды. По его словам, «в качестве особой деятельности «история» возникает из общего и неспециализированного интереса к прошлому в тех случаях, когда существует искренняя забота об «истине». «Историческим» событием является любое происшествие, которое, по нашему убеждению (опирающемуся на определённые методы исследования), было таким, как мы его описали»¹⁸³. М. Оукшотт считал, что среди историков «пионерами специализации» были библейские и церковные историки, что постепенно распространилось на другие сферы исследования¹⁸⁴.

Выделяя среди типов отношения к прошлому практический, научный (объективный) и созерцательный типы, М. Оукшотт утверждал, что «с точки зрения особой «исторической» позиции (как она представлена в том типе утверждений, который я считаю характерным для исторических сочинений) прошлое не рассматривается в отношении к настоящему и не истолковывается так, как если бы оно было настоящим. Всё, что раскрывают или на что указывают источники, воспринимается как обладающее своим собственным местом; ничто не исключается, ничто не считается «не относящимся к делу». Место события не определяется его отношением к последующим событиям». Как писал М. Оукшотт, «мы не ищем здесь ни оправдания, ни критики, ни объяснения последующего или настоящего положения дел. Ничто не вызывает одобрения, и не существует такого желаемого положения дел, которое можно было бы одобрить, но ничто и не обличается. Такое прошлое существует вне морали, политического устройства или социальной структуры, которые практический человек переносит из своего настоящего в свое прошлое. Утверждения о прошлом на языке практики в таком случае должны быть признаны не «ложными», а просто «не-историческими» утверждениями о прошлом»¹⁸⁵.

Как писал М. Оукшотт, историческое исследование не определяется случайными столкновениями с текущими событиями: «историк собирает для себя мир современного опыта (документы и т.п.), руководствуясь соображениями пригодности (соответствия) и полноты. Именно из этого мира настоящего опыта возникает «историческое» прошлое. Историк свободен от практического интереса к прошлому, события прошлого интересуют историка ради них самих, в их независимости от последующих или современных событий. Это — «научное» отношение к прошлому. В современной Европе «научное» отношение к миру и «историческое» отношение к прошлому возникли одновременно и взаимно влияли друг на друга»¹⁸⁶.

М. Оукшотт возражал против того, чтобы интерес учёного к установлению всеобщих причин, необходимых и достаточных условий был принят за образец, которому должен был следовать «историк»: «учёный» имеет дело только с гипотетическими ситуациями, а это сразу же отделя-

¹⁸³ Там же. — С. 130.

¹⁸⁴ Там же. — С. 140.

¹⁸⁵ Там же. — С. 142.

¹⁸⁶ Там же. — С. 143.

ет его деятельность от всего, чем может заниматься «историк». При этом события в понимании «историка» не содержат ничего случайного, как не содержат «необходимого» или «неизбежного». Деятельность историка «состоит не в распутывании всеобщих причин или необходимых и достаточных условий, а в предъявлении нам цепочки событий (в той мере, в которой они могут быть установлены), которая является связующим звеном от одного обстоятельства к другому. Учёный в состоянии установить набор условий, которые образуют необходимые и достаточные условия гипотетической ситуации, обозначаемой выражениями «горение» или «окисление». Но «историк», хотя и пишет иногда о начале войны как о «пожарище», не оставляет нам и тени сомнения в том, что ему неизвестен набор таких условий, которые могли бы быть названы необходимыми и достаточными для возникновения такого «пожарища». Ему известен только набор событий, которые, будучи полностью изложены, заставляют воспринимать факт начала данной войны не как «случайность», «чудо» или «необходимость», а просто как понятное происшествие»¹⁸⁷.

С точки зрения М. Оукшотта, историческое исследование — отношение к прошлому, не являющееся ни практическим, ни научным, ни созерцательным. Появление такого отношения М. Оукшотт считает важным достижением, отличает его от научного отношения. Историческое познание возникло постепенно из нескольких видов деятельности, в процессе которых события настоящего понимаются как свидетельства прошедших событий. Как писал М. Оукшотт, «историческое отношение наделяет прошлое, а также мир исключительно гипотетическим и промежуточным типом понятности, а мы можем захотеть продвинуться дальше. Оно указывает на существование более «научного» понимания мира, при котором происшедшие события воспринимаются как примеры действия всеобщих законов. Попытка достижения этого более «научного» понимания заманчива и может (на время) отвлечь наше внимание о того, что сейчас считается «историческим» познанием, но она сталкивается с громадными трудностями (в придании связности понятийной структуре и в сборе соответствующей информации). Поэтому нелегко увидеть, каким образом (даже при достижении определённых результатов) одно состояние общества когда-нибудь могло смениться другим». При этом, по мнению М. Оукшотта, «после отделения деятельности «историка» от «практического» отношения к событиям прошлого стали возможны почти все технические достижения историографии за последние 200 лет»¹⁸⁸.

М. Оукшотт утверждал, что, «если историк предпринимает поиск «источков», он познает прошлое только в той мере, в какой прошлое представлено в данной ситуации, и налагает на события прошлого произвольную телеологическую структуру. Вместо того, чтобы побуждать исследователя к открытию того способа, которым одна конкретная ситуация переходит в другую, оно провоцирует его всего лишь к абстрактному

¹⁸⁷ Там же. — С. 144.

¹⁸⁸ Там же. — С. 145—146.

рассмотрению прошлого. Уже не раз, по словам М. Оукшотта, высказывалось скептическое отношение к возможности подлинно исторического исследования событий недавнего прошлого, а также указывалось на ограниченность «исторического» характера «официальных» исследований прошлого. От них нельзя ожидать достижения статуса «исторического» исследования». М. Оукшотт приводил довод в пользу «исторического подхода» к объекту исследования: «легче созерцать объект, чья бесполезность и неприменимость к текущим делам позволяет его изолировать, и легче оценить шутку, если она не направлена против самого себя. Трудно взглянуть «исторически» не только на недавнее прошлое, но и на любой период или ситуацию, которые вызывают практический интерес»¹⁸⁹.

Как писал М. Оукшотт, при истолковании деятельности историка подтверждается справедливость исключения морального одобрения или осуждения и выражений, представляющих моральные оценки поведения в прошлом. При этом возможно не вынесение моральных суждений, но описание поведения в терминах морали. Суждение по поводу моральной ценности поведения и наложение моральной конструкции на прошлое, писал М. Оукшотт, «представляют собой вторжение практического интереса в исследование прошлого. Помимо этой, не нужно искать причин для исключения моральных оценок из деятельности историка»¹⁹⁰.

Как считал М. Оукшотт, «практика» и «история» — это два разных универсума рассуждения. Таким образом, «задача «историка» заключается в том, чтобы создать перевод и понять поведение людей и событий прошлого так, как они никогда не понимались в свое время; перевести действия и события с их практического языка на исторический язык. Но при этом М. Оукшотт отмечал, что «практическое прошлое (включая моральные оценки прошлого поведения) — враг не человечества, а только «историка»»¹⁹¹.

По мнению М. Оукшотта, «история не дает ни эстетического наслаждения, ни «научного» осознания, ни практического понимания. «Историческое» прошлое — это сложный, трудный для понимания мир, мир без единства чувств и ясного сюжета: в нем события не имеют единого образца и замысла, никуда не ведут, не указывают на предпочитаемое строение мира и не служат основанием для практических выводов. Это мир, целиком состоящий из случайностей, в котором случайности понятны не потому, что они разрешены, а благодаря подробным и обстоятельным связям, которые установлены между ними: историка интересуют не причины, а повод. Это картина, вычерченная во множестве разных измерений, и каждая часть подлинно исторического сочинения имеет свой собственный масштаб и должна быть признана самостоятельным примером исторического мышления. Деятельность историка не сводится к тому, чтобы способствовать разъяснению единственно мыслимой последовательности событий, которая может быть названа «правдой», а все другие

¹⁸⁹ Там же. — С. 147—148.

¹⁹⁰ Там же. — С. 149.

¹⁹¹ Там же. — С. 150—151.

должны быть отброшены; это деятельность, в которой ученый, занятый прошлым ради самого прошлого и работающий в избранном масштабе, добивается связности в группе случайностей сходного размера»¹⁹².

И.И. Шарифжанов, характеризуя взгляды М. Оукшотта, отмечает, что, по словам британского историка, «методом историка никогда не является объяснение посредством обобщения, но всегда — посредством более полной и мельчайшей детализации», когда сообщаемые подробности должны сделать излишним какое-либо дополнительное объяснение¹⁹³.

Индивидуализирующий подход к пониманию исторического исследования, как отмечает И.И. Шарифжанов, обосновывал также Р. Дж. Коллингвуд. Согласно мнению Коллингвуда, «научное сознание игнорирует факт во всей его сложности и индивидуальности, и для такого сознания факты — лишь примеры абстрактного закона. Историческое же сознание, напротив, основывается на представлении о мире фактов как абсолютном объекте, и не один факт в нем не отбрасывается с порога. История «радуется» всему, что не подходит под абстрактный закон, она находит удовлетворение в самой разнообразии и уникальности объективных фактов прошлого. Причину происшедшего надо искать не в абстрактном научном законе, а в связи фактов. Наука разрушает конкретность и индивидуальность, восстановить которые в своих правах призвана история»¹⁹⁴.

Специально занимавшийся изучением теоретико-методологических взглядов М. Оукшотта Б.В. Николаев причисляет его к традиции английского абсолютного идеализма (или английского неогегельянства), основные представители которого — Т.Х. Грин, Ф.Г. Брэдли, Б. Бозанкет, Р.Дж. Коллингвуд¹⁹⁵. С.В. Никоненко считает М. Оукшотта, если говорить о его политических взглядах, представителем философии политического консерватизма¹⁹⁶.

Согласно мнению Б.В. Николаева, для оукшоттовской логики изложения и аргументации характерно стремление к достижению умозаключения не посредством сведения выявленных противоположных моментов в единой средней формулировке, но путем установления крайних высказываний, что создает (или должно создавать) своеобразное «поле напряжения», в котором и следует видеть окончательную позицию автора по тому или иному вопросу. Но в таком подходе, считает Б.В. Николаев, отсутствует синтез, что размывает общую авторскую позицию — промежуточные между крайними формулировками поля рассыпаются, оставляя лишь крайние формулировки. Согласно М. Оукшотту, можно постулировать лишь современность истории. Не существует ничего, кроме настоящего, современного. Деятельность историка в то же время проис-

¹⁹² Там же. — С. 152.

¹⁹³ Шарифжанов И.И. Английская историография в XX веке. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. — Казань, 2004. — С. 52.

¹⁹⁴ Там же. — С. 53—54.

¹⁹⁵ Николаев Б.В. Проблемы методологии истории в творчестве М. Оукшотта. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. — Казань, 1996. — С. 12.

¹⁹⁶ Никоненко С.В. Английская философия XX века. — СПб., 2003. — С. 692.

ходит с учетом другого полюса: прошлое надо изучать ради любви к нему как таковому. Реальная деятельность историка — это действия в рамках между этими полюсами. К паре оппозиций, между которыми действует историк, М. Оукшотт относил также: а) отрицание причинности, детерминированности исторического процесса б) утверждение, что в истории нет ничего просто случайного¹⁹⁷.

По мнению М. Оукшотта, в исторических знаниях центральными являются категории «качества» и «особенности» (но не «уникальности»), а не анализ количественных аспектов явлений и общие регулярные характеристики объектов. М. Оукшотт высказывался против некритического заимствования методов естественных и точных наук в истории, но считал неправомерной также полную изоляцию между гуманитарными и естественными науками. Возможно взаимодействие между ними как на уровне предмета (возникновение такой отрасли, как история науки, или существование «исторической геологии»), так и метода (использование естественнонаучных методов датировок, количественных (статистических) методов). История и естественные науки имеют общую рациональную основу в познании. В истории трудно говорить о подлинно универсальных научных законах, но историки всё же используют причинно-следственное объяснение, структурирование исторического знания подобным образом возможно.

Одна из важнейших категорий оукшоттовской теории исторического познания — «контингенция» (обусловленность), которая функционирует в рамках еще одной пары постулатов: а) автор постоянно подчеркивает творческую активность субъекта исследования, говорит о созидательности, конструктивности, креативности как отличительных характеристиках подлинной истории, но б) требует принятия в качестве основного принципа осуществления историком своей деятельности принципа «всё более полного и всеобъемлющего детализирования» — лишь при максимально возможном установлении всех фактов относительно того или иного предмета, при создании самой полной и всеобъемлющей исторической картины возможна история в строгом оукшоттовском смысле слова. Основанная на этом подходе, концепция М. Оукшотта разрабатывает понятия «нарративизма» и «конструкционизма». «Нарративизм» в трактовке М. Оукшотта сводится к: а) требованию «всё более полной и всеобъемлющей детализации» как необходимому для исторического исследования», но при этом детализация не должна заслонять собой главную цель работы; б) этот тезис подчеркивает повествовательность форм изложения результатов исторического исследования, хотя далеко не все они повествовательны по характеру; в) это указывает на важную особенность истории как науки, поскольку результаты естественнонаучных исследований по преимуществу не нуждаются в литературном изложении. Нарративизм у М. Оукшотта нацелен, в конечном счете, на демонстрацию «всего того, что актуально сплеталось». М. Оукшотт не обсуждал во-

¹⁹⁷ Николаев Б.В. Проблемы методологии истории в творчестве М. Оукшотта. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. — Казань, 1996. — С. 12—15.

прос о возможности или необходимости выдвижения каких-то ключевых идей, гипотез для построения адекватной, объективной картины исторических событий¹⁹⁸.

Понятие «конструктивизм», развиваемое М. Оукшоттом, делает акцент на творческой роли субъекта познания в противовес позитивистскому видению историка как пассивного регистратора фактов, которые историк может лишь исказить, если попытается внести в них элемент субъективности, позволяет акцентировать внимание на важности теоретического и методологического аппарата историка для успешного проведения исследования. Но историческое исследование превращается, в понимании М. Оукшотта, в своего рода аксиоматическое знание: есть аксиомы (постулаты исторического мышления), теоремы (гипотезы, идеи историка), из которых конструируется достаточно произвольная схема (нарратив), наполняемая посредством всё более полной и всеобъемлющей детализации. Б.В. Николаев делает вывод, что на творчество М. Оукшотта, наряду с английским абсолютным идеализмом, повлияли школы «исторического идеализма» и логического позитивизма, «критической философии истории».

М. Оукшотт испытал также влияние «аналитической философии истории». В связи с этим, как считает Б.В. Николаев, рассмотрение М. Оукшотта как «позитивиста» или «неопозитивиста» не является необоснованным, но всё же односторонним, и понимание его творчества возможно лишь при условии принятия во внимание обеих сторон его взглядов и их истоков — идеалистического и позитивистского¹⁹⁹.

М. Оукшотт, как считает Б.В. Николаев, имел серьезные расхождения во взглядах с историками-традиционалистами, сторонниками «старых путей» в истории, как они представлены в работах И. Берлина, Дж. Элтона, Г. Баттерфилда, А. Буллока, Г. Леффа и др. Если представители «старых путей» в вопросе о реальности исторического прошлого являются в основном «реалистами», принимают, даже если в качестве допущения, реальность прошлого, то М. Оукшотт считал, что прошлого как такового не существует, существует лишь настоящее (историк и источник). Эта позиция близка взглядам Р.Дж. Коллингвуда. Сторонники «старых путей» сосредоточивают внимание на необходимости адекватного исследования историком своих источников, на важности именно этого этапа в историческом исследовании, а М. Оукшотт основной акцент делал на креативности, созидательности в деятельности историка, который являлся для М. Оукшотта «конструктором», «творцом» истории. Критерий истинности для М. Оукшотта — внутренняя непротиворечивость системы идей²⁰⁰.

Характеризуя общетеоретические взгляды М. Оукшотта, С.В. Николенко отмечает, что английский философ критиковал политический рационализм. Вместо рационального выведения универсальной теории Оукшотт предлагал концепцию практического решения проблемы, когда

¹⁹⁸ Там же. — С. 17—18.

¹⁹⁹ Там же. — С. 19—20.

²⁰⁰ Там же. — С. 21.

решение, оказываясь конкретным, выбрано на основании рационального предпочтения, хотя предпочтения не являются объективными понятиями. Оукшотт отказывался проводить разделение на «политические теории» и конкретные проблемы. Политические институты, считал М. Оукшотт, являются продуктами неисчислимых актов человеческого выбора в течение долгого времени, а не какого-то человеческого плана. Эти акты выбора, из которых они проистекают, есть не ответ на абстрактные убеждения, но ответы на непосредственные ситуации²⁰¹. В свете этого рассуждения можно предполагать, что историки-ревизионисты как раз под влиянием идей М. Оукшотта истолковали ход английской Реформации как необходимость многократного решения конкретных текущих религиозно-политических проблем, в результате чего получилось нечто большее, чем простое решение той или иной проблемы.

По мнению М. Оукшотта, «традиция — не рационально выведенный стандарт, а только фиксация устойчивых предпочтений людей определённой эпохи, культуры, сословия, религии и т.п.²⁰². При этом в рамках традиции должны существовать «свобода» и «способность к новшествам», традиция исторична по характеру²⁰³. Причины установления и сохранения определённых ценностей в обществе связаны с влиянием «авторитета» — это возможность сохранять и проводить определённые ценности, идеи и программы посредством политической власти. Оукшотт выступал против возможности рационального определения любых политических категорий, проповедовал политическую стабильность, рассудительность в политике, постепенность любых политических преобразований, считал, что не существует такого понятия, как «цель истории»²⁰⁴. Он развивал мнение, что никакая идеология не может быть сведена к рациональной системе понятий. Идеологию невозможно оторвать от практики, то есть от разговора, «манеры», деятельности, предпочтений. В политической практике консерватор является убежденным противником масштабных и непроверенных в отношении возможных результатов реформ, предпочитает небольшие и контролируемые изменения, часто не променяет известное хорошее на неизвестное лучшее, спокойно переживёт неизбежные потери и конфликты. Охранительный идеал консерватизма вносит в общество дух спокойствия и взвешенности, даже умеряет степень эксплуатации и стремление одних людей использовать других людей. Сдержанность в отношении выбора средств побуждает консерватора предпочитать известные и апробированные способы решения социальных и политических проблем²⁰⁵.

Оукшотт считал невозможным установление рациональных стандартов, регулирующих человеческое поведение во всеобщем смысле, по-

²⁰¹ *Oakeshott M. Religion, Politics and the Moral Life.* — New Haven-London, 1993. — P. 117. Цит. по: *Никоненко С.В. Английская философия XX века.* — СПб., 2003. — С. 694—695.

²⁰² *Никоненко С.В. Английская философия XX века.* — СПб., 2003. — С. 696.

²⁰³ *Oakeshott M. Rationalism in Politics and Other Essays.* — Indianapolis, 1991. — P. 63.

²⁰⁴ *Никоненко С.В. Английская философия XX века.* — СПб., 2003. — С. 697—699.

²⁰⁵ Там же. — С. 701.

сколькx поведение и деятельность он полагал первичными по отношению к размышлению. Оукшотт не признавал понятие «рациональное поведение», а также понимание разума как центра и сущности человеческой природы, не разделял разум и деятельность. В поздний период творчества он даже подвергал сомнению существование «мыслей», предлагая заменить их на понятие «образов». По мнению М. Оукшотта, моральные ценности имеют практический характер, но не выводятся рационально. Люди сначала соглашаются действовать вместе, а потом более или менее рационально размышляют по этому поводу²⁰⁶.

Это краткое изложение представлений М. Оукшотта, думается, позволяет во многом понять те идейные влияния, которые испытала ревизионистская концепция английской Реформации в современной британской историографии. Опираясь на такой подход к пониманию истории общества, стало возможным понимание того, что Реформацию в Англии можно истолковать в первую очередь как результат постепенных действий королевской власти в политической сфере, исходя из своих непосредственных текущих интересов.

2.3. Критика либеральной концепции в изучении истории Реформации в Англии в работах К. Хейга

Наибольший вклад в критику либеральной концепции А.Дж. Диккенса в изучении истории Реформации в Англии, в формирование и развитие ревизионистского направления в современной британской историографии истории английской Реформации внесли труды К. Хейга²⁰⁷.

Как отмечает К. Хейг, вигскую интерпретацию Реформации удобно излагать в виде рассказа: история Реформации становится обозримой, укладывающейся в определённые рамки. Но историю Реформации в Англии сейчас надо писать так, чтобы быть справедливым и по отношению к католикам, и к протестантам, к необразованным англичанам и к богословам, чтобы показать взаимодействие группировок и сил в центре и в регионах страны и проследить изменения в религиозных взглядах народа в разных районах Англии. По мнению К. Хейга, это путь к тому, чтобы показать прошлое во всем его разнообразии и сложности без упрощений²⁰⁸.

Одна из причин популярности той версии истории Реформации, которую представляет концепция А.Дж. Диккенса, как считают ревизионисты, состоит в том, что она базируется на прочно устоявшейся традиции в английском историческом сознании. В концепции А.Дж. Диккенса

²⁰⁶ Николенко С.В. Английская философия XX века. — СПб., 2003. — С. 706.

²⁰⁷ The Reign of Elizabeth I / Ed. by Ch. Haigh. — London etc., 1984; The English Reformation Revised / Ed. by Ch. Haigh. — Cambridge University Press, 1990; Haigh Ch. English Reformation. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993; Idem. Reformation and Resistance in Tudor Lancashire. — London, 1975.

²⁰⁸ The English Reformation Revised. — Cambridge University Press, 1990. — P. 33.

видны характерные черты, присущие либеральному историзму, и даже более ранние историографические паттерны, восходящие к тому, как осмысливалась история Реформации в Англии в середине и второй половине XVI в. самими английскими протестантами того времени. К. Хейг утверждает, что главная работа А.Дж. Диккенса — это усложнённая и утончённая версия той истории, которую впервые рассказал Джон Фокс в 1563 г. в своем труде «Деяния и памятники английской церкви». При всём обилии содержащегося в нем достоверного фактического материала Джон Фокс выступал в нём и как историк, и, в сущности, как апологет протестантизма в Англии. А.Дж. Диккенс в своей работе, как считает К. Хейг, преследовал три цели: описать глубоко укоренённые в истории Англии причины коренных изменений в религиозной сфере в 1529—1559 гг.; подчеркнуть роль протестантской идеологии, а не политическое и конституционное давление в том, что эти изменения произошли; показать влияние этой революции в религиозной сфере на жизнь простого народа²⁰⁹. Решением всех этих задач впервые занялся, в сущности, уже Джон Фокс²¹⁰, который своим трудом создал образец протестантской пропаганды с тем, чтобы способствовать делу дальнейшей Реформации в Англии, дискредитируя «исповедовавших ложную религию кровожадных католиков» и превознося «истинных смиренных мучеников и служителей Бога»²¹¹. По мнению К. Хейга, у Диккенса с Фоксом очень много общего во взглядах на английскую Реформацию и в источниках. Оба они видели то, что происходило в Англии в эпоху Реформации, как подъём имеющего реформаторский потенциал протестантизма за счёт дискредитировавшего себя ущербного католицизма, подчёркивали значение деятельности лоллардов как идейных предшественников английской Реформации, а суды над еретиками и их преследования накануне Реформации они рассматривали как свидетельство распространения протестантизма.

Как и другие либеральные историки в соответствии со своими методологическими подходами, А.Дж. Диккенс считал необходимым искать глубокие причины долговременного характера для объяснения событий периода 1529—1559 гг., когда произошли основные события, обеспечившие на законодательном уровне утверждение протестантизма в стране как официальной религии и закрепившие положение монарха как главы церкви Англии. Движущей силой Реформации для Диккенса было распространение в Англии протестантских идей, утверждение их в народе, в результате чего в оценке событий политические и конституционные реформы Генриха VIII, провозгласившего в 1534 г. королевскую супрематию в церкви Англии, по своему значению, как получалось, уже не имели сами по себе такого кардинального влияния на исторические судьбы страны, поскольку проводилась мысль о том, что Реформация успешно развернулась в Англии после 1534 г. в первую очередь потому, что в стра-

²⁰⁹ Dickens A.G. The English Reformation. — London, 1964. — P. V.

²¹⁰ The English Reformation Revised. — Cambridge University Press, 1990. — P. 1.

²¹¹ Foxe J. Acts and Monuments / Ed. G. Townsend. — London, 1843—1849. — Vol. IV. — P. 587—588.

не уже действовали носители реформационных идей. Но концептуальная схема А. Дж. Диккенса — пример характерного для либеральных историков эволюционистского понимания историзма, когда утверждается, что предыдущая стадия исторического развития готовила все необходимое для того, чтобы это развитие вышло именно на эту следующую стадию. В известном смысле историческое развитие общества так и происходит, но современные критики концепции Диккенса отмечают и то, как внезапные изменения в сфере политической жизни того или иного общества могут придать другое направление ходу развития событий (примеры этого есть в истории Англии XVI в., и в английской истории других периодов, в целом их можно обнаружить в истории практически любой страны). Диккенс же в начале своего труда рассуждает о причинах, в течение довольно длительного времени подготавливавших начало Реформации, и легко находит эти причины — если Реформация произошла, это искушает сделать вывод о том, что она была подготовлена долговременными процессами и необходима, была оправданным протестом против вопиющих недостатков позднесредневековой церкви. Данный подход, к тому же, настраивает и на поиски недостатков в церкви, так как в стране развернулась и победила Реформация.

В то же время многие современные британские историки, занимающиеся этими проблемами, обращают внимание на то, что к недостаткам позднесредневековой церкви нужно подходить более исторично. В предреформационной церкви в восприятии рационального сознания многое видится как недостатки и предрассудки, но предрассудки с современной точки зрения для того или иного периода в прошлом могут быть ещё функциональными элементами духовной жизни этого периода. Например, сельский приходской священник в начале XVI в., предлагая прихожанам молитвы для защиты от опасностей жизни или выступая как экзорцист, изгоняющий злые силы, не воспринимался массовым сознанием как носитель невежества, идолопоклонничества и магизма — сначала должен был появиться его протестантский конкурент, другой священник, который пояснил бы прихожанам, что существует очищенное от предрассудков и магизма истинное духовное христианство. Но такая протестантская критика поначалу не пользовалась популярностью. Многие прихожане по-прежнему считали одной из функций религии то, что она была призвана выполнять еще и функции протективной магии²¹².

Церковь Англии в предреформационный период, как отмечают исследователи, не была в такой степени, как на европейском континенте, затронута так называемой «порчей церкви». Многие епископы в это время проявляли реальную заботу о подчиненном им духовенстве, о выполнении священниками обязанностей по отношению к прихожанам, а церковные суды давали возможность для удобных решений местных

²¹² Thomas K. Religion and the Decline of Magic. — London, 1971. — P. 27—188; Bossy J. Christianity in the West, 1400—1700. — Oxford, 1985. — P. 1—75.

проблем без больших финансовых расходов²¹³. Но атака реформаторов на церковные суды ослабила их авторитет, не дала возможности продолжить работу по совершенствованию церковной юрисдикции: Реформация блокировала возможность дальнейших спокойных реформ в рамках существовавшей церковной организации.

Историки Реформации из поколения в поколение, начиная с XVI в., приводили примеры аморальности и плохого выполнения своих обязанностей духовенством, что было, в их толковании, фактором, подготавливавшим Реформацию. Критики же либеральной концепции А.Дж. Диккенса стали обращать внимание на то, что такие случаи предосудительного поведения духовных лиц не были всё же слишком частыми, и даже монастыри, на которые обрушился первый удар английской Реформации в 1536—1539 гг., в большинстве своем были религиозными общинами, духовная атмосфера в которых была вполне благоприятной. Монастыри также давали приют путникам, играли образовательную роль в обществе, а также отправляли необходимые, в восприятии современников, душеспасительные молитвы за души умерших²¹⁴.

Если бы в самом деле английское духовенство было настолько не квалифицировано, инертно и корыстно, как утверждали либеральные историки, то невозможно было бы объяснить значительные пожалования церкви со стороны светских лиц в предреформационный период и стремление значительного количества мирян попасть в число духовных лиц, свидетельства чего ревизионисты находят также в работах современных исследователей²¹⁵. По мнению критиков концепции Диккенса, в английской церкви накануне Реформации можно увидеть и недостатки, но, если оставаться в рамках взвешенных суждений, церковь Англии была в это время вполне адекватным, живым социальным институтом, а Реформация не была продуктом разложения церкви, да ещё долговременного, так как приверженность к традиционной религиозности в предреформационный период не убывала, а нарастала. Такие выводы можно сделать также на основе конкретных работ историков, которые сами по себе не относятся к ревизионистам²¹⁶.

В истолковании событий начала реформационного периода для объяснения того, как по преимуществу католическая страна быстро при-

²¹³ *Thompson S.* The Pastoral Work of the English and Welsh Bishops, 1500—1558. — University of Oxford D. Phil. Thesis, 1984; *Houlebrooke R.* Church Courts and the People during the English Reformation, 1520—1579. — Oxford, 1979. — P. 10—11, 95—96, 114—115, 271—272.

²¹⁴ *Knowles D.* The Religious Orders in England. — Cambridge, 1948—1959. — Vol. I—III. — Vol. III. P. 3—137, 241—303; *Haigh Ch.* Reformation and Resistance in Tudor Lancashire. — Cambridge, 1975. — P. 118—126.

²¹⁵ *Swanson R.N.* Church and Society in Late Medieval England. — Oxford, 1989. — P. 35—36; *Davis V.* Rivals for Ministry? Ordinations of Secular and Regular Clergy in Southern England c. 1300—1500. — Studies in Church History 26. — Oxford, 1989. — P. 104; *Moran J.A.H.* Clerical Recruitment in the Diocese of York: Data and Commentary // JEH. — 1984. — Vol. 34. — P. 54; *Zell M.L.* Economic Problems of the Parochial Clergy in the Sixteenth Century // Princes and Paupers in the English Church, 1500—1800 / Ed. by R. O'Day, F. Heal. — Leicester, 1981. — P. 22.

²¹⁶ *Bowker M.* The Secular Clergy in the Diocese of Lincoln, 1495—1520. — Cambridge, 1968; *Heath P.* The English Parish Clergy on the Eve of the Reformation. — London, 1969.

няла, в сущности, в мирной форме Реформацию историки, придерживавшиеся позиции А.Дж. Диккенса, разрабатывали тезис о росте антиклерикализма в Англии накануне Реформации. Согласно этому подходу, недовольные моральным обликом своего духовенства и недостатками церкви англичане хотели ограничить социальную роль церкви²¹⁷. Свидетельством того, что в английском обществе начала XVI в. действительно распространилось отчуждение от институционального католицизма, перераставшее порой и в антиклерикальные настроения, Диккенс считал деятельность лоллардов. Сторонники концепции Диккенса полагали, что лолларды могли оказывать поддержку первым протестантским проповедникам в Англии, а понимание таинств у лоллардов повлияло на взгляды английских протестантов²¹⁸.

Критики же концепции Диккенса отмечают, что остается неясным вопрос о численности сохранившихся лоллардов и о степени их влияния на религиозное сознание в Англии начала XVI в. То, что Реформация произошла, не означает, что она была желательна для народа, утверждают ревизионисты. Сведения о деятельности лоллардов исследователи в основном черпают из материалов об их преследованиях, судах над ними, а большинство этих известий было собрано еще протестантским апологетом Джоном Фоксом для своего основного труда «Деяния и памятники английской церкви».

Современные историки подняли и вопрос о понимании преследователями взглядов лоллардов: их допрашивали юристы и богословы, которые в своих вопросах, последующих отчетах о допросах лоллардов могли придавать ответам подозреваемых в ереси не присущую им самим по себе связность и последовательность, в результате чего скептицизм, а чаще недопонимание чего-либо в учении церкви у простых людей могло в толковании богословски образованных лиц при соответствующем настроении, или данной церковными властями установке на обнаружение еретиков приобрести внешний вид каких-то последовательных еретических взглядов. Рост численности лоллардов, прослеживаемый по источникам в XV—начале XVI в., может отражать, в первую очередь, ужесточение их преследований со стороны властей под влиянием каких-то казусов, или периодически посещавшие церковные власти мысли о том, что еретиков не следует оставлять в покое, так что эти отчеты могут быть ещё и отражением административных опасений и страхов епископов. Как пишет К. Хейг, лоллардизм в известной мере своими действиями создавали и власти — он был зеркалом их страхов, хотя в целом «лоллардизм всё же не был фикцией, выдумкой епископов»²¹⁹.

О распространении лоллардов по территории Англии известно, что их общины определённы были в крупнейших городах — Лондоне, Бристоле,

²¹⁷ *Dickens A.G. The English Reformation. — London, 1973. — P. 90—102; Elton G.R. Reform and Reformation: England 1509—1558. — London, 1977. — P. 8—11, 51—58, 118—119.*

²¹⁸ *Davies J.F. Heresy and Reformation in the South East of England, 1520—1559. — London, 1983. — P. 41—65.*

²¹⁹ *The English Reformation Revised. — Cambridge University Press, 1990. — P. 4.*

Ковентри, Норидже, в районах распространения ткачества в графствах Бакингемшир, Эссекс и Кент, а в остальных районах страны, считает К. Хейг, лолларды выглядели как «случайно встречающиеся индивиды с отклоняющимся поведением». Лолларды обычно происходили из мелких торговцев, ремесленников, преимущественно ткачей. Британские историки из числа оппонентов Диккенса отмечают неоднократно встречающиеся свидетельства о том, что отношение к лоллардам в остальной массе народа было довольно враждебным, так что есть основания для утверждений о том, что, если бы лоллардов было действительно много, уровень их выявления церковными властями был бы довольно высоким²²⁰.

В оценке деятельности лоллардов в начале XVI в., как отмечают историки, возможно, что лоллардизм расширял число своих приверженцев накануне Реформации, но следует учитывать и то, что с началом Реформации в Европе некоторые епископы стали проявлять ещё большее рвение в преследовании ереси, как, например, епископ Ленгленд в Линкольнской епархии, фактически искоренивший лоллардизм в графстве Бакингемшир²²¹. Из-за последующей победы Реформации, отмечает К. Хейг, есть опасность придания непропорционально большого значения лоллардизму, в то время как, по его мнению, существование лоллардов — слабый аргумент в пользу необходимости, обусловленности и подготовленности Реформации в Англии²²².

К. Хейг подчёркивает также, что нельзя говорить о существовании в предреформационный период в Англии какого-либо серьёзного недовольства прихожан священниками — конфликты между ними были единичными, общей враждебности к духовному сословию не было. Критицизм, всё же проявлявшийся в адрес духовенства в это время, как считает К. Хейг, был связан с деятельностью особых заинтересованных групп — юристов общего права, которые конкурировали с церковными судами за расширение объёмов судопроизводства, лондонских торговцев и ремесленников, наиболее состоятельных в Англии и постоянно недоплачивавших церкви десятину, за что она их порицала, а торговцы и ремесленники, в свою очередь, платили церкви неприязнью, а также придворных политиков. Стремление к более содержательной религиозности у более грамотных мирян, считает К. Хейг, могло быть удовлетворено в рамках церкви.

В Англии в 1520-е гг. также усилилось недовольство деятельностью папского легата в стране, кардинала Томаса Уолси, приобретшего чрезмерное влияние на политическую жизнь и большое материальное состояние. Это недовольство привело к стремлению ограничить влияние церкви среди части мирян, в том числе знати, так что в основе критики

²²⁰ Thomson J.A.F. *The Later Lollards, 1414—1520*. — Oxford, 1965. — P. 7—8, 143—146; *Fines J. Heresy Trials in the Diocese of Coventry and Lichfield, 1511—1512* // JEH. — 1963. — Vol. XIV. — P. 160—174; *Haigh Ch. Reformation and Resistance in Tudor Lancashire*. — London, 1975. — P. 78, 84—86.

²²¹ Bowker M. *The Henrician Reformation: the Diocese of Lincoln under John Longland, 1521—1547*. — Cambridge, 1981. — P. 178—183.

²²² *The English Reformation Revised*. — Cambridge University Press, 1990. — P. 5.

церкви лежали не реформаторские устремления, а политические причины, которые не были связаны с существованием антиклерикальных настроений среди лоллардов, и о существовании антиклерикализма как заметного явления в общественном сознании, определявшем происходящее в стране, вообще нет возможности говорить. К. Хейг заявляет даже, что декларируемые историками, сторонниками концепции Диккенса, причины Реформации — кризис и разложение позднесредневековой церкви, враждебность светских лиц по отношению к церкви, выделяемые как её причины на европейском материале — в Англии могут оказаться иллюзиями историков, которые сформировались под влиянием приверженности либеральному историзму²²³. По мнению К. Хейга, в рассмотрении причин английской Реформации может быть оспорено существование в течение долгого времени недовольства церковью в Англии и значение протестантизма как прогрессивного идеологического движения, и показаны сохранявшиеся популярность и престиж католической церкви в стране накануне Реформации. Начало Реформации может быть объяснено политическими причинами как результат борьбы существовавших группировок за влияние и должности²²⁴.

К. Хейг, полемизируя с либеральной концепцией английской Реформации, предложил своё понимание вопроса о том, что представлял собой антиклерикализм в английском обществе накануне и в начале Реформации²²⁵. Антиклерикализм использовался либеральными историками как удобное понятие для объяснения английской Реформации. Духовенство накануне Реформации, в толковании либеральных историков, должно было быть непопулярным, иначе труднообъяснимой становилась Реформация. Считалось, что под его влиянием появилось антиклерикальное законодательство начала Реформации, разрыв с Римом, были распущены монастыри, началась борьба с суевериями и предрассудками²²⁶.

В отличие от либеральных историков, К. Хейг считает, что оценка роли антиклерикализма в начале Реформации держится на выборочном цитировании и очень узком круге примеров. В рамках того подхода, который развивает К. Хейг, Реформация оценивается как долгая борьба, связанная больше со случайностями политической жизни, а не с идеологией или социальными движениями, и само понятие «антиклерикализм» может быть излишним и потерять свою прежнюю объясняющую роль. Можно признать, что в начальный период Реформации существовали различные разновидности антиклерикализма — эрастианские по характеру идеи о необходимости подчинения церкви государству, реформационное учение о всеобщем священстве, негативное отношение прихожан к священникам на основе того, что эти священники не выполняли свои обязанности, но

²²³ Ibid. — P. 6.

²²⁴ Ibid. — P. 2—3.

²²⁵ Haigh Ch. Anticlericalism and the English Reformation // The English Reformation Revised / Ed. by Ch. Haigh. — Cambridge University Press, 1990.

²²⁶ The English Reformation Revised / Ed. by Ch. Haigh. — Cambridge University Press, 1990. — P. 56.

обычно все эти оттенки в идеях и настроениях исследователями не дифференцируются, и антиклерикализм начинает восприниматься как некое единое явление. Но, как считает К. Хейг, способность к абстрактному мышлению и обобщениям у англичан первых десятилетий XVI в. не была такой развитой, как у либеральных историков — сторонников концепции А.Дж. Диккенса. Свидетельства начала XVI в. показывают, что острота противостояния светских лиц и духовенства не была сильна и выглядит спекулятивной. Исследовательская установка либеральных историков такова, что, поскольку в среде духовенства можно было найти абсентеизм, плюралитеты, непотизм, формализм, значит, светские лица под влиянием этих фактов и сформировали антиклерикальные настроения. К. Хейг, в отличие от такого подхода, обращает внимание, что нет достаточных свидетельств, чтобы установить, что эти явления действительно вызвали недовольство. Прослеживаются лишь единичные случаи упоминаний о том, что священники злоупотребляли своим положением в отношениях с женщинами, жалобы на нерегулярность служб, на их совершение не должным образом, о том, что священники не могли самостоятельно проповедовать, не посещали больных. Бывали также и жалобы на старость и слабость самих священников, но всё это нельзя, как считает К. Хейг, назвать антиклерикализмом²²⁷. С другой стороны, отмечает К. Хейг, можно обнаружить рост числа критических выступлений против духовенства при Елизавете, но это был, по его мнению, уже постреформационный антагонизм, и антиклерикализм был, скорее, результатом, а не причиной Реформации²²⁸.

Слабая материальная обеспеченность многих приходских священников, как считает К. Хейг, вызывала по отношению к ним в массе народа скорее сочувствие, а не антиклерикальные настроения. К тому же приходские священники чаще всего были родом из этих же мест или даже из этого прихода. Только верхушка церкви жила жизнью, похожей на образ жизни знати или верхушки джентри, что создавало предпосылки для отчуждения между ними и простонародьем. Основной социальный водораздел в английском обществе в XVI в., утверждает К. Хейг, пролегал между лицами, обладавшими собственностью и теми, кто её не имел, и даже не между духовными и светскими лицами.

К. Хейг призывает осторожнее относиться к использованию в качестве исторических источников антиклерикальных литературно-художественных произведений, например, стихотворений Джона Скелтона, поэм Джерома Барлоу «Похороны мессы» (*Burial of the Mass*), Саймона Фиша «Мольба нищих» (*Supplication for the Beggars*), Уильяма Тиндейла «Практика прелатов» (*Practice of the Prelates*). Эти произведения были об-

²²⁷ *Bowker M.* The Secular Clergy in the Diocese of Lincoln, 1495—1520. — Cambridge, 1968. — P. 3, 114, 116; *Houlbrooke R.A.* Church Courts and the People during the English Reformation. — Oxford, 1979. — P. 178—179; *Haigh Ch.* Reformation and Resistance in Tudor Lancashire. — Cambridge, 1975. — P. 27—30, 50—51; *Heath P.* English Parish Clergy on the Eve of the Reformation. — London, 1969. — P. 104—119.

²²⁸ *Haigh Ch.* Reformation and Resistance in Tudor Lancashire. — Cambridge, 1975. — P. 240—246; *Marchant R.A.* The Church under the Law. — Cambridge, 1969. — P. 219.

разцами пристрастной пропаганды, а трое последних авторов были вдобавок сторонниками лютеранства. Стихотворения Джона Скелтона были написаны в 1521—1522 гг. против кардинала Уолси. Относительно же мотивов появления произведений, написанных сторонниками лютеранства, у консервативных епископов были основания считать их результатом лютеранского заговора²²⁹.

К. Хейг также обращает внимание, что жалобы на духовенство, представленные реформационному парламенту в 1529 г., были выдвинуты особыми группами, имевшими свои специфические интересы, и видную роль в этом играла компания торговцев шелком и бархатом (*Mercers' Company*), которая была втянута в споры с кардиналом Уолси о налогообложении и своих торговых привилегиях. Сам религиозный вопрос в 1529 г., считает Хейг, обострился ещё и в связи с критикой в адрес Уолси. Уолси стремился сосредоточить в своих руках утверждение завещаний, якобы брал за это высокую плату, но заметного подтверждения этого где-либо найти не удается, хотя отсутствие таких свидетельств может быть объяснимо. В 1529 г. в связи с церковными делами парламент принял Акт о мортуариях (*the Mortuaries Act: mortuaries* — взнос священнику на помин души покойника, мог достигать до одного фунта или даже больше, но этот взнос брали не всегда, бедных стремились освободить, и споры об этом в целом были редкими), Акт о плюралитетах (*the Pluralities Act*), Акт о завещаниях (*the Probate Act*). Плюралитет в церкви по количеству случаев увеличился скорее в правление Елизаветы, и к этому же времени, а не к периоду до Реформации, относится наиболее активная его критика, как и критика за пренебрежение пасторскими обязанностями. Плата за утверждение завещаний была относительно большей для тех, кто обладал движимым имуществом, от этого страдали торговцы. Особых злоупотреблений на территории Англии по взиманию этого платежа, считает К. Хейг, тоже не было, а бедных освобождали от этих платежей. После принятия этих статутов 1529 г. в суде казначейства (*the Exchequer Court*) были рассмотрены 210 дел с обвинениями духовных лиц в соответствующих нарушениях, но только 14 из них были доведены до обвинения, поскольку основная масса обвинений была выдвинута доносчиками и смутьянами. Далее в течение 1530-х гг. в Лондоне выдвигались подобного рода обвинения лишь против семи священников²³⁰.

К. Хейг призывает также пересмотреть оценку историками парламента 1529 г. как антиклерикального²³¹: парламент этого года в целом утвердил 26 законопроектов, из которых только три относились к религиозным делам, а остальные регулировали вопросы уголовного права, аренды земли, торговли, и характеристика парламента как антиклерикального, по его словам, даже вызывает недоумение. В реформационном парламенте законопроекты, подготавливавшие выход церкви Англии из-под вла-

²²⁹ *The English Reformation Revised* / Ed. by Ch. Haigh. — Cambridge University Press, 1990. — P. 59.

²³⁰ *Ibid.* — P. 62.

²³¹ *Напр. Lehmberg S.E. Reformation Parliament.* — Cambridge, 1970. — P. 97—99.

сти Рима, как обращает внимание К. Хейг, не проходили беспроблемно. Билль об отмене аннатов прошел даже через палату общин с большими трудностями лишь после того, как Генрих VIII заявил, чтобы те депутаты парламента, кто против этого билля, встали для подсчёта, что воспринималось как королевская угроза. В 1533 г. при обсуждении законопроекта о запрещении апеллировать к папе из Англии английские купцы опасались ответных дискриминационных мер в торговле со стороны испанского короля и германского императора Карла V²³².

Вопросы о том, что представлял собой предреформационный антиклерикализм, вызывает также документ, обсуждавшийся в парламенте 1532 г. — «Мольба общин против служащих церковных судов» (*Commons Supplication against the Ordinaries*)²³³, в составление которого был вовлечен Томас Кромвель. Дж. Элтон считал, что этот документ был внесён в палату общин Томасом Кромвелем, чтобы поднять новую волну протестов и осуществить задуманную атаку на церковные суды, с применением к парламентариям запугиваний и манипуляций²³⁴. Можно предполагать, что Кромвель пытался использовать палату общин, чтобы побудить Генриха VIII к проведению более радикальной политики в церковных делах²³⁵.

В тексте «Мольбы» было выдвинуто обвинение против церковных судов в том, что они действуют медленно, неэффективно, дороги, ведут производство так, чтобы получить максимальные прибыли для служащих там должностных лиц, а не добиться справедливого разрешения дела для тяжущихся сторон, но все эти обвинения было трудно обосновать конкретными фактами. Звучали также жалобы на дороговизну процедуры получения церковного бенефиция, nepотизм епископов, на то, что во время уборки урожая было слишком много церковных праздников²³⁶. Епископы, признавая отдельные недостатки в деятельности церковных судов, считали саму по себе их систему справедливой. К. Хейг высказывает мнение, что действительной основой этой критики церковных судов был страх ряда мирян перед преследованиями за ересь: в 1531—1532 гг. прокатилась целая волна сожжений за ересь, причем пострадали образованные представители духовенства, лондонцы, а не неграмотные лолларды, и возникали мысли, что церковь пытается этими репрессиями подавить критику в свой адрес.

От критики церковных судов очевидно выигрывала одна группа — юристы общего права. Как отмечает К. Хейг, по не вполне понятным причинам ещё с начала XV в. наблюдался упадок в объеме производства дел вестминстерских судов Королевской скамьи (*King's Bench*) и Общих

²³² *Ibid.* — P. 132—138.

²³³ Текст опубликован *English Historical Documents, 1485—1558 / Ed. by C.H. Williams.* — London, 1971. — P. 732—736.

²³⁴ *Elton G.R. The Commons' Supplication of 1532: Parliamentary Manoeuvres in the Reign of Henry VIII // EHR.* — 1951. — LXVI. — P. 507—534. *Idem. Studies in Tudor and Stuart Politics and Government.* Vol. 1—2. — Cambridge, 1974. — Vol. 2. — P. 107—136.

²³⁵ *Guy J.A. The Public Career of Sir Thomas More.* — Brighton, 1980. — P. 186—192.

²³⁶ *Bowker M. "The Commons Supplication against the Ordinaries" in the Light of Some Archidiaconal Acta // TRHS. 5th series.* — 1971. — № XXI. — P. 62—74.

тяжб (Common Pleas). Временами объём производства в этих судах опять несколько увеличивался, но как раз в 1520-е гг. была полоса кризиса, и юристов общего права в эти годы по количеству было больше, чем находилось дел для них. Конкурентами юристов общего права были Звездная палата, Канцлерский суд. Суд консистории в Кентербери тоже рассматривал массу дел, связанных с долгами, нарушением контракта (под рубрикой «нарушение веры»), которые раньше рассматривались в Суде общих прошений (Common Pleas)²³⁷. Так что появление «Мольбы» в парламенте, где были широко представлены юристы общего права, видимо, было тактическим приёмом в борьбе с церковными судами²³⁸.

Авторитет церковных судов был поколеблен ходом Реформации, но он был довольно высок в предреформационный период, когда явка в суды была очень высокой — от 75% и выше, в то время как к началу XVII в. средний по стране уровень явки в церковные суды составлял 40%. Реформация изменила отношение к церковным судам в народе, по словам К. Хейга, от «уважения с ворчанием» до широко распространившегося пренебрежения церковными судами²³⁹.

С 1400-х гг. объём дел в церковных судах уменьшался из-за того, что юристы общего права использовали статуты prohibitions и praemunire, чтобы перехватить дела, связанные с нарушением контрактов, из производства церковных судов. После нападков 1530-х гг., что характерно, объём дел в церковных судах вновь возрос, и в них по-прежнему слушались дела о клевете, завещаниях, поскольку церковные суды были по-прежнему доступны, эффективны и относительно дешевы.

Общее отношение светских лиц к церковным судам, считает К. Хейг, определить трудно, поскольку у разных групп в обществе оно различалось. С 1580-х гг. церковные суды усилили борьбу за внедрение моральных норм в жизнь общества, преследовали сексуальную распущенность, и увеличилось число недовольных²⁴⁰, но это был уже антиклерикализм особого рода.

Раздражение и споры в среде светских лиц вызывало также взимание церковной десятины, но надо иметь в виду, отмечает К. Хейг, что споры по поводу десятины были спорами по поводу её размеров, а не в принципе о том, взимать её или не взимать — этого светские лица не оспаривали. К. Хейг приводит известные исследователям количественные данные о случаях судебных разбирательств по поводу десятин по отдельным епархиям, и показывает, что эти случаи единичны. Сложнее было положение в Лондоне. Здесь существовала проблема личных десятин, и в 1521—1546 гг. в одной трети из лондонских приходов были судебные разбирательства о

²³⁷ Blatcher M. The Court of King's Bench, 1450—1550. — London, 1978. — P. 15—28.

²³⁸ The English Reformation Revised / Ed. by Ch. Haigh. — Cambridge University Press, 1990. — P. 65.

²³⁹ Ibid. — P. 66—67.

²⁴⁰ Wrightson K., Levine D. Poverty and Piety in an English Village: Terling, 1525—1700. — New York, 1979. — P. 119, 126—127; Wrightson K. English Society, 1580—1680. — London, 1980. — P. 209—212.

десятинах, но при этом также обращает на себя внимание то, что в Лондоне 70% завещаний включали пункт «забытые десятины», на которые оставались деньги, и свидетельства о таких же пунктах в завещаниях есть по другим епархиям. Ещё до Реформации встречались также случаи недовольства при выплате десятины священникам-абсентеистам. Споры о десятинах участились в 1540—1560-х годах, когда инфляция уменьшала реальную ценность обращённых в денежную форму десятин, и духовные лица пытались усилить давление, что стало вызывать недовольство²⁴¹.

Социальный престиж священников накануне Реформации, как считает К. Хейг, был достаточно высок: приходский священник совершал необходимые спасающие таинства, был миротворцем, одним из самых влиятельных лиц в деревне. В любой форме коллективного действия жителей деревни представители духовенства были на первом плане, не только потому, что они были грамотными и могли сформулировать выдвигаемые требования, но также и потому, что их присутствие и участие придавало законность протесту, и люди по понятным причинам обращались к ним за руководством. В начале XVI в. довольно значительным было количество тех, кто стремился к рукоположению в священники, хотя все знали, что многие из ставших священниками не будут получать больших доходов. В 1520-е гг. относительно возрастали темпы посвящения по количеству по сравнению с предшествовавшим временем. Среди духовенства, наряду с приходскими священниками, были те, кто жил на средства от завещаний на совершение поминальных служб, на средства религиозных братств, на добровольные пожертвования светских лиц, то есть общество было согласно содержать такое количество духовных лиц. Завещания в пользу церкви стали сокращаться в объеме только в 1530-е гг. Словесная брань в адрес священников не прослеживается до Реформации в сколько-нибудь заслуживающих внимания масштабах, а ко времени правления Елизаветы это уже стало общим местом, обыденным явлением. Бывали случаи, когда критическое отношение к недостаткам священников сочеталась с верностью ортодоксальному католицизму, но такой «антиклерикализм» не был протестантским²⁴².

Более резкий по характеру антиклерикализм был порожден в ходе Реформации с распространением пуританизма с его упрощёнными службами, долгими, морализирующими проповедями. Клерикальным по характеру, профессионально сплочённым, как полагает К. Хейг и еще ряд историков, было как раз постреформационное духовенство с университетским образованием, вызывавшее появление антиклерикальных убеждений²⁴³. Церковь в ходе Реформации, по мнению К. Хейга, стала ещё более явно репрессивным учреждением, когда стали осуждаться моральные проступки и средних слоев, и верхов, что формировало как индифферентизм, так и антиклерикализм. К. Хейг утверждает, что антиклерика-

²⁴¹The English Reformation Revised / Ed. by Ch. Haigh. — Cambridge University Press, 1990. — P. 69.

²⁴²Ibid. — P. 70—72.

²⁴³O'Day R. The English Clergy: the Emergence and Consolidation of a Profession. — Leicester, 1979. — P. 1—23, 126—143.

лизм не был причиной Реформации — он был её результатом²⁴⁴. В конце XVI в. священник, который подчеркивал необходимость чтения Библии в проповедях перед в значительной степени неграмотной аудиторией прихожан, который осуждал цикл постов и праздников, связанный с ходом сельскохозяйственного года, который заменил ритуальную часть службы утомительными проповедями перед прихожанами и отказывался заниматься протективной магией, был гораздо менее популярен, чем его предреформационный предшественник. Как подчеркнул К. Томас, подъём деятельности гадалей и колдунов в реформационный период отражал мнение прихожан, считавших, что отказ протестантских священников заниматься этими практиками был их слабостью и недостатком²⁴⁵.

Переосмысления требуют, как считают историки-ревизионисты и ряд современных историков английской Реформации, и утверждения А.Дж. Диккенса о том, что в 1530-е гг. происходил рост числа приверженцев протестантизма среди элиты английского общества, шёл процесс евангелизации, распространения протестантизма в самом обществе, которое с энтузиазмом восприняло духовно освобождающее влияние протестантизма. Происходившее в Англии в 1530—40-е гг. виделось А.Дж. Диккенсу как взаимодействие между официальной, проводимой государством Реформацией и народной Реформацией, имевшей якобы характер довольно широкого духовного движения. В понимании этих проблем, по мнению современных историков, Диккенс ускорил и спрямил процесс утверждения протестантизма в Англии. Исследования хода Реформации в Англии на локальном уровне, проведенные в 1960—90-е гг., подтвердили мнение о том, что протестантизм в XVI в. не был и не мог быть сразу же воспринят в народной среде как привлекательная религия. Характерные для протестантизма подчеркивание необходимости чтения Библии, учение о предопределении, оправдании верой ограничивали поначалу восприятие протестантизма в народе. Только к 1580—90-м гг., в правление Елизаветы I (1558—1603), из университетов вышло поколение убеждённых священников-протестантов, которые могли внедрить протестантские идеи в приходах по территории страны, но и на рубеже XVI—XVII вв. утверждение протестантизма происходило в народном сознании не беспрепятственно²⁴⁶.

Ревизионисты отстаивают мнение, что Реформация должна, скорее, рассматриваться как совокупность зависящих от многих привходящих обстоятельств событий, которая всё же имела тенденцию к укоренению в стране и к победе. Отдельные стадии проведения Реформации в стране растянулись более чем на 30 лет, а каждый новый шаг в её развитии предпринимался властями, не исходя из заранее спланированной повестки, а потому, что отвечал в данный момент непосредственным интересам

²⁴⁴ *The English Reformation Revised* / Ed. by Ch. Haigh. — Cambridge University Press, 1990. — P. 74.

²⁴⁵ *Thomas K. Religion and the Decline of Magic*. — London, 1973. — P. 27—89, 209—332, 762—765.

²⁴⁶ *Collinson P. The Elizabethan Church and the New Religion // The Reign of Elizabeth I*. — Basingstoke, 1984. — P. 176—194.

монархов и политиков, а также благоприятствовавшим политическим обстоятельствам. К. Хейг даже заявляет, что в Англии произошла «эрзац-Реформация», которая была «анемичным суррогатом европейской Реформации». Реформация на континенте происходила со страстями и насилием, а в Англии — сдержанно, в подчинении королевским указаниям. Алтари и образа в Англии сносила не толпа, а специально нанятые для этой работы каменщики и плотники по приказу монарха²⁴⁷.

А.Дж. Диккенс утверждал, что реформы в религиозной сфере в Англии двигала сила протестантизма, укоренившегося в стране, но этот подход тоже является в основном отражением характерной для либеральной историографии стратегии в объяснении событий, когда считалось, что такие процессы должны отличаться эволюционностью, плановостью. Критики же Диккенса утверждали, что это королевская Реформация, начатая Генрихом VIII, принесла в страну протестантизм, а не протестантизм, распространившийся в Англии, повлек за собой Реформацию, так что роль протестантизма как движущей идеологической силы в английской Реформации может быть преуменьшена. Реформацию в Англии двигала расстановка политических сил в стране, определенный элемент случайности, проявившийся в наследовании английского престола в XVI в. Современные критики концепции Реформации, разработанной А.Дж. Диккенсом, активно подчеркивают характерный для консервативной британской историографии тезис о том, что решающее влияние на историческое развитие страны оказывает то, что происходит в сфере политической истории, так что приоритетной исследовательской областью должна оставаться политическая история.

А.Дж. Диккенс считал, что утверждение протестантизма в Англии в 1559 г. в результате восшествия Елизаветы I на престол было результатом силы и влияния протестантизма в стране. Ревизионистский подход строит объяснение иначе — окружение Елизаветы само по себе состояло из протестантов, которые проводили протестантскую политику ещё при Эдуарде VI, и продолжали бы поддерживать протестантскую церковь далее, если бы политические обстоятельства позволили им это делать, так что после восшествия на престол Елизаветы эта верхушка административного аппарата управления как раз и смогла реализовать свои протестантские планы. К тому же епископат в это время был ослаблен рядом смертей в его рядах²⁴⁸. Так что, в толковании ревизионистов, только расстановка политических сил и повлияла на решение религиозного вопроса в 1559 г. При Елизавете сохранялись значительные региональные и локальные различия в восприятии протестантизма, и даже в протестантских по репутации районах сохранялся католицизм.

Рассмотрение критиками концепции А.Дж. Диккенса Реформации как процесса, в котором не было предопределённости и предзаданности, спо-

²⁴⁷ The English Reformation Revised. — Cambridge University Press, 1990. — P. 7.

²⁴⁸ Jones N.L. Faith by Statute: Parliament and the Settlement of Religion, 1559. — London, 1982; Hudson W.S. The Cambridge Connection and the Elizabethan Settlement of 1559. — Durham (N. C.), 1980.

существовало также определённой реабилитации английских католиков эпохи Реформации, поскольку ранее католики были, в сущности, «париями и изгоями либеральной историографии» и преподносились, по сути дела, как bestолковые жертвы исторического процесса, не понимавшие того, что они со своими верованиями заняли позицию поперек вектора, в котором направлялся ход самой истории. Так проявился еще один акцент, характерный для ревизионистов — подчёркивание сохранявшегося влияния католицизма в реформационный период, что позволяло более глубоко и адекватно объяснить специфические характеристики религиозной ситуации в Англии в XVI—первой половине XVII в. и последующее сохранение католицизма в протестантской Англии. Это означало также и расширение предметного поля в изучении Реформации в Англии: для понимания религиозно-политической ситуации в Англии в реформационный период становилось необходимым и по-новому обоснованным внимание также и к изучению истории английского католицизма в XVI—XVII вв. Когда над современными британскими историками перестала довлеть необходимость объяснить начало протестантской Реформации в стране упадком католической церкви, стало объяснимым то, что католическая набожность в Англии накануне Реформации не демонстрировала признаков упадка и даже процветала, и Реформация началась по воле короля, а не из-за разложения церкви. По этой же причине, поскольку особого стремления к протестантизму в народе при Генрихе VIII не прослеживалось до его смерти в 1547 г., традиционная религиозность сохраняла в стране прочные позиции. Лучше объяснимой стала и сравнительно беспроблемная реставрация католицизма в Англии при Марии Тюдор в 1553—1558 гг. Активное восстановление порушенных образов и разграбленной утвари в церквях, происходившее в эти годы, демонстрировало скорее определённый религиозный энтузиазм, чем вынужденный неохотный конформизм по отношению к католицизму, поскольку в среде светских лиц опять стало увеличиваться число тех, кто стремился быть рукоположенным в священники. Церковь при Марии унаследовала огромные проблемы — уменьшившиеся доходы, обветшавшие церкви, доведённое до бедности духовенство, авторитет которого ослаб. Но архиепископ Кентерберийский Реджинальд Поул, как отмечают ревизионисты, активно используя в подкрепление своих выводов также работы историков, которые сами по себе ревизионистами не являются, всё же строил планы реформ, а епископ Лондонский Боннер был способным администратором²⁴⁹. Процесс восстановления католицизма был оборван из-за краткости правления Марии и наследования престола протестанткой Елизаветой, что ещё раз обращало внимание на большое значение политической истории для хода развития страны, которое всегда подчёркивали консервативные британские историки, и опять выводят на первый план современные критики либеральной концепции А.Дж. Диккенса.

²⁴⁹ *Bartholomew A. Lay Piety in the Reign of Mary Tudor. — University of Manchester M. A. Thesis, 1979; Loades D.M. The Reign of Mary Tudor. — London, 1979.*

В то же время ревизионисты осознают, что их общая трактовка характера Реформации в Англии может выглядеть парадоксально: накануне Реформации в Англии не было враждебности в обществе к католической церкви, протестантизм до конца XVI в. был слаб, католицизм оставался популярным — и всё же в стране развернулась и состоялась религиозная Реформация. Осмыслить всё это можно в том случае, считают ревизионисты, если происходившие в религиозной сфере процессы не рассматривать как драматическую протестантскую революцию. Это современные историки в ретроспективе так видят и суммарно трактуют содержание разворачивавшихся в Англии с конца 1520-х годов процессов как начало Реформации, а для современников такой исход событий, которым они были свидетелями, далеко не был таким очевидным. Современники, считают ревизионисты, и такая трактовка имеет свои резоны, воспринимали происходящее как последовательную серию специфических ситуаций, возможностей, принятых решений, которые в совокупности и совершили то, что для Англии стало религиозно-политической Реформацией. В таком понимании Реформации сразу вспоминается подход М. Оукшотта к истолкованию исторического процесса, ставший одним из важных идейных источников для историков-ревизионистов. Люди обычно не знают, чем в полном смысле станет в истории страны тот момент, который они сейчас переживают, и точно не знают, что случится в будущем. В начальный период Реформации политическая жизнь в Англии, как и ранее, была борьбой придворных группировок за должности и влияние²⁵⁰, и в конце 1520—начале 1530-х гг. для современников было большим вопросом, происходит ли в стране Реформация. Все происходящее выглядело как вынужденная цепь взаимосвязанных ситуаций: это были развод с Генриха VIII с Екатериной Арагонской, возникшая ссора с Римом из-за отказа папы Климента VII дать согласие на развод, отнесение от власти кардинала Уолси, не добившегося в Риме от папы согласия на королевский развод, выдвижение Анны Болейн по той причине, что королю был нужен наследник престола мужского пола, так что даже католические епископы не осознавали того, что происходит вокруг них до того времени, когда было слишком поздно. К тому же и Генрих VIII демонстрировал умеренность и консерватизм в религиозных делах, явно контрастировавший с ходом европейской континентальной Реформации, так что среди епископов сохранялось мнение, что разрыв с Римом из-за развода может быть лишь тактическим маневром короля, а не переходом в протестантизм, поэтому епископы в подавляющем своем большинстве и не противостояли королю. Еще летом 1546 г. на Генриха VIII решающее влияние оказывали консерваторы — семья Хауард, епископ Гардинер, но ко времени смерти Генриха VIII Тайный совет был уже под контролем протестантов²⁵¹. В 1549 г., воспользовавшись волнениями в

²⁵⁰ Starkey D. The Reign of Henry VIII: Personalities and Politics. — London, 1985.

²⁵¹ Hoak D.E. The King's Council in the Reign of Edward VI. — Cambridge, 1976. — P. 231—268; *Idem*. Rehabilitating the Duke of Northumberland: Politics and Political Control, 1549—1553 // The Mid-Tudor Polity, c. 1540—1560. — Basingstoke, 1980. — P. 35—40.

стране, протектора Сомерсета совместно отстранили от власти консерваторы и действовавший в соответствии со своими корыстными политическими планами Джон Дадли, граф Уорик, и опять возникала угроза неопределённости в проведении реформаторской политики в религиозной сфере. Только в 1559 г. при Елизавете I уже стало ясно, что в стране происходит протестантская Реформация, но даже и в последующие годы в стране были надежды, слухи о том, что религия опять переменится. Намеренно или ненамеренно, получилось так, что, растворив Реформацию по этапам, частям, её удалось привить в стране и в народе. В каждый конкретный из узловых моментов Реформации, как пишет К. Хейг, не надо было переваривать сразу слишком много новшеств, и это было одним из ключей к успеху Реформации — по словам К. Хейга, «англичане съели её небольшими порциями»²⁵².

В результате исследований ревизионистов оказалось возможным объяснение истории Реформации без предположения о существовании мощного протестантского движения или поиска признаков разложения католицизма. Вместе с тем, ревизионисты отмечали, что такое крупное явление, как Реформация, трудно представить лишь как результат махинаций придворных группировок и их борьбы за власть. Непопулярная Реформация не могла быть такой мирной, какова была Реформация в Англии. Поэтому ревизионисты считают, что утверждение Реформации в стране было ещё и свидетельством большого влияния королевской власти, престижа монархии и всех важнейших решений, которые исходили от всех монархов, будь то Генрих VIII, Эдуард VI, Мария или Елизавета. К тому же наказания за государственные преступления при Тюдорах были очень жёсткими и непослушание было смертельно опасно²⁵³.

В начальной стадии Реформации при Генрихе VIII её развитию, как отмечают историки, способствовал и административный талант Томаса Кромвеля, который требовал, чтобы мировые судьи следили за священниками, а священники за мировыми судьями в их религиозных взглядах, чтобы они доносили друг на друга. Это создало в стране нервную обстановку в сфере административного управления, но по-своему помогло делу Реформации²⁵⁴.

К. Хейг не идеализирует ревизионистский подход к изучению Реформации и не считает, что несбалансированная вигская версия понимания Реформации должна быть заменена несбалансированной ревизионистской версией. Хейг признает, что официальная Реформация проводилась монархами и политиками, исходя из своих интересов, но она стала возможной потому, что получила реальную поддержку некоторой части знати; наряду с законодательной реформацией стала происходить на-

²⁵² The English Reformation Revised. — Cambridge University Press, 1990. — P. 15.

²⁵³ Redworth G. A Study in the Formulation of Policy: The Genesis and Evolution of the Act of Six Articles // JEH. — 1986. — Vol. XXXVII. — P. 42—67; *Idem*. The Political and Diplomatic Career of Stephen Gardiner. — University of Oxford D. Phil. Thesis, 1985.

²⁵⁴ Elton G.R. Policy and Police: the Enforcement of the Reformation in the Age of Thomas Cromwell. — Cambridge, 1972. — P. 217—262.

стоящая религиозная Реформация с подлинными обращениями, хотя этот процесс и был медленным. Реформированную религию восприняло меньшинство, но его тоже не следует игнорировать. Хотя можно оспаривать значение долговременных причин Реформации, это не значит, что не было никаких предварительных условий, которые сделали Реформацию приемлемой для общества. Реформации также способствовала развивавшаяся теория национального суверенитета и идея о превосходстве общего права. Юристы общего права стремились воспрепятствовать церковным судам вторгаться в сферу общего права с тем, чтобы церковные суды занимались только духовными и церемониальными делами. Сам бракоразводный процесс Генриха VIII был захватом полномочий, которые ранее принадлежали ведению церковных судов, а король поставил себя над ними, к чему стремились и суды общего права²⁵⁵. Реформация была вполне приемлема для юристов — особенно после того, как диссолюция монастырей породила массу дел, связанных с земельной собственностью. Юристы были одним из влиятельных меньшинств, интересам которого отвечала Реформация²⁵⁶.

Как отмечает К. Хейг, в середине XVI в. в Англии 70% мужчин и 90% женщин были неграмотны и мало восприимчивы к протестантской доктрине, но ситуация стала меняться в лучшую сторону, когда шире распространилась практика проповеди. Протестантизм лучше воспринимался среди более грамотной верхушки общества, хотя католики пытались представить протестантизм как веру бунтовщиков и общественного сброда. Реформацию восприняли сельские джентльмены, купцы и ремесленные мастера, йомены и ремесленники. В обществе это были меньшинства, но они занимали важные, иногда ключевые позиции²⁵⁷.

К. Хейг обращает внимание на то, что существовало некоторое сопротивление протестантской религии во всех социальных группах в обществе, и это, по его мнению, не дало протестантизму стать классовым по характеру движением: например, эмигранты времен Марии Тюдор, бежавшие из страны, были в основном из верхушки общества, мученики времен Марии происходили в основном из низших классов. К. Хейг считает, что в восприятии протестантизма разделение шло главным образом внутри общественных классов, а не между классами. Везде, где проникал протестантизм, он нес в общественные отношения главным образом раскол: возникшие сплочённые группы протестантов высмеивали иконы, ритуалы старой религии, которые были дороги консерваторам, а католики называли протестантов еретиками, «людьми, начитавшимися книг стоимостью по два пенса». В целом английская Реформация была мирной, но отнюдь не полностью лишённой каких-либо общественных столкновений.

Как считает К. Хейг, протестанты одержали победу в целом к 1580-м гг. К этому времени они контролировали Тайный совет, королевский двор, пар-

²⁵⁵ The English Reformation Revised. — Cambridge University Press, 1990. — P. 210.

²⁵⁶ Ibid. — P. 211.

²⁵⁷ Ibid. — P. 213.

ламент, мировые комиссии в графствах, гражданское управление и в значительной степени контролировали церковь и школы. Исчезали старые священники, которые ещё использовали католические церемонии, а католики стали самоорганизовываться в своего рода «сеньериальную секту». Протестанты победили католиков, но не смогли подчинить своему контролю народ: попытки ликвидировать майские шесты, распятие пива в Троицу, танцы в костюмах героев легенды о Робин Гуде, навязать более строгое соблюдение воскресного дня вызвали масштабное сопротивление, которое в некоторые годы, как в 1588—89 гг., принимало форму уличных демонстраций, намеренного соблюдения запрещаемых обрядов и праздников. К. Хейг приходит к заключению, что Реформация не создала единую сплочённую протестантскую Англию, а способствовала появлению глубоко расколота Англии²⁵⁸.

Как пишет К. Хейг в своей крупнейшей обобщающей работе по истории английской Реформации «Английские реформации. Религия, политика и общество в правление династии Тюдоров» (1993), он стремится создать версию истории английской Реформации, которая бы интегрировала в себе динамику событий высокой политики с анализом разнообразия откликов на эту политику на локальном уровне. Источниками для написания такой истории могут быть материалы центральных государственных учреждений, материалы заседаний церковных судов (the act books) и епископских визитаций, отчеты церковных старост, привлечённые им примерно из 200 приходов²⁵⁹. В начале 1970-х гг., отмечает К. Хейг, его подход к изучению истории Реформации в Англии подозревали в симпатиях к католицизму, но К. Хейг считает, что «оценки событий ему подсказывали сами источники». Как пишет К. Хейг, если кому-то покажется интересным и существенным, каковы его религиозные взгляды, то он с готовностью может раскрыть их: в детстве он был воспитан в методизме, в тинэйджерском возрасте был пресвитерианином, далее в его биографии был короткий первый брак с католичкой, после чего, как он с определённой иронией замечает, «на десять лет стал убежденным атеистом», но далее еще десять лет он был индифферентным к религии, а потом стал исповедовать разновидность агностицизма англиканского толка²⁶⁰.

У Хейга, как он сообщает, сохранилась «кипа писем» от Дж. Элтона с призывами ещё раз обо всем подумать в формулировании своих представлений о Реформации. К публикации своей работы «Английские реформации» (1993) К. Хейг пришёл, выдвинув уже не только свои критические замечания к прежней традиционной версии истории Реформации, но и предложив в ней позитивное, альтернативное объяснение изменений, которые произошли в ходе Реформации. К. Хейг считает, что его исследования тоже не будут последним словом в изучении английской Реформации, но он надеется, что он продвинул вперед изучение этих проблем²⁶¹.

²⁵⁸ Ibid. — P. 214.

²⁵⁹ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. VII.

²⁶⁰ Ibid.

²⁶¹ Ibid. — P. VIII.

По мнению К. Хейга, события Реформации в Англии следует называть «религиозными реформациями» во множественном числе, чем и объясняет название своей работы 1993 г. Религиозная Реформация не была ограничена только временем правления династии Тюдоров, и религиозные преобразования, по его мнению, не представляли собой связанной программы, имели только ограниченный успех. Они не сделали церковь и народ в XVI в. ярко выражено протестантскими, и впоследствии поэтому были попытки более энергичной религиозной Реформации в середине XVII в., когда были введены более протестантские формы церковного управления и религиозного культа, а также в конце XVIII в., когда методисты и евангелисты предложили «более пылкую веру тем, чья протестантская вера была лишь номинальной или минимальной». Изучая историю Реформации в Англии, считает К. Хейг, надо рассматривать несколько «реформаций» и увидеть то, как они происходили, чего они достигли и почему не смогли достичь большего²⁶².

К. Хейг оспаривает мнение, что Реформацию в Англии можно рассматривать лишь как локальное проявление более широкого общеевропейского движения, как неотъемлемую составную часть той «Реформации», в которой личный бунт Мартина Лютера стал широко распространившимся движением против власти и предрассудков римско-католической церкви. Вместе с тем, в определённом смысле утверждения о европейских связях и влияниях на развитие событий в Англии справедливы, так как английские реформаторы заимствовали идеи Лютера, Цвингли и Кальвина, и в этом смысле стали протестантами, частью более широкого европейского явления. Но в то же время как раз события на континенте привели к тому, что Генрих VIII в религиозных реформах пошел своим путем. Английская Реформация, утверждает К. Хейг, произошла не из-за Лютера и не следовала ни одному европейскому образцу. Католическая церковь в Англии не была такой коррумпированной и обмирщённой, как в Германии. Лютеранские идеи повлияли на англичан только незначительно, а Генрих VIII порвал с папой совсем не по лютеранским причинам. Генрих VIII имел дела с лютеранскими князьями и богословами только по политическим и тактическим причинам, а в своей стране считал носителей идей Лютера и особенно Цвингли еретиками²⁶³.

Реформация в Германии и Швейцарии протекала бурно, с уничтожением алтарей и образов. В Англии же, особенно вне Лондона, алтари и образа аккуратно убирали на основе правительственных распоряжений, а потом, бывало, ещё и прятали на случай, если они опять понадобятся. На континенте в некоторых областях Реформация проходила за недели, месяцы, во всяком случае, везде она прошла за несколько лет, в отличие от Англии, где от первых настоящих нападков на церковную юрисдикцию в 1532 г. до первой настоящей церковной службы по протестантским образцам в 1552 г. прошло 20 лет. При Марии всё было опять опрокинуто,

²⁶² Ibid. — P. 12.

²⁶³ Ibid. — P. 12.

и только с 1559 г. был взят курс на полную Реформацию, которая, опять же, не была быстрой. Английские реформации, отмечает К. Хейг, взяли ряд идей европейской Реформации, но, по его мнению, это произошло потому, что они совпали по времени. В Англии не было Реформации, необходимость которой была бы декларирована реформаторами и подхвачена массами, которые бы требовали того, что сформулировали реформаторы. Термин «Реформация» применяется историками к набору исторических событий, к которому обычно подходят как к неумолимому процессу. Европейская Реформация обычно проходила последовательные логичные стадии, развивавшиеся от появившихся нападок на католическую доктрину до обращения народа в протестантизм. В Англии подобные события не происходили быстро и последовательно как этапы заранее спланированной программы или как движение протеста: они были случайностями повседневной политики и следствием борьбы за влияние и власть²⁶⁴.

С современной точки зрения, деятели из окружения Генриха VIII могут казаться какими-то половинчатыми реформаторами, даже лицемерами и трусами, политиками по стилю своей деятельности, но, как считает К. Хейг, «они жили в опасное и плохо понимаемое окружающими время, когда идеи в обществе и властные структуры были нестабильными, будущее было непонятно и участники происходивших событий ещё не знали, что они переживают «Реформацию». Они не знали, чем закончится лютеранская схизма. Они не знали, что это такое — быть «протестантом», так что они не выступали «за» или «против» Реформации». Они делали ряд более мелких выборов в своих действиях в определенном контексте: за или против кардинала Уолси в 1529 г., за или против существования самостоятельного канонического права в 1532 г., за или против брака с Екатериной Арагонской в 1533 г., за или против папской власти над Англией в 1534 г., за или против более высокого налогообложения духовных лиц в 1535 г., за или против сохранения мелких монастырей в 1536 г. и т.д. В целом изменения в религиозной сфере в Англии в XVI в. были гораздо более сложными. К. Хейг насчитывает в это время три политические реформации: политическая реформация при Генрихе VIII в 1530—1538 гг., значительная часть мероприятий которой была пересмотрена в 1538—1546 гг.; политическая реформация при Эдуарде VI в 1547—1553 гг., почти полностью пересмотренная в 1553—1558 гг.; политическая реформация при Елизавете в 1559—1563 гг., которая стала необратимой. Эти политические реформации не могли сделать Англию протестантской, но, посредством законодательных мер, они дали Англии протестантское законодательство, что сделало возможным укоренение протестантизма в народе. К. Хейг считает, что англичане в части своей стали протестантами не благодаря трем имевшим политический характер реформациям, а в результате параллельно происходившей евангелической Реформации, которая была протестантской Реформацией в виде индивидуальных обращений проповедниками, личными контактами. Такая евангелическая Реформация началась в Лон-

²⁶⁴ Ibid. — P. 13.

доне, Кембридже и Оксфорде примерно с 1520 г., но никогда полностью не завершалась. К. Хейг пишет, что в Англии происходили «спотыкающиеся» реформации, которые большинство населения не понимало, которых хотели немногие, и никто не знал, чем эти реформации закончатся²⁶⁵.

В отличие от такого предлагаемого К. Хейгом подхода, историки обычно связывали события Реформации в одно большое событие: Реформацию (the Reformation). Историки считали, что крупные события должны иметь под собой значительные причины. Поэтому Реформация понималась как результат совокупного действия ряда «прогрессивных» процессов: подъёма антиклерикализма, современного государства, рационализма, гуманизма, протестантизма, среднего класса, капитализма, и на этом фоне происходившего упадка феодализма, монашества, католицизма и власти духовенства. В методологическом отношении такой подход К. Хейг называет «упрощенчески вигским». Вигская версия истории телеологична — она ищет причины известного результата, объясняя их действием сил модернизации и демонстрируя, как «плохое старое прошлое» уходит, и ему на смену приходит «блестящее будущее». Получается, что Англия отказалась от католицизма и восприняла протестантизм под влиянием «сил прогресса». Эта техника соблазнительно проста: выделяется значительное изменение, что помогает организовать его объяснение, потому что при этом подбираются подходящие свидетельства его появления. Сложное взаимодействие одновременных событий редуцируется в серию действующих прогрессивных факторов, которые могут быть проиллюстрированы соответствующими примерами, вырванными из своего специфического контекста. В предреформационный период спокойствие в церковных делах в Англии, сотрудничество, удовлетворенность церковью игнорируются, поскольку из них нельзя вывести появление сил, проявивших себя в будущем. Это очень избирательный подход к истории: он преувеличивает значение конфликтов, изменений и представляет одностороннюю картину действия сил протеста, которые одержали победу. Вигское историописание концентрируется на описании достижений прогресса. Характеристика происходивших изменений упрощается и спрямляется, если история сводится к последовательности реформ, игнорирует реакцию на них, противодействие и обратный ход событий, альтернативы и контекст происходящего. Изменения кажутся легко происходящими, если удаляются из описания событий противники этих изменений, или эти противники изображаются как глупые старые чудаки, которым был уготован поражение²⁶⁶. Но такой дистиллированный вариант истории — это иллюзия, прошлое таким не было. Религиозные изменения в Англии в XVI в., общественные изменения вообще развиваются не благодаря действиям одной группировки, а во взаимной борьбе сторон. Религиозные изменения происходили не только в Лондоне, но и в остальной стране. По словам К. Хейга, «изменения не были результатом деятельности только

²⁶⁵ Ibid. — P. 14.

²⁶⁶ Ibid. — P. 16.

лишь богословов и законодателей, они были также результатом деятельности тех, кто озадаченно слушал проповеди реформаторов в церквях и не совсем трезво рассуждал о реформах в пивных, и противостояние и столкновения с католиками тоже наложили свой отпечаток на ход Реформации». Так что вигская историография использует несовершенные и недостаточные методы, которые дают слишком упрощённое, несбалансированное и вводящее в заблуждение видение английской Реформации.

Сейчас также можно уверенно сказать, что вигская версия Реформации — это еще и неточная версия, считает К. Хейг²⁶⁷. Написанная вигскими историками история Реформации основывается на двух видах письменных свидетельств: критике со стороны протестантов и парламентском законодательстве. Причины Реформации при этом выводились из жалоб и критических заявлений ранних протестантов — Томаса Билни, Саймона Фиша, Хью Латимера. Ход Реформации вигские историки реконструировали по изучению парламентского законодательства 1529—1559 гг., и поэтому окончательное утверждение протестантизма законодательным путем при Елизавете представлялось в их изложении завершением Реформации в Англии. Свидетельства того, что в предреформационный период существовало недовольство церковью, для вигских историков были доказательством того, что в Англии хотели Реформации, а материалы законодательства были источником, необходимым для того, чтобы показать, как происходила Реформация.

Новое понимание хода английской Реформации, которое может быть достигнуто сейчас, обусловлено расширением источниковой базы в её изучении, которое происходило в 1960—70-е гг. С тех пор происходило интенсивное изучение неопубликованных рукописных материалов в центральных и местных архивах. В эти же десятилетия, отмечает К. Хейг, улучшилась организация архивов в стране, увеличился прием на исторические специальности в ВУЗах, стало предоставляться больше грантов научно-исследовательскими фондами. Этому также способствовала демократическая мода на исследования по локальной истории. В результате сейчас есть возможность брать сведения о том, в каком состоянии была церковь Англии, не из критики сторонников реформ, а из материалов церковных судов — книг консисторий (*consistory act books*), показаний под присягой (*deposition books*), конкретных дел о судебных разбирательствах (*cause papers*). Это предоставляет данные о том, что на самом деле делали церковные суды и как они действовали, из материалов делопроизводства, а не из обвинений тех, кто стремился дискредитировать церковное правосудие. Стали также изучаться доклады о визитациях, завещания, годовые отчёты церковных старост. Все это дает возможность увидеть, что реально происходило в приходах, а не рассматривать критические утверждения тех лиц, которые считали, что приходская религия деградировала.

Все эти материалы, подчёркивает К. Хейг, требуют критического анализа. Административные документы тоже дают тенденциозный и пристраст-

²⁶⁷ Ibid. — P. 16—17.

ный взгляд на происходившее, как и образцы протестантской пропаганды того времени. Например, отчёты церковных старост дают сведения о том, на что они тратили приходские деньги, а не о том, на что их хотели бы потратить остальные прихожане и какова была религиозность этих прихожан. Завещания отражают то, что думали более состоятельные прихожане, но эти мысли они находили в себе накануне смерти, и отсюда не узнать, как они относились к религиозным вопросам большую часть жизни, считает К. Хейг. Книги консисторий выставляют напоказ только проблемы, которые доходили до суда, но часть подобных проблем решалась на предварительной стадии или вообще не обнародовалась из-за страха или почтительности по отношению к кому-то. Но, тем не менее, на этих материалах можно ставить и решать вопросы, которые раньше игнорировались или обсуждались на уровне предположений. Из этих материалов также видно, что традиционная католическая религиозность не находилась в кризисе и не разрушалась, и если даже встречались скептики, было гораздо больше энтузиастов и конформистов. Церковные суды не нравились в первую очередь их критикам, а также завсегдатаям пивных, но объёмы судопроизводства и поведение тяжущихся сторон демонстрируют главным образом то, что церковные суды были полезны обществу, а их решения уважались²⁶⁸.

Историки сейчас также могут изучать ход Реформации в том виде, как она происходила, а не в том, как её пытались проводить власти. Между законодательством и его исполнением, реализацией всегда есть разрыв. Изучение материалов деятельности местной церковной администрации даёт возможность рассмотреть, как вводились новые нормы церковной жизни и каков был отклик на них. К. Хейг приводит пример с распоряжением властей в 1538 г., когда всем приходам было предписано приобрести Библию, но кое-где она была приобретена только в конце 1540-х гг. К. Хейг при этом считает, что предпринимавшиеся в последнее время попытки историков добраться до понимания Реформации простыми людьми во многом разочаровывают: нет таких источников, которые недвусмысленно характеризовали бы религиозные верования народа, но при этом по некоторым источникам можно судить о том, как изменялись поведение и взгляды в некоторых социальных группах, сельских общинах. Как представляется К. Хейгу, в каждом приходе Реформация совершалась по-своему, у каждого прихода были свои причины к тому, воспринять ли её, или придерживаться прежних религиозных верований. Из этого нельзя делать вывод, что невозможно выявить ничего обобщающего. Можно обнаружить региональные подобию, но в этих рамках по-прежнему нужно видеть местные особенности. Можно увидеть общенациональные тенденции, отмечая в то же время, что темпы изменений в разных регионах были различными²⁶⁹.

В изучении истории в целом и истории Реформации иногда звучат заявления, что историю творят правители и политики, народ выступает в этом отношении потребителем их идей и жертвой истории, а думать иначе —

²⁶⁸ Ibid. — P. 18.

²⁶⁹ Ibid.

наивность, или влияние левых политических убеждений. Но в истории Реформации мнение тех, кого называют «народ», как считает К. Хейг, всё же имело значение, во-первых, потому, что Реформация касалась того, что этот «народ» должен был думать и делать — как раз эти вопросы историки должны понять. Во-вторых, поведение людей было значимо для властей потому, что существовал постоянный риск возникновения беспорядков, восстания, если бы народ был спровоцирован непродуманной политикой — политические решения принимались всё-таки с учетом поведения подданных и граждан. В истории Реформации «народ» имел значение и потому, что принимал в ней участие. Бывали в этот период восстания, волнения, в которых прослеживается влияние религиозных причин²⁷⁰.

Работа с новыми источниками не разрушает полностью вигскую версию английской Реформации. Скорее, новый материал вводит старые свидетельства в контекст, который добавляет им перспективу и сбалансированность. К. Хейг считает, что из вигского подхода выпадала конкретика Реформации, и её картина упрощалась, а теперь есть возможность понять, что составными частями Реформации были католический лоялизм и бездумный консерватизм, ненависть к ереси, недоверие к новшествам, мелкие проявления сопротивления, неохотное подчинение реформам, чувство облегчения и энтузиазм при восстановлении католицизма при Марии, а затем возвращение ощущения неопределённости, необходимость приспособливаться к происходившему после вступления на престол Елизаветы. Таким образом, вигское толкование действия сил прогресса уравновешивается, становится труднее объяснение происходившего: понятия «подъём протестантизма», «упадок католицизма» уже не работают и не годятся даже для описания, а не только для объяснения²⁷¹.

К. Хейг отмечает, что он не пытается объяснять историю Реформации, опираясь на макрофакторы исторического процесса. В этом деле не помогает обращение к раннему влиянию антиклерикализма и континентального протестантизма, подъём капитализма, среднего класса, современного государства — всё это может рассматриваться как долговременные характеристики истории общества, а не как конкретные причины. Сомнительное отношение к Реформации в Англии и остальных европейских странах, по мнению К. Хейга, имеют также гуманизм, рационализм — эти интеллектуальные течения активно развивались и в тех странах, которые остались католическими. Всё это, как ему представляется — грубые обобщения, которые трудно соотнести с тысячами деталей комплексного объяснения происходивших изменений²⁷².

Свою задачу К. Хейг видит в том, чтобы изложить историю кажущихся отдельными и самостоятельными событий, которые в совокупности стали «английскими реформациями». К. Хейг возводит такой подход к М. Оукшотту²⁷³. В этом случае необходимо попытаться описать изменения так,

²⁷⁰ Ibid. — P. 18—19.

²⁷¹ Ibid. — P. 19.

²⁷² Ibid. — P. 20.

²⁷³ Oakeshott M. Historical Experience // Experience and its Modes. — London, 1933.

как они происходили, одно за другим, попытаться показать, как одно событие привело к другому не из-за predetermined последовательности происшедшего, а из-за выбора, сделанного участниками событий.

В истории английской Реформации, считает К. Хейг, велико значение законодательных мер властей — они сделали возможным изменение умов. В стране до разрыва с Римом начиналось протестантское движение. Оно бы продолжало существовать без поддержки государства, но трудно сказать, захватило ли бы оно церковь. Протестантскому движению способствовало то, что политическая ситуация в стране благоприятствовала постепенному проведению антикатолических мер. По мнению К. Хейга, в лучшем случае при самостоятельном развитии протестантизм в Англии мог достичь чего-то, подобного французским гугенотам — стать опасным меньшинством, которое могло вести гражданскую войну, но не могло ее выиграть. Протестантов могла постичь участь сторонников евангелических идей в Италии и Испании, где они были просто подавлены. В Англии же динамику в изменении судеб Реформации обеспечила динамика в развитии политических событий. Это заметно отличает подход К. Хейга от либеральной веры А. Дж. Диккенса в то, что к концу XVI в. А. Дж. Диккенс не мог себе представить Англию иначе, как протестантской страной²⁷⁴.

После 1960 г., отмечает К. Хейг, историки на основе изучения архивных материалов достигли более глубокого понимания того, как действовала в период Реформации центральная власть. Понятнее стало то, что стояло за парламентскими статутами времен Реформации: политический расчёт, намеренное манипулирование настроениями парламента, давление, направленное на проталкивание законодательства. Многие из того, что было открыто, показывает текучесть и случайность политического выбора и происшедших событий. Из-за борьбы придворных группировок неудивительно, что происходили отдельные «реформации» — обратившиеся вспять и обратимые. Мелкие махинации придворных политиков приобрели общенациональное значение, когда последствия этих махинаций навязывались миллионам людей. Ряд политических побед, одержанных в междоусобной борьбе знатью — Кромвелем над Мором в 1532 г., Норфолком над Кромвелем в 1540 г., Гертфордом над Гардинером в 1546 г., Уориком над Эранделом в 1550 г., Марией Тюдор над Нортумберлендом в 1553 г., Сесилем над Норфолком в 1569 г., Лестером над Сассексом в 1579 г. — повлияли на религиозные верования мужчин, женщин и детей по всей стране. Большинство населения воспринимали происшедшую Реформацию как необходимость подчинения новым распоряжениям властей в религиозной сфере, а не как протестантское обращение. Даже свобода проповедника была ограничена официальной политикой — подпольная проповедь с риском преследований для слушателей была бы менее эффективной. Религиозные изменения были вызва-

²⁷⁴ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 20.

ны законодательством, а законодательство формировалось под влиянием текущей политики. Все перипетии «реформаций» — начало, определение, поддержание, замедление, оживление — были результатом политических событий. Поэтому К. Хейг считает, что исследование истории английской Реформации — это исследование в рамках политической истории²⁷⁵.

Такой подход характерен для представителей консервативного направления в британской историографии, что позволяет рассматривать историков-ревизионистов как представителей этого направления в изучении Реформации на современном этапе его развития. Известный консервативный историк Х.Р. Тревор-Роупер (1914—2003) тоже придерживался мнения о необходимости рассматривать Реформацию в Англии как политическое явление, истолковывая под политическим углом зрения весь реформационный период в истории страны. В деятельности реформационного парламента, по его мнению, почти каждый принятый акт имел прецеденты в истории Англии, что отражало еще ранее начавшуюся борьбу с Римом²⁷⁶.

Стремление к восстановлению протестантизма в Англии при Марии Тюдор Х. Тревор-Роупер тоже объяснял политическими причинами — испанцы хотели превратить Англию в 1553—1558 гг. в свой удел, подчинённый в политическом отношении. Политическими причинами он объяснял и то, что королева Елизавета препятствовала развитию пуританизма в церкви Англии, поскольку она осознала подрывные аспекты кальвинизма, который повлиял на возникновение пуританизма. К концу XVI в. в Европе, считал Х. Тревор-Роупер, в общественном мнении связь кальвинизма со стремлением к республиканизму была признанной точкой зрения²⁷⁷. Но на рубеже XVI—XVII вв. церковь, как писал Х. Тревор-Роупер, была уже ограблена, и власти столкнулись «лицом к лицу с набиравшими силу предприимчивыми субъектами» — развивавшийся капитализм требовал простора. Следующей мишенью становились монополисты-придворные, так что Елизавета в конце жизни была вынуждена отменить некоторые монополии. Были нормализованы также отношения с Испанией, и это направление грабежа отпало. Между тем набирала силу частная инициатива, требовавшая сферы приложения и алчно взрывающая на сохранявшую ещё значительную земельную собственность церковь. К концу XVI в. стало ясно, что епископальная церковь в Англии устояла в бурях Реформации, и часть церковных деятелей пыталась вернуть церковной организации влияние в обществе. Как писал Х. Тревор-Роупер, грабеж церкви при Генрихе VIII и при Эдуарде VI происходил ещё без какой-либо доктринальной основы, но затем в эту сферу двинулся средний класс, представители которого тоже хотели пожить, стремясь опираться при этом на идейные мотивы для успокоения совести. Эту социальную группу устраивали даже доходы из уже ограбленных ранее ко-

²⁷⁵ Ibid. — P. 20—21.

²⁷⁶ Trevor-Roper H. Archbishop Laud, 1573—1645. 3rd ed. — Houndmills etc., 1988. — P. 7.

²⁷⁷ Ibid. — P. 9.

ролевской властью и аристократией епархий, и в то же время в среднем классе возник пуританизм²⁷⁸.

Оценивая кальвинизм, Х. Тревор-Роупер писал, что он был подходящей доктриной для приобретательских классов, которые после того, как составили себе состояние, стремились к власти и видели, что в рамках римско-католической системы, стремившейся поддерживать общественную стабильность, власть в обществе им не достанется. Естественным результатом было то, что они потянулись к интеллектуалам, которые находили разного рода изъяны в католической интерпретации Писания. Но интеллектуалы и предприниматели не могли пойти вместе очень далеко в своих позитивных действиях. Предпринимателей в кальвинизме привлекала пропагандируемая им идея избранности, критическое отношение к авторитетам, признание того, что в обществе должны управлять трудолюбивые и энергичные Божьи избранники в интересах самих этих Божьих избранников во славу Божью. Важно и то, что Кальвин строил пропаганду своих взглядов как религию откровения, а не как философское учение — религия откровения больше убеждает. Своими смелыми утверждениями о возможности прибегнуть к революции в общественных отношениях кальвинизм импонировал всем оппозиционным по отношению к деспотической иерархии Рима силам. Кальвинизму удалось одержать победу преимущественно в странах, где уже активно развивались торговля и промышленность²⁷⁹.

По словам Х. Тревор-Роупера, чем больше мы анализируем религиозные войны, тем меньше находим в них собственно религиозных вопросов. Трудно поверить, что в течение более чем ста лет между народами шла борьба о понимании атрибутов непознаваемого Бога. То, что рассматривается в религиозных доктринах — происхождение мира, судьбы души — нельзя изменить с помощью революции. Но если религия является идеальным выражением определённой социально-политической организации, тогда можно понять, почему люди были готовы сражаться за такую «религию», а потом наступило время, когда религия перестала в такой степени волновать людей, поскольку стала терять свой политический подтекст.

Религия была также аспектом политики — внешним символом, паролем, под которыми были известны политические группировки. Нам кажется непонятным, как можно было так яростно бороться и дискутировать по вопросу о том, следует ли кланяться в церкви, или о том, где должен находиться стол для причастия, но символическая сторона ведь не ушла полностью также из современной жизни, и «нашим потомкам тоже может быть трудно понять, почему накануне второй мировой войны вызывали страсти, например, цвет рубашки, форма приветствия, изображение мелом на стене каких-то символов, и это даже привело к насилию и большой войне»²⁸⁰.

²⁷⁸ Ibid. — P. 13—17.

²⁷⁹ Ibid. — P. 20.

²⁸⁰ Ibid. — P. 2—3.

Религиозные ересиархи и реформаторы XVI—XVII вв., считал Х. Тревор-Роупер, если бы они рассуждали только о душе, ушли бы с европейской сцены максимум с таким же влиянием, какое оказали на историю общества великие поэты, но реформаторы замахивались на большее, хотя, как все политические теоретики, они начинали с рассмотрения природы человека перед тем, как перейти к рассмотрению организации человеческого общества. Это не означает, что политические программы, окрашенные в цвета той или иной деноминации, были лицемерием, или то, что религия была не более, чем идеализированной политической программой. Религия — сложное явление, в котором возвышаются, очищаются и гармонизируются многие человеческие инстинкты, и политические амбиции составляют только их часть, хотя и одну из самых мощных. Люди XVII в. всей душой верили в те доктрины, которые они разрабатывали с такой изобретательностью, но, когда разрушались материальные основы под этими верованиями, разрушались и верования, и, как пронизательно замечал Х. Тревор-Роупер, случается, что «убеждения одного поколения становятся шуткой для другого»²⁸¹.

По понятиям XVI в., считал Х. Тревор-Роупер, религиозная терпимость в государстве была «потрясающей ошибкой». В эпоху, когда религия была тесно связана с политикой, это вполне объяснимо. Нетерпимость в религиозной сфере существовала потому, что религия была не просто набором личных убеждений и верований о том, как устроены небеса, но была также внешним выражением той социально-политической теории, которую защищали церковь и государство. Биографы церковных деятелей, бывало, затруднялись в понимании того, почему в XVI—XVII вв. при, казалось бы, мягком характере того или иного деятеля они бывали нетерпимы к инакомыслящим, но для современников это не составляло загадки. По этой причине изменения в религии рассматривались как стремление к изменениям в существующем политическом строе. Церковь в Англии стала отходить от непосредственного участия в политике только в конце XVII в., и такая позиция, считал Х. Тревор-Роупер, «превратила церковь в политическое ничтожество, к которому относятся со снисходительным почтением, как к мертвым». Духовенство стало с тоской говорить, что раньше мир был религиозным, но, считал Х. Тревор-Роупер, точнее было бы сказать, что раньше сама религия активно участвовала в светской политической жизни. Наступило время, когда людям стало непонятно религиозное происхождение Английской революции XVII в.²⁸²

Оценивая религиозность англичан в XVI в., К. Хейг считает, что XVI в. был веком религии, и вера в Бога имела реальное значение. Не каждый человек подробно вникал в положения доктрин, но едва ли кто в это время полностью отвергал христианскую систему верований. Мало кто оставался постоянно вне церковной организации. Это не значит, что все были высокоморальными, но все знали, что это означает. Как и во все

²⁸¹ Ibid. — P. 3.

²⁸² Ibid. — P. 5.

времена, в XVI в. были люди, для которых религия была всем, и те, для кого она значила очень мало. Численно преобладали нерелексирующие христиане, которые по привычке соблюдали религиозные обычаи и традиции. Многие вспоминали о религии по воскресеньям, праздникам, особым жизненным ситуациям, дававшим для этого повод²⁸³.

Дореформационное христианство, считает К. Хейг, давало более широкий спектр в христианском образе жизни: от мистицизма и аскетизма монастырей, религиозных орденов до приходской религии. Реформаторы же хотели превратить всех христиан в размышляющих христиан, но этого захотели после начала Контрреформации также и католики. Католические реформаторы при этом не сомневались, что не размышляющий человек тоже может быть христианином, и считали, что могут быть и практически действующие христиане, и размышляющие христиане. С протестантской же точки зрения, признание оправдания верой предполагало размышления, и лишало статуса настоящих христиан тех, кто не размышлял над своей верой: спасающая вера требовала понимания, решимости, внутренних убеждений, внимательности на проповеди, изучения катехизиса и чтения Библии, сознательности в вере, и в таком виде протестантизм видел единственную модель христианской жизни. Протестантизм был религией слова. Но протестантская Реформация всё же не уничтожила в народе католические представления о христианской жизни и спасении и не смогла породить широкую приверженность доктрине оправдания верой. Многие люди по-прежнему ждали, что спасутся с помощью церкви, поэтому во многих приходах протестантские службы приобретали привлекательность медленно, но, тем не менее, прижились²⁸⁴.

Священники с пуританскими наклонностями обвиняли тех прихожан, которые не воспринимали в полном объеме пуританские идеи, в том, что они были обычными конформистами, но, по мнению К. Хейга, они всё же не были бессознательными конформистами: эти прихожане сами выбрали, по отношению к чему им быть конформистами, и они уже подверглись декатолизации, но не подверглись протестантизации. К. Хейг называет их «приходскими англиканами». Там, где протестантская Реформация удалась по-настоящему, она способствовала появлению сознательных христиан, какими их представляли пуритане. Там, где она в полной мере не удалась, появились лишь «приходские англикане». К концу XVI в. в Англии, как считает К. Хейг, можно было найти четыре категории христиан: набожные протестанты, паписты-рекузанты, «приходские англикане» и старые католики²⁸⁵. Сознательные протестанты были окружены папистами, «приходскими англиканами», лицами, безразличными к религии, грешниками. Было поэтому не удивительно, что «истинные верующие» вели себя нервно, требовали, чтобы в стране было больше проповедей, больше Реформации, настаивали на преследованиях католи-

²⁸³ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 285.

²⁸⁴ Ibid. — P. 286, 289.

²⁸⁵ Ibid. — P. 290—292.

ков. Рьяных сторонников Реформации поражало, как мало удалось изменить в религиозной ситуации, несмотря на все усилия монархов и проповедников. Но в то же время церковь Англии в таком виде удовлетворяла реальные религиозные потребности большинства населения страны. К. Хейг подчёркивает консервативность народных религиозных верований: в то время, когда политики проводили с колебаниями свои реформации и преобразования, протестанты проповедовали евангелическую реформу, прихожане всё так же ходили в церковь — так было в 1530 г., и в 1590 г., а за это время в стране прошли несколько реформаций²⁸⁶.

В 1989 г. А. Дж. Диккенс опубликовал пересмотренное издание своей главной работы «Английская Реформация» и заявил намерение дать отпор критикам своей либеральной концепции понимания английской Реформации в вопросе о состоянии церкви накануне Реформации и о привлекательности протестантизма, но, как заявил К. Хейг, «я не верю, что он сможет это сделать» и ответит тем, кто сделал иные выводы на материалах местных архивов.

К. Хейг также дает оценку взглядам еще одного историка, относимого к ревизионистам — Дж. Скарисбрика, который, по мнению К. Хейга, в работе «Реформация и английской народ» (1984) написал о Реформации без характеристики протестантизма, и стало трудно понять, почему Реформация вообще произошла. Как пишет К. Хейг, «исследование Реформации нуждается в такой версии религиозного конфликта и преобразований, которая включала бы в себя видение ситуации по обе стороны религиозного «забора», включая точку зрения тех, кто сидел на заборе, кто не мог найти этого забора, и тех, кто не понимал, почему вокруг этого забора поднялся такой шум». Реформация касалась не только религии, но также и управления страной и политики, поскольку в XVI в. правительства пытались действовать, исходя из необходимости утверждения идеологического однообразия в стране. Религиозная идеология в это время была предметом политических расчётов и давления. Об этом писал Дж. Элтон, показавший, что Реформация не была только борьбой католиков и протестантов: это была борьба правительства и подданных, и стоял также вопрос об эффективности управления²⁸⁷. Дж. Элтон, как считает К. Хейг, преувеличил успехи Томаса Кромвеля во внедрении Реформации, и это видно на примере того, что в дальнейшем Сомерсет, Нортумберленд, Уильям Сесиль, Елизавета испытывали трудности во внедрении Реформации. Работы Э. Ивза и Д. Старки²⁸⁸, испытавших большое влияние Дж. Элтона, но перешедших также к критике его взглядов, представили политику при Тюдорах как борьбу группировок за должности и вознаграждения, показали, как важен доступ к монарху для участников политической борьбы. При этом ряд историков (С. Адамс, Дж. Бернارد, П. Гвин, Г. Реду-

²⁸⁶ Ibid. — P. 293—295.

²⁸⁷ Elton G. Policy and Police. — Cambridge, 1972.

²⁸⁸ Ives E. Faction in Tudor England. — Historical Association, 1979; Idem. Anne Boleyn. — Oxford, 1986; Starkey D. (Ed.). The English Court. — London, 1987; Starkey D. The Reign of Henry VIII: Personalities and Politics. — London, 1985.

орт и Р. Уорник) возражали на то, что монархов сводят до уровня пешек, подчёркивали значение их воли, а также считали, что при дворе не было прочных группировок: происходившее при дворе было маневрированием, и все ходы в политике имели элемент случайности, что распространялось и на историю Реформации, поэтому религиозные изменения в Англии в правление Тюдоров и были фрагментарными и эпизодическими²⁸⁹.

К. Хейг считает, что изучение истории английской Реформации в современной британской историографии в 1960—80-е гг. фактически работало на подтверждение ревизионистской концепции понимания истории Реформации в Англии, предпринимая при этом обзор тех исследований, которые подкрепляют его взгляды. Недавние исследования состояния церкви Англии накануне Реформации показали, что она была в целом жизнеспособным институтом с достаточной, пусть и не совсем безоговорочной, поддержкой со стороны прихожан²⁹⁰. Об этой жизнеспособности церкви Англии накануне Реформации свидетельствуют, по мнению К. Хейга, также исследования об английском приходском духовенстве²⁹¹. Современные историки перестали рассматривать церковные суды как неэффективные учреждения²⁹². В исследованиях о монастырях в современной британской историографии, по мнению К. Хейга, сохраняет свое значение работа Д. Ноулза, в которой отмечается, что положение в монастырях нельзя было считать весомым аргументом для их ликвидации²⁹³.

Таким образом, опираясь на конкретные работы тех историков, которые сами по себе не могут быть отнесены к ревизионистскому направлению, историки-ревизионисты ищут в них факты, подкрепляющие разрабатываемую ими концепцию.

²⁸⁹ *Revolution Reassessed: Revisions in the History of Tudor Government and Administration* / Ed. by C. Coleman, D. Starkey. — Oxford, 1986.

²⁹⁰ *Harper-Bill C.* The Pre-Reformation Church. — London, 1990; *Rhodes J.* Private Devotion in England on the Eve of the Reformation. Ph. D. Thesis. — Durham, 1974; *Scarbrick J.J.* The Reformation and the English People. — Oxford, 1984; *Thomas K.* Religion and the Decline of Magic. — London, 1971; *Whiting R.* The Blind Devotion of the People. — Cambridge, 1989; *Brigden S.* London and the Reformation. — Oxford, 1989; *Tanner N. P.* The Church in Late-Medieval Norwich, 1370—1532. — Toronto, 1984.

²⁹¹ *Bowker M.* The Secular Clergy in the Diocese of Lincoln, 1495—1520. — Cambridge, 1968; *Heath P.* English Parish Clergy on the Eve of the Reformation. — London, 1969; *Marshall P.* Attitudes of the English People to Priests and Priesthood, 1500—1553. D. Phil. Thesis. — Oxford, 1990.

²⁹² *Bowker M.* The Commons Supplication against the Ordinaries in the Light of Some Archidiaconal Acta // TRHS 5th Series. — 1971. — № 21; *Houlbrooke R.* Church Courts and the People during the English Reformation, 1520—1570. — Oxford, 1979; *Helmholz R.H.* Roman Canon Law in Reformation England. — Cambridge, 1990; *Bowker M.* The Henrician Reformation: The Diocese of Lincoln under John Longland, 1521—1547. — Cambridge, 1981; *Bradshaw B. Duffy E.* (Eds.). Humanism, Reform and the Reformation: The Career of Bisho John Fisher — Cambridge, 1989; *Thompson S.* The Pastoral Work of the English and Welsh Episcopate, 1500—1558. D. Phil. Thesis. — Oxford, 1984.

²⁹³ *Knowles D.* The Religious Orders in England. — Cambridge, 1959. — Vol. III.

2.4. Дж. Скарисбрик – критик либерального подхода к изучению английской Реформации

Дж. Скарисбрик, наряду с К. Хейгом, относится к крупнейшим представителям ревизионистского направления в современной британской историографии в изучении английской Реформации. С начала своей исследовательской деятельности он интересовался взглядами той части духовенства в реформационной Англии, которая была настроена консервативно²⁹⁴. Он опубликовал одно из важнейших исследований, способствовавших развитию ревизионистского направления в изучении английской Реформации²⁹⁵.

По мнению Дж. Скарисбрика, англичане не хотели Реформации, и большинство из них медленно её воспринимали. Но среди историков до сих пор влиятельна вигская и, в сущности, протестантская точка зрения на понимание Реформации в Англии. В этом вигском подходе к истории Реформации Дж. Скарисбрик видит использование гегелевской триады как мыслительной схемы: упадок церкви — её крушение и распад — возрождение и обновление²⁹⁶.

Дж. Скарисбрик обращает внимание также на то, что идеи, подобные взглядам историков-ревизионистов в британской историографии, стали высказывать в изучении немецкой Реформации западногерманские историки Г. Риттер, Б. Мёллер, Х. Оберман. Они оспаривают существовавшее ранее мнение о том, что положение в церкви в германских землях накануне Реформации было кризисным, и утверждают, что церковь была вполне жизнеспособна, если судить по завещаниям и посещаемости служб²⁹⁷.

Дж. Скарисбрик предпринял глубокое исследование религиозного содержания завещаний периода английской Реформации. Завещания в Англии находятся на хранении в Государственном архиве Великобритании, в архивах графств и епархий. Дж. Скарисбрик пользовался завещаниями из архивов графств Глостершира, Хантингдоншира, Норгемптоншира, из Государственного архива Великобритании (Суд Кентерберийского архиепископа), из библиотеки Бодлея в Оксфордском университете, а также опубликованными завещаниями первой половины XVI в. из графств Бедфордшир, Линкольншир, из Лондона, с севера Англии, из Сомерсета и Суссекса. Всего он использовал более 2,5 тыс. завещаний. В территориальном отношении большинство завещаний было привлечено из Мидленда. Эти материалы Дж. Скарисбрик считает достаточными для обобщений. Все эти завещания, как он утверждает, дают картину общества, преданного старой религии до того момента, когда ее начали вытеснять²⁹⁸.

В середине 1530-х гг. две трети завещаний всё ещё упоминали необходимость поминальных молитв, и в остальной трети завещаний, как счита-

²⁹⁴ Scarisbrick J.J. *The Conservative Episcopate in England 1529—1535*. — University of Cambridge Ph. D. thesis, 1956; *Idem*. *Henry VIII*. — London, 1968.

²⁹⁵ Scarisbrick J.J. *The Reformation and the English People*. — Oxford, 1984.

²⁹⁶ *Ibid.* — P. 1.

²⁹⁷ *Ibid.* — P. 2.

²⁹⁸ *Ibid.* — P. 3.

ет Дж. Скарисбрик, необходимость заупокойных молитв тоже предполагалась как сама собой разумеющаяся. В среднем в каждом пятом завещании оставлялись деньги монахам. Около 60% завещаний оставляли деньги на ремонт церковных зданий и их оснащение необходимой утварью²⁹⁹.

Можно проследить и региональные вариации в завещаниях. В Бакингершире было видно влияние лоллардизма и глубоко укоренившегося в нагорьях полуязыческого мировоззрения. Здесь не действовали в заметной мере какие-либо монашеские ордена, и завещания имели нерелигиозный тон. Влияние протестантизма начинает прослеживаться с середины 1530-х гг. в лондонских завещаниях и на юго-востоке страны. В дореформационный период только 3—4% завещаний не упоминали пожертвования на религиозные цели³⁰⁰.

Дж. Скарисбрик приводит примеры того, что даже после диссолюции монастырей вполне информированные о происходившем в стране люди (например, Джордж, граф Шрусбери) оставляли в завещании деньги монахам и на заупокойные мессы; аудитор Суда приращений (Court of Augmentations) Роберт Бургойн в октябре 1545 г. оставил деньги на номинальные службы и на часовню в родном приходе³⁰¹. Влияние социального статуса на содержание завещаний, как считает Дж. Скарисбрик, видно только в том, что более состоятельные люди оставляли больше средств на церковные нужды, но на эти цели оставляли средства даже самые скромные по социальному положению люди³⁰².

Исследователи завещаний обсуждали вопрос о том, что для неграмотных и даже некоторых грамотных людей в XVI в. завещания составлял по их просьбе наёмный писец, в результате чего предполагалось, что завещания могут не отражать особенностей индивидуальной религиозности. Рассуждая об этом, Дж. Скарисбрик отмечает, что писец, конечно, мог повлиять на составление завещания, но трудно представить, что составитель, писавший текст, мог побудить завещателя давать средства нескольким церковным приходам или монахам — ведь завещания составляли представители белого духовенства или служащие судов. Завещания знати наверняка составлялись по точному слову завещателя, да и простые завещания полны таких деталей, которые не придумать постороннему. Так что, по мнению Дж. Скарисбрика, в большинстве завещаний мы действительно слышим голос завещателя³⁰³.

Можно оспаривать искренность пожертвований церкви на смертном одре, и даже стремление сделать такие пожертвования может быть свидетельством о не очень благочестивом поведении в жизни, так что искренность пожертвований, по мнению Дж. Скарисбрика, с достаточной степенью точности установить невозможно, но все же эти пожертвования в любом случае являются свидетельством того, что традиционная религия сохраняла свое значение.

²⁹⁹ Ibid. — P. 5.

³⁰⁰ Ibid. — P. 6.

³⁰¹ Ibid. — P. 8—9.

³⁰² Ibid. — P. 10.

³⁰³ Ibid. — P. 11.

Дж. Скарисбрик обращает внимание также на активную строительную деятельность в приходах. В течение полутора столетий до Реформации две трети церквей в стране, от маленьких деревенских до больших городских соборов, подверглись перестройке. Средства на строительство шли как от крупных благотворителей, так и от массы прихожан. В некоторых монастырях (например, в Бате, Боттоне) диссолюция прервала крупное строительство. Затем же именно во время развернувшейся активной Реформации при Эдуарде VI церковное строительство примерно на 50 лет практически прекратилось. По мнению Дж. Скарисбрика, историку трудно судить о качестве религиозной жизни в обществе или о глубине понимания современниками религиозных вопросов, поэтому приходится искать количественные показатели религиозной активности — например, данные о масштабах строительства церквей, о выделении денежных средств церкви в завещаниях, и, судя как раз по этим фактам, нет возможности говорить о заметном кризисе церкви в Англии в дореформационный период³⁰⁴. Во многих завещаниях, пишет Дж. Скарисбрик, видна подлинная религиозность, когда бедный человек детально расписывает в завещании передачу церкви предметов из своего небольшого имущества — в толковании британского историка, «это не конвенционализм и не конформизм, не предрассудки и не влияние инерции в народной религии — это свидетельство искренней веры»³⁰⁵.

Дж. Скарисбрик в качестве ещё одного свидетельства жизнеспособности традиционной религиозности в предреформационный период упоминает о религиозных братствах. Религиозные братства были распущены в результате издания так называемого Акта о часовнях 1547 г. и королевских предписаний этого же года. Братства управлялись светскими лицами. В начале XVI в. новым явлением было вступление в них духовных лиц. В таких братствах членами могли быть также и женщины, и они даже занимали в них руководящие должности, хотя и редко. Вообще в позднее средневековье, отмечает Дж. Скарисбрик, братства были уникальным примером такого равноправия женщин. В братства записывали и умерших родственников. Вступительные взносы в братства иногда были высокими, но обычно были все же доступными. Братства могли складываться на профессиональной основе, или, возникнув как религиозные, превратиться в профессиональные объединения. Ответить на вопрос, как изменялась численность членов братств накануне Реформации, считает Дж. Скарисбрик, невозможно — источников о них сохранилось мало. В 1546 и 1548 гг. королевские комиссары интересовались только теми братствами, у которых была недвижимость, земля, какое-то другое заметное имущество, поэтому они не обращали внимания на мелкие братства³⁰⁶.

В 1530-е гг. начался упадок братств. Это отражало, возможно, влияние религиозно-политической неопределенности в стране, но нарастали так-

³⁰⁴ Ibid. — P. 15.

³⁰⁵ Ibid. — P. 17—18.

³⁰⁶ Ibid. — P. 19—30.

же экономические трудности. В Лондоне было более 40 братств, но доход у них был небольшой. Функции братств здесь выполняли также большие ливрейные компании. Первоначальный билль о часовнях 1547 г. покушался на имущество всех гильдий с религиозными функциями, но в итоговом варианте Акта о часовнях 1547 г. гильдии, созданные по экономическим причинам, уцелели. Братства стали возрождаться при Марии, но их было уже мало, и, видимо, светские лица уже с осторожностью шли на пожертвование имущества. Но в дальнейшем большинство благотворительных и образовательных учреждений, созданных братствами, сохранились и при протестантском режиме. Большие городские братства были также объединениями, членство в которых давало нужные экономические контакты, а маленькие сельские братства были чисто религиозными, и те, кто в них входил, предполагает Дж. Скарисбрик, могли в последующее время иметь тяготение к сектам, которым не было места в официальной Реформации³⁰⁷.

Церковь в предреформационный период была, по мнению Дж. Скарисбрика, довольно терпимой, предоставляла массу возможностей для поддержания социальной интеграции и сотрудничества при проведении религиозных праздников, паломничеств, шествий. Все это ослабляло социальную напряженность, сглаживало существование социальных барьеров в общественной жизни³⁰⁸.

Проявления антиклерикализма, считает Дж. Скарисбрик, были в отношении отдельных личностей, но не духовенства как такового. Накануне Реформации, как отмечает Дж. Скарисбрик, организованное крыло лоллардизма, «христианские братья», собирали деньги, выпускали книги, но были не опасны для церкви. Накануне Реформации на критические выступления в адрес духовенства со стороны Эразма Роттердамского, считает Дж. Скарисбрик, больше внимания обращали следующие историки, чем современники. Поклонниками Эразма были вполне правоверные католики Томас Мор, Катберт Тансталл, так что его влияние не обязательно радикализировало чьи-то убеждения. Влияние идей Эразма, полагает Дж. Скарисбрик, вело и к тому, чтобы думать о совершенствовании существовавшей церкви, а не о её разрушении. Дело Ричарда Ганна (1514), при всей своей громкости, считает Дж. Скарисбрик, было, в сущности, единственным подобным случаем. Наказанием для лоллардов в громадном большинстве случаев было публичное раскаяние несколько воскресений подряд в форме принесения в приходскую церковь вязанок хвороста в покаянном одеянии. Массовых преследований еретиков не было. В Англии не было ярко выраженного клерикализма, чтобы породить антиклерикализм. Редки были случаи управления епархиями и аббатствами по совместительству (*in commendam*) — Уолси, по его мнению, был практически исключением из правил. В церкви

³⁰⁷ Ibid. — P. 35—39.

³⁰⁸ *Phythian-Adams C. Ceremony and the Citizen: The Communal Year at Coventry, 1450—1550* // Clark, P. Slack, P. (Eds.) *Crisis and Order in English Towns, 1500—1700*. — London, 1972. — P. 57—85; *Luxton I. The Reformation and Popular Culture* // Heal F. O' Day R. (Eds.) *Church and Society in England*. — London, 1977. — P. 57—77.

Англии были открыты возможности для карьеры способным клирикам. Она была свободна от той аристократизации церкви, которая была характерна для континента, и накануне Реформации ни один из епископов не происходил из знати³⁰⁹.

Протестантизация Англии была следствием Реформации, а не ее причиной, считает Дж. Скарисбрик, поддерживая в этом отношении выводы К. Хейга. По рассказам первых английских протестантов, обращение у них обычно бывало резким и быстрым³¹⁰. Антипапские настроения в Англии, считает Дж. Скарисбрик, как и распространение протестантизма, были следствием, а не причиной Реформации, и он даже предполагает, что антикатолицизм мало волновал англичан и стал распространяться лишь в борьбе с Испанией из-за событий конца XVI—начала XVII вв., которые ещё и раздувались в пропагандистских целях³¹¹.

Дж. Скарисбрик всё же приходит к выводу, что убежденных католиков в Англии накануне Реформации было мало. Как показало начало Реформации, отмечает британский историк, безразличие большинства по отношению к существовавшему церковному строю делало этот строй уязвимым: враждебны этому строю были немногие, но и ценили его тоже немногие³¹². Сама неожиданность начала Реформации в Англии, по его мнению, способствовала её успеху, к тому же в первых шагах Реформации в Англии было не так много протестантского, и с лютеранами переговоры разворачивались только тогда, когда это бывало нужно Генриху VIII³¹³.

Редкий пример оппозиции в реформационном парламенте был выявлен Дж. Элтоном и был связан с деятельностью сэра Джорджа Трокмортон из графства Уорикшир и ещё пяти человек. По взглядам они были похожи на Томаса Мора и епископа Фишера, и Трокмортон окончил жизнь в Тауэре³¹⁴. Далее еще Ричард Фермор из графства Норгемптоншир был отправлен в тюрьму Маршалси за недонесение об измене и был лишен своего имущества — он не донёс о деятельности католически настроенного священника³¹⁵. В парламенте 1534 г. решительных противников религиозной политики короля не было, а в 1536 г. в верхней палате парламента уже не было аббатов и большинства консервативных пэров. Исследователь истории парламента времени правления Генриха VIII С. Лемберг пишет, что корона оказывала влияние на выборы депутатов парламента после 1534 г., особенно в 1539 г., но эти свидетельства скудны и трудны для интерпретации³¹⁶.

Накануне издания актов 1536 и 1539 гг. о роспуске монастырей монахи пытались безуспешно сдать имущество своих монастырей в аренду сим-

³⁰⁹ Scarisbrick J.J. *The Reformation and the English People*. — Oxford, 1984. — P. 46—48.

³¹⁰ Ibid. — P. 56.

³¹¹ Ibid. — P. 59.

³¹² Ibid. — P. 60.

³¹³ Kelly M.J. *The Submission of the Clergy* // TRHS 5th Series. — 1965. — № 15. — P. 97—119.

³¹⁴ Elton G.R. *Thomas More and the Opposition to Henry VIII* // BHR. — 1968. — Vol. XLVI. — P. 19—34.

³¹⁵ Scarisbrick J.J. *The Reformation and the English People*. — Oxford, 1984. — P. 63.

³¹⁶ Lehmborg S.E. *The Reformation Parliament, 1529—1536*. — Cambridge, 1970; *Idem*. *The Later Parliaments of the Reign of Henry VIII, 1536—1547*. — Cambridge, 1977.

патизировавшим им светским лицам на условиях, благоприятных для монахов, чтобы они могли пользоваться этим имуществом, но корона расстроила эти планы. Как считает Дж. Скарисбрик, роспуск монастырей был искусным политическим маневрированием королевской власти, и после первого роспуска мелких монастырей в 1536 г. король даже основывал новые монастыри, успокаивая бдительность монахов. Перед Актом 1536 г. были изданы королевские «Предписания», по видимости направленные на реформу монастырей. Существовали надежды, что монастыри будут превращены в колледжи для подготовки проповедников, и об этом думали в обществе, когда власти стали закрывать большие монастыри. Были надежды на то, что монастыри будут реформированы и всё же сохранены. При издании Акта 1539 г. о роспуске больших монастырей при его прохождении через парламент одновременно был принят еще один акт, в котором король обещал на средства от роспуска монастырей выделять средства для назначения проповедников, основания школ, ставки для преподавателей греческого и еврейского языков, помощь бедным, и это произвело впечатление на колеблющихся. В ходе роспуска монастырей, по словам Дж. Скарисбрика, «кого-то запугали, кого-то соблазнили пенсиями, кого-то обманули, упорно сопротивлявшихся казнили»³¹⁷. Большинство светских людей примирились с Реформацией, потому что они едва ли понимали, что происходит, и не хотели ставить под угрозу жизнь родственников, карьеру, репутацию семьи. Сказывалась и привычка верности монарху, хотя немногие видели Генриха VIII лично или имели к нему какие-то чувства личного характера. С папой, о котором англичане знали ещё меньше, они более-менее легко расстались, да и папа не проявлял заботы об англичанах³¹⁸.

Обращая внимание на восстания на севере Англии 1536—37 гг., Дж. Скарисбрик считает, что участники «Благодатного паломничества» были сплочены религиозными вопросами, которые объединили представителей разных социальных групп в той степени, насколько это могло произойти, хотя в целом в восстаниях на севере Англии в 1536—37 гг., по его мнению, всё же переплелись разного рода светские и религиозные вопросы, волновавшие местное население, с общегосударственными проблемами. Дж. Скарисбрик не согласен с выдвинутой версией в трактовке Северного восстания 1536 г., в соответствии с которой восстание было последней попыткой придворной Арагонской фракции, руководимой лордом Дарси, лишить Томаса Кромвеля влияния на короля Генриха VIII путем организации восстания на севере, о чем писал Дж. Элтон³¹⁹. При дальнейшем движении на юг, считает Дж. Скарисбрик, восставшие могли бы свергнуть существовавший в стране режим³²⁰.

Восстание на юго-западе в 1549 г. тоже показало, считает Дж. Скарисбрик, что религиозный консерватизм был ещё жив, так как оно распро-

³¹⁷ Scarisbrick J.J. *The Reformation and the English People*. — Oxford, 1984. — P. 77—78.

³¹⁸ Ibid. — P. 81.

³¹⁹ Elton G.R. *Politics and the Pilgrimage of Grace* // Malament, B. (Ed). *After the Reformation*. — Manchester, 1980. — P. 25—56.

³²⁰ Scarisbrick J.J. *The Reformation and the English People*. — Oxford, 1984. — P. 82.

странилось также на Мидленд — графства Беркшир, Бакингемшир, Оксфордшир, Норгемптоншир³²¹.

Во время ликвидации часовен в конце 1540-х гг. были попытки передать часовни, богадельни с их имуществом светским лицам, которые стали бы их владельцами — это оформлялось королевскими лицензиями. Королевская власть разрешала это делать различным фаворитам, придворным. Такие сделки происходили с разной степенью успеха. Бывали даже случаи поджогов имущества, которое должна была конфисковать корона³²². Реформация принесла с собой для простых англичан, считает Дж. Скарисбрик, резкий кризис в подчинении властям, поскольку им приоткрылась сторона политической жизни, связанная с махинациями, совершаемыми властями³²³.

По Акту 1547 г., как в последнее время пришли к мнению исследователи, религиозные братства и часовни были ликвидированы, но существовавшие при них школы и больницы сохранились. Духовные лица, обслуживавшие часовни, были частично направлены для службы в приходы, а часть из них стала получать пенсии³²⁴. В то же время в ряде районов Англии королевская власть частично вернула местным властям имущество часовен и братств для основания школ и богоугодных заведений, иногда через десятилетия после закрытия. Но эти пожалования были получены лишь благодаря петициям и были результатом не благоволения короны, а упорства местных властей³²⁵. Имущество бывших часовен, братств пытались также скрывать, обращать на новые нужды, и власти ещё при Елизавете вели поиск такого имущества, конфисковывали его и продавали в пользу короны³²⁶. С 1548 г. королевская власть распродала конфискованное имущество часовен и братств, но городские власти, торговые компании, особенно в Лондоне, также вновь приобретали принадлежавшее им имущество через своих агентов. Некоторые города не только вернули себе имущество, принадлежавшее часовням и религиозным братствам, но ещё и докупили этого имущества, конфискованного короной. Дж. Скарисбрик подсчитал, что с успехом для себя при Эдуарде VI обратились с петициями о возвращении имущества часовен и религиозных братств к королевской власти 43 города. 17 городов получили это имущество после обращения к властям с петициями при Марии³²⁷. Возвращения имущества часовен и религиозных братств легче было добиться городам, имевшим статус городских корпораций с правом самоуправления. Иногда даже были связаны друг с другом покупка бывшего монастырского имущества и получение городом статуса корпорации³²⁸.

³²¹ Ibid. — P. 83.

³²² Ibid. — P. 97¹—102.

³²³ Ibid. — P. 109.

³²⁴ *Simon J.* Education and Society in Tudor England. — Cambridge, 1966; *Orme N.* English Schools in the Middle Ages. — London, 1973.

³²⁵ *Scarisbrick J.J.* The Reformation and the English People. — Oxford, 1984. — P. 114.

³²⁶ *Kitching C.J.* The Quest for Concealed Lands in the Reign of Elizabeth // TRHS 5th Series. — 1974. — № 24. — P. 63—78.

³²⁷ *Scarisbrick J.J.* The Reformation and the English People. — Oxford, 1984. — P. 124—126.

³²⁸ *Tittler R.* The Emergence of Urban Policy, 1536—1558 // Loach, J. Tittler, R. (Eds.) The Mid-Tudor Polity, c. 1540—1560. — London, 1980. — P. 74—93.

Оценивая итоги этой борьбы за имущество часовен и религиозных братств, Дж. Скарисбрик предполагает, что, возможно, земли и строения, которые вернули себе города, были лишь небольшой частью всего имущества, но и этот исход вполне устраивал городские власти. При Марии были восстановлены 5 больниц, два колледжа, часовни, среди которых были основаны пять новых. Церкви были переданы все ректорства в приходах, которые оказались в распоряжении короны с 1538 г., с правом получать большую десятину, но в целом было воссоздано мало³²⁹. Мария Тюдор в свое правление старалась опираться на широкую социальную базу и реагировать на все государственные проблемы — финансовые, административные, военные. Если бы Мария прожила дольше, предполагает Дж. Скарисбрик, развитие религиозной ситуации в Англии пошло бы, вполне возможно, как в подвергшихся ранее протестантскому влиянию Южных Нидерландах или Польше³³⁰.

Обращая внимание на медленное утверждение Реформации, Дж. Скарисбрик отмечает, что священники с традиционными взглядами после восстановления протестантизма при Елизавете в 1560-е гг. и даже дольше максимально сближали новую службу с мессой, причем об этом с осуждением писали даже английские католики, которые критиковали таких священников со своей точки зрения за измену. Немногие священники лишились своих приходов в начале правления Елизаветы, но истолковать причины этого, по мнению Дж. Скарисбрика, непросто: это было или отсутствие сопротивления протестантизму, или нежелание протестантских властей слишком сильно давить на подданных. Известно, что отстранённые в начале правления Елизаветы епископы в 1560-е гг. поддерживали сомневавшихся священников, настраивали их на борьбу (например, Дэвид Пул, низложенный епископ Петерборо, Томас Уотсон, бывший епископ Линкольнский — они жили под домашним арестом), и это продолжалось до 1580-х гг.³³¹

Дж. Скарисбрик не совсем соглашается с тезисом о том, что Реформация привела к установлению контроля светских лиц над духовенством. До Реформации светские лица выделяли средства для найма священников при совершении поминальных служб, то есть были «работодателями» для духовных лиц, и такими распорядителями средств бывали даже и женщины. Так что, считает Дж. Скарисбрик, в предреформационный период светские лица не были лишены возможности влиять на приходские дела, и «вывод современных историков об освобождении светских лиц от господства духовенства удивил бы тех, кто жил в XVI веке». Эта часть духовенства, которая служила в часовнях, в качестве капелланов светских лиц, в религиозных братствах, совершала службы на средства, оставленные для поминальных молитв, была вне контроля епископа, но при этом, судя по сохранившимся отзывам, отмечает Дж. Скарисбрик, была вполне грамотной и квалифицированной и не напоминала собой

³²⁹ Scarisbrick J.J. *The Reformation and the English People*. — Oxford, 1984. — P. 131.

³³⁰ Ibid. — P. 136.

³³¹ Ibid. — P. 137—139.

некий пролетариат. Так что Дж. Скарисбрик берётся утверждать, что из-за Реформации светские лица, наоборот, потеряли контроль над целой группой духовенства, которую они ранее нанимали сами по своему усмотрению. Получается, что Реформация была победой официального духовенства и канонического авторитета над структурами, в которых ранее доминировали светские лица и которые существовали параллельно в рамках старой церкви. Белое духовенство не имело причин слишком горевать о ликвидации монашества, и не очень сожалело о ликвидации контролируемых светскими лицами часовен. В целом можно сказать, считает Дж. Скарисбрик, что в результате Реформации светские лица и приобрели, и потеряли контроль над церковью. Права допуска священника в приход (*advowson*) приобрели джентльмены, городские корпорации, а средние слои имели теперь меньше возможностей влияния на церковь. Появился новый вид духовного лица, которого контролировали светские лица: лектор. Лекторы обычно нанимались представителями социальной верхушки: городскими магистратами, влиятельными пуританскими джентльменами, но до Реформации, отмечает Дж. Скарисбрик, тоже существовали проповедники, находившиеся под контролем светских лиц³³².

И всё же, как считает Дж. Скарисбрик, можно утверждать, что в обществе в результате Реформации усилились светские авторитеты. Усилилось чувство одиночества у человека, лишённого заступничества святых, протективной магии. Церковь и светская власть теперь объединёнными усилиями требовали посещения церкви. Места в церкви теперь подчёркивали социальный статус. При католицизме праздники, шествия имели уравнивающее действие, сближали представителей разных социальных рангов, снимали социальное напряжение. По оценке Дж. Скарисбрика, в результате Реформации мир становился более дисциплинированным, иерархичным, авторитарным, а также более мужским и патриархальным. Кампания по протестантизации Англии сблизила духовенство и светских лиц, но многим влиятельным лицам не нравилось, когда их публично упрекали слишком активные священники³³³.

Дж. Скарисбрик также высказал свое отношение к работам известного американского историка У.К. Джордана (1902—1980), посвящённым развитию благотворительности в Англии в XVI—XVII вв. У.К. Джордан в своих исследованиях³³⁴ отмечал, что в середине и второй половине XVI в. наблюдался заметный упадок объема средств по завещаниям практически на все религиозные нужды, несмотря на то, что имущество тех социальных групп, которые могли заниматься благотворительностью, в это время увеличилось за счет церковных имуществ (об этом сам Джордан не пишет), но при этом пожертвования были переориентированы на удов-

³³² *Ibid.* — P. 168.

³³³ *Ibid.* — P. 171—174.

³³⁴ *Jordan W.K. Philanthropy in England, 1480—1660: A Study of the Changing Pattern of English Social Aspirations.* — New York, 1959; *Idem. The Charities of London, 1480—1660.* — New York, 1960; *Idem. The Charities of Rural England, 1480—1660.* — New York, 1960.

летворение светских потребностей, усилилась тяга к благотворительности среди торговцев и джентри. У.К. Джордан настаивал, что инфляцию XVI в. в изучении проблемы благотворительности можно игнорировать. Но критики работ американского историка благотворительности из числа историков экономики утверждают³³⁵, как отмечает Дж. Скарисбрик, что У.К. Джордан своими трудами проиллюстрировал прямо противоположное тому, что собирался показать: уровень выделения средств на благотворительность заметно упал во второй половине XVI в., и в реальных ценах этот уровень стал возвращаться к дореформационному только к 1630-м гг., причем Джордан также не учитывал рост численности населения, происходивший в Англии в XVI—XVII вв. К тому же Джордан в этих работах не совсем ясно показал свою источниковую базу, и, по мнению Дж. Скарисбрика, даже делал тут явные ошибки: например, в 1520-е гг. Уолси закрыл 29 пришедших в упадок монастырей и передал эти средства на благотворительные цели в Оксфорде и Ипсвиче, но это не следует считать ростом объемов благотворительности. В XVI в. подъём благотворительности недолго наблюдался лишь в правление Марии Тюдор. В реформационный период также стало выделяться меньше средств на ремонт церквей, на жалование духовенству. Объём пожертвований особенно упал у джентри (70% всех пожертвований в начале XVI в. и 9% в конце века), но относительно меньше объём пожертвований сократился у представителей социальных низов. Пожертвования на религиозные цели сильнее всего упали в 1580—90-е гг. С 1630-х гг. благотворительность вернулась на дореформационный уровень. С начала XVII в. возрастал уровень благотворительности в социальных верхах, но часть этих средств шла на оплату лекторств пуритански настроенными светскими лицами. Как считает Дж. Скарисбрик, в итоге всё же английский протестантизм пришел в понимании человеческих взаимоотношений к более гуманистичной, теплой и утешающей религии с менее устрашающим Богом, чем в ортодоксальном кальвинизме³³⁶.

Дж. Скарисбрик внёс вклад в укрепление основных положений ревизионистской интерпретации истории английской Реформации, развил и конкретизировал доводы историков-ревизионистов об отсутствии сознательного антиклерикализма в английском обществе накануне Реформации, поскольку церковь Англии была еще вполне жизнеспособной структурой, удовлетворявшей духовные запросы англичан. На основе фактов, почерпнутых из анализа завещаний, отношения к религиозным братствам, согласия англичан с реставрацией католицизма при Марии Тюдор он отстаивал мнение о том, что протестантизм в Англии в реформационный период укоренялся медленно.

³³⁵ *Bittle W., Lane R.T.* Inflation and Philanthropy: A Reassessment of W. K. Jordan's Data // *Economic History Review* 2nd Series. — 1976. — Vol. XXIX. — № 2. — P. 203—210; *Coleman D.C.* Philanthropy Deflated: A Comment // *Economic History Review* 2nd Series. — Vol. XXXI. — № 1. — P. 118—120.

³³⁶ *Scarisbrick J.J.* The Reformation and the English People. — Oxford, 1984. — P. 187—188.

2.5. Влияние консервативного направления в современной британской историографии на изучение истории Реформации в Англии

Научная деятельность историков-ревизионистов в 1970—80-е гг. породила полемику среди британских историков, занимающихся изучением религиозно-политической истории Англии XVI—XVII вв. На идеи ревизионистов откликнулись некоторые крупные британские историки. Проявилось также влияние ревизионистских методологических подходов в конкретно-исторических работах по истории Англии реформационного периода. На деятельность ревизионистов обратил внимание известный историк Л. Стоун (1919—1999). Он определил их как «новую британскую школу антикваров-эмпирицистов». Труды ревизионистов, по его мнению, представляют собой наполненный фактическим материалом политический нарратив, в котором имплицитно отрицается, что в истории общества есть какой-то глубокий смысл, в результате чего историческое развитие общества представляет собой действие случайных причуд фортуны и влияние тех или иных личностей. Группа историков-ревизионистов в 1970-е гг., как писал Л. Стоун, «ведомая К. Расселом и Дж. Кенионом, поощряемая Дж. Элтоном, активно пыталась искоренить представления о том, что в двух английских революциях XVII в. можно найти какой-то глубокий исторический смысл, а также отрицала, что можно обнаружить влияние идеологии или идеалистических побуждений в поступках действующих лиц, участвовавших в этих событиях»³³⁷. Хотя эти историки нигде прямо не формулировали те предпосылки, из которых они исходили, их подход, как считал Л. Стоун, представлял собой «чистое нео-нэмирианство», причем как раз в то время, когда подходы Л. Б. Нэмира «отходили в прошлое в изучении английской политики XVIII в.»³³⁸. Л. Стоун высказывал предположение, что такой подход к пониманию политической истории подсознательно проистекал «из чувства разочарования в способности современной парламентской системы бороться с неумолимо происходящим упадком экономической и военной мощи Великобритании». Но всё же эти историки, по его мнению — эрудированные и грамотные знатоки мелких проблем и сюжетов, так что их деятельность тоже вписывалась в тенденцию, проявившуюся в современной британской историографии, которую можно назвать «возрождением нарратива», на что Л. Стоун обратил внимание в 1979 г.

Критически относился к методологическим подходам ревизионистов также известный британский историк-марксист К. Хилл (1912—2003). По-

³³⁷ Russell C. *Parliaments and English Politics, 1621—1629*. — Oxford, 1979; Kenyon J.P. *Stuart England*. — London, 1978; статьи Джона Грюэнфелдера (John K. Gruenfelder), Пола Кристиансона (Paul Christianson), Клейтона Робертса (Clayton Roberts), Марка Кишлански (Mark Kishlansky), Джеймса Фарнелла (James E. Farnell) в журнале *Journal of Modern History* 1977. — Vol. XLIX. — № 4.

³³⁸ Stone L. *The Revival of Narrative: Reflections on a New Old History // Past & Present*. — 1979. — № 85. — P. 21.

лемизируя с отрицанием ревизионистами долговременных причин, подготовивших Английскую революцию середины XVII в., он отмечал, что согласие в английском обществе в начале XVII в. можно ещё проследить в официальных высказываниях в печати и в парламенте, но ревизионисты игнорировали противоречия, которые пронизывали всё английское общество. К. Хилл прямо соглашался с Л. Стоуном в том, что деятельность ревизионистов — это «запоздалое применение метода Л.Б. Нэмира к началу XVII в.», которым этот сторонник просопографического метода истолковывал происходившее в Англии в середине XVIII в., сводя политическую жизнь в стране к перебранке между разными придворными группировками из соображений материальной выгоды. По словам К. Хилла, «как только мы заглянем за ширму лояльного пустословия, станет ясно, что накануне Английской революции середины XVII в. существовали фундаментальные, принципиальные разногласия в правящем классе, а также между правителями и управляемыми»³³⁹.

В полемике с ревизионистами высказался также М. Квестьер, который, прямо не участвуя в спорах между ревизионистами и либеральными историками, не симпатизирует ревизионистам. Ревизионистская модель понимания Реформации в Англии, по его мнению, создаёт больше проблем, чем проясняет ситуацию. В толковании ревизионистов, получается, что Англия реформационного периода была страной, полной людей, которые были в какой-то мере католиками, в какой-то мере протестантами, но более всего их характеризовал религиозный индифферентизм, на который постоянно жаловались проповедники. Далее же, несмотря на эту апатию, которая объясняется как сочетание отсталости, безразличия и провинциализма, ревизионисты вдруг признают, что существовали, оказывается, острейшие споры в церкви между разными группировками, и приходится как-то объяснять сильнейшие трения по религиозным вопросам между непримиримыми группами, которые всё же, как выясняется, существовали и простирались довольно далеко за пределы королевского двора, политической верхушки и университетов³⁴⁰.

М. Квестьер полемизирует с ревизионистским пониманием хода Реформации в Англии. В ревизионистской модели результатом Реформации в религиозных взглядах основной массы народа в первую очередь становится находящийся на перепутье «уже-не-католицизм, но и не сознательный протестантизм», и такая ситуация складывалась из-за консервативности массовых религиозных представлений. К тому же, по мнению ревизионистов, действия религиозных активистов с обеих боювшихся сторон, католической и протестантской, «были катастрофой», то есть не воспринимались основной массой народа. К. Хейг в своих работах утверждает, что пуританский прозелитизм был неэффективным, поскольку был непопулярным, а деятельность католических священников-семинаристов не имела успеха, потому что была неэффективной.

³³⁹ Хилл К. Английская Библия и революция XVII века. — М., 1998. — С. 66.

³⁴⁰ Questier M. Conversion, Politics and Religion in England, 1580—1625. — Cambridge, 1996. — P. 177.

К. Хейг цитирует современников (William Harrison, John White), которые утверждали, что без активного подкрепления силой закона евангельская проповедь сторонников протестантизма ничего не давала. Но в сочинениях этих же авторов М. Квестьер находит утверждения, что деятельность протестантских проповедников не была такой уж бесследной, к тому же было бы даже подозрительно, если бы проповедники, в своих выступлениях, затрагивавшие острые моральные темы, имели бы всеобщее одобрение. М. Квестьер не считает имеющими большое значение вопрос о том, был ли английский католицизм преемственным, как и вопрос о географическом распределении католических священников, и полагает, что для понимания хода Реформации нужно заниматься изучением того, что побуждало англичан делать личностный выбор в своих религиозных взглядах. М. Квестьер не находит у ревизионистов объяснения того, почему в этот период англичане становились протестантами или католиками, поскольку, как он считает, ревизионисты не занимаются поисками мотивов личного религиозного выбора, поэтому для него ревизионистский подход — «это лишь разработка одного аспекта проблемы»³⁴¹.

Можно утверждать, что ревизионистский подход к изучению истории английской Реформации в работах современных британских историков также взаимодействует с либеральным подходом к пониманию Реформации — есть некоторые свидетельства этой тенденции. Опираясь на идеи, сформулированные в рамках ревизионистского подхода к изучению Реформации в Англии, значительный труд о начальном этапе Реформации «Разрушение алтарей: традиционная религия в Англии в 1400—1580 гг.» опубликовал И. Даффи³⁴². Для него Реформация была «атакой на традиционную религию», и при этом «главным «таинством» Реформации в Англии было разрушение религиозных образов»³⁴³. И. Даффи полагает, что в предреформационный период не было существенных различий между религиозными взглядами духовенства и социальной элиты, с одной стороны, и той формой религиозных верований, которой придерживалось большинство народа. И. Даффи считает, что позднесредневековая церковь в Англии довольно успешно доводила свое учение до прихожан. Основы христианства, по его мнению, были вполне сознательно восприняты большинством мирян. Накануне Реформации на руках у англичан было примерно 50 тыс. молитвенников³⁴⁴. Поэтому И. Даффи осознанно не употребляет как особый термин понятие «народная религия», считая возможным использование вместо него понятия «традиционная религия», которое, в его толковании, даёт возможность передать разнообразие укоренённых в народе и передававшихся из поколения в поколение религиозных верований и символов. В качестве источников для исследования И. Даффи привлёк богослужебную литературу, жития святых и богословские трактаты, отчёты церковных старост, ма-

³⁴¹ Ibid. — P. 201—202.

³⁴² Duffy E. The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, c.1400—c.1580. — New Haven — London, 1992.

³⁴³ Ibid. — P. 480.

³⁴⁴ Ibid. — P. 6.

териалы церковных судов, завещания. Многие его источники происходят из Восточной Англии, но в своём исследовании религиозности в Англии первых десятилетий XVI в. он стремится к широким обобщениям.

Религиозные преобразования, начавшиеся в правление Генриха VIII, рассматриваются им как «разрушение наполненного смыслом, жизнеспособного согласия в религиозной сфере». И. Даффи фактически видит реформы не глазами реформаторов, а через призму традиционных религиозных практик, которые реформаторы хотели разрушить. Он доказывает, что традиционная религия оказывала большое влияние на английский народ, который твёрдо придерживался её требований и откликался на их духовный авторитет. В его толковании, Томас Кромвель был главным организатором нападков на традиционную религиозность и при этом поддерживал свои требования притязаниями на то, что выполняет королевскую волю, угрожая обвинением в государственной измене тем, кто сомневался в необходимости его действий. При этом И. Даффи признаёт, что во многих английских городах протестантизм был силён и мог доминировать даже там, где у протестантов не было численного большинства. Он даже соглашается, что в некоторых районах страны, особенно в Лондоне, стремление к разрушению образов развилось из глубоких протестантских убеждений, но рассматривает Лондон как исключение и считает, что большинство англичан соглашались с религиозными реформами, только неохотно выполняя волю королевской власти. Большинство англичан, в его толковании, согласились с религиозными реформами из-за королевского принуждения, и, говоря о согласии с реформами, Даффи отмечает, что население просто демонстрировало конформизм, который ничего не говорит о действительных верованиях духовенства, церковных старост, сознательных светских лиц в приходах³⁴⁵. Но И. Даффи довольно-таки избирателен в выборе свидетельств источников: упоминаемые им самим свидетельства успешного распространения реформаторских настроений в народе не получают оценки и подробных комментариев, а случаи выступлений против реформ Даффи разбирает самым внимательным образом. Он утверждает, что реформаторские общины, возникшие в начальный период Реформации в Эссексе, Саффолке и Кенте, не говоря о Лондоне, не дают представления о «среднем англичанине» в его религиозных верованиях, и для того, чтобы составить представление о верованиях такого «среднего англичанина», Даффи берёт для анализа сельские консервативные приходы. Между тем, сторонники либеральной концепции А. Дж. Диккенса, в соответствии с подходом, который отстаивал сам Диккенс, делают акцент не на религиозных верованиях «среднего англичанина», а на том, что думали о религии наиболее влиятельные англичане, предпочитая изучать в первую очередь религиозные взгляды тех, кто жил в наиболее развитых районах Англии — в наиболее протестантском Лондоне, на юго-востоке, поскольку, по мнению либеральных историков, политический центр в Англии оказывал определяющее влияние на периферию также и в том, что касалось религиозной ситуации в стране.

³⁴⁵ Ibid. — P. 479—481.

И. Даффи обсуждает также вопрос о влиянии лоллардов в начальной стадии Реформации в Англии. Рассматривая начало религиозных реформ в Англии, он отмечает, что спорными остаются вопросы об оценке численности лоллардов и первых протестантов, и обсуждает вопрос о том, какова должна была быть численность лоллардов, чтобы считаться достаточной для того, чтобы лоллардов можно было рассматривать как значительный фактор в происхождении религиозных реформ? И. Даффи в этом отношении солидаризируется с рассуждениями К. Хейга, опубликовавшего в 1990 г. статью «Английская Реформация: преждевременное рождение, трудные роды и болезненный ребенок». К. Хейг утверждал, что лолларды представляли собой слабую основу для будущей Реформации, так как в 1521 г. лолларды составляли не более 10 процентов населения даже в «пресловуто лоллардистском городе Эмершеме». Вопрос состоит в том, достаточны ли 10 процентов в населении города, в наибольшей степени проникнутого лоллардистским влиянием, для того, чтобы считать лоллардизм значительным явлением? Подобным же образом А.Дж. Диккенс утверждал, что примерно 3000 точно известных первых протестантов, в число которых входят те, кого судили за ересь, кто уехал из Англии при Марии — это только «верхушка айсберга» из многих тысяч убежденных протестантов. Ревизионисты в ответ на это обращают внимание, что такой «айсберг» может быть очень мал, так как видна все время только лишь его верхушка³⁴⁶.

Ещё один дискуссионный вопрос — были ли все те, кто не проявлял себя, как протестант, католиками? Одним из способов решения этого вопроса может быть рассмотрение содержания сохранившихся от XVI в. завещаний. В вопросе с толкованием преамбул завещаний нет согласия в том, чем следует считать по видимости «нейтральные» завещания, которые упоминают только Бога-Отца и Иисуса-Сына Божьего. Увеличение числа таких «нейтральных» завещаний было заметным явлением в завершающий период правления Генриха VIII, и это может свидетельствовать как о росте числа лиц с протестантскими убеждениями, так и, предположительно, может быть свидетельством о приспособлении католиков к политике государства в религиозной сфере. И. Даффи не соглашается с мнением, что изменения в завещаниях при Генрихе VIII отражают изменения в менталитете и религиозных верованиях, и полагает, что это условности: такие изменения в завещаниях в направлении протестантизма следовало ожидать в связи с враждебностью короны к религиозным братствам, заупокойным мессам. Эти изменения в завещаниях, считает Даффи, мотивировались скорее правительственным принуждением, чем изменившимися религиозными убеждениями, и в обсуждении этой проблемы перетолковывает ситуацию в соответствии с ревизионистской концепцией: И. Даффи в оценке завещаний времён Марии считает, что они были искренними (хотя конформизм при Марии был даже более важен, чем в правление Генриха VIII, так как давал безопасность), а завещания, составленные при

³⁴⁶ Haigh C. The English Reformation: A Premature Birth, a Difficult Labour and a Sickly Child // The Historical Journal. — 1990. — Vol. XXXVIII. — P. 449—459.

Генрихе VIII и Эдуарде VI, в которых прослеживается влияние протестантизма, Даффи почему-то не считает искренними и называет лишь «благо-разумно конформистскими». В то же время случаи быстрого отклика на религиозные реформы при Генрихе VIII Даффи предпочитает называть «неохотное подчинение», а быстрые отклики на контрреформы при Марии рассматриваются у него как радостные, приветствуемые в народе³⁴⁷.

При этом И. Даффи иногда высказывает суждения в духе утверждений либеральной концепции А.Дж. Диккенса: «Религиозной революции времён Генриха VIII предшествовала энергичная кампания против ереси — и лоллардистской, и лютеранской», то есть он признает наличие в Англии сторонников Реформации ещё до предпринятого Генрихом VIII разрыва с Римом³⁴⁸. И. Даффи отмечает также, что в графстве Кент «прослеживалось длительное присутствие лоллардов во многих приходах»³⁴⁹. В таких оговорках фактически содержится признание того, что английская протестантская Реформация всё же в какой-то мере началась до того, как она получила государственную поддержку. Эту оценку подтверждает сам И. Даффи и в других суждениях в тексте своей работы: «Стремление к разрушению образов было усиливавшейся характерной чертой 1520-х гг., а в Восточной Англии в начале 1530-х гг. произошло региональная эпидемия подобного рода»³⁵⁰. Представляется, что в работе И. Даффи, хотя в целом он не хочет отказываться от ревизионистской концепции понимания английской Реформации, содержатся утверждения, свидетельствующие о взаимодействии либеральной и консервативной концепций английской Реформации в среде современных британских историков.

В работе «Слепая преданность народа: народная религия и английская Реформация» (1989), которая вполне не укладывается ни в ревизионистскую, ни в вигско-протестантскую парадигму, Р. Уайтинг³⁵¹ рассматривает завещания, отчёты церковных старост, архитектурные остатки церквей, и делает вывод, что, хотя в правление Генриха VIII и Эдуарда VI появились города, такие как Эксетер, которые стали преимущественно протестантскими, большинство населения юго-западной Англии эволюционировало в своих религиозных верованиях от убежденного католицизма в 1530 г. к религиозному индифферентизму, который в дальнейшем доминировал в этом регионе в течение всей оставшейся части XVI в.

Р. Уайтинг пытается изучать религиозные взгляды широких кругов населения и сосредоточивает свое внимание на «народе», к которому относит тех, кто по своему социальному статусу был ниже джентри, и обращается к материалам графств Девоншир и Корнуолл, пытаясь ответить на вопрос: как англичане восприняли Реформацию, и как она повлияла на их жизнь?

³⁴⁷ Duffly E. *The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England c. 1400—c. 1580.* — New Haven-London, 1992. — P. 764.

³⁴⁸ Ibid. — P. 379.

³⁴⁹ Ibid. — P. 422.

³⁵⁰ Ibid. — P. 381.

³⁵¹ Whiting R. *The Blind Devotion of the People: Popular Religion and the English Reformation.* — Cambridge, 1989.

По мнению Р. Уайтинга, в стране было относительно мало убежденных протестантов, но убежденных католиков было еще меньше. Лица с заметно проявляющимися религиозными убеждениями составляли меньшинство и среди католиков, и среди протестантов. Светские лица по отношению к религии в общем вели себя амбивалентно. Католицизм уже увядал, но протестантизм ещё не заполнил освобождавшееся духовное пространство. Р. Уайтинг приходит к выводу, что для средних англичанина и англичанки Реформация в меньшей степени была переходом от одной формы религиозной привязанности к другой и была, скорее, отходом от сравнительно высокого уровня вовлеченности в религиозные верования в дореформационный период к конформизму, пассивности и даже потере интереса к религиозным делам³⁵². Примерно до 1530 г. не встречалось возражений против церковных облачений, посуды, таинств, заступничества святых, образов, распятий, хоров в церкви, чётков, монахов, религиозных братств, и эти традиционные формы религиозности даже вполне одобрялись в народной среде. Ко времени смерти Генриха VIII в 1547 г. поддержка традиционной религиозности в народе заметно уменьшилась, а за шесть лет правления Эдуарда VI она понесла сокрушительные потери. Возрождение религиозности в правление Марии Тюдор оказалось кратким, а в 1560-е г. только ограниченное меньшинство населения было готово словесно и финансово поддержать старую религию³⁵³. Но при этом едва ли традиционная религиозность в это время была замещена восприятием протестантизма в народе.

Для объяснения уступчивости населения юго-запада Англии давлению властей в установлении протестантизма Р. Уайтинг приводит причины нерелигиозного характера: чувство необходимости подчинения авторитету власти, ксенофобию, потребность в моральном и брачном самоопределении, надежду на материальные приобретения, страх материальных потерь, финансовое давление светской власти, угроза социальной изоляции, телесного наказания или смерти³⁵⁴. Но все эти влияния не создавали приверженности к протестантизму, и к 1570 г., считает Р. Уайтинг, на юго-западе Англии было очень мало убеждённых христиан, католиков или протестантов, и целому поколению не удалось достичь того уровня христианского благочестия, который имели их родители³⁵⁵.

Позиция Р. Уайтинга в понимании темпов распространения протестантизма в Англии ближе к позиции К. Хейга, чем к взглядам А. Дж. Дикенса. Но в другом отношении свидетельства Р. Уайтинга не поддерживают аргументы К. Хейга о том, что существовала преемственность между дореформационным и постреформационным английским католицизмом. Р. Уайтинг, скорее, поддерживает точку зрения Дж. Босси о том, что средневековая католическая церковь в Англии в конце XVI в. прекратила свое существование, и поэтому постреформационное английское католическое сообщество следует, скорее, считать нонконформистской сектой, чем про-

³⁵² Ibid. — P. 187.

³⁵³ Ibid. — P. 145.

³⁵⁴ Ibid. — P. 186.

³⁵⁵ Ibid. — P. 212.

должением старого католицизма. Р. Уайтинг продолжил работу по изучению того, как происходило распространение протестантизма в отдельных местностях Англии в реформационный период, в работе «Отклики на английскую Реформацию на местах» (1998)³⁵⁶. Он намечает некоторые возможности для синтеза позиций двух направлений, но заметного движения к согласию в понимании Реформации представители консервативного и либерального направлений не проявляют, хотя попытки такого синтеза фактически проявляются в отдельных работах.

Примечательную работу по истории английской Реформации, в которой сочетается влияние ревизионизма и либеральных историков, опубликовал К. Марш³⁵⁷. Он использует в качестве источников завещания, записи заседаний церковных судов, материалы визитаций, совершавшихся епископами и их полномочными представителями, а также народные баллады, сохранившиеся в народной среде рассказы о Реформации. К. Марш стремится рассмотреть влияние Реформации на простых людей, которые по своему социальному статусу были ниже джентри.

Как пишет К. Марш, простые англичане воспринимали воздействие реформационных идей через официальную церковь и вне её через небольшие группы убеждённых протестантов-диссидентов. Главным вопросом для К. Марша является понимание того, как большинство светских лиц в Англии XVI в. послушно, с удивительно малым сопротивлением приняли утверждение протестантизма в стране. Как считает К. Марш, историки-ревизионисты пишут историю Реформации в Англии под католическим углом зрения, и при этом не находят адекватного объяснения тому, по какой причине протестантизм в итоге оказался привлекательным для англичан. В то же время А.Дж. Диккенс, как считает К. Марш, в своем стремлении доказать превосходство протестантизма над католицизмом не обращал должного внимания на свидетельства медленного укоренения протестантизма в Англии. К. Марш рассматривает себя как историка, занимающего умеренную позицию между ревизионистами, у которых он находит признаки тяготения к ностальгии по католицизму, и «гордыми сторонниками протестантского триумфализма», как он назвал А.Дж. Диккенса и его единомышленников. К. Марш считает, что надо внимательно рассмотреть, почему англичане, у которых действительно можно обнаружить привязанность к католическому наследию, приняли в итоге протестантскую Реформацию, к которой большинство населения и в самом деле не стремилось. Как пишет К. Марш, следует признать, что протестантские влияния с европейского континента в правление Эдуарда VI нанесли разрушительный удар католицизму, в результате чего были отвергнуты месса, семь таинств, индульгенции, паломничества, молитвы святым. В то же время влияние лютеранства и кальвинизма первоначально затронуло лишь религиозные и политические элиты в Англии, а население стра-

³⁵⁶ Whiting R. Local Responses to the English Reformation. — New York, 1998.

³⁵⁷ Marsh C. Popular Religion in Sixteenth-Century England: Holding Their Peace. — New York, 1998.

ны усваивало эти идеи медленно и несовершенно. Но характерной чертой народной религиозности К. Марш считает отсутствие в ней стремления к систематичности и богословской последовательности, и по этой причине в массовом сознании как раз могли сосуществовать католические и протестантские религиозные идеи. Такой и была религиозная ситуация в Англии в первые десятилетия после начала Реформации: вплоть до конца XVI в. в народном сознании можно обнаружить влияние традиционных религиозных верований и практик — веры в добрые дела, молитвы о помощи, обращенные к святым. В то же время уже под новой, протестантской эгидой церковный приход продолжал оставаться центром религиозной жизни для англичан, через который распространялись новые религиозные идеи, утверждалось новое протестантское понимание брака, таинств в рамках той службы, на которой присутствовали прихожане. Из обрядности постепенно выходили католические элементы — использование свечей, пышные похороны, и на первый план в богослужении выходила проповедь.

Главной причиной успеха Реформации в Англии К. Марш считает умеренный темп проведения преобразований и введения новаций, так что их временное сосуществование со старыми религиозными практиками сглаживало разрыв с католицизмом. К. Марш считает, что для успеха Реформации важным оказалось также сохранение общинной солидарности среди англичан в рамках прихода. Преобладающим настроением в приходах было стремление к гармонии и спокойствию среди соседей, и это обеспечивало терпимость к религиозным взглядам тех, кто был нонконформистом или даже в глазах официальной церкви еретиком. По этой причине также бывало, что некоторые приходы сопротивлялись распоряжениям властей о проведении Реформации более быстрыми и радикальными темпами. В то же время и власти в Англии допускали возможность переговоров, молчаливо подразумеваемых компромиссов, взаимного приспособления в отношении того, что в некоторых приходах сохранялись проявления традиционной религиозности. В результате население страны постепенно осознавало приемлемость новых протестантских ценностей и ритуалов, что было усилено также укреплявшимся ощущением, что протестантская церковь Англии становится духовным оплотом нации. Итоговым результатом всех этих процессов к началу XVII в. стало то, что К. Марш называет «обращением в протестантизм большинства англичан путем диффузии протестантских идей». Грандиозный по масштабу и своему историческому значению переход от католицизма к протестантизму совершился в Англии с относительно небольшими потрясениями и жертвами на фоне того, что происходило в эпоху Реформации на европейском континенте.

Таким образом, в современной британской историографии сосуществуют и полемизируют, а в некоторой мере также идейно взаимодействуют либеральное и консервативное направления в изучении Реформации в Англии. Эти два направления предлагают различные толкования природы и характера, источников и результатов Реформации в правление Генриха VIII. Историки-ревизионисты понимают Реформацию как политический акт, в результате которого был нанесен удар католической

церкви Англии, которая в предреформационный период была вполне жизнеспособной и удовлетворяла духовные потребности англичан. В такой ситуации любая реформа в религиозной сфере могла быть проведена только как навязанная силой сверху. В этом отношении многие историки стали соглашаться с ревизионистами. Ревизионисты подчеркивали более активно, чем историки либерального направления, что Реформация при Генрихе VIII была по своей сущности актом государства, а не результатом каких-то крупных изменений в менталитете. Ревизионисты фактически утверждают, что у Реформации времён правления Генриха VIII не было других источников, кроме воли самого Генриха и его решительно протестантски настроенных придворных. Реформа проходила как реализация воли государства при малой склонности к ней среди народа. Историки-ревизионисты отстаивают мнение о слабости протестантизма в английском обществе ко времени окончания правления Генриха VIII и считают, что в это время был ещё силен католицизм. Ревизионисты утверждают, что протестантизм медленно утверждался в английском обществе в течение значительной части правления королевы Елизаветы.

И представители либерального направления, и ревизионисты апеллируют к региональным исследованиям для подтверждения своих выводов. Либеральные историки критикуют ревизионистов за избирательность и пристрастность в обращении к материалам региональной истории, поскольку ревизионисты предпочитают обращаться к примеру консервативных приходов при оценке темпов распространения Реформации.

Согласно точке зрения ревизионистов, ко времени правления Марии народ устал от религиозных реформ и с радостью вернулся к прежним религиозным верованиям, но при Елизавете народу опять пришлось приспособливаться к официальной религиозной политике.

У ревизионистов нет представления об историческом процессе как реализации определённых целей — утверждении истинной религии и т. п., и они подчеркивают неопределённость, незавершенность, хаотичность исторического процесса, его непредзаданный характер.

Представляется, что подходы либерального, вигско-протестантского и ревизионистского направлений в изучении английской Реформации могут не быть взаимоисключающими. Различие между историками либерального направления и ревизионистами, можно сказать, состоит также в различии расстановки акцентов: ведь у происходящего в настоящем всё же есть причины в прошлом, на что обращают внимание либеральные историки, и это не следует совсем уж сбрасывать со счетов. В то же время ход истории не является реализацией телеологического по своей природе процесса и не имеет предзаданности, что подчеркивают историки-ревизионисты. Вообще говоря, и тот, и другой подход необходимы для развития исторического познания: это два полюса в понимании исторического развития общества, которые следует иметь в виду. Вигско-протестантское направление разрабатывает модель развивающейся истории, в которой историк стремится объяснить действительность, настоящее поиском истоков настоящего в прошлом. Прошлое, согласно такому подходу, спо-

собно объяснять будущее. При таком подходе также видно, что история пишется главным образом с точки зрения победителя, а не побеждённого. Таким образом, в изложении представителей либерального направления английская Реформация — это история успешно распространяющегося протестантизма. Ревизионисты же не хотят признавать такой нарратив, считая этот подход упрощением понимания английской Реформации.

В рамках либерального нарратива, с Генриха VIII начинается успешное развитие протестантской Англии. В ревизионистском нарративе Генрих VIII предпринимает жестокую расправу с традиционной религией, которая, тем не менее, не удалась во время его правления. Это убийство традиционной религии продолжилось во время правления Елизаветы. Ревизионистский нарратив по своему идейному содержанию является консервативным.

В оценке либерального и консервативного направлений в изучении английской Реформации, если рассматривать эти направления извне, можно предполагать, что эти два конкурирующих подхода дают возможность посмотреть на историю Реформации, исходя из разных позиций и перспектив. Историки либерального направления рассматривают реформы Генриха VIII так, как на эти реформы посмотрели бы протестанты, а ревизионисты рассматривают эти реформы с возможной точки зрения католиков. Оба этих подхода зависят от тех мировоззренческих, ценностных, и даже, как представляется, в какой-то мере и религиозных позиций, которых придерживаются историки, и поэтому они выбирают, какие из свидетельств источников вывести на первый план. Ни либеральное, ни ревизионистское направление не могут полностью исключить интерпретацию, предлагаемую оппонентами, хотя историки обоих направлений могут претендовать на свою объективность.

По оценке Л.П. Репиной, уделявшей внимание ревизионистскому направлению в современной британской историографии, «локальные исследования неоревизионистского толка окончательно доказали несостоятельность схематизированных представлений о взаимоотношениях между экономикой и политикой как между причиной и следствием, отвергнув экономический детерминизм, а исследования по истории парламента и общенациональной политики накануне гражданской войны вновь вернули историков к необходимости всестороннего учета действия привходящих, случайных факторов и отказа от прямолинейных представлений о развитии событий. Далее выявилось также, что накопление исследований, смело разрушавших многие давно сложившиеся стереотипы, не могло само по себе привести к построению новой общей интерпретации, которая бы связала воедино вопросы национальной и локальной политики, ход событий в центре и на местах, проблемы индивидуального выбора и поворотов в истории страны»³⁵⁸. В то же время следует признать, что К. Хейг в изучении истории Реформации в Англии в работе «Английские реформации» (1993)³⁵⁹ всё же представил попытку формулировки связной концепции для её понимания.

³⁵⁸ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. — М., 1998. — С. 97.

³⁵⁹ Haigh С. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993.

Ревизионистские подходы не стали в современной британской историографии господствующими в изучении истории английской Реформации, но они, несомненно, оказали заметное стимулирующее влияние на исследование связанных с нею проблем. Объяснение истории Реформации стало возможным без предположения о существовании в стране при Генрихе VIII активного протестантского движения. Нашлось более адекватное объяснение долгому сохранению в стране в реформационный период относительной популярности католицизма, и тому, что католицизм в итоге сохранился в Англии и был полностью легализован в середине XIX в. Протестантизация и евангелизация страны происходили сверху и, хотя с течением времени они принесли свои плоды, в Англии сохранялись и приверженцы традиционной религиозности, католики, не поддававшиеся на попытки обращения со стороны властей. Английское католическое сообщество при такой трактовке переставало выглядеть как собрание закоснелых невежественных противников «истинной веры», как оно трактовалось протестантами. Исходя из протестантских взглядов, которые находили свое выражение и в трудах британских историков, в том числе и у А.Дж. Диккенса, католиков оставалось только пожалеть как неблагоприятных жертв исторического процесса, в то время как они просто оставались приверженцами другого направления в христианстве, которое тоже не исчерпало свой потенциал, как видно, даже и в настоящее время, не говоря уже о XVI—XVII веках, когда спор между католицизмом и протестантизмом разворачивался полным ходом без подведения окончательных итогов. В известном смысле, из трудов ревизионистов стали уходить остатки протестантских конфессиональных пристрастий в оценке английской Реформации, которые сохранялись у либеральных историков. Теперь же в этой проблемной области распространилось также влияние консерватизма и национализма, проповедуемых ревизионистами, которые высоко оценивают историю своей страны и подчеркивают те достоинства, которыми она, по их мнению, отличалась по сравнению с крупнейшими континентальными европейскими странами: ведь в Англии не было разрушительной Реформации с кровавыми внутренними конфликтами, как на европейском континенте, поскольку королевская власть в стране была наиболее благоумной в Европе, насколько это было возможно в условиях XVI—XVII вв. Этот мотив — гордость за свою национальную историю — также можно обнаружить у историков-ревизионистов. Впрочем, либеральные историки тоже высоко оценивают историю Англии раннего нового времени. При этом либералы ценят вклад Англии в утверждение экономических, политических, мировоззренческих и личных свобод, базовых и основополагающих для западноевропейской цивилизации и культуры, а консервативные по убеждениям историки-ревизионисты пропагандируют ту умеренность и постепенность в проведении политических преобразований, которые привели к утверждению этих свобод в английском обществе.

§3. Проблемы Реформации в Англии в трактовке социальной истории

3.1. Понимание задач социальной истории в современной британской историографии и её влияние на изучение Реформации в Англии

Изучение социальной истории как направления в современной британской историографии вызывает заметный интерес среди отечественных специалистов. Обобщающие характеристики роли и места социальной истории в современной британской историографии содержатся в работах И.И. Шарифжанова³⁶⁰, Б.Г. Могильницкого³⁶¹. Крупнейшим же знатоком социальной истории в современной британской историографии среди отечественных историков является Л.П. Репина, опубликовавшая целый ряд работ по этой теме, среди которых следует выделить монографию «Новая историческая наука» и социальная история (1998)³⁶², а также еще ряд исследований³⁶³. Данные работы позволяют наметить подходы к характеристике социальной истории на современном этапе в том, что касается влияния сформулированных в её рамках идей на изучение истории Реформации в Англии.

Социальная история как направление (термин используется с XIX в.) — весьма сложное и многоаспектное явление. Изначально возникновение и формирование социальной истории как методологического подхода опиралось на мысль о том, что событийная история — это лишь поверхностное отражение развития социальных процессов и структур, исследование которых как раз и даёт возможность понять то, что происходит в обществе.

³⁶⁰ Шарифжанов И.И. Английская историография в XX веке. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. — Казань, 2004.

³⁶¹ Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Становление «новой исторической науки». — Томск, 2003. — Вып. II.

³⁶² Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. — М., 1998.

³⁶³ Согрин В.В. Зверева Г.И. Репина Л.П. Современная историография Великобритании. — М., 1991; Репина Л.П. Зверева Г.И. Социальная история и «новая историческая наука» // Новая и новейшая история. — 1988. — № 4. — С. 159—174; Репина Л.П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // Одиссей. Человек в истории. — М., 1990. — Вып. 2. — С. 167—181; Она же. Социальная история на пороге XXI века: от междисциплинарного анализа к новому синтезу // Социальная история и проблема синтеза. — М., 1994. — С. 10—21; Она же. Социальная история как направление зарубежной историографии западноевропейского средневековья // Традиции и новации в исследовании западноевропейского феодализма. — М., 1995. — С. 241—251.

Попытки определения задач социальной истории эволюционировали вместе с развитием этого направления. Усилия в определении границ социальной истории обычно приводили к выводу о том, что в этом отношении возможны разные подходы³⁶⁴. Для определения социальной истории необходимо, как считает Л.П. Репина, выявление актуальных — на каждом этапе эволюции этого направления — интерпретаций её предмета, формулировки центральных проблем, особого угла их рассмотрения, методов анализа. В своем развитии социальная история выявила всё многообразие возможных форм «социального»³⁶⁵.

В 1960-е гг. социальная история испытывала воздействие социологии, социальной антропологии, демографии и количественных методов. В русле этого движения родилась так называемая «новая социальная история», которая выдвинула задачу интерпретации исторического прошлого в терминах социальности, описывающих внутреннее состояние общества, его отдельных групп и отношений между ними. В понимании самой социальной истории превалировал идеал «тотальности», ориентирующей на изучение общества как целостности. На этой волне возникла потребность в «исторически информированных социологических работах»³⁶⁶. Социальная история в британских университетах в 1960-е гг. стала приобретать самостоятельный статус, испытывав прямое влияние марксизма. На развитие социальной истории в Англии повлияли сильные, вековые традиции различных школ локальной истории и исторической географии. Она испытала влияние британской исторической социологии, социальной антропологии. На развитие социальной истории повлияло также развёрнутое историками-социалистами широкое движение за включение любительского краеведения в контекст большой «народной» истории³⁶⁷.

В дискуссиях об отношениях между историей и социологией выявилась специфика мнений по этому поводу в разных странах, обусловленная традиционными национальными особенностями развития историографии. В Западной Европе стремление к взаимодействию между историей и социологией, к междисциплинарности в наибольшей степени проявлялось во французской историографии. Иначе складывалась ситуация в Великобритании: тенденция к сближению между историей и социологией существовала, но в то же время многие историки упорно сопротивлялись призывам к сближению двух наук. В британской историографии дискуссия по этой проблеме приняла затяжной характер, но параллельно стал происходить процесс историзации социальных наук. Историки-традиционалисты при этом всё же опасались, что история при чрезмерном сближении с социологией утратит свою специфику, потеряет способность характеризовать уникальность исторических событий, и противостояли интенсивному развитию междисциплинарных связей. В целом обнаружилось, с одной стороны,

³⁶⁴ Зидер Р. Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» // THESIS. — 1993. — Т. 1. — Вып. 1. — С. 163—178.

³⁶⁵ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. — М., 1998. — С. 8—10.

³⁶⁶ Там же. — С. 11—12.

³⁶⁷ Там же. — С. 55.

стремление социологов к освоению исторического материала, историзация социологии, а с другой — поворот части историков к теоретической истории, к поискам теоретических моделей, которые позволили бы связать отдельные исследования, сравнивать и обобщать их³⁶⁸.

В виде общих соображений предлагались аргументы в обосновании возможности применения количественных методов в изучении истории. Например, Ч. Ли, преподаватель Абердинского университета, писал, что «если бы в человеческом поведении не существовало никакой последовательности или предсказуемости, и ход событий выглядел бы, таким образом, совершенно беспорядочным, то тогда даже нетеоретический историк не имел бы никакой основы, чтобы формулировать свое объяснение»³⁶⁹. Как отмечал Дж. Барраклаф (1908—1984), если единичное и индивидуальное на самом деле «необъятны», следовательно, они *ipso facto* и непознаваемы³⁷⁰.

Активно призывали к взаимодействию с историей антропологи, подчёркивая возможность использования методов социальной антропологии применительно к изучению локальных обществ прошлого³⁷¹. Антропологи понимали также различия между историей и антропологией: по словам К. Томаса, история — это дисциплина контекста и процесса: всякое значение есть значение в контексте, а структуры изменяются. Но, по его мнению, в рамках самой социальной антропологии наметились благоприятные для исторической науки изменения. Ранее, в период между двумя мировыми войнами, социальная антропология разрабатывала исследовательскую программу, цели которой были явно неисторическими, а задачи её определялись как изучение феноменов культуры теми же самыми индуктивными методами, которые использовались в естественных науках, а цели определялись как открытие социологических законов и обобщения о человеческом обществе. Из таких методологических позиций исходил А.Р. Рэдклифф-Браун, руководивший кафедрой социальной антропологии в Оксфорде. Историю А.Р. Рэдклифф-Браун называл «гадательной»³⁷². Начал сближение с историей его преемник на кафедре социальной антропологии в Оксфорде Э. Эванс-Причард. Антропологи перестали быть такими уверенными в обобщениях, засомневались в существовании всеобщих законов общественной жизни, стали обращать внимание на уникальность изучаемых ими обществ, обнаружили в себе эмоциональную привязанность к объекту исследования и даже стали считать такую привязанность очень желательной. Возникло также стремление к обобщениям среди историков, и утверждение Э. Карра о том, что «чем более социологизиро-

³⁶⁸ Там же. — С. 13—14.

³⁶⁹ Lee C. H. *Quantitative Approach to Economic History*. — London, 1977. — P. 11.

³⁷⁰ Barraclough G. *Main Trends in History*. — N.Y.-London, 1979. — P. 51 // Шарифжанов И.И. Эволюция теоретико-методологических основ английской немарксистской историографии в XX веке (1900—1980). Дисс. ... доктора исторических наук / И. И. Шарифжанов. — Казань, 1990. — С. 183—184.

³⁷¹ Thomas K. *History and Anthropology // Past & Present*. — 1963. — № 24. — P. 3—23; Evans-Pritchard E.E. *Anthropology and History*. — Manchester, 1970.

³⁷² Radcliffe-Brown A.R. *Structure and Function in Primitive Society*. — London, 1952. — P. 122—123, 154, 186; *Method in Social Anthropology* / Ed. M.M. Srivinas. — Chicago, 1958. — P. 7, 8.

ванной становится история и чем более историзируется социология, тем более благотворным это является для них обеих»³⁷³ сочувственно восприняли многие историки. Антропологи, как и историки, стали изучать общественные процессы, например, вестернизацию африканских обществ.

В то же время, по мнению К. Томаса, есть работы историков, в которых авторам не хватает способности объяснить процесс изменений в обществе: в данном случае К. Томас раскритиковал работы Л.Б. Нэмира за неспособность объяснить процесс изменений в политической системе в Англии в XVIII в., описывая политическую жизнь преимущественно как своекорыстную борьбу за свои интересы политических группировок, основывавшихся на личных связях. При таком понимании политической жизни общества, по мнению К. Томаса, остаётся без объяснения, почему, хотя политическая сфера общественной жизни наполнена неизменной борьбой группировок за свои интересы, общественная жизнь всё же к этому не сводится и изменяется³⁷⁴.

К. Томас также отмечал, что работы современных социальных антропологов отличает относительно большая дисциплина и точность мысли, чем можно найти в исторических исследованиях интерпретативного характера: выводы историка обычно основаны на выборочном использовании неполных свидетельств³⁷⁵. Как пишет К. Томас, антропологи часто берут одно небольшое общество и изучают его как целое, что, по его мнению, поучительно для истории. Историки отличаются от антропологов специализацией, которая представляется обоснованной: по словам К. Томаса, быть одновременно специалистом по религии в XVIII в. и сельскому хозяйству этого же времени «чрезвычайно эксцентрично». Но из-за такой специализации могут оставаться не выявленными важные аспекты изучаемой темы. Один из больших уроков антропологии для изучения истории, пишет К. Томас, состоит в том, что изучение сферы экономики не может быть изолировано от изучения общества в целом: в примитивных обществах нет ни одного вида общественных связей, которые были бы чисто экономическими по характеру, но это не следует забывать также при изучении современных обществ. В свете определения социальными антропологами функций ритуала как средства укрепления той системы чувств, на которой основано и держится данное общество, как отмечает К. Томас, можно в новом свете увидеть те яростные нападки, которым протестанты во время Реформации подвергали католические церемонии и обряды. С антропологической точки зрения, которую К. Томас считает познавательно продуктивной, протестантизм и пуританизм можно рассматривать как явления, которые критикой старых католических ритуалов свидетельствовали о том, что они несут с собой ценности нового общества. Формировавшемуся в Англии в процессе модернизации общества новому социально-экономическому и культурному укладу не подходил даже старый средневековый календарь с многочисленными праздниками-днями святых, которые ранее могли регу-

³⁷³ Carr E.H. What is History? — London, 1961. — P. 59.

³⁷⁴ Thomas K. History and Anthropology // Past & Present. — 1963. — № 24. — P. 4—5.

³⁷⁵ Ibid. — P. 5.

лизовать распорядки и темп жизни традиционного аграрного общества³⁷⁶. Антропология, как подчёркивает К. Томас, помогла понять охоту на ведьм в Европе раннего нового времени и показала, что обвинения в ведовстве обычно выдвигались против тех лиц, черты поведения которых осуждались как антисоциальные. Осуждение ведовства стало санкцией, пресекавшей нежелательную социальную активность и помогавшей утвердить формировавшуюся систему ценностей. В Англии пик охоты на ведьм, утверждает К. Томас, пришелся на конец гражданской войны середины XVII в., когда социально-политическая нестабильность породила наибольшую степень обострения общественных отношений³⁷⁷. Статья К. Томаса, таким образом, приводила ряд побуждающих к размышлениям доводов в пользу взаимодействия историков и социальных антропологов для использования антропологических методов в исторических исследованиях.

В рамках методологического подхода социальной истории появились историко-антропологические работы К. Томаса и А. Макфарлейна, в которых рассматривалось влияние Реформации на английскую культуру, рассматриваемое и в целом, и в его воздействии на личность конкретного человека³⁷⁸.

Стала изучаться также «народная культура»³⁷⁹, которая трактовалась социальными историками очень широко как система разделяемых абсолютным большинством общества понятий, представлений, ценностей, верований, символов, ритуалов, имеющих также множество региональных вариантов и различий в соответствии с социальным статусом, профессиональными занятиями, общим образовательным уровнем её носителей. Появились исследования по истории «народной религии» и «народной Реформации»³⁸⁰. История народной культуры в британской историографии стала своеобразным английским эквивалентом французской «истории ментальностей»³⁸¹.

Самое обширное исследование народных верований и предрассудков в XVI—XVII вв. — это работа К. Томаса «Религия и упадок магии» (1971)³⁸², в которой рассматриваются взаимоотношения между народной религией и магией, магическое лечение, пророчества, астрология того времени. К. Томас использовал как источники книги записей дел в церковных судах, руководства

³⁷⁶ Ibid. — P. 7—8.

³⁷⁷ Ibid. — P. 9.

³⁷⁸ Thomas K. *Religion and the Decline of Magic. Studies in Popular Beliefs in Sixteenth and Seventeenth Century England.* — London, 1971; Macfarlane A. *The Family Life of Ralph Josselin, A Seventeenth-Century Clergyman. An Essay in Historical Anthropology.* — Cambridge, 1970; Idem. *Witchcraft in Tudor and Stuart England: A Regional and Comparative Study.* — New York, 1970.

³⁷⁹ Thomas K. *Man and the Natural World.* — London, 1983; Burke P. *Popular Culture in Early Modern Europe.* — London, 1975; Cressy D. *Literacy and the Social Order: Reading and Writing in Tudor and Stuart England.* — Cambridge, 1980.

³⁸⁰ *Religion and Society in Early Modern Europe, 1500—1800 / Ed. by K. von Greyerz.* — London, 1984; Bossy J. *Christianity in the West 1400—1700.* — Oxford, 1985; Whiting R. *The Blind Devotion of the People. Popular Religion and the English Reformation.* — Cambridge (Mass.), 1989.

³⁸¹ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. — М., 1998. — С. 58—59.

³⁸² Thomas K. *Religion and the Decline of Magic. Studies in Popular Beliefs in Sixteenth and Seventeenth Century England.* — London, 1971.

для астрологов, заседания судов по делам о ведовстве. К. Томас полагал, что народную культуру того времени не всегда можно описать на основе точного статистического анализа, и эту трудность, как он считал, можно преодолеть путем представления свидетельств в форме примеров и контр-примеров. М. Баукер, рассматривая такой метод, отмечала, что нужно ещё рассмотреть нормальность или ненормальность упоминаемых случаев, от чего зависит валидность обобщений³⁸³. Э.П. Томпсон, рассматривая этот метод примеров и контр-примеров, считал, что его нужно дополнить детальными исследованиями отдельных случаев (case-studies). Э.П. Томпсон в статье «Антропология и дисциплина исторического контекста» привлёк внимание к тому, что такие дисциплины, как антропология, социология, криминология, в сущности, являются неисторическими. С этим и связана, на его взгляд, противоречивая и спорная природа многих социологических концепций, и Э.П. Томпсон призывал осторожно относиться к кросскультурным исследованиям, которые базируются на примерах, взятых из совершенно разных культур без учёта исторического контекста. В оценке познавательных возможностей методологических подходов социальной истории Э.П. Томпсон полагал, что «социальные историки указали на новые способы рассмотрения знакомых свидетельств, но не создали нового в истории — они распространили традиционные исторические исследования на новые области»³⁸⁴.

Мнения о религиозности в народной среде, высказываемые исследователями, занимающимися конкретными проблемами, не отличались единством в оценках. П. Ласлетт полагал, что «все наши предки всегда буквально придерживались христианских верований»³⁸⁵. М. Спаффорд считает, что «даже смиреннейшие люди из социальных низов, самые бедные, включая женщин, и тех, кто жил в глухих местах в изоляции, глубоко задумывались над религиозными вопросами и испытывали их глубокое влияние»³⁸⁶. Но К. Томас предполагает вероятным, что «некоторые группы населения ниже определённого социального уровня могли совершенно обходиться без религии. Хотя никогда не удастся получить полную статистику, можно с уверенностью говорить, что не все англичане времён правления Тюдоров и Стюартов ходили в какую-нибудь церковь, и многие из тех, что всё же ходили туда, делали это с большой неохотой, а некоторая часть людей оставалась в течение всей своей жизни совершенно незнакомой с элементарными доктринами в христианской догме»³⁸⁷. По мнению П. Кларка, обсуждавшего этот вопрос на региональном материале, «вероятно, примерно пятая часть населения в графстве Кент в конце XVI в. совершенно не бывала в церкви»³⁸⁸.

³⁸³ Bowker M. Review of K. Thomas «Religion and The Decline of Magic» (1971) // Historical Journal. — 1972. — Vol. XV. — P. 363—366.

³⁸⁴ Thompson E.P. Anthropology and the Discipline of Historical Context // Midland History. — 1972. — Vol. I. — P. 41—55.

³⁸⁵ Laslett P. The World We Have Lost Further Explored. 3rd Ed. — New York, 1984. — P. 74.

³⁸⁶ Spufford M. Contrasting Communities. — Cambridge, 1974. — P. 343.

³⁸⁷ Thomas K. Religion and the Decline of Magic. Studies in Popular Beliefs in Sixteenth and Seventeenth Century England. — London, 1978. — P. 159.

³⁸⁸ Clark P. The English Provincial Society from the Reformation to the Revolution. Religion, Politics and Society in Kent, 1500—1640. — Hassocks, Sussex, 1977. — P. 156.

В представлении современного либерального британского историка П. Коллинсона, если кто-то употребляет понятие «народная религия», этим имеется в виду, что есть религия социальных верхов, и в основе такого подхода, как получается, лежит мнение, что религиозные верования определяются социально-экономическим статусом человека. По мнению П. Коллинсона, в этом подходе есть определенные познавательные возможности, но его отнюдь не следует считать безусловно продуктивным как само собой разумеющееся. В христианской культуре не так легко увидеть различия между верованиями социальных верхов и низов³⁸⁹.

П. Коллинсон считает, что применительно к первой половине XVII в. может быть преждевременным проведение отчетливого различия между народной религией и религией элиты. Например, различия между сторонниками пуританизма и его оппонентами могли возникать в рамках одной социальной группы, а не между социальными классами. В то же время различия между массовой и элитарной религией, безусловно, существовали: современники писали, что простой человек, нельзя сказать, что безрелигиозен, но он получает религию от своего лендлорда, а в церковь ходит, чтобы продемонстрировать свою лучшую одежду, посидеть с соседями, но молитв у него только две — просьба о хорошей погоде или о дожде, в зависимости от складывающейся ситуации³⁹⁰.

Существование «традиционного средневекового христианского общества» проблематично, считает П. Коллинсон, обращая внимание на то, что известный французский историк Ж. Дельюмо утверждал, что «золотой век» средневекового христианства — это легенда. Религию массы народа на Западе этого времени путают с религией духовной элиты. Накануне Реформации средний человек в Западной Европе, по его мнению, был лишь поверхностно христианизирован³⁹¹.

Надо также иметь в виду, что в понятиях современников в XVI—XVII веках обвинения в недостаточной религиозности могли быть пристрастными: в пуританских трактатах «формалистами» и даже «атеистами» называли тех, кто лишь формально посещал церковь без какого-либо заметного рвения в церковных делах³⁹².

Нелишне также иметь в виду, отмечает П. Коллинсон, что сетования богословов на плохое посещение церквей и неглубокую религиозность большинства в христианском мире ведут свою историю примерно с V в. и являются постоянным мотивом в морализаторской церковной литературе, так что и в XVI—XVII вв. такие рассуждения были одной из традиционных тем церковных моралистов. П. Коллинсон считает, что при осуждении за непосещение церкви церковные старосты не склонны были упоминать имена

³⁸⁹ Collinson P. The Religion of Protestants: the Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 193.

³⁹⁰ Ibid. — P. 194.

³⁹¹ Ibid. — P. 199.

³⁹² Hill C. Puritans and «The Dark Corners of the Land» // TRHS. 5th Ser. — 1963. — XIII. — P. 77—102 (reprinted in: Hill C. Change and Continuity in Seventeenth-Century England. — London, 1974. — P. 3—47).

состоятельных и значительных лиц, но могли избежать осуждения также и бедные, представители социальных низов³⁹³. Так что среди современных британских исследователей истории Реформации есть различия в подходах к пониманию народной религиозности в реформационный период.

Как отмечает Л.П. Репина, постепенно тезис о взаимосвязи и взаимном притяжении исторической социологии и социальной истории для многих британских историков стал общим местом, но вопрос о характере их связи, о платформе, на которой происходило их сближение и на которую должна была быть поставлена их кооперация, оставался дискуссионным. Выявились два пути применения социологического инструментария социологами: 1) переосмысление исторического материала, собранного и описанного на языке исторической науки, в социологических понятиях и концепциях; 2) применение социологического инструментария при сборе эмпирического материала, его обработке и интерпретации. Хотя центральный для исторического объяснения вопрос, как происходят изменения в сфере сознания под влиянием социальных факторов, оставался нерешённым, антропологическая ориентация исторического познания открыла определённые познавательные возможности³⁹⁴.

Особенностью британской историографии в 1960—70-е гг. было то, что в эту пору широкой популярностью «новой социальной истории», стремившейся к теоретизированию и обобщениям, не ослабевали также позиции и даже всерьёз не колебались методологические взгляды историков-традиционалистов. Один из манифестов историков-традиционалистов — работа Дж. Элтона (1921—1994) «Практика истории»³⁹⁵. Историки-традиционалисты утверждали даже, что все, что может быть измерено, не является достаточно важным, чтобы его стоило познавать. Как считал Дж. Элтон, «воображение, контролируемое учёностью и эрудицией, учёность и эрудиция, приобретающие значение благодаря воображению — вот инструменты исследования, находящиеся в распоряжении историка»³⁹⁶. Дж. Элтон защищал также приоритет политической истории в соотношении с другими направлениями в исторических исследованиях в работе «Политическая история. Принципы и практика» (1970)³⁹⁷.

В то же время историки-традиционалисты не просто отгораживались от того, что многим современникам представлялось как настоятельная методологическая потребность времени, а вступали в дискуссии с представителями «новой научной истории», пытались выявить общие задачи исторического исследования. Показательным в этом отношении стало появление написанной в соавторстве книги Дж. Элтона как историка-тра-

³⁹³ Collinson P. The Religion of Protestants: the Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 204—208.

³⁹⁴ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. — М, 1998. — С. 14, 26.

³⁹⁵ Elton G.R. The Practice of History. — London, 1967.

³⁹⁶ Elton G.R. The Practice of History. — London, 1967. — P. 87; Шарифжанов И. И. Эволюция теоретико-методологических основ английской немарксистской историографии в XX веке (1900—1980). Дисс. ... доктора исторических наук. — Казань, 1990. — С. 196.

³⁹⁷ Elton G.R. Political History. Principles and Practice. — London, 1970.

диционалиста и представителя «новой научной истории» американского клиометриста Р. Фогела «Какая дорога ведет к прошлому? Два взгляда на историю» (1983)³⁹⁸. Р. Фогел (р. 1926) и Дж. Элтон показали, как сложилось распространённое в британской историографии пристрастие к традиционному пониманию историзма, и рассмотрели идейные влияния, которые способствовали формированию традиционного классического историзма в британской историографии. Следование его требованиям означало прежде всего глубокое погружение в первоисточники с интенсивной внутренней и внешней критикой этих источников. Этот поиск подлинных свидетельств, опиравшийся в том числе на методы, разработанные классической филологией, палеографией, дипломатикой, привёл к утверждению представления о том, что результатом исторического исследования должна быть монография, снабжённая подробными примечаниями. При этом также сложилось представление об уникальной и особой природе истории, а также мысль о том, что в изучении истории невозможно выявить какие-либо законы и закономерности³⁹⁹. Идея о том, что может существовать особый исторический подход к выявлению взаимосвязи фактов, систематически разрабатывалась немецким историком И.Г. Дройзеном, на которого повлиял Вильгельм фон Гумбольдт. И.Г. Дройзен стремился определить этот исторический подход как историю идей, *Ideengeschichte*, называя его также еще имажинативным пониманием⁴⁰⁰.

Традиционные историки стремятся охватить весь круг человеческого опыта, выявить все существенные черты тех обществ, которые они изучают, и связать всё это также с современностью. Историки-традиционалисты ведут поиск синтезирующих принципов, которые позволили бы связать значимым образом те мириады фактов, которые они осмысливают в ходе исследования. Это повлекло за собой стремление традиционных историков к поиску способов обобщений в сфере социальных наук. Некоторые историки-традиционалисты пришли к выводу, что концептуальные рамки для понимания общественного целого лучше всего можно построить на основе экономической интерпретации истории, другие историки предпочли социологические или культурные интерпретации, но большинство историков-традиционалистов, считают Р. Фогел и Дж. Элтон, придерживаются эклектических взглядов, считая, что нет какого-либо фактора, который бы оказывал всеохватывающее влияние на человеческое поведение и развитие человеческого общества. В основе исторического исследования для историков-традиционалистов до сих пор лежит интуитивное понятие о необходимости «имажинативного понимания», «исторического воображения», которое и должно дать возможность общего тематического синтеза в работе историка. Несмотря на то, что историки-традиционалисты уже реально пользуются подходами и выводами социальных наук, в понимании вопроса о том, насколько воз-

³⁹⁸ *Fogel R.W., Elton G.R. Which Road to the Past? Two Views of History.* — New Haven and London, 1983.

³⁹⁹ *Ibid.* — P. 9.

⁴⁰⁰ *Ibid.* — P. 11—12.

можно обобщения, генерализации в истории, они относятся к познавательной ценности обобщений очень осторожно и избирательно⁴⁰¹.

Как считали Р. Фогел и Дж. Элтон, хотя словесные столкновения между сторонниками «научной» и традиционной истории остаются такими же шумными, можно всё-таки также считать, что процесс взаимопроникновения между двумя этими подходами к изучению истории постоянно развивается и достаточно продвинулся⁴⁰².

С середины 1970-х гг. стала наблюдаться общая тенденция отхода от объективистской к субъективистской концепции науки, от позитивизма к герменевтике, от количественных методов к качественным. Вновь пришло осознание того, что историческая реальность не является и не может быть столь непосредственно наблюдаемой и измеряемой, как считали многие социальные историки, и также невозможно устранить креативность исследователя «в процессе изучения того, что только кажется объективным свидетельством»⁴⁰³. На рубеже 1970—80-х гг. после острой полемики между «новой» и «традиционной» историографией, характерной для 1960-х гг., вновь начинается их сближение под влиянием разочарования в социологических теориях как фундаменте для «нового исторического синтеза». Жёсткие всеобъемлющие социологические модели не принесли значительного прорыва в познании. Историки-традиционалисты по-прежнему высказывались за создание динамичных моделей, способных учесть специфику различных исторических эпох⁴⁰⁴.

В середине 1970—начале 1980-х гг. на авансцену междисциплинарного взаимодействия выходят культурная антропология и социальная психология. Происходит явный сдвиг интересов социальных историков от исследования объективных структур и процессов к культуре в ее антропологической интерпретации, к изучению реального содержания обыденного сознания людей прошлых эпох, к отличающимся массовым характером и большой устойчивостью ментальным представлениям, символическим системам, обычаям и ценностям, к психологическим установкам, стереотипам восприятия и моделям поведения. Предпочтительным становится взгляд на прошлое с точки зрения самих действующих в нем лиц. Социально-научные теории, облегчающие анализ структур и процессов, оказались неспособны связать его с изучением деятельности индивидуальных и коллективных субъектов истории. Признавалась также социальная дифференцированность культурного поведения и субординация ментальных комплексов, а также отрицалась их автономная динамика и требовалось соединение истории ментальностей с историей структур посредством нахождения взаимосвязей между объективными условиями

⁴⁰¹ Fogel R.W., Elton G.R. Which Road to the Past? Two Views of History. — New Haven and London, 1983. — P. 19.

⁴⁰² Ibid. — P. 7.

⁴⁰³ Fitch N. Statistical Fantasies and Historical Facts: History in Crisis and its Methodological Implications // Historical Methods. — 1984. — Vol. 17. — № 4. — P. 239—254; Пенула Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. — М., 1998. — С. 27.

⁴⁰⁴ Пенула Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. — М., 1998. — С. 147.

жизни и способами их осознания. Формировалась социальная история ментальностей⁴⁰⁵. Начав с народных низов, антропологическая история постепенно включила в свой предмет поведение, обычаи, ценности, представления, верования всех социальных классов и групп, независимо от их положения в общественной иерархии, поставив перед собой задачу синтеза всей исторической действительности в фокусе человеческого сознания. Разрабатывалась мысль о том, что поведение людей соответствует не столько объективным условиям их существования, сколько картине мира, навязанной им культурой⁴⁰⁶.

Важную статью обобщающего характера под названием «Возрождение нарратива: размышления о новой старой истории», в которой были охарактеризованы тенденции, проявившиеся к концу 1970-х гг. в западноевропейской, в том числе и в британской историографии, опубликовал известный британский историк Лоренс Стоун (1919—1999)⁴⁰⁷. В этой статье была дана глубокая характеристика развивавшихся в западной историографии процессов, продолжающихся, по сути дела, по сей день. Л. Стоун фактически утверждал, что в современной историографии возрождается в новом обличье традиционное по методологическим подходам историописание, которое вобрало в себя и переосмыслило аналитические тенденции «новой научной истории». Нарратив понимается здесь автором как организация материала в хронологически последовательном порядке с фокусированием содержания в единый связный рассказ, хотя и с включением в него побочных сюжетов. Двумя существенными отличиями нарративной истории от структурной истории Л. Стоун определял то, что нарративная история является скорее описательной, чем аналитической по характеру и содержанию, а также то, что нарративная история сосредоточивает свое внимание скорее на человеке, а не на сопутствующих социальных обстоятельствах, обращает внимание на частное и специфическое, а не на коллективное и статистическое. Современный нарратив отличается от простого стиля анналистов и антиквариев древней и средневековой историографии и раннего нового времени, поскольку имеет в подтексте определенные принципы, в нём есть тематическая заданность и склонность к использованию аргументации. Современные историки-нарраторы полностью не избегают и не отказываются от анализа того, о чём они пишут, но изложение в их работах не строится вокруг той или иной аналитической конструкции, выполняющей функцию скелета для организации историописания. Современные нарраторы также специально заботятся о риторических аспектах репрезентации своей темы, и, удаётся это им или нет, но они стремятся к стилистической элегантности, афористичности и остроумию. При этом Л. Стоун считал, что для успешного развития историописания необходимо существование разных стилей, жанров, направлений, и даже заявлял, что происходящее в со-

⁴⁰⁵ Там же. — С. 21.

⁴⁰⁶ Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. — 1991. — № 2—3. — С. 21—36.

⁴⁰⁷ Stone L. The Revival of Narrative: Reflections on a New Old History // Past & Present. — 1979. — № 85. — P. 3—24.

временном историописании возрождение нарратива не должно притязать на преимущественное влияние в современном историческом знании⁴⁰⁸.

В XX в. на научность историописания, как отмечал Л. Стоун, претендовали сторонники марксистской экономической модели, французской экологической/демографической модели и американские клиометристы. Но к 1970-м гг., по мнению Л. Стоуна, марксисты стали обращать такое же внимание на деятельность государства, политику, религию и идеологию, как и немарксистские историки. Марксисты на Западе перестали заявлять претензии на то, что исключительно марксистский подход является научным подходом в изучении истории⁴⁰⁹.

В результате деятельности марксистов, французской эколого-демографической группы историков, американских клиометристов, как считал Л. Стоун, произошел раскол между социальной и интеллектуальной историей, поскольку, например, Эммануэль Ле Руа Ладюри утверждал применительно к истории Европы XIV—XVIII вв., что за эти пять столетий абсолютно ничего не изменилось, общество оставалось погруженным в традицию, экологических и даже, как он утверждал, демографических изменений не произошло, но ведь в это время, напоминает Л. Стоун, возникли Возрождение, Реформация, Просвещение, современное государство, и их появление было трудно объяснить, как ему представляется, исходя из материального базиса общества⁴¹⁰.

Многие историки теперь считают, что культура той или иной группы, даже воля отдельной личности, по крайней мере, потенциально, могут оказаться столь же важным каузальным фактором общественной жизни, как и изменения в материальном производстве или демографический рост. По мнению Л. Стоуна, нет каких-либо теоретических причин, которые заставляли бы считать, что объективные безличные факторы в развитии исторического процесса всегда оказывают решающее влияние на отдельную личность или группу, а не наоборот: напротив, историки приводят всё больше примеров того, когда личность и группа, а не безличные факторы исторического процесса оказывали на общественное развитие влияние решающего характера. Характерное для современных историков, по словам Л. Стоуна, несколько запоздалое признание важности той роли, которую играют действия государственной власти, персональные политические решения, принятые отдельными лицами, влияние удачного или неудачного исхода сражения заставляет историков возвращаться к нарративному модусу историописания даже вне зависимости от того, нравится это историкам или не нравится⁴¹¹.

Под влиянием неопределённости результатов, полученных клиометристами, историки опять осознали неопределённость в происхождении исторических событий, вынуждены были признать, что переменные, влияющие на ход исторического процесса, чрезвычайно многочисленны,

⁴⁰⁸ Ibid. — P. 3—4.

⁴⁰⁹ Ibid. — P. 5.

⁴¹⁰ Ibid. — P. 8.

⁴¹¹ Ibid. — P. 10.

и поэтому в истории возможны только обобщения среднего уровня, а не генерализации всеобщего характера. Поэтому всё большее количество историков пытаются понять, какие мыслительные процессы совершались в головах людей прошлого, и что это означало — жить в прошлом, а такие подходы неизбежно побуждают обращение к нарративу. В методологических подходах историков влияние социологии и экономической теории стало вытесняться влиянием антропологии. Традиционная история идей стала обращаться к исследованию культурного сообщества, средств культурной коммуникации в различные исторические периоды, признав необходимость изучать мыслителей прошлого и используемые ими понятия в историческом контексте⁴¹².

В методе работы историков-нарраторов анализ по-прежнему занимает существенное место, но в целом исследовательский подход сторонников «возвращения к нарративу» стал базироваться на антропологической интерпретации культуры, который притязает на то, чтобы быть систематичным и научным. Историков-нарраторов интересует также изучение менталитета. В результате появляются такие труды, как работа известного французского историка Э. Ле Руа Ладюри «Монтайю» (1975), причём он поначалу громко заявил о себе как сторонник количественных методов в изучении истории, но потом перешел к нарративному историописанию. Сюжет в этой работе Э. Ле Руа Ладюри не излагает ход истории, а свободно перемещается в изучении внутреннего мира людей, что напоминает ход изложения в современном романе.

Л. Стоун выделял пять отличий «нового нарратива» от традиционно-го: 1) «новые нарраторы» почти все без исключения сосредоточены на изучении жизни, поведения и чувств бедных, неизвестных людей, а не на изучении великих исторических личностей; 2) для методологии «новых нарраторов» анализ так же важен, как и описание, и работы «новых нарраторов» представляют собой сочетание рассказа и анализа; 3) «новые нарраторы» открывают использование новых источников, и часто используют материалы судов, действовавших на основе римского права, поскольку в таких материалах сохранились записи показаний допрашивавшихся и иногда подвергавшихся пытке свидетелей (при этом Л. Стоун оспаривает ценность изучения записей судов для выявления наиболее часто совершавшихся преступлений: по его глубокому замечанию, материалы судов дают статистику раскрытых преступлений, но не картину преступности в обществе в целом); 4) «новые нарраторы» отличаются от ранее существовавших традиционных рассказчиков тем, что испытали влияние современного романа, фрейдизма, и активно исследуют подсознательное, а не только излагают факты как таковые, и под влиянием антропологов «новые нарраторы» также пытаются изучать человеческое поведение для раскрытия его символического значения; 5) «новые нарраторы» рассказывают историю о человеке, о том или ином событии или драматическом эпизоде не ради самого рассказа, но для того, чтобы на

⁴¹² Ibid. — P. 13—14.

этих примерах понять внутренний мир, мировоззрение ушедшей в прошлое культуры и общества⁴¹³.

«Новые нарраторы» предпочитают статистическим моделям объяснения человеческого поведения попытку понимания, основанную на опыте, наблюдении, оценке, интуиции. Наряду с деятельностью «новых нарраторов», продолжают свою работу и те, кого Л. Стоун относит к историкам-традиционалистам, работающим в жанре дескриптивного политического нарратива⁴¹⁴.

«Возрождение нарратива», отмечает Л. Стоун, связано с изменением понимания предмета исторического исследования, а это зависит от философского понимания роли свободной человеческой воли во взаимодействии с силами природы. Позиции, существующие на этот счёт среди историков, считает Л. Стоун, можно свести к двум: еще в 1973 г. Э. Ле Руа Ладюри заявлял, что можно писать историю без людей, а Люсьен Февр защищал позицию, согласно которой главный интерес истории сосредоточен на человеке. Х. Тревор-Роупер также призывал историков изучать не обстоятельства, а людей в данных обстоятельствах.

Л. Стоун считал, что современных историков можно поделить на несколько групп: историки — «старые нарративисты», к числу которых относятся главным образом занимающие политической историей и написанием биографий; клиометристы, которые продолжают держаться за использование статистических методов, по словам Л. Стоуна, «как наркоманы»; «заносчивые и упорные социальные историки», которые все ещё изучают влияние на исторический процесс безличных структур; историки ментальностей, изучающие идеалы, ценности, склад мышления, примеры поведения людей, в том числе уникальные — и для них даже характерен подход, согласно которому чем более уникальным является поведение того или иного человека, тем более оно ценно в познавательном отношении.

Использование нарратива в работе над биографиями, считает Л. Стоун, сопряжено с методологическими проблемами: аргументы, которые строятся на отдельном примере, могут быть неубедительными в философском отношении, и могут оказаться риторической уловкой, а не научным доказательством. Но, например, один из основателей микроистории Карло Гинзбург считает, что в области истории дилемма состоит в том, чтобы или принять слабый стандарт научности, чтобы достичь значительных научных результатов, или принять обоснованный стандарт научности, который не принесёт результатов⁴¹⁵. Л. Стоун также рассматривает микроисторию ещё и как попытку развить большие успехи, которых добилась локальная история, но локальная история обычно стремится соотнести свои исследовательские результаты с тем, что происходит в масштабе всего общества, а микроистория считает тотальную историю невозможной и занимается изучением лишь небольшого сегмента, отдельной ячейки общества.

⁴¹³ Ibid. — P. 17—18.

⁴¹⁴ Ibid. — P. 19.

⁴¹⁵ Ginzburg C. Roots of a Scientific Paradigm // Theory and Society. — 1979. — Vol. VII. — P. 276.

Второй проблемой микроистории Л. Стоун считает различие нормального и эксцентричного, и с этим же сталкиваются историки ментальностей. Например, надо учитывать, что люди, оказывающиеся в суде, обычно нетипичны, но их свидетельства об окружающем мире могут быть информативны. Еще одной проблемой является сложность интерпретации свидетельств. Для их понимания историк должен быть аналитиком, иметь понятие о важнейших общественных теориях, о способах обобщения знания, хотя он может при этом изучать сугубо индивидуальные явления в сфере микроистории. Возвращение к нарративу также несёт в себе опасность возвращения к чистому антикварианизму, пересказыванию происходившего в прошлом как самоцели, или сосредоточения лишь на сенсационной стороне происходившего в обществе.

Л. Стоун отмечает, что понятие «нарратив», столь нагруженное предсторией смыслов, лишь частично способно охарактеризовать то, что фактически является широкими комплексными изменениями в характере исторического дискурса. К этим изменениям относятся: признаки изменения понимания главного вопроса истории — переход от изучения обстоятельств, окружающих человека, к изучению человека в исторических обстоятельствах; в изучаемых проблемах — от экономических и демографических проблем к изучению культурных и эмоциональных проблем; во влияниях на методологию исторического исследования — от преимущественной ориентации на социологию, экономику и демографию к ориентации на антропологию и психологию; в переходе от изучения группы к изучению личности; в изменениях в моделях объяснения исторического процесса — от механистического и монокаузального к комплексному и поликаузальному, от аналитического к дескриптивному; в переходе от использования статистических, количественных подсчетов к сосредоточению внимания на индивидуальных примерах; изменения в понимании роли историка — от позиционирования его роли как учёного к выявлению сходства историка с литератором. Эти комплексные и многогранные изменения в содержании, цели, методе и стиле историописания, которые происходят одновременно, тесно взаимосвязаны, и нет понятий, через которые можно было бы адекватно суммировать все эти изменения в понимании задач, стоящих перед историописанием, но к настоящему времени как рабочий термин для обозначения этих явлений вполне может использоваться понятие «нарратив»⁴¹⁶.

Исследователи истории Англии XVI—XVII вв. проводят мысль о том, что идеальным для исторического исследования был бы синтез социально-структурного и историко-антропологического подходов, который мог бы обеспечить рассмотрение социально-исторической реальности в её целостности и многообразии, в непрерывном изменении и развитии. Как пишет К. Райтсон, «общество есть процесс. Оно не бывает статичным, и даже его кажущиеся наиболее неподвижными структуры выражают равновесие между динамичными силами. Для социального историка главная из всех задач состоит в том,

⁴¹⁶ Stone L. The Revival of Narrative: Reflections on a New Old History // Past & Present. — 1979. — № 85. — P. 24.

чтобы уловить этот процесс, одновременно обнаруживая долговременные сдвиги в социальной организации, в общественных отношениях и в тех понятиях и ценностях, в которых эти социальные ценности воплощаются»⁴¹⁷.

Как считает Л.П. Репина, в последнее десятилетие направление социальной истории часто характеризуется как полностью себя исчерпавшее. Падает престиж не только «социально-научной» истории, но и более «мягких» культур-антропологических версий «новой историографии»⁴¹⁸. По её мнению, старая социальная история с её ограниченным пониманием социальности угасла, но в то же время новейшая, ориентированная на комплексный анализ субъективного и объективного, микро- и макроструктур в человеческой истории, предельно широко понимаемая социальная история превращается сейчас в своей основе в социокультурную — это новая стадияльная форма социальной истории⁴¹⁹.

Среди британских историков, занимающихся изучением религиозно-политической истории, распространено мнение, что Англия долгое время продолжала оставаться «конфессиональной страной», и поэтому изучение истории исключительно с социально-экономических позиций, или придавая исключительное значение «политическому прогрессу», неверно⁴²⁰. На примере деятельности социальных историков в изучении религиозных верований англичан в XVI—XVII вв. можно увидеть, что следование методологическим подходам социальной истории может сочетаться со всевозможными мировоззренческими и идейными убеждениями — и с консервативными, как у П. Ласлетта, и с либеральными у К. Томаса, и с марксистскими в трудах К. Хилла. Влияние социальной истории на изучение истории Реформации в Англии было продуктивным и способствовало пониманию религиозно-политической истории XVI—XVII вв. в более широком социальном контексте.

3.2. Концептуальные подходы к изучению Реформации в рамках социальной истории в современной британской историографии

3.2.1. Социально-экономическая интерпретация английской Реформации в трудах К. Хилла

Одним из крупнейших историков, исповедовавших методологические подходы социальной истории в изучении Реформации в Англии в современной британской историографии, с 1950-х гг. стал Кристофер Хилл

⁴¹⁷ Wrightson K. English Society 1580—1680. — London, 1982. — P. 12.

⁴¹⁸ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. — М., 1998. — С. 4.

⁴¹⁹ Там же. — С. 72.

⁴²⁰ Innes J. Jonathan Clark, Social History and England's Ancient Regime // Past & Present. — 1987. № 115. — P. 165—170.

(1912—2003), создавший ряд важных работ, многие из которых ориентированы на XVII в., поскольку главной темой его научных изысканий было изучение Английской революции XVII в. Вместе с тем, работы К. Хилла очень важны также для понимания религиозно-политической истории Англии XVI—XVII вв. и подходов тех британских социальных историков, которые испытали методологическое влияние марксизма⁴²¹.

Крупнейшая из работ К. Хилла, в которой рассматривались вопросы истории Реформации в целом с экономической точки зрения — «Экономические проблемы церкви. От архиепископа Уитгифта до Долгого парламента» (1956)⁴²². К. Хиллу удалось показать, что экономические вопросы были чрезвычайно важны для церкви. Цель его работы — попытаться проследить то, какую роль сыграла религия в подготовке Английской революции середины XVII в., а также рассмотреть связь между развитием капитализма и пуританизмом. Догадки общего характера о влиянии социально-экономических и политических факторов на происхождение Реформации, отмечал К. Хилл, высказывали в XVI в. уже современники, но при попытках более точно сформулировать понимание связи между развитием экономики и религии возникают трудности. Большинство историков признают существование связи между пуританизмом и капитализмом, хотя при этом спорят о том, какова была каузальная природа этой связи⁴²³.

Вопрос о связи Реформации и развития капитализма был поставлен в конце XIX—начале XX вв. немецким социологом М. Вебером и британским историком Р. Тоуни. Тезис Вебера-Тоуни, как его именуют в британской историографии, выдвигал на первый план любого объяснения социальных изменений в предреволюционной Англии идейное влияние пуританизма, но при этом в нём развивалась мысль, что пуританские идеи были не совсем тем, чем они казались — пуританизм, согласно этому подходу, представлял собой лишь рационализацию материальных конфликтов, происходивших в общественной жизни. Как считал К. Хилл, влияние идей в XVI—XVII веках на современников было велико. Но церковь в это время была чем-то большим, чем религиозным учреждением: она была политическим и экономическим институтом значительной силы и влияния, так что существовало множество не только религиозных причин того, что в 1640 г. были желающие свергнуть церковную иерархию. Церковь была политической, судебной и образовательной организацией, и епископы составляли

⁴²¹ Hill C. *Antichrist in Seventeenth-Century England*. — Oxford University Press, 1971; *Idem*. *The Century of Revolution, 1603—1714*. 2nd Ed. — Berkshire: Reinhold, 1988; *Idem*. *Change and Continuity in the 17th Century England*. — Cambridge (Mass.), 1975; *The Collected Essays of C. Hill. Religion and Politics in 17th Century England*. — London, 1986. — Vol. II; *Idem*. *The Economic Problems of the Church. From Archbishop Whitgift to the Long Parliament*. — Oxford, 1956; *Idem*. *Intellectual Origins of the English Revolution*. — Oxford, 1965; *Idem*. *Puritanism and Revolution. Studies in the Interpretation of the English Revolution of the 17th Century*. — London, 1958; *Idem*. *Reformation to Industrial Revolution. A Social and Economic History of Britain, 1530—1780*. — London, 1968; *Idem*. *Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England*. — New York, 1967.

⁴²² Hill C. *Economic Problems of the Church. From Archbishop Whitgift to the Long Parliament*. — Oxford, 1956.

⁴²³ *Ibid.* — P. IX.

значительную группу в палате лордов, были гражданскими слугами, администраторами, а при архиепископе Кентерберийском Лоде стали занимать ключевые правительственные должности. Некоторые епископы происходили из социальных низов, так что, находясь в зависимости от королевской власти, они защищали произвольное налогообложение при Карле I. Церковные суды вмешивались в повседневную жизнь очень многих людей, стремясь налагать на них штрафы за моральные проступки⁴²⁴. К. Хилл рассматривал церковные суды и как судебные, и как экономические институты, причём деятельность церковных судов определенно имела экономические последствия. Особенностью научной деятельности К. Хилла было то, что он опирался преимущественно на опубликованные источники⁴²⁵.

К. Хилл считал, что выявление генеалогии религиозных сект, «как будто речь идет о личностях — пустая трата времени»: по крайней мере, в истории идей, как ему представлялось, «более важна социальная среда, чем наследственность». В качестве примера для иллюстрации этой мысли К. Хилл отмечал, что индипендентство развивалось одним путём в эмиграции в Нидерландах, другим — в революционной Англии, третьим — когда выступало в качестве правящей силы в Новой Англии, а ещё одним путем — после реставрации Стюартов в Англии, поэтому для исследования важно рассмотреть влияние той социальной среды, в которой формировались английские пуритане. В то же время К. Хилл считал нужным подчеркнуть, что пуританизм не стал бы исторической силой, если бы был лишь рефлексией по поводу экономических проблем: «та сила мужества, которая двигала действиями Принна, Лильберна и Джорджа Фокса в то время, когда они претерпевали мученические наказания, вела их к очень разным целям, ни одну из которых нельзя просто описать экономическими понятиями»⁴²⁶.

Реформация Генриха VIII, как писал К. Хилл, ослабила церковь в материальном и политическом отношениях. При диссолюции монастырей в распоряжение короны перешли земли, приносявшие чистый годовой доход в размере более 136 тыс. фунтов, а также слитки золота и серебра, по суду, ценности стоимостью примерно в 1—1,5 млн. фунтов. К. Хилл приводил данные, собранные в работе А.Н. Савина⁴²⁷, и доходы монастырей у русского историка, как считал К. Хилл, возможно, даже недооценены. Значение этих цифр можно оценить на фоне того, что до 1542 г. королевские доходы от земли никогда не превышали 40 тыс. фунтов в год⁴²⁸. С потерей монастырской собственности церковь потеряла право представлять священника в приход примерно в 40% приходов, и были также потеряны возможности патронажа. Когда в палату лордов входили аббаты, духовные лица имели в верхней палате английского парламента абсолютное большинство, а в результате разрыва с Римом епископы были

⁴²⁴Ibid. — P. X—XI.

⁴²⁵Ibid. — P. XI—XII.

⁴²⁶Ibid. — P. XII—XIII.

⁴²⁷Savin A.N. English Monasteries on the Eve of the Dissolution. — London, 1909. — P. 100.

⁴²⁸Dietz F. C. English Government Finance, 1485—1558. — University of Illinois Studies in the Social Sciences. — 1932. — Vol. IX. — № 3. — P. 80—82, 138, 221.

отрезаны от общения с другими церквами в Европе и стали более зависимы от короны. Уменьшилось уважение к церкви: народ узнал, что церковная собственность, оказывается, не является священной, традиционные церковные институты могут исчезнуть, а мир при этом стоит как стоял. Протестантское богословие подрывало представление о священнике как о священной персоне и повышало самооценку прихожан. Люди задумались над тем, за что они платят священникам, не умеющим самостоятельно проповедовать или не живущим в приходе. Как считал К. Хилл, Реформация проистекала, в сущности, из политических причин⁴²⁹.

К. Хилл отмечал, что церковь из-за своей постреформационной зависимости от короны была вынуждена смириться с тем, что монархи на льготных условиях по низкой арендной ставке сдавали землю в аренду придворным, таким способом оплачивая их службу монархии. Подобным образом, бывало, поступали сами епископы и соборные капитулы и предоставляли церковную землю в аренду знати и джентри тех епархий, которыми они управляли, поскольку искали у землевладельцев поддержки в местных делах. Епископы стали взимать большие вступительные файлы, которые обогащали их лично, ничего не давали преемникам епископов в данной епархии, особенно, если договор об аренде был заключён с выгодой для арендатора — епископы, бывало, фактически «продавали будущее»⁴³⁰. В целом можно утверждать, что церковные земли сдавались в аренду по заниженной цене⁴³¹.

К. Хилл разбирал свидетельства современников о размерах дохода епископов. По их данным, в первые десятилетия XVII в. 26 епископов вместе получали годовой доход примерно в 23—26 тыс. фунтов в год, а в результате продажи земель епископов в ходе Английской революции после 1646 г. было выручено по крайней мере 676387 фунтов. Доходы с земель соборных капитулов оценивались в 4500 фунтов в год, а продали эти земли после 1649 г. примерно за 455621 фунт. К тому же эти земли предлагались к продаже по более высокой цене, но на переполненном предложениями земельном рынке были проданы по более низкой. Необходимы дальнейшие исследования этих проблем, а пока остаётся только предполагать, в какой степени собственникам удавалось добирать заниженную арендную плату за церковные земли за счет файлов⁴³².

При экономических трудностях епископы продавали лес. Корона и церковь, считал К. Хилл, стали превращаться в своего рода рантье. Их землями управляли и получали доходы арендаторы, и никто теперь на церковных землях не помогал бедным, не оказывал гостеприимства, не ремонтировал дороги и мосты. Действующим лицом в сельской местно-

⁴²⁹ Hill C. Economic Problems of the Church. From Archbishop Whitgift to the Long Parliament. — Oxford, 1956. — P. 4.

⁴³⁰ Willan T.S. The Parliamentary Surveys for the North Riding of Yorkshire // Yorkshire Archaeological Journal. — Vol. XXXI. — P. 281; Kerridge E. The Movement of Rent, 1540—1640 // Economic History Review. 2nd Series. — Vol. VI. — № 1. — P. 33—34.

⁴³¹ Hill C. Economic Problems of the Church. From Archbishop Whitgift to the Long Parliament. — Oxford, 1956. — P. 5.

⁴³² Ibid. — P. 8.

сти становился тот, кто непосредственно организовывал процесс производства — йомен, арендатор, фабрикант-суконщик. Революционные события XVII в., утверждал К. Хилл, привели к политическому и институциональному оформлению того, что уже стало экономическим и социальным фактом — господству этих новых общественных групп⁴³³.

К. Хилл считал, что ограбление церкви в Англии в результате Реформации привело к тому, что в стране не происходил заметный рост налогообложения. Но недостаточность денежного содержания священников часто отвращала способных людей от церковной службы, что стало серьёзной проблемой. Во второй половине XVII в. финансовые проблемы церкви были решены увеличением налогообложения, назначением более высокого жалованья священникам, но к этому времени изменилась расстановка политических сил не в пользу монархии, и оппозиционные прежде силы достигли своего, церковная собственность была перераспределена за счёт церковной иерархии⁴³⁴.

Падение роли и авторитета церкви ощущали современники, писавшие о грабеже церкви и о том, что у неё еще есть средства, завладеть которыми и пытаются ненасытные светские лица. Средствами грабежа были долгосрочные аренды, обмен землей, прямой захват церковного имущества, занятие административных должностей в церкви. От грабежа церкви наибольшие выгоды имели пэры и джентльмены. По акту 1559 г. епископам запрещалось сдавать епархиальные земли в аренду более, чем на три жизни, или 21 год, или за меньший, чем обычно, размер ренты, но это не касалось арендных договоров с короной⁴³⁵. Английский церковный историк конца XVII—начала XVIII вв. Джон Страйн называл этот акт «актом о грабеже церкви»⁴³⁶. При Елизавете, бывало, подолгу держали вакантными епархии: Оксфорд в течение 24 лет, Эли — 19, Бристоль — 14 (Бристольскую епархию также держали вакантной по совместительству (*in commendam*) с Глостерской епархией в течение 27 лет), поскольку доходы с епархии в то время, пока туда не был назначен епископ, шли короне. С Элийской епархии 1000 фунтов в год получал граф Оксфорд, а эмигрировавшего в Англию после 1581 г., когда Португалия перешла под власть Испании, представителя королевской династии Португалии католика дона Антонио, на которого в Лондоне имели политические виды как на возможного английского ставленника на португальский престол, в шутку прозвали «епископом Элийским», поскольку он регулярно получал большую часть доходов епархии. Епархию Эли долго держали вакантной потому, что никто не мог заплатить за то, чтобы быть туда назначенным, в итоге же согласившийся на такие условия Мартин Хелтон был принужден раздать столько епархиальной земли в аренду, что его подпись Мартин Элийский шутники расшифровывали как *Martyr of Ely* (элийский мученик). Большинство вновь назна-

⁴³³Ibid. — P. 9—11.

⁴³⁴Ibid. — P. 12.

⁴³⁵Ibid. — P. 14—23.

⁴³⁶*Strype J. Annals of the Reformation ... during Queen Elizabeth's Happy Reign.* — London, 1824. — Part I. — P. 142—143; Part II. — P. 443.

ченных епископов были готовы пожертвовать частью своих доходов ради того, чтобы добраться до пользования имуществом епархии, и, как считал К. Хилл, такие «экономически ориентированные епископы» также возводили в сан корыстолюбивых священников⁴³⁷.

Нелюбовь Елизаветы к женатым епископам К. Хилл тоже объяснял экономическими причинами в связи с тем, что имевшие семьи епископы старались содержать их на церковные средства. Но не все епископы, как отмечает К. Хилл, были лишь жертвами давления, и некоторые активно пользовались своим положением. Например, епископ Хьюз из епархии Сент-Асаф (1573—1600) держал по совместительству архидиаконство, 16 бенефициев, сдавал в аренду на долгие сроки епархиальные маноры своей жене, детям, сестрам, двоюродным братьям, платил скудное жалованье своим викариям, продавал права представления священника в приход, занимался вымогательством в отношении своего духовенства во время епархиальных визитаций, не уделял внимание гостеприимству и благотворительности, при этом скопив значительное состояние. Епископы брали большие файны при сдаче земли в аренду, поскольку с файнов не взимались «первые плоды» и субсидии, которыми облагалось духовенство⁴³⁸.

Современники считали, что духовенство в период Реформации было принижено намеренно, чтобы духовные лица оказались в полной зависимости от короны. Дореформационные епископы по социальному статусу фактически относились к знати. Среди епископов при Елизавете по социальному происхождению были сыновья торговцев, ткачей, портных, йоменов, мелких джентльменов. Епископы до Реформации часто были канониками, специалистами по гражданскому праву, выдвинувшимися благодаря своим способностям, или выходцами из знати, но они чувствовали себя в церкви слишком независимо⁴³⁹. К концу правления Елизаветы стало приходить понимание того, что, если прежними темпами будет продолжаться грабёж церкви, скоро в епархиях не останется средств для того, чтобы поддерживать их существование, так что при Якове I в 1604 г. был принят акт, запрещающий архиепископам и епископам отчуждать земли епархий даже в пользу короны. Как писал К. Хилл, «бережливая Елизавета была главным грабителем церкви, а расточительный и экстравагантный Яков I стал защитником церковных доходов»⁴⁴⁰.

К. Хилл развивал идею о том, что причиной пуританских нападков на церковь были экономические соображения: «пуритане выражали интересы жаждавших земли больших и малых деловых людей». В этом активно пытались уличить пуритан ещё представители лодианской группировки в церкви Англии: принадлежавший к ней церковный историк XVII в. П. Хейлин усматривал в клерикальном пресвитерианстве амбиции отдельных духовных лиц, а в светском пресвитерианстве главным считал

⁴³⁷ Hill C. Economic Problems of the Church. From Archbishop Whitgift to the Long Parliament. — Oxford, 1956. — P. 17.

⁴³⁸ Ibid. — P. 18—21.

⁴³⁹ Ibid. — P. 27.

⁴⁴⁰ Ibid. — P. 31—33.

желание грабежа. Но К. Хилл при этом отмечал, что любое простое уравнивание «пуританизма» и «буржуазии» применительно к XVI в. — это чрезмерное упрощение⁴⁴¹.

Экономические аспекты в понимании служения священника, отмечал К. Хилл, были не чужды самим духовным лицам, особенно пуританам. По понятиям обычного права, бенефиций был собственностью, на которую священник, возведённый в держание с соблюдением всех правовых норм, имел право как на собственность на основе общего права. В первую очередь, получалось, что обладание бенефицием было связано с получением десятины, а не с выполнением духовных обязанностей — это были признаки фригольда. Против такого понимания служения священника выступали сепаратисты⁴⁴². Юристы общего права и парламентская оппозиция исходили из того, что служение священника в приходе следует рассматривать как фригольд, чтобы предотвратить лишение священников приходов за неконформизм⁴⁴³. В то же время бенефиций отличался от других форм фригольда тем, что не мог быть продан священником, и оставался за ним лишь в течение жизни. Иногда правом допуска священника в приход владел сам приход⁴⁴⁴. В результате Реформации право допуска священника примерно в одну треть приходов перешло в руки светских лиц. Светское влияние на процесс назначения духовных лиц, как считал К. Хилл, всегда было значительным, а Реформация прояснила и узаконила этот процесс⁴⁴⁵.

В XVI в. обострились проблемы с взиманием десятины в связи с тем, что расширилась торговля, появилось много новых видов доходов. Переход от зерноводческого хозяйства к пастбищному или интенсивному земледелию с выращиванием технических культур означал также замену большой десятины на малую десятину, которую было труднее собирать. Поэтому за счет малых десятин викарий, если он сохранял их за собой, мог получать большие доходы, чем ректор. Большая десятина, которая шла ректору прихода, обычно состояла из зерна, сена, древесины. Малая десятина в приходах, где служил викарий, шла со всех других сельскохозяйственных продуктов, а также из того, что называли смешанными и личными десятинами — это то, что зарабатывал прихожанин своим личным трудом. Викарию было легче собирать свою часть десятины: он жил на месте и был знаком с прихожанами, но во второй половине XVI в. и эти отношения осложнялись. Десятину следовало уплачивать с каждого шестого или седьмого животного или птицы, а священник при этом должен был давать пенс или полпенса сдачи в том случае, если в крестьянском хозяйстве было меньше 10 животных или птиц. С добытых в природе зверей десятина не платилась, но с выловленной рыбы десятину стремились взыска-

⁴⁴¹ Ibid. — P. 43.

⁴⁴² The Writings of Robert Harrison and Robert Browne / Ed. A. Peel and L. H. Carlson. — London, 1953. — P. 119.

⁴⁴³ Hill C. Economic Problems of the Church. From Archbishop Whitgift to the Long Parliament. — Oxford, 1956. — P. 50—51.

⁴⁴⁴ Ibid. — P. 58.

⁴⁴⁵ Ibid. — P. 53.

вать, так как рыболовный промысел в XVI в. активно развивался. Из-за взимания десятины за рыболовный промысел рыбаки стали сдавать рыбу в Голландии или Франции. Самые большие состояния в Англии в XVI в. накапливались вне каких-либо приходов — в занятиях пиратством, грабёжом, морской торговлей, но также и путем огораживаний⁴⁴⁶.

Лица, занимавшиеся новыми видами экономической деятельности, стремились избежать обложения десятиной, а юристы общего права активно помогали им в этом. В 1549 г. было запрещено использовать клятву для принуждения светских лиц к отчёту о своих доходах при уплате десятины, и, по словам К. Хилла, «для церкви это было катастрофой»⁴⁴⁷. По его мнению, можно утверждать, что совокупный реальный доход всех духовных лиц в Англии в течение столетия после Реформации как минимум не увеличился, в то время как национальный доход этого времени заметно возрос. Духовные же лица не получали и 10% от национального дохода, особенно в больших городах и районах товарного сельского хозяйства. К. Хилл делал на основе этого вывод, что в Англии в это время землевладельцы контролировали и эксплуатировали церковь, а борьба против десятины отражала экономические интересы мелких производителей в городе и деревне. Когда десятины оказались во многих случаях в распоряжении светских лиц, становилось ясно, что десятина, в сущности, является разновидностью ренты и не имеет какого-то священного характера⁴⁴⁸. Церковь оценивала свои потери от взимания десятины светскими лицами в 100—126 тыс. фунтов. В наибольшей степени контроль светских лиц над церковью распространился на юго-востоке Англии — в наиболее развитом в экономическом отношении районе страны⁴⁴⁹.

Взимание десятины, как считал К. Хилл, угнетающе действовало на развитие сельского хозяйства. Бывало, что крестьяне намеренно не доводили число принадлежавших им голов скота до цифры более шести, так как далее начиналось взимание десятины со скота. Но, отмечал британский историк, протестантская церковь, в том числе в Англии, по сути дела, не могла существовать без десятины. По его мнению, споры о взимании десятины в Лондоне тоже внесли вклад в происхождение гражданской войны, поскольку духовенство стало ненавидеть, над духовными лицами пытались насмеяться на улицах⁴⁵⁰.

Пребывание человека в воцерковлённом состоянии, отмечал К. Хилл, стоило денег. Плата за совершение обрядов в церкви стала обязательной по статуту короля Эдуарда VI, изданному в 1549 г., когда власти в Англии активизировали Реформацию. Крещение детей и воцерковление женщин после родов стоило от 4 до 11,5 пенсов, а в случае, если ребёнок умер, всё же платили 1—2 пенса. Вносилась также плата за благословение священником беременности. За венчание платили от 1 до 4 шиллингов с оглашением в

⁴⁴⁶ Ibid. — P. 78—87.

⁴⁴⁷ Ibid. — P. 88—93.

⁴⁴⁸ Ibid. — P. 108, 115—121, 134—138.

⁴⁴⁹ Ibid. — P. 144—150.

⁴⁵⁰ Ibid. — P. 156, 162, 288.

церкви имен вступающих в брак, и от 3 до 6 шиллингов, если нужно было вступить в брак во время года, не рекомендованное церковным календарем. Похороны обычно стоили от 2 пенсов до 1 шиллинга 4 пенсов при захоронении в церковном дворе, от 2 шиллингов до 2 шиллингов 8 пенсов в гробу. С тех, кто умирал не в своем приходе, брали значительно больше. Захоронение в церковном здании стоило 6 шиллингов 8 пенсов и выше. Бывали случаи уплаты ренты за поддержание могилы от 1 до 4 фунтов в год. Звон колоколов во время венчания дополнительно стоил от 1 шиллинга в зависимости от значительности исполняемого звона. Расценки на церковные услуги подробно исследованы в работах ряда историков⁴⁵¹.

Священники ещё пытались также брать взносы на помин души — мортуарии, и такие обычаи сохранились в Англии в некоторых местностях до конца XVII в. Прихожане также несли расходы на содержание приходского клерка. В Лондоне в первые десятилетия XVII в. приходские клерки могли собирать в год 200 фунтов и более, и к тому же имели право взыскивать не уплаченные им деньги через церковные суды, против чего выступала палата общин. Со времени Реформации в источник дохода превратилась плата за место в церкви, которое стало одним из признаков социального статуса. Пассивное сопротивление в платежах за церковные службы в наибольшей степени исходило, как отмечал К. Хилл, от представителей тех социальных групп, которые стремились к установлению свободы торговли, и он утверждает, что они стремились также к установлению договорных отношений в религиозной сфере, как они уже стали привыкать поступать в своей экономической деятельности⁴⁵².

Право получения десятины, перешедшее в результате Реформации в ряде приходов короне, приносило государственной казне в среднем 11 тыс. фунтов в год. Духовенство также платило монарху субсидии. В правление Елизаветы субсидия обычно составляла 6 шиллингов с фунта доходности данного бенефиция после того, как была уплачена десятина, то есть субсидия платилась в объеме 5 шиллингов 5 пенсов с фунта чистой прибыли. В XVII в. уровень обложения был снижен до 4 шиллингов с фунта (3 шиллинга 7 пенсов с фунта чистой прибыли), а с 1609 г. бедное духовенство было освобождено от уплаты налогов с земли. Духовенство также подлежало принудительным займам, добровольным пожертвованиям, взносам, заменяющим военную службу (взимались до 1662 г. с тех, кто имел доход более 30 фунтов в год, а также с собственности в форме фригольда, которую священники могли иметь, получив по наследству). Церковные субсидии голосовались на конвокации и утверждались парламентом. Добровольные пожертвования духовенства парламентскому утверждению не подлежали и уплачивались непосредственно королю под угрозой церковных наказаний вплоть до отлучения от церк-

⁴⁵¹ Ware S.L. *The Elizabethan Parish in its Ecclesiastical and Financial Aspects*. — Baltimore, 1909. — P. 78—82; Trotter E. *Seventeenth Century Life in the Country Parish*. — London, 1919. — P. 43; Purvis J. S. *Tudor Parish Documents of the Diocese of York*. — London, 1948.

⁴⁵² Hill C. *Economic Problems of the Church. From Archbishop Whitgift to the Long Parliament*. — Oxford, 1956. P. 171—175, 185.

ви, что помогало королевской власти решать материальные проблемы, не созывая парламент⁴⁵³.

К. Хилл утверждал, что духовенство платило налогов в процентном соотношении к общей численности населения страны больше, чем светские лица. До революции середины XVII в. одно духовное лицо приходилось примерно на 500 человек, и при этом духовенство, составлявшее 0,2% населения, платило более 25% прямых налогов в государстве. В результате Реформации доходы духовенства уменьшились примерно на 50%. Налогообложение не распространялось на штрафы, налагавшиеся церковными судами. Высшее духовенство, считал К. Хилл, заметно недоплачивало налоги в соответствии со своими доходами, но поступления от штрафов были нерегулярны⁴⁵⁴.

В правление Елизаветы считалось, что для учёного священника минимальным годовым доходом должны быть 30 фунтов, хотя в Англии было менее 5% бенефициев с таким доходом, а в 1587 г. пуритане заявляли, что хорошему священнику нужен годовой доход в 100 фунтов⁴⁵⁵. Под влиянием реформационных идей стал активнее осуждаться абсентеизм священников. Отсутствие священника в приходе осуждали и церковные власти, и пуритане. За это устанавливались штрафы, но законодательными мерами эту проблему разрешить не удавалось. Деканства, архидиаконства, пребенды и большинство должностей в университетских церквях были освобождены от ограничений в плюрализме. Продажа диспенсаций (отпущений за это нарушение) держателям плюралитетов давала казне постоянный доход. В 1640 г. примерно 3/4 соборного духовенства и 1/4 духовных лиц в университетах были плюралистами. В исчислении количества держателей плюралитетов известный английский историк Р.Г. Ашер применительно к 1603 г. называл цифру в 1000 плюралистов, которые держали 2500 бенефициев⁴⁵⁶. К. Хилл эти цифры считал недооценкой. Билли об отмене плюралитетов с 1584 по 1625 г. регулярно проваливались в парламенте, так что их запретил держать только Долгий парламент⁴⁵⁷.

К. Хилл отмечал, что умеренные пуритане искали способы усилить свое влияние в церкви экономическими средствами, и наглядным примером в этом отношении, как он показал, была деятельность финансовой организации *Feoffees for Improvements*, которую они создали в 1630-е гг. для выкупа у светских лиц права на взимание десятины с целью увеличения доходов идейно близких им священников. Создателей организации обвиняли в том, что они своей деятельностью приведут к разрушению существовавшую церковную иерархию, создав свою собственную. Средства организации были конфискованы в пользу королевской казны и пошли на увеличение денежного содержания священников, но кандидатуры этих священников

⁴⁵³ Ibid. — P. 188—191.

⁴⁵⁴ Ibid. — P. 192—196.

⁴⁵⁵ Ibid. — P. 205—207.

⁴⁵⁶ Usher R.G. *The Reconstruction of the English Church*. — London, 1910. — Vol. I. — P. 211.

⁴⁵⁷ Hill C. *Economic Problems of the Church. From Archbishop Whitgift to the Long Parliament*. — Oxford, 1956. — P. 227—241.

выдвигал король. Деятельность организации по скупке права сбора десятины была предвестником появления других добровольных организаций, созданных по примеру акционерных компаний, которые, бывало, действовали в своих интересах вопреки желаниям властей. Такие предприятия давали опыт для сплочения оппозиции. Общественное мнение в Англии, как выявлено, безусловно одобрительно относилось к деятельности организации *Feoffees for Improvements*. Таким образом, ещё до революции с опорой на средства, выделяемые прихожанами, стала развиваться, в сущности, конгрегационалистская практика выдвижения священника и его содержания или увеличения ему денежного жалованья⁴⁵⁸. К 1640 г., считал К. Хилл, на экономическом основании во многих приходах сложился фактический выбор священников по воле приходов или городских корпораций, причём этот выбор делали или оказывали на него наибольшее влияние состоятельные прихожане, и, вполне возможно, благодаря этому с началом революции и гражданской войны так быстро распространилось индипендентство, корни которого К. Хилл предлагал искать скорее не среди сектантов Нидерландов и Новой Англии (или вместе с ними), а в таких английских приходах, которые стремились выбирать для себя священника. Не исследуя специально экономические аспекты этого явления, к подобным выводам приходили также другие историки, считавшие, что нечто вроде индипендентства уже существовало к 1640 г. в некоторых лондонских конгрегациях, которые фактически избирали своих священников, и у пуритан, которые нанимали лекторов⁴⁵⁹. Такие общины, выбиравшие священников, по мнению К. Хилла, были подготовительной базой развития демократии⁴⁶⁰.

Как считал К. Хилл, из-за скудости материальных средств церкви она могла материально обеспечить только узкий круг духовных лиц, и слишком многие из клириков, в том числе с искренними религиозными чувствами, по экономическим причинам оказывались среди критиков, а не среди защитников церкви. Ситуацию могла спасти коренная экономическая реорганизация, но этого не могла добиться церковная иерархия, а светские лица не хотели отказываться от принадлежавших им прав на сбор десятины. Сам правящий класс в Англии, по словам К. Хилла, был расколот в процессе генезиса капитализма⁴⁶¹.

Политика Лода, как считал К. Хилл, состояла в том, чтобы вернуться к дореформационному состоянию церкви в Англии во всём, кроме подчинения церкви папству. Лод хотел вернуть церкви право сбора десятины и укрепить церковные суды, что означало бы попытку полного подчинения судов общего права, а также стремился восстановить социальный престиж церкви: по словам Хилла, «он хотел возродить средневековые, при-

⁴⁵⁸ *Ibid.* — P. 258—263, 296.

⁴⁵⁹ *Troeltsch E. Social Teaching of the Christian Churches.* — London, 1931. — P. 927; *Haller W. Liberty and Reformation in the Puritan Revolution.* — London, 1955. — P. 106—107, 115—119, 128, 209; *French A. Charles I and the Puritan Upheaval.* — London, 1955. — P. 339—340.

⁴⁶⁰ *Hill C. Economic Problems of the Church. From Archbishop Whitgift to the Long Parliament.* — Oxford, 1956. — P. 297.

⁴⁶¹ *Ibid.* — P. 339.

чем не только церемониально, но и экономически». Политика «социальной справедливости», проводимая Лодом, проявлялась в попытках защитить общинные земли от попыток огораживаний и в попытках помешать собственникам делать со своей собственностью то, что они считали нужным. К. Хилл утверждал, что Лода не поддержал весь епископат, который был озабочен и своими материальными нуждами, и стремлением не портить отношения с джентри в своих епархиях⁴⁶². Последующие исследования, особенно недавняя работа Дж. Дэвиса, показали, что у Лода всё же были сторонники в среде епископата, действовавшие в исполнении этой программы мер даже более активно, чем сам архиепископ Кентерберийский⁴⁶³.

Лод и его сторонники стремились положить конец тому положению, когда епископы и деканы сохраняли лишь свой статус, а их землями эффективно пользовались, исходя из своих целей, арендаторы, и такие попытки усилить экономические позиции церкви стали раздражать джентри не меньше, чем стремление Якова I и Карла I увеличить свои доходы за опекунов и другие феодальные привилегии, которые имела корона. Своей политикой Лод, как считал К. Хилл, задел сразу несколько струн в чувствах англичан — он создавал угрозу протестантизму, патриотическим чувствам, деятельности парламента, отношениям собственности, и все эти мотивы питали действия оппозиции⁴⁶⁴.

Оценивая административно-церковную политику Лода, К. Хилл считал, что «это был сознательный, трудолюбивый человек, который пытался реализовать идеалы, которые нельзя назвать неблагородными. Но идеи Лода не то что были плохими — они были несвоевременны, опоздали примерно на столетие и не могли быть реализованы». На рубеже XVI—XVII вв. в Англии формировавшиеся новые социальные группы, занимавшиеся предпринимательством, считали справедливым платить священнику то содержание, которое было установлено по контракту — религиозная жизнь прихода переводилась на экономическую основу. Это было вызовом самой идее существования государственной церкви. Знаменательным К. Хилл считал также то, что в это же время Томас Гоббс, который держался в стороне и от пуритан, и от юристов общего права, и от духовенства, выработал политическую философию, в которой государство, права граждан государства, их взаимоотношения тоже осмысливались как контрактные по своему характеру. Как считал К. Хилл, трудно не сделать вывод, что общим фактором, порождавшим такое внимание к договорным отношениям в обществе у мыслителей того времени, были изменявшиеся условия экономической жизни и влияние развивавшегося капитализма. Он приводил также знаменательную цитату из Жана Кальвина: «Таинства — это разновидность взаимного контракта, посредством которого Господь передаёт нам свою милость и обещание вечной жизни, а мы в

⁴⁶² Ibid. — P. 340—341.

⁴⁶³ Davies J. The Caroline Captivity of the Church: Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625—1641. — Oxford, 1992.

⁴⁶⁴ Hill C. Economic Problems of the Church. From Archbishop Whitgift to the Long Parliament. — Oxford, 1956. — P. 343.

свою очередь обещаем ему свою покорность»⁴⁶⁵. Во многих протестантских сектах существовали договоры между их членами и особые договоры со священником. Защитники веротерпимости постоянно сравнивали религиозную общину с торговой компанией. Значительная пуританская богословская школа XVI—XVII вв. «теология ковенанта» тоже базировалась на договорных отношениях между человеком и Богом со взаимными обязательствами, которых придерживалась каждая из сторон⁴⁶⁶.

К. Хилл пришел к выводу, что на примере изучения религиозно-политической истории Англии XVI—XVII вв. можно убедиться, что существует причинная связь между экономикой и другими сферами общественной жизни и мысли. По его словам, «общество — это единое целое, а отдельный человек — единица общества. Мысли человека о политике не могут быть отделены от его религиозных и философских взглядов, его отношений с женой и семьей, от того, как человек зарабатывает себе на жизнь. Связи между разными группами идей тонки и трудны для анализа, но они существуют в связи с тем, что существует единство личности и общества, в котором человек живет, поэтому для объяснения взглядов человека необходимо обратиться к объяснению структуры общества, иначе мы исказим историю того общества, которое мы изучаем»⁴⁶⁷.

К. Хилл считал неуместной характеристику Английской революции середины XVII в. как пуританской революции, поскольку, по его мнению, религия не была решающей силой в том, что происходило в 1640—1660 гг. К. Хилл также не считал исчерпывающим объяснением концепцию «подъёма джентри» как движущей силы Английской революции. Следует, как полагал К. Хилл, проследить взаимодействие экономики и политики, а также высоких идеалов и экономических соображений, «которые могут оказаться низкими». По его мнению, не следует противопоставлять буржуазную и пуританскую составляющие Английской революции. Пуританизм, который охватывает собой более высокие идеалы, чем победа капитализма, всё же немислим без буржуазии, но и Английская революция не могла бы иметь ни малейшего успеха, если бы пуританизм не пробудил, не организовал и не дисциплинировал большие массы людей, которые знали, за что они сражаются. Как считал К. Хилл, в середине XVII в. в Англии пуританская и демократическая революции потерпели поражение, а победила буржуазная революция⁴⁶⁸.

К. Хилл проделал огромную работу и предпринял впечатляющий синтез фактов в изучении экономических процессов, происходивших в ходе английской Реформации. Влияние работы К. Хилла «Экономические проблемы церкви» (1956) на последующее изучение истории Реформации в Англии состояло в том, что после её появления понимание религиозно-

⁴⁶⁵ Calvin J. *The Institutes of the Christian Religion* / Transl. by H. Beveridge. — London, 1949. — Vol. II. — P. 477.

⁴⁶⁶ Hill C. *Economic Problems of the Church. From Archbishop Whitgift to the Long Parliament*. — Oxford, 1956. — P. 346.

⁴⁶⁷ Ibid. — P. 348.

⁴⁶⁸ Ibid. — P. 351—352.

политической истории Англии XVI—XVII вв. без учёта экономических причин и аспектов Реформации уже не могло быть удовлетворительным. Концепция К. Хилла в понимании Реформации по своим методологическим подходам фактически является марксистской, но это марксизм без его политико-идеологического эсхатологического компонента, проповедующего крушение капиталистического общества и возможность установления в земных условиях некоего социального идеала, и в этом случае, как представляется, в контексте методологических устремлений социальной истории возникало новое качество, марксистские по происхождению идеи и оценки демонстрировали познавательную продуктивность.

Интересны также высказывания К. Хилла о задачах исторического исследования на склоне жизненного пути. Рассуждая о задачах историка, К. Хилл писал, что существуют аналогии между интерпретационной задачей историка и описанием практики поэта. «Историк не должен оставаться на поверхности событий; его интересы не должны быть ограничены государственными бумагами, парламентскими дебатами, актами и ордонансами, решениями судей и местных властей и ещё меньше — битвами и любовными приключениями королей. Он должен «слушать» — осторожно и критически — баллады, пьесы, памфлеты, газеты, трактаты, «шёпоты людей», шифрованные дневники и частную корреспонденцию членов парламента, духовные автобиографии — любой источник, который может помочь получить ощущение того, как люди жили и каким образом их восприятия отличались от наших. Историки должны попытаться понять, почему даже самый демократический из реформаторов XVII в. явно никогда не думал о том, чтобы позволить участвовать в политической или профессиональной жизни страны 50 процентам её населения — женщинам. Да женщины, как видно, и не просили о таких вещах. Историк должен слушать алхимиков и астрологов не менее, чем епископов, и требования лондонских толп; и он или она должны попытаться понять мотивацию мятежников, был ли на них ярлык антикатолических мятежников, или анти-огораживателей, или просто мятежников, требовавших пищи. Значительная часть работы здесь была уже проделана, и не последнюю роль сыграли историки литературы и литературные критики, ещё не включенные в главный поток исторической науки. Хорошая — имажинативная — история сродни ретроспективной поэзии. Она — о жизни как она есть, а также о том, как мы можем восстановить ее»⁴⁶⁹.

В рамках социальной истории как направления появлялись также другие работы, в которых давалась общая оценка реформационного периода истории Англии с марксистских позиций, что нашло одно из своих выражений в исследовании У. Хоскинса⁴⁷⁰, посвящённом экономической жизни XVI в. Для оценки истории Англии этого времени У. Хоскинс привлек цитату из «Утопии» Томаса Мора, где говорится, что все так называемые государства на самом деле — это заговоры богачей, и таковой была исто-

⁴⁶⁹ Хилл К. Английская Библия и революция XVII века. — М., 1998. — С. 462—463.

⁴⁷⁰ Hoskins W.G. The Age of Plunder. — London, 1976.

рия Англии с 1066 г., так обстояло дело и в XX в., только «всё это тщательно оберегается от обсуждения в обществе»⁴⁷¹. Но в целом сторонники марксистской методологии исторического исследования в изучении английской Реформации не произвели на свет работ, подобных капитальному и разностороннему исследованию К. Хилла, которое побудило британских историков обратить гораздо большее внимание на экономические проблемы истории церкви Англии постреформационного периода, что проявилось в 1960—80-е гг.⁴⁷²

В 1970-е гг. набирали силы «новая экономическая история», «новая социальная история», которые расширяли исследовательское поле и переформулировали предмет исследования с целью изучения того, как социальный статус человека, его экономическое положение проявлялись в сфере сознания. В рамках социальной истории появились исследования по исторической демографии, и она стала самостоятельной предметной областью. Изучались также преступность, охота на ведьм, образование и грамотность, история детства и юношества, женщин. Как писал К. Райтсон, «появилась «новая социальная история», в которой была предпринята попытка исследовать исторический опыт жизни массы англичан, чтобы открыть их для себя как тех, кто принадлежал к особой, полной жизненных сил культуре и творил для себя свою историю»⁴⁷³.

Характеризуя 1980—90-е гг., П. Коллинсон отмечает, что развитие «новой социальной истории» привело к фрагментации и бифуркации (раздвоению) в исследовании этого периода. Экономическая и социальная история стала особой предметной областью, отдельно изучаемой и преподаваемой во многих университетах. В то же время история религии в XVI в., по словам П. Коллинсона, для удобства названная историей Реформации (и Контрреформации) в Англии, хотя она тесно связана с историей государства и изучением всего хода политического процесса в стране (так что Дж. Элтон и другие исследователи, занимавшиеся политической историей, должны были рассматривать и религиозную историю), всё же стала угрожать превратиться в особый предмет со своей литературой, просто по той причине, что эти проблемы интенсивно изу-

⁴⁷¹ *Ibid.* — P. 121.

⁴⁷² *Scarisbrick J.J.* Clerical Taxation in England 1485—1547 // *JEH.* — 1960. — Vol. XI. — P. 41—54; *Hembry P.* The Bishops of Bath and Wells, 1540—1640. — London, 1967; *Princes and Paupers in the English Church* / Ed. R. O'Day and F. Heal. — Leicester, 1981; *Heal F.* The Bishops and the Act of Exchange of 1559 // *Historical Journal.* — 1974. — Vol. XVII. — P. 227—246; *Idem.* The Tudors and Church Lands: Economic Problems of the Bishopric of Ely During the Sixteenth Century // *Economic History Review.* — 1973. — Vol. XXVI. — P. 198—217; *Idem.* Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate. — Cambridge, 1980; *Cross C.* The Economic Problems of the See of York: Decline and Recovery in the Sixteenth Century // *Land, Church and People* / Ed. J. Thirsk. — *Agricultural History Review Supplement.* — 1970. — P. 64—83; *Alexander G.* Victim or Spendthrift? The Bishop of London and his Income in the Sixteenth Century // *Wealth and Power in Tudor England: Essays Presented to S. T. Bindoff* / Ed. E. W. Eves, R.J. Knecht and J.J. Scarisbrick. — London, 1978. — P. 128—145; *O'Day R.* The English Clergy: The Emergence and Consolidation of a Profession, 1558—1642. — Leicester, 1979.

⁴⁷³ *Wrightson K.* English Society 1580—1680. — London, 1982. — P. 11—12.

чались буквально сотнями историков, если считать тех, кто рассматривал эти вопросы на материалах локальной истории⁴⁷⁴.

Если оценивать марксистский подход к изучению Реформации в современной британской историографии, то можно утверждать, что отрицать его познавательное значение невозможно, но для попыток комплексного понимания Реформации, как видно в результате знакомства со всеми направлениями в изучении Реформации в современной британской историографии, один лишь марксистский методологический подход, безусловно, недостаточен.

3.2.2. Культурно-антропологический подход к изучению религиозных верований в Англии в реформационный период в работах К. Томаса

К. Томас (р. 1933), член Британской Академии (с 1979 г.), является одним из самых значительных современных британских историков, который на основе методологических подходов социальной истории занимается изучением религиозных верований англичан в XVI—XVII вв., отношения к природе и восприятию прошлого в этот период⁴⁷⁵. Он показал в своих работах, что использование антропологических методов в изучении религиозности англичан раннего нового времени способно принести значительные исследовательские результаты.

Важнейшая работа К. Томаса в изучении религиозной ситуации в Англии XVI—XVII вв. — «Религия и упадок магии», впервые опубликованная в 1971 г. Как считает К. Томас, духовная культура в период между Реформацией и началом эпохи Просвещения в своем содержании обладала единством, а заметные изменения в интеллектуальной атмосфере в обществе начинаются около 1700 г., и одним из показателей этого является почти полное прекращение записей о ведовстве в материалах церковных судов, по крайней мере, снижается их подробность и информативность⁴⁷⁶.

К. Томас в своей работе опирался главным образом на английский материал, частично на валлийский, и не проводил параллелей с современными им Шотландией, Ирландией, европейским континентом. Даже в английском материале, как пишет К. Томас, он прошелся по «вершкам» и сгладил некоторые важные региональные различия. Источники по этой проблематике, как он считает, редко поддаются компьютерной обработке — в основном

⁴⁷⁴The Sixteenth Century 1485—1603 / Ed. by Patrick Collinson. — Oxford, 2002. — P. 8.

⁴⁷⁵Thomas K. Religion and the Decline of Magic. Studies in Popular Beliefs in Sixteenth — and Seventeenth Century England. — London, 1978; *Idem*. Rule and Misrule in the Schools of Early Modern England. — Reading, 1976; *Idem*. Age and Authority in Early Modern England. — London, 1976; *Idem*. Man and the Natural World. Changing Attitudes in England 1500—1800. — London, 1983; *Idem*. The Perception of the Past in Early Modern England: the Creighton Trust Lecture 1983, Delivered before the University of London on Monday 21 November 1983. — London, 1984.

⁴⁷⁶Thomas K. Religion and the Decline of Magic. Studies in Popular Beliefs in Sixteenth — and Seventeenth Century England. — London, 1978. — P. IX—X.

подсчёты возможны при использовании судебных материалов, но они ещё не опубликованы, разбросаны по разным видам источников, и К. Томас лишь выражает надежду на возможность их систематической квантификации. К. Томас пишет, что прибегал в исследовании к методу представлению примера того или иного исследуемого явления и противопоставляемого ему контрпримера, то есть фактически пользовался дескриптивным методом. По его словам, хотя компьютерщики считают, что такая методика — то же самое, что «пользование луком и стрелами в ядерный век», но К. Томас считает, что даже при опоре на компьютер сейчас пока нет подлинно научного метода для измерения тех изменений, которые происходили в мышлении людей прошлых поколений, и свои выводы он называет «предположительные обобщения». Но впечатления К. Томаса совпали, например, с выводами А. Макфарлейна в изучении ведовских процессов в графстве Эссекс, по которому сохранились значительные материалы⁴⁷⁷.

В качестве источников К. Томас использовал акты Тайного совета, рукописные материалы из Британского музея, Бодлианской библиотеки, реестры государственных документов (*Calendar of State Papers, Domestic Series*), епархиальные архивы из 11 епархий, находящиеся в архивах графств, акты Суда Высокой комиссии, визитационные статьи и предписания епископов периода Реформации, изданные У. Фрером и У. Кеннеди в 1910 г., некоторые английские трактаты о ведовстве конца XVI—XVII вв.⁴⁷⁸

К. Томас считает, что содержание народной религии было в XVI—XVII вв. в большей степени магическим, чем религиозным. Как писал об этом на материале Корнуолла эпохи Тюдоров А.Л. Роуз, это был «полусвет предрассудков и традиций»⁴⁷⁹. Известный представитель социальной истории Ч. Фитьян-Адамс в связи с этим писал даже о различиях между «народными верованиями» и «христианскими верованиями», и этот взгляд находил определенную поддержку у других историков⁴⁸⁰.

К. Томас обращает внимание на то, что в XVI—XVII вв. происходил несомненный рост уровня грамотности в английском обществе, но мировоззрение англичан рационализировалось медленно. Он отмечает, что в 1660 г. в Англии была одна классическая средняя школа (*grammar school*) на 4400 человек, и 2,5% молодых мужчин получали образование в университетах или юридических корпорациях — этот показатель был превзойден в стране только после первой мировой войны. В то же время в середине XVII в. примерно половина или даже две трети мужского населения были неграмотны⁴⁸¹.

⁴⁷⁷ *Macfarlane A. Witchcraft in Tudor and Stuart England.* — London, 1970.

⁴⁷⁸ *Thomas K. Religion and the Decline of Magic. Studies in Popular Beliefs in Sixteenth — and Seventeenth Century England.* — London, 1978. — P. XI.

⁴⁷⁹ *Rowse A.L. Tudor Cornwall.* — London, 1969. — P. 257.

⁴⁸⁰ *Phythian-Adams C. Local History and Folk-Lore: A New Framework.* — London, 1975. — P. 9; *Luxton I. The Reformation and Popular Culture // Church and Society in England: Henry VIII to James I.* Ed. F. Heal and R. O'Day. — London, 1977. — P. 57—77.

⁴⁸¹ *Stone L. The Educational Revolution in England, 1540—1640 // Past & Present.* — 1964. — № 28. — P. 68—69; *Idem. Literacy and Education in England, 1640—1900 // Past & Present.* — 1969. — № 42; *Schofield R.S. The Measurement of Literacy in Pre-Industrial England // Literacy in Traditional Societies / Ed. by I. Goody.* — Cambridge, 1968.

Существование религиозных верований и суеверий в XVI—XVII вв., как считает К. Томас, было связано во многом с тем, что они выполняли функцию объяснения и облегчения человеческих страданий, хотя при этом всё же нельзя сказать, что сами эти верования и предрассудки появились из-за опасностей в окружающей среде. Средняя продолжительность жизни мужчины в третьей четверти XVII в. составляла, как считают специалисты по исторической демографии, примерно 29,6 года, хотя данных для сплошных исследований недостаточно⁴⁸². Примерно один раз в 6 лет бывали серьезные неурожаи, к тому же иногда в неурожайные годы происходили эпидемии⁴⁸³. К. Томас отмечает, предприняв обзор состояния медицины в данный период, что люди в XVI—XVII вв. в общем чувствовали себя беспомощными перед болезнью, а также перед различными стихийными бедствиями⁴⁸⁴. Ещё одной особенностью ментального склада англичан в раннее новое время было то, что бедные в XVI—XVII вв. готовы были скорее употребить насилие для того, чтобы добыть себе пищу, чем воспринять идеи борьбы за радикальное переустройство общества с помощью насилия⁴⁸⁵.

Суевериям, как считает К. Томас, способствовало и то, что церковная доктрина признавала возможность сверхъестественных явлений, но давала при этом подобным явлениям свою санкцию, в конечном счёте только этим и отличая церковные чудеса от тех, которые были вызваны магическим путем. Магические аспекты церковных функций часто были неотделимы от благочестивых, и этих различий не видели многие приходские священники⁴⁸⁶.

Протестанты всячески подчеркивали различие между магией и религией, очищенной от католических искажений. Особенно активно церковь Англии начала пресекать магизм в богослужебных ритуалах с 1547 г., и в течение XVI в. этот процесс продолжался⁴⁸⁷. Церковь Англии отказалась от экзорцизма. В учении англиканской церкви противоречиво решался вопрос о судьбе младенцев, которые умерли до крещения. Большинство английских богословов времени правления королевы Елизаветы отрицали, что, согласно доктрине, защищавшейся Тридентским собором, крещение абсолютно необходимо для спасения, но всё же рассматривали крещение как формально необходимое, так что некоторые духовные лица защищали необходимость срочного крещения младенца в случае опасности для его жизни. Пуритане отрицали, что вода из купели имеет магические свойства, возражали использованию крестного знамения при крещении, им не нравилась необходимость иметь крестных. Пресвитерианское

⁴⁸² Thomas K. Religion and the Decline of Magic. Studies in Popular Beliefs in Sixteenth — and Seventeenth Century England. — London, 1978. — P. 5—6.

⁴⁸³ Hoskins W.G. Harvest Fluctuations and English Economic History, 1480—1619 // Agricultural History Review. — 1964. — Vol. XII; *Idem*. Harvest Fluctuations and English Economic History, 1620—1759 // Agricultural History Review. — 1968. — Vol. XVI.

⁴⁸⁴ Thomas K. Religion and the Decline of Magic. Studies in Popular Beliefs in Sixteenth — and Seventeenth Century England. — London, 1978. — P. 8—19.

⁴⁸⁵ *Ibid.* — P. 20.

⁴⁸⁶ *Ibid.* — P. 31—7.

⁴⁸⁷ *Ibid.* — P. 58—61.

«Руководство к публичному богослужению» (1644) не упоминало об использовании крестного знамения, и купель теперь было не обязательно ставить на определенное место у входа в церковь, а священники теперь не должны были публично утверждать, что умершие без крещения младенцы осуждены⁴⁸⁸. Конфирмация в англиканской церкви стала толковаться как имеющая значение в качестве начала катехизации — обряд стали проводить в возрасте примерно 14 лет⁴⁸⁹. В елизаветинский молитвенник также не вошёл обряд освящения церковей и алтарей, но в конце XVI в. этот обряд стал возвращаться, а затем при Лоде его стали особенно активно возрождать, так что в итоге его приняли умеренные англикане⁴⁹⁰. Сепаратисты, появившиеся как церковное течение во второй половине 1560-х гг., всячески выражали презрение каким-либо освященным местам, самим церковным зданиям, и то же самое было характерно для сект времен революции⁴⁹¹. В англиканской церкви, несмотря на протесты пуритан, так и остался обряд очищения и воцерковления женщин после родов, но при этом после Реставрации перестали читать 121 псалом и не настаивали на обязательности прохождения этого обряда для женщин. Протестанты отрицали магическую функцию и магические возможности молитвы⁴⁹².

Запрещены были религиозные процессии и шествия, ранее традиционно совершавшиеся в случае каких-либо трудностей и бед в общественной жизни. Такие коллективные ритуалы подрывались также ростом социальных различий в приходе, разрушением системы открытых полей в результате огораживаний. Упадок корпоративных чувств в приходе проявлялся и в том, что состоятельные прихожане не хотели больше оплачивать угощения в такие дни, и платить за неимущих. Но лодианские епископы в предреволюционные десятилетия старались поддерживать традиции приходских праздников, которых сохранились в некоторых приходах до XIX в.⁴⁹³

Были также распущены религиозные братства. Ежегодные празднования тех дней, в честь которых была названа приходская церковь, были перенесены на первое воскресенье октября, а все другие храмовые праздники запрещены. Руководство церкви в начале XVII в. разрешало игры у майского шеста, питье пива в Троицу, танцы в костюмах героев легенды о Робин Гуде, а пуритане считали необходимым отменить все дни святых, майские шесты, танцы по воскресеньям, выступали против хождения волынщиков и скрипачей в свадебной процессии, против бросания на брачную пару зерна, возражали также звону колокола на похоронах и ношению траура, раздаче милостыни бедным, отвергали подарки на Новый год. Во время существования республики и протектората в Оксфорде

⁴⁸⁸Ibid. — P. 63.

⁴⁸⁹Ollard S.L. Confirmation in the Anglican Communion // Confirmation and the Laying on of Hands, by Various Writers. — London, 1926. — Vol. I. — P. 60—245.

⁴⁹⁰Legg J.W. English Orders for Consecrating Churches in the Seventeenth Century. Introduction. — Henry Bradshaw Society, 1911.

⁴⁹¹Thomas K. Religion and the Decline of Magic. Studies in Popular Beliefs in Sixteenth and Seventeenth Century England. — London, 1978. — P. 66.

⁴⁹²Ibid. — P. 69—70.

⁴⁹³Ibid. — P. 71—74.

не проводилась церемония приёма новичков в студенты. В 1644 г. Вестминстерская ассамблея даже оспаривала возведение в рыцарство, считая его суеверием. Пить за здоровье считалось языческим обычаем, и пуритане отказывались пить даже за короля, заявляя, что лучше помолиться за него. Протестанты отвергали клятвы со ссылкой на святых и на священные предметы, не отвергая формулировки «Клянусь Богом», и делая акцент на то, что человек в силу чувства ответственности и так должен выполнять обещание, если его дал, без всяких клятв. В XVI—XVII вв. современники жаловались на участвовавшие клятвопреступления, но против этого не было адекватных светских санкций. В деловой среде клятва стала постепенно заменяться обещанием, которое старались соблюдать по экономическим причинам, а не из-за наказания высших сил⁴⁹⁴.

У радикальных протестантов появилось также предубеждение против формализованных текстов молитв, что изначально отличало анабаптистов. Стало также оспариваться и формальное священство, так что впоследствии квакеры стали обходиться без священников. Дж. Уинстенли писал о том, что за то, что кто-то называет себя профессиональным священником, такого человека надо казнить как колдуна⁴⁹⁵.

В то же время среди протестантов полностью не исчезло мнение, что мощи святых защищают от злых сил, сохранялась вера в святую воду, помазание, в целительную силу хлеба для причастия, в особые свойства денег, собранных во время церковной службы, и в защищающую силу Библии. Вера в чудесные излечения и избавления процветала среди английских католиков, и католическое священство продолжало поддерживать народную веру в чудеса⁴⁹⁶.

В протестантском мировоззрении, отмечает К. Томас, был силен провиденциализм. Согласно протестантскому пониманию мироздания, Божественное всемогущество проявлялось в ежедневных происшествиях, и мир ежедневно представлял свидетельства целенаправленного действия Бога. В целом в массовом сознании и во взглядах духовенства сохранялось мнение о связи болезни с грехом, о связи между моральным обликом человека и его преуспеянием в этом мире. В сектантской среде стали возникать также проявления рационализма — протестантская секта «Семья любви» объясняла все беды внешними причинами, а не Божественным гневом⁴⁹⁷.

Под влиянием труда протестантского историка Джона Фокса «Деяния и памятники английской церкви» в XVI—XVII вв. в английском историописании разрабатывалась идея об англичанах как избранном народе, подхваченная и в Новой Англии⁴⁹⁸. Пуритане настаивали, что если в стране не произойдет исправление нравов, последуют Божьи наказания, как уже, по

⁴⁹⁴ Ibid. — P. 75—77.

⁴⁹⁵ Ibid. — P. 79; *The Works of Gerard Winstanley* / Ed. G.H. Sabine. — N.Y., 1941. — P. 597.

⁴⁹⁶ Ibid. — P. 81—83.

⁴⁹⁷ Ibid. — P. 90—91, 99—100.

⁴⁹⁸ *Haller W. Foxe's Book of Martyrs and the Elect Nation.* — London, 1963; *Fussner F.S. The Historical Revolution.* — London, 1962. — Ch. 7; *Levy F.J. Tudor Historical Thought.* — San Marino (California), 1967; *Fixler M. Milton and the Kingdoms of God.* — London, 1964. — P. 38.

их мнению, бывало в недавнем прошлом: как наказания за преследования лоллардов в XV в. преподносились поражение Англии в Столетней войне, истребительная братоубийственная война Алой и Белой роз. В пуританской среде распространилась мода на ведение дневников, происходившая из желания зафиксировать примечательные события в жизни и неудачи, выпадавшие на долю человека, для анализа отношения Бога к себе, для анализа поведения и жизни других и того, какое они получили воздаяние. У пуритан было ощущение, что Бог постоянно занимается их жизнью и судьбой, и это можно даже считать характерной чертой пуританизма⁴⁹⁹.

В последние годы правления Елизаветы распространилось поверье, что те, кто так или иначе приобрёл монастырские земли в результате секуляризации, вымрут за три поколения. Все это восходило также к средневековым поверьям о том, что имущество, посвящённое ранее церкви, не принесёт пользы новому владельцу. Это мнение о несчастливой судьбе владельцев монастырских земель в первой половине XVII в. активно распространял Генри Спелмен в работе «История и судьба святотатства» (Spelman H. *The History and Fate of Sacrilege*). Автор сам испытал несчастья от владения двумя монастырскими поместьями в Норфолке. У него был продолжателем — священник Джереми Стивенс, проанализировавший судьбу владельцев всех бывших монастырских поместий в Норфолке в радиусе 12 миль от имения Рауэм (Rougham), и выходило, что за 100 лет монастырская земля поменяла от трёх до шести владельцев, и не только из-за обычной продажи, но также очень часто в связи с различными несчастьями. В 1895 г. даже вышло четвертое издание книги Спелмена с дальнейшими результатами исследований его продолжателей — двух англиканских священников Дж. Нила и Дж. Хасколлы, которые выявили, что из 630 семей, владельцев монастырских земель в XIX в. более 600 семей поплатились за это различными несчастьями. Работа, подобная Спелмену с теми же выводами на материале Стаффордшира была проделана сэром Саймоном Деггом в работе «Наблюдения за владельцами монастырской земли в Стаффордшире» (*Observations upon the Possessors of Monastery-Lands in Staffordshire*), написанной в 1669 г., но опубликованной только в 1717 г. Такие мнения были распространены среди историков-антикваров.

Подобные исторические изыскания не одобрялись знатью и джентри, хотя ранее такого же мнения о судьбах владельцев бывших монастырских земель придерживались епископы конца XVI—начала XVII в. Джон Уитгифт, Ланселот Эндрюс и ещё многие среди ведущих богословов и деятелей англиканской церкви. В первые двадцать лет после диссолюции было также казнено по обвинению в государственной измене много пэров, что тоже виделось наказанием за Реформацию. Некоторые современники объясняли несчастья владельцев бывших монастырских земель также особенностями переживаемого времени — небывалой ранее активностью в операциях с недвижимостью в постреформационный период. Тем не менее,

⁴⁹⁹ Thomas K. *Religion and the Decline of Magic. Studies in Popular Beliefs in Sixteenth — and Seventeenth Century England.* — London, 1978. — P. 106—110.

известно, что предупреждали своих детей не покупать церковные земли многие известные государственные деятели XVI—XVII вв. — Уильям Сесиль, Томас Уэнтворт — граф Страффорд, Эдвард Гайд — граф Кларендон, генерал Джордж Монк. Потомство Генриха VIII оказалось бездетным, как думали современники, в качестве наказания за проведение в Англии Реформации⁵⁰⁰. Церковь также неодобрительно относилась к нахождению в светских руках прав на взимание десятины (*impropriations*), считая, что их до Реформации захватили монахи, а теперь они должны быть возвращены церкви. Но большинство английских протестантов, видимо, пытались подавить в себе эти рассуждения, так что у большинства англичан, как считает К. Томас, сомнения на этот счёт были преодолены⁵⁰¹.

После середины XVII в. упоминание о божественном предопределении стало выходить из моды, и современники стали всё более склонными к тому, чтобы искать естественные причины событий, что стало отличать все религиозные направления этого времени. Относительно больше других о действиях провидения и наказании своих преследователей рассуждали квакеры. В результате к XVIII в., отмечает К. Томас, протестантские моралисты больше писали о мучениях беспокойной совести у грешников, чем об их наказании свыше⁵⁰².

Несмотря на отстаивание церковью доктрины предопределения и провидения, массовое сознание в XVI—XVII веках, отмечает К. Томас, вполне воспринимало также идею о случайности происходивших событий. В XVI в., как пишет К. Томас, в Англии стало усиливаться влияние нуклеарной семьи, в ребёнке стало насаждаться сильное чувство личной ответственности, и такому воспитанию соответствовала идея о том, что происходящее с человеком является результатом его личной вины. Поклонение случаю, фортуне постепенно становилось уделом неуспешных представителей социальных низов⁵⁰³.

Протестанты не соглашались с католиками в том, что способность совершать чудеса является необходимым признаком истинной церкви⁵⁰⁴. Церковь осуждала практику своеобразных гаданий по Библии, когда человек молился о помощи в преодолении его затруднений, а потом открывал Библию и читал тот стих, на который упал его взгляд с надеждой преодолеть свои затруднения. Несмотря на осуждение этой практики церковью, известно, что к ней в эпоху Реформации по-прежнему прибегали, а в среде образованных лиц это было прямо-таки установившейся практикой. В XVI—XVII вв. богословы размышляли также о том, как пользоваться жребием. Как считал пуританин Уильям Перкинс, бросание жребия должно было быть торжественным и нечастым. Пуритане считали, что жребий следует бросать только тогда, когда действительно не просматривалось иного способа решения вопроса или спора, но в целом,

⁵⁰⁰ Ibid. — P. 116—118.

⁵⁰¹ Ibid. — P. 118—121.

⁵⁰² Ibid. — P. 127—128.

⁵⁰³ Ibid. — P. 130.

⁵⁰⁴ Ibid. — P. 146—147.

считали пуритане, следует избегать игр, связанных с удачей, жребием, случайностью. В начале XVII в. появилась работа пуританина Томаса Гейтейкера, в которой утверждалось, что жребии не являются действием божественного провидения, и они не более провиденциальны, чем другие происходящие события (Gataker Th. «Of the Nature and Use of Lots» (1619, вт. изд. 1627). С точки зрения Гейтейкера, становились приемлемыми жребии, лотереи, азартные игры, а утверждения о божественности жребия он считал абсурдными. Но подобные взгляды утверждались медленно, особенно у пуритан в Новой Англии⁵⁰⁵.

Современники Реформации также не отвергали напрочь возможность религиозных пророчеств. В то же время, как отмечает К. Томас, обращает на себя внимание то, что в начале XVII в. в Англии прекратились сожжения за ересь. В 1612 г. последним англичанином, сожженным за ересь, стал Эдвард Уайтмен, анабаптист и арианин⁵⁰⁶. Среди претендентов в пророки в XVI—XVII вв. встречались и женщины, причем их большое количество в этой роли даже обращало на себя внимание. К. Томас объясняет это пониженным положением женщины в эту эпоху, поскольку даже принадлежавшие к социальным верхам женщины не могли претендовать на какое-либо мнение в государственных делах, в жизни церкви, университетов, а на интересовавшихся общественными проблемами женщин, имевших свою точку зрения, смотрели как на аномалию, и женщины порой были вынуждены защищать свое право голоса эксцентричным поведением.

К. Томас отмечает, что иногда таким методом пользовались и мужчины, преподнося политически опасные суждения не как личные мнения, а в качестве видений и откровений. Даже выходец из социальных низов мог таким путем привлечь к себе внимание, хотя бы временно, и перед гораздо большей аудиторией, чем он смог бы собрать своими здравыми рассуждениями. Пророчество рассматривалось как нечто, превосходящее обычный порядок вещей, и опровергнуть пророчество при существовавшем тогда менталитете можно было фактически только выдвижением контрпророчества. Под предлогом того, что кто-то действует под влиянием пророчества, вдохновения свыше, можно было активнее и энергичнее атаковать оппонента: «если Христос заповедал поступать определенным образом, значит, противник таких действий — Антихрист, Вавилонская блудница, Зверь из Апокалипсиса, которые должны быть уничтожены». Это открывало грандиозные ресурсы в политической риторике. Выходцы из социальных низов могли приобрести уверенность, динамизм в своих действиях от мнения, что Бог на их стороне. Это вызывало негодование у людей состоятельных, когда сборище, в их глазах, «неграмотных мужчин и глупых женщин претендовало на знание того, на что не могли надеяться самые глубокие богословы или авторитетные политики». И в основе всего этого, с точки зрения представителей имущих классов, лежало стремление нуждающихся людей все обобществить в имущественных делах. Значение пророчеств и видений

⁵⁰⁵ Ibid. — P. 139, 143—144.

⁵⁰⁶ Ibid. — P. 152—155, 160.

возрастало в беспокойные годы. Сделав Св. Писание общедоступным, Реформация увеличила внимание читателей к Книге пророка Даниила, Откровению Иоанна Богослова. В XVI в. в Англии сохранялось средневековое мнение о том, что мир очень стар и его конец очень близок. Богословы считали неуместным вычислять конкретную дату конца мира, но попытки всё же предпринимались, и считалось также, что о конце мира возвестит серия каких-то знаменательных и символических событий⁵⁰⁷.

К концу XVII в. отношение к милленаристским ожиданиям в английском обществе изменилось. Как пишет К. Томас, когда в 1694 г. претендент на роль пророка Илии Джон Мейсон, ректор прихода в Уотер Стрэтфорде, графство Бакингемшир, собрал группу последователей для ожидания наступления тысячелетнего царства Христа, то местные жители просто потешались над ними. Стало утверждаться мнение, что пророчества и видения могут быть связаны с душевными болезнями. В рассмотрении жизни сект наблюдатели указывали, что может существовать связь между соблюдением постов, аскетическим образом жизни сектантов и их готовностью к пророчествам и видениям⁵⁰⁸. К XVIII в. прекратилось исследование причин, побуждавших пророков к высказываниям, и сам факт пророчества стал априорно рассматриваться как не заслуживающий внимания⁵⁰⁹.

К. Томас также отмечает, что в протестантской культуре сохраняла важное место молитва, выполнявшая функции поддержания моральных стандартов, социального сплочения, когда, например, организовывались коллективные молитвы для прекращения чумы, которые сдерживали панику и беспорядок. В такой молитве реальное избавление от опасности и возможность его достижения даже и не выходили уже на первый план, и ритуал выполнял определенную социальную функцию: помогал людям сосредоточиться, критически оценить ситуацию, уменьшить чувство беспомощности, морально укрепиться. Коллективные религиозные ритуалы способны были снизить социальную напряжённость и ослабить расхождение интересов различных социальных групп, но, отмечает К. Томас, могли также и отвлечь внимание от причин общественных проблем⁵¹⁰. Катехизация и проповеди играли, как считает К. Томас, очень серьёзную роль в становлении любого члена английского общества в XVI—XVII вв. — это было средство социализации, без которого не мыслилась общественная жизнь. Духовные лица играли решающую роль в цензуре печати, лицензировании школьных учителей, врачей, в руководстве университетами. Приход был нижней административной единицей в стране и использовался светской властью в различных функциях⁵¹¹. В сектантской среде община тоже выполняла функ-

⁵⁰⁷ Ibid. — P. 165, 167.

⁵⁰⁸ Hill C. Intellectual Origins of the English Revolution. — Oxford, 1965. — P. 121; *Idem*. Puritanism and Revolution. Studies in the Interpretation of the English Revolution of the 17th Century. — London., 1958. — P. 335.

⁵⁰⁹ Thomas K. Religion and the Decline of Magic. Studies in Popular Beliefs in Sixteenth and Seventeenth Century England. — London, 1978. — P. 170—172.

⁵¹⁰ Ibid. — P. 174—175.

⁵¹¹ Ibid. — P. 180—181.

цию социального контроля. Секты диссентеров тщательно контролировали жизнь своих членов и превосходили в этом англиканскую церковь⁵¹².

Как отмечали исследователи, в католических странах, по сравнению с протестантскими, было меньше судебных дел и сутяжничества, так как католические священники активно действовали среди прихожан как арбитры⁵¹³, хотя к роли арбитров стремились и протестантские священники, в том числе пуритане⁵¹⁴. Особенно много споров духовенство улаживало во время гражданской войны, так что юристы даже опасались за свою профессиональную занятость⁵¹⁵.

Вместо отменённой исповеди протестантские священники стали публиковать сборники моральных наставлений (*cases of conscience*) для образованных читателей. В случаях духовных трудностей священники рекомендовали ведение дневника, обращение к молитве, написанию автобиографии, но большинство людей были лишены возможности получить совет личного характера⁵¹⁶. Люди по-прежнему нуждались в духовном руководстве, в инстанциях, которые поддерживали бы моральные стандарты в обществе, как можно заключить по ряду признаков — например, специалисты по исторической демографии предполагают, что в Англии XVII в. было больше внебрачных детей и добрачных беременностей, чем в католической Франции⁵¹⁷. В частном порядке некоторые священники заставляли прихожан совершать покаяния, хотя на это не было никаких предписаний и такие наказания не налагали церковные суды. Сторонников Лода обвиняли в намерении возродить практику устной исповеди⁵¹⁸.

Как считает К. Томас, официальная религия никогда не охватывала население страны достаточно глубоко и эффективно: некоторые были просто внерелигиозны, многие ходили в церковь неохотно, некоторым вообще удавалось не ходить ни в какую церковь, и часть населения страны в течение всей своей жизни не усваивала элементарное содержание христианских догм. Степень посещения церкви в XVI—XVII вв. вообще оценить трудно: списки тех, кто ежегодно принимал причастие на Пасху, сохранились очень фрагментарно. Исследователи пишут, что к концу XVII в. в католической Франции 99% населения отмечали Пасху и участвовали в службах: церковь эпохи Контрреформации достигла в этом очень значительных результатов. В Англии же не было чего-либо подобного⁵¹⁹.

⁵¹² *Ibid.* — P. 181—182.

⁵¹³ *Meyer A.O.* England and the Catholic Church under Elizabeth / Transl. J.R. McKee. — London, 1916. — P. 209.

⁵¹⁴ *Clarke S.* The Lives of Sundry Eminent Persons. — London, 1683. — Vol. I. — P. 175. — Vol. II. — P. 120—121.

⁵¹⁵ *Thomas K.* Religion and the Decline of Magic. Studies in Popular Beliefs in Sixteenth — and Seventeenth Century England. — London, 1978. — P. 182.

⁵¹⁶ *Wood T.* English Casuistical Divinity during the Seventeenth Century. — London, 1952; *Mosse G.L.* The Holy Pretence. — Oxford, 1957; *Kelly K.* Conscience: Dictator or Guide? — London, 1967.

⁵¹⁷ *Laslett P.* The World We Have Lost. — London, 1965. — P. 134, 140.

⁵¹⁸ *Thomas K.* Religion and the Decline of Magic. Studies in Popular Beliefs in Sixteenth — and Seventeenth Century England. — London, 1978. — P. 187.

⁵¹⁹ *Ibid.* — P. 187.

Размеры церквей стали отставать от количества прихожан в приходе, и некоторые церковные здания уже не вместили бы и половины всех прихожан, если бы они вдруг все туда явились⁵²⁰. Бедняки не посещали церковь из-за безразличия, враждебного отношения к церкви, или по каким-либо другим причинам, вплоть до отсутствия подходящей одежды, а некоторых бедняков боялись пускать в церковь по санитарным причинам. Состоятельные лица тоже, бывало, не приходили на службы, объясняя это разными причинами: болезнь, загруженность работой, опасения быть арестованными за неуплаченный пока что долг. И бедных, и богатых отлучали от церкви, так что в начале XVII в. в некоторых епархиях число отлучённых, как считают, доходило до 15% прихожан. Некоторых прихожан угнетали проповеди священников собственного сочинения, но это касалось в основном необразованных. Пуритане считали, что представители социальных низов — самые большие враги истинной религии. Многие священники к тому же, чтобы обратить на себя внимание, усложняли свои проповеди, в то время как среди их слушателей многие не могли оценить уровень образованности проповедника⁵²¹. Религиозная ситуация в приходе зависела от рвения священника, экономических занятий прихожан, наличия школы, взглядов местного джентри. Религиозная неграмотность была наибольшей в менее экономически развитых, отдалённых районах страны. Сначала протестанты объясняли религиозное невежество низов наследием, оставленным папством; затем — нехваткой образованных священников, способных к самостоятельной проповеди; далее же стало складываться мнение, что существование религиозного невежества — это просто данность, факт жизни, поскольку эта проблема так никуда и не исчезала⁵²².

Как считает К. Томас, в английском обществе эпохи Реформации прослеживается также существование скептицизма как мировоззренческой позиции. О скептицизме в XVI—XVII вв. можно говорить применительно к небольшой группе интеллектуалов-аристократов, на которых повлияли античная философия, аверроизм падуанской школы, в результате чего в Англии появились носители мировоззрения, похожего на деизм, которые отрицали бессмертие души, существование рая и ада, а иногда даже и Божественную природу Иисуса Христа. Вряд ли многие из них были атеистами в строгом смысле слова. Они подражали итальянским гуманистам, французским либертинам, были среди них и своего рода макиавеллисты, считавшие религию полезной по практическим причинам. В XV в. многие скептические верования церковные суды ошибочно расценили как влияние лоллардизма. В материалах церковных судов, как видно, часто осуждались прищельцы, которые не были местными уроженцами и, видимо, не прижились в новой местности. В последующее время таких людей обвиняли также в ведовстве, но выявить какие-либо количественные характеристики распространённости таких явлений трудно⁵²³.

⁵²⁰ Brett-James N.G. *The Growth of Stuart London*. — London, 1935. — P. 201.

⁵²¹ Thomas K. *Religion and the Decline of Magic. Studies in Popular Beliefs in Sixteenth and Seventeenth Century England*. — London, 1978. — P. 190—193.

⁵²² Ibid. — P. 195—196.

⁵²³ Ibid. — P. 198—200.

Рационализация мировоззрения особенно активно происходила в протестантских сектах. В сектах середины XVII в. понятия рая и ада стали превращаться в обозначения внутреннего духовного состояния человека. В 1548—1612 гг. по крайней мере 8 человек были сожжены в Англии за анти-тринитарные взгляды⁵²⁴. Только в 1677 г. наказание за ересь было изменено: вместо сожжения это было теперь лишь отлучение от церкви. Ко времени правления Карла II, как полагал ряд современников, многие в Англии не верили в бессмертие души, особенно в социальных низах. Рост скептицизма в английском обществе, считает К. Томас, мало исследовался историками⁵²⁵.

Как полагает К. Томас, не следует романтизировать средние века и преувеличивать единство мировоззрения людей той эпохи, к чему склонны не исторически мыслящие социологи «вроде Э. Дюркгейма». У историков просто недостаточно данных, чтобы уверенно рассуждать о том, в какой степени религиозная вера и сопутствовавшие ей практики стали приходить в упадок в новое время. Возможно, социальные изменения увеличили количество скептиков в XVI—XVII вв., но во все времена, по мнению К. Томаса, влияние официальной религии не было таким полным, чтобы не оставить во сознании людей места другим формам верований⁵²⁶.

Религия в общественной жизни в XVI—XVII вв. имела многостороннее влияние. Тем не менее, полагает К. Томас, она не имела монополии в духовной жизни народа, и в некоторых ситуациях с религией могла конкурировать магия. В оценке соотношения религии и магии К. Томас следует позиции Б. Малиновского: «Религия относится к фундаментальным вопросам человеческого существования, а магия всегда обращается к специфическим и конкретным человеческим проблемам»⁵²⁷. Магия в народной культуре в Англии выполняла ограниченные функции и была лишь средством преодоления специфических трудностей: защищала от ведовства, предлагала средства от болезней, краж, несчастий в межличностных отношениях, при этом никогда не предлагая всеобъемлющего мировоззрения, объяснения человеческой природы или обещаний будущей жизни в другом мире. Только для небольшого количества интеллектуалов-магов магия представлялась возможным ключом к существованию в этом мире. Маги утверждали, вразрез с реформационными идеями, что сверхъестественные силы можно определенными манипуляциями заставить воздействовать на земные дела. К магам обращались те, кто плохо понимал протестантскую идею о том, человек может помочь себе лишь только личной верой и молитвой⁵²⁸.

Среди протестантов, отвергавших магию, были те, кто считал её совершенно неэффективной, и те, кто всё же полагал, что она может на-

⁵²⁴ MacLachan H.J. *Socinianism in Seventeenth Century England*. — Oxford, 1951.

⁵²⁵ Thomas K. *Religion and the Decline of Magic. Studies in Popular Beliefs in Sixteenth — and Seventeenth Century England*. — London, 1978. — P. 204.

⁵²⁶ Ibid. — P. 205—206.

⁵²⁷ Malinowski B. *A Scientific Theory of Culture and Other Essays*. — Chapel Hill, 1944. — P. 200.

⁵²⁸ Thomas K. *Religion and the Decline of Magic. Studies in Popular Beliefs in Sixteenth and Seventeenth Century England*. — London, 1978. — P. 761—764.

носить вред и в ней действует дьявол, стремящийся захватить душу колдуна и его пациента. Протестанты осуждали и черную, и белую магию, и последнюю считали даже более вредной, так как добрый колдун из благих побуждений всё же прибегал к помощи антихристианских сил. Но тех, кто практиковал белую магию, церковные суды на практике не осуждали столь же сурово. Светское право в статутах Тюдоров против ведовства предписывало жёсткие наказания за колдовство и магию, но только в том случае, если колдуны принесли своей деятельностью видимый физический вред. Магические практики в народной среде обычно трактовались церковными судами как прегрешения морального характера, не отличавшиеся чем-то особенно дьявольским, если речь шла о лечении, заговорах. Как считает К. Томас, степень радикальности того или иного английского протестанта можно оценивать, судя по резкости его выступлений против ведовства — активнее всего ведовство осуждали пуритане. Он не видит признаков того, что отношение англиканской церкви к колдовству накануне гражданской войны заметно отличалось от позиции церкви в этой сфере до Реформации. После реставрации Стюартов англиканская церковь стала терять интерес к выявлению и преследованию магов, хотя спорадически такое случалось до начала XVIII в.⁵²⁹

Как пишет К. Томас, до тех пор, пока записи церковных судов остаются в основном неопубликованными, эффективность действий церкви против магии в достаточной степени оценить невозможно. В разных епархиях степень активности священников и церковных старост в преследовании магов и в сотрудничестве с церковными судами была разной. Именно от того, как относились к магам в приходе, зависело, предстанут ли они перед судом. В течение XVII в. упоминания о магах в документах прихода становятся все более редкими. Теперь церковных старост интересовали больше не духовные прегрешения как таковые, а проступки, которые влекли за собой дополнительные трудности и расходы, особенно появление внебрачных детей. В приходе, как правило, если влиятельные прихожане сами пользовались услугами какой-нибудь целительницы, они могла избежать представления в церковный суд, а если такая целительница не ладила с прихожанами, возрастала и вероятность её осуждения. Некоторых лиц в приходе церковные старосты опасались представлять в церковные суды по причине их влиятельности. Если же колдун попадал в руки церковного суда, его дальнейшая судьба тоже зависела от его отношений с соседями, жителями своего прихода. В случае, если колдун отвергал обвинения, от него требовали привести 4—8 свидетелей его невиновности, а это зависело от отношений с соседями. Суд, бывало, происходил далеко от места жительства обвиняемого, так что для привода свидетелей бывали нужны ещё и средства. К. Томас приводит данные за 1567—1640 гг. по Йоркской епархии: за это время здесь рассматривалось 117 случаев колдовства, но обвинение было вынесено лишь в 25 случаях. Наказания в церковных судах были сравнительно легкими, так как после Реформации церковные суды не присуждали к телесным наказаниям в

⁵²⁹ Ibid. — P. 305—307, 309.

виде порки, как это бывало ранее — исследователи находят только исключительные случаи на этот счет⁵³⁰. Наказаниями в церковных судах были большое или малое отлучение от церкви, покаяние. Отлучали только упорствовавших, а остальные должны были покаяться, обычно во время церковной службы при тех, кто на ней присутствовал, или же на рынке в ближайшем городе. В тесно связанном знакомствами традиционном обществе моральный эффект такого наказания, считает К. Томас, был чувствительнее, чем в современном анонимном обществе, но колдун таким образом получал «возможность бесплатной рекламы своей личности» и после этой процедуры фактически, полагает британский историк, мог возобновить свою деятельность с расширившейся клиентурой. Многие колдуны вообще стали избегать явки в церковные суды, и нет свидетельств того, что через 40 дней, как этого требовало законодательство, светские власти заключали их в тюрьму. Как считает К. Томас, духовенство, к тому же, фактически воспринимало колдунов как конкурентов. В ментальности простого человека в XVI в. возникало что-то вроде мнения о том, что, если до Реформации можно было обращаться за помощью к святым, теперь же приходилось обращаться за помощью к колдунам, особенно к тем, которые практиковали белую магию⁵³¹.

Католическая церковь периода Контрреформации безосновательно пыталась связать подъем магии с развитием протестантизма. В постреформационный период в Англию проникли неоплатонические влияния, принесшие с собой интерес к магии, и этим же отличалась идеология эпохи Возрождения, так что сохранение магии в этом отношении не было лишь пережитком католического прошлого⁵³².

В XVI—XVII вв., как показал, К. Томас, в английском обществе переживала период расцвета астрология, хотя религия и астрология предлагали противоречившие друг другу объяснения одних и тех же явлений: в то время как христианство рассматривало бури, голод, стихийные бедствия как проявления действия тайных божественных целей, астролог подчинял эти природные явления влиянию движения небесных тел, претендовал на то, что их предсказание подвластно его искусству, а это было угрозой христианским догмам⁵³³. В тексте Библии были неблагоприятные для астрологии строки в Книге пророка Исаии 47:13—15, где без сочувствия упоминаются вавилонские «наблюдатели небес, звездочеты и предвещатели по новолуниям». Но в противовес этому можно было сослаться на строки из Книги Бытия 1:14, где говорилось о «светилах на тверди небесной для знамений», на пример того, что звезда на востоке вела волхвов в Вифлеем, так что при желании можно было с христианской точки зрения найти обоснования астрологических занятий⁵³⁴.

⁵³⁰ Tyler P. The Church Courts at York and Witchcraft Prosecutions, 1567—1640 // Northern History. — 1969. — Vol. IV.

⁵³¹ Thomas K. Religion and the Decline of Magic: Studies in Popular Beliefs in Sixteenth and Seventeenth Century England. — London, 1978. — P. 312—316.

⁵³² Ibid. — P. 325.

⁵³³ Ibid. — P. 425.

⁵³⁴ Ibid. — P. 427.

Астрологию активнее всего осуждали крайние пуритане, и они вместе с ней осуждали также достижения языческой науки и арабов. Основной причиной нападков богословов на астрологию было убеждение в том, что астрологи проповедают астральный детерминизм, несовместимый с христианскими убеждениями о существовании свободной воли. Средневековая церковь соглашалась признать влияние небес на климат, физиологию растений, считала астрологию полезной для сельского хозяйства, медицины, но считала нетерпимыми предсказания, относившиеся к жизни личности и общества, так как это разрушало понятие о свободе воли: звезды могли влиять на тело, как признавали богословы, но не могли затронуть душу. В связи с этим К. Томас высказывает мнение, что протестантизм редко когда составлял препятствие для развития естественных наук, но гораздо сильнее сопротивлялся научному изучению человеческого поведения, хотя астрологи признавали, что их прогнозы являются лишь условными догадками, указывают только тенденцию, и клиент астролога только осознавал, какие возможности для него приоткрываются. Богословы же предупреждали, что в массовом сознании влияние астрологии может способствовать ослаблению моральной ответственности человека, так как люди могли начать связывать свои слабости с влиянием планет. Астрологи утверждали, что их предсказания не противоречат возможности свободы человеческой воли, но на практике людям обычно трудно проводить такие тонкие мыслительные различия. Богословы также допускали намеки, что предсказание будущего может основываться на помощи дьявола. При Эдуарде VI религиозные реформаторы уничтожили часть книг по математике в Оксфорде под предлогом, что это были книги для гаданий: в это время, например, исчезли почти все работы представителей существовавшей в XIV в. в Мертон Колледже школы астрономов. В XVI в. некоторые богословы придерживались мнения, что астролог, математик и колдун — это одно и то же. За колдовскую книгу могла сойти и книга на греческом языке. Все эти предрассудки сохранялись и в течение значительной части XVII в.

К. Томас отмечает, что духовенство в XVI—XVII вв., похоже, и астрологов воспринимало как соперников. Чтобы не впадать в противоречия с церковной доктриной, астрологи соглашались с мнением, что страстная молитва человека может предотвратить отрицательное влияние небесных тел. Англиканская церковь вела памфлетную борьбу против астрологии, но этим «сделала ей немалую рекламу»⁵³⁵.

Пуритане признавали возможные успехи астрологических предсказаний, и для них в этом заключался дьявольский характер астрологии. Для астрологии не оставалось места: если астрологи предсказывали неверно, значит, они шарлатаны, если они предсказывают правильно, они делают это с помощью дьявола — в сущности, уже средневековые богословы сформулировали эту точку зрения. Контрреформационная католическая церковь тоже активно боролась с астрологией, попутно ограничивая и деятельность ученых⁵³⁶.

⁵³⁵ Ibid. — P. 429—435.

⁵³⁶ Ibid. — P. 436.

Астрологии симпатизировали арминиане, лодианцы. Кальвинисты же и пресвитериане были яркими врагами астрологии: как пишет К. Томас, кальвинизм и астрология изначально были конкурирующими системами объяснения, каждая из которых стремилась понять человеческую жизнь в свете влияния всемогущего провидения. По мнению кальвинистов, человеку не следовало слишком интересоваться тайной предопределения: попытка открыто определить избранных к спасению осуждалась фактически как ересь, астрологи же по сути занимались этим делом. Встречалось в сознании англичан постреформационного периода также и мнение, что звезды влияют на судьбы тех людей, которые не относятся по кальвинистским понятиям к числу избранных. Среди же самих астрологов в это время были представлены буквально все существовавшие в Англии религиозные течения от католиков до квакеров.

В народе в XVI—XVII вв. встречалось почитание Солнца и Луны, даже молитвы небесным светилам с лечебными целями, отождествление Бога с Солнцем, Св. Духа с Луной и другие подобные отождествления, поклонение планетам, утверждения, что кроме светил нет других богов, но насколько широко в массовом сознании были распространены подобные взгляды, неизвестно⁵³⁷.

К. Томас уделил внимание также рассмотрению охоты на ведьм. По его мнению, Реформация не ослабила средневековые христианские представления о дьяволе, а даже усилила их. Протестантизм был ответом на убеждение в глубокой человеческой греховности, выражением чувства бессилия перед лицом зла. Люди при таком умонастроении верили в присутствие сатаны в этом мире. У простоянина порой возникало ощущение, что дьявол сильнее Бога. Действия сатаны были удобным объяснением странных болезней, беспричинных преступлений, необычных успехов. Дьявол объяснял существование зла в мире и помогал поддерживать понятие о совершенном всеблаготворительном христианском Боге⁵³⁸.

В католической церкви с III века существовала должность экзорциста, которая относилась к низшим духовным званиям, а церковь Англии с 1550 г. отменила эту должность. В постреформационный период, как это выглядит в отзывах современников, количество случаев с одержимостью дьяволом даже увеличилось, но теперь дьявола можно было изгонять только молитвой и постом, что основывалось на Евангелии от Марка 9:29 («... сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста»). Власти в англиканской церкви сдержанно относились к случаям лечения одержимых путем изгнания дьявола, а большинство епископов запрещали рассказы об этом⁵³⁹.

В то же время К. Томас предполагает, что можно говорить о существовании в англиканской церкви своего рода двух фракций, поддерживавших и отрицавших необходимость публичных изгнаний дьявола.

⁵³⁷ Ibid. — P. 438, 455—458.

⁵³⁸ Ibid. — P. 559—570.

⁵³⁹ Ibid. — P. 570—574.

Среди пуритан был мошенник, занимавшийся экзорцизмом с заранее подготовленными мнимыми одержимыми: Джон Даррелл, проповедник с университетским образованием, в 1586—1596 гг. публично проводивший изгнание дьявола в графствах Дербишир, Ноттингемшир, Ланкашир и Стаффордшир⁵⁴⁰. Современники видели в этом способ подогреть интерес к пуританам после разгрома пресвитерианского движения в конце 1580-х—начале 1590-х гг. и активизировать религиозное рвение прихожан. Сторонники экзорцизма среди пуритан считали, что направляют свой основной удар против претензий на способность к экзорцизму у католиков. Инициатива в преследовании Даррелла, предполагает К. Томас, принадлежала лидерам формировавшейся в церкви Англии на рубеже XVI—XVII вв. арминианской группировки, и это дело стало лишь самым известным на фоне попыток других пуританских священников в конце 1590-х гг. прославиться в качестве экзорцистов. Арминианская же группировка утверждала, что в современных условиях одержимость дьяволом невозможна. Кульминацией этих споров было постановление в 72 каноне 1604 г. о запрете священникам без разрешения епископа заниматься экзорцизмом под угрозой отстранения от служения, но пуритане не соблюдали этот запрет, изгоняя постом и молитвой злых духов, считая, что любой священник мог назначить пост по такому поводу в своем приходе. Епископы противодействовали этому до гражданской войны⁵⁴¹.

К. Томас также показал, что к XVII в. в Англии можно выявить признаки начинавшейся рационализации мировоззрения, когда появились рассуждения о том, что пост и молитва могут быть действенными средствами для лечения организма по естественным причинам путем воздержания. Постепенно складывалась характерная для деизма точка зрения, согласно которой одержимые были сумасшедшими или эпилептиками, и даже в описываемые в Новом Завете апостольские времена в отношении них апостолы действовали скорее как доктора. В XVII в. большинство священников среди протестантского духовенства решили оставить занятия экзорцизмом для католиков, но это не устраивало многих светских лиц, которые пошли к колдунам. В среде простонародья авторитет англиканских священников из-за отказов заниматься изгнанием злых духов относительно упал по сравнению с католическими священниками и даже пуритански настроенными священниками в церкви Англии⁵⁴². В протестантизме по сравнению со средневековым католицизмом было усилено подчеркивание реальности дьявола и его влияния в земных делах, и в то же время ликвидированы заступничество святых и возможности протективной магии, так что даже сами протестанты психологически чувствовали себя разоруженными, не заявляя твёрдо, что только вера способна защитить христианина от ведовства, хотя с течением времени

⁵⁴⁰ *Marchant R.A.* The Puritans and the Church Courts in the Diocese of York, 1560—1642. — London, 1960. — P. 300—301.

⁵⁴¹ *Thomas K.* Religion and the Decline of Magic. Studies in Popular Beliefs in Sixteenth and Seventeenth Century England. — London, 1978. — P. 576—579.

⁵⁴² *Ibid.* — P. 584.

это убеждение укреплялась. У многих протестантов мысль начинала работать в другом направлении — появлялось намерение уничтожить ведьму. Поэтому охота на ведьм и Реформация в Англии, как считает К. Томас, и развивались вместе. Ранее в средневековой Англии человек, если он соблюдал требования и предписания церкви, не мог быть подвергнут воздействию со стороны ведьм, а ведьмам на воцерковлённого человека было незачем воздействовать. Но в результате Реформации вера в защитную силу воцерковлённого состояния человека самого по себе была нарушена, и общество было вынуждено предпринимать действия правового характера против опасности, которая впервые в такой степени вышла из-под контроля. Такую объяснительную схему К. Томас предлагает для протестантских стран, например, для Англии и Шотландии.

Но в некоторых европейских странах охота на ведьм началась задолго до Реформации. Позднесредневековые богословы-интеллектуалы уже в XV в. начали подрывать веру в магическое защитное действие церковных ритуалов и в силу контрмагии⁵⁴³. На континенте охота на ведьм была начата по инициативе властей довольно рано, но при этом наблюдалось также заметное сопротивление властям за организацию судов над ведьмами со стороны народа. Люди боялись преследовать ведьм, чем и объясняют такое усиленное подчеркивание, например, в «Молоте ведьм», мнения о том, что арестованные ведьмы не опасны. Для Англии же в позднее средневековье не было характерно требование о преследовании ведьм со стороны властей — это сами люди защищались от ведьм средствами церковной и народной магии. Затем сказалось влияние Реформации, разрушившей защитную церковную магию, и в Англии в 1560-е гг., по оценке К. Томаса, «процесс охоты на ведьм имел уже в сущности народный характер». Такое отличие в инициативе относительно организации охоты на ведьм (не от властей, как на континенте, а от народа) было отличительной чертой Англии. Поэтому К. Томас считает ошибочным мнение о том, что охота на ведьм в Англии имела какой-то религиозно-политический подтекст или была чуть ли не столкновением различных религиозных групп, или инициатива в охоте на ведьм шла якобы от какой-то одной религиозной группировки. Он вступил в полемику по этому вопросу с Х. Тревором-Роупером, который писал, что охота на ведьм в Англии была сильнее всего распространена в Эссексе и Ланкашире, двух графствах, где был силен католицизм, и особенно активно действовали пуританские евангелисты⁵⁴⁴, но К. Томас не находит свидетельств того, что ведовские процессы в этих двух графствах были следствием религиозного конфликта. Историки утверждали, что пуритане были наиболее активны в поиске ведьм, и большинство тех, кто из английских богословов писал разоблачительные памфлеты о ведовстве, имели пуританские наклонности, а крупнейшие скептики в вопросах о влиянии ведьм относились к

⁵⁴³ Ibid. — P. 589—594.

⁵⁴⁴ Trevor-Roper H.R. The European Witch-Craze of the 16th and 17th Centuries. — Harmondsworth, 1969. — P. 70.

лодианской группировке. Но, как считает К. Томас, на английском материале отождествление радикальных протестантов с наиболее активными сторонниками преследования ведьм не работает, и отмечает, что в Англии требовали преследований ведьм и католики, и протестанты, и признает лишь то, что с усилением в церкви Англии лодианской группировки она стала насаждать скептицизм в вопросе об охоте на ведьм. С начала XVII в. появились даже случаи, отмечает К. Томас, когда центральная власть вмешивалась и спасала некоторых ведьм от осуждения.

При архиепископе Лоде в 1630-е гг. отчеты о судебных процессах о ведовстве не публиковались, хотя лодианцы по-прежнему боролись с народной магией и пытались искоренить её как предрассудок. В 1620—40-х гг. преследования ведьм в графствах, окружающих Лондон, судя по сохранившимся материалам епископских визитаций, уменьшилось. Если бы английские пуритане были наиболее активными в преследовании ведьм, они бы, как считает К. Томас, активно развернули их, когда пришли к власти во время установления республики и протектората в середине XVII в., но ничего подобного в эти годы не наблюдалось. Чтобы понять корни происхождения охоты на ведьм, следует отказаться от рассмотрения событий в свете борьбы религиозных группировок в стране и обратиться к изучению конкретной социальной среды и окружения, в которых создались условия для появления обвинений против ведьм⁵⁴⁵.

В течение XVII в., отмечает К. Томас, маги и астрологи постепенно теряли влияние в обществе. В рамках естественной теологии был сделан вывод об отсутствии связи между грехом и наказанием за него в виде прямых неудач и бедствий. С религиозной точки зрения теперь советом для тех, кто испытывает несчастья, был стоицизм, а в перспективу Божественной помощи, приносящей материальное благосостояние, к концу XVII в. мало кто верил, кроме сектантов. Религия своим более серьезным социальным значением пережила магию. На рубеже XVII—XVIII вв., как считает К. Томас, в английском обществе уже можно было провести явное различие между религией и магией, невозможное в начале XVI в.⁵⁴⁶

По мнению К. Томаса, в изучении магических верований самое трудное состоит в том, чтобы объяснить, как люди смогли порвать с ними: магические практики являются «самооправдывающими системами, веру в которые невозможно поколебать случаями, когда они не срабатывали»⁵⁴⁷. Он выделяет факторы, которые, предположительно, способствовали ослаблению влияния магии. В XVII в. научное сознание отказалось от схоластического аристотелианства и неоплатонизма. С крушением представлений о микрокосме как отражении макрокосма рушились интеллектуальные основы астрологии, хиромантии, алхимии, физиогномики, астральной магии и всех сопутствующих им форм знания. Представление о том, что во Вселенной действуют неизменные есте-

⁵⁴⁵ Thomas K. Religion and the Decline of Magic. Studies in Popular Beliefs in Sixteenth- and Seventeenth Century England. — London, 1978. — P. 595—598.

⁵⁴⁶ Ibid. — P. 765.

⁵⁴⁷ Ibid. — P. 767—768.

ственные законы, лишало основы возможность существования чудес, ослабляло веру в физическую действенность молитвы, уменьшало веру в возможность получить прямое вдохновение свыше⁵⁴⁸. В то же время, как обращает внимание К. Томас, историки науки считают, что неоплатонизм и герметизм смогли послужить основой для открытия гелиоцентризма, идеи бесконечности мира и кровообращения, астрология способствовала развитию математики, наблюдению за движением небесных тел и уточнению их траекторий, уточнению измерения времени⁵⁴⁹.

При этом, замечает К. Томас, далеко не все люди разобрались, по каким мировоззренческим основаниям следует отвергать магию, «но маг был лишен социального авторитета, и люди, не способные самостоятельно выстраивать опровергающую магию аргументацию, стали жертвами общественного давления в направлении интеллектуального конформизма». Магия доминирует в обществе тогда, когда слаб контроль за внешней средой. Когда появляются соответствующие техники, необходимые для такого контроля, магия становится ненужной и приходит в упадок. С 1670-х гг. в Англии не бывало эпидемий чумы. Чувство незащищённости у человека, как считает К. Томас, стало уменьшаться с конца XVII в., в том числе, как ему представляется, «под влиянием появления банковского хранения средств и служб по страхованию»⁵⁵⁰.

К. Томас обращает внимание на то, как сложно выявить взаимосвязи между социально-экономическим развитием общества и происходящими в нем интеллектуальными процессами. Социологически мыслящие историки склоняются к точке зрения, согласно которой изменениям в религиозных верованиях предшествуют изменения в социально-экономических структурах. Но магия стала приходить в упадок ещё до того, как какие-либо технологические достижения могли придти ей на смену: К. Томас считает, что от магии стали отказываться ещё до того, как было найдено техническое решение общественных проблем, и даже именно на основе отказа от магии стало возможно более интенсивное развитие науки и технологии. То же самое явление в интеллектуальной эволюции, обращает внимание К. Томас, проявлялось и ранее: например, у лоллардов не было технических средств для замены магии и укрепления уверенности человека в своих силах, но они ещё в XIV в. осуждали магические компоненты доктрины официальной церкви. Начало Реформации тоже не было синхронным с какой-то технологической революцией, но протестанты отказались от старой магии, не имея взамен новой. К концу XVII в., когда можно говорить, что упадок магии уже произошёл, тоже ещё не было за-

⁵⁴⁸ Ibid. — P. 769.

⁵⁴⁹ Thomas K. *Religion and the Decline of Magic. Studies in Popular Beliefs in Sixteenth and Seventeenth Century England.* — London, 1978. — P. 770; Yates F.A. *The Hermetic Tradition in Renaissance Science // Art, Science and History in the Renaissance* / Ed. C.S. Singleton. — Baltimore, 1967; *Idem.* *Giordano Bruno and the Hermetic Tradition.* — London, 1964; Kuhn T.S. *The Copernican Revolution.* — Cambridge (Mass.), 1957.

⁵⁵⁰ Thomas K. *Religion and the Decline of Magic. Studies in Popular Beliefs in Sixteenth and Seventeenth Century England.* — London, 1978. — P. 773—786.

мены ей какими-либо технологическими средствами. Вера в деятельность ведьм тоже пошла на убыль до того, как медицина своим развитием сделала излишними домыслы о вредном влиянии ведьм. XVII век ознаменовался главным образом теоретическими открытиями, не дошедшими до практического применения. Следовательно, изменения в отношении к магии, которые произошли в XVII в., как утверждает К. Томас, были изменениями в ментальной сфере, а не результатом каких-либо технологических влияний. То, почему в итоге возобладала вера в человеческие возможности вместо опоры на магию, как считает К. Томас, объяснить непросто, в этом даже есть своя таинственность⁵⁵¹. Неизвестно, например, как лолларды пришли к идее о необходимости опоры на собственные человеческие силы. Возможно, идея о том, что жизнь зависит от усилий человека, а не от магии, могла сформироваться в среде самостоятельно работавших мелких ремесленников — большинство лоллардов происходили из этой среды⁵⁵².

В итоге К. Томас пришел к выводу, что факторами упадка магии следует считать рост городов, подъём науки, распространение веры в свои силы, но причинные связи здесь носят приблизительный характер, и более точную социологическую генеалогию этой причинной зависимости сконструировать пока что не представляется возможным. Отношение духовенства к магии К. Томас считает «крайне двойственным». Невозможно также показать на конкретно-историческом материале, как считает К. Томас, что в процессе рационализации мировоззрения лидерство принадлежало городскому среднему классу. На такую роль двигателей рационализации мировоззрения, считает К. Томас, из тех групп, которые можно связать с этим процессом, в начале XVII в. могла претендовать группировка арминианского духовенства, в период реставрации Стюартов — ряд скептиков-аристократов второй половины XVII в. Можно определённо утверждать, что к середине XVII в. резко усилились различия в мировоззрении между образованными классами и социальными низами, в первую очередь в сельской местности. Показателем того, что верхушка общества в ментальном отношении уже принадлежала к другому миру, К. Томас считает появление во второй половине XVII в. собирателей народного фольклора из верхов общества. Но ещё и в XIX в. религия была рационализированной для немногих, а средний класс в это время сильно интересовался спиритизмом и другими проявлениями оккультизма⁵⁵³.

Таким образом, в работе «Религия и упадок магии» К. Томас показал продуктивность использования историко-антропологического подхода в изучении Реформации. Пользуясь, в сущности, описательным мето-

⁵⁵¹ Ibid. — P. 787—791.

⁵⁵² Davis J.F. Lollard Survival and the Textile Industry in the South East of England // Studies in Church History / Ed. G.J. Cuming. — Leiden, 1966. — Vol. III; Fines J. Heresy Trials in the Diocese of Coventry and Lichfield, 1511—12 // JEH. — 1963. — Vol. XIV; Dickens A.G. The English Reformation. — London, 1967. — P. 51—52.

⁵⁵³ Ibid. — P. 797—800.

дом, но опираясь при этом на большое количество привлеченных им источников, опубликованных произведений современников, К. Томас внес важный вклад в характеристику религиозной ситуации в Англии в XVI—XVII вв. Благодаря такому подходу понимание Реформации с религиозно-политической и экономической позиций было дополнено глубоким анализом массового религиозного сознания англичан в XVI—XVII вв.

3.3. Изучение Реформации в Англии в рамках социальной истории в 1980–90-е гг.

В середине 80-х гг. в среде британских историков состоялась дискуссия о том, что представляют собой основные предметные области в изучении истории в современном понимании их содержания. В обсуждении предмета и исследовательских задач религиозной истории приняли участие Кристофер Брук, Патрик Коллинсон, Дэвид Хэмптон, Питер Лейк, Эдвард Норман. Содержание дискуссии свидетельствовало о том, что изучение религиозной истории Англии XVI—XVII вв. во второй половине XX в. испытало заметное влияние исследовательских установок социальной истории.

По словам П. Коллинсона, до недавнего времени понятие «религиозная история» не было институционализировано в такой степени в академическом и педагогическом отношении, как специальная дисциплина под названием «церковная история», которую уже в течение многих поколений в качестве экзамена сдавали те, кто претендовал на возведение в сан, а также студенты-богословы. Предмет же религиозной истории напоминает предмет сравнительного религиоведения — дисциплины, которая, как представляется П. Коллинсону, не является вполне исторической. Религиозная история, как считает П. Коллинсон, связана с церковной историей, «как дети связаны с родителями».

Рассматривая происхождение церковной истории, П. Коллинсон связывает ее появление с трудом Евсевия Кесарийского (260/265—338/339) «Церковная история». Евсевий был практически первым историком в классической традиции, который в своём исследовании обратился ещё и к рассмотрению опыта светских лиц — христиан, особенно же мучеников за веру, и также активно использовал доступные ему документы. Как считает П. Коллинсон, знаменитый протестантский историк XVI в. Джон Фокс работал в той традиции историописания, которую заложил Евсевий Кесарийский. В то время, когда в христианстве происходила борьба направлений, появились, как считает П. Коллинсон, искажённые, тенденциозные истории церкви. К тому же принадлежность писавших эти истории историков к определенным церковным органам и институтам привела к тому, что содержание этих сочинений было заполнено описанием жизни высшей церковной иерархии, обсуждением понимания литургии и дру-

гих вероисповедных форм и структур, и не уделялось внимания религиозности конкретного человека. Тем не менее, считает П. Коллинсон, епископы и церковные соборы заслуживают внимания, и в Англии Общество по изучению церковной истории (Ecclesiastical History Society) и журнал церковной истории (Journal of Ecclesiastical History) пользуются активной поддержкой историков. Есть отделения истории в некоторых университетах, на которых, по словам П. Коллинсона, больше специалистов по церковной истории, чем тех, кто занимается изучением светской политики. Во второй половине XX в. стали более активно изучаться материалы церковных архивов. Многие из специалистов по церковной истории занялись сейчас «народной религией», и на этом направлении активно работал, например, К. Хилл, считавший, что нужно изучать не то, во что, как предполагалось, должны были верить люди, а то, во что они реально верили, что эти верования значили для них. В таком исследовательском подходе П. Коллинсон усматривает продуктивные познавательные перспективы, расширяющие возможности традиционной церковной истории. П. Коллинсон также обращает внимание на то, что новое поколение историков, имеющее недостаточные представления о том, что можно назвать религиозным опытом, поскольку их сознание сформировалось в современном секулярном обществе, может превратно истолковать религию лишь как средство социального контроля или наоборот, социального протеста⁵⁵⁴.

В своих работах П. Коллинсон также высказывается за нейтралитет и беспристрастность исследователя в изучении религиозной истории⁵⁵⁵. Задача современного историка религии, считает П. Коллинсон — «изучение фактических религиозных верований людей, и ещё в большей степени — выяснение того, как они относились к своим верованиям, как осознавали значение и функции этих верований»⁵⁵⁶.

Как считает К. Брук, важным достижением современных исследований в области гуманитаристики является более широкий и глубокий интерес к разным формам религиозной веры. К. Брук не считает, что религиозная история является какой-то особой замкнутой областью, отличной от политической, социальной, экономической или интеллектуальной истории. При этом К. Брук также обращает внимание на то, что если историк религии пытается полностью отделить себя от своей вероисповедной принадлежности, «он обманывает себя и читателей, или же он просто циничен или слеп» — по его мнению, вероисповедная принадлежность все-таки сказывается в содержании труда историка. С другой стороны, если историк полностью находится под влиянием своих религиозных верований, его работы не могут быть серьёзным академичным научным исследованием. Эта дилемма, как считает К. Брук, продолжает оставаться серьёзным вызовом современной академической науке⁵⁵⁷.

⁵⁵⁴ What is History Today ...? / Ed. by J. Gardiner. — Atlantic Highlands, 1988. — P. 58—59.

⁵⁵⁵ Collinson P. The Religion of Protestants: the Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. VIII.

⁵⁵⁶ Ibid. — P. 189.

⁵⁵⁷ What is History Today ...? / Ed. by J. Gardiner. — Atlantic Highlands, 1988. — P. 60—61.

Как считает Э. Норман, от самих слов «церковная история» в современном их восприятии веет антикварной стариной, поскольку предмет церковной истории в последние десятилетия значительно расширился и видоизменился. В традиционной своей форме от Беды Достопочтенного до деноминационных исторических хроник, которые продолжают создаваться по сей день, церковная история была моралистической и дидактической: она была призвана продемонстрировать религиозную истину и раскрыть то, как божественное предопределение вело христианские институты в их историческом развитии. Церковная история также имела тенденцию к тому, чтобы быть узконациональной. Для XX в. стал характерен поиск нерелигиозных причин того, почему люди придерживаются определенных религиозных верований и практик, а также отказ от веры в то, что церковное влияние определяет понимание того, чем является религия. Самые крупные исследовательские успехи в сфере церковной истории, как считает Э. Норман, связаны с выявлением связи между историей церкви и событиями, происходившими в жизни светского общества. Вместе с тем, как полагает Э. Норман, до сих пор создающиеся деноминационные истории церкви по-прежнему важны и нужны. При этом в современных исследованиях акцент делается на то, чтобы выяснить, как каждая отдельная деноминация реагирует на внешние влияния: социальные изменения, влияние экономического фактора, изменений в интеллектуальной культуре и так далее. Очень большое внимание стало также уделяться изучению культуры массы, большинства тех, кто живет в данном обществе. Э. Норман считает также необходимым в изучении церковной истории выявление соотношения процессов, происходивших в центре и на местах — локальную историю и в сфере церковной истории он считает важной. В свете того, что церковные историки сейчас обратились к активному изучению влияния светских факторов на церковные институты, Э. Норман удивляется тому, что исследователи, занимающиеся изучением светской истории, не проявляют стремления, в свою очередь, понять, в какой степени религиозные верования оказывают влияние на общественную жизнь. По словам Э. Нормана, обычный современный интеллектуал, не способный осознать значение религиозного опыта, оказался в ситуации, когда он считает, что и другие люди живут так же, но это не совсем так, а в изучении прошлого такой подход может помешать понять мотивы и предубеждения действовавших тогда людей. Преподавателю истории, как отмечает Э. Норман, стало трудно убедить студентов и учеников в том, что в культурах прошлого религиозные верования могли быть решающим и определяющим фактором человеческого поведения. При этом наиболее глубоко мыслящие английские историки даже в проникнутые секулярными влияниями времена не забывали о важности религиозного фактора для жизни общества: в 1859 г., напоминает Э. Норман, Дж.Э. Актон писал, что светские историки должны поучиться у церковных историков в понимании причин человеческого поведения⁵⁵⁸.

⁵⁵⁸ Ibid. — P. 62.

П. Лейк в определении предмета религиозной истории считает, что к ней относится любой набор действий или верований, создатель или современники которых истолковывали их в религиозном смысле. Религиозной интерпретацией П. Лейк называет такую интерпретацию явлений или событий, которая имеет в виду влияние Бога на то, что происходит, и обсуждает при этом пути спасения человека⁵⁵⁹. Современными историками была предпринята целая серия попыток понять социально-политические взгляды и позиции, занимаемые людьми, на основе их высказываний на религиозные темы, исходя из предположения, что религиозные образы были по своему значению идиоматическими выражениями, пользуясь которыми, люди спорили на политические темы. Дж. Босси в обсуждении этой проблемы утверждал, что, поскольку современники рассматривали общество в религиозных понятиях и не могли в своем сознании построить дихотомию между «религией» и «обществом», попытки развернуть эту дихотомию, предпринимаемые современными историками — это вопиющий отход от принципа историзма. П. Лейк всё же отстаивает позицию, согласно которой религиозная история может сохранить свою последовательность и связность, если придерживаться подхода, при котором интересы религиозной истории ограничиваются теми областями человеческого опыта и действия, которые их современниками понимались как религиозные по содержанию. Но и при таком подходе сфера деятельности религиозного историка достаточно широка, потому что многие деятели в раннее новое время даже развитие международных отношений понимали в эсхатологической перспективе. Религиозную историю в самом широком смысле П. Лейк предлагает рассматривать как часть интеллектуальной истории, или даже истории человеческого сознания, и религиозная история должна заниматься изучением того, какое значение люди вкладывали в свои действия и в свою жизнь. Это означает, что может быть принято существующее сейчас разделение между религиозной и церковной историей. Церковная история, как предлагает считать П. Лейк — это история церковных институтов. Изучение этих институтов П. Лейк рассматривает даже как часть административной истории, а не религиозной истории. Религиозная история, в его толковании — это не история церкви как бюрократической структуры, скорее это история религиозных чувств, ценностей, которых придерживаются и духовенство, и светские лица⁵⁶⁰.

Религиозная история, считает П. Лейк, не должна также превращаться в историю только лишь доктринальных вопросов. Знание формальной доктрины и интерес к ней, конечно, необходимы для того, кто занимается религиозной историей, но его должен также интересовать, наряду с формальным содержанием учения, также и поиск подразумеваемых, имплицитных значений в религиозной практике и обрядности. По его мнению, возникает также искушение поставить вопрос о том, не является ли

⁵⁵⁹ Ibid. — P. 63.

⁵⁶⁰ Ibid. — P. 64.

изучение религиозной истории как части человеческого сознания изучением истории ложного человеческого сознания. П. Лейк считает, что для занятий религиозной историей необходима богословская подготовка, и только немногие нехристиане готовы погрузиться во всё это. В то же время можно утверждать, что богословская беспристрастность дает возможность историку подойти к религиозным спорам прошлого непредубежденно, что может быть познавательной продуктивной. Чтобы избежать пристрастности в познавательной деятельности, П. Лейк рекомендует для религиозных историков познавательную позицию, которую он называет «практический агностицизм». Конкретизируя эту идею, П. Лейк отмечает, что религиозная история должна сохранить в центре своего интереса религию. Чрезмерная приверженность атеизму, постоянное стремление понять религиозные импульсы и опыт как влияние чего-то внешнего (политических, социальных противоречий, конфликтов, групповых интересов или противоречий между социальными стратами или полами) не только подрывает целостность предмета религиозной истории, но и делает невозможной аутентичную реконструкцию опыта, выбора, познавательных структур отдельных групп и личностей в обществе⁵⁶¹.

По мнению Д. Хэмптона, в последние два десятилетия религиозная история расширила сферу своих интересов, включая теперь широкий круг социальных, экономических, культурных и политических явлений, в рамках которых прослеживалось влияние религии. Поскольку влияние религии чувствовалось в той или иной форме во всех сферах общественной жизни, религиозному историку приходится быть сведущим в широком круге научных дисциплин от теологии до социологии. В последнее время большие результаты принесло изучение народной религии, в отличие от изучения церковной и богословской элиты. Но в сфере изучения народной религиозности работать трудно, несмотря на возможности применения статистического анализа, методов антропологии. К тому же представления о религиозной истории усложняются под влиянием локальных исследований⁵⁶².

Тот, кто подходит к изучению религии с позиций социальной истории, в значительной степени действует на другой территории и смотрит на происходящее под другим углом зрения, отличающимся от историков богословия и деноминационных по своим убеждениям историков, но связи между историками богословия и социальными историками, как считает Д. Хэмптон, должны сохраняться, чтобы спасти религиозную историю от тех, кто чрезмерно сосредоточивается на богословии и истории деноминаций, но также и от тех, кто рассматривает религию лишь как продукт определенных социальных условий. Религиозную историю, по мнению Д. Хэмптона, лучше всех способны написать те, кто сочетает в себе глубокое знание религиозных форм и религиозного опыта и способность понять эту религиозные явления в их социальном контексте⁵⁶³.

⁵⁶¹ Ibid. — P. 65.

⁵⁶² Ibid. — P. 66.

⁵⁶³ Ibid. — P. 67.

Эта дискуссия в среде британских историков способствовала продуктивному обмену мнениями и показала, что практически все историки, выступившие в ней, признают необходимым поиски путей выявления того, как социальный контекст влиял на развитие религиозных доктрин и верований людей.

Изучение реформационного периода в истории Англии в 80—90 гг. XX в. в британской историографии демонстрирует, что многие историки в это время формулировали свои познавательные задачи под влиянием методологических подходов социальной истории. Работа Дж. Эдди «Грех и общество в семнадцатом веке» (1989)⁵⁶⁴ основана на материалах суда консистории Честерской епархии. Дж. Эдди рассмотрел судебные дела с целью изучить моральные стандарты в обществе и с этой стороны составить представление о социальных отношениях⁵⁶⁵. Материал в работе разделен на главы, посвященные грехам духовных лиц, деятельности и прегрешениям церковных старост, случаям пьянства и блуда среди светских лиц, брачным проблемам и нарушениям, включая заключение браков в слишком раннем возрасте, споры по брачным договорам и тайные браки. Рассказы о разбираемых в суде делах изобилуют случаями сексуальных преступлений и насилия, нападениями на духовных лиц и даже самих духовных лиц на мирян, ссорами по поводу сидячих мест в церкви, развратом в пивных, клевете по поводу сексуальных и моральных проступков. Англия раннего нового времени в изображении Дж. Эдди выглядит очень буйным обществом. Дж. Эдди развивает мысль о том, с конца XVI в. и в течение всего следующего столетия в Англии нарастала озабоченность поиском путей создания дисциплинированного и упорядоченного общества. Работа Дж. Эдди дает возможность составить представление о состоянии народной культуры XVI—XVII вв.⁵⁶⁶

Дж. Соммервилл в работе «Открытие детства в пуританской Англии» (1992)⁵⁶⁷ утверждает, что в начальной стадии развития пуританского движения отношение пуритан к будущему было оптимистичным, и это, в частности, нашло выражение в относительно большем внимании к воспитанию детей в сочинениях пуритан. Но после реставрации Стюартов в 1660 г. в среде пуритан, утверждает Дж. Соммервилл, стали преобладать пессимистические настроения, что сказалось и в отношении к детям, хотя, возможно, со временем пуритане стали больше осознавать трудности воспитания и преодоления последствий первородного греха в человеке. Исследователи и ранее обращали внимание на то, что пуритане писали вплоть до XVIII в. больше книг и памфлетов о воспитании детей, чем представители какого-либо другого религиозного направления в Англии, но специфика отношения пуритан к воспитанию детей остаётся ещё в значительной мере не исследованной.

⁵⁶⁴ *Addy J. Sin and Society in the Seventeenth Century.* — London, 1989.

⁵⁶⁵ *Ibid.* — P. VIII.

⁵⁶⁶ *Ibid.* — P. 129.

⁵⁶⁷ *Sommerville J. The Discovery of Childhood in Puritan England.* — Athens, Ga., 1992.

Дж. Соммервилл посвятил ещё одну свою работу «Секуляризация в Англии раннего нового времени: от религиозной культуры к религиозной вере» (1992)⁵⁶⁸ анализу того, как происходили изменения в характере религиозности в Англии в этот период. Он считает, что накануне Реформации религиозность была для человека составной частью восприятия языка, времени и пространства⁵⁶⁹. В течение же XVI—XVII вв. в сознании англичан стал происходить процесс осознания различий между религиозной культурой и религиозной верой, выразившийся в том, что стал совершаться переход от общинного образа жизни, проникнутого религиозными ценностями, символами и языком, к образованию нации верующих, чья религиозная вера была приватной по характеру, перестав быть публичной, отделившись от общественной жизни. Под процессом секуляризации культуры Дж. Соммервилл понимает процесс десакрализации культуры, в результате чего религиозная вера становится индивидуальным убеждением. Причины секуляризации он рассматривает в трех тематических блоках: увеличение масштабов деятельности английской нации-государства, утверждение протестантской духовности, в которой проводилось различие между сакральным и профанным, и влияние печатного станка на распространение идей. Дж. Соммервилл также прослеживает последовательность политических событий в XVI—XVII вв. и обращается к рассмотрению изменений, происходивших в этот период в понимании пространства, времени, языка, труда, искусства, власти, личности и природы общественных связей, учёности и науки. При этом британский историк не обращает должного внимания на различия внутри английского протестантского сообщества между умеренными и радикалами.

Дж. Соммервилл развивает мысль о том, что религиозная политика Генриха VIII привела к серьёзному изменению религиозной культуры в Англии: разрушение монастырей, подчинение церкви королю и парламенту, переход к монарху права определения религиозной доктрины и другие мероприятия Генриха VIII глубоко изменили религиозную ситуацию и мировоззрение в Англии, поскольку протестантизм по природе нёс в себе тенденцию к секуляризации⁵⁷⁰. Религиозность в Средние века была по своему характеру имманентной, наделяя всю реальность особым духовным значением, протестантизм же рассекал реальность на сферы сакрального и профанного. Публичные религиозные практики в обществе были разрушены протестантизмом и были заменены частными убеждениями и верованиями индивида. Этот акцент на трансцендентность Бога был неразделимо связан с развитием книгопечатания и распространением печатной литературы. Религиозные истины теперь, как считалось, следовало искать не в изображённом символе, а в печатном слове, и переход к такой вербальной по характеру культуре сделал частным делом поиск путей понимания истины и мироздания.

⁵⁶⁸ *Sommerville J. The Secularisation of Early Modern England: From Religious Culture to Religious Faith.* — New York, 1992.

⁵⁶⁹ *Ibid.* — P. 17.

⁵⁷⁰ *Ibid.* — P. 149.

Р. Гельмгольц в работе «Каноническое право в реформационной Англии» (1990)⁵⁷¹ исследует изменения в церковном праве Англии в реформационный период и утверждает, что стремление судов общего права в Англии вывести некоторые вопросы судопроизводства из ведения церковных судов стало заметно происходить ещё до разрыва с папством. При этом законодательство в церковных судах Англии после 1532 г. продолжало, как считает Р. Гельмгольц, оставаться органической составной частью *ius commune* римского канонического права по процедуре и методам. Церковные суды использовали в своей практике также английское статутное право. Р. Гельмгольц на документальном материале показывает, что в правление Елизаветы происходил рост уверенности в себе, компетенции и профессионального уровня служащих церковных судов — улучшилось хранение документов, возрастали объёмы судопроизводства, была опубликована значительная по объёму правоведческая литература, в которой шёл процесс приспособления средневекового канонического права к условиям протестантской Англии, но при этом использовались ресурсы и методы традиционной канонической юриспруденции с опорой на континентальные авторитеты. На этом фоне в обществе поднималась волна недовольства церковными судами и возрастала агрессивность по отношению к ним судов общего права.

Работа Т. Уотт «Дешёвая печать и народное благочестие, 1550—1640» (1991)⁵⁷² отвергает тезис К. Райтсона и Д. Левина, развиваемый в работе «Бедность и набожность в английской деревне. Терлинг, 1525—1700» (1979)⁵⁷³, о том, что воинствующий протестантизм провоцировал раскол в культуре и образе жизни в деревенском сообществе из-за того, что пуритане делали основной акцент на интроспективные формы религиозности, семейную молитву. Т. Уотт также оспаривает утверждение П. Коллинсона о том, что примерно с 1580 г. в английском обществе произошли фундаментальные изменения в культуре, выразившиеся в том, что произошёл переход от преимущественно речевых и визуальных способов воздействия к утверждению культуры печатного слова. В подкрепление своего мнения Т. Уотт рассматривает печатные баллады, дешёвые издания народных сказок и преданий, гравюры на дереве. По её мнению, к середине времени правления Елизаветы I религиозные реформаторы из-за враждебного отношения к танцам перестали считать баллады на религиозные темы подходящим средством распространения реформационных идей, но публикация религиозных баллад продолжалась, и многие из этих баллад были посвящены пропаганде патриотических и антикатолических идей. В социальных низах распространилась практика развешивания текстов таких баллад, отпечатанных в виде плакатов, на стенах внутри жилищ. Примерно с 1580 г., как пишет Т. Уотт, религиозные

⁵⁷¹ *Helmholz R.H. Roman Canon Law in Reformation England. — Cambridge, 1990.*

⁵⁷² *Watt T. Cheap Print and Popular Piety, 1550—1640. — Cambridge, 1991.*

⁵⁷³ *Wrightson K. Levine D. Poverty and Piety in an English Village. Terling, 1525—1700. — New York, 1979.*

реформаторы действительно повели более активную кампанию против религиозных образов, хотя картины на религиозные сюжеты так и не ушли полностью из обихода в английской протестантской культуре, а в 1620—30-х гг. традиционная визуальная культура в Англии даже пережила некоторый подъем в связи с тем, что в это время в стране стала проявляться антикальвинистская реакция, представленная в деятельности лодийской группировки. Протестантизм также инициировал отход от образов Нового Завета к использованию образности из Ветхого Завета, античных и национально-английских героев, а также аллегорических тем. К концу XVII в. дешёвые издания сказок и преданий вытеснили религиозные баллады как наиболее распространённую форму массовых изданий. Торговля дешёвыми изданиями сказок и баллад стала активно развиваться с 1620-х гг.

Т. Уотт также показала, что рынок потребителей дешевой печатной продукции охватывал, наряду с социальными низами, также джентри, средние слои общества, так что дешёвые печатные издания обеспечивали возможность установления большей степени взаимопонимания и культурного общения между разными социальными группами. Для Т. Уотт спорным является мнение, что покупка дешёвой печатной продукции на религиозные темы может быть показателем распространения протестантской набожности в народе. Она считает, что покупка этой продукции может означать лишь поверхностное следование условиям общественного вкуса. Чтобы понять, насколько такие покупки отражали действительные вкусы человека, нужно обращение к архивным материалам, к личным письмам и дневникам, но Т. Уотт не обращается к таким источникам.

В результате Т. Уотт собрала много сведений о художественных вкусах и пристрастиях в народе, но в этих материалах не так много данных именно о религиозных верованиях, характерных для массы англичан. При этом Т. Уотт показала, что в течение долгого времени в постреформационный период люди почти всех социальных состояний (исключая самых бедных, у которых не было денег на покупку печатной продукции, и высшую аристократию, которая не рассматривается в работе) покупали книги, памфлеты и баллады, в которых были переплетены элементы старой и новой религии, и раскол между элитарной и народной культурами, по её мнению, был гораздо менее ярко выраженным, чем это утверждали многие историки, так что тезис о совершившемся в ранее новое время в Англии переходе от преимущественно устной и визуально-образной культуры к печатной культуре нуждается в разного рода оговорках. Т. Уотт в результате приходит к выводу, что протестантская Реформация и распространение печатного слова трансформировали традиционную культуру, но полностью не вытеснили ее.

Известный историк Д. Кресси занимается изучением развития образования в протестантской Англии, изменениями в календаре под влиянием протестантизации страны, вопросами, связанными с влиянием протестантизма на ритуальную сторону жизни англичан в XVI—XVII веках.

Он собрал очень подробную сводку сведений о повседневной жизни в Англии этого времени, испытавшей воздействие утверждения протестантизма в стране⁵⁷⁴.

Сборник статей «Приход в английской жизни, 1400—1600» (1997)⁵⁷⁵ свидетельствует о том, что идеи историков-ревизионистов К. Хейга, Дж. Скарисбрика в изучении Реформации оказали заметное влияние на современных социальных историков. Авторы сборника использовали в качестве источников приходские записи, завещания, отчёты церковных старост, где сообщается о покупке свечей, частоте посещений местными жителями пивных, частоте побелки церковных стен. В духе идей ревизионистов авторы сборника предупреждают, что данные по одному региону не следует экстраполировать на всю страну, данные по одному приходу нельзя переносить на всю национальную церковь, что, вообще говоря, делает затруднительными рассуждения об успехе или неудаче Реформации. Авторы сборника считают, что Реформация не началась до 1570-х гг., и 1530-е гг. ими вообще не упоминаются как начало английской Реформации; они отстаивают тезис о том, что в английской позднесредневековой церкви не было никакого упадка; антиклерикализм был не причиной английской Реформации, а стал её следствием; протестанты были «бесчувственными иконоборцами»; в результате Реформации жизнь женщин не улучшилась, поскольку английское общество стало ещё более стратифицированным, так что авторы сборника буквально сожалеют о наступлении процесса модернизации на средневековье.

П. Маккаллоу в своей работе «Проповеди при дворе: политика и религия в проповедях при Елизавете и Якове I» (1998)⁵⁷⁶ отмечает, что в последние годы возрождается интерес к изучению проповедей. По его словам, стиль управления церковью при Елизавете и Якове I отличался, как отличался их стиль управления государством⁵⁷⁷. Елизавета недоверчиво относилась к проповедям и предпочитала молитву в уединенной обстановке, а также форму службы, установленную молитвенником англиканской церкви. Проповеди при дворе Елизаветы не были еженедельными и становились более частыми только во время великого поста, но при этом устраивались в соответствии со средневековыми обычаями в воскресенье после обеда, учащаясь в пасхальную неделю. В пасхальное время Елизавета превращалась во внимательную слушательницу проповедей, любила в проповедях высокопарную риторику. В архитектуре королевских часовен было устроено так, что королева сидела близко к проповеднику на одном уровне с ним, практически с глазу на глаз, следила за содержа-

⁵⁷⁴ Cressy D. *Literacy and the Social Order: Reading and Writing in Tudor and Stuart England*. — Cambridge, 1980; *Idem*. *Bonfires and Bells: National Memory and the Protestant Calendar in Elizabethan and Stuart England*. — Berkley, 1989; *Idem*. *Birth, Marriage and Death Ritual, Religion and Life-Cycle in Tudor and Stuart England*. — Oxford, 1997.

⁵⁷⁵ *The Parish in English Life, 1400—1600* / Ed. by K.L. French, G.G. Gibbes, B.A. Kumin. — Manchester, 1997.

⁵⁷⁶ McCullough P.E. *Sermons at Court: Politics and Religion in Elizabethan and Jacobean Preaching*. — Cambridge, 1998.

⁵⁷⁷ *Ibid.* — P. 6.

нием проповедей, и был случай, когда в Уайтхолле в 1565 г. Елизавета прервала проповедь пуритански настроенного священника Александра Ноуэлла.

В отличие от Елизаветы, Яков I в отношении к проповедям проявлял гораздо больше энтузиазма, симпатизировал кальвинистским проповедникам со взглядами, подобными Джорджу Эбботу, архиепископу Кентерберийскому (1610—1633), и Тоби Мэтью. При дворе Якова проповеди читались два раза в неделю — в дополнение к воскресному дню король установил проповедь ещё и во вторник в память о своём спасении в этот день недели во время заговора против него, организованного графом Гаури в 1600 г. Яков I слушал проповеди даже на охоте⁵⁷⁸. П. Маккаллоу полагает, что проповеди оказывали гораздо большее влияние на церковь и двор в правление Якова I, чем театр, и проповеди при дворе были более частными, чем театральные постановки⁵⁷⁹. При этом при дворе слушались проповеди разных по взглядам проповедников от кальвинистов до представителей поднимавшейся арминианской группировки, что в дальнейшем способствовало обострению ситуации в церкви в правление Карла I. П. Маккаллоу также обращает внимание на то, что при Елизавете тщательно обставленные и подготовленные ею посещения проповедей составили Елизавете репутацию большего покровителя проповедей по сравнению с Яковом I⁵⁸⁰.

В современной британской историографии в изучении Реформации по-прежнему сохраняется интерес к локальным исследованиям. Работа М. Скитерс «Сообщество и духовенство: Бристоль и Реформация в 1530—1570 гг.» (1993)⁵⁸¹ посвящена изучению Реформации в Бристоле — третьем по величине после Лондона и Нориджа городе в Англии в период религиозных реформ. Как пишет М. Скитерс, в позднесредневековом Бристоле было 18 приходов, и прихожанам даже можно было выбирать священников, проповедников и церковные хоры. В городе были также монахи, часовни, религиозные братства. Церковь была относительно независима от светской власти. М. Скитерс насчитала в Бристоле накануне Реформации 140 духовных лиц, 73 из которых принадлежали к приходскому духовенству. Это составляло 1,5% населения города, которое оценивается в 9,5—10 тыс. человек. Накануне Реформации число духовных лиц относительно уменьшилось по сравнению с более ранним периодом. В городе были два монастыря и были представлены четыре монашеских ордена. Реформация в Бристоле началась с проповедей известного реформатора Хью Латимера в 1533 г. К 1570 г. духовенство в Бристоле состояло из соборного духовенства и сильно ослабленного приходского духовенства, причём значительно понизился социальный статус духовен-

⁵⁷⁸ *McCullough P.E. Sermons at Court: Politics and Religion in Elizabethan and Jacobean Preaching. — Cambridge, 1998. — P. 126.*

⁵⁷⁹ *Ibid. — P. 101.*

⁵⁸⁰ *Ibid. — P. 113.*

⁵⁸¹ *Skeeters M.C. Community and Clergy: Bristol and the Reformation c. 1530—1570. — Oxford, 1993.*

ства, в результате чего ранее существовавшая компетентная и независимая религиозная община духовенства Бристоля превратилась в группу, состоящую из небольшого ядра элиты и плохо образованного, бедного приходского духовенства, находившегося под влиянием местных светских лиц. Работа М. Скитерс подтверждает тезис об уменьшении социальной роли духовенства в результате Реформации⁵⁸².

В работе Д.М. Ожье «Реформация и общество на Гернси» (1996)⁵⁸³ рассматриваются изменения в общественной жизни на острове Гернси в 1540—1640 гг., когда совершился переход от исповедания католицизма к утверждению кальвинизма. Как считает Д. Ожье, кальвинизм обеспечил возможность состоятельным лицам взять под свой контроль общественную жизнь, при этом ослабив социальную сплочённость местного населения. Помощь бедным стала более избирательной по сравнению с неразборчивостью в этой сфере при католицизме. Способность человека оказать помощь бедным стала рассматриваться как доказательство избранности с предположением, что бедные к числу избранных не относятся, так что, утверждает Д. Ожье, местная элита вполне приспособила реформационные идеи к своим интересам⁵⁸⁴.

Примером продолжающихся локальных исследований в изучении истории Реформации в Англии является также сборник «Реформация в английских городах, 1500—1640» (1998) под редакцией П. Коллинсона и Дж. Крейга⁵⁸⁵. Среди статей сборника К. Кросс посвятила своё исследование религиозным изменениям в Донкастере, важном городе в графстве Йоркшир. Как видно из статьи, переход к протестантизму в городе происходил без заметных религиозных конфликтов: в правление Елизаветы в церковный суд с обвинением в принадлежности к католическому рекузантству была представлена лишь одна женщина. В Донкастере доминировала евангелическая протестантская группировка, и местные священники не соблюдали официальные церемонии, отказывались носить стихарь.

Д. Лэмберн посвятил свою статью ещё одному городу в графстве Йоркшир — Беверли, рассмотрев на материалах, относящихся к 1615 г., активизацию пуритански настроенных прихожан, которые после службы оставались в церкви, чтобы обсудить её проведение и петь псалмы, несмотря на осуждение их со стороны священника. Американская исследовательница К. Лиценбергер, тесно взаимодействующая со своими британскими коллегами, обратилась к изучению города Тьюксбери недалеко от Глостера. В Тьюксбери население сравнительно долго сохраняло приверженность к традиционной религиозности, и протестантизм стал укореняться только в 1570-е гг., но до конца XVI в. в городе проводились

⁵⁸² Skeeters M.C. *Community and Clergy: Bristol and the Reformation c. 1530—1570*. — Oxford, 1993. — P. 153.

⁵⁸³ Ogier D.M. *Reformation and Society in Guernsey*. — Woodbridge, 1996.

⁵⁸⁴ Ibid. — P. 181.

⁵⁸⁵ *The Reformation in English Towns, 1500—1640* / Ed. by P. Collinson and J. Craig. — London, 1998.

церковные праздники с потреблением пива и ставились спектакли на религиозные темы, осуждавшиеся пуританами. Д. Мак-Каллок исследовал религиозную ситуацию в Вустере. В этом городе местный собор быстро реагировал на официальные требования в проведении религиозной политики, стараясь строго ей следовать. При Марии Тюдор в Вустере успели установить органы и алтари, которые затем были быстро убраны после восшествия на престол Елизаветы, и в городе стали усиливаться радикалы, а католики составляли незначительное меньшинство. Авторы сборника отмечают также широкое распространение в Англии к концу XVI в. добровольных форм религиозных объединений, которые собирались по своей инициативе в установленное ими самими время и в выбранных ими местах, слушали проповедников, исповедовавших близкие им взгляды и поддерживали их добровольными финансовыми взносами.

К. Лиценбергер в своей работе «Английская Реформация и светские лица: Глостершир, 1540—1580» (1997)⁵⁸⁶ в качестве основного источника использует завещания, продолжая обсуждать вопросы об их использовании в изучении религиозной истории XVI в. Вопросами анализа завещаний занимался целый ряд современных британских историков⁵⁸⁷. К. Лиценбергер обращает внимание на то, что А.Дж. Диккенс в своей работе «Английская Реформация» использовал 559 завещаний, составленных представителями джентри, духовными лицами и состоятельными йоменами Йоркшира и Ноттингемшира. А.Дж. Диккенс обозначил рассмотренные им завещания в рамках 1538—1551 годов как «традиционные» и «нетрадиционные». Решающим годом в эволюции содержания завещаний ему представлялся 1549 г., когда нетрадиционные завещания (24) превзошли традиционные (23). На основе этого А.Дж. Диккенс считал, что правление Эдуарда VI можно считать водоразделом в истории распространения протестантизма в Англии.

Со времени публикации этой важной работы А.Дж. Диккенса в историографии английской Реформации распространилась ревизионистская волна, которая отрицает раннее и быстрое распространение протестантизма в Англии в народной среде, но работа А.Дж. Диккенса важна ещё и тем, что она стимулировала изучение религиозности в народе, так что историки стали активно использовать материалы церковных судов, отчёты церковных старост и завещания. К. Лиценбергер проанализировала материалы церковных судов из Глостерской епархии, рассмотрела финансовое состояние церковных приходов, особое внимание уделив приходам Тьюксбери и Сент-Майклз в Глостере, а также проделала очень большую

⁵⁸⁶ *Litzenberger C.* The English Reformation and the Laity, Gloucestershire, 1540—1580. — Cambridge, 1997.

⁵⁸⁷ *Zell M.A.* The Use of Religious Preambles as a Measure of Religious Belief in the Sixteenth Century // *Bulletin of the Institute of Historical Research.* — 1977. — P. 246—249; *Spufford M.* The Scribes of Villagers' Wills in the Sixteenth and Seventeenth Centuries and Their Influence // *Local Population Studies.* — 1971. — Vol. VII. — P. 28—43; *Idem.* Contrasting Communities: English Villagers in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. — Cambridge, 1974. — P. 320—334; *Dickens A.G.* Lollards and Protestants in the Diocese of York, 1509—1558. — Oxford, 1959. — P. 171—172, 220—221.

работу по анализу 3,5 тысяч завещаний, представив результаты в таблицах и схемах в своем исследовании, и внесла значительный вклад в изучение завещаний для понимания английской Реформации в современной историографии.

К. Лиценбергер приходит к выводу, что в 1540—1580 гг. религиозные взгляды жителей графства Глостершир обоюбого пола представляли собой широкий спектр мнений, в котором можно обнаружить как образцы страстного консерватизма, так и убежденного протестантизма. К. Лиценбергер также выявила, что многие люди, сталкиваясь с колебаниями религиозной политики в данный период, искали выход в двойственности составленного завещания, и такие тексты бывали по содержанию и не традиционными, и не полностью протестантскими. Такая ситуация сохранялась даже на протяжении большей части 1570-х гг., что приводит К. Лиценбергер к заключению, что к 1580 г. протестантизация Глостершира только началась. Такой вывод соответствует оценкам, предлагаемым во многих современных ревизионистских работах, авторы которых придерживаются мнения о медленном распространении идей Реформации в Англии.

От периода 1541—1580 гг. сохранились примерно 8 тысяч завещаний. Преамбулы этих завещаний, как считает К. Лиценбергер, можно сгруппировать в три типа: традиционные, протестантские и двусмысленные. Исследователи в последнее время приходят к выводу, что следует анализировать не только преамбулу завещания. Предлагается выявить, кому и какое имущество оставляется в завещании, каковы распоряжения завещателя об организации похорон, кем предположительно были свидетели и исполнители завещания по их религиозным взглядам, но даже после этого обычно всегда остаются неясности. В то же время К. Лиценбергер очень осторожно подошла к истолкованию завещаний: например, ни в один из 1541—1580-х гг. она не смогла найти более 10 завещаний с отчетливо протестантскими преамбулами, но в то же время к 1550 г. в завещаниях прекращаются упоминания о необходимости молитв за умерших, что можно считать отчетливо протестантским признаком. Вряд ли также стоит по мере хода времени рассматривать неопределённо-двусмысленные завещания как оппозиционные по отношению к протестантизму: например, между 1570 и 1580 гг. 88% завещаний, составленных в народной среде, были двусмысленными. В дореформационных завещаниях постоянными были упоминания о молитвах у алтаря, заупокойных молитвах и мессах, о мортуариях, о десятинах на помин души, так что их отсутствие по умолчанию всё же, по её мнению, можно рассматривать как свидетельство распространения протестантизма.

В работе Р. Хоулбрука «Смерть, религия и семья в Англии, 1480—1750» (1998)⁵⁸⁸ автор показал, что в эпоху Реформации в Англии происходили изменения в социальной структуре, рост уровня грамотности и индивидуализма в обществе, уменьшение уровня смертности. При этом, по

⁵⁸⁸ *Houlbrooke R. Death, Religion and the Family in England, 1480—1750. — Oxford, 1998.*

мнению Р. Хоулбрука, секуляризация не была важнейшей чертой реформационного периода в Англии, и к тому же, учитывая внимание автора к пониманию смерти в этот период, по его словам, «понимание смерти в обществе подвергается секуляризации в последнюю очередь». Автор фактически не анализирует используемые источники, не занимается их интерпретацией, и польза исследования состоит главным образом в том, что он собрал эти свидетельства, но остается неясным, насколько репрезентативны собранные им сведения.

Вопрос о возможности использования методов социальной антропологии и фольклористики обсуждает в своей статье «Английская Реформация и свидетельства фольклора» Р. Хаттон⁵⁸⁹. Он высказывает мнение, что споры между сторонниками подхода А. Диккенса и К. Хейга в понимании темпов распространения реформационных идей в Англии в значительной степени являются результатом концентрации представителей этих двух подходов на разных аспектах того, что, в сущности, является той же самой картиной. В настоящее время, по его мнению, споры между либеральными историками и историками-ревизионистами возникают из-за разности в акцентах, частично как следствие использования разных источников. Историки-ревизионисты, которые подчёркивают популярность старой церкви и широко распространенную враждебность к религиозным реформам, склонны использовать главным образом отчёты церковных старост, записи материалов церковных судов, материалы визитаций, в то время как историки, поддерживающие точку зрения о быстром распространении Реформации в Англии, придают больше значения завещаниям, а также печатной продукции. Р. Хаттон обращает внимание на работу Т. Уотт «Дешёвая печатная продукция и народное благочестие» (1991)⁵⁹⁰. Британская исследовательница привлекла к исследованию до сих пор мало использовавшиеся в качестве источников баллады, плакаты, и Р. Хаттон отмечает, что мнение Т. Уотт сходно с его точкой зрения о том, что в этих источниках можно найти подкрепление и для позиции А. Диккенса, и К. Хейга, и в то же время сами эти источники однозначно не дают аргументы в пользу ни той, ни другой позиции. Эта печатная продукция для народа несла в себе и ориентировавшиеся на Библию протестантские идеи, и традиционную набожность, опирающуюся на визуальные образы, но подавалось в ней всё это таким образом, что не возникало ощущение конфронтации между старыми и новыми религиозными идеями и формами, и виден был лишь сохранявшийся и после перехода к реформированной религии интерес к смерти, спасению, чудесам, заслуживавшим подражания образцам поведения. Были видны различия в акцентах, выражавшиеся, например, в частичной замене использования в качестве главных героев святых, вместо которых теперь стали выступать библейские персонажи и исторические деятели, но в общем

⁵⁸⁹ Hutton R. The English Reformation and the Evidence of Folklore // Past & Present. — 1995. — № 148. — P. 89—116.

⁵⁹⁰ Watt T. Cheap Print and Popular Piety, 1550—1640. — Cambridge, 1991.

элементы преемственности с прошлым были сильнее, и происходила безболезненная интеграция религиозных перемен в старые традиционные формы. При этом в литературе, издававшейся для народа, те вопросы, которые очевидно разделяли соперничавшие церкви и разные направления в протестантизме, обычно игнорировались, и внимание сосредоточивалось на тех ценностях и идеях, относительно которых существовало всеобщее согласие, и которые основывались на простых поведенческих правилах и выражались преимущественно в развлекательной форме. Эта печатная продукция обслуживала народную культуру, которая была восприимчива к воздействию изменений в религиозной сфере и была способна их абсорбировать⁵⁹¹.

Р. Хаттон отмечает, что для изучения истории Реформации можно воспользоваться источниками, практически не изучавшимися пока что историками — фольклорными материалами XVIII—XIX веков. Работу с этими источниками начал К. Томас, но её фактически никто не продолжил. Фольклорные материалы больше используют британские историки, занимающиеся историей Реформации в Германии — Дж. Страусс, Р. Скрибнер, Дж. Паркер, но и они ещё мало использовали материалы немецкой фольклористики. В Англии такие фольклорные материалы по XVI—XVII вв. практически отсутствуют, поскольку только со времени правления Георга III (1760—1820) образованное общество почувствовало себя настолько отчужденным от народа, особенно от жителей сельской местности, что возникла потребность в систематической фиксации народных обычаев и верований, как будто они представляли собой иную культуру. Ранее этого занимавшийся сбориением материалов народной культуры Джон Обри (1626—1697) набрал представляющие интерес источники, но они невелики по объему и хаотичны по содержанию. Больше материала было собрано после 1770 г., а к 1870-м гг. большое значение для изучения фольклора приобрела «теория пережитков», сформулированная Эдвардом Тайлором и Джоном Фрейзером, в которой утверждалось, что многие ритуалы в народной культуре являются остатками дохристианских религиозных практик, которые вполне могут быть реконструированы путем сравнительного изучения, и эта «теория пережитков» была влиятельна до 1980-х гг., когда она подверглась критике⁵⁹².

По оценке Р. Хаттона, «теория пережитков» сама по себе неисторична в том, что основывается на предположении, что жизнь простых англичан была статичной и огражденной от посторонних влияний, так что, например, обычаи, существовавшие в правление королевы Виктории (1837—1901) практически не изменились за несколько столетий. Стоило только

⁵⁹¹ Hutton R. The English Reformation and the Evidence of Folklore // Past & Present. — 1995. — № 148. — P. 90—91.

⁵⁹² Boyes G. Cultural Survivals. Theory and Traditional Customs // Folk Life. — 1987—88. — Vol. XXVI. — P. 5—9; Smith G. Social Basis of Tradition: The Limitations and Implications of «The Search for Origins» // Language, Culture and Tradition / Ed. by A.E. Green, J.D.A. Widdowson. — Leeds and Sheffield, 1981. P. 77—87; Aspects of British Calendar Customs / Ed. by T. Buckland, J. Wood. — Sheffield, 1993.

в 1970-е гг. начать систематически изучать обычаи, как исследователи пришли к выводу, что многие из них совсем не восходят к языческому прошлому, некоторые из них сравнительно недавние по происхождению и при этом значительно изменились за время своего существования⁵⁹³. Многие исследователи фольклора поэтому стали терять интерес к изучению происхождения обычаев и сосредоточились на изучении того, каковы были социальные функции этих обычаев в то время, когда их зафиксировали фольклористы, то есть в последние 200 лет. Р. Хаттон придерживается мнения, что изучение обычаев и ритуалов всё же в определенной мере позволяет проследить возникновение некоторых обычаев ещё в глубоком, в том числе языческом, прошлом: например, подарки на Новый год, превратившиеся в подарки на Рождество, украшение жилищ и зданий в праздники зелёными ветвями, священные огни в первый день мая и на Иванов день 24 июня⁵⁹⁴.

Р. Хаттон обращает внимание на работу фольклориста Т. Брауна «Судьба мертвых» (1979)⁵⁹⁵, представляющую собой анализ рассказов о привидениях в западных районах Англии, изучая которые, можно составить представление об отношении в народе к смерти и загробной жизни. В них есть мотив, отражающий влияние протестантизма, поскольку упоминается о закрытых в начале Реформации монастырях как средоточии коррупции, лицемерия и зла, но в некоторых рассказах о закрытых монастырях есть и сожаления об их утрате. В этих рассказах обнаруживаются лишь слабые следы веры в чистилище, в действенность заупокойных молитв, и слово ценится в экзорцизме выше, чем действие святой воды. Но в то же время в рассказах много традиционных религиозных мотивов: не подвергаемая сомнению вера в спасение через совершение добрых дел, а также в способность священника изгнать призрак, и не столько обращением к Богу, сколько чтением заклинаний, часто на экзотическом и древнем языке. Усмиренный злой дух почти никогда не изгоняется в ад, а посылается в море, в землю, в какое-нибудь животное. Священник воспринимается не столько как служитель Богу, а больше как маг. Особенно эффективным магическим средством считалась освященная земля с кладбища. Т. Браун в целом оценил народную религиозность как смесь древних языческих верований, нетвёрдо держащегося в памяти старого католического учения и последующих влияний протестантизма, возможно, искажённых при неправильном понимании проповедей. Католические и протестантские элементы в этой смеси, как видно, сосуществовали без каких-либо трений, и, видимо, такой смешанный характер народных верований не беспокоил руководителей церкви и государственную власть, потому что церковные суды в реформационный период постепенно перестали углубляться в особенности народных религиозных верований⁵⁹⁶.

⁵⁹³ Roy J. *The Jack-in-the-Green: A May Day Custom*. — Cambridge, 1978.

⁵⁹⁴ Hutton R. *The Rise and Fall of Merry England: The Ritual Year, 1400—1700*. — Oxford, 1994.

⁵⁹⁵ Brown T. *The Fate of the Dead*. — Cambridge, 1979.

⁵⁹⁶ Hutton R. *The English Reformation and the Evidence of Folklore // Past & Present*. — 1995. —

Р. Хаттон разбирает, как в реформационную эпоху стали относиться к четырем самым известным и популярным церемониями католической церкви: освящению свечей на Сретение, почитанию зелёных ветвей в Вербное воскресенье и изготовлению в этот день деревянных крестов, устройству Пасхальной гробницы и поминальным молитвам в День Всех Святых.

Сретение — праздник очищения Девы Марии 2 февраля. Основание для зажигания свечей в этот день находили в Евангелии от Луки 2:32. Освящённые свечи потом сжигали в церкви во имя того, кто эти свечи поставил. Этот обряд был отменен в 1548 г. при Сомерсете, ненадолго восстановлен при Марии, а потом опять убран из церковной жизни при Елизавете. По имеющимся свидетельствам, реакция на местах на эти распоряжения была очень оперативной, так что автор в церковной документации нашел только два упоминания в 1560 и в 1562 гг. об активизации закупок воска к этому празднику в двух населенных пунктах: Кредитон в центральном Девоне и Ладлоу в болотах Уэльса. Но на Сретение также пели особые песни, которые, как отмечает Р. Хаттон, сохранились в Северном Уэльсе даже в XVIII в.⁵⁹⁷ Песни на Сретение пели группы жителей деревни, ходившие от дома к дому, так что празднование Сретения перешло из церковной жизни в жизнь домашнюю. При этом Уэльс совсем не был регионом сохранения остаточного католицизма, и не видно признаков того, чтобы эти ритуалы осуждались протестантскими священниками в Уэльсе. Р. Хаттон нашел упоминания о том, что в Дорсете до конца XVIII в. в Сретение был обычай обмениваться свечами как подарками друг другу, а также был обычай зажечь в этот день свечи дома, выпить по этому поводу. Такие же обычаи были в долине Трента в Ноттингемшире. Насколько этот обычай был распространен по территории Англии, по фольклорным материалам установить не представляется возможным⁵⁹⁸.

Освящение зелёных ветвей, связанное с Вербным воскресеньем, было запрещено королевскими предписаниями в 1547 г., но в конце XVIII в., когда обычаи стали описываться, сбор ветвей ивы, самшита, тиса к Вербному воскресенью практиковался очень широко. Ветви носили домой или коллективно собирались с ними на вершинах холмов. В Уэльсе происходили шествия с ветвями, которые благословляли священники. Религиозный смысл, как считает Р. Хаттон, эти зелёные ветви стали терять только к концу XIX в., а в упадок этот обычай пришел в первой половине XX столетия.

В меньшей степени, чем собирание зелёных ветвей, в Вербное воскресенье было распространено изготовление деревянных крестов, но и эта практика встречалась, особенно на севере Англии, вплоть до конца XIX в. И ветви, и кресты, изготовленные к Вербному воскресенью, надевались защитными способностями⁵⁹⁹.

№ 148. — P. 93—94.

⁵⁹⁷ Trefer M.O. The Celebration of Candlemas in Wales // Folklore. — 1973. — Vol. LXXXIV — P. 238—251.

⁵⁹⁸ Hutton R. The English Reformation and the Evidence of Folklore // Past & Present. — 1995. — № 148. — P. 96.

⁵⁹⁹ Ibid. — P. 98—99.

Пасхальная гробница могла представлять собой углубление в стене в церкви, или особо стоящий каменный постамент, или углубление над захоронением в церкви набожного и богатого прихожанина, а чаще всего гробницу символизировала коробка из дерева и бумаги, скрепленная проволокой, гвоздями, булавками. В Великую Пятницу в неё клали освященную облатку в шкатулке с распятием, которую церемониально омывали водой и вином. Макет гробницы закрывали тканью, украшали свечами и сторожили, а в день Пасхи открывали и затем носили вокруг церкви гостию и распятие с пением «Христос Воскресе». Архиепископ Кентерберийский Томас Кранмер запретил пасхальное распятие как идолопоклонство в 1548 г. перед Пасхой, и это распоряжение, хотя и не было королевским декретом, оказалось действенным. Распоряжение пытались игнорировать только в некоторых приходах от Ладлоу до Кентербери и в двух соборах в Вустере и Винчестере. Единственное подробное описание сооружения гробницы на Пасху Р. Хаттон нашел в фольклорных материалах в Пембрукшире в начале XIX в. Теперь эту гробницу сооружали в поле или в саду, а открытие гробницы считалось в первую очередь окончанием Великого поста, началом праздника, а тот, кто наблюдал за открытием гробницы, надеялся обрести удачу⁶⁰⁰.

В Великую Пятницу на пасхальной неделе в XVIII—XIX вв. по всей Англии, за исключением Лондона с окрестностями, люди пекли хлеб с изображением креста, который наделяли магическими качествами. Этот хлеб хранили до следующей Пасхи, обычно в сумке, подвешивавшейся к потолку. Стали также выпекаться булочки с изображением креста, продававшиеся уличными торговцами и в кондитерских магазинах. Такие булочки, считает Р. Хаттон, и стали последним воспоминанием о Пасхальной гробнице⁶⁰¹.

День Всех Святых 1 ноября был посвящён памяти всех умерших, и эти небесные заступники призывались помочь душам умерших, находящимся в чистилище, через которое, как считалось, проходило большинство душ умерших людей. В этот день после окончания службы до полуночи звучал колокольный звон для облегчения мучений в чистилище, а иногда в некоторых приходах такой звон повторяли на следующий день. Этот колокольный звон в День Всех Святых упорно и долго сохранялся во всех районах Англии, и ещё в 1590-е гг. церковные суды осуждали нарушителей запрета на этот звон, введенного в правление Эдуарда VI. Католики в Ланкашире в полночь к наступлению Дня Всех Святых собирались на холме около своей усадьбы и поджигали большую связку соломы, поднимали её на вилы, а пока солома горела, молились за души родственников и друзей. Такие случаи происходили до конца XIX в. Поминальные костры жгли при этом не только католики, но и протестанты. Существовал также обычай печь к Дню Всех Святых поминальный хлеб, раздававший-

⁶⁰⁰Ibid. — P. 101.

⁶⁰¹Ibid. — P. 102—104.

ся бедным. Этот обычай появился задолго до Реформации, и в превращенной форме сохранился даже в первой половине XX в.⁶⁰²

Распространенным ритуалом в Великую Пятницу было поклонение приходской общины во главе со священником босиком распятию, установленному в Пасхальной гробнице, что в народе называли также «подползанием к кресту». В церковных документах после 1559 г. этот обычай не зафиксирован, но в фольклорных свидетельствах из Пембрукшира, относящихся ко второй половине XVIII в., всё ещё упоминается о том, что прихожане в Великую пятницу ходили босиком в церковь⁶⁰³.

До Реформации проводились полусветские по характеру церемонии с зажиганием костров на Иванов день 24 июня и на день Петра и Павла 12 июля. Они устраивались и в сельской местности, и в городах по всей Англии. Современники осмысливали этот обычай ещё как повод для поддержания добрососедских отношений, для очистки воздуха от инфекции с санитарными целями. Против этого обычая не издавались декреты, но костры оскорбляли чувства радикальных реформаторов: они были связаны с Иоанном Крестителем, Петром и Павлом, то есть с почитанием святых, хотя и упоминаемых в Св. Писании. Протестанты возражали утверждениям о том, что пламя может иметь какие-то магические свойства. С 1541 г. Генрих VIII отменил при дворе костер в честь Иванова дня 24 июня. В первое десятилетие правления Елизаветы наблюдалась заметная активизация борьбы церковных судов против костров на Иванов день и день Свв. Петра и Павла в епархиях Кентербери и Винчестер. Эти костры стали гораздо реже устраиваться в Англии в течение XVII в., но в некоторых регионах на юго-западе, в Камбрии, на северо-востоке, в районе нагорий севернее Мидленда костры устраивали даже в XIX в. Фермеры на 24 июня ходили с зажженными ветвями вокруг скота для дезинфекции и в конце XIX—начале XX вв. В XVIII в. протестанты перестали активно выступать против костров, хотя по-прежнему считали их языческими⁶⁰⁴.

Р. Хаттон высказывает сомнение в том, что народная культура в Англии раннего нового времени была герметичной и замкнутой целостностью. В последнее время появилось несколько работ, которые показали, что существовали достаточно тесные, комплексные связи между печатной и устной культурой, городскими и сельскими жителями, разными уровнями местной и общенациональной социальной иерархии. В определенной степени само понятие «народная культура» является сконструированным историками с исследовательскими целями, в то время как всё же существовали связи между разными уровнями и сферами культуры⁶⁰⁵.

⁶⁰² Ibid. — P. 104.

⁶⁰³ Ibid. — P. 108.

⁶⁰⁴ Ibid. — P. 109.

⁶⁰⁵ Watt T. Cheap Print and Popular Piety, 1550—1640. — Cambridge, 1991; Spufford M. Small Books and Pleasant Histories. — London, 1981; Idem. The Great Reclothing of Rural England. — London, 1984; Idem. The Pedlar, the Historian and the Folklorist // Folklore — 1994. — Vol. CV. — P. 13—24; Woolf D.R. The “Common Voice”: History, Folklore and Oral Tradition in Early Modern England // Past and Present. — 1988. — № 120. — P. 26—52.

В раннее новое время можно обнаружить появление и существование специфического протестантского фольклора: рассказы о злобных монахах и совершавшихся ими гаданиях и колдовстве с использованием текста Библии.

С течением времени ритуалы эволюционировали в восприятии тех, кто исполнял их, от важных и значимых, исполненных глубокого смысла и защитных свойств, к исполнению их как пустой формальности. При этом, судя по фольклорным материалам, трудно оценить степень веры в эти ритуалы тех, кто в них участвовал. Нет также и способа проверки этих фольклорных сообщений на степень достоверности, и это можно сделать только путем сравнения разных фольклорных свидетельств об одном явлении. Как считает Р. Хаттон, у собирателей фольклорных свидетельств не было серьёзных мотивов для выдумывания или искажения собранных свидетельств, хотя сами фольклорные компиляции — артефакт, характеризующий то время, когда они были собраны.

Р. Хаттон приходит к выводу, что самые важные и любимые ритуалы позднесредневековой церкви в Англии и Уэльсе сохранились в народных обычаях после того, как эти ритуалы были удалены из официальной религии в результате Реформации. В некоторых случаях, как, например, в праздновании Вербного воскресенья и Великой пятницы, католические по происхождению ритуалы сохранились буквально по всей территории Англии, в других случаях эти ритуалы сохранились в отдельных регионах, обычно в нагорьях и в тех районах страны, которые в XVI в. были консервативными в характере религиозности местного населения, хотя и не во всех из этих регионов действительно сохранялся постреформационный католицизм. Распространение этих обычаев могло быть большим по масштабу, чем видно из свидетельств, записанных гораздо позднее. Протестанты также постепенно пришли к пониманию того, что некоторые народные обычаи безвредны для реформированной религии и могут быть сохранены, поскольку протестантизм стал более терпимым к играм, забавам, народным привычкам. Сложилась подлинно христианская культура, которая уже не подавляла местные обычаи и традиции⁶⁰⁶.

Р. Хаттон на основе анализа фольклорных свидетельств предлагает переосмыслить вопрос о том, какую роль играли элементы старых религиозных верований после начала Реформации. Сохранение этих прежних религиозных практик, считает Р. Хаттон, не обязательно следует считать подтверждением мнения о том, что протестантская Реформация была чуждой и нежелательной для населения страны. Увидев, что реформаторы осуждают некоторые обряды, которые прихожане ещё считали значимыми для себя, верующие в некоторых районах Англии переместили эти обряды из церковной жизни в сферу народных обычаев. С течением времени протестантские священники перестали воспринимать эти действия прихожан как сознательное противостояние Реформации, признав, что

⁶⁰⁶ Hutton R. The English Reformation and the Evidence of Folklore // Past & Present. — 1995. — № 148. — P. 112—113.

всё это не имеет первостепенной важности. Р. Хаттон предлагает, следовательно, считать этот процесс не столько эпизодом в истории сопротивления распространению Реформации, а скорее частью процесса восприятия Реформации, при этом облегчавшего трансформацию английского общества из католического в протестантское. Ритуалы старой религии при этом постепенно умирали в модернизирующемся обществе, что составляло часть общего процесса «упадка магии». Такой подход, считает Р. Хаттон, позволяет понять ещё один аспект сложного процесса перемены религии в Англии в ранее новое время: приспособление к религиозным переменам тех, кто принадлежал к народной культуре, и понимание протестантами того, что нужно сосредоточиться в своей деятельности на определённых приоритетах, которые дали бы возможность населению страны воспринять протестантизм, не пытаясь быстро изменить весь облик и содержание народной культуры⁶⁰⁷.

Статья Р. Хаттона даёт возможность получить представление о том, как с помощью описательных методов социальной антропологии и фольклористики можно изучать влияние Реформации на развитие английской культуры и на этой основе приходиться к значимым теоретическим по характеру выводам. Р. Хаттон в этой статье высказывает, как представляется, заслуживающие внимания идеи о дискуссии между сторонниками либеральной концепции А.Дж. Диккенса о быстром развитии Реформации в Англии и ревизионистской концепцией английской Реформации, которая обращала внимание на медленное укоренение протестантизма в народе. Как видно, Р. Хаттон предлагает рассматривать приверженность англичан к соблюдению некоторых обычаев, по происхождению связанных с католицизмом, не как пример намеренного противостояния Реформации, а как инерционные явления, сохранявшиеся в народной культуре в связи с тем, что изменения во всём облике культуры не происходят быстро. В истории Реформации в Англии, таким образом, подводит свои рассуждения к выводу Р. Хаттон, можно найти и свидетельства, подтверждающие либеральную концепцию А.Дж. Диккенса о быстром распространении протестантизма в Англии, и факты, позволяющие историкам-ревизионистам развивать идеи о медленной протестантизации Англии в течение нескольких десятилетий во второй половине XVI в. Использование описательных методов антропологии и фольклористики, как представляется Р. Хаттону, позволяет понять, как можно сгладить остроту противостояния между либеральной и ревизионистской концепциями истории английской Реформации.

В изучении XVI в., как считает либеральный историк П. Коллинсон, пришло время воссоединения политической и социальной истории, поскольку все политические события происходят в определенном социальном контексте, и всё, что происходит в обществе, является в известном смысле слова политическим. При этом, по его мнению, социальные и экономические историки должны продолжить разработку тех вопросов, которыми они за-

⁶⁰⁷ Ibid. — P. 115.

нимались, и нужно также продолжать изучение истории государственных учреждений. Остаются ещё неисследованными материалы заседаний центральных судебных учреждений. Стало также ясно, что для понимания политической жизни английского общества в XVI в. недостаточно того, что Дж. Элтон обращал главное внимание в исследовании на публичную, официальную бюрократическую часть управления. Ещё с 1970-х гг. Д. Старки стал проводить мысль о том, что политическая деятельность и политическое влияние в этом обществе часто были неформальными, сосредоточивались в ближайшем королевском окружении, в королевском дворе. Нереалистичным для того времени было жесткое разделение лиц в королевском окружении на придворных, значение которых Дж. Элтону виделось, в сущности, в исполнении ими лишь орнаментальных функций и роли прислуги, и более важных в королевском окружении «советников». Эти люди вполне могли быть одними и теми же лицами — на первый взгляд, прислугой, но реально также политическими деятелями⁶⁰⁸.

Религиозные верования и практика в жизни английского общества XVI в., считает П. Коллинсон, занимали центральное место, но, изучая религиозную ситуацию этого времени, исследователь религиозной истории должен пытаться понять её место во всей социальной ткани общества. Механизмы управления церковью — предмет исследования для церковных историков (ecclesiastical historians). В то же время материалы церковных судов несут в себе множество свидетельств о повседневной жизни, о языке того времени, пользуясь которым, англичане XVI в. общались друг с другом и самовыражались⁶⁰⁹.

С 1970-х гг. историки стали уделять больше внимания ментальности, образу мысли, языку англичан XVI в. Этим занимаются историки идей, интеллектуальной культуры этого периода, но реально этот предмет является более широким. В результате появляется возможность глубже осмыслить политическую культуру тюдоровской Англии путем изучения циркулировавших в обществе идей, способов их артикуляции и формализованного языка риторики этого времени. Форма и во многом содержание этих выступлений заимствовались из античной литературы. П. Коллинсон обращает внимание на большое влияние идей и образов античности на сознание англичан, и считает, что, например, идеи Цицерона, Тацита в Англии XVI в. были настолько влиятельны, что «участвовали в формировании текущей политики». Но Реформация расколола мировоззрение английского общества. До Реформации, в начале XVI в., как полагает П. Коллинсон, Англия была «одной из самых набожных христианских стран в Европе», фактически солидаризируясь в этой оценке с идеями ревизионистов⁶¹⁰.

В Шотландии, как считает П. Коллинсон, протестантизм сыграл революционную роль и способствовал формированию самостоятельного на-

⁶⁰⁸The Sixteenth Century 1485—1603 / Ed. by P. Collinson. — Oxford, 2002. — P. 9.

⁶⁰⁹Ibid. — P. 10.

⁶¹⁰Ibid. — P. 10—11.

ционального мышления в шотландской нации. В целом на Британских островах религиозные споры способствовали усилению идеологических конфликтов, и эти конфликты составляют значительную составную часть интеллектуальной истории этого периода, но П. Коллинсон отмечает, что эти религиозные конфликты всё же разворачивались в рамках признания общих моральных норм. Попытки рассмотрения религиозно-политической истории XVI—XVII вв. в контексте истории Британских островов составляют новейшую тенденцию в современной британской историографии, появившуюся под влиянием так называемого процесса деволюции, в результате которого в 1990-е гг. в рамках Соединенного Королевства стали обретать более широкие политические права Шотландия и Уэльс⁶¹¹.

П. Коллинсон считает также, что в конце XX в. было вновь осознано значение литературных произведений как исторических источников, поскольку литература и история нации взаимодействуют и взаимозависимы. По его словам, амбиции современных историков тюдоровского периода безграничны, их можно назвать «холистскими», но «история, которая попытается быть историей всего, в итоге не расскажет нам ничего, или не будет иметь смысла»⁶¹². Призывая к специализации в исторических исследованиях, П. Коллинсон предполагает также необходимость взаимодействия в изучении истории XVI—XVII вв. между историками, принадлежащими к разным направлениям в современной британской историографии.

Влияние методологических подходов социальной истории на изучение Реформации в Англии в 1960—90-е гг. было плодотворным. В британской историографии ранее основное внимание традиционно уделялось религиозно-политическим событиям XVI—XVII вв., а во второй половине XX в. рассмотрение Реформации как явления религиозно-политической истории удалось дополнить социально-экономической интерпретацией и культурно-антропологическим подходом к её анализу, и для современных британских историков характерно стремление к изучению Реформации в широком социокультурном контексте.

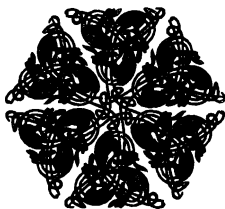
⁶¹¹Ibid. — P. 11—12.

⁶¹²Ibid. — P. 13—14.

Глава II

Становление и развитие
англиканской церкви
в середине XVI – начале XVII вв.
в оценке современной британской
историографии

§1. Современная британская историография о начальном этапе Реформации в Англии и положении в церкви Англии в первой половине XVI в.

В изучении истории церкви Англии в эпоху Реформации британскими историками прошлых поколений опубликован ряд значительных исследований¹. В XIX—первой половине XX в. предметом внимания исследователей были преимущественно церковные институты. В современной британской историографии институциональная история церкви Англии стала рассматриваться в относительно меньшей степени. Наибольшее внимание исследователей сейчас привлекает изучение влияния протестантизма на английское общество, продолжается также глубокое детальное рассмотрение и анализ событийной стороны того, что происходило в политической жизни Англии в предреформационные десятилетия и после начала Реформации в 1530—1550-е гг.

К настоящему времени британскими историками выявлена значительная источниковая база в изучении истории церкви Англии реформационного периода. Детальное описание архивов, которыми располагает церковь Англии, содержится в издании «Обзор церковных архивов» (1946)². Он напечатан машинописью в двух томах, и с него сделаны копии для Института исторических исследований в Лондоне и для крупнейших библиотек страны. В публикации Д. Оуэна³ перечислены те церковные архивы, которые доступны исследователям, с их местонахождением и характеристикой их каталогов. Многие материалы по истории церкви Ан-

¹ The Apostolic Ministry: Essays on the History and Doctrine of Episcopacy / Ed. K.E. Kirk. — Oxford, 1946; *Birt H.M.* The Elizabethan Religious Settlement. — London, 1907; *Child G.W.* Church and State under the Tudors. — London, 1890; *Davies E.T.* Episcopacy and the Royal Supremacy in the Church of England in the XVIth Century. — Oxford, 1950; *Dodd C.* The Church History of England with Notes, Additions and a Continuation by M.A. Tiernay. — London, 1839—1843. — Vol. I—V; Episcopacy Ancient and Modern / Ed. by Cl. Jenkins and K.D. Mackenzie. — London, 1930; *Gwatkin H.M.* Church and State to the Death of Queen Anne. — London, 1917; *Kennedy W.P.M.* Elizabethan Episcopal Administration. An Essay in Sociology and Politics. — Oxford, 1924—1925. — Vol. I—III; *Makower F.* The Constitutional History of the Church of England. — London, 1895; *Mason A.J.* The Church of England and Episcopacy. — London, 1914; *Usher R.G.* The Reconstruction of the English Church. — London, 1910. — Vol. I-II; Visitation Articles and Injunctions of the Period of the Reformation / Ed. by W.H. Frere and W.M. Kennedy. — Oxford, 1910. — Vol. I—III; *White F.O.* Lives of the Elizabethan Bishops of the Anglican Church. — London, 1898. Появлялись работы, посвященные изучению деятельности отдельных епископов: *Darby H.S.* Hugh Latimer. — London, 1953; *Shirley T. F.* Thomas Thirlby: Tudor Bishop. — London, 1964; *Dickens A.G.* Robert Holgate, Archbishop of York. — York, 1954.

² Survey of Ecclesiastical Archives, 1946. — London, 1951.

³ *Owen D.M.* The Records of the Established Church in England, excluding Parochial Records. British Record Association // Archives and the User. — 1970. — № 3.

глии находятся в главном архивохранилище страны — Государственном архиве Великобритании (Public Record Office (PRO), который находится в городе Кью в графстве Суррей). Материалы о сборе церковных субсидий по епархиям в XVI—XVII вв. хранятся в PRO Class E. 179 и содержат информацию о том, во сколько оценивался при обложении каждый бенефиций с упоминанием в некоторых случаях имени того духовного лица, которое уплачивало субсидию. Имеют значение также материалы суда лорда-канцлера об отлучениях от церкви, хранящиеся в PRO Class C. 85, и завещания духовных лиц, которые сохранились в книгах записей епископов, соборных капитулов, в записях церковных судов. Здесь также содержится информация о церковной утвари, зданиях, описания часовен, религиозных братств, служивших в них священников⁴.

Журналы записей епископов восходят по своему появлению к XIII в. Это достоверные источники, охватывающие значительные по протяженности временные периоды⁵. В некоторые годы в течение реформационного периода увеличивалось количество назначений на церковные должности по распоряжению короны (letters patent), которые хранятся в PRO Class C. 66. С 1400 года в университетах стали составляться списки с информацией личного характера о тех, кого зачисляли в университеты, и кто из них заканчивал курс обучения, которые позволяют найти данные о священниках-выпускниках университетов⁶.

Сохранились также материалы о часовнях в церкви Англии. В 1545—1546 гг. были составлены сертификаты для ликвидации часовен с топографическими каталогами, хранящиеся сейчас в PRO⁷. Имена священников в приходах и патронов приходов можно выявить на основе рукописных книг о назначении на должность, хранящихся в PRO, в которых упоминаются сертификаты, выдававшиеся епископами при назначении священника в приход (с 1544 по 1912 гг.). Сведения об этом находятся на хранении в фонде PRO Class E. 331. Взимание короной аннатов и «первых плодов» с духовных лиц, получивших должность, зафиксировано в книгах о задолженности духовных лиц короне с именами духовных лиц (composition books), охватывающих 1535—1794 гг., процессуальных книгах (process books) (1540—1822), в которых фиксировались платежи духовных лиц короне. Имеют значение источника также инвентарные описи церковного имущества, облачений и ценных предметов, сделанные в 1552 г. режимом герцога Нортумберленда⁸.

Проводились также различные церковные переписи, оценивавшие количество католиков и пуритан в приходах, и количество прихожан, которые регулярно посещали службы, что фиксировалось также в материалах визитаций епископов и записях архидиаконов. В этих источниках можно почерпнуть сведения о духовной жизни прихода, религиозных взглядах приходского священника (особенно в случаях, если у него были пуританские наклонно-

⁴ Stephens W. B. Sources for English Local History. — Chichester (Sussex), 1994. — P. 167—168.

⁵ Ibid. — P. 169.

⁶ Ibid. — P. 170.

⁷ Ibid. — P. 171.

⁸ Ibid. — P. 172.

сти) и о том, как он организовывал службу и проповеди в приходе, информацию о моральном состоянии прихожан, уровне их образованности, а также описание состояния церковных зданий, утвари, священнических облачений⁹.

Документы, связанные с отдельными бенефициями, содержат сведения об их доходности, назначении в приход священников, изменениях в имущественной обеспеченности прихода. Для приходов составлялись также поземельные книги, в которые иногда включали сведения о состоянии церковного здания и его обеспеченности необходимой утварью для служб¹⁰. В приходах велись также книги записей о взимании десятин. Споры о взимании десятин зафиксированы в архивах церковных и светских судов, особенно в суде прошений казначейства (Exchequer of Pleas)¹¹.

В материалах церковных судов на уровне епархий и архидиаконств книги судебных дел (case books) содержат детальные описания дел, разбиравшихся в этих судебных учреждениях. Разбор судебных дел регулировался актовыми книгами (act books)¹². С середины XVI в. материалы заседаний церковных судов заметно расширяются в объёме. В них содержатся сведения для оценки взаимоотношений духовенства и светских лиц, о моральной и духовной жизни священника, прихода¹³. В церкви Англии существовали также апелляционные суды, разбиравшие споры в среде духовенства. Записи материалов церковного апелляционного Арчского суда южной Кентерберийской церковной провинции (Court of Arches) сохранились только от времени после 1660 г. Аналогичным апелляционным судом для северной Йоркской церковной провинции был суд лорда-канцлера¹⁴. В Ламбетском дворце хранятся записи суда отпущений (Court of Faculties), охватывающие время с 1534 г., по которым можно собрать сведения о разрешениях на совмещение нескольких должностей в церкви (плюралитетах) и на право духовного лица жить вне своего прихода¹⁵.

Документы о жизни прихода в постреформационный период там, где они хорошо сохранились, содержат значительную информацию о различных представляющих интерес деталях приходской жизни. По составу приходская документация включает протоколы собраний налогоплательщиков прихода, приходские книги записей, отчёты констеблей, надсмотрщиков — заведующих призрением бедных в приходе, и отчёты церковных старост. Наиболее значительными источниками о жизни в приходе историки издавна считают отчёты церковных старост¹⁶. Приходские книги записей, наряду

⁹ Owen D.M. *Episcopal Visitation Books // History*. — 1964. — Vol. XLIX; Purvis J.S. *Tudor Parish Documents of the Diocese of York*. — London, 1948.

¹⁰ Tate W.E. *The Parish Chest*. — London, 1960.

¹¹ Evans E.J. *Tithing Customs and Disputes: the Evidence of Glebe Terriers // Agricultural History Review*. — 1970. — Vol. XVIII.

¹² Bowker M. *An Episcopal Court Book for the Diocese of Lincoln, 1514—1520*. — Lincoln Record Society LXI, 1967.

¹³ Stephens W.B. *Sources for English Local History*. — Chichester (Sussex), 1994. — P. 173.

¹⁴ Slatter M.D. *The Records of the Court of Arches // JEH*. — 1953. — Vol. IV.

¹⁵ Chambers D.S. *Faculty Office Registers, 1534—1549: A Calendar*. — London, 1966.

¹⁶ Cox J.C. *Churchwardens' Accounts*. — London, 1913; Blain J. *A List of Churchwardens' Accounts*. — London, 1933; Drew C. *Early Parochial Administration in England: The Origin of the Office of Churchwarden*. — London, 1954.

со списком крещений, браков и погребений, бывает, содержат еще какую-нибудь информацию личного характера, более нигде не встречающуюся¹⁷.

Британские историки подготовили также обзоры источников, характеризующих историю протестантских неконформистов¹⁸. Крупнейшим собранием произведений неконформистов-индепендентов и конгрегационалистов является Библиотека доктора Уильямса в Лондоне. Сведения о деятельности католиков и пуритан можно найти в материалах ежеквартальных сессий мировых судей по графствам с 1559 г. Материалы о деятельности неконформистов встречаются также в сериях государственных документов, относящихся к внутренней политике (State Papers, Domestic) в PRO, а также в Актах Тайного совета (Acts of the Privy Council). Наряду с PRO, важным архивохранилищем в Англии является также Общий регистрационный архив в Лондоне (General Register Office)¹⁹.

В изучении Реформации историкам до середины XX в. представлялось, что самое важное о её ходе вполне можно почерпнуть из источников, связанных с деятельностью центрального правительства, но под влиянием развития локальной истории во второй половине XX в. пришло понимание того, что утверждение протестантизма в Англии — это растянувшийся во времени процесс, который необходимо исследовать, привлекая источники, относящиеся к отдельным регионам страны²⁰.

В анализе причин английской Реформации британские историки в XX в. уделяли большое внимание предреформационному периоду. В 1950—70-е гг. появлялись работы, посвященные высшему духовенству и монашеству XV в., английскому предгуманизму, гуманизму и эрастианству, лоллардам и ранним английским протестантам, приходскому духовенству 1500—1534 гг.²¹ Дж. Эйвлинг, имеющий духовный сан в католической церкви, отмечает, что до сих пор выходило мало работ, где специально исследовался бы епископат 1500—1534 гг. В Англии епископы традиционно исполняли ряд функций: защита прав духовных лиц, отстаивание интересов папы и монарха, поддержание связи между церковью и государством. Епископ до Реформации был также обычно крупным землевладельцем и поддерживал порядок в своей

¹⁷ *Stephens W.B. Sources for English Local History.* — Chichester (Sussex), 1994. — P. 176.

¹⁸ *Powell W.R. The Sources for the History of Protestant Nonconformist Churches in England // BIHR.* — 1952. — Vol. XXV; *Powell W.R. Protestant Nonconformity Records // Archives.* — 1961. — Vol. V; *Smith J. The Local Records of Nonconformity // Local Historian.* — 1968—1969. — Vol. VIII; *Early Nonconformity, 1566—1800. A Catalogue of Books in Dr. Williams's Library.* Published in 12 Volumes by G.R. Hall and Co., 1968.

¹⁹ *Stephens W.B. Sources for English Local History.* — Chichester (Sussex), 1994. — P. 181—183.

²⁰ *Continuity and Change. Personnel and Administration of the Church in England, 1500—1642.* — Leicester University Press, 1976. — P. 13.

²¹ *Thompson A.H. The English Clergy and their Organization in the Later Middle Ages.* — London, 1947; *Aston M. The Fifteenth Century.* — London, 1968; *Owen D.M. Church and Society in Medieval Lincolnshire.* — Lincoln, 1971; *Hale J.R. England and the Italian Renaissance.* — London, 1954; *Caspari F. Humanism and Social Order in Tudor England.* — London, 1954; *McConica J.K. English Humanists and Reformation Politics under Henry VIII and Edward VI.* — Oxford, 1965; *Simon J. Education and Society in Tudor England.* — Cambridge, 1966; *Charlton K. Education in Renaissance England.* — London, 1965; *Bowker M. The Secular Clergy in the Diocese of Lincoln, 1495—1520.* — Cambridge, 1968; *Heath P. The English Parish Clergy on the Eve of the Reformation.* — London, 1968.

местности вместе со знатью и джентри, попутно присматривая и за самой знатью. Большинство епископов в 1500—1534 гг. были юристами по образованию, но немногие из них были постоянно заняты в центральной королевской администрации. Есть много неясностей в том, сколько времени в действительности они проводили в своих епархиях, но Дж. Эйвлинг полагает, что они жили в это время в своих епархиях дольше, чем обычно думали историки, и утверждает, что «при всех недостатках и почти что анонимности многих епископов, они всё же были влиятельной и подготовленной к исполнению своих обязанностей группой». Сохранилось очень мало книг епископальных судов за 1500—1534 гг., а епископальные журналы этого времени в основном остаются неопубликованными. Но система управления церковью в это время в Англии, как считает Дж. Эйвлинг, подходила для такого общества так, как «хорошая перчатка подходит к руке»²².

Переход человека в духовное сословие в начале XVI в. часто решался кем-нибудь из старших в семье, что в некоторой мере объясняет, по мнению Дж. Эйвлинга, возведение в сан большого количества кандидатов в священники без экзаменов или с поверхностно принятыми экзаменами. В целом приходское духовенство 1500—1534 гг., как пишет Дж. Эйвлинг, «оставляет угнетающее впечатление орды бедных, суеверных, малограмотных лиц, так что уместными представляются обобщения и характеристики, высказывавшиеся в отношении предреформационного английского духовенства гуманистами, Томасом Мором, Томасом Старки», но они признавали, что на континенте ситуация в этом отношении была ещё хуже. Основная проблема духовенства в 1500—1534 гг., по мнению Дж. Эйвлинга, «состояла в неспособности большинства духовных лиц позитивно адаптироваться к изменениям в обществе: священники были продуктами своего времени и условий, продуктом народного понимания религии, а не его опорой»²³.

При этом в английском обществе среди наиболее ревностных верующих существовало тяготение к исповеди, проповеди, к странствующим монахам, искупительным паломничествам, так что, по мнению Дж. Эйвлинга, «монахи в предреформационный период почитались больше, чем представители белого духовенства». Образовательный уровень английского духовенства с конца XIV в., по его оценке, всё же постоянно повышался, стали распространяться рукописные и печатные руководства для священников и исповедников. На положение духовных лиц в предреформационный период уже влияли экономические факторы: с 1495 по 1520 гг. цены выросли примерно на 50%, увеличивалось королевское налогообложение духовенства. В это время, предполагает Дж. Эйвлинг, усилился разрыв в материальной обеспеченности между более благополучной верхушкой духовенства, ректорами и викариями, и низшими категориями духовных лиц (помощниками приходского священника)²⁴.

²² *Aveling J.C.H. The English Clergy, Catholic and Protestant, in the 16th and 17th Centuries // Rome and the Anglicans: Historical and Doctrinal Aspects of Anglo-Roman-Catholic Relations. — Berlin — New York, 1982. — P. 58—59.*

²³ *Ibid.* — P. 60—61.

²⁴ *Ibid.* — P. 62—63.

Дж. Эйвлинг также обсуждает вопрос о том, насколько широко было распространено нарушение священниками в Англии обета безбрачия. В его истолковании, сохранившиеся визитационные статьи епископов указывают, что только небольшой процент приходских священников обвинялись в прегрешениях морального характера, но в ранней протестантской полемике было общим местом обвинение духовных лиц в нарушении обета безбрачия, на что, якобы, смотрели сквозь пальцы духовные власти. В сохранившихся завещаниях духовенства есть редкие упоминания о незаконных детях, но не всегда можно понять, появились ли эти дети до вступления в духовное звание или после этого. При этом те из духовных лиц, которые служили в университетах и имели низшие духовные степени, могли законно вступать в брак. После легализации брака духовенства в Англии отмечалось, что стремление вступить в брак среди священников, особенно более старших по возрасту, было очень умеренным и распространялось постепенно, и первоначально даже среди рьяных протестантов высоко ценилось безбрачие²⁵.

Обращает на себя внимание, по мнению Дж. Эйвлинга, то, что в 1520—30-е гг. английские университеты не отстаивали существовавший церковный строй и практически не вели антилютеранскую полемику, а затем и после начала Реформации в Англии Кембридж не стал чем-то подобным Виттенбергу. В 1540-е гг. с началом Реформации богословские факультеты университетов стали приходить в относительный упадок. Первое поколение английских протестантских богословов было очень немногочисленной группой, не имевшей какого-то одного безусловного лидера. Равным образом и среди консервативно настроенных духовных лиц не было какой-либо значительной группы, противостоявшей преобразованиям, и была только лишь небольшая группа молодых ученых богословов, которых пытались взрастить под своим покровительством консервативные епископы Гардинер, Боннер и Хит²⁶.

В 1976 г. известные современные исследовательницы истории церкви Англии XVI—XVII вв. Ф. Хил и Р. О'Дей, принадлежащие к либеральному направлению, организовали публикацию сборника статей «Преемственность и изменения. Персонал и администрация церкви Англии в 1500—1642 гг.», в котором рассмотрели вопросы, связанные с изучением системы управления, персонала церкви, взаимосвязей между внутренней организацией церкви и общественными проблемами²⁷.

Ф. Хил и Р. О'Дей отмечают, что общими для всех протестантских церквей Западной Европы проблемами были необходимость обеспечения для церкви образованного и способного к службе священства, трудности, связанные с обращением в протестантизм меньшинств, необходимость укрепления дисциплины. Актуальными исследовательскими задачами они считают изучение церковных судов, деятельности церковной администрации на всех уровнях²⁸.

²⁵ Ibid. — P. 63—64.

²⁶ Ibid. — P. 70, 74.

²⁷ Continuity and Change. Personnel and Administration of the Church in England, 1500—1642. — Leicester University Press, 1976. — P. 14.

²⁸ Ibid. — P. 16.

Ф. Хил и Р. О'Дей детально характеризуют источниковую базу в изучении церкви Англии реформационного периода. Они сетуют, что архивы епархий, капитулов и архидиаконств находятся сейчас при хранении в плохом состоянии. Большая часть этих материалов передана церковными властями местным архивам в графствах или местным библиотекам. Сохранность и полнота документации различаются по епархиям: хорошо документированы Кентерберийская, Даремская, Лондонская епархии, что авторы связывают главным образом с экономическим благополучием этих епархий. Потеряны большая часть архива апелляционного суда Кентерберийской епархии (Court of Arches), протоколов Суда Высокой Комиссии, что «наносит изучению периода Реформации непоправимый ущерб»²⁹. Записи о деятельности церковных судов в более единообразной форме сохранились от времени правления Елизаветы и позднее, но потеряно много документов об отстранении от должности, фрагментарно сохранились книги записи происходивших событий и переписка³⁰.

Ф. Хил и Р. О'Дей придерживаются мнения о том, что накануне Реформации церковные суды успешно исполняли свои функции: в 1960—70-е гг. историки выявили, что в 1520-е гг. церковные суды были активны и эффективны. За их эффективностью следили местные епископы, и свидетельства об этом обнаружены в целом ряде епархий — Чичестерской, Линкольнской, Нориджской, Элийской, Ковентри и Личфилд. В начале правления Генриха VIII и годы, когда канцлером был Томас Мор (1529—1532), церковные суды успешно и активно преследовали лоллардов, а обвинения против церковных судов в реформационном парламенте в неэффективности, как стало понятно, были пристрастны. Преследования лоллардов, а также расширение сферы судопроизводства церковных судов как раз и породили недовольство церковными судами³¹. В конце XVI в. объём дел, рассматривавшихся в церковных судах, был больше, чем до Реформации. Высказывались также предположения, что именно повысившаяся эффективность, строгость церковных судов в подходе к вопросам дисциплины и конформизма по отношению к протестантской церкви в постреформационный период вместе с действием системы епархиальных визитаций породили враждебность к церковным судам со стороны светских лиц. К такому же мнению в 1970-е гг. пришли историки-ревизионисты. Но всё же в результате Реформации, как считают Ф. Хил и Р. О'Дей, средний англичанин почувствовал себя свободнее от церковного контроля³².

Ф. Хил и Р. О'Дей обратили внимание на необходимость изучения распределения полномочий в управлении епархиальными делами между должностными лицами епархиальной администрации. Наряду с епископом, важнейшими фигурами в управлении епархией были канцлер, архивариус, служащие суда консистории. Специалисты по каноническому праву в церковных судах постепенно заменялись юристами гражданского

²⁹ Ibid. — P. 17.

³⁰ Ibid. — P. 18.

³¹ Ibid. — P. 19.

³² Ibid. — P. 23—24.

права. Хороший канцлер в епархии имел большое значение для эффективного управления. Сами канцлеры, как показывает практика этого периода, тоже предпринимали попытки подольше побыть в своей должности и усилить свою роль³³. В постреформационный период в епархиальной администрации стало возрастать значение должности архивариуса. Ф. Хил и Р. О'Дей усматривают в этом параллель с ростом значения в это время государственного секретаря в системе светской власти, так как в эти десятилетия стали возрастать объёмы делопроизводства. В начале XVII в. также стало возрастать значение должности секретаря епископа³⁴.

Отличительной чертой ситуации в церкви Англии в XVI в., как отмечают Ф. Хил и Р. О'Дей, стали происходившие изменения в религиозных верованиях населения: церковная жизнь приобрела динамику, отойдя от прежде характерной для неё традиционности. В качестве способов выявления особенностей религиозных верований в различных районах Англии исследователи реформационного периода предлагают установление случаев волнений среди населения или восстаний с религиозными требованиями, частоту заключения браков духовными лицами после того, как брак духовенства был разрешен, анализ содержания завещаний, установление количества лиц, бежавших из этого региона на континент в правление Марии Тюдор в связи с реставрацией католицизма. Использование этих критериев подтверждает существование на территории Англии различий между протестантским юго-востоком и консервативными по религиозным настроениям севером и западом страны.

В статье «Обращение с землями монастырей и часовен» в ещё одном сборнике, подготовленном либеральными историками — «Церковь и общество в Англии: от Генриха VIII до Якова I» (1977)³⁵ К. Китчинг отмечает, что в XX в. среди историков усложнилось понимание последствий ликвидации монастырей: стали привлекаться новые источники, переосмысливаются материалы ранее использовавшихся источников, стали вестись количественные статистические подсчеты. Важнейшим источником в изучении этих проблем остаётся перепись церковного имущества 1535 г. *Valor Ecclesiasticus*³⁶. До конца XIX в. в отношении диссолюции монастырей употреблялись главным образом эмоциональные понятия вроде «грабежа» и «святотатства», а с 1890-х гг. стали появляться более глубокие специальные исследования, первым из которых была работа У. Арчибольда по материалам графства Сомерсетшир³⁷. Затем А.Н. Савин в 1909 г. опубликовал исследование об английских монастырях, используя *Valor Ecclesiasticus*, а также о королевские указы (*letters patent*) о лишении монастырей земли. А.Н. Савин показал, что земля монастырей была королевской властью по большей части продана, а также обменена на дру-

³³ Ibid. — P. 26.

³⁴ Ibid. — P. 27.

³⁵ Church and Society in England: Henry VIII to James I / Ed. by F. Heal and R. O' Day. — London, 1977.

³⁶ *Valor Ecclesiasticus*. — London, 1810—1834. — Vol. I — VI.

³⁷ Archibold W.A.J. The Somerset Religious Houses. — Cambridge, 1892.

гие участки, тоже находившиеся в частных руках. По королевским указам также можно узнать, кто получал монастырские земли, заплатив при этом деньги (таким путем корона получила 45% средств за монастырские земли), но у более чем половины получателей земель невозможно определить их социальный статус³⁸. Современные историки стали ставить под сомнение легенды о том, что монастыри были более мягкими по отношению к арендаторам, чем последующие собственники этих земель³⁹.

Важны в изучении диссолюции монастырей работы Дж. Юингс⁴⁰ и Х.Дж. Хабаккука⁴¹, которые подняли сопутствовавшие появлению королевских указов документы: оценку земли местным должностным лицом-служителем короны, связанную с этим переписку, и эти исследования выявили, что покупатели земли были лишь лондонскими агентами заказчиков этих покупок, которые происходили из разных графств. Остается спорным вопрос о том, были ли эти посредники земельными спекулянтами, так как они в переписке не разглашали детали сделок и не упоминали о полученном вознаграждении, так что обнаружить настоящего покупателя монастырской земли оказалось гораздо труднее. На решение этой проблемы, как предполагает К. Китчинг, можно было бы выйти через региональные исследования⁴².

Как пишет К. Китчинг, большая часть знати приобрела бывшие монастырские земли путем обмена, покупки, получения в дар. Знать продавала эти земли джентри, придворным, должностным лицам на королевской службе, юристам, горожанам, которые получили возможность приобрести земли, в том числе и для младших сыновей, которым в ином случае не досталось бы в наследство недвижимое имущество. Покупка земель повышала социальный статус, давала возможность превратиться в лорда манора, претендовать на то, чтобы стать мировым судьей. В то же время на примере отдельных графств исследователи показали, что, например, в Девоншире на частном земельном рынке обычные текущие сделки шли более интенсивно, чем с бывшей монастырской землей⁴³. Монастыри уже до диссолюции сдавали значительные площади земли в аренду светским лицам, которые знали достоинства этих земель, и могли выбирать луч-

³⁸ Savin A. N. English Monasteries on the Eve of the Dissolution. — London, 1909.

³⁹ Church and Society in England: Henry VIII to James I / Ed. by F. Heal and R. O'Day. — London, 1977. — P. 127; Woodward G.W.O. The Dissolution of the Monasteries. — London, 1966; Youings J.A. The Dissolution of the Monasteries. — London, 1971; Haigh C. The Last Days of the Lancashire Monasteries and the Pilgrimage of Grace. — Manchester, 1964; Davies C.S.L. Popular Religion and the Pilgrimage of Grace // Order and Disorder in Early Modern England / Ed. by A. Fletcher, J. Stevenson. — Cambridge, 1985.

⁴⁰ Youings J.A. The Dissolution of the Monasteries. — London, 1954; *Idem*. Landlords in England: the Church // The Agrarian History of England and Wales. 1500—1640 / Ed. by Joan Thirsk. — London, 1967. — Vol. IV. — P. 306—356.

⁴¹ Habakkuk H.J. The Market for Monastic Property 1539—1603 // Economic History Review 2nd Ser. — 1958. — Vol. X.

⁴² Church and Society in England: Henry VIII to James I / Ed. by F. Heal and R. O'Day. — London, 1977. — P. 119—120.

⁴³ Kew J.E. The Disposal of Crown Lands and the Devon Land Market 1536—1558 // Agricultural History Review. — 1970. — Vol. XVIII.

шие, так что диссолюция в этом отношении, как считает К. Китчинг, даже не произвела резких социальных изменений в распределении обрабатываемой земли. Бывали случаи, что люди невысокого происхождения покупали те монастырские земли, на которых они ранее были арендаторами, но такие ситуации не были нормой⁴⁴.

В начале XX в. внес вклад в изучение диссолюции американский исследователь Ф. Дитц, и его материалами пользовались британские историки⁴⁵. Он исследовал архивы ведомства, которое занималось имуществом, перешедшим к короне — Суда приращений (Court of Augmentations), и отраженные в них доходы от продажи монастырских земель, сравнивая их с доходами короны из других источников. Ф. Дитц показал размах диссолюции и то, что лишь доходы от неё позволили короне проводить активную дорожную внешнюю политику без увеличения налогообложения в стране. Дальнейшие исследования показали, что подсчеты Дитца не дают полной картины доходов от продажи монастырского имущества: например, Дж. Юингс выявила, что местные должностные лица, служившие в Суде приращений, могли по поручению из центра тратить вырученные деньги на государственные нужды на месте, и эти средства не попадали в центральные отчеты⁴⁶. Так же поступали и с деньгами от монастырской утвари — эти доходы тоже принесли пользу короне, что не учитывалось историками. Эти действия местных должностных лиц документировались, и переписку по этому поводу, квитанции и расписки, как отмечает К. Китчинг, ещё можно обнаружить в архивах проходящими под категориями «разное» (miscellaneous) и «вспомогательные материалы» (subsidiary)⁴⁷. Современные историки показали также, что некоторые земли из числа монастырских были в руках короны даже в 1834 г. Предполагают также, что ко времени смерти Генриха VIII в руках короны было от одной трети до половины бывших монастырских земель⁴⁸.

В последние годы правления Генриха VIII в пользу короны были конфискованы также земли религиозных, братств, коллегий и земли часовен, которые оценивают примерно в четверть от стоимости монастырских земель. Специальных исследований по использованию земель часовен до сих пор не появлялось. Неизвестно даже, сколько часовен было ликвидировано, и размеры их имущества известны только приблизительно. С многих часовен не платились десятины, и они не были зарегистрированы в Valor Ecclesiasticus 1535 г.: в этом источнике упоминаются 90 коллегий, 2374 часовни, 110 больниц, но, по признанию историков, это недооценка. У.К. Джордан отстаивал мнение, что социальная роль ликвидированных часовен была в последующем компенсирована частной и общественной

⁴⁴ Church and Society in England: Henry VIII to James I / Ed. by F. Heal and R. O'Day. — London, 1977. — P. 123.

⁴⁵ Dietz F.C. English Government Finance 1485—1558. — University of Illinois Studies in Social Sciences. — Vol. IX. — № 3. — Urbana, 1920.

⁴⁶ Youings J. The Dissolution of the Monasteries. — London, 1954. — P. 17.

⁴⁷ Kitcing C.J. The Quest for Concealed Lands in the Reign of Elizabeth I // TRHS 5th Ser. — 1974. — Vol. XXIV. — P. 63—78.

⁴⁸ Church and Society in England: Henry VIII to James I / Ed. by F. Heal and R. O'Day. — London, 1977. — P. 125—126.

благотворительностью⁴⁹. Количество существовавших часовен выявляют также по сертификатам на часовни 1546 и 1548 гг., в которых зафиксированы известные часовни по каждому приходу в каждом графстве. Но в отношении этих данных тоже установлено, что они не полны, так что в качестве источника для выявления часовен используются отчёты священников по приходам после диссолюции монастырей, отчёты в Суд приращений, данные исследований, проводившихся казначейством. Никто из историков не предпринимал работу по подсчёту часовен по стране в целом — «она трудна и утомительна даже для одного графства», так что, по мнению К. Китчинга, такое исследование, возможно, никто и не возьмётся проделать.

Земли часовен, как и земли монастырей, тоже покупались через посредников в виде выдачи патента, затем эта земля могла перепродаваться далее. Такие патенты собраны в государственном реестре *Calendar of Patent Rolls*. При изучении материалов, связанных с ликвидацией часовен, по утверждению К. Китчинга, складывается мнение, что это повлияло на каждый приход в стране, и к тому же с прекращением заупокойных молитв стал меняться характер религиозности. Многие города впоследствии боролись за сохранение имущества часовен в их распоряжении, достигая при этом успеха⁵⁰.

Средства от ликвидации часовен направлялись на военные нужды, в том числе на подавление внутренних восстаний в стране. В государственной казне продажа земель той части часовен, которая фигурирует в источниках, хорошо документирована, идёт отдельной статьёй, и можно подсчитывать и прибыли, и то, куда шли средства⁵¹.

У. К. Джордан утверждал, что к концу правления Эдуарда VI в руках короны были только непроданные остатки бывшей собственности часовен⁵², но, по мнению К. Китчинга, материалы Суда приращений рисуют другую картину: он обнаружил, что к Михайлову дню 29 сентября 1553 г. по графствам Йоркшир и Ноттингемшир земли часовен были ещё на три четверти в распоряжении Суда приращений, и есть подобные свидетельства из других графств. К. Китчинг склоняется к выводу, что земли часовен нередко выкупали те, кто их ранее арендовал, или те, кто был связан с ними так или иначе прежде: например, в Лондоне ливрейные компании выкупили значительную часть имущества часовен, основанных и поддерживаемых ими, так что ликвидация часовен, вполне возможно, не изменила серьёзно принадлежность их собственности⁵³.

Изучение начального этапа Реформации в Англии в современной британской историографии в значительной степени связано с полемикой между либеральным и ревизионистским направлениями в понимании ан-

⁴⁹ *Jordan W.K. Edward VI: The Threshold of Power.* — London, 1970. — P. 191.

⁵⁰ *Church and Society in England: Henry VIII to James I / Ed. by F. Heal and R. O'Day.* — London, 1977. — P. 130—131.

⁵¹ *Ibid.* — P. 130.

⁵² *Jordan W.K. Edward VI: The Young King.* — London, 1968. — P. 110.

⁵³ *Church and Society in England: Henry VIII to James I / Ed. by F. Heal and R. O'Day.* — London, 1977. — P. 134.

глийской Реформации, в которой существенное место отводилось исследованию положения в церкви Англии накануне Реформации и событий, связанных с религиозно-политической ситуацией в Англии в правление Генриха VIII, Эдуарда VI и Марии Тюдор. В 1980—90-е гг. историки-ревизионисты активно разрабатывали и формулировали свою концепцию в понимании английской Реформации, в том числе и её начального этапа.

В опубликованном ревизионистами сборнике статей «Пересмотренная английская Реформация» К. Хейг, характеризуя сложившуюся историографическую ситуацию в изучении английской Реформации и формулируя свои взгляды, заявляет, что для него и его единомышленников Реформация — «это обобщающее понятие, ярлык, который они используют для обозначения ряда меньших по масштабу изменений в общем движении, происходивших в Англии в течение сравнительно длительного времени», подчеркивая ревизионистское понимание Реформации как длительного процесса. К. Хейг отмечает также, что либеральное и ревизионистское направления в изучении истории английской Реформации по-разному решают вопросы о хронологии и темпах изменений в религиозной ситуации в Англии в ходе Реформации, а также вопрос о движущих силах Реформации⁵⁴.

К. Хейг считает также целесообразным выделить группу историков, в основном занимающихся политической историей и изучением биографий, которые рассматривают Реформацию в Англии как быстрый процесс, происходивший под давлением властей. Старейшим представителем этой группы был Дж. Элтон, который представлял Реформацию как один из аспектов большой программы реформ, которая проводилась в 1530-е гг. Томасом Кромвелем. Религиозно-политические реформы при таком понимании Реформации были осуществлены центральной властью, а народ был принуждён принять новую религиозную политику тщательно организованной кампанией религиозных проповедей, печатной пропаганды. Были также ужесточены наказания за государственную измену, применявшиеся к противникам религиозных реформ. Дж. Элтон считал, что реформы значительно продвинулись в правление Эдуарда VI. В результате, как ему представлялось, «факт состоит в том, что к 1553 г. Англия была по вероисповеданию скорее протестантской страной, чем какой бы то ни было другой»⁵⁵.

Представления о такой же быстрой протестантизации Англии развивает П. Кларк на основе изучения этого процесса в графстве Кент⁵⁶. П. Кларк находит в этом графстве изменения в формуле завещаний под влиянием протестантизма, изменения в составе городских властей в пользу протестантов уже к середине 1540-х гг. Он придерживается мнения, что под влиянием успешной «Реформации сверху» в Кенте началась «Реформация снизу», и даже делает вывод, что такой явный уклон

⁵⁴ *The English Reformation Revised*. — Cambridge University Press, 1990. — P. 19.

⁵⁵ *Elton G.R. Reform and Reformation: England 1509—1558*. — London, 1977. — P. 157—200, 273—295, 353—371; *Elton G.R. Policy and Police: The Enforcement of the Reformation in the Age of Thomas Cromwell*. — Cambridge, 1972.

⁵⁶ *Clark P. English Provincial Society from the Reformation to the Revolution: Religion, Politics and Society in Kent, 1500—1640*. — Hassocks, 1977. — P. 34—68.

в протестантизм во внутренних графствах привел к тому, что к рубежу 1546—1547 гг. к обращению в протестантизм склонился Генрих VIII. Но К. Хейг считает, что описанная П. Кларком ситуация с распространением протестантизма в Кенте была нетипична для страны в целом — процесс распространения реформационных идей шёл медленнее⁵⁷.

Дж. Элтон детально не рассмотрел, как реализовывавшаяся центральной властью программа реформ была принята в отдельных графствах на территории Англии. Ряд последующих исследований по локальной истории, отмечает К. Хейг, продемонстрировали, как мало ещё сделано в изучении ситуации на местах в реформационный период. При этом приходило осознание того, что установление законодательным путем нового религиозно-политического устройства не означало быстрого восприятия протестантизма в стране. Даже в начале правления Елизаветы среди мировых судей было много консервативно настроенных, но, чтобы не нарушить функционирование местной власти, состав мировых судей по графствам приходилось переформировывать медленно⁵⁸, и еще в 1560-е гг. среди епископальных служащих чувствовалось влияние консерваторов⁵⁹.

Под влиянием подходов Дж. Элтона историки-ревизионисты тоже представляют Реформацию как политическую по характеру борьбу⁶⁰. К. Хейг отмечает, что в политической жизни Англии в 1520—50-е гг. был ряд узловых точек, когда изменение расстановки политических сил направляло развитие Реформации. Некоторые перспективы могли возникнуть даже у католицизма в правление Марии, так что в происходившей религиозно-политической борьбе не было предопределённости⁶¹.

В изучении английской Реформации можно выделить ещё одну группу историков, которые считают, что Реформация проводилась сверху по воле властей и очень медленно оказывала влияние на отдельные местности. Протестантизация Англии, как считают эти историки, совершилась уже при Елизавете⁶².

⁵⁷ The English Reformation Revised. — Cambridge University Press, 1990. — P. 20.

⁵⁸ Trimble W.R. The Catholic Laity in Elizabethan England. — Cambridge (Mass.), 1964. — P. 25—26, 52—53; Manning B.R. Catholics and Local Office Holding in Elizabethan Sussex // BIHR. — 1962. — Vol. XXXV. — P. 47—61; Gleason J.H. The Justices of the Peace in England, 1558—1640. — Oxford, 1969. — P. 68—72; Haigh C. Reformation and Resistance in Tudor Lancashire. — Cambridge, 1975. — P. 213, 284—286.

⁵⁹ Heal F. Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate. — Cambridge, 1980. — P. 101—327; Houlbrooke R. Church Courts and the People during the English Reformation, 1520—1570. — Oxford, 1979. — P. 24—25.

⁶⁰ Guy J.A. 'The Public Career of Sir Thomas More. — Brighton, 1980; Starkey D. The Reign of Henry VIII: Personalities and Politics. — London, 1985; Ives E.W. Faction at the Court of Henry VIII: The Fall of Anne Boleyn // History. — 1972. — Vol. XLVII. — P. 169—188; Hoak D.E. The King's Council in the Reign of Edward VI. — Cambridge, 1976; Hassel Smith A. County and Court: Government and Politics in Norfolk, 1558—1603. — Oxford, 1974.

⁶¹ Pogson R.H. Reginald Pole and the Priorities of Government in Mary Tudor's Church // Historical Journal. — 1975. — Vol. XVIII. — P. 3—20.

⁶² Williams P. The Tudor Regime. — Oxford, 1979. — P. 253—292; Rowse A.L. Tudor Cornwall. — London, 1941; Manning B.R. Religion and Society in Elizabethan Sussex. A Study of the Enforcement of the Religious Settlement, 1558—1603. — Leicester University Press, 1969; Davies C.S.L. Peace, Print and Protestantism 1450—1558. — London, 1977.

Появились также историки, исповедующих понимание Реформации как «медленной Реформации снизу». Примерно так можно охарактеризовать подход к решению этих вопросов в работах П. Коллинсона, уделяющего наибольшее внимание истории пуританизма. Он представляет пуританизм фактически как один из главных двигателей распространения протестантизма в стране и рассматривает пуританизм при Елизавете как евангелическую фазу английской Реформации, последовавшую за первой политической фазой. Благодаря пуританизму протестантская религия была донесена до приходов пуританскими проповедниками, которые создали в них набожное сообщество преданных протестантов. Подобные оценки высказывают и другие историки⁶³. Эти историки также обращают внимание, что в правление Марии после реставрации католицизма всё же не было масштабных преследований протестантов, и это они рассматривают как свидетельство недостаточной протестантизации страны. Но свидетельства о медленной протестантизации они берут из материала тех графств, где эти процессы действительно происходили медленно, а не из наиболее развитых графств. К. Хейг признает, что сторонники «быстрой Реформации» и «медленной Реформации» основывают свои взгляды ещё и разных группах материалов из разных регионов⁶⁴.

По мнению К. Хейга, работы Дж. Элтона для изучения Реформации важны тем, что он обеспечил большие достижения в исследовании аппарата управления, изучая не только законодательство, но и другие государственные делопроизводственные документы, документы административных учреждений и процесс воплощения принятых решений в практику. В результате стали изменяться представления о темпах и характере Реформации, и стала вырисовываться картина неустойчивой официальной Реформации, в которой на первое место вышли не богословы и проповедники, а существовавшие при королевском дворе группировки, изменения в том, кто в данный момент оказывал наибольшее влияние на монарха. На эти свидетельства и стали обращать внимание историки-ревизионисты. Дж. Элтон также впервые показал, что существовало недовольство распространением Реформации⁶⁵.

В сборнике «Пересмотренная английская Реформация» (1987) были также опубликованы подготовленные на локальном материале статьи, которые давали возможность переосмыслить начальный этап английской Реформации в соответствии с концепцией, разрабатывавшейся ревизионистами. В статье С. Ландера «Церковные суды и Реформация в Чичестерской епархии, 1500—1558» автор показал эффективное функ-

⁶³ *Collinson P. Towards a Broader Understanding of the Early Dissenting Tradition // The Dissenting Tradition: Essays for Leland H. Carlson. — Athens (Ohio), 1975; Idem. The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. — New York, 1988. — P. 38—40; Spufford M. Contrasting Communities. — Cambridge, 1974; Sheils W.J. The Puritans in the Diocese of Peterborough, 1558—1610. — Northamptonshire Record Society, 1979. — P. 14—24.*

⁶⁴ *The English Reformation Revised. — Cambridge University Press, 1990. — P. 26—27.*

⁶⁵ *Ibid. — P. 29.*

ционирование церковных судов в этом районе Англии, что держалось на бескорыстной заинтересованности и личном внимании к ним со стороны местного епископа Шерберна, и это, как утверждает автор, было не единственным примером: то же можно сказать о деятельности епископов Этуотера в Линкольнской епархии, Стоксли в Лондоне, Уэста в Эли, Никка в Норидже, Бута в Херефорде, Фокса в Винчестере⁶⁶.

В статье М. Баукер «Реформация Генриха VIII и приходское духовенство» на основе опубликованных визитационных статей епископов⁶⁷ рассматривается положение накануне и в начале Реформации в Линкольнской епархии. Исследования по Линкольнской епархии очень репрезентативны, отмечает М. Баукер, поскольку тут был сосредоточен 21,5% всех приходов в Англии — она охватывала девять графств Мидленда. К этому региону были близки оба английских университета. На территории епархии в Чилтерне был район с давним и прочным влиянием лоллардов, тут были и важные города — Лестер, Норгемптон, Стэмфорд, так что исследование Линкольнской епархии очень показательно для характеристики ситуации в церкви Англии накануне и в начале Реформации. Впоследствии в 1541—1542 гг. часть территории Линкольнской епархии была выделена для новообразованных епархий с центрами в Оксфорде и Петерборо⁶⁸.

М. Баукер считает, что Джон Лонгленд, епископ Линкольнский в 1521—1547 гг., был по характеру своей деятельности похож на католического реформатора, не симпатизировавшего протестантизму, и до его смерти в 1547 г. духовенство и светские лица сохраняли традиционность в религиозных взглядах⁶⁹. Реформация при Эдуарде VI успела произвести в Линкольнской епархии, по её оценке, только деструктивное влияние, и лишь при Елизавете во второй половине XVI в. произошла протестантизация епархии⁷⁰. По мнению М. Баукер, накануне Реформации не было признаков упадка церкви Англии, поскольку к середине 1530-х гг. было так много возведенных в духовный сан лиц, что, если они хотели получить собственный приход, им пришлось бы ждать этого по 10—20 лет. При этом ей представляется, что причиной поддержки Реформации духовенством при Генрихе VIII было то, что для духовных лиц открылось больше возможностей для продвижения по службе и получения бенефициев. Улучшение таких перспектив в 1536—1547 гг. прослеживается для всех степеней духовных лиц, и это, считает М. Баукер, помогло властям в том, чтобы превратить священников в сторонников Реформации. Такая картина открывается также из анализа данных по ряду епархий: Винчестерской, Даремской, Экзетерской, Честерской, Йоркской, Линкольнской,

⁶⁶ Ibid. — P. 53.

⁶⁷ Visitation Articles and Injunctions of the Period of the Reformation, 1536—1558 / Ed. W.H. Frere and W.M. Kennedy. — London, 1910; Documents Illustrative of English Church History / Ed. H. Gee and W. J. Hardy. — London, 1896 (repr. 1972).

⁶⁸ The English Reformation Revised. — Cambridge University Press, 1990. — P. 77.

⁶⁹ Bowker M. The Henrician Reformation: The Diocese of Lincoln under John Longland, 1521—1547. — Cambridge, 1981. — P. 181—185.

⁷⁰ The English Reformation Revised. — Cambridge University Press, 1990. — P. 29.

по материалам из графства Ланкашир. М. Баукер склонна экстраполировать эти данные на страну в целом, пользуясь сведениями, почерпнутыми из ординационных листов. М. Баукер делает вывод, что при снизившемся темпе ординации священники даже из ликвидировавшихся при Эдуарде VI часовен в конце 1540-х гг. уже были нужны в приходах⁷¹.

В статье Д. Пэллизера «Реакция на Реформацию в народе в годы неопределённости, 1530—1570» рассмотрен широкий круг проблем, связанных с изучением утверждения протестантизма в Англии в начальный период Реформации. Духовные лица в церкви Англии, как отмечает Д. Пэллизер, в эти годы, бывало, вынуждены были просто приспособливаться к проводимой властями религиозной политике. Наричательным в качестве примера религиозной беспринципности в реформационный период стал образ викария Элейна из Брея (Aleyn of Bray): как писал церковный историк XVII в. Томас Фуллер, этот викарий говорил, что «мой принцип — жить и умереть, оставаясь викарием Брея»⁷². Но общая картина процессов, происходивших в среде духовенства и светских лиц в начальный период Реформации, как пишет Д. Пэллизер, является гораздо более сложной.

Период неопределённости в истории английской Реформации, считает Д. Пэллизер, продолжался до начала 1570-х гг.⁷³ Д. Пэллизер отмечает, что изучение истории английской Реформации поначалу развивалось так, что историки в основном сосредоточивали внимание на тех людях, которые отличались какими-нибудь экстраординарными способами — становились мучениками, заговорщиками, беженцами, бунтовщиками, в то время как для понимания хода утверждения протестантизма в Англии необходимо исследование религиозных представлений большинства населения. Это большая работа, которая представляет немалые трудности по той причине, что взгляды «молчаливого большинства» во все исторические периоды по материалам источников выглядят слабо артикулированными.

По мнению Д. Пэллизера, в истории ранней Реформации надо учитывать влияние географического фактора. Близость юго-востока Англии к континенту и география распространения раннего протестантизма, по его мнению, взаимосвязаны: ещё и по этой причине протестантские влияния с континента проникали в Лондон, Восточную Англию, Кембриджский университет, а также в морские порты. Д. Пэллизер считает, что в северные графства протестантские идеи проникали в результате контактов с югом и юго-востоком страны⁷⁴.

Обсуждая вопрос о причинах восстаний 1536—1537 гг., последовавших вслед за началом диссолюции монастырей, при всей разнородности их происхождения, как утверждает Д. Пэллизер, в ходе этих восстаний можно проследить религиозный компонент: существенно то, что восставшие восстановили на севере 16 из 55 распущенных монастырей. В истории изучения этих восстаний в британской историографии были

⁷¹ Ibid. — P. 78—92.

⁷² Fuller T. *The Worthies of England* / Ed. J. Freeman. — London, 1952. — P. 23.

⁷³ *The English Reformation Revised*. — Cambridge University Press, 1990. — P. 94.

⁷⁴ Ibid. — P. 95.

работы, рассматривавшие восстание как крупнейшее стихийное массовое движение за реставрацию католицизма⁷⁵, а также истолкования восстания с социально-экономической точки зрения⁷⁶, религиозное же содержание восстания было вновь подчеркнуто в работах историков-ревизионистов⁷⁷. В то же время решающим фактором в том, присоединяться к восстанию или нет, как считает Д. Пэллизер, была всё же позиция местной знати и джентри: в районах, где верхушка общества была на стороне короля, восставших не поддержали⁷⁸.

Д. Пэллизер также высказывает свое мнение по вопросу об использовании завещаний как источника для анализа изменений религиозных верований англичан: по его словам, даже то, в какой местности какие подсказки завещателю были распространены среди писцов, тоже проливает некоторый свет на особенности религиозных верований в данной местности. Опубликованные образцы завещаний 1537—1547 гг. по Лондону и северу страны не слишком отличаются: по столице традиционное католическое упоминание о Деве Марии и святых опущено в 24% завещаний, а в Йоркшире и Ноттингемшире в 22%. В некоторых случаях особенности религиозных взглядов в регионе проявляются заметнее: среди завещаний жителей города Йорка за этот же период обнаруживается только 4% протестантских завещаний. Иногда удается обнаружить в завещаниях этого периода ярко выраженные протестантские формулировки благодаря тем или иным обстоятельствам, когда видны личные взгляды завещателя⁷⁹.

В регионах, где религиозные настроения были более традиционными, не предпринималось действий по уничтожению образов, цветных витражей в церквях, утвари до распоряжения властей об устраниении образов в феврале 1548 года. Известно, что восстание с католическими требованиями в Девоншире и Корнуолле летом 1549 г. вызвало симпатии также в Сомерсете и Дорсете. Летом 1549 г. было также католическое восстание в Оксфордшире и небольшое волнение в восточном Йоркшире. Д. Пэллизер не исключает, что были также и другие неизвестные региональные волнения. При Эдуарде VI составленный в 1551 г. план деятельности для странствующих протестантских проповедников ясно показывает, какие районы власти считали ненадежными в религиозном отношении: Девоншир, Гэмпшир, Уэльс, Ланкашир, Йоркшир, граница с Шотландией⁸⁰.

Ещё один показатель распространения протестантизма в стране — браки духовенства. Они были официально разрешены в феврале 1549 г.,

⁷⁵ *Dodds M.H., Dodds R. The Pilgrimage of Grace, 1536—1537 and the Exeter Conspiracy, 1538.* — London, 1915. — Vol. I—II.

⁷⁶ *Reid R.R. The King's Council in the North.* — London, 1921; *Smith R.B. Land and Politics in the England of Henry VIII.* — Oxford, 1970. — Ch. 5; *James M. Obedience and Dissent in Henrician England: The Lincolnshire Rebellion 1536 // Past & Present.* — 1970. — № 48. — P. 3—78.

⁷⁷ *Haigh C. Last Days of the Lancashire Monasteries and the Pilgrimage of Grace.* — Manchester, 1969; *Scarisbrick J.J. Henry VIII.* — London, 1968. — P. 339—346.

⁷⁸ *The English Reformation Revised.* — Cambridge University Press, 1990. — P. 96—97.

⁷⁹ *Ibid.* — P. 98.

⁸⁰ *Ibid.* — P. 99—100.

хотя некоторые протестантски настроенные священники в Суффолке заключали браки еще в 1536—37 гг. Число женившихся в 1549—1553 гг. священников, как считает Д. Пэллизер, может быть примерно определено по числу тех священников, которые были лишены приходов при Марии. В Лондоне заключили браки примерно 33% приходского духовенства, в графствах Эссекс, Суффолк и Норфолк — примерно четверть местных священников или несколько больше, в Кембриджшире — 20%, на севере в Линкольншире Йоркской епархии 10% и в Ланкашире менее 5%. Д. Пэллизер при этом полагает, что протестантски настроенных священников, видимо, было всё же больше, чем женившихся. Во время чистки приходов от женатых священников при Марии около 2 тыс. женатых священников лишились службы, но известно, что часть их покинула жён и была переведена в другие приходы⁸¹.

Д. Пэллизер обращает внимание на данные об английских эмигрантах, покинувших страну по религиозным причинам из-за реставрации католицизма при Марии Тюдор, собранные К. Гаррет⁸². Среди эмигрантов времен Марии К. Гарретт насчитала 472 мужчины, практически все из которых были джентльменами, духовными лицами или купцами. 350 из них она идентифицировала по месту жительства, и 40% из них происходили из Лондона, Миддлсекса, Кента, Суссекса, Эссекса, Суффолка, Норфолка, то есть из окрестностей Лондона и юго-востока страны. Три четверти сожженных при Марии протестантов тоже происходили из этих шести графств. Мученики при Марии были также в портовом городе Бристоле⁸³. Из Девоншира и Корнуолла происходили 35 эмигрантов времен Марии, но только один сожженный был оттуда, в Ланкашире и Йоркшире были 40 эмигрантов и один сожженный. Предполагают, что в выявлении такого большого количества мучеников на юго-востоке виноваты также архиепископ Кентерберийский Поул и епископ Лондонский Боннер, а в других епархиях меньшее рвение церковных властей убергло местных протестантов от таких жертв. Но это не колеблет мнение о большой роли Лондона и Восточной Англии в истории протестантизма. В самом Лондоне было 67 сожжений, второй по числу пострадавших была община в Колчестере⁸⁴.

Д. Пэллизер соглашается с утверждением Т.М. Паркера о том, что протестантизм лучше распространялся в более благополучных в экономическом отношении районах, где население было более обеспеченным, имело время для размышлений⁸⁵, при этом призывая проводить исследования религиозности даже на уровне одного поселения, поскольку региональные исследования являются слишком обобщающими. По словам Д. Пэллизера, любой детерминистский взгляд, основывающийся на действии географических, экономических, социальных факторов не может учесть

⁸¹ Ibid. — P. 101, 111.

⁸² Garrett C.H. *The Marian Exiles. A Study in the Origins of Elizabethan Puritanism.* — Cambridge, 1938.

⁸³ Powell K.G. *The Marian Martyrs and the Reformation in Bristol.* — Bristol, 1972.

⁸⁴ *The English Reformation Revised.* — Cambridge University Press, 1990. — P. 101.

⁸⁵ Parker T.M. *The English Reformation to 1558.* — London, 1950. — P. 24.

проявлявшую себя зачастую очень заметно роль убежденной личности в распространении или отстаивании религиозных взглядов. В религиозных верованиях в 1530—70-е гг. сельские поселения были расколоты по религиозному признаку, а в городах религиозной однородности было добиться практически невозможно. Вместе с тем, в настроениях горожан, как считает Д. Пэллизер, в 1530—70-е гг. преобладали верность короне и нежелание беспорядков, хотя в их среде и существовали разногласия по религиозным вопросам. Распространение протестантизма также вплеталось в уже существовавшие общественные конфликты — между отдельными лицами, семьями, социальными группами и целыми общинами. К 1570 г. ни один район в Англии, полагает Д. Пэллизер, не был однородным в религиозном отношении⁸⁶. Английское общество в течение нескольких десятилетий реформационного периода было в заметной степени религиозно неоднородным. По оценкам, в 1580 г. из 66 пэров королевства 22 были убежденными протестантами, 20 — рекузантами, 24 не проявляли свои религиозные пристрастия достаточно конкретно⁸⁷.

В статье «Влияние религиозных преобразований эпохи Тюдоров на местах» Р. Хаттон рассмотрел большую часть сохранившихся от XVI в. отчётов церковных старост — 198, которые характеризуют положение примерно в 2% церковных приходов страны, а также использовал в качестве источников записи о визитациях, тексты проповедей, официальную переписку, литературные источники. В географическом отношении отчёты сохранились неравномерно. Треть территории Англии к северу от реки Трент охарактеризована только в 13 отчетах, а от четырёх северных графств и Уэльса сохранились только по одному отчёту⁸⁸. Эти отчёты подтверждают вывод ряда недавних исследований, согласно которому церковь и религия в предреформационный период в Англии процветали. По мнению Р. Хаттона, к 1530-м г. религиозность в Англии на уровне приходов динамично и быстро развивалась⁸⁹.

Подчинение королевским распоряжениям начального периода Реформации свидетельствует, как считает Р. Хаттон, в первую очередь о том, что в стране был силен авторитет монархии. Церковные отчёты демонстрируют ограниченный интерес в приходах к позитивным аспектам Реформации на уровне массовой религиозности в правление Генриха VIII, что стало изменяться только при Эдуарде VI, в чём тоже заметно влияние протестантской религиозной политики властей⁹⁰.

После восшествия на престол Марии ещё до парламентского решения о восстановлении католицизма, принятого в декабре 1553 г., по данным, собранным Р. Хаттоном, можно проследить постепенное восстановле-

⁸⁶ The English Reformation Revised. — Cambridge University Press, 1990. — P. 105—107.

⁸⁷ Stone L. The Crisis of Aristocracy 1558—1641. — Oxford, 1965. — P. 741; Manning B.R. Religion and Society. — P. 259; Cliffe J.T. The Yorkshire Gentry from the Reformation to the Civil War. — Oxford, 1969. — P. 169.

⁸⁸ The English Reformation Revised. — Cambridge University Press, 1990. — P. 114.

⁸⁹ Ibid. — P. 116.

⁹⁰ Ibid. — P. 119.

ние католицизма в Лондоне и более сильное тяготение к этому в провинции⁹¹. Восстановление необходимых для католической службы утвари и облачений контролировалось, но большинство приходов, судя по всему, превзошли требуемый минимум в расходах⁹². В более протестантских по характеру регионах, таких, как графство Кент, восстановление инвентаря в приходах при Марии происходило медленнее, но, как считает Р. Хаттон, если бы Мария находилась на престоле дольше, католицизм мог бы опять утвердиться в стране, при этом отличаясь от католицизма более раннего времени в том, что был бы более единообразным в формах набожности, более послушным церковным властям⁹³.

В статье Р. Погсона «Возрождение и реформа в церкви при Марии Тюдор: вопрос о деньгах» рассмотрена деятельность властей в Англии во время реставрации католицизма. Мария, как считает Р. Погсон, непредвиденным образом повлияла на развитие английского протестантизма: после морального разложения и коррупции, грабежа церковных ценностей при Джоне Дадли, герцоге Нортумберленде в начале 1550-х гг. восстановление католицизма способствовало развитию протестантизма тем, что дало протестантам мучеников и уважение в условиях религиозных репрессий — в этом протестантизм как раз остро нуждался. В то же время своим происхождением и браком с Филиппом Габсбургом Мария оскорбляла английский национализм, вступила в непопулярную войну, в результате которой был потерян Кале. Реджинальд Поул, папский легат, на которого опиралась Мария, тоже недооценил английскую ксенофобию, антиклерикализм, и считал, что все настроения в Англии, оппозиционные католицизму, являются недолговечными результатами схизмы, которые будут преодолены, стоит только восстановить отношения с Римом⁹⁴.

Правление Марии и деятельность Реджинальда Поула Р. Погсон называет «каталогом ошибок». Поул не смог организовать в Англии энергичную кампанию для подрыва протестантизма в стиле политики Контрреформации с активной деятельностью проповедников⁹⁵. Изначально Рим настаивал на возвращении церкви Англии всей собственности, но Поулу дали понять епископ Гардинер и даже королева Мария, что на таких условиях ему не дадут въехать в Англию, и Поулу были даны полномочия отпустить англичанам грехи во владении церковной землей, церковными драгоценностями, и позволить англичанам владеть ими дальше⁹⁶.

Королевскую власть при Марии серьезно волновал финансовый вопрос. В правление Эдуарда VI к концу 1552 г. епископы были в больших долгах перед короной по выплате ей «первых плодов», задолжав 9825 фунтов 10 шиллингов и пять с четвертью пенсов, но Мария была намерена

⁹¹ Ibid. — P. 127.

⁹² Ibid. — P. 129.

⁹³ Ibid. — P. 132—133.

⁹⁴ Pogson R.H. Cardinal Pole: Papal Legate to England in Mary Tudor's Reign. — University of Cambridge Ph. D. thesis, 1972.

⁹⁵ The English Reformation Revised. — Cambridge University Press, 1990. — P. 139—141.

⁹⁶ Ibid. — P. 142.

взыскать всё это в свою пользу, хотя взимание «первых плодов» в пользу короны было протестантским установлением⁹⁷. В июле 1555 г. Поулу было разрешено использовать эти деньги на нужды церкви в Англии. Но корона продолжала продавать и сдавать в аренду бывшие монастырские земли⁹⁸.

Значительными расходами для правительства была выплата пенсий бывшим монахам: например, по данным 1550—51 гг. на эти цели уходило 44861 фунтов, и в 1552 г. выплаты были приостановлены из-за нехватки средств⁹⁹. Эту обязанность вынуждены были взять на себя власти при Марии, и, по данным казначейства от февраля 1556 г., пенсии бывшим монахам составляли 36372 фунта 6 шиллингов 2,5 пенса на 53 графства в стране¹⁰⁰.

По мнению Р. Погсона, отсутствие согласованной церковной политики по возрождению католицизма в стране в правление Марии объяснялось не только неповоротливостью Поула, но и отсутствием информации для выработки этой политики: епископы составляли ему отчёты о положении в епархиях медленно, неохотно подчинялись Поулу, так как они с 1530-е гг. сталкивались с его ругательными посланиями в адрес церкви Англии при Генрихе VIII, когда Поул жил в эмиграции на континенте. В Рим стали направляться жалобы с просьбой убрать Поула от руководства церковными делами в Англии. Стремление католиков вернуть имущество церкви использовалось протестантами — они утверждали, что реально именно это как раз интересует католиков под прикрытием возрождения истинной веры¹⁰¹. Таким образом, Р. Погсон подчеркнул, скорее, трудности, с которыми сталкивались католические власти в правление Марии Тюдор, чем перспективы английского католицизма. Преследования протестантов при Марии, считает Р. Погсон, привели к тому, что лица колеблющиеся отвернулись от католицизма. Организаторами преследований, по его мнению, были Тайный совет и королева, а наиболее активным исполнителем был епископ Лондонский Боннер: хотя не он начал политику репрессий, он все же отправил 113 человек на костер, и лондонская епархия при нем отличалась в этом вопросе четкостью делопроизводства, на чем лежит уже печать деятельности самого епископа¹⁰². Выводы Р. Погсона отличаются от характерного в целом для ревизионистской концепции английской Реформации мнения о том, что реставрацию католицизма в правление Марии Тюдор можно считать достаточно успешной.

Статья Дж. Александер «Боннер и преследования в правление Марии» посвящена анализу действий епископа Лондонского в годы реставрации католицизма. В его епархии была сожжена треть всех протестантских мучеников. Основные оценки деятельности Боннера базируются на свидетельствах Джона Фокса.

⁹⁷ Ibid. — P. 144.

⁹⁸ Ibid. — P. 147—152.

⁹⁹ Dickens A.G. *Edwardian Arrears in Augmentations Payments and the Problem of the Ex-Religious* // EHR. — 1940. — Vol. I.V. — P. 384—418.

¹⁰⁰ *The English Reformation Revised*. — Cambridge University Press, 1990. — P. 148.

¹⁰¹ Ibid. — P. 149—155.

¹⁰² Ibid. — P. 155.

Как считает Дж. Александер, «Боннер никогда не был уравновешенным человеком, а годы заключения в тюрьме, когда при протестантском режиме в правление Эдуарда VI он оказался под арестом, сделали его ещё более неуравновешенным»¹⁰³. В то же время, считает Дж. Александер, неясно, от кого после прихода Марии к власти исходила инициатива в восстановлении трех средневековых статутов против ереси 1382, 1401 и 1414 гг. — или от самой Марии, или от её испанских исповедников, или от канцлера епископа Стивена Гардинера¹⁰⁴. Дж. Александер также обращает внимание на то, что за действиями Боннера как епископа Лондонского в столице постоянно следили Тайный совет, королева, частные лица, требовавшие от него жесткости. Боннер не мог поступать с преследуемыми протестантами иначе, и к нему также присылали для допроса «еретиков» из других епархий¹⁰⁵.

Как отмечает Дж. Александер, журнал записей о судах над еретиками потерян, но его ещё успел использовать Джон Фокс, что дает возможность оценить также и поведение на судах Боннера. Из всех других епархий, кроме Лондонской, при Марии вышло только 69 уведомлений об отлучении за ересь, если судить по тому, как эти документы сохранились в архивах, но из разных источников известно, что в Лондоне действительно осудили больше еретиков, чем в других епархиях. На всех лондонских уведомлениях, кроме одного, стоит подпись Боннера, но и это уведомление было продублировано через три недели извещением с подписью самого Боннера¹⁰⁶. Статья Дж. Александер внесла вклад в детализацию представлений о преследованиях протестантов в правление Марии Тюдор.

В 1993 г. крупнейший представитель ревизионистского направления в изучении английской Реформации в современной британской историографии К. Хейг опубликовал свою обобщающую работу «Английские реформации. Религия, политика и общество при Тюдорах», в которой представлена его концепция в понимании английской Реформации¹⁰⁷.

Рассматривая английскую Реформацию как политическое по происхождению явление, К. Хейг характеризует отношения между светской и духовной властями в первые десятилетия XVI в. Корона к этому времени контролировала выдвижение кандидатур на самые важные церковные административные посты и приходы. Подчинение епископата началось в Англии ещё при Генрихе VII тем, что служба у короля становилась основой для продвижения на высшие церковные должности. Формально власть монарха над церковью в дореформационный период была ограничена, но на практике она была значительной. Корона следила за тем, чтобы церковь не приобрела чрезмерного влияния в обществе, поэтому, например, монархи использовали предписания по изъятию (*writs of prohibitions*) некото-

¹⁰³ Ibid. — P. 157.

¹⁰⁴ Ibid. — P. 159.

¹⁰⁵ Ibid. — P. 161—162.

¹⁰⁶ Ibid. — P. 172.

¹⁰⁷ *Haigh* C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993.

рых судебных дел из церковных судов в королевские суды, а также особые предписания (*writs of praemunire*), которые запрещали рассмотрение дела в церковном суде по делам, которые считались находящимися в королевской юрисдикции. Монархия и светские юристы настаивали, что церковная собственность, права патронажа, которыми обладала церковь, были подчинены как церковным судам, так и общему праву. Таким образом, потенциально существовала основа для трений между монархией и церковью, но какое-либо конкретное выражение, по словам К. Хейга, «все это обретало редко», хотя политическая реальность была такова, что король мог принудить духовенство действовать в интересах монарха, особенно в том случае, когда на стороне короля были светские магнаты¹⁰⁸.

К началу XVI в. связи с папством, как считает К. Хейг, стали для церкви Англии «не более чем символом единства с остальным христианским миром». Папа в своих распоряжениях относительно Англии действовал так, как его просил поступить монарх, и для английского духовенства наибольшее значение имела позиция и взгляды монарха. Нельзя сказать, чтобы власть и авторитет папы в Англии любили или ненавидели — просто это было «незначительное явление в церковной жизни страны». В отношении к церкви в английском обществе между парламентами 1410 и 1529 гг. не прослеживалось какого-либо заметного недовольства материальным богатством церкви¹⁰⁹.

Английское духовенство было в начале XVI в. критично по отношению к себе. Критика пристрастия английского духовенства к светским занятиям, получению более выгодных бенефициев и больших доходов на королевской службе шла, в трактовке К. Хейга, в первую очередь изнутри церкви со стороны моралистов, учёных-гуманистов, и в связи с этим чаще всего обращают внимание на взгляды Джона Колета (1467—1519). Известна его проповедь в 1510 г., когда он был настоятелем собора Св. Павла, перед Кентерберийской конвокацией. Колет упрекал духовенство в гордости, потакании плотским интересам и желаниям, алчности, тяге к светским занятиям. Эта проповедь Колета часто использовалась историками как важное свидетельство о внутреннем состоянии церкви Англии накануне Реформации и как объяснение того, почему в Англии была воспринята идея Реформации. Но К. Хейг призывает к осторожности в оценке значения этой проповеди и обращает внимание, наряду с наилучшей публикацией этой проповеди¹¹⁰, на статьи и работы о ней¹¹¹. Речь Колета, на что, по мнению К. Хейга, есть основания, можно истолковывать в другом смысле: необходимость улучшения морали, нравов в обществе является постоянной темой в истории христианства, и резко критическое содержание проповеди может быть в большей степени результатом критических

¹⁰⁸ Ibid. — P. 6—7.

¹⁰⁹ Ibid. — P. 8.

¹¹⁰ The Oxford Reformers / Ed. by F. Seebohm. — London, 1911. — P. 230—247.

¹¹¹ Harper-Bill C. Dean Colet's Convocation Sermon and the Pre-Reformation Church in England // History. — 1988. — Vol. 73. — P. 191—210; Gleason J.B. John Colet. — Berkley (Calif.), 1989. — P. 181—184, 370.

намерений проповедника как добродетельного христианина, чем отражением действительного положения вещей. Колет не был прото-протестантом, вынужденным маскироваться в существовавшей церковной структуре — он был высоким должностным лицом, и стремился сохранить привилегии духовных лиц, для чего нужно было повышать их престиж в обществе. Подтверждение такого толкования — слова самого Колета в проповеди о том, что «недуги, которые ныне одолевают церковь — те же, что проявляли себя и в прошлые века». Если же духовенство будет соблюдать волю Бога и каноническое право, светские лица будут только ещё больше уважать церковь, а это прибавит церкви и доходов, к которым так стремятся подвергающие себя мирским соблазнам духовные лица.

К. Хейг считает, что в год выступления Колета с критической проповедью более трети из 25 епископов церкви Англии были «энергичными администраторами, поддерживавшими дисциплину, должный уровень квалификации священников в своих епархиях, и реально делали даже больше, чем хотел Колет». Буквально единственным епископом в Англии с репутацией, неподобающей для такого должностного лица, в 1510 г. был Стэнли Элийский, но в 1515 г. его заменили Николасом Уэстом. Стэнли был первым графом Дерби, сводным братом короля Генриха VIII, имел троих детей, которых пристроил во дворянство в северо-западной Англии, и был просто навязанным церкви ставленником на доходный пост¹¹².

Либеральный историк Д. Мак-Каллок тоже высоко оценивает интеллектуальные и административные способности епископов в Англии, что сложилось, по его мнению, благодаря тому, что высшая знать в стране не шла активно в духовное сословие, хотя это трудно объяснить, поскольку английские епископы выделялись в Европе своей материальной состоятельностью. Большинство духовных лиц из числа занимавших важнейшие должности имели университетское образование и по происхождению были сыновьями йоменов и мелкого джентри. Довольно прочно по сравнению с остальной Европой в Англии утвердился целибат духовенства, и только в Уэльсе ситуация была относительно хуже. Ранний английский реформатор Уильям Тиндейл считал, что утверждению целибата в Англии способствовала критика духовенства со стороны лоллардов, и английское духовенство стало осторожнее. Проблемой английского монашества в начале XVI в., считает Д. Мак-Каллок, было не то, что ухудшалось отношение к ним со стороны светских лиц, а то, что набожные образованные прихожане, особенно в Южной Англии, теперь в своей духовной жизни вполне могли обходиться без помощи монахов¹¹³.

По словам К. Хейга, «к лучшему это было или к худшему — никакой религиозной Реформации в начале XVI в. не было видно даже на горизонте, и вообще не просматривалось каких-либо значительных вызовов и

¹¹² Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 33—36.

¹¹³ The Sixteenth Century 1485—1603 / Ed. by P. Collinson. — Oxford, 2002. — P. 84—86.

угроз авторитету церкви». Не было упадка набожности в обществе. Политической реформации в Англии не предшествовал кризис католицизма¹¹⁴.

Большим спросом в начале XVI в., отмечает К. Хейг, пользовалась духовная литература. Историками проведены исследования по выявлению печатавшихся в то время книг¹¹⁵. Значительный спрос на духовную литературу можно рассматривать как показатель прочности традиционной религиозности¹¹⁶. К. Хейг считает, что все угрозы ортодоксальному католицизму в это время могли исходить только от монарха и политиков, а какой-либо угрозы внутреннего упадка в церкви, отчуждения недовольных светских лиц или роста враждебных интеллектуальных и социальных движений в 1530 г. не наблюдалось. Именно разрыв с Римом привел к упадку католицизма в Англии, а не наоборот¹¹⁷.

Свидетельства сохранения приверженности традиционным верованиям отмечает К. Хейг, можно обнаружить в завещаниях, которые выявлены и изучены исследователями¹¹⁸. Сохранились записи о жизни в приходах в отдаленных районах страны, и активность приходской жизни была там довольно впечатляющей¹¹⁹. Во всех районах страны можно найти документальные свидетельства об активном церковном строительстве¹²⁰. Историки недавно осознали большое значение религиозных братств в первые десятилетия XVI в.¹²¹ Мотивы вступления в братства не всегда были чисто религиозными, но большинство религиозных братств не предоставляли своим членам никаких экономических и социальных преимуществ¹²².

Материалы визитаций конца XV—начала XVI вв. демонстрируют лишь редкие случаи недовольства местными священниками, и обвинениями против них были сексуальные домогательства, абсентеизм в приходе, ещё реже были обвинения в неграмотности и профессиональной непригодности и в том, что священники по старости не могли исполнять свои функции¹²³. Местному священнику обычно доверяли, и лишь сторонники

¹¹⁴ Haigh C. *English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors.* — Oxford, 1993. — P. 11, 37—39.

¹¹⁵ *A Short-Title Catalogue of Books, 1475—1640* / Ed. by W.A. Jackson, F.J. Ferguson, K.F. Pantzer. — London, 1976; 2nd ed. 1986. — Vol. I—II.

¹¹⁶ Haigh C. *English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors.* — Oxford, 1993. — P. 25—26.

¹¹⁷ *Ibid.* — P. 28.

¹¹⁸ Scarisbrick J.J. *The Reformation and the English People.* — Oxford, 1984. — P. 3—6; Jordan W.K. *The Charities of Rural England, 1480—1660.* — London, 1961; *Idem.* *The Charities of London.* — London, 1960; *Idem.* *The Social Institutions of Lancashire.* — Manchester, 1962; Bowker M. *The Henrician Reformation: The Diocese of Lincoln under John Longland, 1521—1547.* — Cambridge, 1981. — P. 48, 148.

¹¹⁹ *The Accounts of the Wardens of the Parish of Morebath (Devon and Cornwall Notes and Queries Supplement)* / Ed. by J.E. Binney. — London, 1904.

¹²⁰ Haigh C. *English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors.* — Oxford, 1993. — P. 32—34.

¹²¹ Bridgen S. *London and the Reformation.* — Oxford, 1989. — P. 36—39.

¹²² Haigh C. *English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors.* — Oxford, 1993. — P. 36.

¹²³ Bowker M. *The Secular Clergy in the Diocese of Lincoln, 1495—1520.* — Cambridge, 1968. — P. 3, 110—111, 114—116, 151—152; *Idem.* *The Henrician Reformation: The Diocese of Lincoln under John Longland, 1521—1547.* — Cambridge, 1981. — P. 6—7.

Реформации, когда она началась, «строили риторические фразы о неких распутных священниках и монахах-бездельниках»¹²⁴.

По мнению К. Хейга, после появления в 1518 г. книг Лютера в Англии нападки немецкого реформатора на индульгенции, чистилище, молитвы за усопших имели, прежде всего, академический резонанс в университетских кругах, так как индульгенции не занимали большого места в английской предреформационной религиозности. Только в конце 1530-х гг. вклады на совершение поминальных месс уменьшаются значительно, и то главным образом не из-за уменьшения веры в их действенность, а из-за конфискации монастырского имущества¹²⁵.

К. Хейг предлагает свое истолкование разворачивавшегося в предреформационные десятилетия в Англии конфликта между церковными судами и судами общего права. Юристы общего права добивались, чтобы церковные судьи, которые не знали сферу ремесла и торговли, держались вне разбирательства связанных с ними дел. Работать с делами по экономическим спорам было особенно прибыльно. Светские суды претендовали также на дела о клевете и диффамации, когда они были связаны с обвинениями в уголовном преступлении. Совместное производство судов королевской скамьи и общих тяжб в 1501—1510 гг. увеличилось на одну треть. Возможно, как уже обращали внимание историки, это давление на церковные суды следует рассматривать как часть продуманной стратегии королевской власти в стремлении ликвидировать сохранявшуюся независимость церкви¹²⁶.

По мнению К. Хейга, было бы циничным просто предположить, что в борьбе с церковными судами юристы общего права лишь гонялись за клиентами и доходами — они пытались подвести под свои действия «более глубокую теоретическую основу». Многие из них считали, что общее право и статуты были выше церковных канонов, поскольку и король Англии был в своем королевстве главнее папы, и церковное законодательство не должно было противоречить законодательству страны. В итоге сочетание материальных интересов юристов общего права с этими теоретическими аргументами и ударило по церкви¹²⁷.

К. Хейг видит также связь между учащением использования светскими судами предписаний об изъятии дел (*writs of prohibition*) и тем, что церковь в Англии в начале XVI в. время от времени усиливала преследования еретиков. Проблема ереси в Англии реально существовала, но епископы использовали её ещё и для того, чтобы укреплять свое влияние. Проявилась даже тенденция к тому, что любая критика в адрес церкви расценивалась как возможный признак ереси. В русле этой кампании К. Хейг пред-

¹²⁴ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 42—44.

¹²⁵ Ibid. — P. 70.

¹²⁶ Fox A., Guy J. Reassessing the Henrician Age: Humanism, Politics and Reform, 1500—1550. — Oxford, 1986. — P. 174—175.

¹²⁷ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 73—75.

лагает рассматривать дело Ричарда Ганна 1514 г. — лондонского еретика, погибшего в тюрьме при соборе Св. Павла, когда тюремщики переусердствовали в устрашающей подготовке жертвы к допросу и затем инсценировали самоубийство путем повешения, что вскоре всё же выявили королевские коронеры (должностные лица, имевшие полномочия расследовать внезапную кончину человека или смерть при сомнительных обстоятельствах). При этом К. Хейг сомневается в том, что убийство Ганна сознательно замышлялось, потому что это прямо повредило бы интересам церкви. По его мнению, в оценке убийства Ганна маловероятно, чтобы обобщения современников шли так широко, что они винили бы в этом духовенство Англии и церковь в целом как сообщество с корпоративными интересами, а не воспринимали это преступление как вину конкретных людей¹²⁸.

Как считает К. Хейг, основными проблемами церкви в 1520-е гг. накануне начала Реформации в Англии были старая лоллардистская ересь, начавшееся влияние лютеранских идей, нападки юристов общего права на церковную юрисдикцию и полномочия церковных судов, преувеличенные жалобы некоторых светских лиц против вялого и аморального духовенства, но эти жалобы исходили от конкретных заинтересованных групп — юристов общего права и торговцев¹²⁹. Историки обращают также внимание на то, что с начала 1520-х гг. стал опять увеличиваться объем судопроизводства в церковных судах, а суды общего права впали в ещё более трудное положение — в 1520-е гг. объём производства в них составлял только 35% от уровня середины XV в. К. Хейг вслед за Дж. Гаем в свете этих обстоятельств предлагает рассматривать значение выступления против стремления церковных судов вести экономические по характеру дела известного юриста Кристофера Сент-Джермена в 1530 г. в трактате «Доктор и студент»¹³⁰.

Вдобавок к этому к нападкам на церковь в это время присоединился Генрих VIII, осенью 1530 г. пришедший к мысли, чтобы предъявить всему английскому духовенству обвинение на основе статута о *praemunire*¹³¹. Изначальным мотивом предъявления обвинения в *praemunire* была поддержка английскими епископами полномочий Уолси как папского легата, которые были объявлены незаконными¹³². Наказанием при обвинении в *praemunire* были конфискация имущества и пожизненное заключение. Ситуация в церкви в это время была, по оценке К. Хейга, не беспроблемной, но в целом спокойной. Падение Уолси ещё не выглядело началом Реформации¹³³.

¹²⁸ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 80—83; Gwyn P. The King's Cardinal: The Rise and Fall of Thomas Wolsey. — London, 1990. — P. 46—50; Ullman W. "This Realm of England is an Empire" // JEH. — 1979. — Vol. 30.

¹²⁹ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 84.

¹³⁰ Guy J. Law, Lawyers and the English Reformation // History Today. — 1985. — P. 16—18; *Idem*. Christopher St. German on Chancery and Statute. — Selden Society, Supplement Series, 1985. — P. 19—21.

¹³¹ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 86.

¹³² Guy J. A. Henry VIII and the Praemunire Manoeuvres of 1530—1531 // EHR. — 1982. — Vol. XCVII; *Idem*. The Political Career of Sir Thomas More. — Brighton, 1980. — P. 136—138.

¹³³ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 88.

Историки-ревизионисты уделяли внимание обстоятельствам, сопутствовавшим разводу Генриха VIII¹³⁴. В 1980-е гг. также появился ещё ряд работ, в которых вновь осмысливались события, связанные с разводом Генриха VIII с Екатериной Арагонской и женитьбой на Анне Болейн. Исследователи обратились к истолкованию некоторых частных фактов, что дополнило картину происходивших событий¹³⁵.

Похоже, Уолси никогда не верил в возможность осуществления плана, связанного с королевским разводом¹³⁶. По мнению К. Хейга, положение кардинала Уолси при дворе первоначально пошатнулось в результате так называемого «дела об аббатстве Уилтон». Весной 1528 г. в бенедиктинском монастыре Уилтон умерла аббатиса. Анна Болейн продвигала вместо неё свою родственницу, но вскрылись факты, что у неё были дети. Уолси провёл свою кандидатуру, которую и хотело большинство монахинь, что вызвало недовольство и Анны Болейн, и Генриха VIII. Король сделал из этого вывод, что на Уолси нельзя полностью положиться. Анна Болейн стала приходить к убеждению, что цель Уолси — не устроить её брак с королем, а расстроить его, и формировала у короля мнение, что в деле о разводе надо игнорировать папство. Анна Болейн к тому же вступила в союз с врагами Уолси из числа знати. Группировка, сложившаяся вокруг Анны Болейн, намекала на необходимость конфискации церковного имущества, отмену папской власти над церковью Англии, чтобы и развод провести без обращения к папе¹³⁷.

На заседаниях парламента, который открылся 3 ноября 1529 г., впечатление от проведённого накануне в октябре 1529 г. отстранения Уолси от должности и отправки его в ссылку угнетающе довлело над сознанием духовных лиц¹³⁸. В первые же дни заседаний парламента широко представленные в нем юристы общего права и торговцы подняли вопросы, связанные с церковными делами: вопросы о завещаниях, мортуариях, плуралитетах, нонрезидентах среди священников, о священниках, которые служили управляющими, занимались торговлей. Летом 1528 г. Лондон был поражен лихорадкой с высокой смертностью, и у духовенства увеличились сборы от мортуариев. В такой обстановке через парламента 1529 г. прошли законопроекты об ограничении платы за мортуарии и утверждение завещаний¹³⁹.

Как обращает внимание К. Хейг, важный источник для изучения заседаний парламента 1529 г. — хроника Эдмунда Холла, заседавшего в па-

¹³⁴ *Scarisbrick J.J.* Henry VIII. — London, 1971. — P. 218—316.

¹³⁵ *Ives E.W.* Anne Boleyn. — Oxford, 1986; *Warnicke R.M.* The Rise and Fall of Anne Boleyn. — Cambridge, 1989; *Murphy V.M.* The Debate over Henry VIII's First Divorce. Ph. D. Thesis. — Cambridge, 1984.

¹³⁶ *Scarisbrick J.J.* Henry VIII. — London, 1971. — P. 202—207; *Gwyn P.* The King's Cardinal: The Rise and Fall of Thomas Wolsey. — London, 1990. — P. 537; *Haigh C.* English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 91.

¹³⁷ *Haigh C.* English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 91—93.

¹³⁸ *Lehmberg S.E.* The Reformation Parliament, 1529—1536. — Cambridge, 1970. — P. 81—82.

¹³⁹ *Haigh C.* English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 94—97.

лате общин. При этом следует иметь в виду, пишет К. Хейг, что Эдвард Холл был юристом, впоследствии симпатизировал протестантам, и его изложение событий парламентской сессии проникнуто последующей реформационной перспективой в понимании происходившего, так что он, вероятно, преувеличил значение церковных вопросов среди того, что обсуждалось на этой сессии. Принятые законопроекты, по мнению К. Хейга, не были проникнуты враждебностью к церкви как таковой и были следствием негативного отношения к Уолси в той обстановке, когда собрался парламент. Вопрос о разводе поначалу не разделял противников и сторонников развода на католиков и протестантов¹⁴⁰.

К сентябрю 1530 г. группа в королевском окружении, собиравшая цитаты для обоснования развода и самостоятельности в полномочиях короля, подготовила сборник документов и прецедентов для того, чтобы показать, что церковь Англии имеет независимую юрисдикцию, а король Англии обладает суверенными правами и властью над церковью и королевством. В октябре 1530 г. Генрих VIII собрал представителей английского духовенства и объявил, что не нуждается в разрешении из Рима на развод и спросил, утвердит ли его действия парламент. Состав духовенства на этой встрече и её ход точно не известны, но кто-то из духовенства ответил королю, что это не может быть сделано. После этого король со своим ближайшим окружением и решил выдвинуть обвинение в *praemunire* против всего английского духовенства¹⁴¹.

Сборник цитат о королевском суверенитете “*Collectanea Satis Copiosa*”, собранный королевской командой, послужил в последующем принятию Акта о запрете апелляций в Рим 1533 г. и Акта о королевском верховенстве 1534 г. В нём утверждалось, что с 187 г. король Англии имел светскую и духовную власть над своими владениями, так что получалось, что разрыв с Римом был не схизмой, а только возвращением к норме¹⁴².

Подкрепляя свою трактовку Реформации как явления политической истории, К. Хейг подчёркивает, что в 1531—1532 гг. Генрих VIII сломил сопротивление английского духовенства на заседаниях конвокации и парламента и подчинил духовных лиц своей политической воле. Все ключевые для развития Реформации события, считает К. Хейг, совершались в политической сфере. Обвинение духовенства по статуту *praemunire*, выдвинутое Генрихом VIII, угрожало всей церковной собственности, в реальном выражении превратившись в предоставление духовенством королю субсидии в 100 тыс. фунтов. Церковные власти смогли собрать с духовных лиц примерно 80% этой субсидии¹⁴³. В феврале 1531 г. король

¹⁴⁰ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 98—100; Ives E.W. Anne Boleyn. — Oxford, 1986. — P. 164; Scarisbrick J.J. Henry VIII. — London, 1971. — P. 339.

¹⁴¹ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 102—106.

¹⁴² The Sixteenth Century 1485—1603 / Ed. by P. Collinson. — Oxford, 2002. — P. 118—119.

¹⁴³ Guy J.A. Henry VIII and the Praemunire Manoeuvres of 1530—1531 // EHR. — 1982. — Vol. XCVII. — P. 481—503; Bernard G.W. The Pardon of the Clergy Reconsidered // JEH. — 1986. — Vol. 37. — P. 258—287.

также впервые высказал притязания на то, чтобы быть главой церкви Англии и английского духовенства¹⁴⁴.

Томас Кромвель в январе 1532 г. инициировал принятие документа под названием «Обращение палаты общин против служащих церковных судов» (*The Commons Supplication against the Ordinaries*), где оспаривались компетенция и справедливость действия церковных судов, поднимался вопрос о том, что конвокация издавала распоряжения для духовенства без согласия духовенства, которые к тому же противоречили королевской прерогативе и статутам королевства. Генриху VIII нужно было утвердить за собой верховенство над церковью для решения вопроса о разводе. Король обвинял епископов о том, что «они только наполовину наши подданные, и в недостаточной степени подданные», объявив депутатам парламента, что «нужно что-то делать, чтобы наши подданные нас не обманывали». В итоге группа клириков из верхней палаты парламента подписала документ под названием «Подчинение духовенства» (*Submission of the Clergy*). В числе подписавших были три епископа, аббаты — это была только часть высшего духовенства. 16 мая 1532 г. они преподнесли этот документ королю, и в этот же день Томас Мор был снят с поста канцлера, так как поддерживал неуступчивость епископов. Печать канцлера перешла к Томасу Одли (*Audley*), соратнику Кромвеля. После этого, считает К. Хейг, совершилось подчинение церкви Англии королевской власти: церковь потеряла свою автономную юрисдикцию, предоставив королю право контроля над каноническим правом, и это открыл Генриху VIII возможность всех дальнейших действий в религиозно-политической сфере, так что Анна Болейн обвенчалась с королем, архиепископом Кентерберийским стал патронируемый ею Томас Кранмер, в начале апреля 1533 г. через парламент был проведен законопроект о запрещении апелляций в Рим, после чего был расторгнут брак короля с Екатериной Арагонской, принят Акт об отмене аннатов в пользу папы¹⁴⁵.

В среде английского духовенства существовало недовольство разводом Генриха VIII, которое даже принимало открытые формы, не производя, впрочем, широкого резонанса: известно о том, что при голосовании по поводу королевского развода в мае 1533 г. в конвокации Кентерберийской провинции 19 духовных лиц подали голоса против развода. Историки обращали также внимание на визионерку Элизабет Бартон, выступавшую против развода с Екатериной Арагонской и казнённую в апреле 1534 г.¹⁴⁶

В марте 1534 г. был принят Акт о престолонаследии, подтверждавший передачу власти по наследству детям от брака Генриха VIII и Анны

¹⁴⁴ *Lehmberg S.E. The Reformation Parliament, 1529—1536. — Cambridge, 1970. — P. 112—115*
Bowker M. The Supremacy and the Episcopate: the Struggle for Control // Historical Journal. — 1975. — Vol. XVIII. — P. 227—243.

¹⁴⁵ *Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford 1993. — P. 109—117; Kelly M. The Submission of the Clergy // TRHS 5th series. — 1965. — Vol. 15.*

¹⁴⁶ *Cherry A.D. The Holy Maid of Kent // TRHS. 2nd series. — 1906. — Vol. XVIII. — P. 108—139*
Neame A. The Holy Maid of Kent. — London, 1971.

Болейн, а подданные должны были принести присягу о признании этого Акта. К. Хейг приводит данные о том, что в Лондоне эту присягу приняли все священники, кроме Николаса Уилсона, и её также отказались принести Томас Мор и епископ Джон Фишер. Мор, как пишет К. Хейг, всё же признал за парламентом право устанавливать престолонаследие в стране, но признавал по-прежнему действительным брак Генриха VIII с Екатериной Арагонской, и расценил происходившее в Англии «как противоречие в законодательстве». При этом Мор оставался при своём мнении, что законодательство государства не может вторгаться в законодательство церкви. Во время присяги населения Лондона Акту о престолонаследии 20 апреля 1534 г. неизвестно ни одного случая отказа от присяги. На парламентской сессии в ноябре-декабре 1534 г. королевская супрематия в церкви была оформлена статутом. Эта сессия парламента, по оценке К. Хейга, «плохо документирована и в основном закрепила законодательные нормы, складывавшиеся ранее». Был принят также Акт об измене. Из-под власти папы отказывались выйти религиозные ордена францисканцев-обсервантов, картузианцев и бригиттинок. 4 мая 1535 г. были казнены три картузианца — настоятели монастырей, учёный монах из Сиона и викарий из Айлуорта, 19 июня — ещё три картузианца, 22 июня — Джон Фишер, епископ Рочестерский, которого Рим после ареста возвёл в кардиналы, пытаясь предотвратить расправу, а 6 июля — Томас Мор¹⁴⁷.

Генрих VIII шёл к установлению супрематии в церкви, как считает К. Хейг, с колебаниями, но после достижения этой цели почувствовал себя удовлетворенным, поскольку это укрепляло национальный суверенитет, поднимало его значение как монарха, импонировало его самовосприимчивости. При этом по настоянию короля в законодательство о королевском верховенстве в церкви Англии был внесён пункт, согласно которому по желанию монарха это законодательство могло быть частично или полностью отменено, в чем К. Хейг видит ещё один аргумент для понимания действий короля как политических по характеру и своего рода намек папе, императору Карлу V, католикам на континенте на то, что разрыв с Римом может быть обратимым¹⁴⁸.

Стремление к подчинению церкви государством некоторые английские исследователи считали давней особенностью государственно-церковных отношений в Англии, появившейся ещё в начале нормандского периода английской истории и особенно усилившейся во время Реформации, в результате чего в реформационный период, по мнению современников, церковь Англии стала эрастианской, то есть подчиненной государству¹⁴⁹. По мнению Дж. Гая, в Англии XVI в. распространились идеи о том, что король должен законодательствовать совместно с парламен-

¹⁴⁷Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 119.

¹⁴⁸Ibid. — P. 121.

¹⁴⁹Child G.W. Church and State under the Tudors. — London, 1890; Gwatkin H.M. Church and State to the Death of Queen Anne. — London, 1917.

том, причем на формирование этих идей, по его мнению, повлиял консилиаризм — соборное движение в католической церкви XV в. При таких обстоятельствах, по его мнению, в английской политической мысли появилась проблематика, которая занимала её в годы гражданской войны и Славной революции. Идею о правлении короля совместно с парламентом, в том числе и в решении церковных дел, при Генрихе VIII проповедовали Кристофер Сент-Джермен и Томас Старки. Влияние Старки не выходило за круг итальянских и английских гуманистов, а Сент-Джермен был хорошо известен студентам, изучавшим общее право в судебных корпорациях, так что эти аргументы распространились среди парламентского джентри, вошли затем в VIII незаконченную книгу труда англиканского богослова Ричарда Хукера «Законы церковного устройства» в 1590-е гг. Но официальная точка зрения на королевскую власть в Англии всегда состояла в том, что король обладает *imperium*, всей полнотой власти даже без парламента¹⁵⁰.

Обстоятельства международного положения Англии, влияние Анны Болейн и Томаса Кромвеля, подспудно взращивавших у короля мысли о том, что он стал религиозным реформатором, как пишет К. Хейг, привели к тому, что Генрих VIII пошел на контакты с лютеранами и обсуждение с ними доктринальных вопросов, что ранее казалось невысказанным. На эти действия короля толкала и опасность международной изоляции Англии¹⁵¹. Затем в январе 1536 г. умерла Екатерина Арагонская, католические Франция и Испания были заняты европейскими делами — Франциск I в феврале 1536 г. захватил Савойю, Карл V увяз в Италии, и желание пойти на уступки лютеранам у Генриха VIII заметно ослабло, но король соглашался сохранять контакты с ними¹⁵².

Изменилась и обстановка при дворе после выкидыша у Анны Болейн в январе 1536 г. Протестантский историк XVI в. Джон Фокс всячески восхвалял добродетели и набожность Анны Болейн, что трудно согласовать с большинством свидетельств остальных современников. Сварливая Анна вызывала всё большее недовольство, и группа консервативных по убеждениям придворных во главе с Николасом Кэрю (Carew) проталкивала к Генриху VIII новую кандидатуру в жены — Джейн Сеймур. Эта группировка предлагала королю жёсткую позицию в отношении дальнейшего распространения протестантизма. К ним неожиданно примкнул Томас Кромвель, уже считавший Анну Болейн проигравшей и опасавшийся разделить её судьбу, не переставая быть сторонником религиозных реформ¹⁵³. По инициативе Кромвеля 29 апреля 1536 г. был арестован один из музыкантов Анны, и в ходе последующих активных допросов «признался»

¹⁵⁰ The Sixteenth Century 1485—1603 / Ed. by P. Collinson. — Oxford, 2002. — P. 124—126.

¹⁵¹ Rupp E.G. Studies in the Making of English Protestant Tradition. — Cambridge, 1947. — P. 92—99.

¹⁵² Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 124.

¹⁵³ Ives E.W. Anne Boleyn. — Oxford, 1986. — P. 335—408; Starkey D. The Reign of Henry VIII: Personalities and Politics. — London, 1985. — P. 108—121.

в сексуальных контактах с ней. После этого Анна, её брат лорд Рочфорд с их ближайшими друзьями в первых числах мая были отправлены в Тауэр. Николас Кэрю планировал только развод с Анной, а Кромвель создал условия, когда она со своими мнимыми любовниками была казнена. Кромвель затем избавился от группировки консерваторов, с которыми он был в сговоре. Они убедили Генриха VIII, что эти люди уговаривают его дочь от Екатерины Арагонской Марию не признавать короля главой церкви. Мария под давлением подчинилась требованиям о признании короля главой церкви, чтобы спасти их, но её удалили от двора, и эти консерваторы потеряли влияние на Генриха VIII. Кромвель же заполнил окружение короля протестантами из числа своих сторонников¹⁵⁴.

Для поддержания возможности заключения союза с лютеранами король своей волей навязал конвокации принятие 10 статей, трактовавших вопросы доктрины, которые были опубликованы в августе 1536 г. К. Хейг отмечает, что историки толковали эти статьи и как свидетельство распространения лютеранских взглядов, и как показатель того, что консерваторы в церкви сопротивлялись — по его мнению, в этих статьях проявились следствия и того, и другого¹⁵⁵. Как пишет К. Хейг, 10 статей несут в себе все признаки поспешно составленного промежуточного по характеру соглашения, в котором трудные вопросы пришлось замолчать или отложить. В них признавалось лютеранское оправдание верой, сопровождавшееся различными оговорками. В конце августа 1536 г. Кромвель выпустил также «Предписания» духовенству, где впервые в истории церкви Англии появилось распоряжение ректорам в приходах обеспечить возможность для прихожан читать текст Библии и на латыни, и по-английски, но епископы молчаливо игнорировали это предписание, чему помогло Северное восстание 1536 г.¹⁵⁶

В марте 1536 г. было объявлено о роспуске малых монастырей. Король в это время не стремился к религиозной реформе, а искал новых доходов, потратившись ещё и на подавление ирландского восстания 1534 г.¹⁵⁷ Уже на этой стадии к Томасу Кромвелю стали обращаться знать и джентри с просьбами предоставления монастырской земли, но были также и просьбы о сохранении любимых монастырей. Как отмечает К. Хейг, все детали прохождения через парламент билля о подавлении монастырей неизвестны, но Тайный совет предчувствовал возражения на этот билль даже в палате общин, и, предположительно, в этой палате билль представлял лично Генрих VIII, чтобы обеспечить его прохождение¹⁵⁸. Даже на этой стадии К. Хейг не видит в политике Генриха VIII намерения полностью ликви-

¹⁵⁴ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 126—127.

¹⁵⁵ Redworth G.A. Study of the Formulation of Policy: The Genesis and Evolution of the Act of Six Articles // JEH. — 1986. — Vol. 37; *Idem*. In Defence of the Church Catholic: The Life of Stephen Gardiner. — Oxford, 1990.

¹⁵⁶ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 129.

¹⁵⁷ Youings J. The Dissolution of the Monasteries. — London, 1971. — P. 33—46.

¹⁵⁸ Lehmburg S. The Reformation Parliament, 1529—1536. — Cambridge, 1970. — P. 227.

дировать монастыри. Известны факты, что некоторые монастыри тогда откупились от роспуска. Более того, король из нескольких распущенных монастырей, собрав монахов, учредил новые монастыри, объединив их¹⁵⁹.

Окончательное решение о подавлении монастырей К. Хейг датирует весной 1538 г., и тоже связывает его с событиями во внешней политике: сближением Франции и германского императора Карла V, что побуждало Генриха VIII на уступки лютеранам. Из-за отказа подчиниться королевской политике были казнены аббаты монастырей в Колчестере, Гластонбери и Ридинге, часть бывших монахов оставили без пенсий¹⁶⁰.

Оценивая взгляды Генриха VIII, К. Хейг отмечает, что король понимал практически-политическую целесообразность движения навстречу протестантам, но при этом в своих религиозных взглядах не отказывался от веры в действенность месс за страдающие в чистилище души, был впечатлён «Благодатным паломничеством» 1536 г., за которым стояли 40 тыс. участников, что формировало у него недоверие к новациям, страх перед новыми внутренними конфликтами¹⁶¹. При оценке восстаний 1536—1537 гг. на севере Англии К. Хейг призывает не забывать, что их участников объединили религиозные лозунги, и они были уверены, что выступили в защиту дела Божьего. Свое знамя с пятью ранами Христа они приняли не из-за каких-то соображений удобства, а под влиянием убеждений. Светские требования восставших были, по его мнению, позднейшими добавлениями к исходным религиозным требованиям, а не наоборот. Восставшие восстановили по крайней мере 16 из 26 северных монастырей, распущенных к тому времени. У современников из этого региона страны было ощущение, что все восстание — дело рук монахов¹⁶². По результатам северных восстаний было казнено 47 человек в Линкольншире, 132 участника северного «паломничества», 74 были повешены во время военных действий¹⁶³. В южных графствах Англии обнаруживались следы сочувствия северным восстаниям и были попытки поднять волнения, заканчивавшиеся казнями организаторов¹⁶⁴.

Генрих VIII не желал далеко идти в уступках лютеранам — на переговорах с ними консервативные епископы отказывались отменить безбрачие духовенства, ввести причастие под обоими видами, отменить частные мессы, и король поддерживал этих епископов¹⁶⁵. На этой стадии своей

¹⁵⁹ *Youings J.* The Dissolution of the Monasteries. — London, 1971. — P. 49—71; *Hallam E.M.* Henry VIII's Monastic Refoundations of 1536—1537 and the Course of the Dissolution // *BIHR*. — 1978. — Vol. 51. — P. 130—131.

¹⁶⁰ *Hodgett G.A.J.* The Unpensioned Ex-Religious in Tudor England // *JEH*. — 1962. — Vol. XIII. — P. 195—202.

¹⁶¹ *Haigh C.* English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 131.

¹⁶² *Ibid.* — P. 148; *Jack S.M.* Dissolution Dates for the Monasteries Dissolved under the Act of 1536 // *BIHR*. — 1970. — Vol. 43. — P. 169—179.

¹⁶³ *Elton G.R.* Policy and Police: The Enforcement of the Reformation in the Age of Thomas Cromwell. — Cambridge, 1972. — P. 387—389.

¹⁶⁴ *Haigh C.* English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 149.

¹⁶⁵ *Rupp E.G.* Studies in the Making of English Protestant Tradition. — Cambridge, 1947. — P. 117.

политики, как пишет К. Хейг, король переключился на другой «модус» в своем поведении, выискивая еретиков и благосклоннее относясь к консерваторам. Генрих VIII не принимал лютеранской доктрины оправдания верой, был сторонником учения о свободе воли в духе Эразма Роттердамского и флорентийских платоников, был против устной исповеди, а в целом в своих религиозных взглядах старался оставаться при своем собственном мнении. Дж. Скарисбрик называет Генриха VIII пелагианцем, а созданное при нем церковное устройство «католицизмом без папства»¹⁶⁶.

По мнению К. Хейга, король был умелым политиком, который намеренно поддерживал противоборствовавшие религиозно-политические партии в динамическом равновесии. В такой обстановке пытался активно маневрировать Томас Кромвель, подставляя для расправы Генриху VIII тех консерваторов, которых можно было представить как опасных папистов, очистив от консерваторов ближайшее окружение короля. Но королю надо было ещё подбросить на уничтожение также еретиков, и Кромвель вынужден был отдать на заклятие Джона Ламберта, известного кембриджского протестанта, за отрицание реального присутствия Христа в Евхаристии, который был сожжён 22 ноября 1538 г. Была также выпущена прокламация, требовавшая от анабаптистов в течение 10 дней убраться из страны, а также запрещавшая печатание и ввоз в страну Библии на английском языке, настаивавшая на признании учения о реальном присутствии Христа в Евхаристии, соблюдении всех церемоний в церкви, о том, что церковные служители не должны заключать браки и это противно Писанию¹⁶⁷.

В ноябре 1538 г. папа Павел III обнародовал своё решение об отлучении Генриха VIII от церкви и призвал к организации крестового похода против Англии. После этого в религиозной политике, полагает К. Хейг, Генрих VIII придерживался мнения, что нужно проводить такую линию, которая не дала бы повода для организации католиками против Англии каких-либо военных действий, что привело к принятию в 1539 г. в качестве парламентского статута консервативных по характеру «Шести статей» по религиозном вопросу. Против протестантской политики Томаса Кромвеля интриговали герцог Норфолк и епископ Гардинер. Генрих VIII в это время развёлся со своей четвертой женой Анной Клевской, которая происходила из полулютеранской семьи северогерманского герцога Клевского, и консерватор герцог Норфолк «подставил королю в жёны свою племянницу Екатерину Хауэрд». Весной 1540 г. Кромвель боролся за свою жизнь, но Генрих VIII всё же дал согласие на его арест и обвинение в измене. 28 июня 1540 г. Кромвель был казнён, а 30 июня были казнены еще три протестанта. С этого времени Генрих VIII прекратил переговоры с немецкими лютеранами и законодательно запретил исповедовать некоторые лютеранские верования. К. Хейг считает, что в это время в религи-

¹⁶⁶ Scarisbrick J.J. Henry VIII. — London, 1970. — P. 399.

¹⁶⁷ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 135—136.

озно-политической жизни Англии закончилась стадия, которую он называет «первой реформацией»¹⁶⁸.

Генрих VIII маневрировал во внешней политике. По его поручению консерватор епископ Гардинер ездил в Германию, делал вид, что разрыв Англии с Римом может быть не окончательным, пробыл там до июня 1541 г. и вёл переговоры с Карлом V о европейских делах и о Франции¹⁶⁹. Король при этом не отказывался от использования Библии на английском языке, но выразил намерение исправить Большую Библию 1539 г. от протестантских акцентов в переводе. К. Хейг полагает, что усиление консервативных настроений у короля в это время проявилось также под влиянием широко проявившейся враждебности к религиозным преобразованиям в народе. Генрих VIII отвергал только те протестантские доктрины, которые не находили отклика у многих священников и прихожан: об отрицании пресуществления во время Евхаристии, отрицании целибата духовенства, исповеди, месс по обету. Консервативные настроения в эти годы возобладали и в центре, и на местах, и традиционная приходская религия существовала в прежнем виде с малыми уступками реформам¹⁷⁰. В целом, как считает К. Хейг, народная религия под влиянием «первой реформации» заметно не изменилась¹⁷¹. После казни Томаса Кромвеля Реформация даже казалась обратимой¹⁷². В Кентерберийской епархии в среде духовных лиц и части мировых судей составилась консервативный заговор против архиепископа Кранмера с целью сместить Кранмера или заставить его активнее преследовать еретиков¹⁷³. В то же время К. Хейг находит ряд признаков того, что Генрих VIII лично не давал консерваторам окончательно возобладать в церкви и прямо заступался за архиепископа Кранмера¹⁷⁴.

Пересмотр доктрины церкви в консервативном направлении привел к появлению в мае 1543 г. сочинения под названием «Необходимая доктрина и эрудиция для каждого христианина», которое называли ещё «Книга короля», поскольку она была составлена под руководством монарха и выпущена по его распоряжению. Ей была придана сила закона, и, согласно её распоряжениям, ограничивалось чтение Библии, разрешавшееся теперь легально на родном языке только представителям социальных верхов. К весне 1543 г. из завоеваний Реформации в Англии сохранились, в сущности, только разрыв с Римом и диссолюция монастырей¹⁷⁵.

¹⁶⁸ Ibid. — P. 152—154.

¹⁶⁹ Ibid. — P. 155—156.

¹⁷⁰ Ibid. — P. 157.

¹⁷¹ *Attreed L.R.* Preparation for Death in Sixteenth Century Northern England // *Sixteenth Century Journal*. — 1982. — № 13.

¹⁷² *Haigh C.* English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 158.

¹⁷³ *Zell M.L.* The Prebendaries Plot of 1543: A Reconsideration // *JEH*. — 1976. — Vol. 27. — P. 241—253.

¹⁷⁴ *Haigh C.* English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 159.

¹⁷⁵ Ibid. — P. 160—161.

Существует мнение, что после того, как в 1541 г. была казнена за измену супругу Екатерина Хауэрд и в июле 1543 г. Генрих VIII женился на Екатерине Парр, открылась новая возможность влияния на короля со стороны протестантов¹⁷⁶. Но К. Хейг полагает, что преданность Екатерины Парр протестантизму поначалу не была очевидной — эти черты в ней раскрылись позднее и преувеличены историками. При дворе также укрепил свои позиции протестантски настроенный герцог Гертфорд. С его помощью было выдвинуто обвинение в папизме против нескольких членов семейства Томаса Мора и их друзей, сюда же попал племянник Гардинера, в результате чего 7 марта 1544 г. семеро из них были казнены¹⁷⁷. Но, как считает К. Хейг, в 1544 г. консерваторы не потеряли контроль над королем, «поскольку и ранее никогда в действительности не имели его».

Когда в сентябре 1544 г. опять обострились отношения с Карлом V, король на этот раз не пошёл на сближение с немецкими лютеранами, но проводил в религиозной политике меры, которые были протестантскими по характеру. Генрих VIII одобрил литанию на английском языке, опубликованную в мае 1544 г., в которой, как у протестантов, не было призывания святых, и целую книгу молитв на английском языке. В мае 1545 г. король санкционировал введение нового религиозного наставления (*primer*) на английском языке, состоявшего из традиционалистских по содержанию молитв. Вынужденной мерой в это время были действия королевской власти по лишению имущества части часовен, но это было экономической необходимостью из-за войны с Францией в 1545 г., а не отражением неверия в чистилище или зауспокойные молитвы¹⁷⁸. Генрих VIII ввел в «Книгу короля» 1543 г. высказанное ранее протестантами положение о том, что поминальные молитвы и мессы можно проводить за всех в целом, а не за индивидуальные души. Билль о ликвидации часовен 1545 г. с трудом прошел через палату общин из-за опасений за свое имущество тех, кто основывал часовни, но всё же, считает К. Хейг, у современников ещё сохранялось ощущение, что у часовен есть будущее. Показательно, что сам король оставил 600 фунтов и двух священников, чтобы они вечно молились за его душу¹⁷⁹.

К. Хейг оценивает линию Генриха VIII в религиозных делах в первой половине 1540-х гг. как осторожные меры в проведении реформ, консервативных по характеру¹⁸⁰. В то же время в середине 1540-х гг. протестанты пытались активизироваться. В марте-апреле 1545 г. в Лондоне проповедник Эдвард Кроум прочитал серию дерзких проповедей протестантского содержания, где отрицал реальное присутствие Христа в

¹⁷⁶ *Dowling M. Humanism in the Age of Henry VIII.* — London, 1986. — P. 66—68, 235—237.

¹⁷⁷ *Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors.* — Oxford, 1993. — P. 161.

¹⁷⁸ *Kreider A. English Chantries: The Road to Dissolution.* — Cambridge (Mass.), 1979. — P. 168—177.

¹⁷⁹ *Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors.* — Oxford, 1993. — P. 164.

¹⁸⁰ *Ibid.* — P. 164.

Евхаристии, защищал доктрину оправдания верой, истолковывал ликвидацию королем часовен как отрицание им учения о чистилище. Консерваторы начали преследования, стали выявлять связи Кроума, и уже в мае 1546 г. пять человек были сожжены. Это, по словам К. Хейга, была «охота за политическими скальпами» в придворной борьбе. В результате была также схвачена Анна Аскью, дворянка из Линкольншира и подруга придворных дам, симпатизировавших протестантизму, через которых были выходы на жену герцога Гертфорда.

Анна Аскью была сожжена с ещё тремя придворными 16 июня 1546 г. Опасность стала угрожать также жене короля Екатерине Парр и её окружению, но она рассказала об этом Генриху VIII, и преследования просто прекратились. На фоне этого консервативная группировка вела мощную антипротестантскую кампанию у собора Св. Павла и в печати. Если бы осенью 1546 г. умер Генрих VIII, считает К. Хейг, «английская история увидела бы не католическую реакцию при Марии Тюдор, а эдвардианскую католическую реакцию, так как в тот момент регентский совет создали бы консерваторы». Далее ситуация изменилась буквально за несколько месяцев: Норфолк оказался в Тауэре, Гардинер в немилости из-за нежелания на невыгодный для себя обмен земельного участка на участок из королевского домена, и на первые роли Генрих VIII позволил выйти Гертфорду¹⁸¹, собравшему необходимый альянс сторонников-протестантов, который контролировал Тайный совет, доступ к королю и факсимиле подписи Генриха VIII. Гертфорд был дядей Эдуарда, наследника престола. 13 декабря Генрих VIII изменил свое завещание и вывел из проектировавшегося регентского совета Гардинера и Норфолка¹⁸².

В два часа 28 января 1547 г. Генрих VIII умер, оставив итоговый вариант завещания не подписанным. Далее с завещанием, как предполагает К. Хейг, поработал королевский секретарь Пэдджет, который добавил в него два ключевых положения: в первом регентский совет получал право принимать любые постановления для обеспечения управления королевством, во втором разрешалось сделать подарки слугам Генриха VIII. На этом основании Гертфорд был сделан регентом, и он по завещанию, как отмечали историки, фактически мог покупать себе сторонников. Завещание в итоге «было подписано факсимильной подписью умершего короля». Как считает К. Хейг, Генрих VIII умер, сохраняя католические убеждения. Он не создавал намеренно протестантское регентство, не собиравшись давать сыну протестантское образование и нанял для сына учителей-гуманистов, не зная, что они протестанты, поскольку они скрывали свои убеждения, да и вообще точно неизвестно, в какой мере эти люди были протестантами, пока был жив Генрих VIII, поэтому в ходе Реформации при Эдуарде VI тоже не было предопределенности¹⁸³.

¹⁸¹ Starkey D. The Reign of Henry VIII: Personalities and Politics. — London, 1985. — P. 154—159.

¹⁸² Guy J. Tudor England. — Oxford, 1988. — P. 198; Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 166.

¹⁸³ Guy J. Tudor England. — P. 198—199; Starkey D. The Reign of Henry VIII: Personalities and Politics. — London, 1985. — P. 159—166.

В правление Эдуарда VI власти ежегодно проводили все новые меры в развитии Реформации: в 1547 г. были изданы новые протестантские по содержанию «Предписания» в церковной сфере и сборник протестантских проповедей и были отменены поминальные молитвы, разрешено причастие светских лиц под обоими видами; в 1548 г. в церквях были убраны образа, в службу были введены молитвы на английском языке в дополнение к мессе на латыни; в 1549 г. латинские обряды в службе были заменены полупротестантским молитвенником, был разрешен брак духовенства; в 1550 г. алтари были заменены на столы для причастия, введён новый порядок служб по протестантскому образцу, стало внедряться протестантское понимание епископата, по стране стала проповедовать группа священников-миссионеров; в 1552 г. был утверждён новый, определённо протестантский молитвенник; в 1553 г. происходила конфискация оставшейся в церквях католической утвари, были приняты утвердившие протестантскую доктрину церкви 42 статьи, утверждён новый катехизис¹⁸⁴.

Оценивая ход Реформации при Эдуарде VI, К. Хейг считает, подкрепляя свое мнение выводами историков, занимавшихся этим временем, что Реформация происходила импульсивно, с внезапными ускорениями и угрозами поворота вспять, и в этом отношении было некоторое сходство с событиями правления Генриха VIII¹⁸⁵. Среди окружения Гертфорда, ставшего герцогом Сомерсетом, происходила борьба. Каких-то серьёзных перемен, как полагает К. Хейг, Сомерсет опасался, поскольку боялся вызвать народные волнения, и в такой обстановке движение к протестантизму началось под влиянием активизации реформаторски настроенного меньшинства¹⁸⁶.

Поскольку у власти был протестантский режим, существовала возможность дальнейших религиозных реформ, хотя и проводившихся поначалу осторожно. Молитвенник 1549 г. был богословским и литургическим компромиссом, возможно, и задумывавшимся как мера, которую только и можно было провести поначалу¹⁸⁷. В восстаниях в Девоншире и Корнуолле, разразившихся летом 1549 г. из-за введения нового молитвенника, как отмечает К. Хейг, видно влияние экономических причин, недовольства политикой джентри, но при этом именно молитвенник стал средством, пользуясь которым, недовольные вывели локальные беспорядки на уровень регионального восстания. Всего в 1549 г. волнения охватили 23 графства¹⁸⁸.

¹⁸⁴ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 168.

¹⁸⁵ Hoak D.E. The King's Council in the Reign of Edward VI. — Cambridge, 1976. — P. 34—46, 231—239.

¹⁸⁶ Bush M.L. The Government policy of Protector Somerset. — London, 1975. — P. 100—126; Aston M. England's Iconoclasts: Laws against Images. — Oxford, 1988. — P. 254—263.

¹⁸⁷ Cuning G.J. A History of Anglican Liturgy. 2nd ed. — London, 1982. — P. 45—47; Redworth G. In Defence of the Church Catholic: The Life of Stephen Gardiner. — Cambridge, 1990. — P. 287.

¹⁸⁸ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 174—175; Cornwall J. Revolt of the Peasantry, 1549. — London, 1977.

Молитвенник 1552 г. отразил дальнейшее продвижение в протестантизации доктрины церкви Англии: крещение, конфирмация, похоронный обряд были изменены, в причастии отменена та структура службы, которая была в мессе, запрещены старые облачения, ограничивалось пение, в службе употреблялся теперь обычный хлеб, чаша давалась в руки причащающегося. В принятом символе веры — 42 статьях по вопросам, которые были спорными среди самих протестантов, был введён, по мнению К. Хейга, богословский компромисс и двусмысленность, особенно по вопросу о предопределении и Евхаристии, «но в целом по доктрине 42 статьи представляли сдержанный кальвинизм». При Эдуарде VI, по мнению К. Хейга, «убеждённые протестанты оставались осознающим себя меньшинством», но в эти годы, по его оценке, произошла «вторая реформация», которая, как и первая, была навязана простым прихожанам, враждебно относившимся к ней¹⁸⁹.

Исследователи находят свидетельства того, что именно в ходе попыток протестантского режима Сомерсета подчинить Шотландию в 1548 г. впервые появился в общем употреблении термин Великобритания (Great Britain), который пропагандировался шотландцем-протестантом, сторонником объединения с Англией Джеймсом Хенрисауном (Henrisoun)¹⁹⁰. На юго-западе Шотландии наблюдался подлинный народный энтузиазм в ответ на проповеди, которые вели здесь протестантские проповедники-англичане, что в определенной мере приостановило развитие тенденции, характерной для первой половины XVI г., когда Англия и Шотландия были мало связаны друг с другом. Впоследствии в 1603 г. объединение Шотландии и Англии многими современниками считалось естественным результатом развития тех связей между английскими и шотландскими протестантами, которые завязались в правление Эдуарда VI¹⁹¹.

Как считает К. Хейг, во время правления Эдуарда VI появились признаки крушения старых религиозных верований: ухудшилась посещаемость церквей, участились отказы от причастия, практически прекратился приток желающих стать священниками, и были епархии, где возведение священников в сан вообще не происходило, так что священников к концу правления Эдуарда VI не хватало¹⁹². Стало заметнее распространяться протестантское влияние в университетах. При Эдуарде VI протестанты имели больше влияния в Кембриджском университете, чем в Оксфорде¹⁹³. В обоих университетах к 1558 г. исследователи насчитывают примерно 340 протестантов¹⁹⁴.

¹⁸⁹ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 179—181.

¹⁹⁰ Merriman M. James Henrisoun and “Great Britain”: British Union and the Scottish Commonwealth // Scotland and England 1286—1815 / Ed. by R. Mason. — Edinburgh, 1987. — P. 85—112.

¹⁹¹ The Sixteenth Century 1485—1603 / Ed. by P. Collinson. — Oxford, 2002. — P. 96.

¹⁹² Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 182.

¹⁹³ Dent C.M. Protestant Reformers in Elizabethan Oxford. — Oxford, 1983. — P. 7—13.

¹⁹⁴ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford,

На деятельность протестантских проповедников при Эдуарде VI появились радикальные отклики в народе: некоторые светские лица стали возражать против церковных ритуалов, не оказывали никакого почтения хлебу и вину, ожидали некоей духовной свободы, отвергали ошибки «учёных». Среди протестантов были и неграмотные, так что обращение побуждало их, бывало, учиться грамоте, но в целом этот путь духовного развития, полагает К. Хейг, встречался нечасто: обычно к протестантизму обращались, будучи грамотными, чего ожидали, видимо, также сами протестантские проповедники. В середине XVI в. были грамотными фактически все джентльмены и купцы, а также примерно половина йоменов, третья часть ремесленников, десятая часть среди рабочих-земледельцев, но очень мало грамотных было среди простых рабочих¹⁹⁵. Большинство протестантов происходили из средних и преуспевающих общественных классов, которые были более грамотными и могли себе позволить иметь книги. Среди юристов в судебных Иннах-корпорациях уже к правлению Эдуарда VI примерно четверть были протестантами¹⁹⁶.

Распространению протестантизма в правление Эдуарда VI, считает К. Хейг, способствовало то, что некоторые из самых энергичных протестантских епископов служили на юго-востоке, а там, где епископы были консервативно настроенными, изменения были более медленными. Эффект от протестантских проповедей концентрировался в основном на юго-востоке, рядом с Лондоном и в университетах, и тут же находились наиболее развитые и плотно населенные районы страны. Возможно, и проповедники выбирали для своей деятельности районы, где они надеялись получить большие симпатии от слушателей, в том числе от лоллардов, или, может быть, проповедники пытались действовать везде, но получили наибольший отклик именно там, где ранее были районы деятельности лоллардов. Когда протестантизм стал распространяться среди светских лиц, заметным было его распространение по маршрутам торговых путей к портам, городам. Протестантизм лучше укоренялся там, где было больше грамотных ремесленников: в городах всех размеров, а также среди ткачей в сельской местности. К 1553 г. протестантизм прочнее всего укоренился в некоторых крупных городах (Лондоне, Норидже, Ипсвиче, Бристоле и Ковентри) и в меньших по размерам городах, особенно с населением, занимавшимся ткачеством и в морских портах. В рыночных и ткацких городах Суффолка (Хэдли, Мендлшэм), Эссекса (Колчестер и Когшелл), Кента (Мэйдстоун и Сэндвич) появились прочно утвердившиеся группы протестантов, которые не были разгромлены даже репрессиями при Марии. К. Хейг полагает, что к 1553 г. практически везде в Англии были протестанты, но большинство их концентрировалось в районе от Норфолка до Суссекса, то есть на юго-востоке. Группы протестантов

1993. — P. 188.

¹⁹⁵ *Cressy D. Literacy and the Social Order: Reading and Writing in Tudor and Stuart England.* — Cambridge, 1980. — P. 142—168.

¹⁹⁶ *Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors.* — Oxford, 1993. — P. 195.

стантов были также в графствах Уилтшир, Глостершир, Хантингдоншир, Норгемптоншир, в северном Уорикшире, юго-восточном Ланкашире, западном Йоркшире (особенно в Галифаксе и Лидсе). Но, как отмечает К. Хейг, даже в городах и районах, где протестантизм заметно укоренился к 1553 г., он «оставался субкультурой меньшинства». Имеющиеся ныне данные, правда, истолковывались по-разному. Сторонники быстрого распространения протестантизма утверждали, что данные о преследованиях несут информацию только об отдельных личностях, отличавшихся исключительной храбростью, а они могут быть лишь частью основной группы протестантов. Но, считает К. Хейг, свидетельства об этом периоде в целом у историков вполне достаточные. Мало свидетельств только о крайнем северо-востоке и крайнем северо-западе, об Уэльсе, так что можно исходить из мнения, что маловероятно то, что большие группировки протестантов не были никак зафиксированы современниками и теперь неизвестны историкам: в это время еретики были всё так же непопулярны, на них часто доносили враждебно относившиеся к ним соседи, а иногда даже доносили друг на друга мстительные супруги. Свидетельства книг записей, которые вели епископы, материалы епископских визитаций, хотя и не совершенны, нельзя сказать, что совсем уж скудны. Все протестантские кружки этого времени действительно неизвестны, и «протестантский айсберг» из тайных приверженцев протестантизма действительно существовал, но К. Хейг выражает сомнение в том, что он имел большие размеры. В упоминаниях о протестантах в разных источниках с 1525 по 1558 г. фигурируют примерно 3 тыс. имен, затем 280 человек были сожжены в 1555—1558 гг., и в любом случае это небольшая часть населения страны. При Марии к тому же наблюдалось рвение в поиске еретиков, так что можно даже предположить, что власти, скорее, переусердствовали в преследованиях и репрессиях в отношении протестантов, создав впечатление, что их было больше¹⁹⁷. Современными британскими историками проделана работа по составлению поименного списка ранних английских протестантов¹⁹⁸.

К. Хейг высказал своё мнение об информативных возможностях завещаний как исторического источника, что много обсуждается современными историками Реформации¹⁹⁹. Для работы с завещаниями он считает продуктивным подразделение их преамбул в соответствии с содержащимися в них доктринальными утверждениями на три вида: «традиционные», «нейтральные» и «протестантские». Это позволяет проследить формирование позитивной приверженности главным протестантским идеям и упадок

¹⁹⁷ Ibid. — P. 199.

¹⁹⁸ *Fines J.A.* A Biographical Register of Early English Protestants. Vol. I. — Sutton Courtney, 1982. — Vol. II. West Sussex Institute of Higher Education, 1986.

¹⁹⁹ *Clark P.* English Provincial Society from the Reformation to the Revolution: Kent 1500—1640. — Hassocks, 1977. P. 58, 76; *Sheils W.J.* The Puritans in the Diocese of Peterborough, 1558—1610. — Northamptonshire Record Society, 1979. — P. 15—16; *Palliser D.M.* Tudor York. — Oxford, 1979. — P. 250—251; *Brigden S.* London and the Reformation. — London, 1979. — P. 485—486, 629.

приверженности к почитанию святых. С этой точки зрения обращает на себя внимание то, что везде по стране изменения шли от традиционных к нейтральным формулам, и явно протестантские преамбулы использовались только в небольшом меньшинстве завещаний. В Лондоне, если следовать этому подходу, 32% завещаний при Эдуарде VI явно протестантские, но в Кенте и Геререфордшире таких завещаний только 7%, 9% в городе Йорке, 17% в Норремingtonшире и Ратленде. Во всей Йоркской епархии из 323 завещаний времен Эдуарда VI только 15, а при Марии только 18 из 330 известных по-протестантски обращались к Страстям Христа за спасением. Как считает К. Хейг, это подтверждает вывод о том, что «в середине XVI в. протестанты были небольшим, а кое-где просто крохотным сообществом»²⁰⁰.

Оценивая познавательное значение завещаний, К. Хейг в то же время пишет, что «они говорят нам кое-что, но эта информация далеко не ясна». Завещания составляли обычно более состоятельные люди, мужчины, т.е. представители той категории лиц, которые с относительно большей вероятностью могли быть протестантами. Но надо учитывать, что в завещаниях преамбулы всё же не были намеренной декларацией религиозных верований, с ними надо обращаться осторожно, категоризировать их отчетливо непросто. Современники, например, не видели отчетливых различий в формулах. Если взять завещания тех, чьи религиозные взгляды более или менее известны, например, Генриха VIII, то у него упоминается спасение и силой Христа, как у протестантов, и молитвами святых, как у католиков. Подобным же образом представлял себе возможность своего спасения, если судить по завещанию, также епископ Гардинер — защитник традиционных верований. Многие историки показали, что завещания не индивидуальны, большинство составлено писцами по формуле, взятой из предыдущих завещаний²⁰¹. Углубляясь в изучение отдельных регионов, историки различили даже влияние руки отдельного писца, путём чего распространялись протестантские взгляды. В Кенте и Геререфордшире, с другой стороны, известны завещания явных католиков с нейтральными и даже протестантскими преамбулами. Обнаружен даже случай, когда завещатель из графства Геререфордшир составил 15 июня 1559 г. два завещания, одно из которых содержало традиционалистскую преамбулу, другое — протестантскую, но неизвестно, была ли на то воля завещателя, или писец составил по своей инициативе два варианта, чтобы представить на утверждение тот, который согласовался бы с религиозной политикой только что взошедшей на престол Елизаветы²⁰².

К. Хейг склоняется к тому, что введения в завещания в основном были клишированными, а степень определённости остальных выводов из них

²⁰⁰ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 200.

²⁰¹ Aslo J.D. Religious Preambles in Early Modern English Wills as Formulae // JEH. — 1989. — Vol. 40; Zell M.L. The Use of Religious Preambles as a Measure of Religious Belief in the Sixteenth Century // BHR. — 1978. — Vol. 51.

²⁰² Moir M. Church and Society in 16th Century Herefordshire. M. Phil. Thesis. — Leicester, 1984. — P. 89, 93.

ограниченна. Завещания предоставляют неопределённые свидетельства о распространении протестантизма и отклике на Реформацию в Англии, которые, тем не менее, можно использовать, наряду с другими источниками, имея в виду соображения, высказанные к настоящему времени специалистами²⁰³.

Сдержанно относится к возможностям использования завещаний как источника также либеральный историк П. Коллинсон. По его данным, например, в селении Крэнбрук в графстве Кент, который иногда называют «пуританским Крэнбруком», где должен был бы проявиться пуританский характер религиозности местных жителей, тем не менее, только 8 из 122 завещаний времён Елизаветы I и Якова I содержат характерно кальвинистские формулировки, а во многих завещаниях встречается клишированная религиозная преамбула, введённая местным приходским клерком²⁰⁴.

При всех трудностях анализа завещаний С. Бригден, тем не менее, обнаружила, что лондонские завещания периода 1522—1547 гг. дают ценные сведения об изменениях религиозных верований от католицизма к протестантизму, особенно если внимание обращается не только на преамбулы завещаний, но также на упоминаемые в завещаниях пожертвования на религиозные и благотворительные нужды²⁰⁵. Некоторая информативность завещаний для изучения истории Реформации заключается в возможности проследить, что всё-таки считалось уместным написать в это время в преамбуле завещания, но в целом, по мнению П. Коллинсона, до середины XVII в. эти источники не позволяют вполне адекватно отразить эволюцию общественного мнения и личных религиозных взглядов конкретного человека²⁰⁶. Историки также обращали внимание, что в 1540—50-е гг. в народе стали популярны песни на темы содержания Св. Писания, но к концу XVI в. в массе населения опять больше был интерес к балладам развлекательного содержания²⁰⁷.

Современные историки уделяют немало внимания правлению Марии Тюдор и религиозно-политической ситуации в Англии после реставрации католицизма²⁰⁸. Причинами поражения Нортумберленда в 1553 г. считает К. Хей; были, в том числе, и религиозно-политические: то, что

²⁰³ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 201.

²⁰⁴ Collinson P. Cranbrook and the Fletchers: Popular and Unpopular Religion in the Kentish Weald // Reformation Principle and Practice: Essays in Honour of A.G. Dickens / Ed. by P.N. Brooks. — London, 1980. — P. 187.

²⁰⁵ Brigden S.E. The Early Reformation in London, 1520—1547. — Cambridge Ph.D. thesis, 1977. — P. 333—348.

²⁰⁶ Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 197.

²⁰⁷ Ibid. — P. 236—237.

²⁰⁸ Hoak D. Two Revolutions in Tudor Government: The Formation and Organization of Mary I's Privy Council // Revolution Reassessed: Revisions in the History of Tudor Government and Administration / Ed. by C. Coleman, D. Starkey. — Oxford, 1986; Loades D.M. The Essex Inquisitions of 1556 // BIHR. — 1962 — Vol. 35; Idem. Mary Tudor: A Life. — London, 1989; Loach D. The Marian Establishment and the Printing Press // EHR. — 1986. — Vol. CI; Idem. Parliament and the Crown in the Reign of Mary Tudor. — Oxford, 1986; Tittler R. The Reign of Mary I. — London, 1983.

он навязывал второй молитвенник 1552 г., конфисковывал церковную утварь, так что многие изменения, которые принесла Реформация, на уровне приходской религии сочувствия не вызвали. Активнее всего Марию поддержали католические знать и джентри, в то время как протестантское и нейтральное джентри выжидало, и примкнуло к Марии, когда было уже ясно, что она, безусловно, одержит верх. Не все были довольны возвратом католицизма, но, несомненно, в большинстве регионов страны католицизм восстановился быстро и без принуждения. В своих действиях после смерти Эдуарда VI Мария проявила политические способности: чтобы профинансировать свой переворот, она захватила церковную утварь из графства Норфолк, конфискованную при Эдуарде VI, а после своего утверждения у власти она приказала вернуть утварь в церкви²⁰⁹.

Примерно 20% приходов, как видно из отчётов церковных старост, получили обратно по доброй воле владельцев то, что те купили при распродаже церковного имущества в годы правления Эдуарда VI. К. Хейг придерживается мнения, что распоряжения властей о восстановлении католицизма исполнялись со значительным энтузиазмом. Хотя это было не дешёвое, без усилий разрушение церковей при Эдуарде VI и их разграбление, а довольно обременительное восстановление, оно, всё же, проходило довольно успешно и часто опережало официальные требования в трудных экономических условиях и с удивительным отсутствием возражений²¹⁰. При Марии Тюдор опять стало увеличиваться количество желавших принять духовный сан²¹¹, но в Лондоне бывали случаи пренебрежительного отношения и насмешек в адрес католического духовенства²¹².

Среди современников высказывалось мнение, что при Марии в государстве было, в сущности, три религии: официальная, оппозиционная и «нейтральная» — внешнее повиновение с внутренним нежеланием. Но К. Хейг считает, что при Марии реже встречался простой конформизм, чем заинтересованное участие в делах приходской религии. Он не согласен с мнением А.Дж. Диккенса, что в правление Марии царили религиозная и культурная бесплодность, сухой легализм — на уровне приходов этого не было. Ситуация в Англии стала ухудшаться в последние два года правления Марии, когда возник голод из-за нехватки продуктов, усилились болезни, велась неудачная внешняя война²¹³.

²⁰⁹ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 205—209.

²¹⁰ Whiting R. The Blind Devotion of the People. — Cambridge, 1989. — P. 68—69.

²¹¹ Original Letters Relative to the English Reformation / Ed. by H. Robinson. — Parker Society, 1864. — Vol. I. — P. 200; Scarisbrick J.J. Clerical Taxation in England, 1485—1547 // JEH. — 1960. — Vol. 11; Bowker M. Henrician Reformation and the Parish Clergy // BIHR. — 1977. — Vol. 50. — P. 35—36; Frere W.H. The Marian Reaction in its Relation to the English Clergy. — London, 1896. — P. 44—87; Loades D.M. The Reign of Mary Tudor. 2nd ed.. — London, 1991. — P. 106—107; Grieve H. The Deprived Married Clergy in Essex, 1553—1561 // TRHS 4th Series. — 1940. — Vol. 22; Marshall P. The Catholic Priesthood and the English Reformation. — Oxford, 1994. — P. 229—230.

²¹² Brigden S. London and the Reformation. — Oxford, 1989. — P. 598—600.

²¹³ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 210—213.

Но при Марии в религиозной ситуации в стране, полагает К. Хейг, всё же проявился скептицизм. Меньшим стало почитание святых и внимание к заупокойным молитвам. В эти годы резко увеличилось число ординаций священников, и, по крайней мере, в Лондоне, лица, принимавшие сан, довольно качественно экзаменовались. Католики при Марии слабо занимались полемикой — они публиковали главным образом проповеди, духовные наставления, но эта литература неплохо продавалась. В церкви при Марии, считает К. Хейг, были черты, сходные с церковной жизнью в Англии 1520-х гг.: энергичный епископат, занимавшийся пастырскими делами, высокий уровень требований при возведении в сан и значительное количество желающих его принять, хороший сбыт литературы, посвященной духовному наставлению, активное развитие приходской религии, такой же беспокойный кардинал, каким был Уолси (теперь это был Пуол), и также сохранялась проблема существования ереси в стране и некоторое недоверие к власти высшего духовенства²¹⁴.

Историки-ревизионисты в то же время подчеркивают, что за реставрацией католицизма, в конечном счёте, стояли сила власти и авторитет монархии. При Марии восстановление католицизма тоже не было бы достигнуто без давления, и это давление было значительным, считает Р. Хаттон, что свидетельствует в первую очередь о силе административного аппарата, а не о религиозном рвении англичан в условиях католической реставрации²¹⁵.

По мнению К. Хейга, серьёзной оппозиции правлению Марии не было, несмотря на случившиеся вооруженные выступления против неё. Восстание Томаса Уайатта в январе 1554 г. вовлекло примерно 30 джентри и 3 тыс. остальных участников, но его организатор не собрал даже всех своих собственных арендаторов для поддержки восстания. В открытую Уайатт возражал лишь против испанского брака Марии. Участники восстания примкнули к нему из нескольких соображений: враждебность к иностранцам, протестантские симпатии, экономические проблемы, часть пришла как верные арендаторы²¹⁶. Но в то же время ограниченное участие в восстании даже склонного к протестантизму населения юго-востока Англии демонстрировало, что правление Габсбургов не казалось совершенно нетерпимым, верность королеве была сильнее²¹⁷.

В отношении к протестантизму в стране Мария и её католическое окружение думали, что борьба с ересью — это проблема отношений с меньшинством населения, которую можно решить несколькими сожжениями. Пуол даже считал, что энергичная полемика с протестантизмом

²¹⁴ Ibid. — P. 215.

²¹⁵ The English Reformation Revised. — Cambridge University Press, 1990. — P. 137—138.

²¹⁶ Loades D.M. Two Tudor Conspiracies. — Cambridge, 1965. — P. 55—56, 76—88; Thor M.R. Religion and the Wyatt Rebellion of 1554 // Church History. — 1978. — Vol. 47. — P. 363—380; Robinson W.B. The National and Local Significance of Wyatt's Rebellion in Surrey // Historical Journal. — 1987. — Vol. 30. — P. 769—790; Clark P. English Provincial Society from the Reformation to the Revolution: Kent 1500—1640. — Hassocks, 1977. — P. 88—96.

²¹⁷ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 221.

в английских условиях неуместна²¹⁸. Как полагает К. Хейг, Поул весьма разумно не допустил в Англию иезуитов: полемическая проповедническая деятельность такого ригористичного по характеру ордена без опыта работы в Англии под руководством иностранцев могла нанести вред, к тому же англоговорящих иезуитов на тот момент не было. К. Хейг не согласен с А.Дж. Диккенсом в том, что церковь Англии при Марии так и не открыла для себя Контрреформацию. Поул укреплял в первую очередь дисциплину по епархиям — он считал, что проблемы и беды Англии в религиозной сфере были виной её духовенства. Планировались меры для повышения образовательного уровня духовенства путем открытия семинарий для подготовки священников, были открыты школы при соборах в Дареме, Линкольне, Уэллсе и Йорке²¹⁹.

К. Хейг приводит данные, что из всего английского духовенства только примерно 15% испытали при Марии проблемы из-за своего брака, но относительно немногие духовные лица пострадали за свой протестантизм²²⁰. Из сожжённых мучеников-духовных лиц при Марии пятеро были епископами и шестнадцать человек — священниками, что составляло примерно 10% из всех мужчин, которые были сожжены, а остальные духовные лица раскаялись и стали католиками. 74 священника эмигрировали, примерно два десятка священников служили в тайных протестантских группах, сохранявшихся в стране. Беженцы на континент при Марии включали в свой состав 472 мужчины, 125 женщин и 146 детей²²¹.

По всей видимости, эмигранты времён Марии происходили преимущественно из верхних слоев общества, а еретики, попавшиеся церковным властям во время реставрации католицизма в Англии, происходили главным образом из средних слоев. Социальный статус тех, кто пострадал от преследований католических властей, в значительной части неизвестен. Но все указания, включая косвенные, ведут к выводу, что протестанты были среди джентри, лиц свободных профессий, йоменов и, более всего, среди ремесленников²²². Протестантизм был религией средних слоев и верхов, но по своему характеру, считает К. Хейг, он не сводился к доктрине с определенной социальной базой. При Марии была сожжена 51 женщина — протестантка. К. Хейг, размышляя над этим, предполагает, что, возможно, на женщин-протестанток меньше доносили, или их действительно меньше привлекала религия, базировавшаяся на Библии²²³.

²¹⁸ Pogson R.H. Reginald Pole and the Priorities of Government in Mary Tudor's Church // *Historical Journal*. — 1975. — Vol. 18. — P. 12, 16.

²¹⁹ Haigh C. *English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors*. — Oxford, 1993. — P. 225.

²²⁰ Houlbrooke R. *Church Courts and the People during the English Reformation, 1520—1570*. — Oxford, 1979. — P. 181—182.

²²¹ Haigh C. *English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors*. — Oxford, 1993. — P. 227—228.

²²² Martin J.W. *Religious Radicals in Tudor England*. — London, 1989. — P. 133.

²²³ Haigh C. *English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors*. — Oxford, 1993. — P. 196.

К. Хейг считает, что Мария не собиралась обязательно расправляться с протестантами: 22 января 1555 г. епископ Гардинер собрал протестантское духовенство, сидевшее в лондонских тюрьмах и предложил им отказаться от своих убеждений — есть свидетельства, что согласились отречься от протестантизма двое. Затем с 28 января 1555 г. начались суды над арестованными протестантами, и власти уже пытались сломить их дух сожжениями протестантских лидеров²²⁴. По мнению К. Хейга, нельзя назвать преследования протестантов навязанными обществу, и они стали возможны только при его поддержке — не полной, но достаточной. К. Хейг считает, что хронология и география преследований протестантов случайна, и в этом не видно организованной национальной кампании, планируемой из центра. Такое мнение высказывали и католические историки, например, Филипп Хьюз, работавший в первой половине XX в. Преследования поддерживались усилиями скорее светских лиц, чем духовных — их начинали мировые судьи, констебли, церковные старосты, соседи и родственники протестантов. Для толпы эти казни были зрелищем, и среди собравшихся шла торговля вразнос съестным²²⁵.

Как полагает К. Хейг, эти преследования не достигли своей цели, поскольку не запугали всех протестантов. Протестантизм в Англии в результате этих преследований стал приобретать моральный ореол. Католические писатели вынуждены были опровергать появившееся мнение о том, что сила духа еретиков свидетельствует о правоте и достоинствах их дела. Но накануне кончины Марии, считает К. Хейг, в стране не было ощущения, что приближается также и «кончина католицизма», и не соглашается с мнением, что правление Марии было некоей aberrацией, попыткой преградить ход истории. Исторический вклад Марии в развитие Реформации, по мнению либеральных историков, состоял в том, что она дискредитировала католицизм жестокостями, придала достоинство протестантизму тем, что способствовала появлению протестантских мучеников. Но наблюдатель событий из 1558 г., считает К. Хейг, мог подумать, что это правление Эдуарда VI было aberrацией, поскольку подорвало процесс католической реставрации, начавшийся, как можно было считать, еще в правление Генриха VIII в 1538 г. и активизировавшийся при Марии²²⁶.

Восстановление католицизма при Марии, в оценке К. Хейга, следовало бы все же признать успешным. Эмигранты-протестанты на континенте к концу её правления, по его мнению, стали впадать в споры и отчаяние — в 1558 г. уменьшился объём их печатной пропаганды, усилилась при этом её истеричность и призывы свергнуть Марию, пока утверждение католицизма не стало необратимым²²⁷.

Оценивая 1534—1559 гг. в истории Реформации в Англии, либеральный католик Дж. Эйвлинг характеризует их как «тяжелое, травматиче-

²²⁴ *Loades D.M. The Oxford Martyrs.* — London, 1970. — P. 148—156.

²²⁵ *Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors.* — Oxford, 1993. — P. 230—233.

²²⁶ *Ibid.* — P. 234—235.

²²⁷ *Ibid.* — P. 236.

ское время для епископата»: церковь лишилась значительного имущества, произошли большие изменения в личном составе епископата, в его правовом статусе. Но институт епископата при всех превратностях Реформации сохранился нетронутым, поскольку, по словам Дж. Эйвлинга, со всеми его недостатками, епископат соответствовал социальным, экономическим и административным реалиям жизни Англии в эту эпоху, а политика Тюдоров отличалась тем, что стремилась сохранить старые институты и возложить на них новые обязанности²²⁸.

Дж. Эйвлинг считает, что католических активистов при Марии было меньше, чем протестантов, и они были менее способными, так что власти даже не могли расставить на все важные должности убежденных католиков, и только к 1558 г. появились надежды на расширение рядов убежденных католиков в университетах. Среди католиков-англичан были также консилиаристы (сторонники соборного движения) гуманистического толка, не отличавшиеся политической агрессивностью. При Марии немалое число протестантов спокойно проживало в Англии, при условии, что они не напоминали о себе. Большинство в университетских кругах не высказывало явного предпочтения ни католической, ни протестантской партии²²⁹.

Политика преследований протестантов при Марии, считает либеральный историк Д. Мак-Каллок, способствовала в Англии формированию ненависти к католицизму, очень долго сохранявшейся в английском протестантизме. Реформация в Англии, считает Д. Мак-Каллок, способствовала пробуждению реформаторских настроений в Шотландии. Либеральные историки, в отличие от ревизионистов, не считают реставрацию католицизма в правление Марии успешной²³⁰. Д. Мак-Каллок также отмечает, что в английском языке термин «протестант» не употреблялся до 1553 г., и начальную стадию реформационного движения в Англии, по его мнению, следует назвать евангелической²³¹.

Исследователи обращают внимание также на сектантские явления в развитии протестантизма в Англии во время преследований протестантов при Марии. В графстве Кент были обнаружены свидетельства существования здесь неортодоксальных сообществ, которых отличала особая этика исключительности: входившие в эти сообщества лица не хотели общаться с отличавшимися корыстолюбием священниками и с теми лицами, которые совершали серьезные моральные проступки типа супружеской измены²³². П. Коллинсон рассматривает формирование таких сообществ как результат влияния идей лоллардов. В правление Эдуарда VI в Англии появились также сторонники учения о свободной воле (free will

²²⁸ *Aveling J.C.H.* The English Clergy, Catholic and Protestant, in the 16th and 17th Centuries // Rome and the Anglicans: Historical and Doctrinal Aspects of Anglo-Roman-Catholic Relations. — Berlin — New York, 1982. — P. 67—68.

²²⁹ *Ibid.* — P. 76.

²³⁰ *The Sixteenth Century 1485—1603* / Ed. by P. Collinson. — Oxford, 2002. — P. 99.

²³¹ *Ibid.* — P. 87.

²³² *Clement C.J.* The English Radicals and their Theology, 1535—1565. — Cambridge Phil. D. Thesis, 1980; *Martin J.W.* English Protestant Separation at its Beginnings: Henry Hart and the Free-will Men // *Sixteenth Century Journal*. — 1976. — № 7. — P. 55—74.

men), не здоровавшиеся с грешниками и с незнакомыми людьми, осуждавшие доктрину о предопределении. Сепаратистские по отношению к церкви и сектантские настроения могли также усилиться от преследований времен Марии²³³.

В британской историографии также есть исследования, посвященные распространению в Англии анабаптистских идей²³⁴. По мнению Р. Смитсона, главный вклад анабаптистов в мировую историю — это принципы отделения церкви от государства в форме конгрегационализма, веротерпимость и пацифизм²³⁵. Ч. Бэрридж писал, что серьёзного значения анабаптизм в Англии XVI в. не имел, и власти, по сути дела, вели борьбу с «ветряными мельницами»²³⁶. Д.Б. Хериот утверждал, что анабаптистские доктрины в правление Генриха VIII получили в Англии заметное распространение, а власти даже принижали значение ереси²³⁷. И.Б. Хорст писал, что с точки зрения властей анабаптизм в Англии в 1530—50-е гг. был вопросом ереси, а не мятежа, и очищение Англии от ереси было «мягким и милосердным, если вспомнить о сотнях жертв в Нидерландах»²³⁸. Большинство современных исследователей не разделяют мнение о значительном распространении анабаптистских сект в Англии в 1530-е гг.²³⁹ А.Дж. Диккенс считал, что выступления первых анабаптистов на континенте затормозили процесс распространения религиозной свободы²⁴⁰. Оказавшиеся в Англии анабаптисты, как предполагают, были главным образом беглецами из Нидерландов. Джон Нокс утверждал, что в правление Марии Тюдор анабаптисты составляли немалую часть сожжённых за ересь в Англии. С 1560-х гг. английские власти уже не видели существенной угрозы в анабаптизме²⁴¹.

Британские историки уделяют также большое внимание первому протестантскому архиепископу Кентерберийскому Томасу Кранмеру (1489—1556). В XIX в. были опубликованы 30 биографий и биографических эссе о Кранмере²⁴². Фигура Томаса Кранмера в течение долгого времени неизменно провоцировала дискуссии разных поколений исследователей — о нем спорили Дж. Фокс и Н. Сандерс в XVI в., Г. Бернет и Ж. Боссюэ в XVII в., Ч. Тодд и

²³³ *Collinson P.* The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 253.

²³⁴ *Heriot D.B.* Anabaptism in England during the 16th and 17th Centuries // Transactions of the Congregational, Historical Society. — Vol. XII; *Underwood A.C.* A History of the English Baptists. — London, 1947; *Smithson R.J.* The Anabaptists, Their Contribution to Our Protestant Heritage. — London, 1935.

²³⁵ *Smithson R.J.* The Anabaptists, Their Contribution to Our Protestant Heritage. — London, 1935. — P. 216.

²³⁶ *Burrage Ch.* The Early English Dissenters. — Cambridge, 1912. — Vol. I. — P. 41.

²³⁷ *Heriot D.B.* Anabaptism in England during the 16th and 17th Centuries // Transactions of the Congregational Historical Society. — Vol. XII.

²³⁸ *Horst I.B.* Anabaptism and the English Reformation to 1558. — Nieukoop, 1966. — P. 100.

²³⁹ *Collinson P.* Towards the Broader Understanding of the Early Dissenting Tradition // The Dissenting Tradition / Ed. by C.R. Coll, M.E. Moody. — Athens (Ohio), 1975. — P. 27.

²⁴⁰ *Dickens A.G.* The English Reformation. — London, 1967. — P. 325.

²⁴¹ *Ильин В.И.* Борьба Тюдоров с анабаптизмом (XVI в.) // Англия в эпоху абсолютизма (статьи и источники) / Под ред. Ю.М. Сапрыкина. — М., 1984. — С. 170, 178, 180—184.

²⁴² *Ridley J.* Thomas Cranmer. — Oxford, 1962. — P. 9.

Дж. Лингард в XIX в., А.Ф. Поллард и Х. Беллок в первой половине XX в., и в современной британской историографии интерес к нему не потерян.

Оценки деятельности Кранмера прямо зависели от религиозной принадлежности тех, кто писал о нем, и католические историки буквально чернили протестантского архиепископа²⁴³. В XX в. появились несколько важнейших работ о нем²⁴⁴.

Наиболее остро дебатированный эпизод в жизни Кранмера — его отказ от протестантизма накануне сожжения. Но отречение от протестантского исповедания у Кранмера было получено ложным обещанием сохранить ему жизнь, и в связи с мученичеством протестанты его простили²⁴⁵. Католики рассматривали Кранмера не только как еретика и ересиарха, который способствовал тому, что Англия была ввергнута в ересь, но также как «похотливого лицемера, карьериста, который не был искренним даже в своей ереси». Все духовное развитие Кранмера при Генрихе VIII и Эдуарде VI католики изображали как жизнь приспособленца²⁴⁶.

Либеральные протестантские историки XIX в. не хотели делать из Кранмера святого из-за того, что он пытался спасти свою жизнь отречением от протестантизма: как писал Т.Б. Маколей, готовность Кранмера прощать своих противников была сравнима с отношением к происходящему у раба, который не чувствует ни благодарности за добро, ни гнева за нанесённые травмы, и, как считал Маколей, это демонстрировало то, «что человек может быть не только выше мести за нанесенный ему вред, но и ниже такой мести». Резко отрицательно относился к Кранмеру также радикальный историк первой четверти XIX в. Уильям Коббет²⁴⁷.

Дж. Ридли считал, что невозможно принять традиционные католические и протестантские подходы к оценке деятельности Кранмера. Католики изображали Кранмера как беспринципного оппортуниста, орудие королевской тирании. По мнению Дж. Ридли, при сравнении с поведением современников Кранмер совершенно не выглядит каким-то выдающимся приспособленцем: многие из ведущих церковно-политических деятелей середины XVI в. вели себя хуже. Гораздо хуже послужной список у епископа Стивена Гардинера, который смог стать орудием королевской воли и при Генрихе VIII, и в правление Марии Тюдор после реставрации католицизма, как и епископ Боннер, другие епископы, не говоря уже о знати и придворных. Протестанты же истолковывали деятельность Кранмера как жизнь честного католика, который постепенно увидел свет истины, что, по мнению Дж. Ридли, ближе к действительности, но такой подход тоже не передает всей сложности исторической ситуации. В слу-

²⁴³ Ibid. — P. 1.

²⁴⁴ Pollard A.F. Thomas Cranmer and the English Reformation, 1489—1556. — London, 1904; Smyth C. Cranmer and the Reformation under Edward VI. — London, 1926; Belloc H. Cranmer, Archbishop of Canterbury. — New York, 1973; Ridley J. Thomas Cranmer. — Oxford, 1962; MacCulloch D. Thomas Cranmer: A Life. — New Haven, 1996.

²⁴⁵ Foxe J. Acts and Monuments / Ed. by S.R. Cattle. — London, 1837—1841. — Vol. VIII. — P. 90.

²⁴⁶ Ridley J. Thomas Cranmer. — Oxford, 1962. — P. 5.

²⁴⁷ Ibid. — P. 8.

чае опасности Кранмер предавал свои принципы и протестантские доктрины гораздо серьёзнее, чем обычно признают его почитатели.

Дж. Ридли считал, что при рассмотрении жизни Кранмера в контексте исторической ситуации в Англии в XVI в. можно создать непротиворечивый образ личности. Как большинство его современников, Кранмер верил в королевский абсолютизм, ради чего был готов пожертвовать всеми доктринами. Оппозиция королевской воле была возможна для него только в том случае, если его заставляли совершать грех. Но Кранмер осознавал, что неповиновение королю может довести его до эшафота, и проводил свою линию в религиозных делах, учитывая это. Дж. Ридли считал, что такое поведение не следует считать обычным приспособленчеством. Принципиальный по характеру архиепископ Кентерберийский, как полагал Дж. Ридли, при Генрихе VIII просто не выжил бы, а Кранмеру после смерти Генриха VIII удалось сразу обеспечить общее руководство дальнейшими религиозными реформами в стране, «и это невозможно отрицать — было ли в этом влияние провидения, законов истории или чистой случайности». Дж. Ридли отмечал также, что на поведение Кранмера оказывал большое влияние страх перед революцией и социальными беспорядками — побывав в Германии, он составил себе представление о Крестьянской войне, хотя и пробыл там лишь 6 месяцев в 1532 г. Дж. Ридли считал, что, будучи ставленником Анны Болейн и Генриха VIII, Кранмер не принёс вреда отправившей его на сожжение Марии Тюдор, которую Генрих VIII хотел отправить в Тауэр за непризнание порядка наследования престола от второго брака в пользу Елизаветы, чему противился архиепископ²⁴⁸.

Кранмер придерживался мнения, что протестантизм должен быть введён в стране по воле монарха, а не подданных, и, как отмечал Дж. Ридли, выступал против укоренения в Англии более радикальных идей континентальной Реформации, в частности, цвинглианских, «всегда посматривая вокруг в поисках экстремистов», но после сожжения Кранмера 21 марта 1556 г. в протестантской среде среди тех, кто занимает должность в церкви, не принято его критиковать²⁴⁹.

Поведение Кранмера в последний день его жизни, в трактовке современных исследователей, выглядит следующим образом. В последнем разговоре с монахами Кранмер признавал, что он мог бы подчиниться папе, если бы папа сохранил ему жизнь. Дж. Ридли считал, что перед сожжением Кранмер мучительно выбирал, какую речь произнести — католически-покаянную или обличительно-протестантскую, и взял с собой написанные им заранее два текста. Сожжение раскаявшегося еретика, как в случае с Кранмером, было беспрецедентным. Кранмер в своём последнем слове успел сказать, что со времени своего низложения он успел написать много несправедного, так что в костре первой должна сгореть его рука. Затем он заявил, что считает папу врагом Христа и антихристом, все его

²⁴⁸ Ibid. — P. 50, 76.

²⁴⁹ Ibid. — P. 12.

учения — ложными, и остаётся при своих взглядах на таинства, которые он ранее исповедовал. Далее ему говорить уже не дали. Некоторые из присутствовавших на сожжении преподавателей университета пожали на прощание руку Кранмеру, что запрещалось каноническим правом и специальными недавно изданными королевскими эдиктами. Свою речь протестантского содержания Кранмер кому-то передал в толпе или уронил ее на землю. Сначала специально уполномоченным католическими властями печатником была опубликована покаянно-католическая речь Кранмера, но известия о том, что действительно произошло в Оксфорде, и об отречении Кранмера от своих прежних раскаяний в протестантизме утаивать долго было невозможно, и это неблагоприятно сказалось на отношении к Марии Тюдор²⁵⁰.

Автор объёмной и подробной биографии Томаса Кранмера Д. Мак-Каллок с симпатией относится к его деятельности, и в то же время эта работа не превратилась в апологию²⁵¹. В трактовке богословских взглядов Кранмера в спорном вопросе о понимании архиепископом Евхаристии Д. Мак-Каллок утверждает, что в этом вопросе Кранмер под влиянием взглядов Николаса Ридли и Мартина Буцера в итоге пришел к тому, что можно назвать «символическим параллелизмом»: согласно этому взгляду, Христос действительно, хотя и не телесно, присутствует в Святах Дарах. Когда верующие получают вино и хлеб, Христос воздействует на них духовно, подкрепляя их своими плотью и кровью. В религиозно-политических делах Кранмер был сторонником созыва Всеобщего протестантского собора и хотел созвать его в Англии как оппозицию Тридентскому собору. Д. Мак-Каллок также обращает внимание на случившиеся в жизни Кранмера промахи и непоследовательности, моральные проступки: поддержку развода Уильяма Парра с Элизабет Бурчьер только для того, чтобы выступить против канонического права, буквальный плагиат Кранмера из трудов кардинала Квинона (Quinones), «бесстыдные заимствования идей» у кардинала Каэтана, а также у протестантов Майлса Ковердейла, Джорджа Джоя, Ричарда Тавернера, «хотя это не было чем-то уникальным для XVI в.», бездействие в отношении незаконной сдачи его братом в аренду имущества колледжа Уингхэм после диссолюции. Кранмер также спокойно смирился с произвольным осуждением на казнь продвинувшей его в архиепископы Анны Болейн, поддержал сожжение Джоан Бочер в 1550 г. за христологическую ересь. Как отмечает Д. Мак-Каллок, радикальные евангелисты после начала Реформации в Англии представлялись Кранмеру большой угрозой делу Реформации, поскольку присущий им радикализм взглядов мог напугать традиционалистов. Поэтому неудивительно, как замечает Д. Мак-Каллок, что духовные потомки этих радикальных английских протестантов сурово критиковали Кранмера, несмотря на его итоговое отречение от католической церкви и сожжение. Как пишет Д. Мак-Каллок, понимание церк-

²⁵⁰ Ibid. — P. 402—406.

²⁵¹ MacCulloch D. Thomas Cranmer: A Life. — New Haven, 1996.

ви Англии как среднего пути у Кранмера предполагало средний путь не между протестантизмом и католицизмом, а между Виттенбергом и Цюрихом, что было близко взглядам страсбургского реформатора Мартина Буцера. По мнению Д. Мак-Каллока, Кранмер внёс вклад также в развитие английского языка тем, что спас его от характерной для гуманистов напыщенности. Таким образом, рассуждения о противоречивом и сложном моральном облике Кранмера так и воспроизводятся в современных работах о нём, хотя при этом современные историки обычно объясняют эти черты личности архиепископа сложностью религиозно-политической ситуации в то время, когда ему довелось действовать.

Значительным исследованием экономической жизни церкви Англии XVI в. в современной британской историографии является работа Ф. Хил «О прелатах и правителях: исследование экономического и социального положения епископата в правление Тюдоров» (1980)²⁵². Обратившись к изучению экономического положения епископов, Ф. Хил также охарактеризовала взаимоотношения королевской власти и епископата и те изменения, которые произошли в социальном статусе епископов под влиянием Реформации.

Ф. Хил обратилась к рассмотрению важнейшего опубликованного источника для изучения материального состояния церкви Англии в начальный период Реформации — переписи *Valor Ecclesiasticus*²⁵³, которую современники называли также «книгой о кастрации церкви Англии». Этот источник, по мнению Ф. Хил, даёт возможность составить общее представление о размерах доходов епархий, а привлечение епархиальных отчетов и документации за последующие годы позволяет выявить динамику изменения объёмов доходов, лишение епархий тех или иных источников дохода, особенно в отношении нескольких епархий с хорошо сохранившейся серией отчётов за ряд лет (Даремская, Винчестерская и Эксетерская епархии накануне Реформации и Даремская, Винчестерская и Лондонская во второй половине XVI в.)²⁵⁴.

Valor Ecclesiasticus была составлена главным образом светскими людьми, подобранными Томасом Кромвелем, многие из которых были мировыми судьями или другими служащими местной власти. Сохранились переписи от всех епархий, кроме Йоркской, но для этой епархии в 1536 г. была составлена детальная перепись с оценкой имущества для совершения королевской визитации этого района. На этих материалах, находящихся на хранении в Государственном архиве Великобритании (PRO E 36/114; SC 11/roll 766), в своё время работал А.Н. Савин, иссле-

²⁵² *Heal F. Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate.* — Cambridge, 1980.

²⁵³ *Valor Ecclesiasticus temp. Henrici VIII, Auctoritate Regia Institus* / Ed. by J. Caley, J. Hunter. — London, 1810—1834. — Vol. I—VI.

²⁵⁴ *Heal F. Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate.* — Cambridge, 1980. — P. 50—52; *Alexander G. Victim or Spendthrift? The Bishop of London and his Income in the Sixteenth Century // Wealth and Power in Tudor England: Essays Presented to S.T. Bindoff* / Ed. by E.W. Eves, R.J. Knecht and J.J. Scarisbrick. — London, 1978. — P. 128—145.

дья вопросы, связанные с имуществом монастырей²⁵⁵. По епархии Эли в Государственном архиве Великобритании материалов нет, но они сохранились в копии в Бодлианской библиотеке Оксфордского университета Bodl., Tanner MS. 141, fos. 74 ff²⁵⁶. Перепись Valor Ecclesiasticus была составлена буквально в течение нескольких месяцев, так что в переписи есть, как было установлено, некоторые упущения и неточности (например, в отношении монастырей в Ланкашире). В целом же Valor Ecclesiasticus впечатляет общей тщательностью и точностью работы.

Ф. Хил считает, что составители переписи обычно недооценивали земли и имущество, которые использовались при обслуживании хозяйства самого монастыря, поскольку наиболее тщательно выявляли ренты и взимавшиеся монастырями платежи²⁵⁷. Ей также удалось выявить на примере документов из епархии Эксетер, что епископы стремились уменьшить свои доходы от некоторых маноров, от непостоянных доходов вроде продажи леса, чтобы несколько облегчить налогообложение. Ф. Хил на основе изучения Valor Ecclesiasticus составила таблицу годовых доходов 21 епархии в Англии и Уэльсе, показав спектр доходов от наибольшего в Винчестерской епархии, составлявший 3885 фунтов 3 шиллинга 3 3/8 пенса, до годового дохода в 131 фунт 16 шиллингов 3 1/2 пенса в епархии Бангор²⁵⁸. После уплаты всех платежей чистый налогооблагаемый общий доход 21 английской и валлийской епархии (то есть без епархии Содор и Мэн на севере) составлял 28022 фунта. Валовой доход от имущества составлял примерно 26100 фунтов (включая апроприированные ректорства, не отделявшиеся от маноров в случае, если ректорства находились в маноре, принадлежавшем епископу), а доход от духовных служб, включая права ректорства, примерно 3450 фунтов²⁵⁹.

В Valor Ecclesiasticus были занижены доходы епископов от вырубки лесов и добычи полезных ископаемых. Ведение собственного хозяйства не было значительным направлением в деятельности епископов, но они имели скот и выращивали сельскохозяйственные культуры, чему не уделили достаточного внимания составители Valor Ecclesiasticus, возможно, не считая их значительными доходами и рассматривая их как часть личного дохода епископа. Значение таких доходов стало возрастать с 1540-х гг. с усилением инфляции. Во второй половине XVI в. епископы начали получать больше доходов в связи с увеличением файнов при аренде. Ф. Хил считает, что Valor Ecclesiasticus точнее отражает доходы бедных епархий, поскольку богатые имуществом епархии создавали больше

²⁵⁵ Savine A. English Monasteries on the Eve of Dissolution // Oxford Studies in Social and Legal History / Ed. P. Vinogradoff. — Oxford, 1909. — Vol. I. — P. 88.

²⁵⁶ Heal F. Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate. — Cambridge, 1980. — P. 52.

²⁵⁷ Savine A. English Monasteries on the Eve of Dissolution // Oxford Studies in Social and Legal History / Ed. by P. Vinogradoff. — Oxford, 1909. — Vol. I. — P. 1—267; Haigh C. The Last Days of the Lancashire Monasteries and the Pilgrimage of Grace. — Manchester, 1969. — P. 32—38.

²⁵⁸ Heal F. Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate. — Cambridge, 1980. P. 53.

²⁵⁹ Ibid. — P. 54.

возможностей для использования своего положения епископом с целью увеличения доходов²⁶⁰.

Наряду с доходами от имущества епархии, важны были также доходы, получаемые епископом за исполнение должности от принадлежавших ему ректорств, сборов и платежей, выплачивавшихся епископу для исполнения ими своих служебных обязанностей, сборов во время совершавшихся раз в три года визитаций своей епархии, доли от платежей за утверждение завещаний, платы за отпущения и утверждения в должности²⁶¹. Накопленные средства епископы вкладывали в основание колледжей, школ, семейных часовен. Вложения капитала в землю среди епископов были не очень популярны, и только лишь, если епископы могли кому-то передать землю по наследству, они стремились покупать маноры, но покупка земли епископами, насколько известно, всё же не была редкостью. Большинство епископов предоставляли аренды епархиальной земли и должности в епархиальном управлении родственникам. Ф. Хил утверждает, что самой распространённой формой вложения капиталов среди епископов была покупка дорогой посуды из драгоценных металлов — этим можно было демонстрировать состоятельность гостям за столом, в случае необходимости обратить её в наличность, а также дарить и выделять на благотворительные цели. Среди епископов распространённой формой пополнения своих капиталов было также предоставление ссуд на коммерческой основе, что давало епископам влияние в обществе. Различия в доходах между беднейшими и наиболее богатыми епархиями были огромными, но все епископы по статусу входили в верхнюю палату конвокации и заседали в парламенте. Более доходные епархии обычно предоставлялись королевской властью тем, кто оказал какие-то значительные услуги короне²⁶².

Накануне Реформации доходы архиепископа Кентерберийского были на одном уровне с доходами наиболее состоятельных представителей знати. Средний годовой доход пэров королевства в 1534 г. составлял 921 фунт, а средний годовой доход епископов в 1535 г. составлял 1050 фунтов. Только валлийские епископы по доходам напоминали джентри. Средний доход рыцаря в начале правления Генриха VIII составлял 204 фунта в год²⁶³.

В реформационном парламенте уже с 1529 г. в борьбе с духовенством сразу появилось влияние экономических интересов джентри и других депутатов нижней палаты парламента: духовенству было запрещено брать в аренду фермы и торговать зерном и другой сельскохозяйственной продукцией, которая была выращена духовными лицами не в своём хозяйстве — духовным лицам не давали заниматься перепродажей сельскохозяйственной продукции²⁶⁴.

²⁶⁰ Ibid. — P. 55—60.

²⁶¹ Ibid. — P. 62—63.

²⁶² Ibid. — P. 67—71.

²⁶³ Ibid. — P. 72.

²⁶⁴ Ibid. — P. 101—102.

По мнению Ф. Хил, ликвидация монастырей, но при этом сохранение землевладения епископов в середине 1530-х гг. было своего рода применением общеполитического принципа «разделяй и властвуй». Возможность забрать у епископов доходные земли королевская власть с 1534 г. увидела в принудительных обменах земель епархий с королевскими землями, и большое влияние на формирование этой идеи оказал Томас Кромвель. Королевскую власть в имуществе епископов обычно интересовали большие маноры с охотничьими угодьями. У епископов стали также отнимать их дома и дворцы в Лондоне. Влиятельные светские лица требовали ещё больших обменов своего имущества с церковью с выгодой для себя, но Генрих VIII сдерживал эти требования, а также не поощрял браки духовных лиц, опасаясь, что церковное имущество начнет уходить по наследству²⁶⁵.

В результате сделок 1540-х гг. по обмену землей между короной и церковью епископы при Генрихе VIII потеряли земель на 3700 фунтов, а компенсировали им земли на 2850 фунтов, и часто компенсацию давали через несколько лет. Многие епархии во время этих обменов потеряли самые доходные маноры. Предоставленная в виде компенсации земля была обычно сданной в аренду на долгие сроки, и нужно было ждать, чтобы можно было взять вступительный файн или файн за обновление держания²⁶⁶.

Как отмечает Ф. Хил, в правление Эдуарда VI епископат церкви Англии был ещё сильнее подчинен светской власти посредством создания специальных комиссий, контролировавших, как епископы осуществляют управление епархиями. Сторонники дальнейшей Реформации в Англии по континентальным образцам считали, что значительное имущественное состояние английских епископов неуместно в протестантской церкви, и у них можно отобрать ещё часть земель, направив полученные средства на нужды образования, бедным, на военные дела для организации обороны государства. Но до ликвидации епископата дело не дошло, одной из причин чего Ф. Хил считает возможность для правящей группировки и так добиваться своих целей при малолетнем короле, а такое масштабное мероприятие, как экспроприация земель епископов, могла вызвать борьбу за эти земли, которую было бы трудно удержать в рамках, так что это могло расколоть королевский совет, вызвать недовольство испанского короля и германского императора Карла V Габсбурга, как раз в это время склонившего в свою пользу ситуацию в борьбе с протестантами на континенте. С января 1547 г. по октябрь 1549 г. в шести епархиях королевской властью было изъято 78 маноров, приносящих доход в 3407 фунтов, за которые епископы получили ректорства и некоторые духовные доходы²⁶⁷.

²⁶⁵ Ibid. — P. 115—118.

²⁶⁶ Scarisbrick J.J. Henry VIII. — London, 1968. — P. 413—417; *Heal F. Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate.* — Cambridge, 1980. — P. 123.

²⁶⁷ *Heal F. Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor*

При Эдуарде VI епархии Солсбери, Герефорд и Лландаф вынуждены были предоставить несколько аренд на таких щедрых условиях, что они были сопоставимы с пожалованиями земли — некоторые арендные договоры были заключены на 200 лет²⁶⁸. В марте 1550 г. была ликвидирована Вестминстерская епархия, и её земли поделили корона и Лондонская епархия, из которой четыре самых доходных манора были переданы короне, но в целом Лондонская епархия потеряла 480 фунтов годового дохода, а получила имущества из ликвидированной епархии на 527 фунтов годового дохода²⁶⁹.

Режим Нортумберленда взял курс на убеждение епископов, особенно только что вступавших в должность, отказаться от части епархиального имущества. Радикальный протестант Джон Хупер, одновременно бывший епископом Глостерским и Вустерским, лишился 2/3 земель в пользу короны. Ф. Хил обращает внимание на то, что Нортумберленд получил от грабежа церкви меньше личных доходов, чем Сомерсет, но он поощрял борьбу за церковные маноры в своем окружении, стремясь таким путем укрепить свое влияние²⁷⁰. В поведении Нортумберленда Ф. Хил склонна обнаружить определённое стремление к распространению протестантской проповеди, более адекватно финансируемой: в 1550 г. епархиям Линкольн, Норидж, Бат и Уэллз вернули часть имущества. Нортумберленд не обобрал в такой степени ни одну епархию, как это было при Сомерсете. При Нортумберленде были назначены епископами известные и убежденные протестанты (Ридли, Хупер, Ковердейл, Скори), хотя, возможно, на это повлияли также веяния времени, а не намерения Нортумберленда как таковые. Но руководство церкви не доверяло Нортумберленду и было совершенно отстранено от принятия решений²⁷¹. Нортумберленд, как полагает Ф. Хил, был вынужден смириться с грабежом церкви светскими лицами, чтобы таким путем обеспечить себе политическую поддержку в стране, при этом не растрачивая свои и королевские средства²⁷².

С восшествием на престол Марии и реставрацией католицизма королевская власть по-прежнему нуждалась в субсидиях духовенства, а также требовала с духовенства налоговые недоимки. Ф. Хил считает, что попытки Марии Тюдор укрепить церковь, опять сделать ее независимой были обречены на неудачу²⁷³. Восстановить имущественные права церкви в дореформационном варианте Мария не смогла. Епископы теперь также нуждались в опоре на королевскую власть для поддержания конформизма и единообразия, дисциплины в церкви²⁷⁴.

Episcopate. — Cambridge, 1980. — P. 126.

²⁶⁸ Ibid. — P. 135—136.

²⁶⁹ Ibid. — P. 139.

²⁷⁰ Jordan W. K. Edward VI: The Threshold of Power. — London, 1970. — P. 377.

²⁷¹ Heal F. Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate. — Cambridge, 1980. — P. 141—146.

²⁷² Ibid. — P. 147.

²⁷³ Ibid. — P. 156—161.

²⁷⁴ Pogson R. Reginald Pole and the Priorities of Government in Mary Tudor's Church // Historical

Ф. Хил охарактеризовала также экономическое положение отдельных епархий в 1530—начале 1550-х гг., подсчитала динамику объемов ежегодных доходов епископов, выявила, что в наибольшей степени пострадали от экономического давления со стороны королевской власти епархии Норидж, Кентерберри, Винчестер, Солсбери, Вустер. Среднегодовой доход епископа уменьшился с 1400 фунтов в начале реформационного периода до 865 фунтов в 1553 г.²⁷⁵ В структуре доходов епископов стала возрастать доля средств, получаемых не от епархиального имущества, а от исполнения духовных полномочий: в 1535—1553 гг. доходы от ректорств, десятин и совершения духовных служб, визитаций у епископов возросли от 12% до примерно 30% в общих доходах, и этот процесс продолжался в правление Марии²⁷⁶.

В 1535—1558 гг. по епархиям было сдано много земли в невыгодные для церкви аренды, чем особенно отличалось время правления Эдуарда VI, когда были заключены 123 договора об аренде, особенно убыточных для церкви, так как 40% арендных договоров были заключены на 99 лет и больше, и в аренду стали сдаваться также леса²⁷⁷.

Достаточных сведений о файнах за вступление в аренды епархиальных земель нет, но по различным косвенным фактам можно сделать вывод, что епископы получали заметные доходы от вступительных файнов, которые шли в их распоряжение как личные средства. Епископы давали такие невыгодные для церкви аренды под давлением светских лиц, а также и родственникам, и этим отличались как реформаторски настроенные епископы, так и консерваторы. До середины правления Эдуарда VI, как считает Ф. Хил, церковные администраторы ещё в полной мере не понимали происходившей в стране инфляции, что тоже служит одним из объяснений того, что они шли на предоставление долгосрочных аренд²⁷⁸.

Предполагают, что из-за инфляции реальный доход епископов в период 1535—1553 гг. упал на 61%²⁷⁹. Епископам приходилось тратить много средств на продукты, особенно подорожавшие. Государственная власть увеличивала размеры церковных субсидий, и доля выплат епископов поднялась от четверти до трети их годовых доходов. В результате Реформации епископов почти перестали использовать на государственных должностях, и способом повышения доходов для епископов стало главным образом стремление захватить в своих епархиях должности по совместительству (*in commendam*)²⁸⁰. Радикальными реформаторами и светскими лицами была поставлена под сомнение даже необходимость

Journal. — 1975. — Vol. XVIII. — P. 3—20.

²⁷⁵ *Heal F. Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate.* — Cambridge, 1980. — P. 180—182.

²⁷⁶ *Ibid.* — P. 183.

²⁷⁷ *Ibid.* — P. 184—185.

²⁷⁸ *Ibid.* — P. 188—190.

²⁷⁹ *Phelps-Brown E.H., Hopkins S. Seven Centuries of the Prices of Consumables // Economica.* — XXIII. — 1956.

²⁸⁰ *Heal F. Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate.* — Cambridge, 1980. — P. 195—197.

существования епископата²⁸¹. По мнению Ф. Хил, эти трудные для епископов времена в середине XVI в. порождали в епископате жадность, малодушие, двуличие²⁸².

В 1980—90-е гг. британскими историками был опубликован ряд исследований, посвященных начальному этапу английской Реформации. Работа Т. Мейера²⁸³ посвящена Томасу Старки — наиболее италянизированному англичанину своего поколения, автору первого гуманистического диалога на политические темы на английском языке, представлявшего в Реформации среднюю партию — антипапскую, но не желавшую следовать в проведении Реформации её континентальным образцам. Старки, умерший в августе 1538 г., в последующем повлиял своими идеями на формирование англиканской церкви как *via media* — среднего пути в Реформации.

К. Трумен в своей работе²⁸⁴ рассматривает понимание спасения в трудах ранних английских религиозных реформаторов и их взгляды на спасающую веру, избрание и предопределение, теологию ковенанта. К. Трумен рассмотрел взгляды Уильяма Тиндейла, Джона Фрита, Роберта Барнса, Джона Хупера, Джона Брэдфорда. На их взгляды, по мнению К. Трумена, повлияли гуманизм, идеи лоллардов, лютеранство, идеи швейцарских реформаторов.

Д. Лоудз²⁸⁵ высказал интересную мысль о том, что папство в течение XVI в. постоянно ошибалось в оценке религиозной ситуации в Англии. Папа Климент VII, не дав своего согласия на развод Генриха VIII с Екатериной Арагонской, не смог предотвратить разрыв Англии с Римом. Павел IV своим неумеренным вмешательством в дела церкви Англии в правление Марии Тюдор, когда католицизм был официально восстановлен, осложнил отношения с королевой. Пий V, издав буллу об отлучении Елизаветы, сильно осложнил жизнь католикам в Англии. С современной точки зрения, этот ряд событий — прямо-таки перечень дипломатических неудач Рима, но в XVI в. межгосударственные отношения были проникнуты религиозной мотивацией, и трудно представить, чтобы Рим мог действовать по-другому. Д. Лоудз согласен с историками-ревизионистами (К. Хейгом, Дж. Скарисбриком и И. Даффи) в том, что накануне Реформации церковь Англии не находилась в упадке, а переживала даже сравнительно благополучный период, и протестантизм в Англии в XVI в. утверждался медленно, под давлением государственной власти, при этом народная масса была слабо восприимчива к проповеди протестантизма, но «соломинки протестантизма затем всё же превратились в кирпичи англиканства»²⁸⁶.

²⁸¹ Ibid. — P. 162—163.

²⁸² Ibid. — P. 179.

²⁸³ Mayer T.F. Thomas Starkey and the Commonweal: Humanist Politics and Religion in the Reign of Henry VIII. — Cambridge, 1989.

²⁸⁴ Trueman C.R. Luther's Legacy: Salvation and English Reformers, 1525—1556. — Oxford, 1994.

²⁸⁵ Loades D. Politics, Censorship and the English Reformation. — London, 1991.

²⁸⁶ Ibid. — P. VII.

Происхождение Реформации в Англии Д. Лоудз связывает частично с влиянием христианского гуманизма на образованные классы, частично с богословским влиянием с европейского континента, особенно из Швейцарии и Рейнской области. Королевское верховенство в церкви Англии в реформационный период смогло утвердиться, как считает Д. Лоудз, благодаря престижу и авторитету монархии среди населения страны, но папство в Англии в правление Марии Тюдор, когда произошла реставрация католицизма, уже рассматривалось как чуждое и навязчивое учреждение.

Э. Петтигри в своей работе²⁸⁷ призывает обратить больше внимания на то, что было сделано в Англии для распространения протестантизма до вступления на престол Елизаветы, поскольку, по его мнению, те семена в распространении протестантских идей, которые были насажены до времени правления Елизаветы, и сделали церковь Англии одной из протестантских церквей Европы. Предыдущие исследования религиозной ситуации времени правления Марии Тюдор концентрировались на изучении религиозных эмигрантов, мучеников в стране. Э. Петтигри занимается вопросом, как жили сторонники религиозных реформ под властью Марии. Э. Петтигри считает, что в первую очередь обеспечивали распространение протестантских идей в Англии во время реставрации католицизма эмигранты, печатающая протестантскую литературу на континенте, но в Англии при Марии жили важные впоследствии для церкви Англии деятели, как их называет Э. Петтигри, «прославленное трио никодемитов — Мэтью Паркер (первый архиепископ Кентерберийский при Елизавете, государственный секретарь в правление Елизаветы — В.Е.), Уильям Сесил и сама Елизавета» (никodemизмом в истории христианства называли тайное следование христианскому учению — по имени Никодима, который приходил беседовать с Иисусом Христом только ночью)²⁸⁸.

В одном из очерков в своей работе Э. Петтигри рассмотрел с использованием новых документов одну из крупных общин английских эмигрантов в германском городе Эмдене, где активно работал протестантский печатный станок. Ещё один очерк Э. Петтигри посвятил протестантским общинам иностранцев в Лондоне во время правления Марии Тюдор, которые, хотя внешне и вернулись в католицизм, всё же вносили вклад в существование протестантского подполья. В Лондоне и в Восточной Англии, как пишет Э. Петтигри, были священники-никodemиты, упорно остававшиеся в своих приходах при Марии даже путём компромисса с совестью, но потом сразу же вернувшиеся в протестантизм с вступлением на престол Елизаветы. Следовательно, в католической церкви при Марии были такие протестантские никodemиты, которые затем приступили к Реформации при Елизавете²⁸⁹.

Англичане-эмигранты, как пишет Э. Петтигри, также прилагали усилия к тому, чтобы выпускать пропагандистскую литературу на латыни

²⁸⁷ *Pettegree A. Marian Protestantism: Six Studies.* — Hampshire UK: Scolar Press, 1996.

²⁸⁸ *Ibid.* — P. 6.

²⁸⁹ *Ibid.* — P. 102.

для распространения информации о своей борьбе за протестантизм в Англии в других европейских странах, при этом стремясь не показывать внутренних разногласий в своей среде. Э. Петтигри полемизирует с известным либеральным историком Дж. Нилом в его мнении, что бывшие эмигранты вынудили Елизавету начать в Англии более радикальную Реформацию, чем она планировала это сделать сама, полагая, что убеждать Елизавету утвердить в стране протестантизм не было необходимости²⁹⁰. Хотя Елизавета не хотела попадать под влияние европейских центров Реформации, она была в достаточной степени протестанткой, чтобы действовать, исходя из своих политических интересов. При этом Елизавета была безразлична к европейскому авторитету Кальвина в связи с тем, что с Женевой у Елизаветы ассоциировались имена Джона Нокса и Кристофера Гудмена, которые призывали к тираноубийствам и выступали против того, чтобы политическая власть принадлежала женщинам. При этом Э. Петтигри сожалеет о том, что пуритане были вынуждены перейти в оппозицию к церкви Англии и даже называет это трагедией, что характерно для оценок явления либеральными историками²⁹¹.

Я. Грин в работе о катехизисах²⁹² подчеркивает значение исследования катехизаторской деятельности церкви для изучения утверждения протестантизма в Англии. Я. Грин отмечает, что до 1970-х гг. современные британские историки о катехизисах не писали, а затем стали появляться статьи, главы в книгах²⁹³. Он показал, что катехизисы к началу нового времени эволюционировали от средневековой декларативной формы к формату «вопрос-ответ». В XVI в. все катехизисы в Англии и в Европе перешли в форму вопросников, которая сохранилась до современности.

Я. Грин выделяет три периода в эволюции катехизисов. Первый период охватывает время с конца 1520-х гг. до 1560-х гг., в течение которого установилась форма катехизисов в виде вопросника. В этот же период катехизис, подготовленный для молитвенника 1549 г., стал основой для последующих английских катехизисов. Применительно к этому периоду в истории церкви Англии Я. Грин не считает подходящим использование термина «англиканский». В это время на английские катехизисы оказали влияние континентальные протестантские катехизисы. Второй из выделенных Я. Грином периодов в развитии катехизисов он относит к 1570—началу 1640-х гг. и называет его «триумфальным временем для развития литературы по катехизации в Англии, когда катехизисы становились все более совершенными и независимыми по своему содержанию и построению от континентальных образцов»²⁹⁴. Третий период Я. Грин отнес ко времени с 1640-х гг. до середины XVIII в., когда к катехизису молитвенника в церкви Англии был присоединен Вестминстерский краткий катехи-

²⁹⁰ Ibid. — P. 140.

²⁹¹ Ibid. — P. 149.

²⁹² Green J. The Christian's ABC: Catechisms and Catechizing in England c. 1530—1740. — Oxford, 1996.

²⁹³ Ibid. — P. 3.

²⁹⁴ Ibid. — P. 58.

зис. В третий период развития катехизисов в Англии наибольшее внимание уделялось вопросам доктрины и полемике по ним.

Я. Грин также выделил различия между катехизисами по их содержанию и предназначению. Катехизисы первого уровня предназначались для детей, и в них предполагалось заучивание наизусть вопросов и ответов. Второй тип катехизисов предназначался для молодых и взрослых людей, которые не имели специальных знаний в вопросах церковной доктрины. Третий тип катехизисов предназначался для тех, кто учился в классических школах, в университетах и для тех, кто готовился к вступлению в духовное звание, так что в этих катехизисах более глубоко объяснялось учение церкви Англии. Катехизисы разъясняли учение церкви, Десять заповедей, молитвы, таинства.

Я. Грин выявил изданные за рассматриваемый им период более 500 катехизисов, а для большей предметности своего исследования выбрал 59 катехизисов на основе влиятельности и популярности²⁹⁵, под популярностью имея в виду объём продаж и рассмотрев те катехизисы, которые выдержали за десятилетний период не менее пяти изданий. Самым продаваемым катехизисом в правление Елизаветы и в раннестюартовский период был катехизис Александра Ноуэлла. Влиятельными катехизисами были также английский перевод катехизиса Кальвина 1541 г., гейдельбергский катехизис 1563 г., и катехизисы, подготовленные двумя будущими епископами Уильямом Николсоном и Уильямом Уэйком. Значение исследования катехизисов, по мнению Я. Грина состоит в том, что слова и формулировки катехизисов люди слышали чаще всего в изложении учения церкви, и поэтому катехизисы могли больше всего повлиять на религиозное мышление людей этого периода, что надо иметь в виду историкам²⁹⁶.

Современные британские историки уделяют также внимание дальнейшему изучению деятельности английского протестантского историка XVI в. Джона Фокса и его главного труда по истории Реформации в Англии, который полностью называется "Acts and monuments of these latter and perilous days touching matters of the Church, wherein are comprehended and described the great persecutions and horrible troubles, that have been wrought and practiced by the Romish Prelates". Книга Джона Фокса о протестантских мучениках, как отмечается, вплоть до XIX в. была необходимой составной частью протестантского семейного воскресного чтения в более состоятельных семьях²⁹⁷. Деятельность Джона Фокса неоднократно становилась предметом исследования²⁹⁸. В сборнике материалов конференции, посвященной Джону Фоксу, которая состоялась в Модлин Кол-

²⁹⁵ Ibid. — P. 289.

²⁹⁶ Ibid. — P. 570.

²⁹⁷ Aveling J.C.H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation. — London, 1976. — P. 33.

²⁹⁸ Mozley J.F. John Foxe and His Book. — London, 1940; Haller W. Foxe's Book of Martyrs and the Elect Nation. — London, 1963; Christianson P. Reformers and Babylon: English Apocalyptic Visions from the Reformation to the Eve of the Civil War. — Toronto, 1978; Firth K. The Apocalyptic Tradition in Reformation Britain, 1530—1645. — Oxford, 1979.

ледже Кембриджского университета в июле 1995 г.²⁹⁹ обращено внимание на то, что при жизни Фокса выходили сильно отличавшиеся друг от друга по содержанию издания его главного труда «Деяния и памятники» (1563, 1570, 1576 и 1583 гг.), а редакторы в последующее время бесцеремонно изменяли текст этого труда, исходя из своих целей, привлекая разные его издания. Изучению труда Фокса препятствует отсутствие критического издания этой работы. Британская академия выделила средства на создание такого критического издания и образовала для этого группу под руководством Д. Лоудза. В материалах конференции, посвященной труду Фокса, в статье Т. Беттериджа утверждается, что издания труда Фокса 1563, 1570 и 1583 гг. следует рассматривать как разные тексты. Т. Беттеридж рассматривает издание 1563 г. как пророческое и потенциально более радикальное в политическом отношении, чем последующие издания. В издании 1563 г. Фокс полагал, что преследования и мученичество для английских протестантов остались в прошлом и предполагал, что в Англии будут происходить дальнейшие религиозные реформы. К 1570 г. Фокс уже разочаровался в Елизавете, в надеждах на продолжение религиозных реформ и предполагал, что при её дворе доминируют католики. Поэтому издание 1570 г. было апокалиптическим, подчеркивавшим радикальный разрыв будущего с прошлым. За это время изменился сам Фокс, осмысливая религиозные споры 1560-х гг.³⁰⁰

Обсуждался также вопрос о достоверности известий, сообщаемых Фоксом. Б. Ашер в связи с этим отмечает, что рассказ Фокса о существовавшей в Лондоне при Марии Тюдор тайной протестантской общине намеренно краток и неточен, потому что Фокс хотел связать и представить как преемственную историю церкви Англии при Эдуарде и Елизавете, игнорируя тот факт, что эта тайная община продвинулась по пути религиозных реформ дальше, чем допускали это сделать власти в правление Елизаветы. Дж. Кинг обращает внимание на то, как редактор труда Фокса в XIX в. Стивен Кэттли³⁰¹ искажил его книгу, и считает, что новое критическое издание труда Фокса будет «сравнимо с впечатлением от взгляда на реставрированную картину по сравнению с привычным восприятием старой картины». Г. Пэрри в своём выступлении находит свидетельства того, что Фокс стал проявлять веротерпимость по отношению к католикам, обращая внимание на письмо Фокса Тайному совету в связи с задержанием иезуита Эдмунда Кэмпиона в 1580 г., в котором он призывал английские власти быть милосердными. Д. Нуссбаум утверждает, что издатели труда Фокса в 1632 г. включили в него материалы, которые призывали протестантов готовиться к мученичеству в связи с деятельностью в Англии группировки Лода.

В сборнике статей «Влияние английской Реформации, 1500—1640» под редакцией П. Маршалла³⁰² Дж. Дэвис отстаивает идею о большом значе-

²⁹⁹ John Foxe and the English Reformation / Ed. by D. Loades. — Aldershot, 1997.

³⁰⁰ *Ibid.* — P. 231.

³⁰¹ Foxe J. Acts and Monuments / Ed. S.R. Cattley. — London, 1837—1841. — Vol. I—VIII.

³⁰² The Impact of the English Reformation, 1500—1640 / Ed. by P. Marshall. — London, 1997.

нии доллардизма для английской Реформации. А. Дж. Диккенс здесь повторил свое мнение о том, что во многих районах Англии протестантизм в значительной степени укоренился уже к 1553 г. И. Даффи утверждает, что религиозная политика Марии Тюдор отражала влияние Контрреформации в Европе, а не была простой католической реакцией или реставрацией. П. Коллинсон развивает мнение о том, что в Англии примерно с 1580 г. началась вторая Реформация.

Британские историки обращают внимание также на изучение религиозных взглядов женщин в Англии предреформационного периода и в эпоху Реформации. Работа И. Бейлин «Допросы Анны Аскью» (1996)³⁰³ посвящена протестантке, описанной в книге Джона Фокса. Она была сожжена в июне 1546 г. за то, что отвергала учение о транссубстанции. Работа Д. Уотт «Божественные сектанты: Женщины-пророчицы в Англии позднего средневековья и раннего нового времени» (1997)³⁰⁴ посвящена женщинам, привлечшим к себе внимание религиозными пророчествами: Марджери Кемп (1373—после 1439), монахине низкого социального происхождения Элизабет Бартон (1506—1534) — «святой из Кента», которая была казнена при Генрихе VIII за политические пророчества, и почти все записи о высказываниях которой были уничтожены королевскими агентами, линкольнширской дворянке Анне Аскью (1521—1546), Элеанор Дэвис (1588—1652), писавшей полемические апокалиптические трактаты, почерпнув представление о своей пророческой роли из Св. Писания, при этом придав не характерное для протестантов большое значение почитанию Девы Марии.

В работе Т. Беттериджа³⁰⁵ рассматриваются хроники, истории, пьесы, поэмы, посвященные английской Реформации, публиковавшиеся в Англии в правление Генриха VIII, Эдуарда VI, Марии и Елизаветы. Эти опубликованные произведения, как отмечает Т. Беттеридж, оправдывали религиозную политику, проводившуюся властями. Из работ, опубликованных в начальный период английской Реформации, Т. Беттеридж обращается главным образом к сочинениям Эдмунда Холла (Edmund Halle) и Джона Бейля (John Bale). Трактат «Зеркало правды» (A Glass of Truth) оправдывал развод Генриха VIII и защищал королевское верховенство в церкви, а «Небольшой трактат против ворчания по углам некоторых католиков» (A Little Treatise agaynst the Muttering of Some Papists in Corners) боролся с лживыми слухами, распространявшимися католиками. В правление Марии несколько католических писателей (Robert Parkyn, John Proctor, George Cavendish, Nicholas Harpsfield) пытались поставить под сомнение действия английских властей в религиозной политике после начала Реформации. Католики пытались свести Реформацию к удовлетворению похотливых желаний Генриха VIII, у которого нашлись другие последователи, на основе чего, по утверждению католиков, и развернулась

³⁰³ Beilin E. V. The Examinations of Anne Askew. — New York, 1996.

³⁰⁴ Watt D. Sectaries of God: Women Prophets in Late Medieval and Early Modern England. — Cambridge, 1997.

³⁰⁵ Betteridge T. Tudor Histories of the English Reformations, 1530—1583. — Aldershot, 1999.

английская Реформация, правление же Марии, как заявляли католики, избавило страну от хаоса и беспорядков. В характеристике взглядов Джона Фокса, как отмечает Т. Беттеридж, к 1570 г. этот крупнейший английский протестантский писатель XVI в. разуверился в том, что возможно продолжение Реформации в Англии земными человеческими средствами и уповал в дальнейшем только на Бога.

В статье С. Барнетт³⁰⁶ обсуждаются вопросы о том, как протестанты осмысливали происхождение своей церкви. Католики обвиняли протестантов в авантюристических религиозных новшествах и в том, что протестанты представляют религию, изобретенную религиозными шарлатанами в союзе с монархами и аристократией для эксплуатации религиозного легковерия народа в удовлетворении своих материальных и сексуальных потребностей. Одной из первых попыток английских протестантов отвергнуть обвинения со стороны католиков в новаторстве и шарлатанстве была книга Джона Фокса «Деяния и памятники английской церкви». Фокс стремился провести последовательную связь в развитии протопротестантских идей от апостолов до начала Реформации. По этой причине его книга начиналась с описания мученичества апостолов и была доведена до страданий протестантских мучеников в правление Марии Тюдор. На всём этом историческом материале Фокс проводил мысль о том, что за века существования христианства тысячи праведников пострадали за то, что пытались предотвратить извращения христианской веры католической церковью. Фокс, а вслед за ним и многие англикане, хотя и были кальвинистами, не хотели полностью отказываться от наследия католической церкви, чтобы найти аргументы для подкрепления исторической преемственности англиканства. Некоторые протестанты проводили мысль, что папство не приобрело антихристианской характер до понтификата Григория VII (1073—1085). История католической церкви рассматривалась на основе апокалиптической традиции в Книге откровения³⁰⁷.

Э. Милтон писал, что поначалу англикане отрицали, что необходимы исторические доказательства законности и преемственного существования их церкви, потому что считали единственным настоящим свидетельством законности существования церкви соответствие этой церкви требованиям Св. Писания³⁰⁸. Но постепенно в англиканской церкви стали осознавать, что игнорирование всех традиций апостольской церкви может иметь опасные последствия для сохранения в церкви Англии епископата и других англиканских доктрин, которые по своему происхождению были связаны с церковной традицией, начиная со времен отцов

³⁰⁶ *Barnett S.J. Where Was Your Church before Luther? Claims for the Antiquity of Protestantism Examined // Church History. — 1999. — Vol. 68. — № 1. — P. 14—41.*

³⁰⁷ *Dawson J.A. The Apocalyptic Thinking of the Marian Exiles // Prophecy and Eschatology / Ed. Michael Wilks. — Oxford, 1994; Firth K. Apocalyptic Tradition in Reformation Britain, 1530—1640. — Oxford, 1979.*

³⁰⁸ *Milton A. Catholic and Reformed: the Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought, 1600—1640. — Cambridge, 1995. — P. 276—277.*

церкви. Английские протестантские писатели стремились развить идею о самостоятельном происхождении христианства в Англии, независимо от Рима и связанных с ним извращений. Фокс писал о том, что англичане были обращены в христианство во время якобы состоявшейся в I веке поездки в Англию ученика Христа Иосифа Аримафейского. Самое раннее упоминание об этом в английской исторической традиции истории находят у английского писателя XII в. Уильяма Малмсберийского в сочинении “*De antiquitate Glastoniensis ecclesiae*” (1130), откуда эти сведения, видимо, и почерпнул Фокс³⁰⁹. Об этом же писал епископ Джон Бейль (1495—1563) в работе «Призвание Джона Бейля» (*Vocation of John Bale*) (1553), заявлявший, что свою веру англичане восприняли из школы самого Христа из Иерусалима, а не из Рима, который Христос и апостол Петр называли Вавилоном.

После наметившегося расхождения в среде английских протестантов на англикан и пуритан среди английских протестантов появились различные еклесиологические позиции. Пресвитериане не стеснялись связывать себя со средневековыми сектами, которые отличались анти-епископальными взглядами, что осуждало большинство англикан. В среде пуритан и диссентеров и относительно реже среди англикан в качестве предков протестантов стало рассматриваться движение лионских бедняков XII в., которых называли также вальденсами по имени основателя движения Петра Вальда, которые сохранились впоследствии в долинах Пьемонта. Среди предков протестантов также обычно упоминали представителей ещё некоторых неортодоксальных движений XII—XV веков: альбигойцев (ответвление катаров) Южной Франции, чешского реформатора Яна Гуса (1369—1415) и особенно Джона Уиклифа (1330—1384) и его последователей—лоллардов. Связи английских протестантов с лоллардами подчёркивались в анонимном сочинении «Предшественники Лютера, или ответ на вопрос папистов: Где была ваша церковь до Лютера?», изданном в Лондоне в 1624 г. При этом пуритане часто избегали полностью рассматривать взгляды представителей таких сект, подчёркивая в первую очередь враждебность этих сект Риму и католической иерархии³¹⁰.

Представители англиканской группировки стремились приглушить анти-епископальные мотивы во взглядах тех, кого можно было рассматривать как средневековых предшественников протестантов. Например, капеллан Елизаветы и Якова I Ричард Филд (1561—1616) проводил мысль о том, что в средневековой католической церкви совершала ошибки только одна группировка, а не вся церковь. Ричард Филд пытался отрицать, что Лютер и другие протестанты выдвигали идею существования невидимой церкви, состоявшей из истинных христиан, руководимых Провидением, в коррумпированной католической церкви, и отказывал альбигойцам и вальденсам в праве быть предшественниками протестантов.

³⁰⁹ *Treharne R.F.* The Glastonbury Legends: Joseph of Arimathea, the Holy Grail and King Arthur. — London, 1971.

³¹⁰ *Barnett S.J.* Where Was Your Church before Luther? Claims for the Antiquity of Protestantism Examined // Church History. — 1999. — Vol. 68. — № 1. — P. 15—17.

Ричард Филд стремился представить Реформацию как борьбу в первую очередь за установление национального самоопределения церквей, а не за отделение от непоправимо ущербной католической церкви, и представлял Уиклифа, Гуса, Иеронима Пражского (1370—1416) как поборников существования самостоятельных национальных церквей. Некоторым представителям формировавшейся в церкви Англии в начале XVII в. партии высокоцерковников даже Уиклиф стал казаться опасным еретиком с анти-епископальными наклонностями. Англиканские писатели лодийской группировки, особенно Питер Хейлин, в 1630-е гг. отходили от традиции описания истории английской Реформации, заложенной Джоном Фоксом в его труде.

В своей «Церковной истории Британии» (1655) Томас Фуллер (1608—1661), тоже, по мнению С. Барнетта, отошедший от традиции, заложенной Джоном Фоксом, писал, что рассказ о визите в Англию Иосифа Аримафейского можно считать правдивым, но при этом не включал вальденсов и представителей других средневековых сект в число предков протестантов³¹¹. В качестве прецедента древности церкви Англии и её сравнительной чистоты, позволившей ей избежать разлагающего влияния средневекового католицизма, Томас Фуллер рассматривал легенду о короле Луции³¹². Сторонники епископального строя церкви Англии Питер Хейлин (1600—1662) и латитудинарист Эдвард Стилингфлит (1635—1699) подвергали сомнению достоверность рассказа об Иосифе Аримафейском в Англии. Но существовала также легенда, что первым английским королем-христианином II века был Луций, известия о котором сообщил Гильда́с (500—570). Луций предположительно обратился с просьбой об обращении в христианство к папе Элевтерию (174—189). При этом легенда о Луции привлекла внимание окружения Генриха VIII еще в 1530 г., когда король начал готовить разрыв с Римом. Верными традициями, заложенной в освещении английской Реформации Джоном Фоксом, оставались пресвитериане³¹³.

Англиканин из высокоцерковников Ричард Филд считал, что после папы Григория I (590—604) католическая церковь уже не противостояла суевериям, варварству, коррупции, невежеству, обману и вере в фальшивые чудеса. Для многих гугенотов, англикан, пуритан, диссентеров началом упадка и разложения церкви было правление императора Константина (307—337), который был благосклонен к христианской церкви, разрешил ей накапливать богатства, но в правление Константина папа Сильвестр I (314—335), хотя и не принадлежал к числу самых злобных и коррумпированных пап, первым из них вступил на антихристианский путь. У представителей радикальной части английских протестантов, на-

³¹¹ Fuller Th. Church History of Britain from the Birth of Jesus Christ until the Year 1648. London, 1655 / Ed. J.S. Brewer. — Oxford, 1845. — Vol. I. — P. 16—23.

³¹² Champion J. The Pillars of Priestcraft Shaken. — Cambridge, 1992. — P. 53—98.

³¹³ Heylyn P. History of Episcopacy. — London, 1657; Stillingfleet E. Origines britannicae or the Antiquities of the British Churches. — London, 1685; Geaves W. The History of the Church of Great Britain. — London, 1674.

чина с Джона Фокса, исследователи находят проявление тенденции некритически зачислять всех оппонентов Рима в свои союзники³¹⁴.

М. Квестьер опубликовал работу «Религиозное обращение, политика и религия в Англии, 1580—1625» (1996), в которой стремится выявить особенности религиозного мышления в реформационный период³¹⁵. Как считает М. Квестьер, в дальнейшем обсуждении нуждается вопрос: или политики использовали реформационные идеи для достижения своих целей, или же распространение протестантских идей влияло на политические события, даже иногда предопределяя происходившие политические конфликты. Ревизионисты в решении этого вопроса предполагают, что использование протестантских идей было политическим инструментом в политической борьбе. М. Квестьер считает необходимым рассмотреть вопрос о том, что заставляло человека думать, что он стал протестантом или католиком, и каковы были цели тех, кто стремился обратить человека в ту или другую религию, то есть он стремится переместить исследование на личностный уровень понимания происходившего. Главная цель работы М. Квестьера — проследить, как внутренне мотивировались для себя и для окружающих обращения в католицизм и переходы в протестантизм у тех, кто жил в XVI—XVII вв.³¹⁶

В обобщающей работе «Шестнадцатый век 1485—1603» (2002)³¹⁷ авторы обсуждают особенности британского общественного сознания на рубеже 1990—2000-х гг. в тех его аспектах, которые влияют на изучение истории Англии и Великобритании раннего нового времени. В эти годы в Шотландии, Уэльсе, Северной Ирландии происходит рост национализма и возрастает интерес к проблемам национальной идентичности в современном мире из-за распада государств имперского типа, в ходе которого были поставлены под вопрос давно существовавшие политические границы. Автор предисловия к работе П. Лэнгфорд даже заявляет, что «возможны тектонические изменения в жизни Британии, поскольку уже долго, с конца XVII в., продолжается относительно спокойный период». В британском историческом сообществе сложилась ситуация, когда английских историков стали упрекать за то, что они игнорируют историю Британских островов в целом, смешивая историю Англии и историю Британии или употребляя эти понятия так, как будто они являются синонимами. По мнению таких критиков, история всех Британских островов нуждается в рассмотрении для обзора её в целом³¹⁸. Но такой подход многим не нравится в Ирландии, где часто употребляют понятие «эти острова» по отношению к Британским островам, обвиняя англичан в склонности к господству, которую некоторые соответствующим образом настроенные люди нашли уже в самом понятии «Британские острова».

³¹⁴ Barnett S.J. Where Was Your Church before Luther? Claims for the Antiquity of Protestantism Examined // Church History. — 1999. — Vol. 68. — № 1. — P. 23.

³¹⁵ Questier M. Conversion, Politics and Religion in England, 1580—1625. — Cambridge, 1996.

³¹⁶ Ibid. — P. 1.

³¹⁷ The Sixteenth Century 1485—1603 / Ed. by P. Collinson. — Oxford, 2002.

³¹⁸ Ibid. — P. V.

В том, что касается понятия «британская история» или «история четырех наций», среди историков обостряются разногласия. Возможность такого подхода всё-таки зависит от того, какой исторический период имеется в виду, но при этом распространяется мнение, согласно которому использование понятия «Британские острова» имеет познавательный потенциал для изучения всех исторических периодов в прошлом Британии и Ирландии.

Наряду с изучением истории Реформации в Англии, активизировалось изучение Реформации в Ирландии, Шотландии, Уэльсе³¹⁹. Поколение назад, считает П. Коллинсон, можно было писать историю тюдоровской Англии, а теперь надо писать «Историю Британских островов в XVI в.» с обращением большего внимания на Уэльс, Шотландию, Ирландию. Но в то же время, по мнению П. Коллинсона, можно доказывать, что в XVI в. не было британской истории как таковой, хотя она могла появиться в чьем-то воображении: например, известный знаток древностей Уильям Кемден в 1586 г. опубликовал работу под названием «Британия». Издательство “Penguin Books” опубликовало в 1990-е гг. «Историю Британии» в 9 томах, которая охватывает время с 100 н.э. до 1990 г. Том о XVI веке написала С. Бригден, включив в него материал по истории Ирландии, но едва упомянула об истории Шотландии, мотивировав это тем, что в XVI в. Ирландия управлялась из Англии, а Шотландия — нет. Как полагает П. Коллинсон, при таком подходе следует учитывать также, что в XVI в. некоторые районы Англии были больше связаны с континентом, чем с остальными районами Британских островов, и можно обосновывать мнение, что историю Англии как островную следует считать мифом³²⁰.

П. Коллинсон, признавая значение британского контекста английской истории, применительно к изучению истории Англии XVI в. фактически проводит мысль о том, что не следует пытаться с натяжкой обязательно наполнять её фактами истории Британских островов, которые пока что не были связаны с историей Англии. Даже история Шотландии в первой половине XVI в., пока не началась Реформация, развивалась в значительном отрыве от истории Англии. При этом именно английская национальная идентичность, по мнению П. Коллинсона, всегда особенно питалась историей XVI в. Классическими работами по истории этого времени стали работы С. Биндоффа «Англия при Тюдорах» (1950)³²¹ и Дж. Элтона «Англия в правление Тюдоров» (1955)³²², в которых не уделяется много внимания Ирландии или Шотландии. В работе «Англия в правление Ели-

³¹⁹ Gillespie R. *Devoted People: Belief and Religion in Early Modern Ireland*. — Manchester, 1997; Ford A. *The Protestant Reformation in Ireland, 1590—1641*. — Dublin, 1997; Cowan I.B. *The Scottish Reformation: Church and Society in Sixteenth Century Scotland*. — London, 1982; Donaldson G. *The Scottish Reformation*. — Cambridge, 1960; Kirk J. *Patterns of Reform: Continuity and Change in the Reformation Kirk*. — Edinburgh, 1989; Williams G. *Wales and the Reformation*. — Cardiff, 1997.

³²⁰ *The Sixteenth Century 1485—1603* / Ed. by P. Collinson. — Oxford, 2002. — P. 3.

³²¹ Bindoff S.T. *Tudor England*. — London, 1950.

³²² Elton G.R. *England under the Tudors*. — London, 1955.

заветы» (1950)³²³ известный историк тюдоровского периода А. Роуз заявлял, что 1588 г. всегда будет вдохновлять англичан в период опасности. Знаток английской истории XVI в. Дж. Нил тоже внёс вклад в прославление позднетюдоровского периода³²⁴. Как считает П. Коллинсон, XVI в. продолжает оказывать захватывающее влияние на воображение в первую очередь через влияние личностей пяти англичан этого времени: Генриха VIII, Елизаветы I, сэра Томаса Мора, сэра Френсиса Дрейка и «вечно-го» Уильяма Шекспира³²⁵. В изучении же истории Англии XVI в., по его мнению, можно говорить о выделении «длинного XVI в., охватывающего 1485—1603 гг.»³²⁶

П. Коллинсон придерживается мнения, что государство в английской истории XVI века — «это английская монархия, а не королевство Великобритания». Общебританский контекст в XVI в., как он полагает, лишь начинал влиять на английскую историю. В начальной стадии находился в Англии также и процесс модернизации. В середине XX в. Дж. Элтон обосновывал тезис о «революции в управлении» в Англии в 1530-е гг., которая привела к модернизации государственности, но, если задуматься, последующее развитие событий, по мнению П. Коллинсона, наводит на мысль о функциональной слабости системы управления при Тюдорах, поскольку именно из-за этой слабости Стюарты в XVII в. попытались усилить государство и монархию в стране. Государственное строительство в XVI в., считает П. Коллинсон, ещё было неэффективным, и существовавшую тогда монархию, скорее можно назвать «слабой постсредневековой, а не протосовременной монархией». Понимание государства как безличной общественной корпорации, существующей отдельно от монархии, ещё только формировалось, и монарх на государственные средства мог «хоть вести войну, хоть строить дворец».

В XVI в. в Англии, считает П. Коллинсон, в отношении к монарху исходили из теории о «двух телах монарха» — физическом и политическом. Поэтому такие личные характеристики, как женский пол, религиозные убеждения и принадлежность не ставили под сомнение статус монарха. Под покровом этой теории о двух телах монарха, по его мнению, рождалась идея о современном государстве как постоянно существующем социальном институте.

В последнее время историк английского государства раннего нового времени М. Брэддик считает неуместным говорить о намеренном государственном строительстве в это время, поскольку «нет свидетельств о том, что в этом «строительстве» можно найти какого-то «архитектора», или можно найти «план постройки», но при этом он считает возможным говорить о формировании государства³²⁷. Государство существовало, но оно представляло собой сеть ведомств, осуществлявших

³²³ Rowse A.L. The England of Elizabeth. — London, 1950.

³²⁴ Neale J. Queen Elizabeth. — London, 1934.

³²⁵ The Sixteenth Century 1485—1603 / Ed. by P. Collinson. — Oxford, 2002. — P. 5.

³²⁶ Ibid. — P. 226.

³²⁷ Braddick M. State Formation in Early Modern England 1550—1700. — Cambridge, 2000.

политическую власть, имевшую отношение к политическому центру, но не находившуюся в политическом центре. В языке политической культуры XVI в. на понятийном уровне фигурировало не понятие «государство», а понятие «сообщество» (*commonwealth*), «совет» (*council*). *Commonwealth* при этом соотносилось с латинским понятием *respublica*, но в тогдашнем словоупотреблении понятие «республика» не имело антимонархического подтекста, и в общественном сознании в Англии существовало представление, что все монархии, если они только не варварские и не тиранические, могут использовать в применении к себе понятие «*commonwealth*»³²⁸.

В английской политической культуре XVI в. распространилось также представление, что принципы и интересы монархии и сообщества (*commonwealth*) должны были сочетаться с опорой на совет (*council*). Проблема была в том, что мог советовать этот совет. После 1540 г. появилось понятие Тайный совет (*Privy Council*), и страна фактически управлялась далее «лордами совета», но ряд политических решений Тюдоры провели также с помощью парламента, и в общественном сознании, у депутатов парламента стало появляться мнение, что они имеют не только обязательство, но и право совета монарху, которое проистекало из того, что они являются избранными представителями народа, и подразумевалось, что чуть ли не каждый англичанин имеет право быть услышанным в обсуждении тех дел, которые касались непосредственно его. Но Елизавета проводила мнение о том, что государственные дела представители народа могут обсуждать только постольку, поскольку их к этому приглашает монарх, который решает, созывать ли парламента, и долго ли ему заседать. При Елизавете стал развиваться конфликт мнений и интересов в понимании полномочий парламента, «по наследству доставшийся XVII веку»³²⁹. П. Коллинсон считает, что государство в Великобритании было «трансформировано в узнаваемо современное или близкое к нему военно-фискальное государство Великобритания, способное отстаивать свои интересы в Европе и за её пределами, только после крушения монархии Стюартов в результате событий 1688—1689 гг.»³³⁰

Рассуждая о факторах, влиявших на историю Англии XV—XVI вв. П. Коллинсон пишет, что судьбы миллионов людей в это время решались стратегией и расчетами правивших династий, действовавших «путем войны и заключением браков». Заметное влияние оказывал даже фактор плодovitости или неплодovitости рода, смертности: история Англии XV в. могла бы быть другой, если бы у короля Эдуарда III (1327—1377) не было двенадцати детей, среди которых было пятеро взрослых сыновей, из чего возникло губительное для страны, фатальное разделение на ветви Ланкастеров и Йорков. Генрих VII соединил эти ветви браком с Елизаветой Йоркской, но Тюдоры оказались слишком неплодovitы-

³²⁸ *The Sixteenth Century 1485—1603* / Ed. by P. Collinson. — Oxford, 2002. — P. 232

³²⁹ *Ibid.* — P. 234.

³³⁰ *Ibid.* — P. 226, 231.

ми. Никто из детей Генриха VIII не дал потомства, а Ф. Бэкон называл их «бесплодными принцами и принцессами». В сознании людей XVI в. экономические, демографические изменения рассматривались как результат влияния религиозно-моральных факторов³³¹. В течение всей второй половины XVI в. из-за вопроса о престолонаследии существовала опасность разрушительного конфликта в стране. Если бы у Генриха VIII было несколько сыновей, история Англии, история церкви Англии могли быть другими, скорее всего, не было бы разрыва с Римом — демография прямо влияла на политику. Отсутствие наследника мужского пола у Генриха VIII привело буквально к революционным последствиям для истории Англии, став, как представляется П. Коллинсону, «фактически главной причиной произошедшей революции, разрыва с Римом, осознания власти короля Англии как имперской». Всё это и есть случайности, которые в значительной степени определяют дела в человеческом обществе, а разворачивающаяся при этом в обществе сознательная политическая деятельность — это, по словам П. Коллинсона, «муха, которая сидит на вращающемся колесе, и думает, что это она заставляет вращаться колесо». Как неожиданно оказалось, на историю Англии повлиял брак дочери Генриха VII Маргариты с шотландским королем Яковом IV в 1500 г. Генрих VIII впоследствии исключил шотландскую линию из престолонаследия, но оказавшийся на английском престоле Яков I, вопреки этому, объединил английскую и шотландскую короны. Яков I стал также королем Ирландии, и его власть фактически простиралась на все Британские острова, опять же, оказавшись у него по стечению обстоятельств³³².

Как пишет П. Коллинсон, английское общество в XVI в. отличалось заметным законопослушанием, и пример в этом отношении — перемены в религиозной политике. При этом религиозные реформы в Англии, что немаловажно, не превращались в массовое истребление представителей той или иной религиозной группировки, как это было, например, во Франции. По меркам XVI в., как считает П. Коллинсон, так же высоко можно оценить английское законодательство о бедных: чего-либо подобного системе помощи бедным, разработанной в Англии на законодательном уровне, в Европе не существовало. Историки отмечают, что английское правительство отличалось умением решать многие насущные социально-экономические проблемы³³³. П. Коллинсон считает, что в обществе раннего нового времени не было классов, но существовала текучесть социальных различий, в которой была возможна и вертикальная мобильность, и падение по социальной лестнице³³⁴.

В целом в изучении начального этапа Реформации в Англии и связанных с этим преобразований в церкви Англии в современной британской

³³¹ Ibid. — P. 236.

³³² Ibid. — P. 226—227.

³³³ *Wrightson K. Early Necessities: Economic Lives in Early Modern Britain.* — New Haven and London, 2000. — P. 217; *Braddick M. State Formation in Early Modern England 1550—1700.* — Cambridge, 2000. — P. 14.

³³⁴ Ibid. — P. 239.

историографии внимание исследователей сосредоточивается главным образом на анализе религиозно-политической истории 1520—1550-х гг. В трактовке представителей ревизионистского направления начальный этап Реформации понимается как цепь взаимосвязанных событий в политической сфере, инициированных королевской властью и создавших независимую от Рима церковную организацию, вследствие чего возникли условия для распространения в Англии протестантских реформационных доктрин и практик, так что действия, предпринимаемые королевской властью, вели за собой развитие общественного сознания. Либеральные историки, не отказываясь от концепции раннем и быстром распространении протестантизма в Англии, который имел поддержку в народе, в последние три десятилетия занимаются изучением изменений в церкви в реформационный период, влияния протестантизма на общество. Для либеральных историков в большей мере, чем для историков-ревизионистов, было характерно внимание к исследовательским установкам социальной истории, хотя в целом представители обоих направлений в изучении истории Реформации в Англии склонны к тому, чтобы подчеркивать уникальный характер тех исторических обстоятельств, в которых происходило развитие английской Реформации. Это побуждает специалистов по истории Реформации выстраивать свои труды как обильно насыщенный фактами нарратив, призванный как можно полнее передать конкретно-исторические обстоятельства в развитии событий начального периода Реформации.

§2. Развитие церкви Англии в правление Елизаветы I в трактовке современных британских историков

В современной британской историографии по-прежнему уделяется значительное внимание изучению периода правления королевы Елизаветы I (1558—1603) и религиозно-политической ситуации в Англии после законодательного установления при Елизавете протестантского вероисповедания в стране. Как либеральные историки, так и историки-ревизионисты признают, что в правление Елизаветы Англия стала протестантской страной, но между представителями этих направлений есть различия в понимании характера и темпов протестантизации и в оценке итогов этого процесса. Либеральные историки рассматривают протестантизацию Англии при Елизавете как позитивный и логичный результат тех процессов, которые начались в правление Генриха VIII. В отличие от такого подхода, историки-ревизионисты в изучении процесса утверждения протестантизма в Англии во второй половине XVI в. акцентируют внимание на его медленности и сложности, на влиянии политических обстоятельств и отсутствии предопределенности в его ходе, а также и на неоднозначности результатов, поскольку считают невозможным просто заявить, что в результате Реформации Англия стала протестантской страной. Согласно ревизионистской концепции в понимании реформационного периода истории Англии, Реформация, которой не желало большинство англичан, была начата государственной властью, исходя из политических соображений, так что не удивительно, что она не принесла англичанам религиозного единства. Наряду с тем, что в ходе Реформации в рамках английского протестантизма возникли полемизировавшие друг с другом религиозные течения, из истории Реформации в Англии нельзя исключить также английских католиков. Соответственно, итог Реформации — это не только образование протестантской англиканской церкви, но и появление в стране различных течений протестантского неконформизма, развившихся под влиянием пуританизма, а также английского католического сообщества, которое при понимании характера английской Реформации как навязанной властями сверху перестает выглядеть неорганичным продуктом реформационного периода. Английский католицизм может быть понят как одна из форм неконформизма по отношению к поддерживаемой государством англиканской церкви. В соответствии с ревизионистским подходом, как отмечает Р. Хаттон, Реформацию надо рассматривать не как конфессиональную борьбу, а как эпизод в истории британского государства: христианство

тоже ведь было введено на Британских островах в своё время как выражение королевской воли, так что протестантская Реформация, с иронией пишет британский историк, и «была возвращением Англии к первым векам истории церкви, но совсем не в том смысле, который вкладывали в это религиозные реформаторы»³³⁵.

Как отмечает либеральный историк П. Коллинсон, годы смены на престоле монархов в 1559, 1603 и 1625 гг. были в каждом случае временем, когда церковь Англии настораживалась: история Реформации в Англии всем своим ходом продемонстрировала, как много в жизни церкви зависело от находившегося у власти монарха. Джон Фокс, оценивая роль королевы Елизаветы в истории церкви Англии, сравнивал её с императором Константином³³⁶.

Оценивая религиозные взгляды Елизаветы, К. Хейг называет её «недогматичной протестанткой»³³⁷. К. Хейг проанализировал, как после восшествия на престол Елизаветы решался религиозный вопрос в парламенте, и развивает свою версию в понимании Реформации как политического процесса. Елизавета была протестанткой, так сказать, по обстоятельствам рождения — брак Генриха VIII с Анной Болейн, в результате которого она появилась на свет и в конечном итоге оказалась на английском престоле, никогда не признавали в Риме. В парламентских дискуссиях с февраля 1559 г. при обсуждении религиозных вопросов палата лордов поначалу соглашалась на то, чтобы Елизавета приняла, если желает, королевское верховенство в церкви, но епископы отрицали право короны или парламента менять религиозные верования в стране. Первоначальный законопроект о Реформации церкви предусматривал восстановление церковных служб в том виде, как они существовали при Эдуарде VI, и этот билль прошел палату общин, но был заблокирован в палате лордов не только епископами, но и светскими лордами. После Пасхи 1559 г. появились два новых билля, которые были более умеренными: билль о королевской супрематии предполагал сделать королеву «верховой правительницей» церкви, но не её «верховным главой». Все епископы и вестминстерский аббат голосовали против законопроекта о королевском верховенстве, но на этот раз светские лорды поддержали билль, посчитав необходимым сдержать духовенство³³⁸.

С гораздо большими трудностями проходил через палату лордов законопроект о единообразии. В этом законопроекте молитвенник 1552 г. был модифицирован и вопрос о присутствии Христа в Евхаристии сделан неопределённым, чтобы не провоцировать споры, сохранены были облачения священников как при совершении католической мессы. Законопроект прошел через палату лордов в соотношении голосов 21:18 — против

³³⁵ The English Reformation Revised. — Cambridge University Press, 1990. — P. 137—138.

³³⁶ Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 2, 6.

³³⁷ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 237.

³³⁸ Ibid. — P. 239.

голосовали все епископы, 9 светских пэров, некоторые из которых просили Елизавету наложить на него вето. Протестантам помогли незаполненные с 1557 г. епископские вакансии, и то, что два епископа уже находились в заключении, а двое были исключены из палаты лордов.

К. Хейг считает, что Реформация в стране опять развернулась под влиянием политической случайности и тактических маневров: по его словам, «церковь Англии получила свой строй управлением большинством в три голоса, но и это было достигнуто политическими уловками». К. Хейг полагает, что Елизавета и её протестантские советники хотели более далеко идущей Реформации, но были вынуждены принять половинчатую Реформацию. В консервативном направлении Елизавету подтолкнула палата лордов.

К. Хейг не согласен с версией Дж. Нила³³⁹, что королеву, наоборот, подтолкнула в радикальном направлении палата общин. Дж. Нил, по его мнению, преувеличил политическое влияние протестантов: лишь 19 бывших эмигрантов были избраны в парламент, и Елизавете также противостояла, в сущности, католическая по взглядам палата лордов³⁴⁰. Принятый молитвенник был двусмысленным — это был литургический компромисс, который позволял священникам совершать причастие в церкви Англии в католических облачениях, произнося при этом слова, которые могли быть истолкованы в соответствии с католическими понятиями. Священники с консервативными убеждениями вполне могли принять всё это. В букве закона, считает К. Хейг, Елизавета достигла моментальной Реформации, но на уровне приходской религии всё могло сильно отличаться. Приходское духовенство под административным давлением должно было привыкать к новым трактовкам службы, и Реформация в приходах опять происходила всё так же медленно, как это было и ранее³⁴¹.

К. Хейг считает, что Елизавету испугало её столкновение с палатой лордов при обсуждении и принятии билля о единообразии в 1559 г. В результате королевские «Предписания» по церковному вопросу, подготовленные в июне 1559 г., содержали значительные уступки консерваторам. Образа не объявлялись объектом идолопоклонства как таковые, осуждалось только их суеверное почитание. Столы для причастия должны были стоять на месте алтаря. В причастии должны были использоваться традиционные облатки, а не простой хлеб. Но проведенная летом 1559 г. для проверки положения в церкви визитация приняла более радикальный характер из-за участия в ней бывших эмигрантов. В королевском отношении к результатам визитации остаётся неясным, то ли Елизавета изначально рассчитывала на такой более радикальный характер визитации, то ли её распоряжения были обойдены³⁴².

³³⁹Neale J.E. Elizabeth I and her Parliaments, 1559—1581. — London, 1953; Haugaard W.P. Elizabeth and the English Reformation. — Cambridge, 1968.

³⁴⁰The House of Commons, 1558—1603 / Ed. by P.W. Hasler. — Vol. I — III. — London, 1981. — Vol. I. — P. 102—104.

³⁴¹Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 240—241.

³⁴²Ibid. — P. 242.

К. Хейг отмечает, что духовенство без особого рвения подчинилось новым религиозным распорядам. Во время визитации 1559 г. духовные лица должны были подписаться о согласии на королевское верховенство в церкви, с молитвенником и королевскими «Предписаниями» по церковным вопросам. В Йоркской провинции под новыми требованиями подписалась одна треть. Из разных источников известно, что часть священников так и не выразила своего формального согласия с новыми религиозными порядками, но при этом отстранены от службы были немногие³⁴³. По южной Кентерберийской провинции две трети духовенства подписались в 1559 г., а остальные позже. Относительно численности священников, потерявших приходы в южной провинции из-за несогласия с переходом к протестантизму, называлась цифра от 200 до 480 с предпочтительностью ближе к первой цифре³⁴⁴. К. Хейг считает, что их было около 300. Вероятно, ещё больше несогласных было среди помощников приходских священников, так как им терять было нечего, и они превратились в домашних капелланов, священников у рекузантов-католиков, школьных учителей или вообще растворились среди светских лиц³⁴⁵.

В феврале 1560 г. группа ведущих протестантских епископов — Гриндел, Джуэл, Сэндис и, возможно, другие — пригрозили уходом в отставку, если королева будет настаивать на восстановлении распятий в приходских церквях, и королева отступила. По имеющимся отчётам церковных старост видно, что на рубеже 1550—60-х гг. в приходских церквях стали убирать алтари, образа, хоры в церкви, но в единичных случаях хоры в церкви сохранились до современности. Работы велись медленно, поскольку во всё это были вложены приходские денежные средства. Отчёты церковных старост свидетельствуют, что примерно половина приходов ещё в течение 10 лет хранили облачения, утварь для месс, а некоторые приходы — даже дольше. Некоторые священники из числа возведённых в сан до 1559 г. не скрывали своих консервативных убеждений, многие из них держались как можно ближе к старым формам службы, и о таких священниках-нарушителях, бывало, годами никто не доносил. За нарушения священников отстраняли от службы редко, поскольку наблюдалась серьёзная нехватка духовенства. По этой причине епископы в начале правления Елизаветы снизили уровень требований при посвящении в сан, хотя сами осознавали, что в этом нужно быть осторожными. Епископы также допустили большой рост плюралитетов — по епархиям было обычно от четверти до трети держателей плюралитетов, иногда даже выше. Многие священники не могли проповедовать, или проводили службы редко, не вовремя из-за того, что держали несколько приходов. В таких условиях протестантизм с трудом распространялся в начальный период правления Елизаветы³⁴⁶. Протестантские законода-

³⁴³ Haigh C. Reformation and Resistance in Tudor Lancashire. — Cambridge, 1975. — P. 209—211.

³⁴⁴ Gee H. The Elizabethan Clergy and the Settlement of Religion, 1558—1564. — Oxford, 1898. — P. 94—129, 236—247, 251.

³⁴⁵ Haigh C. Reformation and Resistance in Tudor Lancashire. — Cambridge, 1975. — P. 243.

³⁴⁶ Haigh C. Reformation and Resistance in Tudor Lancashire. — Cambridge, 1975. — P. 244—250;

тельные установления 1559 г. утверждались в большинстве местностей примерно в течение 10 лет, кое-где по 20—30 лет, в итоге всё же укореняясь, особенно по мере того, как умирало старое католическое духовенство. Но либеральный историк А.Дж. Диккенс называл все эти явления «пережиточным католицизмом»³⁴⁷.

Как считает К. Хейг, в 1559 г. перспективы католицизма в Англии для многих не выглядели безнадежно порушенными: Елизавета могла из политических соображений пойти на определённое сближение с католиками, как Генрих VIII, могла случайно умереть, быть свергнутой восстанием, выйти замуж за католика. По стране ходили слухи о возможности восстановления католицизма³⁴⁸. Сама Елизавета, как отмечают исследователи, в политических целях маневрировала и поначалу не отвергала даже возможность заключения брака с Филиппом II Испанским³⁴⁹.

В 1559 г. католическая верхушка пыталась держаться своих верований: все епископы, кроме одного, и большая часть деканов, архидиаконов, соборных каноников, известных богословов оставили должности или отказались от принесения клятвы о королевском верховенстве в церкви и были лишены своих должностей. Лишились мест также около 100 членов советов колледжей в Оксфорде³⁵⁰.

Епископов подвергали тюремному и домашнему аресту, многие бывшие университетские преподаватели бежали на континент, особенно в Рим и Лувен. Католики-эмигранты, жившие в Лувене, считали себя руководством церкви в эмиграции. Деятельность английского католического колледжа в Дуэ, созданного эмигрантами, как считает К. Хейг, следует расценивать как успешную — к 1576 г. тут было 276 человек, приехавших из Англии. Многие до этого учились в Оксфорде, который в эти годы, как полагает К. Хейг, испытывал нехватку талантливых студентов и преподавателей. К. Хейг придерживается мнения, что в 1560-е гг. в Англии происходило формирование католической альтернативной церкви, в которой служили консервативно настроенные священники. Некоторые из них сохранили приходы и подражали мессе во время англиканской службы, не учили прихожан новой доктрине. Среди светских лиц убежденных ре-

O'Day R. Thomas Bentham: A Case Study in the Problems of the Early Elizabethan Episcopate // JEH. — 1967. — Vol. 18; Wark K.R. Elizabethan Recusancy in Cheshire. — Chetham Society, 1971; Daeley J.I. Pluralism in the Diocese of Canterbury during the Administration of Mathew Parker // JEH. — 1967. — Vol. 18; Field C.W. The State of the Church in Gloucestershire. — Robertsbridge, Sussex, 1971.

³⁴⁷ Dickens A.G. Reformation Studies. — London, 1982. — P. 163—171, 182—183.

³⁴⁸ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 252.

³⁴⁹ Doran S. Religion and Politics at the Court of Elizabeth I: the Hapsburg Marriage Negotiations of 1559—1567 // EHR. — Vol. CIV. — 1989. — P. 908—926.

³⁵⁰ Aveling J.C.H. Northern Catholics: The Catholic Recusants of the North Riding of Yorkshire, 1558—1790. — London, 1966; Birt H.M. The Elizabethan Religious Settlement. — London, 1907; Bossy J. The English Catholic Community, 1570—1850. — London, 1975. — P. 12; Milward P. Religious Controversies of the Elizabethan Age. — London, 1978; Morey A. The Catholic Subjects of Elizabeth I. — London, 1978; Unpublished Documents Relating to the English Martyrs, 1584—1603 / Ed. J.H. Pollen. — Catholic Record Society, 1968.

кузантов было поначалу немного. Почти все из них были «церковными папистами» (так называли католиков, ходивших на службы в протестантскую церковь), но обычно они не подходили к причастию, и признавались в том, какова их настоящая вера, только в предсмертной исповеди³⁵¹.

Причиной организованного католиками Северного восстания 1569 г. исследователи считают то, что северным графам Уэстморленду и Нортумберленду не доверяла королева, не давая им должностей и наград. На их призывы восстановить католицизм откликнулись 5—6 тыс. человек, из которых только 20% были арендаторами графов или представляли их родственников. Прослеживается вовлечённость в восстание более 50 священников. Но протестантизм был спасен преобладанием даже на севере настроений консервативного лоялизма: сами северные графы дискутировали между собой, насколько возможно восстание против своей королевы³⁵².

Предпосылки для появления в Англии сознательного организованного рекузантства, как считает К. Хейг, появились после того, как в 1564 г. папа, комитет Тридентского церковного собора и римская инквизиция заявили, что католики в Англии не должны посещать службы установленной церкви, и в 1566 г. папа Пий V направил в Англию с известием об этом Лоренса Вокса (Vaux) — бывшего главу Манчестерского колледжа, лишённого должности. К. Хейг полагает, что рост числа рекузантов в Англии не связан с изданием папой Пием V буллы об отлучении Елизаветы в 1570 г.: рекузантство к этому времени уже появилось. По его мнению, Северное восстание 1569 г., булла об отлучении 1570 г. испугали власти, и они стали жёстче подходить к фактам отказа от посещения церкви, католиков стали больше преследовать. В сознании многих католиков при этом шла борьба между верностью королеве и своими религиозными убеждениями³⁵³.

До середины правления Елизаветы было много рекузантов и «церковных папистов» среди йоменов, ремесленников и земледельцев, а затем католицизм стал концентрироваться главным образом в среде джентри. К. Хейг считает, что расширение католического сообщества было приостановлено преследованиями 1580-х гг. Католики из средних слоев и из числа бедняков всё чаще становились конформистами из-за нехватки священников и из-за отсутствия пастырской поддержки. С 1581 г. существовала серьёзная проверка религиозных взглядов тех, кто поступал в университеты. Оксфорд подвергся тщательной протестантизации, а в Кембридже инициатива исходила изнутри, и по статутам 1570 г. можно было исключить любого, кто учил чему-то, противному протестантской религии. Эти статуты стали использовать также против беспокойных радикальных протестантов³⁵⁴.

³⁵¹ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 256—257.

³⁵² Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 258; Taylor S.E. The Crown and the North of England, 1559—1570. Ph. D. Thesis. — Manchester, 1981.

³⁵³ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 259.

³⁵⁴ Ibid. — P. 265—267, 270.

Исследователи отмечают, что церковь Англии только с начала 1570-х гг. по мере укоренения протестантской образованности в обществе смогла повысить требования к уровню образовательной подготовки лиц, возводимых в сан. С 1575 г. допущенные к ординации должны были дать представление экзаменаторам о своих религиозных взглядах на латыни, и быть по возрасту не менее 24 лет. В Кембридже новые колледжи Эммануэль (1584) и Сидни Сассекс (1596) были основаны как протестантские семинарии³⁵⁵. К 1603 г. примерно 40% священников имели университетские степени. Некоторые епископы в 1570-е гг., не дожидаясь, когда университеты подготовят достаточно проповедников, поддерживали лекторства, «пророчества». По данным 1603 года, 9244 прихода в церкви располагали 4830 священниками, способными проповедовать, и лишь около тысячи священников в церкви к этому времени не имели университетского образования. Из 26 епархий только епархии Бат и Уэллс, Экстер, Герефорд, Личфилд, Норидж и епархии в Уэльсе не имели 50% приходов со способными к самостоятельной проповеди священниками, а в епархиях Кентербери, Чичестер, Эли, Лондон и Рочестер среди священников было 75% способных к самостоятельной проповеди. Способность к самостоятельному составлению проповеди была одним из важнейших профессиональных критериев в протестантской церкви³⁵⁶.

Фактором распространения протестантской религии, как отмечается, было распространение грамотности. За 1560—1580 гг. неграмотность в Восточной Англии среди йоменов упала с 55% до 25%, у ремесленников с 60% до 40%, у простых земледельцев с 90% до 70%. Затем с 1580 г. темпы роста грамотности падают, но толчок распространению протестантизма был уже дан³⁵⁷. Постоянно возрастали объемы публикации Библии на английском языке: в 1560-е гг. было выпущено 14 изданий, а в 1590-е гг. — 31 издание³⁵⁸. Резко увеличилась публикация сборников проповедей — от 9 сборников в 1560-е гг. до 140 в 1590-е гг. В наиболее протестантских графствах, например, в графстве Кент, в 1590-е гг. треть завещаний упоминали передачу книг. Большую роль в обращении в протестантизм играли священники, а дальше нередко становились активными сами прихожане, воздействуя на своих соседей³⁵⁹.

В 1580-х гг., по оценке К. Хейга и ещё ряда исследователей, Англия быстро становилась протестантской страной. Убеждённые протестанты до-

³⁵⁵ O'Day R. The English Clergy: The Emergence and Consolidation of a Profession, 1558—1642. — Leicester, 1979. — P. 132—143.

³⁵⁶ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 271—275; Green I. "For Children in Years and Children in Understanding": The Emergence of the English Catechism under Elizabeth and the Early Stuarts // JEH. — 1986. — Vol. 37. — P. 397—425; O'Day R. Education and Society, 1500—1800. — London, 1982; Cressy D. Literacy and the Social Order: Reading and Writing in Tudor and Stuart England. — Cambridge, 1980

³⁵⁷ Cressy D. Literacy and the Social Order. — Cambridge, 1980. — P. 160—163.

³⁵⁸ Short Title Catalogue of Books, 1475—1640 / Ed. by W.A. Jackson, F.J. Ferguson, K.F. Pantzer — Vol. I — II. — London, 1986. — Vol. I. — P. 87—90.

³⁵⁹ Clark P. English Provincial Society from the Reformation to the Revolution: Religion, Politics and Society in Kent, 1500—1640. — Hassocks, 1977. — P. 209—211.

минировали при дворе, в парламенте, контролировали церковь. Судьи, юристы, мировые судьи не были ещё исключительно протестантами, но во многих частях страны протестанты определяли ситуацию в графствах. Многие приходы находились в состоянии внутреннего конфликта между активными протестантами, упорно стремившимися реформировать нравы окружающих, и враждебными им группировками, которые иногда складывались на основе материальных интересов — в них входили держатели местных пивных³⁶⁰.

К 1580-м гг. в английском обществе можно обнаружить многочисленные признаки того, что стали происходить заметные изменения в направлении утверждения протестантизма в личностных верованиях, а не только в религиозной политике властей. Но успех в пропаганде протестантизма не был повсеместным: выход с проповедью на многие сельские приходы, по словам К. Хейга, по-прежнему «был катастрофой из-за непонимания слушателями проповедника». Протестантские проповедники задавали высокие по тем временам стандарты набожности, требуя сознательного внутреннего понимания реформированной религии, реальной убежденности, а не просто внешнего конформизма, посещения проповедей, проведения домашней катехизации и чтения Библии. После долгих усилий по воздействию на сознание англичан в начале XVII в. протестантские священники обычно делили прихожан на три группы: небольшую, состоявшую из действительно призванных к искреннему исповеданию религии; ещё одну, которая, несмотря на все усилия проповедников, оставалась неграмотной, суеверной и даже сожалевшей об утрате старой религии; и третья группа, представители которой просто были конформистами по отношению к религиозной политике в государстве. Священники в то время обсуждали, а сейчас историки продолжают обсуждать вопрос о том, кого в Англии было больше — принадлежавших ко второй или к третьей группе³⁶¹.

К середине 1970-х гг. было опубликовано значительное количество региональных исследований по истории реформационного периода³⁶².

³⁶⁰ *Haigh C.* Puritan Evangelism in the Reign of Elizabeth I // EHR. — 1977. — Vol. XCII. — P. 30—58; *Idem.* English Reformation. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 279; *James M.E.* Family, Lineage and Civil Society: A Study of Society, Politics and Mentality in the Durham Region, 1500—1640. — Oxford, 1974. — P. 51, 67—70, 78—79; *Watts S.J.* From Border to Middle Shire: Northumberland, 1586—1625. — Leicester, 1975. — P. 96; *Smith A.H.* County and Court: Government and Politics in Norfolk, 1558—1603. — Oxford, 1974. — P. 48—53, 82—83, 207—208; *MacCulloch D.* Suffolk and the Tudors. — Oxford, 1986. — P. 95—104, 195—197; *Goring J.J.* The Reformation of the Ministry in Elizabethan Sussex // JEH. — 1983. — Vol. 34.

³⁶¹ *MacCulloch D.* Suffolk and the Tudors. Politics and Religion in an English County, 1500—1600. — Oxford, 1986. — P. 345; *Haigh C.* English Reformation. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 282.

³⁶² *Rowse A.L.* Tudor Cornwall. — London, 1969; *Dickens A.G.* Some Popular Reactions to the Edwardian Reformation in Yorkshire // Yorkshire Archaeological Journal (YAJ). — 1938—1939. — Vol. XXXIV; *Idem.* Sedition and Conspiracy in Yorkshire During the Later Years of Henry VIII // YAJ. — 1940—1943. — Vol. XXXV; *Idem.* The Marian Reaction in the Diocese of York. — St. Anthony's Hall Publications, 1957. — № 11—12; *Idem.* Lollards and Protestants in the Diocese of York 1509—1558. — London, 1959; *Purvis J.S.* Tudor Parish Documents of the Diocese of York. — London, 1948; *Haigh C.* The Last Days of the Lancashire Monasteries and the Pilgrimage of Grace. — Chetham Society, 3rd Series. — 1969. — Vol. XVII; *Idem.* Reformation and Resistance

В конце 1970-х гг. известные исследовательницы Ф. Хил и Р. О'Дей, специализирующиеся на изучении истории церкви Англии³⁶³, организовали публикацию двух значительных сборников статей — «Преимственность и изменения. Персонал и администрация церкви Англии, 1500—1642» (1976)³⁶⁴ и «Церковь и общество в Англии: от Генриха VIII до Якова I» (1977)³⁶⁵. Среди авторов статей в этих сборниках преобладают историки, придерживающиеся либеральной концепции в понимании Реформации в Англии, и вместе с тем с Ф. Хил и Р. О'Дей сотрудничал К. Хейг.

Исследователи предлагают выделять в составе духовенства в XVI в. три группы: высшее духовенство (епископы, должностные лица в епархиальной и соборной администрации), приходское духовенство с бенефициями, и духовных лиц, не имевших бенефициев, продвижение по службе у которых было трудным. Этой последней группе историки уделяли меньше внимания, так как они реже фигурируют в источниках — они были плохо обеспечены, обычно бывали помощниками священников. По статуту 1414 г. им полагалось платить 8 марок (5 фунтов 6 шиллингов 8 пенсов), но эта плата не везде доходила до такой максимальной суммы, опускаясь порой до 2 фунтов 6 шиллингов³⁶⁶.

Как пишет Р. О'Дей, в результате Реформации на первый план вышла пастырская функция духовенства, и поэтому стали особенно важны образ жизни духовенства, его профессиональная подготовка и преданность своему служению. Достигнутые в течение нескольких десятилетий результаты были значительными: духовенство 1630-х гг. резко отличалось от большой массы неграмотного, непригодного в профессиональном отношении духовенства 1550—60-х гг.³⁶⁷

in Tudor Lancashire. — London, 1975; *Porter H.C.* Reformation and Reaction in Tudor Cambridge. — Hamden (Conn.), 1972; *Oxley J.E.* The Reformation in Essex to the Death of Mary. — London, 1965; *Manning R.B.* Religion and Society in Elizabethan Sussex. A Study of the Enforcement of the Religious Settlement, 1558—1603. — Leicester, 1969; *Palliser D.M.* The Reformation in York, 1534—1553. — 1971. — Borthwick Paper № 40; *Hassel Smith A.* County and Court: Government and Politics in Norfolk, 1558—1603. — London, 1974; *Spufford M.* Contrasting Communities: English Villagers in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. — Cambridge, 1974; *Richardson R.C.* Puritanism in North-West England. A Regional Study of the Diocese of Chester to 1642. — Manchester, 1972; *James M.* Family, Lineage and Civil Society: A Study of Society, Politics and Mentality in the Durham Region 1500—1640. — Oxford, 1974; *O'Day R.* Thomas Bentham: A Case Study in the Problems of the Early Elizabethan Episcopate // JEH. — 1972. — Vol. XXIII; *MacCaffrey W.T.* Exeter 1540—1650. — Cambridge (Mass.), 1976; *Fletcher A.* A County Community at Peace and War, Sussex 1600—1660. — London, 1975.

³⁶³ *O'Day R.* Clerical Patronage and Recruitment in England during the Elizabethan and Early Stuart Periods. — London Ph. D. Thesis, 1972; *Heal F.M.* The Bishops of Ely and their Diocese during the Reformation Period: c. 1515—1600. — Cambridge Ph. D. Thesis, 1972.

³⁶⁴ Continuity and Change. Personnel and Administration of the Church in England, 1500—1642. — Leicester University Press, 1976.

³⁶⁵ Church and Society in England: Henry VIII to James I / Ed. by F. Heal and R. O'Day. — London and Basingstoke, 1977.

³⁶⁶ *Bowker M.* The Secular Clergy in the Diocese of Lincoln: 1495—1520. — London, 1968. — P. 144—145; *Zell M.* The Personnel of the Clergy in Kent during the Reformation // EHR. — 1974. — Vol. LXXXIX. — P. 522; *Haigh C.* Reformation and Resistance in Tudor Lancashire. — London, 1975. — P. 34—35.

³⁶⁷ Continuity and Change. Personnel and Administration of the Church in England, 1500—1642. — Leicester University Press, 1976. — P. 55—56.

Как отмечает Р. О'Дей, важной предпосылкой повышения профессионального уровня духовенства было улучшение его материального положения — более состоятельные священники, имея средства, могли повышать свой профессиональный уровень. В 1585 г. архиепископ Кентерберийский Уиттифт жаловался, что в стране всего около 600 доходных приходов, способных обеспечить хорошо образованного учёного священника. П. Коллинсон обращает внимание на то, что в XVI в. священники вынуждены были заниматься подработками (учительство, публичные проповеди, а также торговля и занятие ремеслами, не считавшиеся приличествующими для священников), и в материальном положении священников такая ситуация сохраняется, в сущности, до настоящего времени³⁶⁸. Как показал А. Макфарлейн на примере дневников священника Ральфа Джоселина, около половины его доходов происходило не от непосредственного служения в приходе³⁶⁹. Но священник с неоднородными источниками получения доходов, считает П. Коллинсон, вполне мог быть профессионалом³⁷⁰.

Власти осознавали значение духовенства как одной из опор существовавшего политического и церковного устройства. В 1560 г. Елизавета дала поручение лорду-хранителю печати направлять доходы от королевских пребенд в размере менее 20 фунтов в год на учреждение в университетах стипендий для тех, кто изучает богословие. Повышение образовательного уровня в обществе происходило под влиянием осознания необходимости грамотности для ведения повседневных дел, а также под влиянием религиозных стимулов. Когда выпускников университетов в церкви было мало, они быстро продвигались по службе вверх, что давало наглядный стимул для получения университетского образования. Образованные священники могли искать место в лучших епархиях, уроженцы отдаленных местностей могли найти лучшее по сравнению со своей родиной место службы. В дальнейшем же в поисках места для службы также и выпускники университетов вынуждены были пойти в отдаленные районы страны³⁷¹.

К 1630-м гг. усиливалась также кастовость духовенства, всё более частым явлением становилась династическая преемственность. Духовенство опять стало стремиться повысить свою роль в обществе, что, по мнению Р. О'Дей, питало антиклерикальные настроения и даже восприятие священников как паразитической социальной группы. Британская исследовательница полагает, что утверждение высшего образования в среде духовенства при всей важности этого явления не охватывало все компоненты профессиональной подготовки священника, поскольку для

³⁶⁸ *Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625.* — New York, 1982. — P. 100, 134.

³⁶⁹ *Macfarlane A. The Family Life of Ralph Josselin. A Seventeenth Century Clergyman: An Essay in Historical Anthropology.* — Cambridge, 1970. — P. 39; *The Diary of Ralph Josselin 1616—1683 / Ed. A. MacFarlane.* — Records of Social and Economic History. — Vol. III. — Oxford, 1976.

³⁷⁰ *Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625.* — New York, 1982. — P. 102.

³⁷¹ *Continuity and Change. Personnel and Administration of the Church in England, 1500—1642.* — Leicester University Press, 1976. — P. 62—70.

священника важна также способность к духовному наставлению, научить человека которой труднее, и авторитет духовенства у прихожан не рос пропорционально повышению их образовательного уровня³⁷².

В статье «Роль архивариуса в епархиальной администрации» Р. О'Дей обращает внимание на происходивший в XVI в. рост значения должности епархиального архивариуса. В XVI в. увеличились делопроизводство и объём документации в церковных делах в целом и в церковных судах. Архивариус в XVI в. отвечал за ведение протоколов заседаний суда консистории в епархии, записей об утверждении завещаний, вёл книги записей о выдаче лицензий, а также делал записи о визитациях, которые совершал епископ, хранил поземельные книги приходов, которые посылались в епархиальную администрацию церковными старостами, имел обычно ещё особую прецедентную книгу для записей чем-то примечательных случаев, стал также приобретать функции местного публично-нотария. У архивариуса появились клерки, выполнявшие рутинную работу. Архивариус стал в XVI в. назначаться жалованными грамотами (*letters formal*) пожизненно. Должность эта становилась прибыльной, и её стали домогаться, так что архивариусы пытались создать условия для её передачи по наследству³⁷³.

В начале XVII в. стала также приобретать всё больший вес должность секретаря епископа, в некоторой степени подрывавшая влияние архивариуса. Но, в отличие от секретаря епископа, архивариусы, будучи местными жителями, прекрасно знали местные дела. Некоторые архивариусы были состоятельными людьми и давали деньги займы под проценты, возможно, пользуясь также теми деньгами, которые находились в их распоряжении по должности, но документального подтверждения этому не найти. Р. О'Дей считает, что архивариус и его роль в управлении епархией подтверждают размышления Макса Вебера об особой роли бюрократии в управлении. Архивариусы имели возможность не только исполнять принимаемые решения, но и влиять на их принятие. Знание архивариусом технических и организационных деталей управления делами его незаменимым, поэтому оружием архивариуса в том, чтобы стать незаменимым, стало стремление вести свои дела более конфиденциально³⁷⁴.

В статье «Сбор налогов с духовенства при Тюдорах: влияние Реформации» Ф. Хил рассмотрела детали функционирования системы сбора налогов с церкви королевской властью после подчинения церкви в результате Реформации. В епархиях в результате Реформации появилась особая должность сборщика налогов и церковных субсидий короне — субколлектор, которую обычно занимали светские лица из числа местных жителей, традиционно получавшие в качестве вознаграждения 2,5% от собранной суммы. Некоторые субколлекторы пытались утаивать в свою пользу часть собранных в виде налогов средств. За уплату налогов пол-

³⁷² *Ibid.* — P. 74—75.

³⁷³ *Ibid.* — P. 77—80.

³⁷⁴ *Ibid.* — P. 89—93.

ностью были ответственны епископы, и они стали тщательнее подбирать субколлекторов для пресечения махинаций, внимательнее относиться к оформлению документации³⁷⁵.

В 1580-е гг. государственный секретарь Уильям Сесиль в случаях возникновения недоимок при сборе церковных налогов и субсидий стал возбуждать судебные разбирательства против тех епископов, которые к установленному сроку вносили менее половины причитавшейся суммы, но при этом сам Сесиль решал, против кого возбуждать дело. В целом система налогообложения духовных лиц, созданная в результате Реформации, как считает Ф. Хил, функционировала вполне удовлетворительно. Одной из причин того, что налогообложение духовенства было эффективным, по её мнению, был авторитет монархии, верноподданнические чувства духовенства, а при Елизавете ещё и благодарность за внутреннее спокойствие в государстве³⁷⁶.

В статье К. Хейга «Финансирование и управление в новой епархии: Честер, 1541—1641» проанализированы интересные данные о финансовом положении в конкретной епархии и о том социальном контексте, в котором приходилось в эти годы действовать епископам. Епископ Честерский имел один из самых маленьких по объёму доход среди английских епископов, но должен был организовать управление одной из самых больших и трудных в административном отношении епархий. Честерская епархия была создана в 1541 г. частично из доходов архидиаконств Честер и Ричмонд, которые давали епископу 283 фунта в год, а также земель и десятин ликвидированных монастырей с доходом в 190 фунтов 4 шиллинга 8 пенсов в год. Доход епископа должен был оценочно составлять 472 фунта 4 шиллинга 8 пенсов в год. Фактически в 1540-е годы епископы собирали доход до 495 фунтов. С 1547 г. у Честерского епископа не было доходов от земли, и он имел только одну резиденцию³⁷⁷.

К. Хейг выявил особенности функционирования аппарата управления в Честерской епархии, которые в целом ослабляли его и были результатом изменения положения церкви в обществе в реформационный период. При формировании административного штата в 1541 г. епископ Джон Берд решил привлечь на службу опытного канцлера Джорджа Уимсли, который служил деканом в Кентерберийской епархии под началом архиепископа Томаса Кранмера, и в качестве стимула для переезда Уимсли на север соединил с полномочиями канцлера полномочия генерального vicaria епархии, главного комиссара, дал Уимсли купить должность архивариуса, предоставил ему права патронажа, епархиальную собственность в аренду, три сельских деканства. Всем этим епископ создал очень влиятельного канцлера, сократив доходы епархии. Епископ также вынужден был устанавливать связи с местными влиятельными людьми, давал им выгодные аренды на длительные сроки, нанося финансовый ущерб доходам епархии. Епископ Берд раздал 11 аренд со средней продолжительно-

³⁷⁵ Ibid. — P. 97—98.

³⁷⁶ Ibid. — P. 105—113, 118—119, 121.

³⁷⁷ Ibid. — P. 145—146.

стью в 88 лет с фиксированными суммами ренты, которая обесценивалась, а Уимсли получил 4 аренды общим сроком на 368 лет³⁷⁸.

Вместе с тем К. Хейг показал также способы, которыми пользовались епископы для увеличения доходов от епархиального имущества, что стало возможным позднее — в начале XVII в., поскольку в правление Якова I давление, оказывавшееся короной на церковное имущество, стало менее разорительным. В такой обстановке могли лучше развернуться обладавшие административными способностями епископы, и ставший епископом в Честерской епархии с 1619 г. Джон Бриджмен сократил должности архидиаконов и сельских деканов, стал практиковать повышение файнов при продлении аренды земли, провел большую сверку документации в епархии, которая помогла упорядочить платежи, повысил файны за право аренды десятины. Одновременно епископ был ректором в одном из приходов и тщательно собирал десятину, ренты, испортив отношения с местным джентри, навязывал платежи в свою пользу местному рынку, пытался сделать своими арендаторами тех, кто судился в церковном суде, и в результате впал в такую непопулярность, что это угрожало его жизни, но доходы епископа в результате к 1637 г. возросли до 1122 фунтов 8 шиллингов 10 пенсов по сравнению с примерно 500 фунтами в 1540-е гг. Это увеличение доходов обесценивалось инфляцией, и епархия оставалась бедной, но к 1630-м годам другие епископы стали опускаться до такого уровня доходности епархий. По расчетам К. Хейга, если применять разработанные по отношению к доходам ремесленников во время «революции цен» ценовые индексы Фелпса-Брауна и Гопкинса, то реальные доходы Честерского епископа уменьшились: в 1541 г. он имел доход в 495 фунтов, в 1637 г. → 1122 фунта, но это были 300 фунтов в ценах 1541 г., так что усилия епископа не восполнили даже потери от инфляции³⁷⁹.

Проблемы истории церкви Англии в реформационный период рассматриваются также в сборнике статей «Церковь и общество в Англии: от Генриха VIII до Якова I» под редакцией Ф. Хил и Р. О'Дей (1977)³⁸⁰. Ф. Хил и Р. О'Дей отмечают, что изучение взаимодействия церкви и государства в реформационный период всегда занимало большое место в работах английских историков, поскольку королевское верховенство в церкви было «чувствительным фактом жизни английского общества»³⁸¹.

Специфический вклад Англии в Реформацию, как считают редакторы сборника — это создание формы церковного устройства, которая сочетала потенциал кальвинистского богословия с традиционной формой организации и дисциплины³⁸².

Изменения в религиозных верованиях эпохи Реформации, считают редакторы сборника, трудно описать просто и коротко, потому что каждая

³⁷⁸ Ibid. — P. 148—153.

³⁷⁹ Ibid. — P. 166.

³⁸⁰ Church and Society in England: Henry VIII to James I / Ed. by F. Heal and R. O'Day. — London, 1977.

³⁸¹ Ibid. — P. 2.

³⁸² Ibid. — P. 3.

местность, каждая социальная группа, даже отдельный индивид специфически реагировали на те вызовы, которые принесла с собой эпоха Реформации, но при этом, по их мнению, существует также необходимость определить и общие характеристики религиозных изменений в обществе³⁸³.

Ф. Хил и Р. О'Дей утверждают, что с течением времени проповеди на религиозные темы всё же стали очень популярной формой проведения времени у горожан, которую ценили не меньше таких видов досуга, как походы в театр или на травлю медведя. В то же время благодаря влиянию Реформации, считают авторы, в обществе расширился светский сектор культуры. При этом новая протестантская культура в пуританской трактовке не была всеобъемлющей и устраивала не всех, но и пуритане истолковывали это в своих понятиях — ведь избранные к спасению составляют меньшинство человечества. Единство в религиозных взглядах в обществе было уже потеряно и не восстановилось, хотя англиканские богословы считали, что в идеале церковь Англии должна удовлетворять религиозные потребности каждой души в королевстве³⁸⁴.

Изменения в религиозной политике властей в XVI в., считают редакторы сборника, будили наблюдательность и склонность к размышлениям на религиозные темы у мирян. Одним из результатов были недоверие и цинизм по отношению к религиозной политике властей, но до активного критицизма при этом обычно в условиях XVI в. в своем отношении к церкви люди не доходили. Как считают Ф. Хил и Р. О'Дей, восприимчивость человека к тем или иным религиозным взглядам зависела от его социального статуса, а также от убедительности приводимых доктринальных аргументов, но мотивами в религиозном поведении были также верность правящей династии и желание сохранить должность, социальное влияние. У тех лиц, которые были удалены от власти, было больше возможности сохранить при желании традиционные религиозные практики. Путь к восприятию протестантизма открывали занятия торговлей и учеба в университете, особенно в Кембридже³⁸⁵.

В начальный период английской Реформации в 1530—40-е гг. в проповедях первых реформаторов был различим интерес к социальной проблематике, звучали надежды на преобразование общественных отношений в соответствии с христианскими принципами (например, в проповедях Хью Латимера), но к 1550-м гг. эта проблематика ушла из проповедей протестантов, сосредоточившихся впоследствии только на духовной тематике. Следствием Реформации, как отмечают Ф. Хил и Р. О'Дей, было то, что право допуска священника в приход и право на взимание в свою пользу десятины были выброшены на рынок, как и другие виды собственности, наводя на мысли о возможности дальнейшего лишения церкви её земель, на что и нацеливались некоторые пуритане. В XVI—XVII вв. экономические трудности делали светских лиц более агрессив-

³⁸³ Ibid. — P. 5.

³⁸⁴ Ibid. — P. 6.

³⁸⁵ Ibid. — P. 7.

ными по отношению к церкви. Государству требовались средства на военные цели, и это вело к усилению финансового давления на церковь. Только после гражданской войны середины XVII в. социально-экономическое положение церкви Англии стало приемлемым для большинства духовных и светских лиц³⁸⁶.

В статье К. Кросс «Духовенство и королевская супрематия» обсуждаются вопросы о том, как развивалось понимание королевского верховенства в церкви Англии в период от правления Генриха VIII до предреволюционных десятилетий XVII в. Эту проблему рассматривал целый ряд историков³⁸⁷. К. Кросс отмечает, что принятием религиозного законодательства реформационного периода в Англии королевская власть фактически намекала, что она является имперской, независимой от любой внешней юрисдикции. Генрих VIII не хотел получить в результате своих реформ такое же влиятельное духовенство, каким оно было в католической церкви. Как считает К. Кросс, у ранних религиозных реформаторов (например, во взглядах У. Тиндейла) проявилась мысль о том, что власти монарха следует подчиняться лишь в том случае, если монарх соблюдает божественные установления. Реформаторы, подобные Томасу Кранмеру, рассматривали королевское верховенство в церкви в первую очередь как средство, необходимое для проведения религиозных реформ. В утверждении своей супрематии Генрих VIII действовал через парламент, и стало формироваться мнение, что сущность супрематии состоит в правлении короля вместе с парламентом, а не в правлении церковными делами королем единолично. После реставрации католицизма при Марии Тюдор архиепископ Кентерберийский Кранмер, защищаясь, утверждал, что по Писанию светская власть монарха выше церковной, поэтому он и повиновался своему монарху, а Мария и Филипп отказываются от права, которое принадлежит им по Писанию, поэтому он не может им подчиняться³⁸⁸.

Елизавета после восшествия на престол была законодательно утверждена «верховой правительницей» церкви и нисколько не поступалась реальной властью в церкви, но даже епископы в её правление, считает К. Кросс, полагали, что они должны следовать в первую очередь установлениям Писания и подчиняться королеве как главе церкви настолько, насколько её распоряжения не противоречат Писанию³⁸⁹.

В дальнейшем осмыслении королевского верховенства в церкви английскими духовными лицами, по словам К. Кросс, новым проявлением стремления духовных лиц укрепить позицию церкви в отношениях с

³⁸⁶ Ibid. — P. 10—14.

³⁸⁷ Davies E.T. *Episcopacy and the Royal Supremacy in the Church of England in the XVI Century*. — London, 1960; Elton G.R. *The Tudor Constitution*. — London, 1960; Kenyon J.P. *The Stuart Constitution*. — London, 1966; Scarisbrick J.J. *Henry VIII*. — London, 1968; Cross C. *The Royal Supremacy in the Elizabethan Church*. — London, 1969; Bowker M. *The Supremacy and the Episcopate: the Struggle for Control, 1534—1540* // *Historical Journal*. — 1975. — Vol. XVIII. — P. 227—243.

³⁸⁸ *Church and Society in England: Henry VIII to James I* / Ed. by F. Heal and R. O'Day. — London, 1977. — P. 16—23.

³⁸⁹ Ibid. — P. 24.

королевской властью стала проповедь Ричарда Бэнкрофта у собора Св. Павла в феврале 1589 года, когда он утверждал, что епископы, священники и диаконы были в церкви с апостольских времен, и намекал на этот строй как на божественное установление, в отличие от позиции тогдашнего архиепископа Кентерберийского Джона Уитгифта, который в споре с пресвитерианином Томасом Картрайтом защищал мнение, что строй церковного управления относится к сфере *adiaphora* — второстепенных черт церковного устройства. Утверждение епископата как божественного установления потенциально покушалось на королевскую супрематию в церкви. Духовенство явно опять пыталось повысить свой сословный статус в отношениях со светскими лицами³⁹⁰.

Елизавета насаждала понимание королевской супрематии как управления церковью епископами под руководством короны, а не как правление церковью монархом совместно с парламентом, с чем было согласно высшее духовенство, не считавшее, что церковь должна подчиняться парламенту³⁹¹. В 1560-е гг. богословы англиканской церкви (например, Джон Джуэл) считали, что монарх может принимать решения в вопросах доктрины, если проявляет к этому способности, и сообщать об этих решениях должностным лицам в церкви, чтобы они действовали в соответствии с ними³⁹². Но в 1590-е гг. в богословской мысли в церкви Англии уже возникла тенденция, которая привела впоследствии к утверждению верховенства парламента во всех государственных делах, включая церковные. Один из создателей англиканства Р. Хукер в своем главном труде «Законы церковного устройства» (*The Laws of Ecclesiastical Polity*) пришел к мнению, что итоговое решение в церковных делах должно было бы приниматься парламентом, но полное издание труда Хукера было опубликовано только после реставрации Стюартов в 1662 г. Английские монархи до революции середины XVII в. не давали парламенту возможности принимать решения в церковных делах, но при этом держали под своим контролем также и духовенство, в некоторых случаях сами пресекали дискуссии в церкви, угрожая применить против нарушителей спокойствия статут *praemunire*, что и означало, с точки зрения королевской власти, существование королевской супрематии в церкви Англии. Елизавета и Яков I видели в усилении церкви угрозу своей прерогативе. Но англиканские богословы начала XVII в. были уже не согласны с таким подходом к толкованию супрематии. Церковь, считали они, обладала внутренней духовной властью согласно Божественным заповедям. В том

³⁹⁰ *Cargill Thompson W.D.J. Anthony Marten and the Elizabethan Debate on Episcopacy // Essays in Modern English History in Memory of Norman Sykes / Ed. C.V. Bennett, J.D. Walsh. — London, 1966. — P. 44—75; Idem. A Reconsideration of Richard Bancroft's Paul's Cross Sermon of 9 February 1588/9 // JEH. — 1969. — Vol. XX. — P. 253—266; Idem. Sir Francis Knollys's Campaign Against the Iure Divino Theory of Episcopacy // The Dissenting Tradition: Essays for Leland H. Carlson / Ed. C.R. Cole, M.E. Moody. — Athens (Ohio), 1975. — P. 39—77.*

³⁹¹ *Church and Society in England: Henry VIII to James I / Ed. by F. Heal and R. O'Day. — London, 1977. — P. 28—32.*

³⁹² *The Works of John Jewel / Ed. J. Ayre. — Parker Society, 1848. — Vol. III. — P. 167; Booty J.E. John Jewel as Apologist of the Church of England. — London, 1973.*

случае, если светская власть требует от церкви чего-то, что противоречит Божественным установлениям, возможно пассивное сопротивление, но не активные его формы в виде бунта — в этом англиканские богословы видели отличие подходов своей церкви от позиции иезуитов³⁹³.

В начале 1590-х гг., как отмечают исследователи, в полемике с пуританами королевской властью и богословами церкви Англии стал применяться аргумент, согласно которому церковные прерогативы монарха стали рассматриваться как независимые от парламентского статутарного законодательства³⁹⁴.

Королевскую супрематию в церкви не принимали и консерваторы-католики, и пуритане-радикальные реформаторы, но к концу XVI в. появилось следующее поколение духовных лиц, которое рассматривало королевскую супрематию как средство защиты от всё более усиливавшегося давления светских лиц. При Карле I, считает К. Кросс, как раз под защитой королевской супрематии началось усиление церкви, но монарх стал опираться в церковных делах только на одну арминианскую группировку, действия которой, направленные на усиление церкви, настораживали светских лиц и в немалой степени способствовали нарастанию враждебности по отношению к Карлу I, которая привела к возникновению гражданской войны³⁹⁵.

В статье И. Лакстон «Реформация и народная культура» автор призвала к активизации усилий по изучению народной культуры XVI—XVII вв. По её мнению, одним из первых среди историков Реформации вопросы о социально-культурном развитии провинциальной Англии реформационного периода стал рассматривать А.Дж. Диккенс³⁹⁶, в трудах которого И. Лакстон находит влияние социальной истории, французской школы «Анналов». И. Лакстон считает продуктивным использование в историческом исследовании методов социальной антропологии и полагает, что необходимо дальнейшее обсуждение познавательного значения социологических концепций для изучения ментальной истории раннего нового времени³⁹⁷.

И. Лакстон считает возможным на основе данных о том, какие книги люди приобретали, читали, писали, определить, какое влияние Реформация оказала на провинциальную культуру, особенно на уровне массового сознания. Она исследовала главным образом источники, происходящие из западного Мидленда и районов западнее Бристоля к северу до Честера.

³⁹³ Church and Society in England: Henry VIII to James I / Ed. by F. Heal and R. O'Day. — London, 1977. — P. 30.

³⁹⁴ Guy J. The Elizabethan Establishment and the Ecclesiastical Polity // The Reign of Elizabeth I: Court and Culture in the Last Decade / Ed. J. Guy — Cambridge, 1995. — P. 126—149; Eales J. A Road to Revolution: the Continuity of Puritanism, 1559—1642 // The Culture of English Puritanism, 1560—1700 / Ed. Ch. Durston and J. Eales. — London, 1996. — P. 184—209.

³⁹⁵ Church and Society in England: Henry VIII to James I / Ed. by F. Heal and R. O'Day. — London, 1977. — P. 15, 33.

³⁹⁶ Dickens A.G. The Writers of Tudor Yorkshire // TRHS 5th Series. — 1963. — Vol. XIII. — P. 49—76.

³⁹⁷ Church and Society in England: Henry VIII to James I / Ed. by F. Heal and R. O'Day. — London, 1977. — P. 57—58.

И. Лакстон соглашается с критерием определения грамотности человека в Англии XVI—XVII вв. по способности подписать своё имя, выдвигаемым Кембриджской группой по истории народонаселения и социальной структуры, который используется для исследований, подходит для статистических подсчетов, и дополняет этот критерий необходимостью выявления тех лиц, которые имели собственные книги. Роль книг в духовном наставлении светских лиц в дореформационный период, отмечает И. Лакстон, была очень ограниченной. Источником религиозных знаний для светских лиц были представители местного духовенства, а по их завещаниям за период 1490—1558 гг. из завещаний 430 представителей приходского духовенства 133 человека (31%) имели книги, при этом 26 человек имели только богослужебные книги. Эти цифры сходны с данными из других регионов Англии того же времени: по материалам из Нориджской епархии, 25% местного духовенства упоминали в завещаниях книги, А. Дж. Диккенс обнаружил в графстве Йоркшир 28 % таких завещаний³⁹⁸.

И. Лакстон обращает внимание на то, что в начальный период Реформации в западном Мидленде выявленные случаи протестов против разрушения образов, введения реформированного богослужения, например, в городе Вустере, были связаны лишь с тем, что уничтожение местных святынь приводило к исчезновению паломничества, а это уменьшало доходы городских торговцев³⁹⁹.

И. Лакстон установила, что во второй половине XVI в. в английской провинции увеличение количества лиц, имевших в собственности книги, было всё же незначительным. Привлеченные ею завещания или описи имущества 387 представителей приходского духовенства за 1558—1603 гг. из того же региона в западном Мидленде свидетельствуют, что книги теперь имели 150 священников (39%), а в 1490—1558 гг. их был 31%, но до этого удаленного района дошли комментарии к Писанию континентальных реформаторов Вольфганга Мускулюса, Августина Марлората, Рудольфа Вальтера, а также Кальвина и Буллингера — их имели 10 священников. Появились также сборники проповедей. В завещаниях и описях имущества можно проследить увеличение числа лиц, имевших Библию: она была дома у 20% семей джентри, а также у торговцев, йоменов, ремесленников, в единичных случаях у крестьян⁴⁰⁰.

Протестантизм, считает И. Лакстон, способствовал распространению грамотности в английском обществе, поскольку во второй половине XVI в. в стране стал расширяться оборот книжной продукции, её номенклатура. К 1580-м гг. среди имевшихся в продаже в Англии книг, наряду с религиозной литературой, были альманахи, исторические романы, книги по юриспруденции, медицине, истории, музыке и кулинарии. Происходило расширение и диверсификация духовных интересов светских лиц, но в этом сказывалось не только влияние Реформации. И. Лакстон считает,

³⁹⁸ Ibid. — P. 64.

³⁹⁹ Ibid. — P. 69.

⁴⁰⁰ Ibid. — P. 72—73.

что отрицательное влияние ликвидации монастырей и часовен в Англии на развитие образования преувеличено, так как образование и до, и после Реформации продолжало обеспечиваться в значительной степени свободными школами, в которые вкладывали средства частные лица, или профессиональными учителями, работавшими за плату. Итогом изменений в религиозности населения Англии к концу XVI в. в Англии И. Лакстон считает то, что, хотя провинциальная культура на всех уровнях оставалась главным образом религиозной, акценты в ней сместились от преимущественного внимания к ритуализированным визуальным эффектам, как это было до Реформации, к усиливавшемуся интересу к печатному слову, поскольку Реформация требовала прямого знакомства с текстом Библии. Вклад Реформации в провинциальную культуру состоял в том, что она дала стимул развитию более грамотного подхода к религии, в результате чего стало возможным появление к 1640-м г. целого ряда различных точек зрения на богословские вопросы. Подход к религии стал более осознанным, и она стала пониматься как определенный набор верований, а не набор ритуалов⁴⁰¹.

Р. Хоулбрук в статье «Протестантский епископат в 1547—1603 гг.: вклад в исполнение пастырских обязанностей» утверждает, что образец деятельности протестантского епископа в Англии в XVI в. был задан в правление Эдуарда VI Джоном Хупером, и при всех его радикальных наклонностях, напоминавших действия пуритан, остался непревзойденным. Хупер проводил очень тщательные визитации, создал в своей епархии систему изучения духовенством текста Писания, в рамках которой в каждом деканстве существовали образовательные кружки, в которых обсуждались сомнительные пункты доктрины. Рвение к служению у Хупера было уникальное, несмотря на консервативный настрой духовенства его епархии. Подобными Хуперу епископами были также ранние английские реформаторы Майлс Ковердейл и Николас Ридли. По богословской подготовленности епископы времен правления Елизаветы, считает Р. Хоулбрук, превосходили позднесредневековых: большинство из них были докторами богословия или получили эту степень вскоре после того, как стали епископами. Многие из этих епископов, правда, имели очень мало опыта служения в приходе. Наряду с личными заслугами, кандидаты в епископы по-прежнему попадали в должность благодаря покровительству. Епископы, как предполагалось, должны были быть после выдвижения благодарны патронам, что имело, в том числе, и материальное выражение⁴⁰².

В начале правления, считает Р. Хоулбрук, для кандидата в епископы были важны прочная приверженность протестантизму и учёность, а с середины 1570-х гг. — административные способности и умение подстраиваться под официальную линию. Назначение епископов при Елизавете в заметной мере контролировал Уильям Сесиль, и к патронажу над епископами стремились также другие представители придворной знати. Р. Хоул-

⁴⁰¹ Ibid. — P. 75—77.

⁴⁰² Ibid. — P. 80—81.

брук предполагает, что Сесиль по взглядам был близок испытывавшему значительные симпатии к умеренному пуританизму архиепископу Кентерберийскому Уильяму Гринделу (1575—1583), так что в состав епископата продолжали попадать лица с подобными взглядами даже после того, как после 1583 г. при архиепископе Кентерберийском Уитгифте стала усиливаться борьба с пуританизмом⁴⁰³.

В статье «Церковный патронаж: кто контролировал церковь?» Р. О'Дей предлагает другое понимание того, как происходило рекрутирование епископов, и высказывает мнение, что при Елизавете подбор епископов на разных стадиях правления отражал политику королевы в церковных делах, а своим фаворитам Елизавета разрешала влиять на выбор епископов в рамках своего видения религиозной политики⁴⁰⁴.

Рвение епископа в деле поддержания порядка в епархии, считает Р. Хоулбрук, было сковано некоторыми устоявшимися нормами. Визитации епископа, как предполагалось, могли происходить раз в три года, поскольку епархиальное духовенство несло расходы по содержанию епископа во время поездки по епархии, преподносило ему подарки, так что, проводя визитации чаще, можно было прослыть жадным епископом, а не служителем, стремящимся к улучшению дел в епархии⁴⁰⁵.

Ф. Хил в статье «Экономические проблемы духовенства» проанализировала материальную обеспеченность духовных лиц. Судя по переписи Valor Ecclesiasticus (1535), средний чистый доход ректоров по тем епархиям, которые хорошо изучены, варьировал между 10 и 13 фунтами в год на приход. Доходы викариев были меньше, чем у ректоров: при наибольшем расхождении в Ланкашире они в среднем составляли 12 фунтов у викариев и 34 фунта у ректоров, а чаще доходы у них расходились примерно на 5 фунтов в год. Историки считают, что для исполнения своих обязанностей священнику с бенефицием требовался доход не менее 10 фунтов в год, а при необходимости найма помощника — не менее 15 фунтов⁴⁰⁶. В таком случае получается, что только от одной четверти до одной трети приходов в стране были способны адекватно обеспечить священника для исполнения его обязанностей. Но следует учитывать также, что прибыльность приходов могла увеличиваться благодаря тому, что в некоторых приходах была земля, которую можно было сдавать в аренду. С. Лэндер⁴⁰⁷ предполагает, что там, где в бенефиции было более 5 акров земли, и у священника сохранялось право на десятины в натуральной форме, ему могло хватать на жизнь и службу 8 фунтов в год. В тех районах, которые не были затронуты интенсивными огораживаниями, ещё и в XVII в. сохранялась приходская земля,

⁴⁰³ Ibid. — P. 84—85.

⁴⁰⁴ Ibid. — P. 138.

⁴⁰⁵ Church and Society in England: Henry VIII to James I / Ed. by F. Heal and R. O' Day. — London, 1977. — P. 91; Owen H.G. The Episcopal Visitation: Its Limits and Limitations in Elizabethan London // JEH. — 1960. — Vol. XI. — P. 179—185.

⁴⁰⁶ Heath P. Medieval Clerical Accounts. — London, 1964. — P. 24; Haigh C. Reformation and Resistance in Tudor Lancashire. — London, 1975. — P. 23.

⁴⁰⁷ Lander S. The Diocese of Chichester, 1508—1558. — Cambridge Ph. D. Thesis, 1974.

которую можно было сдавать в аренду, так что, по мнению Ф. Хил, в этом кроется одно из объяснений того, как могли оставаться жизнеспособными те приходы по стране, в которых денежный доход священника был низким. Р. Ашер в начале XX в., считает Ф. Хил, преувеличил происходившую коммутацию десятин, но современные историки выявили, что ещё и в XVII в. в предреволюционное время десятины в большинстве своем оставались натуральными. Приходы, в которых была земля, находившаяся в распоряжении священника, с 1530-х до 1650-х годов возросли в цене в 4—5 раз⁴⁰⁸.

Хуже всего приходилось помощникам приходского священника, поскольку некоторые из них жили на 4 фунта в год, получая в первые десятилетия XVII в. столько же, как и в начале XVI в., хотя в некоторых экономически развитых районах страны, например, в Лондоне, им иногда платили по 20 фунтов⁴⁰⁹. Викарии, получавшие денежное выражение десятины, были уязвимы перед инфляцией. В городах местное население не занималось сельским хозяйством, что затрудняло сбор десятин⁴¹⁰. В среде духовных лиц не сталкивались с проблемой обеспечения средств к существованию, которые довели над большинством приходского духовенства, лишь епископы, соборное духовенство и самые богатые из держателей плюралитетов. Но высшее духовенство имело много экономических и социальных обязанностей, использовалось на государственной службе и лично несло связанные с этим расходы. Когда епископы жили в епархии, они несли расходы на местные административно-экономические дела, на гостеприимство, на подкармливание нищих. Современникам церковь в XVI в. по-прежнему представлялась состоятельным в материальном отношении учреждением, и светские лица выражали негодование, почему церковь не исполняет своей благотворительной роли в обществе. В протестантском понимании средства епископов должны были идти на поддержку образования, университетов, проповеди и проповедников. Церковь же, считает Ф. Хил, «была зажата между двумя мельничными жерновами: инфляции и светской власти». До революции середины XVII в. в Англии существовала только традиционная система обеспечения духовенства в форме десятин и предоставления церкви земли. Только радикальные секты времен революции стали вводить новшества в обеспечение своих священников путем установления добровольных взносов прихожан, но это не приносило значительных средств⁴¹¹.

Р. О'Дей обращает внимание на то, что в самом начале Реформации в Англии Генрих VIII обеспечил утверждение явно протестантской нормы церковной жизни — совершения обязательной проповеди приходским священником, которая вошла в жизнь церкви Англии после того, как королевские «Предписания» по церковному вопросу 1538 г. от имени Ген-

⁴⁰⁸ Church and Society in England: Henry VIII to James I / Ed. by F. Heal and R. O'Day. — London, 1977. — P. 108.

⁴⁰⁹ Owen H. G. Parochial Curates in Elizabethan London // JEH. — 1959. — Vol. X. — P. 69.

⁴¹⁰ Select Sixteenth Century Causes in Tithes / Ed. J.S. Purvis. — York, 1949.

⁴¹¹ Church and Society in England: Henry VIII to James I / Ed. by F. Heal and R. O'Day. — London, 1977. — P. 104—107.

риха VIII требовали проведения обязательных ежеквартальных проповедей в каждом приходе⁴¹².

В результате Реформации после диссолюции монастырей произошло перераспределение права патронажа (*advowson*) в церкви в пользу светских лиц: по-прежнему в национальном масштабе и во многих епархиях короне принадлежало прав допуска священника в приход больше, чем кому-либо, но в отдельных местностях заметно увеличили свои права патронажа светские лица, в относительно меньшей мере — епископы, деканы, собрания каноников. В Лондоне после диссолюции монастырей во многих приходах право допуска в него священника перешло к церкви. Контроль иерархии за приходами в Лондоне был так силён, что светские лица, желавшие слышать с кафедры то, что было угодно их религиозным вкусам, вынуждены были создавать лекторства⁴¹³.

В 106 приходах на территории Англии, приносивших доход менее 20 фунтов в год, право допуска священника принадлежало лорду-хранителю печати, который на практике делегировал свои полномочия служившим ему лицам и оставлял за собой только общую ответственность и право вето⁴¹⁴. Там, где право выдвижения священника принадлежало короне, пытались действовать наиболее активные из придворных (Николас Бэкон, Хантингдон, Лестер, Бедфорд, Уорик, Пемроук). Это были протестанты, продвигавшие в церковь пуритански настроенных священников. Елизавета до конца 1580-х гг., когда появились вызвавшие раздражение властей резкой критикой существовавшего церковного строя пуританские трактаты Мартина Марпелата, позволяла знати, Тайному совету снисходительно относиться к пуританам и даже поддерживать их⁴¹⁵.

Существовала также практика продажи права представления священника в приход на один или несколько раз, применявшаяся монастырями ещё в начале XVI в. Покупкой права назначать священника в приход на несколько раз пользовались в основном поднимающиеся в средний класс лица из йоменов, мелкого джентри, лица свободных профессий, а священники таким путем пытались создавать династии. Это право продавалось по цене от 30 до 100 фунтов. Таким путем устраивали родственников или нужных лиц, и сами священники этим способом материально обеспечивали своих сыновей⁴¹⁶.

Контроль на правом допуска священника в приход, считает Р. О'Дей, не обеспечивал беспрепятственного контроля над церковью. Патронаж в церкви был очень сильно распылён среди многих лиц, и ни одна группа не могла тут проводить беспрепятственно последовательную политику⁴¹⁷.

⁴¹² *Ibid.* — P. 150.

⁴¹³ *Ibid.* — P. 141, 148.

⁴¹⁴ O'Day R. *The Ecclesiastical Patronage of the Lord Keeper, 1558—1642* // TRHS 5th Series. — 1973. — Vol. XXIII.

⁴¹⁵ *Church and Society in England: Henry VIII to James I* / Ed. by F. Heal and R. O'Day. — London, 1977. — P. 142.

⁴¹⁶ *Ibid.* — P. 152.

⁴¹⁷ *Ibid.* — P. 154—155.

Положение в церкви Англии в правление Елизаветы рассматривал также известный либеральный историк, специалист по истории пуританского движения П. Коллинсон⁴¹⁸, высказавший ряд важных суждений и оценок. По его мнению, в начале правления Елизаветы влияние идей континентального протестантизма на духовенство церкви Англии было очень велико, дойдя до того, что епископ церкви Англии Джон Джуэл и каноник собора Св. Павла Александр Ноуэлл допускали возможность обсуждения в церкви вопроса об отлучения монарха от церкви. Но ситуация изменилась после отлучения Елизаветы католиками в 1570 г. специальной папской буллой, и в дальнейшем англиканские богословы не допускали возможности отлучения монарха от церкви, что позволяли себе кальвинистские богословы⁴¹⁹.

По мнению П. Коллинсона, особенностью Реформации в Англии был присущий ей постоянный динамизм, и она воспринималась не только как законодательные и административные акты 1559 г., оформившие религиозные установления в стране, а также как глубокая культурная революция, продолжавшаяся в течение значительного периода. При этом монархия и епископат воспринимались не только как гаранты порядка и стабильности в обществе, но и сами по себе как орудия энергичных и творческих реформ⁴²⁰.

Как синоним англиканства П. Коллинсон употребляет термин «формализм», подчеркивая этим свое убеждение в том, что пуританское движение во второй половине XVI в. имело творческий потенциал, полезный для развития протестантской церкви Англии⁴²¹. В отношении к Реформации, как считает П. Коллинсон, Елизавета предпочитала политику «фактического бездействия, при этом поддерживая в общественном сознании иллюзию, что королева является сторонницей дальнейшей Реформации»⁴²².

Характеризуя деятельность епископов времён Елизаветы, П. Коллинсон отмечает, что первое поколение епископов в её правление оказывало влияние лишь на «сценическую часть богослужения», а решающим влиянием пользовалась Елизавета, назначавшая епископов. Второе поколение епископов при активной поддержке королевы защитило существовавшее церковное устройство и разгромило подрывные силы пресвитерианства.

⁴¹⁸ *Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625.* — New York, 1982; *Idem. Archbishop Grindal, 1519—1583. The Struggle for a Reformed Church.* — London, 1979; *Idem. The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries.* — New York, 1988; *Idem. Elizabethan Essays.* — London, 1994; *Idem. The Elizabethan Puritan Movement.* — London-New York, 1982; *Idem. English Puritanism.* — London, 1984; *Idem. Godly People: Essays on English Protestantism and Puritanism.* — London, 1983; *Idem. A Mirror of Elizabethan Puritanism. The Life and Letters of "Godly Master Dering".* — London, 1964.

⁴¹⁹ *Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625.* — New York, 1982. P. 15.

⁴²⁰ *Ibid.* — P. 1—2.

⁴²¹ *Ibid.* — P. 110.

⁴²² *Ibid.* — P. 2.

Третье поколение епископов закрепило эти победы своей тактикой накануне, во время и после конференции в Хэмптон Корт в 1604 г.⁴²³

П. Коллинсон привлёк внимание исследователей к использованию писем епископов как исторического источника, которые дают возможность рассмотреть епископов в их политических и социальных отношениях и повседневной административной деятельности. Частично образцы этой переписки опубликованы и стали использоваться более активно⁴²⁴.

Как источники в изучении социальных ролей и положения епископов используются также характеристики современников, анекдоты, хотя, как подчеркивает П. Коллинсон, их нельзя брать за основу в исследовании этих вопросов. Много внимания в переписке духовных лиц уделялось борьбе за должности и доходные места, но, по мнению П. Коллинсона, «социальные отношения в это время строились на основе патронажа на всех уровнях, и достойный человек, не обращавшийся к покровителям, мог в это время вообще ничего не добиться. Такой механизм назначения не обязательно приводил к выдвижению только лишь недостойных кандидатов»⁴²⁵.

Источниками для изучения роли епископов могут быть также журналы записей епископов (*bishops' registers*), визитационные и акты книги, книги свидетельских показаний в церковных судах, материалы о разбиравшихся в них делах, которыми активно пользуются Ф. Хил и Р. О'Дей. В системе епархиальной администрации в XVI в., считает П. Коллинсон, происходила уже значительная бюрократизация, и система могла действовать даже при отсутствующем епископе⁴²⁶.

Записи о епископальной визитации состоят из *comperta* — списков духовенства и церковных старост, которые присутствовали при визитации, и *detecta* — записей о разборе дел церковным судом и о разборе тех представлений о нарушениях, которые были даны из приходов. Визитационные статьи и предписания (*injunctions*), сохранившиеся от времён правления Елизаветы, в значительной части опубликованы⁴²⁷. Визитационные статьи и предписания времени правления Якова I систематически не переиздавались и разбросаны по своим первоначальным печатным изданиям, публиковавшимся в разное время⁴²⁸.

⁴²³ Ibid. — P. 38.

⁴²⁴ The Letter-Book of Thomas Bentham, Bisho of Coventry and Lichfield / Ed. Rosemary O'Day and Joel Berlatsky. — Camden Miscellany. — Vol. XXVII. — Camden 4th ser., 1979; The Letter Book of John Parkhurst Bishop of Norwich Compiled During the Years 1571—1575 / Ed. R. Houlbrooke. — Norfolk Record Society, 1974—1975. — Vol. XLII; O'Day R. Thomas Bentham: A Case Study of the Problems of the Early Elizabethan Episcopate // JEH. — 1972. — Vol. XXIII. — P. 137—159; Berlatsky J.A. Thomas Bentham and the Plight of the Early Elizabethan Bishops // Historical Magazine of the Protestant Episcopal Church. — 1974. — Vol. XLIII.

⁴²⁵ Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 58.

⁴²⁶ Ibid. — P. 61.

⁴²⁷ Visitation Articles and Injunctions of the Period of the Reformation. Alcuin Club Collections XIV—XVI / Ed. W.H. Frere, W.M. Kennedy. — Oxford, 1910. — Vol. I—III; Kennedy W.P.M. Elizabethan Episcopal Administration. An Essay in Sociology and Politics. Alcuin Club Collections XXV—XXVII. — Oxford, 1924—1925. — Vol. I—III.

⁴²⁸ Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 66—67.

При использовании просопографического метода в изучении епископата времен правления Елизаветы, считает П. Коллинсон, можно составить только приблизительное представление об эволюции епископата в том, что касается материальных средств, которыми располагали епископы, их социального положения и социальных связей⁴²⁹.

П. Коллинсон соглашается с высказывавшейся исследователями мыслью о том, что немалым достижением епископата времён правления Елизаветы было утверждение в обществе понятия о том, что духовенство может заключать браки. Обращает на себя внимание то, что после Мэтью Паркера, первого архиепископа при Елизавете, имевшего семью, следующий женатый архиепископ Кентерберийский появился только после «Славной революции» 1688 г. Елизавета очень прохладно относилась к женатым епископам, но из 76 епископов времён Елизаветы по крайней мере 55 были женаты, 11 вступали во второй брак, один епископ делал это трижды. Под влиянием Реформации во второй половине XVI в. социальный статус епископов понизился — ни один епископ времен Елизаветы не вступил в родство со светской знатью⁴³⁰.

П. Коллинсон не соглашается с характеристикой епископов времен Елизаветы лишь как государственных служащих, о чём писали М. Баукер применительно к 1530-м гг. и Х. Р. Тревор-Роупер применительно к 1620-м гг. Епископы, как он считает, к концу XVI в. обретали возможности защищаться от светского давления, сохранили земельную собственность епархий, что уже давало статус скорее земельного собственника, а не подчиненный статус функционера на государственной службе, который зависел от жалованья, как это было в случае с лютеранскими суперинтендантами, и присоединяется к мнению Ф. Хил, согласно которому финансовое положение епископов при Елизавете было «не финансовым кризисом, а относительными финансовыми трудностями, а при Якове I материальное состояние епископов уже возрастало, опять стали повышаться социальный статус и репутация епископов»⁴³¹.

П. Коллинсон считает, что для епископов в правление Елизаветы были возможны две стратегии поведения: или приспособиться к существовавшим порядкам, сотрудничая со светскими лицами, признавая их большое влияние (такую линию проводил, например, архиепископ Кентерберийский Эдмунд Гриндел (1575—1583), и она импонирует Коллинсону с его леволиберальными убеждениями), или же епископы могли попытаться изменить ситуацию к лучшему и укрепить церковь как корпорацию в финансовом и политическом отношении — курс в этом направлении взяли архиепископы Кентерберийские Джон Уитгифт (1583—1604), Ричард Бэнкрофт (1604—1610) и особенно Уильям Лод (1633—1645)⁴³².

⁴²⁹ Ibid. — P. 39—40.

⁴³⁰ Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 37; Berlatsky J. Marriage and Family in a Tudor Elite: Familial Patterns of Elizabethan Bishops // Journal of Family History. — 1978. — Vol. III. — P. 6—22.

⁴³¹ Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 42.

⁴³² Ibid. — P. 75—77.

П. Коллинсон рассматривал также деятельность эпизодически создававшихся во второй половине XVI в. дополнительных административных органов в епархиях. Нередко епископу для установления порядка в епархии было недостаточно ординарных полномочий, и в этом случае приходилось добиваться создания специальной комиссии, расширенные полномочия которой подтверждались документом, скрепленным Большой печатью королевства, что давало возможность подкрепить действия духовной власти авторитетом светской власти и создать совместный судебный трибунал, который мог принуждать к уплате штрафа и к тюремному заключению⁴³³. Эти комиссии создавались в отдельных епархиях, но их деятельность недостаточно документирована, как и деятельность главного Суда Высокой комиссии южной церковной провинции, хотя эти вопросы затрагивались в работе Р.Г. Ашера «Подъем и падение Высокой комиссии» (1913)⁴³⁴. Существуют публикации источников и исследования об этих комиссиях⁴³⁵.

Такие специальные комиссии в епархиях, как считает П. Коллинсон, в некоторой мере достигли своих целей только в борьбе с католиками, а в 1580-е гг. из-за преследований Уиттифтом пуританских проповедников епархиальным комиссиям перестали помогать те светские лица, которые симпатизировали пуританам. Р. Мэннинг высказывает мнение, что как раз в связи с тем, что эти епархиальные комиссии перестали эффективно работать, епископам недоставало средств для эффективного воздействия на нарушителей, и это побудило сформулировать в конце 1580-х гг. принцип божественного происхождения епископата (*iure divino*)⁴³⁶.

Во второй половине XVI в. в церкви Англии ярко проявилась характерная для протестантских церквей особенность — стремление к повышению образовательного и профессионального уровня приходского духовенства, что особенно отличало пуритан. По мнению П. Коллинсона, надо видеть, что к тому же стремились королевская власть и церковная администрация. После подавления в середине 1570-х гг. собраний протестантского духовенства, созданных для профессионального совершенствования — «пророчеств», которые казались Елизавете опасными и подрывными, церковные власти всё же признавали необходимость существования определенных форм профессионального совершенствования священников, и конвокация 1587 г. предусмотрела создание групп

⁴³³ Manning B.R. The Crisis of Episcopal Authority During the Reign of Elizabeth I // JBS. — 1971. — Vol. XI. — P. 1—25.

⁴³⁴ Usher R.G. The Rise and Fall of the High Commission. — London, 1913.

⁴³⁵ Reports of Cases in the Courts of Star Chamber and High Commission / Ed. S.R. Gardiner. Camden Series. — 1886. — Vol. XXXIX; The Commission for Ecclesiastical Causes Within the Dioceses of Bristol and Gloucester / Ed. F.D. Price. — Records Section of the Bristol and Gloucestershire Archaeological Society, 1972. — Vol. X; Price F.D. The Commission for Causes Ecclesiastical for the Dioceses of Bristol and Gloucester, 1574 // Transactions of the Bristol and Gloucestershire Archaeological Society. — 1937. — Vol. LIX. — P. 61—84; Tyler P. The Ecclesiastical Commission for the Province of York, 1561—1641. — Oxford D. Phil. Thesis, 1965; *Idem*. The Significance of the Ecclesiastical Commission at York // Northern History. — 1967. — Vol. II. — P. 27—44.

⁴³⁶ Manning B.R. The Crisis of Episcopal Authority During the Reign of Elizabeth I // JBS. — 1971. — Vol. XI. — P. 1—25.

профессионального совершенствования священников из 6—7 человек под руководством более образованного и опытного священника в рамках епархий и архидиаконств⁴³⁷.

В то же время, отмечает П. Коллинсон, во второй половине XVI в. в среде духовных лиц распространилось сутяжничество, которое ранее не было в такой степени характерно, когда, например, слушались судебные дела о том, должен ли священник за свой счёт кормить церковный хор завтраком на Пасху и Рождество⁴³⁸. Наряду с влиянием на возникновение таких казусов сложного материального положения многих священников, современники объясняли возросшую щепетильность духовных лиц влиянием Реформации. Более острой стала критика священниками прегрешений и моральных проступков прихожан, чем особенно отличались пуритане, нередко создавая напряженность в приходах. При этом П. Коллинсон полагает, что проповеди пуританских священников не всегда только лишь раскалывали приходы — пуританские священники иногда бывали миротворцами. Исполнение миротворческих функций, возможно, было одной из важнейших задач священников в приходе в XIV—XVII вв.⁴³⁹

Важной работой П. Коллинсона стало написание современной биографии архиепископа Кентерберийского Эдмунда Гриндела (1575—1583), в которой проявились симпатии либерального британского историка к умеренным пуританам, стремившимся во второй половине XVI в. к дальнейшим реформам в церкви Англии с тем, чтобы приблизить её распорядки к швейцарским реформированным церквям⁴⁴⁰. Относительно Гриндела в английской исторической литературе высказывалось мнение, что он был слабым администратором и его назначение было ошибкой для церкви⁴⁴¹. Коллинсон же, отмечая, что деятельность Гриндела была предметом полемики среди историков, решительно возражает мнению, что Гриндел был человеком слабым и податливым, но не соглашается также с безоговорочным причислением Гриндела к пуританам, о чем писал историк начала XX в. У.Х. Фрер⁴⁴². По словам Коллинсона, «Гриндел был образцовым деятелем английской Реформации в её самой творческой фазе. Он стремился сочетать опыт европейских реформированных церквей с традиционными структурами и институтами формирующейся англиканской церкви, при этом сдерживая спонтанные проявления намерений радикалов. Он стремился раскрыть потенциал англиканской церкви»⁴⁴³. Восприимчивость

⁴³⁷ *Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625.* — New York, 1982. — P. 129—130.

⁴³⁸ *Jones W.J. The Elizabethan Court of Chancery.* — Oxford, 1967. — P. 391.

⁴³⁹ *Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625.* — New York, 1982. — P. 110.

⁴⁴⁰ *Collinson P. Archbishop Grindal, 1519—1583. The Struggle for a Reformed Church.* — London, 1979.

⁴⁴¹ *Gwatkin H.M. Church and State in England to the Death of Queen Anne.* — London, 1917; *Welsby P.A. George Abbot, the Unwanted Archbishop.* — London, 1962.

⁴⁴² *Frere W.H. The English Church in the Reigns of Elizabeth and James I.* — London, 1904. — P. 192.

⁴⁴³ *Collinson P. Archbishop Grindal, 1519—1583. The Struggle for a Reformed Church.* — London, 1979. — P. 20.

Гриндела ко всему конструктивному, что могло исходить от радикалов, П. Коллинсон объясняет тем, что самое большое влияние при формировании его религиозных взглядов оказал на будущего архиепископа страсбургский реформатор Мартин Буцер, занимавший при Эдуарде VI кафедру богословия в Кембридже. Сам Гриндел во время пребывания в эмиграции многое видел в Европе, что давало материал для размышлений, сопоставлений и выбора лучшего из опыта европейских протестантских церквей⁴⁴⁴.

В 70—80-е гг. XVI в. пуританизм стал приобретать черты институционального оформления в рамках церкви Англии посредством использования особых собраний духовенства, преимущественно пуритански ориентированного, под названием «пророчества». Практика «пророчеств» исходила из примера европейских реформированных церквей, а в конечном счете восходила к тексту апостола Павла: «И пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть рассуждают... Ибо все один за другим можете пророчествовать, чтобы всем поучаться и всем получать утешение» (Первое Послание к Коринфянам, 14:29,31)⁴⁴⁵. Впервые эта практика стала использоваться в Цюрихе, где «пророчества» стали частью подготовки священников, что восприняли также кальвинисты. Исследователи отмечают появление «пророчеств» в Англии ещё в период правления Эдуарда VI. В правление Елизаветы они в начале 1560-х гг. возродились в Лондоне и стали распространяться по графствам, так что в них иногда принимали участие епископы и, что стало английской особенностью этого института, интересовавшиеся богословием пуритански настроенные светские лица.

Как считает П. Коллинсон, «пророчества» принадлежали скорее «пуританской церкви внутри церкви», чем официальной англиканской церкви, и были в ней чем-то средним между законной и незаконной практикой. Епископы стремились поставить их под контроль как регулируемую форму подготовки епархиального духовенства, назначали председателей «пророчеств», сами выступали на их заседаниях. Коллинсон полагает, что «пророчества» могли уживаться с епископальным строем церкви и вписывались в епархиальную структуру, а современники и некоторые исследователи преувеличивали подрывное влияние этих органов, так как их строй мог обходиться без епископов, чьи полномочия были внешними, неорганичными по отношению к ним⁴⁴⁶.

Существование «пророчеств» очень хорошо согласовывалось с выдвигавшимися сторонниками дальнейших религиозных реформ при Елизавете из числа пуритан планами создания меньших по размеру епархий, поскольку они считали, что большие епархии не дают возможности духовенству активно вести назидательную пропаганду среди населения. Епархии делились на деканства, в основном совпадавшие по границам со средневековыми сотнями. Ещё приехавший в Англию в правление Эдуарда VI реформатор Страсбурга Мартин Буцер выдвигал план создания должно-

⁴⁴⁴ Ibid. — P. 159.

⁴⁴⁵ McGrath P. *Papists and Puritans under Elizabeth I.* — London, 1967. — P. 147.

⁴⁴⁶ Collinson P. *The Elizabethan Puritan Movement.* — London — New York, 1982. — P. 168—170, 177—181.

сти сельского декана, который мог бы выполнять обязанности суперинтенданта. При таком сельском декане и могли существовать «пророчества», объединявшие местное духовенство, способные выполнять также функции церковного суда, так как заседавшие здесь духовные лица знали население и его моральный качества. Учитывая, что «пророчества» посещали светские лица, данная система церковного управления усиливала светское влияние в церкви — устанавливались контакты церковной администрации с мировыми судьями графств, и рабочей единицей системы церковного управления могло бы стать графство, а не епархия. Такая система соответствовала интересам влиятельных элементов в графстве, будь то джентри или начинающие предприниматели капиталистического типа, и, очевидно, частично она функционировала там, где утверждались «пророчества». Но «пророчества» стали претендовать и на определённую долю властных полномочий в епархии, вмешивались в светские дела, претендуя на то, чтобы быть наставниками также и для знати, что уже вызывало ассоциации с кальвинистским пресвитерием⁴⁴⁷. То, что в стране было возможным существование «пророчеств», сделало пуританское движение более умеренным. А.Ф. Скотт Пирсон считал «пророчества» прообразами пресвитериев современного типа, существующих в этой деноминации в Англии⁴⁴⁸.

Елизавета в июне 1576 г., опасаясь подрывных последствий для существовавшего церковно-политического устройства в стране, потребовала, чтобы архиепископ Гриндел запретил проведение «пророчеств», но Гриндел не хотел этого делать, собирав среди епископов благоприятные отзывы о деятельности этих органов. Из 15 согласившихся высказаться по этому поводу епископов только четверо прислали неблагоприятные, враждебные отзывы⁴⁴⁹.

К доводам Гриндела в защиту «пророчеств» королева прислушиваться не стала и велела ему своей властью начать их ликвидацию. В течение нескольких месяцев Гриндел испытывал внутреннюю борьбу, но в итоге его личные убеждения перевесили религиозно-политические соображения, и он решил в письме королеве в декабре 1576 г. сообщить ей, что подавить существование «пророчеств», очевидно полезного института для церкви, ему не позволяет совесть, заявив при этом, что он, скорее, оскорбит светское величие королевы, чем небесное могущество Бога. Некоторые формулировки в письме Гриндела в то время производили особенно большое впечатление: «Помните, мадам, что Вы всего лишь смертное существо ... и хотя сделали немало хорошего, если до конца не останетесь верной, то не можете быть благословлены». При этом Гриндел не претендовал на католическую позицию, согласно которой, церковная власть выше светской, признавал, что получил пост от королевы и выражал готовность уйти в отставку⁴⁵⁰.

⁴⁴⁷ Ibid. — P. 189.

⁴⁴⁸ Scott Pearson A.F. Thomas Cartwright and Elizabethan Puritanism, 1535—1603. — Gloucester (Mass.), 1966. — P. 157.

⁴⁴⁹ Collinson P. Archbishop Grindal, 1519—1583. The Struggle for a Reformed Church. — London, 1979. — P. 237.

⁴⁵⁰ Ibid. — P. 244.

В объяснении мотивов этого поступка Гриндела П. Коллинсон обращается к сюжету из истории раннего христианства: англиканских епископов привлекала деятельность Амвросия Медиоланского⁴⁵¹, которая была примером того, что епископ, как это было в случае столкновения между Амвросием Медиоланским и Валентинианом II по поводу базилики из-за притязаний на нее ариан, может увещевать монарха. Впоследствии за бойню во время военных действий в Фессалонике Амвросий заставил каяться императора Феодосия Великого. П. Коллинсон считает, образ Амвросия Медиоланского повлиял на Гриндела, когда он писал письмо Елизавете — в этом случае «Гриндел примерял Елизавету на роль Феодосия»⁴⁵².

Но Елизавета всё же в мае 1577 г. повторно запретила «пророчества», а Гриндел в конце мая 1577 г. был изолирован в Ламбетском дворце и находился в последующие годы под домашним арестом до своей смерти в июле 1583 г. П. Коллинсон высказал предположение, что отстранение от должности Гриндела обуславливалось не только его письмом королеве, но и придворными интригами. Гриндел не разрешил второй брак итальянцу Джулио Боргаруччи, придворному врачу, и тот настраивал против архиепископа придворных, которые дополнительно влияли на королеву. В эти годы усилилось влияние на Елизавету одного из её фаворитов Кристофера Хэттона, ярого противника пуритан, нанесшего им заметный ущерб, особенно позднее, в 1580-е гг. Один из покровителей пуритан в 1570—80-е гг. граф Лестер, как предполагали при дворе, хотел захватить Ламбетский дворец, резиденцию архиепископа и формировал негативное восприятие письма Гриндела королеве при дворе. Таким образом, на судьбы епископов и положение в церкви также оказывали влияние материальные интересы знати и превратности придворной жизни⁴⁵³.

Действия архиепископа Гриндела расцениваются обычно исследователями как один из ярких примеров того, какую большую роль в реформационный период играли религиозные убеждения личности, поскольку письмо Гриндела королеве Елизавете — поступок совершенно не политический, эмоциональный, продиктованный внутренними убеждениями. По выражению историка начала XX в. У. Х. Фрера, которой был одновременно и англиканским епископом, это был «характерный образец типично пуританской прихоти»⁴⁵⁴. Но П. Коллинсон полагает, что умеренная политика таких епископов, как Гриндел, могла бы частично предотвратить остроту религиозного противостояния англикан и пуритан, или же религиозный раскол в Англии, приведший к гражданской войне, появлению диссентеров, вообще бы не возник. Если бы англиканская церковь

⁴⁵¹ *Collinson P.* "If Constantine, then also Theodosius": St. Ambrose and the Integrity of the Elizabethan Ecclesia Anglicana // JEH. — 1979. — Vol. XXX. — P. 205—229.

⁴⁵² *Collinson P.* The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 22, 30.

⁴⁵³ *Collinson P.* The Downfall of Archbishop Grindal and its Place in Elizabethan Political and Ecclesiastical History // The English Commonwealth, 1547—1640: Essays in Politics and Society Presented to Joel Hurstfield. — Leicester University Press, 1979. — P. 39—57.

⁴⁵⁴ *Frere W.H.* The English Church in the Reigns of Elizabeth and James I. — London, 1904. — P. 192.

продолжала курс Гриндела, предполагает британский историк, то «менее терпимым было бы отношение к католикам в Англии, английская цивилизация была бы более монолитной, менее разнообразной, но, возможно, и менее творческой. Англия могла бы возглавить дело протестантизма в Европе, как мечтал Джон Фокс». Было бы и ещё одно серьёзное последствие: если бы церковные власти не относились так нетерпимо к пуританам, снизился бы, наверное, их интерес к эмиграции в Новый свет, «не было бы яростно пуританской Новой Англии». В реальной же истории послабления пуританам при Гринделе сделали ещё более трудной борьбу с пуританизмом его преемникам — архиепископам Кентерберийским Джону Уитгифту и Ричарду Бэнкрофту⁴⁵⁵.

П. Коллинсон также придерживается мнения, что во второй половине XVI—начале XVII в. вполне жизнеспособными, функциональными и нужными английскому обществу оставались церковные суды, и специально подчеркивает, что церковные суды были встроены в это общество и укоренены в нём, а не навязаны ему⁴⁵⁶. Современные исследователи церковного правосудия в основном благоприятно характеризуют церковные суды в том, что касается их эффективности, объёма дел и быстроты совершения судопроизводства⁴⁵⁷. Под влиянием развития локальных исследований стали публиковаться работы о функционировании церковного суда и администрации не только на уровне епархии, но и о церковных судах архидиаконовств⁴⁵⁸.

Современный уровень изучения деятельности церковных судов в Англии второй половины XVI—начала XVII вв. представлен в работе М. Ингрэма «Церковные суды, пол и брак в Англии, 1570—1640» (1990)⁴⁵⁹. Как отмечает автор, в оценке деятельности церковных судов времени окончания правления Елизаветы и раннестюартовского периода среди либеральных историков XIX—первой половины XX вв. преобладало мнение, что церковные суды отставали устаревшие и уже нежелательные для общества ценности. Но М. Ингрэм считает, что «значительная часть деятельности церковных судов соответствовала ожиданиям честных прихожан-домовладельцев в поддержании моральных стандартов и религиозности в народе и давала возможность воздействия на тех нарушителей моральных норм, которых было трудно наказать (например, в осуждении закоренелых нарушителей моральных норм в сексуальной сфере)». Абсолютной эффективности церковные суды достичь не могли, но именно за это, в сущности, их критиковали идеалисты из числа пური-

⁴⁵⁵ *Collinson P.* Archbishop Grindal, 1519—1583. The Struggle for a Reformed Church. — London, 1979. — P. 283.

⁴⁵⁶ *Collinson P.* The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 62.

⁴⁵⁷ *Marchant R.A.* The Church under the Law: Justice, Administration and Discipline in the Diocese of York, 1560—1640. — Cambridge, 1969; *Houlbrooke R.* Church Courts and the People During the English Reformation 1520—1570. — Oxford, 1979.

⁴⁵⁸ *Peters R.* Oculus Episcopi: Administration in the Archdeaconry of St. Albans, 1580—1625. — Manchester, 1963.

⁴⁵⁹ *Ingram M.* Church Courts, Sex and Marriage in England, 1570—1640. — Cambridge, 1990.

тан, другие современники, а также последующие историки. По мнению М. Ингрэма, на фоне деятельности других государственных учреждений этого времени можно наглядно показать, что церковные суды даже функционировали хорошо и были эффективны⁴⁶⁰.

М. Ингрэм считает, что церковные суды опирались на достаточный уровень сотрудничества и понимания со стороны прихожан, и свидетельства этому находят также другие историки⁴⁶¹. На материалах графства Уилтшир М. Ингрэм выявил, что только небольшое количество приходов, и, как правило, небольших по размерам, проявляло слабую активность в выдвижении обвинений против нарушителей в церковных судах. При этом он не видит систематичности в недосмотре церковных старост за нарушителями и объясняет их, скорее, невниманием, а не сознательной оппозицией. В тех районах, где на территории Уилтшира жили католические рекузанты, это тоже не приводило к уменьшению количества представлений в церковные суды, то есть старосты не сотрудничали с рекузантами и не скрывали их⁴⁶².

Существовала проблема избирательности представлений на прихожан, поскольку некоторых вызывать в суд опасались. Но М. Ингрэм утверждает, что нераскрытие преступлений, опасения обвинить какого-то влиятельного человека были характерны и для других сфер судопроизводства — эти явления не ограничивались лишь церковными судами. В иерархически организованном обществе церковные суды также входили в положение влиятельных лиц, чтобы не подрывать обвинениями против них общественный порядок. При этом наказание с них не снималось — раскаяние на публике позволялось заменить внесением в суд определённой денежной суммы, которая шла на помощь бедным или на другие благотворительные цели, так что иногда ответчики выплачивали существенные суммы, чтобы избежать публичности, но церковные суды не шли охотно на замену раскаяния денежным взносом⁴⁶³.

Суды не действовали только на основе слухов — даже встречающаяся мотивировка привлечения к суду “common fame”, как выявил М. Ингрэм, означала мнение 5—6 уважаемых прихожан, поэтому приговор в церковных судах, по мнению М. Ингрэма, выносился обычно обоснованно, не оставляя возможности для обжалования⁴⁶⁴.

Процент выявляемых церковными судами моральных проступков, как считает британский историк, во второй половине XVI—начале XVII в. был довольно высоким. Особенно обращалось внимание на внебрачных детей, на беременность невесты во время свадьбы, и намечалась тенденция к учащению рассмотрения таких дел. Осуждались случаи, когда

⁴⁶⁰ Ibid. — P. 323.

⁴⁶¹ Owen H.G. The Episcopal Visitation: Its Limits and Limitations in Elizabethan London // JEH. — 1960. — Vol. 11. — P. 179—185.

⁴⁶² Ingram M. Church Courts, Sex and Marriage in England, 1570—1640. — Cambridge, 1990. — P. 325.

⁴⁶³ Ibid. — P. 336—337.

⁴⁶⁴ Ibid. — P. 325.

долго не ремонтировались и приходили в негодность церковные здания, недостатки в оснащении церковей необходимым инвентарем для служб, преследовались неплательщики приходских церковных сборов, рекузанты, не посещавшие церковь, лица, не пришедшие к причастию в Пасху⁴⁶⁵.

В деятельности церковных судов использовалась так называемая клятва *ex officio* того, в которой обвиняемый должен был откровенно отвечать на все вопросы, а отказ свидетельствовать против себя означал признание собственной вины, за что эту клятву критиковали некоторые пуритане и юристы общего права. В случае отказа от принесения клятвы *ex officio* человека отлучали от церкви⁴⁶⁶.

Церковные суды использовали также при разборе дел клятву очищения. М. Ингрэм считает, что принесение клятвы очищения было настоящим испытанием для человека. Громкие происшествия всегда обсуждались местными жителями, и, если ситуация была неблагоприятная, свидетелей в свою пользу среди соседей найти было невозможно, так что эта клятва была эффективной⁴⁶⁷.

Церковные суды обвинялись пуританами, начиная с «Увещевания парламенту» (1572), также в том, что налагают слишком мягкие наказания за сексуальные прегрешения, принуждая виновных лишь к уплате штрафа, публичному покаянию⁴⁶⁸. Большим количеством отлучённых возмущались сепаратисты, считавшие, что церковь обращается с нарушителями моральных заповедей очень мягко⁴⁶⁹. Но пуритане в таких случаях, как обращает внимание М. Ингрэм, требовали жёстких наказаний вплоть до смертной казни, и введение смертной казни за инцест и адюльтер во времена существования Английской республики в середине XVII в. оказалось излишеством. Даже Акт 1650 г. о трёхмесячном тюремном сроке за супружескую неверность практически не работал, так что за 10 лет были осуждены единицы⁴⁷⁰.

В соответствии с актом 1610 г. женщину за рождение внебрачного ребенка на год заключали в исправительный дом, мужчин предписывалось сечь кнутом. Количество случаев рождения внебрачных детей стало уменьшаться, но М. Ингрэм считает, что роль церковных судов в снижении числа бастардов всё же не вполне ясна, хотя публичное покаяние и штраф за это прегрешение, особенно для представителей средних слоев, заботившихся о своей репутации, можно рассматривать как сдерживающий фактор для внебрачных контактов⁴⁷¹.

⁴⁶⁵ Ibid. — P. 329.

⁴⁶⁶ Hill C. *Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England*. — London, 1964. — P. 382—408; Ingram M. *Church Courts, Sex and Marriage in England, 1570—1640*. — Cambridge, 1990. — P. 329.

⁴⁶⁷ Houlbrooke R. *Church Courts and the People During the English Reformation 1520—1570*. — Oxford, 1979. — P. 45—46; Ingram M. *Church Courts, Sex and Marriage in England, 1570—1640*. — Cambridge, 1990. — P. 333—334.

⁴⁶⁸ Hill C. *Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England*. — London, 1964. — P. 312—313.

⁴⁶⁹ Collinson P. *The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625*. — New York, 1982. — P. 215.

⁴⁷⁰ Ingram M. *Church Courts, Sex and Marriage in England, 1570—1640*. — Cambridge, 1990. — P. 334.

⁴⁷¹ Ibid. — P. 338.

Современные историки приводили свидетельства того, что очень распространённым явлением в елизаветинский и раннестюартовский периоды был высокий уровень неявки в церковные суды. Согласно подсчетам Р. Маршанта, в начале XVII в. лица, отлучённые от церкви за неявку в церковный суд, составляли примерно 5% от населения в Йоркской, Честерской и Нориджской епархиях, а с учётом членов их семей можно говорить о 10% отлучённых от церкви — целом «отлучённом классе». Из этого историки делали вывод о шаткости положения церковных судов в обществе, о безразличии народа к ним и даже о вызывающем поведении по отношению не только к церковным судам, но и к религии, морали. Р. Маршант утверждал, что многие люди стали «этическими диссентерами»⁴⁷².

М. Ингрэм полагает, что значение высокого уровня неявки в церковные суды было преувеличено и даже не понято историками. Он установил, что нередко были случаи, когда дело улаживалось взаимным соглашением до суда, поэтому в сохранившейся документации могло не быть итогового свидетельства о явке в суд для разрешения дела⁴⁷³. Выявлены свидетельства того, что и светские суды сталкивались в это время с трудностями в обеспечении явки в суд ответчиков и в обеспечении исполнения приговора⁴⁷⁴, хотя у светских судов было меньше проблем в этом отношении по той причине, что часть обвиняемых была под стражей или отпущена под залог. М. Ингрэм предлагает также исключить из числа не явившихся некоторые категории лиц, чтобы не завышать показатель неявки в церковные суды: не следует учитывать умерших в ходе разбирательства, заключённых под стражу по распоряжению других судов, упорных рекузантов-католиков. В исследованных им материалах графства Уилтшир в архидиаконствах Солсбери, Северный Уилтшир и деканстве Солсбери в собранных им выборочных данных с 1573 по 1634 г. самый низкий уровень явки в церковные суды был в 1602 году в Северном Уилтшире, составив 65%. М. Ингрэм отмечает, что это был трудный в административном отношении район — довольно населённый, удаленный от центра епархии, но в следующие годы показатели явки улучшались. Максимум явки в исследованный им период относится к 1573 г. в архидиаконстве Солсбери — 85%, а средняя цифра в явке тех, кто вызывался в суд с 1573 по 1634 г., составила 75%, и эту цифру М. Ингрэм считает убедительным доказательством нормального функционирования церковных судов в Уилтшире⁴⁷⁵.

М. Ингрэм также приводит данные о средней явке в церковных судах архидиаконства Чичестер: 1594 г. — 87%, 1636 г. — 94%, и в епархии Эли: 1590/1 год — 93%, 1619 г. — 83%, а также в архидиаконстве Лестер:

⁴⁷² *Marchant R.A. The Church under the Law: Justice, Administration and Discipline in the Diocese of York, 1560—1640.* — Cambridge, 1969. — P. 227, 243.

⁴⁷³ *Ingram M. Church Courts, Sex and Marriage in England, 1570—1640.* — Cambridge, 1990. — P. 341—344.

⁴⁷⁴ *Hill C. Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England.* — London, 1964. — P. 371.

⁴⁷⁵ *Ingram M. Church Courts, Sex and Marriage in England, 1570—1640.* — Cambridge, 1990. — P. 348—350.

1586 год — 69%, 1615 г. — 73%. Высокие результаты в епархии Эли М. Ингрэм объясняет тем, что здесь по-прежнему применялось малое отлучение, в то время как большинство церковных судов по стране с середины XVI в. перешли на применение полного отлучения от церкви, налагавшегося сразу. Успешность деятельности церковных судов в епархии Эли Р. Маршант связывает ещё и с тем, что епископ имел здесь и церковную, и светскую власть⁴⁷⁶, но М. Ингрэм поясняет, что светская власть епископа распространялась только на приходы острова Эли и не касалась графства Кембриджшир, так что, по мнению М. Ингрэма, главными факторами следует считать компактность епархии и очень плотный надзор за поведением прихожан с ежеквартальным рассмотрением ситуации⁴⁷⁷.

В то же время М. Ингрэм соглашается с наблюдением Р. Маршанта, что процент неявки в церковные суды был выше в городах⁴⁷⁸, хотя в Уилтшире материалы по городам гораздо хуже сохранились. Возможно, предполагает М. Ингрэм, проблема неявки в церковные суды существовала не в городах как таковых, а проявлялась в тех городах, которые в это время разрастались, так как подобные проблемы проявлялись также и в растущих сельских пригородах. Легче всего церковным судам было действовать в сельских районах с небольшими компактными поселениями⁴⁷⁹.

Из видов проступков, по которым была частой неявка в церковные суды, как подсчитали историки, больше всего было случаев неявки с последующим отлучением от церкви тех, кого вызывали в связи с обвинениями в супружеской измене, особенно же в блуде или производстве на свет бастардов — по данным из разных районов страны, везде их доля превышала 50%⁴⁸⁰. Среди нарушителей норм сексуальной морали было много молодых, неженатых людей, большой процент из них составляли слуги, которым потом удавалось возвращаться в церковную жизнь на новом месте жительства без раскаяния в церковном суде. В Англии этого времени, отмечает М. Ингрэм, существовала определенная юношеская культура с большей долей свободы по сравнению с другими возрастными группами, одной из характерных черт которой была безответственность. В этом обществе, возможно, более чем половине живущих было менее 20 лет, дети не всегда ходили в церковь до конфирмации, а до конца XVI в. в церкви Англии прослеживается упадок значимости этого имевшего воспитательное значение обряда⁴⁸¹. Не связанные чем-либо молодые

⁴⁷⁶ *Marchant R.A. The Church under the Law: Justice, Administration and Discipline in the Diocese of York, 1560—1640. — Cambridge, 1969. — P. 226.*

⁴⁷⁷ *Ingram M. Church Courts, Sex and Marriage in England, 1570—1640. — Cambridge, 1990. — P. 351.*

⁴⁷⁸ *Marchant R.A. The Church under the Law: Justice, Administration and Discipline in the Diocese of York, 1560—1640. — Cambridge, 1969. — P. 207—208.*

⁴⁷⁹ *Ingram M. Church Courts, Sex and Marriage in England, 1570—1640. — Cambridge, 1990. — P. 352.*

⁴⁸⁰ *Houlbrooke R. Church Courts and the People During the English Reformation 1520—1570. — Oxford, 1979. — P. 86.*

⁴⁸¹ *Phythian-Adams C. Desolation of a City: Coventry and the Urban Crisis of the Late Middle Ages. — Cambridge, 1979. — P. 83 footnote 16.*

люди много перемещались по стране, и М. Ингрэм полагает, что их не следует считать закоренелыми грешниками и противниками церковных судов. Большой процент таких дел в материалах церковных судов и давал почву для критики, в частности, пуританам, за то, что церковные суды не доводят до конца свои дела и обвинения⁴⁸².

Р. Маршант также обнаружил на материале архидиаконства Солсбери Йоркской епархии относящиеся к 1620—30-м гг. факты нарастающего пренебрежения со стороны служащих церковных судов теми делами, которые не обещали им дохода, но сохранилось всё же немного свидетельств какой-либо отъявленной коррупции или пристрастности церковных судов — более частыми бывали случаи административной слабости, хотя церковным судам в революционные 1640-е гг. припомнили все выявленные недостатки⁴⁸³. М. Ингрэм отмечает учащение случаев коррупции в церковных судах в Уилтшире в 1620—30-е гг., но склонен связывать это с носившим периодический характер ухудшением качества персонала, происходившим время от времени, что не подрывало веры в церковные суды. Существование в обществе постоянно отлученных от церкви «этических диссентеров», о которых писал Р. Маршант, М. Ингрэм объявляет «мифом», но вопрос о том, сколько их было, и какова была степень воцерковлённости англичан во второй половине XVI—начале XVII вв., остается дискуссионным. К. Хилл предполагал, что безрелигиозными были самые бедные люди, которые, по его словам, жили вне каких-либо церковных приходов, «наслаждаясь свободой и от священника, и от землевладельца»⁴⁸⁴. М. Джеймс пишет об «исключении из церкви бедных и тех, кто не мог заплатить за места в церкви»⁴⁸⁵. П. Кларк предполагал, что примерно 20% населения в графстве Кент в конце XVI в. постоянно не посещали церковь, укрываясь в лесах, на пустошах общинных земель или в городских трущобах вне пределов достижимости респектабельного общества. Но при этом П. Кларк отмечает, что в Кенте радикальные протестанты были одержимы стремлением реформировать нравы представителей социальных низов и хотели установить за ними контроль⁴⁸⁶. Для многих из простонародья более предпочтительным местом по сравнению с церковью была пивная⁴⁸⁷.

⁴⁸² *Marchant R.A.* The Church under the Law: Justice, Administration and Discipline in the Diocese of York, 1560—1640. — Cambridge, 1969. — P. 222; *Houlbrooke R.* Church Courts and the People During the English Reformation 1520—1570. — Oxford, 1979. — P. 50; *Ingram M.* Church Courts, Sex and Marriage in England, 1570—1640. — Cambridge, 1990. — P. 353.

⁴⁸³ *Marchant R.A.* The Church under the Law: Justice, Administration and Discipline in the Diocese of York, 1560—1640. — Cambridge, 1969. — P. 205—206, 214.

⁴⁸⁴ *Hill C.* Society and Puritanism. — London, 1964. — P. 259—297; *Idem.* The World Turned Upside Down. — London, 1972. — P. 32—45.

⁴⁸⁵ *James M.E.* Family, Lineage and Civil Society. A Study of Society, Politics and Mentality in the Durham Region, 1500—1640. — Oxford, 1974. — P. 123.

⁴⁸⁶ *Clark P.* English Provincial Society from the Reformation to the Revolution: Religion, Politics and Society in Kent, 1500—1640. — Hassocks, 1977. — P. 152—156.

⁴⁸⁷ *Clark P.* The Alehouse and the Alternative Society // Puritans and Revolutionaries: Essays in 17th Century History Presented to Christopher Hill / Ed. D. Pennington and K. Thomas. — Oxford, 1978. — P. 47—72.

В селении Терлинг К. Райтсон и Д. Левин нашли свидетельства нарастающей активности в преследовании религиозных нарушений, совершавшихся представителями социальных низов. В местном церковном приходе 70% привлечённых к ответственности за то, что они не подошли к причастию, происходила из бедных слоев трудящегося населения, и ещё 18% составляли представители земледельцев и ремесленников. Две трети из тех, кто подолгу оставался отлучённым от церкви в этом селении, относились к самым бедным жителям деревни⁴⁸⁸. В то же время во многих епархиях церковные суды считали слишком уж мелочно-мстительным и бесполезным в материальном отношении преследовать мелких ремесленников, вынужденных работать в воскресенье, или других бедняков. Об отношении к церкви самых бедных, полагают историки, вообще судить трудно. П. Коллинсон обращает внимание на материалы пресвитерианских дедгемских «классов» 1580-х гг. и на то, как там решался вопрос о бедных⁴⁸⁹. Среди членов «классов» преобладало мнение, что самыми бедными всё же нужно заниматься, посещать их, оказывать им помощь, но не следует привлекать в церковные суды за непосещение церкви. Но не все осуждаемые и преследуемые церковными судами принадлежали к числу бедняков. По словам П. Коллинсона, «склонность к плотским грехам была распространена среди представителей всех классов, и конкретные выводы о моральном облике тех или иных социальных групп по материалам церковных судов сделать невозможно»⁴⁹⁰.

Современные исследователи пришли к мнению, что церковные суды вполне соответствовали потребностям английского общества во второй половине XVI—начале XVII вв. Успех деятельности церковных судов состоял в том, что они, по словам М. Ингрэма, «действовали путем оказания методичного давления: радикальные пуритане хотели бы победить грехи прихожан натиском, а церковные суды, не драматизируя ситуацию, всё же добивались определённых результатов». В 1570—1640 гг. церковные суды сыграли значительную роль в повышении профессионального уровня духовенства, держали в напряжении рекузантов, повысили уровень религиозности среди массы населения, значительно способствовали повышению моральных норм в сексуальной сфере, помогали утвердить в народе мысль об обязательности церковного брака, хотя и не искоренили случаи сожительства и внецерковного брака. Вместе с тем, в 1630-е гг. церковные суды стали чаще возбуждать дела в попытке пресечь работу в праздники и воскресенья, что настраивало против них⁴⁹¹.

Ликвидацию церковных судов в годы революции М. Ингрэм связывает с общим политическим кризисом 1640-х гг., свержением монархии и скло-

⁴⁸⁸ *Wrightson K. Levine D. Piety and Poverty in an English Village. Terling, 1525—1700.* — New York, 1979. — P. 156.

⁴⁸⁹ *The Presbyterian Movement in the Reign of the Queen Elizabeth As Illustrated by the Minute Book of the Dedham Classes, 1582—1589 / Ed. R.G. Usher. Camden 3rd Ser. VIII.* — London, 1905. — P. 99—101.

⁴⁹⁰ *Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625.* — New York, 1982. — P. 218—220.

⁴⁹¹ *Ingram M. Church Courts, Sex and Marriage in England, 1570—1640.* — Cambridge, 1990. — P. 362—371.

няется к необходимости анализа действия краткосрочных факторов, воздействовавших на эти события: «личных качеств и взглядов лиц, действовавших на политической арене в 1630-е гг., королевской политики этого десятилетия, игрой событий 1640—42 гг. и взаимным непониманием и подозрением, которые разрушили возможность достижения компромисса и урегулирования». В этих рассуждениях М. Ингрэма можно увидеть влияние аргументации, которую предлагают историки-ревизионисты для объяснения происхождения Английской революции середины XVII в.⁴⁹²

В изучении епископата церкви Англии большинство работ посвящалось рассмотрению деятельности епископов в контексте общего хода религиозно-политической истории⁴⁹³.

В то же время существовала потребность продолжить изучение экономической стороны жизни епископата, начатое К. Хиллом. Экономическое положение епископата в правление Елизаветы подробно проанализировано в работе Ф. Хил «О прелатах и правителях: исследование экономического и социального положения епископата при Тюдорах» (1980). Она придерживается мнения, что во второй половине XVI в. инфляция и давление светских лиц на церковное имущество не давали возможности даже самым административно одаренным и способным епископам существенно повысить доходы церкви⁴⁹⁴.

Ф. Хил считает, что акт 1559 г., согласно которому корона имела право в то время, когда епархия была вакантной, обменять принадлежавшие короне ректорства и десятины на имущество епархии, всё же не был направлен только на то, чтобы иметь возможность отобрать у церкви нужное имущество: у церкви можно было забрать имущество только на такую сумму приносимого дохода, которая компенсировалась передачей епископу прав на ректорства и десятины на территории его епархии. В 1559 г. корона обменяла земли в пяти епархиях, оцененные в 2899 фунтов годового дохода (73 манора), а планировались обмены на 4180 фунтов (105 маноров) с передачей епископам ректорств и десятин. Обмены коснулись епархий Кентербери, Эли, Лондон, Герефорд, Чичестер, Дарем, Винчестер, Бат и Уэллз, Ковентри и Личфилд, Норидж, Вустер. Особенно пострадали Винчестер и Дарем, причём не было соблюдено условие акта 1559 г. о компенсации земель правами на ректорства и десятины, в результате чего вместо земли епархиям стали выплачивать фиксированную денежную сумму. В манорах, которые уходили короне, были также леса и парки, за которые епархии не получали адекватной компенсации. Ф. Хил считает, что после 1560 г. королевская власть уже перестала злоупотреб-

⁴⁹² Ibid. — P. 368—369.

⁴⁹³ Brook V.J.K. A Life of Archbishop Parker. — London, 1962; *Idem*. Whitgift and the English Church. — London, 1957; Babbage S.B. Puritanism and Richard Bancroft. — London, 1962; Booty J.E. John Jewel as Apologist of the Church of England. — London, 1963; Collinson P. Archbishop Grindal, 1519—1583. The Struggle for a Reformed Church. — London, 1979; Southgate W.M. John Jewel and the Problem of Doctrinal Authority. — Cambridge (Mass.), 1962.

⁴⁹⁴ Heal F. Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate. — Cambridge, 1980. — P. 201.

лять актом 1559 г. В дальнейшем основным средством эксплуатации епископальных земель стал не обмен имуществом с епархиями, а выгодные аренды епархиальных земель, предоставленные через Елизавету наиболее важным придворным. В 1559—1603 гг. были заключены 60 таких аренд, и это, полагает Ф. Хил, не полный перечень, поскольку не все источники по истории церкви сохранились, изучены и введены в оборот. В то же время среди светских лиц в правление Елизаветы было широко распространено мнение, что церкви не стоит предоставлять слишком много влияния, имущественных прав и средств — они не хотели усиления церкви⁴⁹⁵.

Как полагает Ф. Хил, влиятельные светские лица вполне могли удовлетворять свои экономические интересы при епископальной системе управления церковью, и для этого не обязательно было становиться приверженцем пуританизма и пресвитерианства, но, по её мнению, «пуританами люди становились, исходя также из материальных, а не только духовных побуждений». Популярным средством оказания давления на епископов стало создание комиссий для поиска скрытых епископами при диссольюции монастырей земель. Деятельность лиц, которые искали скрытые земли, побудила епископов обратиться к парламенту, который в сессиях 1593 и 1597/98 гг. принимал акты, защищавшие епископов от таких самозванных искателей, но некоторые из них получали разрешение на свою деятельность от королевской власти⁴⁹⁶.

В начале правления Елизаветы в защите земельных владений епископата среди духовных лиц преобладали аргументы, согласно которым на эти средства епископы могли бы поддерживать образование, оказывать гостеприимство, а в конце правления Елизаветы зазвучали доводы, что епископам необходимы средства для поддержания порядка и стабильности в религиозной сфере общественной жизни. Для этого епископов должны были уважать в обществе, чтобы они могли на него влиять, и в начале XVII в. на этой основе, считает Ф. Хил, стало происходить определенное возрождение клерикализма. Как полагает британская исследовательница, с середины XVI в. на богословские взгляды английского епископата примерно в течение трех поколений наибольшее влияние оказывали Женева, Цюрих, Страсбург, но королевская власть не могла допустить установления в Англии строя церковного управления, который был подходящим для городов-государств, но не подходил для монархии. Епископат был нужен королевской власти и для того, чтобы использовать его имущество для собственных нужд. Епископы в Англии пришли к мнению, что повышать образовательный и материальный уровень духовенства в стране за счет ликвидации епископата всё же не следует, и «экономическое самоубийство епископату совершать не стоит»⁴⁹⁷.

⁴⁹⁵ Ibid. — P. 204—207, 228.

⁴⁹⁶ *Kitching C.J.* The Quest for Concealed Lands in the Reign of Elizabeth I // TRHS 5th Series. — 1974. — Vol. XXIV. — P. 63—78; *Heal F.* Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate. — Cambridge, 1980. — P. 214—215, 233.

⁴⁹⁷ *Heal F.* Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate. — Cambridge, 1980. P. 221.

В постреформационный период, как отмечают историки, участились конфликты между епископами и джентри, поскольку епископы имели теперь меньше возможностей удовлетворять местных землевладельцев выгодными арендами, а также обычно жили в епархии и раздражали местное дворянство критикой его нравов, досаждали местным католикам, что тоже не нравилось ни католическому, ни протестантскому джентри, поскольку те и другие считали себя хозяевами графств⁴⁹⁸.

У светских лиц в постоянный аргумент превратились подозрения епископов в корыстолюбии ради своих семей, и эти обвинения, полагают исследователи, не были беспочвенными. В правление Елизаветы из 76 служивших епископов только 18 не вступали в брак, и относительно троих нет определенных данных, а 11 человек вступали во второй брак. Среди жён епископов большинство были скромного социального происхождения, и только единицы из числа епископов получили большое приданое. На одну епископскую семью приходилось в среднем почти четверо детей. Епископы обычно стремились вывести одного-двух своих сыновей в статус джентри. По социальному происхождению епископов времен правления Елизаветы 13 человек были выходцами из семей преимущественно мелкого джентри, 13 человек — из семей состоятельных горожан, а остальные были ещё более низкого социального происхождения. Дж. Берлатски установил, что в своих завещаниях епископы направили только 6255 фунтов на развитие образовательных учреждений, бедным и на благотворительность, в то время как родственникам они оставили примерно 22000 фунтов⁴⁹⁹.

Финансовые обязанности по отношению к короне были для епископов источником заметных экономических трудностей — в правление Елизаветы только 5 лет прошли для епископов без дополнительных к налогообложению субсидий. С разрешения короны епископы при Елизавете могли держать земли *in commendam* (по совместительству) — так обеспечивались беднейшие валлийские епархии и епархии Рочестер, Честер, Карлайл, предоставлялась материальная поддержка за какие-то расходы или облегчалась выплата «первых плодов» короне⁵⁰⁰.

Ф. Хил считает, что в имущество епископа при оценке его состоятельности надо включать принадлежавший епископам скот, зерно. Во второй половине XVI в. в Англии активизировалась добыча полезных ископаемых, в которой епископы пытались участвовать, а также облагали её десятиной. Активность епископа в экономических делах, как правило, ухудшала его отношения с местными влиятельными светскими лицами⁵⁰¹.

⁴⁹⁸ Manning B.R. Religion and Society in Elizabethan Sussex. — Leicester, 1969. — P. 91—112; Heal F. Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate. — Cambridge, 1980. — P. 239.

⁴⁹⁹ Heal F. Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate. — Cambridge, 1980. — P. 241—245; Berlatsky J.A. Marriage and Family in a Tudor Elite // Journal of Family History. — 1978. — Vol. III. — P. 12—18.

⁵⁰⁰ Heal F. Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate. — Cambridge, 1980. — P. 247—249, 278.

⁵⁰¹ Ibid. — P. 291—297.

Епископы к концу XVI в. всё чаще стали вступать в судебные споры друг с другом по поводу того, достаточно ли средств тратил предшественник в должности на ремонт зданий, которые находились в епархиальной собственности, но записи заседаний Арчского суда и суда Делегатов, где разбирались споры между епископами, потеряны. Каноническое право требовало, чтобы четверть годового дохода епархии шла на поддержание в порядке имевшихся зданий, но, насколько известно, даже самые сознательные епископы не доводили свои расходы до такого объёма⁵⁰².

Материальные трудности епископов в правление Елизаветы привели к тому, что епископы рационализировали структуру епархиальных управлений, избавляясь от лишних должностей и расходов. Светские лица во второй половине XVI в. стали использовать в ведении хозяйства поземельную опись, что переняли также епископы, так что ведение экономической документации в епархиях заметно улучшилось. Такая практика детальной фиксации всей экономической жизни епархии вполне утвердилась только после реставрации Стюартов⁵⁰³.

Ф. Хил пришла к выводу, что в жизни епископата при Елизавете бедность и долги были уделом меньшинства епископов, а остальные жили вполне комфортно и завещали своим наследникам вполне достойное место в обществе. Сохранилось 51 завещание от 76 епископов, возведенных в сан при Елизавете. Ф. Хил составила сводные данные об имущественном состоянии епископов по завещаниям. 3000 фунтов и более оставили 9 епископов, сумму в пределах 3000—1000 — 15 епископов, 999—500 фунтов — 8 епископов, менее 500 фунтов — 10 епископов, а по 9 епископам есть данные о долгах и нет завещаний. Эти материалы хранятся в Государственном архиве Великобритании в фонде суда лорда-канцлера. Ф. Хил считает нужным отметить, что данные завещаний дают представление о состоянии епископов при смерти или накануне ухода из жизни, но из них нельзя установить, что имели, накапливали, потребляли, передавали по наследству епископы во время исполнения должности, так что наиболее состоятельные епископы могли иметь ещё больше имущества, чем прослеживается по завещаниям и описям. Для решения вопросов об экономической состоятельности епископов нужно искать также сведения о том, каков был образ жизни того или иного епископа⁵⁰⁴.

По размерам дохода епископов, как установила Ф. Хил, к 1603 году 32% епископов получали годовой доход в 3000 фунтов и более (этих епископов Ф. Хил называет богатыми), 41% имели средний достаток (доход от 3000 до 500 фунтов в год), и лишь 5% епископов были бедными с долгами, а материальное положение 22% епископов неизвестно. В начале XVII в. истекли первые из длительных невыгодных договоров аренды, которые епископы вынуждены были предоставить в середине XVI в., и епископы пополнили свои доходы большими по размерам файнами,

⁵⁰² Ibid. — P. 300—302.

⁵⁰³ Ibid. — P. 309—311.

⁵⁰⁴ Ibid. — P. 313—315.

взятыми при заключении новых арендных договоров. Духовные доходы от ректорств и десятин приносили епископам по крайней мере треть доходов. К концу XVI в., как выявила Ф. Хил, епископы уступали крупнейшим представителям знати по размерам средств, выделяемых на оказание гостеприимства, строительство, но всё же по своему материальному положению епископы были вполне сопоставимы с наиболее состоятельными представителями знати и джентри: по данным 1602 года, 14 крупнейших пэров получали от ренты годовой доход в 3660 фунтов и более, а следующая по размерам доходов группа в 24 человека из представителей пэрства и джентри получала годовой доход от 1799 до 900 фунтов⁵⁰⁵.

В начале XVII в., полагает Ф. Хил, проблемы в общественной деятельности епископата были связаны также с тем, что в Англии, как и в других западноевропейских странах, инициатива в общественной жизни стала во многом переходить к светским лицам, которые уже в такой степени, как ранее, не подчинялись дисциплинирующему воздействию церкви⁵⁰⁶.

Значительную работу на региональном материале «Епископы Бата и Уэллза, 1540—1640. Социальные и экономические проблемы» (1967) опубликовала Ф. Хембри, поднявшая документацию из епархиального архива⁵⁰⁷. Она исследовала имущество и доходы епархии: земли, месторождения свинца, рынки и ярмарки⁵⁰⁸.

Ф. Хембри рассмотрела деятельность 13 епископов в 1540—1640 гг. и установила, что в это время епархия Бат и Уэллз теряла свою доходность. По данным “*Valor Ecclesiasticus*” 1535 г. годовые доходы епархии оценивались в 1899 фунтов, а затем в 1539 г. была выявлена, как считает Ф. Хембри, более реалистичная оценка годовых доходов епархии в 2202 фунта. Ко времени вступления на престол Елизаветы в 1558 г. епархия Бат и Уэллз приносила доход всего в 533 фунта, а крупнейшими по доходам были епархии Кентербери — 3903 фунта, Йорк — 2609 фунтов, Винчестер — 2400 фунтов, Лондон — 1219 фунтов, самой же бедной была валлийская епархия Сент-Асаф с годовым доходом в 187 фунтов. Ф. Хембри отмечает, что епископы в епархии Бат и Уэллз пытались поднять доходность своих земель путём более эффективного управления землевладельческими поместьями, но в целом эти усилия даже не компенсировали обесценение денег от инфляции. Епархия Бат и Уэллз пострадала от грабежа её земельной собственности в результате Реформации едва ли не больше всех других, лишившись только в графстве Сомерсетшир в 1535—1560 гг. 16 маноров, и назначение сюда стало менее привлекательным для карьериста⁵⁰⁹.

В образе жизни епископы подражали социальным верхам — держали много слуг, экипажи для выезда, приобретали роскошную мебель, ковры и утварь для дома, предполагалось, что у ворот резиденции епископа

⁵⁰⁵ Ibid. — P. 316—320.

⁵⁰⁶ Ibid. — P. 326—327.

⁵⁰⁷ *Hembry P.M.* The Bishops of Bath and Wells, 1540—1640. Social and Economic Problems. — London, 1967.

⁵⁰⁸ Ibid. — P. 1.

⁵⁰⁹ Ibid. — P. 254.

должна раздаваться милостыня бедным. Женатые епископы были многодетными, поэтому им нужно было искать должности и приобретать имения сыновьям, приданое дочерям. Имущество епископа официально принадлежало его должности, поэтому, как пишет британская исследовательница, «вполне благоразумным для епископа было стремление сколотить личное состояние». Борьба за имения вела к конфликтам с джентри, предоставление пребенд в кафедральных соборах сыновьям возбуждало ревность духовенства. При Елизавете из-за давления на имущество епископа были потеряны в пользу короны более половины земель епархии. Епископы не имели поддержки со стороны королевы как верховной управительницы церкви и, как отмечает Ф. Хембри, по этой причине ожесточились, не хотели идти на сотрудничество⁵¹⁰.

Ф. Хембри рассмотрела, как епископы усиливали финансовое давление на арендаторов, повышали фэйны, облагали сборами в свою пользу рынки и ярмарки, увеличивали добычу и производство свинца, как могли, повышали доходность со своего имущества и имущественных прав, что наносило ущерб популярности и репутации епископов. В связи с этим, по её мнению, было неудивительным, что и в исследованной ею епархии, и в целом в Англии имения епископов, короны, роялистов в ходе гражданской войны были конфискованы и выставлены на продажу⁵¹¹.

Современные британские историки продолжают уделять внимание анализу идей Ричарда Хукера (1554—1600) — богослова и политического теоретика, который в своём главном труде «Законы церковного устройства» представил обоснование сложившегося в Англии в результате Реформации строя церковно-государственных отношений. Это важная проблема в изучении истории становления англиканства. Существует мнение, что этот труд Хукера стал и по сей день остается идейным фундаментом англиканства⁵¹². При этом современные историки продолжают обсуждать идейные источники, повлиявшие на становление взглядов Р. Хукера, аргументы Хукера при построении его подхода к пониманию богословской доктрины церкви Англии и значение этих аргументов в полемике между пуританами и конформистами в церкви Англии.

Первая часть труда Хукера «Законы церковного устройства» была опубликована весной 1593 г. (предисловие, книги I—IV), книга V была опубликована в декабре 1597 г. и посвящена архиепископу Кентерберийскому Джону Уитгифту. Книги VI и VIII (Хукер умер в 1600 г.) были опубликованы только в 1648 г., а книга VII — в 1662 г.⁵¹³

В труде Хукера, как обращают внимание исследователи, содержались политические идеи, которые в предреволюционные десятилетия XVII в.

⁵¹⁰ Ibid. — P. 3.

⁵¹¹ Ibid. — P. 255—258.

⁵¹² Sisson S.J. *The Judicious Marriage of Mister Hooker and the Birth of the Laws of Ecclesiastical Polity*. — Cambridge, 1940; Shirlby F.J. *Richard Hooker and Contemporary Religious Ideas*. — London, 1949; Marshall J.S. *Hooker and Anglican Tradition*. — London, 1963.

⁵¹³ Perrot M.E. C. *Richard Hooker and the Problem of Authority in the Elizabethan Church* // JEH. — 1998. — Vol. 49. — № 1. — P. 29.

были неприемлемыми для королевской власти, но при этом содержание его главного сочинения давало важные аргументы в борьбе с пуританизмом. Дж. Гаскойн отмечает, что в книге VIII «Законов церковного устройства», которая была опубликована только в 1648 г., Хукер писал, что церковное законодательство в Англии и вообще в христианском сообществе должно приниматься с согласия светских лиц (то есть в английском варианте проходить через парламент), духовенства (то есть через конвокацию) с учётом верховной воли монарха, но такой взгляд на понимание королевской супрематии в церкви явно расходился порядками при Елизавете и первых Стюартах, поскольку церковное законодательство осуществлялось через епископов, конвокацию по воле монарха, но без участия парламента. Хукер же пришел к мнению, что власть монарха должна быть ограничена властью закона⁵¹⁴.

В правление Стюартов в обосновании политического и церковного устройства на первый план стали выдвигаться теории о божественном праве на власть у королей и епископов, и поэтому теория Хукера оставалась в предреволюционные десятилетия XVII в. не востребованной. Хукер считал, что епископы имеют божественную санкцию в исполнении своих полномочий, но не доходил до утверждения, что апостольская преемственность епископов является необходимой чертой истинной церкви⁵¹⁵. При этом Хукер полагал, что епископы должны признать, что церковь имеет полномочия на то, чтобы с общего согласия, если на то будут весомые причины, упразднить епископат в церкви, но это могло быть сделано в соответствии с упорядоченными процедурами согласованным решением всего политического сообщества⁵¹⁶, но в предреволюционное время выдвигались претензии на сохранение власти епископов в церкви Англии навсегда, исходившие от лодианской группировки⁵¹⁷. Это создавало напряжённость, поскольку епископы могли начать претендовать на самостоятельную роль в государстве, а не рассматривать себя как держателей должности по милости короны, что могло подорвать единство церкви и государства⁵¹⁸.

Исследователи высказывали мнение, что Хукер по своим взглядам находился в рамках существовавшей при Елизавете конформистской традиции, и в то же время его труд в некоторых отношениях определённо был новаторским. В оценке взглядов Хукера высказывался довольно широкий круг мнений. Р. Фолкнер считал, что у Хукера были новаторские политические идеи, направленные на восстановление влияния церкви

⁵¹⁴ *McGrade A.S.* Richard Hooker and the Lawful Ministry of Bishops and Kings // *Studies in Church History*. — London, 1989. — Vol. 26. — P. 177—184.

⁵¹⁵ *Archer S.* Hooker on Apostolic Succession: The Two Voices // *Sixteenth Century Journal*. — 1993. — № 24. — P. 87—94.

⁵¹⁶ *Allen W.A.* A History of Political Thought in the Sixteenth Century. — London, 1961. — P. 182; *Sommerville M.R.* Richard Hooker and his Contemporaries on Episcopacy: An Elizabethan Consensus // *JEH*. — 1984. — Vol. 35. — P. 181.

⁵¹⁷ *Anglicanism* / Ed. by P.E. More, F.L. Cross. — London, 1963. — P. 46.

⁵¹⁸ *Gascoigne J.* Church and State Unified: Hooker's Rationale for the English Post-Reformation Order // *The Journal of Religious History*. — 1997. — Vol. 21. — № 1. — P. 32.

и ограничение королевской супрематии⁵¹⁹. П. Лейк видел новаторство Хукера в том, что он подчёркивал значение церковной службы, способствовал развитию англиканства, делая акцент на значении молитвы, таинств, в противоположность характерному для кальвинистов акценту на проповедь в церковных службах⁵²⁰. Э. Милтон утверждал, что Хукер был первым богословом времени правления королевы Елизаветы, который определял церковь на основе внешних признаков той веры, которую она исповедовала, а не на основе анализа чистоты доктрины данной церкви, и это давало Хукеру возможность более позитивно решать вопрос о том, может ли римско-католическая церковь быть отнесена к видимой церкви⁵²¹. Л. Джиббс и У. Хогард утверждают, что признание Хукером возможности использования человеческого разума было новаторским в среде конформистов и внесло новизну в споры с пуританами⁵²².

Среди исследователей также нет согласия в понимании вопроса о том, каким образом работа Хукера связана с существовавшей конформистской традицией. Ряд исследователей придерживался мнения, что и аргументы, использованные Хукером, и цели, которые он ставил перед собой в своих полемических произведениях, были теми же, что и у его современников-конформистов, а в происхождении своих взглядов Хукер заметно обязан Джону Уитгифту. Они преуменьшают оригинальность взглядов Хукера, обращают внимание на его связь с англиканской конформистской традицией и утверждают, что оригинальность Хукера состояла в мастерской репрезентации уже известных аргументов, а не в какой-то интеллектуальной новации⁵²³. Высказывалось также мнение, что Хукер сам не создавал англиканского понятия «среднего пути» (*via media*), а поддерживал и развивал уже существовавшую англиканскую традицию «среднего пути», как он был заложен Томасом Кранмером и Николасом Ридли, поддерживался далее Джоном Джуэлом и Джоном Уитгифтом⁵²⁴.

⁵¹⁹ *Faulkner R.* Richard Hooker and the Politics of a Christian England. — Berkley, 1981. — P. 126.

⁵²⁰ *Lake P.* Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker. — London, 1988. — P. 145.

⁵²¹ *Milton A.* The Church of England, Rome and the True Church: the Demise of a Jacobean Consensus // The Early Stuart Church, 1603—1642 / Ed. by K. Fincham. — London, 1993. — P. 187—210; *Idem.* Catholic and Reformed: the Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought, 1600—1640. — Cambridge, 1995. P. 128—171.

⁵²² Introduction. The Works of Richard Hooker / Ed. by W. Speed Hill. — Binghampton (NY), 1993. — Vol. VI. — P. 124, 164.

⁵²³ *Cargill Thompson W.D.J.* The Philosopher of the «Politic Society»: Richard Hooker as a Political Thinker // Studies in Richard Hooker: Essays Preliminary to an Edition of his Works / Ed. by W. Speed Hill. — Cleveland-London, 1972. — P. 3—76; *Almasy R.* The Purpose of Richard Hooker's Polemic // Journal of the History of Ideas. — 1978. — Vol. XXXIX. — P. 251—270; *Idem.* Richard Hooker's Address to the Presbyterians // Anglican Theological Review. — 1979. — Vol. LXI. — P. 462—474; *Sommerville M.* Richard Hooker and his Contemporaries on Episcopacy: An Elizabethan Consensus // JEH. — 1984. — Vol. XXXV. — P. 177—187.

⁵²⁴ *Booty J.* Hooker and Anglicanism // Studies in Richard Hooker: Essays Preliminary to an Edition of his Works / Ed. by W. Speed Hill. — Cleveland-London, 1972. — P. 207—239; *Porter H.C.* Hooker, the Tudor Constitution and the Via Media // Studies in Richard Hooker: Essays Preliminary to an Edition of his Works / Ed. by W. Speed Hill. — Cleveland-London, 1972. — P. 77—116.

Полемизируя с такой оценкой, М. Перрот утверждает, что такой подход не даёт возможности понять, почему конформисты-современники Хукера сами не выстроили, подобно ему, такую же убедительную подборку аргументов в защиту церкви Англии, и развивает мнение, что Хукер высказал новые идеи, подкрепившие существовавшую конформистскую традицию.⁵²⁵ Оригинальность взглядов Хукера склонен подчеркивать также П. Лейк. Он считает, что Хукер предложил свои «Законы» как средство полемики с пресвитерианством, но, вместе с тем, преследовал и неявную цель — утвердить особую англиканскую форму набожности в церкви Англии вместо господствовавшего кальвинистского подхода и хотел разорвать те связи, которые крепко привязывали церковь Англии к зарубежным реформатским церквам. Хукер продолжил поиск аргументов в отстаивании англиканского «среднего пути» между контрреформационным католицизмом и женевским пресвитерианством. Из аргументов Хукера можно было развернуть полномасштабное наступление на кальвинистскую форму набожности в церкви. Рассматривая Хукера как новатора, П. Лейк отмечал, что богословы и мыслители, пропитанные университетской культурой, часто формулируют и преподносят свои новые взгляды, излагая их с опорой на мнение авторитетов как голос коллективного разума. Поскольку целью Хукера было завоевание широкого круга сторонников, он и подкрепил свои идеи цитатами из такого широкого круга авторов — «это было политически грамотное упражнение в христианской риторике для защиты, в сущности, новых идей». Хукера, видимо, можно отнести к антирамистскому, аристотелианскому платонизму или платонистскому аристотелианству. Хукер также испытал влияние патристики, а также традиции английского общего права⁵²⁶.

М. Перрот считает, что значение труда Хукера превосходит значение полемического антипресвитерианского трактата: за полемикой с пресвитерианами по вопросу о неконформизме лежала основная мысль Хукера об использовании законов человеческого разума (естественного права) как ещё более убедительного аргумента против пресвитерианских нападок на ту форму церковного устройства, которая утвердилась в правление Елизаветы. Хукер критиковал пресвитерианство не только потому, что не считал пресвитерианский строй церковного управления подкрепленным авторитетом Св. Писания, но также за буквальное следование требованиям Св. Писания, поскольку следование такой умственной установке, как считал Хукер, питало неконформизм во всех его разновидностях. До появления труда Хукера обычный ответ конформистов на критику со стороны пуритан устройства церкви Англии состоял в том, что, поскольку установленная форма церковного управления не является по сущности своей незаконной и провоцирующей суеверия, частные лица

⁵²⁵ *Perrot M.E.C. Richard Hooker and the Problem of Authority in the Elizabethan Church // JEH. — 1998. — Vol. 49. — № 1. — P. 30.*

⁵²⁶ *Faulkner R.K. Richard Hooker and the Politics of a Christian England. — University of California Press, 1981; Lake P. Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker. — London, 1988. — P. 159—160, 225, 239.*

могут подчиняться этой системе церковного управления без всяких сомнений. Конформисты отмечали также, что Св. Писание не регулирует вопросы церковного устройства с абсолютной детальностью, и светская власть может выбирать подходящие для условий данной страны форму церковного устройства и богослужения. В последней четверти XVI в., как отмечает М. Перрот, церковь Англии находилась в состоянии, когда ей недоставало признанного авторитета, который внес бы ясность в те вопросы церковной жизни и церковного устройства, которые определённо не регулировались Св. Писанием, и поэтому в церкви возникли долгие споры, затронувшие внимание многих духовных лиц. Она полагает, что ситуация в церкви Англии не была такой уж необычной по европейским меркам того времени, но всё же придерживается мнения, что внутренние споры в церкви Англии были острее, поскольку в церкви Англии осталось много церемоний и управленческих структур, которые считались европейскими протестантами несовместимыми с существованием реформированной церкви⁵²⁷.

По оценке Ф. Хил и Р. О'Дей, Хукер в полемике с пресвитерианством отстаивал идею о том, что церковь Англии обладала истинной доктриной и институциональной структурой, соответствовавшей принципам естественного права и лучшим образцам эпохи первоначального христианства⁵²⁸.

М. Перрот трактует цель публикации главного труда Хукера как стремление убедить пуритан принять устройство церкви Англии на основе доводов разума. Хукер допускал, что пуритане испытывают сомнения относительно оправданности церковного устройства, которые вполне искренни, а не вызваны лишь их злой волей и умыслом, и обосновывал подчинение законам церковного устройства не тем, что за этими законами стоит авторитет властей, а тем, что законы, основанные на авторитете разума, могут быть здоровыми, и это было новым в английском конформизме. Такой подход отличался также от проповедовавшегося пуританами преклонения перед Св. Писанием. Ранее конформисты в церкви Англии обосновывали необходимость подчиняться законам церковного устройства на основе других аргументов — Уитгифт предпочитал делать упор на том, что церковное устройство в Англии подкрепляется авторитетом существующей власти, Джон Джуэл подкреплял его авторитетом традиции.

Обсуждая вопрос о философских истоках идей Хукера, Дж. Гаскойн утверждает, что по своему происхождению философия Хукера — это телеологическая натуральная философия Аристотеля⁵²⁹. У. Каргилл Томпсон считал, что Хукер использовал томистское понятие естественного закона,

⁵²⁷ Perrot M.E.C. Richard Hooker and the Problem of Authority in the Elizabethan Church // JEH. — 1998. — Vol. 49. — № 1. — P. 32.

⁵²⁸ Church and Society in England: Henry VIII to James I / Ed. by F. Heal and R. O'Day. — London, 1977. — P. 1.

⁵²⁹ Gascoigne J. Church and State Unified: Hooker's Rationale for the English Post-Reformation Order // The Journal of Religious History. — 1997. — Vol. 21. — № 1. — P. 30.

чтобы обеспечить более широкое философское обоснование возможности существования в церкви форм управления, не санкционированных прямо Св. Писанием⁵³⁰. Таким образом, у Хукера глубже аргументировалась идея, которую развивал Уитгифт, о существовании в церковном устройстве порядков, которые можно было отнести к сфере *adiaphora* — второстепенных по характеру черт церковного устройства, которые регулировались по человеческому усмотрению в зависимости от конкретных условий. М. Перрот признает аргументацию Хукера более утончённой по сравнению с аргументацией Уитгифта, но Хукер всё же, по её мнению, связан с конформистской традицией, восходящей к выступлению епископа Лондонского Николаса Ридли в полемике с радикальным реформатором Джоном Хупером о возможности для протестантского священника ношения стихаря в 1550 г., когда Хупера убедили в уместности сохранения традиционного облачения епископов в протестантской церкви Англии, на что обращал внимание также Х. К. Портер⁵³¹.

Уитгифт опасался развивать тезис о роли разума в регулировании церковного устройства — это могло привести к формированию в Англии такой системы церковно-политического устройства, когда возникла бы мысль о том, что действия властей подлежат самостоятельной независимой рациональной оценке⁵³².

Исследователи отмечают, что Хукер видоизменил томистское понимание функций разума утверждением, что человеческие законы имеют силу и значение для церкви, и авторитет разума имеет регулирующее влияние на церковные дела. Фома Аквинский, в отличие от такого подхода, утверждал, что церковное законодательство находится всё-таки в сфере божественного права. Опираясь на общечеловеческий разум и его авторитет, Хукер отмечал, что, учитывая значение общего человеческого разума, такие группы, как пуритане, представляющие меньшинство, не могут отказываться от признания установленных церковных законов под предлогом того, что они на основе своих частных выводов пришли к какому-то другому мнению⁵³³.

Хукер считал, что божественные законы можно обнаружить, изучая природу⁵³⁴. Иначе этот вопрос трактовали пуритане: благодать и природа,

⁵³⁰ *Cargill Thompson W.D.J.* The Philosopher of the «*Politic Society*»: Richard Hooker as a Political Thinker // *Studies in Richard Hooker: Essays Preliminary to an Edition of his Works* / Ed. by W. Speed Hill. — Cleveland-London, 1972. — P. 17—24.

⁵³¹ *Porter H.C.* Hooker, the Tudor Constitution and the *Via Media* // *Studies in Richard Hooker: Essays Preliminary to an Edition of his Works* / Ed. by W. Speed Hill. — Cleveland-London, 1972. — P. 92—93.

⁵³² *Perrot M.E.C.* Richard Hooker and the Problem of Authority in the Elizabethan Church // *JEH*. — 1998. — Vol. 49. — № 1. — P. 45.

⁵³³ *Croxford L.* The Originality of Hooker's Work // *Proceedings of the Leeds Philosophical and Literary Society: Literary and Historical Section*. — 1973. — Vol. XV. — P. 28; *D'Entreves A.P.* The Medieval Contribution to Political Thought: Thomas Aquinas, Marsilius of Padua, Richard Hooker. — Oxford, 1939. — P. 88—142; *Forte P.E.* Richard Hooker's Theory of Law // *Journal of Medieval and Renaissance Studies*. — 1982. — Vol. XII. — P. 133—157.

⁵³⁴ *Marshall J.S.* Hooker's Doctrine of God // *Anglican Theological Review*. — 1947. — Vol. 29. — P. 82.

по их мнению, были вещами совершенно разными, и знание, полученное из Писания, было совершенно отлично от знания, полученного при изучении природы. У пуритан и церковь на этой основе отделялась от государства, поскольку государство — институт, созданный испорченной природой человека. Хукер же в своём труде преодолевал этот дуализм благодати и природы, государства и церкви. Подобным образом мыслил также Фома Аквинский⁵³⁵, который считал, что благодать не уничтожает природу, а ведет её к совершенству, поэтому церковь может взаимодействовать с государством, а государство тоже имеет божественную санкцию на существование. Рассмотрение политического порядка в обществе как существующего помимо церкви, по мнению Хукера, могло вести только к дехристианизации политического устройства общества⁵³⁶.

Хукер утверждал, что подчёркивание пуританами значения Св. Писания как единственного источника, из которого христиане могут черпать уверенность в формировании церковного устройства, лишает смысла само понятие второстепенного в церковной жизни (*adiaphora*) — в этом случае всё важно, не остается ничего второстепенного, чем даже подрывается принцип свободы христианина. Хукер, в отличие от пуританского подхода, полагал, что есть области жизни, относительно которых Св. Писание вообще молчит, но это не означает, что действия христианина здесь скованы и парализованы. Христиане просто должны пользоваться разумом в общественной и частной жизни, и вполне способны делать это с успехом, например, в судопроизводстве. С помощью разума люди также поняли, что Св. Писание — это божественное Откровение. Но использование разума в понимании божественных дел, считал Хукер, зависит от помощи Св. Духа и Божьего благословения. Хукер отмечал, что многие законы церковного устройства фактически и установлены с учётом опоры на разум, и это не ставит под сомнение их обоснованность. Пуритане же, по мнению Хукера, охвачены ложной уверенностью, что основывают свои действия на Св. Писании, в действительности произвольно толкуя его в интересах своей группировки⁵³⁷. Как отмечал К. Томас, конформисты в церкви Англии в XVI—XVII вв. считали, что сила личного убеждения без опоры на авторитетные свидетельства не является основанием для внесения раскола в церковную жизнь⁵³⁸.

Исследователи также высказывали мнение о существовании противоречия во взглядах Хукера между защитой им, с одной стороны, рациональности закона, а, с другой стороны, авторитета властей, поддерживающих этот закон. Х.Ф. Кирни утверждал, что Хукер пришел к позиции,

⁵³⁵ *Booty J.E.* Richard Hooker // *The Spirit of Anglicanism* / Ed. by W. Wolf, J. Booty, O. Thomas. — Wilton (Conn.), 1996. P. 20—24.

⁵³⁶ *Torrance Kirby W.J.* Richard Hooker's Doctrine of the Royal Supremacy. — Leiden, 1990. — P. 106, 112.

⁵³⁷ *Perrot M.E.C.* Richard Hooker and the Problem of Authority in the Elizabethan Church // *JEH*. — 1998. — Vol. 49. — № 1. — P. 48—52.

⁵³⁸ *Thomas K.* Cases of Conscience in Seventeenth-Century England // *Public Duty and Private Conscience in Seventeenth-Century England: Essays Presented to G.E. Aylmer* / Ed. J. Morrill, P. Slack and D. Woolf. — Oxford, 1993. — P. 29—56.

которую отстаивал Марсилиус Падуанский, обосновывавший необходимость конформизма только лишь тем, что законы церковного устройства основаны на авторитете государства, а не на рациональности этих законов⁵³⁹. П. Мунц полагал, что Хукер просто приспособлялся к английским реалиям церковно-политического устройства, основывавшегося на королевской супрематии в церкви⁵⁴⁰. Но А.С. Грейд и У. Каргилл Томпсон не видят здесь противоречия⁵⁴¹.

М. Перрот находит у Хукера мысль о том, что, если не удастся убедить пуритан сознательно подчиниться установленному церковному устройству, есть средства, чтобы убедить их силой закона, и, «возможно, забота о сознательном и разумном разрешении пуританами своих сомнений, на что надеялся Хукер, была лишь литературной уловкой с его стороны». Касаясь споров с пресвитерианами, Хукер отмечал, что у них нет авторитетных аргументов в пользу своей точки зрения, то есть таких, которые, по его словам, если представить их любому человеку, любой поймет их, не размышляя, поэтому приводимые пресвитерианами аргументы совершенно не являются однозначно основанными на Св. Писании, и во имя таких пристрастных толкований Св. Писания, как пишет Хукер, они предлагают меры, ведущие к беспорядкам в церкви. Хукер считал, что при отсутствии весомых аргументов в том, что законы церковного устройства в Англии не заслуживают повиновения, пуритане как сознательные члены политического сообщества должны отказаться от необоснованных личных симпатий и предпочтений и сознательно подчиниться существующему вполне разумному церковно-политическому устройству⁵⁴².

В политической жизни общества, по мнению Хукера, вопрос о лучшем политическом строе могли обсуждать только люди, облеченные полномочиями и призванные для соответствующей консультации. Хукер не считал разум средством, опираясь на которое, следует отдавать предпочтение индивидуальному разуму над корпоративным мнением церкви: общество больше отдельной личности по своему разуму, так что личность должна подчиняться существующему законодательству, что тоже было аргументом против нонконформизма. Хукер исходил из того, что лица, принадлежавшие к английскому обществу и государству, должны жить по законам церкви Англии: поскольку церковь и государство составляют одни и те же люди, гражданское и церковное законодательство исходит от одних и тех же структур и регулируется одними и теми же

⁵³⁹ *Kearney H.F.* Richard Hooker: A Reconstruction // *Cambridge Journal*. — 1952. — Vol. V. — P. 300—311.

⁵⁴⁰ *Muntz P.* The Place of Hooker in the History of Thought. — London, 1952.

⁵⁴¹ *McGrade A.S.* The Coherence of Hooker's Polity: The Books of Power // *Journal of the History of Ideas*. — 1963. — Vol. XXIV. — P. 163—182; *Cargill Thompson W.D.J.* The Philosopher of the "Politic Society": Richard Hooker as a Political Thinker // *Studies in Richard Hooker: Essays Preliminary to an Edition of his Works* / Ed. by W. Speed Hill. — Cleveland-London, 1972. — P. 3—76.

⁵⁴² *Perrot M.E.C.* Richard Hooker and the Problem of Authority in the Elizabethan Church // *JEH*. — 1998. — Vol. 49. — № 1. — P. 58.

людьми. Для Хукера средоточием всей правительственной власти в королевстве Англия является монарх, действующий вместе с парламентом и конвокацией. Относительно церковного законодательства Хукер придерживался мнения, что оно в христианском сообществе должно приниматься с согласия светских лиц, духовенства и в первую очередь с согласия высшей власти в государстве⁵⁴³.

При этом Хукер не считал, что управление страной совместно с парламентом умаляет права английского монарха. Г. Берджесс отмечает, что в правление первых Стюартов политические писатели этого времени проводили различие между идеей сопротивления королевской власти и идеей ее ограничения: английская политическая мысль раннестюартовского времени, будучи монархической по своей природе, исходила из того, что согласие с идеей об ограниченности королевской власти парламентом не означало, что королевской власти нужно непременно сопротивляться, а подчинение подданных монарху, в свою очередь, не означало, что монарх полностью независим от того, как к нему относятся подданные⁵⁴⁴.

Конформизм в церкви Англии, получивший дополнительное теоретическое обоснование в труде Р. Хукера на рубеже XVI—XVII вв., привлекал гораздо меньше внимания историков по сравнению с изучением деятельности производивших больше шума в общественной жизни пуритан, так что, по мнению П. Лейка, в британской историографии по сей день существует пробел в изучении конформизма в англиканской церкви, которому он посвятил монографию «Англикане и пуритане? Пресвитерианство и английская конформистская мысль от Уитгифта до Хукера» (1988)⁵⁴⁵.

Термин «конформист» П. Лейк предлагает использовать применительно не просто к тем, кто придерживался церемоний и обрядов церкви Англии, а только к тем духовным лицам, которые вели полемику с целью защитить существовавшее церковное устройство и приверженность к соблюдению церемоний, при этом стремясь заклеймить как пуритан тех, кто оспаривал эти конформистские взгляды. Среди конформистов в церкви Англии в конце XVI—начале XVII вв., по его мнению, можно также выделить группы «эрастианцев» и «клерикалов». Понятие «эрастианский», по происхождению связанное с идеями швейцарского богослова Томаса Эрастуса (1524—1583), П. Лейк определяет «как выражающий взгляды, согласно которым церковь Англии рассматривалась не только как управляемая монархом, но и находящаяся под преобладающим влиянием светских лиц». В противоположность понятию «эрастианский» понятием «клерикалистский» П. Лейк обозначает тех духовных лиц в церкви Англии, которые стремились оправдать и утвердить права и независимость церкви и духовенства в противостоянии настойчивому стремлению светских лиц подчинить церковь светскому влиянию. Все

⁵⁴³ Ibid. — P. 55—56.

⁵⁴⁴ Burgess G. *Absolute Monarchy and the Stuart Constitution*. — New Haven (Conn.) — London, 1996. — P. 43—46.

⁵⁴⁵ Lake P. *Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker*. — London, 1988. — P. 6.

эти понятия, как отмечает П. Лейк, могут рассматриваться лишь как идеальные типы с пониманием того, что взгляды отдельных личностей могут не всегда в точности соответствовать этим понятиям⁵⁴⁶.

Как считает П. Лейк, «архетипическим конформистом» времени правления Елизаветы был архиепископ Кентерберийский Джон Уитгифт. Особняком среди конформистов стоял Адриан Саравиа, приехавший в Англию из Нидерландов и критиковавший пресвитерианство за чрезмерный популизм и антиклерикализм, которые были характерны, скорее, для голландского варианта пресвитерианства, защищая также усиление роли духовенства, епископов и возвышение статуса монарха как избранника Божьего, что проповедовали и другие конформисты. По мнению П. Лейка, особое место среди конформистов занимает Ричард Хукер, не искавший административных постов в церкви, но создавший «самую глубокую, концептуально новаторскую и полемически смелую систему взглядов в церкви Англии на рубеже XVI—XVII вв.»⁵⁴⁷

Как отмечают исследователи, первым заметным свидетельством формирования конформистской позиции в церкви Англии была успешная полемика Уитгифта с пресвитерианином Томасом Картрайтом в начале 1570-х гг., в ходе которой были сформулированы взгляды, важные для дальнейшего развития конформизма. В 1587 г. Джон Бриджес развил идеи, высказывавшиеся Уитгифтом во время этой полемики, в позицию, которая защищала епископат как божественное установление, так что в том, что в конце 1580-х гг. в церкви Англии стала распространяться эта точка зрения, даже не было какого-то значительного нового теоретического прорыва: просто в конце 1580-х гг. политическая ситуация стала более благоприятной для выдвижения таких политических притязаний со стороны епископата, а ранее епископы опасались вести себя слишком претенциозно. Сторонники учения о божественном происхождении епископата впоследствии также защищали божественное право на власть и полномочия монарха⁵⁴⁸.

Как считает П. Лейк, в 1590-е гг. полемисты-конформисты вели борьбу за привлечение на свою сторону умеренных пуритан. Признавая недостатки в церкви, конформисты отмечали, что постоянно повышался уровень образованности духовенства, церковь Англии отвергла папство, находилась под властью христианского монарха и благочестивых епископов и вела постоянную борьбу против греха, то есть была вполне здоровой структурой для этого падшего мира. Конформисты хотели маргинализировать пресвитериан как неразумную, экстремистскую, подрывную группировку, непримиримо целящуюся за частности, а также стреми-

⁵⁴⁶ Ibid. — P. 7.

⁵⁴⁷ Ibid. — P. 8—9.

⁵⁴⁸ Lake P. Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker. — London, 1988. — P. 89, 93, 97; Cargill Thompson W.D.J. A Reconsideration of Richard Bancroft's Paul's Cross Sermon of 9 February 1588/9 // JEH. — 1969. — Vol. 20; Sommerville M. Richard Hooker and his Contemporaries on Episcopacy: An Elizabethan Consensus // JEH. — 1984. — Vol. 35.

лись представить пресвитериан как своекорыстную клерикалистскую заинтересованную группу, действующую на основе зависти к более высокому достоинству, власти и материальным возможностям епископов, будучи охваченными гордыней на основе приобретенной учёности. В то же время среди пресвитериан, утверждали конформисты, также было много безрассудных молодых людей, недавно закончивших университеты и желавших сделать себе имя. К деятельности пресвитериан были подключены также корыстные интересы светских лиц, стремившихся лишить церковь того имущества, которое у неё ещё оставалось, для чего эти светские лица искали рьяных идеалистов, чтобы придать захвату церковного имущества видимость угодного Богу предприятия. Конформисты в этой полемике, считает П. Лейк, стремились перетянуть пресвитериан на свою сторону доходчивыми аргументами, а не отвергнуть напрочь от церкви Англии, но при этом также всячески подчеркивали экономическую невыгодность пресвитерианской системы для короны, поскольку содержание более учёных священников потребовало бы больших расходов церковных средств⁵⁴⁹.

Конформисты обвиняли пресвитериан в том, что они преувеличивают значение воли народа в политической жизни общества, что фактически могло отдать власть суверена толпе. Для Англии пресвитериане, по мнению конформистов, фактически предпочитали нестабильную смешанную форму правления вместо суверенной монархии. Пресвитериан обвиняли и в том, что они были сторонниками теории о праве на сопротивление властям. По мнению П. Лейка, в этих обвинениях было и преувеличение, и в то же время также содержалось «более, чем зерно истины», поскольку пресвитериане полагали, что по своему политическому устройству Англию можно рассматривать как смешанную политику, а не простую монархию. П. Лейк считает, что не только в пресвитерианстве, но и в пуританизме в целом была предрасположенность к популистским теориям власти и мнению, что для действий властей важно согласие народа с этими действиями. Конформисты считали, что религиозные вопросы не должны быть основой для выступлений против власти, и отлучение монарха от церкви не поколеблет его положение как светского правителя, к тому же христиане обязаны подчиняться светским властям и по закону, и по совести⁵⁵⁰.

Конформисты считали теории о возможности сопротивления властям действительными лишь для определенного места и времени — такими рассуждениями они оправдывали выступления зарубежных протестантов против правителей-католиков. В Англии же, как считали конформисты, монарха можно было лишь направлять на путь истинный в делах управления с помощью знати, опирающейся на законные средства, и таким путем конформисты считали возможным остановить действия тирана, низложить с престола сумасшедшего⁵⁵¹.

⁵⁴⁹ *Lake P. Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker.* — London, 1988. — P. 105—118.

⁵⁵⁰ *Ibid.* — P. 130—132.

⁵⁵¹ *Ibid.* — P. 135—139.

Для обоснования существования чего-либо Хукер искал сочетания того, что говорят на этот счёт природа, разум и Писание. Как отмечает П. Лейк, подчеркивание Хукером значения человеческого разума в рамках его конформистской системы аргументов приводило к идее о том, что разум, коллективные свидетельства всей церкви тоже могут быть опорой для формирования мнений и действий человека. За авторитетом Писания у Хукера фактически стоял авторитет церкви: он больше не рассматривал Писание как удостоверяющее и истолковывающее само себя, поскольку развивал мнение, что спасающая сила и содержание Писания нуждались ещё в толковании и обработке с опорой на человеческий разум. Протестанты же до Хукера подчеркивали, что во все времена были люди, исповедовавшие истинную христианскую религию на основе Писания, которое удостоверяло само себя. Позиция Хукера давала возможность считать принадлежащими к истинной церкви всех, кто исповедовал базовые христианские постулаты, чем также мог быть дан ответ на вопрос «Где была ваша церковь до Лютера?». Хукер не соглашался с идеей Джона Фокса о том, что истинную церковь могли олицетворять следовавшие друг за другом в истории церкви подпольные еретические группы, и считал, что католическая церковь является частью истинной христианской церкви, так как её нельзя лишить её статуса из-за некоторых доктринальных ошибок. Этот аргумент был направлен против попыток пресвитериан подорвать истинность установленной церкви Англии, пользуясь, в сущности, тем же методом её обвинения в доктринальных ошибках. Хукер первым из конформистов поместил церковь Англии между Римом и пресвитерианским экстремизмом женевого происхождения и стремился преуменьшить связь между церковью Англии и европейскими реформированными церквями⁵⁵².

В понимании Хукера, необходимыми для включения в видимую христианскую церковь были крещение и исповедание христианской веры, так что в христианской стране практически никого не следовало лишать возможности состоять в христианской церкви. Видимая церковь, в толковании Хукера, представляла собой невозможную для разделения смесь истинно верующих и профанов, спасённых и осуждённых на гибель, и утверждал, что такова будет ситуация до конца существования этого мира, поскольку Христос умер за спасение всех людей, а остальное скрыто от человеческого понимания⁵⁵³.

Хукер критиковал пуритан за то, что они сводили средства к спасению к слушанию проповеди, причем только хорошей, качественной проповеди, и подчеркивали значение понимания в вопросах веры. Согласно характерной для конформистской мысли позиции Хукера, Бог спасает человека не в зависимости от глубины знаний, а в зависимости от искренности веры. Главное для истинной религии, в понимании Хукера — богослужение, состоящее из трех элементов: молитвы, соверше-

⁵⁵² Ibid. — P. 153—159, 222—223.

⁵⁵³ Ibid. — P. 160.

ния таинств, литургических и церемониальных компонентов. Церковные церемонии, считал Хукер, играют наставительную роль, поскольку одни лишь слова проповеди в церковной жизни забываются, так что символические действия и ритуальная практика церковной жизни переставали восприниматься как сохранившиеся в церкви Англии папистские предрассудки, становясь важным средством церковного общения и наставления. В первые века истории христианства, как писал Хукер, христиане в исповедании веры изнуряли в молитве свои колени и руки, а сейчас в церкви пуритане в проповедях «изнуряют свои уши и языки». Хукер осуждал также импровизированные молитвы, к которым прибегали пуритане, и обвинительный стиль пуританских проповедей, приводивший, по его мнению, не к утверждению благочестия и добродетели, а к расколу, духовной гордости, тщеславию⁵⁵⁴. Для Хукера не представлял интереса спор между теми, кто понимал Евхаристию как консубстанциацию или трансубстанциацию, поскольку таинства, в его толковании — предмет не дискуссий, а благочестивых размышлений. Такое же отношение к таинствам стала проповедовать арминианская группировка в церкви Англии. Пуритане же, обуславливая действенность и значение таинств сопутствовавшей проповедью священника, как утверждали конформисты, приобретали сходство с донатистами, анабаптистами. Хукер прилагал усилия к тому, чтобы вопросы, связанные с предопределением, перестали находиться в центре дискуссий и практических забот в церкви Англии⁵⁵⁵.

Для понимания взглядов Хукера, как считает П. Лейк, важен также текст, публикуемый обычно вместе с его трудом «Законы церковного устройства» и называемый «Дублинским фрагментом», так как он сохранился в виде копии, сделанной для архиепископа Армы Джеймса Ашера. В этом отрывке, отвечая на вопрос тех, кто вновь и вновь спрашивал, как всемогущий и любящий Бог, который предвидел грехи людей, отказался от предотвращения этих грехов, Хукер прибег в итоге к крайнему из использовавшихся богословами XVI в. аргументов: такова непостижимая воля Бога. П. Лейк полагает, что взгляды Хукера в «Дублинском фрагменте» в целом соответствуют кальвинистским Ламбетским статьям 1595 г., при этом высказывая предположение, что Хукер в своих взглядах не достиг определенной позиции в понимании вопроса о предопределении, поскольку в «Дублинском фрагменте» есть ощущение, что Хукер собирался ещё отметить необходимость ответных действий человека (проявления в нём веры) на то, чтобы соответствовать намерению Бога включить человека в число избранных — такая точка зрения соответствовала арминианской позиции в этом вопросе. Хукер считал, что его взгляды являются основой для среднего пути между крайностями пелагианства и кальвинизма⁵⁵⁶.

В понимании Хукером церковно-политических вопросов, как показал П. Лейк, видны отличия в его взглядах от типичной позиции конформи-

⁵⁵⁴ Ibid. — P. 163—170.

⁵⁵⁵ Ibid. — P. 174, 184—186.

⁵⁵⁶ Ibid. — P. 188—194.

стов. Преобладающий тон конформистских выступлений способствовал формированию королевского абсолютизма. Хукер же настаивал на законодательном суверенитете всего общества, осуществляемом совместными действиями монарха, парламента и церковной конвокации, что, по мнению П. Лейка, даже напоминало политические взгляды пресвитерианина Томаса Картрайта. Эти рассуждения Хукера демонстрируют, что понимание политического строя в Англии как смешанной политики, состоявшей из трех сословий (короля, лордов и общин) встречалось не только у радикальных пресвитериан, но также и у конформистов. П. Лейк полагает, что трактовка политического строя Англии как смешанной монархии у Хукера была способна привлечь протестантский правящий класс в большей степени, чем идея абсолютной монархии, которую отстаивали конформисты. У Хукера это выглядело как предложение сделки протестантскому правящему классу: если он соглашался признать необходимость повышения социальной роли духовенства, духовные лица поддерживали бы политическое значение парламента в управлении Англией и признали за влиятельными светскими лицами сохранение права голоса в жизни церкви. Аргументы в защиту божественного происхождения епископата, как считает П. Лейк, не гармонировали во взглядах Хукера с его стремлением опираться в организации церковной жизни на разум. Хукеру больше подходила эрастианская точка зрения на отношения церкви и государства⁵⁵⁷.

П. Лейк считает, что англиканство в поздне-елизаветинской церкви стало оформляться в значительной степени благодаря тому, что его «изобрел» Хукер. В 1590-е гг. в церкви возникло целое движение в этом направлении, развивавшееся в полемике с кальвинизмом. В середине 1590-х гг. Уильям Бэррет и Питер Баро предприняли полномасштабную атаку на кальвинизм, которая не удалась, но помогла укреплению той атмосферы, в которой формированию англиканства способствовали также Адриан Саравиа и Ланселот Эндрюс, а затем и Хукер⁵⁵⁸.

П. Лейк полагает, что Хукер повлиял на представителей лодианской группировки в церкви Англии даже больше, чем они признавали, поскольку именно Хукер первым стал подчеркивать значение таинств и обрядности в церкви и «дал английскому арминианству фактически все его отличительные черты: сосредоточенность на центральном значении церемоний, таинств в службе и её красочной стороне, яростный антипуританизм, который приравнял к пуританизму кальвинизм, обвиняя тот и другой в подрывных наклонностях, необходимые концептуальные средства для нападок на кальвинистское учение о преопределении, а также гневную клерикальную реакцию на характерное для предыдущих десятилетий господство светских лиц в церкви Англии, признание Рима церковью, а не антихристом, подчёркивание апостольской преемственности епископата, подразумевавшееся в точке зрения о его божественном про-

⁵⁵⁷ Ibid. — P. 209—212, 219, 220.

⁵⁵⁸ Ibid. — P. 227.

исхождении, что стало отдалять церковь Англии от европейских реформированных церквей». Все эти элементы вполне развернулись в церкви в правление Карла I — примерно через 30 лет после своего появления, и «соединились в имевшем свою специфику синтетическом образовании, которое называют поздним английским арминианством». При этом Хукер открыто не порывал с кальвинистской ортодоксией⁵⁵⁹.

П. Лейк обращает внимание на то, что идеи Хукера стали активно востребованными только после реставрации Стюартов, когда церкви Англии потребовалась доктрина, не связанная с именем Лода, по своему происхождению желательная относящаяся ещё ко времени правления Елизаветы, мягко полемизирующая с кальвинизмом и яростно антипуританская, так что именно после 1662 г. Хукер стал приобретать репутацию «архетипического англиканина». По оценке П. Лейка, в значительной части усилиями Айзека Уолтона (Izaak Walton) был создан даже «миф о Хукере», который связал Хукера с епископами Джуэлом и Уитгифтом, «причем скорее ассоциативно, чем путем представления каких-то доказательств». Хукер в результате стал преподноситься не как создатель, а как выдающийся представитель уже существовавшей англиканской традиции, формирование которой было отнесено к первым десятилетиям Реформации. П. Лейк считает, что такая трактовка затемняла оригинальность Хукера, который, по его мнению, был не выразителем существовавшей англиканской традиции, а «как никто другой, её создателем»⁵⁶⁰.

Взгляды Ричарда Хукера рассматривали и оценивали также историки-ревизионисты. По мнению Дж. Скарисбрика, для Хукера церковь Англии была имеющей основания в самой себе (*sui generis*). Хукер отвергал доктринерскую опору на Библию как «библиолатрию» в пользу более широкого подхода к традиции с опорой на разум и историю, наряду с Писанием: «это было безусловно в патриотическом отношении, всеобъемлюще и гуманно». Он отрицал необходимость чрезмерно строгого соблюдения воскресного дня, выступал за сохранение майских шестов. По мнению Дж. Скарисбрика, в какой-то степени отстаиваемый Р. Хукером сравнительно терпимый характер англиканской церкви напоминал предреформационную церковь Англии. Англиканство было (или представлялось) менее клерикальным по характеру, чем пуританизм или католицизм. Англиканство не бросало вызова праву светских лиц на допуск священника в приход и находило общий язык с монархом и светскими властями, с имущими классами в обществе, сохраняя закон и порядок. Англиканству очень пригодилась идея *adiaphora*. В нём также не было мотива избранности, утвердилось мнение, что можно иметь дело с менее рьяными католиками. Подчеркивание в англиканстве свободы человека, отрицание двойного предопределения, умеренность сторонников «высокой церкви» в вопросах о необходимом количестве проповедей, возвращение в службу к подчёркиванию значения таинств, придававших богослужению

⁵⁵⁹Ibid. — P. 245.

⁵⁶⁰Ibid. — P. 228.

большую мистичность, склонность к церемониальности, видимо, были более привлекательны для религиозного инстинкта в народе по сравнению с женевскими образцами богослужения⁵⁶¹.

Дж. Эйвлинг в начале 1980-х гг. обратил внимание на то, что новым предметным полем в исследовании истории Реформации в Англии может быть сравнительное изучение духовенства церкви Англии и английско-го католического духовенства во второй половине XVI—первые десятилетия XVII в.⁵⁶² Дж. Эйвлинг рассмотрел образовательную подготовку, профессиональные методы работы и интеллектуальную деятельность духовных лиц в Англии в XVI—XVII вв. и утверждает, что можно проследить, как лица из числа английского католического и протестантского духовенства сталкивались со сходными проблемами, находили сходные решения, позитивно влияли друг на друга, реализуя сами по себе свои программы деятельности. Дж. Эйвлинга также интересует вопрос, когда стали появляться современные формы духовной жизни в церкви (под которыми он имеет в виду церкви как добровольные, самоорганизующиеся институты, отделенные от государства и не стремящиеся подчинить себе общество, и духовенство как совокупность буржуазных по социальному типу лиц, составляющих профессиональное сообщество). Английские медиевисты высказывали мнение, что профессионализация духовенства стала происходить в начале XVI в.⁵⁶³ Решающими рубежами в данном процессе стали выступление Лютера и реформы Генриха VIII, «семинарское движение» 1570—1640-х гг. среди католиков и протестантов. Дж. Эйвлинг считает, что движение за профессионализацию духовенства началось ещё в позднесредневековой церкви, а водораздел между средневековьем и современностью в истории английской церкви пролегает через последние десятилетия XVII в., но современные медиевисты относили его даже к концу XIV—XV вв.⁵⁶⁴

В изучении истории церкви Англии времени правления Елизаветы Дж. Эйвлинг обращает внимание на то, что в среде духовенства существовали лица, которые не были противниками Реформации, но не симпатизировали кальвинизму и препятствовали деятельности пуритан, и утверждает, что в английских академических кругах существовало имевшее местные корни консилиаристское или даже антипапское течение, испытывавшее также гуманистические и протестантские влияния. По мнению Дж. Эйвлинга, в академических кругах в Англии с 1520-х гг. даже доминировало центристское, реформистское, умеренное течение,

⁵⁶¹ Scarisbrick J.J. *The Reformation and the English People*. — Oxford, 1984. — P. 186—187.

⁵⁶² Aveling J.C.H. *The English Clergy, Catholic and Protestant, in the 16th and 17th Centuries // Rome and the Anglicans: Historical and Doctrinal Aspects of Anglo-Roman-Catholic Relations*. — Berlin — New York, 1982.

⁵⁶³ Workman H.B. *John Wyclif. A Study of the English Medieval Church*. — Oxford, 1926. — Vol. I—II; Powicke F.M. *The Reformation in England*. — London and New York, 1941; Southgate W.M. *John Jewel and the Problem of Doctrinal Authority*. — Cambridge (Mass.), 1962.

⁵⁶⁴ Aveling J.C.H. *The English Clergy, Catholic and Protestant, in the 16th and 17th Centuries // Rome and the Anglicans: Historical and Doctrinal Aspects of Anglo-Roman-Catholic Relations*. — Berlin-New York, 1982. — P. 56.

отвергавшее и экстремистский евангелический протестантизм, и ультрамонтанский католицизм, чем можно объяснить умеренность и колебания большинства богословов в университетских кругах. Они в определенной степени принимали ранний протестантизм времени правления Эдуарда VI, но стали отвергать более радикальный характер действий протестантов в последние годы правления Эдуарда VI, приняли восстановленный при Марии католицизм в надежде на то, что в Англии утвердятся реформированный католицизм, но их разочарование в религиозной политике Марии привело к тому, что они приняли также и реставрацию протестантизма при Елизавете, при этом возражая только против активного распространения кальвинизма. Это объяснение кажется привлекательным самому Дж. Эйвлингу, и он призывает под таким углом зрения рассмотреть историю английского богословия в XVI в., включая также вопрос о формировании взглядов Томаса Кранмера, мировоззрение которого можно попытаться понять как «индивидуальное эклектичное сочетание элементов английской средневековой богословской традиции, гуманизма, самостоятельного изучения патристики и континентального протестантизма». Умеренное течение английской протестантской богословской мысли в середине XVI в., по предположению Дж. Эйвлинга, могло также формироваться под влиянием труда Филиппа Меланхтона «*Loci Communes Theologorum*»⁵⁶⁵.

Дж. Эйвлинга также занимает вопрос о том, что большинство приходских священников в Англии в середине XVI в. продолжало постоянно служить, несмотря на все изменения в официальной религиозной политике. Такую стабильность в составе духовенства, по его предположению, можно объяснять тем, что духовенство было продуктом народного понимания религии, которое в минимальной степени было религией персонального выбора и знакомства с книжным богословием. Приходское духовенство решило из благоразумия занимать выжидательную позицию. В условиях галлопировавшей инфляции священники опасались за источники своего существования. Безразличие приходского духовенства к официальной религиозной политике, по мнению Дж. Эйвлинга, неоднократно проявлялось в истории английского духовенства: например, в XI—XII вв. оно сгладило последствия тех изменений, которые несла в себе григорианская реформа, а когда папа Иннокентий III наложил на Англию интердикт в правление Иоанна Безземельного в XIII в., «в Англии и мышь не пискнула об этом», и в годы Английской революции середины XVII в. приходское духовенство в большинстве своём оставалось в приходах. Низшее духовенство на уровне приходов почти не оставило свидетельств о своих взглядах в письменной форме⁵⁶⁶.

В Англии, в отличие от других европейских стран, в которых утвердился кальвинизм, оказалось возможным адаптировать бывших католических священников для службы в протестантской церкви или благодаря

⁵⁶⁵ Ibid. — P. 81.

⁵⁶⁶ Ibid. — P. 82.

постепенности реформ или благодаря английской способности к компромиссу и прагматизму англичан. Для характеристики взглядов образованных священников накануне 1534 г. и в период 1534—1559 гг. сохранилось очень мало материалов (личные бумаги Роберта Паркина, vicarius прихода Эдвик-ле-Стрит, и переписка Роберта Джозефа, монаха из Ившема). Судя по содержанию этих материалов, эти лица были способны, хотя и не в полной мере, понять и оценить распространявшиеся с континента идеи *Devotio Moderna*, мистицизма, гуманизма, протестантизма, слышали о них также в университете, но при этом во взглядах всё же отличались консерватизмом, согласием принять любые изменения в политике правительства в религиозной сфере⁵⁶⁷.

К 1580-м гг., как считает Дж. Эйвлинг, церковь Англии стала по характеру взглядов духовенства преимущественно кальвинистской. В 1590-е гг. появились также арминианство и антипресвитерианство, но они затронули главным образом университеты и мало влияли на приходское духовенство. К 1580-м гг. также произошли большие изменения в лучшую сторону в подготовке духовенства среди протестантов и католиков. Среди протестантов к повышению профессионального уровня духовенства привело влияние «пророчеств», лекторств, активная работа тьюторов в университетах. Но ещё и около 1600 г., как отмечает Дж. Эйвлинг, в отдаленных районах страны было немало священников, не испытавших в достаточной степени протестантское обращение. Католические семинарии к концу XVI в. тоже готовили высокообразованных приходских священников⁵⁶⁸.

К 1600 г. по социальному составу духовенство церкви Англии состояло в основном из выходцев из среды мелкого джентри, буржуазии, а плохо образованные духовные лица плебейского происхождения были в основном vicaribus и составляли меньшинство. Католические священники-семинаристы тоже в основном происходили из среды джентри, в том числе и иезуиты. Несмотря на неоднократные упоминания современников о бедности vicaribus, для некоторых из них материальное положение облегчалось получением малой десятины, некоторыми возможностями пользования приходской землей, иногда улучшало материальное положение ставшее возможным заключение брака, так что среди священников в церкви Англии появляются лица с интеллектуальными вкусами и писательскими способностями. Священники также пытались увеличить свои доходы учительской деятельностью, сами обрабатывали землю, а в Йоркшире были священники, державшие пивные. Духовенство в круге общения по-прежнему оставалось в основном вне светского общества.

При существовании королевской супрематии, как считает Дж. Эйвлинг, власть успешно справлялась с поддержанием контроля над духовенством. В среде англиканских епископов тех, кто имел собственное мнение, заставляли замолчать (как Гриндела), а учёных людей с

⁵⁶⁷ Ibid. — P. 84.

⁵⁶⁸ Ibid. — P. 86.

административными способностями (как Джуэл, Уитгифт, Бэнкрофт) превращали в послушных защитников королевской политики в религиозной сфере, остальные же епископы были погружены в экономические и семейные дела. Такой имидж епископат церкви Англии, по мнению Дж. Эйвлинга, имел до XIX в.⁵⁶⁹

Дж. Эйвлинг считает, что при формировании англиканство испытало влияние довольно широкого круга идейных течений. По его мнению, сильно было воздействие кальвинизма, но оно преломлялось и умерялось множеством других влияний: со стороны лютеранства, изучения патристики и раннехристианского идеализма, как они понимались в *Devotio Moderna* и гуманизме, а также со стороны эклектичного средневекового номинализма, томизма и аристотелианства и даже католических наставлений в «позитивной теологии». Все это само по себе было узлом противоречий, и в то же время давало возможность для определенной широты богословской мысли в церкви Англии. Глубокое изучение богословских взглядов таких англикан, как Джуэл, Уиттейкер, Перкинс и Хукер показывает, какими разнообразными были те идейные источники, которые оказали влияние на формирование их мировоззрения и как сложно безоговорочно приклеить на их взгляды ярлыки «англиканских» или «пуританских», что, утверждает Дж. Эйвлинг, нужно учитывать при характеристике богословов XVI—XVII вв.

Недостаточно изучен, как считает Дж. Эйвлинг, пуританин Уильям Перкинс, который, на его взгляд, без оговорок не помещается в отводимое ему место среди пуритан. Доктрина Перкинса, отмечает Дж. Эйвлинг, испытала влияние Кальвина, но сам Перкинс также признавал источниками развития своих взглядов Августина, Бернарда Клервосского, греческих отцов церкви, Ансельма Кентерберийского, Гавриила Биля, Фому Аквинского. Перкинс допускал возможность спасения в римской церкви, а понимание избранности у него только на первый взгляд пуританское, поскольку в развиваемых им идеях можно обнаружить параллели с позднесредневековым богословием и с идеями богословов эпохи Контрреформации. При сравнении английского протестантизма и католицизма Перкинс показывал, что между католицизмом и протестантизмом много общего, а во многих важнейших вопросах не находил между ними серьезных расхождений. Он считал, что подлинные мощи святых нужно хранить в приватной обстановке, и при таком условии не отрицал возможность их почитания. Взгляды Перкинса на церковную традицию, хотя и противостояли Тридентским, в значительной степени строились на основе патристики⁵⁷⁰.

⁵⁶⁹ Ibid. — P. 87, 108.

⁵⁷⁰ Aveling J.C.H. The English Clergy, Catholic and Protestant, in the 16th and 17th Centuries // Rome and the Anglicans: Historical and Doctrinal Aspects of Anglo-Roman-Catholic Relations. — Berlin-New York, 1982. — P. 88—90; Muller R.A. Perkins' "A Golden Chaine": Predestinarian System or Schematized Ordo Salutatis // Sixteenth Century Journal. — 1978. — № 9. — P. 68—81; The Work of William Perkins / Courtenay Library of Reformation Classics / Ed. by I. Breward. — Vol. III. — Abingdon, 1970.

Для понимания богословских взглядов и пасторской практики священников в церкви Англии британские историки проводят дальнейшие исследования взглядов отдельных выдающихся священников и считают необходимым подготовку обобщающих работ о взглядах духовенства в целом. Больше возможностей существует для изучения деятельности наиболее известных священников, которые выделялись пасторскими способностями, писали трактаты, вызывавшие отклики современников. Одним из наиболее известных священников церкви Англии последней четверти XVI в. был Ричард Гринхэм (1542?—1594), о котором в конце 1990-х гг. были опубликованы две работы⁵⁷¹. Как пишет Дж. Примус, Р. Гринхэм не ставил своей задачей формулировку системы богословских взглядов. Средствами наставления прихожан Гринхэм считал Св. Писание, проповеди, церковь и соблюдение воскресного дня⁵⁷². Пасынком Р. Гринхэма был Николас Баунд, автор труда «Доктрина воскресного дня» (Лондон, 1595), который исследователи рассматривают как самое определённое выражение пуританской приверженности к почитанию воскресного дня, но Дж. Примус считает, что в работе Н. Баунда нет ничего, чего не было бы уже в сочинении Р. Гринхэма «Трактат о воскресном дне» (1580)⁵⁷³.

Большое место во взглядах Р. Гринхэма занимали также размышления о предопределении и избранности. Дискуссионным является вопрос о том, был ли Р. Гринхэм по своим взглядам англиканином или пуританином. Дж. Примус, имея в виду Р. Гринхэма, предлагает использовать в отношении него и ещё ряда сходных с ним по взглядам священников вместо понятия «умеренные пуритане» понятие «пуритане, готовые к сотрудничеству с установленной церковью» (*cooperative puritans*). Такие пуритане отличались тем, что не смягчали свои разногласия во взглядах с установленной церковью и критиковали её, но выделялись желанием сотрудничать с властями, несмотря на разницу во взглядах⁵⁷⁴.

К. Паркер и Э. Карлсон⁵⁷⁵ рассмотрели жизнь Р. Гринхэма и его взгляды на катехизацию, соблюдение воскресного дня, брак, чтение Св. Писания и обучение детей. На преподавателей колледжа Пембрук Холл Кембриджского университета, в котором в 1559—1570 гг. учился и преподавал Гринхэм, оказали большое влияние страсбургский реформатор Мартин Буцер и Эдмунд Гриндел, испытавший большое влияние континентального протестантизма, с чем и были, очевидно, связаны пуританские наклонности сформировавшегося в Кембридже мировоззрения Гринхэма. В колледже Пембрук Холл также преобладало убеждение, что

⁵⁷¹ *Primus J.H. Richard Greenham: Portrait of an Elizabethan Pastor.* — Macon, Ga.: Mercer University Press, 1998; *Parker K.L. Carlson E.J. "Practical Divinity": The Works and Life of Revd. Richard Greenham.* — Aldershot, 1998.

⁵⁷² *Primus J.H. Richard Greenham: Portrait of an Elizabethan Pastor.* — Macon, Ga.: Mercer University Press, 1998. — P. 93, 100, 176—177.

⁵⁷³ *Ibid.* — P. 152.

⁵⁷⁴ *Ibid.* — P. 3.

⁵⁷⁵ *Parker K. L. Carlson E. J. "Practical Divinity": The Works and Life of Revd. Richard Greenham.* — Aldershot, 1998.

пасторская деятельность является более важной, чем внимание к внешней символике в церкви.

В 1570 г. Р. Гринхэм стал ректором прихода Драй Дрейтон в Кембриджшире. Тремя годами позднее ему грозили приостановкой в служении из-за того, что он отказывался подписаться под распоряжением епархиальных властей о том, что молитвенник и 39 статей соответствуют Слову Божьему, в котором от священников также требовалось ношение стихаря и квадратного головного убора для поддержания порядка в церкви. В то же время епископ Элийский Ричард Кокс высоко ценил Р. Гринхэма и не хотел приостанавливать его в служении, поскольку такие грамотные священники были очень нужны церкви. В начале 1592 г. Р. Гринхэм получил лицензию на право проповедовать в Лондонской епархии и переехал служить в Крайст Черч на Ньюгейт Стрит в Лондон, где умер в 1594 г. Переезд в Лондон, как отмечают исследователи, сопровождался у Гринхэма тягостными размышлениями о том, что за более чем двадцатилетнее служение он не смог изменить в лучшую сторону нравы в приходе Драй Дрейтон. К. Паркер и Э. Карлсон называют взгляды Р. Гринхэма «практическим богословием» и считают, что его представления о человеческой природе, борьбе Бога и сатаны, о спасении позволяют отнести Р. Гринхэма к англиканской церкви, а не к пуританам, подтверждая тезис П. Коллинсона о том, что умеренный пуританизм можно рассматривать как внутрицерковное движение.

Среди английских протестантов было широко распространено мнение, что папа — антихрист, но не для всех протестантов различие между правдой и ложью совпадало с деноминационными границами, и протестанты допускали, что предки могли спастись, пребывая в лоне католической церкви. В английском протестантизме и католицизме, считает Дж. Эйвлинг, были общие темы размышлений: убеждение, что в религиозной жизни должен существовать один абсолютный авторитет, в монструозности плюралистического общества, «моральное августинианство», глубокое недоверие к гуманизму как мировоззрению (хотя это сочеталось с использованием гуманистических научно-исследовательских и педагогических методов), разделение между клерикальными «зелотами» и теми, кто был вынужден вести приспособленческий образ жизни по политическим соображениям, между администраторами и активистами и теми, кто придерживался теоретической созерцательной жизни. Умеренные среди католиков и англикан критиковали соответственно иезуитов и пуритан.

Дж. Эйвлинг утверждает, что по мере увеличения численности выпускников университетов среди приходского духовенства в англиканской церкви в такой же степени не возрастало количество способных к самостоятельной проповеди священников: например, в 1603 г. в Линкольншире было примерно 580 приходских священников, при этом из них 220 закончили университет, но только 130 имели лицензии на проповедь. Неспособность к проповеди выпускников университетов Дж. Эйвлинг связывает с тем, что с увеличением их численности к 1600 г. им станови-

лось всё труднее устроиться на подходящую должность, и некоторые из них шли в священники, не имея к этому призвания⁵⁷⁶.

Религиозно-политическая ситуация в Англии в правление Елизаветы рассматривается также ещё в целом ряде работ современных британских историков. У. Маккаффри в своей работе «Елизавета I» (1993)⁵⁷⁷ стремится показать и успехи, и неудачи в правление Елизаветы. В жизни Елизаветы У. Маккаффри считает важным событием то, что в 1543 г. Генрих VIII женился на Екатерине Парр, которая дала Елизавете не только полноту семейного окружения, но также значительно способствовала получению Елизаветой образования с гуманистическим содержанием. У. Маккаффри считает, что Елизавету постоянно отличали, с одной стороны, чрезмерная осторожность, с другой стороны, импульсивность. Он не разделяет мнения о том, что Елизавета намеренно порождала раздоры в своем кругу среди приближенных политиков.

П. Коллинсон⁵⁷⁸ считает, что никто так и не узнал настоящих личных взглядов Елизаветы на религиозные вопросы, но он всё же полагает, что периодически случавшиеся публичные выступления Елизаветы в религиозных делах в традиционном и консервативном духе отражают личные взгляды Елизаветы и предпринимались не под влиянием политической необходимости.

По мнению О.П. Грелла⁵⁷⁹, Елизавета после вступления на престол пригласила эмигрантов из континентальных реформированных церковью вернуться в Англию потому, что действовала прагматично и руководствовалась экономическими соображениями: реформатские общины имели заметный экономический потенциал, и в них было много квалифицированных ремесленников. О.П. Грелл обратился к изучению общин голландцев и валлонов в Лондоне и южной Англии. В 1567—1590 гг. из Нидерландов выехали примерно 100 тыс. человек, и около 1 тыс. поселились в Лондоне. К 1660 г. голландские общины в Англии подверглись заметной секуляризации и англизации⁵⁸⁰. При этом давление на эти общины при архиепископе Кентерберийском Лоде в 1634—35 годах с целью подчинения их внутренним распорядам церкви Англии, как считает О. П. Грелл, укрепило эмигрантов и их потомков в своих убеждениях. В 1630-е гг. Лод стремился ввести религиозное единообразие в Англии, затронув своими мерами также голландские эмигрантские общины, что привело к их сближению с пуританами.

Ряд обобщающих суждений о религиозно-политической ситуации в Англии в правление Елизаветы высказали авторы сборника «Шестнадцатый век 1485—1603» (2002) под редакцией П. Коллинсона⁵⁸¹. Авторы сборника

⁵⁷⁶ *Aveling J.C.H. The English Clergy, Catholic and Protestant, in the 16th and 17th Centuries // Rome and the Anglicans: Historical and Doctrinal Aspects of Anglo-Roman-Catholic Relations. — Berlin—New York, 1982. — P. 96.*

⁵⁷⁷ *MacCaffrey W. Elizabeth I. — London, 1993.*

⁵⁷⁸ *Collinson P. Elizabethan Essays. — London, 1994.*

⁵⁷⁹ *Grell O.P. Calvinist Exiles in Tudor and Stuart England. — Aldershot, 1996.*

⁵⁸⁰ *Ibid. — P. 215.*

⁵⁸¹ *The Sixteenth Century 1485—1603 / Ed. by P. Collinson. — Oxford, 2002.*

не отказываются от либеральной концепции в понимании английской Реформации, восприняв при этом влияние работ историков-ревизионистов, а также размышляя над усилившимся в 1990-е стремлением написать историю Англии в общebritанский контекст. Такой подход к пониманию английской Реформации характеризует позиции, сложившиеся в изучении проблем этого периода в британской историографии к рубежу 1990—2000-х гг.

Написавший в этом сборнике раздел об истории английской Реформации Д. Мак-Каллок поддерживает постепенно сложившееся у многих британских историков мнение, что религиозная политика Елизаветы, в отличие от действий протестантов на континенте, была направлена на то, чтобы сохранить широкий подход к определению принадлежности к протестантизму, не провоцируя религиозные споры. Задача церкви состояла в том, чтобы обеспечить внешний конформизм среди англичан. Д. Мак-Каллок считает, что на протестантизацию Англии не оказали решающего влияния ни действия пуритан, ни усилия епископов: она была обеспечена тем, что англичане в течение нескольких десятилетий приспособились к официально установленному королевской властью протестантскому вероисповеданию. Д. Мак-Каллок полагает, что к концу XVI в. ситуация в церкви Англии стабилизировалась, церковь задумалась о будущем — с 1590-х гг. возобновились долго не проводившиеся реставрационные работы в церковных зданиях. По мнению Д. Мак-Каллока, в XVII в. в истории Британских островов были шансы на то, чтобы на всей их территории совершилась протестантизация церкви, но этого не произошло из-за политики Карла I, из-за гражданской войны, одним из результатов которой было и сохранение католицизма⁵⁸².

Как пишет Д. Мак-Каллок, слово «англиканский» не употреблялось в английском языке до XVII в., и предполагает, что впервые оно было употреблено в Шотландии в 1598 г. Яковом VI в уничижительном смысле. Он в это время уверял церковь в Шотландии, что его планы по укреплению влияния епископата в шотландской церкви не приведут к тому, что шотландские епископы станут такими же, как «папистские» или «англиканские»⁵⁸³. Как считает Д. Мак-Каллок, после этого слово «англиканский» едва ли употреблялось до XIX в., когда это понятие сочли удобным для описания новой ситуации, сложившейся в церкви в связи с переосмыслением представлений о том, что означает принадлежность к церкви Англии. Д. Мак-Каллок также высказывает мнение, что протестантизация Англии породила сначала её экспансионистские планы на Британских островах, а впоследствии и в мировой политике, идеологически способствовала созданию колониальной системы⁵⁸⁴.

Д. Мак-Каллок, оценивая строй церкви Англии, полагает, что установленная церковь в Англии создала свой особый англиканский синтез

⁵⁸² Ibid. — P. 100—110.

⁵⁸³ Употребление термина «англиканский» Д. Мак-Каллок обнаружил в работе: *Calderwood D. History of the Church of Scotland by Mr. D. Calderwood / Ed. T. Thomson — Wodrow Society, 1842—1849 — Vol. V. — P. 694.*

⁵⁸⁴ *The Sixteenth Century 1485—1603 / Ed. by P. Collinson. — Oxford, 2002. — P. 110—111.*

элементов исторического католицизма, протестантизма и протестантско-го нонконформизма, который развился как реакция на предыдущие два компонента⁵⁸⁵.

Если пытаться оценивать английскую Реформацию в общебританских рамках, то, как пишет С.Дж. Эллис, Реформация Генриха VIII и Эдуарда VI смотрелась как дальнейшая централизация управления страной и политика культурного империализма против кельтов⁵⁸⁶.

Специалисты в изучении истории Англии XVI в. обсуждают также вопрос о форме правления, существовавшей в стране в это время. Под влиянием проведения Генрихом VIII религиозных реформ совместно с парламентом в Англии появилось мнение, что форма правления в стране может быть названа «смешанной политией», при которой монарх разделяет суверенитет с парламентом. Тезис о «смешанной политии» разделял даже пресвитерианин Томас Картрайт, а до 1587 г. — сам государственный секретарь Уильям Сесиль, так что этот подход не был исключительно пуританским. Сесиль примерно до 1587 г. полагал, что прерогатива правителя ограничена влиянием Тайного совета, а также считал, что для проведения серьезных политических и религиозных реформ необходимо согласие всего королевства через его представителей в парламенте⁵⁸⁷.

Далее же во второй половине 1580-х гг. в связи с обострением внешнеполитической угрозы Англии со стороны католической Испании, опасений активизации английских католиков внутри страны, как считают авторы сборника, сложились условия для того, чтобы Елизавета проявила себя как единоличная правительница государства, опираясь на прецедент. В начале февраля 1587 г. Елизавета подписала распоряжение (warrant) о казни Марии Стюарт, и приказала своему секретарю Уильяму Дэвисону не показывать его никому, кроме государственного секретаря Уолсингема. Узнав об этом, Уильям Сесиль, занимавший тогда пост лорда-казначей и входивший в Тайный совет, созвал десятерых членов Тайного совета, которые решили немедленно передать это распоряжение в замок Фотерингей для приведения его в исполнение, и Мария Стюарт была казнена. Елизавета же грозилась повесить Дэвисона, так как через него произошла «утечка информации», а действия Сесиль с остальными десятью членами Тайного совета преподносила как «смесь влияния республиканизма и консилиаризма», поскольку она в вопросе о Марии Стюарт ничего конкретного этим деятелям предпринимать не приказывала. Сесиль на случай смерти Елизаветы имел план исключить Марию Стюарт из наследования, рассмотреть с парламентом протестантские кандидатуры на престол и выбрать подходящего протестантского монарха, хотя полномочия Тайного совета со смертью монарха традиционно истекли, и Сесиль, таким образом, собирался управлять страной, опираясь на временное правительство. Этот план действий, в сущности, был

⁵⁸⁵ Ibid. — P. 83.

⁵⁸⁶ Ibid. — P. 5.

⁵⁸⁷ Ibid. — P. 132.

реализован в ходе Славной революции 1688 г., но такие действия Тайного совета в Англии в это время мотивировались только необходимостью защиты протестантизма. После казни Марии Стюарт идея о «смешанной политике» в Англии «вышла из моды», и как политическая норма была восстановлена идея о существовании в стране сакральной монархии. В 1590-е гг. у Елизаветы проявилась тенденция к установлению личного правления.

В Шотландии единоличное правление монарха отстаивал Яков VI, выступавший против идей смешанного правления и народного суверенитета, которые в это время стал пропагандировать с тактическими целями иезуит Роберт Парсонс, надеясь, что распространение в Англии этих идей помешает Якову VI вступить на английский престол. Яков I после 1603 г. повёл пропаганду патриархальных форм правления, объяснял право монарха и епископов на власть божественным происхождением этого установления, не подлежащим обсуждению. Таким образом, если при Генрихе VIII и поначалу в правление Елизаветы, хотя монархия рассматривалась концептуально как сакральная, с разрешения монарха парламент и Тайный совет могли обсуждать важнейшие государственные вопросы, впоследствии, после казни Марии Стюарт, Елизавета вернулась к отстаиванию права на единоличную власть, при которой парламент действовал лишь по воле монарха⁵⁸⁸. Как отмечает Г. Уолкер, мощное влияние на историческое сознание в Англии оказала распространившаяся в начале Реформации идея о том, что Англия — это империя, что нашло выражение в попытках англичан осмыслить и документировать свою национальную идентичность и привело к развитию историописания на местном и региональном уровне, одним из лучших образцов которого можно считать «Описание Лондона» (1598) Джона Стоу⁵⁸⁹.

П. Коллинсон считает, что в XVI в. на уровне церковного прихода происходило формирование гражданского самосознания и даже своего рода патриотизма. Становлению нации способствовали также становление литературного языка и формировавшееся протестантское чувство религиозной общности⁵⁹⁰.

Среди историков, отмечает П. Коллинсон, к настоящему времени общепризнанно, что к концу XVI в. английская нация была протестантской, по крайней мере, в том смысле, что она уже не была католической, и вся официальная риторика этого времени в Англии была антикатолической, появилось чувство «избранной нации» по примеру библейского Израиля. Шотландские протестанты тоже претендовали на статус избранной нации, и, если Англия была Израилем, то пресвитерианская Шотландия претендовала на то, чтобы быть Иудеей — меньшей по территории, но более чистой в религиозном отношении⁵⁹¹.

⁵⁸⁸ Ibid. — P. 135—137.

⁵⁸⁹ Ibid. — P. 165.

⁵⁹⁰ Ibid. — P. 222—223.

⁵⁹¹ Ibid. — P. 225.

В течение XVI в., отмечает Дж. Гай, увеличивалось количество переводов античных авторов на английский язык, и к 1590-м гг. даже возник коммерческий рынок в потреблении этой литературы, поэтому потенциальные возможности для распространения республиканских идей продолжали расширяться. К 1603 г. все важнейшие античные тексты, которые несли в себе идеи республиканизма и конституционализма в античной мысли, были доступны в переводе на английский язык. Конкретное влияние этих идей на политическое сознание в Англии начала XVII в. измерить трудно, но можно предполагать, что включение республиканских произведений в образовательные программы способствовало у англичан формированию качеств гражданина, интереса к политике. Юристы общего права стали отстаивать позицию, что в управлении государством нет вопросов, которые не могли бы обсуждаться, все больше внимания уделяли вопросам о собственности. Из античной литературы была также воспринята идея свободы и прав граждан, подданных. Как считает Дж. Гай, в Англии чтение с детства классической античной литературы сыграло свою роль в происхождении революции — идея республиканизма не казалась тому, кто был начитан в античной литературе, чем-то невозможным⁵⁹².

Таким образом, по оценке британских историков, ко времени на рубеже XVI—XVII вв. Англия стала протестантской страной. Церковь Англии, пережив сложный период, связанный с материальными потерями, сохранив епископальный строй управления, стала вновь претендовать на усиление своего влияния в обществе, проявив также стремление к установлению своей доктринальной идентичности.

---

⁵⁹²Ibid. — P. 138—140.

§3. Британские историки о положении в англиканской церкви в правление первых Стюартов

В современной британской историографии продолжает активно изучаться история церкви Англии в первые десятилетия XVII в. П. Коллинсон считает, что история церкви времени правления Якова I до сих пор остаётся относительно менее исследованной, поскольку основное внимание историков обычно сосредоточивалось на Реформации и положении в церкви при Елизавете, а также на изучении роли религии в английской революции⁵⁹³.

Британские историки в рассмотрении происхождения понятия «англиканский» придерживаются мнения, что в начале XVII в. церковь Англии ещё находилась в стадии поиска и утверждения своей идентичности. В XVI в. часто использовалось латинское выражение “*Ecclesia Anglicana*”. К. Рассел считал, что термин «англиканство» появился только в начале XVII в.⁵⁹⁴ — в 1616 г. было опубликовано исследование направлений в европейском протестантизме (Harrab Thomas. *Tessaradelphus or the Four Brothers*. London, 1616), в котором употреблялся термин «*Anglicanisme*». Слово “*Anglicanism*” в XVII—XVIII вв. не вошло в первые словари английского языка. Термин «англиканский» в религиозном смысле слова, по мнению Л. Сасека, впервые появляется в «Оксфордском словаре английского языка» с 1797 г. как цитата из Эдмунда Берка⁵⁹⁵, а некоторые исследователи находят самые ранние примеры употребления этого слова в печати только в 1838 и 1846 гг.⁵⁹⁶ Термин «англиканский» в середине XIX в. популяризировали трактарианцы — деятели Оксфордского движения⁵⁹⁷.

Название «англиканский» изначально подчёркивало, что у этой церкви нет крупной личности-основателя, и то, что основа этой церкви — скорее национальная, чем территориальная. Ранний апологет церкви Англии Джон Джуэл в 1560-е гг. защищал мнение, что церковь Англии не является новым установлением, созданным во время Реформации — церковь в стране была реформирована Генрихом VIII таким образом, что она сохранила универсальную католическую апостольскую веру, провозгла-

⁵⁹³ Collinson P. *The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625*. — New York, 1982. — P. 43—44.

⁵⁹⁴ Russell C. *The Causes of the English Civil War*. — Oxford, 1990. — P. 34, 104—105.

⁵⁹⁵ *Images of English Puritanism. A Collection of Contemporary Sources, 1589—1646*. — Baton Rouge-London, 1989. — P. 3.

⁵⁹⁶ *The Study of Anglicanism* / Ed. S. Sykes and J. Booty. — London, 1988; *Avis P. Anglicanism and the Christian Church*. — Edinburgh, 1989.

⁵⁹⁷ Davies J. *The Caroline Captivity of the Church. Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625—1641*. — Oxford, 1992. — P. 5.

шённую в Англии в первые века христианства. Трактарианцы в XIX в. понимали термин несколько иначе: для них «англиканство» было в первую очередь «средним путем» в доктрине, организации церкви, основанным на тонком равновесии между Писанием, традицией и разумом, а не на мнении о непогрешимости опоры только на какой-то один из этих компонентов, чем отличались пуританизм или католицизм⁵⁹⁸.

Значение слова «англиканство», объём понятия в течение XVII в. стали сужаться — под давлением религиозной политики Карла I из церкви стали выпадать пуритане, в XVIII в. особое положение в церкви заняли методисты, и в этом смысле представление об англиканстве как некоем «среднем пути» подвергалось критике: это не средний путь, когда от церкви с течением времени отпадают то одни, то другие группы, поскольку происходило последовательное сужение церкви⁵⁹⁹.

Исследователи отмечают, что в первые десятилетия XVII в. продолжалось повышение социального статуса епископата, подкреплявшееся также идеологически публикацией трактатов, проповедей, пропагандировавших епископальный строй церкви как божественное установление (*jus divinum*), имеющее апостольскую преемственность. Епископы опять стали назначаться на государственные должности⁶⁰⁰. При Якове I понимание епископата как божественного установления ещё не пользовалось всеобщей поддержкой даже среди самих епископов, но, как отмечает П. Коллинсон, «высказывание такой точки зрения перестало восприниматься как скандал». Но согласие с *jus divinum* епископов могло представлять для королевской власти трудность в случае необходимости отрешения епископа от должности, поскольку епископ обладал властью, связанной с его саном (*potestas ordinis*)⁶⁰¹.

Апологеты епископата при Якове I, отмечает П. Коллинсон, отличались от арминиан времени правления Карла I — они были по своим взглядам кальвинистами, и кальвинизм у них вполне сочетался с учением о божественном праве епископата. В дальнейшем Лод всегда подчёркивал, что епископат не может быть удален из церкви, и даже само по себе призвание в епископы необратимо. В отличие от такой позиции Лода, апологеты епископата времен Якова I допускали, что корона может лишить епископов не только их владений, юрисдикции, но даже права публично исполнять свои обязанности и духовные функции, хотя эти права уже принадлежали самому титулу епископа *potestas ordinis*⁶⁰².

⁵⁹⁸ Bourne E.C.E. *The Anglicanism of William Laud*. — London, 1947; *The Via Media of the Anglican Church* by John Henry Newman / Ed. H.D. Weidner. — Oxford, 1990. — Ch. 2. — P. XXV—XL; Faulkner R.R. *Richard Hooker and the Politics of a Christian England*. — London, 1981.

⁵⁹⁹ O'Donovan O. *On the Thirty-Nine Articles: A Conversation with Tudor Christianity*. — London, 1986. — P. 13—14; McAdoo H.R. *The Spirit of Anglicanism: A Survey of Anglican Theological Method in the Seventeenth Century*. — London, 1965; Bennett G.V. *Archbishop Laud and Episcopacy // To the Church of England* / Ed. by G. Rowell. — London, 1988. — P. 34—47.

⁶⁰⁰ Kennedy D.E. *The Jacobean Episcopate // Historical Journal*. — Vol. 5. — 1962. — P. 175—184; Collinson P. *The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625*. — New York, 1982. — P. 11.

⁶⁰¹ Collinson P. *The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625*. — New York, 1982. — P. 17.

⁶⁰² Ibid. — P. 18.

П. Коллинсон придерживается мнения, что положение в стране и в церкви в правление Якова I отнюдь не предвещали революции середины XVII в.: по его словам, в дальнейшем «крайняя нестабильность и коллапс 1640-х гг. лишили в восприятии историков церковь начала XVII в. присущих ей достоинств, что привело к появлению в британской историографии характеристики первых десятилетий XVII в. как, по словам К. Хилла (и не только его), «предреволюционной Англии». Коллинсон же стремится показать, в какой мере церковь Англии этого времени была самодостаточной и разнообразной по характеру входивших в неё элементов⁶⁰³.

По оценке П. Коллинсона, богословской связующей основой церкви времен Якова I был кальвинизм, который объединял конформистов и умеренных пуритан. Кальвинизм в это время смыкался с господствовавшей антикатолической идеологией, что способствовало поддержанию существовавшего политического и социального устройства. Кальвинизм в Англии этого времени был неоднородным — П. Коллинсон находит в церкви в том числе и «кальвинистский епископат» (*calvinist episcopalianism*). Значительная часть епископов в начале правления Якова I предпочитала примирение с пуританами, не хотела их насильно подавлять⁶⁰⁴.

Современные историки показали, что кальвинистское учение о предопределении, строгое соблюдение воскресного дня, убеждение в том, что папа-Антихрист и ещё ряд идей, считавшихся ранее пуританскими, в такой же степени, как пуританские неконформисты, разделяли и многие епископы времён правления Елизаветы⁶⁰⁵.

В результате укоренения Реформации в Англии к 1600 г. в университетах увеличивалось число стипендий для детей духовных лиц, появилось больше рабочих мест для духовенства в советах колледжей, в лекторствах, капелланствах, в качестве школьных учителей. Появились династии священников, сыновья которых часто тоже становились духовными лицами, которых, как предполагают исследователи, до 1600 г. в церкви Англии не хватало. В течение XVII в. в англиканской церкви происходило увеличение численности лекторов, домашних и корабельных капелланов. В ходе экономических подъёмов в стране в 1603—1612 гг. и в 1630-е гг. происходило увеличение реальных доходов духовенства⁶⁰⁶.

Среди протестантских писателей в XVI—XVIII вв. от У. Перкинса до Д. Дефо звучали сетования, что стране нужно меньше духовных лиц, но они должны быть более образованными, но Дж. Эйвлинг считает рассуждения такого рода «постоянными в истории христианской церкви и не имеющими статистического значения». По данным 1603 г., в церкви Ан-

⁶⁰³ Ibid. — P. VIII—X.

⁶⁰⁴ Ibid. — P. 82.

⁶⁰⁵ Dent C.M. *Protestant Reformers in Elizabethan Oxford*. — Oxford, 1983. — P. 150—151; Milton A. *Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought*. — Cambridge University Press, 1995. — P. 12.

⁶⁰⁶ Curtis M. *The Alienated Intellectuals of Early Stuart England // Past and Present*. — 1962. — № 23. — P. 25—43; Stone L. *The Educational Revolution in England, 1560—1640 // Past and Present*. — 1964. — № 28. — P. 41—80.

глии насчитывают от 8600 до 9200 бенефициев, и примерно 2500 из них держали плюралисты. В составе духовенства выделяют державших приход ректоров, получавших установленное жалование викариев, капелланов, лекторов, школьных учителей из числа духовных лиц, не имевших бенефициев, университетских преподавателей, безработных священников. Неизвестно, сколько было незанятых бенефициев, а о нехватке духовенства по епархиям нет конкретной информации. В XVI—XVII вв. шёл процесс уменьшения процентного соотношения численности духовенства к численности населения страны, потому что в церкви Англии не стало монашества и часовен, а церковные власти несвоевременно реагировали на рост численности населения в стране, что частично исправлялось инициативой прихожан, создававших лекторства, доплачивавших своим приходским священникам, чтобы они могли обслуживать большее количество прихожан, приглашением капелланов. Но острой нехватки духовных лиц в Англии в течение XVII в., как считает Дж. Эйвлинг, никогда не возникало. Численность духовных лиц в Англии в XVII в. возрастала также в связи с тем, что многие выпускники университетов могли найти профессиональные занятия, соответствовавшие уровню их образования, только в церкви. Были также диспропорции в размещении духовенства на территории страны, в связи с чем, видимо, производились дополнительные возведения в сан, которых можно было избежать, если бы священники хотели в одинаковой мере жить во всех районах страны. Приток университетских выпускников в церковь приводил к тому, что для их лучшего материального обеспечения создавались плюралитеты. Существование права допуска священника в приход (*advowson*), которым обладали церковь, корона, отдельные светские лица, давало, по мнению Дж. Эйвлинга, возможность привлекать подходящих священников в приход практически на контрактной основе, и эту систему не решались чрезмерно нарушать даже епископы. Регулировать численность духовенства было трудно ещё и потому, что в духовное сословие шли по разного рода личным причинам, например, по завещанию родителей. Часть англиканского духовенства была занята в колониях, в посольствах за рубежом, в общинах купцов⁶⁰⁷.

Среди исследователей бытует мнение, что английское духовенство в XVII в., особенно англиканское духовенство, было более искренне религиозным, лучше образованным, профессионально подготовленным и дало больше поэтов, математиков, ученых разных специальностей, чем духовенство XVI в. и даже XVIII в. Повысилась и репутация относительно учёности англиканских богословов на континенте. Корпус англиканской богословской литературы XVII в. больше по объёму, более основателен и систематичен по содержанию по сравнению с тем, что было написано англиканскими богословами реформационного периода и времени правления Елизаветы, так что англиканские богословы XVII в. оказали по срав-

⁶⁰⁷ *Aveling J.C.H. The English Clergy, Catholic and Protestant, in the 16th and 17th Centuries // Rome and the Anglicans: Historical and Doctrinal Aspects of Anglo-Roman-Catholic Relations. — Berlin — New-York, 1982. — P. 113—116.*

нению с ними большее влияние на англиканское богословие XVIII—XIX вв. Хотя движущими мотивами литературной деятельности, по мнению Дж. Эйвлинга, были, в том числе, карьеризм, мода, забота патронов о своих подопечных, появление такой литературы в возраставших объёмах свидетельствовало и о росте численности читающей публики. Он утверждает, что в XVII в. духовенство в Англии было очень влиятельно в общественной жизни и в её интеллектуальной сфере и даже считает, что ранее духовенство в Англии было столь же влиятельно только в XI—XII вв.⁶⁰⁸

Как отмечает Дж. Эйвлинг, в конце XVI—XVII вв. происходило активное переосмысление роли священства в английском обществе. Появилось несколько трактатов о священстве: работа У. Перкинса “*Treatise of the Vocations or Callings of Men*”, Дж. Герберта “*A Priest to the Temple*”, И. Тейлора “*Clerus Domini*”, Г. Бернета “*Of the Pastoral Care*”. Дж. Эйвлинг полагает, что эти трактаты оставляют ощущение двойственности: с одной стороны, священство рассматривается как высший божественный дар, очень важная, возвышенная и ответственная должность; с другой стороны, священство видится чем-то обычным, земным, утилитарным, естественным служением и учительством, в чём можно видеть начало процесса профессионализации духовенства. В составе священства проводилось различие между высокообразованной элитой, писателями и проповедниками (это особенно подчеркивали пуритане и арминиане), и отличавшейся от всех них массой обычного духовенства⁶⁰⁹.

К. Хилл высказывал мнение, что в XVII в. в истории Англии в последний раз проявил «судорожные претензии на власть средневековый клерикализм в виде лодиянства, но потерпел в этом неудачу и конечное крушение, а к концу XVII в. притязания духовенства на контроль над умами и общественной моралью были окончательно дискредитированы, и духовенство из особого сословия стало лишь одной из многих общественных профессий, причем не лучшим образом оплачиваемой»⁶¹⁰.

Среди историков дискуссионным является вопрос об эффективности преподавания богословия в английских университетах до 1642 г. С одной стороны, отмечается принадлежность известных наставников-богословов к университетам, а также большое количество дополнительных курсов в преподавании богословия, на основании чего высказываются предположения, что качество богословского образования в Англии было высоким. Но образовательные стандарты в богословии, по мнению Дж. Эйвлинга, были слабыми, учебные программы — формализованными и традиционалистскими. Рекомендуемая литература этого времени в английских университетах и состав собраний библиотек демонстрируют большую зависимость от континентального, даже католического, богословия: стали много использоваться иезуитские книги по логике, философии, риторике и этике, а также иезуитские религиозные наставления. Дж. Эйвлинг считает, что до

⁶⁰⁸Ibid. — P. 116—117.

⁶⁰⁹Ibid. — P. 118.

⁶¹⁰Hill C. *The Century of Revolution, 1603—1714*. — London, 1961. — P. 211—212, 263.

1642 г. университеты оставались всё же островками академической свободы, и реально на них мало влияли и власти, и пуритане. Английские университеты никогда полностью не отказывались от схоластики, и в XVII в. схоластика продолжала существовать и даже испытала определенный импульс к своему сохранению, поскольку гуманистический подход к образованию, по мнению Дж. Эйвлинга, не дал подобной схоластике целостной программы в подходе к организации университетского образования.

В англиканской церкви эпизодически возникали планы устройства отдельных от университетов семинарий. В то же время действовавший в Лондоне Грешем Колледж наводил на мысль о возможности существования деклерикализованного университета, и в 1650-е гг. революционные власти пытались создать Даремский университет как высшее светское учебное заведение⁶¹¹.

Существование в Англии в XVII в. множества религиозных партий и споры между ними, бывало, приводились как доказательство интеллектуальной энергии духовенства. Но Дж. Эйвлинг полагает, что в религиозных спорах часто участвовали небольшие группы, представлявшие меньшинства, а крупные религиозные партии отражали скорее материальные интересы, чем собственно идеологические разногласия между полемизировавшими сторонами. Религиозно-философские споры, по его мнению, были тесно связаны с ситуацией внутри университетов, борьбой за рабочие места, за влияние на покровителей. К тому же в XVII в. духовенству казалось, что духовных лиц недооценивают, им недоплачивают, оказывают на них давление светские лица, и ещё по этой причине духовенство, как считает Дж. Эйвлинг, встречало в различные общественные споры. Поверхностная образованность многих духовных лиц и чрезмерное внимание к собственным материальным интересам, по его мнению, лишали религиозные споры в английском обществе реальной интеллектуальной силы, так что даже можно сомневаться, что острота споров в среде духовенства отражала в такой же степени социальную напряженность в обществе. В рамках всех религиозных течений XVII в. существовали яростные споры, многие из которых, по оценке Дж. Эйвлинга, не поддавались рациональному анализу при всей склонности людей XVII в. к рационализму, с чем он связывает трудности в определении основных религиозных партий этого времени. Ни у одного богослова идеи, присущие тому или иному направлению, не представлены в чистом виде, и всегда в них существовала какая-то примесь. Но между крупнейшими религиозными партиями (католиками и протестантами, пуританами и арминианами) всё же можно выявить ключевые идейные отличия, но отдельные личности в этих партиях могли не подходить под один стандартный набор идей⁶¹².

По словам П. Коллинсона, применительно к первым десятилетиям XVII в., наряду с подчеркиванием подъёма джентри, надо говорить также

⁶¹¹ *Aveling J.C.H. The English Clergy, Catholic and Protestant, in the 16th and 17th Centuries // Rome and the Anglicans: Historical and Doctrinal Aspects of Anglo-Roman-Catholic Relations. — Berlin-New York, 1982. — P. 121—123.*

⁶¹² *Ibid.* — P. 132.

о «подъёме приходского духовенства», причем подъём социальной роли духовенства, по его мнению, был даже более определённым явлением, чем подъём джентри⁶¹³. Это явление было также замечено Л. Стоуном⁶¹⁴.

В 1559—1625 гг., как отмечают исследователи, одним из важных результатов в развитии церкви Англии было то, что за это время духовенство в большей своей части стало университетски образованным⁶¹⁵. Между 1610 и 1639 гг. в Оксфорде было присуждено степеней бакалавра богословия больше, чем за любое другое двадцатилетие в истории университета, включая XX в.⁶¹⁶

Духовные лица к концу XVI в., считает П. Коллинсон, рассматривались в обществе как своего рода «псевдо-джентри». Это был гораздо более высокий статус по сравнению с тем, на который могла бы претендовать большая часть духовных лиц, если критерием было бы их материальное состояние, поскольку духовенство по уровню доходов было немного ниже йоменов, выше крестьян-земледельцев, но к образованным и учтивым священникам фактически относились как к представителям джентри⁶¹⁷.

Университеты в XVII в. ещё не готовили священников как таковых по специальному учебному плану — это стало утверждаться только в XIX в., и университетское образование было той основой, на которой ещё нужно было возвращать профессиональную подготовку священника как таковую. Специфические пасторские умения не изучались в университетах, и научиться этому священник мог, если это ему удавалось, только посредством жизненного опыта. Поэтому, по мнению П. Коллинсона, требуются дальнейшие исследования того, означал ли рост числа священников с университетским образованием в конце XVI—начале XVII вв. также ещё и появление и консолидацию духовенства как профессии, как это утверждает Р. О’Дей, опирающаяся на социологическую теорию профессионализации. Те образы священников, которые рисуются на материалах XVII в., рассуждает П. Коллинсон, действительно напоминают профессионалов, которые «также готовились к воскресной проповеди, как рыночный торговец стремился в воскресный день получить наибольшую прибыль». Подобный священник был, в определённом смысле, «предста-

⁶¹³ *Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 92—96.*

⁶¹⁴ *Stone L. The Causes of the English Revolution, 1529—1642. — London, 1972. — P. 81.*

⁶¹⁵ *O’Day R. The English Clergy: the Emergence and Consolidation of a Profession 1558—1642. — Leicester, 1979; Idem. The Anatomy of a Profession: The Clergy of the Church of England // The Professions in Early Modern England. — Beckenham, 1987; Barratt D.M. The Condition of the Parochial Clergy from the Reformation to 1660 with Special Reference to the Dioceses of Oxford, Worcester and Gloucester. — Oxford D. Phil. Thesis, 1950; Owen H.G. The London Parish Clergy in the Reign of Elizabeth I. — London Ph.D. Thesis, 1957; Daeley J.J. The Episcopal Administration of Matthew Parker, Archbishop of Canterbury, 1559—1575. — London Ph. D. thesis, 1967.*

⁶¹⁶ *Stone L. The Size and Composition of the Oxford Student Body 1580—1910 // The University in Society. Oxford and Cambridge from the 14th to the Early 19th Century / Ed. L. Stone. — Princeton, 1974. — Vol. I. — P. 21—22.*

⁶¹⁷ *Cressy D. Literacy and Social Order: Reading and Writing in Tudor and Stuart England. — Cambridge, 1980. — P. 122, 139.*

витель трудлюбивой группы людей в обществе» (the industrious sort of person), по выражению К. Хилла.

Но в то же время, по мнению П. Коллинсона, существуют серьёзные трудности в том, чтобы применить к духовенству XVII в. концепцию профессионализации. Многими исследователями давно высказывалось мнение, что только «оксфордское движение» XIX в. сделало духовных лиц установленной церкви профессионалами⁶¹⁸. П. Коллинсон настороженно относится к социологическим обобщениям и считает, что статус священника имел значительную специфику, состоявшую в том, что священник, пользовавшийся доходами со своего прихода, фактически как фригольдер, был не столько платным функционером, сколько собственником, только частично зависевшим в своём существовании от платы, которую он получал за совершение служб. В этом отношении священник после Реформации не отличался от своих дореформационных предшественников. Даже в XIX в. в психологии духовных лиц были черты, схожие с мировоззрением собственника, что отличало священников от утвердившихся в обществе как профессионалов юристов, врачей. По мнению Коллинсона, было бы также абсурдно предполагать, что дореформационное духовенство было совершенно непрофессионально.

У Коллинсона не вызывают согласия также и попытки обнаружить бюрократию в государственном аппарате впервые только при Томасе Кромвеле в XVI в., а не в XIV в. Уже в XIV в. в Англии появилось много трактатов, которые наставляли священника в особенностях его профессии, и такого количества подобных трактатов, как отмечали историки, не было даже в XVII в.⁶¹⁹ Уже в период позднего средневековья было много священников, не имевших приходов, которые зависели от жалованья, как профессионалы, исполняя различные временные службы. П. Коллинсон также считает, что Англию эпохи Елизаветы и Якова I не следует относить к традиционному обществу, понятие о котором было сформулировано социологами, и он вообще задается вопросом, «существовало ли когда-нибудь такое мифическое традиционное общество». Еще и в XVIII в. священник в приходе был подобен, по словам П. Коллинсона, не профессионалу, а своего рода «патриарху прихода, его правителю, врачу, юристу, представителю власти и учителю»⁶²⁰.

Тем не менее, по мнению Коллинсона, если термином «профессионализация» не злоупотреблять и использовать его, «не абсолютизируя и без претенциозности, то это понятие небесполезно при характеристике того, что происходило в среде английского духовенства в течение столетия после 1559 г.».

⁶¹⁸ Church R.W. The Oxford Movement: Twelve Years 1833—1845. — London, 1891; Henson H.H. Disestablishment. — London, 1929. — P. 66; Russell A. The Clerical Profession. — London, 1980. — P. 6.

⁶¹⁹ Pantin W.A. The English Church in the Fourteenth Century. — Cambridge, 1955; Manning B.L. The People's Faith in the Time of Wyclif. — Cambridge, 1919.

⁶²⁰ Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 98.

Для существования духовенства также была характерна своего рода эндогамия, как её называет Коллинсон, «священнический трайбализм». В первой половине XVII в. одна треть духовных лиц в графстве Кент была жената на дочерях других духовных лиц. К 1630-м гг. сыновья духовенства составляли 15 процентов всех поступавших учиться в Оксфорд. Среди священников у многих были многодетные семьи, но с течением времени нехватка приходов ограничивала рост их семей⁶²¹.

П. Коллинсон отстаивает мнение, что в начале XVII в. пуританизм мог существовать в рамках церкви Англии. Одним из выражений этого было существование такого института, как «лекции в комбинации» (чтение проповедей по очереди в рыночный день с последующим обсуждением прочитанной проповеди за обедом), которые были формой профессионального самосовершенствования внутри духовного сословия. «Лекции в комбинации» Коллинсон рассматривает как аналог пуританских «пророчеств» времени правления Елизаветы. Сообщества священников для профессиональной подготовки, существовавшие во времена Якова I — тема, недостаточно изученная историками. П. Коллинсон подчёркивает очень широкое распространение в это время «лекций в комбинации». Они были свидетельством всё большего укоренения кальвинизма в церкви начала XVII в., но занимались ими не радикально настроенные священники без бенефициев, как считал К. Хилл⁶²², а по преимуществу священники, имевшие приходы. При этом стипендиарные лекторства тоже существовали, включая в себя в некоторой мере и подрывные элементы из числа духовенства, которые и настораживали власти. К этому времени стала также происходить и консолидация духовенства как профессии⁶²³.

Подбор епископов при Якове I вызывал разногласия среди историков. Х. Р. Тревор-Роупер утверждал, что епископальная скамья в правление Якова I была наполнена «придворными в облачении духовных лиц», которые подбирались в соответствии с критерием близости ко двору и королю, а не за выдающиеся способности в церковных делах⁶²⁴. А.П. Коц не соглашался с этим и утверждал, что Яков I стремился возвысить тех духовных лиц, которые проявили себя как полезные королю именно в церковных делах⁶²⁵. Яков I также ценил хороших проповедников. После 1619 года на Якова I стал влиять Бекингам, который продвинул Уильяма Лода, не пользовавшегося расположением Якова I. Яков I позволял фаворитам в церковной политике несколько больше, чем Елизавета, но в принципиальных вопросах контролировал ситуацию в соответствии

⁶²¹ *Collinson P.* The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 115—116; *Stone L.* The Family, Sex and Marriage in England, 1500—1800. — London, 1977. — P. 61.

⁶²² *Hill C.* Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England. — London, 1964. — P. 80.

⁶²³ *Collinson P.* The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 138—139.

⁶²⁴ *Trevor-Roper H.R.* King James and his Bishops // *History Today*. — 1955. № 5. — P. 571—581.

⁶²⁵ *Kautz A.P.* The Selection of Jacobean Bishops // *Early Stuart Studies: Essays in Honour of D. H. Wilson* / Ed. H.S. Reinmuch. — Minneapolis, 1970. — P. 152—179.

с интересами церковной политики, доктрины и личных предпочтений. Якова I больше, чем Елизавету, интересовало богословие⁶²⁶.

Утрата большей части записей о заседаниях конвокаций делает невозможной задачу проследить за всеми важнейшими аспектами деятельности епископов. Из-за этого, по мнению П. Коллинсона, «образ церкви в Англии становится более эрастианским» — представляется, что церковь была больше подчинена государством, чем это было на самом деле⁶²⁷.

П. Коллинсон обнаружил в церкви времен Якова I группировку пуритански настроенных епископов (Джеймс Монтагю, Артур Лейк, Сэмюэл Уорд, Джон Янг) и других высших должностных лиц, которые были связаны между собой и по сличенности напоминали будущую лодианскую группировку. Их первоначальный пуританизм стал более умеренным, как считает Коллинсон, под воздействием изучения патристики, влияния аристократических покровителей, поездок за рубеж, контактов и полемики с католиками, а также под влиянием того, что они продвигались в церкви в административном отношении. П. Коллинсон считает, что при Якове I у многих англикан проявлялось стремление к примирению с пуританами. В этом свете, как представляется Коллинсону, выдвижение на первые роли в церкви архиепископа Лода может рассматриваться как «величайшее бедствие для церкви Англии»⁶²⁸.

При Якове I постоянно росли расходы на содержание церковных зданий и церковную утварь, стало подходить к причастию больше прихожан, рос профессионализм духовенства, и, хотя в церкви были выдвинуты идеи о божественном происхождении епископата, очень многие пуритане чувствовали себя в церкви весьма комфортно. Кальвинисты-пуритане, отличавшиеся стремлением опираться на Писание, могли смириться с аргументацией опорой на Писание защиты божественного происхождения епископата, поскольку кальвинистам нравилось вытекавшее из этих идей стремление укрепить социальный статус церкви и духовенства при Якове I⁶²⁹.

Дж. Соммервилл полагает, что вклад во возвращение английского арминианства, проявившего в 1620—30-е гг. нетерпимость к пуританизму, внес Яков I, поощряя разговоры о божественном праве королей⁶³⁰.

⁶²⁶ Church and Society in England: Henry VIII to James I / Ed. by F. Heal and R. O'Day. — London, 1977. — P. 139.

⁶²⁷ Collinson P. Lectures by Combination: Structures and Characteristics of Church Life in 17th Century England // BIHR. — 1975. — Vol. XLVIII. — P. 182—213.

⁶²⁸ Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 86—90.

⁶²⁹ Haigh C. The Church of England, the Catholics and the People // The Reign of Elizabeth I / Ed. by C. Haigh. — P. 169—220; Boulton J. Neighbourhood, and Society: A London Suburb in the Seventeenth Century. — Cambridge, 1987. — P. 282; O'Day R. The English Clergy: The Emergence and Consolidation of a Profession 1558—1642. — Leicester, 1979; Lake P. Presbyterianism, the Idea of a National Church and the Argument from Divine Right // Protestantism and the National Church in Sixteenth Century / Ed. by P. Lake, M. Dowling. — London, 1987. — P. 193—213; Lamont W. Godly Rule: Politics and Religion 1603—1660. — London, 1969. — P. 36—45.

⁶³⁰ Sommerville J.P. Richard Hooker, Hadrian Saravia and the Advent of the Divine Right of Kings // History of Political Thought. — 1983. — Vol. 4; Idem. Jacobean Political Thought and the Controversy over the Oath of Allegiance. PhD Thesis. — University of Cambridge, 1981; Idem. Politics and Ideology in England, 1603—1640. — London, 1986.

Дж. Соммервилл утверждает, что можно было быть и кальвинистом, и сторонником абсолютизма, но П. Лейк подчёркивает, что большинство сторонников абсолютизма относилось к числу тех, кто разделял и исповедовал арминианские идеи, считая при этом, что они борются с популизмом и подрывной деятельностью пуритан⁶³¹.

П. Лейк полагает, что Яков I сознательно допустил возникновение группировок в церкви во время своего правления и регулировал их взаимоотношения — таково было понимание им королевской власти. Тактикой же Якова I по отношению к оппозиционным церкви Англии пуританам и папистам было стремление внести раскол в их ряды, отколоть умеренных от радикалов, интегрировав затем отколовшихся в установленную церковь. Но развитие фракционности в церкви Англии, считает П. Лейк, привело впоследствии к возникновению патовой ситуации, поскольку противоречия во взглядах между разными группами в церкви никак не исчезали⁶³².

А. Мак-Грат подчеркнул важность для истории церкви Англии подготовки Авторизованного перевода Библии, выполненного по распоряжению Якова I⁶³³. Он отмечает, что Библия Якова I (1611) — самый известный и широко читаемый перевод Библии в современном мире, признанный религиозной и литературной классикой. На формирование английского языка, по его мнению, наибольшее влияние оказали сочинения Уильяма Шекспира и Библия Якова I, «сформировавшая английский литературный национализм и утверждавшая превосходство английского языка в передаче религиозной мысли». Библия Якова I, по крайней мере, до конца первой мировой войны рассматривалась как одно из лучших литературных произведений на английском языке и устанавливала литературные нормы⁶³⁴. Благоприятную роль для подготовки Авторизованного перевода Библии Якова I, считает А. Мак-Грат, сыграло требование архиепископа Кентерберийского Ричарда Бэнкрофта (1604—1610) о том, чтобы текст не пропагандировал пуританизм, пресвитерианство или католицизм⁶³⁵.

Яков I считал, что санкционированный им перевод 1611 г. постепенно вытеснит женеvскую Библию. После 1616 г. женеvская Библия не издавалась в Англии, но ввозилась из Нидерландов и без ограничения продавалась. Представители арминианской группировки во главе с Лодом считали, что хождение в Англии кальвинистской Библии обостряет религиозную напряженность, но они не знали, как запретить женеvскую Библию, и поэтому заявляли, что её использование непатриотично, отни-

⁶³¹ *Lake P. Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker.* — London, 1988. — P. 245—246.

⁶³² *Lake P. Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker.* — London, 1988. — P. 248—249; *Fincham K. Lake P. The Ecclesiastical Policy of King James I // JBS.* — 1985. — Vol. 24. — P. 169—207; *Fincham K. Prelacy and Politics: Archbishop Abbot's Defence of Protestant Orthodoxy // Historical Research.* — 1988. — Vol. 61. — P. 36—64.

⁶³³ *McGrath A.E. In the Beginning. The Story of King James Bible and How It Changed A Nation, A Language and A Culture.* — New York, 2001.

⁶³⁴ *Ibid.* — P. 1—3.

⁶³⁵ *Ibid.* — P. 173.

мает средства у английских печатников, но женевская Библия всё же доминировала на английском рынке. К тому же Библия Якова I в продаже была дороже, поскольку печаталась на основе монополии, предоставленной Роберту Бейкеру. Последнее известное издание женевской Библии на английском языке было опубликовано в 1644 г. Популярность женевской Библии основывалась не на переводе как таковом, а на кальвинистском содержании комментариев, так что была предпринята попытка соединить комментарии женевской Библии с Библией Якова I, и в 1642—1715 годах были опубликованы, по крайней мере, 9 таких изданий. В годы революции печатание женевской Библии в Англии, хотя политических препятствий для этого не было, всё же не восстановилось — возможно, предполагает А. Мак-Грат, происходило осознание того, что женевский перевод Библии на английский язык не так уж хорош. После реставрации Стюартов за женевской Библией утвердилась репутация бунтовщического по содержанию текста. Причиной окончательного утверждения Библии Якова I можно считать то, что она оказалась связанной с авторитетом королевской власти в то время, когда в страну вернулось позитивное отношение к монархии⁶³⁶.

Британские историки в течение долгого времени невысоко оценивали деятельность Якова I. С.Р. Гардинер считал, что Якову I не доставало характера и способности к лидерству, и рассматривал его как трусливого, двуличного, нетерпимого, невнимательного к нуждам правления. Среди современных историков идет процесс переоценки деятельности Якова I в позитивном направлении — обращается внимание, в частности, на то, что ему удавалось поддерживать спокойствие в религиозно-политической сфере⁶³⁷.

Одной из важных тем для британских историков в течение длительного времени является изучение религиозной политики Карла I, а также деятельности архиепископа Кентерберийского Уильяма Лода (1633—1645). Произведения Лода были опубликованы в XIX в.⁶³⁸ Для либералов XIX в., по словам Т. Маколея, Лод был «смешным старым фанатиком». В то же время У. Гладстон признавал Лода «самым терпимым государственным деятелем XVII в.». Для деятелей же англо-католического толка викторианской эпохи была характерна высокая оценка Лода: для них Лод был «замечательным реформатором, главным защитником рабочих и бедных, активным деятелем в области образования, администратором, который стремился искоренить коррупцию, и церковным деятелем, который стремился расширить границы церкви Англии»⁶³⁹. С.Р. Гардинер рассматривал Лода как политического деяте-

⁶³⁶ Ibid. — P. 278—287.

⁶³⁷ Schwarz M.L. James I and the Historians: Toward a Reconsideration // JBS. — 1974. — Vol. XIII. — № 2. — P. 114—134; Fincham K., Lake P. The Ecclesiastical Policy of King James I // JBS. — 1985. — Vol. XXIV — № 2. — P. 169—207; Durston C. James I. — London, 1993.

⁶³⁸ Laud W. The Works of the Most Reverend Father in God, William Laud, D. D., Sometime Archbishop of Canterbury / Ed. W. Scott and J. Bliss. — Oxford, 1847—1860. — Vol. I—VII.

⁶³⁹ Archbishop Laud Commemoration / Ed. by W. Collins. — London, 1895. — P. 124, 142, 158.

ля, с чем и связывал крушение его планов усиления социальной роли церкви. Современные историки не теряют интереса к рассмотрению деятельности Лода⁶⁴⁰.

Историками также предпринимались усилия к тому, чтобы более глубоко рассмотреть явление, называемое в истории церкви Англии лодианством, арминианством. Э. Фостер в статье «Роль епископа: карьера Ричарда Нила, 1562—1640» проанализировал деятельность одного из крупнейших представителей лодианской группировки в церкви Англии, за время служения с 1608 г. успешного поруководить четырьмя епархиями и поставленного с 1632 г. во главе северной Йоркской церковной провинции и введенного вместе с Лодом в Тайный совет при Карле I⁶⁴¹.

Статья Э. Фостера является одним из примеров происходящего переосмысления современными британскими историками значения понятия «арминианство» в жизни церкви Англии накануне гражданской войны. По его мнению, «так называемое «арминианство» в английском варианте совершенно невозможно отождествить с учением Якоба Арминия (1560—1609), который подверг сомнению идею Жана Кальвина о том, что избранный Богом к спасению человек никогда не отпадет от действия благодати и не будет исключен из числа избранных к спасению, что бы он ни делал в своей земной жизни». Проблематика собственно арминианских идей отличается от лодианства. Один из лидеров арминианской группировки Ричард Нил заявлял, что не прочитал и трёх строчек из Арминия, так что их, полагает Э. Фостер, следует называть лодианцами. По его мнению, использования понятия «арминианство» в Англии первых десятилетий XVII в. применительно к группировке во главе с Лодом и Нилом — «пример неправильного словоупотребления», до сих пор встречающегося в работах британских историков, которые вслед за современниками событий назвали «арминианством» стремление группировки Лода подчеркнуть значение таинств, церемоний, видимой церкви, апостольской преемственности епископов, поддержку ими теории о божественном происхождении права королей на власть, которые внешне напоминали части современников признаки движения церкви Англии обратно к католицизму⁶⁴².

Если более адекватно характеризовать арминианство, то, по мнению Х. Тревор-Роупера, в арминианстве можно выделить три группы, частично накладывавшиеся друг на друга: голландские и другие либеральные кальвинисты, сакраменталисты в церкви Англии, высоко ценившие роль

⁶⁴⁰ *Trevor-Roper H.R. Archbishop Laud. 3rd ed. — London, 1989; Idem. Catholics, Anglicans and Puritans. — London, 1987. — P. 40—119; Carleton C. Archbishop William Laud. — London, 1987; Sharpe K. Archbishop Laud // History Today. — 1983. — № 33. — P. 26—30; The Sixteenth Century 1485—1603 / Ed. by P. Collinson. — Oxford, 2002. — P. 105—106.*

⁶⁴¹ *Foster A. The Function of a Bishop: the Career of Richard Neile, 1562—1640 // Continuity and Change. Personnel and Administration of the Church in England, 1500—1642 / Ed. by R. O'Day, F. Heal. — Leicester, 1976. — P. 33—54.*

⁶⁴² *Continuity and Change. Personnel and Administration of the Church in England, 1500—1642. — Leicester University Press, 1976. — P. 54.*

таинств, с которыми близки лодианцы, и евангелические сектанты в Англии (общие баптисты, Джон Гудвин)⁶⁴³.

Э. Фостер отмечает, что Нил не был ни талантливым проповедником, ни интеллектуалом и по характеру проявлял в первую очередь способности к администрированию и практической деятельности, но был популярным епископом, стремился к увеличению доходов священников, покровительствовал только представителям лодианской группировки. С 1617 г. Даремская епархия, будучи одной из самых богатых епархий в церкви Англии, с вступлением Нила в управление ею стала, по словам Э. Фостера, настоящим центром арминианской партии. Все епископы в церкви стремились продвигать своих ставленников, но Нил был особенно настойчив и успешен в этом, так что Нила и Лода парламент 1628—29 гг. выделил как лидеров арминианской группировки. По словам пуританина У. Принна, эта группировка была настоящим централизованным правительством. Поначалу лодианцев идентифицировали как группировку, организационным центром которой был епископ Даремский Ричард Нил (the Durham House Group)⁶⁴⁴.

Усиление епископов, считает Э. Фостер, во многих отношениях приносило пользу государственным делам, поскольку стало уделяться больше внимания заботе о бедных, улучшился контроль за финансами, но многие светские лица считали, что епископы стали вести себя высокомерно. Нил хотел, чтобы церковь вернула себе такую же социальную роль, какую она имела до Реформации, но приверженность его группировки тем взглядам, которые в Англии стали называть арминианскими, слишком яркая поддержка королевской прерогативы, по словам Э. Фостера, бросали тень в глазах общественного мнения на все его начинания. Заботу о бедных стали считать чересчур патерналистской, епископов обвиняли в слишком низком происхождении, недостатке внимания к проповеди в церкви, в недостаточной грамотности, в сущности, повторяя обвинения 1520—30-х гг. в адрес тогдашних католических епископов. Э. Фостер считает, что группировка Лода действовала в авторитарной манере, используя церковные суды, ограничение проповеди и лекторств, цензуру. Кульминацией этого процесса, по оценке Э. Фостера, была конвокация 1640 г., когда была предпринята попытка принять 17 «крайне новаторских» церковных канонов⁶⁴⁵.

Деятельность арминианской группировки действительно укрепила церковь как институт, но, отмечает Э. Фостер, «ирония истории» состояла в том, что в 1630-е гг., когда церковь имела больше сил и влияния, чем когда-либо ранее в постреформационный период, церковь стала также вызывать ещё больше страха и ненависти, и усиление церкви оказалось для общества в Англии уже неприемлемым⁶⁴⁶.

⁶⁴³ *Trevor-Roper H.* From Counter-Reformation to Glorious Revolution. — Chicago, 1992.

⁶⁴⁴ *Foster A.* The Function of a Bishop: the Career of Richard Neile, 1562—1640 // Continuity and Change / Ed. by R. O'Day, F. Heal. — Leicester, 1976. — P. 41—46; *Raymer V.E.* Durham House and the Emergence of Laudian Piety. — Harvard University PhD, 1981.

⁶⁴⁵ Continuity and Change. Personnel and Administration of the Church in England, 1500—1642. — Leicester University Press, 1976. — P. 52.

⁶⁴⁶ *Ibid.* — P. 53.

Обсуждение положения в церкви Англии в первые десятилетия XVII в. связано с рассмотрением причин Английской революции и гражданской войны. В 1989 г. был опубликован сборник статей о политической и религиозной ситуации в Англии первых десятилетий XVII в. под редакцией Р. Каста и Э. Хьюз⁶⁴⁷. Рассматривая причины гражданской войны, Р. Каст и Э. Хьюз обращают внимание на то, что в современной британской историографии историки-ревизионисты стали пропагандировать идею о том, что коллективные социально-политические действия масс не ведут к прогрессивному развитию общества — скорее, массовые выступления трактуются как экстремистские по характеру и бесполезные по результатам, поэтому ревизионисты рассматривают гражданскую войну в Англии середины XVII в. как беспорядочный, бессвязный и случайный по происхождению конфликт, возникший под влиянием таких же случайных причин кратковременного действия. Историки-ревизионисты считают, что события гражданской войны оказались по большей части бесполезными в своих следствиях, не оказав серьёзного влияния на дальнейшую историю Англии, поскольку Англия и после гражданской войны оставалась обществом, которое можно отнести к государствам «старого режима»: в Англии по-прежнему господствовала монархия, рассматривавшаяся как божественное установление, официальная англиканская церковь, и такое положение сохранялось в стране до 1832 г.⁶⁴⁸

Либеральная и марксистская интерпретации истории Англии, признавая позитивное историческое значение революций, по своему характеру являются прогрессистскими. Но к 1980-м гг. вера в прогресс и в то, что прогрессивное развитие Англии продолжается, в среде британских историков стала разрушаться⁶⁴⁹. События гражданской войны середины XVII в., по словам Р. Каста и Э. Хьюз, стали даже смущать часть историков: они не укладывались в разрабатывавшиеся рядом консервативных по преимуществу авторов идеи о том, что историческое развитие Англии представляло собой пример постепенных изменений, когда даже в случае роста в стране социальной напряженности английские власти находили консенсусные механизмы, которые предотвращали социальные конфликты⁶⁵⁰.

Для историков, работавших в либеральной традиции, гражданская война представлялась конституционно-политической борьбой между авторитарной по характеру монархией и стремлением утвердить власть закона, гарантии индивидуальной собственности и основные свободы че-

⁶⁴⁷ Conflict in Early Stuart England. Studies in Religion and Politics, 1603—1642 / Ed. by R. Cust and A. Hughes. — London and New York, 1989.

⁶⁴⁸ Clark J.C.D. Revolution and Rebellion. — London, 1986; *Idem*. English Society 1688—1832. — London, 1985; Richardson R.C. The Debate on the English Revolution. — London, 1977; Tomlinson H. The Causes of War: A Historiographical Survey // Before the English Civil War / Ed. by H. Tomlinson. — London, 1983. — P. 7—26; Pocock J.G. A. Introduction // Three British Revolutions: 1641, 1688, 1776 / Ed. by J.G. Pocock. — New Jersey, 1980. — P. 3—20.

⁶⁴⁹ Cannadine D. British History: Past, Present and Future? // Past & Present. — 1987. — № 116. — P. 169—181.

⁶⁵⁰ Conflict in Early Stuart England. Studies in Religion and Politics, 1603—1642 / Ed. by R. Cust and A. Hughes. — London and New York, 1989. — P. 1.

ловека, которые отстаивались оппозицией, базировавшейся в основном в палате общин. Оппозиция проявила себя также оплотом английского протестантизма в борьбе с антипатриотичной, почти что папистской религиозной политикой, которую проводил Карл I. В результате этой сложной религиозно-политической борьбы в стране, согласно представлениям либеральных историков, начала утверждаться религиозная терпимость, хотя она первоначально распространялась лишь на различные направления в протестантизме. Начало гражданской войны в 1642 г. в рамках либеральной традиции рассматривалось как результат длительного развития процессов, проявившихся ещё в последние годы правления Елизаветы I.

Марксистские истолкования гражданской войны в Англии сходны с либеральными в том, что в них прослеживаются долговременные причины в её происхождении путем анализа экономических процессов и классовых конфликтов. Гражданская война трактуется в марксистской историографии как буржуазная революция, рассматриваемая в качестве важного этапа в переходе Англии от традиционного феодального общества к современному капиталистическому обществу. Эта революция связывалась марксистами с появлением нового общественного класса, класса капиталистов, состоявшего частично из формировавшейся буржуазии, частично из видоизменившихся представителей прежних элит. Этот капиталистический класс стремился извлекать максимальные прибыли из сельского хозяйства, активно занимался ремеслом и торговлей. В связи с кризисом марксистской методологии в 1970—80-е гг. на первый план у марксистски ориентированных историков вместо буржуазии стал выходить средний класс, который преподносился как важная составная часть формировавшейся буржуазии. Историки-марксисты также обращали внимание на социальные низы, различные радикальные движения 1640—50-х гг.⁶⁵¹

Многие современные историки склоняются к мнению, что трудно провести ясное различие между религиозными и политическими, социальными и экономическими вопросами в происхождении гражданской войны. К. Хилл в работе «Экономические проблемы церкви» показал, насколько неразрывно были связаны религиозные и экономические мотивы в спорах о десятинах, о праве светских лиц на взимание десятины, о церковных землях и церковных судах⁶⁵². В работе «Общество и пуританизм в предреволюционной Англии» К. Хилл показал, что пуританизм был привлекателен для тех, кого он называет «трудолюбивыми людьми» — для торговцев и ремесленников⁶⁵³. Но, по мнению Х.Г. Алексан-

⁶⁵¹ Samuel R. British Marxist Historians 1880—1980 // *New Left Review*. — 1980. — № 120. — P. 21—90; Hill C. *The English Revolution*. — London, 1940; *Idem*. *Recent Interpretations of the Civil War* // Hill C. *Puritanism and Revolution*. — London, 1968. — P. 13—40; *Idem*. *The World Turned Upside Down*. — London, 1972; Manning B. *The English People and the English Revolution*. — London, 1976; Corrigan P., Sayer D. *The Great Arch*. — Oxford, 1985.

⁶⁵² Hill C. *The Economic Problems of the Church*. From Archbishop Whitgift to the Long Parliament. — Oxford, 1956.

⁶⁵³ Hill C. *Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England*. — New York, 1967.

дера, неудовлетворительные аспекты такого понимания пуританизма, предлагаемого К. Хиллом, состоят в том, что на его основе не удаётся объяснить явную привлекательность пуританизма для многих лиц из числа джентри, юристов, более подготовленного в профессиональном отношении духовенства. Остаётся также проблема в объяснении того, почему религиозные верования накануне гражданской войны вели к активизации политической деятельности человека, а не к уходу в чисто личную по характеру религию и квиетизм⁶⁵⁴.

В событийной части изложения истории революции и гражданской войны в Англии либеральные историки продолжают черпать материалы из многотомного труда С.Р. Гардинера⁶⁵⁵, при этом рассматривая гражданскую войну как явление, которое сыграло решающую роль в продвижении Англии к установлению конституционной монархии и рыночной экономики. В качестве эпилога гражданской войны середины XVII в. при этом рассматривается «Славная революция» 1688—89 гг.

На изучение религиозной и политической ситуации в Англии первых десятилетий XVII в. в современной британской историографии с 1970—80-х гг. стала влиять ревизионистская концепция в понимании происхождения Английской революции и гражданской войны, в которой рассмотрение истории церкви Англии было составной частью предлагавшейся объяснительной схемы. Согласно аргументации К. Рассела, гражданская война была случайной и возникшей из состояния хронического непонимания, недоверия и запугивания⁶⁵⁶. Этот подход проявился также в работах Дж. Моррилла, К. Шарпа, Дж. Кениона, М. Кишлански, у признававшего обоснованность ревизионистской аргументации и поддерживавшего контакты с историками-ревизионистами Дж. Элтона⁶⁵⁷. Эти историки отвергают марксистскую интерпретацию английской революции, считая её необоснованной, детерминистской, опирающейся на использование ретроспективы. Ревизионисты разрывают связь между политическими конфликтами и социальными изменениями в Англии предреволюционного периода. Они не находят ничего исторически прогрессивного в сопротивлении монархии. В их трактовке, напротив, монархия в правление Карла I отличалась стремлением к введению нов-

⁶⁵⁴ Alexander H.G. Religion in England, 1558—1662. — London, 1968. — P. 169.

⁶⁵⁵ Gardiner S.R. History of England from the Accession of James I to the Outbreak of Civil War. 1603—1642. — London, 1883—1884. — Vol. I—X; *Idem*. History of the Great Civil War. 1642—1649. — London, 1886—1891. — Vol. I—III; *Idem*. History of the Commonwealth and Protectorate. — London, 1894—1901.

⁶⁵⁶ Russell C.S.R. Introduction // The Origins of the English Civil War / Ed. by C.S.R. Russell. — London, 1973. — P. 1—31; *Idem*. Parliamentary History in Perspective 1604—29 // History. — 1976. — № 61. — P. 1—27; *Idem*. Parliaments and English Politics 1621—1629. — Oxford, 1979.

⁶⁵⁷ Morrill J.S. The Revolt of the Provinces. — London, 1976; Sharpe K. Introduction: Parliamentary History 1603—29: in or out of Perspective? // Faction and Parliament / Ed. by K. Sharpe. — Oxford, 1973. — P. 1—42; Kishlansky M. The Emergence of Adversary Politics in the Long Parliament // Journal of Modern History. — 1977. — № 49. — P. 617—640; *Idem*. Parliamentary Selection. — London, 1986; Kenyon J.P. The Stuart Constitution 1603—88. — London, 1986; Elton G.R. A High Road to Civil War? // Elton G.R. Studies in Tudor and Stuart Politics and Government. 2 vols. — London, 1974. — Vol. II. — P. 164—182.

шесть, состоявшем в том, что королевская власть пыталась преодолеть ограниченность своих ресурсов, противостоять ограничениям, которые налагал на действия монарха обструкционистский парламент, и оказывать влияние на происходившее в Европе. Консерваторами же были оппоненты короны, особенно палата общин, которая упорно цеплялась за сохранение устаревших традиций и прав. К тому же, по мнению ревизионистов, деление участников политического процесса на консерваторов и сторонников прогресса применительно к предреволюционной Англии бессмысленно, поскольку в XVII в. в общественном сознании ещё не утвердилась идея прогресса и даже представление о желательности определенных социальных изменений, которые можно было бы планировать заранее. Идеологический раскол, существовавший в английском обществе накануне гражданской войны, не осмысливался современниками событий в понятиях деятельности прогрессивных и реакционных сил.

На формирование ревизионистской концепции происхождения гражданской войны в Англии повлияли идеи Дж. Эллиота, который в статье «Революция и континуитет в Европе раннего нового времени» (1969)⁶⁵⁸ объявил анахронизмом проведение каких-либо аналогий между обществом с сословно-корпоративной структурой, связанным вертикальными узлами родства и патроната, и обществом, разделенным на классы; между обществом, идеалы которого устремлены в прошлое, и обществом, в котором доминирует идея прогресса. Этот тезис, признающий революционными только те движения, которые характеризовались наличием идеологии, основанной на представлениях о прогрессивной направленности исторических изменений и появившейся лишь в эпоху Просвещения, был заимствован из политологии⁶⁵⁹ и впоследствии поддержан некоторыми историками, подчёркивавшими консервативный и даже реакционный характер идеологии участников восстаний XVI—XVII вв.⁶⁶⁰ Массовые движения XVI—XVII вв. Дж. Эллиот свел к чисто политическим конфликтам и борьбе за власть. Революционной ему виделась политика абсолютистского государства, а реакционным — сопротивление ей различных общественных слоёв в ответ на фискальные требования и религиозную политику правительства. Побудительными мотивами движений XVI—XVII вв. были, по мнению Дж. Эллиота, так называемый народный национализм и «корпоративный конституционализм» верхних слоёв общества (аристократии, джентри, городской верхушки, духовенства и т. п.), который выражался в идеализированном представлении об общине или корпорации как реально существующем организме, наделенном специфическими обязательствами, правами, привилегиями. Эти силы стремились к сохранению своей идеализированной общности локального, регионального или национального масштаба, что в их деятельности перевешивало лю-

⁶⁵⁸ Elliott J. Revolution and Continuity in Early Modern Europe // Past & Present. — 1969. — № 42. — P. 35—56.

⁶⁵⁹ Arendt H. On Revolution. — New York, 1963.

⁶⁶⁰ Introduction // The General Crisis of the Seventeenth Century / Ed. by G. Parker and L.M. Smith. — London, 1985.

бые мотивы, включая религиозные. Эти движения протеста со стороны правящих классов взаимодействовали с движениями народных масс, вызванными религиозными, фискальными или социальными притеснениями. При таком подходе единственно адекватной историческим реалиям «доиндустриального» общества оказывается политическая революция, а революция раннего нового времени и революции конца XVIII—XIX вв. предлагалось понимать как типологически разные явления⁶⁶¹. В Европе в XVI—XVII вв., отмечает Дж. Эллиот, в социальных движениях в отношениях между верхушкой и народом различия в моделях взаимодействия обусловлены балансом между отчуждением правящих классов от центральной власти и его страхом перед угрозой социальных беспорядков. В английской же революции временный альянс оппозиции внутри правящего класса и сил народного протеста был укреплен общими религиозными узлами. Эта концепция английской революции, которую Л.П. Репина называет «неоревизионистской», обосновывалась также в статье Дж. Эллиота «Англия и Европа: общее бедствие?» (1973)⁶⁶².

При этом, прогнозируя развитие религиозно-политической ситуации в Англии XVI в., Дж. Эллиот высказывал мнение, что, если бы Мария Тюдор прожила дольше, то в Англии XVI в. произошли бы события, подобные войне за независимость в Нидерландах во второй половине XVI в., что также предполагает Х. Кенигсбергер и соответствует предположениям либерального исследователя английской Реформации А.Дж. Диккенса⁶⁶³.

По словам ещё одного консервативного представителя социальной истории П. Ласлетта, в рассуждениях о событиях в Англии в середине XVII в. революция — это понятие, появившееся в XIX в., а применительно к событиям XVII в. понятию социальной революции нет места в анализе того, что происходило в английской политической жизни раннего нового времени. Как пишет П. Ласлетт, «такого комплекса событий, как английская революция середины XVII в., вообще не существовало»⁶⁶⁴. Как представляется, это полемически заостренное утверждение является также результатом влияния номиналистской познавательной традиции в неопозитивистском обличье, приверженность которой характерна для консервативных британских историков.

Вместо существования в английском обществе накануне революции середины XVII в. острого и усиливавшегося религиозно-политического раскола, о котором писали либеральные историки, историки-ревизионисты утверждают, что в английском обществе существовало согласие в политических вопросах, сохранявшееся до времени накануне гражданской войны, и религиозное единство, которое, правда, было нарушено раньше — после того, как на престол взошел Карл I. Ревизионисты утверж-

⁶⁶¹ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. — М., 1998. — С. 151.

⁶⁶² Elliott J.H. *England and Europe: A Common Malady? // The Origin of the English Civil War* / Ed. by C. Russell. — London, 1973. — P. 246—257.

⁶⁶³ Early Modern Revolutions. An Exchange // *Journal of Modern History*. — 1974. — Vol. 46. — № 1. — P. 101.

⁶⁶⁴ Laslett P. *The World We Have Lost Further Explored*. 3rd ed. — New York, 1984. — P. 206—209.

дают, что в английском обществе существовало широкое согласие в том, что власть королей божественна, но при этом монархи должны советоваться в делах управления с самыми влиятельными и знающими людьми в своем королевстве, которых они включают в состав своего совета, и с парламентом, роль которого рассматривалась как подчинённая, но тоже важная, поскольку парламент выделял финансовые средства монарху и давал ему советы. Раскол, конфликты в политической жизни рассматривались почти всеми англичанами как незаконные, неприятные явления, которых надо избегать. Считалось, что только монарх имеет право формировать правительство, принимать решения по делам высокой политики, а для существования «оппозиции» в современном смысле слова не было места. Политические партии и группировки воспринимались как раскольнические фракции, и все участники политического процесса, как предполагалось, должны были стремиться к достижению единства и гармонии. Депутаты парламента воспринимали себя как конструктивных критиков, а не оппонентов королевской политики. Политические конфликты, конечно, происходили, но, по утверждениям ревизионистов, они не несли в себе отражение прямого раскола между правительством и оппозицией, «двором» и «страной», поскольку и в составе правительства были те, кто активно высказывались за учёт интересов европейского протестантизма во внешней политике Англии, за то, чтобы парламент участвовал в управлении страной. Столкновения в парламенте в первые десятилетия XVII в. ревизионисты предлагают также рассматривать как побочный продукт соперничества и расколов во взаимных отношениях между членами королевского совета, придворными⁶⁶⁵.

Ревизионисты также отвергают мнение вигских историков о том, что предреволюционный конфликт в Англии возник потому, что парламент, в особенности палата общин, становились все сильнее в политическом отношении. «Захват законодательной инициативы парламентом», о котором ранее писал либеральный историк У. Ноутстейн, по мнению К. Рассела, не был таким значительным, как это представлялось либералам⁶⁶⁶. Созыв парламента, считает К. Рассел, был скорее экстраординарным событием в политической жизни, чем институционализированным, устоявшимся явлением. Созыв парламента зависел от интересов и даже капризов монарха, но многие парламентарии тоже не желали, чтобы парламент превратился в постоянно действующую часть системы управления страной. Многие депутаты парламента были консервативно настроенными представителями местных элит из графств, и в их действиях преобладали мотивы, связанные с местными интересами тех регионов, откуда они избирались в парламент, а общегосударственные дела для них зачастую находились на

⁶⁶⁵ *Russell C. Parliaments and English Politics. — P. 1—84; Kishlansky M. The Emergence of Adversary Politics. — P. 617—628; Hirst D. Court, Country and Politics before 1629 // Faction and Parliament / Ed. by K. Sharpe. — P. 105—137.*

⁶⁶⁶ *Notestein W. The Winning of the Initiative by the House of Commons. — London, 1924; Russell C.S.R. The Nature of a Parliament in Early-Stuart England // Before the English Civil War / Ed. by H. Tomlinson. — P. 123—150.*

втором плане. Они не хотели того, чтобы парламент финансировал предприятия общегосударственного масштаба, связанные с законными интересами монархии, так что Карл I считал непродуктивным общение с теми парламентариями, которые не понимали государственных интересов. Это, считает К. Рассел, в конце 1620-х гг. привело английский парламент к реальной возможности исчезновения. Ревизионисты считают также, что вигские историки уделяли слишком большое внимание изучению палаты общин, в то время как, по мнению ревизионистов, действующие лица, которые обладали решающим влиянием в английском обществе первых десятилетий XVII в., остававшимся иерархическим и традиционным, группировались в палате лордов, при дворе, в королевском совете.

Ревизионисты предложили также своё понимание того, что происходило в церкви Англии в 1590—1630-х гг. Если ранее представлялось, что в это время развивалось противостояние между церковью Англии и пуританской оппозицией, то ревизионисты обратили больше внимания на то, что среди английских протестантов начала XVII в. трудно провести резкие различия во взглядах. Вплоть до времени, когда началось возвышение группировки Лода, по их мнению, большинство образованных английских протестантов были кальвинистами в богословских взглядах, сторонниками епископальной системы управления, ненавидели папство и были сторонниками того, что в церкви большое место должна занимать проповедь. Пуритане были, в сущности, теми же протестантами, только более рьяными и энергичными. В трактовке ревизионистов, только подъём арминианства, происходивший с середины 1620-х гг., вызвал резкий и решительный раскол в среде английских протестантов. Арминианство было вызовом для той кальвинистской по убеждениям уверенности в своем спасении и правоте, которой достигло большинство английских протестантов. Арминианство было агрессивно конформистским, отстаивавшим иерархию, таинства, церемониал, укрепление положения духовенства, и в этих чертах арминианства протестанты могли увидеть признаки попыток возвращения к папизму⁶⁶⁷. Ревизионисты также считают случайностью то, что Карл I стал возвышать в церкви арминианскую группировку⁶⁶⁸. Конформизм группировки Лода, полагают ревизионисты, был в значительной степени преемственным с той разновидностью конформизма в церкви Англии, который отстаивали еще архиепископы Уитгифт и Бэнкрофт⁶⁶⁹.

К началу XVII в., как считают ревизионисты, в народе появилась приверженность к протестантизму. При этом пуритане в народе были непопулярны потому, что требовали обязательного присутствия на проповедях, настраивали соседей друг против друга взаимными морали-

⁶⁶⁷ *Tyacke N.R.N. Puritanism, Arminianism and Counter-Revolution // Origins of the English Civil War / Ed. by C. Russell. — London, 1973. — P. 119—143.*

⁶⁶⁸ *Hirst D. Authority and Conflict: England 1603—1658. — London, 1986. — P. 77.*

⁶⁶⁹ *Sharpe K. Archbishop Laud // History Today. — 1983. — № 33. — P. 26—30; Idem. Archbishop Laud and the University of Oxford // History and Imagination / Ed. by H. Lloyd-Jones et al. — London, 1981. — P. 146—164; White P. The Rise of Arminianism Reconsidered // Past & Present. — 1983. — № 101. — P. 35—54.*

зиторскими требованиями. При таком понимании пуританизма он был в первую очередь не подрывным в отношении монархии, а элитарным явлением, движением меньшинства, подрывавшим традиции добросодействия, установившиеся социальные связи⁶⁷⁰. Это может дать возможность по-новому посмотреть на возможные альтернативы пуританизму, в том числе и на лодианство. К. Хейг и К. Шарп утверждают, что по сравнению с пуританизмом лодианство могло стать более привлекательным для простого народа, изменив кальвинистские представления о предопределении, подчеркивая значение церемониальности в церковной жизни и считая вполне законными в свободное время такие формы отдыха, в которых не было моральных прегрешений. Но Дж. Моррилл не считает лодианство привлекательным и видит в лодианской группировке ещё одно непопулярное меньшинство, предлагавшее для англиканской церкви слишком навязчивую, дорогую и способную привести к внутрицерковному расколу программу, которая была окончательно отвергнута в 1641—1642 гг., в то время как до усиления влияния лодианской группировки умеренно епископальная и умеренно церемониальная церковь Англии уже смогла приобрести значительную привлекательность.

При таком подходе получается, что гражданская война в Англии была вызвана деятельностью небольших групп экстремистов: лодианцев с их клерикальными притязаниями и внешне напоминавшей папизм тягой к обрядности, и пуритан, чья деятельность лодианцев провоцировала на борьбу в защиту Реформации. И пуритане, и лодианцы не находили отклика у большинства прихожан, которые больше тяготели к умеренности, здравому смыслу. Как писал о гражданской войне в Англии Дж. Моррилл, «это была не первая европейская революция, а последняя религиозная война в Европе, вызванная деятельностью небольшой группы протестантских экстремистов, которые стремились к дальнейшему развитию Реформации в Англии в направлении, которое, как они считали, в наибольшей степени соответствовало божественным повелениям»⁶⁷¹. Дж. Моррилл и Э. Флетчер полагают, что только конфликт глубоко укorenившихся религиозных убеждений мог породить раскол 1642 г. и дать толчок гражданской войне. Они считают, что все основные проблемы Карла I были связаны с религиозной сферой: в 1630-е гг. недовольство появлялось наиболее сильно в отношении королевских мероприятий в церковной политике, и, несмотря на все фракционные, функциональные, местные проблемы и личные столкновения, осложнявшие политическую жизнь, именно религиозные вопросы были основой того краха, который потерпел режим Карла I в 1640 г.⁶⁷²

⁶⁷⁰ Haigh C. The Church of England, the Catholics and the People // The Reign of Elizabeth I / Ed. by C. Haigh. — London, 1984. — P. 195—219.

⁶⁷¹ Morrill J.S. The Religious Context of the English Civil War // TRHS 5th Series. — 1984. — Vol. 34. — P. 155—178; *Idem*. The Attack of the Church of England in the Long Parliament, 1640—1642 // History, Society and the Churches / Ed. by D. Beales, G. Best. — London, 1985. — P. 105—124.

⁶⁷² Morrill J.S. The Religious Context of the English Civil War // TRHS 5th Series. — 1984. —

К ревизионистам примыкает также Э. Флетчер, который сходен с ними тем, что в рассмотрении происхождения гражданской войны считает, что происхождение войны связано с событиями не более чем двухлетней ретроспективы от начала войны: по его словам, великие события не всегда имеют значительные причины. Современники этих событий даже надеялись, что после созыва Долгого парламента возможно примирение соперничавших сторон, но в их среде все же возобладала вера в то, что каждая из сторон организовала заговор против друг друга⁶⁷³. Вигская и марксистская интерпретации гражданской войны были оспорены ревизионистами также и в том, что гражданскую войну предлагалось рассматривать как фактически средневековый по характеру религиозный конфликт, а не явление, которое по своему характеру относится уже к новому времени⁶⁷⁴.

Как отмечают Р. Каст и Э. Хьюз, историки-ревизионисты не представили ни одного труда, в котором содержалась бы разделяемая ими позитивная версия происхождения гражданской войны в Англии, но ревизионисты не видят в этом какого-либо недостатка, не считают себя научной школой, которая должна была бы представить одну связную версию происходивших исторических событий⁶⁷⁵.

По мнению Р. Каста и Э. Хьюз, непоследовательность ревизионистов яснее всего видна в подходе к событиям религиозной истории. Пуритан они рассматривают то как агрессивное меньшинство, то как часть широкого и в целом единого протестантского блока. Арминианство представляется ревизионистами то как явление, неожиданно появившееся в церкви Англии, то проводится мысль о преемственности арминианства с более ранними конформистскими идеями в англиканской церкви. Сторонники парламента представляются у ревизионистов как упрямые консервативные защитники традиционных прав, даже как экстремисты, охваченные милленаристской экзальтацией, а роялисты выглядят как сторонники соблюдения законности, вынужденные защищать монарха.

Р. Каст и Э. Хьюз также выражают несогласие с подходом ревизионистов к работе с источниками. Ревизионисты, на их взгляд, слишком привержены буквальному, узкому толкованию источника — рассмотрение этого же источника в более широком контексте порой ведёт к другим выводам. Историки-ревизионисты также, по словам Р. Каста и Э. Хьюз, «одержимы стремлением использовать в первую очередь рукописные источники». Рассмотрение изучаемого вопроса в ретроспективе, толкование событий задним числом рассматривается ревизионистами как непоправимо предвзятое, хотя бы это и несло в себе продуктивные догадки для понимания изучаемого вопроса. У них также проявляется тенденция к отрицанию существования чего-либо, если об этом молчат современные данному явлению источники. Применительно к изучению религиозно-политиче-

Vol. 34. — P. 155—178; *Fletcher A.J.* The Outbreak of the English Civil War. — London, 1981.

⁶⁷³ *Fletcher A.* The Outbreak of the English Civil War. — London, 1981.

⁶⁷⁴ *Conflict in Early Stuart England. Studies in Religion and Politics, 1603—1642* / Ed. by R. Cust and A. Hughes. — London and New York, 1989. P. 10.

⁶⁷⁵ *Ibid.* — P. 11.

ской истории Англии предреволюционного времени это означает, что в том случае, если в источниках прямо не упоминается об идеологическом конфликте, существовании оппозиции, даже если можно предположить, что высказывавшийся человек в данной ситуации был просто стеснен в возможности открыто высказать то, что думает по этому поводу, ревизионисты утверждают, что в данной ситуации нет возможности найти свидетельства существования недовольства политикой королевской власти. То, что люди в это время жили и действовали в подверженном цензуре авторитарном обществе, во внимание не принимается. Особенно, считают Р. Каст и Э. Хьюз, этот подход искажил изложение ревизионистами событий 1630-х гг., когда отсутствие открытого сопротивления и оппозиции короне привело к переоценке ими стабильности режима личной власти в период беспарламентского правления Карла I. Надо учитывать, что для 1630-х гг. очень трудно найти источники личного происхождения, в которых давалась бы характеристика политической ситуации в стране. В период личного правления Карла I после 1629 г. единственным действующим источником центральной власти стали королевский двор и Тайный совет. По этой причине выражение политического несогласия с действиями властей стало гораздо более трудным делом по сравнению с тем временем, когда созывался парламент. Тайный совет с подозрением относился к любым заявлениям, сформулированным в правовых или идеологических понятиях, поэтому публичные протесты стали принимать более ограниченные формы, фокусировались на практических вопросах. В письменных текстах в эти годы сказывались влияния страха, самоцензуры, но, несмотря на эти факторы, в частных материалах этого времени всё же прослеживается большая озабоченность происходящим в стране, разнообразие мнений по поводу событий в политической и религиозной жизни страны. Ревизионисты же пытались утверждать, что большинство англичан не волновала политическая ситуация в стране, и режим личной власти оставался бы приемлемым далее, если бы не влияние неудачной войны с шотландцами⁶⁷⁶.

Ревизионисты не считают нужным, как Дж. Элтон, изучать механизм функционирования парламента. Наилучшими источниками для изучения истории парламента они считают парламентарские журналы, дневники парламентариев, и меньшее значение они придают еженедельным письмам с новостями, рассылавшимся провинциальным подписчикам в XVII в. (newsletters) и донесениям иностранных послов, хотя эти документы, освещающие события в более широком контексте, как считают Р. Каст и Э. Хьюз, могут пролить свет на мотивы действий депутатов парламента, которые труднее понять из парламентарских источников. Ревизионисты также подвергли критике представления о противостоянии «двора» и «страны», поскольку от-

⁶⁷⁶ Lake P. The Collection of Ship Money in Cheshire during the 1630: A Case Study of Relations between Central and Local Government // Northern History. — 1981. — Vol. XVI. — P. 44—71; Fincham K. The Judges' Decision on Shi Money in February 1637: the Reaction of Kent // BHR. — 1984. — Vol. 57. — P. 230—237; Conflict in Early Stuart England. Studies in Religion and Politics, 1603—1642 / Ed. by R. Cust and A. Hughes. — London and New York, 1989. — P. 32.

мечали, что многие придворные были задействованы в том, что происходило в жизни графств, и между представителями «двора» и «страны» трудно обнаружить идеологические различия. Ревизионисты подчеркивают также значение инфляции в экономической жизни страны, недальновидности парламентариев в предреволюционный период, которые ставили корону в трудное положение. Но, как подчёркивают Р. Каст и Э. Хьюз, финансово-политические проблемы в предреволюционной Англии рассматривались также и через призму моральных подходов, античных и средневековых прецедентов. Религиозному сознанию этого времени было присуще представление о том, что финансово-политические проблемы возникают у тех людей, кто расточителен, подвержен дурным влияниям, моральному разложению, что процветало современниками на королевский двор⁶⁷⁷.

Историки-ревизионисты утверждают, что вигская историография в истолковании событий XVII в. придерживается тех подходов, которые исповедовали сторонники парламента в гражданской войне, но, как считают Р. Каст и Э. Хьюз, подходы самих ревизионистов, в свою очередь, звучат отголоском позиции роялистов XVII века. На ревизионистов явно оказал влияние труд Кларендона «История Великого мятежа», в котором подчёркивалось, что начало гражданской войны было результатом действия кратковременных причин, случайных событий, том числе и смерти графа Бедфорда, который в мае 1641 г. успешно вёл переговоры и находил компромиссы между парламентом и королем. Критики также считают, что ревизионисты испытали влияние менее известных трудов историков-роялистов, например, Уильяма Дагдейла, писавшего в 1680-е г.⁶⁷⁸

Историки-ревизионистов отличает ещё и преимущественное внимание к делам высокой политики, взаимоотношениям известных политиков при дворе, в которых они предлагают искать достаточное объяснение происходившим событиям.

Несмотря на недостатки в трудах и исследовательских подходах ревизионистов, Р. Каст и Э. Хьюз считают, что их исследования основаны на тщательном изучении источников, и любая серьёзная критика ревизионистов тоже, в свою очередь, должна основываться на глубоком знакомстве с источниками. Как пишут Р. Каст и Э. Хьюз, с ревизионистами можно согласиться в том, что рассмотрение гражданской войны как борьбы между прогрессивными и консервативными силами бессмысленно, но при этом Р. Каст и Э. Хьюз исходят из других мотивов: по их мнению, обе стороны в этом конфликте пытались решать возникавшие новые проблемы, исходя из прецедентов, обычаев и традиций. Для данного исторического периода это был присущий ему способ мышления, обращенный в прошлое, хотя понимание прошлого, естественно, видоизменялось под влиянием потребностей текущего момента⁶⁷⁹.

⁶⁷⁷ Conflict in Early Stuart England. Studies in Religion and Politics, 1603—1642 / Ed. by R. Cust and A. Hughes. — London and New York, 1989. — P. 13.

⁶⁷⁸ Dugdale W. A Short View of the Late Troubles in England. — Oxford, 1681.

⁶⁷⁹ Conflict in Early Stuart England. Studies in Religion and Politics, 1603—1642 / Ed. by R. Cust and A. Hughes. — London and New York, 1989. — P. 15—16.

Р. Каст и Э. Хьюз обоснованно отмечают, что некоторые прямолинейные утверждения вигских историков не являются адекватными: в ранне-стюартовской Англии не было простого разделения и противостояния между властью и оппозицией, и при Якове I и Карле I существовали политические противостояния и внутри королевского двора, и внутри королевского совета, а палату общин после проделанной современными историками, в том числе и ревизионистами, работы невозможно представить как некое сплоченное средоточие оппозиции, и депутаты парламента не были последовательными защитниками понятий о свободе, напоминающих современный либерализм. Но, в отличие от ревизионистов, можно утверждать, что в Англии первых десятилетий XVII в. в течение долгого времени существовала идеологическая и социальная напряженность, хотя, по мнению Р. Каста и Э. Хьюз, нельзя сказать, что эта напряженность неизбежно вела к тому конфликту, который разразился в 1642 г.: продвижение развития событий к гражданской войне было сложным, противоречивым, колеблющимся. Р. Каст и Э. Хьюз, рассуждая о понимании возможности конфликта в той ментальности, которая существовала в английской культуре начала XVII в., полагают, что изучение культурных установок в начале XVII в. в праве, религии, медицине, политике позволяет сделать вывод, что раскол, конфликт мыслились англичанами как вполне возможные. Хотя сознание англичан в начале XVII в. стремилось к достижению согласия, считая именно его идеалом, этот идеал мог быть достигнут только через борьбу и конфликт⁶⁸⁰.

Р. Каст и Э. Хьюз выражают несогласие с ревизионистской точкой зрения о том, что пуританизм вообще не существовал как таковой и был лишь составной частью широкого и недифференцированного кальвинистского лагеря в Англии первых десятилетий XVII в.⁶⁸¹

Как пишут Р. Каст и Э. Хьюз, пуританизм и евангелический протестантизм в целом, в сочетании с гуманистическими идеалами эпохи Возрождения, которые черпали примеры из истории античности, задавали новые образцы поведения правящей элите. Пуритане формировали образ хорошо информированного и квалифицированного, сознательного и совестливого, безупречного в моральном отношении правителя, представителя власти, который в сочинениях английских протестантов фигурирует под названием *the godly magistrate* («благочестивый магистрат»). Протестант, как считалось, должен был быть бдительным в противостоянии угрозе папизма, выступать за дальнейшие реформы в направлении совершенствования церкви, что стало находить выражение также и в активизации гражданской позиции человека, а это было привлекательно для многих социальных групп в Англии XVII в. Утверждения ревизионистов о том, что пуританизм лишь раздражал англичан требованиями

⁶⁸⁰ Ibid. — P. 17.

⁶⁸¹ Finlayson M. *Historians, Puritanism and the English Revolution*. — Toronto, 1983; *Christianson P. Reformers and the Church of England under Elizabeth I and the Early Stuarts* // JEH. — 1980. — Vol. 31. — P. 463—482; *Conflict in Early Stuart England. Studies in Religion and Politics, 1603—1642* / Ed. by R. Cust and A. Hughes. — London and New York, 1989. — P. 21.

поддержания дисциплины и порядка, обедняют представления о пуританизме⁶⁸².

Как считают Р. Каст и Э. Хьюз, можно согласиться с некоторыми ревизионистами, например, с Дж. Морриллом, что религия оказала решающее влияние на те общественные конфликты, которые привели к началу гражданской войны в Англии, но, на их взгляд, надо учитывать то, что религия в это время испытывала влияние всей обстановки, существовавшей в стране, и религия стала политизированной⁶⁸³.

Историки также проводили исследования экономического положения и доходов депутатов Долгого парламента⁶⁸⁴. В результате этих исследований не было обнаружено существенных экономических и имущественных различий между роялистами и сторонниками парламента: доходы их по своим размерам на одного человека были близкими. И среди роялистов, и среди парламентариев были представители экономически преуспевающего джентри, и те, кто испытывал экономические трудности, и землевладельцы патерналистского типа, и те, кто стремился к максимальным доходам. В обоих политических лагерях были лица, занимавшие государственные и административные должности, а также связанные с промышленностью, коммерцией. На стороне парламента было несколько больше экономически преуспевающих людей, но не настолько, чтобы характеризовать сторонников парламента как поднимающееся джентри или тем более буржуазию, которые задались бы целью свергнуть политический строй, который препятствовал их дальнейшему обогащению. Р. Каст и Э. Хьюз придерживаются мнения, что такая дискуссия, как «спор о джентри», когда о социальных группах речь шла как о целостностях, не очень продуктивна в познавательном отношении, потому что в XVI—XVII вв. в процессах социальной эволюции выявляются большие локальные вариации.

Рост числа бедных в стране, колебания экономического положения многих представителей формировавшегося среднего класса были факторами, которые вызывали у Карла I и его окружения страх популизма, и, по мнению Р. Каста и Э. Хьюз, боязнь беспорядков и разрушавшего социальные иерархии влияния пуританизма даже привела к тому, что относительно больше джентри пошло за Карлом I в ходе гражданской войны. С другой стороны, улучшение экономического положения части джентри и средних слоев повышали их гражданскую сознательность, заставляли интересоваться делами в своем графстве, общенациональной политической ситуацией, и эти группы тяготели к борьбе за утверждение в стране прав собственности, законности, права принимать участие в деятельности властных органов на всех уровнях, что сопровождалось обычно стремлением защитить протек-

⁶⁸² Conflict in Early Stuart England. Studies in Religion and Politics, 1603—1642 / Ed. by R. Cust and A. Hughes. — London and New York, 1989. — P. 22—23.

⁶⁸³ Ibid. — P. 26.

⁶⁸⁴ Brunton D., Pennington D.H. Members of the Long Parliament. — London, 1954; Blackwood B.G. The Lancashire Gentry and the Great Rebellion. Chatham Society. 3rd Series. XXV. — London, 1978; Idem. The Cavalier and Roundhead Gentry of Suffolk // The Suffolk Review. — 1985. — № 5; — 1986. — № 7.

стантскую религию в Англии и страхом перед папизмом — эти процессы тоже подготовили начало гражданской войны в 1642 г., и целью войны виделось реформирование коррумпированной политической системы, в которой оказалась под угрозой и протестантская религия. По мнению Р. Каста и Э. Хьюз, это не означает, что религиозно-политические взгляды какой-то из противостоящих групп в английском обществе этого времени сами по себе породили гражданскую войну, но понимание особенностей социально-экономического и религиозно-политического контекста помогает прояснить происхождение гражданской войны и понять, почему носители разных религиозно-политических взглядов столкнулись друг с другом.

Р. Каст и Э. Хьюз также не хотят признавать, что религиозно-политическое противостояние сторон в гражданской войне можно редуцировать к влиянию социально-экономических причин. По их мнению, события гражданской войны нельзя считать неизбежными, но можно утверждать, что в сложившихся обстоятельствах достижение согласия стало очень трудным из-за того, что происходило в сфере религии, политики, идеологии, а также в экономике и общественной жизни. На развязывание гражданской войны, считают Р. Каст и Э. Хьюз, повлияли также и некоторые личные качества Карла I: его стремление к достижению абсолютного повиновения со стороны подданных, почти полное отсутствие у него навыков повседневной политической деятельности с необходимым умением достижения компромисса, а также неискренность и нечестность Карла I, которые разрушали доверие к нему. Религиозные пристрастия и склонности Карла I, считают Р. Каст и Э. Хьюз, тоже оказали непосредственное влияние на произошедший в английском обществе раскол. В предреволюционной Англии приверженность протестантизму стала уже практически отождествляться со стремлением к установлению в обществе норм, связанных с соблюдением права собственности, отстаиванием права парламента на его постоянное участие в политической жизни страны, так что, судя по тому, что против Карла I была начата военно-политическая борьба, сторонники парламента уже не считали короля защитником протестантской религии в стране, в результате чего первоначальные антипапистские настроения сторонников парламента смогли затем трансформироваться даже в антимонархические действия, приведшие к казни Карла I⁶⁸⁵.

Как отмечает П. Лейк в статье «Антипапизм: структура предрассудка», среди современных историков «возродилась мода на религиозный фактор в объяснении причин гражданской войны в Англии». Он отмечает, что протестанты рассматривали католицизм и протестантизм в рамках структуры бинарных оппозиций, так что каждая негативная характеристика, приписываемая Риму, подразумевала позитивные культурные, политические и религиозные ценности, на исключительное обладание которыми притязали сами протестанты. Поэтому негативный образ папизма, рисуемый протестантами, несет информацию о том, какие качества про-

⁶⁸⁵ Conflict in Early Stuart England. Studies in Religion and Politics, 1603—1642 / Ed. by R. Cust and A. Hughes. — London and New York, 1989. — P. 37—39.

тестанты рассматривали в качестве присущих истинной христианской вере, утверждая на контрасте собственный положительный образ⁶⁸⁶.

П. Лейк характеризуют обычные упреки английских протестантов в адрес католиков и отмечает, что в первую очередь подвергались критике претенциозность и манипулятивный характер католицизма. С протестантской точки зрения, попытка католиков придать обету безбрачия возвышенное религиозное достоинство была ярким примером узурпаторских и тиранических притязаний римского папы на то, чтобы изменить божественные и природные законы, согласно которым брак был установлен как вполне почтенное состояние для человека. Результатом этого было появление содомии в монастырях, фактическое смирение католической церкви с общением полов в среде духовных лиц, примером чему были публичные дома в Риме, которые лицензировались папой, пополнявшим таким образом ещё и свои доходы. Существование папства основывалось также на невежестве и левоверии светских лиц. Поверхностный блеск папистских церемоний и образов был направлен на воздействие на плотскую сущность человека. Саму мессу протестанты сравнивали с магией, относя к ней и фальшивые чудеса, способность к экзорцизму, на обладание которой претендовали католические святые и простые священники. Опора на оправдание добрыми делами в католицизме для протестантов была отражением человеческой самовлюбленности и самомнения, претенциозности, которые питались в католицизме признанием свободы человеческой воли. Утверждение Реформации представлялось протестантам просвещением народа⁶⁸⁷.

Еще одной важнейшей характеристикой католицизма в сознании английских протестантов было то, что католицизм был для англичан инородным, иностранным явлением, подразумевавшим подчинение папе и признание его права на отлучение от церкви и низложение с престола христианских монархов. В массовом сознании представление об опасности католицизма сохранялось в Англии в течение XVII в. С начала XVII в. в стране, несмотря на стремление к согласию, нарастали внутривнутриполитические трудности, и англичане искали этому объяснение, прибегая в том числе и к упоминанию о происках католиков — на помощь приходил призрак папизма и католического заговора, так что английская политическая система, церковь Англии в этом случае оказывались невинными в этих трудностях⁶⁸⁸. Действия католиков протестантское сознание помещало в эсхатологическую перспективу, что объясняло ужасную нечеловеческую силу и привлекательность католицизма, поскольку католицизм отождествлялся в этих рассуждениях с антихристом, но в то же время подчёркивалось, что в перспективе антихрист падет и Евангелие восторжествует⁶⁸⁹.

⁶⁸⁶ Ibid. — P. 72.

⁶⁸⁷ Ibid. — P. 75—77.

⁶⁸⁸ Ibid. — P. 79.

⁶⁸⁹ Lake P. The Significance of the Elizabethan Identification of the Pope as Antichrist // JEH. — 1980. — Vol. 31; Idem. William Bradshaw, Antichrist and the Community of the Godly // JEH. — 1985. — Vol. 36.

Хотя в целом на основе Писания всеми признавалось, что антихрист потерпит поражение, для пуритан из-за церковной политики, проводившейся Карлом I, стал открытым вопрос о том, будет ли Англия в числе тех, кто победит вместе с Христом, или Бог накажет англичан за сохранение в стране католицизма и страна будет уничтожена вместе с антихристом. П. Лейк сравнивает функции антипапизма в предреволюционной Англии с тем, какую роль, бывало, играли в разных исторических условиях поиски в обществе какой-нибудь силы или лица в качестве козла отпущения⁶⁹⁰.

По реакции на действия английских монархов со стороны населения страны можно убедиться, что религиозные проблемы всё глубже осознавались в обществе: если в XVI в. монархи могли менять религию в стране по своему усмотрению, то Яков I уже оказался не в состоянии даже спокойно устроить брак своего сына Карла с испанской инфантой-католичкой без того, чтобы вызвать волну возмущения среди английских протестантов. В такой обстановке Яков I стал внимать рассуждениям Лода, который приравнивал кальвинизм к пуританизму, а пуританизм отождествлял с популизмом и склонностью к подрывной деятельности⁶⁹¹.

Мышление сторонников Карла I, считает П. Лейк, было структурно сходным с мышлением пуритан, в результате чего к концу 1620-х гг. Карл I и его окружение были убеждены в существовании в Англии пуританского заговора, который был призван объяснить то, почему монарх в своих действиях наталкивается на противодействие подданных. Но окружение Карла I, считает П. Лейк, наряду с существованием пуританского заговора с целью подрыва монархии, подозревало также о существовании в Англии папистского заговора для подрыва религии и законности. При опоре на такую аргументацию обе стороны, и сторонники короля, и пуритане, оставляя в неприкосновенности политическую систему в стране в том виде, как она сложилась, будучи традиционалистами по своему мышлению, представляли своих противников как выразителей интересов внешних, неанглийских сил, вторгающихся в существующую систему управления с целью её подрыва. Такое мышление давало возможность обеим противоборствующим сторонам представлять именно себя как защитников английской политической системы. Но при этом две противоборствовавшие группировки, пуританская и роялистская, как считает П. Лейк, опираясь в понимании политической жизни в стране на однотипные теории заговоров, всё же одновременно делали выбор между двумя разными наборами политических, культурных и религиозных взглядов и ценностей⁶⁹². Эти концептуальные основы понимания происходящего в Англии, опиравшиеся на теорию заговоров, разделялись многими современниками в 1630—40-е гг., в свете чего даже война шотландцев против

⁶⁹⁰ Conflict in Early Stuart England. Studies in Religion and Politics, 1603—1642 / Ed. by R. Cust and A. Hughes. — London and New York, 1989. — P. 82.

⁶⁹¹ Ibid. — P. 87.

⁶⁹² Fincham K. Archbishop Abbot and the Defence of Protestant Orthodoxy // Historical Research. — 1988. — Vol. 61. — P. 36—61.

введения в Шотландии англиканского молитвенника представляла проявлением интернационального кальвинистского заговора⁶⁹³.

В статье «Церковная политика 1630-х гг.» Э. Фостер отмечает, что, несмотря на прямолинейность и обобщенность вигской трактовки причин гражданской войны, вигский подход давал возможность делать также и продуктивные выводы⁶⁹⁴, на что обращают внимание многие современные исследователи в своих возражениях ревизионистам⁶⁹⁵.

Либеральные историки заявляли, что архиепископ Лод был одной из опор деспотизма Стюартов, и видели в церемониализме, который насаждался в англиканской церкви Лодом, подражание церемониализму римско-католической церкви и покушение на английские свободы⁶⁹⁶. Ревизионисты же превращают Лода в «доброе старика, которого окружающие не понимали», хотя пробудить к нему симпатию⁶⁹⁷, утверждая, что он стремился к поставленным перед собой целям вполне умеренно и отнюдь не фанатично, а приказы Лоду в проведении церковной политики, как это представляется К. Шарпу, отдавал король Карл I⁶⁹⁸.

Дж. Моррилл признаёт, что деятельность Лода нанесла вред церкви Англии, и в то же время обращает внимание на то, что в Англии уже в 1650-е гг. под влиянием анархии в религиозной сфере, вызванной гражданской войной, проявилась ностальгия по церковной политике Лода⁶⁹⁹. К. Хейг считает, что церковная политика Лода, усиливавшая церемониальность в церкви Англии, что внешне напоминало сближение с культовой практикой католицизма, была понятнее большей части населения Англии, чем пуританский подход к организации церковной жизни с акцентом в первую очередь на совершение проповедей⁷⁰⁰. В оправдание Лода также высказывалось мнение, что до него архиепископ Кентерберийский Эббот (1610—1633) ослабил давление на пуритан, не отличался выдающимися административными способностями, поэтому ужесточение церковной дисциплины при архиепископе Лоде и стало восприниматься как тирания⁷⁰¹.

⁶⁹³ *Hibbard C.* Charles and the Popish Plot. — Chapel Hill, 1983; *Manning B.* The English People and the English Revolution. — London, 1976. — P. 33—59; *Hunt W.* The Puritan Moment. — Cambridge (Mass.), 1983.

⁶⁹⁴ Conflict in Early Stuart England. Studies in Religion and Politics, 1603—1642 / Ed. by R. Cust and A. Hughes. — London and New York, 1989. — P. 193.

⁶⁹⁵ Laud // History Today. — 1983. — Vol. 33. — P. 26—30; *Lamont W.* Comment: the Rise of Arminianism Reconsidered // Past & Present. — № 107. — 1985. — P. 227—231; *Lake P.G.* Calvinism and the English Church 1570—1635 // Past & Present. — 1987. — № 114. — P. 32—76; *Tyacke N.* White, P. Debate: the Rise of Arminianism Reconsidered // Past & Present. — № 115. — 1987. — P. 201—229.

⁶⁹⁶ *Green J.R.* A Short History of the English People. 4 vols.. — London, 1893. — Vol. III. — P. 1040—1041.

⁶⁹⁷ *Carlton C.* Archbishop William Laud. — London, 1987; *Idem.* The Dream Life of Archbishop Laud // History Today. — 1986. — Vol. 36. — P. 9—14.

⁶⁹⁸ *Sharpe K.* Archbishop Laud // History Today. — 1983. — Vol. 33. — P. 29.

⁶⁹⁹ *Morrill J.* The Church in England, 1642—1649 // Reactions to the English Civil War 1642—1649 / Ed. by J. Morrill. — London, 1982. — P. 89—114; *Idem.* The Religious Context of the English Civil War // TRHS 5th Series. — 1984. — Vol. 34. — P. 155—178.

⁷⁰⁰ *Haigh C.* The Church of England, the Catholics and the People // The Reign of Elizabeth I / Ed. by C. Haigh. — London, 1984. — P. 195—219.

⁷⁰¹ *Trevor-Roper H.R.* King James I and his Bishops // History Today. — 1955. — Vol. 5. — P. 571—581.

В течение долгого времени знания исследователей о предреволюционной истории церкви Англии строились главным образом на изучении источников, связанных по своему происхождению с деятельностью центральной власти, материалах суда над У. Принном, Г. Бертоном и Дж. Баствиком, и на печатных работах П. Хейлина и У. Принна, которые представляли соответственно лодианскую и пуританскую точки зрения на происходящее. Гораздо слабее были изучены материалы местных архивов. Формирование ревизионистского подхода к изучению религиозно-политической истории предреволюционной Англии Э. Фостер связывает с активизировавшейся работой в епархиальных архивах. Погружение в местный материал, по его мнению, «несёт в себе некоторые подвохи и ловушки»: возникает искушение спроецировать религиозно-политическую ситуацию в одной епархии на положение в других епархиях, или посчитать успешными меры в церковной политике, примененные в одной епархии, для всех епархий. Исследователя может увлечь некритическая вера в заявленные намерения, особенно в исследовании деятельности Лода и его сторонников, в результате чего можно заблудиться в деталях в ущерб достижению более значимых познавательных выводов общего характера. Все эти черты исследовательской практики Э. Фостер находит в работах ревизионистов, и он даже называет такое погружение в детали «архетипической ловушкой, в которую попали ревизионисты»⁷⁰².

По мнению Э. Фостера, Лод хотел превратить епископов в подобие королевских интендантов как представителей королевской власти на местах, как это в 1630-е гг. утверждалось во Франции. Лодианская группировка стремилась также к тому, чтобы представить королю Карлу I свою версию в понимании происходящего в стране. Современные историки-ревизионисты показывают, что архиепископ Йоркский Ричард Нил и архиепископ Кентерберийский Уильям Лод могли быть гибкими в проведении административной политики в церкви, но Э. Фостер призывает к тому, чтобы, рассуждая о мягкости Лода, всё же полностью не забывать об аргументах либеральных историков, писавших о 1630-х гг. в Англии как о времени установления королевской тирании, «об отрезанных ушах Принна, Бертона и Баствика» и ещё некоторых менее известных случаях жесткого подхода к тем, кто выражал несогласие с проводимой церковной политикой⁷⁰³.

Среди современных историков-ревизионистов работы А. Эверитта, исследовавшего предреволюционную ситуацию в графстве Кент, подбивают представление о гражданской войне как социальном конфликте, поскольку, в его толковании, применительно к XVII в. едва ли можно говорить о социальном конфликте на уровне графств⁷⁰⁴. В графстве Кент он не находит социальной напряженности в отношениях джентри

⁷⁰² Conflict in Early Stuart England. Studies in Religion and Politics, 1603—1642 / Ed. by R. Cust and A. Hughes. — London and New York, 1989. — P. 194.

⁷⁰³ Ibid. — P. 205—207, 212.

⁷⁰⁴ Everitt A. The Community of Kent and the Great Rebellion. — Leicester, 1966; *Idem*. Change in the Provinces: the Seventeenth Century. — Leicester, 1972; *Idem*. Kent and its Gentry 1640—1660: A Political Study. — University of London Ph. D., 1957.

и социальных низов и в то же время утверждает, что существовал разрыв между теми заботами и интересами, которые волновали сообщество на уровне графств, и общенациональной политикой, хотя признает также, что в Англии происходил процесс роста национального самосознания. В сознании жителей графств политические вопросы общенационального характера, по мнению А. Эверитта, не были актуальными, и провинциальное джентри с раздражением и обструкционизмом воспринимало попытки центральной власти вмешиваться в провинциальную жизнь. А. Эверитт считал, что англичане ещё и в XVII в., говоря “*my country*”, имели в виду не страну в целом, а свое графство или даже часть графства. Протест против вмешательства центральной власти в жизнь графств, как считает А. Эверитт, и лежит в основе обострения политической ситуации в Англии в середине XVII в. А. Эверитт по сравнению с более ранней работой о Кенте П. Ласлетта⁷⁰⁵ нарисовал совершенно иную картину жизни графства в середине XVII в. Немногие историки согласны с А. Эвериттом в том, что сообщество на уровне графств в Англии XVII в. было склонным к самоизоляции и замкнутости и не интересовалось общенациональными политическими и религиозными делами. Принадлежность к сообществу на уровне графства, считает П. Ласлетт, не закрывала возможности к тому, чтобы интересоваться жизнью страны в целом⁷⁰⁶.

Критикуя идею А. Эверитта о существовании в XVII в. развитого самосознания в Англии только в рамках графства и отсутствии национального самосознания, П. Коллинсон утверждает, что «протестантские проповедники ничего не знали об этих двусмысленностях, никогда не слышали о существовании какого-то сообщества на уровне графства». Для них “*my country*” неизменно означало Англию: королевство, сообщество, нацию, народ. По словам П. Коллинсона, «протестанты исходили из Библии, которая ничего не знала о графствах», оперировали образами Ветхого Завета: Англия была Израилем, Лондон — Иерусалимом, для социально-политических целей активно использовалась идея договора⁷⁰⁷.

Изучение регионального разнообразия и сложности положения в разных графствах Англии могло бы внести важный вклад в понимание происхождения гражданской войны, но, по словам Э. Хьюз, ревизионисты в своих трудах⁷⁰⁸ представляют совершенно неудовлетворительную картину причин гражданской войны как случайного по происхождению конфликта, вызванного действиями немногочисленных религиозных экстремистов. Английскую революцию предлагают рассматривать также в общеевропейском контексте, и гражданская война в Англии истолковыва-

⁷⁰⁵ *Laslett P. The Gentry of Kent in 1640 // Cambridge Historical Journal. — 1947—1949. — Vol. IX. — P. 148—164.*

⁷⁰⁶ *Laslett P. The World We Have Lost Further Explored. 3rd ed. — New York, 1984. — P. 216—226.*

⁷⁰⁷ *Collinson P. The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. — New York, 1988. — P. 8—10; Religion and National Identity: Studies in Church History / Ed. by S. Mews. — Vol. XVIII. — Oxford, 1982.*

⁷⁰⁸ *Hutton R. The Royalist War Effort. — London, 1982; Morrill J. Revolt of the Provinces // Reactions to the English Civil War / Ed. by J. Morrill. — London, 1982.*

ется как «восстание провинций», которые стремились защитить местные обычаи и традиции и сдержать процесс усиления центральной власти в государстве. Но, как полагает Э. Хьюз, надо видеть, что автономность и изоляция английских графств были гораздо меньшими, чем между провинциями и некоторыми территориями на континенте, которые были в недалёком прошлом королевствами в составе Франции или Испании⁷⁰⁹. Британские историки также ссылаются на точку зрения американского историка П. Загорина, который аргументированно критикует и категорически не приемлет «локалистскую» концепцию, представляющую Англию первой половины XVII в. как объединение полунезависимых графств, а саму революцию — как вспышку местного сопротивления центральному правительству, оцениваемую таким образом, например, в работах А. Эверитта и Дж. Моррилла⁷¹⁰. П. Загорин полемизирует и с ревизионистами К. Расселом, К. Шарпом и Дж. Кенионом, принижающими роль парламента и особенно палаты общин в политической жизни⁷¹¹. Д. Херст на огромном фактическом материале из локальных архивов показал, что ещё до гражданской войны достаточно широкие слои непривилегированных сословий могли участвовать в политической борьбе на легальной основе⁷¹², так что понимание политической жизни лишь как элитарной по характеру в XVII в. нельзя считать адекватным. К 1640 г. электорат стал включать в себя от 27 до 40% взрослого мужского населения, и притязание парламента на народное представительство не было абсолютно бесосновательным⁷¹³.

Но, согласно мнению консервативного историка П. Ласлетта, такой уровень грамотности в английском обществе на уровне одной трети взрослых мужчин одновременно означает, что в политической борьбе середины XVII в. примерно две трети населения не могли занять в полной мере сознательную позицию, подвергаясь влиянию со стороны грамотных, но оказывая также и давление на них⁷¹⁴. Ко времени начала гражданской войны в Лондоне уровень грамотности составлял примерно 78%, а в целом на территории, контролируемой парламентом, в среднем 29—30%. Эти данные основаны на парламентских переписях в каждой деревне на территории, где действовали парламентские власти, поскольку во время гражданской войны с жителей брали письменное заверение в их верности парламенту⁷¹⁵.

⁷⁰⁹ Conflict in Early Stuart England. Studies in Religion and Politics, 1603—1642 / Ed. by R. Cust and A. Hughes. — London and New York, 1989. — P. 228.

⁷¹⁰ Everitt A. The Community of Kent and the Great Rebellion 1640—1660. — Leicester, 1966; Morrill J.S. The Revolt of the Provinces. — London, 1976.

⁷¹¹ Russell C. Parliamentary History in Perspective 1604—1629 // History. — 1976. — Vol. 61. — № 1. — P. 20; Sharpe K. Parliamentary History 1603—1629: In or out of Perspective? // Faction and Parliament / Ed. by K. Sharpe. — Oxford, 1978; Kenyon J.P. Stuart England. — London, 1978. — P. 32—36.

⁷¹² Hirst D. The Representative of the People? Voters and Voting in England under the Early Stuarts. — Cambridge, 1975. — P. 4, 157—58, 176—79, 188; Idem. Court, Country and Politics // Faction and Parliament: Essays on Early Stuart History / Ed. by K. Sharpe. — Oxford, 1978. — P. 105—137.

⁷¹³ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. — М., 1998. — С. 98.

⁷¹⁴ Laslett P. The World We Have Lost Further Explored. 3rd ed. — New York, 1984. — P. 229.

⁷¹⁵ Cressy D. Literacy and Social Order: Reading and Writing in Tudor and Stuart England. — Cambridge, 1980. — P. 73.

В полемике с ревизионистами целый ряд историков подчеркивал, что в событиях, происходивших в первые десятилетия XVII в., были важны политико-идеологические мотивы, не называя при этом гражданскую войну в Англии «религиозной войной»⁷¹⁶. Вопросы идеологии и политические вопросы, как показали эти историки, действительно обсуждались в это время обычными людьми на провинциальном и национальном уровне. В этом отношении показательна подготовленная П. Зивером публикация дневника лондонского ремесленника Неемии Уоллингтона, относящегося к предреволюционному времени. Дневник человека, принадлежавшего к средним слоям общества, показывает, что его действительно интересовали религиозно-политические события общенационального масштаба⁷¹⁷.

Как отмечает П. Ласлетт, в Англии наблюдались также признаки сознательной позиции властей в ограничении образованности населения, поскольку в увеличении количества грамотных в народе виделась угроза социальной стабильности. Он считает, что динамику распространения грамотности в обществе по появлению в собственности книг изучить не удаётся, потому что распространение грамотности не находилось в прямом соотношении с увеличением количества книг в собственности — у многих из числа грамотных книг не было вообще. П. Ласлетт скептически относится к тезису Л. Стоуна об «образовательной революции» 1550—1640 гг., считая наши знания об этом периоде недостаточными для таких заявлений, но повышение уровня образованности в обществе определено происходило, и П. Ласлетт даже сочувственно упоминает о статье М. Кертиса, который писал о перепроизводстве в Англии университетски образованных интеллектуалов в начале XVII в.⁷¹⁸ Но, по мнению П. Ласлетта, влияние таких «отчуждённых интеллектуалов» не было широким и ограничивалось кругом грамотных лиц, которые могли воспринять их идеи. Неграмотность лишала человека даже возможности размышлять о том, что он мог бы изменить свое место в обществе и как-либо влиять на действия власти⁷¹⁹.

Как считает Э. Хьюз, реакция того или иного графства на события гражданской войны в первую очередь зависела от нескольких факторов: географического расположения, характера экономики графства и социального состава населения; степени сплоченности социальной элиты; религиозной ситуации в графстве. Э. Хьюз выражает сомнение в том, что жители графств были замкнуты лишь на местных интересах и не вникали в деятельность центральной

⁷¹⁶ Conflict in Early Stuart England. Studies in Religion and Politics, 1603—1642 / Ed. by Richard Cust and Ann Hughes. — London and New York, 1989; Hughes A. Politics, Society and Civil War in Warwickshire, 1620—1660. — Cambridge, 1987; Hirst D. Authority and Conflict: England 1603—1658. — London, 1986; Idem. Local Affairs in Seventeenth Century England // Historical Journal. — 1989. — Vol. 32. — P. 437—448; Idem. Revisionism Revised: Two Perspectives in Early Stuart Parliamentary History: The Place of Principle // Past & Present. — 1981. — № 92.; Holmes C. The County Community in Stuart Historiography // JBS. — 1980. — Vol. 19; Sommerville J.P. Politics and Ideology in England, 1603—1640. — London-New York, 1986.

⁷¹⁷ Seaver P. Wallington's World: A Puritan Artisan in Seventeenth Century. — London-Stanford, 1985.

⁷¹⁸ Curtis M. The Alienated Intellectuals of Early Stuart England // Past and Present. — № 23. — 1962. — P. 25—43.

⁷¹⁹ Laslett P. The World We Have Lost Further Explored. 3rd ed. — New York, 1984. — P. 231—237.

администрации. Многие должностные лица на местах, например, мировые судьи, испытывали влияние центральной власти в ходе выдвижения своих кандидатур на выборах, так что им нужно было вести себя с учётом мнения центральной администрации, и они имели понятие о конфликтности политической жизни в стране и в графстве. Почти во всех графствах существовали религиозно-идеологические конфликты, выражавшиеся обычно в религиозной форме, или, по словам Д. Андердауна, в культурном расколе⁷²⁰. В происхождении гражданской войны, как считает Э. Хьюз, споры по религиозно-политическим вопросам и проблемам, связанным с социальными изменениями, сливаясь и взаимодействуя, обостряли положение в стране. Социальные проблемы провоцировали религиозно-политические споры⁷²¹.

Заметным вкладом в осмысление религиозно-политической ситуации в Англии в правление Карла I (1625—1649) является работа Дж. Дейвиса «Пленение церкви Карлом. Карл I и новая формулировка англиканства, 1625—1641» (1992). Понимание деятельности Лода, как считает Дж. Дейвис, в среде британских историков остается во многом клишированным: его считали движущей силой всех происходивших при Карле I изменений в церкви, используя при этом не очень, по мнению британского историка, продуманное понятие «лодианство»⁷²².

Дж. Дейвис предлагает вместо использования понятия «арминианство» применительно к церковной политике архиепископа Кентерберийского Уильяма Лода введение в оборот альтернативного понятия «каролинианство» и вспомогательного по отношению к нему, менее важного понятия «лодианство». Использование понятия «лодианство» для описания тех церковных новаций, которые произошли в правление Карла I, ранее всегда создавало впечатление, что у этих новшеств был лишь внутрицерковный источник, в то время как Дж. Дейвис считает, что религиозная политика Лода в конечном счете опиралась на волю Карла I⁷²³.

Каролинианство, как пишет Дж. Дейвис, представляло собой «политику Карла I по реализации сугубо личного понятия о священном достоинстве королевской власти с использованием своей прерогативы как Верховного правителя церкви». Хотя королевское верховенство в церкви никем из протестантов не ставилось под сомнение, новшества в церковной сфере времён правления Карла I стали восприниматься как угроза существовавшему церковно-политическому строю. Дж. Дейвис исходит из предпосылки, что появление той оппозиции, которая противостояла режиму Стюартов в 1630—40-е годы, может быть объяснено действием идеологических факторов и не отрицает значение либерального истолкования происхождения граж-

⁷²⁰ Underdown D. *Fire from Heaven: Life in an English Town in the Seventeenth Century*. — New Haven (Conn.), 1992; *Idem*. *Rebel, Riot and Rebellion: Popular Politics and Culture in England, 1603—1660*. — Oxford, 1985.

⁷²¹ *Conflict in Early Stuart England. Studies in Religion and Politics, 1603—1642* / Ed. by R. Cust and A. Hughes. — London and New York, 1989. — P. 232—240.

⁷²² Davies J. *The Caroline Captivity of the Church. Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625—1641*. — Oxford, 1992. — P. 49.

⁷²³ *Ibid.* — P. 1—2.

данской войны в Англии. Он также считает, что не следует, как это делают ревизионисты, применительно к XVII в. рассматривать отдельно вопросы религии и политики и при этом полагает, что религиозно-политическая дихотомия не может быть приравнена к оппозиции духовного и светского в общественной жизни. Дж. Дейвис, полемизируя с ревизионистами, считает, что крупнейшая конституционная проблема в отношениях между короной и оппозицией в 1630-е гг. не была просто лишь функциональной проблемой управления, и выдвигает мнение, что идеологические споры и конфликты по конституционным вопросам тоже развернулись из-за каролинианства⁷²⁴.

В среде британских историков высказывалось мнение, что Карл I продолжил церковную политику последних лет правления Якова I, когда король стал более настороженно относиться к пуританам⁷²⁵, и только конфликт из-за попытки ввести англиканский молитвенник в Шотландии в 1637 г. спровоцировал гражданскую войну, но всё же преобладает точка зрения, согласно которой Карл I своей религиозной политикой обострил ситуацию в Англии с начала своего правления, поскольку оппозиция критиковала действия монарха в религиозных делах сразу после его восшествия на престол⁷²⁶. Согласно такому подходу, Карл I нарушил присущую англиканству и проявлявшуюся в церкви Англии в правление Якова I способность к интеграции в церковную организацию различных протестантских групп, в результате чего к 1640—1641 гг. церковь была подведена на грань распада: звучали призывы к ликвидации епископата, к отмене существовавшей формы службы, к ликвидации церковной юрисдикции⁷²⁷.

По мнению Дж. Дейвиса, церковь Англии при Карле I представляла собой «роковое отклонение от первых ста лет существования реформированной церкви Англии». Условия королевской супрематии, считает британский историк, всегда накладывали отпечаток личности монарха на государственную церковь, но ни один из прежде правивших монархов в такой степени, как Карл I, не нарушал внутрицерковный консенсус. Дж. Дейвис полагает, что каролинианство привело к выходу из церкви Англии «многих верных англикан», так как Карл I своей церковной политикой загнал в оппозицию многих из тех, кто не симпатизировал пуританам⁷²⁸.

⁷²⁴Ibid. — P. 2.

⁷²⁵Bernard G. The Church of England c. 1529—1642 // History. — 1990. Vol. 75. — P. 183—206; White P. The Rise of Arminianism Reconsidered // Past & Present. — 1983. — № 101. — P. 34—54.

⁷²⁶Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982; Parker K.L. The English Sabbath. A Study of Doctrine and Discipline from the Reformation to the Civil War. — Cambridge University Press, 1988; Tyacke N.R.N. Puritanism, Arminianism and Counter-Revolution // The Origins of the English Civil War / Ed. by C.S.R. Russell. — London, 1973. — P. 119—143; Fincham K. Lake P. The Ecclesiastical Policy of James I // JBS. — 1985. — Vol. 24. — P. 169—201; Fincham K. Prelate as Pastor: the Episcopate of James I. — Oxford, 1990; Lake P. Moderate Puritans and the Elizabethan Church. — Cambridge, 1982; Morrill J.S. The Religious Context of the English Civil War // TRHS 5th Series. — 1984. — Vol. 34. — P. 155—178.

⁷²⁷Morrill J.S. The Church in England, 1642—1649 // Reactions to the English Civil War / Ed. by J.S. Morrill. — London, 1982; Abbott W. The Issue of Episcopacy in the Long Parliament: The Reasons for its Abolition. — Oxford D. Phil. Thesis, 1981; Davies J. The Caroline Captivity of the Church. Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625—1641. — Oxford, 1992. — P. 289.

⁷²⁸Davies J. The Caroline Captivity of the Church. Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625—1641. — Oxford, 1992. — P. 3.

Карла I называют сторонником и покровителем арминианства, но, как обращали внимание историки, он вообще не формулировал в явном виде свои взгляды, кроме того, что придерживался доктрины о божественном праве монархов на власть, порицал кальвинистские идеи о праве на сопротивление властям, стремился не разжигать религиозные споры. Если взгляды Карла I как-то поддаются определению, то их лучше назвать «анти-догматическим антифидеистским эрастианством»⁷²⁹.

Карл I также считал, что религиозная Реформация — дело властей, а не народа, и народная Реформация лишь немногим лучше восстания. Реформация в Англии, по мнению короля, должна совершаться теми, кто имеет на это властные полномочия⁷³⁰. Х.Г. Александер приводит слова из частного письма короля 1646 г. с мнением Карла I о религиозной программе его противников: «Я уверяю, что изменения в религиозной жизни в случае их победы будут ещё хуже тех, которые произошли бы, если бы вдруг вернулся папизм, поскольку у нас тогда не будет ни законных священников, ни должным образом совершаемых таинств и общественных богослужений, но всё будет происходить в соответствии с глупыми фантазиями отдельных священников»⁷³¹.

Предполагают, что на формирование религиозных взглядов Карла I исходно оказал наибольшее влияние служивший в королевской часовне при Якове I Ланселот Эндрюс. Лод же в своей церковной политике, став архиепископом Кентерберийским, утверждает Дж. Дейвис, даже не следовал в полной мере указаниям Карла I⁷³².

Большой проблемой для Карла I стало также приведение Шотландии и Ирландии к церковному единообразию с Англией, предпринятое, как считают историки, по инициативе монарха. Но «злополучный шотландский молитвенник» связали с именем Лода, хотя сам Лод изначально предсказывал все потенциальные проблемы⁷³³.

Среди современных историков не исчезло еще мнение о деятельности Лода как об арминианском заговоре, но это толкование действий Лода в свое время насаждал пуританин Уильям Принн и оно, как считает Дж. Дейвис, тенденциозно. Дж. Дейвис полагает, что для объяснения лодиянства не надо привлекать арминианство — это отдельное явление, и, по его мне-

⁷²⁹ Sharpe K. *The Personal Rule of Charles I // Before the English Civil War / Ed. by H. Tomlinson.* — P. 58—63; Reeve I.J. *Charles I and the Road to Personal Rule.* — London, 1989.

⁷³⁰ Davies J. *The Caroline Captivity of the Church. Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625—1641.* — Oxford, 1992. — P. 12—14.

⁷³¹ Alexander H.G. *Religion in England, 1558—1662.* — London, 1968. — P. 188.

⁷³² Andrewes L. *Sermons.* — Oxford, 1841—1853. — Vol. 1—V; Davies J. *The Caroline Captivity of the Church. Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625—1641.* — Oxford, 1992. — P. 19, 26.

⁷³³ Donaldson G. *The Making of the Scottish Prayer Book of 1637.* — Edinburgh, 1954; Bolton F.R. *The Caroline Tradition of the Church of Ireland.* — London, 1958; Kearney H.F. *Stratford in Ireland 1633—1641.* — Manchester, 1959; Wedgwood C.V. *Stratford 1593—1641.* — London, 1955; Ranger T. *Stratford in Ireland: A Revaluation // Crisis in Europe 1560—1660 / Ed. by T. Aston.* — London, 1975; Russell C.S.R. *The British Problem and the English Civil War // History.* — 1987. — Vol. 72. — P. 395—415; *Idem.* *The Fall of the British Monarchies 1637—1642.* — Oxford, 1991.

нию, в 1630-е гг. не было никакого подъема арминианства, о котором писал Н. Тайэк⁷³⁴. Как считает Дж. Дейвис, в 1620—30-е гг. в Англии не было духовных лиц, которых можно было бы подвести под определение арминианства, и отстаивает мнение, что термин «арминианство» не следует применять к лодианской группировке, усиливавшейся в церкви Англии после 1625 г., так как взгляды её представителей, если определять их точнее, находились в спектре от умеренного кальвинизма до антикальвинизма. Но антикальвинизм Лода проявился, как отмечает Дж. Дейвис, в сущности, только в нежелании обсуждать вопрос о предопределении и был умеренным⁷³⁵.

Несмотря на запреты короля обсуждать вопрос о предопределении в 1630-е гг., многие священники сохраняли крайние кальвинистские убеждения, придерживались учения о двойном предопределении. Сдерживая кальвинистов в эти годы, церковь Англии при Карле I также невольно питала арминианство — сторонников учения о свободе воли, но это, считает Дж. Дейвис, получилось ненамеренно. Арминианство не было причиной антикальвинизма в 1630-е гг., но его развитие стало одним из следствий сложившейся ситуации⁷³⁶.

Лод был большим знатоком патристики. Его наставником в данной области был Ланселот Эндрюс, возможно, крупнейший английский знаток патристики в XVII в., придерживавшийся мнения, что ход Реформации в Англии испортили распространившиеся в правление Эдуарда VI цвинглианские влияния. Для лодианства было характерно внимание к церковной традиции, а не просто толкование Писания с опорой на разум, и также внимание к греческой патристике, причем большее, чем к латинской. Лод высоко ценил английское средневековое прошлое, в основном в связи с тем, что тогда более весомой была роль церкви в обществе, считал необходимым хорошее знание трудов отцов церкви, схоластов. Д. Херст считал, что понимание Евхаристии у Лода было лютеранским⁷³⁷, но Дж. Дейвис не соглашается с этим, и утверждает, что корни лодианства — в патристике, и поэтому в нём большое значение стало придаваться освящаемым элементам, крестному знамени при крещении, освящению церковных зданий и предметов, благословению при заключении брака и по окончании службы, конфирмации молодежи, воцерковлению женщин после деторождения, исповеди, возведению в сан священников и диаконов, отлучению от церкви⁷³⁸. На Лода, считает Дж. Дейвис, определённо повлияли также идеи Аристотеля в томистской интерпретации.

⁷³⁴ Tyacke N. Puritanism, Arminianism and Counter-Revolution // The Origins of the English Civil War / Ed. by C. Russell. — London, 1973; *Idem*. Anti-Calvinists. The Rise of English Arminianism c. 1590—1640. — Oxford, 1987; *Idem*. The Fortunes of English Puritanism, 1603—1640. — London, 1990.

⁷³⁵ Davies J. The Caroline Captivity of the Church. Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625—1641. — Oxford, 1992. — P. 93—95, 105, 117.

⁷³⁶ *Ibid.* — P. 122—125.

⁷³⁷ Hirst D. Authority and Conflict: England 1603—1658. — London, 1986. — P. 165.

⁷³⁸ Davies J. The Caroline Captivity of the Church. Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625—1641. — Oxford, 1992. — P. 54; Tighe W. William Laud and the Reunion of the Church // Historical Journal. — 1987. — Vol. 30. — № 3. — P. 717—727.

Аристотелианство привело Лода к осознанию роли умеренности, средней линии в проведении политики, что способствовало пониманию строя англиканской церкви как умеренного «среднего пути» (*via media*)⁷³⁹.

Эта приверженность Лода патристическим и схоластическим доктринам в понимании церкви, можно предполагать, как раз и была теоретической основой стремления усилить роль церкви в обществе, и у светских лиц возник страх, что они могут вновь попасть в зависимость от нее⁷⁴⁰. К концу 1640 г. Лод своей деятельностью собрал против себя мощную оппозицию в лице юристов общего и гражданского права (чьи права были подорваны в Канонах церкви Англии 1640 г.), многих представителей знати и джентри. По мнению Дж. Дейвиса, политической судьбе Лода нанесло вред то, что Суд Высокой Комиссии при Лоде стал активно вмешиваться в дела, касавшиеся десятин, браков, супружеских измен, изнасилований, в расследование краж, других уголовных преступлений, и этот суд стал очень непопулярен у знати. Большой ошибкой Лода Дж. Дейвис считает то, что Лод принял участие в преследовании пуритан Принна, Баствика и Бертона⁷⁴¹.

Дж. Дейвис считает, что в лодианстве можно обнаружить также влияние идей европейских реформаторов Мартина Буцера и Жана Кальвина в том отношении, что лодианцы считали признаком истинной церкви поддержание в ней дисциплины наряду с проповедью и совершением таинств, и Лод вследствие этого осознанно применял пункт о необходимости поддержания в церкви дисциплины против нонконформистско-кальвинистов. Но Дж. Дейвис утверждает, что Лод — настоящий «козёл отпущения» пуританской пропаганды, в то время как, по его мнению, из церковных иерархов наиболее жёсткую линию в отношении пуритан проводили епископы Рен Нориджский и Пиерс из епархии Бат и Уэллз, которые в самом неблагоприятном для пуритан свете истолковывали королевские «Инструкции» 1629 г. об ограничении проповеди в церкви, поскольку эти «Инструкции» всё же оставляли простор для не такого уж жёсткого подхода к пуританам⁷⁴².

Дж. Дейвис обращает внимание на то, что работа К. Паркера о соблюдении воскресного дня⁷⁴³ серьёзно оспорила мнение Н. Тайэка о том, что в церкви Англии при Якове I существовал специфический кальвинистский доктринальный консенсус. К. Хилл, К. Райтсон и ряд других историков считали соблюдение воскресного дня в особенно строгой форме отличительной чертой пуритан, но К. Паркер пришел к выводу, что это

⁷³⁹ *Davies J.* The Caroline Captivity of the Church. Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625—1641. — Oxford, 1992. — P. 59.

⁷⁴⁰ *Davies J.* The Caroline Captivity of the Church. Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625—1641. — Oxford, 1992. — P. 50—51; *Wallace D.D.* The Anglican Appeal to Lutheran Sources: Melancthon's Reputation in Seventeenth Century England // *Historical Magazine of the Protestant Episcopal Church.* — 1983. — Vol. 52. — № 4. — P. 355—360.

⁷⁴¹ *Davies J.* The Caroline Captivity of the Church. Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625—1641. — Oxford, 1992. — P. 79—86.

⁷⁴² *Ibid.* — P. 59, 155—160.

⁷⁴³ *Parker K.L.* The English Sabbath. A Study of Doctrine and Discipline from the Reformation to the Civil War. — Cambridge University Press, 1988.

был для английского протестантизма вполне ортодоксальный взгляд, которого придерживались многие конформисты в среде высшего и низшего духовенства, а также многие светские лица, принадлежавшие к установленной церкви. По вопросу о соблюдении воскресного дня в церкви при Якове I существовало широкое согласие, которое нарушил Карл I, который проводил по воскресеньям заседания Тайного совета, маскарады⁷⁴⁴.

В среде духовенства, отмечает Дж. Дейвис, не было группировок в подходе к соблюдению воскресного дня в соответствии с кальвинистскими, арминианскими или пуританскими взглядами. Например, Ланселот Эндрюс и Джон Козин — близкие Лоду «высокоцерковники» по своим взглядам, очень строго соблюдали воскресный день, в то время как известный деятель этого времени Придо, безупречный кальвинист, практически отрицал за соблюдением воскресного дня даже значение моральной заповеди. Некоторые епископы в воскресный день играли в шары, устанавливали майские шесты. Лод, как обращает внимание Дж. Дейвис, соблюдал воскресный день, видимо, строже, чем кто-либо из епископата того времени, и «огромная ирония заключается в том, что имя Лода связывают с повторной публикацией «Книги развлечений» в 1633 г.». «Книга развлечений» 1633 г., как и подобная книга 1618 г., была опубликована по инициативе монарха и запрещала травлю медведей, постановку комедий и игру в шары в течение всего воскресного дня, в дни установленных церковных праздников, при этом разрешая после вечерней молитвы в такие дни стрельбу из лука, прыжки, танцы, игры у майского шеста, выпивки на Троицу, а также украшение внутреннего пространства церкви камышом⁷⁴⁵.

Исследуя особенности церковно-административной политики Лода, Дж. Дейвис отмечает, что при нём от преследований Суда Звёздной Палаты и Суда Высокой Комиссии страдали не имевшие лицензии проповедники, участники незаконных религиозных собраний и часть светских лиц, но не священники, имевшие бенефиции — их тревожили и осуждали мало. В 1625—1640 гг. при Карле I были лишены своих приходов, видимо, менее 20 священников, а Яков I только в первые годы допустил лишение приходов около 80 духовных лиц. При Карле I было больше, чем при Якове I, приостановлений священников в должности, а не лишений приходов⁷⁴⁶.

Пуритане обвиняли епископов времени правления Карла I, и особенно Лода, в том, что они разрушили лекции в форме комбинации, связав их с необходимостью предварительного совершения литургии. По мнению Дж. Дейвиса, нет свидетельств, что Лод подавил хотя бы одно лек-

⁷⁴⁴ *Davies J.* The Caroline Captivity of the Church. Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625—1641. — Oxford, 1992. — P. 173—175.

⁷⁴⁵ *Davies J.* The Caroline Captivity of the Church. Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625—1641. — Oxford, 1992. — P. 202—204; *Govett L.A.* The King's Book of Sports. A History of the Declarations of King James I and King Charles I as to the Use of Lawful Sports on Sundays. — London, 1890; *Barnes T.G.* County Politics and a Puritan Cause Celebre: Somerset Churchales, 1633 // TRHS 5th Ser. — 1959. — Vol. 9. — P. 103—122.

⁷⁴⁶ *Davies J.* The Caroline Captivity of the Church. Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625—1641. — Oxford, 1992. — P. 67; *Philips H.* The Last Years of the Court of the Star Chamber 1630—1641 // TRHS 4th Series. — 1939. — Vol. 21.

торство в Лондоне, хотя некоторые лекторства оттуда выехали из-за усиления давления на них, а светские лица не хотели выделять средства на основание новых лекторств, опасаясь репрессивных последствий. К концу 1630-х гг. сохранившиеся лекторства были более конформистскими по характеру, но по стране церковные власти проводили политику контроля за проповедями, а не их ликвидации⁷⁴⁷.

Дискуссионным событием в истории церкви Англии, имевшим большой резонанс и усилившим критику Лода со стороны пуритан, была повторная публикация «Книги развлечений» короля Якова I 1618 г. П. Хейлин утверждал, что новая публикация «Книги развлечений» в 1633 г. была вызвана появлением сочинения Теофилиуса Брэборна «Защита дня субботнего» и спорами о проведении церковных праздников с потреблением пива в графстве Сомерсет. Брэборн в этом памфлете утверждал, что по-настоящему заслуживает соблюдения не воскресный, а субботний день (это была уже иудаистская тенденция), да ещё посвятил свое произведение Карлу I, и против Брэборна было начато преследование Судом Высокой Комиссии.

В 1633 г. несколько мировых судей из графства Сомерсет обратились с петицией к лорду-главному судье Ричардсону, в которой просили его выпустить приказ о запрещении церковных праздников с пивом и поминок в церквях. После этого по инициативе Карла I 18 октября 1633 г. была опубликована «Книга развлечений». Пуритане утверждали, что Лод осудил сотни священников за отказ обнародовать «Книгу развлечений». Дж. Дейвис же уточняет, что Лод настаивал лишь на том, чтобы книга была обнародована в приходе, и даже не обязательно зачитана самим священником. В Кентерберийской епархии за отказ от обнародования книги Лод сам осудил только четверых священников, которые, к тому же, были выделены в сохранившихся источниках как явные пресловутые неконформисты, а не просто те, кто не хотел обнародования «Книги развлечений». Несколько епископов (епископ Элийский и Нориджский Рен, епископы Пиерс из Бата и Уэлза, Керл Винчестерский, Боул Рочестерский) требовали обнародования «Книги развлечений» гораздо активнее⁷⁴⁸.

При этом невозможно утверждать, что церковные суды или Суд Высокой Комиссии осуждали священника только лишь за отказ обнародовать «Книгу развлечений» — всегда были ещё какие-либо нарушения. Лишь одного священника, считает Дж. Дейвис, отстранили от должности за то, что он не обнародовал «Книгу развлечений» — Снеллинга из прихода Сент-Пол Крей в Рочестерской епархии, но это произошло по воле Карла I, а Лода пытались безосновательно обвинить в этом во время суда над ним. В целом, пишет Дж. Дейвис, отчёты церковных старост не дают возможности точно подсчитать, сколько именно священников отказались обнародовать книгу, но, видимо, такие приходы были во всех епархиях⁷⁴⁹.

⁷⁴⁷ *Davies J. The Caroline Captivity of the Church. Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625—1641. — Oxford, 1992. — P. 171.*

⁷⁴⁸ *Ibid. — P. 185—188.*

⁷⁴⁹ *Ibid. — P. 196—197.*

Современники накануне 1640 г. видели свидетельства папистского заговора в церкви Англии в церемониальных изменениях. Самыми важными изменениями были установка стола для причастия в восточной части церковного здания по оси алтаря, и возведение перил, чтобы отделить стол для причастия от остальной части внутреннего пространства церкви с попытками давать причастие прихожанам у этих перил. Перила в церкви стали устанавливаться по образцу королевских часовен, оформленных Ланселотом Эндрюсом, который утверждал, что таковы были распорядки в первые века христианства⁷⁵⁰.

Дж. Дейвис, обобщая ход введения королевских требований в церковной политике 1630-х гг., приходит к выводу, что историки называют «лодианством» фактически ту политику, которую активнее всего проводил епископ Рен в епархиях Норидж и Эли после 1636 г. при полной поддержке королевского двора, с влезанием во все мелочи и судебным преследованием нарушителей⁷⁵¹.

Церковь в 1630-е гг. стала покушаться на статус местных элит в стране. Верхушка местного общества видела, что ослабление запретов, связанных с проведением воскресного дня, не давало возможности реформировать нравы социальных низов. Новации в интерьере церковей требовали новых затрат, что не нравилось светским лицам, так как на наиболее состоятельных из них приходились новые расходы. Но в то же время новшества 1630-х гг. не вызывали всеобщего отпора на местах, иначе у церковных властей вообще бы ничего не получилось в этих нововведениях. Дж. Дейвис приводит наблюдение о том, что те районы страны, где церковные суды не принуждали прихожан возводить ограждения в церкви, дольше были бастионами роялистов в годы гражданской войны: крайний запад (Эксетерская епархия), крайний север (епархии Карлайл, Дарем), граница с Уэльсом по обе стороны (епархии Герефорд и Сент-Асаф)⁷⁵².

Дж. Дейвис проанализировал также события 1640 г., связанные с созывом Короткого и Долгого парламентов и церковной конвокации, принявшей дополнительные церковные каноны и обострившей религиозно-политические вопросы в стране. После роспуска Короткого парламента 5 мая 1640 г. Карл I, в отличие от существовавшей практики, не дал закрыть заседания церковной конвокации, поскольку нуждался в денежных средствах, которые надеялся собрать с церкви, назвав их «добровольным пожертвованием», а не субсидией, поскольку выделение субсидий должно было одобряться парламентом⁷⁵³.

Конвокация 1640 г. приняла 17 канонов, которые закрепляли вызывавшие недовольство в стране церемониальные новшества 1630-х годов: епископ или другие должностные лица могли теперь устанавливать стол для причастия так, как они хотели, были признаны ограждения столов для причастия, предполагалось, что отлучения, штрафы и другие нака-

⁷⁵⁰ Ibid. — P. 205, 209.

⁷⁵¹ Ibid. — P. 250.

⁷⁵² Ibid. — P. 308—309, 311—312.

⁷⁵³ Ibid. — P. 251—253.

зания должны были налагаться на основе полномочий, предоставленных самим епископом светскому лицу, или же самим епископом — это было попыткой уменьшить влияние в церкви юристов гражданского права, которые были светскими лицами. Карл I окончательно утвердил Каноны, принятые на конвокации единогласно, 30 июня 1640 г. В 1641 году парламент выдвинул против епископов за принятие этих канонов обвинение в *praemunire*, и 4 августа 1641 г. 13 епископов, подписавших Каноны, были обвинены парламентом, король же стал лицемерно утверждать, что конвокация сама приняла Каноны без его распоряжений⁷⁵⁴.

Дж. Дейвис рассмотрел и события, связанные с так называемой клятвой *et cetera*. 18 мая 1640 г. Карл I послал письмо епископам со своей личной подписью, где требовал, чтобы они составили каноны, включив туда клятву, которую должны были давать все духовные лица. Клятва обязывала их следовать доктрине и дисциплине установленной церкви и содержала положение, что духовные лица не будут давать согласие на какие-либо нововведения и изменения. Это и была пресловутая клятва *et cetera*. Ее составителями, как считает Дж. Дейвис, были епископы Холл, Керл, Рен и Скиннер. В клятве была фраза о том, что принимающие клятву не допустят появления в церкви Англии каких-либо папистских доктрин. В начальном варианте клятвы при перечислении должностных лиц церковной власти упоминались архиепископы, епископы, деканы и архидиаконы, а в последующих вариантах клятвы в дополнение к этому перечислению появилась формулировка *et cetera* (и так далее), как будто предполагалось, что в церкви могут появиться ещё какие-то должностные лица. Затем из королевской копии клятвы и многих остальных копий исчезло упоминание о противостоянии папизму, что могло быть ошибкой при переписывании. Но при этом Карл I не приказал изъять копии, где не было упоминания о противостоянии папизму, и возникли большие недоразумения, которые привели к отказам приносить клятву. Негативное впечатление от действий короля усугубилось в ноябре 1640 года, когда собрался заранее обещавший быть трудным для короля Долгий парламент, и Карл I стал притворно отрешиваться от Канонов 1640 г., от клятвы *et cetera*, и даже от своей церковной политики 1630-х гг. Лод уже подумывал об отмене Канонов, но вся вина за них была переведена на него, и начался процесс, который привел к ликвидации епископата и казни Лода⁷⁵⁵.

Обобщая свое понимание религиозно-политического положения в Англии в правление Карла I, Дж. Дейвис выделяет несколько тезисов в подведении итогов. По его мнению, церковь Англии при Елизавете и Якове I была национальной церковью, которая в 1530—1560-х гг. была создана в сотрудничестве монархами и парламентом. Объём и содержание королевской прерогативы в церкви всегда были спорными, но Карл I, считает Дж. Дейвис, разрушил сам механизм взаимодействия с парламентом в церковных делах. В итоге, хотя королевское верховенство в церкви и не

⁷⁵⁴ Ibid. — P. 256—261, 270—274.

⁷⁵⁵ Ibid. — P. 275—277, 287.

оспаривалось открыто, возникло недовольство тем, что церковь стала превращаться в один из инструментов произвольного правления короля. При Карле I развернулось беспрецедентное давление на духовенство судов от Высокой Комиссии до епархиального уровня — в церкви перестали терпеть неконформистов. Реформированная церковь Англии была изначально эрастианской по характеру. Лод же стремился уменьшить влияние светских лиц в церкви, восстановить церковные права на получение десятин, вернуть церковные земли, право допуска священника в приход. Официально санкционированные церемонии и обряды в раннем англиканстве были немногочисленны, а с начала правления Карла I духовенству стали навязываться церемонии и обряды, не имевшие канонических оснований.

До времени правления Карла I евангелические пуритане, по сути дела, были неотъемлемой составной частью церкви Англии. Некоторые из них имели сомнения относительно тех или иных церемоний в церкви, но многие все же оставались конформистами. Карлу I не нравились индивидуалистические и неконформистские черты пуританизма, и таким отношением король маргинализировал пуритан: возросло число неконформистов, оживились пресвитериане, и религиозные причины, несомненно, способствовали росту эмиграции в Нидерланды, в Америку, даже в Шотландию, причем уезжали не только религиозные экстремисты. Карл I осложнил положение в церкви по сравнению со временем правления Якова I жёстким пресечением разговоров о двойном предопределении, фактическим осуждением почитания воскресного дня, восприятием пуритан как врагов и навешиванием на них ярлыков, прохладным отношением к европейским реформированным церквам. При Карле I пресекались дискуссии в церкви и пропагандировалось представление о священности особы короля.

Карл I правил в неблагоприятный для европейского протестантизма период Тридцатилетней войны, и на этом фоне некоторые тенденции в церковной политике его правления — введение новых церемоний, усиление значения церкви как общественного института, утверждение власти епископов и самостоятельности духовенства, известные факты обращения в католицизм, довольно терпимое отношение к рекузантам — создавали впечатление, что король и епископы задумали то ли вернуть страну в католицизм, то ли учредить какое-то свое английское подобие папизма. Дж. Дейвис приходит к выводу, что своей политикой Карл I фундаментальным образом изменил характер англиканства с фатальными последствиями для себя и для страны. Англиканская церковь после реставрации восстановилась в менее терпимом виде по отношению к неконформистам по сравнению с временем до 1625 г.

В 1630-е гг. в церковной политике в Англии слились два фактора, отличных друг от друга, и в то же время начавших соприкасаться и даже сливаться друг с другом. Один фактор был более длительного действия и происхождения и представлял собой рекатолизацию церкви Англии с учётом влияния патристики, исторической традиции, в результате чего церковь Англии стала видеть себя в более широком контексте и выдвинула на первый план литургию, церковную дисциплину, в меньшей степени

уделяя внимание проповеди. Второй фактор отражал решимость Карла I навязать свой взгляд на королевское служение как своего рода таинство, божественное по происхождению, сформировать для церкви новую идентичность, которую Дж. Дейвис называет «англо-католической». Эти две тенденции и можно обозначить понятиями «лодианство» и «каролинианство», и даже более точным, по его мнению, было бы назвать все новации 1630-х гг. «каролинианством», т.к. роль короля была инициативной, и определял церковную политику именно монарх, причем доктрина сама по себе для него была безразлична.

Историки, как отмечает Дж. Дейвис, обычно приписывают Лоду неуступчивость, нетерпимость, авторитарность, склонность к паранойе, двуличность, но все эти качества, по его мнению, больше характеризовали самого Карла I. Как писал Кларендон, Лод высоко ценил понятие королевского достоинства и сводил к минимуму свои протесты против политики короля, а также, уважая других епископов, не вмешивался в их действия, даже если они проводили политику более жёсткую, чем он сам. Личные недостатки Лода — слишком темпераментный характер, недостаток обходительности и учтивости в непосредственном общении, убеждённость в своей правоте — привели к тому, что Лод остался изолированной фигурой, чьи истинные намерения было легко исказить его противникам. Обвинения Лода давали возможность не возлагать вину за церковную политику непосредственно на Карла I, и это, как надеялись, оставляло королю возможность для маневра в изменении непопулярной политики. Лод даже отказался предавать гласности ряд приказов короля, чтобы отвести от него обвинения, и худшее, чего ожидал Лод, состояло в отрешении его от должности, или в том, что его затворят в его епархии⁷⁵⁶.

Одна из проблем в изучении предреволюционного периода состоит в том, что оппозиция политике правительства в 1630-е гг. мало излагала свои взгляды на бумаге. Сохранившиеся документальные свидетельства представляют собой в основном административные документы, а не материалы личного характера. Политика Карла I вторгалась в личные верования, и поэтому взгляды оппозиции приобретали не только конституционно-политический, но и морально-религиозный характер. Оппозиция также сознательно распространяла слухи о короле и епископах как якобы тайных папистах⁷⁵⁷.

Историки-ревизионисты, по словам Дж. Дейвиса, в изучении предреволюционной ситуации исходят из двух основных предпосылок: во-первых, что принципиальные идеологические соображения играют малую роль в мотивации действий исторических деятелей и в происходящих из-

⁷⁵⁶ *Davies J.* The Caroline Captivity of the Church. Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625—1641. — Oxford, 1992. — P. 303—304; *Palmer W.G.* Invitation to a Beheading: Factions in Parliament, the Scots and the Execution of Archbishop William Laud in 1645 // *Historical Magazine of the Protestant Episcopal Church.* — 1983. — Vol. 52. — № 1. — P. 17—27.

⁷⁵⁷ *Davies J.* The Caroline Captivity of the Church. Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625—1641. — Oxford, 1992. — P. 314.

менениях, и, во-вторых, что религию легко отделить от политики. Ревизионисты выдвинули точку зрения, что политический кризис в Англии накануне гражданской войны проистекал из функционального кризиса в аппарате управления, а также из революционного по своим последствиям воздействия арминианства, не принимая во внимание того, что оппозиция критиковала всю религиозную политику Карла I после 1625 г.⁷⁵⁸

Содержательную работу «Католики и реформаты. Римская и протестантская церкви в английской протестантской мысли» (1995) опубликовал Э. Милтон⁷⁵⁹. Он отмечает, что единства во мнениях относительно того, что представляла собой церковь Англии накануне гражданской войны, среди современных британских историков нет⁷⁶⁰.

Некоторые исследователи, как пишет Э. Милтон, уже высказывали предположения, что политический конфликт в Англии середины XVII в. может быть лучше понят, если учитывать существовавшие в церкви Англии разные представления о том, чем является римско-католическая церковь и какой должна быть протестантская церковь. Историки обратили внимание на то, что в конце 1620-х гг. в церкви Англии стал развиваться конфликт между двумя подходами к пониманию того, что может быть названо протестантской ортодоксией. Особенно острыми были споры о том, как относиться к римско-католической церкви⁷⁶¹.

Э. Милтон считает необходимым изучение споров о природе церкви Англии в предреволюционные десятилетия и тех политических следствий, которые проистекали из этих внутрицерковных споров. В предреволюционный период в церкви Англии, как считает Э. Милтон, идеологическая и доктринальная идентичность церкви ещё не прояснилась окончательно, поскольку разные группы в церкви спорили о том, как можно считать церковь Англии одновременно и католической, всеобъемлющей, и протестантской, реформированной. Он обращает внимание на то, что огромный массив религиозной литературы, опубликованной в Англии в 1600—1640 гг., остается ещё не изученным, а споры между историками ведутся на основе анализа сравнительно небольшого числа религиозных текстов. В первые десятилетия XVII века современники-англичане отнюдь не рассматривали ситуацию в церкви как дуалистически-упрощённую борьбу лишь двух группировок и обращали внимание на существование различных мнений в религиозной сфере. Исследователи выявили, что, например, венецианский посол Фоскарини в 1616 г. в своем донесении сообщал, что в Англии существуют 12 различных религиозных партий — три партии католиков, три индифферентных в вопросах веры, четыре группировки по-своему поддер-

⁷⁵⁸ Ibid. — P. 1—3, 304—305.

⁷⁵⁹ Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought. — Cambridge University Press, 1995.

⁷⁶⁰ Ibid. — P. 3.

⁷⁶¹ Russell C. The Causes of the English Civil War. — Oxford, 1990. — Ch. 3; White P. Predestination, Policy and Polemic. — Cambridge, 1992. — P. 231, 255, 310; Idem. The Rise of Arminianism Reconsidered // Past & Present. — 1983. — № 101. — P. 54; Idem. A Rejoinder // Past & Present. — 1987. — № 115. — P. 218; Lamont W. Godly Rule: Politics and Religion 1603—1660. — London, 1969. — P. 65—66.

живали ту форму веры, которую исповедовал монарх, и он выделял также две пуританские партии. А. Милтон в связи с этим заявляет, что жёстко дуалистический взгляд большинства современных историков на религиозную ситуацию в раннестюартовский период с выделением противостояния англиканской и пуританской группировки или арминианской и кальвинистской группировки упрощает и обедняет тот широкий спектр религиозных мнений, который существовал в Англии накануне гражданской войны⁷⁶².

Э. Милтон отмечает, что пока не существует удовлетворительного термина для того, чтобы охарактеризовать взгляды таких видных представителей конформистской богословской мысли в церкви Англии, как Ричард Хукер и Ланселот Эндрюс. П. Лейк предлагает использовать для определения их взглядов термин «авангардистский конформизм», чтобы отличить Хукера и Эндрюса от других конформистов того времени, которые не придавали такого большого значения церемониям в жизни церкви, при этом обращая внимание на то, что о взглядах «авангардистских конформистов» с одобрением отзывались католики⁷⁶³. Проблема состоит ещё и в том, считает Э. Милтон, что термин «англиканский» применительно к началу XVII в. не передаёт всей специфики существовавших в это время религиозных взглядов, поскольку термин «англиканский» стал входить в употребление позднее. Он относит к важнейшим религиозным группам в церкви Англии в начале XVII в. авангардистских конформистов, кальвинистов-конформистов, умеренных и радикальных пуритан⁷⁶⁴.

Как обращает внимание Э. Милтон, одним из важнейших вопросов церковной политики в правление первых Стюартов было отношение королевской власти к английским католикам, поскольку это влияло на ситуацию в церкви Англии. Якова I беспокоила главным образом политическая сторона католицизма и доктрина о праве папы свергать королей, и он поощрял те антикатолические сочинения, которые теоретически противостояли этой идее в католицизме. Свою внутреннюю и внешнюю политику Яков I не хотел жёстко связывать с антикатолицизмом. Он обдумывал возможность предоставления фактической веротерпимости (но не веротерпимости *de jure*) умеренной части католиков, которые соглашались принести клятву верности монарху. В практической политике Яков I всегда старался проводить различие между умеренными деятелями и радикальным меньшинством, которое только и представляло обычно политическую угрозу, чтобы отделить умеренных католиков от закоренелых и убедить умеренных подчиниться существовавшему в стране режиму⁷⁶⁵.

⁷⁶² *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 5—7; *Higham F.M.G. Catholic and Reformed. A Study of the Anglican Church, 1559—1662.* — London, 1962. — P. 56—57.

⁷⁶³ *Lake P. Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker.* — London, 1988. — Ch. 4; *Idem. Lancelot Andrewes, John Buckeridge and Avantgarde Conformity at the Court of James I // The Mental World of the Jacobean Court / Ed. by L. Levy Peck.* — Cambridge, 1991.

⁷⁶⁴ *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 7, 26.

⁷⁶⁵ *Ibid.* — P. 56.

В 1604 г. Яков I нетерпимо относился к рекузантам, чтобы парламент был доволен и утвердил договор об объединении с Шотландией и необходимые королю субсидии. Убийство в 1610 г. католиками французского короля Генриха IV усилило страх Якова I перед покушением на его жизнь со стороны католиков и, как считают, даже способствовало выдвижению убежденного антипаписта Джорджа Эббота в сан архиепископа Кентерберийского. Но после 1613 г. Яков I попал под влияние испанского посла Гондомара и других тайных папистов при дворе, и в 1617 г. уже шли переговоры об испанском браке принца Карла. Яков I мотивировал свою большую терпимость к католикам также тем, что это, по его мнению, могло облегчить положение протестантов в католических странах. В последние годы правления у него усилилось недовольство пуританами, и король благоприятствовал группе авангардистских конформистов, хотя при этом антипаписты по-прежнему преобладали среди королевских капелланов и среди придворных проповедников. Яков I полностью всё же не отошел в последние годы жизни и от антипапистских настроений — вывод об этом Э. Милтон делает на основе того, что в 1622 г. король принял личное участие в дискуссии с иезуитом Фишером⁷⁶⁶.

Карл I, как и его отец, в своих практических действиях по отношению к католикам руководствовался фискальными и политическими соображениями. При Карле I даже усилилось финансовое давление на английских католиков. Тем не менее, по конфессиональным мотивам католиков беспокоили меньше, их редко заставляли приносить клятву верности монарху, а королевский двор отличался беспрецедентной терпимостью по отношению к католикам⁷⁶⁷. Но, как считают исследователи, всё это не означает, что Карл I колебался в своей приверженности к протестантизму⁷⁶⁸. При этом король получал несомненное удовольствие от культурного общения с католиками в своем окружении, и это, в сочетании с влиянием католички-жены, создавало в Англии атмосферу, в которой стало возможным более мягкое отношение к разногласиям с Римом и даже разговоры о воссоединении с Римом. В представлении лодианцев, на которых стал опираться в церковной политике Карл I, антикатолицизм уже не был какой-то позитивной формой религиозных верований, а рассматривался, скорее, как основа для потенциально подрывной по своим последствиям деятельности⁷⁶⁹. Это не означало, что группировка Лода без тревоги воспринимала обращения в католицизм, существование рекузантов. По мнению сторонников Лода, отстаиваемый ими большой церемониализм в церкви был одним из возможных способов соблазнить рекузантов к переходу в церковь Англии. Пуританское невнимание к вопросам ритуала рассматривалось лодианцами как препятствие в обращении католиков⁷⁷⁰.

⁷⁶⁶ Ibid. — P. 57.

⁷⁶⁷ Lindley K.J. The Lay Catholics in England in the Reign of Charles I // JEH. — 1971. — Vol. 22.

⁷⁶⁸ Meyer A.O. Charles I and Rome // American Historical Review. — 1913. — Vol. 19; Havran M.J. The Character and Principles of an English King: the Cause of Charles I // Catholic Historical Review. — 1983. — Vol. 69. — P. 199—208.

⁷⁶⁹ Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought. — Cambridge University Press, 1995. — P. 62—68.

⁷⁷⁰ Hibbard C. Charles I and the Popish Plot. — Chapel Hill, 1983. — P. 57. ~

После утверждения протестантизма в Англии одним из символов безусловной протестантской ортодоксии для церкви Англии, как отмечают многие исследователи, стало отождествление папы с антихристом. Эта идея появилась в примечаниях к Женевской Библии и в книге Джона Фокса, что способствовало её распространению. Церковь Англии не приняла этот тезис формально как положение своей доктрины и не утверждала, что его признание необходимо для спасения человека, но этой доктрины в церкви Англии придерживались и умеренные кальвинисты из числа сторонников епископальной формы управления церковью, и пуритане, и многие из числа тех, кого называли арминианами⁷⁷¹.

Ряд историков обращали внимание на изучение антикатолических настроений в Англии в первые десятилетия XVII в.⁷⁷² Постоянная озабоченность необходимостью борьбы с католицизмом отличала не только духовных лиц, но была характерна также для депутатов парламента, мировых судей в графствах⁷⁷³. Рациональная основа антипапизма в Англии, считает Э. Милтон, состояла в служении нескольким важным целям. Прежде всего, ненависть к папизму рассматривалась как позитивное проявление принадлежности к тем, кто исповедует истинную религию. Для пуритан повышенное чувство отвращения к папизму было одним из признаков избранности. Как отмечает Э. Милтон, для пуританизма было характерно поляризованное мировосприятие, готовность придавать провиденциальное и пророческое значение конфликтам в мирской жизни. Истинная, с пуританской точки зрения, церковь в земной жизни всегда должна была находиться в состоянии перманентной войны с силами тьмы, поэтому конфликт с римско-католической церковью был неизбежен. Такие идеи, считает Э. Милтон, в начале XVII в. были не чужды многим конформистам⁷⁷⁴.

Страх перед папизмом способствовал также активизации работы по катехизации. Многие катехизисы по содержанию были ярко выражены антипапистскими, и включали разделы о том, что говорить протестанту во время спора с католиком⁷⁷⁵. Протестанты в Англии опасались прозелитической активности католиков — историки находят свидетельства

⁷⁷¹ *Banckham R. Tudor Apocalypse. — Abingdon, 1978; Firth K. The Apocalyptic Tradition in Reformation Britain 1530—1645. — Oxford, 1979; Christianson P. Reformers and Babylon. — Toronto, 1978; Hill C. Antichrist in Seventeenth-Century England. — Oxford, 1971; Capp B. The Political Dimension of Apocalyptic Thought // The Apocalypse in English Renaissance Thought and Literature / Ed. by C.A. Patrides, J. Wittreich. — Manchester, 1984.*

⁷⁷² *Lake P. Anti-Popery: the Structure of a Prejudice // Conflict in Early Stuart England / Ed. by C.R. Hughes. — London, 1989; Weiner C.Z. The Beleaguered Isle. A Study of Elizabethan and Early Jacobean Anticlericalism // Past & Present. — 1971. — № 51. — P. 27—62; Clifton R. The Popular Fear of Catholics during the English Revolution // Past & Present. — 1971. — № 52.*

⁷⁷³ *Fincham K. Prelacy and Politics: Archbishop Abbot's Defence of Protestant Orthodoxy // Historical Research. — 1988. — Vol. 61.*

⁷⁷⁴ *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought. — Cambridge University Press, 1995. — P. 35—36; Lake P. The Significance of the Elizabethan Identification of the Pope as Antichrist // JEH. — 1980. — Vol. 31. — P. 171—175.*

⁷⁷⁵ *Green I. "For Children in Years and Children in Understanding": the Emergence of the English Catechism under Elizabeth and the Early Stuarts // JEH. — 1986. — Vol. 37.*

обращения англичан в католицизм под влиянием католической полемической литературы. Как отмечает Э. Милтон, в жизни церкви Англии обвинение своих соперников в папизме стало также превращаться в полемическую тактику, направленную на подрыв позиции соперничающей фракции в борьбе за власть и влияние⁷⁷⁶.

Идентификация папы с антихристом сыграла большую роль в понимании церковной истории английскими протестантами. Апокалиптическая традиция утвердилась в английской протестантской историографии и стала способом репрезентации истории среди английских протестантов. Они использовали также текст из Откровения 18:4 — божественное повеление покинуть Вавилон, или быть осуждённым за его грехи, что стало оправданием Реформации в ответ на обвинения со стороны Рима в том, что протестанты совершили акт схизмы. Доктрина о папе как антихристе, считает Э. Милтон, исключала возможность достижения веротерпимости для католиков в Англии. Стал развиваться своего рода «апокалиптический национализм», в котором высоко оценивалась особая эсхатологическая роль Англии в итоговом разгроме антихриста и особо подчеркивалась роль благочестивого набожного правителя в этой борьбе. Такие идеи были характерны в первую очередь для пуритан, но они были распространены и среди конформистов. Этот взгляд с присущим ему дуализмом Э. Милтон связывает с влиянием кальвинистского учения о предопределении.

Но, критикуя Рим как церковь антихриста, пуритане переходили к критике внешних черт сходства англиканской церкви с католической церковью. Такие идеи несли потенциальную угрозу для существования в Англии всеобъемлющей национальной протестантской церкви⁷⁷⁷. В правление Якова I и Карла I сдержанность умеренных пуритан в использовании апокалиптической терминологии и образов возрастала по мере того, как происходила радикализация протестантской апокалиптической традиции, и многих английских богословов, особенно сторонников епископальной формы церковного управления, начинал беспокоить рост миллениаристских настроений, особенно в 1620-е гг.⁷⁷⁸

Лодианство, как показал Э. Милтон, принесло с собой попытки пересмотра многих идей и позиций, существовавших в английском протестантизме во второй половине XVI в. Период возвышения лодианской группировки стал временем, когда широко и открыто зазвучали отрицания отождествления папы с антихристом. Еще Ричард Хукер на рубеже XVI—XVII вв. заявил в своем сочинении «Законы церковного устройства», что римская церковь является членом семьи христианских церк-

⁷⁷⁶ *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 37—38, 55.

⁷⁷⁷ *Parry G.J.R. A Protestant Vision.* — Cambridge, 1987; *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 94—105.

⁷⁷⁸ *Puritans, the Millenium and the Future of Israel / Ed. by T. Toon.* — London, 1970; *Capp B.S. The Fifth Monarchy Men.* — London, 1972; *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 106.

вей и может сохранять черты истинной церкви. При Лоде с Антихристом стали отождествлять также пуритан и сепаратистов. В то же время нет особых свидетельств о том, что доктрина о папе как антихристе отрицалась на уровне приходского духовенства. Лод же просто избегал высказываний об этом и стремился трактовать разрыв с Римом как в первую очередь юридический, правовой акт, представлял Реформацию как мероприятие, проведенное национальными церквями для того, чтобы самоопределиться, избавиться от злоупотреблений. Для Лода возможность и право на Реформацию состояли в том, что отдельные церкви имели право на то, чтобы проводить у себя реформы в том случае, если эти реформы не проводит церковь в целом. Конфликт с Римом, таким образом, переходил в плоскость спора о юрисдикции, а не о чистоте доктрины⁷⁷⁹.

Для многих протестантов точный статус римской церкви оставался неясным, но всё же они обращали внимание на то, что римская церковь сохранила некоторые признаки, которые давали Риму статус церкви при всех его антихристианских действиях: даже потому, что в католической церкви уселся антихрист, в толковании английских протестантов, было свидетельством того, что римская церковь является церковью. Обычно английские протестанты придерживались мнения, что католическая церковь — всё-таки церковь, хотя и не подлинная: существовала теоретическая необходимость обеспечить признание возможности спасения для предков, которые входили в католическую церковь в дореформационный период. Необходима была также и борьба с сепаратистами, поэтому высказывался аргумент, что действительные таинства могут совершаться и в церкви, которая в чём-то ошибается в своей доктрине и в которой есть малограмотные и не способные проповедовать священники. Сущность же католической церкви для Лода состояла не в истинности или ложности её доктрины, а в том, что католическая церковь отвечала некоторым сущностным характеристиками, позволявшим относить ее к христианским церквям — проводила крещение, верила в Христа, Писание и таинства. Для лодианской группировки чистота доктрины потеряла какое-либо экклесиологическое значение. Римская церковь отрицала, что спасение возможно в протестантских церквях, в то время как протестанты считали возможным спасение в рамках римской церкви⁷⁸⁰.

Группировка Лода также стала придавать большое значение членству в видимой церкви для дела спасения. Пуритански настроенные богословы в начале XVII в. жаловались, что в церкви встречается мнение, согласно которому членство в видимой церкви достаточно для спасения, что противоречило кальвинистским понятиям. Лод же утверждал, что невидимая церковь избранных может существовать только через видимую, институциональную церковь⁷⁸¹.

Англиканские антикатолические полемисты не достигли согласия в том, сколько именно ошибок было в учении католической церкви. Ан-

⁷⁷⁹ *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 117—121, 123—124.

⁷⁸⁰ *Ibid.* — P. 132—136, 153—155, 167.

⁷⁸¹ *Ibid.* — P. 157—159.

глийские протестанты обычно критиковали культ Девы Марии, католические учения об оправдании и добрых делах, поклонение образам, папское верховенство и непогрешимость, реальное присутствие в Евхаристии, заупокойные молитвы, обращение с молитвами к святым, безбрачие духовенства, причастие под одним видом. В целом в полемике с католиками английские протестанты насчитывали до 22 спорных тем и до 150 спорных вопросов в них. Самым презренным грехом Рима английские протестанты считали идолопоклонство: поклонение образам, святым, «идолу мессы», раздувание значения папы и его авторитета⁷⁸².

В правление Якова I у англиканских богословов появилось стремление к поддержанию доктрины о реальном присутствии Христа в Евхаристии в связи с тем, что католики стали приписывать богословам церкви Англии цвинглианское понимание Евхаристии только как воспоминания о Тайной Вечере. Английские протестанты возражали против использования католического понятия «трансубстанциация», и в связи с этим для обозначения происходившего в Евхаристии стали использовать термин “*mysterium tremendum*” («великая тайна»), который подтверждал реальное присутствие в Евхаристии, в то же время оставаясь на агностических позициях в отношении понимания и определения точного характера этого присутствия. Такую позицию заняли и представители лодианской группировки⁷⁸³. Позиция лодианцев питала мысль, что различия между католиками и церковью Англии в понимании Евхаристии незначительны. Некоторые англиканские богословы не могли смириться с таким подходом и подчёркивали, что в борьбе с католическим пониманием Евхаристии пошли на костер протестантские мученики времен Марии Тюдор, так что взгляды лодианцев на Евхаристию вызывали у них опасения. Среди лодианцев же распространилась тенденция к утверждению мнения, что учение католической церкви следует называть не еретическим, а просто ошибочным⁷⁸⁴.

Некоторые представители группировки Лода (например, Ричард Монтагю) считали, что церковь Англии могла бы примириться с Римом на условиях, подобных статусу галликанской церкви во Франции, резко осуждая только деятельность иезуитов и инквизиции, но такого рода идеи не встречали поддержки даже среди тех, кого Лод выдвинул в епископы, к тому же в Риме в XVII в. в официальной форме отрицали, что католическая церковь во Франции имеет какой-то особый статус⁷⁸⁵.

Самого Лода, считает Э. Милтон, «мало интересовала возможность воссоединения с Римом на условиях, подобных положению галликанской

⁷⁸² Aston M. *England's Iconoclasts*. — Oxford, 1988. — Vol. I. — P. 360, 363, 472; Milton A. *Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought*. — Cambridge University Press, 1995. — P. 186—187.

⁷⁸³ Dugmore C.W. *Eucharistic Doctrine in England from Hooker to Waterland*. — London, 1942. — P. 61 n. 3.

⁷⁸⁴ Milton A. *Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought*. — Cambridge University Press, 1995. — P. 197—200, 206—215.

⁷⁸⁵ Milton A. *Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought*. — Cambridge University Press, 1995. — P. 227, 265; Macauley J.S. *Richard Montague, Caroline Bishop, 1575—1641*. — Cambridge University PhD, 1965.

церкви». Лод был решительным образом против совместного причастия с католиками (*intercommunion*). Хотя лодианцы отошли от прежнего антипапизма англиканской церкви времен Елизаветы и Якова I, никто из влиятельных лодианцев, считает Э. Милтон, даже не думал об обращении в католицизм, сосредоточивая свои интересы на защите независимости церкви Англии — они искренне не видели причин для перехода в католическую церковь, которую рассматривали как не реформированную, исповедующую доктрину, уступавшую по убедительности доктрине церкви Англии.⁷⁸⁶

В полемике с католиками о происхождении своей церкви в качестве своих предков протестанты стали называть раннюю христианскую церковь первых шести веков её существования и тех, кого протестанты считали «настоящими христианами» внутри католической церкви — средневековых еретиков, и национальные церкви, которые отвергали притязания папы на универсальную юрисдикцию. В распространении христианства в Британии английские протестанты обычно стремились принизить роль посланного папой миссионера Августина, и отстаивали тезис о том, что христианство пришло в Англию через деятельность Иосифа Аримафейского в I веке, а обращение англичан в христианство совершилось при апокрифическом христианском правителе Британии короле Луции за несколько столетий до появления Августина, посланного папой Григорием Великим в 597 г. Мнение о том, является ли римская церковь «материнской церковью» для церкви Англии, не стремились развивать даже сторонники Лода, тоже озабоченные доказательством самостоятельной юрисдикции церкви на Британских островах. Лодианцы принимали легенду, согласно которой при короле Луции крещение Англии было совершено двумя проповедниками, которых направил в Англию папа Элевтерий (175—189). Защитники англиканской церкви стремились продемонстрировать, что церковь Англии не изменила в доктрине, церковных порядках и таинствах той форме христианской церкви, которая сложилась в первые века существования христианства, и только вычистила злоупотребления, шлевелы, проникшие в церковь за время её существования под руководством Рима. Лодианская группировка делала ещё больший акцент на ошибках Рима после Тридентского собора.⁷⁸⁷

Английские протестанты, начиная с публикации труда Джона Фокса, стремились также показать, что предшественники протестантов в средние века, которые были истинной церковью в коррумпированной католической церкви, были и многочисленны, и авторитетны: вальденсов, а особенно альбигойцев и гуситов поддерживала часть знати и некоторые епископы.⁷⁸⁸

⁷⁸⁶ *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 366—369; *Tighe W.J. William Laud and the Reunion of the Churches: Some Evidence from 1637 and 1638 // Historical Journal.* — 1987. — Vol. 30.

⁷⁸⁷ *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 270, 276, 324—326.

⁷⁸⁸ *Facey J. John Foxe and the Defence of the English Church // Protestantism and the National Church in Sixteenth Century England / Ed. by P. Lake, M. Dowling.* — London, 1987; *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 279—282.

В отличие от такого подхода, писатели-богословы из группировки Лода стали отвергать преемственность церкви Англии с протопротестантами дореформационного периода, поскольку опора на протопротестантов как предков порождала анти-епископальные тенденции в вопросе о происхождении англиканской церкви. Протопротестантских сектантов лодианцы стали представлять как предков пуритан⁷⁸⁹.

Группа Лода стала интересоваться архиепископом Кентерберийским Томасом Бекетом, убитым в 1170 г., поскольку он защищал церковь от покушений со стороны светской власти. Для лодианцев перестал быть героем предшественник Реформации Джон Уиклиф, поскольку они рассматривали его деятельность как угрозу церкви и пытались его просто игнорировать, явно не осуждая. С возвышением Лода зазвучали голоса в поддержку постов, монашества⁷⁹⁰.

В англиканской церкви под влиянием деятельности лодианцев стал проявляться некоторый интерес к православным церквям как «неиспорченным папизмом». При этом подчеркивалось, что христианство пришло в Британию через греков, а не через римскую церковь. Для лодианцев греческая церковь служила оправданием проводившихся ими литургических и церемониальных новаций, установки стола для причастия в положение алтаря, выступлений против кальвинистского учения о предопределении и доктрины о соблюдении воскресного дня. Но лодианцы всё же относились к православным церквям с недоверием: греческую церковь они считали виновницей появления учения о реальном присутствии Христа в Евхаристии, а также считали её инициатором иконопочитания⁷⁹¹.

Историки обсуждают также вопрос об отношениях церкви Англии с лютеранами. Лютеранскую доктрину в Англии признавали протестантской, хотя труды лютеран, как считает Э. Милтон, «в Англии знали плохо». Среди англиканских богословов преобладало мнение, что церковь лютеран недостаточно реформирована — в ней сохранились картины на религиозные сюжеты, напоминавшие образа. Главными спорными вопросами в полемике с лютеранами были лютеранское понимание Евхаристии как консубстанции и вездесущность Христа в Евхаристии (*ubiquity*), понимание свободы воли и предопределения. Англикан пугало то, что у лютеран было сходство с арминианами в понимании предопределения. Позиция лютеран считалась безупречной в вопросе об оправдании

⁷⁸⁹ *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 294—295, 301—306.

⁷⁹⁰ *Kenny A. The Accursed Memory: the Counter-Reformation Reputation of John Wyclif // Wyclif in His Times / Ed. by A. Kenny.* — Oxford, 1986; *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 308—310, 312, 317—318.

⁷⁹¹ *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 378—381; *Patterson W.B. "Educating the Greeks": Anglican Scholarships for Greek Orthodox Students in the Early 17th Century // Religion and Humanism / Ed. by K. Robbins.* — Oxford, 1981; *Cuming G.J. Eastern Liturgies and Anglican Divines 1510—1662 // The Orthodox Churches and the West / Ed. by D. Baker.* — Oxford, 1976; *Clancy T.H. Papist-Protestant-Puritan: English Religious Taxonomy 1565—1665 // Recusant History.* — 1975—1976. — Vol. 13.

верой. Англикане-сторонники епископального строя в управлении церковью критиковали лютеран относительно меньше, чем остальные кальвинисты. Существовало также политическое недоверие к лютеранам из-за частой готовностью немецких лютеран сговариваться с имперскими властями в Германии в ущерб кальвинистам в XVI в., что повторилось и в XVII в.: во время Тридцатилетней войны (1618—1648) лютеранская Саксония помогала католикам в борьбе с германскими кальвинистами. В то же время потребность в политических контактах с лютеранами не исчезала — лютеранская Швеция в 1630-е гг. превратилась в одну из опор Реформации в Европе⁷⁹².

Историками обсуждается также вопрос о возможном влиянии лютеран на группировку Лода. Лютеранские церкви сохранили близкий духу лодианства церемониализм: алтарь с украшениями на восточной стене, крестное знамение над освящаемыми элементами, звон колоколов при поднятии гостии, коленопреклонение в причастии, образа в церкви, распятие⁷⁹³. Лютеранские доктрина об адиафора (второстепенных, несущественных компонентах в церковном строе), интерес к отцам церкви, претензии на католичность, вера в реликвии, личных ангелов-хранителей, антикальвинизм в понимании предопределения тоже отвечали интересам лодианцев. Лодианская доктрина евхаристического присутствия имела много общего с лютеранством, чего, как считает Э. Милтон, лодианцы не осознавали, хотя прямых лютеранских влияний на лодианство исследователи в целом не находят. Лодианцы упрекали лютеран за опору только лишь на оправдание верой в понимании спасения, не принимали злбный антикальвинизм у лютеран⁷⁹⁴.

Лодианцы в середине 1630-х гг. установили контакты со шведской лютеранской церковью. Обдумывалась даже возможность создания общего вероисповедания для церквей Англии, Швеции и Дании. За этим стояла возможность создания северного протестантского союза против Габсбургов, в который организаторы не хотели приглашать кальвинистские церкви Нидерландов. Историки всё же придерживаются мнения, что переговоры о возможности объединения с лютеранами для создания северного протестантского союза были для Англии лишь политическим маневрированием, и со стороны Лода не было искренности в обсуждении вопроса о создании единого вероисповедания с лютеранами. Лодианская группировка имела пункты во взглядах, которыми не могла поступиться в отношениях с лютеранами — в первую очередь это была точка зрения о божественном происхождении епископов. Лод в своих высказываниях

⁷⁹² *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 386, 389.

⁷⁹³ *Frank G.I. C. The Theology of Eucharistic Presence in the Early Caroline Divines Examined in its European Theological Setting.* — University of St. Andrews PhD, 1985; *Adams S.L. The Protestant Cause: Religious Alliance with the West European Calvinist Communities as a Political Issue in England, 1585—1630.* — Oxford D. Phil. Thesis, 1973.

⁷⁹⁴ *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 439, 442.

близко подходил к тому, чтобы отказать в статусе церквей тем континентальным протестантским церквям, в которых не было епископального строя управления, как у лютеран⁷⁹⁵.

Исследователи также обращают внимание на то, что в первые десятилетия XVII в. в церкви Англии происходило переосмысление отношения к кальвинизму. Как пишет П. Коллинсон, отношения между Англией и кальвинистскими центрами на континенте никогда не были неизменными и были подвержены влиянию изменений в политической обстановке, в первую очередь внутри Англии⁷⁹⁶. Д. Мак-Каллок утверждает, что кальвинизм появился слишком поздно, чтобы оказать серьезное влияние на утверждение протестантизма в церкви Англии через те парламентские акты, которые были приняты в правление Эдуарда VI и Елизаветы⁷⁹⁷. Тем не менее, признано, что 39 статей были вполне совместимыми с кальвинизмом, который доминировал в английских университетах, где получало образование английское духовенство⁷⁹⁸. В Оксфорде, наряду с влиянием Женева, влиятельны были также кальвинистские богословы Цюриха и Гейдельберга. Меньше стали обращать внимание на зарубежных кальвинистов в Англии только в 1630-е гг.⁷⁹⁹

Континентальный кальвинизм во второй половине XVI в. эволюционировал в направлении утверждения в нем жёсткого варианта учения о предопределении (супралапсаризм), представленного во взглядах преемника Кальвина в Женеве Теодора Безы (1519—1605). Многие английские кальвинисты отходили от супралапсаризма Безы, который называют ещё «высоким кальвинизмом». В Англии радикальные сторонники крайнего кальвинизма потеряли свои позиции с разгромом пресвитерианского и сепаратистского движения в конце 1580-х—начале 1590-х гг. Как считает Э. Милтон, пик английского высокого кальвинизма был достигнут в 1590-е гг., а затем в английском кальвинизме начался отход в сторону волюнтаристского акцента в толковании спасения, представленный наиболее ярко У. Перкинсом с подчеркиванием значения человеческих усилий, добрых дел в теологии ковенанта. Такие волюнтаристские акценты во взглядах обычно сочетались с прочной приверженностью кальвинистскому пониманию предопределения и пяти пунктам Дордрехтского (Дортского) синода 1618—1619 гг. От супралапсаризма Безы в первые десятилетия

⁷⁹⁵ *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 444, 454—455; *Sommerville J.P. The Royal Supremacy and Episcopacy "Jure Divino", 1603—1640* // JEH. — 1983. — Vol. 34.; *Sommerville M.R. Richard Hooker and his Contemporaries on Episcopacy: An Elizabethan Consensus* // JEH. — 1984. — Vol. 35; *Atherton I. Viscount Scudamore's Laudianism: the Religious Practices of the First Viscount Scudamore* // Historical Journal. — 1991. — Vol. 34.

⁷⁹⁶ *Collinson P. England and International Calvinism 1558—1640* // International Calvinism 1541—1715 / Ed. by M. Prestwich. — Oxford, 1985. — P. 198.

⁷⁹⁷ *MacCulloch D. The Later Reformation in England 1547—1603.* — New York, 1990. — P. 70—71.

⁷⁹⁸ *Kendall R.T. Calvin and English Calvinism.* — Oxford, 1979. — P. 52—53.

⁷⁹⁹ *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 396—397; *Adams S.L. The Protestant Cause: Religious Alliance with the West European Calvinist Communities as a Political Issue in England, 1585—1630.* — Oxford University PhD, 1973.

XVII в. отошел целый ряд умеренных английских кальвинистов из числа сторонников епископальной системы управления церковью.

Высокий кальвинизм, ослабевая в Англии, усиливался на континенте. Согласно идеям высокого кальвинизма, получалось, что количество осужденных намного превосходит количество избранных к спасению. Споры о предопределении во многом стимулировали ремонстранты — сторонники идей Якоба Арминия (1560—1609), которые были осуждены на Дортском синоде как сторонники учения о свободе воли. Часть англиканских богословов занимала примирительную позицию по отношению к ремонстрантам, чтобы не провоцировать расколы в кальвинизме. Лютеране осудили отношение Дортского синода к ремонстрантам и были против их преследований.

На Дортском синоде, как показали историки, делегаты-англичане в ответствии с королевскими инструкциями и своими убеждениями стремились к тому, чтобы ремонстранты были осуждены. Но британские делегаты на заседаниях синода хотели осудить крайние кальвинистские положения, дававшие повод к антиномизму — утверждениям, что избранные к спасению могут совершать даже преступления, но при этом не будут осуждены Богом, поскольку предопределены к спасению. Кальвинистское учение о предопределении подрывало и таинства. На заседаниях Дортского синода представители церкви Англии предложили доктрину, ставшую известной как гипотетический универсализм, утверждая, что в определенном смысле слова Христос умер за всех, а не только за избранных, в результате чего последовал конфликт со сторонниками высокого кальвинизма. Хотя британские делегаты не согласились на то, чтобы назвать каноны, принятые Дортским синодом, доктриной реформатских церквей, они считали, что каноны не противоречат учению, которого придерживалась церковь Англии, и поставили свои подписи под канонами⁸⁰⁰. Дортские каноны так и не были ратифицированы в Англии, хотя с их содержанием согласились и английские сепаратисты, и многие духовные лица в церкви Англии, но Лод и его сторонники осуждали Дортский синод и утвержденную на нём доктрину о предопределении⁸⁰¹.

Лод исходил из того, что церковь Англии должна быть самостоятельной по отношению к континентальным реформированным церквям и к кальвинизму. Среди англиканских богословов нарастало стремление к утверждению собственной идентичности без отождествления себя с каким-то другим направлением в Реформации, что наиболее ярко отразила грушировка Лода. Представители группы Лода не поддерживали анти-арминиянство, в чём проявлялся их отход от континентального кальвинизма. Обе группы в охватившем континентальный кальвинизм

⁸⁰⁰ *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 394—395, 412—415, 418.

⁸⁰¹ *Patterson W.B. The Synod of Dort and the Early Stuart Church // 'His Sacred History' / Ed. by D.S. Armentrout.* — Cambridge (Mass.), 1990; *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 420—421, 429.

споре — и арминиане-ремонтранты, и противники ремонтрантов (гомаристы) — были противниками епископального строя управления в церкви, так что группировке Лода не нравились и те, и другие. С точки зрения лодианцев, арминиане, к тому же, слишком уж рьяно выступали за политику веротерпимости⁸⁰².

В церкви Англии с начала XVII в. появились притязания на то, что она является лучшей среди всех протестантских церквей по уровню образованности духовенства. В отношении же иностранных реформированных церквей говорилось о низких доходах священников, их слабой образованности, что не давало им необходимой степени влияния и возможности бороться с различными сектами. Карл I заявлял, что Реформация церкви Англии происходила самостоятельно и не имеет отношения к Реформации какой-либо другой церкви⁸⁰³.

Во взаимоотношениях с континентальными протестантами у англичан с начала XVII в. также стали проявляться соперничество и ксенофобия: например, отношения с голландцами были напряжёнными в течение всего правления Стюартов. Даже пуритане признавали недостатки в голландском характере, и восхищение их сопротивлением испанцам сочеталось с критикой дерзости и жадности голландцев. Лодианцы были против того, чтобы вмешиваться в европейские дела на стороне протестантов, и считали, что интересы внешней политики страны должны определять, с кем из зарубежных протестантов можно поддерживать контакты. Лод считал существование эмигрантских протестантских церквей в Англии фактором, поддерживавшим сохранение пуритан в стране⁸⁰⁴.

Так для церкви Англии, считает Э. Милтон, «умерло единое протестантское дело». Становление англиканской церкви состояло в том, чтобы отойти от ранней реформационной идентичности и занять своё собственное место. При этом лодианцы трактовали «средний путь» церкви Англии как идею о том, что она не принадлежала ни к одной из борющихся в Реформации партий. Идентичность англиканской церкви и будущая *via media* были возможны только при разрыве с континентальным кальвинизмом. Корни лодианства Э. Милтон находит в сочинениях Ричарда Хукера⁸⁰⁵.

⁸⁰² *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 432—438.

⁸⁰³ *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 496—502; *Lake P. The Laudians and the Argument from Authority // Court, Country and Culture / Ed. by B.Y. Kunze, D. Brantigam.* — Rochester, 1992.

⁸⁰⁴ *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 503—515; *Grell O.P. A Friendship Turned Sour: Puritans and Dutch Calvinists in East Anglia, 1603—1660 // Religious Dissent in East Anglia / Ed. by E.S. Leedham-Green.* — Cambridge Antiquarian Society, 1991; *Hoyle D.M. Near Popery Yet No Popery. Theological Debate in Cambridge, 1590—1644.* — Cambridge University Ph.D., 1991.

⁸⁰⁵ *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 527, 531; *White P. The Via Media of the Early Stuart Church // The Early Stuart Church / Ed. by K. Fincham.* — London, 1993.

Э. Милтон считает, что в 1620—30-е гг. в жизни церкви Англии не только появилась лодианская группировка как новообразование — в это время претерпели трансформацию все основные группы в церкви Англии. Церковь времен правления Якова I в определённом смысле основывалась на существовании согласия между кальвинистами конформистского толка, которые были сторонниками епископальной системы управления церковью, и умеренными пуританами, но при этом стал развиваться процесс расхождения во взглядах между этими двумя группами. Э. Милтон придерживается мнения, что в церкви Англии увеличивалось количество тех, кто готов был примириться с лодианскими доктринами. Для кальвинистов во взглядах группировки Лода многое было отталкивающим, но в то же время всё более почтительное отношение к церковному зданию, таинствам, к духовным лицам не было враждебно даже взглядам кальвинистов. На этом фоне становились лучше видны непримиримые пуритане, у которых активизировался интерес к теологии ковенанта, появились радикальные милленаристские тенденции, что тревожило умеренных кальвинистов⁸⁰⁶.

Лодианцы стремились порвать с умеренной пуританской традицией в церкви, сложившейся в елизаветинские времена, и сделать церковь Англии более однородной, при этом пытаясь перетянуть на свою сторону кальвинистов-конформистов, исключив при этом из церкви пуритан, что сопровождалось нежеланием высказывать почтение по отношению к утвердившимся в реформатских церквях принципам. К лодианцам не случайно потянулись, как отмечает Э. Милтон, рекузанты, церковные паписты, что породило в предреволюционной Англии страх папистского заговора. Хотя массовое сознание не разбиралось в богословских тонкостях, недостаточно почтительные отзывы о Кальвине и Безе в устах лодианцев настораживали.

Некоторые идеи, соответствовавшие интересам лодианской группировки, высказывались в другом контексте также оппонентами группировки Лода и по происхождению не были собственно лодианскими, но конфликт в церкви в 1630-е гг., считает Э. Милтон, был развязан ещё из-за того, что лодианцы и Карл I «нарушали риторические фигуры, характерные для существовавшего ранее внутрицерковного кальвинистского консенсуса». При этом Э. Милтон полемизирует с работой Г. Берджесса⁸⁰⁷, в которой автор развивает созвучную взглядам постмодернистов идею о том, что языковые проблемы могут порождать политические проблемы, но, как считает Э. Милтон, общественные проблемы порождает не только язык: ведь король Карл I почему-то не сформулировал свои политические намерения на языке и в понятиях общего права, на котором говорила оппозиция, и вряд ли это было случайным нарушением риторических фигур. Языковые конфликты, проводит свою мысль Э. Милтон, сами яв-

⁸⁰⁶ Milton A. *Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 534.

⁸⁰⁷ Burgess G. *The Politics of the Ancient Constitution.* — London, 1992.

ляются отражением реально существующих бытийственных конфликтов, и смягчение этих конфликтов риторическими средствами не решало их. Лодианцы тоже сознательно употребляли символы и риторику антипуританского характера. Проблемы коммуникации и понимания в первые десятилетия XVII в. были, по мнению Э. Милтона, «формой выражения общественных проблем, а не языковых трудностей»⁸⁰⁸.

После появления лодианства, как считает Э. Милтон, уже нельзя было создать единую церковь Англии, поскольку оно «выявило те внутренние трения и двусмысленности в церкви, которая в своем развитии уходила от синтеза, достигнутого в церкви Англии в правление Елизаветы». Лодианство не исчезло и после устранения самого Лода: кальвинисты-конформисты и умеренные пуритане уже не смогли объединить церковь, и пути развития существовавших ранее в церкви групп разошлись. Как предполагает Э. Милтон, если бы лодианство могло действовать в церкви Англии ещё с десяток лет, был бы шанс маргинализировать пуритан, все кальвинисты-конформисты могли принять сторону лодианцев, но этого не случилось: крушение правительства Карла I оставило церковь в состоянии, когда она была только наполовину «лодианизирована». Радикализировавшийся пуританизм нанес удар по епископальной церковной организации, так что реальным результатом деятельности лодианской группировки был, прежде всего, серьёзный церковный раскол и обострение ситуации в стране. По мнению Э. Милтона, само по себе это не породило гражданскую войну — «причины войны появились под влиянием кумулятивного действия различных факторов и сил, но лодианцы фатально разделили страну в религиозном отношении, и это случилось в тот период, когда ослабление центральной власти вынудило участников конфликта прибегнуть к религиозному объяснению разворачивавшегося конфликта». Религия уже не могла сыграть в этот период объединяющую роль — в течение всей оставшейся части XVII века религиозные вопросы только разъединяли англичан⁸⁰⁹.

В 1990-е гг. был опубликован еще ряд работ, посвящённых истории церкви Англии в правление первых Стюартов. Работа П. Уайта «Предопределение, политика и полемика: конфликт и согласие в церкви Англии от Реформации до гражданской войны» (1992)⁸¹⁰ представляет пример своеобразного подхода к пониманию доктрины церкви Англии. Используя приверженность учению о предопределении как показатель принадлежности к кальвинизму среди духовных лиц в англиканской церкви, П. Уайт утверждает, что церковь Англии по своей литургии и доктрине никогда не была кальвинистской церковью. Кальвинизм, как отмечает

⁸⁰⁸ *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 538—543; *Clark S. Inversion, Misrule and the Meaning of Witchcraft // Past & Present.* — 1980. — № 87; *Cust R. News and Politics in Early Seventeenth Century England // Past & Present.* — 1986. — № 112.

⁸⁰⁹ *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 546.

⁸¹⁰ *White P. Predestination, Policy and Polemic: Conflict and Consensus in the English Church from the Reformation to the Civil War.* — Cambridge, 1992.

П. Уайт, занял важное место в церкви Англии и в английском богословии только к 1590-м гг., но и после этого кальвинизм был только одной из школ в английском богословии, а не господствующей школой. П. Уайт считает, что архиепископ Кентерберийский Джордж Эббот (1610—1633) не олицетворял кальвинистского характера церкви Англии и не разделял взгляды Якова I. Проблема в изучении истории церкви Англии этого периода состоит в том, считает П. Уайт, что интерпретация событий этого времени сформировалась под влиянием оценок, данных происходящему участниками событий, и эти оценки некритично восприняли последующие историки. Представление о том, что в церкви Англии существовало согласие на кальвинистской основе, которому бросило вызов арминианство, угрожавшее сползанием к католицизму, насаждал Уильям Принн. Подобным же образом идея о революции как восстании, подготовленном пуританами, коренится в сочинениях Питера Хейлина, биографа Уильяма Лода. П. Уайт считает, что любые попытки понять то, что происходило в предреволюционной Англии через призму противостояния арминианства и кальвинизма, неадекватны.

П. Уайт анализирует также представления о предопределении в трудах Теодора Безы и ответ Безе, данный Арминием. Анализ, проделанный П. Уайтом, показывает: то, что англичане в XVII в. называли арминианством, не имеет отношения к трудам и идеям Арминия. В англиканской церкви утвердилось мнение о предопределении, согласно которому предопределение зависит от воли человека и его отклика на призыв Бога, и на основе этого были составлены некоторые молитвы в англиканском молитвеннике, но такой подход, согласно которому решение Бога о человеческой судьбе зависит от того, откликнется ли человек на призыв Бога, вызывал возражения в среде английских кальвинистов. П. Уайт считает, что в англиканской теологии существовало много течений, и в её изучении не следует упрощать ситуацию. П. Уайт анализирует Ламбетские статьи 1595 г., Дортский синод (1618—1619) и утверждает, что Ламбетские статьи не были выражением триумфа кальвинизма в церкви Англии при Елизавете (это было мнение Уильяма Принна), а были попыткой сохранить мир в церкви путем запрета споров и проповедей на такие спорные темы, как предопределение. Чрезмерным упрощением, считает П. Уайт, было бы также утверждение, что англичане приняли статьи Дортского синода и признали их как доктринальную основу церкви Англии.

Сборник статей под редакцией К. Финчема «Раннестюартовская церковь, 1603—1642» (1993)⁸¹¹ рассматривает ход «долгой» Реформации в Англии, богословие и этос духовенства в церкви Англии в начале XVII в., роль Якова I и Карла I в жизни церкви, происхождение религиозно-политических потрясений середины XVII в. Одна из авторов сборника Дж. Молтби в статье «Посредством этой книги»: прихожане, молитвенник и установленная церковь» пишет, что к началу XVII в. в Англии появилась церковь, имевшая широкую поддержку в среде населения страны. Дж.

⁸¹¹ The Early Stuart Church, 1603—1642 / Ed. by K. Fincham. — Stanford, 1993.

Молтби утверждает, что преданность прихожан церкви Англии выражалась не во внимании к богословским спорам, происходившим в среде духовенства, а в стремлении придерживаться содержания молитвенника, и находит случаи, когда прихожане через церковные суды заставляли своих приходских священников следовать той форме службы, которая предписывалась молитвенником, а также церковным обычаям, которые сложились к этому времени. Э. Фостер в статье «Оживление духовного сословия» отмечает достижения Якова I и Карла I в повышении жизненных стандартов духовенства церкви Англии и в привлечении в духовное сословие талантливых лиц. Выдвижение епископов на государственные должности в Англии, которое стало вызывать враждебную реакцию в обществе в правление Карла I, как показал Э. Фостер, началось ещё при Якове I и стало закономерным результатом повышения социального статуса духовенства. Э. Милтон в статье «Церковь Англии, Рим и истинная церковь: смерть согласия, достигнутого при Якове I» предлагает своё понимание того, в чем состояло согласие, достигнутое в правление первого монарха из династии Стюартов: это согласие было не доктринальным, а эклесиологическим, особенно же согласием в признании происхождения церкви Англии от церкви первых веков существования христианства, которая отличалась от римско-католической церкви посттридентского периода. Разрушение этого согласия произошло, когда Лод и его последователи стали настаивать на существовании институциональной преемственности церкви Англии со средневековой церковью, в то время как радикальные английские протестанты настаивали на определении истинной церкви как состоящей из избранных к спасению. П. Уайт в очерке «Средний путь раннестюартовской церкви» развивает мнение о том, что при Якове I была предпринята попытка создать поистине национальную церковь, которая была терпима по отношению к широкому кругу религиозных взглядов. К. Финчем и П. Лейк склонны объяснять обострение напряжённости в церкви накануне гражданской войны тем, что Лод и Карл I были чрезмерно пристрастны в церковных делах и отличались неспособностью к маневрированию в своей религиозной политике.

В 1994 г. К. Финчем издал сборник визитационных статей и предписаний по церковным делам начала XVII в.⁸¹², которые, по его словам, доказывают, что церковные власти были всё же гораздо более восприимчивыми к критике в свой адрес, чем обычно считали исследователи, и пытались решать проблемы, связанные с плюрализетами, абсентеизмом, необходимо-стью обеспечить проповедниками по возможности каждый приход.

Дж. Молтби — известная исследовательница истории церкви Англии, и одновременно — рукоположенный священник англиканской церкви⁸¹³ в своей работе «Молитвенник и народ в Англии при Елизавете и в ранне-

⁸¹² Visitation Articles and Injunctions of the Early Stuart. Church Church of England Record Society / Ed. by K. Fincham. — Woodbridge, 1994. — Vol. I.

⁸¹³ В ноябре 1992 г. Генеральный Синод англиканской церкви большинством (с перевесом всего в два голоса) принял решение, разрешавшее рукоположение женщин в сан священника.

стюртовской Англии» (1998)⁸¹⁴ ставит своей целью рассмотреть религиозные интересы англичан-конформистов. Многие историки, как полагает Дж. Молтби, считают, что английские нонконформисты конца XVI—начала XVII вв. привлекают слишком уж много внимания исследователей, что приводит к недооценке роли конформистов в церковной жизни этого времени⁸¹⁵. Нонконформизм обильно документирован в материалах церковных судов, так что, пользуясь ими, можно определить районы распространения пуританизма в Англии. Но Дж. Молтби предлагает переосмыслить эти данные, чтобы показать, что в обнаружение нонконформистов внесли вклад как раз те лица, которые были конформистами, начавшие судебное преследование нонконформистов тоже в этих районах потому, что они были не согласны с их взглядами⁸¹⁶. Дж. Молтби опирается главным образом на материалы церковных судов из Чеширской и Линкольнской епархий. Среди светских лиц этого времени, как отмечает Дж. Молтби, видны знание литургии и желание, чтобы она совершалась в соответствии с установленными в церкви Англии нормами, что, очевидно, отражало конформистские взгляды прихожан⁸¹⁷. Дж. Молтби прямо защищает интересы установленной церкви в трактовке некоторых эпизодов церковной истории начала XVII в. Например, в приходе Эллингтон прихожане подали жалобу епископу на священника Энтони Армитиджа. Священник был замечен в пьянстве, супружеских изменах, проявлял пренебрежительное отношение к прихожанам и вдобавок был также нонконформистом. Такой образ священника не очень вяжется с пуританским нонконформизмом, но, по мнению Дж. Молтби, прихожане подали жалобу на священника именно за его нонконформизм, а не за его моральные прегрешения, даже не обсуждая возможность того, что прихожане могли приписать священнику нонконформистские взгляды для избавления себя от аморального священника⁸¹⁸. Дж. Молтби в доказательство того, что многих светских конформистов устраивал институт епископата, приводит многочисленные петиции начала 1640-х гг., в которых при нападках на конкретных епископов сам институт епископата рассматривался как древний и имеющий апостольскую преемственность. Но до настоящего времени, рассматривая события начала 1640-х гг., исследователи больше внимания уделяли требованиям пресвитериан, учитывая нарастающую религиозную напряженность накануне гражданской войны, а Дж. Молтби стремится всемерно подчеркнуть мысль о том, что в церкви Англии накануне революции значительную силу представляли собой также конформисты, противостоявшие «религиозным энтузиастам». В такой трактовке предреволюционной жизни церкви Англии можно обнаружить влияние конформистских взглядов самой Дж. Молтби.

⁸¹⁴ *Maltby J. Prayer Book and People in Elizabethan and Early Stuart England.* — Cambridge, 1998.

⁸¹⁵ *Ibid.* — P. 118.

⁸¹⁶ *Ibid.* — P. 20.

⁸¹⁷ *Ibid.* — P. 45.

⁸¹⁸ *Ibid.*

В работе Д. Олдриджа «Религия и общество в раннестюартовской Англии» (1998)⁸¹⁹ на основе материалов епархиальных визитаций рассматривается религиозная ситуация в епархии Ковентри и Личфилд в 1614—1639 г. Д. Олдридж показал, как повлияла на положение в церкви политика Лода. В епархии сооружались перила в церкви, восстанавливались алтари, покупалась посуда для причастия, светских пуритан осуждали за хождения в разные приходы для того, чтобы послушать тех проповедников, которые им нравились, а духовных лиц стали гораздо активнее преследовать за неконформизм в проведении служб. Как полагает Д. Олдридж, пуританизм был охватывавшим набожное меньшинство движением, пустившим корни ещё в период правления Елизаветы, и это привело к тому, что церковная политика Лода в 1630-е гг. нарушила давно устоявшиеся формы церковной жизни. Хотя в 1630-е гг. в итоге были отстранены от служения лишь немногие пуританские священники, церковные власти беспокоили за неконформистские взгляды очень многих духовных лиц, а немногие пострадавшие воспринимались остальными как мученики за веру. Труд Джона Фокса «Деяния и памятники английской церкви» утвердил среди английских протестантов мысль о том, что истинная церковь — это преследуемая церковь, и преследования утвердили пуритан в убеждении, что жизнь истинного верующего христианина — постоянная духовная борьба. Хотя пуритане рассматривали себя как меньшинство, были вопросы, в которых остальные английские протестанты были близки с пуританами: всех их отличала ненависть к католицизму, а стремление Лода утвердить значение совершения таинств в церкви за счёт проповеди внешне выглядело как попытка двинуться в церковной политике в направлении восстановления католицизма. В этом отношении повторно изданная в 1633 г. «Книга развлечений», как представлялось пуританам, прямо способствовала беспорядкам и профанации в соблюдении воскресного дня. В результате осенью 1640 г. после открытия заседаний Долгого парламента мало кто поддерживал церковную политику Лода, а пуритане уже хотели не возврата к церковным порядкам времени правления Елизаветы или Якова I — они требовали коренных реформ.

В то же время в церкви предреволюционного времени, считает Д. Олдридж, непросто провести четкое разделение между разными группами, поэтому не стоит настаивать на исключительности в мироощущении пуритан — некоторые из них так же, как и духовные лица в установленной церкви, заботились о совершенствовании видимой церкви, и в 1640-е гг., когда была разрушена епископальная система, большинство пуританских священников встали на сторону пресвитериан, а не сектантов. Следует также обратить внимание на то, что, хотя многие городские корпорации стремились создать у себя пуританские лекторства, это стремление было отнюдь не всеобщим — пуритан призывали лишь некоторые города в некоторые моменты, что ещё должно быть предметом исследования для понимания пуританизма. Д. Олдридж также обращает внимание на то, что

⁸¹⁹ Oldridge D. Religion and Society in Early Stuart England. — Aldershot, 1998.

среди английских духовных лиц были те, кто, будучи кальвинистами по взглядам, тем не менее, энергично возражали пуританским нонконформистам — то есть он не отождествляет кальвинистов с пуританами. В церкви Англии не было канона, осуждавшего кальвинистское богословие, и пуритане могли быть привлечены к ответственности церковными судами только за то, что следовали в служении нонконформистским практикам.

В работе У. Патерсона «Яков VI и воссоединение христианства» (1997)⁸²⁰ автор разбирает политические инициативы Якова I Стюарта, посвящённые европейским религиозным делам. У. Патерсон анализирует конференцию в Хэмптон Корте 1604 г. в контексте европейской религиозной ситуации. По его мнению, Яков I считал наиболее опасным разномыслие в религиозных делах, а различия в религиозных церемониях волновали его меньше. Итоги конференции в Хэмптон Корте, отмечает У. Патерсон, обеспечили религиозный мир в Англии при Якове I. Для решения общих протестантских политико-религиозных проблем Яков I предлагал созыв общего собора. Планировалось также проведение конференции между церковью Англии и греческой православной церковью, организовать которую предложил Марко Антонио де Доминис, труды которого о христианском единстве интересовали Якова I. При этом на заседаниях Дортского синода английская делегация защищала правоверный кальвинизм, хотя У. Патерсон задаётся вопросом о том, как это можно согласовать с внутрянглийской ситуацией в отношении к кальвинизму. Экуменические намерения Якова I по воссоединению христианства, как считает У. Патерсон, были полемикой с пуританами и пуританским пониманием церкви. Яков I, считает У. Патерсон, стремился создать условия к тому, чтобы в Англии стало возможным взаимопонимание между разными группами в церкви, так что, по его мнению, не следует, как это бывало ранее среди историков, воспринимать действия Якова I как выступления «несущего чепуху болвана».

Л.Э. Феррелл⁸²¹ утверждает, что поляризация религиозных взглядов в церкви Англии, проявившаяся при Карле I, сложилась ещё при Якове I. С начала правления Якова I существовала антикальвинистская группа придворных проповедников, которая подчеркивала в церковной службе значение таинств и стремилась дискредитировать умеренных пуритан, приравнивая их к сепаратистам, пресвитерианам и даже папистам⁸²². Правление Якова I, считает Л. Феррелл, было временем разгоравшегося внутрицерковного конфликта, который до 1620-х гг. был конфликтом по поводу понимания церемоний в церкви и прямо не касался понимания спасения. Антипуританскую партию времени правления Якова I она называет «ультраконформистами». В эти годы спорным вопросом стало опускание на колени во время причастия, которое противники пуритан преподносили как обязательное, в отличие от пуритан, считавших, что

⁸²⁰ Paterson W.B. James VI and the Reunion of Christendom. — Cambridge, 1997.

⁸²¹ Ferrell L.A. Government by Polemic: James I, the King's Preachers and the Rhetorics of Conformity, 1603—1625. — Stanford, 1998.

⁸²² Ibid. — P. 7.

опускание на колени относится к сфере *adiaphora*. На основе этого противники пуритан стали представлять их схизматиками в церкви⁸²³. Это было новым ходом в антипуританской борьбе — ранее пуританские священники выступали против ношения стихаря, что касалось только духовных лиц, а коленопреклонение во время причастия могло уже стать спорным вопросом для всего прихода⁸²⁴. Так что, по её мнению, этот церемониальный по характеру вопрос стал спорным в церкви Англии ещё до усиления группировки Лода. Все эти обвинения против пуритан активно выдвигались именно в придворных проповедях, что Л.Э. Феррелл считает намеренной тактикой ультраконформистов.

Д. Бивер⁸²⁵, опираясь на материалы епархиального суда, рассматривает теоретические вопросы о важности символов и ритуалов в формировании социальной идентичности. Он отмечает, что церковь в реформационный период использовала символы и церемонии, которые подразумевали, что сообщество верующих представляет собой церковный приход. С начала XVII в., по его мнению, стало разрушаться представление о том, что территориальные границы прихода могут быть основой существования духовного сообщества. Нонконформисты фактически развивали представление о том, что духовное влияние и авторитет не ограничиваются территориальными рамками прихода, и приход, по сути дела, является изобретением падшей после первородного греха человеческой природы, а духовное сообщество формируется на основе стремлений человеческой совести к поиску единоверцев. В этом смысле приход, полагает Д. Бивер, не пережил Английскую революцию середины XVII в., и реставрация монархии и англиканской церкви в 1660 г. уже не стали восстановлением прежнего церковного прихода. Религиозные реформаторы 1640—50-х гг., намереваясь уничтожить в Англии папизм, разрушили ранее существовавшие маркеры идентичности в сообществе, подорвав прежнее понимание церковного прихода, и у сектантов появилось новое понимание духовной общности, которое уже не было территориальным по характеру. Несмотря на преследования нонконформистов после реставрации Стюартов, приход в прежнем его смысле и значении в Англии, по мнению Д. Бивера, уже не восстановился никогда.

Как считает М. Тодд⁸²⁶, на понимание происходившего в прошлом можно попытаться выйти, если вникнуть в то, что об этом рассказывали современники. Поэтому в изучении истории церкви Англии может иметь меньшее значение обсуждение вопроса о том, существовала ли в 1630-е гг. в церкви Англии арминианская группировка, пытавшаяся подорвать кальвинистскую ортодоксию в церкви, чем существование у современников веры в то, что такая группировка действительно суще-

⁸²³ Ibid. — P. 141

⁸²⁴ Ibid. — P. 142.

⁸²⁵ Beaver D.S. *Parish Communities and Religious Conflict in the Vale of Gloucester, 1590—1690*. — Cambridge (Mass.), 1998.

⁸²⁶ Todd M. "All One with Tom Thumb": Arminianism, Popery and the Story of the Reformation in Early Stuart Cambridge // *Church History*. — 1995. — Vol. 64. — № 4.

ствовала. Если противники Лода были убеждены, что внедрением церемониальности в церковную жизнь Лод хочет разрушить протестантскую церковь в Англии, утрачивало значение то, что на самом деле собирався сделать Лод, то есть воображаемые понятия могли определять действия тех, кто жил в это время.

Современные историки, как пишет М. Тодд, могут и не видеть в 1630-е гг. существования сплоченной арминианской группировки, но её видели кальвинисты в Кембриджском университете, обращая внимание, что в университете участились случаи антикальвинистских выступлений. Она также выявила, что кальвинисты-антиарминиане составляли в Кембридже чуть менее половины глав колледжей, что не давало им возможности решительно осудить выступления антикальвинистов. Вместе с тем, по её мнению, в Кембридже существовала и арминианская группа. Следовательно, как считает М. Тодд, в 1630-е гг. в церкви Англии всё же можно выявить существование противостоявших друг другу групп, называть ли их кальвинистами и арминианами, пуританами и «церемониалистами», контра-ремонстрантами и ремонстрантами, и эта характеристика явно точнее отражает положение в церкви, чем рассуждения о существовании кальвинистского «богословского консенсуса», «практической терпимости», о которых писали Н. Тайэк и П. Лейк⁸²⁷. Неудивительно, что Долгий парламент в качестве одной из первых мер принял решение о создании комиссии по расследованию религиозных злоупотреблений в университетах. Поэтому для М. Тодд ясны причины гражданской войны в Англии: противостоявшие в церкви в 1630-е гг. группировки стали в 1640-е гг. пуританами и роялистами.

К последней четверти XX в. усилилось стремление рассматривать события английской истории в общебританском контексте, которое в 1990-е гг. становилось всё более явственным, но этот подход только начал претворяться в исследования конкретно-исторических сюжетов. Одним из первых выражений этой тенденции стала опубликованная ещё в 1975 г. статья Дж. Покока «Британская история: оправдание для нового предмета исследований»⁸²⁸. Такой подход формировался во многом под впечатлением изучения истории Англии XVII в., поскольку без событий в Шотландии, а затем в Ирландии английской гражданской войны середины XVII в. могло и не быть. Само название «Английская гражданская война», по мнению сторонников такого подхода, не совсем точно, поскольку в 1640—1650-х гг. развернулся крупномасштабный конфликт, охвативший все Британские острова, и поэтому некоторые историки предпочитают говорить о «войне трех королевств», причем этот термин использовался в сочинениях, появлявшихся на гэльском языке в конце XVII в. Отражением этой тенденции стало и появление работы К. Рассела «Падение британских монархий» (1991)⁸²⁹. В эти годы события в трёх

⁸²⁷ Tyacke N. *Anti-Calvinists*. — Oxford, 1987; Lake P. *Calvinism and the English Church 1570—1635 // Past & Present*. — 1987. — № 114. — P. 32—76.

⁸²⁸ Pocock J. *British History: A Plea for a New Subject // Journal of Modern History*. — 1987. — Vol. 47. — P. 601—628.

⁸²⁹ Russell C. *The Fall of the British Monarchies, 1637—1643*. — Oxford, 1991.

королевствах столкнулись друг с другом, по словам Д. Мак-Каллока, «как шары в бильярде, причём попав после этого в лузы»⁸³⁰. Но всё это не значит, считает Д. Мак-Каллок, что «Британия» и «британскость» существовали как нечто осозаемое в XVII в. или, тем более, в XVI в. Д. Мак-Каллок ссылается на Линду Колли, которая в своей работе «Британцы» (1992) утверждает, что формирование британской нации происходило в «длинном XVIII веке» от 1707 г. (Акт о присоединении Шотландии к Англии и Уэльсу) и до 1815 г., когда, по её словам, происходило «изобретение британскости». Размышления о том, что такое «британскость», считает П. Коллинсон, в современной британской историографии стимулируются ещё и отношениями с Европейским Союзом, интеграцией в него, что вызвало, по его словам, «беспрецедентную неопределенность и переворачивающие душу размышления о британском вопросе». В Великобритании происходит также деволуционная дезинтеграция в отношениях с Шотландией и Уэльсом (появление парламента в Шотландии и парламентской ассамблеи в Уэльсе), что усиливает чувство исторического и этнического разнообразия, в результате чего проблематизируется сама идея единой британской идентичности и нации. Для многих англичан и американцев «Британия» и «Англия» всегда были фактически синонимами. Но Англия не имеет отдельного парламентского представительства, ни национального, ни регионального, и, по словам П. Коллинсона, впору задаваться вопросом: а что такое «английскость»?⁸³¹.

Таким образом, к 1990-м гг. в изучении истории церкви Англии первых десятилетий XVII в. в британской историографии был сформулирован и обоснован ряд новых заслуживающих внимания положений. В работах П. Коллинсона утверждалась точка зрения, согласно которой умеренный пуританизм не был оппозиционным по отношению к епископальному строю церковного управления и мог существовать в рамках официальной церкви в правление Якова I, который сознательно давал возможность для сохранения в церкви разнообразия мнений. Соответственно, в революционных событиях в Англии середины XVII в. не было предопределенности. В работах ряда исследователей (самые известные из них — Н. Тайэк, П. Лейк) отстаивался тезис, что в церкви Англии во время правления Якова I существовал «кальвинистский консенсус», нарушенный при Карле I и нашедший своё выражение в переходе важнейших административных постов в церковной структуре к представителям лодианской группировки.

Дж. Дейвис и Э. Фостер показали, что для характеристики взглядов представителей лодианской группировки неуместно использование понятия «арминианство», поскольку арминианство представляло собой явление в развитии континентального кальвинизма, никогда не имевшее заметного влияния в церкви Англии. Дж. Дейвис отстаивает мнение, что главным вдохновителем церковной политики архиепископа Кентербе-

⁸³⁰The Sixteenth Century 1485—1603 / Ed. by P. Collinson. — Oxford, 2002. — P. 2.

⁸³¹Ibid. — P. 223.

рийского Лода в 1630-е гг. был Карл I и даже предлагает называть церковную политику этих лет не «лодианством», а «каролинианством».

Э. Милтон глубоко проанализировал церковную политику и богословские взгляды Лода и показал беспочвенность обвинений представителей лодианской группировки в тяготении к католицизму. Он объясняет антикальвинизм во взглядах единомышленников Лода тем, что церковь Англии вступила в стадию оформления собственной идентичности, для чего было необходимо дистанцирование от континентального кальвинизма — только так англиканская церковь в своем развитии смогла вступить на характерный для нее средний путь (*via media*) в европейской Реформации. Для этого было необходимо также усиление роли церкви в общественной жизни, которое могло быть достигнуто через укрепление материального положения церкви, возвращение церемониализма в протестантское богослужение, в котором в раннереформационный период на первое место вышло не совершение таинств, а проповедь. При этом большинство населения — носители массового сознания не могли вникнуть в такие детали, а внешне действия лодианской группировки напоминали попытку рекатолизации церкви Англии, вызывая опасения светских лиц, которые и по религиозным, и по материальным причинам не хотели возвращения католицизма. В анализе идейных корней лодианства, наряду с тем, что его возникновение объяснялось влиянием труда Р. Хукера «Законы церковного устройства», Дж. Дейвис показал влияние на взгляды Лода идей патристики, схоластики, аристотелианства.

На изучение истории церкви Англии первых десятилетий XVII века также оказали влияние историки-ревизионисты. Дж. Моррилл и Э. Флетчер предложили называть события 1640—1660 гг. в истории Англии не революцией и гражданской войной, а «последней религиозной войной в истории Европы», утверждая, что именно религиозный фактор был главным в формировании причин гражданской войны, и все основные проблемы правления Карла I были связаны с недовольством в стране религиозной политикой короля. Концепция историков-ревизионистов в изучении причин гражданской войны, объясняя её происхождение функциональным кризисом власти и случайным стечением кратковременных по продолжительности действия факторов, вызвала критику со стороны большинства историков, но, по общему признанию, оказала заметное стимулирующее воздействие на изучение этих проблем, поскольку ревизионисты вовлекли в оборот много нового фактического материала, чем тоже ценны их работы.

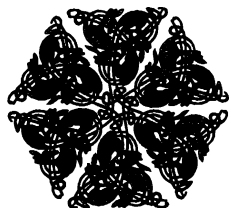
Наряду с этими важнейшими выводами, в работах современных британских историков, посвященных изучению истории церкви Англии в начале XVII в., сформулировано немало более частных по характеру утверждений и суждений, тоже углубивших понимание церковной истории этих десятилетий.

Глава III

Пуританское движение в Англии
в XVI – начале XVII вв.
в трактовке современных
британских историков

§1. Современная британская историография об определении и социальной природе пуританизма

Изучение истории пуританского движения в Англии в XVI—начале XVII вв. продолжает оставаться одной из активно разрабатываемых тематических областей в современной британской историографии. Заметное влияние на изучение пуританизма британскими историками оказывают также работы американских исследователей пуританизма, поскольку пуританизм — явление, оказавшее влияние и на английскую историю, и на историю Соединенных Штатов. Для североамериканской историографии изучение пуританизма тоже является одной из важных проблем в изучении истории раннего нового времени. По этой причине при рассмотрении современной британской историографии пуританизма в некоторых случаях становится необходимым упоминание работ североамериканских историков, мнения и суждения которых обсуждаются британскими исследователями.

Исследования, в которых обобщается изучение пуританизма в британской историографии, по сей день единичны¹. Работы британских историков пуританизма обычно включают тематические обзоры трудов предшественников и современников, но в них редко обсуждаются вопросы о том, на какой методологической основе выполнено то или иное исследование.

Из отечественных историков, уделявших внимание изучению пуританского движения в Англии в XVI—начале XVII вв., попытку дать классификацию современных историографических направлений в британской историографии пуританизма предпринял лишь А.В. Исаенко. По его мнению, труды всех, и не только британских, зарубежных историков пуританизма можно разделить на две большие группы. В первую следует включить тех авторов, которые трактуют пуританизм как сугубо религиозное течение, не имеющее классовых корней. Эта традиция в историографии, отмечает А.В. Исаенко, самая давняя, и восходит она к самим пуританам. Второе же направление в изучении пуританского движения он связывает с влиянием идей немецких социологов М. Вебера и Э. Трёльча². Основная интенция представителей этого направления заключается в

¹ *MacGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967; George Ch.H. Puritanism as History and Historiography // Past and Present. — 1968. — № 41. — P. 77—104; Lamont W.M. Puritanism as History and Historiography: Some Further Thoughts // Past and Present. — 1969. — № 44. — P. 133—144; O'Day R. The Debate on the English Reformation. — London-New York, 1986.*

² *Исаенко А.В. Пуританская реформация в Англии в XVI—начале XVII века. — Орджоникидзе, 1980. — Гл. 1.*

стремлении, с одной стороны, выявить социальные, экономические факторы, повлиявшие на формирование пуританизма, ввести в его изучение социологические подходы, с другой же — охарактеризовать влияние пуританизма на общество. Классификация, предложенная А.В. Исаенко, носит самый общий характер.

Многие современные британские исследователи, даже испытав влияние социальной истории, предлагают рассматривать пуританизм как явление, по своему происхождению связанное, в первую очередь, с церковной историей. Источниковая база работ по истории пуританизма оставалась во второй половине XX в. по преимуществу традиционной — историки привлекали в работе религиозные трактаты пуритан, проповеди пуританских священников, материалы церковных судов, преследовавших пуритан.

По признанию исследователей, английский пуританизм XVI—XVII вв. — явление чрезвычайно многогранное и трудноопределимое: например, М. Кнэппен выражал озабоченность тем, что трудно сформулировать понятие пуританизма, которое было бы применимо ко всем, кого в том или ином отношении называли пуританами³. В таком подходе чувствовалось как влияние индивидуализирующих подходов неокантианства, так и характерное для неопозитивизма стремление к эмпирической верификации общих понятий, что оказывало влияние на методологические позиции британских историков в середине XX в.⁴

Одним из центральных тезисов неопозитивизма является утверждение, что образуемые в процессе познания понятия должны поддаваться проверке на опыте. В противном случае пользование некритически образованными понятиями создаёт метафизические псевдопроблемы. В изучении пуританизма эта методологическая установка проявилась в том, что историки стали отвергать целесообразность использования самого понятия «пуританизм», поскольку считали его некритически образованным, не выдерживающим эмпирической проверки. По их мнению, не существовало ярко выраженных, обнаруживаемых в источниках отличий пуритан от господствующей англиканской партии, конформистов — и те, и другие могли быть объединены в одном протестантском лагере. Историки, воспринявшие неопозитивистские методологические подходы, повели также атаку на идеи М. Вебера с его «протестантской этикой» и «духом капитализма», заявляя о трудности определения того, что собой представляли эти общие понятия, и демонстрируя отсутствие «духа капитализма» в пуританской среде путём анализа сочинений пуритан. Только в середине и второй половине XVII в., как они показали, взгляды английских пуритан перестали быть традиционалистскими. Ч. Джордж заявил даже о «необходимости изгнания «демона Вебера» из умов ученых нашего поколения» и

³ *Knappen M.M. Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism. — Chicago, 1939. — P. 339.*

⁴ *George Ch.H. George K. The Protestant Mind of the English Reformation, 1570—1640. — Princeton, 1961; Lamont W.M. Puritanism as History and Historiography: Some Further Thoughts // Past and Present. — 1969. — № 44. — P. 133—146; Finlayson M.G. Puritanism and Puritans: Labels or Libels? // Canadian Journal of History. — 1973. — № 8. — P. 207—209.*

призвал отказаться от «затемняющего реальность понятия «пуританизм»⁵. В результате существующие трудности в определении понятия «пуританизм» были доведены до крайности. Механическое перенесение неопозитивистских постулатов в область исторического знания создало непродуктивную познавательную ситуацию, мешая закреплению достигнутых результатов в понятиях. Большинство историков не поддержали предложений об отказе от использования понятия «пуританизм», в своих трудах демонстрируя существовавшие различия между англиканами и пуританами и в богословских взглядах, и на поведенческом уровне⁶.

Определенным выходом из этих затруднений в определении пуританизма стало использование во второй половине XX в. других подходов, развиваемых в англоязычной философии науки — прагматизма, инструментализма и операционализма, с характерным для них пониманием научных теорий как интеллектуальных инструментов, служащих для решения ситуативных задач и ориентации в проблемных ситуациях, возникающих в сфере исторического познания. Согласно такому подходу, вырабатываемые понятийные средства предназначены лишь для преобразования опыта, истина же понимается функционально как знание, обеспечивающее ведение продуктивного исследования и успех в конкретной ситуации. Историки призывали к тому, чтобы строить исследование прагматически, в зависимости от решаемых задач формулировать определения и не пытаться предлагать универсальный метод решения всех проблем⁷ — многие исследователи пуританизма молчаливо следуют такому подходу, специально никак не высказываясь по методологическим вопросам. В этом ключе работает целый ряд историков, представляющих себе пуританизм явлением религиозной истории, в результате чего внимание уделяется в первую очередь политическим событиям и их воздействию на религиозную ситуацию⁸.

⁵ George C.H. *Puritanism as History and Historiography // Past and Present*. — 1968. — № 41. — P. 77, 104.

⁶ Collinson P. *Archbishop Grindal, 1519—1583. The Struggle for a Reformed Church*. — London, Cape, 1979; *Idem*. *The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. — New York, 1988; *Idem*. *Elizabethan and Jacobean Puritanism as Forms of Popular Religious Culture // The Culture of English Puritanism, 1560—1700* / Ed. by C. Darston and J. Eales. — New York, 1996. P. 45—54; *Idem*. *The Elizabethan Puritan Movement*. — London-New York, 1982; *Idem*. *English Puritanism*. — London, 1984; *New J.F.H.* *Anglican and Puritan. The Basis of Their Opposition, 1558—1640*. — Stanford, 1964; *Brachlow S.* *The Communion of Saints: Radical Puritan and Separatist Ecclesiology, 1570—1625*. — Oxford, 1988; *Breslow M.A.* *A Mirror of England. English Puritan's Views of Foreign Nations (1618—1640)*. — Cambridge (Mass.), 1970; *Conflict in Early Stuart England. Studies in Religion and Politics, 1603—1642* / Ed. by R. Cust and A. Hughes. — London and New York, 1989; *Goring J.* *Godly Exercises or the Devil's Dance? Puritanism in Popular Culture in Pre-Civil War England*. — London, 1983; *Hill Ch.* *Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England*. — New York, 1967; *McGrath P.* *Papists and Puritans under Elizabeth I*. — London, 1967; *Milton A.* *Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought, 1600—1640*. — Cambridge, 1995; *Morgan J.* *Godly Learning: Puritan Attitudes towards Reason, Learning and Education, 1560—1640*. — Cambridge, 1986.

⁷ *Images of English Puritanism. A Collection of Contemporary Sources, 1589—1646* / Ed. by I. Sasek. — Baton Rouge-London, 1989.

⁸ *Haugaard W.P.* *Elizabeth and the English Reformation. The Struggle for a Stable Settlement of Religion*. — Cambridge, 1968; *Hudson W.S.* *The Cambridge Connection and the Elizabethan Settlement of 1559*. — Durham (N.C.), 1980; *Marchant R.A.* *The Church under the Law: Justice, Administration*

Исследователи пуританизма уделяют большое внимание богословским проблемам. Их труды убеждают, что без довольно подробного рассмотрения богословских вопросов писать о пуританизме невозможно. Исследование мировоззрения помогает лучше понять историю пуританского движения, поскольку принимаемые пуританами решения мотивировались практически всегда ещё и в религиозных понятиях⁹.

Исследователи также стремятся выявить связь между развитием пуританизма и социально-экономической жизнью общества¹⁰. Но история пуританизма, в которой было бы синтезировано и обобщено влияние социально-экономических, политических, культурно-религиозных факторов, влиявших на его формирование и развитие, ещё не написана — это требует огромных усилий и широты подхода, доступного, пожалуй, только для группы исследователей.

Работы о пуританизме становятся всё более разнообразными по тематике, что свидетельствует о том, что в изучении пуританизма углубляется аналитическая работа. Опубликован ряд работ о радикальных пуританах¹¹ и о влиянии пуританизма на происхождение Английской революции середины XVII в.¹² Продолжается изучение распростране-

---

and Discipline in the Diocese of York, 1560—1640. — Cambridge, 1969; *Porter H.C.* Puritanism in Tudor England. — London, 1970; *Idem.* Reformation and Reaction in Tudor Cambridge. — Hamden (Connecticut), 1972; *Seaver P.S.* The Puritan Lectureships. The Politics of Religious Dissent, 1560—1662. — Stanford, 1970.

⁹ *New J.F.H.* Anglican and Puritan. The Basis of Their Opposition, 1558—1640. — Stanford, 1964; *Kendall R.T.* Calvin and English Calvinism to 1649. — Oxford University Press, 1979; *White B.R.* The English Separatist Tradition. From the Marian Martyrs to the Pilgrim Fathers. — Oxford University Press, 1971; *Parker K.L.* The English Sabbath. A Study of Doctrine and Discipline from the Reformation to the Civil War. — Cambridge University Press, 1988.

¹⁰ *Best E. E.* Religion and Society in Transition: The Church and Social Change in England, 1560—1850. — New York-Toronto, 1982; *Cross C.* Church and People, 1450—1660. The Triumph of the Laity in the English Church. — London, 1976; *Hill C.* Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England. — New York, 1967; *Stone L.* Social Change and Revolution in England, 1540—1640. — London, 1966; *Idem.* The Causes of the English Revolution, 1529—1642. — London, 1972; *Zaret D.* The Heavenly Contract. Ideology and Organization in Pre-Revolutionary Puritanism. — Chicago-London, 1985.

¹¹ *Ashton R.* Radical Puritans in England, 1550—1660. — London-New York, 1990; *Brachlow S.* The Communion of Saints: Radical Puritan and Separatist Ecclesiology, 1570—1625. — Oxford, 1988; *Firth K. R.* The Apocalyptic Tradition in Reformation Britain, 1530—1645. — Oxford, 1979; *Martin J.W.* Religious Radicals in Tudor England. — London, 1989; *Sprunger K.L.* Trumpets from the Tower: English Puritan Printing in the Netherlands 1600—1640. — Leiden, 1994; *Tolmie M.* The Triumph of the Saints. The Separatist Churches of London, 1616—1649. — Cambridge, 1977; *White B.R.* The English Separatist Tradition. From the Marian Martyrs to the Pilgrim Fathers. — Oxford University Press, 1971; *Black J.* The Rhetoric of Reaction: The Martin Marprelate Tracts (1558—1559), Anti-Martinism and the Uses of Print in Early Modern England // *The Sixteenth Century Journal*. — 1997. — Vol. 28. — № 3. — P. 707—725.

¹² *Ashton R.* Reformation and Revolution, 1558—1660. — London, 1984; *Conflict in Early Stuart England. Studies in Religion and Politics, 1603—1642* / Ed. by R. Cust and A. Hughes. — London and New York, 1989; *Eales J.* Puritans and Roundheads: The Harleys of Brampton Bryan and the Outbreak of the English Civil War. — Cambridge, 1990; *Webster T.* Godly Clergy in Early Stuart England: The Caroline Puritan Movement c. 1620—1643. — Cambridge, 1997; *Morrill J.* The Religious Context of the English Civil War // *TRHS*. — 1984. — Vol. 34. — P. 155—178; *Presbyterians, Independents and Puritans. Debate* // *Past & Present*. — 1970. — № 47. — P. 116—146.

ния пуританизма по регионам Англии¹³. Предметом анализа являются также взаимосвязи между ростом влияния светских лиц в английском обществе и распространением пуританизма¹⁴. Изучаются также вопросы, связанные с влиянием пуританизма на развитие английской культуры¹⁵. Продолжают появляться работы, посвященные рассмотрению богословских взглядов английских пуритан¹⁶. Специальное внимание стало уделяться изучению умеренных пуритан в церкви Англии¹⁷. Разрабатываются также вопросы о влиянии европейского протестантизма на английский пуританизм¹⁸ и о влиянии пуританизма на внешнюю политику Англии в первые десятилетия XVII в.¹⁹

Показателем продолжающейся аналитической работы в изучении пуританизма является и многообразие его определений. Существование многочисленных определений пуританизма мотивируется трудностями исследования, различием намерений историков. В изучении пуританизма в современной британской историографии ориентация на междисципли-

¹³ *Beaver D.C.* Parish Communities and Religious Conflict in the Vale of Gloucester, 1590—1690. — Cambridge (Mass.), 1998; *Hunt W.* The Puritan Moment. The Coming of Revolution in an English County. — Cambridge (Mass.)-London, 1983.

¹⁴ *Cross C.* Church and People, 1450—1660. The Triumph of the Laity in the English Church. — London, 1976; *Idem.* The Puritan Earl. The Life of Henry Hastings, Third Earl of Huntingdon, 1536—1595. — New York, 1966; *Idem.* Patronage and Recruitment in the Tudor and Early Stuart Church. — York, 1996; *Idem.* The Royal Supremacy in the Elizabethan Church. — London, 1969.

¹⁵ The Culture of English Puritanism, 1560—1700 / Ed. by C. Dartston and J. Eales. — New York, 1996; *Goring J.* Godly Exercises or the Devil's Dance? Puritanism in Popular Culture in Pre-Civil War England. — London, 1983; *Morgan J.* Godly Learning: Puritan Attitudes towards Reason, Learning and Education, 1560—1640. — Cambridge, 1986; *Sommerville J.P.* The Discovery of Childhood in Puritan England. — Athens (Ga.), 1992; *Clifton R.* The Popular Fear of Catholics during the English Revolution // Past and Present. — 1971. — № 52. — P. 23—55; *Ingram M.* Ridings, Rough Music and the "Reform of Popular Culture" in Early Modern England // Past and Present. — 1984. — № 105. — P. 79—113; *Schnucker R.V.* Elizabethan Birth Control and Puritan Attitudes // Journal of Interdisciplinary History. — 1975. — Vol. V. — № 4. — P. 655—667; *Wiener C.Z.* The Beleaguered Isle: A Study of Elizabethan and Early Jacobean Anti-Catholicism // Past & Present. — 1971. — № 51. — P. 27—62.

¹⁶ *Darner D.* Pilgrimage to Puritanism. History and Theology of the Marian Exiles at Geneva, 1550—1560. — New York, 1999; *Parker K.L.* The English Sabbath. A Study of Doctrine and Discipline from the Reformation to the Civil War. — Cambridge University Press, 1988; *McGee J.S.* The Godly Man in Stuart England. Anglicans, Puritans and the Two Tables, 1620—1670. — London-New-Haven, 1976; *Todd M.* Christian Humanism and the Puritan Social Order. — Cambridge, 1987; *White P.* Predestination, Policy and Polemic: Conflict and Consensus in the English Church from the Reformation to the Civil War. — Cambridge, 1992; *Lake P.G.* Calvinism and the English Church, 1570—1635 // Past and Present. — 1987. — № 114. — P. 32—76.

¹⁷ The Early Stuart Church, 1603—1642 / Ed. by K. Fincham. — Stanford (Calif.), 1993; *Lake P.* Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker. — London, 1988; *McCullough P. E.* Sermons at Court: Politics and Religion in Elizabethan and Jacobean Preaching. — Cambridge, 1998; *Todd M.* The Godly and the Church: New Views of Protestantism in Early Modern Britain // Journal of British Studies. — 1989. — Vol. 28. — № 4. — P. 418—427.

¹⁸ *Grell O.P.* Calvinist Exiles in Tudor and Stuart England. — Aldershot, 1996; *Gwynn R.D.* Huguenot Heritage: The History and Contribution of the Huguenots in Britain. — London, 1985; *Kendall R.T.* Calvin and English Calvinism to 1649. — Oxford University Press, 1979; *Martin Bucer: Reforming Church and Community* / Ed. by D.F. Wright. — Cambridge, 1994.

¹⁹ *Breslow M.A.* A Mirror of England. English Puritan's Views of Foreign Nations (1618—1640). — Cambridge, 1970.

нарный синтез, характерная для «новой исторической науки» и для подходов социальной истории, всё же не стала определяющим подходом, но она способствовала разработке новых аспектов в его исследовании, предоставила материал для уточнения понимания общих вопросов истории пуританизма. В исследовательский инструментарий британских историков вошло понятие «ментальность»²⁰, но при этом его определение не формулируется, а характерные черты религиозности пуритан именуется «ментальностью». Работа с завещаниями, которые позволяют использовать количественные методы исследования для изучения динамики укorenения протестантизма в Англии в эпоху Реформации, наряду с тем, что продемонстрировала определенную продуктивность, дала лишь частные по характеру результаты, интерпретация которых породила дискуссии²¹.

Ограниченные возможности использования количественных методов в изучении религиозных взглядов англичан в эпоху Реформации продемонстрировала также дискуссия между Л. Стоуном, М. Кертисом и Я. Грином в 1960—начале 1980-х гг. о том, была ли возможность у всех образованных клириков во второй половине XVI—начале XVII вв. получить место службы в англиканской церкви. М. Кертис на основе проведенных им подсчетов утверждал, что рабочих мест не хватало, в связи с чем, по его мнению, в Англии появились «отчуждённые интеллектуалы» среди священников, вынужденные примкнуть к пуританам в их критике установленной церкви²². Л. Стоун вслед за этим подсчитал, сколько выпускников заканчивали в этот период Кембридж и Оксфорд, частично разделяя выводы М. Кертиса о сложностях в их трудоустройстве²³. Я. Грин, подсчитав существовавшие в церкви рабочие места, сделал вывод, что все желающие образованные люди в конце XVI—начале XVII вв. могли получить место на службе в англиканской церкви, пусть и не сразу получив в своё распоряжение должность ректора или викария прихода²⁴. Исследование, проведенное с использованием количественных методов, привело к высказывавшемуся ранее, в том числе современниками, достигнутому нестатистическими методами выводу: пуритански настроенные клирики намеренно не шли на службу по религиозным причинам в не удовлетворявшую их своим строем и доктриной ан-

²⁰ James M. *Family, Lineage and Civil Society. A Study of Society, Politics and Mentality in the Durham Region, 1500—1640.* — Oxford, 1974; Tyacke N. *Popular Puritan Mentality in Late Elizabethan England // The English Commonwealth 1547—1640: Essays in Politics and Society Presented to Joel Hurstfield / Ed. by P. Clark, A. G. R. Smith and N. Tyacke.* — Leicester University Press, 1979. P. 77—92.

²¹ Dickens A.G. *The English Reformation.* — London, 1964; Palliser D.M. *The Age of Elizabeth: England under the Later Tudors, 1547—1603.* — London-New York, 1983; Scarisbrick J.J. *Henry VIII.* — London, 1970; *Idem.* *The Reformation and the English People.* — Oxford, 1984; Cross C. *Church and People, 1450—1660. The Triumph of the Laity in the English Church.* — London, 1976; *Idem.* *Patronage and Recruitment in the Tudor and Early Stuart Church.* — York, 1996; *Idem.* *The Royal Supremacy in the Elizabethan Church.* — London, 1969.

²² Curtis M. *The Alienated Intellectuals of Early Stuart England // Past and Present.* — 1962. — № 23.

²³ Stone L. *The Educational Revolution in England, 1560—1640 // Past and Present.* — 1964. — № 28. — P. 41—80.

²⁴ Green J. *Career Prospects and Clerical Conformity in the Early Stuart Church // Past and Present.* — 1981. — № 90.

гликанскую церковь. Использование количественных методов в изучении истории пуританизма, углубив представления о некоторых частных вопросах, не привело к достижению таких результатов, которые убедили бы большинство британских историков в безусловной продуктивности использования междисциплинарных подходов в исследовании истории.

Продолжают обсуждаться также важные вопросы о социальной природе пуританизма и о том, как он повлиял на английскую политическую жизнь и политические теории, можно ли обнаружить экономическую мотивацию за религиозными взглядами пуритан. В вопросе о социальном характере пуританизма британскими историками были выявлены определенные зависимости и корреляции, связывавшие его появление и распространение с генезисом капитализма, активизацией формирующихся буржуазных элементов в обществе, усилившейся коммерциализацией как формой общественной связи, но проблемы эти не обрели однозначного общепринятого решения. Примечательно и то, что все эти историки не забывали отметить, что пуританизм является, в первую очередь, религиозным феноменом. В изучении пуританизма ещё до публикации статьи Л. Стоуна «Возрождение нарратива» (1979)²⁵, обратившего внимание на усиление этой тенденции в британской историографии, позиции историков-традиционалистов, в сущности, никогда не ослабевали. Характерно в этом отношении высказывание Дж. Моргана, рекомендуемого в качестве метода исследования «вживание» и «вчувствование» во внутренний мир пуритан, и утверждающего, что «не следует уповать только на рационализм при изучении такого явления, как пуританское движение»²⁶.

Л. Стоун²⁷ и М. Уолзер²⁸ рассмотрели влияние пуританизма на английскую политическую жизнь и политическую культуру.

Работы Д. Зарета могут послужить примером социологического подхода к пуританизму. Он анализирует причины тяготения определенных социальных групп к поддержке пуританизма. В работе «Небесный контракт. Идеология и организация в предреволюционном пуританизме» (1985)²⁹ он обращает внимание на экономическую и социальную трансформацию английского общества в XVI в., рассматривая её как предпосылку Реформации и возникновения пуританского движения. Зарет разбирает также один из элементов богословских взглядов пуритан — идею договора (covenant) избранных к спасению с Богом, считая образцом для неё распространившиеся в обществе контрактные отношения в среде мелких собственников, которые всё активнее втягивались в товарное произ-

²⁵ Stone L. The Revival of Narrative: Reflections on a New Old History // Past & Present. — 1979. — № 85. — P. 3—24.

²⁶ Morgan J. Godly Learning: Puritan Attitudes towards Reason, Learning and Education, 1560—1640. — Cambridge, 1986. P. 2—3.

²⁷ Stone L. The Causes of the English Revolution, 1529—1642. — London, 1972; *Idem*. Social Change and Revolution in England, 1540—1640. — London, 1966.

²⁸ Walzer M. The Revolution of the Saints. A Study in the Origins of Radical Politics. — Cambridge (Mass.), 1965.

²⁹ Zaret D. The Heavenly Contract. Ideology and Organization in Pre-Revolutionary Puritanism. — Chicago-London, 1985.

водство. Критики же Д. Зарета утверждали, что договор человека с Богом имеет своим прообразом ветхозаветные образцы, и даже ярый сторонник экономического детерминизма не стал бы оспаривать возможность влияния этого источника на богословские идеи пуритан. Дж. Морган критиковал Зарета за «преувеличение светской инициативы в пуританизме»³⁰.

Влияние социальной истории стимулировало также культурно-антропологические по характеру исследования пуританизма. В работах М. Джеймса³¹, М. Ингрэма³², Р. Гривза³³ на основе изучения проповедей пуританских священников, протоколов церковных судов, трактатов пуритан рассматривается их отношение к семье и браку, общественным проблемам, сексу, воспитанию детей, вопросам образования, искусству, предпочтения в питании. Работа К. Райтсона и Д. Левина «Бедность и набожность в английской деревне. Терлинг, 1525—1700» (1979)³⁴, рассматривающая влияние пуританской субкультуры на повседневную жизнь на уровне одного поселения, вызывает ассоциации с локальными исследованиями Э. Ле Руа Ладюри и других французских приверженцев «новой исторической науки», продемонстрировавших продуктивность такого метода. В рамках культурно-антропологического подхода удаётся достичь представляющих интерес результатов в характеристике мировоззрения пуритан путём использования всё тех же традиционных источников, прочитываемых под новым углом зрения.

Определённое влияние методологических подходов социальной истории испытал крупнейший современный специалист по истории пуританизма в XVI—начале XVII вв. П. Коллинсон (р. 1929), опубликовавший значительное исследование об английском пуританизме времени правления Елизаветы I³⁵ и ряд других важных работ³⁶. Уделяя внимание, прежде всего, религиозной и политической истории, П. Коллинсон также стремится выявить влияние социально-экономического фактора на развитие пуританизма, но всегда подчёркивает, как сложны обобщения в анализе этих вопросов. В работе П. Коллинсона «Английский пуританизм» (1984)³⁷ дан краткий, но содержательный очерк истории пуританизма в

³⁰ *Morgan J. Godly Learning: Puritan Attitudes towards Reason, Learning and Education, 1560—1640.* — Cambridge, 1986. P. 19.

³¹ *James M. Society, Politics and Culture. Studies in Early Modern England.* — Cambridge, 1986.

³² *Ingram M. Church Courts, Sex and Marriage in England, 1570—1640.* — Cambridge, 1990.

³³ *Greaves R.L. Society and Religion in Elizabethan England.* — Minneapolis, 1981.

³⁴ *Wrightson K., Levine D. Poverty and Piety in an English Village. Terling, 1525—1700.* — New York, 1979.

³⁵ *Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement.* — Berkley-Los Angeles, 1967.

³⁶ *Collinson P. Archbishop Grindal, 1519—1583. The Struggle for a Reformed Church.* — London, 1979; *Idem. The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries.* — New York, 1988; *Idem. Elizabethan Essays.* — London, 1994; *Idem. Elizabethan and Jacobean Puritanism as Forms of Popular Religious Culture // The Culture of English Puritanism, 1560—1700 / Ed. by C. Darston and J. Eales.* — New York, 1996. — P. 45—54; *Idem. English Puritanism.* — London, 1984; *Idem. Godly People: Essays on English Protestantism and Puritanism.* — London, 1983; *Idem. A Mirror of Elizabethan Puritanism. The Life and Letters of "Godly Master Dering".* — London, 1964; *Idem. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625.* — New York, 1982; *Idem. Truth and Legend: The Variety of John Foxe's "Book of Martyrs" // Collinson, P. Elizabethan Essays.* — London, 1994. P. 157—163.

³⁷ *Collinson P. English Puritanism.* — London, 1984.

авторском видении и собрана обширная библиография современных работ о пуританизме, оформленная тематически.

Сторонниками такого же подхода к изучению пуританского движения являются М. Риз³⁸, Г.В.О. Вудворд³⁹, Д. Мак-Каллок⁴⁰ и ряд других историков. Они расширяют круг используемых источников, углубляют их критику и анализ, сопоставляют высказанные в литературе точки зрения, но в том, что касается их методологических позиций, они понимают историю пуританизма как историю церковных и политических событий.

Во второй половине XX в. британские историки активно занимались изучением распространения пуританизма по графствам Англии на основе ещё не разобранных епархиальных архивов, которые способствовали обогащению представлений о пуританизме, в первую очередь расширением фактической базы в изучении пуританского движения⁴¹.

Важную работу в обобщении результатов изучения истории пуританизма проделал П. Мак-Грат⁴². Опираясь на проблемно-хронологический метод, он излагает историю пуританского движения в XVI—начале XVII вв. в жанре тематической историографии, уделяя при этом внимание также характеристике положения английских католиков. П. Мак-Грат даже сближает политические аспекты католицизма и пуританизма: пуритане и католики в XVI—XVII вв. были нонконформистами, и королевская власть из политических соображений рассматривала тех и других как непокорных подданных, не согласных с существующим церковным строем⁴³.

В середине XX в. продолжалась также публикация новых источников⁴⁴, в результате чего была расширена источниковая база в исследовании сепаратизма. Публиковались также отрывки из сочинений пуритан XVI—начала XVII вв. с обширными вводными статьями и комментариями⁴⁵.

³⁸ Reese M.M. *The Puritan Impulse. The English Revolution, 1559—1660.* — London, 1975.

³⁹ Woodward G.W.O. *Reformation and Resurgence England in the 16th Century, 1485—1603.* — New York, 1968.

⁴⁰ MacCulloch D. *The Later Reformation in England, 1547—1603.* — New York, 1990; *Idem.* *Suffolk and the Tudors: Politics and Religion in an English County, 1500—1600.* — Oxford, 1986; *Idem.* *Thomas Cranmer: A Life.* — New Haven (Conn.), 1996.

⁴¹ Manning R. *Religion and Society in Elizabethan Sussex. A Study of the Enforcement of the Religious Settlement, 1558—1603.* — Leicester University Press, 1969; Marchant R.A. *The Church under the Law: Justice, Administration and Discipline in the Diocese of York, 1560—1640.* — Cambridge, 1969; James M. *Family, Lineage and Civil Society. A Study of Society, Politics and Mentality in the Durham Region, 1500—1640.* — Oxford, 1974; Hunt W. *The Puritan Moment. The Coming of Revolution in an English County.* — Cambridge (Mass.)-London, 1983.

⁴² MacGrath P. *Papists and Puritans under Elizabeth I.* — London, 1967.

⁴³ *Ibid.* — P. 385.

⁴⁴ *The Notebook of John Penry, 1593 / Ed. A. Peel.* — London, 1944; *Tracts Ascribed to Richard Bancroft, 1584 / Ed. by A. Peel.* — Cambridge, 1953; *Cartwrightiana / Ed. by A. Peel, L.H. Carlson.* — London, 1951; *The Writings of Robert Harrison and Robert Browne / Ed. by A. Peel, L.H. Carlson.* — London, 1953; *Henry Barrow. Writings, 1587—90 / Ed. by L.H. Carlson.* — London, 1962; *Writings, 1590—91 / Ed. by L.H. Carlson.* — London, 1966.

⁴⁵ Emerson E.H. *English Puritanism from John Hooper to John Milton.* — Durham (N.C.), 1968; Porter H.C. *Puritanism in Tudor England.* — London, 1970; *Images of English Puritanism. A Collection of Contemporary Sources, 1589—1646.* — Baton Rouge-London, 1989; *Elizabethan Puritanism / Ed. by L.J. Trinterud.* — New York, 1971.

Опубликованы также библиографические сборники, справочные издания, которые служат полезными ориентирами в огромном массиве публикаций по истории английской Реформации и пуританизма⁴⁶.

В 1980—90-е гг. активно изучалось умеренное крыло пуританизма с акцентом на то, что пуритане, при всём потенциальном революционном заряде их мировоззрения, всё же вписывались в рамки установленной церкви⁴⁷.

Историки пуританизма уделяют большое внимание его определению. Дж. Морган замечает в связи с этим, что «немногим сторонам жизни английского общества в конце XVI—начале XVII вв. было уделено столько же внимания, сколько было потрачено усилий на точное определение того, что представляют из себя «пуританин» и комплекс верований, известный как «пуританизм»⁴⁸.

Ещё при появлении термина «пуританизм» возникла большая путаница при его употреблении. Современные историки отмечают, что слово «пуританин» и в XVI в., и позднее использовалось как своего рода ярлык и оскорбительное прозвище, а не как точное определение⁴⁹. Слово «пуританин» сравнимо с такими словами, как «социалист», «романтик», то есть использование такого определения в адрес того или иного человека в действительности, как отмечалось, мало характеризует его индивидуальные особенности и взгляды. Употребление термина «пуританин» в чей-то адрес могло быть просто клеймом в полемике, а не точным определением⁵⁰, что дало М. Кнэппену повод пошутить в связи с этим: ситуация напоминает историю о четырех слепых, прикасавшихся к разным частям туловища слона, и потом говоривших, что это за животное⁵¹.

Общепризнанного определения пуританизма в британской историографии не существует по сей день. По этой причине многие историки счи-

⁴⁶ The Bibliography of the Reform, 1450—1648. Related to the United Kingdom and Ireland for Years 1955—1970. — Oxford, 1975; Miller H., Newman A. Early Modern British History. A Select Bibliography. — London, 1970; Smeeton D. D. English Religion 1500—1540. A Bibliography. — Macon (Georgia), 1988; Milward P. Religious Controversies of the Elizabethan Age. — London, 1978; The Oxford Encyclopedia of the Reformation / Edited by H.J. Hillerbrand. — New York, 1996. — Vol. 1—4; Routh C.R.N. (Revised by P. Holmes). Who's Who in Tudor England. — Mechanicsburg (Pa), 2001 (Originally published in Great Britain in 1990 by Shephard-Walwyn Publishers Limited); Shorney D. Protestant Nonconformity and Roman Catholicism: A Guide to Sources in the Public Record Office. PRO Readers' Guide 13. — London, 1996.

⁴⁷ Lake P. Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker. — London, 1988; Rose E. Cases of Conscience. Alternatives Open to Recusants and Puritans under Elizabeth I and James I. — Cambridge, 1975; Collinson P. Godly People: Essays on English Protestantism and Puritanism. — London, 1983; Idem. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982.

⁴⁸ Morgan J. Godly Learning: Puritan Attitudes towards Reason, Learning and Education, 1560—1640. — Cambridge, 1986. — P. 9.

⁴⁹ Reese M.M. The Puritan Impulse. The English Revolution, 1559—1660. — London, 1975. — P. 10; Rose E. Cases of Conscience. Alternatives Open to Recusants and Puritans under Elizabeth I. — Cambridge, 1975. — P. 6.

⁵⁰ Parker K.L. The English Sabbath. A Study of the Doctrine and Discipline from the Reformation to the Civil War. — Cambridge, 1988. — P. 158; Hill Ch. Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England. — New York, 1967. — P. 13.

⁵¹ Knappen M.M. Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism. — Chicago, 1939. — P. 339.

тают нужным дать своё определение пуританизма. Такая ситуация не закрывает путей к взаимопониманию — трудно сформулировать лишь его общее, для всех приемлемое определение, но в целом вполне ясно, где искать пуритан, хотя и тут есть свои нюансы. Как писал П.Мак-Грат, «каждый чувствует, что такое пуританизм, но (а может быть, как раз по этой причине) существует почти столько же «пуританизмов», сколько изучающих его историков»⁵².

Пуританами обычно предлагают именовать тех, кто стремился придать церкви Англии облик, в максимальной степени сходный со строем управления и доктриной континентальных кальвинистских церквей. При этом пуритане считали, что следует всемерно бороться за изменение англиканской церкви изнутри и не покидать её ряды. Те из сторонников продолжения Реформации, которые отчаивались изменить строй и обряды англиканской церкви и покидали её, становились в глазах пуритан «сепаратистами» — этот термин используется также и современными историками пуританизма. Спорным является вопрос о том, следует ли включать сепаратистов в ряды пуритан, поскольку обе эти группировки резко порицали друг друга. Основой этих споров были, как считает большинство исследователей, религиозные разногласия, хотя при этом обращается внимание также на различия в социальной базе этих религиозных групп — среди сепаратистов преобладали представители самых неимущих слоев городского населения. Сепаратисты рассматриваются как идейные предшественники индипендентов XVII в., хотя они в целом представляли, в отличие от индипендентов, более низкие социальные группы.

П. Коллинсон отметил, что в эпоху Елизаветы не были распространены абстрактные термины, так что те или иные взгляды часто назывались по имени лица, занимавшего ту или иную позицию⁵³. Исследователи обращали внимание на то, что в исторических терминах есть элемент конвенциональности, и за религиозными течениями в Англии XVI—XVII вв. не сразу закрепились их названия. Относительно термина «сепаратизм» есть следы его употребления с 1608 г.⁵⁴ До появления термина «пуританизм» в отношении тех, кто был недоволен королевским решением о церковном строе в Англии от 1559 г., употреблялся термин «*precisian*» (формалист, педант)⁵⁵.

В определении начала употребления термина «пуританизм» исследователи достаточно единодушны: оно вошло в оборот после того, как архиепископ Кентерберийский Паркер с 1565 г. стал требовать единообразия в облачениях священников, что привело к всплеску дискуссий и размежеванию существовавших в церкви группировок. Несогласных с его распоряжениями и стали называть пуританами, о чём упомянули церковные историки XVII в. Т. Фуллер и П. Хейлин. Фуллер относил на-

⁵² *McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I.* — London, 1967. — P. 45.

⁵³ *Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement.* — London-New York, 1982. — P. 13.

⁵⁴ *Knappen M.M. Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism.* — Chicago, 1939. — P. 491.

⁵⁵ *Haugaard W.P. Elizabeth and the English Reformation. The Struggle for a Stable Settlement of Religion.* — Cambridge, 1968. — P. 53.

чало употребления термина к 1564 г.⁵⁶, а Хейлин к 1565 г.⁵⁷, называя пуритан «цвинглианской» или «кальвинистской» фракцией.

Существует мнение, что термин «пуританизм» был впервые употреблен в католических кругах английским католиком-эмигрантом Томасом Стэйлтоном в сочинении «Крепость веры», изданном в Антверпене в 1565 г. как эпитет по отношению к английским протестантам, выступившим против ношения традиционных облачений священников. К 1568 г. католики употребляли термин «пуританин» и по отношению к сепаратистам⁵⁸. Первое упоминание термина представителями церковных властей в Англии относится к 1572 г., когда архиепископ Кентерберийский Паркер назвал пуританами радикальных протестантов внутри англиканской церкви, используя в их адрес также и другие выражения: «эти глупые отказники» (*recusants*), «этот педантичный народ», «формалисты»⁵⁹.

Употребление и понимание термина «пуританизм» эволюционировало с течением времени: по мнению А. Симпсона, «он появился как насмешка, затем был принят в самозащите, а в итоге установился как удобное обозначение»⁶⁰. Х. К. Портер показал, что англиканские авторы в 1560-е гг. быстро дали оценку появлению пуритан в контексте истории западного христианства и связали их с ранее появлявшимися еретическими течениями. Само название «пуритане» (латинское *purus* (чистый)) в переводе на греческий язык, по мнению англиканских апологетов, выявляло идейные корни пуританизма: «чистый» по-гречески «катарос» — катары ранее уже претендовали на совершенство и чистоту в сравнении с другими членами церкви. Идейными соратниками пуритан представлялись анабаптисты, а предшественниками — донатисты, которые настаивали на необходимости личного совершенства священнослужителей и полагали, что в противном случае таинства теряют силу⁶¹.

Идейное родство с такими далеко не почтенными предшественниками сильно уязвило пуритан и вынуждало их занимать поначалу оборонительную позицию и отрещиваться от самого этого имени⁶². Сами же пуритане называли себя в 1560—1570-е гг., да и позднее, «истинными евангелистами» (“*true gospellers*”), «благочестивыми» (“*the godly*”), «исповедующими истинную веру» (“*professors of true religion*”)⁶³. По словам Л. Сасека, имя пуритан стало почтительным только в ретроспективе:

⁵⁶ *Scott Pearson A.F.* Thomas Cartwright and Elizabethan Puritanism, 1535—1603. — Gloucester (Mass.), 1966. — P. 18.

⁵⁷ *Images of English Puritanism. A Collection of Contemporary Sources, 1589—1646.* — Baton Rouge-London, 1989. — P. 19.

⁵⁸ *Greaves R.L.* Society and Religion in Elizabethan England. — Minneapolis, 1981. — P. 4.

⁵⁹ *Collinson P.* English Puritanism. — London, 1984. — P. 8.

⁶⁰ *Simpson A.* Puritanism in Old and New England. — Chicago, 1955. — P. 1.

⁶¹ *Porter H.C.* Puritanism in Tudor England. — London, 1970. — P. 2.

⁶² *Hill C.* Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England. — New York, 1967. — P. 14.

⁶³ *Collinson P.* English Puritanism. — London, 1984. — P. 8.

«очень немногие стали бы хвастаться в XVI в., что они пуритане, но теперь многие гордятся тем, что происходят от пуритан»⁶⁴.

В период правления Елизаветы английские интеллектуалы, испытавшие влияние Ренессанса, и художественные круги придерживались невысокого мнения о пуританах, считая их любопытными, лезущими в личную жизнь окружающих, глупыми и лицемерными. Часто в связи с этим исследователи приводят реплику одного из персонажей «Двенадцатой ночи» (1601) Шекспира: «Ты что думаешь, если ты добродетельный, не должно больше быть пирогов и пива?»⁶⁵. Пуритан обвиняли в провоцировании споров и ссор в вопросах морали, в скупости и стремлении к наживе⁶⁶. В начале XVII в. появились антипуританские пьесы Бена Джонсона «Алхимик» (1610), «Варфоломеевская ярмарка» (1614), где образы пуритан окарикатурены до предела⁶⁷. Еще в XIX в. Т.Б. Маколей писал об отношении пуритан к развлечениям и говорил, что «пуритане ненавидят травлю медведей не потому, что больно зверю, а потому, что зрелище приносит удовольствие зрителям»⁶⁸.

Одним из первых свидетельств того, что пуритане начали принимать это прозвище, наполняя его другим содержанием, был выход в 1605 г. в Амстердаме трактата пуританина с сепаратистскими наклонностями Уильяма Брэдшоу «Английский пуританизм». В первой половине XVII в. пуритан называли также «мятежными сектантами», «схизматиками», «круглоголовыми» — привычка коротко стричься отмечалась ещё у сепаратистов в XVI в.⁶⁹

После 1688 г. создались возможности легального существования нонконформизма, и эта религиозная традиция начала обретать своих защитников, в печатном виде пропагандировавших историю движения. К XVIII в. в Англии сгладилась и острота противостояния в религиозных вопросах. Вышедшая в 30-е гг. XVIII в. книга Д. Нила «История пуритан, или Протестантских нонконформистов» содержала уже не отрицательные, а хвалебные отзывы о пуританах, в такой степени, что исследователи называли ее «агиографией»⁷⁰. Во второй половине XIX в. Дж. Р. Грин в «Краткой истории английского народа» (1874) уже представлял пуританизм как «одно из самых ценных явлений английской жизни и культуры» и критиковал только пресвитериан за нетерпимость к чужим мнениям⁷¹.

⁶⁴ Images of English Puritanism. A Collection of Contemporary Sources, 1589—1646. — Baton Rouge-London, 1989. — P. 2.

⁶⁵ Collinson P. English Puritanism. — London, 1984. — P. 9.

⁶⁶ Hill C. Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England. — New York, 1967. — P. 23.

⁶⁷ Holden W.P. Anti-Puritan Satire, 1572—1642. — Hamden (Connecticut), 1954.

⁶⁸ Porter H.C. Puritanism in Tudor England. — London, 1970. — P. 7—8.

⁶⁹ Images of English Puritanism. A Collection of Contemporary Sources, 1589—1646. — Baton Rouge-London, 1989. — P. 17—19.

⁷⁰ George Ch. H. Puritanism as History and Historiography // Past and Present. — 1968. — № 41. — P. 94; Images of English Puritanism. A Collection of Contemporary Sources, 1589—1646. — Baton Rouge-London, 1989. — P. 4; Scott Pearson A.F. Thomas Cartwright and Elizabethan Puritanism, 1535—1603. — Gloucester (Mass.), 1966. — P. 91.

⁷¹ Images of English Puritanism. A Collection of Contemporary Sources, 1589—1646. — Baton Rouge-London, 1989. — P. 4.

Характеризуя существующую разницу во мнениях в определении пуританизма, Дж. Морган пишет, что «между такими исследователями, как Дж. Нью⁷², которые находят пуритан диаметрально противоположными «ортодоксальным» членам англиканской церкви, и позицией таких исследователей, как Ч. Джордж⁷³, которые видят мало специфики в пуританской позиции и действиях по сравнению с теми, кто принадлежал к англиканской церкви, существует очень широкий спектр»⁷⁴.

Дж. Нью отмечал, что пуритане скептически относились к возможностям человеческого разума и полагали, что без помощи божественной благодати человек ничего не может достигнуть и понять. Англикане же, хотя и считали рациональное начало в человеке подчиненным, несравнимым с тем, что может дать вера, не отказывали человеческому разуму в способности действовать своими силами в пределах земных дел. Пуритане считали реальной невидимую церковь избранных, англикане старались не углубляться в обсуждение таких вопросов, поскольку это могло привести к сепаратизму. Англикане в службе делали ставку на совершенные таинства, пуритане — на проповедь. Дж. Нью выявляет и другие отличия пуритан и англикан и считает, что различия в богословии проявлялись в их практической деятельности⁷⁵.

Ч. Джордж, напротив, сближает взгляды пуритан и англикан, и полагает, что пуританизм — некритически образованное общее понятие, не подкрепленное эмпирическим содержанием. По его мнению, пуритане отличались от англикан лишь более интенсивным проявлением приверженности к осуществлению общих для всех английских протестантов целей, но у пуритан не было какой-либо явно сформулированной доктрины. В 1570—1640 гг., когда сложился и развивался английский пуританизм, как считает Джордж, можно выделить только один короткий отрезок, когда «пуританизм в самом деле существовал как легко отличимое и несомненно поддающееся определению явление — это был период публикации трактатов Мартина Марпрелата и подъема пресвитерианского движения в конце 80-х годов XVI в.»⁷⁶.

С пониманием к подходу Ч. Джорджа относятся У. Ламонт, М. Финлейсон⁷⁷. Отрицание целесообразности использования понятия «пуританизм» получило лишь единичные отклики, хотя этот подход имеет свою историю. Еще английский церковный историк XVII в. Т. Фуллер сомневался в

⁷² *New J.F.H. Anglican and Puritan. The Basis of Their Opposition, 1558—1640.* — Stanford, 1964.

⁷³ *George Ch. George K. The Protestant Mind of the English Reformation, 1570—640.* — Princeton, 1961.

⁷⁴ *Morgan J. Godly Learning: Puritan Attitudes towards Reason, Learning and Education, 1560—1640.* — Cambridge, 1986. — P. 9.

⁷⁵ *New J.F.H. Anglican and Puritan. The Basis of Their Opposition, 1558—1640.* — Stanford, 1964. — Ch. 2, 3.

⁷⁶ *George Ch. George K. The Protestant Mind of the English Reformation, 1570—1640.* — Princeton, 1961. — P. 398—399.

⁷⁷ *Lamont W.L. Puritanism as History and Historiography: Some Further Thoughts // Past and Present.* — 1969. — № 44. — P. 133—146; *Finlayson M.G. Puritanism and Puritans: Labels or Libels // Canadian Journal of History.* — 1973. — № 8. — P. 207—209.

целесообразности использования понятия «пуританизм», поскольку его значение слишком запутанно. Дж. Морган считает, что термин «пуританизм» стесняет исследование, ограничивает его рамки. Пуританизм, на его взгляд, должен рассматриваться «не как самодовлеющая сущность, а как понятие экзистенциальное, живое». Это позволяет понять то, что пуритане в некоторых религиозных вопросах смыкались во мнениях с церковными властями, в других приближались к точке зрения сепаратистов. Исторические определения, считает Морган, не должны формулироваться в категориях «вот это и ничто другое»: понятия должны быть как можно более гибкими, а определение всегда что-то отсекает. На практике всегда наблюдается несоответствие с твердыми определениями: индивиды отличаются своеобразными акцентами в общих взглядах. Это особенно видно на примере пуритан: они были и пресвитерианами, и конгрегационалистами, конформистами и нонконформистами. Применительно к церковным властям Морган предлагает использовать термин «администрация», так как слишком разными были взгляды должностных лиц в церкви при Елизавете — одни преследовали пуритан, другие мало их тревожили и высказывали сходные с ними мнения по отдельным вопросам⁷⁸.

Среди отечественных исследователей высказавший своё мнение о термине «пуританизм» М.А. Барг считал, что одиозность прозвища «пуританин» в глазах английских властей объяснялась политическими причинами, поскольку в области догматики пуритане были не столь уж далеки от англикан⁷⁹. Он также критиковал присущее историкам, испытавшим влияние неопозитивистской методологии, неприятие таких общих понятий концептуального характера, как «революция», «пуританизм» и т.п. Неопозитивистски ориентированные историки отвергали такие обобщения под предлогом опасности реификации исторических понятий, своеобразного «неореализма», когда понятия, которые являются лишь познавательными средствами, начинают отождествляться с исторической реальностью. Но историческая наука, считал Барг, если она не желает ограничивать свои функции регистрацией частных фактов, не может и не должна отказываться от пользования общими понятиями, в частности, понятием «пуританизм». Обобщение явлений действительности в понятиях не ведет к её схематизации, а является способом её научного познания⁸⁰.

Большинство исследователей отстаивают целесообразность употребления понятия «пуританизм»⁸¹. Как пишет П. Мак-Грат, важно то, что пуритане были узнаваемы для англикан как определённая группа именно под таким названием, чей религиозный опыт, личное поведение и рвение

⁷⁸ *Morgan J. Godly Learning: Puritan Attitudes towards Reason, Learning and Education, 1560—1640.* — Cambridge, 1986.

⁷⁹ *Барг М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей.* — М., 1991. — С. 85.

⁸⁰ Там же. — С. 83—84.

⁸¹ *Hall B. Puritanism: the Problem of Definition // Studies in Church History / Ed. by G.J. Cuming.* — London, 1965. — P. 283—296. — Vol. II; *Collinson P. A Comment: Concerning the Name Puritan // JEH.* — 1980. — Vol. XXXI. — P. 483—488; *Lake P. Moderate Puritans and the Elizabethan Church.* — Cambridge, 1982. — P. 3—13.

придавали им идентичность, и считает, что церковные власти преследовали пуритан «не за более интенсивную религиозность», а за отклонения во взглядах на литургию, церемонии и управление церковью. В случае сближения пуритан и англикан в одном лагере оказываются преследователи и преследуемые за религиозные убеждения — представители церковных властей и пресвитериане, что просто абсурдно⁸². Р. Маршант считает, что разногласия между англиканами и пуританами в доктрине реально существовали, хотя и проявлялись, среди прочего, также по внешне несущественным пунктам — ношение стихаря или отказ от него, использование крестного знамения при крещении и т.п., но церемонии и ритуалы всегда отражают приверженность тем или иным общим идеям и доктринам. Не следует упускать из виду и то, что, в глазах самих пуритан, они осознавали свои разногласия с церковными властями, и эти разногласия были значительными, что в достаточной степени зафиксировано в источниках. В то же время, по признанию историков, трудность определения пуританизма в эпоху Елизаветы связана ещё и с тем, что англиканство и пуританизм находились в стадии становления⁸³.

Продолжаются также споры относительно объёма понятия «пуританизм». М. Кнэппен в своём влиятельном исследовании «Пуританизм при Тюдорах» (1939) относил к пуританам пресвитериан, индипендентов, сепаратистов, а также часть англикан, которые соглашались с существованием епископальной системы, но, тем не менее, стремились к реформам в церкви Англии по образцу континентальных кальвинистских церквей. Он видел неоднородность пуританизма и писал о «епископальных», «пресвитерианских» и «конгрегационалистских» пуританах⁸⁴. Отличительной чертой пуритан некоторые исследователи также считают моральный ригоризм, проявлявшийся в христианском сообществе и до Реформации, и после неё, так что понятие «пуританин» приобретало расширительное толкование⁸⁵.

Многие историки пуританизма не включают в число пуритан сепаратистов, хотя исследователи видят взаимопереходы в этих двух группах. Р. Гривз предпочитает в связи с этим говорить о «религиозном континууме», подчёркивая возможность изменения взглядов у отдельных сторонников дальнейших реформ в церкви Англии, что не отменяет существовавших различий. Сторонник невключения сепаратистов в число пуритан Л. Сасек заявляет, что «настоящие пуритане — это члены установленной англиканской церкви, которые хотят остаться в её составе, но очистить её путем устранения некоторых недавних добавлений и большинства из того, что осталось от средневекового католицизма». Но в целом он придерживается мнения, что вопрос о том, являются ли сепаратисты частью пуританского

⁸² McGrath P. *Papists and Puritans under Elizabeth I.* — London, 1967. — P. 35, 40.

⁸³ Marchant R.A. *The Puritans and the Church Courts in the Diocese of York, 1560—1642.* — London, 1960. — P. 205—206.

⁸⁴ Knappen M.M. *Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism.* — Chicago, 1939. — P. 489.

⁸⁵ Haller W. *The Rise of Puritanism.* — New York, 1947. — P. 5; Trinterud L. *Origins of Puritanism // Church History.* — 1951. — № 20. — P. 37—57.

движения, трудно разрешить, опираясь на изучение источников. Сепаратисты, как правило, явственно отличали себя от пуританского движения. Официальные же документы второй половины XVI—начала XVII были склонны объединять всех противников установленной церкви в одну группу⁸⁶.

К настоящему времени стали более понятными те новшества, которые английские пуритане внесли в кальвинизм. Важную работу «Кальвин и английский кальвинизм до 1649 г.» в 1979 г. опубликовал Р.Т. Кендалл⁸⁷. Он охарактеризовал взгляды У. Перкинса и других богословов, которые, оставаясь в церкви Англии, имели репутацию пуританских. Кендалл квалифицировал их как «экспериментальных сторонников предопределения» («experimental predestinarians»). От взглядов Кальвина их позиция отличалась тем, что они стали искать в повседневной жизни человека опытного подтверждения того, принадлежит ли он к числу избранных, чего Кальвин делать не рекомендовал. Пуританские же священники в своих пастырских нуждах, чтобы облегчить духовные поиски человека и дать ему уверенность, стали разрабатывать идею, что уже при жизни в душе можно обнаружить признаки того, является ли человек избранным к спасению, что и было новым в кальвинизме⁸⁸.

П. Лейк именует «пресвитерианами» тех, кто придерживался и защищал планы церковного устройства, сложившиеся под влиянием женеvского образца церковного управления. «Пуританским» он называет «широкий круг взглядов, к которому можно отнести тех активных протестантов, которые называли себя the godly (набожные) и были меньшинством среди тех, кого они считали «равнодушными», «не относящимися к числу тех, кто будет спасен». П. Лейк полагает, что принадлежность к пуританизму была показателем степени религиозного рвения, а не отчетливым признаком принадлежности к определённой группировке. При этом все пресвитериане были пуританами, но не все пуритане — пресвитерианами⁸⁹.

Исследователи пуританизма установили и другие отличия в богословских взглядах пуритан от англикан. Оригинальную особенность в богословских взглядах пуритан подметил Дж.С. Макджи. Он показал, что в своих проповедях, других сочинениях пуритане, в отличие от англикан, занимались преимущественно толкованием первых четырёх из Десяти заповедей, которые касаются отношений человека и Бога. Англикане же толковали прежде всего шесть остальных заповедей, устанавливавших отношения людей между собой⁹⁰.

Одним из спорных вопросов в полемике между пуританами и англиканами стало истолкование сошествия Христа в ад. Католическое толко-

⁸⁶ Images of English Puritanism. A Collection of Contemporary Sources, 1589—1646. — Baton Rouge-London, 1989. — P. 13—15.

⁸⁷ Kendall R.T. Calvin and English Calvinism to 1649. — Oxford University Press, 1979.

⁸⁸ Ibid. — P. 79.

⁸⁹ Lake P. Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker. — London, 1988. — P. 7.

⁹⁰ McGee J.S. The Godly Man in Stuart England: Anglicans, Puritans and the Two Tables, 1620—1670. — New Haven, 1976.

вание схождения Христа в ад упоминало лимб, чистилище, и первое из этих понятий проникло в англиканское толкование. Против такого представления об устройстве ада возражали пуритане, видя в этих англиканских взглядах остатки католицизма⁹¹.

Пуритане, обуславливая действенность таинств сопутствовавшей проповедью священника, как утверждали конформисты, приобретали сходство с донатистами, анабаптистами⁹².

Б. Берри разъяснил причины возражений пуритан тому, чтобы в церкви верующие кланялись при упоминании имени Иисуса. На первый взгляд, Послание к Филиппийцам апостола Павла 2,10 не оставляет сомнений на этот счет: «дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних». Пуритане же видели в имени Иисус воплощение человеческого начала в Спасителе, а Христос представлял божественное начало, поэтому, на их взгляд, человеческому не пристало кланяться⁹³.

В определении пуританизма исследователями был испробован ещё один путь — взять несколько общеизвестных фигур из числа проповедников, публицистов-полемистов второй половины XVI—начала XVII вв., которые, по общему признанию, были пуританами, и описать их взгляды, что могло бы способствовать формулировке определения пуританизма⁹⁴. Многие современники считали, что типичным пуританином был Уильям Перкинс, хотя он отказывался пользоваться этим понятием, критиковал многие церемонии в молитвеннике, в течение некоторого времени склоняясь к пресвитерианству⁹⁵.

П. Лейк, построивший своё исследование о пуританах, пытаясь выделить репрезентативные личности, отметил, что этот метод имеет свои слабости — для действительно репрезентативного подбора фигур уже заранее нужно составить предварительное представление о пуританизме⁹⁶. Как писал М. Кнэппен, «было много духовных лиц — пуритан, но не было «пуританского духа». В каждое данное время существовало правое и левое крыло в пуританской партии, различные фракции центристского характера. Невозможно также выбрать одного индивида, который бы представлял нечто среднее, и описать его колебания как типичные»⁹⁷.

⁹¹ *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 22—23.

⁹² *Lake P. Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker.* — London, 1988. — P. 174.

⁹³ *Berry B.M. Proceß of Speech: Puritan Religious Writing and Paradise Lost.* — Baltimore, 1976. — P. 23.

⁹⁴ *Eusden J.D. Puritans, Lawers and Politics in Early 17th Century England.* — New Haven, 1958; *Breslow M.A. A Mirror of England. English Puritans' Views of Foreign Nations, 1618—1640.* — Cambridge (Mass.), 1970.

⁹⁵ *Brook B. The Lives of the Puritans.* — London, 1813. — Vol. II. — P. 129; *Breward I. The Work of William Perkins.* — Abingdon, 1970. — P. 6; *Porter H.C. Reformation and Reaction in Tudor Cambridge.* — Cambridge, 1958. — P. 271—272.

⁹⁶ *Lake P. Moderate Puritans and the Elizabethan Church.* — Cambridge, 1982.

⁹⁷ *Knappen M.M. Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism.* — Chicago, 1939. — P. 339.

Одной из наиболее удачных попыток определения того, кто такие пуритане, Дж. Горинг считает определение современника Английской революции XVII в. Генри Паркера в его сочинении «Рассуждение о пуританах» (*Discourse Concerning Puritans* (1641). P. 11—14). Генри Паркер выделял четыре варианта современного ему использования понятия «пуританин»: 1) «церковные пуритане», которые хотели очистить церковь от церемоний, напоминавших римско-католическую церковь 2) пуритане, отличавшиеся в первую очередь особым рвением в антипапистских выступлениях 3) «политические пуритане», которые противостояли политике Карла I в управлении церковью и государством 4) «этические, моральные пуритане», которые подчеркивали необходимость придерживаться моральных добродетелей. Некоторые люди могли попадать во все четыре такие категории — эти группы не были замкнутыми и непроницаемыми. Генри Паркер отмечал также субъективность в использовании понятия «пуританин» его современниками, которые чаще всего вкладывали в него этический смысл. Он рассматривал первоначальный пуританизм как движение среди духовных лиц⁹⁸. Согласно «Оксфордскому словарю английского языка», первое печатное употребление слова «пуританин» в этическом смысле относится к 1592 г. и встречается в памфлете Роберта Грина «Раскаяние» (*The Repentance*. London, 1592). В первые годы XVII в. употребление слова «пуританин» широко распространилось, и оно использовалось сатириками, публицистами, писавшими на социальные темы⁹⁹.

Современные историки продолжают предлагать свои определения пуританизма. Так, Л. Тринтеруд включает в состав пуритан 1) первоначальную партию, выступившую в середине 1560-х гг. против облачений; 2) партию пассивного сопротивления в англиканской церкви; 3) пресвитериан¹⁰⁰. Х.К. Портер видит пуританизм эпохи Елизаветы в составе следующих направлений религиозной мысли: 1) сепаратисты, которые, по его мнению, представляли даже «наиболее интересную и широкую по влиянию традицию», поскольку из неё вырос американский пуританизм; при этом он считает, что сепаратизм не был прямым продуктом основной линии развития пуританского движения при Елизавете, поскольку большинство пуритан не одобряло отделение от англиканской церкви; 2) группа, называемая Портером «евангелическими пуританами», которые настаивали на использовании Писания как основы религиозной практики, оставались в англиканской церкви и не требовали её радикальной трансформации; 3) традиция английских диссентеров, которую Портер проводит от лоллардов к Уильяму Тиндейлу и к пуританам; 4) пресвитерианское движение 1570—1580-х гг., «классы»¹⁰¹.

По мнению Л. Сасека, нет возможности со всей точностью определить богословскую систему пуритан, но немногие из них пытались быть

⁹⁸ *Goring J.* *Godly Exercises or the Devil's Dance? Puritanism and Popular Culture in Pre-Civil War England*. — London, 1983. — P. 17.

⁹⁹ *Holden W.P.* *Anti-Puritan Satire, 1572—1642*. — London, 1954. — P. 101, 141—142.

¹⁰⁰ *Elizabethan Puritanism* / Ed. by L.J. Trinterud. — New York, 1971.

¹⁰¹ *Porter H.C.* *Puritanism in Tudor England*. — London, 1970. — P. 9—10.

систематическими богословами. Пуританизм вообще не дал масштабных мыслителей европейского значения. В поиске отличительных черт пуританизма, как он считает, следует сосредоточиться на религиозной практике пуритан: в ней можно найти конкретные предложения реформ, которые помогут отличить пуритан от других религиозных течений. В качестве отправной точки исследования Л. Сасек предлагает взять «Тысячную петицию» 1603 г. (the Millenary Petition) как документ умеренного пуританизма, а далее можно исследовать отклонения от неё вправо или влево, что может быть моделью работы по изучению пуританизма. Л. Сасек, высказываясь по поводу определения пуританизма, считает, что не следует непременно добиваться точного определения пуританизма на все случаи. Достаточно, если определение обеспечивает начальную стадию продуктивного исследования, по ходу его можно корректировать, и определение, выведенное в одном исследовании, может плохо подходить к другому, так что читатель должен быть предупреждён о границах использования и функции того или иного определения¹⁰².

По мнению П. Коллинсона, «пуританизм был более чем движением — это был уже институт, церковь внутри церкви, со своими собственными стандартами и рождающимися традициями, даже своей дисциплиной и управлением. Во многих отношениях английские пуритане составляли секту со всем тем, что подразумевает солидарность узкого круга избранных, но это была секта с верой в возможности официальной церкви. Эта парадоксальная комбинация черт, которые Эрнст Трёлч различал как христианство «церковного типа» и «сектантского типа», была характерной чертой раннего пуританизма»¹⁰³.

К. Хилл пытался расширить рамки определения пуританизма и показать нерелигиозные причины того, почему люди во второй половине XVI—начале XVII вв. поддерживали пуритан: существовали светские мотивы и причины недовольства людей епископатом, церковным судами — первые обладали крупной собственностью, а вторые налагали штрафы на провинившихся¹⁰⁴. Он не включал в число пуритан сепаратистов. Хилл стремился также показать, что пуританизм отвечал интересам «третьего сословия», «трудолюбивых людей». Он отмечал, что «неверным было бы обсуждать пуританизм только в религиозных терминах. Пуританизм был образом жизни, крепко и глубоко укоренённым в английском обществе своего времени. Чтобы понять пуританизм, мы должны понять нужды, надежды, опасения и стремления набожных ремесленников, купцов, йоменов, джентльменов, священников и их жён. Пуританизм был действенным для них только тогда, когда они чувствовали его в своем пульсе. Он казался им указывающим путь на небеса потому, что он помогал людям жить на земле»¹⁰⁵.

¹⁰² Images of English Puritanism. A Collection of Contemporary Sources, 1589—1646. — Baton Rouge-London, 1989. — P. 6, 24—25.

¹⁰³ Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 14.

¹⁰⁴ Hill C. The Economic Problems of the Church. From Archbishop Whitgift to the Long Parliament. — Oxford, 1956. — P. IX—XI.

¹⁰⁵ Hill C. Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England. — New York, 1967. — P. 510—511.

П. Зивер объясняет популярность пуританских лекторов тем, что они стали выполнять функции, которые раньше принадлежали странствующим монахам — проповеди, утешения, поскольку XVI—XVII вв. в жизни Англии были полны разного рода стрессами¹⁰⁶. Вопрос о том, как именно пуританизм был связан с реалиями социально-экономической жизни, по сей день обсуждается историками. По словам П. Коллинсона, «религия пуритан была основой глубоко консервативного мировоззрения, а радикальной её считают по грандиозному недоразумению»¹⁰⁷. К. Хилл, уделяя внимание секулярным факторам, способствовавшим формированию пуританизма, не забывал и о его религиозном характере: «пуританизм не был бы исторической силой, — писал он, — если бы он был лишь отражением экономической ситуации. Мужество и мученичество пуритан были посвящены очень различным целям, но ни одна из них не может быть просто описана в экономических терминах»¹⁰⁸. Как пишет Д. Мак-Каллок, не следует сбрасывать со счетов экономическую интерпретацию пуританизма, но, на его взгляд, пуритане ужасались ношению квадратных головных уборов духовенством, плюралитетам (священство в нескольких приходах — В.Е.), епископальному строю церкви не по экономическим соображениям, и уже отказ Джона Хупера в 1550 г. принимать посвящение в епископы в традиционных облачениях свидетельствует о важности вопросов символического характера в противостоянии англикан и пуритан¹⁰⁹.

Историки подчеркнули также стимулирующее влияние протестантизма и пуританизма на повышение уровня грамотности в Англии. Л. Стоун оценил развитие образования в Англии в 1560—1640 гг. как «революцию»¹¹⁰. Вполне возможно, предполагал Стоун, что англичане в это время были самой образованной нацией в мире. Далее же в английском обществе после событий 1640—1660 гг. нарастали консервативные тенденции в подходе к образованию, и вновь такой высокий уровень образованности в Англии был достигнут лишь после второй мировой войны¹¹¹. Причины образовательного бума 1560—1640 гг. Л. Стоун связывает с ликвидацией в эпоху Реформации церковной монополии на образование, социально-экономическим развитием общества и происходившим генезисом капитализма, требовавшим увеличения числа образованных профессионалов, с подъемом средних классов, вкладывавших средства в образование детей. Большой вклад в повышение образовательного уровня английского общества внесли также пуритане, которые подчеркивали религиозное значение образования для становления личности, рассматривали образование как опору в борьбе с невежеством, богохульством и

¹⁰⁶ Seaver P.S. The Puritan Lectureships. The Politics of Religious Dissent, 1560—1662. — Stanford, 1970.

¹⁰⁷ Collinson P. English Puritanism. — London, 1984. P. 6.

¹⁰⁸ Hill C. The Economic Problems of the Church. From Archbishop Whitgift to the Long Parliament. — Oxford, 1956. — P. XIII.

¹⁰⁹ MacCulloch D. The Later Reformation in England, 1547—1603. — New York, 1990. — P. 82.

¹¹⁰ Stone L. The Educational Revolution in England, 1560—1640 // Past and Present. — 1964. — № 28. — P.41—80.

¹¹¹ Ibid. — P. 68.

праздностью. Пуритане предлагали ввести всеобщее начальное образование. В Долгом парламенте доля депутатов, имевших университетское образование, составляла 50%, но полных данных о депутатах нет и, видимо, эта доля может быть увеличена до 60%. Такого уровня образованность членов парламента вновь достигла лишь в середине XIX в., а затем она вновь снизилась с приходом в парламента лейбористской партии¹¹².

Особенно наглядно можно проследить влияние пуританизма на развитие образования, как считал Л. Стоун, на примере Новой Англии, где пуритане имели возможность реализовать свои планы в сфере образования без противодействия властей. Здесь отнюдь не в самых благоприятных экономических условиях переселенцы сразу начали создавать широкую систему образовательных учреждений, открыли в 1636 г. Гарвардский университет. В пуританской Новой Англии к 1650-м гг. 90% глав семей и 40% их жён могли читать и писать. Доля же студентов колледжей по отношению к небольшому ещё по численности населению была такова, что процент студентов в колледжах в США в общей численности населения в XX в. между двумя мировыми войнами был ниже, чем в 1650-е гг.¹¹³

В середине 1960-х гг. развернулась дискуссия о понимании пуританизма и связи пуританизма с наукой между К. Хиллом и Х. Ф. Кирни, по мнению которого работы Хилла ограничивают феномен пуританизма 1590—1640 гг., что и дало возможность придать определенное единство пуританизму в интерпретации Хилла. Из определения пуританизма Хиллом исключалось пресвитерианское «классное движение» 1570—80 гг., явно носившее клерикальный характер, поскольку вдохновлялось духовенством, что и давало возможность говорить о привлекательности пуританизма для «трудолюбивых людей», то есть формирующейся буржуазии, но пуритан из церковных кругов, как писал Кирни, вряд ли можно назвать «трудолюбивыми людьми». В итоге, как считал Кирни, у Хилла получалось не объяснение религиозного содержания пуританизма экономическими причинами, а элиминация его религиозного содержания, и пуританизм превращался в нечто более однородное, но такое определение отдалялось от его понимания¹¹⁴.

Кирни считал, что с 1560-х гг. и далее преобладающее влияние на пуританизм оказывал кальвинизм. Он находит в пуританизме и клерикальные, и зарождающиеся антиклерикальные мотивы, и стремление к знанию, и оппозицию к учености и академизму. Среди пуритан были пресвитериане, индипенденты, лица с милленаристскими наклонностями. По его словам, «пуританизм больше напоминает неопределённый набор не всегда последовательных утверждений, чем точное, недвусмысленное понятие... Если нужно иметь определение, я определил бы пуританизм как растущий круг недовольства внутри и вне установленной церкви, возникший в 1560-е гг. и продолжавший развиваться. Он прости-

¹¹² Ibid. — P. 71—72, 78—79.

¹¹³ Ibid. — P. 72—73.

¹¹⁴ Kearney H.F. Puritanism and Science: Problems of Definition // Past and Present. — 1965. — № 31. — P. 106.

рался от академического пуританизма Картрайта и Гринхэма до народных вульгарных высказываний в трактатах Мартина Марпрелата, которые в образованных кругах осуждались. Общим для всех пуритан было стремление к тому, чтобы церковь была избавлена от внешних и несущественных деталей, отличались же пуритане между собой (и нельзя сказать, что различия среди их были незначительными) пониманием того, что именно является несущественным»¹¹⁵.

Х.Ф. Кирни раскритиковал также понимание Хиллом связи пуританизма с научной деятельностью: в представлении Кирни, пуританизм отнюдь не был утилитарным по своей ориентации. Индуктивная наука XVII в. в лице Ф. Бэкона одной из своих главных задач ставила овладение человеком силами природы, а разве пуритане, спрашивает Кирни, планировали улучшение человеческой доли в этом мире? Такая прагматическая установка не согласовывалась с общим направлением мышления религиозно ориентированного человека. По мнению Кирни, обобщённое представление о пуританизме как о некоей «революционной», «прогрессивной» силе, прямо связанной с выработкой характерного для нового времени индивидуалистического мироощущения, сказывавшегося во всех областях, от науки до политики, не выдерживает эмпирической проверки. Один из тезисов Хилла заключается в том, что формировавшаяся в XVI—XVII вв. группа «трудолюбивых людей» — купцов, предпринимателей, которая, на его взгляд, была больше всех подвержена влиянию пуританизма, активно поддерживала научную деятельность и оказывала помощь учёным. Но Х.Ф. Кирни, ссылаясь на работу Э.Г.Р. Тейлора «Математики-практики в Англии при Тюдорах и Стюартах» (Кембридж, 1954), обращает внимание, что число людей, постоянно занимавшихся математикой, в эту эпоху было крайне малым, составляя около 150 человек. Они нуждались в покровителях и жили главным образом у землевладельцев из среды дворянства, выполняя при них некоторые практические работы, главным образом землемерные. Оказывали некоторую помощь учёным также крупные купеческие компании, но обычно на жёстких финансовых условиях. Поэтому мнение о том, что купцы и ремесленники в конце XVI—начале XVII вв. поддерживали науку, как считает Кирни — иллюзия, поскольку они в это время сами находились не в лучшем экономическом положении и часто боролись за собственное существование¹¹⁶.

В работе «Интеллектуальные корни английской революции» (1962)¹¹⁷ Хилл утверждал, что гражданская война в Англии происходила между «приверженцами разных школ в астрономии — между парламентариями-сторонниками гелиоцентрической системы и роялистами-сторонниками системы Птолемея». К. Хилл обращал также внимание на основание в 1596 г. в Лондоне учебного заведения, по его мнению, нового типа — Грешем Колледжа, который контролировали купцы и торговцы, а не ду-

¹¹⁵Ibid. — P. 105.

¹¹⁶Ibid. — P. 89.

¹¹⁷Hill Ch. The Intellectual Origins of the English Revolution. — New York, 1962.

ховенство, нацеливая организацию преподавания на приобретение практического знания.

Исследуя преподавательский состав Грешем Колледжа и его учебные программы, Кирни приходит к выводу, что он не был учебным заведением, отличным от университета. В нем университетское по характеру образование было сделано приспособленным к восприятию населением Лондона, и программы обучения включали не только математику, навигацию, но и риторику, богословие, гражданское право. В Грешем Колледже некоторые преподаватели имели священнический сан, как и в университетах, а в отношении религиозных настроений в этом учебном заведении они были, скорее, усреднённо протестантскими, чем пуританскими. Грешем Колледж выступает у Х.Ф. Кирни не новым образовательным учреждением, созданным в интересах поднимающегося капиталистического класса, а учебным заведением, в котором академическая университетская культура и образование были реорганизованы применительно к нуждам столицы с некоторым признанием важности практических потребностей в обучении¹¹⁸.

Особые возражения у Кирни встречает утверждение Хилла о прямой связи пуританизма с наукой. Кирни считает, что пуританизм принес с начала XVII в. в религиозную жизнь, скорее, то, что называют «энтузиазмом», то есть религиозную взвинченность в мировоззрении. Пуританизм в этом смысле нашёл выражение во взглядах индипендентов с характерной для них яркой ненавистью к университетам, к использованию учёности в религиозных делах, и стремлением к простому стилю религиозных проповедей без использования ученых аллюзий и образов. Некоторые ученые XVI—XVII вв. имели связи в пуританских кругах, но, если обратиться к примеру ведущих ученых — У. Гарвею, Р. Бойлю, И. Ньютону, то можно убедиться, что они принадлежали к совершенно иной традиции религиозной мысли, которую можно назвать латитудинаристской, широкой и умеренной. В религии они отводили больше места разуму, чем эмоциональному опыту.

Для пуритан был характерен и яростный анти-аристотелизм, так как философия Аристотеля отдавала предпочтение умозрительным видам знания над практическими. На формирование практических наклонностей в мировоззрении пуритан, считает Кирни, повлиял французский философ и логик Пьер Раме (1515—1572). Из аристотелевской логики он убрал все её черты, которые, по его мнению, были бесполезны в практической жизни. По оценке П. Лейка, рамиистская логика была попыткой сконструировать систему, которая отражала бы «основные структуры человеческой рациональности»¹¹⁹. Рамиистскую логику высоко ценил известный пуританский богослов У. Перкинс (1558—1602), другие авторитетные пуританские священники¹²⁰. Это направление не интересовалось

¹¹⁸ *Kearney H.F. Puritanism, Capitalism and Scientific Revolution // Past and Present. — 1964. — № 28. — P. 85—89.*

¹¹⁹ *Lake P. Moderate Puritans and the Elizabethan Church. — Cambridge, 1982. — P. 101.*

¹²⁰ *Kearney H.F. Puritanism, Capitalism and Scientific Revolution // Past and Present. — 1964. —*

развитием науки как самоценной познавательной деятельности ради внутринаучных целей. Неудивительно, что ученые этого толка скептически относились к возможности доказательства достоверности гелиоцентрической космологии. Эти прагматики рамистского толка в космологии становились на позиции Библии — её данных на этот счёт им было достаточно. Эту же позицию выразил Джон Мильтон в поэме «Потерянный рай» (1667): Кирни называет её «прагматической в самом вульгарном смысле этого слова», «обскурантистским утилитаризмом, враждебным всем исследованиям нерешённых проблем в изучении физического мира». В астрономии периода революции тоже не совсем ясно, на чьей стороне в космологической теории были сторонники парламента. Кирни считает, что библейски настроенные парламентарии были сторонниками того варианта компромисса в космологии между гелиоцентризмом и геоцентризмом, который был предложен датским астрономом Тихо Браге с тем, чтобы спасти буквальный смысл Библии¹²¹.

Тем не менее, по мнению Кирни, всё это не означает, что связь между развитием протестантизма и новой, опирающейся на индукцию и дедукцию, наукой XVII в. отсутствовала. Уже сам характерный для эпохи Реформации более критический подход к религиозным авторитетам создавал духовную атмосферу, предрасположенную к критическому подходу к догмам в науке. Но не следует проводить прямой связи между социально-экономическим развитием и историей науки, считает Кирни, так как революционные открытия в науке XVII в. были результатом, в сущности, умозрительных занятий и поначалу не имели практических применений¹²².

К. Хилл тоже впоследствии отмечал, что пуритане в целом не восприняли гелиоцентрическую теорию. Для пуритан текст Библии оставался авторитетным при решении астрономических вопросов. Главными препятствиями для принятия гелиоцентрической теории в астрономии было описание в Книге Бытия 1:16 солнца и луны как двух великих светил, и приказ Иисуса Навина солнцу остановиться в Книге Иисуса Навина 10:12¹²³.

Современные историки подчёркивают значительный удельный вес традиционных компонентов в мировоззрении пуритан. Д.М. Пэллизер считает, что «главной темой в пуританизме было индивидуальное спасение, а не изменения в светском обществе; экономическое учение пуританизма было в действительности консервативным... Интеллектуальный плюрализм и свобода произошли, в конечном счете, из столкновений пуритан и их противников, но такой результат совсем не входил в намерения пуритан, которые страстно верили в свою истину, достигнутую путем самостоятельного истолкования Библии. У пуритан было стремление к знанию, но оно было неглубоким и примечательно традиционным по содержанию. Такие же трудности встречаются при идентификации пу-

№ 28. — P. 95—96.

¹²¹ Ibid. — P. 97—98.

¹²² Kearney H. *Scholars and Gentlemen: Universities and Society in Pre-Industrial Britain.* — London, 1970.

¹²³ Хилл К. *Английская Библия и революция XVII века.* — М., 1998. — С. 37.

ританизма с «протестантским духом», с подъемом средних классов, предпринимательства, с ростом капитализма». Пэллизер считает, что буржуазия никогда не доминировала в Англии в начале нового времени, хотя справедливо и то, что пуританизм утверждался, прежде всего, в Лондоне и крупнейших городах¹²⁴.

Пэллизер полемизирует также с У.К. Джорданом, изучавшим благотворительность в Англии во второй половине XVI—начале XVII вв. и опубликовавшим несколько работ в конце 1950—начале 1960-х гг.¹²⁵ Джордан утверждал, что в 1560—1660 гг. произошел беспрецедентный рост объемов благотворительной деятельности, и важнейший импульс исходил в этом от пуритан. Пэллизер указал слабое место в аргументации Джордана — он не учитывал влияния происходившей в это время «революции цен». С учетом инфляции все выглядело бы гораздо скромнее — не случайно многие современники не заметили какого-либо роста благотворительности¹²⁶.

Современные британские исследователи пуританизма обычно критикуют тезис М. Вебера о том, что «протестантская этика» породила «дух капитализма». Х. Тревор-Роупер сочувственно упоминал точку зрения В. Зомбарта о том, что создателями современного капитализма были евреи-сефарды, которые в XVI в. перевели свои конторы из Лиссабона и Севильи в Гамбург и Амстердам, и привлекал внимание к проделанному Зомбартом анализу «духа капитализма» по еврейской этике Талмуда. Тревор-Роупер считал, что взглядам Вебера могут быть легко представлены контрдоводы: согласно концепции Вебера, быстро эволюционировать в капиталистическом направлении должна была, прежде всего, Шотландия с её залежами угля, и, главное, утвердившимся строгим кальвинизмом, а не Англия с её епископальным строем церкви, который пуритане считали немногим лучше папства. Из стран и городов, где утвердился кальвинизм, Амстердам, где широко распространилось арминианство, стал процветающим экономическим центром, а провинция Гельдерланд, где господствовал строгий кальвинизм, оставалась отсталым сельскохозяйственным районом. К тому же, если посмотреть на образ жизни предпринимателей-кальвинистов, аскетами их назвать трудно. Британский историк в итоге склонялся к выводу, что «кальвинизм, если и создавал и укреплял «дух капитализма», то влиял всё-таки как-то очень неопределенно»¹²⁷.

Продуктивные определения, отражающие те или иные грани пуританизма, принадлежат ещё нескольким исследователям. А. Симпсон считал, что сущностью пуританизма являлся внутренний опыт обращения,

¹²⁴ *Palliser D.M.* The Age of Elizabeth: England under the Later Tudors. 1547—1603. — London—New York, 1983. — P. 348.

¹²⁵ *Jordan W.K.* Philanthropy in England. — London, 1959; *Idem.* The Social Institutions of Lancashire. — Manchester, 1962; *Idem.* The Charities of London. — London, 1960; *Idem.* Social Institutions in Kent. — Ashford, 1961.

¹²⁶ *Palliser D.M.* The Age of Elizabeth: England under the Later Tudors, 1547—1603. — London—New York, 1983. — P. 347.

¹²⁷ *Trevor-Roper H.R.* Religion, the Reformation and Social Change. — London, 1967. P. 5—7, 14—15.

испытанный пуританином, наделяя его привилегиями и обязанностями избранного. Для пуританского сознания была характерна непоколебимая уверенность в себе — по словам П. Миллера, которого цитирует Симпсон, «невозможно представить себе разочарованного пуританина: вне зависимости от того, какие неудачи выпадают на его долю, несмотря на то, насколько часто и трагически его подводят соотечественники, пуританин готов к худшему и не ждёт лучшего»¹²⁸. В восприятии человека в рамках пуританского сознания обычно, в первую очередь, проявлялось недоверие к человеку: зная испорченность человеческой природы влиянием первородного греха, лучше быть осторожным.

П. Мак-Грат полагал, что в состав пуритан следует включить тех из числа реформаторски настроенных духовных лиц внутри церкви, кто оказался в конфликте с церковными властями по доктринальным или обрядовым причинам. Среди них, правда, не было полного согласия в том, чем именно следует заменить не устраивающие их порядки. К этому ядру движения следует прибавить также тех, кто испытывал различные степени симпатии к пуританским идеям¹²⁹.

У. Хант понимает под пуританизмом корпус мнений внутри английского протестантизма, характеризовавшийся интенсивной враждебностью к католической церкви как воплощению Антихриста; подчёркиванием роли проповеди и изучения Библии, а не ритуала как средства спасения; желанием навязать строгий моральный кодекс на общество в целом. Эти качества обычно сопровождалась, на его взгляд, агрессивной империалистической концепцией национального призвания Англии. Мнение о том, что Реформация сопровождалась и, более того, также питалась ростом национализма в Европе, разделяют многие историки. Ч. Джордж, говоря об этом, отмечает, что, в отличие от католиков, европейские протестанты не достигли сравнимого с ними единства действий в борьбе со своими религиозными противниками — протестантов разобщал национализм¹³⁰. Перечисленные особенности, считает Хант, не обязательно принадлежали только пуританам, но у них они проявлялись с наибольшей интенсивностью. Пуритане враждебно относились к традиционной народной культуре. Они придерживались теории предопределения. Характерная черта пуританина — вмешиваться в жизнь других с целью её исправления. Как пишет Хант, «человек безупречного личного поведения, который, тем не менее, не возражает пьянству соседа в воскресный день, или его блуду на сеновале — не пуританин. Пуританин, который думает только о личных делах — это противоречие в определении»¹³¹.

По мнению Л. Стоуна, сущность пуританизма заключается «в энтузиазме к моральному совершенствованию каждого аспекта жизни». Это

¹²⁸ Simpson A. Puritanism in Old and New England. — Chicago, 1955. — P. 114.

¹²⁹ McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 45.

¹³⁰ George C. H. George K. The Protestant Mind of the English Reformation, 1570—1640. — Princeton (N.J.), 1961. — P. 251.

¹³¹ Hunt W. The Puritan Moment. The Coming of Revolution in an English County. — Cambridge (Mass.)-London, 1983. — P. X, 146.

рвение выражалось в желании упростить службу в церкви, улучшить профессиональные качества священников, ограничить авторитет и богатство епископата, применять самые строгие принципы морали к церкви, обществу и государству. Говоря о распространении пуританизма в обществе, Стоун отмечал, что к нему тяготели некоторые представители знати, многие среди влиятельного джентри, некоторые крупные купцы, очень многие из мелких торговцев, ремесленников, владельцев торговых заведений, йоменов. Социальные корни пуританизма, считал Л. Стоун, всё еще не ясны, но в Англии, как и везде, существовала определенная связь между текстильной промышленностью и религиозным радикализмом. Особенно восприимчивы к религиозным влияниям радикального характера были ремесленники с сидячим характером труда, где разговор естественным образом сопровождает работу — это портные, обувные мастера и т.п.

Стоун считал, что применительно к джентри и знати экономические объяснения религиозных взглядов не убедительны. Землевладельческая элита в этот период отчаянно искала какое-либо новое моральное оправдание своему привилегированному существованию, которое могло бы заменить рыцарский идеал воина. Идеал общественного служения в системе управления был освящён пуританской концепцией призвания. Если бы только джентри могло убедить себя и других в своей избранности, его общественное положение получило бы дополнительное подкрепление. Наряду с этим, пуританская идеология, с её решительной анти-испанской позицией и её прославлением англичан как избранного народа, слилась с подъемом национализма, который значительно усилился из-за долго сохранявшейся угрозы испанского вторжения.

Стоун отмечает ещё один момент в характеристике пуританизма — вызревание конфликта между стремлением пресвитерианских священников быть руководящей моральной инстанцией в обществе и авторитетом их светских патронов, но этот конфликт открыто не проявил себя до 1640-х гг., когда был ликвидирован епископат. Пуританизм среди джентри, считал Л. Стоун, распространяли пуритански настроенные преподаватели университетов¹³². Как показали историки пуританизма, пуританские священники отнюдь не становились автоматически выразителями интересов тех светских лиц, от которых зависело их назначение в приходы — пуритане часто бичевали пороки, невзирая на лица. По словам П. Мак-Грата, «пуританское духовенство поставляло идеи и движущую силу пуританизма, и, хотя они опирались на поддержку светских патронов, они никогда не оказывались у них в кармане»¹³³.

Л. Стоун высказал также своё мнение о политических следствиях пуританизма. На его взгляд, их определить легче, чем причины возникновения и распространения пуританизма. Пуританизм обеспечил в ходе Англий-

¹³² Stone L. *The Causes of English Revolution, 1529—1642.* — London, 1972. — P. 99—100.

¹³³ McGrath P. *Papists and Puritans under Elizabeth I.* — London, 1967. — P. 382; Collinson P. *The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625.* — New York, 1982. — P. 96.

ской революции середины XVII в. чувство уверенности в правильности дела, за которое стояла оппозиция, помогало построить теоретическое оправдание вызова существовавшим порядкам. В связи с этим распространение и поддержка арминианства при Карле I, считал Стоун, имело политические причины, которые были ясны для современников — арминианство ослабляло кальвинистскую теорию предопределения и ту уверенность в своей правоте, которая была характерна для пуритан. Пуритане, заключал Стоун, могли быть консервативными в большинстве своих идей, но их стремление к строительству «Города на холме», Нового Иерусалима, могло быть мощным стимулом к радикальным изменениям¹³⁴.

Исследователи демонстрируют, как противоречиво сочетались в пуританизме консервативные и потенциально революционные черты. С одной стороны, пуританизм подрывал иерархическую концепцию общества, опираясь на кальвинистскую идею предопределения, но, с другой стороны, тем самым создавалась новая социальная градация¹³⁵. П. Коллинсон отметил, что выражением этой склонности пуритан к установлению новой общественной иерархии было их согласие с распределением мест в церкви в соответствии с заслугами и ролью в жизни прихода наиболее уважаемых прихожан¹³⁶. Историки отмечали, что выход на первый план в пуританизме тех идей, которые подрывали общественную иерархию, и уменьшение значения консервативных элементов пуританского мировоззрения требует объяснения. У. Ламонт связывал усиление революционных настроений в пуританской среде с влиянием миллениаризма, характерного для сепаратистских сект, и эта черта, на его взгляд, стала проявляться лишь в предреволюционные годы, а в XVI—начале XVII вв. большинство пуритан не были радикалами. Каких-либо причин светского характера, которые повлияли на усиление революционных тенденций в пуританизме, Ламонт не выделил¹³⁷.

Характерной чертой пуритан историки считают также их заряженность на борьбу за свои идеи. По словам У. Ханта, «отсутствие борьбы было для пуритан даже очень плохим знаком», так как избранные никогда не смогут примириться с положением дел в этом несовершенном мире¹³⁸. Но святой, избранный в пуританизме, в отличие от католицизма, не должен был сам искать страданий. Ч. Джордж отметил, что практика намеренного физического аскетизма пуританами осуждалась¹³⁹.

¹³⁴Stone L. The Causes of English Revolution, 1529—1642. — London, 1972. — P. 100—101.

¹³⁵Rose E. Cases of Conscience. Alternatives Open to Recusants and Puritans under Elizabeth I and James I. — Cambridge, 1975. — P. 214; Haller W. The Rise of Puritanism. — New York, 1947. — P. 178.

¹³⁶Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 189.

¹³⁷Lamont W.M. Puritanism as History and Historiography: Some Further Thoughts // Past and Present. — 1969. — № 44. — P. 135.

¹³⁸Hunt W. The Puritan Moment. The Coming of Revolution in an English County. — Cambridge (Mass.)-London, 1983. — P. 154.

¹³⁹George C. H. George K. The Protestant Mind of the English Reformation, 1570—1640. — Princeton (N.J.), 1961. — P. 110—112.

А.Дж. Диккенс считал невозможным рассматривать пуритан в их экономической деятельности как безжалостных предпринимателей, стремившихся к прибыли любой ценой — только на сравнительно поздней стадии существования пуританизма появилось некоторое количество пуритан, способных думать подобным образом. Пуританские убеждения восприняли многие деловые люди, но, по мнению А.Дж. Диккенса, если они религиозно осмыслили себя в качестве пуритан, это не означает, что их импульсы к деловой активности исходили из пуританизма. Как писал А. Дж. Диккенс, ведущими фигурами в мировой экономической жизни XVI в. ещё были банкиры-католики, а центрами, из которых исходили импульсы активности в деятельности мирового финансового капитала, были города, находившиеся в католических странах — Антверпен, Лион, Аугсбург, Генуя, Венеция.

Чарльз и Кэтрин Джордж также утверждали, что в 1570—1640 гг. пуританская мысль была полностью оппозиционной по отношению ко всему духу капиталистического предпринимательства: пуритане активнее, чем какая-либо другая религиозная группа, осуждали ростовщичество, проявления жадности в экономической деятельности, социальную несправедливость, и лишь с течением времени взгляды пуритан стали более терпимыми в отношении к окружавшим их явлениям капиталистической экономики. Пуритане были склонны объяснять проблемы светской жизни нарушением моральных норм теми, кто испытывал проблемы и совершал грехи в своей личной жизни¹⁴⁰.

А.Дж. Диккенс отмечал значительное и благотворное по характеру влияние пуританизма на английскую политическую культуру. Пуритане часто успешно основывали колонии, сопротивлялись авторитарным властям потому, что, по его мнению, в светских делах успешнее может действовать религиозно дисциплинированная личность, которую формировал пуританизм. Пуритане долго развивали идеи о свободе мысли и возможности свободной публикации произведений с изложением своих взглядов, выступали против произвольной власти монарха и церковных прелатов, так что Английскую революцию середины XVII в. можно рассматривать как логичную кульминацию в развитии этих идей. Но, считал А.Дж. Диккенс, не преуменьшая религиозные аспекты так называемой «пуританской революции», надо признать, по его мнению, огромную весомость и обоснованность светских причин этой революции¹⁴¹.

Рассуждая о социальной природе пуританизма, А.Дж. Диккенс отмечал, что пуританизм развивался преимущественно среди горожан, и для его восприятия была необходима некоторая образованность, вдумчивость. Пуританизм со временем формировал умы, страстно преданные гражданской и личной свободе, приучал человека опираться на свои силы. Несмотря на появление некоторых исключений, среди которых в наибольшей степени обратили на себя внимание левеллеры, пуритане, по

¹⁴⁰Ibid. — P. 144—173.

¹⁴¹Dickens A.G. The English Reformation. — London and Glasgow, 1973. — P. 432.

мнению А.Дж. Диккенса, редко разделяли и принимали идеи демократического эгалитаризма. При различиях в конкретном определении церкви пуритане считали, что церковь обладает сферой своих собственных властных полномочий, и характерным для пуритан было также анти-эраианство.

Пуританизм, как отмечал А.Дж. Диккенс, способствовал сближению менталитета и образа жизни между наиболее развитыми районами и тем, что называли «тёмными углами страны» — Западной Англией, Уэльсом, Севером. Лондонские купцы с пуританскими наклонностями, родившиеся в провинции, потом обычно стремились поддерживать на своей родине проповедников, школы, богоугодные заведения. Так что пуританизм, на первый взгляд, создавая религиозные несогласия и раскол, в другом и более глубоком смысле спланивал территорию и население страны¹⁴².

Ещё одна черта пуританизма состоит в том, что большинство, хотя и не все пуритане были склонны не доверять абстрактному знанию и научному любопытству. Хотя пуританизм поощрял независимость в интеллектуальной жизни и индивидуализм, А.Дж. Диккенс не был склонен увязывать пуританизм с научными и философскими достижениями XVII в. Стремление к образованности в пуританизме оставалось ограниченным по своей цели: пуритане стремились создать сообщество постоянно читающих Библию англичан и сформировать в стране высокообразованное духовенство.

Как считал А.Дж. Диккенс, пуританизм, контролируемый властями, прививал англичанам многие полезные качества, необходимые для развития личности. По его мнению, Елизавета была права в проведении религиозной политики, не дав пуританам монополизировать церковь Англии, но «Карл I напрасно разрешил группировке Лода создать контрмонополию пуританам»: пуританизм мог подавить стремление к умеренности, которое стало формироваться в англиканстве, и к тому же не все англичане были сторонниками такой насыщенной и дисциплинированной религиозной жизни, как пуритане.

По оценке А. Дж. Диккенса, по мере укоренения в стране протестантизма «английская культура и национальный характер эволюционировали в сторону утверждения в них стремления к творчеству и свободе, которые были несовместимы с женовским духом», то есть кальвинизмом. Если Реформация в итоге привела к духовной свободе, это было её медленным, побочным результатом, которого первоначальные поборники Реформации не предвидели и не желали. Пуритане вплоть до гражданской войны мало думали о религиозной терпимости в обществе, сохраняя непримиримым отношение к католикам. Став наследниками идей Кальвина, пуритане, писал А.Дж. Диккенс, упустили возможность того, чтобы воспользоваться более мягкой религиозной традицией в истории Реформации, представляемой Филиппом Меланхтоном¹⁴³.

¹⁴² Ibid. — P. 433.

¹⁴³ Ibid. — P. 196, 436.

Как писал А.Дж. Диккенс, при всей религиозной нетерпимости протестантов среди реформаторов изначально во взглядах Ульриха Цвингли (1484—1531), Филиппа Меланхтона (1497—1560), Мартина Буцера (1491—1551) и среди анабаптистов существовала более либеральная традиция, первым представителем которой в Англии, видимо, был один из первых английских протестантов начала 1530-х гг. Джон Фрит. Фрит утверждал, что ни одна интерпретация Евхаристии не может быть сделана обязательной, и когда также известный публицист Томас Старки во второй половине 1530-х гг. признал, что некоторые существовавшие в то время верования и обряды могут быть отнесены к категории *adiaphora*, с этого времени можно считать, что в сознании англичан начали прорастать первые проявления толерантности, получив далее в XVI в. некоторое развитие даже у протестантского апологета Джона Фокса. Реформация подрывала основания для религиозных преследований в перспективе уже тем, что была признана возможность существования многих церквей, и если власти где-то убеждались, что можно без угрозы для государства допускать религиозные свободы, в таких протестантских государствах эта свобода начинала укореняться¹⁴⁴.

Не обрел однозначного решения и вопрос о том, в каких социальных группах существовала наибольшая предрасположенность к восприятию пуританизма. Исследователи до сих пор не смогли выявить ясные классовые различия между сторонниками и противниками религиозных реформ в обществе. С одной стороны, П. Коллинсон отмечал связь пуританизма в некоторых городах с промышленной и торговой деятельностью, К. Хилл привлек внимание к тому, что существовали зоны распространения пуританизма в промышленных районах Йоркшира, Ланкашира — графств, которые были в целом отсталыми в экономическом развитии. Но П. Мак-Грат напоминает, что были такие города, и они составляли большинство, где пуританизм не имел большого успеха. По словам А.Дж. Диккенса, «можно резонно утверждать, что пуританизм процветал среди горожан ... но это справедливо в целом и при взгляде в ретроспективе, однако, спорно то, что эта характеристика может быть применена к Англии эпохи Елизаветы»¹⁴⁵.

Как считает П. Коллинсон, гипотезу о том, что пуританизм был религиозной склонностью формировавшейся буржуазии, трудно и подтвердить, и опровергнуть. Для иллюстрации трудностей в определении того, какие причины побуждают людей примкнуть к тому или иному религиозному течению, он приводит пример из собственной жизни: появившись на свет в 1929 г. и воспитываясь в бедном районе Северного Лондона в набожной евангелической семье (приверженцы близкой к пуританам низкой церкви, которые борются с ритуализмом в англиканской церкви), П. Коллинсон затрудняется найти ответ на вопрос о том, «какой же классовый предрассудок толкнул его родителей в это исповедание и привёл к тому, что он сам получил воспитание в домашнем уединении»¹⁴⁶.

¹⁴⁴ Ibid. — P. 438—440.

¹⁴⁵ Ibid. — P. 318.

¹⁴⁶ Collinson P. The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. — New York, 1988. — P. 152.

Интересные и важные выводы в изучении экономической обусловленности пуританизма сделал К. Хилл. Известно, какой популярностью во второй половине XVI—начале XVII вв. пользовались пуританские проповедники-лекторы. По мнению Хилла, для города, где регулярно действовал рынок, приглашение хорошего проповедника и создание лекторства было насущной экономической необходимостью, поскольку это привлекало покупателей на рынок¹⁴⁷. Лучшее специальное исследование лекторств в Англии этого периода принадлежит П. Зиверу¹⁴⁸. Суровость законодательства против бродяг Хилл объясняет ограниченностью национальных ресурсов, отсталостью экономической организации в Англии, особенно в организации труда. Он приводит описание ситуации с наймом рабочей силы у английского экономиста У. Петти (1623—1687): в те годы, когда урожай хороший, продукты питания стоят недорого, и бедных очень трудно привлечь на работу, а труд, соответственно, стоит в это время дорого. В раннее новое время преобладало мнение, что бедные, если их не подгоняет нужда и можно прокормиться с меньшими расходами, не пойдут наниматься на работу. Многие современники отмечали, что дела с организацией труда в Англии в это время обстояли не лучшим образом. В стране не хватало квалифицированных ремесленников — например, Виргинская компания приглашала на работу за океан голландцев, шведов, французов¹⁴⁹.

Борьбу пуритан за строгое соблюдение воскресного дня Хилл также пытается объяснять экономическими причинами — так задавался рабочий ритм недели, а регулярный отдых от физических занятий должен был способствовать сохранению и восстановлению рабочей силы. К тому же соблюдение воскресного дня освобождаяще действовало на рабочих, давало им возможность самосовершенствования, досуг, моральные силы, сохраняло человеческую личность¹⁵⁰.

Многие исследователи обсуждали вопрос о том, почему соблюдение воскресного дня заняло такое место в религиозной практике пуритан — ведь такого не было среди кальвинистов Женевы и в Нидерландах¹⁵¹. Свидетельства большого внимания к соблюдению воскресного дня исследователи находят также у англикан. Среди англиканских богословов существовало мнение, что Второе Пришествие Христа придется на воскресный день¹⁵².

Современники из числа противников пуритан объясняли их стремление организовать проведение воскресного дня с обязательным присутствием на проповеди тем, что такое средство помогало держать под кон-

¹⁴⁷ Hill C. *Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England*. — New York, 1967. — P.61—62.

¹⁴⁸ Seaver P. *The Puritan Lectureships. The Politics of Religious Dissent, 1560—1662*. — Stanford, 1970.

¹⁴⁹ Hill C. *Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England*. — New York, 1967. — P. 127.

¹⁵⁰ *Ibid.* — P. 178.

¹⁵¹ Collinson P. *The Beginnings of English Sabbatarianism // Studies in Church History / Ed. C.W. Dugmore and Charles Duggan*. — London, 1964. — P. 207—221.

¹⁵² Bayly L. *The Practice of Piety*. 3rd ed. — London, 1613. — P. 570—574.

тролем своих сторонников и соблюдать среди них дисциплину, при этом постоянно проводя в их среде пропаганду. Хотя это мнение, как считает Хилл, пристрастно и носит отпечаток партийной борьбы, такое объяснение имеет отношение к действительности. Необходимость соблюдения воскресного дня коренилась, как считает Хилл, в особенностях экономического развития Англии. В Нидерландах в этом не было необходимости потому, что после победы восставших власть и так перешла в руки фактических хозяев страны. В Англии же развивающийся капитализм нуждался в методичной переделке менталитета масс, особенно на отсталых окраинах, к тому же в условиях, когда средний класс не был политически преобладающим социальным фактором. Одним из способов достижения цели на этом пути и было соблюдение воскресного дня¹⁵³. Хилл ссылаясь на известного английского историка XIX в. С.Р. Гардинера, который писал, что каждый новый поднимающийся общественный класс нуждается в дисциплине, сплачивающей его сторонников. При этом дисциплину нельзя стимулировать развитием образованности, поскольку образованность чаще порождает не единство, а разность характеров и мнений — у религии тут несомненное преимущество в практическом плане. Пресвитерианская организация помогла средним классам сбросить иго феодалов и укрепить уверенность в себе у представителей более низких социальных типов, которые приобретали социальный опыт на уровне пресвитериев. Утверждение капиталистических отношений привело к росту материального благосостояния формировавшейся социальной группы предпринимателей, дисциплина стала излишней, но оставила неискоренимый отпечаток в образе мышления нации¹⁵⁴.

У Хилла нет особых сомнений в том, какова была социальная природа пресвитерианства, поскольку старосты в пресвитерианских общинах избирались из лиц состоятельных. Приходы управлялись своеобразными олигархиями, состоявшими из тех, кто мог дать приходу больше средств, так что в этом церковном строе видны материальные интересы тех, кто пытался доминировать в обществе. В целом же социальную ориентацию пуританизма К. Хилл характеризует следующим образом: «она соответствовала интересам непривилегированных трудолюбивых людей, которые стремились к большему политическому влиянию, но и не желали того, чтобы их «засосала» неограниченная демократия»¹⁵⁵.

К. Райтсон и Д. Левин, изучавшие поселение Терлинг, показали сложность социального характера пуританизма. Они отмечают, что местная группировка пуритан, называвшая себя “the godly” (благочестивые), включала в свой состав верхние и средние слои деревенского общества — у них сложилось сообщество нового типа, поскольку входившие в него лица не были связаны родством или долгим жительством в приходе. Местные пуритане проводили различие между «благочестивыми ис-

¹⁵³ Hill C. Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England. — New York, 1967. — P. 208.

¹⁵⁴ Ibid. — P. 221—222.

¹⁵⁵ Ibid. — P. 242, 383, 433, 465.

поведниками истинной религии» (“the godly professors”) и «невежественной и нечестивой массой». Эта группа конституировалась на основе ряда факторов: близкие религиозные убеждения, сходный социальный статус (принадлежность к процветавшей верхушке йоменства), решимость реформировать нравы представителей низших социальных групп в селе, численность которых заметно увеличилась. Но К. Райтсон и Д. Левин отмечают, что к пуританским идеям в определенной мере тянулись представители всех социальных слоев, и были бы поспешными выводами утверждения о том, что «пуританский евангелизм нес в себе разновидность классовой войны». Группировка “the godly” с самого начала включала в себя некоторых лиц скромного достатка, а в постреставрационный период во второй половине XVII в. привлекательность пуританской пропаганды стала возрастать, и видны признаки того, что пуританские ценности стали воспринимать представители практически всех социальных слоев в деревне¹⁵⁶.

К сторонникам точки зрения о том, что пуритане представляли интересы поднимающихся состоятельных социальных групп, относится также Д. Андердаун¹⁵⁷.

В XVI в., как выявлено, в английских городах происходил упадок ремесла, спад в торговле, ухудшились демографические показатели, не хватало средств для поддержания городского хозяйства, стало труднее найти людей на должности в городском управлении, поскольку это было связано, скорее, с расходами, чем с доходами. На фоне экономических проблем у горожан усиливалось внимание также и к морально-религиозным вопросам, чему способствовало влияние Реформации. Промышленность из-за сохранявшихся в городах цеховых и административных ограничений предпринимательства мигрировала в сельскую местность, в результате чего, как можно предполагать, городское влияние способствовало обращению сельской местности в протестантизм и сделало Англию протестантской страной. С утверждением протестантизма в Англии города всё чаще становились центрами его распространения, что установлено в отношении ряда городов — Лестера, Нориджа, Кингз Линна, Норгемптона, Гулля. Что касается углубления протестантизации Англии и развития пуританизма, то, как считает П. Коллинсон, он лучше распространялся в тех городах, где приходы были бедными и необеспеченными, и, напротив, там, где церковь была сильна, состоятельна, города и особенно те из них, где были кафедральные соборы, долго оставались бастионами религиозного консерватизма¹⁵⁸. В то время как начальный период Реформации, например, в городе Кентербери, можно связать с попытками средних классов продвинуться во власть и добиться участия в городском

¹⁵⁶ *Wrightson K., Levine D. Poverty and Piety in an English Village. Terling, 1525—1700.* — New York, 1979. — P. 159, 161.

¹⁵⁷ *Underdown D. Revel, Riot, and Rebellion: Popular Politics and Culture in England 1603—1660.* — Oxford, 1986. — Ch. 3 Cultural Conflict.

¹⁵⁸ *Collinson P. The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries.* — New York, 1988. — P. 40—41.

управлении, опираясь на необходимость проведения реформ новыми лицами¹⁵⁹, к концу XVI в. проявилось стремление городских олигархий использовать реформированную религию как инструмент социального контроля¹⁶⁰.

Пуританизм мог пустить корни даже не в самых крупных и экономически развитых городах — например, в пресловуто пуританском Бэнбери, рыночном городе в Оксфордшире, но основе чего появилась шутка: в Бэнбери повесили кота за то, что он, не соблюдая дня воскресного, убил в этот день мышь. В пьесе Бена Джонсона «Варфоломеевская ярмарка» булочник из Бэнбери забросил своё ремесло, потому что его булки ели на свадьбах, на праздниках майского шеста и прочих недостойных сборищах¹⁶¹.

Признаками укоренения пуританского влияния в городах П. Коллинсон считает основание лекторств, «пророчеств», «лекций в комбинации». Применительно к началу XVII в. выявлено 85 городов, где регулярно проводились «лекции в комбинации», но во многих других городах власти тоже интересовались устройством регулярных проповедей, и это влияние распространялось на сельскую местность. В Солсбери и Дорчестере около 1630 г. под влиянием проповедей священников было муниципализировано пивоварение, а вырученные средства шли на социальные нужды¹⁶².

М. Кнэппен писал, что «пуританизм процветал среди купцов, юристов, мелких землевладельцев», но высказывает также мнение, что пуританизм был «протестантским клерикализмом, системой, в которой организованная интеллигенция, с различными присоединившимися к ней социальными группами, играла роль старшего партнера. Когда светские лица взяли верх, пуританизм перестал быть пуританизмом». П. Мак-Грат, рассуждая на ту же тему, заявляет, что нет простого ответа на вопрос о том, почему одни из англичан при Елизавете были католиками, другие — пуританами, а кто-то принимал религиозное устройство, поддерживаемое королевой. Не стоит сбрасывать со счетов таких, кто примыкал к пуританам по нерелигиозным причинам, но «движение держалось на деятельности сравнительно небольшой группы людей с глубокими религиозными убеждениями, которые были настолько уверены в том, что они обладают истиной, что были готовы испытать серьёзные неудобства и опасности, но не отказывались от своих верований. Энергию и динамику пуританизму, в конечном счёте, придавало убеждение его твёрдых приверженцев в том, что они правы в жизненно важном вопросе — понимают отношения между Богом и человеком верно»¹⁶³. По утверждению А. Дж. Диккенса, «когда мы оставим наше стремление модернизировать и секуляризировать пуританизм, он остаётся упрямо религиозным фе-

¹⁵⁹ Clark P. English Provincial Society from the Reformation to the Revolution: Religion, Politics and Society in Kent, 1500—1640. — Hassocks, 1977. — P. 38—44.

¹⁶⁰ Collinson P. The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. — New York, 1988. — P. 56.

¹⁶¹ Ibid. — P. 136—138.

¹⁶² Ibid. — P. 42, 44—46.

¹⁶³ McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 382.

номеном. Рассматривая движение в целом, мы видим в сущности неотмирную религию, в которой доминируют не только почти болезненная чувствительность к вопросам морали, но и настоящее недоверие к развивающимся капиталистическим тенденциям¹⁶⁴.

А. Симпсон придерживался мнения, что «пуритан поддерживали самые разные социальные группы, недовольные существовавшим положением вещей: знать, борющаяся за привилегии при дворе, джентри, горожане, мелкие ремесленники, а в случае, когда усиливалась угроза со стороны папства, все англичане были более склонны к пониманию позиции пуритан. Настоящие пуритане всегда были меньшинством, но в обществе существовала масса недовольных, которые питали пуританизм»¹⁶⁵.

А. Симпсон попытался оценить вклад пуританизма в английскую политическую традицию. По его словам, пуритане испытывали недоверие к любой неограниченной власти, считая, что человек слишком грешное существо, чтобы ему доверять. Современники периода активности пуританского движения и позднее историки обратили внимание, что события середины XVII в., годы революции, вообще период Реформации привели к тому, что люди стали более рассудительными, и властям, священникам стало трудно навязать народу необоснованные мнения. Пуританизм развил в народе навыки самоуправления, внёс большой вклад в образование — для чтения Библии нужна была грамотность, и таким путем можно было попытаться узнать, принадлежишь ли ты к числу избранных. В пуританской морали, считает Симпсон, были и отталкивающие черты, но в целом неплохо иметь прививаемые пуританами привычки к честности, рассудительности, ответственности, трудолюбию. Вероятно, приобретательская энергия в период бурного развития капитализма в XIX в. произвела бы больше хаоса, если бы не было ограничивающего влияния пуританской морали. Пуритане усилили также моральный элемент в политике¹⁶⁶.

У. Халлер отмечал, что «деятельность пуританских проповедников многое меняла в жизни простых людей, которые под их влиянием собирались вместе, учились читать, обмениваться идеями и опытом, участвовать в дискуссии, самовыражаться. В центре внимания были проблемы личности, человек получал облегчение от коллективного их обсуждения, поскольку выяснялось, что эти проблемы являются общими»¹⁶⁷.

У. Хант попытался решить вопрос о социальной базе пуританизма, исследуя содержание проповедей пуританских священников. По его словам, «проповедники обращаются к респектабельным домовладельцам... Они ожидали, что большинство «святых» будут среднего достатка ... Метафоры и примеры привлекаются главным образом из мира торговли, бросается в глаза отсутствие образов из сельского и городского процессов труда. Но пуритане не принадлежали по преимуществу к какому-либо

¹⁶⁴ *Dickens A.G.* The English Reformation. — London, 1964. — P. 317, 319.

¹⁶⁵ *Simpson A.* Puritanism in Old and New England. — Chicago, 1955. — P. 11—12.

¹⁶⁶ *Ibid.* — P. 111—114.

¹⁶⁷ *Haller W.* The Rise of Puritanism. — New York, 1947. — P. 63.

общественному классу, их можно был обнаружить в любом социальном слое»¹⁶⁸.

По мнению Ханта, высказывания подавляющей части пуритан не напоминают ничего подобного «духу капитализма». Более того, многие из них делали всё, чтобы бороться с ним. В Англии начала XVII в., утверждает У. Хант, «этика разнузданного приобретательства принесла бы только разорение тому, кто был настолько глуп, чтобы следовать ей». Некоторые идеи в доктрине пуритан были, всё же, считает Хант, привлекательны более зажиточным людям. Пуритане осуждали неразборчивую благотворительность. Пуританские проповедники считали, что материальной помощи заслуживают только смиренные бедняки, составляющие меньшинство. У. Перкинс, известнейший пуританский проповедник, считал законодательство о бедных при Елизавете «в сущности, законодательством самого Бога». Исследователи отмечают, что требовательность пуританских проповедей раскалывала приходы. Пуритане порицали священников, если они панибратски обращались со своими прихожанами и не содействовали их религиозному наставлению. Социальным идеалом пуританских проповедников был не капитализм, считает Хант, а общество мелких независимых производителей¹⁶⁹.

Историками отмечены также и другие характерные черты проповедей пуританских священников в отличие от англикан, что может дополнительно характеризовать социальные корни пуританизма. Историки обращали внимание, что пуританские проповедники стремились к простому и ясному стилю в своих публичных выступлениях, что отражало реакцию против того стиля в проповедях, который становился всё более характерным для ортодоксальных англикан — усложнённого и витиеватого¹⁷⁰. Как показали историки, акцентирование значения проповеди пуританами способствовало распространению влияния пуританизма: по мнению М. Риза, «пуритане смогли изменить жизнь в Англии потому, что, несмотря на свою неудачу в изменении строя официальной англиканской церкви, им удалось захватить кафедру. В полуграмотный век это было эквивалентно тому, что даёт в современных условиях контроль за средствами массовой информации»¹⁷¹.

Во второй половине XVII в. современники, пытавшиеся анализировать происходившие события, полагали, что своими проповедями пуританские священники породили раскол в обществе и вызвали гражданскую войну — одно из проявившихся следствий обострения политической ситуации в данном случае принималось за причину. Гоббс, ссылаясь на цифру в 100 тысяч убитых в гражданской войне (такой пред-

¹⁶⁸ *Hunt W.* The Puritan Moment. The Coming of Revolution in an English County. — Cambridge (Mass.)-London, 1983. — P. 124.

¹⁶⁹ *Ibid.* — P. 136, 138.

¹⁷⁰ *Haller W.* The Rise of Puritanism. — New York, 1947. — P. 129, 131; *Hill C.* Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England. — New York, 1967. — P. 56.

¹⁷¹ *Reese M.M.* The Puritan Impulse. The English Revolution, 1559—1660. — London, 1975. — P. 23.

ставлялось в его время примерное число жертв), задавался вопросом: «Не было ли бы гораздо лучшим убить этих мятежных священников ещё до того, как они начали проповедовать? Признаю, что это была бы огромная бойня, но все равно меньшая, чем убийство 100 тысяч человек»¹⁷².

Свои нюансы в характеристику социальной базы пуританизма вносит также Р. Гривз. На его взгляд, «пуританизм имел семейную ориентацию» и был привлекательным для тех социальных групп и тех районов Англии, где семьи были крепкими, а поэтому пуритане имели поддержку в среде джентри, йоменов, средних слоев города и связанных с этими семьями слуг. Географически же позиции пуританизма были прочнее в районах пастбищного скотоводства, где жизненным центром была ферма. В тех районах, где центром жизни был манор, ещё были сильны традиции деревенского общинного уклада. Гривз считает, что пуританизм привлекал мелкое дворянство и средние слои своим пиетизмом, пропагандой грамотности, семейной ориентацией, а не как идеология, отражающая экономическое положение¹⁷³.

Как считает П. Коллинсон, существует связь между так называемыми открытыми приходом — сельскими поселениями, расположенными в лесных, пастбищных районах, где в экономической жизни стало проявляться влияние развивающегося ремесла, и склонностью таких районов к восприятию пуританизма, поскольку здесь формировались, говоря языком М. Вебера, «сообщества по выбору». Наоборот, в манориальных поселениях, где основной отраслью занятий было зерновое хозяйство, среда располагала к тому, чтобы здесь преобладало влияние англиканской церкви. Этот подход разделяет Д. Андердаун. Но, наряду с такой тенденцией и предрасположенностью, как отмечает П. Коллинсон, существовала масса исключений. Внимание к деталям, усложняющим общее представление об анализируемом явлении, в целом весьма характерно для британских историков. По словам исследователя религиозной истории Англии XVI—XVII вв. Дж. Горинга, он убеждён, что «настоящая история состоит из деталей»¹⁷⁴.

Р. Гривз охарактеризовал отношение пуритан к ростовщичеству. Даже в авторитетной для них Женевской Библии комментарии угрожали ростовщикам Божьим наказанием. Лишь преемник Кальвина в Женеве Теодор Беза стал занимать более терпимую позицию в вопросе о ростовщичестве, считая, что можно давать ссуду ради блага других, если это не разорительно для должника. В повседневной экономической жизни в Англии ростовщичество допускалось — парламентский статут 1571 г. фактически допускал ростовщичество до 10%, реально в 1570—80-е гг. ростовщики обычно требовали 20%, обходя закон. Самым существенным

¹⁷² Zaret D. *The Heavenly Contract. Ideology and Organization in Pre-Revolutionary Puritanism*. — Chicago-London, 1985. — P. 7.

¹⁷³ Greaves R.L. *Society and Religion in Elizabethan England*. — Minneapolis, 1981. — P. 740.

¹⁷⁴ Goring J. *Godly Exercises or the Devil's Dance? Puritanism and Popular Culture in Pre-Civil War England*. — London, 1983. — P. 23; Collinson P. *The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. — New York, 1988. — P. 154.

пуританским трактатом на эту тему было сочинение Майлса Мосса «Обвинение и осуждение ростовщичества». Позиция автора видна уже из заглавия, но при этом он допускал взимание процентов лишь в том случае, если кредитор готов разделять «и прибыли, и потери должника». По данным Гривза, пуританский священник Уильям Фулк в своих высказываниях конца 1580-х гг., вероятно, был первым пуританином, не возражавшим против умеренных процентов в займах, хотя и с оговоркой, что займы нуждающимся должны быть беспроцентными¹⁷⁵.

Связь пуританизма с явлениями социальной действительности в трудах британских историков выглядит скорее как взаимовлияние, а не односторонняя детерминация религии и идеологии какими-либо материальными факторами. Исследователи видят сложности в интерпретации влияния истории общества на историю идей. Социологические исследования на такие темы необходимы, но часто, по мнению Т. Рэбба, тем историкам, которые проводят анализ связи изменений в экономике с развитием науки и культуры, удастся описать лишь социально-экономическую трансформацию общества, а генезис развивавшихся в это же время духовных феноменов на самом деле остается нераскрытым¹⁷⁶.

Исследователи истории пуританизма предпринимали попытки понять взаимосвязь истории религии с изменениями в экономической жизни общества. Например, Д. Зарет выделяет социально-структурные, технические и культурные источники, способствовавшие появлению религиозного нонконформизма. Социально-структурные предпосылки заключаются в появлении и численном росте социальных групп, восприимчивых к критическим идеям в религиозной сфере. Коммерциализация аграрных сообществ создала в сельской местности такие же условия, в каких давно жили ремесленники и торговцы. Для них была характерна высокая степень экономической самостоятельности и практический склад мышления. Распространение новых экономических условий из городов в сельскую местность содействовало и Реформации, и росту пуританизма. Важнейшей технической предпосылкой было изобретение книгопечатания, а культурной — распространение критических и скептических идей. Для Зарета принципы пуританской теологии были «приобретательским индивидуализмом». Не трудно увидеть, что выявление этих предпосылок в определённой мере способно объяснить происхождение скорее Реформации в целом, чем прояснить причины появления именно пуританского движения¹⁷⁷.

Скрупулёзность пуритан в быту, в их религиозности, по мнению Д. Зарета, имела образцом условия экономических договоров, повседневную жизнь средних и низших слоев общества, зачастую заботившихся, пре-

¹⁷⁵ Greaves R. L. *Society and Religion in Elizabethan England*. — Minneapolis, 1981. — P. 596, 598, 610—611.

¹⁷⁶ Rabb T. K. *Religion and the Rise of Modern Science // Past and Present*. — 1965. — № 31. — P. 125.

¹⁷⁷ Zaret D. *The Heavenly Contract. Ideology and Organization in Pre-Revolutionary Puritanism*. — Chicago-London, 1985. — P. 11—12, 16.

жде всего, о выживании. Зарет обращает внимание на глубокое проникновение религиозных споров в общественную жизнь: бывали случаи, что из-за несогласия в религиозных убеждениях разрывались договоры между собственником земли и арендатором, а священников толкали к нонконформизму светские лица, ставшие более образованными, сидевшие на проповедях с Библией и делавшие заметки, побуждавшие самих пуританских пасторов к самосовершенствованию, отказу от напоминавших католицизм церемоний¹⁷⁸.

Исследователи отмечали двойственность отношения пуритан к политике правительства — с одной стороны, оно характеризовалось стремлением укрепить роль Англии в мире, усиливало английский национализм, с другой — стимулировало критику и требовательность в отношении действий властей¹⁷⁹.

М. Уолзер полемизировал с К. Марксом и его утверждениями о том, что репрессивное законодательство против бродяг в Англии XVI в. было направлено на подчинение социальных низов интересам капитала. Суть происходившего шире, утверждает Уолзер: это законодательство формировало личность, способную к самоконтролю и самоорганизации под влиянием требований времени. Часть этого процесса совершалась, конечно, и путем репрессий. Бродяги, разорявшиеся сельские жители, следовательно, попали под действие этих процессов, поскольку не были готовы стать «субъектами систематического самоконтроля» — жестокой иронии этих слов М. Уолзер, похоже, не чувствует. Он связывал распространение и укрепление пуританизма с признаваемым им подъёмом джентри и политическим укреплением палаты общин в XVI—XVII вв.¹⁸⁰.

Уолзер высказывал также своё мнение о социальной опоре пуританизма. В пуританизме, на его взгляд, всегда было что-то, характерное для простоты и прямоты сельского жителя. Это религия тех, кто недавно пришел в город, кому здесь нелегко, и дисциплина религиозной общины приучает их к новой жизни и стандартам поведения, укрепляет уверенность в себе¹⁸¹. Такие характеристики описывают, скорее, духовное состояние диссентеров и сектантов XVII—XVIII вв., чем пуритан XVI—начала XVII вв., хотя и раскрывают некоторые черты психологического облика представителей левого крыла пуританского движения.

Уолзер высказал и свое отношение к вопросу о связи пуританизма и либерализма: пуританизм был, по-видимому, одним из факторов, подготавливавших либерализм, но не был теоретическим вкладом в него. Пуритане, считавшие себя избранными, имели мало общего с терпимыми,

¹⁷⁸ Ibid. — P. 14, 56, 115, 116.

¹⁷⁹ Breslow M.A. A Mirror of England. English Puritan's Views of Foreign Nations (1618—1640). — Cambridge, 1970. — P. 167; Adams S.L. The Protestant Cause: Religious Alliance with the West European Calvinist Communities as a Political Issue in England, 1585—1630. — Oxford D. Phil. Thesis, 1973.

¹⁸⁰ Walzer M. The Revolution of the Saints. A Study in the Origins of Radical Politics. — Cambridge (Mass.), 1965. — P. 236, 243, 256.

¹⁸¹ Ibid. — P. 303.

уравновешенными либералами. Для полной победы либерализма и капитализма в западном обществе было необходимо как раз избавление от религиозного контроля и религиозных сомнений¹⁸².

Многие социальные следствия развития протестантизма и пуританизма, считают исследователи, были ненамеренными. П. Коллинсон замечает, что в выступлениях проповедников обычной мишенью критики были грехи, и лишь редко — социальные институты. При Эдуарде VI критике подвергались преимущественно социальные грехи, а при Якове I — прегрешения главным образом личного и морального характера. В этом можно увидеть свидетельство значительного смещения акцентов от первоначального внимания к интересам бедных к предубежденности по отношению к социальным низам в последующем, когда протестантизм стал более тесно связанным с социальным порядком и интересами социального контроля. Пуритане времени правления Елизаветы толковали учение об избранности и предопределении в смысле, который настраивал на расширительное толкование вопроса о численности избранных и не подчёркивали чрезмерно собственную исключительность, но в предреволюционные десятилетия XVII в. среди пуритан стала усиливаться мысль о том, что избранных к спасению — меньшинство. Такое понимание спасения, считает П. Коллинсон, отнюдь не было характерно только для крайних пуритан и сектантов. Эта идея духовной избранности усиливала духовную напряжённость, вызывала желание покинуть страну, население которой никак не избавлялось от своих недостатков, так что к началу гражданской войны англичане превратились в расколотую нацию¹⁸³.

Как считает П. Коллинсон, в Реформации прослеживается ещё также влияние движения, охватившего молодое поколение в борьбе со старшими, а также и стремление женщин к эмансипации и самоутверждению, и все эти стремления в Реформации переплелись¹⁸⁴.

Протестантизм, оставаясь патриархальным по характеру в понимании семейной жизни, всё же углубил, как считают, эмоциональность семейных отношений между супругами, родителями и детьми. В Англии под влиянием Реформации довольно скоро неженатые духовные лица стали исключением. К концу XIX в. в английском обществе сложилось убеждение, что английский идеал семейной жизни и привязанности к дому связан с пуританскими влияниями. Л. Стоун связал протестантизм, в равной мере и пуританизм, и англиканство, с появлением того, что он называл «строгая патриархальная нуклеарная семья» и со стремлением к тому, что можно назвать браком-дружбой, поскольку такой брак поощрял стремление к домовитости, семейным домашним добродетелям,

¹⁸² *Walzer M. The Revolution of the Saints. A Study in the Origins of Radical Politics. — Cambridge (Mass.), 1965. — P. 305—306; Seaver P.S. The Puritan Lectureships. The Politics of Religious Dissent, 1560—1662. — Stanford, 1970.*

¹⁸³ *Collinson P. The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. — New York, 1988. — P. 18—29; Idem. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 255.*

¹⁸⁴ *Collinson P. The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. — New York, 1988. — P. 36.*

что было, возможно, самым далеко идущим последствием Реформации в Англии, но эти вопросы легче изучать на примере социальных верхов¹⁸⁵. В то же время под влиянием кальвинистской доктрины избранности многих женщин в Англии охватывало отчаяние¹⁸⁶.

Р. Нокс писал, что история религиозного энтузиазма, развития активных форм протестантской религиозности — это в значительной степени история женской эмансипации¹⁸⁷. П. Коллинсон считает, что женщины с активной религиозностью не оспаривали намеренно своё место в жизни, а мужчины соглашались с возможностью активного поведения женщин в религиозных делах. П. Коллинсон сомневается также, нуждались ли женщины в XVI—XVII веках в эмансипации в современном смысле слова. Свидетельства этого времени, по мнению П. Коллинсона, демонстрируют, что женщины не были особенно притеснёнными. Можно отметить выдающуюся роль женщин в протестантском сообществе и в ортодоксальном, и в радикальном сектантском протестантизме середины XVII в. Большая по сравнению с мужчинами естественная склонность женщин к религии, хотя и не проверенная, и, возможно, трудно проверяемая опытным путем, была общим мнением современников. Предлагая объяснения этому, П. Коллинсон отмечает, что фрустрации, которые возникали у женщин в связи с их подчинённым положением, обострялись из-за психологических и физических последствий частого и, бывало, травматического деторождения, вели к сублимированным выходам в виде религиозного энтузиазма¹⁸⁸.

В отношении к детям в протестантской антропологии воспринятый у Августина пессимизм преподносил детей как склонных к воздействиям дьявола. Известный пуританин Джон Робинсон, отплывший в Америку на «Мэйфлауэре», полагал, что присущая детям по природе гордыня должна быть сломлена и выбита из них. Протестантские богословы обычно осуждали родителей за пренебрежение воспитанием детей. Некоторые историки считают, что суровость воспитания оказывала травмирующее влияние на ребенка, но есть и другие мнения: пуритане, в отличие от англичан викторианской эпохи, не превращали детство в период воспитания в сентиментальных фантазиях, а стремились к их религиозному обращению, помогали формироваться детям в том, что воспитывали их морально ответственными, способными лучше приспособиться к реальному миру взрослых: даже колыбельные песни не уводили ребенка в нереальный мир фантазий, но приучали детей к пониманию суровых забот по выживанию в мире¹⁸⁹. Но всё же есть также достаточно

¹⁸⁵ Houlbrooke R.A. *The English Family 1450—1700*. — London, 1984. — P. 5; Stone L. *The Family, Sex and Marriage in England, 1500—1800*. — London, 1977. — P. 141.

¹⁸⁶ Collinson P. *The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. — New York, 1988. — P. 74—76.

¹⁸⁷ Knox R. *Enthusiasm: A Chapter in the History of Religion*. — Oxford, 1950.

¹⁸⁸ Collinson P. *The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. — New York, 1988. P. 77.

¹⁸⁹ Sommerville J. *English Puritans and Children: A Social-Cultural Explanation // Journal of Psycho-History*. — 1978—79. — Vol. VI. — P. 113—137; Sloane W. *Children's Books in England and America in the Seventeenth Century*. — New York, 1955.

свидетельств, что отношения родителей и детей в Англии XVI—XVII вв. были очень тёплыми¹⁹⁰.

В 1980-е гг. был внесен большой вклад в изучение демографической истории западноевропейской семьи в целом и семьи в Англии в частности¹⁹¹. Эти работы анализируют в основном массовые явления. В результате было, в частности, выявлено, что малая нуклеарная семья, в отличие от предположений Ф. Энгельса, не была новацией XVI в. Уже в Книге Страшного суда 1086 г. малая, а не большая семья — норма.

Выявлены данные, что в XVI—XVII вв. не слишком высокой была также доля детей, рождённых вне брака, и лишь в XVIII в. она увеличилась с 3% до 5%. Исследователи предполагают, что раннее новое время было периодом жёсткой сексуальной репрессии, когда индивида убеждали, что сексуальность и создание семьи — это социальная функция, а не область индивидуальных фантазий. Средний размер семьи составлял, видимо, 5—7 человек. 15% женского населения оставались не замужем даже после отмены монашества¹⁹².

Влияние протестантизма в Англии, а также влияние посттридентского католицизма в Европе, как предполагают, привело к тому, что стали приходить в упадок светские общественные праздники, в том числе народные обычаи, связанные с формированием семьи, в результате чего образование семьи стало восприниматься как частное дело тех, кто имел к этому непосредственное отношение. Протестантские книги рекомендуемого поведения (*conduct books*) настаивали, что мужья должны любить жён, потому что об этом говорил Св. Павел, при этом отмечая, что любовь снисходит, а не восходит, так что жены, в свою очередь, должны были повиноваться своим мужьям и уважать их¹⁹³.

К. Дейвис¹⁹⁴ сомневается, появились ли после начала Реформации новые идеалы семьи. Сравнение постреформационных и предреформационных текстов на брачные темы показывает, как пишет К. Дэвис, «монотонное сходство советов на этот счет, которые, к тому же, были советами очень обобщённого характера». Пуритане настаивали на верховенстве мужчины в семье и на полном подчинении им жён, но это же утверждали те, кто писал на брачные темы накануне Реформации, и подобным же образом понимание брака как контракта тех, кто вступил в него по любви и

¹⁹⁰ Collinson P. *The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries.* — New York, 1988. — P. 78—79; Hanawalt B.H. *The Ties that Bound: Peasant Families in Medieval England.* — New York, 1986; Seaver P.S. *Wallington's World: A Puritan Artisan in Seventeenth Century London.* — Stanford, 1985. P. 87.

¹⁹¹ Anderson M. *Approaches to the History of the Western Family 1500—1914.* — London, 1980; Flinn M.W. *The European Demographic System 1500—1820.* — Brighton, 1981.

¹⁹² Collinson P. *The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries.* — New York, 1988. — P. 84; Hanawalt B.H. *The Ties that Bound: Peasant Families in Medieval England.* — New York, 1986. — P. 5.

¹⁹³ Collinson P. *The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries.* — New York, 1988. — P. 87—90.

¹⁹⁴ Davies K.M. *Continuity and Change in Literary Advice on Marriage // Marriage and Society: Studies in the Social History of Marriage / Ed. by R.B. Outhwaite.* — London, 1981. — P. 58—80.

согласию, появилось ещё до Реформации. В отношении к самому институту брака в позднем католицизме в литературе, адресованной самому католическому духовенству, поддерживался celibat, а в наставительной литературе для светских лиц брак оценивался более позитивно, но эти оценки неотличимы от протестантского подхода к браку. К. Дейвис склоняется к выводу, что после начала Реформации просто расширился поток публикаций на тему о браке, и в книгоиздании стали действовать рыночные факторы, так что протестантские книги рекомендуемого поведения (*conduct books*) не проповедовали идеи, которые были совершенно новыми¹⁹⁵.

М. Тодд высказывает мнение, что новые явления в понимании семьи надо искать не у пуритан, а у христианских гуманистов начала XVI в. Она связала представления пуритан о необходимости социального контроля и аскетизма не только с реформационными идеями, но и с влиянием реанимированного в эпоху Возрождения стоицизма¹⁹⁶. Она придерживается мнения, что около 1530 г. всё же стало распространяться новое понимание семьи, а К. Дейвис, подобно А. Макфарлейну¹⁹⁷, утверждает, что кардинальных изменений не происходило. Но изменения в семейных отношениях, высказывает своё мнение П. Коллинсон, не происходят резко, и отсюда, по его предположению, напрашивается также вывод, что протестантская Реформация в культурной истории Западной Европы представляла собой определенный континуум, а не совершенно новый этап. В эпоху Реформации активизировались размышления на темы, уже присутствовавшие в европейской культуре: о спасении, о вложении денег, возможно, также и на тему об общественной роли семьи, причём именно благодаря Реформации эти темы вышли на первый план и окончательно утвердились как важные для европейской культуры. В то же время исследователи рассматривают пуританизм как логическое продолжение протестантизма и результат полного внутреннего духовного усвоения тех выводов, которые из него следовали. Пуританизм имел признаки настоящей, а не навязанной сверху Реформации в Англии¹⁹⁸.

С началом Реформации проповедовались идеи о том, что все культурные проявления, народные песни должны быть религиозно окрашенными. Все учения и практики, искусство, не основывавшееся на Св. Писании, трактовались как ложь и ложная религия. Исследователи заявляли даже, что один из родоначальников английского протестантизма Уильям Тиндейл ненавидел литературу и больше всего, кроме католиков, ненавидел поэтов. В 1550-е гг. в народе были распространены антикатоличе-

¹⁹⁵ *Collinson P.* The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. — New York, 1988. — P. 90.

¹⁹⁶ *Todd M.* Humanists, Puritans and the Spiritualized Household // Church History. — 1980. — Vol. XLIX. — P. 18—34; *Idem.* Christian Humanism and the Puritan Social Order. — Cambridge University Press, 1987.

¹⁹⁷ *Macfarlane A.* The Family Life of Ralph Josselin, A Seventeenth-Century Clergyman. An Essay in Historical Anthropology. — Cambridge, 1970; *Idem.* Marriage and Love in England: Modes of Reproduction, 1300—1840. — Oxford, 1986.

¹⁹⁸ *Collinson P.* The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. — New York, 1988. P. 92—93.

ские песни, за которые в правление Марии Тюдор стали преследовать, и П. Коллинсон советует обратить внимание на это историкам-ревизионистам, которые утверждают, что в народе медленно и неохотно воспринимали реформационные идеи. Распространилась практика, когда на мотив популярной песни светского содержания сочинялась и распространялась песня духовного содержания, чтобы вытеснить первую. Первое и второе поколение английских протестантов ещё не испытывали враждебности к светской культуре и зрелищам как таковым и возражали лишь против того, что с их помощью распространяются папизм и предрассудки. В 1530—40-е гг. английский протестантизм не чувствовал противоречий с культурой улицы и с деятельностью пивных и виноторговцев. О Библии спорили в пивных, и протестанты даже заявляли, что участники таких споров сильно не напиваются. При Марии Тюдор протестанты тайно собирались в разных гостиницах в Лондоне, и перед проповедью в них свободно подавали и потребляли напитки, и только в дальнейшем протестанты стали чуждаться питейных заведений, осуждая даже товарищеские компанейские выпивки. Со времени около 1580 г. усилились нападки английских протестантов на светскую культуру, что особенно наглядно видно на примере театра. Началось также существенное (хотя и не ставшее полным) расхождение между светской и духовной музыкой.

Но впоследствии произошла интеграция английской культуры с этими протестантскими установками — английская культура изменилась вследствие воспринятых ею протестантских влияний. Под влиянием Реформации стал происходить переход от устной и визуально-образной культуры к культуре печатного слова, одним из выражений которого в религии стал выход на первый план проповеди вместо совершения таинств. К началу XVII в. театральные постановки по стране начали прекращаться властями. Актерам даже платили за то, чтобы они ушли из города, а граждан города штрафовали, если они куда-нибудь ходили на театральные представления. Для пуритан было грехом развешивание гирлянд на майских шестах, даже охота с ястребом, травля оленя, игра в шахматы, ношение локонов. Практически единственными формами признававшегося пуританами достойного проведения досуга были занятия стрельбой из лука и упражнениями, которые развивали военные умения¹⁹⁹.

По предположению П. Коллинсона, трудно отделаться от впечатления, что Кальвин с большим предубеждением относился к музыке, поскольку знал, что музыка оказывает огромное влияние на человеческие души и сердца, что ещё сильнее проявилось у кальвинистов и пуритан. Нападки пуритан на театр внезапно начались в 1577 г. Театры, с одной стороны, составляли определённую конкуренцию проповеднической кафедре, и в некоторой степени были угрозой для общественного порядка, но мотивы пуритан в их выступлениях против театра, по словам П. Коллинсона,

¹⁹⁹ Bone G.D. Tyndale and the English Language // Greenslade S.L. The Work of William Tyndale. — London, 1938. — P. 67; Collinson P. The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. — New York, 1988. — P. 95—97, 102—109.

«выглядят инстинктивными, даже сублимированными». Основными аргументами для осуждения театра у пуритан были критика драматических постановок как лжи, с особыми возражениями против трансвеститов в исполнении женских ролей мальчиками (в Ветхом Завете Второзаконие 22:5 бескомпромиссно осуждает трансвестизм); отвращение к непристойностям — к эротичности некоторых театральных сцен; обвинения в идолопоклонничестве тех, кто смотрел театральные зрелища. Пуритане особенно осуждали пьесы на религиозные темы. Постановка пьес на библейские темы стала незаконной после издания в 1605 г. Акта о богохульстве. В 1637 г. против театров опубликовал свое сочинение “*Histrio-mastix*” Уильям Принн, но до 1642 г. пуритане не могли закрыть театры, что фактически способствовало секуляризации английского театрального искусства²⁰⁰.

Примерно с 1580 г. протестанты в Англии с осуждением стали относиться также к изобразительным искусствам, подвергнув критике реалистические картины на религиозные сюжеты, а также баллады на религиозные темы. Издания Библии почти перестали сопровождать иллюстрациями, и стала даже хуже развиваться книжная иллюстрация в английской культуре, но издания книги Джона Фокса «Деяния и памятники английской церкви» в 1596, 1620 и 1632 гг. всё же были опубликованы с выполненными ранее прекрасными иллюстрациями. С 1600 г. в течение нескольких десятилетий протестантская Англия вышла на стадию, которую П. Коллинсон называет «иконофобией», когда отвергались все изображения на основе прямого следования второй библейской заповеди. В начале XVI в. в английской культуре существовала ситуация, когда человек из социальных низов в том случае, если оказывалось, что у него в собственности есть хотя бы одна книга (фактически любого содержания), попадал под подозрение в ереси лоллардизма. К 1600 г. сложилась ситуация, когда владелец картины (тоже практически на любую тему) мог быть заподозрен в принадлежности к католицизму, и большинство лиц даже в высших классах английского общества не имели картин и скульптур, не стало даже детских книг с картинками. Символику распятия в общественных местах заменили королевские гербы²⁰¹.

При Якове I и особенно Карле I, как отмечали историки, происходит некоторое возрождение изобразительного искусства под влиянием арминизма, а также программы повышения значения литургии в службе, которую проводил архиепископ Лод, так что можно утверждать, что лодизм имело определенную эстетику²⁰². Но кальвинизм всё же не убил образность в мышлении, даже если ставил это своей целью, и библейская образность достаточно широко распространилась в английском протестантском обществе, в том числе и у тех, кто оставался неграмотным, так

²⁰⁰ Collinson P. *The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries.* — New York, 1988. — P. 112.

²⁰¹ Ibid. — P. 117—118.

²⁰² Collinson P. *The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries.* — New York, 1988. — P. 119; Tyacke N. *Anti-Calvinists: the Rise of English Arminianism c. 1590—1640.* — Oxford, 1987.

что в протестантском обществе П. Коллинсон не находит культурного барьера между социальными верхами и низами. Протестантская религиозность стала в конце XVI в. утверждаться и в армии, где проповеди и пение псалмов были введены ещё до Английской революции середины XVII в.²⁰³

Пуритане стремились все важнейшие социальные связи устанавливать в кругу тех, кого считали достойными. Шедший в Англии религиозно-культурный конфликт, как считает П. Коллинсон, даже с большим основанием можно называть религиозной войной, чем религиозные войны на континенте, так как на континенте в религиозные войны вплеталось много мотивов, а неприятие англичанами друг друга происходило именно по религиозным мотивам, когда раскалывались приходы, и люди не общались друг с другом по религиозным причинам. В то же время пуритане сохраняли определенный компромисс с теми, кого называли «плёнными плотью» и «безбожными»²⁰⁴.

Достижение пуританами своих целей было затруднено тем, что разделявшие их идеи лица лишь в некоторых районах Англии имели власть только на местном уровне. Даже когда пуритане после окончания военных действий в гражданской войне явно получили власть в стране, они не нашли эффективного средства, чтобы навязать свою волю и манеры поведения всему населению страны, поскольку исчезли общая церковная дисциплина и церковные суды. Некоторые общины, в которых преобладали пуритане, в таких условиях приняли решение ограничить допуск к причастию, поскольку достойные причастия составляли меньшинство во всех общинах. После реставрации Стюартов в 1660 г. такие группы избранных часто были вынуждены уйти в более или менее отчужденный конформизм. Дальнейшее развитие английского протестантизма принесло такое плюралистическое разнообразие, которого английские протестанты не хотели и не ожидали. Его продуктами стали установленная церковь, неконформизм диссентеров и английский католицизм²⁰⁵.

По мнению Дж. Горинга, можно утверждать, что на рубеже XVI—XVII вв. начинается разрыв между народными праздниками и жизнью приходской церкви. Иногда народные праздники исчезали по чисто экономическим причинам — по мере роста цен дорожали еда и напитки, и расходы на их проведение не окупались. Но в XVII в. всё же народные праздники отмирали не только по экономическим причинам, поскольку многим англичанам они теперь определённо не нравились. С 1580-х гг. против распространённых в народе форм проведения досуга начало кампанию духовенство, осуждая, например, игру в футбол, поскольку она нередко оборачивалась «дракой в дружеской форме»²⁰⁶. Некоторые историки

²⁰³ *Collinson P. The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries.* — New York, 1988. — P. 121, 148, 130.

²⁰⁴ *Ibid.* — P. 149.

²⁰⁵ *Collinson P. The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries.* — New York, 1988. — P. 154; *Lamont W. Richard Baxter and the Millenium: Protestant Imperialism and the English Revolution.* — London, 1979.

²⁰⁶ *Stubbes P. Anatomy of Abuses / Ed. by F.J. Furnivall.* — London, 1877—1879. — P. 184.

утверждали, что, в то время как спорт оставался популярным среди представителей социальных низов, более состоятельные люди, имевшие деловые интересы и собственность, которая могла пострадать от буйных форм народного отдыха, относились к этой форме проведения времени без энтузиазма и были озабочены, прежде всего, поддержанием общественного порядка²⁰⁷. Исследователи в то же время обращают внимание на то, что отношение более состоятельных социальных групп к народной культуре всё же не было однозначно осуждающим: например, в Лидсе против запрещения праздников выступали наиболее состоятельные ремесленники и торговцы в городе, в городе Стратфорде за сохранение праздников высказывались местные джентльмены, йомены, состоятельные ремесленники²⁰⁸. Дж. Горинг придерживается мнения, что не следует, как К. Хилл, считать, что низшие классы рассматривали возможность потанцевать у майского шеста как символ своей независимости от социальных верхов²⁰⁹. П. Коллинсон пишет, что рассмотрение подавления народных форм проведения досуга как проявления классовой борьбы означает признание появления ещё в начальный период раннего нового времени пока не существовавшей реально острой степени поляризации в английской культуре, поскольку «невозможно утверждать, что выпивка в это время доставляла удовольствие только представителям социальных низов, или только дети бедняков любили предаваться шумным играм по воскресеньям»²¹⁰.

Первым случаем сноса пуритански настроенными лицами майского шеста, как считает Дж. Горинг, было происшествие 14 мая 1572 г. в Уорблtone, приходе в вересковых полях Суссекса. Вообще же первый известный случай сноса майского шеста протестантами произошел в Лондоне в 1549 г. после проповеди против идолопоклонства, произнесенной у собора Св. Павла. При этом трудности для пуритан представлял текст из Книги Экклезиаста, в котором говорилось, что есть время для скорби и есть время для танца. Фактически среди духовенства в Англии было немало тех, кто защищал танцы²¹¹.

Специалисты по исторической демографии утверждают, что подавление майских шестов не было действенным способом уменьшения количества рождавшихся внебрачных детей, но в XVI—XVII вв. люди обычно думали, что танцы вокруг майского шеста способствуют внебрачным связям²¹². Те, кто участвовал в народных празднествах, по мнению пури-

²⁰⁷ Clark P. *English Provincial Society from the Reformation to the Revolution: Religion, Politics and Society in Kent, 1500—1640*. — Hassocks, 1977. — P. 155—157, 175—177.

²⁰⁸ Fripp E.I. *Shakespeare, Man and Artist*. — Oxford, 1938. — P. 841—842.

²⁰⁹ Hill C. *Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England*. — London, 1964. — P. 184.

²¹⁰ Collinson P. *Cranbrook and the Fletchers // Reformation Principle and Practice / Ed. by P.N. Brooks*. — London, 1980. — P. 182; *Idem*. *The Beginnings of English Sabbatarianism // Studies in Church History / Ed. by C.W. Dugmore, C. Duggan*. — London, 1964. — Vol. I. — P. 207—221.

²¹¹ Goring J. *Godly Exercises or the Devil's Dance? Puritanism and Popular Culture in Pre-Civil War England*. — London, 1980. — P. 24; *Idem*. *The Reformation of the Ministry in Elizabethan Sussex // JEH*. — 1983. — Vol. XXXIV. — P. 345—366.

²¹² Laslett P. *Oosterveen K. Long-Term Trends in Bastardy in England // Population Studies*. — 1973. — Vol. XXVII. — P. 259.

тан, нарушали четвертую и седьмую заповеди (обязательное посещение церкви по воскресеньям и запрет внебрачных связей), а то и сразу все Десять заповедей. У современников также появилось ощущение, что те, кто уделяет время участию в таких праздниках, тратит время впустую, изнуряет силы, а на те средства, которые идут на театральные представления, лучше накормить нищих. Стали даже жалеть брать хорошие деревья для использования их в качестве майских шестов, чтобы уберечь лес. Оправданием к существованию народных развлечений было то, что они поддерживали дух товарищества и добрые отношения между жителями одного поселения. К 1630-м гг. лозунг о необходимости сохранения добрососедства стал способом сплочения защитников народных традиций от давления со стороны пуритан²¹³.

Опираясь на материалы церковных визитаций, историки установили, что среди церковных должностных лиц тоже были противники наиболее буйных проявлений народной культуры. Первым начал кампанию против народных развлечений с 1571 г. архиепископ Гриндел в Йоркской церковной провинции, а в 1580-х гг. его примеру последовали епископы Честера, Чичестера, Ковентри и Личфилда, Герефорда и Линкольна²¹⁴. Современники также связывали распространение народных празднеств в разных районах Англии с влиянием католицизма в этих районах и считали, что католики поощряют эти празднества, но некоторые из числа католиков, испытавших влияние посттридентского католицизма, были также враждебно настроены по отношению к народным традициям, как и самые ярые протестанты²¹⁵.

Оценивая понимание пуританизма в современной британской историографии, можно заключить, что историкам удалось дать его многостороннюю характеристику. Выявлены, исследованы различные аспекты пуританизма. Существующие разногласия можно объяснить сложностью предмета исследования, противоречивостью самого явления, и даже сам разброс мнений в попытках определения пуританизма, как представляется, имеет познавательное значение. По утверждению Дж. Моргана, «пуританизм — понятие широкое и несистематичное»²¹⁶.

Предметом дискуссий остаются причины начала пуританского движения и его характер. Если в изучении английской Реформации и разрыва Генриха VIII с Римом выявлены политические, религиозные, экономические предпосылки и причины развернувшихся в стране религиозно-политических процессов, труднее выявить какие-либо факторы, кроме

²¹³ *Goring J.* Godly Exercises or the Devil's Dance? Puritanism and Popular Culture in Pre-Civil War England. — London, 1983. — P. 13—16.

²¹⁴ *Visitation Articles and Injunctions Alcuin Club Collections / Ed. by W.P.M. Kennedy.* Vol. XVI. — London, 1910. — Vol. III. — P. 271; *Kennedy W.P.M.* Elizabethan Episcopal Administration. Alcuin Club Collections. Vol. XXV-XXVII. — London, 1924. — Vol. II. — P. 110. — Vol. III. — P. 166, 194, 220, 228.

²¹⁵ *Goring J.* Godly Exercises or the Devil's Dance? Puritanism and Popular Culture in Pre-Civil War England. — London, 1983. — P. 19.

²¹⁶ *Morgan J.* Godly Learning: Puritan Attitudes towards Reason, Learning and Education, 1560—1640. — Cambridge, 1986. — P. 44.

религиозных, которые способствовали возникновению пуританского движения в Англии, поскольку в 1560-е гг. небольшая группа духовенства церкви Англии выразила несогласие с доктринальной и обрядовой стороной англиканской церкви, испытав идейное влияние европейской Реформации, без явных причин другого порядка. В момент своего выступления они не имели никаких влиятельных светских покровителей. Лишь в дальнейшем были попытки использовать пуританские требования, как отмечали исследователи, для нового раздела имущества церкви, но к этому пуританское движение не сводилось.

Лучше изучены социальные факторы, влиявшие на пуританское движение после его возникновения, особенно на пресвитерианской стадии, но и здесь исследователи демонстрируют скорее неоднозначность социальной природы пуританизма, чем дают определённые ответы на этот вопрос. Фактически рассуждения британских историков о социальной природе пуританизма подводят к выводу, что, однажды возникнув при тех или иных обстоятельствах, религиозные идеи объективируются, приобретают способность существовать как определенный интеллектуальный капитал, привлекаемый затем различными социальными группами для обоснования своих позиций в зависимости от своих текущих потребностей. Британские историки находят адептов пуританских идей практически во всех социальных группах английского общества XVI—XVII вв. и обращают внимание на то, что пуританские проповедники всегда обращались к человеку как таковому, а не к носителю того или иного социального статуса.

В то же время в современной британской историографии преобладает мнение, что в относительно большей мере пуританизм соответствовал материальным и политическим интересам формировавшегося в ходе становления и утверждения капитализма предпринимательского класса. Что касается экономического, политического, культурного влияния пуританизма, то, согласно представлениям исследователей, воздействие пуританских идей на эти сферы общественной жизни было по большей части его непреднамеренными следствиями.

§2. Проблемы формирования пуританизма в современной британской историографии

Проблемы, связанные с формированием пуританизма — важная составная часть его изучения. Современные британские исследователи пуританизма не предлагают однозначной и фиксированной периодизации пуританского движения в Англии в XVI—начале XVII вв. Из отечественных историков специальное внимание этому вопросу уделил А.В. Исаенко. Он предлагает следующую периодизацию пуританского движения, выделяя в нём три этапа: 1. 1556—1574 гг. 2. 1574—1589 гг. 3. 1589—1604 гг.²¹⁷. А.В. Исаенко отмечает, что в британской и американской историографии распространено мнение о начале пуританского движения в 1520—30-е гг., поскольку уже в это время в Англии в религиозных и интеллектуальных кругах появляются лица, сначала заинтересовавшиеся идеями европейской Реформации, а затем ставшие выражать недовольство тем, какой ход и облик приняла английская королевская Реформация. В действиях и высказываниях сторонников дальнейших религиозных реформ в Англии в 1530—40-х гг. видны требования и методы действий, характерные для будущего пуританского движения, что особенно проявилось в период правления Эдуарда VI (1547—1553).

А.В. Исаенко предлагает считать началом пуританского движения в Англии основание эмигрантами-англичанами в Женеве английской кальвинистской общины 1 ноября 1555 г., что может быть обосновано²¹⁸, но следует также учитывать, что изучение требований радикализации Реформации, выдвигавшихся английскими духовными лицами уже в 1530—40-е гг., позволяет полнее проследить генеалогию последующих характерных черт и лозунгов пуританского движения. Окончание первого этапа пуританского движения А.В. Исаенко относит к 1574 г. Но ещё раньше, с 1570—1571 гг., пуританское движение начинает приобретать новое качество в связи с выдвиганием и формулировкой планов по замене епископального строя церкви пресвитерианским. Пресвитерианское движение было разгромлено церковными и светскими властями и прекратило активное существование в 1590—1591 гг. На третьем этапе своего развития пуританское движение отходит от планов переустройства церковной организации и обращается к разработке проблем пастырского служения, поиску путей спасения, борьбы с грехом, то есть из-за усилившегося давления властей теряет политизированный характер.

²¹⁷ Исаенко А.В. Пуританское движение в Англии в XVI—начале XVII вв. Дис... канд. ист. наук. — М., 1975.

²¹⁸ Исаенко А.В. Пуританское движение в Англии в XVI—начале XVII вв. Дис... канд. ист. наук. — М., 1975. — С. 164; Walzer M. The Revolution of the Saints: A Study in the Origins of Radical Politics. — Cambridge (Mass.), 1965; Knappen M.M. Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism. — Chicago, 1939.

Периодизацию пуританского движения никто из британских историков в своих работах прямо не предлагал, но её можно сформулировать на основе того, какие события и даты рассматриваются ими как важные рубежи в развитии пуританского движения в XVI—начале XVII вв. Построенная на основании этого периодизация отличается от той, что предложена А.В. Исаенко. Важнейшими рубежами в ней являются следующие даты: 1 этап — 1520—40-е гг.—1570/71 гг.; 2 этап — 1570/71 гг.—1590/91 гг. (его окончание связано с судом над лидерами пресвитерианского движения, которые вышли на свободу к весне 1592 г.); 3 этап — 1590-е гг.—1604 г. После конференции в Хэмптон Корт в январе 1604 г. с участием Якова I, епископов и пуритан окончательно были развеяны надежды пуритан на помощь в деле проведения реформ со стороны монарха. Стало также ясно, что монарх и конформистское руководство церкви Англии не пойдут на ликвидацию епископального строя управления церковью. К тому же деятельность пуритан после 1604 г. перестала быть движением для достижения такой цели, которая была бы единой для всех сторонников дальнейших реформ.

Как отмечали еще английские историки XVIII—XIX вв., многие события 1520—30-х гг. показательны по своим идеям и методам действий для дальнейшего пуританского движения²¹⁹. Важной предпосылкой возникновения пуританского движения было появление в эти десятилетия английской религиозной эмиграции на европейском континенте. В её среде была подготовлена и в 1526 г. усилиями главным образом У. Тиндейла отпечатана Библия на английском языке, которая была переводом Нового Завета. Эмигранты способствовали тому, что после начала английской королевской Реформации почва для распространения реформационных идей в Англии стала более восприимчивой, отправляли в Англию контрабандой религиозную литературу европейской Реформации. Важным было и то, что английские духовные лица в эмиграции познакомились с порядками в европейских реформированных церквях, испытав особое влияние со стороны цвинглианства и кальвинизма. В результате эмигранты-англичане превратились в группу, которая имела собственное мнение по религиозным вопросам и уже не встречала безоговорочно и послушно решения, принимавшиеся на этот счет английскими властями. По мнению исследователей, эта ориентация на европейские образцы в Реформации и была одним из движущих стимулов в возникновении пуританского движения²²⁰.

²¹⁹ Neal D. *The History of the Puritans, or, Protestant Nonconformists from the Reformation in 1517 to the Revolution in 1688.* — London, 1822. — Vol. 1—5; Hopkins S. *The Puritans and Church, Court and Parliament of England during the Reigns of Edward VI and Queen Elizabeth.* — London, 1860. — Vol. 1—3; Marsden J. *The History of the Early Puritans from the Reformation to the Opening of the Civil War in 1642.* — London, 1860.

²²⁰ Brigden S. *London and the Reformation.* — Oxford, 1989; Collinson P. *Archbishop Grindal, 1519—1583. The Struggle for a Reformed Church.* — London, 1979; *Idem.* *English Puritanism.* — London, 1984; Daniell D. *William Tyndale: A Biography.* — New Haven, 1994; Davies C.S.L. *Peace, Print and Protestantism, 1450—1558.* — London, 1976; Dickens A.G. *The English Reformation.* — London, 1973; Garrett Ch.H. *The Marian Exiles. A Study in the Origins of Elizabethan Puritanism.* — Cambridge, 1938; Grell O.P. *Calvinist Exiles in Tudor and Stuart England.* — Aldershot, 1996.

При таком объяснении важнейшим фактором возникновения пуританского движения становятся идейно-религиозные влияния. Историками отмечается и то, что эмигрантам в перевозке контрабандной протестантской литературы помогали английские купцы, то есть предприниматели рано проявили интерес к новым религиозным идеям. Антицерковные настроения в среде торговцев стимулировались тем, что их доходы, трудно поддающиеся контролю, церковные власти пытались обложить десятиной. Купцы имели широкие контакты в германской лютеранской среде, и сами становились адептами новых религиозных веяний. Эта объяснительная схема происхождения пуританского движения типична для представителей либерального направления в изучении Реформации.

Среди английских эмигрантов 1520—30-х гг. историками отмечена личная роль в распространении идей Реформации Уильяма Тиндейла (1494—1536), ученика английского гуманиста Джона Колета. Тиндейл испытал влияние гуманистической традиции в критике текстов Св. Писания²²¹. Именно он был инициатором подготовки английского перевода Нового Завета, без благословения своего епископа приступив к этой работе, уехав в Германию. Действия в таком духе — характерная черта поведения будущих пуритан по отношению к церковным властям²²². Высказывалось мнение, что Тиндейл был не оригинальным мыслителем, а только переводчиком, на которого повлияли идеи Лютера, но в его мировоззрении выделяют идею ковенанта (договора) человека с Богом, повлиявшую на богословскую доктрину английских пуритан и разрабатывавшуюся впоследствии в английском кальвинизме²²³.

Британские историки ещё в первой половине XX в. утвердились во мнении, что актом разрыва с Римом Генриху VIII удалось решить комплекс важнейших задач, связанных со становлением национального государства²²⁴. А.Ф. Поллард развивал понимание Реформации в контексте английской национальной истории, считая, что «невозможно понять историю данной эпохи, если рассматривать её исключительно с богословской точки зрения, потому как вряд ли религия придала форму национальному характеру, скорее, национальность сформировала религию»²²⁵. Однако, учитывая светские, политические мотивы, влиявшие на религиозную ситуацию, британские историки решительно возражали сведению сущности событий только к действию секулярных факторов. Типично в этом отношении мнение Г.В.О. Вудворда, который, говоря о Реформации в целом, утверждал: «движение было, несмотря ни на что, главным образом религиозным. На религиозное движение могли влиять и направлять

²²¹ O'Day R. The Debate on the English Reformation. — London — New York, 1986. — P. 7.

²²² Knappen M.M. William Tyndale — First English Puritan // Church History. — 1936. — № 5; Mozley J.F. William Tyndale. — London, 1937; Daniell D. William Tyndale: A Biography. — New Haven, 1994.

²²³ Kendall R.T. Calvin and English Calvinism to 1649. — Oxford, 1979.

²²⁴ Powicke F.M. The Reformation in England. — London and New York, 1941. — P. 53.

²²⁵ Pollard A.F. Thomas Cranmer and the English Reformation (1489—1556). — London, 1926. — P. 224.

его к определенным целям люди, в которых было мало религиозного, но признание этого не означает отрицания существования религиозного движения как такового»²²⁶.

Историки-ревизионисты в 1980—90-е гг. отмечали, что большинство населения в Англии накануне Реформации придерживалось ортодоксальной религиозной практики до тех пор, пока она признавалась легальной. Не только ревизионисты, но также и либеральные историки озадачены тем, с какой готовностью в начале Реформации англичане оставили свои религиозные верования, которые были для них, судя по всему, полны значимости и даже дороги. П. Коллинсон приводит сравнение закрытия монастырей с современностью: «это примерно то же самое, что закрыть и продать хосписы, а выручку пустить на повышение жалованья членам кабинета министров». Коллинсон обращает внимание на то, что сторонники радикальных реформ в церкви Англии появились ещё до начала организованного пуританского движения: когда в начале 1540-х гг. Генрих VIII ужесточил отношение к сторонникам дальнейшей Реформации, в Лондоне было временно арестовано около 500 человек явных протестантов, которые неуважительно относились к Святым Дарам, читали в церкви Библию и отличались иконоборческими наклонностями²²⁷.

Р. Мэннинг различает в ходе Реформации в Англии 1) официальную Реформацию при Генрихе VIII, которая разорвала с Римом и создала королевское верховенство из чисто политических соображений; 2) богословскую Реформацию, которая началась при Генрихе VIII, но не получила развития до времени Эдуарда VI; 3) народную Реформацию, которая началась с усвоением протестантских идей народом²²⁸. Действия самой королевской власти, считает Р. Мэннинг, спровоцировали формирование мнения, что даже в области религии нет вещей раз и навсегда установленных, так что пуританизм, в известном смысле, был следствием первоначальных религиозных реформ. По словам Р. О'Дей, стала распространяться идея о том, что английская Реформация — не просто единовременный акт, а процесс²²⁹.

Как отмечают исследователи, англичане, знакомые с доктриной, системой управления, практикой европейских реформированных церквей, могли испытать лишь чувство, близкое к негодованию, при знакомстве с тем, какие результаты дала религиозная реформа в Англии²³⁰. Англий-

²²⁶ Woodward G.W.O. *Reformation and Resurgence England in the 16th Century, 1485—1603*. — New York, 1968. — P. 89.

²²⁷ Collinson P. *The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. — New York, 1988. — P. 38—40.

²²⁸ Manning B.R. *Religion and Society in Elizabethan Sussex. A Study of the Enforcement of the Religious Settlement, 1558—1603*. — Leicester University Press, 1969. — P. XIII.

²²⁹ O'Day R. *The Debate on the English Reformation*. — London-New York, 1986. — P. 1,2.

²³⁰ Brigden S. *London and the Reformation*. — Oxford, 1989; Chadwick O. *The Reformation*. — London, 1964; Dickens A.G. *Thomas Cromwell and the English Reformation*. — New York, 1969; Elton G.R. *Reform and Reformation: England, 1509—1558*. — Cambridge, 1977; Lehmberg S.E. *The Reformation Parliament, 1529—1536*. — Cambridge, 1970; Parker T.M. *The English Reformation to 1558*. — London, 1950; Pill D.H. *The English Reformation, 1529—1558*. — London, 1973; Scarisbrick J.J. *The Reformation and the English People*. — Oxford, 1984; Youings J. *The Dissolution of the Monasteries*. — London-New York, 1971.

ский церковный историк середины XVII в. Томас Фуллер сохранил известия о том, что среди духовенства в середине 1530-х гг. образовалась группа радикально настроенных священников, добивавшихся уничтожения остатков католицизма в доктрине и обрядности церкви. Мотивы этих действий были сугубо доктринальными. Эта оппозиция, начав критиковать установления Генриха VIII за половинчатость и незавершённость в проведении реформ, к тому же коренилась в 1530-е гг. только в религиозной среде и была немногочисленной. Так, в «10 статьях» и королевских предписаниях по церковному вопросу, которые были изданы в 1536 г., порицались учение о чистилище, поклонение святым, культ реликвий, образа, паломничества, но ничего не говорилось об их отмене, и осуждались лишь излишества вроде чрезмерного поклонения культуре святых. Лишь тех католиков, которые поддерживали верховенство папы в церковных делах, рассматривали как бунтовщиков. Сторонники же радикальных преобразований настаивали, что католики отнюдь не безвредны — в Нидерландах ими был схвачен Уильям Тиндейл и 6 октября 1536 г. сожжен²³¹.

Колебания в церковной политике при Генрихе VIII и ужесточение отношения к сторонникам дальнейших реформ в конце 1530—начале 1540-х гг., поскольку монарх не хотел усиления протестантской группировки, ориентированной на континентальные реформированные церкви, привело к новой волне эмиграции по религиозным причинам на континент²³², что способствовало формированию пуританского движения в Англии, поскольку расширялся круг лиц, знакомых со строем управления и доктриной европейских реформированных церквей. Позиция монарха в религиозных вопросах рассматривается историками как один из важнейших факторов в определении того, какой облик приняла Реформация в Англии²³³.

Вторая за короткий срок волна английской эмиграции на континент в 1540-е гг. непосредственно предшествовала возникновению пуританизма. Британские историки исследуют влияние примера европейской Реформации на формирование взглядов сторонников дальнейших реформ. Особенно ими подчеркивается впечатление, которое получили англичане от знакомства с цвинглианством, наложившим заметный отпечаток на пуританизм. Многие элементы цвинглианства были привлекательными для английских эмигрантов — например, более понятное, рациональное учение о Евхаристии, подчёркивание авторитета церковной власти в отношениях с властью магистрата. Аскетизм цвинглианства был близок к условиям жизни эмигрантов, полной материальных трудностей. Историки отмечают также, что на англичан повлиял и реформатор Страсбург

²³¹ Knappen M.M. Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism. — Chicago, 1939. — P. 40, 51.

²³² MacCulloch D. The Later Reformation in England, 1547—1603. — New York, 1990. — P. 69.

²³³ Haugaard W.P. Elizabeth and the English Reformation. — Cambridge, 1968. — P. 10; Knappen M.M. Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism. — Chicago, 1939. — P. 54.

га Мартин Буцер (1491—1551), стремившийся занимать промежуточное положение между цвинглианством и лютеранством²³⁴.

Наряду с этими респектабельными течениями Реформации, англичане имели возможность познакомиться на континенте и с другими её продуктами — различными сектами, при своем появлении принесшими немалые потрясения, как анабаптисты, которые доводили тезис о том, что Писание является руководством к действию, до логического конца, буквально истолковывая его требования. Серьезного влияния в Англии анабаптисты не имели, но пуритан впоследствии их противники безосновательно обвиняли в анабаптизме²³⁵. Британские историки высказывали мнение, что «главный вклад анабаптистов в мировую историю — это принципы отделения церкви от государства в форме конгрегационализма, веротерпимость и пацифизм»²³⁶, но в то же время А.Дж. Диккенс считал негативной чертой анабаптизма его радикализм и придерживался мнения, что «ранние выступления анабаптистов затормозили процесс развития религиозной свободы»²³⁷. В отечественной историографии историей анабаптизма в Англии специально занимался только В.Н. Ильин²³⁸.

Характерной чертой второй английской эмиграции на континент в 1540-е гг. были усилившиеся нападки на обряды и церемонии англиканской церкви и остатки католических обрядов. По мнению исследователей, определились также симпатии сторонников продолжения реформ среди англичан: новыми авторитетами для англичан-сторонников продолжения реформ к концу 1540-х гг. были богословы Страсбурга, Базеля, Цюриха. Лютеранство же, которое в 1520—30-е гг. оказывало наибольшее влияние на англичан, более терпимо относилось к развлечениям, шло, по их мнению, на чрезмерные компромиссы с католицизмом, и его позиции среди англичан стали ослабевать²³⁹.

Правление Эдуарда VI (1547—1553) характеризовалось новыми значительными шагами в проведении реформы церкви, усилением влияния континентальных реформаторов, появлением радикалов даже среди англиканских епископов, так что некоторые исследователи считают возможным говорить о появлении пуритан уже в начале 1550-х гг.²⁴⁰.

²³⁴ *Collinson P.* The Elizabethan Puritan Movement. — Berkley-Los Angeles, 1967; *Knappen M.M.* Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism. — Chicago, 1939; *New J.F.H.* Anglican and Puritan. The Basis of their Opposition, 1558—1640. — Stanford, 1964.

²³⁵ *Smithson R.J.* The Anabaptists. Their Contribution to Our Protestant Heritage. — London, 1935; *Horst J.B.* The Radical Brethren. Anabaptism and the English Reformation to 1558. — Nieuwkoop, 1972.

²³⁶ *Smithson R.J.* The Anabaptists. Their Contribution to Our Protestant Heritage. — London, 1935. — P. 216.

²³⁷ *Dickens A.G.* The English Reformation. — London, 1967. — P. 325.

²³⁸ *Ильин В.Н.* Анабаптизм в Англии XVI в. Дисс... канд. ист. наук. — М., 1987.

²³⁹ *Hall B.* The Early Rise and Gradual Decline of Lutheranism in England (1520—1660) // Reform and the Reformation: England and the Continent, 1500—1750 / Ed. by D. Baker. — London, 1979. — P. 103—131.

²⁴⁰ *Rose E.* Cases of Conscience. Alternatives Open to Recusants and Puritans under Elizabeth I and James I. — Cambridge-New York, 1975; *Emerson E.H.* English Puritanism from John Hooper to John Milton. — Durham (N.C.), 1968.

При Эдуарде VI изменились вероучение и обрядность. Вслед за молитвенником были выпущены королевские распоряжения об уничтожении всех образов в церквах: разбивались статуи, забеливались настенные росписи, уничтожались надписи на могильных камнях, содержавшие молитвы за усопших. Был нанесен большой урон искусству средневековой Англии. Д. Мак-Каллок называет даже эти меры «кампанией сознательного вандализма, не имевшей прецедентов в христианской Англии», с чем соглашались и другие историки²⁴¹.

Англия в эти годы становится приютом для континентальных реформаторов. Из-за неблагоприятных условий на континенте в связи с разгромом в 1547 г. немецких лютеран войсками императора Карла V Габсбурга (1519—1555) наступила очередь англичан поддержать общеевропейское дело Реформации, что, по оценке историков, непосредственно способствовало становлению пуританского движения. Из лиц с общеевропейской известностью в Англию переехали Петр Мартир Вермигли и Мартин Буцер, сразу получившие кафедры в Оксфорде и Кембридже, побывав в Англии и Филипп Меланхтон. Архиепископ Кентерберийский Кранмер мечтал в это время об объединении европейских протестантов в противостоянии католицизму и о создании организации протестантов в европейском масштабе с совещательной формой правления. Но лютеране не проявляли явного энтузиазма в этом деле²⁴².

По оценкам историков, трудно отделаться от впечатления, что власти как бы давали возможность англичанам из первых рук познакомиться с идеями европейской Реформации. Учитывая то, что в Англии вскоре появились также эмигрантские общины реформированных церквей, за их деятельностью стало возможно понаблюдать на практике, сделать свои выводы и поддержать дальнейшие реформы в церкви, замышляемые властями. Исследователи высказывают мнение, что наибольшее влияние на пуритан из прибывших в это время в Англию теологов оказал Мартин Буцер²⁴³. Швейцарские реформаторы повлияли на англичан в ключевом пункте доктрины — в понимании Евхаристии. Как отмечает П. Коллинсон, в 1549 г. швейцарские реформированные церкви в лице Мартина Буцера, Жана Кальвина и преемника Цвингли в Цюрихе — Генриха Буллингера подписали документ под названием «*Consensus Tigurinus*» и договорились следующим образом понимать Евхаристию: материально вкушая освященный хлеб, причащающийся укрепляется духовно, и причастие происходит на двух уровнях. Христос не присутствует в освящаемых элементах реально и телесно, таинство само по себе не несет благодати. Телесно Хри-

²⁴¹ *MacCulloch D.* The Later Reformation in England, 1547—1603. — New York, 1990. — P. 12; *Haugaard W.P.* Elizabeth and the English Reformation. The Struggle for a Stable Settlement of Religion. — Cambridge, 1968. — P. 11; *Alexander H.G.* Religion in England, 1558—1662. — London, 1968. — P. 38.

²⁴² *Knappen M.M.* Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism. — Chicago, 1939. — P. 74, 77—78.

²⁴³ *Stephens W.P.* The Holy Spirit in the Theology of Martin Bucer. — Cambridge, 1970; *McLelland J.C.* The Visible Words of God: An Exposition of the Sacramental Theology of Peter Martyr Vermigli. — London, 1957; *Porter H.C.* Puritanism in Tudor England. — London, 1970. — P. 54.

стос находится на небесах, согласно Никейскому символу веры, по правую руку от Бога-Отца, но своей духовной силой укрепляет принимающих причастие, и для образной иллюстрации этих тезисов приводилась аналогия с тем, что удаленность Солнца не мешает ему согреть теплом наши тела²⁴⁴. Эти континентальные по происхождению богословские идеи, как отмечалось, и определили взгляды видных деятелей Реформации при Эдуарде VI — епископа Николаса Ридли, самого архиепископа Кентерберийского Кранмера²⁴⁵, а также будущего архиепископа Йоркского и Кентерберийского Эдмунда Гриндела. Такое понимание Евхаристии, считают исследователи, было распространено и среди англикан, и среди пуритан²⁴⁶.

Конец 1540-х—начало 1550-х гг., по оценкам историков, были благоприятным временем для дальнейших реформ в церковном строе. Все сторонники реформы могли бы объединиться, и реформированная церковь ещё дальше продвинулась бы в избавлении от остатков католических церемоний и институтов. Но в среде реформаторов уже не было единства.

Противоречия возникли между бывшими эмигрантами и теми из епископов, которые не были в эмиграции. Тот, кто уже видел в большей степени реформированные церкви, чем та, которая существовала в Англии, торопил события, не всегда учитывая национальные особенности, подражая континентальным образцам. Как пишет М. Кнэппен, «руководство партией, ориентировавшейся на континентальные порядки, оказалось в руках человека, который не был ни государственным деятелем, ни дипломатом, и представлял собой яростного и заблуждающегося сторонника партийной позиции. Это был бывший эмигрант Джон Хупер. Он бросился сразу во все возможные драки»²⁴⁷. Историки обычно имеют в виду именно его, когда говорят о появлении пуритан уже в правление Эдуарда VI. Хупер — явный зачинатель спора об облачениях в англиканской церкви, который активно развернулся в середине 1560-х гг., когда появился и сам термин «пуритане» — вызревавшие в церкви в течение долгого времени разногласия в те годы бесповоротно приобрели открытую форму²⁴⁸.

По оценке исследователей, по своим взглядам и способам пастырской деятельности Хупер был прямым предшественником пуритан. Он проводил раз в четыре месяца встречи с епархиальным духовенством для обсуждения пастырских проблем. Эти собрания историки считают прообра-

²⁴⁴ *Collinson P.* Archbishop Grindal, 1519—1583. The Struggle for a Reformed Church. — London, 1979. — P. 43—44.

²⁴⁵ *Emerson E.H.* English Puritanism from John Hooper to John Milton. — Durham (N.C.), 1968. — P. 3—4; *Alexander H.G.* Religion in England, 1558—1662. — London, 1968. — P. 38; *Brooks P.N.* Thomas Cranmer's Doctrine of the Eucharist. — London, 1965.

²⁴⁶ *Collinson P.* Archbishop Grindal, 1519—1583. The Struggle for a Reformed Church. — London, 1979. — P. 44.

²⁴⁷ *Knappen M.M.* Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism. — Chicago, 1939. — P. 82; *Emerson E.H.* English Puritanism from John Hooper to John Milton. — Durham (N.C.), 1968. — P. 3, 4—5.

²⁴⁸ *Alexander H.G.* Religion in England, 1558—1662. — London, 1968; *Emerson E.H.* English Puritanism from John Hooper to John Milton. — Durham (N.C.), 1968; *Rose E.* Cases of Conscience. Alternatives Open to Recusants and Puritans under Elizabeth I and James I. — Cambridge, 1975.

зом «пророчеств» 1570-х гг. За время пребывания в Швейцарии Хупер стал сторонником местной практики в облачении священников — здесь они одевались в одинаковые черные платья, как в университетах. Это имело и определенное доктринальное обоснование, символически выражая учение о всеобщем священстве. Молитвенник 1549 г. предписывал использование традиционных облачений: ризы и стихаря (alb) для священников, стихаря с узкими рукавами (rochet), капюшона для епископов. На это возражали Буцер и другие духовные лица, которых историки называют «прото-пуританами». К 1550 г. даже Кранмер и Ридли подумывали о том, чтобы внести изменения в свою позицию и уступить сторонникам дальнейших реформ, но епископы обращали внимание и на то, чтобы не оскорбить ту часть духовенства, которая была настроена более традиционно.

В 1550 г. Хуперу предложили стать епископом Глостерским. Он отказался принимать сан в традиционных облачениях, развернул бурную полемику, в итоге на три недели из-за упорства оказался в тюремном заключении, затем согласился принять сан в традиционном облачении. Дело было ещё в том, что до Хупера был посвящен в епископы без традиционного облачения Роберт Феррар (Сент-Дейвидская епархия), но епископ Лондонский Ридли отказался посвящать таким образом Хупера из-за шумной кампании, которую он развернул. Пока что споры об облачениях широких масштабов не приобрели: они спровоцировали внутрицерковный кризис лишь в середине 1560-х гг., но выступление Хупера было первым примером такого рода²⁴⁹.

Д. Мак-Каллок вводит ещё один момент в характеристику позиции Хупера. Он считает, что на неё повлияли также планы графа Уорика, герцога Нортумберлендского, намеревавшегося лишить церковь, в дополнение к диссолюции монастырей, ещё части её имущества. С этой целью он искал контактов с теми из реформаторов, которые требовали упрощения ритуалов, считали образ жизни епископов слишком роскошным²⁵⁰. П. Коллинсон приходит к выводу, что интересы Нортумберленда и радикальных реформаторов различались, между ними чувствовалась натянутость. Посвящённый в планы Нортумберленда представитель радикальной партии Джон Нокс не соблазнился ими. Преобладающая точка зрения на этот вопрос сводится к тому, что радикалы нападали на епископат не по материальным причинам, а руководствовались своими богословскими взглядами. Пуританская фракция в ходе своей истории, по оценке историков, вообще страдала от неадекватного руководства, неспособного выстроить продуманную в политическом отношении линию поведения. Тот, кто руководствовался бы политическими и материальными интересами, действовал бы более рационально и продуманно. У этого типа людей преобладали эмоциональные, религиозные мотивы, которые политики лишь пытались использовать в своих целях²⁵¹. Свокорыстные мотивы в духе планов Нор-

²⁴⁹ Knappen M.M. Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism. — Chicago, 1939. — P. 85—86.

²⁵⁰ MacCulloch D. The Later Reformation in England, 1547—1603. — New York, 1990. — P. 15.

²⁵¹ Collinson P. Archbishop Grindal, 1519—1583. The Struggle for a Reformed Church. — London, 1979. — P. 62—64.

тумберленда по грабежу церкви вряд ли могли бы найти в Хупере опору, и свидетельство тому — его дальнейшая судьба, поскольку он не поступился своими взглядами и практически не заботился о собственной безопасности. В эмиграцию после католической реставрации при Марии Тюдор Хупер не поехал и в феврале 1555 г. был сожжён²⁵².

При Эдуарде VI, как отмечают историки, стало происходить распространение и утверждение кальвинизма в Англии. Иностранцы кальвинистские общины, появившиеся в Англии в период правления Эдуарда VI и созданные в основном голландцами и французами, внесли идейный вклад в формирование английского пуританизма, повлияв и своим наглядным примером. В Лондоне было три такие общины, а ещё одна основалась в Гластонбери, недалеко от Бристоля, на юго-западе Англии. Они представляли собой первый пример деятельности пресвитерианства на английской земле. Среди прочих европейских эмигрантов в Англию прибыл поляк-кальвинист Иоанн А'Ляско, получивший должность суперинтенданта эмигрантских общин. Хотя англичанам запрещалось посещать их службы, новые идеи нельзя было удержать в стенах. В Лондоне на богослужениях в иностранных общинах англичане всё же бывали, но в глубине страны, в Гластонбери, местные жители проявляли типичную для позднего средневековья подозрительность к чужакам²⁵³.

Кальвинизм, как отмечают британские историки, укрепил положение Реформации в мире, поскольку Кальвин обнаружил в разработке доктрины не только идейный потенциал, но и организаторские способности, был и политическим деятелем, в результате чего сложилась своеобразная кальвинистская религиозно-политическая организация. Лютер же фактически отдал политику на откуп светским государям, что ослабило лютеранство в эпоху Реформации. Исследователи даже полагают, что без этой роли кальвинизма Реформация не достигла бы столь прочных позиций в борьбе с католицизмом: лютеране при общем характере своего учения и признании возможности компромиссов не смогли бы отстоять её дело²⁵⁴.

Одним из активнейших деятелей начальной стадии развития английского кальвинизма был шотландец Джон Нокс (1505 или 1514—1572)²⁵⁵ — сторонник швейцарской школы реформаторов. По оценке исследователей, в развитии английской Реформации на рубеже 1540—50-х гг. ощущается даже личная роль Нокса. С ним консультировались при подготовке нового молитвенника, которая шла в это время, и при обсуждении символа веры англиканской церкви — 42 статей²⁵⁶. Юный король Эдуард

²⁵² Emerson E.H. English Puritanism from John Hooper to John Milton. — Durham (N.C.), 1968. — P. 48.

²⁵³ Gwynn R.D. The Huguenot Heritage. The History and Contribution of the Huguenots in Britain. — London, 1985.

²⁵⁴ MacCulloch D. The Later Reformation in England, 1547—1603. — New York, 1990; Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — Berkley-Los Angeles, 1967; Knappen M.M. Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism. — Chicago, 1939.

²⁵⁵ Cowan H. John Knox. A Hero of the Scottish Reformation. — New York, 1970; Ridley J. John Knox. — New York-Oxford, 1968.

²⁵⁶ MacCulloch D. The Later Reformation in England, 1547—1603. — New York, 1990. — P. 17.

VI сам заинтересовался в это время кальвинизмом, а Нокс, проповедуя при дворе, произвёл на него такое впечатление, что убедил его включить в текст молитвенника 1552 г. так называемую «чёрную рубрику». В ней утверждалась неуместность опускания на колени при причастии по той причине, что вино и хлеб тут не претерпевают сверхъестественной трансформации, и Христос не присутствует телесно в освящаемых элементах. Эта статья была дополнена в готовившийся текст чёрными чернилами, отсюда и её название. В Англии также стала издаваться кальвинистская литература. Знакомство с трудами Кальвина питало мысли о том, что Реформация в Англии ещё не закончена, т.к. он различал реформированные церкви с «терпимыми глупостями» и «полностью реформированные церкви», и церковь Англии среди последних не числилась²⁵⁷.

Исследователи считают, что задуманные при Эдуарде VI реформы в религиозной сфере были далеко идущими и всесторонними. Планировались дальнейшие изменения в облачениях священников, новое издание сборника английского канонического права “*Reformatio Legum Ecclesiasticarum*”, которое не было осуществлено. Молитвенник 1552 г. и 42 статьи свидетельствовали о дальнейшем развитии доктрины церкви Англии в сторону европейских реформированных церквей²⁵⁸. Светские власти в этот период мало считались с церковными органами и их полномочиями. Епископы назначались просто письмами Тайного совета от имени короля. П. Коллинсон называет время Эдуарда VI «уникальной амальгамой реформы и коррупции»²⁵⁹. Радикалы требовали дальнейших реформ для приведения строя англиканской церкви к апостольским образцам, что уже раздражало архиепископа Кранмера. Специальное внимание Кранмер уделил опровержению мнения о том, что в церкви всё должно делаться в соответствии с Писанием: эту идею Кранмер назвал «подрывной, бунтарской и губительной». Формировавшаяся в церкви Англии будущая пуританская группа, как считают историки, в это время ещё оставалась левым крылом общей партии реформаторов. Пуритане превосходили англикан лишь пылом и рвением в отстаивании дела Реформации, субъективно ощущали себя самыми верными её приверженцами. Признаком формировавшейся пуританской партии считают и то, что её представители меньше искали поддержки светских властей²⁶⁰.

С. Бригден обратила внимание на ещё один фактор, способствовавший распространению Реформации — возрастной²⁶¹. Она приводит мнение Томаса Мора, согласно которому Реформация рассматривалась как

²⁵⁷ *Haugaard W.P.* Elizabeth and the English Reformation. The Struggle for a Stable Settlement of Religion. — Cambridge, 1968. — P. 14.

²⁵⁸ *Ibid.* — P. 18.

²⁵⁹ *Collinson P.* Archbishop Grindal, 1519—1583. The Struggle for a Reformed Church. — London, 1979. — P. 65.

²⁶⁰ *Emerson E.H.* English Puritanism from John Hooper to John Milton. — Durham (N.C.), 1968. — P. 5; *Rose E.* Cases of Conscience. Alternatives Open to Recusants and Puritans under Elizabeth I and James I. — Cambridge, 1975. — P. 117—118.

²⁶¹ *Brigden S.* Youth and the English Reformation // *Rebellion, Popular Protest and the Social Order in Early Modern England.* — London-New-York, 1984. — P. 77—107.

«заговор молодых». С. Бригден считает, что молодость всё же не была главным фактором в восприятии протестантизма, хотя стремление молодежи занять место в обществе и потеснить прежнее поколение и выразилось, в частности, в её участии в протестантском движении. Король Эдуард VI проявлял симпатии к позициям радикальных реформаторов, и, если бы он не умер 6 июля 1553 г., в Англии, как предполагают, мог бы установиться церковный строй, напомилавший швейцарские реформированные церкви. Но судьба распорядилась иначе, ещё раз выявив, как зависела религиозная ситуация в Англии от взглядов монарха²⁶².

Британские историки активно обсуждают вопрос о степени распространения протестантизма в стране к окончанию правления Эдуарда VI. Споры об этом ведут либеральные историки и ревизионисты. Появились основательные исследования религиозности в отдельных регионах Англии²⁶³. Выявлены районы самого раннего распространения протестантизма — Кент, Суссекс, Суффолк, Норфолк, Эссекс, а также Лондон. Формируется мнение о необходимости исследовать распространение протестантизма не только на региональном, но и на локальном уровне, даже в отдельных поселениях, то есть картина могла бы быть полнее при изучении протестантских обращений на уровне отдельного населенного пункта.

Исследователи считают, что время правления католички Марии Тюдор (1553—1558) тоже было важным этапом в вызревании пуританизма, так как у части сторонников реформ обострились религиозные чувства, радикализировались планы. Как полагают историки, религиозные преследования в период католической реставрации были слабее, чем степень распространения протестантизма в стране. Пострадали только лица наиболее активные и известные. События развивались по схеме, сходной с тем, что происходило в 1520—40-е гг. — ухудшение религиозной ситуации на родине опять повлекло за собой выезд англичан на континент, и пребывание в странах, где Реформация была более радикальной, чем в Англии, сделало многих из них сторонниками местных порядков²⁶⁴.

Среди причин, помешавших активной пропаганде католицизма во время реставрации, историки недавно обратили внимание на большую эпидемию гриппа 1557—1559 гг.: стареющие католические епископы становились лёгкой добычей болезни. К тому же у Марии, как предполагают современные исследователи, был рак, её брак с Филиппом II Испанским католического наследника не принёс, а в 1558 г. 42-летняя королева умерла, как и католический архиепископ Кентерберийский Реджинальд Поул²⁶⁵.

²⁶² Emerson E.H. English Puritanism from John Hooper to John Milton. — Durham (N.C.), 1968. — P. 6.

²⁶³ Bowker M. The Henrician Reformation: the Diocese of Lincoln under John Longland, 1521—1547. — Cambridge, 1981; Clark P. The English Provincial Society from the Reformation to the Revolution. Religion, Politics and Society in Kent, 1500—1640. — Hassocks (Sussex), 1977; Haigh C. Reformation and Resistance in Tudor Lancashire. — Cambridge, 1975; Manning B.R. Religion and Society in Elizabethan Sussex. — Leicester, 1969; Spufford M. Contrasting Communities. — Cambridge, 1974.

²⁶⁴ MacCulloch D. The Later Reformation in England, 1547—1603. — New York, 1990. — P. 23.

²⁶⁵ O'Day R. The Debate on the English Reformation. — London-New York, 1986. — P. 27.

Идейные влияния, воспринятые некоторыми англичанами во время пребывания в эмиграции в период правления Марии, привели к тому, что они никогда уже не смогли безоговорочно принять строй англиканской церкви. При этом эмигранты сыграли далее огромную роль в истории пуританизма и англиканской церкви. Среди них были, как подсчитали исследователи, два будущих архиепископа (Эдмунд Гриндел и Эдвин Сэндис), девять епископов и пять деканов. Значение деятельности эмигрантов во много раз превосходило их небольшую численность — всего их было менее 800 человек вместе с членами семей. Этот отъезд некоторые историки рассматривают как сознательное отступление для подготовки к будущему наступлению²⁶⁶.

Эмигранты расселились в городах южной Германии, Швейцарии, в Страсбурге. Историки пуританизма детально разбирали, на кого из ссыльных какой вариант европейской Реформации оказал наибольшее влияние — или Женева, или более умеренные Страсбург и Цюрих, что сказывалось на том, какие позиции они занимали в религиозных спорах по возвращении в Англию. В спорах внутри и между общинами английских эмигрантов, как отмечают историки, уже можно обнаружить существование пуританской и англиканской партий²⁶⁷.

Историки изучали также вопрос о социальной принадлежности выехавших в эмиграцию при Марии англичан. Половина из эмигрантов были духовными лицами того или иного статуса (бывшие монахи, священники, свободные проповедники) и студентами-богословами Оксфорда и Кембриджа. Треть эмигрантов были по происхождению джентльменами. Выехала на континент также и группа ремесленников, в преобладающей части ткачей. Исследователи на основе этого склоняются к мнению, что социальный состав эмигрантов дополнительно подчеркивает инициативу духовных лиц в становлении пуританского движения²⁶⁸.

Для истории пуританского движения из событий этого периода наибольшее значение имеют история английской эмигрантской общины во Франкфурте и создание английской кальвинистской общины в Женеве. Как показали историки, именно во Франкфурте сложились наиболее благоприятные возможности для образования автономной английской общины со своими формами богослужений. В других английских эмигрантских общинах (Цюрихе, Базеле, Страсбурге) жили лица официальные, даже бывшие епископами при Эдуарде VI, которые не позволили бы внести какие-либо отклонения в службу по инициативе снизу. Значение религиозных споров во франкфуртской общине для формирования пу-

²⁶⁶ *Garrett C.H.* The Marian Exiles. A Study in the Origins of Elizabethan Puritanism. — Cambridge, 1938; *Porter H.C.* Puritanism in Tudor England. — London, 1970. — P. 57; *Collinson P.* Archbishop Grindal, 1519—1583. The Struggle for a Reformed Church. — London, 1979. — P. 67; *Holden W.* Anti-Puritan Satire, 1572—1642. — Hamden (Conn.), 1968. — P. 12.

²⁶⁷ *Haugaard W.P.* Elizabeth and the English Reformation. The Struggle for a Stable Settlement of Religion. — Cambridge, 1968. — P. 26—28.

²⁶⁸ *Walzer M.* The Revolution of the Saints. A Study in the Origins of Radical Politics. — Cambridge (Mass.), 1965. — P. 93—94.

ританизма было отмечено уже самими участниками пуританского движения при Елизавете. В 1574 г. в Гейдельберге было опубликовано сочинение «Краткая история бед, начавшихся во Франкфурте», являющееся одним из важнейших источников, характеризующих эти события. Исследователи истории пуританизма показали, что форма службы и порядок управления во франкфуртской общине, разработанные в 1554 г., представляли собой первую последовательно сформулированную программу изменений, которые должны были быть внесены, по мнению пуритан, в распорядки англиканской церкви, чтобы приблизить её к апостольским образцам. Теперь не предусматривалось ношение стихаря, отменялось крещение в частном порядке (в англиканстве же предусматривалась возможность совершения обряда крещения повивальными бабками, особенно в случае опасности для жизни ребенка, чтобы он не остался не крещёным), не предусматривалось и опускание на колени при причастии — следовательно, не признавалось, что хлеб и вино претерпевают в этом таинстве сверхъестественную трансформацию. Община выбирала из своей среды пастора, проповедников, старост, диаконов, что уже прямо напоминало швейцарские порядки.

В августе 1554 г. франкфуртская община обратилась с инициативой ко всем рассеянным по южной Германии и Швейцарии англичанам собраться во Франкфурте, объединившись на основе утвержденного здесь стандарта богослужения. Изменения, проведенные во Франкфурте, сами по себе не были подрывными, но современники чувствовали здесь амбиции. Английские общины Цюриха и Страсбурга считали, что во Франкфурте недооценивают политические аспекты религиозных дел: католики на родине, узнав об изменениях в эмигрантских общинах, стали бы обвинять англиканскую доктрину в несовершенстве. Сторонники сохранения верности англиканству не могли оставить без внимания происходящее, и во Франкфурт отправился доктор богословия Ричард Кокс с тремя докторами и 13 бакалаврами богословия, которые в спорах нанесли поражение сторонникам дальнейших реформ, убедив в своей правоте также городские власти Франкфурта. Историки истолковывают борьбу фракций во Франкфурте как противостояние зарождавшейся национальной традиции англиканства и европейски ориентированного интернационального реформаторства и считают, что этот спор во Франкфурте послужил репетицией ситуации в Англии, сложившейся после возвращения эмигрантов на родину в начале правления Елизаветы. Для радикалов создание реформированной церкви было делом, в котором можно было задействовать все имевшиеся на этот момент в европейской Реформации идеи²⁶⁹.

Еще одним важным событием периода эмиграции историки считают подготовку первого издания труда Джона Фокса (1517—1587) «Деяния и памятники английской церкви» (“Acts and Monuments of These Latter and Perilous Days Touching Matters of the Church” — издания 1563, 1570, 1583,

²⁶⁹ Knappen M.M. Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism. — Chicago, 1939. — P. 118—119; Collinson P. Archbishop Grindal, 1519—1583. The Struggle for a Reformed Church. — London, 1979. — P. 74; Cross C. Church and People, 1450—1660. The Triumph of the Laity in the English Church. — London, 1976. — P. 125.

1587 г.), в котором рассматривалась история деятельности идейных предшественников Реформации в Англии. Современные историки всё ещё продолжают исследовать детали того, что в общем виде было описано Фоксом. У Фокса появились также идеи об избранной роли английского народа в проведении Реформации, в борьбе с антихристом в лице Рима. Концепция Фокса, по признанию исследователей, удачно сочетала религию и национализм. Для англиканской церкви эта книга стала второй по значению после Библии, превратившись в действующую силу Реформации, в которой черпали вдохновение и англикане, и пуритане. По объёму книга Фокса в два раза больше Библии. Английские протестанты рассматривали её как приложение к Библии, давали имена детям в память об известных мучениках²⁷⁰.

Джон Фокс изложил историю пятнадцати веков христианства как борьбу видимой и истинной церкви. У Фокса император Константин был англичанином, поскольку происходил от британской принцессы и был провозглашен императором на Британских островах. У. Халлер утверждал, что Джон Фокс был главным творцом идеи об избранности англичан. П. Коллинсон тоже находит признаки роста этноцентризма в мировосприятии англичан с начала XVI в. Но Фокс, как считает П. Коллинсон, не преувеличивал идею об избранности англичан, высоко ценил Лютера, и в значительной степени благодаря Фоксу Лютер стал более известен английской публике как духовный писатель. П. Коллинсон отмечает также, что в большом по объёму комментарии на латыни к Апокалипсису, над которым Фокс работал в последние годы жизни, и на который не обращали должного внимания исследователи, у Фокса уже не было упований на особую миссию Англии в ходе Реформации. Фокс не предрекал славного земного будущего церкви Англии под властью нового Константина (имея в виду Елизавету и её преемников), и у Фокса не найти, как считает П. Коллинсон, предчувствия возникновения Британской империи, поскольку Фокс ждал Второго пришествия Христа, конца времён и верил, что последние три сотни лет жизни этого мира начались в 1294 г. Как считает П. Коллинсон, английские протестанты, включая Фокса, осознавали себя в первую очередь через свое сходство с кальвинистскими церквями в Европе²⁷¹.

Можно предполагать, что интенсивная религиозность периода Реформации, выражавшаяся в преданности нации Богу, который, как предполагалось, в не меньшей степени предан своему народу, повлекла за собой переход от средневековой традиционалистской и личной по характеру верности монарху к характерной для нового времени верности безлич-

²⁷⁰ O'Day R. The Debate on the English Reformation. — London-New York, 1986. — P. 16, 29; Collinson P. Archbishop Grindal, 1519—1583. The Struggle for a Reformed Church. — London, 1979. — P. 80; *Idem*. The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. — New York, 1988. — P. 12; *Idem*. Truth and Legend: the Veracity of John Foxe's Book of Martyrs // *Clio's Mirror: Historiography in Britain and the Netherlands. Britain and the Netherlands* / Ed. by A.C. Duke, C.A. Tamse. — Zutphen, 1985. — Vol. VIII. — P. 31—54.

²⁷¹ Collinson P. The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. — New York, 1988. — P. 14—16.

ной воле государства. По мнению П. Колинсона, если использовать понятийный аппарат, предложенный М. Вебером, «Реформация стала началом перехода от традиционной к харизматической легитимации политической системы». П. Коллинсон считает, что некоторые англичане в XVI в. стали ощущать себя даже не одной из избранных наций, а единственной избранной нацией. Если эта идея родилась из опыта Реформации и её непосредственных последствий, как пишет П. Коллинсон, тогда «мы нашли в протестантском религиозном сознании корни, и даже, возможно, стержневой корень английского империализма». Реформация, по его мнению, расширила и усилила религиозный смысл английского национального чувства, очистила и идеализировала народный национализм времени правления Елизаветы. Религиозные мифы часто вносили решающий вклад в формирование идеи нации — наглядный пример этому исследователи предлагают видеть в армянах, эфиопах, и, прежде всего, в евреях²⁷².

Кульминационным пунктом идейной эволюции сторонников дальнейшего проведения Реформации за время пребывания на континенте историки считают создание английской кальвинистской общины в Женеве 1 ноября 1555 г. Эта община оперировала кальвинистскими понятиями об избранных и осуждённых, видимой и невидимой церкви. Видимую церковь, которая может быть признана подлинной, как утверждалось, можно распознать по наличию трёх черт: «правильная проповедь Слова Божьего, правильное совершение таинств, твёрдая церковная дисциплина». Органы политической власти и должностные лица на государственной службе, по кальвинистским понятиям, являются членами церкви. Светской власти следует подчиняться во всех требованиях, которые не противоречат Слову Божьему. По оценке историков, это была потенциально опасная формулировка, способная обосновать неповиновение властям. Женевская община составила английский кальвинистский служебник, подготовила публикацию женевской Библии на английском языке — Нового Завета с кальвинистскими комментариями, а затем и полного текста Библии. Женевская Библия стала важнейшим изданием Библии, используемым пуританами. Те из английских эмигрантов, которые были членами женевской общины, в дальнейшем стали ядром пуританского движения²⁷³.

Исследователи отмечали, что английские эмигранты-кальвинисты заметно оторвались в своих религиозных взглядах от большинства англичан. Как писал М. Уолзер о членах женевской общины, «в сочинениях, публиковавшихся членами женевской общины, практически исчезают ссылки на классическую литературу, столь обычные для XVI в., и доминирует понимание общественной жизни как перманентного состояния войны избранных к спасению с дьяволом». Среди эмигрантов, не имевших какого-либо положения в обществе, формируется фигура оппо-

²⁷²Collinson P. The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. — New York, 1988. — P. 1—2, 4—7; McKenna J.W. How God Became an Englishman // Tudor Rule and Revolution: Essays for G. R. Elton from his American Friends / Ed. by J. Guth DeLloyd, J.W. McKenna. — Cambridge, 1982. — P. 25—43.

²⁷³Alexander H.G. Religion in England, 1558—1662. — London, 1968. — P. 43.

зиционера, политического радикала. Кальвинизм с характерным для него чувством тревожности, внедрявший в душу своих адептов чувство постоянной опасности победы злого начала, внёс свой вклад в формирование данного психологического типа²⁷⁴. Историки отмечали, что «жневские эмигранты по возвращении в Англию в первые годы правления Елизаветы и даже дольше были в изолированном положении из-за своих религиозных убеждений, почти как особая секта»²⁷⁵.

Важным вопросом является обсуждение того, в чём состояла специфика английского кальвинизма по сравнению с идеями самого Кальвина. Одним из источников в этом отношении, на который обратили внимание историки, являются публицистические выступления двух руководителей английской общины в Женеве Джона Нокса и Кристофера Гудмэна. В памфлете Гудмэна «Как следует повиноваться верховным властям» автор заявляет, что всякого рода подчинение даже высшим человеческим властям — это неподчинение Богу в том случае, если власть делает что-то, противное Божьей воле. Гудмэн считал, что ответственность участия в политической жизни распространяется на всех людей, поскольку все они ответственны перед Богом. В равной мере они подлежат и наказанию за промахи, не исключая монархов. М. Уолзер полагает, что в этой мысли уже содержится возможность будущего суда над королем, учитывая, что Гудмэн высказывался за проведение суда над Марией Тюдор.

Самым известным произведением Джона Нокса за время эмиграции стал его «Первый трубный глас против чудовищного правления женщин», в котором Нокс вообще отказал женщинам в праве управлять народами, подразумевая в данном контексте Марию Тюдор. Нокс такими рассуждениями насторожил Елизавету и дал королевской власти возможность осознать, что пуритан следует опасаться. Нокс также модифицировал позицию Кальвина в вопросе о подчинении светским властям. Кальвин в целом отвергал мысль о том, что правители заслуживают повиновения только в той мере, в какой они придерживаются справедливости, и считал, что никакой тиран не отходит полностью от справедливости, чтобы не дискредитировать себя, а это уже больше, чем способна дать анархия, в которой справедливости вообще нет и некому её поддерживать.

Кальвин, однако, высказал некоторые идеи, способствовавшие демистификации власти и обоснованию возможности борьбы с ней. Он рассматривал магистрат (обобщенное понятие светской власти в трудах религиозных реформаторов XVI в.) как обычную должность, без личного момента в понимании власти, характерного для феодальной эпохи. Представители власти по природе так же злы, как и все люди, в них нет никакой харизмы. Государство, власть — лишь вопрос силы и организации, оно полезно и необходимо только из-за человеческой беспомощно-

²⁷⁴ Walzer M. The Revolution of the Saints. A Study in the Origins of Radical Politics. — Cambridge (Mass.), 1965. — P. 20.

²⁷⁵ Knappen M.M. Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism. — Chicago, 1939. — P. 96—97, 111; Letters of Thomas Wood, Puritan, 1566—577 / Ed. by P. Collinson. — London 1960. — P. XI.

сти. Организация сопротивления тирану, по мнению Кальвина, может быть делом властей низшего и среднего уровня — возможно, по той причине, что такой протест будет не совсем хаотичным, а более организованным, и власти этого уровня несут моральную (но не юридическую) ответственность, если они ничего не сделали для защиты народа от тирана.

Нокс же отставил в сторону все оговорки Кальвина и делал вывод, что светским властям, не соблюдающим божественные установления, нужно оказывать сопротивление силой. Кальвинистская доктрина в толковании английских пуритан, как считают исследователи, начала в английских условиях под влиянием конкретно-исторических обстоятельств выходить из своих первоначальных рамок, и стала основой для формирования идеи о возможности сопротивления светской власти²⁷⁶. Издатели сборника сочинений Джона Нокса²⁷⁷ считают, что Нокс был убеждённым сторонником законного права подданных на восстание в том случае, если управляющие ими власти, пусть даже монархи, совершают действия, которые противоречат Божественным установлениям.

В 1998 г. был издан сборник статей, посвященный 450-й годовщине начала проповеднической деятельности Джона Нокса²⁷⁸. Нокс произнес свою первую проповедь в апреле 1547 г. с кафедры церкви Святой Троицы в Сент-Эндрюсе в Шотландии. Составители сборника отмечают, что Нокс больше не является объектом активных исследований тех историков, которые изучают английскую Реформацию: уже более ста лет никто из историков не находил новых фактов о деятельности Нокса, так что остаётся только заниматься новым истолкованием известных фактов в расширяющемся понимании того исторического контекста, в котором действовал Джон Нокс.

После восшествия на престол Елизаветы в 1558 г. Нокс предлагал всем английским эмигрантам забыть раздоры, объединиться и потребовать от неё продолжения реформ. Но единства среди эмигрантов не было, и эти предложения успеха не имели. Многие из эмигрантов стремились получить места в церкви и вернулись в Англию, но в получении должностей действовали по одиночке, и поэтому, как показали историки, новые назначения зависели от воли королевы и мнения её приближенных. Неудача женеvской общины в попытках убедить другие эмигрантские группы обсудить будущую форму английской церкви до возвращения в Англию показывает, что сторонники Женевы были лишь особым меньшинством даже среди тех, кто вынужден был бежать из Англии от Марии, и что большинство англичан ожидало, что после смерти Марии руководить организацией церкви будет государство²⁷⁹.

²⁷⁶ *Creameans C.D.* The Reception of Calvinist Thought in England. — University of Illinois Press, 1949. — P. 49; *Walzer M.* The Revolution of the Saints. A Study in the Origins of Radical Politics. — Cambridge (Mass.), 1965. — P. 20, 60; *McGrath P.* Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 11.

²⁷⁷ John Knox: On Rebellion / Ed. by R.A. Mason. — Cambridge, 1994.

²⁷⁸ John Knox and the English Reformations / Ed. by R.A. Mason. — Aldershot, 1998.

²⁷⁹ *Haugaard W.P.* Elizabeth and the English Reformation. The Struggle for a Stable Settlement of Religion. — Cambridge, 1968. — P. 29.

После восшествия на престол королевы Елизаветы (1558—1603), как считают историки, воля королевской власти играла важнейшую роль в определении того, как проводилась дальнейшая политика в религиозной сфере, что привело также к ограничению деятельности пуританской группировки в церкви Англии. В связи с этим исследователи подчёркивали необходимость изучения индивидуальных особенностей религиозности Елизаветы. У. Хадсон подчёркивает, что религиозную принадлежность Елизаветы объективно определили некоторые внешние факторы. Она была дочерью от второго брака Генриха VIII с Анной Болейн, который не признал папа, так что Елизавета была протестанткой по обстоятельствам рождения. С раннего детства она была связана с протестантскими кругами, из которых вышли архиепископы Кентерберийские Томас Кранмер и Мэтью Паркер, лично близкие Елизавете в юности и участвовавшие в её воспитании. Мэтью Паркер не был в эмиграции на континенте, и «его не распирала жажда подражать в церковном строительстве европейским протестантам, что тоже было по вкусу Елизавете»²⁸⁰.

При своей протестантской по характеру религиозности Елизавета верила в то, что хлеб и вино в Евхаристии претерпевают сверхъестественную трансформацию в Плоть и Кровь Христа, испытывала отвращение к заключению брака духовными лицами — трудно сказать, по религиозным или по личным мотивам (официально она так и не вышла замуж), но при этом клирикам в церкви Англии она не запрещала вступать в брак. Как полагают, от Филиппа Меланхтона, бывавшего в Англии, королева восприняла мысль о том, что в религии есть элементы, имеющие первостепенное значение для спасения, и второстепенные компоненты (*adiaphora*). Историки считают, что Елизавета при вступлении на престол была изначально намерена вернуться к протестантизму, но хотела сделать это умеренными по характеру мерами. Елизавета, обладая острым политическим инстинктом, осторожно относилась к континентальным религиозным реформаторам и не хотела давать возможность укорениться в Англии тем силам, которые рассматривали бы себя как верховный авторитет в религиозных делах и на этой основе могли попытаться влиять на политическую ситуацию в стране. Историки даже предполагали, что Елизавету можно назвать англо-католиком, то есть сторонницей будущей партии «высокой церкви» (*High Church*) в англиканской церкви²⁸¹.

Современные историки вновь обратились к изучению того, как было найдено решение религиозного вопроса в 1558—1559 гг. по восшествии на престол Елизаветы. В XIX в. эти проблемы были предметом полемики, по-

²⁸⁰ *Hudson W.S.* The Cambridge Connection and the Elizabethan Settlement of 1559. — Durham (N.C.), 1980. — P. 132; *Haugaard W.P.* Elizabeth and the English Reformation. The Struggle for a Stable Settlement of Religion. — Cambridge, 1968. — P. 129; *Bainton R.H.* Women of the Reformation in France and England. — Minneapolis, 1973. — P. 235.

²⁸¹ *Knappen M.M.* Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism. — Chicago, 1939. — P. 167; *Collinson P.* The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 29; *Bainton R.H.* Women of the Reformation in France and England. — Minneapolis, 1973. — P. 233—235.

скольку получившие возможность высказываться публично английские католики стали оспаривать мнение о том, что королева Елизавета была изначально привержена реформаторским планам в церковном вопросе, и утверждали, что королева вернула страну на путь Реформации лишь потому, что столкнулась с упорным давлением в поддержку реформ в палате общин. Протестантские историки отстаивали мнение об изначальной приверженности Елизаветы протестантизму, и это мнение получило новое подтверждение в работах современных исследователей. Хотя Елизавета была возведена на трон по католическому обряду, в последующие месяцы появились свидетельства её намерений изменить религиозную политику. В ближайшем окружении королевы Елизаветы «архитектором протестантской трансформации английской церкви» исследователи считают Уильяма Сесилия²⁸².

По словам Д. Мак-Каллока, среди современных историков много путаницы в этот вопрос внёс активно работавший в середине XX в. Дж. Нил, квалифицированный и авторитетный специалист по парламентской истории периода правления Елизаветы²⁸³, в данном случае выступивший с малообоснованной версией. Дж. Нил расценил один из сохранившихся в Государственном архиве Великобритании документов, «План изменения религии», исходивший от Сесилия, лишь как отвергнутое обращение к королеве, но его содержание примерно соответствовало проведённым в итоге преобразованиям²⁸⁴. Аргументированно возразил Дж. Нилу Н.Л. Джоунз²⁸⁵, подтвердивший существование реформаторских планов рассмотрением ещё одного источника — «Цюрихских писем»²⁸⁶, которые содержат переписку англичан с континентальными реформаторами. Англичане сообщали им, что королева их осторожно поддерживает²⁸⁷.

Как считает О. Чэдвик, в первые десятилетия правления Елизаветы в церкви Англии ещё не было какого-то устоявшегося комплекса идей, «который можно было бы назвать английской школой богословия, но можно лишь говорить об английских богословах, на которых влияли Виттенберг, Цюрих, Женева, Страсбург»²⁸⁸. Доктринальная широта, с одной стороны, создавала возможность включить в члены церкви наибольшее число верующих (хотя, с точки зрения пуритан, это не было достоинством), но, как считает П. Мак-Грат, «этим создавалась и потенциальная угроза укоренения в церкви лицемерия — ведь достаточно было лишь внешнего конформизма»²⁸⁹. В проведении

²⁸² *Collinson P.* The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 31; *Haugaard W.P.* Elizabeth and the English Reformation. The Struggle for a Stable Settlement of Religion. — Cambridge, 1968. — P. 89; *MacCulloch D.* The Later Reformation in England, 1547—1603. — New York, 1990. — P. 27.

²⁸³ *Neale J.* Elizabeth I and her Parliaments. — London, 1953—1957. — Vol. 1—2.

²⁸⁴ *MacCulloch D.* The Later Reformation in England, 1547—1603. — New York, 1990. — P. 28; *Collinson P.* Archbishop Grindal, 1519—1583. The Struggle for a Reformed Church. — London, 1979. — P. 86; *McGrath P.* Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 79.

²⁸⁵ *Jones N.L.* Faith by Statute: Parliament and the Settlement of Religion, 1559. — London, 1982.

²⁸⁶ *The Zurich Letters* / Ed. H. Robinson. — Cambridge, 1842—1845. — Vol. 1—2.

²⁸⁷ *Hudson W.S.* The Cambridge Connection and the Elizabethan Settlement of 1559. — Durham (N.C.), 1980. — P. 145.

²⁸⁸ *The English Church and the Continent* / Ed. by C.R. Dodwell. — London, 1959. — P. 61.

²⁸⁹ *McGrath P.* Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 16.

Реформации в Англии, как отмечают, проявилась одна из черт английской политической культуры — терпеливый поиск компромисса между всеми теми, в ком заинтересованы организаторы предприятия, а не формулирование изначально какого-либо нормативного кредо и подстригание под него всех остальных, не укладывающихся в прокрустово ложе.

Как показали историки, формировавшаяся пуританская партия считала решение религиозного вопроса в 1559 г. временным. Такое мнение могло основываться и на содержании билля о единообразии 1559 г.: в нём говорилось, что существующие порядки действуют до тех пор, «пока не будет принят другой порядок». Многие пуритане в связи с этим полагали, что отклонения от действующего молитвенника и от королевских предписаний терпимы, так как со временем, как они надеялись, в церкви Англии будут произведены новые изменения в направлении соответствия с порядками реформатских церквей на континенте. Разнообразие мнений в церкви было очень велико, чему особенно способствовали бывшие эмигранты, поскольку даже столичную епархию возглавлял бывший эмигрант Эдмунд Гриндел²⁹⁰.

Исследователи считают, что в ранний период развития пуританского движения ведущую роль в нём сыграло радикальное духовенство, а требования пуритан носили чисто религиозный характер. Формировавшаяся пуританская партия была активной уже с 1559 г. С начала правления Елизаветы и до 1565 г. применительно к радикальным реформаторам исследователи применяют специфически звучащий в английской религиозной истории термин «*precisian*» (формалист, педант). Когда-то это был синоним термина «пуританин», но такое словупотребление не сохранилось.

Те из эмигрантов, которым при возвращении предложили разные должности в церкви, вплоть до епископов, сомневались, занимать ли их, но возобладаало мнение, что официальные посты занимать стоит, поскольку это давало возможность, при всех ограничениях, продолжать дело реформ. Эту черту — нежелание воспринявших идеи европейской Реформации протестантов занимать должности в официальной церкви — П. Коллинсон считает важным фактором в формировании пуританского менталитета и анти-епископального, пресвитерианского характера будущей пуританской партии. Исследователи также отмечают, что пуританизм не был движением, посторонним церкви — он укоренился внутри установленной церкви, среди имевшего приходы духовенства. Пуританизм был движением, направленным на исправление недостатков установленной церкви, а не на её разрушение. Лишь усилившееся в 1580-е гг. пресвитерианское направление стремилось изъять англиканскую церковь от одного из элементов, определявших её характер — епископального строя, но опять же не путем разрушения единства церкви²⁹¹.

²⁹⁰ *Alexander H.G.* Religion in England, 1558—1662. — London, 1968. — P. 64; *Collinson P.* Archbishop Grindal, 1519—1583. The Struggle for a Reformed Church. — London, 1979. — P. 114.

²⁹¹ *Rose E.* Cases of Conscience. Alternatives Open to Recusants and Puritans under Elizabeth I and James I. — Cambridge, 1975. — P. 117—118; *Hauggaard W.P.* Elizabeth and the English Reformation. The Struggle for a Stable Settlement of Religion. — Cambridge, 1968. — P. 114; *Collinson P.* The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 45, 50.

Современными историками охарактеризованы способы, путем использования которых пуритане стремились пропагандировать и распространять свои взгляды. В этот период пуритане искали светских покровителей среди знати и джентри, которые могли бы защитить их и поддержать дело реформ, и пытались обратить в своих сторонников тех светских лиц, которые имели право допуска священника в приход (*advowson*). Существование светских покровителей единодушно признается исследователями как фактор, способствовавший укоренению пуританизма в Англии. Пуритане имели покровителей не только на местном уровне. Содействие им оказывали также и высшие должностные лица в государстве — Уильям Сесиль, будущий лорд Берли, члены Тайного совета Фрэнсис Ноллис, Фрэнсис Уолсингем и особенно Роберт Дадли, граф Лестер, один из фаворитов королевы²⁹².

Историки отмечают характерный для реформационного периода в Англии рост самосознания в среде светских лиц, выражавшийся, среди прочего, и в стремлении моделировать строй управления церковью в соответствии со своими интересами. Мнения исследователей относительно того, почему светские лица стремились влиять на назначение священников в своих приходах и поддерживали талантливых, образованных священников, сводятся к тому, что влиятельные лица в обществе таким путем могли бы ещё больше усилить свои позиции в данной местности — убедительно проповедовавшие священники в XVI—XVII вв. оказывали значительное влияние на массы. Верхушка общества вербовала таким путем проводников своих интересов, но твёрдых гарантий послушания назначенных этим способом священников не было. Во многих случаях, видимо, гармония интересов светских патронов и назначенных ими священников всё же сохранялась, и они взаимодействовали в деле эффективного управления местным населением. Политическими интересами руководствовалась, как считают историки, и высшая знать, поддерживавшая пуритан, хотя в её среде были также лица, которые сами испытали влияние пуританизма на свои религиозные убеждения²⁹³.

Историками установлено, что ещё одним средством распространения пуританизма были так называемые лекторства: иногда внутри действующего прихода, иногда параллельно приходской системе создавались оплачиваемые должности проповедников-лекторов, которых нанимали соответственно своим религиозным взглядам сами прихожане. Проповедники-лекторы были свободны от требований, налагавшихся церковными властями, что как раз устраивало пуритан. В некоторых местах, где существовали лекторства, пуритане создали ещё одну специфическую организационную форму — «пророчества», которые были конференциями священников, посвященными толкованию Св. Писания. Это был чрезвычайно важный ин-

²⁹² *Collinson P.* The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 48, 52.

²⁹³ *Cross C.* The Puritan Earl. The Life of Henry Hastings, Third Earl of Huntingdon, 1536—1595. — New York, 1966; *Idem.* Church and People, 1450—1660. The Triumph of the Laity in the English Church. — London, 1976; *Idem.* Patronage and Recruitment in the Tudor and Early Stuart Church. — York, 1996.

ститут для пуритан, обеспечивавший профессиональное совершенствование священников и, по признанию исследователей, способствовавший распространению и утверждению пуританизма в Англии в правление Елизаветы. В тех местностях, где пуритан поддерживали светские патроны, и в случае, если местный епископ не был консерватором, пуританизм в 1560—70-е гг. стал тихо укореняться в церкви без каких-либо потрясений²⁹⁴.

Историки показали, что развитию пуританизма прямо содействовало распространение и утверждение кальвинизма в Англии. Наряду с публикацией в английском переводе главного труда Кальвина «Наставление в христианской вере», с середины XVI в. до 1640 г. в Англии вышли 96 изданий сочинений Кальвина и 50 изданий сочинений преемника Кальвина в Женеве Теодора Безы (1519—1605), и лишь по 38 изданий трудов других континентальных реформаторов — Мартина Лютера и Генриха Буллингера. Из 85 изданий Библии, напечатанных за время правления Елизаветы, 60 были изданиями женевской Библии, которая в Англии, как отмечают историки, стала превращаться в обиходную книгу, а кальвинизм стал наиболее влиятельной богословской системой. Нежелание властей отпечатать дешёвые издания официальной епископской Библии 1568 г. помогло сделать женевскую Библию более распространённой. Епископская Библия продавалась в 1571 г. за 27 фунтов 8 шиллингов. Более дешёвую Библию ввозили контрабандой из Нидерландов. К середине XVII в. цены на Библию в Англии стали заметно меньшими — стандартной ценой Библии в 1650-х гг. была сумма от 2 фунтов до 2 фунтов 4 шиллингов. Рост цен на книги в Англии с 1560 по 1635 гг. был относительно меньшим по сравнению с удорожанием других товаров²⁹⁵.

Исследователи выявили и проанализировали требования, которые пуритане выдвигали к строю установленной церкви. Пуритане были против ориентации стола для причастия на восток и его установки в положение алтаря. При крещении ребенка, по их мнению, крёстные отец и мать должны были декларировать свой символ веры. Пуритане также были недовольны, что епископы мирились с тем, что обряд крещения совершали повивальные бабки и даже допускали, что в случае необходимости крещение мог совершить не только священник, а какой-нибудь «достойный и здравомыслящий человек». Священник во время службы, по мнению пуритан, мог находиться в любом месте, откуда его лучше слышат. Пуритане были против ношения священниками стихаря, против обряда конфирмации, опускания на колени при причастии, использования обручального кольца, обряда очищения женщин после рождения ребенка, не кланялись при упоминании имени Иисуса. Некоторых пуритан раздража-

²⁹⁴ Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 51, 59—60; McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 81; Knappen M.M. Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism. — Chicago, 1939. — P. 190.

²⁹⁵ Хилл К. Английская Библия и революция XVII века. — М., 1998. — С. 19, 33, 364; Knappen M.M. Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism. — Chicago, 1939. — P. 181; Cremeans C.D. The Reception of Calvinist Thought in England. — University of Illinois Press, 1949. — P. 60; Watt T. Cheap Print and Popular Piety, 1550—1640. — Cambridge, 1991.

ла продолжительная церковная служба, не уместная, с их точки зрения, в реформированных церквях. Пуритане имели претензии к каноническому праву и к деятельности церковных судов, поскольку они не согласовывались с женеvской моделью церковного устройства. Пуритан не устраивало то, что церковные власти были не очень требовательны к кандидатурам лиц, возводимых в сан, и то, что община не имела голоса при назначении священника. Но при всей своей критичности по отношению к установленной церкви пуритане не нападали на королеву Елизавету, надеясь, что она продолжит реформы²⁹⁶.

К. Хилл полагал, что в выдвигаемых пуританами требованиях были элементы, способные заинтересовать формировавшуюся буржуазию: стремление к дисциплине, отказ от мешающих работе лишних праздников и дней святых, светское покровительство священникам, дававшее голос мирянам в церковных делах²⁹⁷.

Историки отмечают, что различия во взглядах пуритан и англикан в первой половине 1560-х гг. были ещё во многом латентными, но выступления пуритански настроенных клириков стимулировали развитие этих различий. Важным эпизодом в борьбе радикальных реформаторов за дальнейшие изменения церковного строя была конвокация 1563 г. в Кентерберийской церковной провинции.

Историками отмечены трудности в разработке этой темы: материалы конвокации в значительной своей части погибли в лондонском пожаре 1666 г. Уже английские церковные историки XVII—XVIII вв., как и современные исследователи, использовали в работе лишь сохранившуюся часть оригинальных источников²⁹⁸. Специально исследовал её ход У. Хогаард, отметивший, что эта конвокация была «первым крупным полем боя тех групп, которые мы сегодня называем англиканами и пуританами»²⁹⁹.

Важнейшим итогом конвокации 1563 г. для истории церкви Англии было утверждение англиканского символа веры 39 статей со сборником проповедей, а также то, что не были приняты предложения радикальных реформаторов по внесению изменений в молитвенник, церковные обряды и облачения священников. Но то, что эти вопросы удалось поставить на голосование, само по себе свидетельствовало о значительном влиянии формировавшейся пуританской группировки. О многом говорят также итоги голосования в нижней палате конвокации, состоявшей из представителей приходского и епархиального духовенства (верхнюю палату составляли

²⁹⁶ Rose E. Cases of Conscience. Alternatives Open to Recusants and Puritans under Elizabeth I and James I. — Cambridge, 1975. — P. 123; Haugaard W.P. Elizabeth and the English Reformation. The Struggle for a Stable Settlement of Religion. — Cambridge, 1968. — P. 120—122, 128; Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 36, 41.

²⁹⁷ Hill C. Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England. — New York, 1967. — Ch. 4. The Industrious Sort of People.

²⁹⁸ Collinson P. Archbishop Grindal, 1519—1583. The Struggle for a Reformed Church. — London, 1979. — P. 161.

²⁹⁹ Haugaard W.P. Elizabeth and the English Reformation. The Struggle for a Stable Settlement of Religion. — Cambridge, 1968. — P. 53; Rose E. Cases of Conscience. Alternatives Open to Recusants and Puritans under Elizabeth I and James I. — Cambridge, 1975. — P. 118.

епископы): при голосовании 43 присутствовавших делегата были за реформы, 35 — против, но некоторые делегаты имели полномочия голосовать за других, которые отсутствовали по уважительным причинам, так что в итоге получилось, что 58 делегатов были за реформы, а 59 — против. Но даже победа при голосовании в нижней палате, как считает У. Хогаард, не имела решающего значения, поскольку итоги голосования в нижней палате сообщались верхней палате — епископам, а также королеве — главе церкви, которые принимали окончательное решение по церковным вопросам. Более серьёзный оборот дело могло принять, если бы среди епископов было много сторонников реформ, но и это не поколебало бы волю королевы, оставившей за собой решающее слово в решении религиозных вопросов.

На конвокации 1563 г. пуритане также пытались предложить в качестве символа веры церкви Англии 42 статьи 1552 г., содержавшие многие формулировки, близкие к порядкам реформированных церковей на континенте, но и это предложение пуритан не прошло³⁰⁰.

Для пуритан в 39 статьях одной из самых важных была статья 17, трактованная о предоопределении в делах спасения. Характер этой статьи был предметом дискуссий историков XIX—XX вв. Один из авторитетных специалистов по истории богословия Ф. Шафф в середине XIX в. высказывал мнение, что статья 17 «не может быть понята иначе, как в августинианском или умеренно кальвинистском духе»³⁰¹. Ф. Дж. Смитен, изучавший влияние европейского протестантизма на доктрину англиканской церкви, считал статью 17 «по крайней мере умеренно кальвинистской»³⁰². Именно кальвинистскую редакцию статьи отстаивали пуритане, но, как пишет У. Хогаард, как раз категоричных кальвинистских формулировок о непреодолимости божественной благодати, ограниченном числе спасённых жертвой Христа эта статья избегает. По мнению Хогаарда, в статье ощутимо влияние лютеранства, которое вошло в англиканство через труды Генриха Буллингера. Кальвинисты могли принять эту статью, но нельзя считать её явным выражением взглядов Кальвина³⁰³.

Пуритан раздражали в 39 статьях также статьи 20 и 34, которые подчёркивали авторитет церкви, осуждали тех, кто нарушает традиции и церемонии церкви. Статья 28 в 39 статьях утверждала духовное присутствие Христа в Евхаристии, что было близко трактовке, принятой в «*Consensus Tigurinus*», заключённом швейцарскими реформаторами в 1549 г. Исследователи считают, что блокирование требований пуритан церковными властями на конвокации 1563 г. означало, что церковь Англии начала обретать свою идентичность³⁰⁴.

³⁰⁰ *Haugaard W.P. Elizabeth and the English Reformation. The Struggle for a Stable Settlement of Religion.* — Cambridge, 1968. — P. 65, 247—254.

³⁰¹ *Schaff P. Creeds of Christendom. Vol. I—III.* — New York, 1896—1905. — Vol. I. — P. 633.

³⁰² *Smithen F.J. Continental Protestantism and the English Reformation.* — London, 1927. — P. 189.

³⁰³ *Haugaard W.P. Elizabeth and the English Reformation. The Struggle for a Stable Settlement of Religion.* — Cambridge, 1968. — P. 262.

³⁰⁴ *Haugaard W.P. Elizabeth and the English Reformation. The Struggle for a Stable Settlement of Religion.* — Cambridge, 1968. — P. 247—254; *Cremins C.D. The Reception of Calvinist Thought in England.* — University of Illinois Press, 1949. — P. 77.

У. Хогаард предложил также объяснение того, почему 39 статей после принятия их на конвокации 1563 г. получили парламентское утверждение лишь спустя 8 лет — в 1571 г. Впервые 39 статей были представлены на утверждение парламента в 1566 г., но королева запретила парламенту этого года вмешиваться в религиозные дела — она считала важнейшие религиозные вопросы своей прерогативой. Иная ситуация сложилась в 1571 г., поскольку папа Пий V в феврале 1570 г. отлучил Елизавету, и она нуждалась в демонстрации широкой поддержки своей политики в стране, в ещё одном выражении официального закрепления протестантской религии, чем и стало принятие парламентом символа веры англиканской церкви — 39 статей. Но пуританское движение к началу 1570-х гг., уже переходившее в пресвитерианскую стадию своего развития, теперь не удовлетворялось теми из 39 статей, которые устанавливали епископальный строй церкви³⁰⁵.

Современные историки внесли также вклад в решение проблем, связанных со спором об облачениях священников и церемониях в церкви Англии в 1565—1566 гг. Дж. Примус предполагал, что начал кампанию по борьбе с пуританами, которые были нарушителями существовавших предписаний, государственный секретарь Сесиль и архиепископ Кентерберийский Паркер³⁰⁶, но У. Хогаард, проследив все стадии развития событий по источникам, считает инициатором этих мер королеву Елизавету. Архиепископ Кентерберийский Паркер по её предписанию подготовил специальный набор требований, под которыми должны были подписываться священники. Были даны детальные разъяснения относительно облачений, чтобы не оставалось двусмысленностей. При этом были и уступки: ризы теперь были обязательны к ношению священниками при Евхаристии только в соборах и университетских церквях, в приходах было достаточно ношение стихаря. Паркер просил королевской санкции на эти действия, но Елизавета отказала. Высказывались различные предположения относительно того, почему она так поступила: возможно, она не хотела связывать своё имя с непопулярными мерами, думала, что епископы справятся сами; считала эти статьи требовавшими слишком малого. Наиболее обоснованным, может быть, является предположение о том, что королева решила не создавать прецедента в том смысле, что для каждого решения архиепископа требуется дополнительная королевская санкция³⁰⁷.

26 марта 1566 г. архиепископ Паркер и епископ Лондонский Гриндел собрали в Ламбетском дворце 98 непокорных лондонских священников и потребовали от них подписи под выдвинутыми год назад статьями, опубликованными под названием «Объявления» (*Advertisements*). Паркеру трудно было назвать их иначе, поскольку он так и не добился согласия

³⁰⁵ *Haugaard W.P.* Elizabeth and the English Reformation. The Struggle for a Stable Settlement of Religion. — Cambridge, 1968. — P. 286.

³⁰⁶ *Primus J.H.* The Vestments Controversy: A Historical Study of the Earliest Tensions within the Church of England in the Reigns of Edward VI and Elizabeth. — Kampen, 1960.

³⁰⁷ *Haugaard W.P.* Elizabeth and the English Reformation. The Struggle for a Stable Settlement of Religion. — Cambridge, 1968. — P. 213, 215—216.

королевы подписать их. Исследователями выявлено, что в Лондоне все же отказались подписаться 37 священников, которые затем были отстранены от исполнения своих обязанностей. Кампания по утверждению единообразия в облачениях весной 1566 г. развернулась по всей стране³⁰⁸.

К. Хилл пытался ввести экономические мотивы в интерпретацию спора об облачениях и высказывал предположение, что стихари, стоившие примерно 28 шиллингов, были просто дороги для приобретения, и священники не желали их носить по этой причине, но этот аргумент не вызвал отклика у исследователей³⁰⁹.

Внешне завязавшаяся в англиканской церкви борьба против облачений могла бы показаться спором тривиальным, но совсем иначе, как показали историки, думали пуритане. При всей своей внешней незначительности это касалось повседневной жизни, ежедневно напоминая о прошлом, о католической церкви. Пуритане не хотели зависеть от епископов, стремились подчеркнуть свою роль как образованных проповедников, и впоследствии частично добились своего — к началу XVII в. приходские священники носили не квадратный, а круглый головной убор, а прежний головной убор и риза стали атрибутами высшего духовенства, показателями различия в ранге³¹⁰.

П. Коллинсон показал, что можно обнаружить свидетельства недовольства ношением стихарей в народе — масса реагировала на такие внешние знаки, поскольку традиционные облачения духовных лиц напоминали о религиозных преследованиях во времена Марии Тюдор³¹¹.

П. Мак-Грат показал, что пуритане пытались придать спору об облачениях общеевропейский характер, обратившись с письмами к Г. Буллингеру и Т. Безе, утверждая, что в церкви Англии нет дисциплины, нет проповеди, от прихожан и духовенства требуется лишь подчинение, сетовали на варварское состояние богословского образования в Англии. Но знаменательно, что при Елизавете никого из европейских реформаторов не приглашали поселиться в Англии. Буллингер не поддержал пуритан открыто, а Теодор Беза в Женеве допускал резкие высказывания об английском церковном строе, и отношения Безы с англиканской иерархией постепенно испортились³¹².

Спор об облачениях, как отмечают историки, имел ещё одно следствие — в английском языке появился термин «пуританизм», а также

³⁰⁸ *Haugaard W.P.* Elizabeth and the English Reformation. The Struggle for a Stable Settlement or Religion. — Cambridge, 1968. — P. 70, 224; *Collinson P.* The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 73; *Porter H.C.* Reformation and Reaction in Tudor Cambridge. — Hamden (Connecticut), 1972. — P. 117—118.

³⁰⁹ *Hill C.* Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England. — New York, 1967. — P. 431.

³¹⁰ *Rose E.* Cases of Conscience. Alternatives Open to Recusants and Puritans under Elizabeth I and James I. — Cambridge, 1975. — P. 125.

³¹¹ *Collinson P.* The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 95; *Idem* English Puritanism. — London, 1984. — P. 30.

³¹² *Knappen M.M.* Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism. — Chicago, 1939. — P. 205—206; *McGrath P.* Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 78, 94; *Collinson P.* Archbishop Grindal, 1519—1583. The Struggle for a Reformed Church. — London 1979. — P. 181.

термин «нонконформист». Выявлено, что одним из первых центров пуританизма в Лондоне был приход Минориз, который содержался на взносы прихожан, плативших из своих средств священнику и нанимавших духовных лиц по своему вкусу (такая форма организации прихода называлась «a donative curacy»), создав при этом также лекторство³¹³.

Ещё одним далеко идущим следствием спора об облачениях истории считают появление сепаратистов — тех, кто отделился от установленной церкви, будущих конгрегационалистов и индипендентов. По мнению Х.К. Портера, сепаратизм частично стимулировали сами пуритане: любимой их цитатой из Апостола Павла была фраза из Второго послания Коринфянам 6,14: «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными. Ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?»³¹⁴.

Сепаратисты, как установлено, появились под влиянием преследований церковных властей в середине 1560-х гг. Первый известный по источникам эпизод в деятельности сепаратистов связан с тем, что 20 июня 1567 г. в Лондоне представители городских властей во главе с шерифом арестовали около 100 человек в зале корпорации водопроводчиков, который они наняли якобы для проведения свадьбы, в действительности проводя здесь богослужение. Эту группу возмущали преследования их священников за нонконформизм, но они надеялись на «улучшение времен». Члены этой группы около 1570 г. стали основой сознательно отделившейся от церкви общины с избираемыми должностными лицами, с подписанием особого договора (covenant) при вступлении в общину. Епископ Лондонский Гриндел специально встречался с ними, отметив, что среди них много женщин, а также оставил свидетельство, что «состоит эта группа из граждан самых низших слоев с четырьмя или пятью священниками, не примечательными ни своей рассудительностью, ни учёностью»³¹⁵.

Характеризуя мотивы отделения сепаратистов от англиканской церкви, исследователи сводят главные причины их действий к религиозным факторам и неудовлетворению строем англиканской церкви. К. Хилл при объяснении взглядов сепаратистов искал в их действиях причины материального порядка, интересуясь тем, как относились мелкие ремесленники, городские низы (эти группы составляли социальную базу сепаратизма) к расценкам на совершение обрядов в англиканской церкви, и предполагая, что к выходу из официальной церкви их побуждало нежелание платить за совершение этих обрядов³¹⁶. Сами сепаратисты, судя по имеющимся источникам и мнениям историков, никогда не объясняли

³¹³ Scott Pearson A.F. Thomas Cartwright and Elizabethan Puritanism. 1535—1603. — Gloucester (Mass.), 1966. — P. 18; Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 86—87.

³¹⁴ Porter H.C. Puritanism in Tudor England. — London, 1970. — P. 78.

³¹⁵ Knappen M.M. Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism. — Chicago, 1939. — P. 212; Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 88—90.

³¹⁶ Hill C. Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England. — New York, 1967. — P. 431.

свои действия экономическими причинами. Возможно, в действиях сепаратистов имело место сложное, не всегда осознаваемое людьми переплетение религиозных и социально-экономических причин.

Историки отмечают, что пуритане и сепаратисты отличались друг от друга, поскольку пуритане не покидали церковь и стремились к реформам внутри церковной организации. Специалисты по истории сепаратизма склонны отмечать то, что это течение связано с радикальным крылом пуритан, и в этих группах возможны взаимопереходы³¹⁷.

Главным результатом спора об облачениях историки считают открытое оформление партий пуритан и англикан. Различие между этими группировками, существовавшее с начала 1560-х гг., переросло в открытую борьбу³¹⁸.

В изучении проблем, связанных с формированием пуританизма, в современной британской историографии центр тяжести в работе исследователей лежит в сфере изучения религиозно-политической истории периода. На нынешнем этапе идет дальнейшая работа с источниками, уточнение и сопоставление высказанных ранее мнений с целью составить более детальное представление об узловых пунктах возникновения и эволюции пуританизма. К настоящему времени появилось более отчетливое представление о начальной стадии формирования пуританизма, о влиянии идей европейской Реформации, и особенно швейцарских реформированных церквей, на возникновение пуританизма, о роли английской эмиграции на континенте. Важной проблемой остается выяснение того, почему в Англии, кроме официальной Реформации, проводившейся королевской властью, укоренились также идеи швейцарской Реформации с республиканскими тенденциями, и чьим религиозным и светским интересам это отвечало.

³¹⁷ *Creameans C.D.* The Reception of Calvinist Thought in England. — University of Illinois Press, 1949. — P. 67; *White B.R.* The English Separatist Tradition. From the Marian Martyrs to the Pilgrim Fathers. — Oxford University Press, 1971.

³¹⁸ *Haugaard W.P.* Elizabeth and the English Reformation. The Struggle for a Stable Settlement of Religion. — Cambridge, 1968. — P. 228.

§3. Пуританское движение в начале 1570-х—1604 гг. в современных дискуссиях британских историков

Одной из центральных проблем в исследовании английского пуританизма времени правления королевы Елизаветы (1558—1603) является изучение пресвитерианской стадии пуританского движения в Англии во 70-е гг. XVI— начале XVII в. Исследовательские усилия сосредоточивались во второй половине XX в. на дальнейшем изучении содержания пресвитерианского движения, его характера, целей. Историки обращаются к анализу ключевых эпизодов в деятельности пресвитериан на основе материалов источников с учётом трудов работавших ранее историков.

Исследователи обращали внимание на то, что пропаганда пресвитерианского строя церковного управления, которую пуритане начали в 1570-е гг., представляла собой прямую атаку на епископальный строй англиканской церкви. Одну из причин этого историки склонны усматривать в идейном влиянии Реформации. Р. О’Дей отмечает, что начало Реформации ослабило социальный статус духовенства, поставило под сомнение необходимость сохранения привилегированного положения епископата³¹⁹. П. Коллинсон указывает на влияние идей Томаса Кранмера и Мартина Буцера: Кранмер определял епископов лишь как должностных лиц, осуществлявших властные полномочия над низшими разрядами духовенства, Буцер настаивал, что ни один епископ не может принимать решения без совета с остальным духовенством. Жан Кальвин вообще отождествлял должность и ранг епископа и священника, но делал определённую уступку, признавая давнюю традицию подчинения одних священников другим ради порядка в церкви. Такие идеи укоренялись и среди англичан. Историками признано, что наибольшее влияние на пуритан в понимании роли епископов оказал преемник Кальвина в Женеве Теодор Беза. Среди англиканских епископов бытовало мнение, что пресвитерианская система церковного устройства, которая, как предполагалось, могла повысить образовательный уровень священников, улучшить дисциплину в церкви, внушалась английским пуританам Безой как средство установить контроль из Женевы над церковью Англии. П. Коллинсон считает, что характерное для пресвитериан требование ужесточения дисциплины в общине во второй половине 1560-х гг. стали выдвигать также и сепаратисты. Но пресвитерианство отличалось от будущего сепаратистского конгрегационализма тем, что возвышало священника и руководство общины над

³¹⁹ O’Day R. The Debate on the English Reformation. — London-New York, 1986. — P. 189.

остальными её членами, давая возможность влиятельным и состоятельным лицам играть в делах общины ведущую роль³²⁰.

В Англии пресвитерианская система впервые получила учёного защитника в лице Томаса Картрайта (1535—1603). Самой обстоятельной работой о нём долгие годы остаётся книга А.Ф. Скотта Пирсона «Томас Картрайт и пуританизм при Елизавете, 1535—1603», опубликованная ещё в 1925 г. и переизданная в 1966 г.³²¹.

В 1570 г. Картрайт выступил в Кембриджском университете с лекциями на основе толкования Деяний и Посланий апостолов, в которых утверждал, что должности архиепископов и епископов должны быть отменены, а вместо них следует ввести должности епископов и диаконов. Епископ должен иметь лишь духовные функции, а диакон — заботиться о бедных. Управление церковью должно было перейти в ведение священников и пресвитерия. Священники должны были стать выборными и прикрепляться для служения к определённой общине³²².

Х.К. Портер показал, что поддержка, оказанная Картрайту среди студентов и преподавателей, была значительной, и от деятельности его сторонников в Кембриджском университете сохранились документальные свидетельства³²³.

Противниками Картрайта выступили главы колледжей Кембриджа. Из-за содержания лекций Картрайту отказали в присвоении степени доктора богословия, и, предположительно, по этой причине он приобрёл отрицательное отношение к академическим степеням, которое стал впоследствии высказывать. Его оппоненты пытались объяснять происхождение развязанного им спора беспокойными и неуживчивыми чертами его личности. Картрайт был вытеснен из университета с помощью университетских статутов, согласно которым, если профессор исповедовал неугодные взгляды, его могли принудить к раскаянию, при отказе лишить должности. По оценке исследователей, травлей в полном смысле слова такое обращение назвать нельзя, но лицам, публично высказывавшим неортодоксальные религиозные взгляды, путь к занятию должностей в университетах и в церкви был закрыт. Историки придают большое значение идеям, высказанным Картрайтом в его лекциях о церковном устройстве, так как они примерно на два десятилетия определили цель пуританского движения. Картрайт сделал обсуждение вопросов церковного устройства отличительной чертой пресвитерианского движения, а пуританское движение под влиянием его идей вступило в пресвитерианскую стадию³²⁴.

³²⁰ *Creameans C. D.* The Reception of Calvinist Thought in England. — University of Illinois Press, 1949. — P. 95—100; *Collinson P.* The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 103—104, 106, 116.

³²¹ *Scott Pearson A.F.* Thomas Cartwright and Elizabethan Puritanism, 1535—1603. — Gloucester (Mass.), 1966.

³²² *Creameans C. D.* The Reception of Calvinist Thought in England. — University of Illinois Press, 1949. — P. 84; *Scott Pearson A.F.* Thomas Cartwright and Elizabethan Puritanism, 1535—1603. — Gloucester (Mass.), 1966. — P. 33.

³²³ *Porter H.C.* Reformation and Reaction in Tudor Cambridge. — Hamden (Conn.), 1972. — P. 141.

³²⁴ *Porter H.C.* Reformation and Reaction in Tudor Cambridge. — Hamden (Conn.), 1972. — P. 177;

Д. Мак-Каллок называет начало 1570-х гг. «временем надежд для пуритан после разочарований середины 1560-х гг».³²⁵ так как в Англии усилилось давление на католиков из-за издания папской буллы об отлучении Елизаветы, выпущенной в феврале 1570 г. При существовавшей необходимости ограничить деятельность католиков власти не хотели чрезмерно отталкивать пуритан. Среди епископов были лица, не желавшие противодействовать пуританизму, а в 1570 г. архиепископом Йоркским, возглавив северную церковную провинцию, стал симпатизировавший пуританам Эдмунд Гриндел, в дальнейшем способствовавший распространению пуританизма на севере страны. Созданный после подавления католического восстания 1569 г. Совет Севера возглавил также симпатизировавший пуританам Генри Гастингс, третий граф Хантингдон³²⁶.

Наряду с выдвиганием планов пресвитерианского переустройства англиканской церкви, как характерную черту деятельности пуритан в начале 1570-х гг. исследователи выделяют их стремление заинтересовать своими планами более широкий круг светских лиц и попытаться реализовать свои проекты при помощи палаты общин³²⁷. Установив социальный статус тех депутатов парламента, которые выступали на заседаниях с пуританскими требованиями и предлагали отвечающие интересам пуритан законопроекты, историки приходят к выводу, что это мало проясняет вопрос о социальной природе пуританизма, так как его приверженцев они находят среди представителей разных социальных групп, но К. Хилл склонялся к мнению, что пуританизм привлекал внимание формировавшихся буржуазных элементов в обществе³²⁸.

В 1572 г., как показали историки, пуритане пытались провести план пресвитерианского переустройства церкви Англии через парламент. В законопроекте, представленном в нижней палате в мае 1572 г., утверждалось, что, хотя молитвенник и приемлем в основных пунктах доктрины, некоторые обряды и церемонии были введены в него в 1559 г. только потому, что тогда люди ещё были «ослеплены предрассудками». Поэтому предлагалось применять закон о единообразии 1559 г. в полной мере только против католиков, а священники в англиканской церкви могли бы с согласия епископа опускать не устраивавшую их часть службы. Если бы законопроект был принят, как считал Дж. Нил, пуритане начали бы подрыывать церковь изнутри. После третьего чтения дальнейшее обсуждение билля заблокировала королева. По оценке историков, это демонстрирует как значительность позиций сторонников пуритан в нижней палате пар-

Scott Pearson A.F. *Thomas Cartwright and Elizabethan Puritanism, 1535—1603*. — Gloucester (Mass.), 1966. — P. 31—34, 44, 129; *Cremins C.D. The Reception of Calvinist Thought in England*. — University of Illinois Press, 1949. — P. 70.

³²⁵ MacCulloch D. *The Later Reformation in England, 1547—1603*. — New York, 1990. — P. 38.

³²⁶ Marchant R.A. *The Church under the Law: Justice, Administration and Discipline in the Diocese of York, 1560—1640*. — Cambridge, 1969; *Idem. The Puritans and the Church Courts in the Diocese of York, 1560—1640*. — London, 1960; Cross C. *The Puritan Earl: the Life of Henry Hastings, Third Earl of Huntingdon, 1536—1595*. — London, 1966; *Collinson P. Archbishop Grindal, 1519—1583. The Struggle for a Reformed Church*. — London, 1979. — P. 212.

³²⁷ Neale J. *Elizabeth I and her Parliaments. Vol. 1—2*. — London, 1953—1957. — Vol. 1. — P. 33—84.

³²⁸ Hill C. *Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England*. — New York, 1967. — P. 121—122.

ламента, так и то, что палата общин в целом не была настолько привержена пуританизму, чтобы продвигать этот законопроект любой ценой и выступать против воли королевы³²⁹.

Как отмечают исследователи, только после провала этого законопроекта пуритане решили вступить в резкую полемику с церковными властями и опубликовали получившие широкую известность первое и второе «Предостережения парламенту», которые были переизданы в начале XX в. У.Х. Фрером и С.Э. Дугласом³³⁰. Проблемы, связанные с авторством и содержанием «Предостережений», обсуждаются в большинстве работ, рассматривающих историю пуританского движения в XVI—начале XVII вв.

Большинство историков придерживаются мнения, что авторами первого «Предостережения парламенту» были Джон Филд и Томас Уилкоккс — новые лидеры пуритан, проявившие себя на пресвитерианской стадии движения³³¹. В ноябре 1572 г. появилось второе «Предостережение парламенту». До начала XX в. были попытки приписать его авторство Томасу Картрайту, но его биограф А. Ф. Скотт Пирсон опроверг это и предположил, что авторами были известные пуритане Кристофер Гудмэн или Энтони Джилби³³², к чему и склонилось большинство, хотя есть исключения — Д.Дж. Макджинн всё же считает автором Т. Картрайта³³³.

П. Коллинсон характеризует «Предостережения парламенту» как «самый резкий документ из всех прежде опубликованных одной партией протестантов против другой в Англии», который даже вызвал нечто вроде раскола в пуританском движении, поскольку «большинство старых лидеров сразу отгородились от такого экстремизма, так что мы явно видим начало нового движения, а не трансформацию старого»³³⁴.

Во втором «Предостережении» пуритане перешли от критики существовавшего церковного строя к изложению своего проекта реорганизации церкви, предложив, по оценке историков, введение в Англии женеvской системы церковного управления, не оставлявшей места ни для епископов, ни для монарха как главы церкви, и предполагавшей, что представители светской власти тоже должны действовать в соответствии с волей пресвитерианского руководства. Пресвитериане в такой степени настаивали на строгом соблюдении церковной дисциплины, что применительно к ним в 1570—80-е гг. стал употребляться термин «дисциплинаристы» (“disciplinarians”) как синоним для обозначения пуритан пресвитерианского толка³³⁵.

³²⁹ Neale J. Elizabeth I and her Parliaments. — London, 1953. — Vol. 1. — P. 298; McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 131—132.

³³⁰ Puritan Manifestoes: A Study of the Origin of the Puritan Revolt / Ed. W.H. Frere, C.E. Douglas. — London, 1907.

³³¹ Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 119.

³³² Scott Pearson A.F. Thomas Cartwright and Elizabethan Puritanism, 1535—1603. — Gloucester (Mass.), 1966. — P. 59.

³³³ McGinn D.J. The Admonition Controversy. — New Brunswick, 1949.

³³⁴ Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 119—120; Creameans C.D. The Reception of Calvinist Thought in England. — University of Illinois Press, 1949. — P. 84.

³³⁵ Creameans C.D. The Reception of Calvinist Thought in England. — University of Illinois Press, 1949. — P. 98.

В среде английских пресвитериан, наряду с Томасом Картрайтом, роль ещё одного руководящего идеолога, как отмечают, играл Уолтер Траверс³³⁶, который подготовил и в 1573—1574 гг. опубликовал на латинском и английском языках трактат «Полное и откровенное изложение церковной дисциплины со слов Бога». Пресвитерианский строй церкви Траверс определял как аристократию — управление нескольких лучших в общине, при котором решающую роль играла верхушка должностных лиц. Они избирались общиной пожизненно, но после этого принимали управленческие решения, прежде всего, сами. В связи с этим исследователи оспаривают мнение о том, что строй кальвинистских пресвитерианских общин можно считать демократическим³³⁷.

Историки пытались установить, где получила образование большая часть известных пуритан. Из пуританских проповедников, учителей, приходских священников, фигурирующих как действующие лица в событиях 1570—1590 годов, 42 человека учились в Оксфорде и 228 — в Кембридже. Оксфорд изучен хуже в отношении распространения в нём пуританизма. Кембридж дал большее число пуритан, но оксфордские питомцы были более радикальными (например, идеологи и руководители пресвитериан Филд и Уилкоккс), хотя университетские пуритане чаще всего не были радикалами. Университеты, как считают историки, способствовали превращению пуританизма в национальное явление, поскольку их выпускники распространяли пуританские идеи по стране³³⁸.

Ещё одним примечательным событием 1570-х гг., по сей день привлекающим внимание историков, была полемика между Картрайтом и будущим архиепископом Кентерберийским Джоном Уитгифтом, в которой нашли отражение позиции пуританской партии и установленной церкви по всем важнейшим спорным вопросам. Апологеты англиканства не сомневались в том, что Уитгифт «нанес сокрушительный удар приверженцам пресвитерианства во главе с Картрайтом»³³⁹. Прежде всего, Уитгифт подверг сомнению тезис пуритан, согласно которому предлагаемая ими форма управления церковью в точности основывалась на Св. Писании, и даже подобрал подходящие цитаты из несомненного авторитета для пуритан — Кальвина: «Мы знаем, что каждая церковь имеет свободу вводить и назначать такую форму правления, которая уместна и выгодна для неё, потому что Бог не предписал здесь ничего определённого». Уитгифт отстаивал позицию, согласно которой строй управления церковью — дело не принципа, а целесообразности, и решение по этому поводу принимается с учётом внутренних условий данного государства. Уитгифт находил в пресвитерианской системе существенные изъяны, препятствующие её введению в Англии — государстве с монархическим

³³⁶ Knox S.J. *Walter Travers: Paragon of Elizabethan Puritanism*. — London, 1962.

³³⁷ Cremeans C. D. *The Reception of Calvinist Thought in England*. — University of Illinois Press, 1949. — P. 85, 86.

³³⁸ Green V.H. *H. Religion in Oxford and Cambridge*. — London, 1964; McGrath P. *Papists and Puritans under Elizabeth I*. — London, 1967. — P. 157.

³³⁹ Brook V.J.K. *Whitgift and the English Church*. — London, 1957. — P. 43.

строем. Пресвитерианская система, обращая внимание Уитгифт, отнимала всю власть в церковных делах у монарха, потенциально стимулировала республиканизм, открывала путь к раздорам, дав власть многим людям. К тому же пресвитерианская консистория не смогла бы сама добиться послушания нарушителей закона, поскольку без помощи светской власти не смогла бы заставить их подчиниться³⁴⁰.

Одним из уязвимых тезисов Картрайта была мысль о том, что судебный кодекс Моисея имеет значение для всех времен и народов. Буквализм Картрайта в трактовке Писания привёл к тому, что он высказывался за сохранение жестоких наказаний вплоть до смертной казни за богохульство, супружескую измену, ересь, которые требуются в Ветхом Завете. По словам Ч. Джорджа, «это был один из самых диких анахронизмов во взглядах Картрайта»³⁴¹. Д. Нью даже называет Картрайта «библейским тоталитаристом»³⁴². Р. Гривз обратил внимание на то, что Картрайт подверг сомнению даже необходимость празднования Пасхи, потому что оно сопровождалось гуляниями, потреблением спиртных напитков³⁴³. В то же время в трактовке А.Ф. Скотта Пирсона Картрайт — лишь образец религиозной убежденности в том виде, какова она была в XVI в.³⁴⁴

Относительно протестов пуритан против обрядов и церемоний Уитгифт заявлял, что, если какие-то церемонии оскорбляют совесть священника, нужно оставить должность и не идти против своих убеждений. Картрайт же заявлял, что человек не может покинуть то место, где ему нравится, но где есть некоторые порядки, которые его не устраивают. Напротив, долг священника — оставаться там, где он может принести пользу, а не оставлять поле для партии противника. По мнению Э. Роуза, во взглядах Картрайта «очевидно проявлялась политическая по характеру позиция, а не религиозные сомнения»³⁴⁵. Исследователи указывают, что пуританский священник мог притвориться, что подчинился требованиям церковных властей и стал конформистом, на практике продолжая сохранять свои взгляды. П. Коллинсон считает, что роль фактора, сдерживавшего пресвитерианские наклонности у священников, сочувствовавших пуританизму, имело доходное место службы в приходе³⁴⁶. Историки также высказывали мнение, что Уитгифт в доктрине был таким же кальвинистом, как и Картрайт, и не принимал лишь практических следствий кальвинизма в виде пресвитерианской системы,

³⁴⁰ *Scott Pearson A.F. Thomas Cartwright and Elizabethan Puritanism, 1535—1603.* — Gloucester (Mass.), 1966. — P. 27, 153; *Cremins C.D. The Reception of Calvinist Thought in England.* — University of Illinois Press, 1949. — P. 90.

³⁴¹ *George C. George K. The Protestant Mind of the English Reformation, 1570—1640.* — Princeton, 1961. — P. 232.

³⁴² *New J.F.H. Anglican and Puritan: The Basis of their Opposition, 1558—1640.* — Stanford, 1964. — P. 26.

³⁴³ *Greaves R.L. Society and Religion in Elizabethan England.* — Minneapolis, 1981. — P. 425.

³⁴⁴ *Scott Pearson A.F. Thomas Cartwright and Elizabethan Puritanism, 1535—1603.* — Gloucester (Mass.), 1966. — P. 91—92.

³⁴⁵ *Rose E. Cases of Conscience. Alternatives Open to Recusants and Puritans under Elizabeth I and James I.* — Cambridge, 1975. — P. 132.

³⁴⁶ *Collinson P. English Puritanism.* — London, 1984. — P. 20.

так что процесс размежевания позиций англикан и пуритан в 1570-е гг. еще только начинался³⁴⁷.

Как отмечают историки, новым элементом в деятельности пуритан на рубеже 1570—80-х гг. стало использование в своих интересах соблюдения постов. В ходе Реформации католики пытались осуждать протестантов за то, что они якобы не постятся. Пуритане в Англии заявляли, что, напротив, именно они соблюдают посты в духе Нового Завета, соединяя их с публичной молитвой и проповедью. Пуритане осуждали католиков за то, что они свели посты, которые должны быть, прежде всего, поводами для молитвы и покаяния, к чисто внешним действиям по отказу от тех или иных деяний или от употребления каких-то продуктов³⁴⁸.

Исследователи писали о существовании в церкви Англии второй половины XVI в. своего рода «епископальной анархии»: отсутствие согласованности в церковной политике на общенациональном уровне было её характерной чертой, поскольку англиканство находилось пока ещё в стадии становления, среди епископов были лица, симпатизировавшие умеренному пуританизму. В 1575—1583 гг. при архиепископе Кентерберийском Гринделе церковные власти не ограничивали распространение женеvской Библии с кальвинистскими комментариями, и к тому же с 1578 г. в приложении к ней публиковался пересмотренный в пуританском направлении текст официального англиканского молитвенника. Пуритане просто опускали не нравившиеся им церемонии и пользовались такими молитвенниками для своих нужд в тех общинах, где их сторонники составляли большинство. Между 1578 и 1583 гг. вышло 16 изданий женеvской версии Библии и ни одного официальной англиканской епископской Библии (Bishop's Bible) 1568 г. Были лишь отдельные случаи в приостановке исполнения полномочий и лишении прихода пуританских священников. По оценке историков, существовало своеобразное соглашение между пуританами и епископами: епископы не будут слишком обременять совесть пуританских проповедников, а они, в свою очередь, не будут тревожить мирное состояние церкви. В 1577—1583 гг., когда исполнение полномочий Гриндела было приостановлено, продолжался процесс распространения и укоренения пуританизма в стране. Система управления церковью из-за отстранения архиепископа была частично расстроена, и некому было требовать от епископов единых стандартов в управлении церковью и обращении с пуританами. Светские власти во многих графствах сотрудничали с пуританами в создании у себя некоторого подобия пресвитерианской церковной дисциплины. Отнюдь не прекратились и «пророчества», несмотря на официальный запрет, с которым было связано приостановление королевой Елизаветой в исполнении своих полномочий архиепископа Гриндела. Некоторые «пророчества»

³⁴⁷ *Creameans C.D.* The Reception of Calvinist Thought in England. — University of Illinois Press, 1949. — P. 73, 74; *Collinson P.* The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 153—154.

³⁴⁸ *Collinson P.* The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 214—215, 218.

приобретали фракционный дух — следствием преследований была радикализация пуританизма³⁴⁹.

Пуритане на рубеже 1570—80-х гг. имели поддержку со стороны некоторых членов Тайного совета. Исследователи предполагают, что некоторые светские лица просто не хотели нового укрепления церкви в английском обществе, поскольку сильная церковь могла бы заявить свои права на возвращение имущества, ушедшего из церковной собственности с началом Реформации. В этом, очевидно, заключалась одна из причин сохранения в стране деятельности «пророчеств» при поддержке светских лиц, несмотря на запреты³⁵⁰.

Л. Стоун собрал данные от 1580 г. о религиозной принадлежности пэров королевства: из 66 двадцать были католиками, десять были замечены в пуританских симпатиях, двенадцать поддерживали англиканскую церковь, остальные 24 пэра свои религиозные симпатии никак не проявляли и при обсуждении религиозных вопросов присоединялись к большинству. Л. Стоун считал, что существование религиозных диссидентов (и пуритан, и католиков) в это время в Англии связано с покровительством светских землевладельцев. Без их поддержки преследования властей могли бы искоренить нонконформистов и установить монолитную государственную церковь. Светские лица в таких случаях, по его мнению, действовали преимущественно под влиянием своих религиозных взглядов. Особенно наглядно влияние причин религиозного характера в поддержке светскими лицами религиозных нонконформистов видно в случае с католиками — никаких материальных выгод на этом пути светские лица снискать не могли, тем не менее, часть знати и джентри оказывали покровительство католикам и защищали их³⁵¹.

Относительно религиозной политики королевы Елизаветы, как считают исследователи, можно утверждать, что она контролировала церковно-административные назначения и не давала усилить свое влияние в церкви пуританам. Изменения в составе епископов на рубеже 1570—80-х гг. были неблагоприятными для пуританского движения: старые епископы из числа эмигрантов, более терпимо относившиеся к пуританам, уходили из жизни, на их место приходили духовные лица, или не симпатизировавшие пуританам, или изменившие отношение к ним в худшую сторону из-за стремления продвинуться на административную должность в церкви³⁵².

Признаки наступления новой стадии в деятельности пресвитериан историки обнаруживают с 1582 г. К этому времени исследователи возводят начало существования пуританской организации с центром в Лондо-

³⁴⁹ Scott Pearson A.F. *Thomas Cartwright and Elizabethan Puritanism, 1535—1603*. — Gloucester (Mass.), 1966. — P. 155; McGrath P. *Papists and Puritans under Elizabeth I*. — London, 1967. — P. 146; Collinson P. *The Elizabethan Puritan Movement*. — London-New York, 1982. — P. 165.

³⁵⁰ Scott Pearson A.F. *Thomas Cartwright and Elizabethan Puritanism, 1535—1603*. — Gloucester (Mass.), 1966. — P. 235; McGrath P. *Papists and Puritans under Elizabeth I*. — London, 1967. — P. 157.

³⁵¹ Stone L. *The Crisis of the Aristocracy, 1558—1641*. — Oxford, 1965. — P. 741.

³⁵² Knappen M.M. *Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism*. — Chicago, 1939. — P. 259, 263; Collinson P. *The Elizabethan Puritan Movement*. — London-New York, 1982. — P. 170, 209.

не. Её координирующим секретарем был Джон Филд, державший в своих руках нити контактов с графствами. Эта организация функционировала как свободная федерация, состоявшая из местных организаций под названием «классы», которые были новой формой, сложившейся, очевидно, под влиянием «пророчеств». «Классы» были объединениями пуританского духовенства, действовавшими как синоды в пресвитерианских церквях. Они регулярно собирались и обсуждали текущие дела, прежде всего церковные, но высказывали своё мнение и относительно того, что входило в компетенцию светской власти, то есть пытались действовать, как пресвитерии³⁵³.

Проблемой в изучении этой стадии развития пуританского движения является то, что «классы» действовали тайно от церковных властей и не стремились популяризировать своё существование, в отличие от «пророчеств». Полноценные материалы существуют только по одному из таких «классов»³⁵⁴. Центр их заседаний располагался в Дедгэме, городке в 50 милях от Кембриджа, в долине реки Стаур, на границе Лондонской и Нориджской епархий. Действовала организация в Дедгэме с 1582 по 1589 гг. В организации велись протоколы заседаний, подшивалась переписка, а собирались её члены раз в месяц по понедельникам. Число её участников за 7 лет колебалось от 20 до 13. Эти материалы, по словам П. Коллинсона — «наилучшая из документированных историй пресвитерианства на локальном уровне, причем характеризующая ситуацию изнутри этого сообщества»³⁵⁵.

Образовательный уровень участников заседаний Дедгэмских «классов» был исключительно высоким — два члена организации (Чэпмен и Крик) были докторами богословия, один был членом совета колледжа в Оксфорде, ещё десять имели степень магистра. Половина членов организации имела приходы и испытывала давление церковных властей, остальные были лекторами и чувствовали себя свободнее. Организация не подчинялась никакому вышестоящему органу, принимаемые решения носили рекомендательный характер. Такие конференции, видимо, существовали по стране, хотя в остальных случаях известия фрагментарны. П. Коллинсон не сомневается, что «классы» существовали в западном Суффолке во главе с местным пуританским лидером Джоном Ньюстаббом. Они были связаны с Дедгэмом³⁵⁶. Р. Мэннинг нашел «классы» в графстве Суссекс³⁵⁷.

П. Коллинсон считает «классное движение» элитарным по характеру откликом наиболее образованной части пуританского духовенства на низкий образовательный уровень большинства духовных лиц. Организа-

³⁵³ Scott Pearson A.F. Thomas Cartwright and Elizabethan Puritanism, 1535—1603. — Gloucester (Mass.), 1966. — P. 238; Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 218—220.

³⁵⁴ The Presbyterian Movement in the Reign of Queen Elizabeth as Illustrated by the Minute Book of the Dedham Classis, 1582—1589 / Ed. by R.G. Usher. — London, 1905; Rendall H. Dedham in History. — Colchester, 1937.

³⁵⁵ Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 221.

³⁵⁶ Ibid. — P. 225, 228—229, 232.

³⁵⁷ Manning B.R. Religion and Society in Elizabethan Sussex. A Study of the Enforcement of the Religious Settlement, 1558—1603. — Leicester University Press, 1969. — P. 192.

торы «классного движения» даже перестали считать духовными лицами тех, кто не мог самостоятельно проповедовать³⁵⁸.

Исследователи отмечают, что к началу 80-х гг. XVI в. внутри англиканской церкви стала складываться новая ситуация. Существование в течение нескольких десятилетий протестантской церкви Англии сформировало определённую церковную традицию в противовес постоянным требованиям новаций со стороны пуритан. Такие деятели, как архиепископ Кентерберийский Уитгифт (1583—1604) и его поколение, всю свою сознательную жизнь провели в англиканской церкви, в эмиграцию на континент не выезжали и не имели теплых воспоминаний о европейских реформированных церквях, так что именно их усилиями стало обретать опору церковное устройство во главе с монархом, и это ограничивало влияние пуританского движения³⁵⁹.

Историки отмечают, что Уитгифт был серьёзным теоретиком и способным администратором, который начал проводить в отношении пуритан единую политику методичного натиска по возможности во всех епархиях, что сразу же спровоцировало в церкви кризис общенационального масштаба. Он выпустил распоряжения, требовавшие строгого соблюдения молитвенника 1559 г. и ношения предписанных для священника облачений, а, главное, все духовенство должно было подписаться под тремя статьями, специально подготовленными в качестве своего рода теста на конформизм: 1) королева признавалась главой церкви; 2) молитвенник, форма возведения в сан епископов, священников рассматривались как не содержащие ничего, противоречащего Слову Божьему; 3) содержание 39 статей рассматривалось как полностью согласующееся с Писанием. Историки отмечали, что умеренные пуритане были озабочены этими новыми требованиями, а радикалы приняли вызов почти с удовольствием, предвкусывая борьбу³⁶⁰.

Тайный совет, в который поступали жалобы с мест на действия церковных властей от джентльменов из графств, пытался вызвать Уитгифта на свое заседание, чтобы он отчитался о своей деятельности — светские патроны пытались заботиться о назначаемых ими священниках. В предыдущие годы, когда был приостановлен в исполнении должности архиепископ Кентерберийский Гриндел, Тайный совет привык вмешиваться в религиозные дела. Уитгифт упрекал Тайный совет за поддержку нонконформистов и попросил его членов не ставить под сомнение действия церковных властей и не наносить ущерб авторитету архиепископа вызовом отчитаться перед светским органом власти. Из-за противодействия светских лиц Уитгифт в борьбе с пуританами стал опираться на ещё один существовавший

³⁵⁸ *Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625.* — New York, 1982. — P. 131.

³⁵⁹ *Knappen M.M. Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism.* — Chicago, 1939. — P. 266; *Porter H.C. Reformation and Reaction in Tudor Cambridge.* — Hamden (Conn.), 1972. — P. 178.

³⁶⁰ *Marchant R. The Puritans and Church Courts in the Diocese of York, 1560—1642.* — London, 1960. — P. 205—206; *Alexander H. G. Religion in England, 1558—1662.* — London, 1968. — P. 75; *McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I.* — London, 1967. — P. 211; *Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement.* — London-New York, 1982. — P. 248.

в системе администрации орган — церковную комиссию при королеве, которая стала Судом Высокой комиссии по церковным делам (the Court of High Commission). Он был составлен из единомышленников Уитгифта, не подчинялся Тайному совету и был более эффективным орудием³⁶¹.

В среде пуритан наблюдались колебания относительно того, как вести себя в вопросе о подписи под тремя статьями. Переписка Уитгифта этого периода свидетельствует, что члены Тайного совета Уолсингем и Берли рекомендовали ему компромисс. Архиепископ согласился, что подпись священника под второй статьей о молитвеннике и форме возведения в сан епископов и священников может содержать различные оговорки, касавшиеся его религиозных сомнений. На этой основе был достигнут компромисс, так что число не подписавшихся под требованиями архиепископа священников в итоге выражалось единицами. Следует учитывать, однако, и то, что подпись под статьями не означала, что пуританский священник сразу оставит все свои наклонности. П. Коллинсон отмечает в связи с этим, что «неизвестно, кто кого перехитрил в 1584 г.», но для церковных властей выигрыш был в том, что единство церкви было сохранено. Действуя как опытный светский политик, Уитгифт отколол умеренных пуритан от радикалов, и такой способ действий, как считают исследователи, даже предопределил в будущем победу церковных властей над пуританским движением³⁶².

Вместе с тем Уитгифт разрабатывал новые способы борьбы с пуританами, начав использовать в Суде Высокой комиссии анкету из 24 вопросов, которые задавались подозреваемым в пуританских наклонностях священникам — так называемую клятву *ex officio terno*. На все вопросы допрашиваемый должен был отвечать откровенно, отказ отвечать рассматривался как признание вины. Этот метод дал результаты, поскольку пуритане отказывались говорить неправду в ответах на вопросы, касавшиеся их религиозных убеждений, осуждая ложь в таких случаях, но, по условиям процедуры, отказ вменялся в вину и мог привести к лишению прихода. Уитгифт настаивал, что иные способы борьбы с пуританами не дают результатов³⁶³.

В парламенте 1584/85 гг. пуритане предприняли ответную атаку на установленную церковь. По утверждениям специалистов, это была первая в истории парламента хорошо подготовленная на общенациональном уровне политическая кампания, где использовались подготовленные заранее сведения, действовали группы давления³⁶⁴.

Пуритане подготовили данные по 17 графствам о том, каково было положение с исполнением служб и поведением священников. Были описа-

³⁶¹ Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 254—255; Manning B.R. Religion and Society in Elizabethan Sussex. A Study of the Enforcement of the Religious Settlement, 1558—1603. — Leicester University Press, 1969. — P. 199.

³⁶² Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 260—269.

³⁶³ Rose E. Cases of Conscience. Alternatives Open to Recusants and Puritans under Elizabeth I and James I. — Cambridge, 1975. — P. 137.

³⁶⁴ Alexander H.G. Religion in England, 1558—1662. — London, 1968. — P. 76; Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 279.

ны 2537 приходов, в которых, по данным пуритан, только 472 священника могли проповедовать, 1773 не проповедовали, были зафиксированы 467 плюралитетов. Были описаны случаи профессиональной непригодности пасторов, но упомянуты и достоинства, если таковые имелись. Некоторые случаи были просто вопиющими и, по замыслу пуритан, должны были производить впечатление лучше всякой пропаганды: например, священник одного из приходов в Уорикшире был известен всем не своими профессиональными качествами духовного лица, а тем, что лучше всех в округе лечил ястребов. Эти переписи отражали невысокий профессиональный уровень тех священников, которые получили приходы в начале правления Елизаветы и даже, возможно, ранее. Представители церковной иерархии пытались представить эти данные как клевету. Пуританские переписи 1584—1585 гг. публиковались на основе рукописных копий из фонда Morrice MSS в библиотеке доктора Уильямса³⁶⁵. Среди историков преобладает мнение, что сведения из переписей вполне заслуживают доверия³⁶⁶, и, по крайней мере, громкие скандалы не были выдуманы или искажены³⁶⁷.

Историки также показали, что на заседаниях парламента 1584/85 гг. выявилось и то, что не все пуритане придерживались планов пресвитерианского переустройства церкви, то есть, что пуританизм и пресвитерианство — не синонимы. Среди законопроектов, предлагавшихся пуританами, был один пресвитерианский, требовавший введения женевского молитвенника и системы церковного управления в англиканскую церковь без ликвидации епископального строя. Но в палате общин возобладало мнение, что рассматривать его не следует. Этот план выдвигала, прежде всего, лондонская организация пресвитериан во главе с Джоном Филдом, а джентри в графствах и священники из провинции не требовали таких радикальных изменений. Историки объясняют это тем, что введение пресвитерианской системы по полной программе, как осознали депутаты нижней палаты, было чревато новым усилением духовенства: сами светские патроны могли стать объектом критики и цензуры нравов, а это не входило в их планы. Планы пресвитериан вошли в противоречие с интересами влиятельных светских лиц³⁶⁸.

Пресвитерианство, как считает П. Лейк, давало перевес духовным лицам в отношениях со светскими, поскольку священники и меньшинство избранных, в кальвинистских понятиях, «истинных верующих», опираясь на пресвитерианские идеи, чувствовали себя в общине выше по статусу, чем большинство, не относившееся к числу тех, кого можно было рассматривать как избранных. В управлении пресвитерианской общиной создавался строй самоизбранных олигархических групп во главе со священником и выборными старостами, хотя эти полномочия руководство пресвитерианской общины получало от проголосовавших за них прихо-

³⁶⁵ The Second Parte of a Register / Ed. by A. Peel. — Cambridge, 1915. — Vol. I—II.

³⁶⁶ Ecclesiastical Terriers of Warwickshire Parishes. Dugdale Society / Ed. by D.M. Barratt. Vol. XXVI—XXVII. — Oxford, 1971. — Vol. I—II.

³⁶⁷ Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 280—282.

³⁶⁸ Ibid. — P. 288.

жан. Монарху в случае установления в церкви пресвитерианского строя, как считает П. Лейк, оставляли лишь право дальнейшего очищения церкви от остатков папизма и коррупции, но отказывали в праве повседневного руководства церковными делами³⁶⁹.

В пресвитерианстве, полагают исследователи, сохранялись теоретические двусмысленности в толковании того, какими властными правами будет обладать собрание прихожан в приходской общине, а также в распределении властных полномочий между приходскими общинами и вышестоящими синодами. Было также совершенно неясно, каким образом в английских условиях монарх сможет воздействовать на пресвитерианскую церковь, которая превращалась фактически в автономную организацию, имевшую право религиозно-дисциплинарного воздействия на самого монарха и даже отлучения монарха от церкви. В 1570-е гг. Т. Беза выступил с притязанием, что пресвитерианство настолько близко сохраняло практику церковного управления, существовавшую в апостольские времена, что только и могло считаться единственной законной формой управления в христианской церкви. Ж. Кальвин никогда не выступал с подобными утверждениями и всегда соглашался с законностью епископального строя управления церковью. В английском пресвитерианстве стал проявляться своего рода «неоклерикализм» — стремление духовенства самостоятельно определять, что нужно в жизни светским лицам³⁷⁰.

После заседаний парламента 1584/85 гг. руководство пресвитерианского движения по инициативе лондонской организации решает, несмотря на неудачи, начать процесс создания пресвитерианской церковной организации в стране. Первым шагом должна была стать подготовка документа, регламентирующего её устройство, что было поручено Уолтеру Траверсу, который назвал это документ «Книга Дисциплины». Пресвитерианские историки объясняли долгую выработку документа тем, что Траверс много времени тратил на полемику с Ричардом Хукером в церкви юридических корпораций, в которой он служил. Но установлено, что с марта 1586 г. Траверсу было запрещено там проповедовать за пуританские взгляды, так что П. Коллинсон считает причиной того, что «Книга Дисциплины» появилась лишь в 1587 г., отсутствие единодушной поддержки этого проекта среди пуритан — по его словам, «Траверс не писал бы книгу из 22 страниц в течение двух лет». «Книга Дисциплины», как выяснено, не встретила единодушной поддержки в лучшем из изученных Дедгэмских «классов».

Согласно «Книге Дисциплины», управление общиной строилось по жевневскому образцу — создавался пресвитерий (консистерия) с четырьмя степенями должностных лиц (пасторами, докторами, старостами, диаконами), которые принимали решения простым большинством. Роль общины в зна-

³⁶⁹ Lake P. Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker. — London, 1988. — P. 2.

³⁷⁰ Hopfl H. The Christian Polity of John Calvin. — Cambridge University Press, 1982. — P. 109—110; Lake P. Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker. — London, 1988. — P. 3; Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 96.

чительной мере была пассивна, но при отлучении от причастия, выборе или низложении священника всё предписывалось делать с её ведома и согласия. П. Коллинсон считает, что «это была гибкая система церковного устройства, которая по-разному могла быть истолкована добывающимся единоличной власти пастором, энергичной верхушкой общины, или замыслившими мятеж против руководства самими её членами». Для приспособления системы к английским условиям была разработана иерархическая система синодов пресвитерианской церкви. 12 общин составляли конференцию (классы). На этом уровне производилось возведение в сан. Двадцать четыре такие конференции составляли провинцию, посылая двух священников и двух старост на провинциальный синод, который созывался раз в полгода или чаще. Делегатами на национальный синод отправлялись по три священника и три старосты от каждой провинции. На этом высшем уровне обсуждались вопросы доктрины, дисциплины, церемоний. Решения органа вышестоящего уровня были обязательны для всех нижестоящих, хотя разрешалось посылать апелляции с уровня общины в адрес самой высшей инстанции. В этой системе не было места органам светской власти и монарху³⁷¹.

По признанию исследователей, пика активности пресвитерианское движение достигло в 1586—1589 г. Пуритане тщательно подготовились к парламенту 1586/87 г., во время заседаний которого в Лондоне, как предполагают, состоялся первый пресвитерианский национальный синод. В адрес парламента была направлена масса петиций с мест в поддержку реформы церковного управления, что было частью спланированной кампании по оказанию давления³⁷².

Один из узловых эпизодов в истории пресвитерианского движения — действия пресвитериан во время работы парламента 1586/87 г. Как показали историки, усилия пуритан в парламенте опять свелись к попыткам представить законопроект о введении пресвитерианского строя в церковь Англии с прилагавшейся к нему «Книгой Дисциплины» Траверса. В очередной раз эти усилия заблокировала непосредственно королева Елизавета, прямо изъяв этот билль из парламента, а содержание билля раскрыл и истолковал для депутатов в своей речи в парламенте 4 марта 1587 г. Кристофер Хэттон — член Тайного совета, вскоре назначенный лордом-канцлером, который был противником пуритан.

Хэттон апеллировал, в первую очередь, к собственническим инстинктам депутатов парламента и утверждал, что пресвитерианская система потребует большого числа проповедников, на содержание которых не хватит наличных церковных средств, что приведет к изменению отношений собственности — потребуется возвращение того имущества и земель, которые после начала Реформации перешли от церкви к светским лицам. Установлено, что некоторых представителей светской знати, своих покровителей пресвитериане действительно соблазняли новым грабежом земель и имущества епи-

³⁷¹ Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 299—302, 318—319.

³⁷² Alexander H.G. Religion in England, 1558—1662. — London, 1968. — P. 80; Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 303—305.

скопов. Но несколько влиятельных придворных (лорд-казначей Уильям Сесиль, фаворит Елизаветы граф Лестер, государственный секретарь Фрэнсис Уолсингем), испытывавшие симпатии к умеренному пуританизму, не были готовы поддерживать пресвитериан при отрицательном отношении к ним со стороны королевы. При всей организованности своих действий в парламенте пресвитериане, как подчеркивают историки, не учли того, что большая часть светских лиц из числа наиболее значительных собственников не хотела восстановления церкви как влиятельного социального института, обладающего значительными материальными средствами³⁷³.

Исследователи предпринимали усилия с целью выявить, в каких графствах пуританское движение было наиболее активным и где можно обнаружить свидетельства существования пресвитерианских «классов». Как выяснено, движение было наиболее активным в Лондоне, Эссексе, Суффолке, Норгемптоншире, Уорикшире. Сохранились следы активности в Девоншире и Корнуолле, Лестершире и Оксфордшире. Но даже в графствах, которые зарекомендовали себя как пуританские, сторонники пуританизма чаще всего не были равномерно распределены по их территории. Существует мнение, что руководство пресвитерианской организацией носило авторитарный характер, далеко не всегда учитывало интересы основной массы, а сама организация создавалась целенаправленно, а не выростала из стремлений рядовых членов. Отчетливо пресвитерианский характер движению стремилась придать лондонская организация, но большинство «классов» так и не подписали «Книгу Дисциплины», рекомендуя своим членам ужиться с наличным церковным устройством, по всем важнейшим вопросам консультироваться с конференциями — фактически это было попыткой «устроить пресвитерий при епископате». Тех, кого совершенно не устраивал епископальный строй, было меньшинство. Материалы о развитии пресвитерианского движения конца 1580-х годов, как отмечают историки, сохранились в основном в форме допросов пуритан в Звездной палате в 1591 г.³⁷⁴

1588 г. принес, по мнению исследователей, начало отступления пресвитерианского движения, к чему привело влияние ряда факторов. 26 марта этого года умер глава лондонской организации Джон Филд, которого сменил Уолтер Траверс, но его действия в качестве главы, по признанию историков, были менее активными и динамичными. Неблаго-

³⁷³ *Walzer M. The Revolution of the Saints. A Study in the Origins of Radical Politics. — Cambridge (Mass.), 1965. — P. 128; McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 240; Reese M.M. The Puritan Impulse. The English Revolution, 1559—1660. — London, 1975. — P. 26—27; Zaret D. The Heavenly Contract. Ideology and Organization in Pre-Revolutionary Puritanism. — Chicago-London, 1985. — P. 113; Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 315.*

³⁷⁴ *Lake P. Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker. — London, 1988. — P. 10—11; Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 372—382; Alexander H.G. Religion in England, 1558—1662. — London, 1968. — P. 80; McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 231; Knappen M.M. Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism. — Chicago, 1939. — P. 293.*

приятно повлиял на судьбу пресвитерианского движения также разгром испанской Армады. По мнению современников, ход событий демонстрировал явную Божью благосклонность к Англии, а это могло означать, что не так все плохо и в церкви Англии, как представляют дело пресвитериане. В 1588—1590 г. умерли несколько придворных покровителей пуританизма (граф Лестер, Уолтер Майлдмэй, Фрэнсис Уолсингем и граф Уорик), и двумя достаточно влиятельными покровителями пуритан оставались лишь Фрэнсис Ноллис — член Тайного совета, и граф Хантингдон, возглавлявший Северный совет. Решающая же роль в придворных кругах к этому времени переходит к антипуританским силам — группировке Уиттифта-Хэттона, поддерживаемой группой англиканских богословов и юристов гражданского права, выражавших мнения и интересы королевы в религиозных делах³⁷⁵.

Заметным явлением в пуританском движении конца 1580-х гг., привлекающим внимание исследователей, была публикация памфлетов, которые выходили под именем Мартина Марпрелата ("to mar prelates" — мучить прелатов). В памфлетах был подвергнут едкой критике епископальный строй церкви. В начале XX в. эти сочинения были собраны и переизданы под редакцией У. Пирса³⁷⁶. Относительно авторства памфлетов нет однозначного мнения³⁷⁷. Обычно в качестве их вероятных авторов приводят имена пуритан Джоба Трокмортонна, Джона Пенри, или даже Томаса Картрайта. А.Л. Роуз считал, что памфлеты написаны в слишком секулярном стиле человеком, способным в юмористическом духе писать на религиозные темы, и делал вывод, что автором мог быть Майкл Хикс, секретарь Уильяма Сесилия, лорда Берли³⁷⁸. Авторство трактатов, возможно, в какой-то степени было коллективным. Всего с октября 1588 г. по сентябрь 1589 г. вышло семь памфлетов³⁷⁹.

Авторы памфлетов отрицали, что их целью является внесение в церковь демократического строя: «...управление церковью Христа — не народное управление. Оно монархическое в отношении главы церкви — Христа, аристократическое в лице старост, демократическое — в лице членов общины. Таково и управление королевством: монарх, аристократия в верхней палате парламента, народ в нижней палате»³⁸⁰.

Исследователи высоко оценивают уровень прозы и сатиру в трактатах Мартина Марпрелата, отмечая не только их идейное содержание, но и литературные достоинства. Памфлеты широко распространились и пользовались популярностью, так что для полемики с ними церковные

³⁷⁵ Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 387; MacCulloch D. The Later Reformation in England, 1547—1603. — New York, 1990. — P. 57.

³⁷⁶ The Marprelate Tracts: 1588, 1589 / Ed. by W. Pierce. — London, 1911.

³⁷⁷ McGinn D.J. John Penry and the Marprelate Controversy. — New Brunswick, 1966; Carlson L.H. Martin Marprelate, Gentleman: Master Job Throckmorton Laid Open in his Colours. — San Marino, 1981.

³⁷⁸ Rowse A.L. The England of Elizabeth. The Structure of Society. — London, 1950. — P. 476.

³⁷⁹ Porter H.C. Puritanism in Tudor England. — London, 1970. — P. 205; McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 247.

³⁸⁰ Porter H.C. Puritanism in Tudor England. — London, 1970. — P. 209.

власти даже наняли профессиональных юмористов Нэша и Лили³⁸¹. Но многим умеренным пуританам не понравился стиль трактатов — слишком вольный и развязный, способный спровоцировать церковные власти на ответные репрессивные меры, что и последовало. Нападки в трактатах сосредоточились на тех, кто был наиболее активным противником пресвитериан в англиканской партии, причем авторы памфлетов пытались обличать ещё и человеческие пороки в лице представителей церковной администрации. Уитгифта авторы обвинили в гомосексуализме, приписав ему в любовники Эндрю Перна, главу колледжа Петерхауз в Кембридже, который подолгу жил у него в гостях в Ламбетском дворце и умер там же в 1586 г. — оба они были холостяками. Ричард Бэнкрофт был обвинён в том, что мошенничает при игре в карты³⁸². К. Хилл приводил в связи с этим слова Ф. Бэкона, который не был врагом пуритан, но его позиция была показательна для политически мыслящей английской элиты: «В последние годы, когда среди них (имеются в виду пресвитериане — В.Е.) появились и такие, которые утверждают, что согласие светских властей с их деятельностью вовсе не обязательно, когда они группируются в своих «классах» и собирают подписи, когда они опустились до таких низких средств, как дискредитация управления церковью публикацией нелепых пасквилей, когда они заставляют многих подданных сомневаться в принесении клятв, которые составляют один из фундаментов правосудия и в этой стране, и везде... стало ясно, что тут нет дел, связанных с совестью, а только фракция и раскол»³⁸³.

Особенностью позиции Марпрелата было и то, что авторы памфлетов в общем беззлобно относились к прозвищу «пуританин». В этом историки видят начало изменения отношения пуритан к этому термину, который раньше однозначно трактовался ими как уничижительный и оскорбительный. Пуританских священников стали теперь называть ещё и «мартинистами». Публикация памфлетов не предотвратила упадка пресвитерианского движения в последующие годы, поскольку изменить строй управления церковью не удалось, но трактаты заняли определенное место не только в английской церковной истории, но и в английской литературе³⁸⁴.

Историки отмечают также, что в конце 1580-х—1590-е гг. церковь Англии через одного из приближённых архиепископа Уитгифта и лорда-канцлера Хэттона, Ричарда Бэнкрофта (1544—1610), каноника Вестминстерского аббатства, в последующем ставшего архиепископом Кентерберийским (1604—1610), повела пропагандистскую кампанию против пресвитериан, обвиняя их в преследовании корыстных материальных интересов при выдвигании своих планов церковного переустройства по женеvскому образцу. Бэнкрофт в своих трактатах «Обзор притворной священной дисциплины» и «Опасные позиции и деятельность» обличал

³⁸¹ Holden W.P. *Anti-Puritan Satire, 1572—1642*. — Hamden (Conn.), 1968. — P. 45—46.

³⁸² Collinson P. *The Elizabethan Puritan Movement*. — London-New York, 1982. — P. 392; Porter H.C. *Puritanism in Tudor England*. — London, 1970. — P. 207, 209.

³⁸³ Hill C. *Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England*. — New York, 1967. — P. 504.

³⁸⁴ Alexander H.G. *Religion in England, 1558—1662*. — London, 1968. — P. 82.

пуритан, говорил об их связи с определенными фракциями знати и джен-три, мечтающими поживиться за счёт нового грабежа церкви. Остальное же имущество, заявлял Бэнкрофт, пуритане направят на содержание своих пресвитериев. П. Мак-Грат отмечал, что Бэнкрофт, по сути дела, первый стал публично говорить, что имеются и экономические мотивы в том, почему светские лица причисляют себя к пуританам: по его словам, «это было точное, хотя и не вполне справедливое определение двух лиц английского пуританизма»³⁸⁵.

Большой вклад в полемику с пресвитерианами внесли также Ричард Козин со своим трудом «Апология судопроизводства и юрисдикции в церковной сфере», где он защищал клятву *ex officio* и церковные суды, Томас Бильсон и его книги «Вечное управление Христовой церкви» и «Краткое рассуждение, доказывающее божественность епископата», Мэтью Сатклифф, выступивший с «Трактатом о церковной дисциплине» и сочинением «Дополнительный ответ на одну клевету». Сатклифф показал шаткость утверждений о том, что пресвитерианский план церковного устройства опирается на Св. Писание, поскольку сами пресвитериане не имели о нём единого понятия и не могли договориться, и заявлял, что они «ставят монарха под власть группы клоунов и оборванцев, именующих себя церковными старостами». Непоследовательны были пуритане, на его взгляд, и в вопросе о плюралитетах в церкви, поскольку среди них были такие, кто сам занимал не один приход³⁸⁶.

К рубежу 1580—90-х гг. исследователи относят первые заметные проявления взаимодействия пуритан и юристов, поскольку историки находили у них немало общего, прежде всего в том, что многие из тех и других принадлежали к формировавшемуся среднему классу Англии, и к тому же в начале XVII в. бывало, что пуританин и юрист объединялись в одном лице³⁸⁷. Юристы уже поняли, что изменить церковное устройство легальным способом в соответствии с пуританскими планами вряд ли удастся, поэтому они лишь поднимали частные вопросы, пытались обнаружить слабые места в действиях церковных властей. В парламенте 1589 г. юристы обращали внимание на сомнительность применения против пуритан клятвы "*ex officio meo*", которая принуждала человека свидетельствовать против себя, на случаи приостановки в служении и аресты пуританских священников, пытались трактовать приход как разновидность фригольда, что дало бы возможность рассматривать попытку лишить священника доходов от службы в приходе как незаконную. Все эти действия властей никакими законами прямо не предписывались — тут был простор для судебного состязания, но юристам не удалось добиться заметных результатов³⁸⁸.

³⁸⁵ *McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I.* — London, 1967. — P. 250—251; *MacCulloch D. The Later Reformation in England, 1547—1603.* — New York, 1990. — P. 55—56.

³⁸⁶ *McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I.* — London, 1967. — P. 314.

³⁸⁷ *Eusden J.D. Puritans, Lawyers and Politics in Early 17th Century England.* — New Haven, 1958.

³⁸⁸ *Eusden J.D. Puritans, Lawyers and Politics in Early 17th Century England.* — New Haven, 1958. — P. VII—VIII; *Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement.* — London-New York, 1982. —

Ослабление и распад пресвитерианского движения историки датируют 1589—1590 гг. Зимой 1589—1590 гг. в Суде Высокой комиссии были допрошены десятки священников с целью выстроить насколько возможно более полную картину деятельности тайной организации пресвитериан, о которой власти имели уже некоторое представление. Большинство вызванных на допросы духовных лиц враждебно относились к намерениям преследователей, но были также исключения, так что удалось найти тех, кто мог выступить в качестве свидетелей. На основе их показаний был определён круг тех, кого можно было выводить на открытый суд, и была арестована группа пуританских священников из 9 человек, самым известным из которых был Томас Картрайт.

Материалы этого судебного процесса, который начался 13 мая 1591 г., сохранились в Государственном архиве Великобритании и являются одним из важных источников по истории деятельности организации пресвитериан. Власти пытались представить действия пуритан как государственное преступление. Утверждалось, что «Книга Дисциплины» и «классы», на которых она обсуждалась, представляют собой бунтовщическую попытку взять на себя власть в церковных делах, которая принадлежит королеве как главе церкви. Вменялось пуританам в вину и то, что они хотели создать свою церковь и исключали их неё тех, кто не подчинялся их «дисциплине»³⁸⁹.

П. Коллинсон показал, что помогавшие пуританам юристы очень удачно построили ведение защиты, и она во многом удалась. Основным тезисом, который выдвинул защищавший пуритан Николас Фуллер, была мысль о том, что Генрих VIII с началом Реформации отменил старое каноническое право, которым регулировалось положение и устройство церкви, так как оно противоречило общему праву королевства Англии. Деятельность комиссии по выработке нового канонического права так и не была завершена, новое право нигде не сформулировано и не прошло законодательного утверждения, так что до сих пор не появилось правовой основы для существующей системы церковного управления. Поэтому пуритане, планируя создание отвечающей их интересам системы церковного устройства, ничего не нарушали, поскольку они действовали в правовой и конституционной пустоте. Максимум того, что можно вменить в вину пуританам — это то, что они самочинно готовили законопроект о церковном устройстве в стране, но это не преступление — ведь совсем не обязательно всем сообщать о том, что кто-то занимается подготовкой законопроекта. Представленные же против пуритан показания свидетелей не отражали серьёзности обвинения, и создавалась натянутость в ходе судебного разбирательства³⁹⁰.

В ходе обысков и арестов 1589—1590 гг. в руки церковных властей попала часть документов пресвитериан из архива Джона Филда, но большая часть документов осталась властям неизвестной. Некоторые из них

Р. 399—400.

³⁸⁹ Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 409—421.

³⁹⁰ Ibid. — P. 422—423.

в 1593 г. были опубликованы пуританами в Миддлбурге в Нидерландах³⁹¹. Это были главным образом переписи, характеризовавшие профессиональные качества священников англиканской церкви. Вторая часть этих переписей была опубликована А. Пилом только в начале XX в.³⁹² Из имевшихся у обвинителей документов нельзя было построить обвинение в государственном преступлении.

В ноябре 1591 г. умер лорд-канцлер Хэттон, и современникам сразу стало ясно, откуда исходила главная инициатива в преследовании пуритан. Судебное разбирательство было приостановлено, в режиме содержания подсудимых начались послабления. К маю 1592 г. их освободили, а осенью этого года они разъехались по домам, подписавшись под заявлением, в котором обязались не оскорблять Её Величество частными собраниями для обсуждения религиозных дел и не умалять её прерогативу. По признанию историков пуританизма, суд над группой священников во главе с Картрайтом знаменует окончание определённой стадии развития пуританского движения как деятельности пресвитериан, направленной на изменение церковного устройства в Англии. После этого движение перестаёт быть движением в смысле организованной целенаправленной деятельности по реализации определенных планов, и пуритане обращаются в последнее десятилетие правления Елизаветы преимущественно к религиозно-моральным проблемам, а не к вопросам, связанным с церковным устройством³⁹³.

В русле изучения пуританского движения во второй половине XVI—начале XVII в. лежат ещё две исследовательские проблемы, обсуждаемые современными историками пуританизма. Это вопросы, связанные с характеристикой сепаратизма, и распространением пуританизма по графствам Англии.

В 1560—70-е гг., как отмечают исследователи, одним из результатов распространения в Англии протестантских идей стало появление секты «фамилистов» («семья любви»). Представители этой секты были убеждены, что человек может испытать Боговоплощение в себе. При этом «фамилисты» могли заключать браки вне секты, оставляли деньги на общие благотворительные нужды, занимали различные общественные и государственные должности. Случаи наказаний, казни или эмиграции «фамилистов» неизвестны³⁹⁴.

1580-е—начало 1590-х гг. были, наряду с выдвиганием планов пресвитерианского устройства англиканской церкви, временем активизации сепаратистов, которые по-прежнему настаивали на необходимости отделения от установленной церкви по той причине, что она не поддается реформированию. В современной британской историографии многие исто-

³⁹¹ A Parte of a Register. — Middelburg, 1593.

³⁹² The Second Parte of a Register / Ed. by A. Peel. Preface by C.H. Firth. — Cambridge, 1915. — Vol. 1—II.

³⁹³ Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 430; McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 252.

³⁹⁴ Collinson P. The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. — New York, 1988. — P. 150.

рики рассматривают деятельность пуритан и сепаратистов как отдельные явления на основе того, что пуритане, говоря о сепаратистах, всегда от них отмежевывались, поскольку сепаратисты вышли из церкви, пуританизм же развивался внутри церкви. П. Коллинсон считает, что «сепаратисты, в чём-то напоминая континентальных анабаптистов, верили не в Реформацию, а в создание или восстановление совершенно отчуждённого, избранного христианского общества»³⁹⁵.

Однако те из историков, которые специально занимаются изучением сепаратизма, склонны подчёркивать возможность перехода от радикального пуританизма в сепаратизм³⁹⁶. Ч. Джордж рассматривал сепаратизм как логическое продолжение тенденции, содержащейся в пуританизме, когда сторонники реформ стали отчаиваться в дальнейшей их возможности³⁹⁷.

Исследователи обращают внимание на то, что сепаратисты использовали для подкрепления своих взглядов Новый Завет точно так же, как это делали пуритане, делая радикальные выводы из слов апостола Павла из Второго послания к Коринфянам: «И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому, и Я прииму вас» (2 Кор., 6:17)³⁹⁸. По словам У. Халлера, секты и сепаратисты были продуктом «интоксикации народа Библией»³⁹⁹. П. Мак-Грат считает, что значение сепаратизма заключалось в его влиянии на историю пуританизма в Америке, а в Англии сепаратизм дискредитировал английских пуритан — епископы даже обрадовались появлению этих радикалов, заявляя, что из пуританизма обязательно должно было вырасти нечто экстремистское по характеру⁴⁰⁰.

Между позициями пуритан и сепаратистов, по мнению историков, были также переходные стадии — например, так называемые «не отделившиеся конгрегационалисты» (Non-Separatist Congregationalists), сформировавшиеся на рубеже XVI—XVII вв. По мнению представителей этой группы, если они искренне приходили на службу, они могли не обращать внимание на то, что на ней присутствуют и многие «невозрожденные». «Не отделившиеся конгрегационалисты» не хотели выходить из установленной церкви, потому что, в соответствии с церковными традициями, негативно относились к сектантству. Очевидно, существование таких групп следует признать особенностью пуританизма в Англии⁴⁰¹.

³⁹⁵ Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 12; Seaver P.S. The Puritan Lectureships. The Politics of Religious Dissent, 1560—1662. — Stanford, 1970. — P. 8.

³⁹⁶ White B.R. The English Separatist Tradition. From the Marian Martyrs to the Pilgrim Fathers. — Oxford University Press, 1971; Tohmie M. The Triumph of the Saints. The Separatist Churches of London, 1616—1649. — Cambridge, 1977; Brachlow S. The Communion of Saints: Radical Puritan and Separatist Ecclesiology, 1570—1625. — Oxford, 1988.

³⁹⁷ George C. H. George K. The Protestant Mind of the English Reformation, 1570—1640. — Princeton (N.J.), 1961. — P. 370.

³⁹⁸ White B.R. The English Separatist Tradition. From the Marian Martyrs to the Pilgrim Fathers. — Oxford University Press, 1971. — P. 30.

³⁹⁹ Haller W. The Rise of Puritanism. — New York, 1947. — P. 177.

⁴⁰⁰ McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 304.

⁴⁰¹ Miller P. Orthodoxy in Massachusetts, 1630—1650. — Boston, 1959. — P. 75, 87; Lake P. Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker. — London, 1988. — P. 243.

Сепаратисты, в свою очередь, резко отрицательно отзывались о пуританах, считая, что любой истинно верующий должен воспринять сепаратистскую логику. Они не могли допустить в общину никого из запятнавших себя недостойными действиями, или недостаточно твердого в вере, потому что такой член общины разложил бы и заразил аморализмом всех остальных. По словам П. Миллера, «такая группа экзальтированных личностей была самодостаточна и чувствовала себя компетентной, чтобы вести свои дела»⁴⁰². У. Халлер, Д. Зарет и другие исследователи в качестве ещё одной черты сепаратизма отмечают заключение при вступлении в сепаратистскую общину её членами своеобразного договора (covenant), тоже подчеркивавшего особый статус данной общности. Некоторые сепаратисты вводили также и свою форму крещения, что тоже отличало их от пуритан⁴⁰³.

Всплеск сепаратизма на рубеже 70—80-х гг. XVI в. историки связывают с радикализацией настроений части пуритан, вызванной запрещением королевой Елизаветой «пророчеств». При анализе событий в сепаратистской среде в 1580—90-е гг. исследователи обращают внимание также на взгляды и деятельность Роберта Броуна (Browne) (1550?—1633).

Броун был выпускником кембриджского колледжа Корпус, но он окончил университет без получения степени магистра. Он считал, что епископы не имеют права возводить в сан священников, заявляя, что их может избирать каждая община⁴⁰⁴. Для взглядов Броуна были характерны хлесткие осуждающие формулировки в адрес церкви Англии, отличающие его от более мягких, хотя и критических, высказываний пуритан. Броун в начале 1580-х гг. заявлял, что «священники англиканской церкви только тогда станут настоящими, когда «все «немые собаки» (так радикальные пуритане и сепаратисты характеризовали священников, которые не могли проповедовать — В.Е.) будут повешены в церквях и публичных местах для предупреждения остальных»; обычная проповедь в церкви Англии, считал Броун, тоже имела свои недостатки, поскольку священники проповедовали, «заботясь только о том, чтобы продемонстрировать свои университетские степени», а рассуждения их непонятны народу⁴⁰⁵.

Хотя в начале 1580-х гг. Броун не раз оказывался в тюрьме, он был дальним родственником ближайшего советника королевы Елизаветы Уильяма Сесилия, лорда Берли, и это спасало Броуна до такой степени, что в 1583 г. за распространение его сочинений были сожжены два человека, в то время как автор таких текстов, по словам Б.Р. Уайта, «ещё полвека смущал своим существованием церковные власти». Отказавшись в 1590-е гг. от своих взглядов, Броун был возведён в сан священника и назначен

⁴⁰² Miller P. *Orthodoxy in Massachusetts, 1630—1650*. — Boston, 1959. — P. 56.

⁴⁰³ Haller W. *The Rise of Puritanism*. — New York, 1947. — P. 180; Zaret D. *The Heavenly Contract. Ideology and Organization in Pre-Revolutionary Puritanism*. — Chicago-London, 1985. — P. 137, 140.

⁴⁰⁴ White B.R. *The English Separatist Tradition. From the Marian Martyrs to the Pilgrim Fathers*. — Oxford University Press, 1971. — P. 46.

⁴⁰⁵ Porter H.C. *Reformation and Reaction in Tudor Cambridge*. — Hamden (Conn.), 1972. — P. 245.

в приход в Нормемптоншире, но в последние годы жизни «стал превращаться в полусумасшедшего эксцентрика, бил жену, с 1616 по 1626 гг. был отлучен от причастия, а затем перед смертью во внезапном порыве ударил приходского констебля, был увезён в тюрьму в Нормемптон, где и скончался, похваляясь, что за свою жизнь побывал в 32 тюрьмах»⁴⁰⁶.

В середине 80-х гг. XVI в. появились и другие пропагандисты сепаратистских идей, обвинявшие Броуна в двуличности и отступничестве: Джон Гринвуд (1560—1593) и Генри Барроу (1550—1593), настаивавшие на своей независимости от Броуна и его взглядов. Современники нарекли их броунистами, не видя сколько-нибудь существенных различий в их взглядах. Исследователи полагают также, что в Лондоне со времен правления Марии Тюдор существовала сепаратистская традиция, оживившаяся в ходе спора об облачениях и преследования пуритан в середине 1560-х гг.⁴⁰⁷

Б. Р. Уайт показал, что новой идеей в сепаратизме было мнение Г. Барроу о том, что истинная церковь в виде общины может существовать и без священника, принимая новых членов в свои ряды, исключая недостойных, но таинства, по мнению Барроу, могли совершать только священники. Некоторые члены сепаратистских общин начинали уже выдвигать взгляды, что формальное священство не нужно, но большинство их ещё не поддерживало. Барроу и Гринвуд даже отвергали использование термина «светский»: если выдвинут принцип всеобщего священства, использование термина «светский» — фактически католическое утверждение. Сторонники Барроу также отказывались крестить своих детей в приходских церквях. Из церковных должностей, по мнению сепаратистов, Новый Завет подкреплял своим авторитетом только должности пасторов, учителей, управляющих старост, а также диаконов, организующих помощь бедным. Возводить в должность священника должны были старосты общины⁴⁰⁸.

Церковные и светские власти рассматривали сепаратистов как большую опасность для церкви. Барроу и Гринвуд были арестованы в октябре 1587 г. После их ареста существование сепаратистских общин не прекратилось. С лондонскими сепаратистами был связан радикальный пуританин Джон Пенри, участвовавший в публикации трактатов Мартина Марпрелата, так что между радикальными пуританами и сепаратистами историки прослеживают личные контакты. В парламенте 1593 г. был принят законопроект под названием «Об удержании королевских подданных в должном повиновении», направленный против сепаратистов и сектантов, на основе которого Барроу, Гринвуд и Пенри были казнены. Сторонники пуритан в палате общин не одобрили эти действия, так как опасались казней за религиозные убеждения, к тому же отличая сепаратистов от еретиков⁴⁰⁹.

⁴⁰⁶ White B.R. The English Separatist Tradition. From the Marian Martyrs to the Pilgrim Fathers. — Oxford University Press, 1971. — P. 44; 50; Porter H.C. Reformation and Reaction in Tudor Cambridge. — Hamden (Conn.), 1972. — P. 246.

⁴⁰⁷ White B.R. The English Separatist Tradition. From the Marian Martyrs to the Pilgrim Fathers. — Oxford University Press, 1971. — P. 72.

⁴⁰⁸ Ibid. — P. 78—79, 82.

⁴⁰⁹ Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 431.

К середине XX в. в изучении сепаратизма была проделана работа по публикации важнейших источников⁴¹⁰. Значение английской сепаратистской традиции исследователи видят в том, что она дала форму организации английским сектантам периода гражданской войны и оказала значительное влияние на религиозную историю Новой Англии, и в последующем на развитие протестантского сектантства в США. Историки показали, что сепаратисты в Англии стали основой двух сектантских направлений — общих баптистов (General Baptists) и партикулярных баптистов (Particular Baptists). Первые из них строго придерживались кальвинистского учения о предопределении, для вторых же была характерна трактовка этого тезиса в арминианском духе с допущением свободы воли⁴¹¹.

Специалисты по истории пуританизма разрабатывают также вопрос о его распространении по территории Англии. Вторая половина XX в. характеризовалась расширением региональных исследований в церковной истории, разбором епархиальных архивов. Как отметил в 1983 г. У. Хант, «в прошедшие тридцать лет местная история перестала быть сферой деятельности эксцентричных викариев и превратилась в значительный раздел английской историографии»⁴¹².

Наиболее заметными работами, рассматривающими состояние религиозности и распространение пуританизма на уровне графств и епархий, являются монографии М. Спаффорд о Кембриджшире⁴¹³, М. Джеймса о Дареме⁴¹⁴, П. Кларка о Кенте⁴¹⁵, У. Шейлза о Норгемптоншире⁴¹⁶, К. Хейга о Ланкашире⁴¹⁷, Р. К. Ричардсона о Честерской епархии⁴¹⁸, Р. Мэннинга о Суссексе⁴¹⁹, Р. Маршанта о Йоркшире⁴²⁰. Обзор религиозной ситуации по регионам предпринимался и в обобщающих монографиях.

⁴¹⁰The Notebook of John Penry, 1593 / Ed. by A. Peel. — London, 1944; Tracts Ascribed to Richard Bancroft, 1584 / Ed. by A. Peel. — Cambridge, 1953; Cartwrightiana / Ed. by A. Peel, L.H. Carlson. — London, 1951; The Writings of Robert Harrison and Robert Browne / Ed. by A. Peel, L.H. Carlson. — London, 1953; Henry Barrow. Writings, 1587—1590 / Ed. by L.H. Carlson. — London, 1962; Writings, 1590—1591 / Ed. by L.H. Carlson. — London, 1966.

⁴¹¹White B.R. The English Separatist Tradition. From the Marian Martyrs to the Pilgrim Fathers. — Oxford University Press, 1971. — P. 168—169.

⁴¹²Hunt W. The Puritan Moment. The Coming of Revolution in an English County. — Cambridge (Mass.)-London, 1983. — P. IX.

⁴¹³Spufford M. Contrasting Communities: English Villagers in the 16th and 17th Centuries. — Cambridge, 1974.

⁴¹⁴James M.E. Family, Lineage and Civil Society. A Study of Society, Politics and Mentality in the Durham Region, 1500—1640. — Oxford, 1974.

⁴¹⁵Clark P. English Provincial Society from the Reformation to the Revolution: Religion, Politics and Society in Kent, 1500—1640. — Hassocks, 1977.

⁴¹⁶Sheils W.J. The Puritans in the Diocese of Peterborough, 1558—1610. — Northamptonshire Record Society, 1979.

⁴¹⁷Haigh Ch. Reformation and Resistance in Tudor Lancashire. — Cambridge, 1975.

⁴¹⁸Richardson R.C. Puritanism in North-West England: A Regional Study of the Diocese of Chester to 1642. — Manchester, 1972.

⁴¹⁹Manning B.R. Religion and Society in Elizabethan Sussex. A Study of the Enforcement of the Religious Settlement, 1558—1603. — Leicester, 1969.

⁴²⁰Marchant R.A. The Puritans and the Church Courts in the Diocese of York, 1560—1640. — London, 1960.

Районом наибольшего распространения пуританизма, вне всякого сомнения для исследователей, была Восточная Англия — самая густонаселённая, экономически развитая и подверженная идейным влияниям с европейского континента часть страны. Здесь находился Кембридж — академический центр пуританизма, и Дедгэм — центр лучше всего изученного «класса»⁴²¹. Как выявлено, в Норгемпtone в 1570—1572 гг. с согласия местных властей существовали лекторство и система управления церковными делами, напоминая пресвитерианскую: по четвергам после лекции мэр, городской совет с помощью проповедника и представителей епископа разбирали моральные проступки. В службах церемонии и облачения, не устраивавшие пуритан, были исключены, использовался кальвинистский катехизис⁴²². В целом же в графстве Норгемптоншир ситуация была противоречивая. Среди джентри был распространён также католицизм: здесь жили семейства Трешемов и Гриффинов — это были одни из самых известных покровителей католиков в Англии. Активны были в Норгемпtone и «классы», так что графство представляло собой пример большой внутренней напряжённости в религиозных делах⁴²³.

Характеризуя распространение пуританизма по территории Англии, Х.Г. Александер замечает, что, хотя проделана значительная работа, всё ещё невозможно заранее предсказывать, где были наибольшие возможности для распространения пуританизма. Это зависело от многих факторов — позиций местного епископа, доминирующего в округе магната-землевладельца, и даже способный пуританский священник мог оказать большое влияние на местное население. Но удастся выявить некоторые закономерности — пуританизм лучше укоренялся в более крупных городах, в районах, где было распространено ткачество, в некоторых сплочённых коллективах — купеческих компаниях, на морских судах. Общепризнанным является лишь то, что приверженцы пуританизма были среди знати, джентри, третьего сословия, квалифицированных ремесленников, при этом для восприятия пуританизма был необходим определённый уровень образованности. Хуже всего поддавались влиянию пуританизма высшая знать, которой в большинстве своём чаще всего нет дела до религии как таковой, и низы общества — неграмотные, неквалифицированные ремесленники, которые чаще попадали под влияние сепаратизма. Пресвитерианство было главным образом движением в среде духовенства — среди светских лиц у него было немного сторонников⁴²⁴.

В статье У. Шейлза «Некоторые проблемы управления новой епархией: епископ и пуритане в епархии Петерборо, 1560—1630» рассмотрены

⁴²¹ *Rose E. Cases of Conscience. Alternatives Open to Recusants and Puritans under Elizabeth I and James I.* — Cambridge, 1975. — P. 159, 165—167.

⁴²² *Sheils W. Some Problems of Government in a New Diocese: the Bishop and the Puritans in the Diocese of Peterborough, 1560—1630 // Continuity and Change. Personnel and Administration of the Church in England, 1500—1642 / Ed. by R. O'Day, F. Heal.* — Leicester University Press, 1976. — P. 175.

⁴²³ *Rose E. Cases of Conscience. Alternatives Open to Recusants and Puritans under Elizabeth I and James I.* — Cambridge, 1975. — P. 157.

⁴²⁴ *Alexander H.G. Religion in England, 1558—1662.* — London, 1968. — P. 87—88.

трудности в борьбе церковной администрации с пуританизмом. Из-за низкой доходности епархия Петерборо (графство Норгемптоншир, часть Кембриджшира и Лестершира) не привлекала способных управленцев в качестве кандидатов в епископы. У епископа было также мало прав патронажа — только пожалование бенефиция шести пребендариям для каноников в соборе, и право допуска священника в четырёх приходах, два из которых к концу XVI в. были потеряны в результате продажи и судебного разбирательства с Томасом Сесилем, вторым сыном лорда Берли. В 1563 г. епископ Скэмблер ещё одно право допуска священника в приход продал. В результате дошло до того, что епископ непосредственно контролировал выдвижение священника всего в двух (!) приходах своей епархии. Слабость епархиальной администрации привела к тому, что в течение без малого ста лет после основания епархии в 1541 г. здесь действовала энергичная и упорная пуританская группировка. Пуритане в епархии через систему родственных связей, а также контактов с близкими им по взглядам священниками стремились занять все возможные приходы, хотя и оставались тут «шумным меньшинством». Ни один из епископов в епархии не симпатизировал пуританам, но епархия Петерборо, несмотря на это, превратилась в один из пресловутых центров пуританизма благодаря организаторским способностям, миссионерскому рвению пуритан и поддержке пуритан влиятельными светскими лицами, так что на этом фоне стали особенно видны слабости установленной церкви. Почти в трети приходов епархии право выдвижения священника в приход принадлежало короне, но и в этих приходах к концу XVI в. всё чаще выдвигались священники с пуританскими наклонностями⁴²⁵.

Преследования пуритан традиционным судебным порядком не могли уничтожить их влияние в епархии, и поэтому для подкрепления полномочий церковных судов в 1572 г. для епархий Петерборо и Линкольн была создана особая церковная комиссия, материалы о заседаниях которой сохранились за 1574—1579 гг. Эта комиссия имела право заключать в тюрьму, брать обязательства о надлежащем поведении, и сюда передавались дела упорствующих из церковных судов, но нет свидетельств, что эта комиссия смогла более эффективно бороться с пуританами. В результате этого, когда к началу XVII в. административный аппарат в управлении епархией был относительно урегулирован, пуританизм здесь уже укоренился — в некоторых приходах службы с пуританскими отклонениями шли в течение 40 лет, так что церковные суды могли лишь нанести ущерб своими преследованиями отдельным лицам, но не могли искоренить пуританизм как явление⁴²⁶.

Значительными региональными исследованиями, посвящёнными графству Эссекс, являются книга У. Ханта «Пуританский момент. Приход революции в английское графство» (1983)⁴²⁷ и работа К. Райтсона и Д. Леви-

⁴²⁵ Continuity and Change. Personnel and Administration of the Church in England, 1500—1642. — Leicester University Press, 1976. — P. 171—174.

⁴²⁶ Ibid. — P. 176—179, 185—186.

⁴²⁷ Hunt W. The Puritan Moment. The Coming of Revolution in an English County. — Cambridge

на «Бедность и набожность в английской деревне. Терлинг, 1525—1700» (1979)⁴²⁸. Эссекс, как показал У. Хант — одно из самых пуританских графств. Здесь действовали три «класса» — Дедгэм, Везерфилд и Молдон⁴²⁹. Пуритане предпочитали в этом графстве, как пишет Хант, самоназвание «professors» (букв. «исповедующий религию»). Местные пуритане, если их не преследовали церковные власти, целенаправленной враждебности к епископальному строю церкви не проявляли. Влиятельные проповедники, которые могли воздействовать на прихожан, именовались у них “painful preachers”⁴³⁰.

К. Райтсон и Д. Левин рассмотрели, как укоренялся в деревне пуританизм, и пришли к выводу, что сначала его восприняли представители верхних и средних слоев деревни, а затем подверглись воздействию и низшие слои⁴³¹. Они подчеркнули также агрессивность пуританизма как культурного уклада, поскольку пуритане повели наступление на пивные, на моральные проступки, на традиционный уклад народной жизни и её привычный ритм⁴³².

Н. Тайэк исследовал появившиеся в конце XVI в. специфически пуританские имена⁴³³. Это явление обратило на себя внимание, удивило и насторожило многих современников, когда появились имена Реформация (Reformation), Дисциплина (Discipline), Господь близко (The-Lord-is-near) и т.п., что свидетельствовало о вызревании радикальной протестантской контркультуры. Источником для автора послужили главным образом приходские книги записи рождений. Н. Тайэк установил, что присвоение таких имен было распространено в Суссексе и Кенте в 1580—90-е гг. Главным инициатором присвоения таких имен, по его мнению, почти наверняка был пуританин Дадли Феннер, знакомый с Картрайтом, в начале 1580-х гг. занимавший должность vicar в приходе Крэнбрук в графстве Кент. Н. Тайэк попытался картографировать приходы, где присваивались такие имена. Больше всего их оказалось в приходе Уорблтон (Суссекс), где между 1586 и 1596 гг. пуританские имена получили 93 ребенка. 124 других новорождённых получили обычные английские имена. 42 семьи в приходе последовательно использовали только пуританские имена, 58 семей не использовали их, 19 давали и те, и другие имена⁴³⁴.

Н. Тайэк установил, что, кроме восточного Суссекса и Кента, такие имена были распространены вокруг Дейвентри в Норгемптоншире, и связано это было с пребыванием тут другого радикального пуританина,

(Mass.)-London, 1983.

⁴²⁸ Wrightson K. Levine D. Poverty and Piety in an English Village. Terling, 1525—1700. — New York, 1979.

⁴²⁹ Hunt W. The Puritan Moment. The Coming of Revolution in an English County. — Cambridge (Mass.)-London, 1983. — P. 96.

⁴³⁰ Ibid. — P. 93.

⁴³¹ Wrightson K. Levine D. Poverty and Piety in an English Village. Terling, 1525—1700. — New York, 1979. — P. 159, 161.

⁴³² Ibid. — P. 181, 184.

⁴³³ Tyacke N. Popular Puritan Mentality in Late Elizabethan England // The English Commonwealth: Essays in Politics and Society Presented to Joel Hurstfield. — Leicester University Press, 1979. — P. 77—92.

⁴³⁴ Ibid. — P. 82.

склонного к сепаратизму — Джона Пенри. Такие имена и их присвоение обсуждались в среде пуритан, но всеобщей поддержки эта практика не получила — использованию таких имен был присущ сепаратистский оттенок. Н. Тайэк также сделал вывод, что пуританские имена использовались лишь в сельских районах, и никогда не были популярны ни в Лондоне, ни в других крупных городах. После 1600 г. такие имена вышли из употребления, хотя и не полностью⁴³⁵.

Н. Тайэк попытался решить на данном материале ещё одну важную исследовательскую задачу: установить какие-либо сведения об имущественном положении тех, кто давал пуританские имена. По материалам завещаний он делает вывод, что в денежном выражении пуритане были примерно в два раза богаче тех, кто давал обычные имена, но они были хуже обеспечены землей. В грамотности между этими людьми нет различий — ни одно из завещаний жителей этих поселений не упоминает книги. Пуритане были обычно моложе по завещаниям и демонстрировали ещё одну интересную особенность — они отрицательно относились к повышенным процентам и их взиманию, и вообще к тому, чтобы деньги давали прибыль любой ценой. Пуританская контркультура разделяла и семьи, и существующую культурную общность, но при этом она, по мнению Н. Тайэка, «определённо не была дружелюбной к экономическому индивидуализму». Этот вывод расходится с мнением о том, что пуритане отражали интересы формировавшейся буржуазии⁴³⁶.

Разгром организованного пресвитерианского движения на рубеже 1580—1590 гг., как показали историки, привел к заметному изменению форм, в которых продолжал развиваться пуританизм. По словам Х.Г. Александера, в 1590-е гг. «воинственных пуритан было немного, но многие приходские священники продолжали опускать часть служб из молитвенника и не носили требуемых облачений. Сторонники пуритан из числа юристов критиковали церковные суды. Продолжали действовать конференции пуритан. Но всё это было умеренным церковным пуританизмом, направленным на реформы, а не на радикальные изменения»⁴³⁷. Как писал К. Хилл, «в начале 1590-х гг. появился новый пуританизм, не нацеленный на пресвитерианскую систему церковной организации, а подчёркивающий значение проповеди, религиозных бесед и домашнего образования, соблюдения воскресного дня. Это был новый курс с целью достижения тех же результатов. Новая тактика была эффективной — это был более долгий путь, чем захват влияния при дворе через знатного покровителя, но более верный»⁴³⁸. По мнению П. Коллинсона, «пуритане продолжали совершать свою незаметную революцию, которая со временем принесла в английском обществе такие результаты, о каких пресвитериане могли только мечтать». Но пуритане оказывались теперь всё более изолированными от жизни двора, и поддержка их коренилась главным образом в стране, по графствам⁴³⁹.

⁴³⁵ Ibid. — P. 83.

⁴³⁶ Ibid. — P. 89, 92.

⁴³⁷ Alexander H.G. Religion in England, 1558—1662. — London, 1968. — P. 84.

⁴³⁸ Hill C. Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England. — New York, 1967. — P. 502.

⁴³⁹ Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 433.

По словам П. Мак-Грата, «агрессивный боевой дух прежних времён нашел теперь выход в пасторском, пиетистском пуританизме, где главными врагами были мир, человеческая плоть, а не архиепископы и епископы»⁴⁴⁰. Главным жанром пуританской литературы стала проповедь, духовное наставление, указывающее путь к спасению. Проповедники тщательно препарировали внутреннее состояние души, отыскивая свидетельства избрания к спасению или гибели. Самым популярным пуританским проповедником этих лет был Уильям Перкинс — его труды и проповеди содержали диаграммы с наглядной демонстрацией путей спасения. В 1590—1640 гг. вышло более 200 изданий его сочинений⁴⁴¹.

Издание проповедей пуританских священников было настолько востребовано, что превратилось в конце XVI—начале XVII в., по словам Р.Т. Кендалла, в своего рода индустрию. Самыми популярными пуританскими проповедниками, наряду с Перкинсом, были Ричард Гринхэм, Генри «Серебряязычный» (Silver-Tongued) Смит, Ричард Роджерс, Артур Дент и ещё несколько человек, чьи проповеди выходили в начале XVII в. десятками изданий⁴⁴². Историки изучали также пуританские дневники, отметив как характерную черту их содержания то, что пуритане обычно считали себя группой избранных, а не членами единой церкви⁴⁴³.

При этом пуританская организация, по мнению исследователей, в 1590-е гг. скорее «дремала», чем была полностью разгромлена⁴⁴⁴. По мнению П. Коллинсона, анклав пуританизма продолжали существовать даже в виде сохранявшихся собраний пуританского духовенства. Один такой центр находился у города Сент-Олбанса, неподалёку от Лондона, где находилось имение Бэконов Горхэмбери, под покровительством матери Энтони и Фрэнсиса Бэконов, леди Анны, предоставившей укрытие пуританским священникам. Сохранились также свидетельства о существовании «классов» в Норгемптоншире, Уорикшире, Девоншире, Корнуолле⁴⁴⁵.

Существует мнение, что, несмотря на полемику церковной администрации с пресвитерианами, в конце XVI—начале XVII в. господствующей доктриной в церкви Англии был кальвинизм, который защищало руководство церкви. Показательным в этом отношении был спор о предраспределении, активизировавшийся в 1595 г. в Кембридже, в ходе которого Питер Баро, профессор богословия, и один из его учеников, Уильям Бэррет, к которым примкнули Ланселот Эндрюс и Джон Оверолл, высказали мнение о спасении, расходящееся с кальвинистской ортодоксией. Они отрицали безусловное предраспределение к спасению одних и осуждение на гибель других, и сблизились с позицией Якоба Арминия (1560—

⁴⁴⁰ McGrath P. *Papists and Puritans under Elizabeth I.* — London, 1967. — P. 337.

⁴⁴¹ Zaret D. *The Heavenly Contract. Ideology and Organization in Pre-Revolutionary Puritanism.* — Chicago-London, 1985. — P. 114; Collinson P. *The Elizabethan Puritan Movement.* — London-New York, 1982. — P. 434; William Perkins / Ed. by I. Breward. — Abingdon, 1970; Kendall R.T. *Calvin and English Calvinism to 1649.* — Oxford, 1979.

⁴⁴² Kendall R.T. *Calvin and English Calvinism to 1649.* — Oxford, 1979. — P. 53.

⁴⁴³ McGrath P. *Papists and Puritans under Elizabeth I.* — London, 1967. — P. 336—337.

⁴⁴⁴ *Ibid.* — P. 326.

⁴⁴⁵ Collinson P. *The Elizabethan Puritan Movement.* — London-New York, 1982. — P. 438, 441.

1609) — нидерландского кальвиниста, который не соглашался с жесткой кальвинистской точкой зрения, в соответствии с которой избрание к спасению не зависит от воли и действий человека, и утверждал, что никто не может быть уверен в безусловном спасении, вера человека может быть потеряна, Христос же умер за всех людей, а не только за избранных⁴⁴⁶.

В споре о предопределении дискуссионным было толкование слов апостола Павла: «уповаем на Бога живого, Который есть Спаситель всех человеков, а наипаче верных» (Первое Послание к Тимофею, 4:10)⁴⁴⁷. Такое высказывание могло быть использовано для отстаивания тезиса о спасении всех. Но У. Перкинс писал в связи с этим, что, если бы все были избранными, избрание к спасению потеряло бы всякий смысл. Кальвинисты пытались толковать это место, предполагая, например, что спасутся люди всех званий и положений. Распространено было и мнение Фомы Аквинского, что Бог желает, чтобы были спасены все, но это желание условное, не абсолютное, и спасение зависит от веры. Точка зрения Фомы Аквинского открывала для некоторых путь к тезису, что на спасение влияет воля и поведение человека, который впоследствии в споре с ортодоксальными кальвинистами стал отстаивать Арминий. Как отмечают исследователи, в кальвинизме наметилась даже противохристианская по своей сущности тенденция, выражавшаяся в том, что предвечное избрание Богом части людей к спасению затмевало искупительную жертву Христа⁴⁴⁸.

Архиепископ Кентерберийский Уитгифт признал в 1595 г., что высказанные о предопределении мнения принадлежали к области спорных вопросов, но по итогам консультаций и совещаний с главами колледжей Кембриджа Уитгифт утвердил 20 ноября 1595 г. т.н. 9 Ламбетских статей, которые утверждали ортодоксальное кальвинистское «двойное предопределение» (одних к спасению, других к гибели) и тезис о том, что предопределение не зависит от человека, а только от воли Бога. Королева Елизавета критиковала архиепископа за то, что он вообще дал возможность разгореться этому спору, и не разрешила публикацию 9 статей⁴⁴⁹.

Последней попыткой изменить строй управления церкви Англии действиями изнутри церковной организации историки пуританизма считают события, связанные с проведением конференции в Хэмптон Корте в январе 1604 г. с участием короля Якова I (1603—1625), епископов и пуритан. Конференция состоялась уже после смерти королевы Елизаветы, но именно она рассматривается в британской историографии как событие, ознаменовавшее окончание пуританского движения периода правления Елизаветы со всеми присущими ему особенностями. Пуритане испытывали большие надежды на изменения в религиозной политике в связи с восшествием на престол короля Якова I Стюарта (1603—1625), считая, что король, видевший в действии пресвитерианскую систему в Шотлан-

⁴⁴⁶ Alexander H.G. Religion in England, 1558—1662. — London, 1968. — P. 126.

⁴⁴⁷ Porter H.C. Reformation and Reaction in Tudor Cambridge. — Hamden (Conn.), 1972. — P. 286.

⁴⁴⁸ Ibid. — P. 307, 339.

⁴⁴⁹ Ibid. — P. 354, 394.

дии, неизбежно должен испытать её влияние. Но, как отмечают историки, Яков I во время ведения переговоров о наследовании английского престола стремился не оттолкнуть от себя ни одну религиозную партию среди англичан, включая католиков. При этом за время правления в Шотландии Яков I утвердился во мнении, что священники непременно должны быть способны самостоятельно проповедовать, не имел склонности к церемониям в службе. Ф. Бэкон рекомендовал Якову I, чтобы на всю страну было распространено действие института странствующих проповедников, но епископы с большим трудом уговорили Якова отказаться от проекта, поскольку это могло стать средством дальнейшего распространения пуританизма⁴⁵⁰.

Как пишет П. Коллинсон, события после восшествия на престол Якова I показали, что пуританские организации в стране продолжали своё существование — пуритане смогли развернуть новую кампанию за продолжение Реформации в значительной степени теми же методами, что и в 1584—1589 годах, в тех же районах страны, частично во главе с теми же людьми, так что корни пуританизма, по его мнению, несмотря на преследования, не были даже серьёзно поколеблены, не говоря уже о подавлении⁴⁵¹.

Историки показали, что главной формой деятельности пуритан в этот период была подача петиций королю. Результатом этой петиционной кампании была подготовка, прежде всего, так называемой «Тысячной петиции» (The Millenary Petition). Исследователи отмечают, что в действительности неизвестно, сколько человек подписали её. Т. Фуллер в середине XVII в. называл цифру в 750 подписей, С.Р. Гардинер во второй половине XIX в. полагал, что подписей как таковых вообще не было — авторы и составители лишь получали письма поддержки⁴⁵². «Тысячная петиция» рассматривается историками как обобщённые требования умеренных пуритан⁴⁵³. В ней говорилось о необходимости ограничения плюралитетов, о повышении жалования тем священникам, которые способны самостоятельно проповедовать, путем объединения небольших приходов и возвращения в руки церкви прав взимания десятины там, где они оказались в руках светских лиц. Исследователи считают это первым отчётливым выдвижением пуританами экономических требований⁴⁵⁴. При этом составители петиции предлагали провести конференцию между епископами и представителями пуритан, а в ходе конференции надеялись склонить монарха к возможности реализации выдвинутых ими предложения о проведении реформ в церкви⁴⁵⁵. В оценке умеренного ха-

⁴⁵⁰ Hill C. *Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England*. — New York, 1967. — P. 48; Knappen M.M. *Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism*. — Chicago, 1939. — P. 318.

⁴⁵¹ Collinson P. *The Elizabethan Puritan Movement*. — London-New York, 1982. — P. 437.

⁴⁵² McGrath P. *Papists and Puritans under Elizabeth I*. — London, 1967. — P. 342.

⁴⁵³ *Images of English Puritanism. A Collection of Contemporary Sources, 1589—1646* / Ed. by L. A. Sasek. — Baton Rouge and London, 1989. — P. 25.

⁴⁵⁴ Collinson P. *The Elizabethan Puritan Movement*. — London-New York, 1982. — P. 458.

⁴⁵⁵ McGrath P. *Papists and Puritans under Elizabeth I*. — London, 1967. — P. 342; Alexander H.G. *Religion in England, 1558—1662*. — London, 1968. — P. 135.

рактера «Тысячной петиции» среди историков были разногласия — обращалось внимание на то, что «Тысячная петиция» содержала пункты, из которых, в сущности, можно было развернуть все характерные черты пресвитерианского церковного устройства (например, из требования о том, что никто не может быть отлучён от причастия без согласия священника в своей общине). Это могло быть причиной осуждения «Тысячной петиции» пуританами из университетов⁴⁵⁶.

Среди исследователей истории пуританизма конца XIX—начала XX в. преобладало мнение, что конференция в Хэмптон Корте закончилась для пуритан совершенно неудачно⁴⁵⁷. В 1961 г. статью, посвящённую конференции, опубликовал М. Кертис, чем внёс заметный вклад в углубление понимания того, что произошло на конференции. М. Кертис подверг сомнению полностью неудачный для пуритан исход конференции и то, что это произошло лишь по вине короля, показав, что такие оценки появились на основе использования в качестве источника отчёта о конференции, составленного деканом Чичестера Уильямом Барлоу. Этот документ готовился под руководством епископа Лондонского, будущего архиепископа Кентерберийского Ричарда Банкрофта и имел своей целью изображение дела пуритан слабым и бесполезным. В нём были усилены разногласия между королём и пуританами, приглушены различия во мнениях между королём и епископами. Кертис же привлек в качестве источника также отчёт о конференции, составленный епископом Даремским Тоби Мэтью⁴⁵⁸.

На конференции в Хэмптон Корте, которая проходила с 14 по 18 января 1604 г., пуритане в основном изложили требования, вошедшие в текст «Тысячной петиции». Они соглашались подписываться лишь под доктринальными статьями из 39 статей, а не под теми, которые касались обрядов и церемоний, хотели, чтобы был введен новый катехизис, предлагали возродить «пророчества» и предоставить право священникам осуществлять контроль за моральным обликом светских лиц. Епископы же не должны были преследовать нонконформистов до тех пор, пока король и парламент не примут решения по этим вопросам. Пуритане также предлагали включить Ламбетские статьи 1595 г. в текст англиканского символа веры с тем, чтобы усилить однозначность решения вопроса о предопределении. В то же время король не поддерживал планы по отмене использования крестного знамения в обряде крещения, отказывался сделать необязательным ношение стихаря, мотивируя это тем, что Св. Писание не считает эту практику незаконной, а пуритане не могут показать, где в Библии это запрещено⁴⁵⁹.

В ходе конференции пуритане не требовали ликвидации епископального строя церкви и только предлагали, чтобы епископ осуществлял властные полномочия в епархии с несколькими священниками из числа приход-

⁴⁵⁶ McGrath P. *Papists and Puritans under Elizabeth I.* — London, 1967. — P. 345.

⁴⁵⁷ Collinson P. *The Elizabethan Puritan Movement.* — London-New York, 1982. — P. 455.

⁴⁵⁸ Curtis M.H. *Hampton Court Conference and its Aftermath // History.* — 1961. — Vol. XLVI. — P. 1—16.

⁴⁵⁹ McGrath P. *Papists and Puritans under Elizabeth I.* — London, 1967. — P. 348—349.

ского духовенства из числа «серьёзных и учёных пресвитеров», которые помогали бы ему в принятии решений. Пуритане совсем не имели в виду установление пресвитерианской системы, однако само упоминание слова «пресвитер» вызвало гнев короля. Этот эпизод много обсуждался в исторической литературе, демонстрируя, что Яков I ещё на шотландском опыте понял подрывные для монархической власти возможности пресвитерианской системы церковного управления. Исследователи цитировали высказанное королём мнение о том, что «где нет епископа, нет и короля», а «пресвитерианская система также согласуется с монархией, как чёрт с Богом», и особенно обращалось внимание на ещё одну оценку Яковом I последствий введения пресвитерианской системы: «тогда Джек и Том, Уилл и Дик соберутся и начнут в свое удовольствие критиковать меня, мой совет и все наши дела — встанет Уилл и скажет: «это должно делаться так», а потом поднимется Дик и скажет: «нет, мы это будем делать вот так»⁴⁶⁰.

М. Кертис отрицает, что выпад короля против упоминаний о пресвитерианстве означал полное отвержение требований пуритан, но склонен считать, что умеренность выступления пуритан на конференции нанесла им вред, поскольку король был готов на уступки. Есть основания полагать, что Яков I недооценил опасность пуританизма для государства и церкви по той причине, что прозвучавшие требования пуритан оказались умеренными. Сам король не занимал на конференции изначально чью-либо сторону, скорее, стремился, получив представление о состоянии дел в церкви, сформулировать собственное мнение и занять свою позицию⁴⁶¹.

Но требования пуритан на конференции в Хэмптон Корте, как утверждают М. Кертис и П. Мак-Грат, отнюдь не были полностью отвергнуты — напротив, целый ряд принятых по церковным вопросам решений прямо отражал ранее высказывавшиеся предложения пуритан. Предписывалось прекратить совершение крещения светскими людьми и повивальными бабками. В службе не должны были использоваться апокрифы — неканонические сочинения. При возведении в сан, приостановке исполнения обязанностей или лишении духовного сана епископы должны были действовать совместно с деканами, собранием каноников или при помощи нескольких авторитетных священников. Производить отлучение мог теперь только сам епископ, а не представители церковных судов. Способным к самостоятельной проповеди священникам должно было назначаться более высокое жалованье, должны были контролироваться плюралитеты. Все перечисленные меры отражали требования умеренных пуритан, так что исход конференции для пуритан был далёк от того, чтобы считаться полной неудачей. Далёко не все пуритане воспринимали такие условия внутри церкви как невозможные для них, и разочарование конференция принесла лишь радикальным пуританам⁴⁶².

⁴⁶⁰ Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 461—462.

⁴⁶¹ Curtis M.H. Hampton Court Conference and its Aftermath // History. — 1961. — Vol. XLVI. — P. 14; McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 349.

⁴⁶² McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 351; Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 459—460.

М. Кертис замечает, что английские историки конца XIX—начала XX в. С.Р. Гардинер и Р. Г. Ашер были убеждены, что Яков I упустил имеющуюся у него возможность примирить пуритан с установленным строем церкви, и неудача конференции в Хэмптон Корте занимает своё место в череде событий, приведшей к катаклизмам гражданской войны. Кертис, однако, полагает, что события начала XVII в. ещё отнюдь не предвещали гражданской войны, и конференцию в Хэмптон Корте можно рассматривать как полную неудачу лишь в том случае, если знать, что произошло дальше, и под таким углом зрения выискивать первые признаки обострения ситуации. По мнению М. Кертиса, умеренные пуритане могли примириться с тем положением, которое сложилось в церкви Англии после конференции в Хэмптон Корте, и лишь обострение политической ситуации в Англии в 1630-е гг. привело к тому, что пуританизм сомкнулся с политической оппозицией Стюартам⁴⁶³.

Историки отмечают, что к марту 1604 г. после конференции в Хэмптон Корте король Яков I определился в своём отношении к пуританам и решил, что сможет заставить их согласиться с существующим церковным устройством. В своей речи при открытии парламентской сессии 19 марта 1604 г. король, касаясь религиозной ситуации, отметил, что в стране существуют две группы подданных, остающиеся неконформистами — паписты и те, кого он назвал «скорее сектой, чем вероисповеданием, а именно пуритане или сторонники новаций (novelists)». По словам короля, «они не столько отличаются от нас в пунктах вероучения, сколько беспорядочной формой поливки и стремлением к равенству; их недовольство нынешней системой управления и нетерпимость в отношении к любым верховным властям делают эту секту непереносимой в любом хорошо управляемом государстве»⁴⁶⁴.

Одновременно с этой сессией парламента заседала и конвокация 1604 г., которая приняла решения, важные для дальнейшей истории церкви Англии. Чтобы заблокировать попытки сторонников пуритан действовать через парламент, конвокация приняла резолюцию, отрицающую за палатой общин право обсуждать религиозные вопросы иначе, чем с одобрения и под руководством епископов. Важнейшим же результатом конвокации 1604 г., как отмечают историки, было принятие Канонов англиканской церкви. Появился документ, чётко регламентирующий практику церкви. Это было и оружие против пуритан — по канонам можно было выявить, какая практика несовместима с членством в установленной церкви, что дало правовую базу в преследовании неконформистов⁴⁶⁵.

Историки пуританизма проанализировали также результаты кампании против пуритан, которую повёл их убеждённый противник Ричард Бэн-

⁴⁶³ Curtis M.H. Hampton Court Conference and its Aftermath // History. — 1961. — Vol. XLVI. — P. 14—16; McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 353.

⁴⁶⁴ Knappen M.M. Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism. — Chicago, 1939. — P. 326; McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 354.

⁴⁶⁵ McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 355; Alexander H.G. Religion in England, 1558—1662. — London, 1968. — P. 138.

крофт, сменивший архиепископа Кентерберийского Джона Уитгифта после его смерти в конце февраля 1604 г. Всему духовенству под угрозой лишения прихода предлагалось подписаться под тремя статьями, одобряющими строй установленной церкви. Пуритане утверждали, что подписаться отказались около 300 священников⁴⁶⁶, известный английский историк второй половины XIX в. С.Р. Гардинер считал, что таких священников было 60 человек, а к 1609 г. некоторые примирились с предъявлявшимися требованиями, в результате чего их осталось 49 человек⁴⁶⁷. С. Бэббидж утверждал, что отказавшихся подписаться было не более 90⁴⁶⁸. Примерно к этой цифре в итоге пришли современные исследователи — лишены прихода были, насколько удалось установить, от 73 до 83 священников-нонконформистов. Методичное давление властей на пуританских священников во время этой кампании сочеталось с благоразумием и избирательностью — лишённые приходов не были лучшими и наиболее известными из пуританских священников, а с лидерами обходились осторожно, так как они могли возглавить более массовое движение, будучи лично ущемлёнными⁴⁶⁹.

Но результаты этой кампании были, по словам П. Коллинсона, «ограниченными и частично иллюзорными», поскольку пуританские священники могли подписаться под статьями и продолжать делать свое дело под защитой светских покровителей и в тех случаях, когда нетребовательным был местный епископ. При следующем архиепископе Кентерберийском Джордже Эбботе (1610—1633) в национальном масштабе не предпринималось широких преследований пуритан, так что жизнь пуританских священников была далека от нетерпимой⁴⁷⁰.

Исследователи отмечают, что одним из следствий усиления преследований пуритан при Бэнкрофте стал в 1605—1606 гг. рост сепаратизма. Среди большинства пуритан в эти годы продолжалось изменение в понимании Реформации — она теперь воспринималась как совершенствование благочестия, морали, а не только как установление новых внешних форм управления церковью. Для радикально настроенных пуритан, стремившихся к переменам в церковной организации, после 1604 г. было два основных выхода — или сепаратизм, или «не отделившийся конгрегационализм», и оба пути, как считают исследователи, в будущем вели к индентентству, проявившему себя в годы гражданской войны.

По мнению П. Коллинсона, после 1604 г. пуритане никогда не противостояли правительству как единая и сплочённая партия с одной согла-

⁴⁶⁶ Alexander H.G. Religion in England, 1558—1662. — London, 1968. — P. 140.

⁴⁶⁷ Gardiner S.R. History of England from the Accession of James I to the Outbreak of the Civil War. Vol. I—II. — London, 1905. — Vol. I. — P. 196—197.

⁴⁶⁸ Babbage S. Puritanism and Richard Bancroft. — London, 1962. — P. 217.

⁴⁶⁹ McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 356; Fincham K. Prelate as Pastor. — Oxford, 1990. — P. 323—326; Collinson P. The Jacobean Religious Settlement: the Hampton Court Conference // Before the Civil War / Ed. by H. Tomlinson. — London, 1983. — P. 27—51; Shriver F. Hampton Court Revisited: James I and the Puritans // JEH. — 1982. — Vol. 33; Fincham K., Lake P. The Ecclesiastical Policy of King James I // JBS. — 1985. — Vol. 24. — P. 171—176.

⁴⁷⁰ Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982. — P. 460.

сованной программой очищения англиканской церкви: в английском протестантизме стал развиваться внутренний раскол. Дальнейшим выражением расхождения мнений по религиозным вопросам в английском протестантизме стало появление различных религиозных сект в годы гражданской войны. Потерпев неудачу как организованная форма давления на церковные и светские власти в его пресвитерианском варианте, пуританизм отнюдь не ослаб в своем воздействии на жизнь английского общества — распространение религиозной и моральной практики пуритан в различных социальных слоях продолжалось⁴⁷¹.

Одним из важнейших вопросов, касающихся итогов деятельности пуритан к началу XVII в., является оценка степени распространения пуританизма в английском обществе. Из-за нехватки материалов для выводов здесь трудно мыслить в категориях статистики, и есть простор для суждений с элементами умозрения, что и отразилось в существующих точках зрения на этот счёт среди британских историков. Определение численности пуритан обычно предпринимается в связи с определением численности католиков — изменения в этих обеих группах неконформистов отражают динамику религиозных процессов в данный период. Лучше это удается в случае с католиками, так как по графствам предпринимались попытки осуществить их перепись, но и здесь в общенациональном масштабе сколько-нибудь точных данных нет. В определении числа пуритан интересная попытка решить этот вопрос была предпринята Р.Г. Ашером. Его данные, опубликованные ещё в 1910 г., при всей уязвимости его методики, продолжают обсуждаться. Рассуждавшие по этому поводу историки, однако, больше продвинулось в разборе нюансов позиции Ашера, чем в составлении какого-либо другого представления при решении этого вопроса.

Р.Г. Ашер в своей двухтомной работе «Реконструкция английской церкви»⁴⁷² высказал мысль, что в начале XVII в. 75% населения Англии были совершенно равнодушны ко всем формам управления церковью и деталям церемоний. Из остальных 25%, Ашер определил долю последователей англиканской церкви в 18%, всех англичан-католиков, открыто признававшихся в своих убеждениях — в 5%, а пуритан — лишь в 2%. Историки полагают, что в таком подсчёте Ашер преувеличил число отверженцев англиканской церкви⁴⁷³.

М. Кнэппен, высказываясь по этому поводу, соглашался относительно позиции 75% англичан, но очень критично отзывался о двухпроцентной доле пуритан. По его мнению, из оставшихся 25% около 15% составляли пуритане, затем, в 1590-е годы, их численность несколько снизилась, но, тем не менее, на рубеже XVI—XVII вв. они всегда превосходили численность англикан⁴⁷⁴.

⁴⁷¹ McGrath P. *Papists and Puritans under Elizabeth I.* — London, 1967. — P. 353; Collinson P. *The Elizabethan Puritan Movement.* — London-New York, 1982. — P. 465—466.

⁴⁷² Usher R.G. *The Reconstruction of the English Church.* — New York, 1910. — Vol. I—II.

⁴⁷³ McGrath P. *Papists and Puritans under Elizabeth I.* — London, 1967. — P. 375.

⁴⁷⁴ Knappen M.M. *Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism.* — Chicago, 1939. — P. 333—334.

При этом Р.Г. Ашер считал, что в начале XVII в. не было и десятка из числа людей глубокомыслящих, кто принимал бы во всем существовавший строй церкви, но несогласие в чём-то не превращало сразу этих людей в пуритан. Ашер сосчитал упоминаемых в различных источниках того времени пуританских священников, выявив 281 имя. 105 из них имели университетские степени бакалавра и магистра, а по-настоящему известными деятелями были чаще всего упоминаемые 50 человек⁴⁷⁵. Продельвая последовательно такие редукционистские операции и выявляя ядро пуританского движения, Ашер в итоге заявлял, что оно чуть ли не сводится к деятельности этих 50 человек: о них мы читаем в исторических источниках, они писали трактаты, составляли планы действий и исполняли их, организовывали петиции и собирали под ними подписи⁴⁷⁶.

Критикуя цифры, предлагаемые Р.Г. Ашером, историки во второй половине XX в. отмечали, что он привлекал для изучения лишь тех пуританских священников, которые фигурировали в официальных документах властей, прежде всего в материалах церковных судов, где им угрожали лишением прихода, но не включал в свои подсчёты тех, кто был по убеждениям пуританином, но не доводил дело до превращения в нонконформиста, чтобы не испытывать житейских проблем. Ашер считал лишь священников с бенефициями и не упоминал викариев, просто проповедников с лицензией, в то время как пуритан было особенно много в числе последних. К тому же некоторых священников в графствах из-за авторитета на местах в суд просто не вызывали. Явно противоречит недооценке распространённости пуританизма Ашером и то, что сторонники пуритан практически в каждом парламенте 1580—1620-х гг. выдвигали получавшие поддержку законопроекты. Пуритане с успехом собирали подписи под своими петициями. Большой интерес вызывали «пророчества», на которые собирались также светские лица. Все это «без натяжки свидетельствует о значительном влиянии пуританизма в обществе, хотя оно на основе изучения сохранившихся источников и невыразимо в точных цифрах⁴⁷⁷.

Современные историки, в отличие от Р.Г. Ашера, не считают, что степень религиозного индифферентизма англичан на рубеже XVI—XVII вв. была так высока. Как считает П. Коллинсон, лишь около 20% населения страны было безразлично к религиозным вопросам, что отмечали пуритане. Посещение церквей в целом по стране было довольно небрежным, но в Лондоне и пригородах с конца XVI в. собиралось на службы столько прихожан, что им не хватало места. Иногда это происходило из-за небольших размеров церквей, поскольку в течение XVI в. численность населения в стране заметно выросла⁴⁷⁸.

⁴⁷⁵ *McGrath P.* Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 376.

⁴⁷⁶ *Usher R.G.* The Reconstruction of the English Church. Vol. I—II. — New York, 1910. — Vol. I. — P. 254.

⁴⁷⁷ *Alexander H.G.* Religion in England, 1558—1662. — London, 1968. — P. 90.

⁴⁷⁸ *Collinson P.* The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 201.

Некоторые историки английского протестантизма стремятся подчеркнуть, что при всей остроте противостояния нонконформистов и установленной церкви во второй половине XVI—начале XVII в. преобладающим качеством внутрицерковной жизни было согласие. Например, по мнению Чарльза и Кэтрин Джордж, «основным качеством истории английской церкви в 1570—1640 гг. была гармония. Институциональные рамки церкви были твердо установлены в виде довольно консервативной системы, но доктрина церкви была недвусмысленно протестантской... В церкви случались споры, главным образом относительно её строя, и, гораздо реже, по вопросам доктрины. Несмотря на искренние усилия церковных и светских властей, случались отделения от церкви... Многие историки, слишком погружённые в изучение катаклизма, который завершает период относительного спокойствия в церковных делах (имеется в виду гражданская война середины XVII в. — В.Е.), привносят в исследование такую степень интенсивности раскола, которая реально не существовала»⁴⁷⁹. Они стремятся подчеркнуть, что в ходе английской истории первых десятилетий XVII в. не было предопределённости. Существовавшие к началу XVII в. религиозные течения в Англии действительно не дошли ещё в своем противостоянии до открытого конфликта, и, по мнению многих историков, острота будущего религиозно-политического противостояния середины XVII в. не просматривается из событий начала века. Но пуритане, как видно из анализа их мировоззрения, в структуре мироздания подчёркивали не гармонию, а конфликт, что и могло рано или поздно найти открытое выражение при благоприятствующих социальных условиях.

Современные британские историки сходятся в том, что признают пуританизм XVI—начала XVII в. явлением, прежде всего, религиозным. В понимании вопроса о связи пуританизма и Английской революции существующие позиции можно свести к тезису, согласно которому в формировании пуританизма важнейшую роль сыграли внутрирелигиозные потребности. Впоследствии сформировавшийся пуританизм смог укорениться в обществе по той причине, что отвечал определённым светским интересам, а накануне революции пуританизм был идейным знаменем оппозиции потому, что дал ей теоретическую базу, обосновывавшую возможность выступления против существующего порядка, и укрепил её в морально-психологическом отношении.

⁴⁷⁹ George C.H., George K. *The Protestant Mind of the English Reformation, 1570—1640.* — Princeton (N.J.), 1961. — P. 404.

§4. Пуританизм и англиканская церковь при первых Стюартах в оценке британской историографии

Развитие английского пуританизма в предреволюционные десятилетия XVII в. традиционно привлекает внимание британских историков, поскольку религиозные течения того времени имели определённые политические аспекты, и явления, возникавшие в религиозной сфере, были важной составной частью процессов, происходивших в английском обществе. При этом в работах ряда британских историков с 1970—80-х гг. проводится мысль о том, что пуританизм начала XVII в. не следует рассматривать как течение, безоговорочно оппозиционное по отношению к существовавшему религиозно-политическому устройству, поскольку пуритане до 1630-х гг. считали для себя возможным оставаться составной частью церкви Англии⁴⁸⁰. Исследователи истории церкви стали отмечать, как глубоко пуританские идеи к концу XVI—началу XVII в. проникли в сознание тех, кто принадлежал к установленной церкви Англии, так что они даже считают затруднительным использование в прежнем смысле понятий «пуританизм» и «англиканство», поскольку пуританские и англиканские идеи в сознании многих духовных лиц тесно переплетались⁴⁸¹. Историки, принадлежащие к числу ревизионистов, на основе этого стали утверждать, что понятие «пуританизм» при таком толковании теряет свое позитивное содержание⁴⁸². Высказывалось также мнение, что понятие «пуритане» нужно использовать в соответствии с подходом к пониманию пуританизма либеральных историков XIX в., которые применяли его только по отношению к неконформистам и пресвитерианам, явно выступавшим против строя установленной церкви. Следствием такого подхода становилось нежелание относить к пуританам умеренных пуритан, которые были конформистами и не вступали в конфликты с церковными властями, но высказывали пуританские идеи в своих печатных выступлениях и проповедях⁴⁸³.

П. Коллинсон считает, что термин «пуританизм» в исследовании использовать вполне целесообразно, поскольку пуритан как общность, обладавшую своей идентичностью, характеризовавшуюся относительно большим рвением в отстаивании «истинной протестантской религии», выделяли современники, а сами пуритане изначально называли своих

⁴⁸⁰ *Lake P. Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker.* — London, 1988; *Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625.* — New York, 1982.

⁴⁸¹ *Lake P. Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker.* — London, 1988. — P. 6; *Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625.* — New York, 1982; *Cross C. The Puritan Earl.* — London, 1966.

⁴⁸² *Christianson P. Reformers and the Church of England under Elizabeth I // JEH.* — 1980. — Vol. 31.

⁴⁸³ *Dent C. Protestant Reformers in Elizabethan Oxford.* — Oxford University Press, 1983.

сторонников «благочестивые» (“the godly”), в отличие от большинства, которое, с пуританской точки зрения, в отношении к религии представляло собой собрание «теплохладных равнодушных профанов»⁴⁸⁴.

П. Лейк считает, что в отношении некоторых лиц в церкви просто трудно определённо утверждать, были ли они или не были конформистами и насколько далеко простирался их конформизм, поскольку, по его словам, «в церкви Англии сложилось общее ядро религиозных ценностей и опыта, которое не сводилось только лишь к разногласиям по вопросам конформизма и управления церковью», то есть во многих религиозных и моральных вопросах, если не затрагивать споры о приемлемости или неприемлемости епископального строя управления церковью, англикане и пуритане были близки по своим взглядам. Если принять такой подход к пониманию пуританизма, считает П. Лейк, становится возможным более тонкий учет нюансов в религиозных взглядах современников, но теряется точность в определении пуританизма. В то же время рассмотрение англикан и пуритан как оппозиционных по отношению друг к другу группировок, в целом правомерное, в некоторых случаях может быть «огрубляюще неточным». П. Лейк склоняется к мнению, что на практике англикане и пуритане были и оппозиционными по отношению друг к другу, и взаимопроницаемыми группами, так что для понимания их отношения надо учитывать оба подхода. Эти трудности, как считает П. Лейк, не закрывают возможности для взаимопонимания среди историков, поскольку в каждом конкретном случае можно обсудить выявленные нюансы во взглядах исследуемых персонажей, а непродуктивным он считает лишь подход тех историков-ревизионистов⁴⁸⁵, которые отрицают целесообразность использования понятия «пуританизм»⁴⁸⁶.

В 1970—80-е гг. историки развивали идею о том, что в церкви Англии во второй половине правления Елизаветы и в правление Якова I существовало согласие с основными богословскими идеями кальвинизма (the Calvinist consensus), а конформисты и пуритане отличались друг от друга только незначительными по характеру разногласиями в понимании вопросов церковного управления и церемониальной стороны жизни церкви. Наиболее отчетливо выразил этот подход Н. Тайэк⁴⁸⁷, но спор по вопросу о том, в какой степени в церкви Англии укоренился кальвинизм, представляется П. Лейку «вечным»⁴⁸⁸.

Противопоставление англиканства и пуританства возникло, как отмечают современные исследователи, ещё и в результате деятельности марк-

⁴⁸⁴ Collinson P. A Comment Concerning the Name Puritan // JEH. — 1980. — Vol. 31; Lake P. Puritan Identities // JEH. — 1984. — Vol. 35.

⁴⁸⁵ Christianson P. Reformers and the Church of England under Elizabeth I // JEH. — 1980. — Vol. 31; Finlayson M. Historians, Puritanism and the English Revolution: the Religious Factor in English Politics Before and After the Interregnum. — University of Toronto Press, 1983.

⁴⁸⁶ Lake P. Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker. — London, 1988. — P. 6.

⁴⁸⁷ Tyacke N.R.N. Puritanism, Arminianism and Counter-Revolution // The Origins of the English Civil War / Ed. by C. Russell. — London, 1973; Tyacke N.R.N. Anti-Calvinists. — Oxford University Press, 1987.

⁴⁸⁸ Lake P. Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker. — London, 1988. — P. 6.

систски ориентированных британских историков, которые стали рассматривать пуританизм как кредо поднимающихся средних классов, которые стремились убрать из жизни церкви всё то, что мешало поднимающемуся капитализму. Основы для такой интерпретации заложила либеральная историография, которая характеризовала период, предшествовавший 1640 г., как предреволюционный, а пуританизм изображала как прогрессивного поборника изменений и революции. Для того, чтобы обосновать такую интерпретацию, брались труды англиканских апологетов периода правления Карла I, которые хотели маргинализировать пуританизм из основного русла в жизни церкви Англии, для этого изображая пуритан как бунтовщиков — например, труды Питера Хейлина. С 1970-х гг. в рамках либерального историзма, испытавшего влияние подходов историков-ревизионистов, такая интерпретация стала подвергаться сомнению, и стало распространяться мнение, что пуритане, в сущности, были представителями евангелического типа в протестантизме, отличавшегося относительно большим энтузиазмом в исповедании своей веры по сравнению с англиканами. При этом подчёркивалось, что пуритане не обязательно были нонконформистами в отношениях с церковью Англии, так как они были «больше озабочены искуплением грехов, чем социальной революцией, набожностью и её утверждением среди населения, чем политическими катаклизмами или осуществлением пресвитерианской программы церковного устройства», а радикализировались оппозиционные взгляды пуритан лишь в правление Карла I из-за действий властей, попытавшихся подавить пуританизм в церкви, в которой он ранее смог укорениться⁴⁸⁹.

Как считает П. Лейк, пуританизм и в своей пиетистской фазе, наступившей с 1590-х гг., как и ранее, всё-таки стимулировал гражданскую активность у тех, кто воспринял пуританские идеи⁴⁹⁰. Гражданская активность пуритан питалась необходимостью достичь исправления нравов в обществе, пресечения деятельности католиков-«папистов», что заставляло пуритан воздействовать на органы местной и центральной власти, в определённой мере также сталкивая пуритан с властью. Но в то же время пуританские убеждения стали оказывать влияние на взгляды и действия самих представителей местной власти⁴⁹¹. По мнению П. Лейка, выступление против испанского брака принца Карла, против принудительного займа и режима беспарламентского правления Карла I вполне органично связаны с деятельностью пуритан. После разгрома пресвитерианского движения на рубеже 1580—90-х гг. к тому же, как считает П. Лейк, отпали поводы для преследования пуритан со стороны церковных властей, и это

⁴⁸⁹ *Tyacke N. Puritanism, Arminianism and Counter-Revolution // The Origins of the English Civil War / Ed. by C.S.R. Russell. — London, 1973. — P. 119—143; Lake P. Moderate Puritans and the Elizabethan Church. — Cambridge, 1982; Russell C.S.R. Parliaments and English Politics 1621—1629. — Oxford, 1979. — P. 28; Fincham K., Lake P. The Ecclesiastical Policy of James I // JBS. — 1985. — Vol. 24. — P. 169—201; Fincham K. Prelate as Pastor: The Episcopate of James I. — Oxford, 1990.*

⁴⁹⁰ *Lake P. Constitutional Consensus and Puritan Opposition in the 1620: Thomas Scott and the Spanish Match // Historical Journal. — 1982. — Vol. 25.*

⁴⁹¹ *Cliffe J.T. The Puritan Gentry. — London, 1984; Hunt W. The Puritan Moment. — Harvard University Press, 1983.*

даже принесло пользу делу распространения пуританизма. Епископы зачастую не хотели портить отношения с пуритански настроенным джентри в своих епархиях, так что пуританизм продолжал укореняться в стране⁴⁹².

Пресвитерианство, как считает П. Лейк, оставило также радикальное наследие в лице так называемых «не отделившихся конгрегационалистов», самыми известными из которых были Генри Джэкоб и Уильям Брэдшоу. В отличие от сепаратистов, они отрицательно относились к расколу и к выходу из установленной церкви. Вместе с тем, как представляется П. Лейку, пресвитерианские идеи в своём влиянии на взгляды некоторых пуритан также могли способствовать их переходу к сепаратизму (пример Фрэнсиса Джонсона, который создал сепаратистскую общину из английских эмигрантов в Нидерландах в конце XVI в.)⁴⁹³.

Английский пуританизм, по признанию исследователей, всё же породил своим идейным влиянием тенденцию к развитию радикальных течений — конгрегационализма, сепаратизма, баптизма. На службах конгрегационалистов сохранялась ведущая роль священника, в отличие от собраний сепаратистов и баптистов, у которых поощрялись вдохновенные импровизированные пророчества, с которыми могли выступать все, кто входил в общину, что поставило под сомнение необходимость существования формального священства. В исследовании на материалах графства Kent П. Кларк писал, что складывается впечатление, что здесь во многих населенных пунктах был широко распространён сепаратизм, укоренившийся в графстве задолго до гражданской войны. П. Кларк предполагал даже существование здесь «своего рода «наследственного» сепаратизма, связанного с лоллардистским прошлым»⁴⁹⁴. Здесь же в 1616 г. в Саутуорке образовалась автономная конгрегационалистская церковь под руководством Генри Джэкоба — «не отделившиеся конгрегационалисты», и подобные им приходы появились в Лондоне. В общине Джэкоба были также убеждённые сепаратисты, и споры в этой общине привели в дальнейшем к образованию целой группы сепаратистских и полусепаратистских общин. В спорах первых десятилетий XVII в. закладывались основы для появления будущих деноминаций: конгрегационалистов, различных толков баптистов, сикеров (the seekers) и других, в том числе предшественников квакеров⁴⁹⁵. Внешне похожие на сепаратистов группы, считает П. Коллинсон, должны быть отличаемы от сепаратистов: в таких группах отсутствовало убеждение, что они являются церквями. Хотя сепаратизм для большинства пуритан был непопулярной альтернативой, некоторые их группы фактически практиковали своего рода «квазисепаратизм», и плюрализм религиозных практик становился фактом жизни. Пуританский радикализм, который сам по себе не

⁴⁹² Lake P. *Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker*. — London, 1988. — P. 242.

⁴⁹³ Ibid. — P. 243.

⁴⁹⁴ Clark P. *English Provincial Society from the Reformation to the Revolution: Religion, Politics and Society in Kent 1500—1640*. — Hassocks, 1977. — P. 177.

⁴⁹⁵ White B.R. *The English Separatist Tradition: From the Marian Martyrs to the Pilgrim Fathers*. — Oxford, 1971.

был сепаратистским по намерениям, способствовал формированию интеллектуального климата, который позволял разрастаться сепаратизму⁴⁹⁶.

П. Коллинсон упоминает также о такой характерной черте пуритан, как хождение из прихода в приход с целью послушать более квалифицированную и наставительную проповедь. В пуританской среде считалось, что в воскресенье, если в своем приходе есть хорошо проповедующий священник, то проповедь слушать надо по месту своего жительства, а в остальные дни недели не возбранялось ходить слушать проповеди и в другие приходы. А. Эверитт пытался проследить связь между развитием в обществе мелкой торговли и хождением на те проповеди, которые нравились человеку, предполагая, что мобильность в экономической сфере приводила к мобильности в сфере религиозной, в то время как ранее для крестьянства была характерна приверженность стабильности в религиозных вкусах⁴⁹⁷.

Но П. Коллинсон возражает Эверитту и отмечает, что не все те люди, которые ходили по разным приходам, чтобы послушать хорошие проповеди, были мелкими торговцами, и не все купцы были склонны к слушанию проповедей. П. Коллинсон утверждает, что такая свободная форма религиозности, которая утвердилась в Англии во второй половине XVI—начале XVII в., была выдающейся отличительной чертой реформированной церкви Англии: нигде больше в Европе раннего Нового времени в рамках легально установленной церкви не образовывались такие многочисленные группы на основе спонтанного личностного согласия в религиозных верованиях, а не под чьим-либо принуждением, в чём, по его мнению, состояли значение и уникальность английского пуританизма. Но это не вело к анархии или эклектике в церковной жизни⁴⁹⁸.

П. Коллинсон неоднократно обращается к полемике с К. Хиллом. Хилл в очерке «Личности и сообщества» в работе «Общество и пуританизм в предреволюционной Англии» (1964) предполагал, что появившийся в результате Реформации религиозный волюнтаризм, который привел к образованию сект, был силой, способствовавшей распаду традиционных локальных сообществ, и процессом, который имел определённую историческую логику, когда, «особенно в городах, возникали добровольно и самостоятельно созданные сообщества, независимые от религиозного прихода, объединённые общностью интересов, а не просто географической близостью или корпоративной моралью — договорные сообщества заменили статусные сообщества». Переход от прихода к секте был переходом к созданию добровольного типа сообщества, к которому люди примыкали для того, чтобы слушать избранного ими проповедника⁴⁹⁹. П. Коллинсон отмечает, что поначалу тоже

⁴⁹⁶Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 276.

⁴⁹⁷The Agrarian History of England and Wales. 1500—1640 / Ed. by J. Thirsk. — Cambridge, 1967. — Vol. IV. — P. 557—558, 562.

⁴⁹⁸Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 247.

⁴⁹⁹Hill C. Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England. — London, 1966. — P. 483—484, 488, 491—492.

склонялся к подобным выводам, но теперь склонен обратить внимание на то, что такие добровольные формы религии и договорные сообщества всё же просуществовали в течение 2—3 поколений, не покидая установленной церкви, и в их последующем выходе из церкви не было предзаданности: в рамках церкви Англии в предреволюционные десятилетия XVII в. была вполне возможна аккомодация этих новых религиозных форм⁵⁰⁰.

К. Хилл выводил происхождение пуританского волюнтаризма из, по его словам, «подрывных доктрин Лютера о священстве всех верующих и об оправдании одной лишь верой, что было способно привести к индивидуалистической анархии»⁵⁰¹. Но в кальвинизме, как отмечает П. Коллинсон, акценты ставились, в отличие от лютеранства, на полном подчинении ума и воли человека Божественной истине и ограничивающему человека Божественному провидению. В кальвинизме осуждалось «поклонение Богу по своему усмотрению». Кальвинистская доктрина проповедовала церковную и социальную дисциплину, которая поддерживала интеллектуальную и моральную сдержанность. Коллинсон обращает внимание, прежде всего, на дисциплинирующее влияние кальвинистской практики и ссылается в толковании этих черт мировоззрения пуритан на содержание опубликованных исследователями дневников⁵⁰². Пуританский «ковенант благодати» не поощрял чрезмерный и непредсказуемый волюнтаризм, но можно говорить о том, что пуританское богословие подчеркивало необходимость добровольного согласия человека с этим «ковенантом благодати». «Ковенант благодати», по мнению Коллинсона, всё же порождает своего рода волюнтаризм второго порядка, но этот волюнтаризм не был эклектичным, принимал предсказуемые и последовательные формы, которые выражали не индивидуализм и анархию, а формировали корпоративный дух общины избранных. П. Коллинсон отстаивает мнение, что сектантство не было логически необходимым продуктом развития кальвинизма, хотя пуритане имели обыкновение собираться в частных домах для занятий и чтения Писания, духовной литературы, и это могло способствовать созданию конгрегационалистских общин. Пуритане составляли сообщество, которое ментально и эмоционально было отделено своим радикальным отчуждением от остального обычного общества. У таких пуританских сообществ существовало представление о собственной исключительности. Но такие группы пуритан, подчеркивает П. Коллинсон, отличали себя от сепаратистов, не хотели отделяться от установленной церкви, в крайнем случае, предпочитая лучше эмигрировать в Америку, чем разрывать отношения с официальной церковью. Ощущение избранности и исключительности, характерное для таких пуританских сообществ, не приводило к разрыву отношений с остальными прихожанами в такой степени, как это было у сепаратистов. Под влиянием пуританского мировоззрения, признает П. Коллин-

⁵⁰⁰ Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 249—250.

⁵⁰¹ Hill C. Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England. — London, 1964. — P. 487—488.

⁵⁰² Two Elizabethan Puritan Diaries by Richard Rogers and Samuel Ward / Ed. by M.M. Knappen. American Society of Church History. — Chicago, 1933; The Diary of Ralph Josselin 1616—1683 / Ed. by A. Macfarlane. — Oxford, 1976.

сон, в последующее время появились на свет рантеры, сикеры и квакеры, но развертыванию этих волюнтаристских группировок в истории английской Реформации особенно благоприятствовали необычные революционные обстоятельства 1640—1660 гг. Такое развитие событий и тот оборот, который религиозная история Англии приняла в период гражданской войны, Коллинсон не считает предзаданным и внутренне присущим кальвинизму⁵⁰³.

Ряд исследователей согласны в том, что Яков I в течение большей части своего правления удерживал пуритан в церкви⁵⁰⁴. При Якове I пуритане поддерживали различные импровизированные формы религиозности, появившиеся по инициативе священников и наиболее активных светских лиц — «пророчества», посты, лекции, общие собрания для коллективных молитв. Епископы в начале XVII в. тоже не оказывали давления на пуритан и считали, что завоевать пуритан на сторону церкви можно тем, чтобы превзойти их в набожности⁵⁰⁵.

Яков I, как полагает П. Лейк, всё же отказался пойти на сближение с умеренным пуританизмом, поскольку опасался, что это может ослабить степень его личного контроля над формой церковной организации и преобладающими в церкви богословскими идеями, затруднит его отношения со своими подданными из числа католиков, будет влиять на внешнюю политику Англии⁵⁰⁶.

По мнению ряда исследователей, пуританский евангелизм не проповедовал идею социального конфликта. При изучении пуританской религиозности в Кенте и Суссексе П. Коллинсону, Н. Тайэку и Дж. Горингу не удалось выявить явных социальных различий между пуританами и теми, кто отказывался разделять их идеи⁵⁰⁷. Даже в пресловуто пуританских населенных пунктах Бэнбери и Крэнбрук в средних и высших классах местного общества не было однообразия в религиозных верованиях. Религия и мораль в предреволюционной Англии, утверждает Коллинсон, были «делом вкуса и выбора, а не социального статуса». При этом наиболее радикальные из пу-

⁵⁰³ *Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625.* — New York, 1982. — P. 249—250.

⁵⁰⁴ *Fincham K. Archbishop Abbot and the Defence of Protestant Orthodoxy // Historical Research.* — 1988. — Vol. 61; *Idem. Ramifications of the Hampton Court Conference in the Dioceses 1603—1609 // JEH.* — 1985. — Vol. 36. — № 2. — P. 208—227; *Collinson P. The Jacobean Religious Settlement: The Hampton Court Conference // Before the English Civil War / Ed. by H. Tomlinson.* — London, 1983; *Tyacke N.R.N. Arminianism in England in Religion and Politics from 1604 to 1640.* — Oxford D. Phil. Thesis, 1969; *Lake P. Laurence Chaderton and the Cambridge Moderate Puritan Tradition, 1570—1604.* — Cambridge Phil. D. thesis, 1978; *Milward P. Religious Controversies of the Jacobean Age.* — London, 1978.

⁵⁰⁵ *Lake P. Matthew Hutton: A Puritan Bishop? // History.* — 1974. — Vol. 64; *Collinson P. Popular Prelates: Elizabethan and Jacobean Roots of the Low Church Tradition // Lambeth Palace Library Annual Report.* — London, 1982; *Lake P. Protestants, Puritans and Laudians // JEH.* — 1991. — Vol. 42. — № 4. — P. 618—628.

⁵⁰⁶ *Lake P. Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker.* — London, 1988. — P. 249.

⁵⁰⁷ *Collinson P. Cranbrook and the Fletchers: Popular and Unpopular Religion in the Kentish Weald // Collinson P. Godly People: Essays in English Protestantism and Puritanism.* — London, 1984. — P. 399—428; *Tyacke N.R.N. Popular Puritan Mentality in Late Elizabethan England // The English Commonwealth 1547—1640 / Ed. by P. Clark, A.G.R. Smith and N. Tyacke.* — Leicester, 1979; *Goring J.J. Church and Dissent in Warbleton, 1500—1900.* — Warbleton and District History Group Publications, 1980.

ритан мечтали, чтобы к представителям всех классов применялись единые мерки на основе норм суровой и установленной законом религиозно-моральной дисциплины. Но в дореволюционной Англии ситуация никогда не была такой — соблюдение норм религии и морали было, в сущности, добровольным. Такое состояние способствовало различиям в религиозных взглядах, скорее, внутри социальных классов, а не между ними. Более набожными были женщины, пожилые люди, то есть в религиозности заметными были половозрастные различия. Коллинсон заключает, что простое отождествление пуритан раннестюартовской Англии и социальной элиты или даже более широко понимаемых верхов общества является непродуманным⁵⁰⁸.

По мнению Дж. Эйлмера, на средний класс радикальный протестантизм, а впоследствии пуританизм, воздействовал гораздо сильнее, чем на верхи или низы общества. Если считать пуританизм не социальным движением и не комплексом идей, а особым темпераментом и мировоззрением, то, безусловно, он не был ограничен рамками какого-либо одного социального класса; тем не менее, пуританизм утвердился в определённых слоях общества и в определённых частях страны прочнее, чем в других⁵⁰⁹.

П. Коллинсон полемизирует с М. Кертисом и возражает выводам его статьи «Отчуждённые интеллектуалы раннестюартовской Англии»⁵¹⁰, в которой утверждается, что пуритански настроенные духовные лица в начале XVII в., не имея возможности получить должность в церкви Англии, превратились в оппозиционную церкви силу. Коллинсон полагает, что перспективы карьеры для образованного духовенства в это время всё же существовали, следуя в своих выводах за статьёй Я. Грина «Карьерные перспективы и конформизм духовных лиц в раннестюартовской церкви». После окончания университетов среди пуритански настроенных священников была распространена практика организации кружков дальнейшей самостоятельной подготовки, которые формировали привычку заниматься богословием и повышали профессиональный уровень священников, способствовали публикации трудов друг друга⁵¹¹. Лекции в комбинации, распространившиеся в начале XVII в., при которых создававшиеся для этих целей группы священников организовывали по очереди проповеди тех, кто входил в эти группы, а потом коллективно обсуждали проповедь, П. Коллинсон не считает симптомом отчуждения от установленной церкви: напротив, такие лекции отвечали потребностям и даже духовным нуждам влиятельных сил в провинциальных городах. При этом проповеди в рыночных городах, как удалось установить, даже увеличивали количество пришедших на рынок покупателей, которые слушали публично выступавших проповедников. В разных городах страны власти, насколько были воз-

⁵⁰⁸ Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 240—241.

⁵⁰⁹ Эйлмер Дж. Восстание или революция? Англия 1640—1660 гг. — СПб., 2004. — С. 48.

⁵¹⁰ Curtis M. The Alienated Intellectuals of Early Stuart England // Past & Present. — 1962. — № 23. — P. 25—43.

⁵¹¹ Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 118—119.

можности, находили способы содержать на городские средства и специальные сборы в приходах таких священников, которые могли произносить проповеди, хотя это не всегда обозначалось понятием «лекторство»⁵¹².

П. Коллинсон утверждает, что пуританизм сам по себе не был подрывным в своем отношении к установленной церкви и короне, его таким представляли Лод и последующие роялисты. П. Лейк отмечает, что в начале XVII в. многие просто не считали пуританизм чем-то враждебным англиканству, рассматривая его как проявление евангелического рвения, неконформистской склонностью, которая могла существовать в гибкой структуре церкви Англии⁵¹³.

В то же время, по мнению Коллинсона, следует признать, что «существовавший в первые десятилетия XVII в. энергичный альянс пуританского магистрата и священства был индексом нестабильности в обществе». Об этом свидетельствует то, какую важную роль играло в это время понятие «враг» во всей аргументации и деятельности современников, а этот «враг» отождествлялся с папой, иезуитами, ведьмами, или же со сбродом, чернью в обществе, и в их адрес изливалась негодующая религиозная ненависть. С. Кларк обнаруживает в английском обществе «коллективную паранойю, предрасположенность видеть происходящее в понятиях бинарной оппозиции, формы аргументов и выражения, основывавшиеся на антитезах, одержимость крайними полюсами в религиозной и моральной сфере». Всё это, тем не менее, не формы психоза, а характерные черты ментальности этой эпохи⁵¹⁴.

В начале XVII в. у английских протестантов, как пишет П. Коллинсон, развилось стремление видеть во всем, происходящем в обществе, борьбу добра и зла, и задаётся вопросом, объясняется ли это какими-то глубокими эмоциональными потребностями личности этого времени, или же это было следствием существовавшей системы образования и риторических элементов в ней. Пуритане встали на сторону парламента в гражданской войне не потому, что хотели изменить политическую конституцию страны — они хотели защитить истинную религию, и гражданская война была в этом смысле религиозной. Именно накал религиозного чувства сильно способствовал тому, что парламент смог начать войну, потому что сугубо политические проблемы всё же могли обсуждаться и решаться в форме дискуссий. Религиозная же оппозиция отличалась от других форм оппозиции гораздо большей страстью и крайностями в риторике⁵¹⁵.

Многие историки возражали тому, чтобы религия рассматривалась как самостоятельный объясняющий фактор в событиях, происходивших накануне гражданской войны, но, как считает П. Коллинсон, следует обратить внимание на то, что религиозный фактор был очень действенным и ускорил

⁵¹² Green I. Career Prospects and Clerical Conformity in the Early Stuart Church // Past & Present. — 1981. — № 90. — P. 71—115; Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 174.

⁵¹³ Lake P. Puritan Identities // JEH. — 1984. — Vol. 35. — №. 1. — P. 112—123; Collinson P. A Comment: Concerning the Name Puritan // JEH. — 1980. — Vol. 31. — P. 483—488.

⁵¹⁴ Clark S. Inversion, Misrule and the Meaning of Witchcraft // Past and Present. — 1980. — № 87. — P. 98—127.

⁵¹⁵ Collinson P. The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. — New York, 1988. — P. 133, 147—148.

ход событий, которые, к тому же, могли не произойти без влияния религиозного фактора, поскольку существовавшие нормы поведения и политические условности оказывали сдерживающее влияние. Религиозный фактор связал в единое целое социальные элементы, которые были очень разными, за исключением того, что разделяли общие религиозные ценности, и религия даже легитимировала такие действия, которые в ином случае расценивались бы как незаконные и насильственные. Как считает П. Коллинсон, применительно к данной ситуации, относящейся к происхождению гражданской войны в Англии, действие религиозного фактора может ускорить событие, содержание которого не сводится к чему-то религиозному. Под действием религиозного фактора гражданская война в Англии началась, несмотря на то, что большая часть политически активной нации в Англии накануне открытия военных действий в соответствии с естественными человеческими наклонностями была предрасположена скорее к нейтралитету.

Ещё до начала военных действий ощущалось религиозно-культурное противостояние будущих партий. После гражданской войны известный пуританский богослов Ричард Бакстер (1615—1691) вспоминал, что «война началась на улицах ещё до того, как у короля и парламента появились армии». Пуритане обращались к окружающим в такой манере, что это провоцировало социальное напряжение. Религиозный характер противостояния парламентской и роялистской партий, как считает П. Коллинсон, виден и в том, как их представители называли друг друга. В отношении роялистов и тех, кто им симпатизировал, представители парламентской группировки использовали слово «злые», в то время как в адрес убежденных сторонников парламента употреблялось слово «честные»⁵¹⁶.

Депутатов парламента, которые были пуританами, либеральные историки до середины XX в. представляли как политическую оппозицию⁵¹⁷, или как оппозицию в психологически-социальном смысле⁵¹⁸. Но к 1620-м гг. пуританизм, как обращают внимание современные исследователи, стал вполне уважаемым, пустил глубокие корни в общественной жизни, и сторонники пуританизма, сами пуритане входили в городскую верхушку во многих городах⁵¹⁹. К этому же выводу ранее пришел У. Маккаффри в работе о положении в городе Эксетере в 1540—1650 гг.⁵²⁰ П. Коллинсон совершенно не согласен с П. Зивером, утверждавшим, что города под пуританским управлением «отвернулись от установленной церкви, и этим самым от короны»⁵²¹.

⁵¹⁶ Ibid. — P. 134—136, 143, 146.

⁵¹⁷ Neale J.E. Elizabeth I and Her Parliaments, 1584—1601. — London, 1957. — P. 77, 436—437.

⁵¹⁸ Walzer M. The Revolution of the Saints: A Study in the Origins of Radical Politics. — Cambridge (Mass.), 1965. — P. 3; Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 149.

⁵¹⁹ Collinson P. Magistracy and Ministry: A Suffolk Miniature // Reformation, Conformity and Dissent: Essays in Honour of Geoffrey Nuttall / Ed. by R. Buick Knox. — London, 1977. — P. 70—91; Wrightson K. Alehouses, Order and Reformation in Rural England 1590—1660 // Popular Culture and Class Conflict 1590—1914 / Ed. by E. Yeo. — Brighton, 1981. — P. 1—27.

⁵²⁰ MacCaffrey W.T. Exeter, 1540—1650: The Growth of an English County Town. — Cambridge (Mass.), 1958. — P. 199—200.

⁵²¹ Seaver P.S. The Puritan Lectureships: The Politics of Religious Dissent, 1562—1662. — Stanford, 1970. — P. 90.

Тезис П. Коллинсона подкрепляется другим региональным исследованием на материалах города Нориджа. Дж. Эванс утверждает, что пуритане «не составляли социально, религиозно или политически радикальное движение, и нарушение гармонии, которое произошло во взаимоотношениях между короной, церковью и городской корпорацией, которое выявилось в 1620—1640 гг., не следует объяснять деятельностью пуритан. К 1620-м гг. пуританизм был движением с глубокими местными корнями, а лидеры пуритан входили в городскую элиту»⁵²².

В отношении кальвинистов к соблюдению существовавших в обществе порядков и в вопросе об их подчинении властям историки всё же находят признаки амбивалентности, и эта проблема остаётся дискуссионным. М. Уолзер обсуждал вопрос о политической активности тех, кто воспринял пуританские идеи. Как важную черту кальвинизма М. Уолзер отмечал то, что кальвинизм способствовал подрыву некоторых традиционных политических убеждений, особенно идеи об иерархическом устройстве общества. С кальвинистской точки зрения, вся человеческая природа была полностью испорчена, и в свете этого различия в общественном статусе между падшими людьми не могли быть естественным основанием для поддержания существовавшей социальной иерархии. При этом кальвинизм подчёркивал особую ответственность, которая лежит на избранных. В результате вместо того, чтобы признавать естественные семейные связи, приверженность локальным иерархиям в обществе, пуритане пришли к мысли, что общественная жизнь должна строиться на основе создания сообществ договорного типа, в которые человек входит и из которых выходит по своему усмотрению. Отсюда, как считал М. Уолзер, был один шаг до идеи о том, что монарх не является естественным главой общественного организма, против которого не должна выступать ни одна часть тела, и должен рассматриваться как человек, которому власть доверена людьми, которые могут лишить власти монарха. Восприятию этих идей, отмечал М. Уолзер, способствовал социальный фон этого времени: время формирования пуританизма было периодом быстрых социальных изменений — роста городов, разрушения сельских сообществ, увеличения численности людей, не имевших ни занятия, ни хозяина. Усложнялась также и жизнь джентри, йоменов, так что пуританизм М. Уолзер рассматривал как привлекательный для тех, кто с трудом приспособлялся к общественным изменениям. Кальвинизм также проповедовал самодисциплину, а учение о предопределении давало тем, кто его воспринял, уверенность и веру в себя, которые другим путем формировавшемуся в этот исторический период среднему классу было приобрести трудно. Кальвинизм также проповедовал необходимость коллективной дисциплины, которую должны были установить набожные представители магистрата, которыми двигало желание помочь реализовать божественные цели и утвердить общественное благо. Но при этом пуритане, относившиеся к социальной верхушке,

⁵²² Evans J.F. *Seventeenth-Century Norwich: Politics, Religion and Government, 1620—1690*. — Oxford, 1979. — P. 102.

по мнению М. Уолзера, выступали за то, что можно назвать улучшением (amelioration) социального строя, а не за его резкое изменение с разрушением существовавших в обществе иерархических порядков⁵²³. С такой трактовкой влияния кальвинизма на политическую жизнь предреволюционной Англии выражал согласие также Х.Г. Александер⁵²⁴.

По мнению П. Коллинсона, пуритане в своей деятельности не были сознательными новаторами. Выступая за сохранение того, что им представлялось традиционным порядком в обществе, пуритане фактически создавали новый порядок, хотя их сознательные намерения по содержанию были традиционными, и перевернуть мир они не хотели. П. Коллинсон не соглашается с М. Уолзером в том, что кальвинизм создавал настроение отчуждения от существовавшего социально-политического строя у духовенства и джентри, и не считает, что люди с таким мировоззрением превратились во внутренних эмигрантов — только если задаться целью, можно подтянуть под эти характеристики лишь небольшую группу богословов времен Елизаветы, которые значительно оторвались от взглядов большинства духовных лиц в церкви Англии за время пребывания в эмиграции на континенте⁵²⁵.

Но П. Коллинсон также находит и достоинства в подходе М. Уолзера. Пуританские священники смогли изменить мировоззрение джентри. Под влиянием священников у джентри появлялось религиозное беспокойство. Поэтому, считает Коллинсон, «подъем джентри» следует понимать даже не столько как рождение нового социального класса, а как имевшую большое значение ментальную переориентацию и моральную реформацию уже существовавшей социальной группы, и кальвинистский религиозный опыт и кальвинистская серьёзность были главными элементами этого преобразовательного процесса. Пуританские священники, в своём внутреннем представлении, боролись с грехами в общественной жизни, но если перевести их идеи на язык современного социального историка, грех был синонимом дестабилизации в обществе, когда в раннее новое время, особенно в городах, приходили в упадок ремесла, уменьшались доходы, росло число бедных. При этом прегрешения морального характера в среде горожан и джентри в ситуации социально-экономической напряженности и психологического стресса могли острее восприниматься и сильнее осуждаться. Тем не менее, по мнению П. Коллинсона, в намерения кальвинистов, если они не принадлежали к маргинальным группам в обществе, никогда не входило разрушение общества, к которому они сами принадлежали, и в их религиозных взглядах также не было неудовлетворения господствующими социальными позициями, которые они унаследовали или сами приобрели. Коллинсон при этом признает, что в кальвинизме возникали и более радикальные религиозные тенденции, которые выражали «неукоренённость»

⁵²³ Walzer M. *The Revolution of the Saints. A Study in the Origins of Radical Politics.* — Cambridge (Mass.), 1965. — P. 62, 118.

⁵²⁴ Alexander H.G. *Religion in England, 1558—1662.* — London, 1968. — P. 169.

⁵²⁵ Collinson P. *The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625.* — New York, 1982. — P. 179.

в этом мире тех, кто не принадлежал к привилегированным социальным группам. Но в условиях Англии XVII в. возникавшие радикальные религиозные движения, как отмечал также У. Ламонт, несли в себе традиционалистское содержание, хотя, по его словам, милленаристские движения, стремящиеся восстановить и поддерживать *status quo*, могут непредвиденными последствиями своей деятельности и разрушать его⁵²⁶.

Социальные идеалы пуритан, считает Коллинсон, были умеренно консервативными: они придерживались убеждений, что социальная иерархия, различие призваний у разных людей в общественной жизни должны сохраняться, каждый человек должен признавать свой статус в обществе и быть довольным этим статусом. Примером для характеристики социальных взглядов пуритан у П. Коллинсона является один из широко известных пуританских проповедников — проживший долгую жизнь умеренный пуританин Лоренс Чэдертон (ок. 1536—1640), первый глава основанного в 1584 г. колледжа Эммануэль в Кембриджском университете, который в своих привлекавших с 1580-х годов в течение нескольких десятилетий значительное внимание проповедах отводил главное место среди беспорядков, случающихся в человеческих обществах, неподчинению младших старшим, но специально осуждал как вредное для общества также и попрание старшими интересов младших. При этом среди тех способностей, которыми Бог наделяет людей, Чэдертон выше всего ценил способность к осуществлению властных полномочий в обществе, поскольку деятельность властных органов упорядочивает общественную жизнь⁵²⁷.

Религиозная проблематика, считает П. Коллинсон, занимала большое место в сознании англичан в первые десятилетия XVII в. Заседания парламентов в конце XVI—первые десятилетия XVII в., как писали современники⁵²⁸, начинались так, что «всегда первый предлагаемый законопроект был или против папистов или за какие-нибудь улучшения в церкви, например, за лучшее соблюдение воскресного дня», то есть улучшения, предлагавшиеся в религиозной сфере, часто выражали именно пуританские по происхождению идеи. Но, по мнению П. Коллинсона, эти разделявшие пуританские идеи депутаты вели себя не как классические оппозиционеры. Эти люди были представителями власти от местностей, которые они представляли в парламенте. Их интерес к религиозным реформам, считает Коллинсон, не был частью какого-либо более широкого интереса к политическим реформам — мировоззрение этих людей было ярко выражено консервативным, и полагает, что было бы грубым редуccionизмом стремление рассматривать пуританизм в среде джентри как идеологическое выражение материальных интересов землевладельцев и городской олигархии. Власти и знать, полагает Коллинсон, по большей части не видели конфликта между исповеданием евангелического протестантизма и социальным ста-

⁵²⁶ *Lamont W.M. Godly Rule: Politics and Religion, 1603—1660.* — London, 1969. — P. 13.

⁵²⁷ *Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625.* — New York, 1982. — P. 151.

⁵²⁸ *The Court of King James The First, by Godfrey Goodman / Ed. by J.S. Brewer.* — London, 1839. — Vol. I. — P. 86.

тусом, общественными обязанностями представителей верхушки общества. В рамках такой ментальной перспективы установленная церковь, поскольку она не выполняла должным образом свою роль в распространении евангельской проповеди и в укреплении религиозной и моральной дисциплины, была хуже, чем неудовлетворительной — церковь казалась даже подрывающей общественный порядок. Отсюда делался вывод, что беспорядок в обществе проистекал из беспорядка в церкви. Рассматриваемые как оппозиционеры пуритане совершенно не нападали на существовавший социальный строй с его иерархией и различиями и считали, что этот строй должен быть сохранен тем, чтобы каждый человек в обществе занимал приличествующее ему место. Для поддержания такого порядка, по представлению пуритан, нужно избегать амбиций, неподчинения властям и старшим, но также избегать и презрения по отношению к социальным низам. При этом носители власти рассматривались как носители высшего призвания, поддерживающие порядок. Пуритане уже частично достигли своих целей в правление Якова I, внедрив такое понимание общественной жизни в сознание многих лиц, имевших достаточно высокий статус и влияние в обществе, и поэтому, когда в правление Карла I этот порядок подвергся угрозе того, что он будет нарушен в результате новой перегруппировки старых сил при дворе и в церкви, которые и ранее не переставали угрожать ему, реакция пуритан была консервативной и оборонительной по характеру. По утверждению исследователей, пуританские социальные идеалы в значительной степени реализовались в графстве Суффолк⁵²⁹. Но движущей силой в деятельности пуритан даже во время революции, утверждает П. Коллинсон, «был не дух неподчинения или неприязни к власти, а глубокое уважение к порядку и необходимости подчинения Богу и его земным представителям, чтобы, в свою очередь, сами пуритане могли требовать подчинения со стороны социальных низов»⁵³⁰. П. Коллинсон в понимании характера деятельности пуритан ведет цитатную полемику с К. Хиллом: «набожные пуритане представляли государство как улучшенный и возрожденный старый мир, а не как «мир, перевёрнутый вверх дном» (это название одной из работ К. Хилла об Английской революции)⁵³¹.

П. Коллинсон не согласен с утверждением Л. Стоуна о том, что, создавая альтернативную иерархию избранных, наделённых благодатью, кальвинизм и пуританское сознание подрывали уважение к рангам, титулам на всех уровнях социальной иерархии⁵³². По мнению П. Коллинсона, церковь времён правления Якова I была способна к тому, чтобы «включить в свои довольно свободные структуры энергичные формы свободного

⁵²⁹ *Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625.* — New York, 1982. — P. 152; *Idem. Magistracy and Ministry: A Suffolk Miniature // Reformation, Conformity and Dissent: Essays in Honour of Geoffrey Nuttall / Ed. by R. Buick Knox.* — London, 1977. — P. 70—91; *MacCulloch D. Power, Privilege and the County Community: County Politics in Elizabethan Suffolk.* — Cambridge Ph. D. Thesis, 1977.

⁵³⁰ *Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625.* — New York, 1982. — P. 151—153.

⁵³¹ *Ibid.* — P. 179.

⁵³² *Stone L. The Crisis of the Aristocracy, 1558—1641.* — Oxford, 1965. — P. 743, 745.

религиозного выражения отдельных лиц и групп», то есть, в первую очередь, интегрировать в свой состав умеренных пуритан. Рубежом, после которого в истории церкви стала нарастать нетерпимость, П. Коллинсон считает первые годы правления Карла I Стюарта. Впоследствии, даже и после реставрации Стюартов, считает П. Коллинсон, англиканской церкви была присуща определенная умеренность с тем, чтобы охватить наибольшее число прихожан, и в этом состояли её преемственные черты с церковью времен Якова I. По его словам, «исторический гений англиканства состоит в его способности к умеренности и приспособлению»⁵³³.

К. Хилл утверждал, что логика протестантизма вела к утверждению эгалитарного индивидуализма и цитировал «Историю мятежа» Кларендона, жаловавшегося, что иерархия и нормы поведения в обществе были подорваны несколькими религиозными сектами, которые осуждали все формы почтительности и уважения как остатки и признаки суеверия⁵³⁴. П. Коллинсон полагает, что с этим можно согласиться, если речь идет о влиянии сект периода гражданской войны, но отказывается присоединиться к мнению о том, что в предреволюционные десятилетия XVII в. под влиянием пуританизма разрушались понятия о социальной иерархии. Он приводит примеры, когда в приходах, где проповедниками были пресловутые, всем известные пуритане, места для сидения в церкви располагались в соответствии с социальной иерархией. Кальвинизм в первые десятилетия XVII в. был антисектантским, противостоял эгалитаризму, и специальные места для сидения в церкви были своего рода видимой репрезентацией социального порядка, так что представления о революционности и подрывном характере ортодоксального кальвинизма не могут быть приняты без оговорок. П. Коллинсон всячески подчеркивает, что набожный магистрат и пуританское священство были консервативными силами, по его словам, «лишь неестественно превратившись у историков в силу, выступавшую за революционные изменения» в связи с тем, что последующие историки знали, что в середине XVII в. в Англии произошла революция, и пытались понять её причины, обращая внимание на те компоненты мировоззрения пуритан, которые представлялись как способные нарушить социальную стабильность. Протестантская религия в своей наиболее ревностной, интернализированной форме, по оценке Коллинсона, никогда не была популярной и безоговорочно демократичной⁵³⁵.

Как считает П. Коллинсон, к концу XVI в. в английском кальвинизме стали проявляться репрессивные черты, тяготение к созданию своеобразного нового элитизма, который подавлял традиционную народную культуру. Те, кто не попадал в «лучшие», упорно придерживались старых традиций и форм проведения времени, которые, по мнению исследователей, становились

⁵³³ *Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625.* — New York, 1982. — P. 282; *White P. The Via Media of the Early Stuart Church // The Early Stuart Church / Ed. by K. Fincham.* — London, 1993.

⁵³⁴ *Hill C. Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England.* — New York, 1967. — P. 477.

⁵³⁵ *Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625.* — New York, 1982. — P. 188—191.

характерными для бедняков, зачавших в пивные⁵³⁶. Состоятельные люди ходили в таверны, считавшиеся более уважаемыми заведениями⁵³⁷.

П. Коллинсон считает, что в стремлении стать общеобязательной нормой верований пуританизм потерпел поражение. Многие общины оказались разделёнными внутренними конфликтами между теми, кто придерживался пуританских норм, и теми, кто им сопротивлялся. Пуританизм в восприятии широких масс, считает П. Коллинсон, был пугающим и непонятным из-за его интеллектуального содержания, высоких этических требований, противопоставлявших его традиционному образу жизни. Пуританизм, по мнению Коллинсона, «вбивал культурный клин между «лучшими» и «большинством», «немногими» и «массой». Протестантизм в целом был религией печатного слова, и другим он стать не мог, оставаясь самим собой, и эти черты протестантизма у пуритан даже усиливались. Пуритане стремились реформировать и подавить традиционную народную культуру. Действенность проповедей пуритан могла быть малоэффективной даже при длительном воздействии на прихожан. Но в определённой мере за неудачи можно винить и самих евангелических проповедников, полагает Коллинсон, поскольку они не смогли преподнести свои верования народу в понятной и привлекательной форме. Только некоторые из проповедников находили нужный язык и тональность в разговоре с недостаточно образованными прихожанами. В начале XVII в. стали выходить книги-наставления для проповедников, содержавшие советы, как вести себя во время проповеди, и призывавшие священников проповедовать без излишней театрализации и экзальтации. Одним из способов решения проблемы было составление катехизисов — таким путем пуритане пытались перевести словесные образы проповедей на язык религиозного опыта прихожан. В реформационный период широко распространилась катехизация, к которой прибегали и пуритане. Появилось много неофициальных катехизисов⁵³⁸. Некоторые священники были в этой области рекордсменами: книга Стивена Эджертона "A Briefe Method of Catechizing" к 1644 г. была опубликована 44 изданиями. На массового слушателя проповедей оказали наибольшее влияние именно катехизисы⁵³⁹.

По мнению М. Толми, «в то время как сепаратизм оставался непопулярной альтернативой для большинства пуритан, появившийся и всё же существовавший в их среде «квазисепаратизм» способствовал возникновению текучей и нестабильной религиозной среды, в которой с существованием сепаратистских общин мирились как с фактом жизни. Пуританский радикализм, сам по себе по своим намерениям не являвшийся

⁵³⁶ *Wrightson K. Levine D. Poverty and Piety in an English Village. Terling, 1525—1700. — New York, 1979. — P. 162.*

⁵³⁷ *Clark P. The Alehouse and the Alternative Society // Puritans and Revolutionaries: Essays in 17th Century History Presented to Christopher Hill / Ed. by D. Pennington and K. Thomas. — Oxford, 1978. — P. 47—72.*

⁵³⁸ *Jensen P. F. The Life of Faith in the Teaching of Elizabethan Protestants. — Oxford D. Phil. Thesis, 1979.*

⁵³⁹ *Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 231—239, 245, 256.*

сепаратистским, способствовал формированию интеллектуального климата, который позволял развиваться и расти сепаратистским церквам»⁵⁴⁰.

Большинство пуритан, не желавших становиться сепаратистами, выбрало стратегию поведения, которую можно, считает П. Коллинсон, охарактеризовать словами, которые Дж. Босси применил к так называемым «церковным папистам» в английском католическом сообществе, ходившим на службы в церковь Англии, но не подходившим к причастию: такая стратегия поведения «давала максимум способности к самоопределению, чтобы не переставать быть самим собой и сохранить свои верования, и в то же время в таком поведении был минимум деструктивной для личности и группы самоизоляции». Пуритане, общаясь в своей среде, начали проводить различие между публичным и частным общением, публичными и частными обязанностями⁵⁴¹.

Предметом внимания современных историков являются также развитие сепаратизма в первые десятилетия XVII в. и влияние сепаратизма на возникновение английского сектанства, в результате чего были углублены представления о развитии сепаратизма, об идейных связях между радикальными пуританами и сепаратистами, о развитии радикальных направлений в английском протестантизме⁵⁴². Б.Р. Уайт утверждает, что на происхождение сепаратизма в определённом отношении повлиял ещё и труд Джона Фокса «Деяния и памятки английской церкви», поскольку в нём можно было подчеркнуть аргументы и увидеть прецеденты отделения от «ложной» церкви⁵⁴³. Из числа приверженцев сепаратизма в начале XVII в. сложилась организация Общих баптистов (General Baptists), которая в понимании спасения придерживалась арминианских взглядов, а также организация Партикулярных баптистов (Particular Baptists), придерживавшихся кальвинистского учения о двойном предопределении (одних к спасению, других к гибели). Исследователи отмечают, что умеренные пуритане в первые десятилетия XVII в. погрузились преимущественно в обсуждение вопросов морали и спасения, сепаратисты же не выпускали из поля зрения вопросы церковного устройства. Находившиеся на грани отделения от церкви Англии, но сознательно не переходившие эту грань «не отделившиеся конгрегационалисты» рассматриваются как предшественники индепендентов — в качестве первой такой общины видится община, созданная в 1616 г. Генри Джэкобом. В качестве идейных предшественников индепендентов рассматривают также Уильяма Эймса и Томаса Хукера. Во взглядах индепендентов остался двусмысленным

⁵⁴⁰ Tolmie M. The Triumph of the Saints. The Separatist Churches of London, 1616—1649. — Cambridge, 1977. — P. 28—30.

⁵⁴¹ Bossy J. The English Catholic Community, 1570—1850. — London, 1975. — P. 143; Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982. — P. 279—280.

⁵⁴² Brachlow S. The Communion of Saints: Radical Puritan and Separatist Ecclesiology, 1570—1625. — Oxford University Press, 1988; Tolmie M. The Triumph of the Saints. The Separatist Churches of London, 1616—1649. — Cambridge, 1977; White B.R. The English Separatist Tradition. From the Marian Martyrs to the Pilgrim Fathers. — Oxford University Press, 1971.

⁵⁴³ White B.R. The English Separatist Tradition. From the Marian Martyrs to the Pilgrim Fathers. — Oxford University Press, 1971. — P. 160.

и неопределённым вопрос о соотношении полномочий в управлении общиной общего собрания прихожан и священников⁵⁴⁴.

С. Брэчлоу считает, что между собой были близки взгляды английских сторонников идеи о возможности выявления избранности человека экспериментальным путем (the experimental predestinarians) — традиции в английском пуританизме, основанной Уильямом Перкинсом, а также взгляды Якоба Арминия (сходство своих взглядов и взглядов Перкинса признавал он сам), и взгляды ранних английских общих баптистов. У сепаратистов появилась также идея о том, что влияние крещения проявлялось как действие божественной благодати и выражалось в вере, а не во внешнем смирении, в результате чего подрывался принцип необходимости принадлежности к видимой церковной организации, что дополнительно обосновывало сепаратизм. На рубеже XVI—XVII вв., спасаясь от преследований в Англии, английские сепаратисты стали переселяться в Нидерланды и вступили здесь в идейные контакты с местными кальвинистами, арминьянами, анабаптистами. По мнению С. Брэчлоу, вопрос о том, появился ли английский баптизм в результате развития радикального пуританизма и сепаратизма как таковых, или же в результате взаимодействия сепаратистских идей и идей голландских анабаптистов, видимо, никогда не будет решён так, чтобы ответ удовлетворил всех исследователей этой проблемы. По мнению С. Брэчлоу, между идеями первых английских баптистов и теологией и экклесиологией раннего английского сектантства (диссента) есть внутреннее родство: это путь идейного развития от пуританизма к броунизму, от броунизма — к баптизму без отчётливого влияния континентальных анабаптистов⁵⁴⁵.

Как считает С. Брэчлоу, в управлении церковью радикальные пуритане хотели, с одной стороны, дать реальную власть светским лицам, но также хотели сохранить и авторитет священников. В идеале радикальные пуритане планировали форму церковного правления, которая обеспечила бы совместное и уравновешенное использование власти и прихожанами, и руководителями общины, чтобы предотвратить произвольное правление какой-либо из этих двух сторон. По мнению С. Брэчлоу, эта модель ускользает от точного определения, и поэтому по-разному интерпретировалась и историками, и самими пуританами левого толка. Кальвин, признавая, что властные полномочия в общине принадлежат должностным лицам, придерживался мнения, что в общине ничего не следует делать без согласия прихожан, поскольку община — свидетель и гарант того, что принимаемое решение не является причудой нескольких человек. Известный протестантский деятель середины XVI в. Петр Мартир Вермигли в труде “*Loci Communes*” развивал мысль о том, что политическая общность с точки зрения реформированного протестантского христианства должна представлять собой сочетание монархии, аристократии и демократии: Христос — это олицетворение монархии, управляющий общиной

⁵⁴⁴ Brachlow S. *The Communion of Saints: Radical Puritan and Separatist Ecclesiology, 1570–1625*. — Oxford University Press, 1988. — P. 174.

⁵⁴⁵ Ibid. — P. 152–155.

посредством духа и слова Св. Писания, должностные лица в общине — это аристократия, демократия же в общине проявляется в том, что серьёзные вопросы, относящиеся к форме правления, дисциплине, избранию должностных лиц, решаются с участием и согласием общины⁵⁴⁶.

Пресвитерианин У. Траверс в 1580-е гг. высказал идею о том, что подлинная церковь может обойтись без возведённых в сан священников, но при этом заявлял, хотя это было парадоксом, что таинства не могут совершаться без священников, в результате чего даже радикальные пуритане придерживались мнения, что, в том случае, если не удаётся найти подходящего священника, община должна подчиняться тем священникам, которых Бог ей дал⁵⁴⁷. В то же время Траверс настойчиво проводил мысль о том, что священник тесно связан с конкретной общиной, и апостолы всегда возводили отдельных лиц в дьяконы, пасторы, старосты не вообще, а для определённой конкретной общины⁵⁴⁸.

В трудах пресвитериан остался нерешённым вопрос о том, кому во власти над общиной и при выборе руководства общины принадлежит больший авторитет — собранию прихожан или должностным лицам, но по мере того, как спор об этом развивался, У. Траверс и Т. Картрайт приходили к выводу, что в случае конфликта между должностными лицами в общине и прихожанами по поводу выборов как решающее, в конечном счете, следует рассматривать мнение народа вплоть до отказа от предлагаемой к избранию кандидатуры и права общины на вето. Но Траверс и тут сумел придать своим рассуждениям неоднозначность: на основе текста Деяний Апостолов 6 и 14 он утверждал, что власть принадлежит общине в целом лишь в новых общинах, в которых должностные лица ещё не избирались, а после проведения первых выборов власть уже переходит к должностным лицам. Так же двусмысленно у пресвитериан толковались и вопросы церковной дисциплины, согласно которой управление общиной понималось как сочетание монархии, аристократии и демократии, в котором вопросы управления решались совместно должностными лицами и народом, и обе эти инстанции, как предполагалось, должны были руководствоваться Св. Писанием⁵⁴⁹.

Как отмечает С. Брэчлоу, при всех разногласиях в толковании вопроса о распределении в управлении общиной прав между должностными лицами и народом пресвитерианская форма церковной организации поднимала на более высокий уровень роль светских лиц в общине. Можно предполагать, что идеалом для Траверса была церковная демократия, когда каждый член общины был бы настолько рассудителен, чтобы мог принимать участие в решении дел, связанных с делами управления, но в действительности из-за испорченности человеческой природы и невежества даже среди пресвитериан истинная демократия оказывалась невозмож-

⁵⁴⁶ Ibid. — P. 157.

⁵⁴⁷ Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society 1559—1625. — Oxford, 1982. — P. 111.

⁵⁴⁸ Brachlow S. The Communion of Saints: Radical Puritan and Separatist Ecclesiology, 1570—1625. — Oxford University Press, 1988. — P. 160.

⁵⁴⁹ Ibid. — P. 164.

ной, и поэтому в управлении церковью приходилось довольствоваться формой, в которой были только элементы демократии. Найденные в свое время П. Миллером в церкви Англии «не отделившиеся конгрегационалисты» (Пол Бейнс, Уильям Брэдшоу, Уильям Эймс, Роберт Паркер, Генри Джэкоб) тоже были сторонниками смешанной формы управления церковной общиной. Двумя характерными чертами конгрегационалистских общин были представление об ограничении членства в них только избранными и автономия отдельных общин. В случае, когда, признавая право голоса в делах за общиной, должностные лица пытались действовать в делах управления только самостоятельно, методом воздействия членов общины на руководство «не отделившиеся конгрегационалисты» признавали финансовое давление — отказ вносить средства на нужды общины⁵⁵⁰.

С. Брэчлоу находит у сепаратистов, как и у радикальных пуритан, стремление сочетать в управлении церковной общиной элементы монархии, аристократии и демократии. С. Брэчлоу не соглашается с П. Лейком, который утверждал, что сепаратисты выражали стремление к популистскому бунту против какой-либо формы правления общиной священниками, руководившими общиной⁵⁵¹. По мнению С. Брэчлоу, сепаратистов не следует изображать «демократическими экстремистами» в церковных делах — они представляли исполнительную власть в общине священникам, хотя ранее историки считали, что Роберт Броун подчинял священников общине⁵⁵². С. Брэчлоу, в отличие от мнения этих историков английского сепаратизма и конгрегационализма, на основе анализа трактата Роберта Броуна "A Book which Showed" (1582) пришёл к выводу, что приписывание Броуну идеи о подчинении священников общине неосновательно. В то же время в реальной жизни броунистских сепаратистских общин возобладала, так сказать, «демократическая сторона экклезиологии Броуна»: в его собственной общине разразилась ссора, в результате которой его самого — священника, руководившего общиной, изгнали из неё. При этом сепаратисты могли быть также не совсем последовательными в своих высказываниях, что и порождает трудности в интерпретации их взглядов о роли и месте священника в общине. Не сепаратисты, а только баптисты стали переходить к идее о том, что совершить крещение может не только священник, но и член их общины «святых и избранных», как они понимали себя⁵⁵³.

Ординацию (возведение в сан) священника, по мнению сепаратистов, должны были производить церковные старосты и лишь в исключительных случаях светские лица, но только лучшие из них, выдвинутые самой общиной. В общине также, по мнению сепаратистов, могли выдвигать

⁵⁵⁰ Miller P. *Orthodoxy in Massachusetts 1630—1650*. — New York, 1970. — P. 78; Brachlow S. *The Communion of Saints: Radical Puritan and Separatist Ecclesiology, 1570—1625*. — Oxford University Press, 1988. — P. 168—169, 190.

⁵⁵¹ Lake P. *Moderate Puritans and the Elizabethan Church*. — Cambridge, 1982. — P. 89.

⁵⁵² Dexter H.M. *The Congregationalism of the Last Three Hundred Years*. — Oxford, 1880. — P. 106—107, 239; Burrage C. *The Early English Dissenters*. Vol. I—II. — Cambridge, 1912. — Vol. I. — P. 130; Miller P. *Orthodoxy in Massachusetts 1630—1650*. — New York, 1970. — P. 173.

⁵⁵³ Brachlow S. *The Communion of Saints: Radical Puritan and Separatist Ecclesiology, 1570—1625*. — Oxford University Press, 1988. — P. 177—178.

ся и пророки из числа светских лиц, но это должно было происходить, в первую очередь, в новых общинах, где ещё не было священников, или эти светские лица предназначались для последующего возведения в священники. Сепаратисты тоже по-своему опасались анархии в религиозных и общественных делах, хотя, например, П. Коллинсон сомневается, осознавали ли сепаратисты анархические последствия своих взглядов⁵⁵⁴.

Б.Р. Уайт также считает, что сепаратистская традиция в основной линии своего развития подчиняла священников общине, и только у баптистов священники были подчинены непосредственной власти общины, собравшейся для проведения службы⁵⁵⁵.

Во взглядах английских пресвитериан уже в 1580-е гг. исследователи находят конгрегационалистские склонности. У. Траверс в «Книге Дисциплины» оставлял на усмотрение самой религиозной общины вопрос о том, будет ли она подчиняться распоряжениям вышестоящего синода, что придавало взглядам Траверса сходство не с пресвитерианством, а с конгрегационализмом. В шотландской пресвитерианской церкви решения вышестоящих синодов были обязательны для церковных общин⁵⁵⁶. Эту же позицию исследователи обычно приписывают английским пресвитерианам, но С. Брэчлоу считает, что это не совсем верно, и это заметил также П. Коллинсон, писавший, что за вышестоящими синодами английские пресвитериане признавали главным образом право совета для общины, а не властные полномочия по отношению к себе⁵⁵⁷, что уже напоминало взгляды будущих индипендентов и начало дрейфа в сторону конгрегационализма. По мнению С. Брэчлоу, это показывает, что сепаратизм и конгрегационализм могли развиться из пресвитерианства. Он полагает, что не существовало разрыва и различий между пресвитерианами времени правления Елизаветы и «не отделившимися конгрегационалистами» времени правления Якова I: радикалы времени правления Елизаветы, считает С. Брэчлоу, уже подходили к конгрегационалистским идеям и наклонностям, хотя среди них, как он считает, были сторонники точки зрения о том, что вопросы церковного устройства — это второстепенная по значению проблема (*adiaphora*). С. Брэчлоу считает, что конгрегационалисты времени правления Якова I не выдвинули идей, которые были бы качественно новыми по сравнению с тем, к чему стремились уже радикальные пуритане времени правления Елизаветы. Английские конгрегационалистские общины, появившиеся в 1620—30-е гг. в Нидерландах, уже отвергали право синода вторгаться в жизнь отдельной общины. В то же время, считает С. Брэчлоу, конгрегационалистские церкви считали необходимым сохранение, хотя и в ограничен-

⁵⁵⁴ *Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625.* — New York, 1982. — P. 141—188.

⁵⁵⁵ *White B.R. The English Separatist Tradition. From the Marian Martyrs to the Pilgrim Fathers.* — Oxford University Press, 1971. — P. 62.

⁵⁵⁶ *Donaldson G. The Scottish Reformation.* — London, 1960. — P. 187, 190—191.

⁵⁵⁷ *Collinson P. Towards a Broader Understanding of the Early Dissenting Tradition // The Dissenting Tradition: Essays for Ieland H. Carlton / Ed. by C.R. Cole, M.E. Moody.* — Athens (Ohio), 1975. — P. 16.

ном смысле и со своей спецификой, христианских идеалов католичности и единства в общении между истинными церквями⁵⁵⁸.

Сепаратисты признавали возможность созыва синодов для решения церковных дел, но это считалось человеческим установлением, поскольку Христос и апостолы нигде не заповедовали созыв синодов как обязательный. Факт возможности созыва синодов сепаратисты обосновывали текстом из Деяний апостолов 15, но принимаемые таким синодом решения, как считали сепаратисты, не должны были навязываться другим церквям. Вопрос о взаимных связях между церковными общинами у сепаратистов не был разработан. Инструментов для урегулирования споров в сепаратистской среде тоже не было, и сепаратисты не могли договориться по спорным вопросам в случае их возникновения. В 1620-е гг. в общинах английских сепаратистов в Нидерландах бывало, что одна община не хотела принимать сепаратиста из другой общины, считая его недостаточно подходящим по моральным качествам для «сообщества избранных»⁵⁵⁹.

Радикальные пуритане и сепаратисты признавали, как и Кальвин, что истинную веру в сердцах людей невозможно утвердить насильственными методами⁵⁶⁰. В то же время и радикальные пуритане, и сепаратисты считали, что магистрат для поддержания единообразия в церкви и подавления явного идолопоклонства может предпринимать принудительные меры, так что радикальные пуритане и сепаратисты, занимая позицию, аналогичную взглядам Кальвина, как отмечали исследователи ещё в первой половине XX в., не были сторонниками идеи о возможности существования в обществе религиозных свобод в современном смысле⁵⁶¹.

Исследователи отмечают, что даже радикальные пуритане были достаточно консервативны в социальных вопросах и почтительно относились к существующей власти⁵⁶². По мнению пуритан, в случае беспорядков в церкви, распространения идолопоклонства, схизмы или ереси магистрат имел право наказывать нарушителей. Церковь, как считали пуритане, обладала полномочиями устанавливать наказания лишь в духовной сфере, в то время как гражданская власть имела право устанавливать телесные наказания, вводить конфискацию имущества в отношении тех, кто выступал против существовавшего церковного устройства⁵⁶³.

Как отмечают исследователи, во взглядах английских пресвитериан всё же присутствовали опасные и подрывные по характеру идеи, которые воспринимались властями как политическая угроза. Т. Картрайт огра-

⁵⁵⁸ *Brachlow S.* The Communion of Saints: Radical Puritan and Separatist Ecclesiology, 1570—1625. — Oxford University Press, 1988. — P. 208—214, 239—243.

⁵⁵⁹ *Ibid.* — P. 221, 228.

⁵⁶⁰ *Jordan W.K.* The Development of Religious Toleration in England. — London, 1932. — Vol. I. — P. 251—259; *Hopfl H.* The Christian Polity of John Calvin. — Cambridge, 1982. — P. 191.

⁵⁶¹ *Allen J.W.* A History of Political Thought in the Sixteenth Century. — London, 1928. — P. 229—230.

⁵⁶² *Collinson P.* The Religion of Protestants: The Church in English Society 1559—1625. — Oxford, 1982. — P. 162.

⁵⁶³ *Brachlow S.* The Communion of Saints: Radical Puritan and Separatist Ecclesiology, 1570—1625. — Oxford University Press, 1988. — P. 231.

ничивал юрисдикцию монарха в религиозных делах тем, что повелевает делать в этой сфере Св. Писание⁵⁶⁴. Одним из выводов во взглядах радикальных пуритан было мнение, согласно которому, если светская власть требует чего-то, противоречащего воле Бога, этой власти не следует повиноваться в таком требовании⁵⁶⁵. Революционные аспекты кальвинизма в ещё большей степени проявились у последователей Кальвина — Теодора Безы, Джона Нокса, Пьера Вире (Viret), Кристофера Гудмена⁵⁶⁶.

Решающим вопросом для радикальных пуритан в их взаимоотношениях с государством фактически становился вопрос о том, кто будет решать — правы ли они, или же прав монарх в истолковании Св. Писания. Радикальные пуритане при Елизавете склонялись к тому, что определение правой стороны в случае спора, безусловно, принадлежало церкви, так что магистрат, светская власть оказывались подчиненными руководством пресвитерианских общин⁵⁶⁷.

По мнению С. Брэчлоу, П. Лейк выдвинул спорное мнение, что Уильям Брэдшоу, «не отделившийся конгрегационалист», выдвинул свой план церковного устройства, чтобы избежать противоречий с идеей о королевской супрематии в церкви. Согласно идее Брэдшоу, монарх должен был подчиняться духовной власти только той религиозной общины, в которой он непосредственно состоял, и старосты в церкви не должны были покушаться на верховенство монарха в светских делах⁵⁶⁸. С. Брэчлоу не находит свидетельств того, что Брэдшоу разработал этот план церковного управления для того, чтобы избежать конфликта с королевской супрематией. Конгрегационалисты никогда не отказывались от фундаментального принципа опоры в своих действиях в первую очередь на Св. Писание, а этот потенциально подрывной принцип в определённых условиях мог вылиться в неподчинение монарху. Религиозные радикалы-англичане времени правления Якова I не поддерживали полную религиозную терпимость и считали её даже скандальной в том виде, как она существовала в Нидерландах. В случае внутрицерковных споров конечной инстанцией, которая могла бы разрешить их, конгрегационалисты считали магистрат, аналогии чему находили в Ветхом Завете в книге Второзаконие. С. Брэчлоу считает, что конгрегационалисты времени правле-

⁵⁶⁴ *Scott Pearson A.F. Church and State: Political Aspects of Sixteenth Century Puritanism.* — Cambridge, 1928. — P. 30.

⁵⁶⁵ *Brachlow S. The Communion of Saints: Radical Puritan and Separatist Ecclesiology, 1570—1625.* — Oxford University Press, 1988. — P. 235.

⁵⁶⁶ *Danner D.G. Christopher Goodman and the English Protestant Tradition of Civil Disobedience // Sixteenth Century Journal.* — 1966. — № 8. — P. 62—73; *Wollman D.H. The Biblical Justification for Resistance to Authority in Ponet's and Goodman's Polemics // Sixteenth Century Journal.* — 1982. — № 13. — P. 29—41; *Greaves R.L. Theory and Revolution in the Scottish Reformation: Studies in the Thought of John Knox.* — Grand Rapids (Michigan), 1980. — P. 126—156; *Brachlow S. The Communion of Saints: Radical Puritan and Separatist Ecclesiology, 1570—1625.* — Oxford University Press, 1988. — P. 237—238.

⁵⁶⁷ *Scott Pearson A.F. Church and State: Political Aspects of Sixteenth Century Puritanism.* — Cambridge, 1928. — P. 75; *Brachlow S. The Communion of Saints: Radical Puritan and Separatist Ecclesiology, 1570—1625.* — Oxford University Press, 1988. — P. 237—238.

⁵⁶⁸ *Lake P. Moderate Puritans and the Elizabethan Church.* — Cambridge, 1982. — P. 269—271.

ния Якова I оставались монархистами, но в спорных вопросах церковной доктрины между монархией и церковью они отдавали приоритет церкви — так же, как в правление Елизаветы думали пресвитериане⁵⁶⁹.

С. Брэчлоу считает ошибочным представление о сепаратистах как новаторах, которые якобы придерживались идеи полного разделения светской и церковной сфер общественной жизни и содействовали утверждению в обществе религиозной терпимости, как в первой половине и середине XX в. представлялось целому ряду известных исследователей⁵⁷⁰. С. Брэчлоу считает, что у сепаратистов оставались полномочия в церковной жизни магистрату с тем, чтобы светская власть своими силами обеспечила установление в стране истинной религии. Получалось, что добровольный характер принятия истинной религии и членства в истинной церкви должна была обеспечить принудительная сила государства: к истине можно было приводить даже силой. Охранительные функции магистрата по отношению к церкви впервые отвергли только баптисты (Джон Смит в трактате «Характер зверя» (1609))⁵⁷¹.

С. Брэчлоу возражает распространённой среди историков тенденции к тому, чтобы определять радикальных пуритан и сепаратистов как две резко отличавшиеся друг от друга группы. Радикальные пуритане и сепаратисты, по его мнению, имели очень много общего в понимании вопросов, связанных с устройством истинной церкви. С. Брэчлоу считает, что приходы, руководимые радикальными пуританами, часто были фактически сепаратистскими, так что в практическом плане существовавшие различия во взглядах между радикальными пуританами и сепаратистами переставали играть большую роль. Разногласия между радикальными пуританами и сепаратистами, полагает С. Брэчлоу, были не так велики, несмотря на то, что радикальные пуритане не хотели этого признавать. Но из этого, по мнению С. Брэчлоу, всё же не следует делать вывод, который делал с пропагандистскими целями видный администратор в церкви Англии конца XVI—начала XVII вв. Ричард Бэнкрофт, утверждавший, что пуританизм может развиваться только в направлении сепаратизма. Попытки провести отчетливые идейные различия между пуританами-пресвитерианами и сепаратистами-конгрегационалистами, как считает С. Брэчлоу, сопряжены со схоластическими натяжками, хотя сами радикальные пуритане и сепаратисты отличали себя друг от друга тем, что первые признавали церковь Англии истинной церковью, а вторые выходили из неё, считая не поддающейся исправлению. По мнению С. Брэчлоу, из радикального пуританизма начала XVII в. развились пресвитерианство, а также индепенденты-конгрегационалисты времён Английской революции середины XVII века⁵⁷².

⁵⁶⁹ *Brachlow S.* The Communion of Saints: Radical Puritan and Separatist Ecclesiology, 1570—1625. — Oxford University Press, 1988. — P. 239—245, 257.

⁵⁷⁰ *Scott Pearson A.F.* Church and State: Political Aspects of Sixteenth Century Puritanism. — Cambridge, 1928. — P. 105—106; *Jordan W.K.* The Development of Religious Toleration in England. — London, 1932. — Vol. I. — P. 263—275; *White B.R.* The English Separatist Tradition. From the Marian Martyrs to the Pilgrim Fathers. — Oxford University Press, 1971. — P. 58—60.

⁵⁷¹ *Brachlow S.* The Communion of Saints: Radical Puritan and Separatist Ecclesiology, 1570—1625. — Oxford University Press, 1988. — P. 246, 253—254.

⁵⁷² *Ibid.* — P. 270—272.

Как писал К. Хилл, происхождение сепаратизма в определённой мере было связано с библейскими идеями: например, Деяния святых Апостолов (4:32—37) описывают общность имущества в раннехристианской церкви, что стало использоваться также и сектантами времен Английской революции середины XVII в. — диггерами, рантерами. По мнению Хилла, Библия не создала новой политической философии: она стала использоваться как «портфель с цитатами, которые могли оправдать всё, что данная личность или группа хотели делать». Библия и христианская религия развивались в течение веков и вобрали в себя много различных социальных интересов. К. Хилл считал, что слово «секта» не следует употреблять для периода до 1660 г. Он высказывал мнение, что январь 1649 г., время казни короля Карла I, можно, видимо, считать высшей точкой развития английского радикального миллениаризма и влияния Библии на английскую политику⁵⁷³.

После 1660 г. осознание того, что имеется множество возможных толкований Библии, привело к упадку веры в универсальность библейского авторитета. Именно потому, что Библия могла быть всем для всех, книгой на все времена, она, в конце концов, утратила своё значение в качестве руководства к политическим действиям. То, что люди находили в Библии, как считал К. Хилл, зависело от вопросов, которые они ей задавали, а эти вопросы возникали из проблем общества, в котором они жили. Библия потеряла свое универсальное значение, как только было продемонстрировано, что с её помощью можно доказать всё, что угодно, и что нет способа решить тот или иной вопрос, если не прибегать к насильственной власти церкви. Во второй половине XVII в. англичане стали осознавать, что Библия может служить любой социальной или политической цели⁵⁷⁴.

В XVI—XVII вв., отмечает К. Хилл, Библия была центром эмоциональной и интеллектуальной жизни англичан. Рассуждая о последствиях для английской культуры, связанных с появлением английского перевода Библии, К. Хилл приходит к выводу, что наиболее известные и широко распространённые её переводы — перевод Тиндейла, Женевская и Дозволенная версии Библии трансформировали образ мыслей, а также английский язык, и не только в богословских вопросах. Секуляризованный миллениаризм, считал К. Хилл, помог Британии стать мировой империей. Библейская концепция идолопоклонства использовалась с политическими целями против Карла I; но, в конце концов, сама Библия была осуждена как идол. Англичане использовали библейские идиомы и библейские рассказы, чтобы обсудить религиозные, политические, моральные и социальные вопросы, которых, может быть, было опасно касаться прямо. Концепция избранного народа помогала выразить крайний национализм Англии, а также давала Джерарду Уинстэнли и диггерам уверенность в том, что их коммунистические колонии реализовывали истину библейских пророчеств; это, в конце концов, помогло утвердить сектантство как постоянную черту жизни английского общества. Идея, что Бог оставляет своих избранных англичан, заставила не-

⁵⁷³ Хилл К. Английская Библия и революция XVII века. — М., 1998. — С. 51, 181, 209, 266.

⁵⁷⁴ Там же. — С. 436, 439, 440, 452—453, 456.

которых эмигрировать в Америку, других — бороться за праведное общество дома, а общество — лучше осознавать международные обязательства, связанные с поддержкой протестантизма на континенте. Библия на английском языке помогла англичанам подумать о своём обществе, критически отнестись к его институтам, поставить под вопрос некоторые из его ценностей. Она имела такой авторитет, которого не могла достичь ни одна другая книга: к ней обращались и короли, и их оппоненты⁵⁷⁵.

Как отмечает Э. Милтон, современные британские историки больше не занимаются поиском истоков «пуританского мятежа» середины XVII в. Это, конечно, не ведёт к отказу от обращения к изучению религиозных вопросов в объяснении происхождения гражданской войны, только вместо характерных для вигской историографии объясняющих моделей с преподнесением происходивших событий как политического конфликта между реакционным королём и свободолюбивым парламентом историки-ревизионисты подчёркивают роль религиозного конфликта в возникновении в стране масштабных политических потрясений. Согласно такому подходу, получается, что религиозные различия смогли породить в стране политические группировки. В то время как вигская историография рассматривала религиозный конфликт в Англии середины XVII в. как столкновение консервативных англикан и воинственных революционеров-пуритан, историки-ревизионисты совершили инверсию этой модели, поменяв местами характеристики противостоявших сторон. Фактически историки-ревизионисты, считает Э. Милтон, в своих идеях пошли по тому пути, который предлагался религиозными историками XVII в., и стали утверждать, что консерваторами, защитниками существовавшей социальной иерархии были пуритане и те депутаты парламента, которые их поддерживали, а радикалами в этой ситуации историки-ревизионисты предлагают считать небольшую группу антикальвинистских по своим убеждениям сторонников Лода. Именно восхождение к власти в конце 1620-х гг. группировки Лода вновь побудило довольно спокойных к этому времени пуритан к активизации политической деятельности, но при этом политическая деятельность пуритан была оборонительной по своему характеру. Получается, что обострение ситуации в церкви и в стране было связано с той доктринальной и литургической революцией, которую инициировала «арминианская» группировка, а умеренное епископальное кальвинистское большинство в церкви вместе с пуританами выступило против этой носившей революционный характер деятельности группировки Лода⁵⁷⁶.

В политическом кризисе 1640—42 гг. историки тоже подчёркивали значительное влияние на происходящее религиозного фактора и отмечали, что именно под влиянием религиозных причин англичане, принад-

⁵⁷⁵ Там же. — С. 462—464.

⁵⁷⁶ *Tyacke N. Puritanism, Arminianism and Counter-Revolution // The Origins of the English Civil War / Ed. by C. Russell. — London, 1973; Idem. Anti-Calvinists. The Rise of English Arminianism c. 1590—1640. — Oxford, 1987; Idem. The Fortunes of English Puritanism, 1603—1640. — London, 1990; Russell C. Parliaments and English Politics, 1621—1629. — Oxford, 1979.*

лежащие к обоим конфликтовавшим группировкам, взялись за оружие. Пуритане при этом опасались папистского заговора, а роялисты — пуританского мятежа, и обе противоборствующие стороны фактически придерживались теории заговора. Такое объяснение помогало современникам понять, почему острота противостояния довела страну до гражданской войны. Вместе с тем, парламентская группировка и пуритане подчёркивали коварство противоположной стороны, которая, как это преподносилось, хотела лишить англичан истинной веры⁵⁷⁷.

По мнению Э. Милтона, хотя практически все исследователи английской революции считают, что религиозный фактор оказал большое влияние на политические события в Англии в правление первых Стюартов, среди историков сохраняются разногласия в том, как можно наиболее адекватно представить и понять религиозно-политическую ситуацию в стране накануне 1640 г. Особенно дискуссионным является вопрос о том, каким образом более ранние религиозно-политические конфликты повлияли на события 1640—42 гг. Некоторые историки сомневаются в том, что пуританизм в начале XVII в. был глубоко укоренён в церкви Англии, оспаривают тезис, согласно которому религиозные причины как таковые были главными в происхождении гражданской войны в Англии, выводя на первый план политические проблемы⁵⁷⁸.

В 1980—90 гг. историки также показали, что кальвинистское учение о предопределении, строгое соблюдение воскресного дня, убеждение в том, что папа-антихрист и ещё ряд идей, считавшихся ранее пуританскими, в такой же степени, как пуританские неконформисты, разделяли и многие епископы не только времён правления Елизаветы, но и первых десятилетий XVII в.⁵⁷⁹ Постоянная озабоченность необходимостью борьбы с католицизмом отличала не только духовных лиц, но была характерна также для депутатов парламента, мировых судей в графствах⁵⁸⁰. Рациональная основа антипапизма в Англии, считает Э. Милтон, состояла в служении нескольким важным целям. Прежде всего, ненависть к папизму рассматривалась как позитивное проявление принадлежности к тем, кто исповедует истин-

⁵⁷⁷ Fletcher A.J. *The Outbreak of the English Civil War*. — London, 1981. — P. 409—419; Finlayson M.G. *Historians, Puritanism and the English Revolution*. — Toronto, 1983; Morrill J.S. *The Religious Context of the English Civil War // TRHS 5th Series*. — 1984. — Vol. 34.; *Idem*. *The Attack on the Church of England in the Long Parliament, 1640—42 // History, Society and the Churches / Ed. by D. Beales, G. Best*. — London, 1985; Russell C. *The Causes of the English Civil War*. — Oxford, 1990. — P. 109—130, 220—226; *Idem*. *The Fall of the British Monarchies*. — Oxford, 1991. — P. 525—532.

⁵⁷⁸ Sharpe K. *The Personal Rule of Charles I*. — Yale, 1992; White P. *Predestination, Policy and Polemic*. — Cambridge, 1992; Sommerville J.P. *Politics and Ideology in England, 1603—1640*. — London, 1986. — P. 221—224; Green I.M. “England’s Wars of Religion?” *Religious Conflict and the English Civil Wars // Church, Change and Revolution / Ed. by J. van den Berg, P.G. Hoftijzer*. — Leiden, 1991; Davies J. *The Caroline Captivity of the English Church*. — Oxford, 1992.

⁵⁷⁹ Dent C.M. *Protestant Reformers in Elizabethan Oxford*. — Oxford, 1983. — P. 150—151; Milton A. *Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought*. — Cambridge University Press, 1995. — P. 12.

⁵⁸⁰ Fincham K. *Prelacy and Politics: Archbishop Abbot’s Defence of Protestant Orthodoxy // Historical Research*. — 1988. — Vol. 61.

ную религию. Для пуритан повышенное чувство отвращения к папизму было одним из признаков избранности. Как отмечает Э. Милтон, для пуританизма было характерно поляризованное мировосприятие, готовность придавать провиденциальное и пророческое значение конфликтам в мирской жизни. Истинная церковь в земной жизни всегда должна была находиться в состоянии перманентной войны с силами тьмы, поэтому конфликт с римско-католической церковью был неизбежен, его следовало поощрять. Мирное состояние церкви в земных условиях было, с пуританской точки зрения, невозможным. Такие идеи, считает Э. Милтон, в начале XVII в. были не чужды многим конформистам⁵⁸¹. Страх перед папизмом способствовал также активизации работы по катехизации. Многие катехизисы по содержанию было ярко выражено антипапистскими, и включали разделы о том, что говорить протестанту во время спора с католиком⁵⁸². Протестанты в Англии опасались прозелитической активности католиков, поскольку в первые десятилетия XVII в. встречались свидетельства обращения англичан в католицизм под влиянием католической полемической литературы⁵⁸³.

Продолжаются исследования религиозно-политической ситуации в Англии в первые десятилетия XVII в. на региональных материалах. По мнению Ж. Илз⁵⁸⁴, историки-ревизионисты в оценке причин гражданской войны ошибочно преуменьшили влияние твердо установившихся ещё в начальный период правления Якова I различий в понимании политических и церковных вопросов, сосредоточив преимущественное внимание на событиях правления Карла I, утверждая, что джентри в графствах было озабочено главным образом местными делами, а не политикой, проводимой центральной властью. Между тем, на примере исследования истории семьи Харлеев из Герефордшира Ж. Илз утверждает, что конкурирующие религиозно-политические идеологии явно формировались в Англии ещё с начала XVII в. Существование роялистской и парламентской партий, а также выбор отдельными лицами того, на чьей они стороне — явления, признаки которых можно обнаружить задолго до того, как начались военные действия гражданской войны. Ж. Илз также полагает, что религиозная убежденность в своих действиях в предреволюционной Англии была характерна не только для пуритан, и утверждает, что именно религиозные разногласия вызвали поляризацию общества в графстве Герефордшир после 1640 г.

В работе Д. Андердауна⁵⁸⁵ рассматривается религиозная ситуация в городе Дорчестере, который ко времени гражданской войны слыл в Англии

⁵⁸¹ *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 35—36; *Lake P. The Significance of the Elizabethan Identification of the Pope as Antichrist* // JEH. — 1980. — Vol. 31. — P. 171—175.

⁵⁸² *Green I. "For Children in Years and Children in Understanding": the Emergence of the English Catechism under Elizabeth and the Early Stuarts* // JEH. — 1986. — Vol. 37.

⁵⁸³ *Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought.* — Cambridge University Press, 1995. — P. 37—38.

⁵⁸⁴ *Eales J. Puritans and Roundheads: The Harleys of Brampton Bryan and the Outbreak of the English Civil War.* — Cambridge, 1990.

⁵⁸⁵ *Underdown D. Fire from Heaven: Life in an English Town in the Seventeenth Century.* — New Haven, 1992.

самым пуританским городом в стране и даже считался подобным Женеве Жана Кальвина или Бостону Джона Уинтропа. Д. Андердаун показал, как Дорчестер превратился в такой город. Этот процесс начался в результате разрушительного пожара 6 августа 1613 г., который уничтожил половину строений в городе и принес ущерб примерно на 80 тыс. фунтов. После этого пожара многие жители были убеждены, что городу необходима полная реформа нравов, и эту идею особенно активно стал проповедовать пуританский священник Джон Уайт при поддержке многих представителей городской верхушки. Затем после 1630 г. Джон Уайт создал объединение по типу религиозного ковенанта под названием «обеты» (“the vows”). Была проведена целая серия мероприятий. Самым важным было создание детской больницы, которая также занималась морально-религиозным воспитанием детей. Денежные пожертвования на больницу реформаторы вкладывали в муниципальную пивоварню, которая работала так успешно, что стала давать средства на финансирование других благотворительных учреждений в Дорчестере. Была значительно расширена помощь бедным, больным и пожилым, средства вкладывались в развитие школ и расширение приходских церквей. Д. Андердаун считает, что объём средств, направлявшихся в Дорчестере на благотворительные цели, по доле на душу населения был выше, чем в каком-либо другом городе во всей Западной Европе.

По мере проведения реформ начались также конфликты с приверженцами традиционной культуры, в результате чего в Дорчестере появились лица, которые выступили в гражданской войне середины XVII в. на стороне Карла I. После реставрации Стюартов влияние реформаторов-кальвинистов в Дорчестере стало уменьшаться. Традиционная культура не была искоренена пуританами даже в период их наибольшего влияния на ситуацию в городе, так что после реставрации Стюартов она восстановила своё преобладающее влияние. Больница, школа и пивоварня пришли в упадок. Д. Андердаун показал, что в революционный период население Дорчестера с ненавистью относилось к католикам, но и к сектантам времён революции отношение тоже было не очень благоприятным: квакеров в городе секли как бродяг, в городе не давали проводить коллективные собрания баптистам.

В работе Б. Болла⁵⁸⁶ рассматривается развитие в Англии движения за соблюдение воскресного дня в конце XVI—начале XVII в., которое принесло также неожиданные результаты и привело к появлению сторонников почитания дня субботнего по примеру иудаизма (саббатарианцев). Наиболее известными деятелями этого движения иудействующих были Джон Траск (1585—1636), а также Теофилиус Брэберн (1590—1662), который остался в англиканской церкви. Под их влиянием в среде английских протестантов происходили споры о том, когда соблюдать день седьмой — в субботу или в воскресенье. Саббатарианцы почитали Св. Писание, Десять заповедей и особенно четвертую заповедь. Некоторые саббатарианцы были экстремистами, в то время как часть их боялась радикализма и сочетала в своих взглядах по-

⁵⁸⁶ Ball B.W. The Seventh-Day Men: Sabbatarians and Sabbatarianism in England and Wales, 1600—1800. — Oxford, 1994.

читание и субботнего дня, и воскресенья. Б. Болл указал на связь саббатарианцев с идеями лоллардов, людей «пятой монархии» (милленаристы, проповедовавшие идею о том, что после четырёх монархий, упоминаемых в Книге пророка Даниила, установится «пятая монархия» от имени Христа), баптистов, особенно партикулярных баптистов, которые оставались приверженными кальвинистскому учению о предопределении. Четыре или пять общин саббатарианцев существовали в Лондоне, и эти идеи, как отмечает Б. Болл, были распространены в обществе и занимали многих образованных людей начала XVII в. Б. Болл показал, что общины саббатарианцев были в южной и юго-западной Англии, в Чилтерне и долине Темзы, в Котсуолде в графстве Глостершир, в долине Северна, в южном Уэльсе и на его границах, в Восточной Англии, в Линкольншире, Ноттингемшире, Йоркшире, Дареме и Нортумберленде, в Ирландии. Упадок саббатарианизма стал происходить вместе с упадком нонконформизма в течение XVIII в.

Дж. Найт⁵⁸⁷ развивает мысль о том, что в английском пуританизме, повлиявшем на американский пуританизм, с 1610 г. присутствовали две различные «ортодоксии», которые представляли важные тенденции в постреформационном протестантизме, не достигшие между собой согласия. Первая из этих тенденций была связана по происхождению со взглядами Августина и опиралась на эмоциональный и мистический религиозный опыт. Эту тенденцию представляли Ричард Сиббс и Джон Престон в Англии и Джон Коттон, Джон Дэвенпорт и Генри Вейн в Америке, которых Дж. Найт называет «духовными братьями». «Духовные братья» придавали большое значение Божественной любви и полагали, что Бог открывает себя и освящает тех, кому он открывается. В Америке развитие этих взглядов привело к антиномистскому кризису в 1630-е гг., в котором была поставлена под сомнение необходимость соблюдения законов теми, кто по кальвинистским понятиям относился к числу спасенных. Вторая тенденция представляла протестантский рационализм, даже своего рода «препарационализм», олицетворяемый Уильямом Эймсом и Уильямом Перкинсом в Англии, Томасом Хупером, Томасом Шепердом, Питером Балкли и Джоном Уинтропом в Америке. Эймс и его последователи подчеркивали силу Бога, но осмысливали её как отвлечённое понятие, и в их толковании светские лица должны были соблюдать все Божественные заповеди и законы светского общества, совершенствоваться духовно, а не жить в ожидании воздействия на них благодати, как «духовные братья». Эти две тенденции в английском пуританизме отличали, с одной стороны, носителей религиозного энтузиазма и мистической религиозности, а с другой, — сторонников идеи ковенанта, приготовления к спасению.

Т. Уэбстер в своей работе «Набожное духовенство в раннеюгартонской Англии: пуританское движение в правление Карла I» (1997)⁵⁸⁸ использует применительно к пуританам времени правления Стюартов понятие «се-

⁵⁸⁷ Knight J. *Orthodoxies in Massachusetts: Rereading American Puritanism*. — Cambridge (Mass.), 1994.

⁵⁸⁸ Webster T. *Godly Clergy in Early Stuart England: The Caroline Puritan Movement c. 1620–1643*. — Cambridge, 1997.

тевая организация благочестивых (the godly) священников» в том смысле, как У. Халлер употреблял формулировку «духовное братство». Т. Уэбстер рассмотрел пуританское движение в Восточной Англии и восточном Мидленде в 1628—1638 гг., при этом признавая, что в других районах Англии, возможно, существовали другие формы взаимодействия пуританских священников и другие представления о возможном церковном устройстве. Термину «пуританский» Т. Уэбстер предпочитает использование понятия «благочестивый» (the godly), поскольку считает, что понятие «пуританский» является «опасно номиналистским» и «особо нагруженным» понятием, в то время как понятие «набожный, благочестивый» (the godly) использовалось теми лицами, которых он изучает, применительно к себе. В контексте первых десятилетий XVII в. понятие «благочестивый», как считает Т. Уэбстер, может использоваться в исследовании, поскольку историки, изучающие этот период, и пуритане понимали, кто здесь имеется в виду, но проблема состоит ещё в том, что буквально все остальные религиозные группировки (и конформисты, и католики, и сепаратисты) тоже считали себя не менее «набожными», так что использование понятия «набожный, благочестивый» превращает пристрастное понятие, употреблявшееся пуританами, в термин, применяющийся в исследовании. Но Т. Уэбстер всё же не отказывается от использования понятия «пуританизм», при этом избегая определения пуритан только лишь как неконформистов и отмечая, что неконформистами были лишь некоторые из пуритан.

Т. Уэбстер также признает существование пуританского движения в раннестюартовский период как согласованной деятельности, направленной на достижение определённых целей. Пуритане ощущали себя как преследуемое меньшинство, тем не менее, преисполненное решимости преобразовать нравы в Англии. Для пуританских священников, как он отмечает, были возможны три варианта поведения: конформизм, неконформизм и связанное с ним переживание преследований, или конформизм с постоянными духовными мучениями. Лод в своей деятельности в 1630-е гг. организовал эффективную систему сбора информации о священниках и наращивал давление на неконформистов. В лондонской епархии епископ Джаксон действовал против пуритан не очень активно, а епископ Нориджский Мэтью Рен был одним из самых ревностных проводников политики Лода, и как раз в Нориджской епархии у пуритан сильнее всего проявлялось чувство принадлежности к преследуемому меньшинству. Т. Уэбстер отмечает также, что в епархии Петерборо пуритан активно преследовали должностные лица на низших уровнях епархиальной администрации, но местные пуританские священники сопротивлялись, не хотели эмигрировать в Новую Англию и Нидерланды, к чему были вынуждены многие пуританские священники в Эссексе и Восточной Англии. Т. Уэбстер также показал, что пуританские священники, чтобы избежать наказания со стороны церковных властей, вынуждены были употреблять ментальные оговорки, не упоминали имя Иисуса, благословляя прихожан, чтобы не кланяться при этом, выдвигали стол для причастия за перила во время службы, вопреки требованиям лодианцев причащать прихожан у перил.

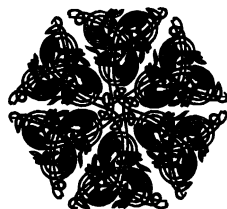
Таким образом, в изучении развития пуританизма в предреволюционные десятилетия XVII в. в современной британской историографии в 1970—80-е гг. новым явлением стало стремление подчеркнуть возможности адаптации пуританизма в рамках церкви Англии, наиболее подробно обоснованное в работах П. Коллинсона, который отмечает творческий вклад пуританизма в развитие церкви Англии, выражавшийся в стремлении повысить образовательный уровень священников, моральные стандарты в народе и найти новые формы воздействия на религиозное сознание прихожан. Согласно его подходу, пуританизм также не был безусловно оппозиционным по отношению к епископальному строю церкви и монархии, и политическая радикализация пуританизма произошла только в 1630-е гг. под влиянием попыток лодианской группировки ликвидировать укоренившиеся в церкви Англии формы пуританской религиозности. Либеральные историки в 1970—80-е гг. испытали влияние идей историков-ревизионистов, настаивавших на том, что Английская революция середины XVII в. произошла под влиянием стечения обстоятельств кратковременного характера, а не в результате действия глубоких долговременных причин. В изучении пуританизма это выразилось в стремлении подчеркнуть его умеренный характер и то, что в радикализации пуританизма в 1630-е гг. не было предзаданности и внутренней обусловленности. В связи с этим при обсуждении влияния кальвинизма на пуританизм обращалось внимание на то, что кальвинизм в понимании социальных отношений, наряду с потенциально революционными идеями о том, что главные достоинства человека связаны с тем, принадлежит ли он к числу избранных к спасению или нет, а не с его социальным статусом, всё же не стремился к подрыву существовавшей социальной иерархии любой ценой, так что революционные аспекты кальвинизма актуализировались в сознании пуритан тоже лишь под влиянием обстоятельств 1630-х гг. В целом вопрос о влиянии кальвинизма на социальные взгляды своих приверженцев остается дискуссионным.

В последние три десятилетия британские историки также уделяли внимание изучению деятельности сепаратистов, в результате чего было достигнуто более глубокое понимание идейных связей между сепаратистами и пресвитерианами и мнений сепаратистов о церковном устройстве и управлении. Было показано, что идейные связи между радикальными пуританами и сепаратистами существовали, хотя две эти группы порицали друг друга. Была также показана необоснованность представлений о сепаратистах как о своего рода демократических экстремистах, которые подчиняли священника общине, поскольку сепаратисты, как и пресвитериане, признавали идею о том, что форма управления церковью должна пониматься как сочетание монархии, аристократии и демократии, хотя на практике в жизни сепаратистских общин на первый план могла выходить решающая роль общего собрания. Сепаратисты также не были сторонниками полного разделения духовной и светской сфер общественной жизни, поскольку фактически признавали, что светская власть имеет право принуждать людей к исповеданию истинной религии.

Глава IV

Британские историки
о трансформации католицизма
в Англии в эпоху
Реформации

§1. Проблемы изучения английского католицизма XVI-первых десятилетий XVII вв. в современной британской историографии

Примечательной особенностью Реформации в Англии является сохранение в стране в реформационный период влиятельных религиозных меньшинств, к которым, наряду с пуританскими неконформистами, относились также католики, которые так и не были подавлены установленной англиканской церковью в результате Реформации, и существование которых придало религиозной ситуации в Англии её специфическую идентичность. Изучение жизни католического меньшинства в Англии после начала Реформации является необходимым компонентом для понимания религиозной ситуации в стране в XVI—XVII вв.

В британской политической культуре и исторической мысли под влиянием исторического опыта смогла сформироваться способность к нахождению компромисса и к тому, чтобы расслышать и осознать аргументы противостоящей стороны, даже оставаясь при своем мнении. Представляется, что важнейшими факторами в формировании в британской культуре терпимости к неконформизму, к существованию мнений, отличных от общепринятых, было влияние Реформации, а также событий гражданской войны в Англии в середине XVII в. Само же по себе терпимое отношение к неконформизму, религиозному, а затем и политическому, в разных его вариациях, складывалось в течение довольно продолжительного периода в эпоху нового времени. В ходе английской Реформации оказалось возможным сохранение католицизма, а затем в середине XIX в. произошла его полномасштабная легализация в виде восстановления в 1850 г. католической иерархии во главе с кардиналом — архиепископом Вестминстерским (названия титулов католических прелатов не должны были совпадать с традиционно используемыми англиканской церковью в стране) и 12 викарными епископами.

Современная британская историография разрабатывает, преемственно опираясь на сформированную предшествующими поколениями исследователей источниковую базу и выводы, несколько групп проблем в реконструкции жизни католического меньшинства в Англии XVI—XVII вв.: 1) изучение событийной стороны в жизни английского католического сообщества этого времени; 2) распространение католицизма по территории страны и выявление районов его наибольшего укоренения; 3) деятельность английских католиков-эмигрантов, появление английских католиков-иезуитов и создание католической миссии, находившейся в стране; 4) изучение католического меньшинства как фактора внутривнутриполитической жизни в Англии, причины относительной терпимости властей по отношению к английским католикам; 5) страх по отношению к католицизму

в народе в предреволюционные десятилетия начала XVII в. и его влияние на религиозно-политическую ситуацию в стране. Рассмотрение этих и примыкающих к ним вопросов даёт возможность охарактеризовать католицизм в Англии во второй половине XVI—первой половине XVII в.

Один из крупнейших современных исследователей английского католицизма Дж. Босси в качестве общего подхода к истории католицизма в Англии в постреформационный период предлагает его рассмотрение как «части нонконформистской традиции»¹. В современной британской историографии те историки, которые занимаются изучением религиозной ситуации и религиозно-политической истории XVI—XVII вв., даже если их основной областью интересов является протестантизм, зачастую не обходят своим вниманием и католическое сообщество в Англии этого времени. Лучше всего в британской историографии изучена именно история английского католицизма, а положение католиков в Шотландии, в Уэльсе характеризуется лишь попутно, менее подробно, что объясняется и меньшими масштабами самого предмета исследования по сравнению с английским католицизмом. Исследование католицизма в Ирландии в XVI—XVII вв. является отдельной, особой тематической областью, не пересекающейся с изучением английского католицизма этого времени.

Удельный вес работ по истории Реформации в Англии в XVI—XVII вв. в современной британской историографии, специально посвящённых истории английского католицизма, является заметно меньшим, чем количество работ по истории англиканской церкви, английского пуританизма и других нонконформистских течений в истории английской Реформации, но история английского католицизма всё же является предметом устойчивого исследовательского интереса среди современных британских историков. В распоряжении британских историков находится значительная источниковая база для изучения истории английского католицизма. В 1904 г. было основано Католическое архивное общество (Catholic Record Society), которое опубликовало к настоящему времени 78 томов и подготовило к печати ещё 2 тома источников по истории английского католицизма. Ежегодно в последних числах июля Католическое архивное общество проводит свои конференции. Католическое архивное общество с 1968 г. стало издавать свою серию монографий по истории английского католицизма, но многочисленной она не стала, и сейчас вышло лишь 5 монографий (последняя в 1999 г.), а большинство работ по истории английского католицизма публиковались в других издательствах. Самый известный журнал по истории английского католицизма “*Recusant History*”, издающийся с 1951 г., публикует содержательные, но очень фрагментарные по тематике исследования. С 1959 г. публикуется также «Вестник для изучающих историю рекузантов» (“*The Newsletter for Students of Recusant History*”). Стали появляться и региональные научно-исторические журналы по истории английского католицизма — сейчас существует 11 таких журналов. Католическое архивное

¹ Bossy J. *The English Catholic Community, 1570—1850*. — London, 1975. — P. 7.

общество выставило информацию о своей деятельности и об архивных ресурсах в изучении английского католицизма в Интернете².

Материалы по истории английских католиков, относящиеся ко времени XVI—XVII в., содержатся также в сериях государственных документов, относящихся к внутренней и внешней политике (Calendar of State Papers Domestic Elizabeth I, James I, Charles I (1558—1642); Calendar of State Papers Venetian, 1603—1607; Exchequer Rolls, Pipe Rolls, Recusant Rolls and Lord Treasurer's Remembrance Rolls; Westminster Archive Manuscripts).

Опубликованы были и документы о споре по поводу назначения Верховного священника — главы английских католиков, который происходил на рубеже XVI—XVII вв.³ Сохранились также материалы по истории английских католиков в местных архивах в неопубликованном виде. Источники для изучения истории английских католиков охарактеризованы в статьях М. Гринслейда и Дж. Уильямса и в сборнике, подготовленном Д. Шорни⁴.

Проделана работа по составлению биографических статей об английских католиках⁵ и по выявлению изданной в XVI—XVII вв. в Англии и на континенте английской католической литературы⁶. Значительную работу по изучению священников-миссионеров провёл английский католический священник Г. Анструтер накануне 400-й годовщины открытия семинарии в Дуэ в 1968 г. и в последующие годы⁷.

Источниками также служат материалы визитаций епископов и заседаний ежеквартальных сессий мировых судей⁸. В Государственном архиве Великобритании (PRO) хранятся материалы переписей рекузантов за 1592—1691 гг. (PRO Classes E. 376, E. 377) по графствам, где содержатся также сведения о налагавшихся штрафах и наложении ареста на имущество за исповедание католицизма. В переписях содержатся имена тех рекузантов, на которых налагали штрафы и подвергали конфискации имущества. В то же время в этих переписях, как выявлено исследователями, перепутаны имена католиков и пуританских нонконформистов, которых тоже наказывали штрафами и конфискациями за непосещение церкви. Как отмечают британские историки, количество рекузантов и частота их упоминаний в материалах ежеквар-

² См. подробнее — <http://www.catholic-history.org.uk/crs/index.htm>.

³ The Archpriest Controversy / Ed. by T.G. Law. — Camden Society, 1896, 1898. — Vol. 1—2.

⁴ Greenslade M. Sources for Post-Reformation Staffordshire Catholic History // Staffordshire Catholic History. — 1961. — Vol. I; Williams J.A. Sources for Recusant History (1559—1791) in English Official Archives // Recusant History. — 1983. — Vol. XVI. — № 4; Shorney D. Protestant Nonconformity and Roman Catholicism: A Guide to Sources in the Public Record Office. PRO Readers Guide 13. — London: PRO Publications, 1996.

⁵ Gillow J. A Literary and Biographical Dictionary of English Catholics. — London, 1885. — Vol. I—V.

⁶ Allison A.F., Rogers D.M. A Catalogue of Catholic Books in England Printed Abroad or Secretly in England 1558—1640. — Arundel Press, Bognor, 1956. — Vol. 1—2.

⁷ Anstruther G. The Seminary Priests: Elizabeth I 1558—1603. — St Edmunds College, Ware; Urshaw College, Durham, 1968. — Vol. I; *Idem*. The Seminary Priests. Early Stuarts 1603—1659. — Mayhew-McCrimmon, 1975. — Vol. II.

⁸ Ryan P. Diocesan Returns of Recusants for England and Wales, 1577 // Catholic Record Society. — 1921. — Vol. XXII; Wingfield W.M. Religious Statistics of the Stuart Period // Theology. — 1940. — Vol. XLI; Davidson A. Sources for Recusant History // Local Historian. — 1970—1971. — Vol. IX.

тальных сессий мировых судей может не отражать действительную распространенность католицизма в регионе из-за кампанейщины, характерной для преследований нонконформистов, или из-за присутствия в графстве какого-нибудь яркого противника католицизма, особенно из числа пуритан. По материалам ежеквартальных сессий порой видно, что в них не упоминаются известные католики-рекузанты, жившие в данном графстве и известные из других источников, но по какой-то причине не попадавшие в эти переписи⁹. Материалы некоторых переписей рекузантов опубликованы¹⁰.

Переписи рекузантов составляли также епископы, и они сохранялись в епархиальных архивах. Исследователи находят также в архивах семей английских католиков квитанции и расписки о том, что они уплатили властям штрафы как рекузанты. Данные о католиках-рекузантах также содержатся в материалах комитета по замене судебного преследования денежными выплатами (Committee for Compounding with Delinquents), хранящихся в Государственном архиве Великобритании (PRO). Венецианская серия государственных документов (the State Papers, Venetian) из PRO тоже содержит информацию о положении католиков в разных районах Англии в XVI—XVII вв. Находящиеся на хранении в PRO документы Тайного совета (PRO Class P. C. 1 P. C. 2) содержат информацию о рекузантах, в том числе о том, кто из рекузантов соглашался принести присягу верности монархам. Материалы об истории английских католиков также находятся на хранении в архиве палаты лордов. Существует исследовательский центр в изучении истории английских католиков, находящийся в Лондоне (Catholic Record Society 114, Mount Street, London)¹¹.

После воссоздания в 1850 г. в Англии 13 католических епархий во главе с архиепископом Вестминстерским в его ведении сейчас находятся переписка, воспоминания католиков о жизни в Англии и Уэльсе в период 1600—1688 годов¹².

Архивы английской провинции Общества иезуитов находятся главным образом в Стоунигерст-Колледже в Ланкашире и в Лондоне на Фарм Стрит в церкви Непорочности (Immaculate). В Стоунигерст-Колледже хранится большая часть материалов от периода с 1580 до конца XVII в. и некоторые более поздние материалы. Архивы от времени после 1700 г. хранятся в Лондоне. Часть источников по истории английской провинции Общества Иисуса опубликована¹³.

Сохранились также архивы английских монашеских орденов бенедиктинцев, доминиканцев и францисканцев. С 1623 г. территория Англии и Уэльса была поделена иезуитами на «коллегии», которые делились на «дистрикты»

⁹ *Stephens W.B. Sources for English Local History.* — Chichester (Sussex), 1994. — P. 172.

¹⁰ *Calthrop M.M. Recusant Roll № 1 (1592—1593) // CRS.* — 1916. — Vol. XVIII; *Recusant Roll № 2 (1593—1594) / Ed. by H. Bowler // CRS.* — 1965. — Vol. LVII; *Recusant Records / Ed. by C. Talbot // CRS.* — 1961. — Vol. LIII; *Recusant Rolls № 3 (1594—1595) and № 5 (1595—1596) / Ed. by H. Bowler // CRS.* — 1969. Vol. LXI.

¹¹ *Stephens W.B. Sources for English Local History.* — Chichester (Sussex), 1994. — P. 193.

¹² *Ibid.* — P. 195.

¹³ *Records of the English Province of the Society of Jesus / Ed. by H. Foley.* — London, 1877—1883. — Vol. 1—8.

резиденции», и архив английских иезуитов на хранении упорядочен в соответствии с этими региональными подразделениями. По составу документов архив иезуитов состоит из финансовых отчетов, а также докладов и писем отдельных лиц. Существует также немало местных католических исторических обществ, некоторые из которых выпускают печатные издания¹⁴.

Подготовлены значительные публикации источников и исследования об английском католическом сообществе¹⁵, о деятельности наиболее известных английских иезуитов конца XVI—начала XVII в. Роберта Парсонса¹⁶, Эдмунда Кэмпiona¹⁷, Генри Гарнета¹⁸, Уильяма Уэстона¹⁹, Роберта Саутвелла²⁰ и Джона Джерарда²¹.

На основе использования этой источниковой базы в британской историографии появилось значительное количество работ по истории английского католицизма, хотя, по признанию самих британских историков, в этой предметной области не сложилось «особенно прочной историографической традиции»²². Дж. Босси — автор наиболее значительной обобщающей работы об английских католиках XVI—середины XIX в. среди современных исследователей.

В изучении истории постреформационного английского католицизма в XIX—начале XX в. об английских католиках часто писали те, кто сам относился к какой-нибудь группе английского католического духовенства — или к монахам, или к приходскому духовенству. В начале XX в. большую исследовательскую и редакторскую работу вёл английский иезуит Дж.Х. Поллен. Важнейший его собственный труд был посвящён положению католиков в Англии при Елизавете I²³. Изучением английского католицизма занимались также принадлежавшие к белому духовенству Эдвин Бертон и Бернард Уорд²⁴.

Традиционный взгляд английского католика на Реформацию в стране в XIX—первой половине XX в., как пишет Дж. Эйвлинг, был «прост и

¹⁴ *Stephens W.B. Sources for English Local History.* — Chichester (Sussex), 1994. — P. 196.

¹⁵ *Martyrs of England and Wales 1535—1680* / Ed. Ph. Caraman and J. Walsh. — Catholic Truth Society, 1960; *Challoner R. Memoirs of Missionary Priests 1577—1584* / Ed. J.H. Pollen. — London, 1924; *Morris J. The Troubles of our Catholic Forefathers.* — London, 1872—1877. — Vol. I—III; *Crosby Records* / Ed. by T.F. Gibson. — Chetham Society, 1887; *An Elizabethan Recusant Household* / Ed. by A.C. Southern. — Glasgow, 1954; *Caraman P. The Other Face: Catholic Life under Elizabeth I.* — London, 1960.

¹⁶ *The Memoirs of Father Robert Persons* / Ed. J.H. Pollen. — Catholic Record Society, 1905. — Vol. 2; *Catholic Record Society, 1907.* — Vol. 4; *Letters and Memorials of Robert Persons to 1588* / Ed. by L. Hicks. — Catholic Record Society. — 1942. — Vol. 39; *Robert Persons' Annals of the English College at Seville with an Account of Four Other Foundations from 1589 to 1595* / Ed. by J.H. Pollen. Catholic Record Society. — London, 1914. — Vol. 14.

¹⁷ *Simpson R. Edmund Campion.* — London, 1896; *Waugh E. Edmund Campion.* — London, 1935.

¹⁸ *Caraman P. Henry Garnet 1556—1606 and the Gunpowder Plot.* — London, 1964.

¹⁹ *Caraman P. William Weston. The Autobiography of an Elizabethan.* — London, 1955.

²⁰ *Devlin Ch. The Life of Robert Southwell.* — London, 1956.

²¹ *Caraman P. John Gerard. The Autobiography of an Elizabethan.* — London, 1956.

²² *Bossey J. The English Catholic Community, 1570—1850.* — London, 1975. — P. 1.

²³ *Pollen J.H. The English Catholics in the Reign of the Queen Elizabeth.* — London, 1920.

²⁴ *White J.H. Historians of 19th Century English Catholicism // Clergy Review.* — 1967. — Vol. LII. — P. 791—801.

ясен». До Реформации Англия была глубоко традиционной католической страной, где у церкви и духовенства были некоторые недостатки, которые, учитывая всё ещё сельскую по социальному облику и примитивную страну, были вполне естественными и простительными. Со временем сама церковь справилась бы с этими недостатками, но в 1534 г. небольшая группа циничных политиков, возглавляемая гротескной фигурой Генриха VIII, организовала умело проведенную революцию, движущими силами которой были стремление к власти и доходам. Они смогли воспользоваться невежеством, жадностью и антиклерикальными настроениями высших классов в обществе. Грабеж церкви был прикрыт рассуждениями о давно назревшей церковной реформе. Как и все революции, английская Реформация имела свою радикальную стадию в 1547—1553 гг. Многих англичан власти обманули, но традиционные верования в стране были так глубоко укоренены, что различные формы остаточного католицизма во многих районах Англии были единственной настоящей религией в течение большей части второй половины XVI в., и даже до конца XVII в. восстановление католицизма как религии в национальном масштабе оставалось реальной возможностью, так как протестантизм не укоренился ещё в основной массе населения, и католики даже утверждали, что протестантизации Англии вообще не произошло, а протестантизм, насаждаемый властями, стал к XIX в. причиной разрушения христианства в стране.

В толковании католиков, сохранение католицизма могло смягчить острые социальные противоречия в ходе становления капитализма в Англии, остановить распространение безверия. С 1534 г. большинство населения пассивно придерживались католицизма, что и дало возможность с 1570-х гг. организовать католическое сопротивление в стране. Власть в постреформационной Англии были напуганы этим сохранением католицизма. В католической интерпретации реформационного периода в истории Англии власть в стране принадлежала людям, которые были частично кальвинистскими фанатиками, частично посткатолическими агностиками, разбогатевшими на монастырском, епархиальном и приходском имуществе. Гражданская война середины XVII в., с этой точки зрения, была вызвана опасениями возвращения Стюартов к католицизму. Такой подход был не результатом обоснованных исторических исследований, а составной частью веры английских католиков. Папство виделось католикам как единственный церковный строй, который соответствовал человеческому разуму и естественным склонностям людей. Поэтому бунт против католической веры и властных инстанций был, в сущности, иррациональным и противоречащим естественному порядку вещей: это было крайнее, демоническое зло, неизбежными плодами которого в дальнейшем стали неограниченная свобода и понимание религиозных вопросов с точки зрения личного мнения человека, массовая аморальность, возникновение хаотической демократии в политической жизни. Поскольку эти католические истины представлялись бесспорными, отрицание их кем-либо объяснялось неизменно злым умыслом, упадком веры. Отход от католической веры всегда воспринимался как вероотступничество с намеком на предательство. Существова-

ло даже традиционное католическое убеждение, что в церковь в итоге вернутся все, за исключением самых злонамеренных вероотступников²⁵.

Историографическим фактом, повлиявшим на изучение истории английского католицизма, стал также перевод на английский язык книги немецкого историка Арнольда Оскара Мейера об английских католиках времени правления Елизаветы I²⁶. Новым в его подходе было то, что А.О. Мейер отошел от одержимости прежних католических исследователей мариологическим стилем изложения и стал рассматривать конфликт между Англией и католической церковью как столкновение людей, институтов, идеалов, а не как «борьбу сил света и тьмы». А.О. Мейер представлял английских католических священников-семинаристов как активную политическую оппозицию английской короне, но в оценке их преследований английскими властями обращал внимание на то, что власти искренне рассматривали свои действия против католиков как отражающие подлинные национальные интересы Англии. Мейер утверждал также, что происходивший постепенно упадок католицизма в Англии был результатом всё большей привлекательности протестантской религии для англичан, а не результатом правительственных репрессий. А.О. Мейер был сторонником точки зрения, согласно которой укреплявшееся в ходе Реформации государство наносило удар Риму, представлявшему средневековый миропорядок. В рассмотрении спора среди английских католиков о Верховном священнике на рубеже XVI—XVII в. А.О. Мейер рассматривал его как политический по характеру спор между апеллянтами-националистами и происпански настроенными иезуитами.

Современные историки отмечают также, что для изучения постреформационного английского католицизма имеет значение книга Б. Мэджи «Английские рекузанты» (1938)²⁷. Заметную роль в изучении английского католицизма сыграл и католический епископ Дэвид Мэтью, активно работавший в 1930—50-е гг. Для Д. Мэтью постреформационный английский католицизм был составной частью английской жизни, и он доходил до такой степени пристрастности, что считал основой английской культуры, «английскости» не протестантизм, а католицизм²⁸. В деятельности Д. Мэтью сказался присущий ему католически-конфессиональный подход, отразившийся на подаче материала и оценках. По образной оценке Дж. Босси, основная работа Д. Мэтью «Католицизм в Англии. Портрет меньшинства — его культура и традиция», выходящая тремя изданиями в 1936, 1948 и 1955 гг., написана «в стиле серии снимков из семейного альбома, который поощрял в католиках чувство обособленности. Этот стиль также поддерживал переходившее из поколения в поколе-

²⁵ *Aveling J.C.H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation.* — London, 1976. — P. 23.

²⁶ *Meyer A.O. England and the Catholic Church under Queen Elizabeth / Transl. by J.K. McKee.* — London, 1915.

²⁷ *Magee B. The English Recusants.* — London, 1938.

²⁸ *Aveling J.C.H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation.* — London, 1976. — P. 18.

ние убеждение, что английские католики в стране являются инородным элементом»²⁹. Известный историк английского католицизма Филипп Хьюз в своих работах тоже реализовал, в сущности, клерикальный подход к пониманию истории английского католицизма, рассмотрев в своём трёхтомном труде по истории английской Реформации ход событий до 1603 г.³⁰ Но к середине XX в. стали также появляться не тенденциозные по характеру работы светских историков, в которых авторы стремились обратить внимание на то, что существовавший в Англии в постреформационный период католицизм был частью истории и культуры Англии³¹.

В изучении английского католицизма в XIX—первой половине XX в. прослеживалась тенденция к тому, чтобы историки сосредоточивали своё внимание или на XVI в., или на изучении периода, предшествовавшего полной легализации английского католицизма в XIX в. Конфессиональная замкнутость в изучении английского католицизма, закрывавшая более широкую перспективу в обзоре проблемы, стала уходить в прошлое к 1960-м гг. С этого времени в исследовании истории английского католицизма стал также наблюдаться рост значения локальных исторических исследований. Большой вклад в работу по изучению истории английского католицизма с привлечением материалов локальной истории внёс Дж.К.Х. Эйвлинг, приступивший к этому одним из первых, результатом чего стали работы по истории католиков Йоркшира, а также важные обобщающие работы³². Дж. Эйвлинг испытал влияние социальной истории и стремился понять английский католицизм в контексте истории английского общества, а не как череду событий в жизни религиозной деноминации, находящейся в неблагоприятном и враждебном окружении. Он показал также, что жизнь английского католического сообщества представляла собой кумулятивный процесс, и каждое поколение английских католиков вносило в него свой вклад, а сообщество развивалось, не было каким-то реликтом. Началась также работа по проверке общих предположительных концепций на локальном материале. О католиках Йоркшира, который был значительным католическим анклавом в стране, писали также А.Дж. Диккенс³³ и Дж.Т. Клифф³⁴.

При всём стремлении современных британских историков в исследовании английского католицизма вписать его развитие в контекст английской истории XVI—первой половины XVII в. в их среде сохраняется мнение, что движущие силы сохранения католицизма в стране лежали во

²⁹ Bossy J. *The English Catholic Community, 1570—1850*. — London, 1975. — P. 2.

³⁰ Hughes P. *The Reformation in England*. — London, 1950—1954. — Vol. I-III.

³¹ Leys M.D.R. *Catholics in England, 1559—1829. A Social History*. — London, 1961.

³² Aveling J.C.H. *Post-Reformation Catholicism in East Yorkshire*. — East Yorkshire Local History Society, 1960; *Idem*. *The Catholic Recusants of the West Riding of Yorkshire, 1558—1790*. — Leeds Philosophical and Literary Society, 1963; *Idem*. *Northern Catholics: The Catholic Recusants of the North Riding of Yorkshire, 1558—1790*. — London, 1966; *Idem*. *The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation*. — London, 1976.

³³ Dickens A.G. *The First Stages of Romanist Recusancy in Yorkshire, 1560—1590* // *Yorkshire Archaeological Journal*. — 1941. — Vol. XXXV. — P. 157—182; *Idem*. *The Extent and Character of Recusancy in Yorkshire, 1604* // *Yorkshire Archaeological Journal*. — 1948. — Vol. XXXVII. — P. 24—48.

³⁴ Cliffe J.T. *The Yorkshire Gentry from the Reformation to the Civil War*. — London, 1969.

многим в плоскости идейных влияний внутри этого сообщества, держались на вере. Как пишет Дж. Босси, «в положении католиков в Англии обращает на себя внимание то, какую сравнительно небольшую роль сыграли внешние по отношению к нему законы, принимавшиеся политической и религиозной властью в стране. Они мало влияли на само существование английского католического сообщества, на его характеристики, на ход его эволюции. На развитие английского католицизма не оказало решающего влияния ни репрессивное законодательство XVI—XVII вв., ни благоприятные для католиков изменения в английском законодательстве, начавшиеся в конце XVIII в.»³⁵. В этих утверждениях чувствуется полемическая заострённость, которая опирается на убеждение в том, что интеллектуальная и духовная сфера общественной жизни обладают в своём развитии собственной внутренней логикой, но, и в самом деле, нельзя не учитывать, что английский католицизм — духовный феномен, на эволюцию которого оказывали большое влияние идейно-религиозные факторы.

Дж. Босси высказывал своё мнение и о том, как точнее определить сохранившихся в Англии католиков в терминологическом отношении в том его аспекте, который касается положения католиков в обществе. Ранее Д. Мэтью в работе «Католицизм в Англии. Портрет меньшинства — его культура и традиция» назвал английских католиков «меньшинством», что представляется Дж. Босси неадекватным: «меньшинство воспринимается по ассоциации в паре с большинством; претендовать в таком смысле на статус меньшинства для английских католиков означает претендовать даже слишком на многое, потому что англичане после начала Реформации быстро разделились в религиозном отношении не только на единый протестантский лагерь и католиков, и термин «английское католическое сообщество» тут принимает дополнительный и более адекватный смысл, так как оно было одним из нескольких существовавших в стране религиозных сообществ»³⁶.

Дж. Босси также не считает особенно удачным введенный ещё во второй половине XVI в. в обращение английскими протестантскими властями применительно к наиболее упорным католикам, не посещавшим службы в церкви Англии, термин “*recusant*” («отказник», «отказчик»). По его словам, английские католики были в собственных глазах именно католиками: протестанты могли называть их ещё как-нибудь, но о католиках надо говорить в данном случае в тех терминах, как они себя называли. Дж. Босси считает необходимым изучение английского католического сообщества как определённого социального целого со своим внутренним устройством, внутренней логикой развития, и в этом он видит отличие своего подхода от деятельности историков государственных учреждений, для которых католики были «рекузантами». Тем не менее, термин “*recusant*” всё же используется современными британскими историками и уже не встречает особенно активного отпора из самой католической среды³⁷.

³⁵ Bossy J. *The English Catholic Community, 1570—1850*. — London, 1975. — P. 296.

³⁶ *Ibid.* — P. 5.

³⁷ Clancy T.H. *Papist-Protestant-Puritan: English Religious Taxonomy 1565—1665 // Recusant History*. — 1975—1976. — Vol. 13. — P. 227—253.

Историки стремятся также выявить, в какой степени на постреформационный английский католицизм повлияла континентальная Контрреформация. Английские католики-эмигранты, считает Дж. Босси, были не просто недовольны королевским верховенством в церкви. Их не устраивал рост светских тенденций в английской культуре, изменения в этом направлении в университетских программах. Католики-эмигранты, в отличие от средневекового церемониализма, подчёркивали духовный характер религии, в чём можно усмотреть влияние эпохи Контрреформации. В наибольшей степени эти черты характерны для взглядов иезуитов Грегори Мартина, Эдмунда Кэмпбелла, Роберта Парсонса. В этом отношении у них были расхождения с выходцами из академических университетских кругов, для которых главным было соблюдение положений доктрины. В английской католической эмиграции существовало напряжение в отношениях между академическими кругами и иезуитами. Парсонс был по своему мировоззрению, как считает Дж. Скарисбрик, не средневековым католиком, а деятелем эпохи Ренессанса. Его план церковного переустройства, предполагавший возвращение церкви её собственности, своими требованиями более сознательной религиозности от католиков удивляет своим сходством с планами пуритан³⁸.

Светских же лиц в Европе и в Англии вполне устраивало ослабление церкви в результате Реформации. Аристократия в протестантских странах увидела, как в этих условиях стал ещё более укрепляться её социальный статус. Это же было характерно и для стран, где сосуществовали католицизм и протестантизм. Католическая аристократия в протестантских странах нашла способ повысить свой статус в отношениях с духовными лицами: легче было контролировать и держать в своих руках судьбу католического меньшинства-секты в стране, в которой правили протестанты, чем чувствовать себя в стесненном положении там, где католицизм был официальной религией. Оттеснение духовенства от решающих ролей в обществе в XVI в., как считают исследователи, было мечтой светских лиц и в католических, и в протестантских странах Европы³⁹.

По мнению Дж. Босси, английские католики-эмигранты восприняли в политике Контрреформации стремление сохранить и даже усилить притязания на влияние в обществе традиционной католической иерархии, которое сопровождалось усилением папской роли духовенства в жизни мирян. Одним из образцовых проводников такой политики в контрреформационной католической церкви был Карл Борромео, епископ Милана (1568—1579), подход которого в управлении церковью, считает Дж. Босси, повлиял на тех английских католиков-эмигрантов, которые принадлежали к академическим кругам. Борромео выступал за сохранение влияния епископата и белого духовенства. Признавая уместность умеренного использования иезуитов для блага католической церкви, Борромео в целом враждебно воспринимал попытки институциональ-

³⁸ Scarisbrick J.J. Robert Persons' Plan for the True Reformation in England // Historical Perspectives: Studies in English Thought and Society / Ed. by N. McKendrick. — London, 1974.

³⁹ Bossy J. The English Catholic Community, 1570—1850. — London, 1975. — P. 16, 23, 26.

ных экспериментов в католической церкви, препятствовал расширению миссионерской деятельности и влияния иезуитов. Такие же подходы впоследствии были характерны для английского католического белого духовенства в его отношении к иезуитам в конце XVI—XVII вв.⁴⁰

М. Роулэндс считает, что в постреформационном английском католицизме стало проявляться влияние посттридентского католицизма, поскольку поощрялось частое принятие причастия, эмоциональные и личные по содержанию молитвы, подчеркивание реальности присутствия Христа в таинствах. При этом религиозность должна была контролироваться разумом и авторитетом и подчеркивалась необходимость духовного руководства со стороны подготовленных для этого священников. Но не исключалась и вера в чудесное, хотя при этом вера в магию, суеверия, заклинания, предзнаменования и сны решительно осуждались, несмотря на то, что эти черты преобладали в народной культуре XVI—XVII вв. Католики также стали уделять большое внимание катехизации⁴¹.

Среди современных британских историков, занимающихся изучением английского католицизма, активно разрабатываются вопросы, связанные с распространением католицизма по территории Англии, выявляются факторы, которые этому способствовали. В английской культуре, художественной литературе сложилось прочно укоренившееся убеждение, что прибежищем католицизма были северные графства. Д. Дефо локализовал большинство английских католиков в гористой местности к северу за рекой Трент, отмечая также, что изменения в рельефе часто знаменуют собой изменения в религиозных верованиях⁴². Это же мнение проникло в исторические романы Вальтера Скотта. Дж. Босси обратил внимание на сведения Ф. Броделя в его известном труде «Средиземноморский мир в эпоху Филиппа II», в котором Бродель отмечает, что католическая церковь, господствовавшая в равнинных районах в Средиземноморье, никак не могла полностью справиться с различными неортодоксальными верованиями, коренившимися в горных районах — в Англии же этого не могла добиться установленная церковь. Дж. Босси утверждает, что в XVI—XVII вв. «география английских нагорий была главным условием оригинальности Севера в его религии», и в этом можно видеть фактор, способствовавший сохранению католицизма⁴³.

В объяснении причин сохранения католицизма среди британских исследователей были попытки связать приверженность к традиционной религиозности с влиянием социально-экономических факторов. К. Хилл выдвинул тезис о сохранении католицизма в Англии в XVI—XVII вв. в так называемых

⁴⁰ Bossy J. *The English Catholic Community, 1570—1850*. — London, 1975. — P. 27; Law T.G. *Jesuits and Seculars in the Reign of Queen Elizabeth*. — London, 1889; Knowles D. *The Religious Orders in England*. — Cambridge, 1959; *Guilday P. The English Catholic Refugees on the Continent*. — London, 1914; Lunn D.M. *The Origins and Early Development of the Revived English Benedictine Congregation, 1588—1647*. — Cambridge University Ph. D. Thesis, 1970.

⁴¹ Rowlands M.B. *Recusant Women 1560—1640 // Women in English Society, 1500—1800 / Ed. by M. Prior. London and New York, 1985*. — P. 163—165.

⁴² Defoe D. *A Tour through England and Wales, 1724*; Цит. по: Bossy J. *The English Catholic Community, 1570—1850*. — London, 1975. — P. 79.

⁴³ Bossy J. *The English Catholic Community, 1570—1850*. — London, 1975. — P. 79.

«тёмных углах страны» — отсталых в социально-экономическом отношении районах, преимущественно на севере и северо-западе страны. В этих регионах, и в самом деле, было немало католиков, но географическое распространение католицизма, как показали другие британские историки, не связано всё же так однозначно с низким уровнем социально-экономического развития того или иного региона. Как показал Дж. Босси, на рубеже XVI—XVII вв. стала возрастать численность католиков в Лондоне и соседнем Миддлсексе, в долине Темзы, которые никак нельзя назвать неразвитыми в экономическом отношении районами. В общей тенденции к тому, что католицизм поддерживали главным образом в отдалённых, относительно отсталых областях и регионах, были заметные исключения: например, католики жили в Западном Суссексе, где среди крупного джентри и знати в 1560-е гг. они превосходили протестантов в соотношении 2:1⁴⁴. Были жалобы на многочисленность католиков также в графстве Гэмпшир. А. Дюре считает, что очаги католицизма были в Англии в 1560-е гг. фактически в каждом графстве⁴⁵. В целом для британских историков характерна осторожность в выводах относительно связи между социально-экономическим статусом тех или иных групп населения и их религиозными взглядами. Среди факторов влияния на религиозную ситуацию в том или ином регионе и религиозную принадлежность отдельного человека признается также влияние разных случайных обстоятельств: деятельности способного проповедника, который мог изменить вероисповедный состав населения определенной местности, религиозной принадлежности местного магната, крупного землевладельца, который тоже мог влиять своим авторитетом и примером, и т.д. При этом, по мнению Х.Г. Александера, можно выделить два основных социальных типа среди английских католиков второй половины XVI—первой половины XVII в.: семьи католического джентри со своими слугами и университетские преподаватели, учёные с богословскими убеждениями⁴⁶.

Свидетельства об исповедании католицизма в Англии после 1570 г. очень разрозненны, и общую картину историкам удастся составить только путем трудоёмких локальных исследований. В современной британской историографии проделана немалая работа по выяснению распространения католицизма в конкретных местностях на Севере. Установлено, что католицизм пользовался в 1560—70-е гг. значительным влиянием в северных графствах Йоркшире, Дареме и Ланкашире. Среди католиков в северных графствах в эти годы преобладали не рекузанты, а «церковные паписты»⁴⁷.

В начале XVII в. в долинах рек Тайн и Тис практически всё джентри было католическим, и католицизм имел корни в нагорьях среди кре-

⁴⁴ Manning B.R. Religion and Society in Elizabethan Sussex. — Leicester University Press, 1969. — P. 259.

⁴⁵ Dures A. English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 5.

⁴⁶ Alexander H.G. Religion in England, 1558—1662. — London, 1968. — P. 99—101.

⁴⁷ Haigh C. Reformation and Resistance in Tudor Lancashire. — Cambridge University Press, 1975. — P. 225; Dures A. English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 4; Leatherbarrow J.S. Lancashire Elizabethan Recusants. — Chetham Society, 1947. — Vol. 110; Hilton J.A. Recusancy in Elizabethan Durham // Recusant History. — 1977. — Vol. 14. — № 1.

стьянства. В долине реки Нидд находился самый южный район, поддержавший известное Северное восстание 1569 г., организованное католиками. Здесь было также много волынщиков-дудочников, что также считают свидетельством сохранения традиционной католической религиозности. Приверженность католицизму сохранялась в северных нагорьях до второй половины XVIII в. Равнины на Севере отличались от нагорий по особенностям своей религиозности: католиков тут было немало, но это были в подавляющем большинстве джентри, католицизм которых был делом индивидуального выбора, и сохранение католицизма уже не определяло общей ситуации в таких областях.

Районы с таким характером католицизма были и в других графствах Англии. Среди причин сохранения католицизма в Англии в районах северных нагорий обычно называют две: эти районы могли стать местом для укрытия, и то, что они отставали по уровню своего социально-экономического развития. Первая причина использовалась как традиционное объяснение среди историков католицизма фактически с начала его изучения. Вторая причина с середины XX в. стала осмысливаться также в марксистских понятиях. Дж. Босси утверждает, что католики предпочитали Север из-за его большей безопасности от преследований церковных властей. Прослеживается также, что к концу XVI в. католическое джентри из числа тех, кто обладал имениями на Севере, как раз там и стремились проживать. Приходский строй англиканской церкви во второй половине XVI в., как отмечал А. Дж. Диккенс, практически переставал эффективно действовать на границе нагорий⁴⁸. Дж. Босси не считает Север Англии в период после восстания 1569 г. слишком уж примитивным по уровню социально-экономического развития, поскольку среди влиятельных северных католиков некоторые джентри уже занимались предпринимательством, но всё же полагает, что существуют основания для того, чтобы связывать католицизм с традиционным образом жизни и такими же по характеру экономическими занятиями. На северных нагорьях сохранению католицизма способствовало занятие скотоводством. В северных графствах в конце XVI в. католики содержали специальных наблюдателей-разведчиков под предлогом борьбы с кражами скота шотландцами, и властям было трудно заставить их врасплох в своём доме во время службы. Было показательным, что католицизм хуже сохранялся в тех районах северных графств, где появлялись нетрадиционные экономические занятия и население начинало заниматься ткачеством, добычей полезных ископаемых. Исключением была угледобыча — опасности в ходе работы тут консервировали пристрастие к традиционной религиозности, что отмечал и К. Хилл⁴⁹, к тому же угледобычей занималось и католическое джентри.

В долинах северных графств в XVI—XVII вв., исключая текстильные районы и районы добычи полезных ископаемых, везде можно было наблюдать чередование областей приверженности католицизму и протестантизму. Дж.

⁴⁸ *Dickens A.G. The English Reformation. — London, 1964. — P. 212—213.*

⁴⁹ *Hill C. Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England. — London, 1966. — P. 147.*

Босси заявляет, что экономический подход при изучении распространения католицизма не даёт объяснения, которое было бы гарантией понимания этих проблем, поскольку нет свидетельств, что в тех регионах, где не развивалась промышленность, всегда доминировали католики. Северный католицизм, по словам Дж. Босси, был неизмеримо «лоскутным» явлением. Одна из причин такой пестроты религиозных пристрастий на Севере, по его мнению, состоит в конфликтности северного общества, сохранявшего традиционный характер. С началом Реформации проблема религиозного выбора пришла на территорию, где «люди действовали на основе инстинктов, родственных связей, отношений клиентелы, общинной солидарности». Реформация предоставила идейный мотив, который стал участвовать в осознании существовавших противостояний. Были случаи, когда местная знать не отличалась друг от друга по материальному достатку, образу жизни, но одни были католиками, другие — протестантами. Северный католицизм часто отражал не индивидуальный выбор, а тот или иной коллективный в форме локального, кланового, семейного и т.д.⁵⁰ К середине XVII в. выявилось, что в северных графствах, благодаря неповоротливости церковных властей, могут укорениться не только католики, но и другие неконформисты, чему способствовала ситуация в стране в годы гражданской войны: здесь наиболее успешно стали находить сочувствие квакеры⁵¹.

Внимание исследователей английского католицизма всегда привлекало графство Ланкашир. Приходская структура церкви Англии здесь была слабой из-за плохой материальной обеспеченности англиканского духовенства в Честерской епархии, в которую входил Ланкашир. Распространение в Ланкашире текстильной промышленности с течением времени создавало в графстве социально-профессиональную группу, невосприимчивую к католицизму. Тем не менее, историки подсчитали, что в XVII—XVIII вв. в Ланкашире было примерно столько же католиков, сколько во всех остальных северных графствах⁵². В сельском хозяйстве Ланкашира были развиты животноводство и растениеводство, но здесь были также удобные для разработки угольные копи. Графства с такими экономическими занятиями населения, как Ланкашир, в других районах Англии бывали вполне восприимчивы к протестантизму, но ни одно другое графство Англии с такими экономическими характеристиками не стало подобным Ланкаширу оплотом католицизма, в том числе соседние Чешир и Нортумберленд. Исследователи также отмечают, что следует учитывать сравнительно спокойный характер социальной ситуации в Ланкашире: тут были свободные земли, и могли производиться огораживания без усиления социальной напряженности. Дж. Босси склонен выделять также влияние личностного фактора на религиозную ситуацию в Ланкашире: отсюда происходил один из виднейших английских католиков-эмигрантов, кар-

⁵⁰ *Bossey J.* The English Catholic Community, 1570—1850. — London, 1975. — P. 88—89.

⁵¹ *Hill C.* The Puritans and the Dark Corners of the Land // Transactions of the Royal Historical Society. 5 Series. — 1963. — Vol. 12. — P. 77—102.

⁵² *Haigh C.* Reformation and Resistance in Tudor Lancashire. — Cambridge University Press, 1975. — P. 225.

динал римско-католической церкви с 1587 г. Уильям Аллен (1522—1594). В графстве жило немало его родственников, что в последующем давало укрытие католическим священникам-миссионерам⁵³.

В северо-западных графствах Камбрии и Нортумберленде в XVI—XVII вв. опорой католицизма было очень малочисленное в этом районе страны джентри. Среди крестьян было много потомков кельтского населения, что способствовало религиозным различиям между социальными верхами и низами. В Нортумберленде были католические семейства джентри, но их имения были очень большими (в графстве была одной из самых высоких в Англии доля поместий размером более 1 тыс. акров), а в графстве Камберленд поместья были в основном очень маленькими по размерам, так что католическому джентри не на кого было влиять. Католические семейства северо-западных графств известны наперечет, и, как считают современные историки, в первые десятилетия XVII в. они уже не влияли на местную религиозную ситуацию, выражая при этом несогласие с мнением известного исследователя истории церкви Англии Р.Г. Ашера, работавшего в конце XIX—начале XX в., который утверждал, что в северо-западных графствах среди населения 80 % были открытыми или тайными католиками, хотя сам Р. Г. Ашер использовал известия о том, что по переписи 1603 г. в епархии Карлайл, куда входили северо-западные графства, было учтено всего лишь 74 рекузанта⁵⁴.

Британские историки занимались также изучением религиозной ситуации второй половины XVI—первых десятилетий XVII в. на границе Англии и Уэльса⁵⁵. Католицизм в этом регионе смог укорениться в южной части границы с Уэльсом в графстве Монмаутшир и был тем же по типу, что и в северных нагорьях. Позиции католиков в Монмаутшире были прочными также и в середине XVII в. Этому способствовала поддержка католицизма некоторыми местными семьями джентри, что сделало возможным существование здесь католической миссии, регулировавшей движение священников⁵⁶.

В остальных районах на уэльсской границе, как отмечает Дж. Босси, католицизм не имел такого успеха, как и в самом Уэльсе, хотя это был район нагорий. В этом регионе существовал национальный и социальный барьер в общении англичан с валлийцами. Валлийцев оттирали на второй план в процессе принятия решений о деятельности священников-миссионеров. В открытом в 1579 г. английском католическом кол-

⁵³ Bossy J. The English Catholic Community, 1570—1850. — London, 1975. — P. 92; The Agrarian History of England and Wales / Ed. by J. Thirsk. — Cambridge, 1967. — P. 80—89. — Vol. IV.

⁵⁴ Usher R.G. The Reconstruction of the English Church. Vol. I—II. — London, 1910. — Vol. II. P. 399; McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 402.

⁵⁵ Pugh F. Monmouth Recusants in the Reigns of Elizabeth and James I // South Wales and Monmouthshire Record Society Publications. — 1957. — № 4. — P. 59—110; Lindley K.J. The Lay Catholics of England in the Reign of Charles I // Journal of Ecclesiastical History. — 1971. — Vol. XXII.

⁵⁶ Magee B. The English Recusants. — London, 1938. — P. 201, 247; Pugh F. Monmouth Recusants in the Reigns of Elizabeth and James I // South Wales and Monmouthshire Record Society Publications. — 1957. — № 4. — P. 59—110; Lindley K.J. The Lay Catholics of England in the Reign of Charles I // JEH. — 1971. — Vol. XXII. — P. 217.

ледже в Риме сразу же разразился конфликт на этнической почве, когда английские студенты заявили протест, что его ректор якобы благоволил к валлийцам⁵⁷. Иезуиты и священники из белого духовенства действовали в Уэльсе и в первой половине XVII в., но не особенно активно⁵⁸. Доминирующе английская ориентация английских католических учебных заведений в эмиграции препятствовала возможности эффективной деятельности священников-миссионеров в Уэльсе. Действовавшая в Уэльсе бенедиктинская конгрегация не оправдала ожиданий⁵⁹.

В изучении остальных районов страны, где сохранился католицизм, тоже выявлены региональные особенности. Здесь, как отмечают исследователи, католицизм не может быть охарактеризован как народный по характеру, поскольку его основой был нонконформизм джентри. В Мидленде существовали различия между западными графствами (Стаффордшир, Уорикшир, Вустершир и Шропшир), где у джентри были сильны склонности к католицизму, проявившиеся во время Порохового заговора 1605 г. и в гражданскую войну, и восточными графствами, где католицизм был, по словам М. Роулэндс, «эксцентричным выбором». В районах к югу от Темзы очень мало католического джентри было на юго-востоке (графства Кент, Суррей, восточная часть Сассекса), и ещё меньше на юго-западе от Глостершира до Уилтшира. При этом в западном Сассексе, в Гэмпшире, в прилегающих частях графств Уилтшир и Дорсет было много католических магнатов-землевладельцев, в результате чего католики могли здесь, как и в западном Мидленде, влиять на то, что происходило в данной местности⁶⁰.

Двумя подобными районами были Восточная Англия и долина реки Темзы. Католическое джентри Восточной Англии представляло собой крепко утвердившуюся и состоятельную в материальном отношении группировку, на происхождение которой, как считают историки, повлияло восстание 1549 г. в Норфолке, которое оттолкнуло их своей окрашенностью в протестантские идейно-религиозные тона, поскольку они считали их подрывными. Эта группировка католического джентри так и просуществовала в XVI—XVII вв. в одном из самых протестантских по облику районов страны, совершенно без народной поддержки, подвергаясь нападкам на своё имущество в периоды обострения общественных проблем, но, в конечном счёте, стала вызывать к себе уважение со стороны соседей тем, что продолжала жить здесь и сохранила свои состояния. В долине Темзы католические семейства концентрировались в Оксфордшире и Беркшире, что давало возможность католическим священникам

⁵⁷ McGrath P. *Papists and Puritans under Elizabeth I.* — London, 1967. — P. 114; Williams M.E. *The Venerable English College, Rome.* — London, 1979.

⁵⁸ Pugh F.H. *Glamorgan Recusants, 1577—1611* // *South Wales and Monmouthshire Record Society Publications.* — 1954. — № 3. — P. 51.

⁵⁹ Bossy J. *The English Catholic Community, 1570—1850.* — London, 1975. — P. 100.

⁶⁰ Rowlands M. *Catholics in Staffordshire from the Revolution to the Relief Acts, 1689—1791.* — Birmingham University M.A. Thesis, 1965; Paul J.E. *Hampshire Recusants in the Time of Queen Elizabeth* // *Proceedings of the Hampshire Field Club.* — 1959. — Vol. XXI. — P. 61—81; Williams J.A. *Catholic Recusancy in Wiltshire, 1660—1791.* C.R.S. Monograph Series. Vol. I. — London, 1968.

миссионерам совершать через этот район переход из западного Мидленда на самый юг Англии⁶¹.

Приверженность католицизму в Англии, по мнению А. Дюре, не всегда основывалась на глубокой богословской убежденности, и могла стимулироваться также стремлением к поддержанию порядка в обществе, поскольку представители социальной верхушки в Англии чувствовали, что протестантизм разлагает существовавшие социальные устои: некоторые из них считали протестантизм религией «тех, кто плел корзины и варил пиво». Католицизм представлялся старой традиционной религией, а протестантизм — опасным новшеством. В английском католицизме, считает А. Дюре, в сущности, не проявилось лидеров национального масштаба, и английский католицизм представляется ему «сеньериальным католицизмом». Священники-миссионеры впоследствии целенаправленно опирались на джентри, но в середине и второй половине XVI в., отмечает А. Дюре, существовал ещё довольно энергичный католицизм и в народной среде, особенно в удалённых частях страны в Дареме, Йоркшире, Ланкашире, даже на юге, где были католики среди крестьян. По его мнению, в 1560-е гг. отсутствие руководства в среде английских католиков, сравнительно слабые связи с континентальным католицизмом, консерватизм в убеждениях воспрепятствовали возникновению в Англии оппозиционного по отношению к протестантизму религиозного движения⁶².

Рассуждая о причинах выбора джентри в пользу католицизма или протестантизма, Дж. Босси объединяет влияние личного и экономического характера: в районах интенсивного земледелия джентри было более энергичным и выбирало протестантизм. Он обращает внимание на контрастные различия между активно занимавшимся предпринимательской деятельностью джентри Восточной Англии, в среде которого преобладали протестанты, и традиционалистским пасторальным землевладельческим классом в Западной Англии, для которого была характерна склонность к католицизму. В регионах, где была напряжённость в связи с огораживаниями, обычно развивался протестантизм, но и среди католического джентри появлялись сельскохозяйственные предприниматели. Случалось, что приводившие к социальной напряжённости и беспорядкам огораживания пробуждали в части джентри тягу к традиционности, в результате которой оживало тяготение к католицизму: так было среди части джентри в Восточной Англии, Норгемптоншире, Уилтшире. Дж. Босси склоняется к общему выводу, что в районах интенсивного социально-экономического развития, генезиса капитализма в сельском хозяйстве землевладельцы в большинстве своём не были католиками, хотя не считает, что приверженность католицизму в принципе блокировала склонность к предпринимательской деятельности. Дж. Босси считает также, что деятельность католических священников-миссионеров основным своим результатом имела лишь усиление той предрасположенности к католицизму, которая и так

¹ Stapleton B. A History of Post-Reformation Catholic Missions in Oxfordshire. — London, 1906.

² Dures A. English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 7—8.

существовала в том или ином районе страны, но были также исключения: одним из ощутимых результатов деятельности миссионеров было усиление влияния католиков в долине Темзы⁶³.

Дж. Босси выразил несогласие с У. Джорданом, опубликовавшим ряд работ по истории благотворительности в Англии в XVI—XVII вв.⁶⁴. У Джордана приводятся данные о выделении средств на благотворительные цели с 1480 по 1660 гг. и по вкладам на совершение заупокойных месс с 1480 по 1560 гг., по которым историки пытались делать выводы о приверженности к католицизму в разных графствах после начала Реформации в Англии. У Джордана приводятся цифры о средствах на совершение заупокойных месс не по всем графствам, и при этом лидируют у него графства Йоркшир (10% всех завещанных средств), Сомерсет (9%), Норфолк (6%), Ланкашир (5%). Дж. Босси, предполагая, что эти цифры могут обладать некоторой информативностью, не находит возможности их использования для решения вопроса о распространении католицизма в стране, поскольку исследованиями выявлено, что в Норфолке католицизма фактически не было, в Сомерсете он был очень слаб, а у Джордана эти графства оказались среди лидеров в выделении средств на заупокойные мессы. Графство Ланкашир у Джордана почти что замыкает список, а между тем из других источников установлено, что оно было единственным в стране, где католицизм сильно укоренился и в среде джентри, и в простом народе, так что связь между степенью распространения католицизма и выделением средств на совершение традиционных религиозных обрядов непрямая. К тому же во второй половине XVI в. стали складываться условия, когда такие пожертвования не могли быть гласными, в результате чего они стали делаться тайно католическим священникам-миссионерам⁶⁵.

Исследователи рассматривали также понимание английскими католиками поста и воздержания. Соблюдение обрядности способствовало поддержанию сознания принадлежности к католическому сообществу. Контрреформационная католическая церковь тоже стремилась к регулированию ритма рабочей недели, как это было в протестантских обществах⁶⁶. Английские католики-эмигранты обращали на себя внимание в Нидерландах рьяным соблюдением поста на фоне меньшего рвения местных католиков. Бывали случаи, когда во время Великого поста не писали друг другу любовных писем⁶⁷. Иезуиты сдержанно относились к соблюдению постов, скорее осуждая эту практику, что вызывало непонимание и раздражение остальных английских католиков. Для лиц из простонародья, кто и так жил на уровне поддержания жизни близко к голодовкам, все рассуждения о постах не имели значения, что ограничивало практику соблюдения постов кругом

⁶³ Bossy J. *The English Catholic Community, 1570—1850*. — London, 1975. — P. 103.

⁶⁴ Jordan W.K. *Philanthropy in England*. — London, 1959; *Idem*. *The Charities of London*. — London, 1960; *Idem*. *The Charities of Rural England*. — London, 1961; *Idem*. *The Social Institutions of Lancashire*. — Chetham Society, 1962.

⁶⁵ Bossy J. *The English Catholic Community, 1570—1850*. — London, 1975. — P. 106—107.

⁶⁶ *An Elizabethan Recusant House* / Ed. by A.C. Southern. — London-Glasgow, 1954.

⁶⁷ *Tixall Letters* / Ed. by A. Clifford. — 2 vols. — London, 1815. — Vol. II. — P. 71.

джентри. Если супруга главы семьи исповедовала католицизм, это заметно влияло на рацион питания всей семьи. В протестантских семьях католики обычно подчинялись протестантскому распорядку. Сохранение среди английских католиков до начала XVII в. «церковных папистов» Дж. Босси объясняет тем, что некоторые католики испытывали внутреннюю потребность к посещению церкви, и многие из них ходили на службы в церковь Англии потому, что не хотели уподобляться сепаратистам, сектантам. В начале XVII в. были случаи строительства новых часовен для католических служб, но мессу всё же служили главным образом дома.

Проблемой для католиков был брак с протестантами. Католические священники выступали против него, и джентри старались избегать межконфессиональных браков, но среди представителей остальных социальных групп в английском католическом сообществе, как считает Дж. Босси, не прослеживается значительного распространения предубеждений против межконфессиональных браков. Священники-семинаристы проповедовали идею, что крещение, брак, погребение, как и посещение церкви, не должны были быть поводом для общения с еретиками, но церковные суды до гражданской войны оказывали сильное давление на католиков в этих вопросах: парламентский статут 1606 г. налагал штраф в 100 фунтов за крещение вне англиканской церкви⁶⁸.

Католики не были слишком обеспокоены тем, что англиканская церковь требовала обязательного оформления брака по своему обряду, даже когда статут, принятый в правление Якова I, объявил незаконным католический брак в рамках обычного права Англии. Католики пытались в этом вопросе отстаивать точку зрения, согласно которой брак был соглашением частных лиц, но, в соответствии с постановлением Тридентского собора, только присутствие священника при заключении брака делало его законным и позволяло рассматривать как таинство, что было признано английскими католиками только после принятия в Англии Акта о браках в 1753 г. Впервые в 1637 г. Суд архиепископа Йоркского признал законным брак, заключенный священником-семинаристом в присутствии двух других таких священников, и этот случай в последующем играл роль прецедента. Проблемы возникали и с католическими похоронами. Католики стремились попасть на приходское кладбище, англиканские же священники не пускали их, поскольку католики-рекузанты умирали без причастия, в результате чего католиков, бывало, хоронили в поле, в саду, на дорогах. Многие сельские общины не одобряли эту неуступчивость англиканских священников, в результате чего католиков хоронили по большей части ночью. В 1630-х гг. англиканские церковные суды стали уступать в делах, связанных с похоронами католиков. После 1791 г. у католиков возникло стремление хоронить единоверцев на своих отдельных кладбищах. В результате процессов обособления в соблюдении календаря, религиозной службе, крещении, оформлении брака и совершении

⁶⁸ Bossy J. *The English Catholic Community, 1570—1850*. — London, 1975. — P. 111—119, 124, 133.

похорон, по мнению Дж. Босси, английское католическое сообщество в полной мере сформировалось только примерно к 1700 г.⁶⁹

Исследователи также обсуждают вопрос о том, в какой степени в народе во второй половине XVI—XVII вв. сохранялась приверженность традиционной религиозности, о чём можно сделать вывод, если выявить, заключались ли браки во время Великого и рождественского постов. Соблюдение постов в виде воздержания критиковалось пуританами, а церковь Англии, не делая на этом особого акцента, фактически одобряла такого рода воздержание. Материалы, сохранившиеся в городе Йорке, демонстрируют, что в народе воздержание от брака в связи с соблюдением постов ещё заметно прослеживалось на рубеже XVI—XVII вв. и почти что исчезло к 1750 г. Постепенно браки становились равномерными по частоте заключения в течение года, в то время как ранее традиционно самым популярным месяцем был ноябрь. Дж. Босси предполагает, что традиционная религиозность стала заметно ослабевать в течение первой половины XVII в., а после 1650 г. от неё стала отходить большая часть англичан. У католиков стал также утверждаться сходный с протестантским ритм недели с соблюдением воскресного дня, но время этих изменений было более поздним, чем у протестантов, отставая примерно на полвека. Обобщая причины, которые поддерживали существование английского католицизма, Дж. Босси выделяет факторы, которые могли способствовать образованию и сохранению католических общин в Англии: семейная приверженность католицизму в среде землевладельческого класса; организаторская роль талантливого священника; существование локального консенсуса по какой-то причине, когда этот консенсус мог получить и религиозное подкрепление путем исповедания католицизма; родственные связи, личный выбор; внешние преследования и давление, которые могли способствовать консолидации на основе исповедания католицизма. Как считает Дж. Босси, патриархальный характер английской общественной жизни раннего нового времени не лишал человека возможности свободы выбора религиозных верований⁷⁰.

Исследователи обсуждают также вопрос о роли женщин в английском католическом сообществе, хотя гендерная методология в изучении религиозности в Англии XVI—XVII вв. историками ещё не апробировалась. В католической среде, с одной стороны, находят свидетельства существования антифеминизма, но в то же время можно утверждать, что на сохранение католицизма оказали значительное влияние женщины и их религиозность. В работе «Англия в правление Елизаветы» (1951) известный английский историк А.Л. Роуз высказал мнение, согласно которому существование английского католицизма основывалось на серии «государственных переворотов», которые были совершены агрессивными женами-католичками, которые не встретили сопротивления со стороны «мужей-подкаблучников»⁷¹. В определённом смысле, как считает

⁶⁹ Ibid. — P. 136—137, 142—144.

⁷⁰ Ibid. — P. 145—150.

⁷¹ Rowse A.L. The England of Elizabeth. The Structure of Society. — New York, 1951. — P. 430, 453, 458.

Дж. Босси, эти рассуждения верны и обладают влиянием среди историков, поскольку о большой роли женщин, особенно жён в семьях, в ранней истории английского постреформационного католицизма свидетельствовали также очень многие современники⁷².

По мнению Дж. Скарисбрика, женщины играли видную роль в поддержании католического рекузанства частично потому, что «домашний» католицизм придавал им заметную роль, частично потому, что их мужья часто становились конформистами, чтобы спасти своё наследство и карьеру. Женщины часто более ответственно и серьёзно относились к религии, не исключено и влияние каких-то других причин. Среди женщин тоже бывали случаи перехода в протестантизм, но всё же больше для них было характерно постоянство в приверженности католицизму⁷³.

Нонконформизм в религиозности, по крайней мере, во второй половине XVI—первой половине XVII в., по-особому привлекал женщин. К. Томас отмечает, что женщины во всех религиозных группах, существовавших в английском обществе, имели относительно больше времени для религиозных размышлений, к тому же, например, часто получали травматический психологический опыт при деторождении и в молитвах обращались к помощи высших сил⁷⁴. Дж. Босси приводит данные о женском влиянии на исповедание католицизма по материалам *response* (ответы тех, кто поступал в католические семинарии на континенте). В таких семьях, если родители были разного исповедания, в подавляющем большинстве случаев мать была католичкой⁷⁵. Дж. Эйвлинг показал, что 200 из 300 католических семей в Йоркшире можно считать своего рода «матриархальными»: среди них были семьи, возглавляемые вдовами, семьи с мужем-протестантом или «церковным папистом», посещавшим службы в англиканской церкви⁷⁶. При отсутствии у многих английских католиков возможности регулярного общения со священником руководство религиозной жизнью семьи тоже могло перейти к женщинам⁷⁷.

Дж. Босси считает, что у женщин, особенно из высших классов, были причины для недовольства Реформацией. Если женщина выходила замуж, в связи с утверждением протестантизма из-за упадка в соблюдении постов и десакрализации религиозных праздников женщина лишилась целого ряда функций, которые она ранее обычно выполняла, когда следила за соблюдением в доме поста и требуемого в такое время воздержания. Если женщина оставалась вне брака, в результате Реформации она лишилась возможности уйти в монастырь. Протестантизм также не давал возможности иметь семейного священника, через которого можно было

⁷² Bossy J. *The English Catholic Community, 1570—1850*. — London, 1975. — P. 155.

⁷³ Scarisbrick J.J. *The Reformation and the English People*. — Oxford, 1984. — P. 152.

⁷⁴ Thomas K. *Women and the Civil War Sects // Crisis in Europe, 1560—1660 / Ed. by T. Aston*. — London, 1965. — P. 331—333.

⁷⁵ Bossy J. *The English Catholic Community, 1570—1850*. — London, 1975. — P. 157—158.

⁷⁶ Aveling J.C.H. *Catholic Households in Yorkshire, 1580—1603 // Northern History*. — 1980. — Vol. XVI. — P. 85—101.

⁷⁷ Holmes P. *Resistance and Compromise*. — Cambridge, 1982. — P. 83—84, 113—115.

воздействовать на домашних в воспитательных целях. Церковный протестантизм, в отличие от сектантского, мог угнетающе действовать на сознание женщины тем, что насаждал мысль о том, что для спасения необходима грамотность. В целом Дж. Босси полагает, что есть основания для заключения о том, что английское католическое сообщество в значительной степени обязано своим существованием жёнам-католичкам в среде джентри, которые были не удовлетворены Реформацией, и женщины, по его словам, даже сыграли «ненормально большую роль в ранней истории английского постреформационного католицизма». По его мнению, этот период очень большого влияния женщин закончился в английском католицизме, по всей видимости, около 1620 г., по двум причинам. К этому времени риск разорения католиков штрафами и конфискацией имущества заметно уменьшился, и мужья в семьях там, где они были католиками, уже могли не скрывать свои религиозные взгляды. Около 1620 г., считает Дж. Босси, также стали практически исчезать «церковные паписты», поскольку подобную стратегию поведения было невозможно передать по наследству детям, и представители следующего поколения уже выбирали одно определённое исповедание — католицизм или протестантизм. Все труднее стало также заключать браки, в которых супруги принадлежали бы к разным исповеданиям. С 1580-х гг. протестанты обсуждали идею об отделении от родителей-католиков их детей и выдвигали соответствующие парламентские законопроекты, ни один из которых не был принят⁷⁸.

Женщины-рекузантки в 1560—1640 гг. составляли особую группу, которую даже выделяло государство, пытавшееся разработать специальные меры для контроля над ними. Среди женщин-католичек старые девы и вдовы рассматривались как правоспособные и подлежащие ответу за исповедание католицизма уплатой штрафов и даже, по усмотрению властей, заключением под стражу. При этом, хотя мужа формально не обвиняли в том, что его жена-католичка, общественное мнение было сильно настроено в пользу того, чтобы глава семейства обеспечивал конформизм всей семьи в том, что касалось религиозных верований⁷⁹. Но историками выявлены также и случаи, когда женщины-католички в случае их преследования за религиозные взгляды начинали защищаться ссылками на свою половую принадлежность⁸⁰.

Исследователи охарактеризовали также систему мер, которая применялась английскими властями в борьбе с католиками. С 1581 г. мировые судьи, согласно «Акту об удержании королевских подданных в должном повиновении», отвечали за поддержание религиозного единообразия в графствах. Трудность борьбы с жёнами-рекузантками состояла в том, что, хотя их можно было осуждать, их нельзя было штрафовать, и при жизни мужа на имущество семьи не налагались аресты, а у жены обычно в семье не было права на самостоятельное распоряжение имуществом.

⁷⁸ Bossy J. *The English Catholic Community, 1570—1850*. — London, 1975. — P. 158—162.

⁷⁹ Rowlands M.B. *Recusant Women 1560—1640 // Women in English Society, 1500—1800* / Ed. by M. Prior. — London and New York, 1985. — P. 149—150.

⁸⁰ McGurke J.N. *Lieutenancy and Catholic Recusants in Elizabethan Kent // Recusant History*. — 1973—1974. — Vol. 12. — P. 161.

Только после смерти мужа можно было наложить арест на 2/3 имущества семьи, и, например, по данным переписи казначейства 1593—94 гг., среди 450 случаев такой конфискации имущества католиков было 60 случаев конфискации имущества у женщин-католичек⁸¹.

На практике единственным эффективным наказанием для замужних женщин-католичек было тюремное заключение, и власти шли на это. В 1580—1594 гг. в Йорке в тюрьме сидели 30 женщин, 11 из которых умерли в заключении. Власти не хотели содержать в тюрьме слишком большое количество католиков из числа бедняков, потому что жалели средства на их пропитание, и поэтому бедных отпускали на поруки⁸². Рекузанты пытались также не являться в суд, за что наказанием в светских судах было объявление вне закона, что нельзя было применить к замужней женщине⁸³.

В 1610 г. палата общин перевесом в три голоса (91 против 88) приняла решение требовать от замужних женщин-рекузанток принесения клятвы о верности монарху, и в следующие 10 лет частыми были их осуждения и даже заключение под стражу за отказ от этой клятвы⁸⁴. Мужу жены-рекузантки запрещалось занимать общественные должности. Его штрафовали на 100 фунтов в случае, если кого-то из его семьи крестили или хоронили не по обрядам установленной церкви. Штраф в 10 фунтов грозил домохозяевам, у которых слуги, гости или дети старше 9 лет отказывались посещать церковь. Вдова-рекузантка после смерти мужа теряла 2/3 от её приданого или свою вдовью долю, могла потерять всю долю мужа в том или ином предприятии, ей могли запретить быть душеприказчиком или управляющим имуществом умершего мужа. Но после 1620 г. произошел резкий упадок в числе случаев преследований рекузантов среди замужних женщин и бедных, у которых было невозможно конфисковать имущество, а остальные католики стали откупаться уплатой штрафов, что пополняло казну. Как считает М. Роулэндс, английское государство отступило от решения проблемы с приведением к конформизму замужних женщин-католичек⁸⁵.

Женщины также часто фигурировали в делах об укрывательстве католических священников, и в среде английских католиков уже в XX в. были созданы агиографические по характеру образы нескольких женщин (Маргарет Клитероу, Дороти Лоусон, Энн Вокс), сыгравшие роль в биографиях преследуемых католических священников⁸⁶. Иезуит Генри

⁸¹ Rowlands M.B. *Recusant Women 1560—1640* // *Women in English Society, 1500—1800* / Ed. by M. Prior. — London and New York, 1985. — P. 151.

⁸² Wark K.R. *Elizabethan Recusancy in Cheshire*. — *Chetham Society 3rd Series XIX*. — 1971. — P. 19.

⁸³ Rowlands M.B. *Recusant Women 1560—1640* // *Women in English Society, 1500—1800* / Ed. by M. Prior. — London and New York, 1985. — P. 152.

⁸⁴ Aveling J.C.H. *The Marriages of Catholic Recusants 1559—1642* // *JEH*. — 1963. — Vol. XIV. — P. 68—83.

⁸⁵ Rowlands M.B. *Recusant Women 1560—1640* // *Women in English Society, 1500—1800* / Ed. by M. Prior. — London and New York, 1985. — P. 156.

⁸⁶ John Gerard, *The Autobiography of an Elizabethan* / Ed. by P. Caraman. — London, 1951; William Weston, *The Autobiography of an Elizabethan* / Ed. by P. Caraman. — London, 1955; Hanlon J.D. *They Be but Women* // *Renaissance to Counter-Reformation: Essays Presented to Gerard Mattingley* / Ed. by C.H. Carter. — London, 1966. — P. 367—393.

Гарнет настраивал жён-католичек на то, что они не подвластны мужьям в том, что касается их души. Католические священники требовали, чтобы их подопечные не забывали о своем религиозном долге, даже ценой конфликта с государственной властью. Дж. Эйвлинг на материалах Йоркшира сделал вывод, что рассказы о женском героизме в укрывательстве католических священников были пересказом нетипичных случаев, поскольку, по его данным, лишь очень немногие дома католиков постоянно давали приют священникам⁸⁷. Из казнённых за укрывательство католических священников светских лиц было 3 женщины из 30 человек: Маргарет Клитероу, Маргарет Уорд и Энн Лайн⁸⁸.

Выявлено, что в постреформационный период в сознании католиков стали вырисовываться новые черты в образе женщины по сравнению со средневековым пониманием женщины как причины всего зла, источника искушения и раздоров для мужчин. Иезуиты проповедовали идею о том, что слабая женская природа при правильном духовном руководстве может добиваться очень многого. В женской литературе постреформационного времени у католичек стали встречаться рассуждения о том, что, напротив, мужчины, в отличие от женщин, слабовольны и малодушны⁸⁹.

Период Контрреформации отличался всплеском активности в деятельности по основанию монашеских орденов, что частично затронуло и Англию. В 1597—1642 гг. с участием англичанок было основано 17 монастырей, принадлежавших к восьми орденам. Из Англии в эти монастыри уехали по крайней мере 300 девушек. Большинство из них воспитывались в семьях, в которых оба родителя были католиками и вели упорядоченную религиозную жизнь. Бывали уникальные случаи, когда в семье Фрэнсиса и Кэтрин Бедингфилд (урожденной Фортескью) десять из одиннадцати дочерей и две внучки стали монахинями. Почти все монахини происходили из семей аристократии и джентри. Отдельной группой были светские сестры в ордене, часто происходившие из служанок, и занимавшиеся в монастырях хозяйственными делами и уходом за больными⁹⁰.

Контрреформационная католическая церковь всё же не допускала возможности какой-либо самостоятельной общественной деятельности и роли женщин, требуя от всех монашеских орденов уединенного закрытого образа жизни. Так в Англии была в конечном счете подавлена инициатива Мэри Уорд (1585—1645) по созданию организации женщин, обязанных обетами вести образ жизни, содержанием которого было бы стремление к

⁸⁷ *Aveling J.C.H. Catholic Households in Yorkshire, 1580—1603 // Northern History. — 1980. — Vol. XVI. — P. 85—101.*

⁸⁸ *Rowlands M.B. Recusant Women 1560—1640 // Women in English Society, 1500—1800 / Ed. by M. Prior. London and New York, 1985. — P. 157—158.*

⁸⁹ *Ibid. — P. 163—165, 175.*

⁹⁰ *Rowlands M.B. Recusant Women 1560—1640 // Women in English Society, 1500—1800 / Ed. by M. Prior. — London-New York, 1985. — P. 167; Everitt H.O. The New Orders // New Cambridge Modern History. — 1958. — Vol. IX. — P. 289—290; Guilday P. English Catholic Refugees on the Continent. — London, 1914; *Idem*. The English Colleges and Convents in the Catholic Low Countries. — London, 1914; Gillow J. A Literary of Biographical History or Dictionary of English Catholics. — London, 1885—1902. — Vol. I—V.*

духовному совершенству, молитвы, организация образования для девушек. Её организацию под названием Институт, действовавшую в 1609—1631 гг. и подчинявшуюся непосредственно папе, называли женским аналогом Общества иезуитов, что вызывало оппозицию со стороны белого духовенства, религиозных орденов, восхищение и ужас в обществе. В католической церкви, состоявшей из духовных лиц, принимавших обет безбрачия, большинство рассматривало такие женские организации как угрожающие для церкви. В 1610—1615 гг. подобные организации на европейском континенте (the Visitation Nuns, The Ursulines, the Notre Dame sisters) были вынуждены согласиться с требованием руководства церкви о переходе на закрытый образ жизни. Английские иезуиты в большинстве своём за отдельными исключениями (в том числе со стороны английского провинциала Ордена иезуитов Блаунта) были среди самых ожесточенных оппонентов по отношению к Институту Мэри Уорд. М. Роулэндс не считает закрытие Института Мэри Уорд примером конфликта с феминистским подтекстом: по её мнению, в постреформационную эпоху импровизация в изменившихся условиях жизни католической церкви в определённой мере была необходима, но женщины не могли организовывать миссии в новых регионах мира, образованных женщин в целом было немного. Эпоха больше нуждалась в авторитетных и сильных профессионалах в организации церковных дел, а не в спорных формах церковной жизни. В Англии условия деятельности католиков по общеевропейским меркам были даже более угрожающими, так что приниматься за новации в таких условиях было опасно⁹¹.

Дж. Босси не соглашается с мнением, что религия лендлорда в Англии сильно влияла на религиозную принадлежность арендаторов его земли, о чем писал К. Хилл⁹², утверждавший, что на манориальном уровне утвердилась своего рода форма принципа «чья власть, того и вера» (“*cujus regio eius religio*”). Если бы католики-лендлорды могли сильно влиять на религиозную принадлежность своих арендаторов, предполагает Дж. Босси, католиков в Англии было бы больше, хотя можно утверждать, что и в английских условиях существовала дискриминация арендаторов по признаку религиозной принадлежности, особенно на севере и в нагорьях. По его мнению, без католического джентри в Англии в течение некоторого времени существовали бы католики-рекузанты, но большой вопрос заключается в том, как долго это могло бы продолжаться, и Дж. Босси склоняется к выводу, что без католического джентри маловероятно, чтобы английское католическое сообщество смогло вообще существовать⁹³. По утверждению Д. Чэдвика, влияние английских лендлордов на социальные низы, хотя и проявлялось, но не настолько, как во Франции и в Центральной Европе, где в постреформационный период режим *cujus regio eius religio* распространился довольно широко⁹⁴.

⁹¹ *Chambers M.C.E. The Life of Mary Ward / Ed. by H.J. Coleridge. — London, 1882—1885. — Vol. I—II; Rowlands M.B. Recusant Women 1560—1640 // Women in English Society, 1500—1800 / Ed. by M. Prior. — London-New York, 1985. — P. 168—173.*

⁹² *Hill C. Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England. — New York, 1967. — P. 44.*

⁹³ *Bossey J. The English Catholic Community, 1570—1850. — London, 1975. — P. 174—181.*

⁹⁴ *Chadwick O. The Reformation. — London, 1964. — P. 148.*

Исследователи также обсуждают вопрос о численности католиков в Англии в постреформационный период. Как отмечает Дж. Эйвлинг, протестанты в начале XVII в. обычно избегали того, чтобы приводить детальные сведения о том, сколько в стране протестантов и католиков⁹⁵. А. Дж. Диккенс показал, что даже в районах наибольшего скопления католиков в Йоркшире очень тщательно проведенная перепись рекузантов 1604 г. выявила, что католики-рекузанты составляли примерно 3500 человек из всего населения, составлявшего около 300 тыс. человек, но даже в числе этих рекузантов несколько сотен человек ходили на службу в церковь Англии, отказываясь лишь подходить к причастию. Он призывает иметь в виду, что существовало большое различие между сознательными рекузантами, и теми англичанами, которые лишь отличались тяготением к консерватизму и традиционализму в своих религиозных взглядах⁹⁶.

Дж. Босси обобщил известные оценки численности католиков в начале XVII в. и предложил свой подход к решению проблемы. Для начала он посчитал целесообразным дать описательное определение тех, кого можно было отнести к католическому сообществу. Это, по его словам, верующий католик, для которого является привычным обращение к священнику, хотя оно по объективным причинам, из-за нередкой недоступности священника, могло быть и нерегулярным. Опираясь на этот критерий, считает Дж. Босси, можно исключить все туманные догадки о численности католиков, высказывавшиеся современниками в XVI—XVII вв. и влиявшие на мнения историков⁹⁷.

Оценки численности английских католиков, сделанные в первой половине XX в. А. О. Мейером и Б. Мэджи, представляются современным исследователям завышенными. А. О. Мейер воспользовался оценкой их численности, содержащейся в относящемся к 1613 г. донесении папского нунция в испанских Нидерландах Гвидо Бентивольо, который направил в Рим информацию, полученную им из какого-то английского источника, согласно которому в Англии служило около 600 католических священников, и папский нунций посчитал, что один священник может обслуживать примерно 30 семей⁹⁸. А. О. Мейер посчитал одну семью состоящей из 5—6 человек, и, чуть сделав скидку на численность семьи в меньшую сторону, предположил численность английских католиков с семьями в 120000 человек. Дж. Босси раскритиковал эту цифру, утверждая, что из ряда источников можно предположить, что в Англии служили не около 600, а около 400 католических священников. Немногие из них разъезжали по стране, поскольку значительная часть их превратилась в домашних капелланов в семьях джентри, и самые активно действовавшие из священников, по его мнению, вряд ли обслуживали более 100 душ. Следует также учесть, что в семьях джентри

⁹⁵ *Aveling J.C.H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation. — London, 1976. — P. 162.*

⁹⁶ *Dickens A.G. The English Reformation. — London, 1964. — P. 312.*

⁹⁷ *Bossey J. The English Catholic Community, 1570—1850. — London, 1975. — P. 183—184.*

⁹⁸ *Meyer A.O. England and the Catholic Church under Queen Elizabeth / Transl. by J.K. McKee. — London, 1915. — P. 63.*

были случаи, когда не вся семья была едина по вероисповеданию. Такими последовательными ограничениями Дж. Босси снижает предполагаемую численность католиков с семьями до примерно 40000 человек⁹⁹.

Б. Мэджи¹⁰⁰ при оценке численности католиков воспользовался данными об их осуждении церковными судами за отказ от посещения англиканской церкви за время правления Карла I с 1625 до 1640—1641 гг. Эти данные хорошо сохранились по 28 южным графствам Англии, фрагментарно — по 7 северным графствам, не сохранились или до сих пор не найдены в архивах по 6 остальным графствам и по Уэльсу. Численность католиков, предлагаемая Б. Мэджи, была установлена комбинированно из довольно точных цифр из статистики о деятельности церковных судов, некоторых предположений с заполнением пробелов из-за неполноты сведений о северных графствах, и предположительных цифр об остальных графствах, которые были сконструированы на основе различных известий о католиках, происходивших из данных местностей. В итоге Б. Мэджи сделал вывод, что в 1641 г. общее число католиков Англии и Уэльса, которые были осуждены как рекузанты за отказ от посещения англиканской церкви, составляло примерно 27000 человек. Цифры 1640—1641 гг., как считают исследователи, заслуживают особого внимания, поскольку на годы перед началом гражданской войны пришёлся сильный всплеск антикатолических настроений в Англии со стремлением всё узнать и выведать о «подрывной деятельности католиков в Англии». Поскольку в документах не называются имена, Б. Мэджи делает скидку на то, что некоторые католики могли быть осуждены дважды за период 1625—1641 гг., и поэтому несколько снижает оценочную численность католиков. Дж. Босси, обсуждая эти предположения, считает, что Б. Мэджи занижил численность осуждённых в это время католиков из-за недоучёта католиков Ланкашира и Стаффордшира, и предлагает довести цифру в оценке осужденных до 31000 человек.

Б. Мэджи далее предполагал, что осужденные католики, естественно, не составляли всего числа английских католиков этого времени. Некоторые католики также не были рекузантами и ходили в англиканскую церковь. Многие католики избежали представления в церковные суды из-за недосмотра церковных старост, из-за экономического и политического влияния в данной местности. Некоторые из католиков были представлены в церковные суды, но не осуждены. Б. Мэджи прибавил к этому числу детей из католических семей, которых нельзя было осудить как рекузантов, и в итоге он удвоил первоначальную цифру и получил 54000. Эту цифру можно было, на его взгляд, считать близким к действительности числом рекузантов. Б. Мэджи считал также, что в 1641 г. среди католиков были ещё и так называемые «церковные паписты» — те из католиков, которые ходили в англиканскую церковь. В целом осужденные рекузанты составляли одну треть или четверть от общего числа католиков, так что Б. Мэджи утверждал, что «разумной» можно считать численность като-

⁹⁹ Bossy J. The English Catholic Community, 1570—1850. — London, 1975. — P. 190.

¹⁰⁰ Magee B. The English Recusants. — London, 1938. — P. 94—112.

ликов в Англии в 1641 г. примерно в 200000 человек, а предположительно считал даже возможным увеличить ее до 500000 человек¹⁰¹.

Дж. Босси привел свои аргументы также и против этой схемы рассуждений. Католики, ходившие в англиканскую церковь, по его мнению, имеющему опору и в других материалах, к 1641 г. практически исчезли. Не было также большой разницы в численности между представленными в церковные суды католиками и теми, что в итоге были осуждены. Дети по статуту 1606 г. должны были посещать церковь с 9 лет, и вряд ли стоит так значительно увеличивать число католиков за счёт неучтенных якобы детей, как это делает Б. Мэджи. Так что «разумной догадкой» в отношении численности католиков в Англии в 1641 г. Дж. Босси считает цифру чуть менее 50 тыс. человек. К ней можно сделать поправку в сторону увеличения, имея в виду то, что власти кого-то не смогли обнаружить, но не более, чем на 10 тыс. человек, и численность всех католиков, мужчин, женщин и детей, в Англии и Уэльсе этого времени Дж. Босси склонен определять примерно в 60000 человек¹⁰².

Дж. Босси предлагает также свой подход к решению вопроса о численности католиков в начале XVII в. Он привлекает достоверные, по признанию британских историков, данные 1603 г. о количестве осуждённых по английским епархиям рекузантов, в которых насчитывается 8590 или 8630 (из-за разногласий в 40 человек по Честерской епархии) рекузантов, и 2,5 млн. человек, принимавших причастие в англиканской церкви (принятие причастия, а не посещение церкви, как подчёркивают историки, является важнейшим критерием принадлежности к англиканской церкви). П. Мак-Грат воспроизводит эти же цифры из работы Р.Г. Ашера¹⁰³.

Дж. Босси предлагает удвоить цифру 8590, предположив, что церковные власти обнаружили каждого второго из католиков, и предположить численность католиков в 17180 как промежуточный итог в вычислениях, хотя обнаружение каждого второго, возможно, следует считать завышением сыскных способностей церковных властей. Эти 8590 католиков составляют в данном подсчёте не подходившие к причастию «церковные паписты» — католики, ходившие в церковь, которые в 1603 году ещё встречались. На следующей ступени рассуждений Дж. Босси вводит ещё более предположительные цифры. Для вычисления количества не подходивших к причастию он вводит промежуточную цифру: 8590 (не подходившие к причастию католики, а также «церковные паписты») + 50% увеличение их возможного количества из-за неэффективности в действиях властей (это даёт цифру 4295) = 12885, и из них же именно не подходившие к причастию составляли 50% от 12885, то есть 6443 человека. Эту цифру он прибавляет к 17180 и получает 23623 взрослых католика. Дальше Дж. Босси вычисляет предположительную численность детей, сравнив количество детей у подходивших к причастию в англиканской церкви с относительно

¹⁰¹ Ibid. — P. 111, 116.

¹⁰² Bossy J. The English Catholic Community, 1570—1850. — London, 1975. — P. 188.

¹⁰³ Usher R.G. Reconstruction of the English Church. 2 vols. — New York — London, 1960. — Vol. I. — P. 158; McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 399.

соответствующим этому соотношению числом детей у католиков, что дает ему цифру в 15749 (доля детей католиков в сравнении с числом детей, подходивших к причастию в англиканской церкви, увязанная с долей католиков в населении страны). Долю детей в английском католическом сообществе Дж. Босси определяет в 40% от численности всего сообщества. Общее число католиков в Англии, получающееся у него по данным 1603 г., составляет $23623 + 15749 = 39372$ человека взрослых и детей. Дж. Босси считает, что все другие имеющиеся в распоряжении исследователей данные не дадут основы для более точных вычислений, претендуя на то, что он предлагает наиболее адекватное из возможных и доступных на основе имеющихся источников решений вопроса о численности католиков.

Накануне гражданской войны, по мнению Дж. Босси, католиков в Англии было гораздо меньше, чем представлялось английским протестантам, и страхи перед ними, нагнетание истерии о широком распространении католицизма были необоснованными. Оценивая тенденции в эволюции численности английских католиков, Дж. Босси считает, что с середины XVII по середину XVIII в. их численность была стабильной, несколько уменьшившись, возможно, в конце XVII в., но затем она стабилизировалась¹⁰⁴.

Относительно подсчетов численности католиков в Англии, которые предпринял Дж. Босси, А. Дюре замечает, что у Дж. Босси есть некоторые небезупречные предпосылки в выяснении соотношения католических священников и католиков: например, географическое распределение священников-миссионеров и районов с наибольшей численностью католиков не было равномерным, а Дж. Босси предполагает, что каждый священник обслуживал в среднем 20 семей, что в каждой семье было примерно 5 человек. А. Дюре считает, что не были полностью различными группы «церковные паписты» и рекузанты, и в них происходили взаимопереходы, у многих глав семей английских католиков были периоды, когда они становились конформистами, так что А. Дюре утверждает, что подсчеты Дж. Босси можно использовать лишь со значительной осторожностью¹⁰⁵.

Дж. Босси рассматривает также вопросы, связанные с изучением комплектования английских католических семинарий на континенте. Он предполагает, что комплектование католического духовенства в Англии в постреформационный период прошло три заметно выраженные стадии. Первая из этих стадий продолжалась примерно до 1610 г. На этой стадии джентри и остальные социальные группы в английском католическом сообществе поставляли примерно равную долю священников, и даже некоторое численное преобладание принадлежало не джентри, а выходцам из остальных слоев английского общества. Применительно к этому времени известно социальное происхождение 124 обучавшихся в семинарии в Риме и 222 обучавшихся в английской католической семинарии в Вальядолиде. В Риме 58 человек (47%) происходили из джентри, в Вальядолиде выходцы из джентри составляли 109 человек (49%). Эти цифры очень близки к име-

¹⁰⁴ Bossy J. The English Catholic Community, 1570—1850. — London, 1975. — P. 192.

¹⁰⁵ Dures A. English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 57.

ющимся данным о социальной принадлежности католиков-мирян, казнённых за свои католические убеждения в правление Елизаветы, так что Дж. Босси склонен считать их заметно выраженным общим явлением.

Следующая фаза в комплектовании английского католического священства начинается довольно резко около 1610 года, и продолжалась она до времени вскоре после реставрации Стюартов. В это время английское католическое духовенство в преобладающей степени рекрутировалось из числа джентри. Со времени бегства из Англии Якова II в 1688 г. начинается третья стадия в комплектовании английского католического священства, продолжавшаяся до конца XVIII в., которая характеризовалась прогрессирующим уменьшением численности выходцев из числа джентри среди католического священства, так что их доля снизилась до 37%. Источник для этих выводов — анкеты в семинариях Дуэ, Рима, Вальядолида, которые заполнялись при поступлении, в той мере, насколько эти анкеты сохранились. Эти выводы касаются белого духовенства. В католических орденах, готовивших священников для Англии, подобные записи о социальном происхождении вступавших в них, как предполагает Дж. Босси, не велись. Дж. Босси по этому поводу отмечает, что можно опереться лишь на данные 1773 г., приведённые в работе об английских иезуитах¹⁰⁶, где говорится, что чуть менее трети иезуитов-миссионеров в Англии принадлежали по происхождению к джентри. В работе Б. Бассета¹⁰⁷ утверждается, что в течение всего времени деятельности английских иезуитов на родине примерно треть из их числа происходила из джентри, но автор не обосновывает этот вывод какими-либо конкретными данными. Дж. Босси считает, что в XVII в., судя по разным отзывам из многих источников, которые, правда, невозможно перевести в статистические подсчеты, можно предполагать, что доля выходцев из джентри среди английских иезуитов была выше одной трети от их общего числа, поэтому, на его взгляд, можно утверждать, что закономерности, выявленные в комплектовании английского католического белого духовенства, могут быть экстраполированы на понимание того, как в целом происходило рекрутирование католического духовенства в Англии в постреформационный период. В английских католических семинариях за рубежом в конце XVI—начале XVII в., отмечает Дж. Босси, нарастали материальные трудности, сокращалось число обучавшихся. Это побуждало принимать на обучение студентов с учётом способности заплатить за учёбу, но потом такие студенты по окончании обучения, бывало, отказывались принимать священнический сан¹⁰⁸.

Дж. Босси изучал также вопросы, связанные с организацией отправки английских священников-семинаристов на родину, их передвижением по территории Англии. С 1578 по 1590 гг. большинство английских католиков выезжали в Англию через французские порты. После 1589 г. из-за религиозной войны во Франции стала использоваться также территория Испании. Из Ис-

¹⁰⁶ Records of the English Province of the Society of Jesus / Ed. by H. Foley. — 8 vols. — London, 1877—1883. — Vol. VII. — Part I. — P. CXXVI—CXXVIII.

¹⁰⁷ Basset B. English Jesuits. — London, 1967. — P. 276.

¹⁰⁸ Bossy J. The English Catholic Community, 1570—1850. — London, 1975. — P. 198—201.

пани английские католики отправлялись на родину, бывало, через ирландские порты Уотерфорд и Корк, или французские порты Нант и Ла-Рошель¹⁰⁹.

Дж. Босси выступает против попыток рассматривать религиозные направления и течения в XVI—XVII вв. как «правые» и «левые», когда нонконформистов и диссидентов причисляют к «левым», а установленную церковь Англии помещают в центре политического спектра. Полностью исключить такие сравнения, полагает Дж. Босси, невозможно, но они не должны быть прямолинейными. К тому же отождествление диссидентов с «левыми», имея в виду протестантов, на его взгляд, просто фактически неверно — католики тоже были своего рода диссидентами, но не «левыми». Вместе с тем, английская Реформация породила учения, взгляды носителей которых не попадали без оговорок в протестантские: это квакеры. Отстаиваемая квакерами доктрина о том, что в душе человека обитает Дух, внутренний духовный свет, напоминает крайнюю версию протестантского учения о всеобщем священстве, но доктрина о таком обитании Духа в душе человека не совместима с главными протестантскими принципами: с важнейшей ролью Св. Писания в жизни христианина, с доктриной оправдания одной лишь верой, и вдобавок к этому квакеры превратили в не-обязательное верование учение о божественности Христа. Верования квакеров сравнивают с предреформационными духовными и мистическими течениями, которые в Англии могли быть распространены сектой «семья любви» (фамилистами). С одной стороны, квакеры возникли в контексте развития крайних вариантов пуританизма, но в то же время, по мнению Дж. Босси, заявления создателя организации квакеров Джорджа Фокса о том, что он отвергает все «понятия» и «профессии» представляют собой отход от обычных протестантских взглядов. Некоторые современники-пресвитериане даже утверждали, что квакеры — это замаскировавшиеся католики, проповедующие взгляды, противоположные протестантской религии. Дж. Босси считает, что квакеры с их идеями о необходимости мира и дружбы между людьми, верой в возможность чудесного излечения сохранили архаический дух дореформационного христианства, и ещё по этой причине к проповедям квакеров прислушивались в более традиционном по характеру обществе северной Англии, причём здесь с квакерами дружелюбно уживались католики¹¹⁰.

Дж. Босси придерживается мнения, что английских диссентеров можно разделить на протестантскую и непротестантскую ветви. К протестантской следует отнести продукты развития пуританизма: ранних пресвитериан, конгрегационалистов, баптистов, методистов. К непротестантской ветви он относит католиков, квакеров и последователей унитаризма¹¹¹.

К настоящему времени в британской историографии изучены вопросы, связанные с распространением католицизма по территории страны, определением численности католиков в Англии в XVI—XVII вв. Сове-

¹⁰⁹ Bossy J. Rome and the English Catholics: A Question of Geography // Historical Journal. — 1964. — Vol. VII. — № 1. — P. 135—149.

¹¹⁰ Bossy J. The English Catholic Community, 1570—1850. — London, 1975. — P. 393.

¹¹¹ Ibid. — P. 396.

менные историки уделяют внимание также изучению внутренней жизни английского католического сообщества, событийной стороне его существования, обрядности и повседневной жизни. В изучении английского католицизма есть материалы, на основе которых возможны статистические подсчёты, но тяготение к повествовательному стилю со сдержанностью в обобщениях, вниманием к индивидуальности остается присущим большинству историков, хотя исследователи, занимающиеся изучением английского католического сообщества, испытали некоторое влияние методологических подходов социальной истории.

Исследователи отмечают, что английское католическое сообщество XVI—XVII вв. было продуктом исторических условий эпохи Контрреформации: образ жизни набожного католического семейства с постоянно совершавшимися мессами, семейными молитвами и соблюдением всех обрядов был, если вдруг отвлечься от конкретно-богословских разногласий между католиками и протестантами, удивительно близок к протестантскому идеалу реформированной домашней религиозной жизни. По оценке Дж. Скарисбрика, постреформационный английский католицизм имел характер деинституционализованной «церкви в диаспоре» с доминирующей ролью светских лиц, но подобного же повышения роли светских лиц в церкви как своей цели добивался протестантизм¹¹².

Дж. Скарисбрик отмечает сходство пуританизма и постреформационного католицизма: и тот, и другой имели миссионерские наклонности, стремление к проповеди Евангелия и приобретению душ, были убеждены в собственной праведности, были многим обязаны светской поддержке и патронажу, поддерживали домашнюю религиозность, опирающуюся на женщин. И католицизм, и пуританизм отличались энергичностью, в полной мере использовали печатный станок и полемические произведения, духовные руководства и катехизисы. И Реформация, и Контрреформация были дисциплинирующими и в определенном смысле «пуританскими» движениями.

Католики сохранялись в Англии, как считали протестанты, также благодаря тому, что многие англичане не хотели доносить на соседей. Терпимость в отношении к католикам проявлялась и в том, что режим в тюрьмах в содержании католиков во многих местах был вольным — известны случаи, когда сидевшие в тюрьме католические священники служили там мессы, более того, на эти мессы приходили желающие извне тюрьмы¹¹³.

Дж. Босси писал о существовавшем среди английских католиков различии между лоялистским, традиционалистским католицизмом и воинственным, ультрамонтанским и про-испанским католицизмом, инспирированным иезуитами среди англичан¹¹⁴. Но Дж. Скарисбрик считает, что среди английских католиков ярый воинственный католицизм, открытые призывы к испанскому вторжению впервые проявились уже во время восстания 1569 г. и не были совершенной новостью в 1580-е гг. Наоборот,

¹¹² Scarisbrick J.J. *The Reformation and the English People*. — Oxford, 1984. — P. 150.

¹¹³ Ibid. — P. 177.

¹¹⁴ Bossy J. *The Character of Elizabethan Catholicism // Past & Present*. — 1962. — № 21. — P. 39—59.

новым было то, что в начале 1580-х гг. иезуит Эдмунд Кэмпион попытался обратиться от имени английских католиков с петицией о терпимости к королеве. Дж. Скарисбрик считает, что применительно к Англии трудно провести различие между светским католицизмом (и особенно католицизмом джентри) и «ярым» клерикальным католицизмом. В католической миссии в Англии также совместно работали священники времён Марии, священники-семинаристы, иезуиты, так что схему эволюции в деятельности католиков, по мнению Дж. Скарисбрика, вывести нелегко. Хотя были ситуации, когда какие-то семьи предпочитали иметь священником иезуита или представителя белого духовенства, неизвестны случаи, когда кто-то целенаправленно звал к себе только представителя какой-то из этих групп духовенства по идеологическим соображениям. Какой-то особой стойкостью те или иные категории английских католиков тоже не отличались, и были примеры трусливых священников и мужественных светских лиц. Дж. Скарисбрик считает, что не следует воспринимать английский католицизм только лишь как «сеньериальный» католицизм джентри, поскольку в сопровождении католических священников по территории страны, в их укрытии, в распространении католической литературы участвовали также простые люди. По доносам агентов было известно о работе в Лондоне врачей, хирургов, аптекарей с репутацией католиков¹¹⁵.

Дж. Эйвлинг проделал важное сравнительное исследование английского католического и протестантского духовенства в XVI—XVII веках, впервые подойдя к этим проблемам в подобном ракурсе и предложив ряд обобщений¹¹⁶. На английский постреформационный католицизм, полагает Дж. Эйвлинг, повлияло существовавшее в позднесредневековом католическом богословии на континенте направление *Devotio Moderna* с его тяготением к исправлению положения в церкви через изменения в индивидуальной религиозности, через молитву при сдержанном отношении к академическому богословию и церковным властям. По этим причинам, как считает Дж. Эйвлинг, у английских католиков и появилось стремление к противостоянию иезуитам, к основанию английских монастырей в 1590-е гг. на континенте, тяготение в бенедиктинские монастыри. Проявилось в английском католицизме и влияние гуманизма, что привело к повышению уровня библеистики, стремлению к изучению отцов церкви, тяготению к раннему христианству, а также к упрощению и очищению религиозной жизни, росту образованности, избавлению от легализма, бюрократизма и суеверий. Влияние гуманизма на английский католицизм проявилось также в восприятии форм и стиля гуманистической литературы, методов преподавания, использовавшихся в семинариях иезуитами¹¹⁷.

В английском католицизме был ещё один мотив — экстремистские средневековые клерикальные притязания духовных лиц на то, чтобы быть при-

¹¹⁵ *Scarisbrick J.J. The Reformation and the English People.* — Oxford, 1984. — P. 153, 158.

¹¹⁶ *Aveling J.C.H. The English Clergy, Catholic and Protestant, in the 16th and 17th Centuries // Rome and the Anglicans: Historical and Doctrinal Aspects of Anglo-Roman-Catholic Relations.* — Berlin — New York, 1982.

¹¹⁷ *Ibid.* — P. 90.

вилегированной социальной группой, контролирующей мораль светского общества, что усиливалось агрессивным утверждением божественного происхождения власти папы и непогрешимости католицизма в доктрине и практике. Ещё одно течение в английском католицизме называют «моральным августинианством», проявлявшимся в одержимости размышлениями о предопределении и избранности, действии божественной благодати, поиске чистоты намерений и мотивов человека. Эти идейные течения в английском католицизме боролись и сталкивались, а к 1580—90-м гг. стала проявляться тенденция к ограничению использования гуманистических авторов за их «язычество»¹¹⁸. Дж. Эйвлинг считает, что решающая организующая роль иезуитов в английской миссии, которой были недовольны апеллянты, имела своей альтернативой только хаос в семинариях и в деятельности миссии в Англии. Взгляды апеллянтов конца XVI—начала XVII в. на отношения между католиками и государством Дж. Эйвлинг называет «генрихианскими», имея в виду Генриха VIII, поскольку апеллянты фактически признавали право государства определять положение церкви в обществе. При этом среди английских католиков были широко распространены вынужденные компромиссы с условиями пребывания в стране, в которой у власти находились протестанты — отрицание права папы низлагать монархов, отказ считать смертными грехами «церковный папизм»¹¹⁹.

Оценивая приезжавших в английские католические семинарии на континенте (Дуэ, Реймс, Рим, Вальядолид) из Англии, исследователи выявили, что мотивы приезда поступавших учиться и преподавать в эти учебные заведения были очень разными. Некоторые из них искренне обращались в католицизм, но были и такие, кто закончил университет в Англии и не мог найти работу, или впадал в угнетенное душевное состояние от перспективы служить в удаленном сельском приходе. В лучшие годы число студентов в английских семинариях доходило до 250 человек, и в 1580—90-е гг. они отправляли в Англию ежегодно в среднем 25—30 выпускников. Некоторые из учившихся в семинариях принимали посвящение в духовный сан задолго до окончания учебного курса. Часть выпускников получала степени бакалавров и докторов, но один из лидеров английских католиков-эмигрантов Уильям Аллен очень критично относился к качеству полученных ими степеней, в то же время признавая, что слишком учёные священники не нужны английской католической миссии — для них был достаточен короткий практический курс обучения, а также «ненависть к ереси», знание текста Писания, чтобы подготовиться к спорам с «еретиками». Отношение руководителей английской католической эмиграции к английской католической миссии тогда, когда они не спорили с противниками, а реально смотрели на её жизнь, было очень сложным — они осознавали отчаянность положения, считали, что бедствия пришли в Англию за её грехи: вокруг было полно еретиков, схизматиков, карьеристов, сторонников компромисса, политиканов, целагианцев, так что оставалось только молиться и

¹¹⁸ Ibid. — P. 91.

¹¹⁹ Ibid. — P. 92.

читать Книгу пророка Даниила и Апокалипсис. Такая ментальность была средневековой по характеру: хотя в ней присутствовали рационализм и осознание возможности возникновения новых ситуаций, происходящее осмысливалось в рамках августинианского мировоззрения¹²⁰.

Дж. Эйвлинг полагает, что в конце XVI в. началось своего рода «застывание» деятельности английской католической миссии под влиянием действия социально-экономических факторов, а также интересов консервативного католического джентри, превращавших католических священников в зависимых от себя в материальном отношении. Дж. Эйвлинг выделяет в составе английских католических духовных лиц мучеников, казненных английскими властями и превратившихся в объект почитания католиков-англичан, иезуитов и связанных с ними игнацианцев (так называли воспитанников иезуитов или тех, кто в частном порядке давал обещание вступить в орден иезуитов), а также апеллянтов. Каждая из этих трёх групп оставила письменные свидетельства своей деятельности: «краткие жизнеописания», увещательные-успокаивающие последние письма мучеников; воспоминания иезуитов; переписка и памфлеты апеллянтов. Эти три группы составляли меньшинство английских католиков, и было ещё также большинство, оставшееся во многом «молчаливым большинством». Рим, по оценке Дж. Эйвлинга, не смог предотвратить конфликты в среде английских католиков — частые попытки курии опираться в английских делах на иезуитов или игнацианцев вносили раскол в английское католическое духовенство и в конечном счёте породили апеллянтов, а также стремление выпускников семинарий уйти в бенедиктинский орден. Оценивая работу священников в английской католической миссии, Дж. Эйвлинг считает, что они смогли сделать не так уж много в религиозном наставлении своей паствы, на взгляды которой не меньшее, если не большее влияние оказали консервативное католическое семейное воспитание, страх смерти и тревога за спасение души в соответствии с католическими представлениями, индивидуальное чтение католической литературы, так что духовное руководство со стороны священников было только одним из факторов поддержания католицизма. В восприятии джентри авторитет католических священников падал, поскольку жившие у них священники материально зависели от патронов, а в Лондоне можно было нанять безработного католического священника. В результате получалось, как полагает Дж. Эйвлинг, что образованные приверженцы и католицизма, и протестантизма в Англии на рубеже XVI—XVII вв. не очень высоко оценивали своё духовенство по его профессиональным качествам, считали, что духовные лица слишком озабочены материальным обеспечением, но мирились с этим, поскольку священники были необходимы для совершения служб. О пуританах и иезуитах как крайних представителях обеих партий многие светские лица думали как об опасных фанатиках. И среди протестантов, и у католиков на рубеже XVI—XVII веков появилась склонность к созданию религиоз-

¹²⁰ Ibid. — P. 99—102.

ных кружков, различных неформальных групп, которые, бывало, на свои взносы содержали нравившихся им священников¹²¹.

В изучении экономического положения католического духовенства в Англии в XVI—XVII вв. исследователи высказывали только соображения общего характера. Официальный доход католических духовных лиц, как отмечает Дж. Эйвлинг, был невелик. Источниками средств существования английских католиков были субсидии, выделявшиеся папой и испанским правительством, частные пожертвования иностранцев и англичан. В семинариях за рубежом многие студенты жили, пользуясь также своими материальными средствами. Материальные возможности, которыми располагали английские католические священники, зависели от их происхождения и родственных связей, от удачно найденного покровителя, так что некоторые из священников вели вполне обеспеченный образ жизни, передавали средства по завещанию, и могли неплохо жить, даже если оказывались в тюрьме. Большинство же английских католических священников, происходивших из бедного джентри и йоменов, материально зависели от джентри, иезуитов, хотя католики в полемике пытались безосновательно утверждать, что католические священники в Англии по своему происхождению представляют более высокие социальные группы, чем протестантские духовные лица¹²².

В британской историографии был подготовлен ряд работ общего характера о политических взглядах католиков¹²³, и этому вопросу продолжает уделяться внимание. П. Холмс в работе «Сопротивление и компромисс. Политическая мысль английских католиков времени правления Елизаветы» (1982) исследует практические трудности, с которыми сталкивались английские католики, жившие в условиях, когда у власти был протестантский политический режим. По мнению П. Холмса, перед английскими католиками второй половины XVI в. стояли несколько фундаментальных вопросов: какие формы религиозной обрядности можно соблюдать в условиях преследований и в какой степени религиозные диссентеры, какими фактически были католики, могут приспособиться к церковному устройству и его доктринальному обоснованию, которое установлено протестантским монархом, подданными которого являются католики? Какие формы должна принимать религиозная оппозиция католика той церкви, которую он считает еретической или идолопоклоннической? Следует ли признавать политический режим в государстве, установленный монархом, и нужно ли подчиняться приказам своего монарха? Могут ли в таком случае быть законными неподчинение, восстание?¹²⁴

¹²¹ Ibid. — P. 104—106.

¹²² Ibid. — P. 108.

¹²³ Figgins J.N. The Theory of the Divine Right of Kings. — Cambridge, 1896; *Idem*. Studies in Political Thought from Gerson to Grotius. — Cambridge, 1916; *Idem*. Political Thought in the Sixteenth Century // Cambridge Modern History. — 1907. — Vol. III. — P. 736—769; McIlwain C.H. The Political Works of James I. — Cambridge (Mass.), 1948; Morris C. Political Thought in England. Tyndale to Hooker. — Oxford, 1953; Allen J.W. A History of Political Thought in the Sixteenth Century. — London, 1961; Clancy T.H. Papist Pamphleteers. — Chicago, 1964; Pritchard A. Catholic Loyalty in Elizabethan England. — London, 1979.

¹²⁴ Holmes P. Resistance and Compromise. The Political Thought of Elizabethan Catholics. — Cambridge University Press, 1982. — P. 2.

Католики в елизаветинской Англии, как отмечает П. Холмс, могли выбирать между двумя стратегиями поведения. Самой широко распространенной позицией среди них было мнение, что политические (нерелигиозные) распоряжения монарха следует исполнять, каковы бы ни были богословские взгляды самого этого монарха и каким бы тяжёлым не представлялось его правление, а наказание такого правителя должно было быть оставлено на усмотрение Бога. Вторая стратегия поведения исходила из того, что возможно и обоснованно сопротивление правителю, который преследует истинную религию и злоупотребляет своей властью. Из этих двух позиций, считает П. Холмс, развились соответственно теория о божественном абсолютном праве монарха на власть и теория народного суверенитета с признанием за народом права на сопротивление властям¹²⁵.

Наиболее опасными в политическом отношении из английских католиков-эмигрантов английские власти считали тех, кто связал свою деятельность с политическими интересами Испании, надеясь на помощь испанцев в реставрации католицизма в Англии. Происпанскую группировку английских католиков исследовал А.Дж. Луми, который рассмотрел её деятельность через биографии наиболее известных и влиятельных из английских эмигрантов в Испании — сэра Фрэнсиса Энглфелда, Хью Оуэна, леди Джейн Дормер, сэра Уильяма Стэнли, сэра Джозефа Кресуэлла, что позволило ему показать характерные черты образа жизни тех английских католиков, которые жили во владениях испанских Габсбургов¹²⁶. Религиозные эмигранты-англичане для европейской истории XVI в. не были чем-то уникальным: это была лишь одна из подобных групп, вынужденных покинуть свою родину. Европейские монархи в XVI—XVII вв., если это вписывалось в те цели, которые их страна преследовала во внешней политике, охотно выступали в роли «защитников» «угнетенных». Испанцы втягивали английских эмигрантов в участие в войне в Нидерландах, что вызывало гнев английского королевского двора. Англичане были вынуждены действовать в интересах испанского двора, чтобы добиться для себя выплаты пенсий. У английских эмигрантов-католиков был религиозный лидер — кардинал Уильям Аллен, но у них никогда не было военного и политического руководителя, который обладал бы достаточным престижем. Англичане слишком долго продвигались на службе испанскому государству, и при этом были всегда вынуждены действовать, исходя из испанских, а не своих приоритетов. А.Дж. Луми отмечает, что английские эмигранты-католики так и не сосредоточились на одной территории и были разбросаны по разным профессиям и занятиям, не имели финансовых средств, и при этом боролись между собой за лидерство, не ладили с католиками-эмигрантами из Шотландии и Ирландии: единство религии не объединяло эти группы. Амбиции Испании не давали возможности организовать против Англии совместное предприятие с другими монарха-

¹²⁵Ibid. — P. 3.

¹²⁶Loomie A.J. The Spanish Elizabethans. The English Exiles at the Court of Philip II. — Westport (Connecticut), 1983. — P. 13.

ми-католиками: к Испании настроенно относился французский король Генрих IV, и католическая коалиция против Англии так и не сложилась. А.Дж. Луми пришёл к выводу, что испанская помощь английским католикам была важна для них и ценилась ими. Он также выяснил состав и происхождение английских слушателей в духовной семинарии в Испании — в колледже Св. Олбана в Вальядолиде в 1589—1603 гг., а также имена тех выпускников, которые вернулись с миссией в Англию. А.Дж. Луми удалось также вычислить количество солдат в английских воинских частях, использовавшихся испанцами в Нидерландах в 1588—1600 гг.: от наименьшей численности в 1592 г. — 259 человек и 68 пенсионеров, до наибольшей в 1596 г. — 1084 человека и 64 пенсионера¹²⁷.

Как установлено, в среде английских католиков, наряду с группой Аллена-Парсонса, работавшей на испанцев, была также группа Моргана-Пэджета, действовавшая во Франции и добывавшаяся поддержки для Марии Стюарт. В неё входили те английские католики, которым испанцы не дали денег, или те, кто сам не любил испанцев, надеясь на католическую интервенцию в Англию, которую могли организовать радикальные французские католики во главе с Гизами. Они обвиняли остальных католиков-эмигрантов в том, что те продались Испании, и такую же пропаганду против католиков вели английские власти в стране. Высказывались также предположения, что Морган и Пэджет были двойными агентами и работали в действительности на английские власти¹²⁸.

В британской историографии появлялись также исследования в жанре case-study, в которых обсуждались факторы, влиявшие на определение и поддержание своей религиозной принадлежности отдельными лицами¹²⁹. М. Квестьер привлекает внимание к тому, что в изучении реформационного и постреформационного времени важно попытаться выявить личностную мотивацию в религиозном поведении человека. Он стремится проследить, как происходили обращения в католицизм и переходы в протестантизм в XVI—XVII вв.¹³⁰. Как одна из тенденций в эволюции методологических подходов социальной истории в современной британской историографии проявилось стремление историков выявить то, как человек осмысливает свою принадлежность к определенному социальному статусу или к той или иной вероисповедной общности. М. Квестьер считает необходимым рассмотреть вопрос о том, что заставляло человека думать, что он стал протестантом или католиком, и каковы были цели тех, кто стремился обратить человека в ту или другую религию — он стремится переместить исследование на личностный уровень понимания происходивше-

¹²⁷ Ibid. — P. 230—235.

¹²⁸ McGrath P. *Papists and Puritans under Elizabeth I.* — London, 1967. — P. 275; Bossy J. *Elizabethan Catholicism: the Link with France.* — Cambridge PhD Thesis, 1961; *Idem.* Henry IV, the Apellants and the Jesuits // *Recusant History.* — 1965. — Vol. 8. — № 2; Aveling J.C.H. *The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation.* — London, 1976. — P. 53—55.

¹²⁹ McGrath P., Rowe J. *The Recusancy of Sir Thomas Cornwallis* // *Proceedings of the Suffolk Institute of Archaeology.* — 1961. — XXVIII. — Part 3.

¹³⁰ Questier M. *Conversion, Politics and Religion in England, 1580—1625.* — Cambridge, 1996.

го. По его мнению, нуждается в обсуждении также вопрос: или политики использовали реформационные идеи для достижения своих целей, или же распространение протестантских идей влияло на происходившие политические конфликты, или даже иногда предопределяло их. Ему интересен анализ индивидуальной неопределенности в решении вопроса о принадлежности к тому или иному исповеданию, изучение того, как происходило разрешение религиозных сомнений человека. Это по-новому, как считает М. Квестьер, позволило бы взглянуть на центральные вопросы в изучении истории Реформации. Он пришёл к мнению, что в своём решении стать католиком или протестантом люди могли сознательно руководствоваться и политическими, и религиозными мотивами, так что интерес в исследовании может представлять то, как в сознании человека взаимодействовали политические и религиозные соображения, что можно изучать на примере обращения. М. Квестьер полагает, что в сознании обращённого, если в нём боролись политические и религиозные мотивы, существовало постоянное напряжение, эти мотивы не смешивались, один из них не подчинял другой, они сочетались друг с другом и продолжали действовать каждый из своей сферы. Обращение, считает М. Квестьер, не однажды случившееся событие, а фактор длительного действия в человеческой жизни, и рассуждает о том, что путем изучения «микрокосма обращения» можно попытаться выявить то, как Англия становилась протестантской страной¹³¹.

Проблему подсчёта обращённых в католицизм в XVI—XVII вв. М. Квестьер называет «неподатливой» — свидетельства здесь очень фрагментарны, тенденции в них уловить сложно. С усилением давления на католиков их число несколько уменьшалось, с ослаблением административного нажима — увеличивалось, но это характеризует, по мнению М. Квестьера, действия самой административной машины, а не религиозные процессы как таковые. Среди протестантов существовал аргумент, что истинная церковь должна увеличивать количество своих приверженцев, и, согласно этому критерию, католическая церковь ему не соответствовала, поскольку в XVI в. число католиков в Европе уменьшалось¹³².

Историки отмечают трудности в использовании для изучения проблем обращения в качестве источника работ по полемическому богословию, поскольку содержание полемических сочинений касалось, прежде всего, взглядов немногочисленной профессиональной элиты в составе духовенства — это были свои внутренние споры, во всей своей полноте непонятные и даже чуждые более широким кругам¹³³. По мнению М. Квестьера, при спорах на религиозные темы на каждый полемический аргумент можно было найти одинаково весомый контраргумент, а письменное слово в XVI—XVII вв. по силе воздействия уступало влиянию диспута или устного выступления. Вместе с тем, отмечает М. Квестьер, у

¹³¹ Ibid. — P. 1—4.

¹³² Ibid. — P. 8—9.

¹³³ Aveling J.C.H. The Handle and the Axe. — London, 1976. — P. 51; *Idem*. The English Clergy, Catholic and Protestant, in the 16th and 17th Centuries // Rome and the Anglicans. — Berlin-New York, 1982. — P. 131.

полемических произведений была всё же более широкая аудитория, чем только лишь духовные лица и учёные-богословы, и само появление таких произведений в значительных количествах означало в Англии XVI в. существование рынка для такой продукции. При этом следует иметь в виду, что полемика между католиками и протестантами велась в манипулятивной манере — полемисты отстаивали свои доктрины и стремились переспорить оппонента, а не всесторонне проанализировать аргументы противной стороны. Одним из приёмов эффективной полемики было стремление превратить в центральный вопрос то, что оппонент не хочет обсуждать по какой-то существенной причине¹³⁴. Как считает Дж. Скарисбрик, католики чувствовали себя победителями в полемике с протестантами, поскольку смогли найти ошибки, умолчания, путаницу у протестантских полемистов. Среди католиков даже были мнения, что, если бы католикам была бы дарована религиозная терпимость, церковь Англии не устояла бы в открытой полемике с ними¹³⁵.

Как выявили исследователи английской богословской полемической литературы конца XVI—первых десятилетий XVII в., посвящённой пониманию характеристик истинной церкви, она должна быть единой, всеобъемлющей, апостольской и в то же время видимой, непогрешимой¹³⁶. Католики в этой полемике стали развивать аргумент, что не нужно бесконечно вопрошать об истинности доктрины католической церкви — этот путь является сложным и запутывающим даже для образованных, поэтому всё, что нужно тому человеку, который ещё не принял решения об истинности той или иной церкви — это проследить непрерывную институциональную преемственность в исповедании веры ко временам основания церкви, и в дальнейшем можно быть уверенным в знании, что в этой церкви исповедуется истинная христианская вера. Этот исторический аргумент католики использовали для того, чтобы придать прошлому церкви римско-католический характер, поскольку история католической церкви была непрерывной и преемственной. Те, кто в XVI—XVII вв. переходил в католицизм, обычно упоминали среди мотивов перехода то, что Рим представляет собой видимую преемственную церковь. Протестанты же в полемике противопоставляли им аргумент, что истинная церковь невидима, а также кальвинистский аргумент о том, что в земном воплощении истинная церковь может быть невидима для тех, кто не принадлежит к числу избранных, а церковь сама по себе не может изменить волю Бога относительно принадлежности к числу избранных или осужденных. Единство протестантских церквей мыслилось протестантами как согласие по фундаментальным пунктам доктрины, а не как непосредственное общение в рамках одной цер-

¹³⁴ *Questier M.* Conversion, Politics and Religion in England, 1580—1625. — Cambridge, 1996. — P. 13, 19, 21.

¹³⁵ *Scarisbrick J.J.* The Reformation and the English People. — Oxford, 1984. — P. 180—182.

¹³⁶ *Milton A.* The Church of England? Rome and the True Church: The Demise of a Jacobean Consensus // *The Early Stuart Church, 1603—1642* / Ed. by K.C. Fincham. — London, 1993. — P. 187—210; *Lake P.* The Significance of the Elizabethan Identification of the Pope as Antichrist // *JEH.* — 1980. — Vol. 31. — P. 161—178.

ковной структуры. Истинная церковь как невидимая, в протестантском толковании, существовала всегда, определяясь верностью Христу и Писанию, а папистская церковь только затемняла её своей внешностью, и с этой невидимой церковью протестанты проводили свою преемственность, утверждая даже, что они не лютеране, кальвинисты и тому подобное — они отождествили себя с учениями этих людей, поскольку протестантские духовные лидеры придерживаются истинного учения Христа¹³⁷.

Протестантам было труднее убедить оппонентов в том, что нужно ходить в церковь, так как не было полной определенности в том, какую роль, по протестантским понятиям, церковь играет в спасении человека. В протестантской церкви поэтому недоставало дисциплины, и протестантские церкви могли превратиться в совокупность раздробленных конгрегаций. Аргументы протестантского и католического полемического богословия в XVI—XVII вв. не производили, как считает М. Квестьер, однозначно убедительного впечатления в том, что истина находится только на одной стороне, и полемическая литература сама по себе, по его мнению, не давала достаточной причины для обращения, но её роль заключалась в том, что чтение такой литературы могло посеять мысли, первоначальные сомнения, которые впоследствии могли привести к обращению¹³⁸.

Обобщая известные факты и мнения историков, М. Квестьер приходит к выводу, что обращения были кульминацией самых разнообразных влияний, которые только могли вывести внутренний мир человека из уравновешенного состояния. Причины обращений можно искать в широком спектре от самых низких мотивов, связанных с материальным благополучием и безопасностью, до принципиальных размышлений о том, учение какой церкви можно считать истинным, и к тому же, по христианским понятиям, обращение было также результатом действия благодати. В толковании английских протестантов, переход из римской церкви в протестантизм и наоборот был одним из проявлений процесса, в котором «избранные и осужденные собираются соответственно в Сионе и в Вавилоне», осуществляя Божественный план, а не какие-то решения в своем индивидуальном выборе. Для убеждённых протестантов рекузанство или конформизм были не формально-административными, а духовными категориями. Обращение в свою религию и католики, и протестанты были склонны также преподносить как изгнание дьявола. Католики утверждали, что протестантское понимание благодати и предопределения превращало Бога в немыслимого тирана, спасающего и осуждающего людей без учёта их дел. Протестантский Бог становился «творцом греха», «монстром предопределения», решения которого об избрании и осуждении превращали людей в марионеток, лишённых всяких следов свободы воли¹³⁹.

М. Квестьер считает, что в XVI в. не все религиозные обращения были результатом действия светских по характеру причин, и появились слу-

¹³⁷ Questier M. *Conversion, Politics and Religion in England, 1580—1625*. — Cambridge, 1996. — P. 32.

¹³⁸ Ibid. — P. 34—36.

¹³⁹ Ibid. — P. 77, 95, 102.

чаи, когда у некоторых людей не было прямой связи между их политическими и религиозными взглядами, хотя у духовенства переход в другое исповедание мог объясняться амбициями, открывающимися карьерными возможностями. Власти в Англии XVI—XVII вв., видимо, стремились обеспечить лишь политически необходимую и приемлемую в церковном отношении степень конформизма в обществе. Католических священников, переходивших в протестантизм, церковь Англии стремилась по возможности хорошо материально обеспечить, чтобы они вновь не отпали от него, пытаясь также использовать бывших католиков в полемике¹⁴⁰.

Официально все должностные лица в государстве и в церкви в Англии были за достижение конформизма, но были отличия в том, какими путями им виделось достижение этого состояния, что, в свою очередь, зависело от того, какое место то или иное лицо занимало в церкви или государственном аппарате. Как обращает внимание М. Квестьер, у английского казначейства в обращении с католиками со временем появился материальный интерес: если для церкви главным было достижение конформизма, казначейство склонялось к тому, чтобы католики платили штрафы, пополняли финансы государства и не становились конформистами, что стало особенно заметным в первые десятилетия XVII в. по мере того, как в государстве нарастали финансовые проблемы. Давление на католиков по этой причине не доходило до ареста имущества, потому что многие под этой угрозой становились конформистами, а казна теряла регулярные штрафы. Действия церковной и светской властей по отношению к католикам становились более согласованными только в случае обострения политической угрозы со стороны католиков. По мнению М. Квестьера, это одна из причин того, что в Англии сохранился католицизм — мало кто из католиков-рекузантов перешел к искреннему исповеданию протестантизма¹⁴¹.

Умеренные протестанты мягче обращались с католиками, надеясь таким путем эффективнее воздействовать на них. И католики, и протестанты стремились обратить умирающих и преступников в тюрьме и перед казнью¹⁴². Сами тюрьмы и суды католики расценивали как способствующие действию провидения и спасения, но к таким оценкам среди католиков были относительно более склонны иезуиты. При попытках обращения протестантов иезуиты советовали не накалять спор с ними, поскольку ересь —

¹⁴⁰ *Questier M. C. Sir Henry Spiller, Recusancy and the Efficiency of the Jacobean Exchequer // Historical Research. — 1993. — Vol. 66; Idem. Conversion, Politics and Religion in England, 1580—1625. — Cambridge, 1996. — P. 39—43; Idem. John Gee, Archbishop Abbot and the Use of Converts from Rome in Jacobean Anti-Catholicism. // Recusant History. — 1993. — Vol. 24. — P. 347—360; Idem. Crypto-Catholicism, Anti-Calvinism and Conversion at the Jacobean Court: The Enigma of Benjamin Carier // JEH. — 1996. — Vol. 47. — P. 45—64; Idem. Loyalty, Religion and State Power in Early Modern England: English Romanism and the Jacobean Oath of Allegiance // Historical Journal. — 1997. — Vol. 40; Walsham A. Church Papists: Catholicism, Conformity and Confessional Polemic in Early Modern England. — Rochester, 1993.*

¹⁴¹ *Questier M. Conversion, Politics and Religion in England, 1580—1625. — Cambridge, 1996. — P. 162—167.*

¹⁴² *Sharpe J. "Last Dying Speeches": Religion, Ideology and Public Execution in Seventeenth Century England // Past and Present. — 1985. — № 107. — P. 144—167.*

это гордыня, публично отказаться от своих убеждений человеку трудно, и поэтому в разговоре с протестантами считали более эффективным убедительно порассуждать на отвлечённые темы, вопросы спасения, и постараться вызвать интерес к католическим взглядам своими суждениями¹⁴³.

М. Квестьер настаивает, что не следует понимать Реформацию только как политический процесс. В XVI в. современники не могли отделить друг от друга политические, церковные, интеллектуальные, евангелические аспекты обращения. Светские политики могли использовать духовных лиц в политических и пропагандистских целях, но верующие считали себя в первую очередь не сторонниками или противниками государства и церкви Англии, а находящимися под воздействием благодати, вне зависимости, шла ли речь о католиках или о протестантах, и религиозные конфликты этого времени, считает М. Квестьер, полностью непереводаемы в политические категории, а переходы из протестантизма в католицизм в Англии в XVI—XVII вв. в основе своей не были политически или полемически мотивированными. К тому же религиозная ситуация в Англии была такова, что ни отпадения в католицизм, ни переход католиков в протестантизм не могли изменить то, как был решен в Англии церковный вопрос по воле королевской власти. При этом, по мнению М. Квестьера, в XVI—XVII веках не существовало единообразного английского католицизма. «Английский католицизм» для него — это серия диссидентских оппозиционных проявлений, имевших религиозные мотивы, объединяемых общей опорой на римско-католическую церковь¹⁴⁴.

Оценивая религиозную политику английского государства в реформационный период, М. Квестьер пришёл к выводу, что церковные суды, комиссии, казначейство действовали очень эффективно, исполняя свои функции по отношению к католикам. Обвинение режима в неэффективности в религиозной сфере, которое звучало у представителей предыдущих поколений историков, М. Квестьер считает неуместным. В то же время английские власти поддерживали только внешний конформизм и не пытались влиять на реальные религиозные убеждения подданных, пресекая в приверженцах католицизма только то, что могло создать угрозу политической стабильности. Этот пример самоограничения в деятельности английского государства в XVI—XVII вв. представляется М. Квестьеру очень любопытным явлением. Он также считает, что одной из характерных черт религиозной ситуации в Англии XVI—XVII вв. была нестабильность. Наряду с конформизмом по отношению к новому церковно-политическому устройству, в мировоззрении людей этого периода по-прежнему существовали консерватизм и приверженность к прошлому в противовес протестантским новшествам¹⁴⁵.

К настоящему времени в изучении английского католицизма XVI—XVII вв. в современной британской историографии проделана работа, в

¹⁴³ *Questier M. Conversion, Politics and Religion in England, 1580—1625.* — Cambridge, 1996. — P. 188, 199.

¹⁴⁴ *Ibid.* — P. 201—204.

¹⁴⁵ *Ibid.* — P. 205.

результате которой на основе имеющихся источников, работ предыдущих поколений историков воссоздана история английского католического сообщества в том, что касается его формирования в постреформационный период, распространения католицизма в отдельных регионах на территории Англии в XVI—XVII вв. Охарактеризованы факторы, повлиявшие на существование английского католического сообщества, и роль отдельных социальных групп в нём. Исследователи выявили значительную роль женщин в поддержании существования английского католического сообщества, а также пришли к выводу, что важнейшим фактором в обеспечении деятельности английской католической миссии была её поддержка светскими покровителями из числа джентри. Обсуждались вопросы, связанные с определением численности английских католиков в постреформационный период, и предложены обоснованные предположения в оценке их количества, поскольку источники не позволяют провести точные статистические подсчеты. Изучалась также деятельность английских католиков-эмигрантов на континенте, их попытки использовать помощь континентальных католических государств для поддержания католицизма в Англии, политическая мысль английских католиков, взаимоотношения между белым духовенством, иезуитами и представителями других монашеских орденов в английском католицизме. Выявлено влияние Контрреформации на английский католицизм. Появились работы, в которых проводится сравнение между деятельностью английского католического и протестантского духовенства. Тенденцией в изучении английского католицизма в настоящее время является дальнейший анализ источников о деятельности католиков в отдельных местностях на территории Англии в XVI—XVII вв. и стремление выявить, наряду с социальными, также и личностные факторы, которые влияли на самоидентификацию человека с тем или иным религиозным направлением, существовавшим в этот период.

§2. Положение католиков в Англии в XVI – начале XVII в. в характеристике современной британской историографии

Характеристика английского католицизма в начальный период Реформации в Англии связана с продолжающейся в современной британской историографии работой по изучению положения в церкви Англии в предреформационные десятилетия XVI в. Заметное по значению исследование этих проблем представил П. Маршалл в работе «Католическое священство и английская Реформация» (1994)¹⁴⁶.

Среди современных историков ранней Реформации в Англии П. Маршалл находит тенденцию недооценивать различия между католиками и протестантами, но выступает за сохранение использования этих понятий и предлагает понимать под католиками тех, кто уделял преимущественное внимание совершению таинств и поддержанию власти институциональной церкви, а в качестве признаков лиц с протестантскими наклонностями, появившихся в церкви, выделяет их стремление к опоре на Писание, индивидуализм. В центре внимания П. Маршалла находится приходское духовенство, которое исполняло свои функции в тесном повседневном контакте с мирянами. В первые десятилетия XVI в., по подсчётам исследователей, оно составляло в Англии 20—25 тыс. человек, а общая численность священников, относившихся к белому духовенству, составляла примерно 40 тыс. человек¹⁴⁷. В начале XVI в. священников в Англии было больше, чем лиц каких-либо других профессий, кроме сельскохозяйственных, так что к священству принадлежало, согласно оценочным предположениям, 4% мужского населения¹⁴⁸.

Положение духовенства перед Реформацией рассматривалось в работах ряда исследователей¹⁴⁹. В среде современных британских историков распространилось мнение, что положение в церкви Англии в начале

¹⁴⁶ *Marshall P.* The Catholic Priesthood and the English Reformation. — Oxford, 1994. — P. 1.

¹⁴⁷ *Haigh C.* English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 5; *Zell M.L.* Economic Problems of the Parochial Clergy in the Sixteenth Century // *Princes and Paupers in the English Church 1500—1800* / Ed. by R. O'Day, F. Heal. — Leicester, 1981. — P. 21—23; *O'Day R.* The Anatomy of a Profession: The Clergy of the Church of England // *The Professions in Early Modern England* / Ed. by W. Prest. — Beckenham, 1987. — P. 30; *Youngs J.* Sixteenth-Century England. — Harmondsworth, 1984. — P. 36.

¹⁴⁸ *Youngs J.* Sixteenth Century England. — Harmondsworth, 1984. — P. 36; *Haigh C.* English Reformations: Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 5—6.

¹⁴⁹ *Heath P.* English Parish Clergy on the Eve of the Reformation. — London, 1969; *Bowker M.* The Secular Clergy in the Diocese of Lincoln, 1485—1520. — Cambridge, 1968; *Aveling J.C.H.* The English Clergy, Catholic and Protestant in the 16th and 17th Centuries // *Rome and the Anglicans.* — Berlin-New York, 1982.

XVI в. не следует рассматривать с точки зрения предопределённости будущей Реформации, что особенно подчёркивают ревизионисты¹⁵⁰.

П. Маршалл рассмотрел около 5500 завещаний, оставленных светскими лицами в период 1500—1553 гг., которые охватывают большинство английских графств, при этом опираясь также на ту работу, которая была проделана другими исследователями¹⁵¹. По его оценке, взаимоотношения светских лиц и духовенства в начале XVI в. можно охарактеризовать как «симбиоз, полный стрессов», что сближает его позицию в оценке происхождения Реформации с подходом либеральных историков¹⁵². Выявлены свидетельства того, что накануне Реформации светских лиц в Англии, как и на континенте, стала тяготить необходимость устной исповеди¹⁵³. В то же время исследователи отмечают, что многие из свидетельств с критикой исповеди имеют маргинальное происхождение, и на основе этого трудно сделать вывод, что общественное мнение в целом могло считать практику исповеди угнетающей и ущербной, поскольку некоторые люди искали себе исповедника в стремлении найти более квалифицированного духовного наставника, не отрицая значения исповеди, в связи с чем духовный авторитет накануне Реформации приобрели бригиттинцы в монастыре Сион, картузианцы и францисканцы-обсерванты¹⁵⁴.

В идеальном варианте исповедь была основой для единства и социальной гармонии в приходе, но протестанты были уверены, что католические священники раскрывают тайну исповеди. В конце 1530-х гг. власти из ряда доносов узнали, что консервативно настроенные священники во время исповеди поощряли недовольство прихожан религиозными преобразованиями. По доносу священника была казнена жена Генриха VIII Екатерина Хауэрд¹⁵⁵.

Возражения протестантов против тайной устной исповеди основывались на том, что протестанты не могли найти прообраз этой практики в

¹⁵⁰ *Tanner N.P.* The Reformation and Regionalism: Further Reflections on the Church in Late Medieval Norwich // *Towns and Townspeople in the Fifteenth Century* / Ed. by J.A.F. Thomson. — Gloucester, 1988. — P. 129.

¹⁵¹ *Swanson R.N.* Church and Society in Late Medieval England. — Oxford, 1989. — P. 265—268; *Zell M.L.* The Use of Religious Preambles as a Measure of Religious Belief in the 16th Century // *BIHR*. — 1977. — Vol. 50; *Scarisbrick J.J.* The Reformation and the English People. — Oxford, 1984. — P. 10—12; *O'Day R.* The Debate on the English Reformation. — London, 1986. — P. 155—159; *Duffy E.* The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, 1400—1580. — New Haven, 1992. — P. 504—523.

¹⁵² *Marshall P.* The Catholic Priesthood and the English Reformation. — Oxford, 1994. — P. 4.

¹⁵³ *Ozment S.E.* The Reformation in the German Cities. — New Haven, 1975. — P. 22—28, 49—56; *Tyndale W.* The Obedience of a Christian Man // *Doctrinal Treatises* / Ed. by H. Walter. — Parker Society, 1848. — P. 245; *Marshall P.* The Catholic Priesthood and the English Reformation. — Oxford, 1994. — P. 9.

¹⁵⁴ *Swanson R.N.* Problems of the Priesthood in Pre-Reformation England // *EHR*. — Vol. 117. — 1990. — P. 858; *Thomson J.A. F.* Piety and Charity in Late Medieval London // *JEH*. — 1965. — Vol. 16. — P. 189—190; *Brigden S.* London and the Reformation. — Oxford, 1989. — P. 73; *Harper-Bill C.* The Pre-Reformation Church in England, 1400—1530. — London, 1989. — P. 42—43.

¹⁵⁵ *Marshall P.* The Catholic Priesthood and the English Reformation. — Oxford, 1994. — P. 19—20; *Tyndale W.* The Practice of Prelates / Ed. by H. Walter. — Parker Society, 1849. — P. 305; *Smith L.B.* A Tudor Tragedy: The Life and Times of Catherine Howard. — London, 1961.

Библии и отмечали, что от человека в устной исповеди требуют невозможного, поскольку перечислить и пересказать все свои грехи не может никто. Но при этом известные реформаторы времени правления Эдуарда VI — Латимер, Ридли — полностью не отрицали того, что для человека необходимо исповедание его грехов¹⁵⁶.

Упоминания о необходимости устной исповеди, судя по завещаниям, стали крайне редкими в правление Эдуарда VI. С 1547 г. в исследованных П. Маршаллом образцах завещаний такие требования встречаются один раз в 200 завещаниях (0,5%). При этом отказ от исповеди в массе прихожан, по его мнению, не следует объяснять распространением каких-то сознательных противостоявших ей убеждений: быстрый упадок устной исповеди в народе, видимо, свидетельствует о том, что в простонародной среде исповедь не считалась сущностью религиозности и ценилась в первую очередь набожной, склонной к интроспекции элитой¹⁵⁷.

В полемике о личных качествах священников протестанты в Англии приняли точку зрения католической церкви, согласно которой священник не может повлиять на качество и действенность исполняемых им служб, а прежние еретические идеи о том, что недостойный в моральном отношении священник лишает действенности совершаемые службы, высказывавшиеся лоллардами, переняли анабаптисты, так что возражения против таких еретических утверждений были включены в статью 26 в составе 39 статей церкви Англии¹⁵⁸.

В дореформационные десятилетия, судя по завещаниям, значимым компонентом религиозных верований оставались заупокойные мессы. В 1500—1546 гг. до 1529 года 44,1% завещателей хотели, чтобы для них служились заупокойные мессы, а в 1530—1546 гг. число таких завещателей стало уменьшаться и составило 24,3%. Для английского общества XVI в. была также, как видно, характерна определённая степень ксенофобии, поскольку в завещаниях, бывало, специально упоминалось, что заупокойные службы не должны были служить священники-иностранцы. В католической церкви месса считалась такой непостижимой тайной, что ни один мирянин не мог обсуждать вопросы, связанные с её служением. Духовенство беспокоилось даже, что светские лица, узнав службу и поняв звучащие во время мессы фразы, начнут использовать эти фразы как магические заклинания с какими-нибудь своими пустыми целями¹⁵⁹.

В 1980—90-е гг. историки, в первую очередь ревизионисты, стали обращать внимание на то, что миряне не всегда могли чувствовать себя

¹⁵⁶ Marshall P. *The Catholic Priesthood and the English Reformation*. — Oxford, 1994. — P. 30—31; *The First and Second Prayer Books of Edward VI* / Ed. by E.C. Gibson. — London, 1910; Collinson P. *Shepherds, Sheepdogs and Hirelings: The Pastoral Ministry in Post-Reformation England* // *The Ministry: Clerical and Lay* / Ed. by W.J. Sheils, D. Woods. — Oxford, 1989.

¹⁵⁷ Marshall P. *The Catholic Priesthood and the English Reformation*. — Oxford, 1994. — P. 32.

¹⁵⁸ Hardwick C. *A History of the Articles of Religion*. — London, 1890; Bricknell E.J. *A Theological Introduction to the Thirty Nine Articles of the Church of England*. 3rd ed. — London, 1955.

¹⁵⁹ Bossy J. *The Mass as a Social Institution, 1200—1700* // *Past & Present*. — № 100. — 1983. — P. 33; Marshall P. *The Catholic Priesthood and the English Reformation*. — Oxford, 1994. — P. 50, 63, 129.

отчуждёнными от католической службы¹⁶⁰. Многие светские лица даже ходили на мессы по будним дням, и в эти малолюдные дни священник служил ближе к присутствовавшим прихожанам, обстановка была более располагающей. Отказ светским лицам в причащении вином был у католиков богословски обоснован доктриной сосуществования, согласно которой Христос целостно присутствовал во всех элементах своей формы, будь это Его Тело или Кровь, хотя католическое духовенство, считает П. Маршалл, фактически обосновывало этим своё привилегированное положение. Существовала в католицизме также концепция «духовного причастия» — в этом случае читалась молитва, которая при вкладываемом в неё особом смысле давала возможность принимать причастие по вере хоть ежедневно, несмотря на то, что в реальности его принимали 1—3 раза в году. «Книга короля» 1543 г., защищая достаточность причащения для светских лиц только хлебом в правление Генриха VIII, утверждала, что не только светские лица, но иногда также и священники (в том случае, если они проводят обряд освящения) тоже причащаются только под одним видом¹⁶¹.

Духовенство после 1534 г. стало именоваться “orders” (фактически «социальная группа»), а не “holy orders” (священство, церковная иерархия), в чем Дж. Скарисбрик видит антиклерикализм Генриха VIII и его стремление принизить социальную роль духовенства¹⁶². После начала Реформации в Англии во время мессы протестанты при поднятии Св. Даров стали позволять себе выражать непочтительное отношение к центральному по смыслу элементу мессы, но после вступления на престол Эдуарда VI были случаи, когда прихожане отвергали слишком решительное отрицание протестантским священником пресуществления во время мессы. Понимание Евхаристии в молитвеннике 1552 г. предполагало, что светские лица должны были причащаться, по крайней мере, трижды в год, но П. Маршалл предполагает, что поначалу во многих приходах прихожане в новых условиях подолгу не подходили к причастию, а также ходили в другие приходы, где форма службы сохраняла традиционные элементы¹⁶³.

Дискуссионным среди историков является вопрос о месте и значении проповеди в жизни церкви Англии накануне Реформации. В завещаниях священников начала XVI в. встречаются упоминания о сборниках проповедей, передаваемых по наследству. Историки приводят часто встречающиеся свидетельства о том, что народ в дореформационный период плохо воспринимал проповеди. По словам современников, некоторых

¹⁶⁰ Scarisbrick J.J. *The Reformation and the English People*. — Oxford, 1984. — P. 43—44; Duffy E. *The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, 1400—1580*. — New Haven-London, 1992. — P. 111—113.

¹⁶¹ Marshall P. *The Catholic Priesthood and the English Reformation*. — Oxford, 1994. — P. 66—70; *The King's Book, 1543* / Ed. by T.A. Lacy. — London, 1895.

¹⁶² Scarisbrick J.J. *Henry VIII*. — London, 1968. — P. 417.

¹⁶³ Marshall P. *The Catholic Priesthood and the English Reformation*. — Oxford, 1994. — P. 74—76, 80—81; Whiting R. *The Blind Devotion of the People: Popular Religion and the English Reformation*. — Cambridge, 1989. — P. 33.

прихожан выслушивание короткой проповеди изматывало больше, чем шесть дней физического труда или телесный недуг¹⁶⁴.

С 1530—40-х гг. полемические проповеди консерваторов и радикалов стали раскалывать отдельные религиозные общины на враждующие группировки, а проповеди у собора Св. Павла стали регулярно собирать большое количество слушателей¹⁶⁵. Но требования регулярных проповедей и повышения уровня грамотности священников не происходили из народной среды: обращает на себя внимание то, что свидетельства о неграмотности священников идут обычно из литературных источников, а не от самих прихожан — их возражения очень редки. Видимо, если священник не выделялся какими-то аморальными выходками, уровень его грамотности непосредственно не волновал прихожан — они и не чувствовали себя компетентными выносить решения о его грамотности¹⁶⁶.

Оценивая уровень грамотности в английском обществе накануне и в начале Реформации, Д. Кресси утверждает, что в 1500 г. было примерно 10% грамотных мужчин и лишь около 1% женщин, и вплоть до 1550 года не произошло заметных изменений, но эти цифры — оценочные предположения¹⁶⁷. Из этого не следует делать вывод, что светские лица совершенно не интересовались образованностью священников, но эта характеристика священника не числилась в приоритетах. В то же время есть свидетельства, что со стороны народа существовало стремление к тому, чтобы священники обучали прихожан основам религии¹⁶⁸. Некоторые историки видели в росте интереса светских лиц к религиозной литературе причину разрушения традиционных отношений между священниками и светскими лицами и источник напряженности, который впоследствии косвенным образом способствовал распространению протестантизма¹⁶⁹.

Протестанты рассматривали возведенного в сан священника только лишь как представителя общины, которому поручено исполнение функций, доступных в исполнении для всех христиан, так что, с протестантской точки зрения, различие между мирянином и духовным лицом было лишь функциональным, а не принципиальным. Известный английский протестант времени правления Эдуарда VI Хью Латимер считал для свя-

¹⁶⁴ *Owst G.R. Preaching in Medieval England.* — Cambridge, 1926; *Literature and Pulpit in Medieval England.* 2nd ed. — Cambridge, 1961; *Spencer H.L. English Vernacular Sunday Preaching in the Late 14th and 15th Century.* — University of Oxford D. Phil. Thesis, 1982; *Marshall P. The Catholic Priesthood and the English Reformation.* — Oxford, 1994. — P. 88; *Cross C. Priests into Ministers: The Establishment of Protestant Practice in the City of York // Reformation Principle and Practice / Ed. by P.N. Brooks.* — London, 1980. — P. 146; *Heath P. English Parish Clergy on the Eve of Reformation.* — London, 1969. — P. 88; *Marshall P. The Catholic Priesthood and the English Reformation.* — Oxford, 1994. — P. 90.

¹⁶⁵ *Elton G.R. Policy and Police.* — Cambridge, 1972. — P. 14, 17, 19—20; *Maclure M. The Paul's Cross Sermons, 1534—1642.* — Toronto, 1958.

¹⁶⁶ *Heal F. Economic Problems of the Clergy // Church and Society in England, Henry VIII to James I / Ed. by F. Heal and R. O'Day.* — London, 1977. — P. 106.

¹⁶⁷ *Cressy D. Literacy and Social Order.* — Cambridge, 1980. — P. 176—177.

¹⁶⁸ *Marshall P. The Catholic Priesthood and the English Reformation.* — Oxford, 1994. — P. 95—98, 100—101.

¹⁶⁹ *Aston M. Lollards and Reformers. Images and Literacy in Late Medieval Religion.* — London, 1984. — P. 131.

щенника подходящим понятием слово «служитель, исполнитель, слуга» (*minister*), потому что традиционно использовавшееся в английском языке слово *priest* подразумевало совершение священником таинства — таких действий, которые были недоступны без духовного сана. С 1552 г. стали запрещать выбривать тонзуру, и при посвящении в священники больше не вручали чашу и хлеб, а только Библию¹⁷⁰.

В оценке морального облика английского духовенства накануне Реформации на основе анализа материалов ряда визитаций историки утверждают, что священники подозревались в нецеломудрии обычно в среднем чуть менее чем в 5% приходов. Есть исследователи, предлагающие более высокие цифры: 15% в архидиаконстве Чичестер¹⁷¹, но в целом случаи невоздержания у католических священников, судя по сохранившимся источникам, были нечасты. Протестанты в пропагандистских целях просто раздували народное воображение относительно фактов о недостойном поведении священников, утверждая, что не найдется в Англии и одного из трех священников, который был бы действительно целомудренным, и говорили, что они уже развратили «100000 женщин»¹⁷², и эта протестантская пропаганда находила отклик в народных предрассудках¹⁷³. Существовала даже английская поговорка «Нежная, как любовница священника», включённая в собрание поговорок Джона Хейвуда, опубликованное в 1546 г.¹⁷⁴ Но П. Маршалл считает, что в Англии по сравнению с обстановкой на континенте было меньше сексуальных прегрешений среди духовенства, и такого же мнения придерживается занимавшийся изучением материалов церковных судов Р. Хоулбрук. Английские епископы, в отличие от континентальных, не получали больших денег от штрафов за сожительство, за легализацию незаконных детей.

Известно, что священники ещё в 1530-е гг. стали тайно заключать браки, количество которых, видимо, было даже немалым, так что браки священников осудила королевская прокламация 1538 г., заявлявшая, что священники, поступая таким образом, нарушают и волю монарха, и пренебрегают мнением прихожан¹⁷⁵. Согласно Шести статьям Генриха VIII 1539 г., сожительство священника с женщиной в случае повторного обвинения священника в этом прегрешении считалось преступлением, каравшимся смертью, а в 1540 г. смертный приговор был заменен конфи-

¹⁷⁰ *Marshall P.* The Catholic Priesthood and the English Reformation. — Oxford, 1994. — P. 138—140; In God's Name: Examples of Preaching in England from the Act of Supremacy to the Act of Uniformity, 1534—1662 / Ed. by J. Chandos. — London, 1971; *Tudor P.* Changing Private Belief and Practice in England: Devotional Literature, c. 1475—1550. — University of Oxford D. Phil. Thesis, 1984.

¹⁷¹ *Lander S.* Church Courts and the Reformation in the Diocese of Chichester, 1500—1558 // Continuity and Change: Personnel and Administration of the Church in England, 1500—1642 / Ed. by R. O'Day, F. Heal. — Leicester, 1976. — P. 218.

¹⁷² *Clebsch W.A.* England's Earliest Protestants, 1520—1535. — New Haven, 1964. — P. 73.

¹⁷³ *Marshall P.* The Catholic Priesthood and the English Reformation. — Oxford, 1994. — P. 145—146.

¹⁷⁴ *Tilley M.P.* Dictionary of Proverbs in England in the 16th and 17th Centuries. — Ann Arbor (Mich.), 1950. — P. 523.

¹⁷⁵ *Tudor Royal Proclamations* / Ed. by P.L. Hughes, J.F. Larkin. — Vol. I. — New Haven, 1964. — P. 274; *Scarisbrick J.J.* Henry VIII. — London, 1968. — P. 418—419.

скацией всего имущества и доходов¹⁷⁶. Прихожане, бывало, пытались не платить аморальным и распутным священникам десятину, но в Англии такой подход, хотя имел некоторые основания в каноническом праве, ассоциировался с донатистскими взглядами, исповедовавшимися лоллардами, что дискредитировало попытки неуплаты десятины¹⁷⁷.

Протестантские богословы обосновывали необходимость брака для духовных лиц тем, что всеобщий целибат духовенства недостижим, и его соблюдение невозможно, поскольку ведёт только к заблуждениям и обману — целибат для падшего человека рассматривался как психологически невозможный, кроме незначительного меньшинства людей¹⁷⁸. Практически вся полемическая литература о возможности брака для священников в начале английской Реформации выходила на английском языке, в чём П. Маршалл видит свидетельство заинтересованности в этом вопросе светских лиц¹⁷⁹.

Исследователи рассматривали вопрос о том, сколько английских священников заключили браки в 1549—1553 гг. На севере страны процент был довольно низким — в Йоркской епархии примерно 10%, при этом в очень консервативном городе Йорке было только четверо женатых священников¹⁸⁰. В традиционалистском Ланкашире заключили браки менее 5% священников, в Лондоне же примерно 33% священников вступили в брак, а в графствах Эссекс, Суффолк, Норфолк — примерно 25%. Труднее делать выводы о том, заключали ли браки священники без бенефициев: среди них, видимо, браков было меньше из-за худшего материального положения¹⁸¹.

Установлено, что в дореформационный период в церкви был распространён абсентеизм священников — примерно четверть держателей плюралитетов не имела викариев в тех приходах, где они не жили постоянно. Священники-абсентеисты, не находившие викариев в свои приходы, были весьма непопулярны¹⁸². Прихожане были недовольны отсутствием священника, потому что это угрожало, например, посмертной судьбе души: младенец, умерший некрещёным, как стали утверждать многие богословы, отправлялся не в лимб, а в ад; человек, умерший не исповедовавшим-

¹⁷⁶ *Marshall P.* The Catholic Priesthood and the English Reformation. — Oxford, 1994. — P. 150—151; *Houlbrooke R.* Church Courts and the People during the English Reformation 1520—1570. — Oxford, 1979. — P. 180.

¹⁷⁷ *McFarlane K.B.* Wycliffe and English Nonconformity. — Harmondsworth, 1972. — P. 110; *Brigden S.* Tite Controversy in Reformation London // JEH. — 1982. — Vol. 33.

¹⁷⁸ *Marshall P.* The Catholic Priesthood and the English Reformation. — Oxford, 1994. — P. 163.

¹⁷⁹ *Ibid.* — P. 166.

¹⁸⁰ *Palliser D.M.* Popular Reactions to the Reformation during the Years of Uncertainty, 1530—1570 // Church and Society in England: Henry VIII to James I / Ed. by F. Heal, R. O'Day. — London, 1977. — P. 42; *Cross C.* Priests into Ministers // Reformation Principle and Practice / Ed. by P.N. Brooks. — London, 1980. — P. 216.

¹⁸¹ *Spielmann R.M.* The Beginning of Clerical Marriage in the English Reformation: The Reigns of Edward and Mary // Anglican and Episcopal History. — 1987. — Vol. 56. — P. 258; *Carlson E.J.* Clerical Marriage and the English Reformation // JBS. — 1992. — Vol. 31.

¹⁸² *Bowker M.* Non-Residence in the Lincoln Diocese in the Early Sixteenth Century // JEH. — 1964. — Vol. 15; *Heath P.* The English Parish Clergy on the Eve of the Reformation. — London, 1969. — P. 56; *Brigden S.* London and the Reformation. — Oxford, 1989. — P. 57; *Marshall P.* The Catholic Priesthood and the English Reformation. — Oxford, 1994. — P. 178.

ся, на годы отправлялся в чистилище¹⁸³. Священник должен был быть доступен днем и ночью, поэтому светские лица возражали на предложения, согласно которым приходы без священника могли бы обслуживать монахи религиозных орденов, поскольку они были недоступны ночью¹⁸⁴.

Священники должны были проявлять гостеприимство и благотворительность из своих доходов, расходуя их на это примерно от четверти до трети¹⁸⁵. Священники, как видно из документов этого времени, обычно поддерживали отношения со своими родственниками. Приходское духовенство отличалось заметным локализмом в происхождении и социальных связях¹⁸⁶. Постороннему священнику часто было трудно вникнуть в жизнь прихода: даже в отношении священника сказывалась подозрительность к нему как к чужаку, что было характерно для английского общества того времени. Но, с другой стороны, если священник был местным, была опасность его втягивания в местные конфликты¹⁸⁷.

Английское общество начала XVI в. было проникнуто принципами иерархизма, и, например, значительный барьер разделял духовных лиц, имевших бенефиций, от тех, кто бенефиция не имел. Большинство ректоров и викариев по материальным условиям жизни и доходу были примерно равны с процветающими йоменами¹⁸⁸. С другой стороны, большинство помощников приходских священников, получавших фиксированное жалованье, зарабатывали лишь чуть больше, чем наемный рабочий в сельском хозяйстве. Возможность получить что-нибудь ценное по завещанию, приобрести небольшие участки земли спасала такое духовенство от полной бедности, но их социальный статус был в большинстве своем низким¹⁸⁹. Низок был социальный статус также у домашних священников, число которых увеличивалось в начале XVI в., и они стали напоминать домашних слуг по манере обращения с ними. Зависимыми были также священники, служившие в часовнях, а также священники, получавшие временное жалованье на совершение каких-то конкретных служб по распоряжению завещателей. Были также священники, служившие различным светским братствам, нанимаемые этими братствами и зависящие от них. Низшее духовенство, как это можно проследить по отчетам церковных старост, имело также некоторые источники для дополнительного заработка — игра на органе в церкви и его починка, ремонт церковных часов, стирка ритуальных одеяний¹⁹⁰.

¹⁸³ *Thomas K. Religion and the Decline of Magic.* — London, 1978. — P. 40.

¹⁸⁴ *Marshall P. The Catholic Priesthood and the English Reformation.* — Oxford, 1994. — P. 181—184.

¹⁸⁵ *Heal F. Economic Problems of the Clergy // Church and Society in England. Henry VIII to James I / Ed. by F. Heal and R. O'Day.* — London, 1977. — P. 100.

¹⁸⁶ *Haigh C. Reformation and Resistance in Tudor Lancashire.* — Cambridge, 1975. — P. 25; *Economic Problems of the Parochial Clergy in the Sixteenth Century // Princes and Paupers in the English Church, 1500—1800 / Ed. by R. O'Day, F. Heal.* — Leicester, 1981. — P. 24—25; *Scarlsbrick J.J. The Reformation and the English People.* — Oxford, 1984. — P. 44.

¹⁸⁷ *Marshall P. The Catholic Priesthood and the English Reformation.* — Oxford, 1994. — P. 194—195.

¹⁸⁸ *Cornwall J.C. Wealth and Society in Early Sixteenth-Century England.* — London, 1988. — P. 92.

¹⁸⁹ *Pound J. Clerical Poverty in the Early Sixteenth-Century England: Some East Anglian Evidence // JEH.* — 1986. — Vol. 37. — P. 389—393.

¹⁹⁰ *Marshall P. The Catholic Priesthood and the English Reformation.* — Oxford, 1994. — P. 196—198.

Историки обсуждают также вопрос о том, какие формы могло принимать недовольство католической церковью у англичан в предреформационные десятилетия. В своей биографической работе о Генрихе VIII Дж. Скарисбрик выделил четыре формы антиклерикализма в раннетюдоровский период: не вполне осознанное, скорее эмоциональное по форме негодование в отношении церковного богатства и влияния в обществе; более осознанный светский по характеру антиклерикализм, типичным носителем которого был Томас Кромвель; идеалистичный по характеру реформизм эразмианского толка, который исповедовали некоторые духовные лица, не собиравшиеся покинуть католическую церковь; прямой и откровенный антиклерикализм еретиков. У общественных групп и лиц, исповедовавших эти взгляды, было мало общего, и даже во многом их интересы сталкивались, а не взаимодействовали¹⁹¹. По мнению П. Маршалла, настоящий антиклерикализм стал проявлять себя в английском обществе лишь тогда, когда католические ценности были отвергнуты и появилась возможность утверждения в общественной жизни иных религиозных, этических, социальных ценностей, которые представляли бы католицизму жизнеспособную альтернативу, но «антиклерикализм», по его утверждению — «одно из самых анахроничных понятий для анализа истории Англии в XVI в., эквивалента которому для современников, видимо, не было»¹⁹².

При изучении истории английского католицизма в период после начала Реформации исследователи обращают внимание на то, что в правление Генриха VIII на церковных должностях продолжали находиться лица, придерживавшиеся католических взглядов, но среди них не было единства в понимании форм управления церковью. Епископ Стивен Гардинер представлял тех, кто оправдывал королевскую супрематию. Существовала также группа сторонников ослабления влияния государства на церковь (епископы Тансталл, Лонгленд и, с оговорками, известный придворный Томас Старки), воспринявшие также идеи консилиаризма, согласно которому высшая власть в церкви должна принадлежать Вселенским соборам, а не папе, что было несовместимо с идеей королевской супрематии. Давление, оказывавшееся королем и парламентом на церковь на рубеже 1520—30-х гг., видимо, произвело большое впечатление на народ: Дж. Элтон приводил примеры того, что в 1530-е гг. было много доносов на священников, которые высказывались против нового брака короля, молились за папу, не убирали имя папы из богослужебной литературы, настаивали на традиционных формах воздержания для прихожан во время Великого поста. На основе этого историки делали вывод о преданности англичан монарху в правление Тюдоров, предполагая также, что, возможно, это был способ свести старые счета с некоторыми священниками¹⁹³.

Заметный вклад в изучение английского католицизма XVI—XVII вв. внес также Дж. Эйвлинг. У писателей эпохи Реформации, считает Дж. Эйв-

¹⁹¹ Scarisbrick J.J. Henry VIII. — London, 1968. — P. 243—244.

¹⁹² Marshall P. The Catholic Priesthood and the English Reformation. — Oxford, 1994. — P. 213.

¹⁹³ Elton G.R. Policy and Police. — Cambridge, 1972. — P. 370; Marshall P. The Catholic Priesthood and the English Reformation. — Oxford, 1994. — P. 224.

линг, нельзя найти взвешенной оценки состояния церкви Англии накануне Реформации: они изображают её или как в необычайной степени коррумпированную (протестанты), или не видят в ней недостатков (католики), и эти вопросы, по мнению Дж. Эйвлинга, только лишь по свидетельствам современников Реформации решить нельзя. При этом предреформационная культура Англии была такова, что она не могла оказывать прямое эффективное сопротивление подчинению церкви Генрихом VIII в 1534 г. — при всей сложности этой культуры, считает Дж. Эйвлинг, в католической культуре предреформационного времени не было личностной мотивации, а неграмотные социальные низы тоже не могли предложить какую-либо контркультуру, оппозиционную по отношению к официальной¹⁹⁴.

Ещё с 1930-х гг. среди английских историков появилось мнение, что католицизм в Англии стал испытывать проблемы уже с XIV в., временами находясь в осажденном положении. Дж. Эйвлинг полагает, что даже в период развитого средневековья общественная жизнь не была проникнута абсолютной религиозностью, но в XVI в., по его мнению, эмоциональная жизнь самого светского по характеру человека (он приводит примеры из жизни проводившего Реформацию Томаса Кромвеля) была всё же в заметной степени наполнена религиозным содержанием. Существование сильной, хорошо организованной и владеющей собственностью католической церкви, выступавшей и в качестве работодателя, и как вспомогательная сила в осуществлении гражданской власти, были необходимыми составными частями поддержания законности и порядка в обществе в предреформационный период¹⁹⁵.

Численность духовенства в Англии накануне Реформации Дж. Эйвлинг определяет примерно в 35 тыс., из которых примерно половина жила в монастырях¹⁹⁶, что отличается до данных, предлагаемых К. Хейгом, который численность только белого духовенства в 1990-е гг. определил примерно в 40 тыс.¹⁹⁷ Дж. Эйвлинг скорее образно, чем аналитически характеризует предреформационный католицизм как «смесь трудно управляемой инерции и страстного динамизма, бездумного и непоследовательного консерватизма и откликающегося на духовный поиск радикализма, способного перейти к ярому религиозному диссидентству». Диссолюция монастырей в Англии, считает Дж. Эйвлинг, не оказала никакого влияния на жизнь бедных в стране, то есть на 80% населения. В 1534—1547 гг. среди грамотного меньшинства англичан во многих районах страны случались публичные выступления по поводу религиозных реформ, было много разговоров на религиозные темы, даже тайно распространялись рукописные воззвания, выражавшие несогласие с происходящим. Несколько сот духовных лиц бежали в Шотландию и на континент. Восстания 1536—37 гг. года, счита-

¹⁹⁴ *Aveling J.C.H.* The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation. — London, 1976. — P. 26—27.

¹⁹⁵ *Ibid.* — P. 11, 28.

¹⁹⁶ *Ibid.* — P. 30.

¹⁹⁷ *Haigh C.* English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993. — P. 3—6.

ет Дж. Эйвлинг, привлекли в северных графствах большинство грамотного или полуграмотного населения, но среди их участников не было единства по вопросу об отношении к папству. Примерно 15% всего населения и 75% грамотных, по его мнению, высказывались за сохранение основных черт традиционного католицизма, но очень немногие из социальной верхушки, землевладельцев-джентри и аристократии, составлявших 5% населения, приняли участие в движении протеста, что и обрекло его на поражение¹⁹⁸.

В размышлениях о том, почему верхушка общества в Англии не выступила против религиозной политики Генриха VIII, высказывались предположения, что религиозные проблемы были для них безразличны, или же что верхушка общества была деморализована усиливавшейся инфляцией, зависимостью от королевской власти. Но можно предположить, пишет Дж. Эйвлинг, что при умеренности первоначальной Реформации верхушка английского общества не считала, что король своими действиями сотрясает основы религии. Эти оценки близки взглядам К. Хейга и других историков-ревизионистов¹⁹⁹.

Как считает Дж. Эйвлинг, монастыри могли бы выстоять против диссолюции, если бы против их роспуска выступили монахи и светские лица, но протестовала буквально горстка монахов. Историк-католик Д. Ноулз расценивал позицию монахов как результат того, что «у всей массы монахов сдали нервы»²⁰⁰. Высказывалось и мнение, что большую роль в этой капитуляции сыграли неведение и страх, а правительство смогло сыграть на предложении монахам пенсий, угрозах, навязывании тем монахам, которые ещё оставались в монастырях, невыносимых дисциплинарных требований. Но эти методы были бы невозможны, если бы большинство монахов было намерено сопротивляться. Как обращает внимание Дж. Эйвлинг, сопротивление роспуску монастырей проявили несколько нетипичных монашеских общин. Все из них были основаны сравнительно недавно, были населены представителями элиты, которые выбрали монашество сознательно в зрелом возрасте. Это были картузианцы, францисканцы-обсерванты, бригиттинки, монахи из монастыря Сион. Остальные монастыри были встроены в местное общество. Для них были характерны традиционные образ жизни и формы набожности, множественные связи с окрестным сообществом вокруг монастыря и возникавшие отсюда послабления в образе жизни. Эпоха Контрреформации показала, что даже в странах, оставшихся католическими, было очень трудно модернизировать старые монастыри и ордена. Дж. Эйвлинг считает, что после смерти Генриха VIII в 1547 г. большинство образованных англичан думали о себе как о католиках, но религиозные различия уже давали о себе знать, и в каноническом смысле католицизм в Англии уже не существовал²⁰¹.

¹⁹⁸ *Aveling J.C.H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation.* — London, 1976. — P. 31—33.

¹⁹⁹ *Ibid.* — P. 33—34.

²⁰⁰ *Knowles D. Bare Ruined Choirs. The Dissolution of the English Monasteries.* — Cambridge, 1976.

²⁰¹ *Aveling J.C.H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation.* — London, 1976. — P. 35—36.

Дж. Эйвлинг утверждает, что ранний английский протестантизм сложился в рамках respectable и пious католицизма, а потом вырвался из него, «уведя с собой многих духовно живых и страстных адептов». Среди протестантов-эмигрантов времён правления Марии Тюдор были такие же психологические типы, как и среди страстных католиков. После утверждения в Англии протестантизма для многих respectable католиков было неприемлемо существование в сектантском статусе, поэтому они перешли в англиканство. Англичане из числа приверженцев католицизма в 1559 г. после прихода к власти Елизаветы и восстановления протестантизма бежали на континент, как считает Дж. Эйвлинг, в основном потому, что они в 1553—54 гг. вытеснили из университетов и соборных капитулов протестантов²⁰².

Согласно утвердившейся среди современных британских историков периодизации, первый этап в истории английского постреформационного католицизма приходится на 1558—1605 гг. Начальная дата в этих хронологических рамках связана с восшествием на престол королевы Елизаветы I, после которого в Англии окончательно утвердилась в качестве официальной протестантская англиканская церковь. 1605 год в качестве завершающего для первого этапа избран в связи с тем, что после Порохового заговора и событий 5 ноября 1605 г. английские католики стали приходить к осознанию того, что католической реставрации в Англии не будет, так что католицизм сможет продолжить свое существование в стране только как религия меньшинства. До 1605 г. английские католики в своих надеждах, а католические священники в английской миссии в своей практической деятельности и пропаганде исходили из того, что католицизму удастся опять стать официальной религией в Англии²⁰³.

К настоящему времени историками реконструированы важнейшие события и обстоятельства, сопутствовавшие восстановлению протестантизма в Англии в 1558 г. после смерти Марии Тюдор. Высказывались даже предположения, что при вступлении на престол Елизаветы больше волнений могло возбудить сохранение в стране католицизма, чем опасения относительно перехода к протестантизму. Английское духовенство было не готово любой ценой отстаивать приверженность католицизму. Только епископы в большинстве своем выступили против перемены религии: из 27 епископов Англии и Уэльса лишь двое согласились с королевским верховенством в церкви и сохранили свои должности. Исследователи отмечают, что среди приходского духовенства только около 300 священников отказались перейти в реформированное вероисповедание. Возможно, власти несколько занизили число несогласных с введением протестантизма священников, но в целом Англия беспрепятственно вернулась к протестантскому вероисповеданию²⁰⁴.

²⁰² Ibid. — P. 40, 49—50.

²⁰³ McGrath P. *Papists and Puritans under Elizabeth I.* — London, 1967. — P. IX—X.

²⁰⁴ McGrath P. *Papists and Puritans under Elizabeth I.* — London, 1967. — P. 9; Dures A. *English Catholicism, 1558—1642.* — Harlow, Essex, 1983. — P. 1—3; Hudson W.S. *The Cambridge Connection and the Elizabethan Settlement of 1559.* — Durham (N.C.), 1980; MacCaffrey W. *The Shaping of Elizabethan Regime (1558—1572).* — London, 1969; MacCulloch D. *The Later Reformation in England, 1547—1603.* — New York, 1990.

Власти с начала правления Елизаветы следили за посещением англичанами церкви. Согласно Акту о единообразии 1559 г., рекузантом считался тот, кто отказывался посещать службу в церкви Англии по воскресеньям и установленным церковью праздничным дням. В 1593 г. указом королевы Елизаветы был введен термин «рекузант-папист» для того, чтобы отличать католиков-рекузантов от других лиц, не присутствовавших на церковных службах, поскольку непосещением служб выражали свое несогласие с установленной церковью также и сепаратисты, некоторые пуритане²⁰⁵.

Приверженность к католицизму среди джентри, по мнению историков, далеко не всегда проистекала из каких-то особенно глубоких религиозных и богословских убеждений и часто объяснялась интуитивным тяготением к традиционному социальному порядку, так как католицизм представлялся давно существовавшей «естественной» религией, а протестантизм — опасным новшеством, слишком уж побуждавшим к размышлениям над теми вопросами, которые ранее были просто предметом веры. Британские историки признают большую роль в поддержании и сохранении католицизма в стране оставшейся верной католической религии части джентри, так что даже английский католицизм второй половины XVI—XVII вв. называют «сеньериальным»: без надежной поддержки со стороны джентри католическим священникам попросту было бы негде укрыться, а существование католицизма в решающей степени зависит от того, доступен ли религиозному сообществу священник. И всё же вплоть до рубежа XVI—XVII вв. в Англии сохранялись примеры существования не только «сеньериального», но и народного католицизма в крестьянской среде. Католикам также удавалось устанавливать контакты с лицами разных социальных типов: содержателями гостиниц, укрывавшими священников, купцами, контрабандой ввозившими католическую литературу. Все они помогали католикам с риском для себя, но в их действиях переплетались религиозные и экономические мотивы, и последние, возможно, ради получения дохода у некоторых из них перевешивали первые²⁰⁶.

В течение нескольких лет на рубеже 1550—1560-х гг. испанский король Филипп II (1555—1598) сеял среди католиков в Европе надежды на то, что Англию удастся вернуть к католицизму дипломатическим путем, поскольку такие надежды искусно подогревала королева Елизавета. Только в 1566 г. папа Пий V резко высказался против посещения католиками установленной церкви в Англии. К началу 1560-х гг. существовала многочисленная английская католическая эмиграция на континенте. Количественный её состав оценивают в несколько тысяч человек, а более точной оценке её численность не поддается²⁰⁷. В первое десятилетие правления Елизаветы более ста членов советов колледжей покинули Оксфордский университет из-за

²⁰⁵ Rowlands M.B. *Recusant Women 1560—1640 // Women in English Society, 1500—1800 / Ed. by M. Prior. London-New York, 1985. — P. 148.*

²⁰⁶ Dures A. *English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 7.*

²⁰⁷ Guilday P. *The English Catholic Refugees on the Continent, 1558—1795. — London, 1914; Southern A.C. Elizabethan Recusant Prose. — London, 1950; Clancy T.H. Papist Pamphleteers. — Chicago, 1964; Beals A.C.F. Education under Penalty. — London, 1963.*

несогласия с переходом к протестантизму. Католики-эмигранты надеялись, что в английских университетах понизится интеллектуальный уровень. Английские эмигранты-католики не имели связей с теми, кто руководил католической церковью Англии во время реставрации католицизма в правление Марии, и даже относились к этим лицам с некоторым пренебрежением, поскольку сами были главным образом интеллектуалами-гуманистами²⁰⁸.

По социальному составу английских эмигрантов-католиков это были преимущественно ученые-преподаватели, джентльмены и их слуги. Самыми известными из английских эмигрантов этого времени были Томас Стэйлтон, Николас Сандерс — бывший профессор канонического права в Оксфорде, Лоренс Вокс (Vaux) — бывший член совета колледжа Corpus Christi в Оксфорде, Уильям Аллен — бывший глава колледжа St. Mary's Hall в Оксфорде, ставший кардиналом римско-католической церкви. Главным центром английской католической эмиграции на континенте был Лувен в Южных Нидерландах. Но в течение целого ряда лет ничего целенаправленно не предпринималось для организации подготовки католических священников для Англии, и только в 1568 г. по инициативе Уильяма Аллена в Лувене была открыта английская католическая семинария, которая должна была стать образовательным центром английского католицизма, готовившим кадры для служения в Англии. В 1573 г. её первые выпускники были возведены в сан священника и в 1574 г. отправлены в Англию.

В характеристике положения английских католиков внутри страны в 1560-е гг. британские историки отмечают, что политика властей по отношению к католикам в это время отличалась мягкостью. Согласно актам о королевском верховенстве и единообразии, на светских лиц-католиков за непосещение церкви налагался штраф в 12 пенни за одно отсутствие. Отказ принести клятву о королевском верховенстве (the Oath of Supremacy), если католик занимал пост в системе управления, влѣк за собой лишение должности. Клятву о признании королевского верховенства в церкви приносили школьные учителя, юристы, должностные лица при дворе и депутаты парламента, но от этой клятвы фактически была освобождена высшая знать. Елизавета следила также за тем, чтобы отказавшимся принести клятву о королевском верховенстве в первый раз не предлагали принести её во второй раз, поскольку отказ от этой клятвы во второй раз, по установленному законодательству, влѣк за собой смертную казнь. Тот, кто выступал в печати или другим способом публично высказывался против существовавшего церковного устройства с католических позиций, за первое такое выступление лишался имущества, во второй раз попадал под действия статута praemunire (конфискация имущества и тюремное заключение), а за третье такое выступление полагалась смертная казнь²⁰⁹. Священник, служивший мессу, или мирянин, обеспечивший условия для её совершения, подлежали смертной казни. На тех, кто посещал мессу, на-

²⁰⁸ Bossy J. *The English Catholic Community, 1570—1850*. — London, 1975. — P. 12—15; Haile M. *An Elizabethan Cardinal: William Allen*. — London, 1914.

²⁰⁹ Neale J.E. *Elizabeth I and Her Parliaments. 1558—1581, 1581—1603*. 2 vols. — London, 1953, 1957. — Vol. I. — P. 116—120; Dures A. *English Catholicism, 1558—1642*. — Harlow, Essex, 1983. — P. 9.

лагался штраф в 100 марок (66 фунтов 13 шиллингов 4 пенса). До 1577 г. никто не получал за совершение мессы смертный приговор, хотя штрафы в 100 марок налагались. В парламенте 1563 г. настоятель собора Св. Павла в Лондоне кальвинист Александр Ноуэлл призывал ввести смертную казнь за исповедание католицизма. Но все эти законодательные меры, антикатолические выпады в парламенте не отражали в полной мере позицию самой Елизаветы, которая в 1560-е гг. стремилась не оттолкнуть от себя своих подданных-католиков. Лиц, о которых было известно, что они исповедуют католицизм, в 1560-е гг. часто даже не отстраняли от должности, если они приносили клятву о признании королевского верховенства в церкви.

Исследователи отмечают, что одной из причин вялых действий властей против католиков в начальный период правления Елизаветы было то, что в некоторых районах, как в Норт Райдинге Йоркшира, где среди джентри католики пользовались влиянием или даже занимали должности мировых судей, было просто трудно действовать иначе. По данным, собранным в 1564 г. епископами о религиозных взглядах мировых судей, по стране благоприятно относились к протестантскому религиозно-политическому устройству 438 мировых судей, не хотели признавать королеву главой церкви 293 человека, нейтрально вели себя 125 человек, и взгляды 85 человек определить не удалось. Неблагоприятно относившиеся к строю установленной церкви мировые судьи сосредоточивались в значительной степени в епархиях Карлайл, Честер, Чичестер, Герефорд, Вустер, и часть из этих мировых судей, как предполагают, следует отнести к протестантским нонконформистам, но были среди них, несомненно, и католики. Отсутствие жёстких преследований католиков в Англии в 1560-е гг. со стороны властей историки рассматривают как одну из причин того, что католицизм в стране сохранился²¹⁰.

При этом в 1561—62 гг. власти провели в общенациональном масштабе перепись известных и важных католиков, которые до сих пор не признали новое религиозно-политическое устройство, и составили их список, опубликованный в издании реестра государственных документов²¹¹. В список были включены те католики, которые находились на свободе, и их места проживания были известны, те, на кого поступали жалобы властям, но эти лица скрывались или бежали за границу, а также те, кто уже находился под стражей. В списке было всего 96 имен, и большинство этих католиков были духовными лицами, преподавателями или студентами университетов. Историки также предполагали, что низложенный епископ Петерборо Дейвид Пул, который не был арестован и жил в графстве Стаффордшир в 1560-е гг., в какой-то мере выполнял функции необходимого для существования католического сообщества иерарха²¹².

²¹⁰ Alexander H.G. Religion in England, 1558—1662. — London, 1968. — P. 103; Cliffe J.T. The Yorkshire Gentry from the Reformation to the Civil War. — Athlone Press, 1969; Trimble W.J.K. The Elizabethan Catholic Laity. — Harvard University Press, 1964. — P. 26, 43.

²¹¹ Calendar of State Papers, Domestic ... Elizabeth, 1601—1603 / Ed. by M.A. Green. — London, 1870. — Vol. VI.

²¹² A Collection of Original Letters from the Bishops to the Privy Council, 1564 / Ed. by M. Bateson. Camden Society. The Camden Miscellany. IX. LIII. — Westminster, 1895. — P. 40—41;

У. Тримбл отмечал, что даже в наиболее опасный для власти Елизаветы 1588 г. из-за угрозы со стороны католической Испании королева не начала гонения на английских католиков, отдав в этом году распоряжение лишь о заключении под стражу самых известных представителей английского католического сообщества. Исповедание католицизма в Англии этого времени не влекло за собой для человека социального ostracism — заключались смешанные браки между католиками и протестантами, католики и протестанты бывали доброжелательными соседями и деловыми партнерами, протестанты выступали поручителями политической лояльности своих соседей-католиков. Сохранившие верность католицизму англичане поступали так потому, что, по его мнению, это было связано с семейными традициями и пристрастиями, а также с тем, что некоторые лица очень тесно связали себя активной принадлежностью к католицизму в правление Марии Тюдор²¹³.

Как считают исследователи, самой большой ошибкой, допущенной английскими католиками и католическими силами в Европе в первые годы правления Елизаветы, было отсутствие конкретных указаний для английских католиков в вопросе о возможности посещения служб в англиканской церкви, хотя в 1562 г. комитет из богословов, заседавших на Тридентском соборе, принял постановление о запрещении английским католикам посещать службы в церкви Англии. При этом не было предпринято усилий в том, чтобы довести это важное решение до сведения самих английских католиков²¹⁴. Активная пропаганда рекузантства в Англии началась только в 1566 г., когда эмигрант Лоренс Вокс написал письмо в Англию, побуждая влиятельных светских лиц из числа своих знакомых, а также родственников в графстве Ланкашир перейти к рекузантству. Следовательно, отмечает П. Холмс, основателями практики рекузантства в Англии стали не священники-семинаристы, а представители предыдущего поколения католиков, что склоняет к идее о существовании преемственности в развитии английского католицизма²¹⁵.

К концу 1560-х гг. политика властей по отношению к католикам сосредоточилась на том, чтобы склонить в каждом графстве крупнейшие известные католические семейства к демонстративному принятию реформированной религии, чтобы повлиять на остальных католиков на местах. Те видные католики, кого не удавалось склонить к этому, были или заключены в тюрьму, или, по крайней мере, ограничены в передвижении²¹⁶.

После начала Северного восстания 1569 г. всем должностным лицам в Англии приказали принести клятву о признании религиозного единообразия в церкви, и, как отмечает А. Дюре, практически все известные

Trimble W.K. The Catholic Laity in Elizabethan England, 1558—1603. — Cambridge (Mass.), 1964. — P. 10, 12.

²¹³ *Trimble W.K. The Catholic Laity in Elizabethan England, 1558—1603. — Cambridge (Mass.), 1964. — P. 266.*

²¹⁴ *McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 58; Dures A. English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 11.*

²¹⁵ *Holmes P. Resistance and Compromise. The Political Thought of Elizabethan Catholics. — Cambridge University Press, 1982. — P. 83—84.*

²¹⁶ *Dures A. English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 10.*

католики в графствах дали эту клятву. Как отмечает Дж. Босси, отличительной характеристикой католицизма в Англии в первые двадцать лет правления Елизаветы был его заметный конформистский характер²¹⁷.

Некоторые британские историки оспаривали мнение о том, что Елизавета была веротерпима — ведь результатом этой якобы веротерпимости были происходившие в её правление казни сепаратистов, католиков, и католиков вообще фактически лишили возможности совершать службы. С одной стороны, Лондон в XVI—XVII вв. был более свободным городом, по сравнению с Мадридом и Женевой, но в правление Елизаветы веротерпимости пока ещё не было²¹⁸.

Под влиянием восстания северных графов 1569—70 гг. и при побуждении группы английских эмигрантов-католиков в Лувене папа Пий V (1566—1572) 22 или 25 февраля 1570 г. подписал буллу “*Regnans in Excelsis*” об отлучении и низложении Елизаветы. Отлучение Елизаветы осудили католические монархи Европы²¹⁹. На момент издания буллы о крахе Северного восстания в Риме ещё не знали. Большинство английских католиков игнорировало буллу, но есть также свидетельства, что булла стимулировала переход в рекузанты, хотя увеличение количества рекузантов объясняют также и усилением розыска католиков властями, особенно в епархиях Норидж, Честер и Винчестер — усилилась бдительность властей по отношению к поведению католиков, так что в дальнейшем булла, скорее, мешала деятельности английских католиков, чем оказала какое-либо позитивное влияние — это был готовый предлог для преследований католиков²²⁰.

С 1569 г., как выявлено, католики разрабатывали политическую интригу, возможной целью которой был захват престола при отсутствии наследника у Елизаветы — план о заключении брака между герцогом Норфолком и Марией Стюарт. В поддержку этого плана в 1571 г. произошло небольшое восстание католиков в Ланкашире, в результате чего в январе 1572 г. герцог Норфолк был посажен в Тауэр с обвинением в государственной измене, а оказавший финансовую поддержку этим действиям английских католиков флорентийский банкир Ридольфи выехал из Англии. Эти события вошли в историю как заговор Ридольфи. Историки не исключают вероятности того, что банкир Ридольфи был двойным агентом²²¹.

Как отмечают исследователи, англиканское духовенство к началу 1570-х гг. осознало, что способом наиболее точного определения того, является

²¹⁷ *Bossey J. The Character of Elizabethan Catholicism // Crisis in Europe, 1560—1660 / Ed. by T. Aston. — London, 1965.*

²¹⁸ *Alexander H.G. Religion in England, 1558—1662. — London, 1968. — P. 112.*

²¹⁹ *Holmes P. Resistance and Compromise. The Political Thought of Elizabethan Catholics. — Cambridge University Press, 1982. P. 159—160.*

²²⁰ *Elton G. The Tudor Constitution: Documents and Commentary. — Cambridge, 1960. — P. 414—418; Clancy T.H. English Catholics and the Papal Deposing Power // *Recusant History*. — 1961—1962. — Vol. 6. — Part I. — № 3; — 1961—1962. — Vol. 6. — Part II. — № 5; — 1963. — Vol. 7. — Part III. — № 1; *Dures A. English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 15.**

²²¹ *Dures A. English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 16—17; Edwards F. The Dangerous Queen. — London, 1964; Hicks L. An Elizabethan Problem. — London, 1964.*

ли человек католиком, может служить не посещение им церкви, а принятие причастия в англиканской церкви, так что стало возможным выявление «церковных папистов», которые бывали на службах, но не подходили к причастию. Поэтому в парламенте 1571 г. епископ Лондонский Эдвин Сэндис представил законопроект, по которому лица, слывшие католиками, в том случае, если они хотя бы раз в год не принимали причастие в англиканской церкви, подлежали штрафу в 100 марок, но Елизавета, несмотря на принятие законопроекта обеими палатами, наложила на него вето²²².

Историки отмечали, что папская булла 1570 г. об отлучении Елизаветы от церкви с начала 1570-х гг. активизировала разработку антикатолического законодательства. В 1572 г. Тайный совет задумал и частично реализовал ещё одну меру против католиков — заключение наиболее активных из них под стражу в одну тюрьму для предотвращения воздействия католиков на сознание других заключенных-протестантов, для чего была избрана тюрьма Уисбеч на острове Эли, где католики должны были содержать себя за свой счёт. В дальнейшем католиков в Англии то собирали в тюрьмы, то отпускали в зависимости от обстановки в стране и от ситуации во внешней политике²²³.

Дж. Эйвлинг считает, что активизация католиков в 1570-е гг. вызвала также усиление пуританизма: эти две религиозные крайности, на его взгляд, взаимно питали друг друга. Английское общество в 1570-е гг. испытывало религиозное брожение, хотя оно и не носило массового характера. Его влияние чувствовалось в основном в университетах среди их выпускников, среди представителей средних классов в городе. Эти процессы несли с собой подъём религиозного идеализма, несогласие с установленной церковью, дискуссии, которые приводили в некоторых случаях к обращениям в католицизм. В католическом возрождении 1570-х гг., считает Дж. Эйвлинг, была спонтанность, и оно само по себе стимулировало существование католической миссии в Англии²²⁴.

Новая стадия на первом этапе в истории английского католицизма, как считают историки, началась с 1574 г., когда в Англию прибыли первые выпускники английской католической семинарии, которые пытались создать условия для реанимации католицизма в стране путем организации английской католической миссии. Установлено, что в 1574—1580 годах для служения в Англию приехали 103 священника-миссионера, и с 1574 г. английские власти стали переходить в отношении к католикам от случайных и несистематичных преследований и штрафов к постоянному давлению²²⁵.

Примерно половина католических священников, отправленных в Англию, арестовывалась властями, многие подолгу оставались в тюрьмах, некоторых из них пытали. Большинство арестованных священников были

²²² Dures A. *English Catholicism, 1558—1642*. — Harlow, Essex, 1983. — P. 16.

²²³ McGrath P. *Papists and Puritans under Elizabeth I*. — London, 1967. — P. 104.

²²⁴ Aveling J.C.H. *The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation*. — London, 1976. — P. 52.

²²⁵ Trimble W.R. *The Catholic Laity in Elizabethan England*. — Cambridge (Mass.), 1964. — P. 68—69; McGrath P. *Papists and Puritans under Elizabeth I*. — London, 1967. — P. 111.

отпущены с обещанием, что они уедут из страны. С 1580 г. закон автоматически предусматривал смертный приговор для каждого священника, посвященного в сан за рубежом и захваченного в Англии, но исполнение приговора зависело от взглядов священника, от ситуации в стране. Специальными тюрьмами для католических священников были Уисбеч и Фрэмлингем в Восточной Англии, и здесь, а также в лондонских тюрьмах им разрешали служить мессу для заключённых-католиков, а в Лондоне их, бывало, отпускали под честное слово в город. Из примерно 800 священников, возведённых в сан в семинариях к 1603 г., 150 не попали в Англию по разным причинам (непригодность к службе в нелегальных условиях, принятие в штат семинарии преподавателями, вступление в религиозные ордена и др.). Около 40 из этих священников ушли в англиканскую церковь. Около 80 священников делись неизвестно куда — исследователи не нашли о них последующих упоминаний. К 1600 г. Дж. Эйвлинг насчитывает примерно 300 католических священников, служивших в Англии, в среднем шесть на графство, при 10 тыс. протестантских священниках в церкви Англии. Поскольку в то время религиозные идеи могли эффективно распространяться, если их поддерживали социальные верхи, поддержка католицизма среди джентри и аристократии давала шанс на существование католицизму, опираясь на который, можно было бы побороться за предоставление права на свободу вероисповедания по примеру Франции. К 1580-м гг. интенсификация католической пропаганды дала некоторые результаты среди мелкого и среднего землевладельческого джентри, их слуг и арендаторов, но сельская и городская беднота реагировали слабо, пэры и крупные землевладельцы — совсем незначительно, хотя успехом этой пропаганды можно считать то, что всё же откликнулись осторожные мелкие землевладельцы, которые ранее не среагировали на Северное восстание 1536 г.²²⁶

Дж. Эйвлинг собрал представляющие интерес данные о том, как происходило формирование католического сообщества на местном уровне, что в определённой степени позволяет составить представление о католицизме на севере Англии, хотя он не склонен экстраполировать данные, собранные на материалах Йорка, на понимание ситуации в других городах страны²²⁷. По его данным, до 1572—73 гг. в Йорке были 2—3 католика, которые обратились во время учебы в университете, но католического сообщества в Йорке ещё не было — оно быстро сложилось в 1572—76 гг. в среде активных ремесленников среднего достатка, причём заметную роль в этом играли их жены. К 1575 г. в городе Йорке была убеждённая группа примерно из 40 семей католиков-рекузантов, которые не боялись проявлять свою принадлежность к исповеданию католицизма. Это сообщество было сплочённым, имело возможности расширения. В ноябре 1576 года в Йорке Суд Высокой комиссии допрашивал 51 женщину из числа рекузанток, которые вполне сознательно исповедовали католи-

²²⁶ *Aveling J.C.H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation.* — London, 1976. — P. 61—66.

²²⁷ *Aveling J.C.H. Catholic Recusancy in the City of York, 1558—1791.* — St. Albans (Hertfordshire), 1970.

цизм, заявляя, что протестантская религия противоречит их совести²²⁸. В 1578—1582 гг. сюда стали приезжать священники-семинаристы, но местные католики уже подвергались преследованиям, и некоторые из священников арестовывались буквально через несколько дней после появления в городе. В течение следующих тридцати лет власти довольно активно преследовали католиков в Йорке.

Один из требующих объяснения вопросов — причины превращения католиков в Йорке в рекузантов, поскольку священники-семинаристы за стали тут общину, в которой уже были рекузанты. По мнению Дж. Эйвлинга, оба явления — и возникновение в Йорке сообщества рекузантов в 1572—76 гг., и появление здесь священников-семинаристов имели в своей основе действие некоторых факторов. Первым из них Дж. Эйвлинг считает тревогу и беспокойство религиозно чувствительных англичан тем религиозным вакуумом, который, как ему видится, ощущался в английском обществе в 1566—70 гг. Эти сочувствовавшие католицизму жители севера страны не поддерживали политический католицизм руководителей восстания 1569 г. — это восстание, скорее, вызвало панику. В качестве второго фактора появления католиков-рекузантов в Йорке Дж. Эйвлинг предлагает рассматривать личное влияние нескольких семей католиков из числа джентри, которые появились в городе во время Северного восстания 1569 г. в условиях, когда протестантские власти ещё недостаточно активно вели пропаганду на севере. На появление рекузантов в Йорке оказала влияние также издававшаяся английскими католическими эмигрантами в Лувене апологетическая литература, которая попала в этот район. Дж. Эйвлинг при этом считает, что первоосновой роста католицизма в Йорке было тяготение к нему части горожан, что и дало результаты. Главы католических семей были мясниками, портными, торговцами мануфактурными товарами, и некоторые из них входили в состав городских властей²²⁹. Другой сложный вопрос — что поддерживало католиков в Йорке в трудные 1576—1610 гг., поскольку католические священники могли действовать здесь лишь недолго, их открытые проповеди были в городе практически невозможны. Среди местных католиков были, по оценке властей, «опасные паписты-соблазнитель», очень грамотные, имевшие доступ к католической литературе торговцы и владельцы ремесленных предприятий, но были также упорные паписты, которые были неграмотными или почти неграмотными²³⁰.

В 1577 г. епископ Лондонский Джон Эйлмер выдвинул идею об усилении обложения католиков штрафами, а не о заключении их в тюрьму. Такая политика впоследствии стала проводиться только с 1581 г., но уже в октябре 1577 г. епископы начали проводить перепись рекузантов в своих епархиях, и к декабрю 1577 г. был составлен список из 1562 имён,

²²⁸York Civic Records / Ed. by A. Raine. VII. Yorkshire Archaeological Society Record. Ser. — 1950. — Vol. CXV. — P. 130—131.

²²⁹Aveling J.C.H. Catholic Recusancy in the City of York, 1558—1791. — St. Albans (Hertfordshire), 1970. — P. 60—66.

²³⁰Ibid. — P. 161.

включая 1 представителя знати, 10 рыцарей, 30 знатных дам, 102 эсквайров, 399 джентльменов, 36 священников, 984 прочих. 29 ноября 1577 г. был казнён первый католический священник, окончивший семинарию в Дуэ — Катберт Мэйн. Мирянина, в доме которого был арестован Катберт Мэйн, Фрэнсиса Треджиана, власти держали в тюрьме до 1601 г.²³¹

Как подсчитали британские историки, в 1558—1603 гг. за рубежом были возведены в сан 815 английских священников, в 1603—1659 гг. — ещё 925 священников. Большинство из них приехали служить в Англию²³².

В 1570-е гг. обсуждались варианты католического вторжения на Британские острова непосредственно в Англию или через Ирландию. В 1579—1581 гг. английские католики организовали вторжение в Ирландию во главе с ирландцем Джеймсом Фитцморисом Фитцджеральдом и Николасом Сандером. Они высадились в Ирландии в заливе Дингл Бей в июле 1579 г. в составе 80 человек и способствовали началу восстания ирландских католиков, но Фитцморис в августе 1579 г. погиб в бою. В сентябре 1580 года к ним прибыло подкрепление из Испании в составе 550 солдат и 800 добровольцев, но к концу 1581 г. это восстание было подавлено, а Николас Сандер в начале 1581 г. умер от трудностей жизни в походных военных условиях. Как считает П. Макграт, эти попытки восстановления католицизма вооружённой силой приносили английским католикам, скорее, вред, поскольку осложняли работу в Англии священникам-миссионерам, которые стремились поддержать существование английского католицизма методами убеждения. Бдительность английских властей также усилилась из-за того, что летом 1580 г. на территории страны появились первые английские иезуиты, что в церкви Англии расценивали как «вторжение иезуитов», хотя иезуиты провозглашали, что их деятельность в Англии носит религиозный характер и стремились не упоминать какие-либо политические цели²³³.

Тенденцией в развитии английского католического сообщества было то, что в 1580—90-е гг. уменьшалось количество семей с консервативными религиозными настроениями, склонными к католицизму, но возрастало число убеждённых рекузантов: так, в преимущественно протестантском Суссексе в 1560-е гг. было 33 католические семьи среди ведущего джентри графства, а в 1580-е гг. число католических семей сократилось до 25, при этом рекузантами среди них были 15 семей²³⁴. Но в некоторых графствах число рекузантов резко возросло: по данным епископских визитаций, в Ланкашире в 1578 г. было 304 рекузанта, а в 1590 г. — 534, и это, возможно, недооценка, поскольку в 1603 году в Ланкашире было 3500 рекузантов

²³¹ *McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I.* — London, 1967. — P. 116—120.

²³² *Anstruther G. Seminary Priests: A Dictionary of the Secular Clergy, 1558—1850.* — Ware, 1968—1976. — Vol. I—II; *Watkin E.I. Roman Catholicism in England.* — London, 1957; *Caraman P. Henry Garnet and the Gunpowder Plot.* — London, 1964; *Caraman P. Walsh J. The Martyrs of England and Wales, 1535—1680.* — London, 1960; *Nuttall G.F. The English Martyrs, 1535—1680: A Statistical Review* // *JEH.* — 1971. — Vol. 22.

²³³ *McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I.* — London, 1967. — P. 124, 161—163.

²³⁴ *Manning B.R. Religion and Society in Elizabethan Sussex.* — Leicester University Press, 1969.

или даже больше²³⁵. То же самое явление прослеживалось в Йоркшире, где в 1604 г. было 112 семей джентри-рекузантов, и количество таких семей с 1580-х гг. удвоилось. Как писал Дж. Т. Клифф, с 1580-х годов стал происходить процесс поляризации джентри: большая часть его ушла в англиканство, но некоторые только укрепились в католической вере²³⁶.

Как считает А. Дюре, в большинстве районов Англии деятельность священников-миссионеров привела к появлению рекузантов потому, что ранее среди местного населения существовали индивидуальные и коллективные наклонности к католицизму, которые поддерживались частично также деятельностью католических священников, служивших в стране со времён правления Марии Тюдор. Но при этом, по его мнению, в Англии были районы, в которых католицизм был буквально воссоздан священниками-семинаристами, и особенно это проявилось в городах, в том числе очень заметно в Лондоне. В Лондоне по данным 1587 г. было около 60 рекузантов, а в 1603 г. их было более 700. В Лондоне количество рекузантов принято приводить с учётом тех католиков, которые сидели в столице в тюрьме, но и в этом случае всё же очевидно, что в городах в результате деятельности английской католической миссии появились католики не из числа джентри. Увеличение числа рекузантов в Англии в 1590-е гг. объясняют также и более активной деятельностью властей по их выявлению в условиях той политической опасности, которая была связана с обострившимся англо-испанским противостоянием²³⁷.

С начала 1580-х гг. со стороны английских католиков из среды землевладельческого джентри были случаи обращения к королеве с петицией о предоставлении им религиозных свобод с условием их политической верности короне и с уплатой ежегодной субсидии. Подобная петиция впоследствии появлялась также в 1604 г., но неизвестно, дошла ли она до Якова I. Податели петиций при этом даже не считали необходимым, чтобы с заявлением подобного рода выступили сами католические священники: по их мнению, было вполне достаточно, если от имени священников такое заявление сделают представители католического джентри, в чём историки видят свидетельства того, что католики-землевладельцы были вполне удовлетворены тем, что священники часто оказывались в материальной зависимости от них²³⁸.

Исследователи предполагают, что при подготовке парламентского законодательства против католиков в 1581 г. Уильям Сесиль олицетворял те силы в Англии, которые хотели сделать жизнь для католиков в Англии совершенно невозможной, но антикатолическое законодательство приняло более умеренный характер под влиянием королевы Елизаветы. В преследовании католиков в Англии, как считает П. Макграт, кроме по-

²³⁵ Haigh C. *Reformation and Resistance in Tudor Lancashire*. — Cambridge University Press, 1975. — P. 269.

²³⁶ Cliffe J.T. *The Yorkshire Gentry from the Reformation to the Civil War*. — Athlone Press, 1969. — P. 189.

²³⁷ Dures A. *English Catholicism, 1558—1642*. — Harlow, Essex, 1983. — P. 28.

²³⁸ Scarisbrick J.J. *The Reformation and the English People*. — Oxford, 1984. — P. 147—148; Bossy J. *The English Catholic Community, 1570—1850*. — London, 1975. — P. 37—38.

литических причин, сказывались также и религиозные причины: в Англии в 1580-е гг. уже укоренился протестантизм, и многие искренне считали, что католицизм является ложной религией²³⁹.

Парламент 1581 г. принял закон «Об удержании королевских подданных в должном повиновении», согласно которому обвинялись в предательстве те, кто агитировал против подчинения королеве, законно установленной религии и пытался высказываться в поддержку авторитета папы. В рассмотрении значения этого закона А.О. Мейер²⁴⁰ и Дж. Нил²⁴¹ полагали, что государственной изменой в нём считались лишь действия в виде попытки обращения в католицизм или переход человека в католицизм. Но, как считает П. Макграт, то, что пытались вычитать в этом парламентском акте историки, вряд ли различали современники событий: признание английским католиком власти и авторитета папы, предполагавшееся составной частью взглядов любого католика, означало, что такого человека сразу же можно было осудить за предательство²⁴². Католический историк Ф. Хьюз придерживался мнения, что любое примирение с католицизмом в акте рассматривалось как государственная измена²⁴³. А. Дюре считает, что закон был сформулирован так двусмысленно, что власти при необходимости могли применить его к любому человеку, перешедшему в католицизм. В нём предусматривался также штраф в 20 фунтов в месяц в отношении тех католиков, которые, будучи старше 16 лет, не посещали службы ни в одном приходе церкви Англии. Исследователи в целом считают 1581 г. временем выхода на новые рубежи в преследовании властями английского католицизма, когда преследование стало более жёстким. За 1580—85 гг. в Англию прибыли 179 католических священников. В 1585 г. был издан парламентский «Акт против иезуитов, священников-семинаристов и других подобным им непокорных лиц», в котором объявлялось, что любой католический священник мог быть обвинен в измене, если он прибывал в Англию, и допускалась возможность смертного приговора даже за укрывательство католического священника. На основе этого Акта были казнены 123 католических священника и 36 католиков-мирян — больше, чем по какому-либо другому²⁴⁴. Захваченных католических священников также высылали из страны, но они возвращались. Согласно подсчетам историков, в 1581—1603 гг. были казнены 178 священников и 76 католиков-мирян. В первой половине XVII в. были казнены ещё 20 священников²⁴⁵.

В 1587 г. для усиления финансового давления на католиков был принят новый акт: штрафы, налагавшиеся на рекузантов, становились кумулятив-

²³⁹ *McGrath P.* Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 175, 183—184.

²⁴⁰ *Meyer A.O.* England and the Catholic Church under Queen Elizabeth / Transl. by J.K. McKee. — London, 1915. — P. 148.

²⁴¹ *Neale J.E.* Elizabeth I and her Parliaments, 1559—1581. — London, 1953. — P. 388. — Vol. I.

²⁴² *McGrath P.* Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 176.

²⁴³ *Hughes P.* The Reformation in England. — London, 1954. — Vol. III. — P. 343 note 3.

²⁴⁴ *Dures A.* English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 29; *Hughes P.* Rome and the Counter-Reformation in England. — London, 1942. — P. 246.

²⁴⁵ *McGrath P.* Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 177; *Hughes P.* Rome and the Counter-Reformation in England. — London, 1942. — P. 246.

ными со времени их первого осуждения, и некоторым теперь приходилось уплачивать суммы, превысившие с 1581 года 1000 фунтов. Ежеквартальные суды, которые осуждали рекузантов, должны были посылать списки рекузантов в государственное казначейство. Казначейство могло конфисковать две трети земельных владений рекузанта, если рекузант не платил штрафы. Изданный в 1593 г. «Акт против папистов-рекузантов» ограничивал передвижение рекузантов пятью милями от их постоянного места жительства²⁴⁶.

Несмотря на статуты 1581 и 1587 гг., как отмечают исследователи, финансовое давление на рекузантов не привело к заметным изменениям их убеждений под угрозой разорения штрафами. Выявлены также случаи, когда родственные связи, подкуп мировых судей избавляли многих рекузантов от осуждения по суду²⁴⁷. Система штрафов, введённая в 1581 г., как считает К. Хейг, не заработала эффективно из-за сговора с властями, уклонения, из-за административных трудностей в её применении. Только 142 рекузанта платили штрафы в казну в 1592 г., и то не в полном объеме. Как считает А. Дюре, по статуту 1581 г. не более 16 рекузантов в стране платили все причитавшиеся с них 260 фунтов (13 месяцев в году). По оценкам, во многих графствах не более 10% убеждённых рекузантов пострадали от изъятия земли и имущества²⁴⁸. Преследования 1581—1592 гг. проверили на прочность приверженность к католицизму и семьи, и отдельных лиц. Сообщество католиков не было сокрушено, но менее преданные отпали от него и стали конформистами. После этого католицизм, как считает К. Хейг, «стал принимать вид секты, базировавшейся в поместьях джентри». Иезуиты и семинаристы рекрутировались в основном из университетов, происходя из сыновей джентри, и они предпочитали жить и работать среди равных себе по социальному статусу, но такая концентрация священников в домах джентри была также и намеренной стратегией, поскольку в планы иезуитов всегда входила работа в первую очередь среди представителей социальных верхов²⁴⁹.

Несмотря на общий рост числа рекузантов в 1580—90-х гг., статуты 1581 и 1587 гг. всё же принудили некоторых католиков к конформизму по экономическим причинам: часть рекузантов превратилась в «церковных папистов», но при этом они держали капелланов, посылали своих детей учиться в католические учебные заведения на континент. Земли рекузантов зачастую недооценивали, и конфискации не охватывали реально две трети имущества, или закоренелые католики передавали своё имущество родственникам, и в таком случае удавалось избежать серьёзных имущественных потерь. Джентри-католики в Восточной Англии, как и протестанты, активно занимались совершенствованием управления сво-

²⁴⁶ Dures A. *English Catholicism, 1558—1642*. — Harlow, Essex, 1983. — P. 31; Walker F.X. *The Implementation of the Elizabethan Statutes against Recusants*. — London PhD Thesis, 1961.

²⁴⁷ Wark K.R. *Elizabethan Recusancy in Cheshire*. — Chetham Society, 1971; Haigh C. *Reformation and Resistance in Tudor Lancashire*. — Cambridge University Press, 1975. — P. 289.

²⁴⁸ Dures A. *English Catholicism, 1558—1642*. — Harlow, Essex, 1983. — P. 32.

²⁴⁹ Haigh C. *English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors*. — Oxford, 1993. — P. 264.

ими именениями, повышали их доходность, так что уплата штрафов за католицизм для многих из них была относительно менее обременительной. Степень действенности финансовых мер против католиков, как считает А. Дюре, просчитать трудно, но можно говорить о том, что они всё же ограничили распространение католицизма²⁵⁰.

Историки считают, что статуты против рекузантов были недостаточным средством для обеспечения полного конформизма, но власти, видимо, не ставили своей целью полное искоренение рекузантов. К.Р. Уарк полагает, что уже к 1586 г. считалось, что существование рекузантства является перманентной чертой жизни в Англии, и обеспечение конформизма католиков не считалось важнейшим соображением²⁵¹. В графстве Вустершир в течение всего времени правления Елизаветы в парламент избирались депутаты-католики, а во время выборов 1604 года, когда католики попытались выдвинуть своего кандидата сэра Эдварда Харвелла, другие кандидаты вооружённым путем заблокировали ему путь в графство, и такие случаи в начале XVII в. не были уникальными²⁵².

Отзывы современников Реформации и последующих историков о том, склонны ли англичане больше к конформизму или нонконформизму в религиозном поведении, очень противоречивы. По отзывам 1590-х гг., принадлежавшим Августину Бейкеру — католику, обратившемуся из протестантизма, и известному пуританину Уильяму Перкинсу, настоящая религия большинства англичан — это «быть респектабельным в глазах общества». В связи с этим англиканский богослов Ричард Хукер и английский иезуит Роберт Парсонс считали, что англичане, возможно, самая нерелигиозная из всех наций, у которой даже случаи религиозного энтузиазма инспирируются светскими мотивами²⁵³.

Как отмечает А. Дюре, в 1590-е гг. в связи с преследованиями католиков английский католицизм приобрел определенный моральный ореол²⁵⁴.

В английской католической традиции как спаситель постреформационной церкви Англии рассматривается католик-эмигрант Уильям Аллен, ставший кардиналом, архиепископом Малинским (Мехеленским), официальным главой английской католической церкви. Дж. Эйвлинг называет его человеком «весьма средних способностей, фактически школьным учителем», которого в 1587 г. в ситуации, складывавшейся накануне вторжения в Англию «Непобедимой Армады» под давлением Испании папа Сикст V возвел в кардиналы²⁵⁵. До конца жизни Аллен мрачно смотрел на перспективы католицизма в Англии. Подпольное существование католиков на родине ему не нравилось, так что целью англичан-католиков на конти-

²⁵⁰ Dures A. English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 33.

²⁵¹ Wark K.R. Elizabethan Recusancy in Cheshire. — Manchester, 1971. — P. 63.

²⁵² Grosvenor I.D. Catholics and Politics: the Worcestershire Election of 1604 // *Recusant History*. — 1976. — Vol. 14.

²⁵³ Aveling J.C.H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation. — London, 1976. — P. 38—39.

²⁵⁴ Dures A. English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 39.

²⁵⁵ McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 199.

ненте он считал организацию вторжения в Англию и религиозного переворота с опорой на помощь испанцев. Но в своих памфлетах Аллен писал, что долг католиков в Англии — терпеливо переносить правление Елизаветы, воздерживаться от восстания и ожидать Божьего суда. В склонности к восстанию и убийству монарха Аллен обвинял протестантов, хотя сам он, считает Дж. Эйвлинг, отличался двойственностью в мышлении, которую не признавал, что побуждало английских протестантов считать католиков вероломными и нечестными. По его мнению, Аллена, внесшего большой вклад в создание английских эмигрантских католических семинарий, не следует считать создателем современных католических семинарий: в английских эмигрантских семинариях контролировались чтение и переписка семинаристов, поощрялись и даже стали системой доносы друг на друга, ограничивалось уединение — на такое ужесточение дисциплины повлияли иезуиты. Выявлено, что этой системой тайно восхищались пуритане²⁵⁶.

Английская католическая традиция обвиняла иезуита Роберта Парсонса в том, что английская провинция Общества Иисуса не стала многочисленной из-за его политиканства и двуличности. В свою очередь, Парсонс обвинял англичан в прагматизме, недостатке религиозности, и утверждал, что он бескорыстно помогал миссии белого духовенства, руководимой Алленом. В Англии долго не было своей иезуитской провинции, а провинциалы других областей распыляли силы англичан, отправляя их служить даже в Бразилию, Индию, Литву. Английские эмигрантские католические семинарии существовали в Дуэ (Реймсе), Риме, Вальядолиде, Мадриде, Сан-Лукаре в Испании. Действовала также школа, готовившая к поступлению в семинарию в О (Eu) в Нормандии, а затем в Сент-Омере во Фландрии²⁵⁷.

Среди источников по истории деятельности английского католического сообщества мемуары иезуитов были проникнуты показным оптимизмом, но, как выявили историки, в частных разговорах руководители миссии нередко бывали далеки от оптимизма в оценке перспектив существования католицизма в Англии²⁵⁸.

В английском католическом сообществе происходили внутренние конфликты. В 1594—1598 гг. из-за волнений в английском колледже в Риме ряд учащихся ушли в бенедиктинские монастыри Италии и Испании. В 1594 г. в связи с тем, что иезуит Уильям Уэстон попытался ввести свод дисциплинарных норм для всех католиков из чёрного и белого духовенства, начался конфликт в тюрьме Уисбеч, в результате чего в 1598—1606 гг. в среде английских католиков развернулось дело апеллянтов — оппонентов иезуитов. Возник спор о том, могут ли английские католики, в том числе и католики из числа светских лиц, находиться фактически

²⁵⁶ *Aveling J.C.H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation. — London, 1976. — P. 53—55.*

²⁵⁷ *Ibid. — P. 57—58.*

²⁵⁸ *Aveling J.C.H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation. — London, 1976. — P. 68; The Elizabethan Jesuits / Ed. by F. Edwards. — London, 1981.*

под властью иезуитов, поскольку в Англии было невозможно поддерживать обычную систему католической церковной дисциплины. Многие католики из числа джентри к концу XVI в. стали сопротивляться контролю со стороны священников, и считали порой священников чуть ли не своими наёмными служащими, так как содержали их²⁵⁹.

Иезуиты сознательно отвергали аскетическую традицию средневекового монашества в пользу умеренности и больше, чем представители белого духовенства, стали критиковать религиозную практику дореформационной католической церкви. В начале спора с апеллянтами в тюрьме Уисбеч иезуиты возражали тому, чтобы устраивать танцы в костюмах героев легенды о Робине Гуде накануне Рождества. Но, несмотря на критику со стороны священников-миссионеров, приверженность к соблюдению постов и традиционных религиозных праздников прочно держалась в среде английских католиков вплоть до гражданской войны²⁶⁰.

К 1598 г. группа священников-апеллянтов, которые были противниками иезуитов, составила воззвание к папе с тем, чтобы он назначил английского епископа. Лидерами апеллянтов были Джон Маш и Джон Коллтон. Была составлена делегация в Рим, в которую власти разрешили включить несколько заключённых в тюрьмах католиков. Благодаря тому влиянию, которое имел в Риме Парсонс, эту делегацию выслали во Францию, а для управления английской миссией папой был назначен Верховный священник (Archpriest), который должен был жить в Англии и управлять делами миссии с помощью двенадцати особых должностных лиц — старших священников. Верховным священником, который должен был действовать в согласии с иезуитами, был назначен Джордж Блэкуэлл.

Дж. Эйвлинг позитивно оценивает разрешение этого вопроса Римом. Апеллянты же считали Верховного священника орудием иезуитов, и добивались того, чтобы он в своих действиях чрезмерно не консультировался с иезуитами, так что к 1603 г. авторитет и власть Верховного священника были минимальными. Конфликт между частью белого духовенства — апеллянтами, и иезуитами в конце XVI в., как считает Дж. Скарисбрик, частично был столкновением личностей: двумя протагонистами были иезуит Роберт Парсонс и священник Кристофер Бэгшоу, которые оба ранее были членами совета колледжа Баллиоль в Оксфорде. В некотором смысле это был также ещё один эпизод «в вечном соперничестве монашества и белого духовенства»²⁶¹.

Иронией истории, как считает Дж. Скарисбрик, было то, что контрреформационное католическое духовенство в образе жизни ближе всего подошло к тому идеалу Реформации, к которому стремились наиболее активные протестанты. Для этих представителей белого духовенства было непонятно, зачем в Англии нужны ещё и иезуиты. Белое духовенство и иезуиты стали противостоять друг другу даже без идеологических причин, а когда появи-

²⁵⁹ Aveling J.C.H. *The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation.* — London, 1976. — P. 68.

²⁶⁰ Dures A. *English Catholicism, 1558—1642.* — Harlow, Essex, 1983. — P. 62.

²⁶¹ Scarisbrick J.J. *The Reformation and the English People.* — Oxford, 1984. — P. 159.

лись также и причины, то их взаимоотношения ещё более обострились. Основной спор шёл между находившимися в эмиграции кардиналом Алленом, Парсонсом и их сторонниками из числа иезуитов, белого духовенства и светских лиц, и, с другой стороны, белым духовенством и светскими лицами в английском католическом сообществе: английские католики, которые должны были жить и выживать в Англии, были против обращения эмигрантов и иезуитов за поддержкой к Испании, Габсбургам, против заговоров и интервенции в Англию, надеясь на определённую степень терпимости властей по отношению к ним²⁶². Политические позиции апеллянтов сводились в основном к сочетанию отвержения вдохновляемых иезуитами экстремистских планов по выдвижению на английский престол после Елизаветы испанской инфанты, ненависти к власти Верховного священника, которого стремились контролировать иезуиты, и убеждения в том, что возможно частичное разделение между религиозными и политическими вопросами в жизни католического сообщества в Англии. Но большинство протестантских полемистов-современников думали, что этот спор в католической среде — тактическая уловка католиков, с тем, чтобы добиться терпимости у властей хотя бы по отношению к одной группе католиков. М. Квестьер находит свидетельства того, что апеллянты были готовы на уступки протестантскому политическому режиму и восприимчивы к протестантизму²⁶³.

П. Холмс считает, что между апеллянтами и сторонниками режима управления миссией во главе с Верховным священником, поддерживаемого иезуитами, всё же не было глубоких идеологических расхождений, несмотря на их противостояние, приобретающее политические аспекты, поскольку участники спора о Верховном священнике с обеих сторон признавали право папы принимать в нём решения²⁶⁴. По его мнению, на появление апеллянтов повлияли изменившиеся с начала 1590-х гг. обстоятельства религиозной ситуации во Франции, когда французские католики были вынуждены подчиниться бывшему протестанту Генриху Наваррскому, ставшему французским королем Генрихом IV, охлаждение Испании в планах по реставрации католицизма в Англии. Апеллянты, считает П. Холмс, восприняли новые идеи французских католиков: признание божественного права монарха на власть, непротивление светским властям, анти-иезуитизм, оппозиционность по отношению к папству, и даже, в определённой степени, носившее характер политического маневра согласие на мир с еретиками. Главным врагом апеллянтов был Роберт Парсонс, которого они винили в том, что в 1584—1596 гг. английские католики перешли на позицию политического сопротивления властям в Англии. Апеллянтам разрешили выпускать в Лондоне свою печатную продукцию, в том числе на средства королевы Елизаветы, а их лидеры были выпущены из тюрьмы²⁶⁵.

²⁶² Ibid. — P. 160.

²⁶³ *Questier M. Conversion, Politics and Religion in England, 1580—1625.* — Cambridge, 1996. — P. 52—54.

²⁶⁴ *Holmes P. Resistance and Compromise. The Political Thought of Elizabethan Catholics.* — Cambridge University Press, 1982. — P. 6.

²⁶⁵ Ibid. — P. 187—188.

На стремление апеллянтов к веротерпимости повлиял, как считает Дж. Босси, Нантский эдикт 1598 г.²⁶⁶ Апеллянты надеялись достичь с английским правительством соглашения примерно на таких условиях: белое католическое духовенство и его покровители в Англии получают возможность легально исповедовать свою веру в Англии (т.е. им фактически будет предоставлена веротерпимость), английские же католики должны будут публично заявить о своей верности королеве и об отказе от политического сопротивления английским властям. Иезуиты же, как предполагалось, должны были быть удалены из Англии, поскольку они были неверны королеве и не отказывались от бунтов и заговоров, направленных против протестантского режима. Апеллянты считали, что иезуиты не хотят предоставления веротерпимости английским католикам, поскольку тогда иезуитам не удастся занять руководящее положение в английском католическом сообществе. Апеллянты также выступали против признания политической власти папы над английским католическим сообществом. В дальнейшем большинство апеллянтов после Порохового заговора 1605 г. отказались принять Клятву о королевском верховенстве, демонстрируя, что апеллянты не были просто политическими приспособленцами, в то время как враг апеллянтов Верховный священник Джордж Блекуэлл не выдержал напряжения сложившейся ситуации и принёс эту клятву²⁶⁷.

А. Притчард считает, что апеллянты как духовные лица выступали, в сущности, за самостоятельную, но традиционалистски построенную католическую церковь, и политические цели не были для них проблемами первостепенной важности. Идеалом апеллянтов был стабильный, традиционный иерархический социальный порядок. Как полагает А. Притчард, апеллянты были, в сущности, против вовлечения политических мотивов в религиозные дела и против того, чтобы иезуиты опирались на силы за рубежом²⁶⁸.

Дж. Босси, характеризуя позицию в рассмотрении спора о Верховном священнике, занятую немецким историком А.О. Мейером, отмечает, что А.О. Мейер занимался изучением политической истории и рассматривал спор о Верховном священнике через призму германского культуркампа времён Бисмарка, то есть как политический вопрос. В 1603 г. апеллянты отвергли политические притязания папства в том отношении, насколько они могли угрожать правлению английских монархов и заявили, что отказываются от политической борьбы с протестантским режимом, которую навязывали английским католикам Аллен и Парсонс. А.О. Мейер рассматривал выход апеллянтов на такие позиции как моральную победу английского государства над теми тенденциями в английском католицизме, которые олицетворяла группировка Аллена-Парсонса, сравнивая это явление по значению с военным поражением испанской Армады в 1588 г.

²⁶⁶ *Bossey J.* Henry IV, the Apellants and the Jesuits // *Recusant History*. — 1965—1966. — Vol. 8. — P. 80—122.

²⁶⁷ *Holmes P.* Resistance and Compromise. The Political Thought of Elizabethan Catholics. — Cambridge University Press, 1982. — P. 190—199, 204.

²⁶⁸ *Pritchard A.* Catholic Loyalism in Elizabethan England. — Chapel Hill, 1979. — P. 205.

Как считает Дж. Босси, такое истолкование, предложенное А.О. Мейером, нельзя считать совершенно неадекватным, но всё же, по его мнению, такой подход полностью политизировал понимание этого вопроса, который для участников спора о Верховном священнике был в первую очередь религиозным спором. Но в целом апеллянты, полагает Дж. Босси, не вдохновлялись в первую очередь чувством верности национальному государству — они даже вошли в историю под этим названием потому, что апеллировали к Риму, а не к национальному государству. Участники спора о Верховном священнике признавали, что римская курия, несомненно, имеет право и власть на то, чтобы разрешить этот спор, суть которого состояла в том, какова будет система церковной организации и управления на территории, которая была объектом миссионерской деятельности²⁶⁹.

Часть апеллянтов во главе с Уильямом Уотсоном пыталась воспользоваться ситуацией, чтобы достичь веротерпимости для английских католиков, выпуская памфлеты, пропагандировавшие верность королеве, которая мягко обращалась с католиками. В 1602 г. Уотсон предложил, чтобы апеллянты приносили клятву на верность английскому монарху, но многие из них отвергли этот вариант, считая, что такая клятва поставит под сомнение их роль как священников, и только 13 человек из числа апеллянтов в 1603 г. согласились дать такую клятву, в которой они сдержанно подтвердили свою политическую лояльность. Но английские власти по-прежнему заявляли, что не потерпят легального существования в Англии двух вероисповеданий²⁷⁰.

А. Дюре придерживается мнения, что вопрос о верности государству в споре о Верховном священнике был второстепенным. В 1600 г., когда составлялся протест против решающей роли иезуитов в английской католической миссии, направленный в Рим, его подписали только 33 апелланта, заявление о лояльности английским властям 1603 г. подписали только 13 человек, а всего в Англии в это время было около 400 католических священников. Апеллянты оставались небольшой группой. Католическое джентри практически не было затронуто этим спором, а многие из числа английского белого духовенства были по-прежнему близки иезуитам, поскольку иезуиты контролировали значительную часть католической миссионерской организации в Англии. Апеллянты после смерти Елизаветы сблизились с той частью английского католического джентри, которая надеялась на достижение веротерпимости, и по-прежнему конфликтовали с иезуитами. За несколькими исключениями, апеллянты были не готовы стать до такой степени лояльными протестантскому режиму, чтобы признать возможность вмешательства властей во внутреннюю организацию английских католиков в стране — лояльность католиков сводилась к признанию политической власти английского монарха и обещанию не вести против королевской власти политическую борьбу²⁷¹.

²⁶⁹ Bossy J. *The English Catholic Community, 1570—1850*. — London, 1975. — P. 35—36.

²⁷⁰ Bossy J. *Henry IV, the Apellants and the Jesuits // Recusant History*. — 1965. — Vol. 8. — № 2.

²⁷¹ Dures A. *English Catholicism, 1558—1642*. — Harlow, Essex, 1983. — P. 38; Bossy J. *The English Catholic Community, 1570—1850*. — London, 1975. — P. 39—40.

По оценке Дж. Эйвлинга, на рубеже XVI—XVII вв. наиболее глубоко мыслящие католики в Англии понимали, что их сообщество находится в беспорядочном состоянии, лишено центральной власти, резко расколото, и является объектом насмешек со стороны должностных лиц в Риме и со стороны протестантских властей в стране²⁷².

Дж. Босси считает, что либеральные историки XIX в. подтягивали изложение взглядов апеллянтов к понятиям своего времени, когда стало происходить разделение сфер религии и политики в общественной жизни, и утверждает, что апеллянтов можно разделить на четыре группы. Среди них были «апеллянты по практическим соображениям» — священники-миссионеры, которые были недовольны преобладанием иезуитов в организации английской католической миссии под руководством Гарнета и Парсонса. Были также «теоретические апеллянты», у которых не было или почти не было опыта служения в миссии, но они были против расширения влияния иезуитов по принципиальным соображениям. Ещё две группы апеллянтов составили «несколько человек с причудами» и оппортунисты, лавировавшие в сложившейся ситуации преследований католиков в Англии. Тем не менее, все апеллянты в более или менее ярко выраженной степени придерживались в своих взглядах четырех пунктов, которые, как они считали, выражали истинный идеал церкви Англии. Во-первых, они придерживались мнения о преимуществах церкви Англии: для них по-прежнему существовала истинная церковь Англии, поэтому они подчеркивали, что Англию не следует рассматривать как «чистую доску» для миссионерской деятельности. Вторым пунктом во взглядах апеллянтов было рьяное стремление к подчёркиванию иерархического характера организации церкви и церковной жизни, что граничило у них порой с одержимостью: апеллянты представляли себя своего рода церковной аристократией. Третьим пунктом взглядов апеллянтов было последовательное отрицание одной из самых характерных черт контрреформационной католической церкви — использования ею, наряду с традиционными, новых организационных форм воздействия на общество. Девизом апеллянтов в этом отношении была фраза “*regularia regularibus saecularia saecularibus*” — т.е., в соответствии с их мнением, самым подходящим местом для деятельности, которую называют религиозной, был монастырь, а все светские дела церкви должны были вести представители белого духовенства. Такой подход был заострённо направлен против иезуитов, но фактически подразумевал и нечто большее — стремление к традиционализму. Апеллянты были против того, что католическая церковь в эпоху Контрреформации расширила поле своей деятельности. Четвёртый важнейший пункт во взглядах апеллянтов Дж. Босси усматривает в том, что они были убеждены, что порядок и беспорядок в жизни церкви — это единые понятия для всех христианских церквей, поэтому их в одинаковой мере должны придерживаться и католики, и протестанты, по крайней

²⁷² *Aveling J.C.H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation. — London, 1976. — P. 71.*

мере, в Англии. Среди англиканского духовенства апеллянтам были близки лица с антипуританскими взглядами. Апеллянты усматривали родство и общность в происхождении между нападка на церковные порядки со стороны пуритан и деятельностью иезуитов, которые тоже ставили под сомнение авторитет иерархии и традиционное устройство католической церкви. В полномочиях Верховного священника предполагалась лишь рекомендательная по характеру власть над священниками-семинаристами без реальных механизмов юрисдикции, а на членов религиозных орденов и на католиков-мирян у Верховного священника вообще не было способов воздействия. Целью апеллянтов в организационном отношении было установление епископальной иерархии с ординарной юрисдикцией с выборностью и преемственностью в её функционировании²⁷³.

За время существования английской католической миссии первый успешный период в её деятельности был связан с именем английского иезуита Генри Гарнета, который возглавлял иезуитов в Англии с 1586 г. до своего ареста после Порохового заговора в 1605 г. Гарнет контролировал также деятельность белого духовенства, но при этом предоставлял широкие права своим представителям в регионах из числа тех, в ком был уверен²⁷⁴. К 1596 г. священников уже селили в установленных местах, и они регулярно проводили службы. Появились опорные пункты организации в Миддлсексе, Восточной Англии, Западном Мидленде, Йоркшире. С помощью джентри католические священники смогли, в сущности, организовать свои церковные округа, и священники организованно переезжали из одного округа в другой. Хотя ещё и в XVII в. некоторые католические священники вели странствующий образ жизни, таких священников было меньшинство.

В конце XVI в. английская католическая миссия в своей основе сложилась. В 1598 г., когда в миссию был назначен Верховный священник Блэкуэлл, это мало повлияло на практическую деятельность организации²⁷⁵. Ко времени назначения Верховного священника в Англии было 14 иезуитов, четверо из которых сидели в тюрьме, и около 400 священников, принадлежавших к белому духовенству²⁷⁶.

Влияние иезуитов на белое духовенство, как отмечают историки, было значительным по нескольким причинам. Ряд представителей белого духовенства признавали необходимость духовного руководства со стороны иезуитов, и сами хотели вступить в орден иезуитов. Иезуиты имели больше финансовых средств, и поэтому могли быть более активными в установлении контактов, в создании системы распределения священников по территории Англии²⁷⁷.

Значение деятельности священников-семинаристов и иезуитов в 1570—90-е гг. становилось предметом дискуссий. Дж. Хилтон обращал

²⁷³ Bossy J. The English Catholic Community, 1570—1850. — London, 1975. — P. 42, 46.

²⁷⁴ Ibid. — P. 204.

²⁷⁵ Caraman P. Henry Garnet, 1555—1606 and the Gunpowder Plot. — London, 1964. — P. 65; Dures A. English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 25.

²⁷⁶ McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 285.

²⁷⁷ Devlin C. The Life of Robert Southwell. — London, 1956.

внимание на то, что в Англии ещё до прибытия священников-миссионеров в некоторых районах сохранялась прочная приверженность старым религиозным верованиям²⁷⁸. По мнению А. Дюре, правительственная перепись уже в 1577 г. выявила в Англии более полутора тысяч рекузантов, которых породили не священники-семинаристы за три года после начала своей деятельности, что представляется ему аргументом в пользу точки зрения о преемственном развитии английского католицизма дореформационного и постреформационного периодов. Такой подход не ставит под сомнение тезис о том, что в последующие 50 лет священники-семинаристы действительно играли выдающуюся роль в жизни английского католического сообщества²⁷⁹.

Дж. Босси высоко оценивает деятельность английской католической миссии и организаторскую роль Генри Гарнета²⁸⁰. Но К. Хейг утверждает, что английский католицизм конца XVI—начала XVII в. не следует рассматривать как успешный результат деятельности английской католической миссии, действовавшей вопреки преследованиям, и даже заявляет, что английский католицизм — это «охвостье», остаточное явление в процессе упадка католицизма в стране, в ходе которого от католицизма отпали целые регионы на территории Англии и целые социальные группы²⁸¹. А. Дюре признаёт, что в некоторых районах страны английским католическим миссионерам не удалось сохранить приверженность местного населения католицизму — например, на северо-западе Англии, и произошёл также упадок католицизма в народе, в результате чего английский католицизм приобретал «сеньериальный» характер²⁸².

Как отмечает П. Макграт, в воспоминаниях католических священников о служении в Англии обращает на себя внимание то, что их отзывы очень оптимистичны, но на самом деле успех в деятельности священников-миссионеров трудно поддается измерению в какой-либо форме. В то же время он считает, что священники, прибывшие с континента, повысили моральный дух английских католиков, вселили в них большую уверенность, ободрили бывших «церковных папистов»²⁸³.

С 1602 г. режим управления английской католической миссией во главе с Верховным священником превратился в самостоятельную систему. Но английские иезуиты продолжали действовать в Англии, исходя также из интересов своего ордена, стали либеральнее подходить к приёму новых членов в орден, на чём настоял Гарнет, и, если в 1598 г. в Англии было 18 иезуитов, то в 1607 г. их было уже 43, а вскоре в Англии уже было от 150 до 200 иезуитов, и в рамках этого количества численность иезуитов в Англии сохранялась далее в течение полутора столетий. В 1623 г. органи-

²⁷⁸ Hilton J.A. Recusancy in Elizabethan Durham // *Recusant History*. — Vol. 14. — № 1. — 1977.

²⁷⁹ Dures A. *English Catholicism, 1558—1642*. — Harlow, Essex, 1983. — P. 18.

²⁸⁰ Bossy J. *The English Catholic Community, 1570—1850*. — London, 1975. — P. 204.

²⁸¹ Haigh C. *From Monopoly to Minority: Catholicism in Tudor England* // *TRHS. 5th Series*. — 1981. — Vol. 31. — P. 132.

²⁸² Dures A. *English Catholicism, 1558—1642*. — Harlow, Essex, 1983. — P. 25.

²⁸³ McGrath P. *Papists and Puritans under Elizabeth I*. — London, 1967. — P. 113.

зация иезуитов в Англии, которую возглавлял Ричард Блаунт, была разделена на 12 округов²⁸⁴.

В конце XVI в., как показали историки, стали возрождаться английские монашеские ордена. Численность монахов бенедиктинского ордена в Англии составляла примерно половину численности иезуитов. Бенедиктинцы создали в своей внутренней структуре Кентерберийскую и Йоркскую провинции²⁸⁵.

Говоря о численности английской католической миссии, Дж. Эйвлинг предполагает, что в год смерти королевы Елизаветы в 1603 г. в Англии было примерно 300 священников-миссионеров, из которых 70—75 человек были членами религиозных орденов, а мнения Ф. Хьюза, П. МакГрата относительно численности католических священников в стране колеблются вокруг этой цифры²⁸⁶.

В миссии были трудности с распределением священников. Еще в 1580-х гг. возникла проблема, когда в нескольких северных графствах было довольно много католиков, но не было или не хватало священников. Священники-миссионеры игнорировали сложившуюся ситуацию и стремились попасть в один-два всеми любимые региона, держаться поближе к Лондону. Первыми стали преодолевать эту непропорциональность в распределении священников религиозные ордена²⁸⁷.

В 1960—80-е гг. развернулась дискуссия о том, был ли постреформационный английский католицизм преемственным с дореформационным католицизмом, или он был новообразованием²⁸⁸.

К. Хейг развернул обстоятельную аргументацию точки зрения о преемственном развитии английского католицизма. По его мнению, католики в Англии в XVI в. воспринимали свои верования как приверженность религиозной традиции в жизни страны. В то же время в середине XX в. А. Дж. Диккенс сформулировал идею о том, что с высадкой в Англии в 1574 г. первых священников-семинаристов, получивших образование и подготовку в английских католических семинариях на континенте, в страну прибыла новая разновидность католицизма — контрреформационный динамичный континентальный католицизм²⁸⁹. Дж. Эйвлинг утверждал, что

²⁸⁴ *Bossy J.* The English Catholic Community, 1570—1850. — London, 1975. — P. 206—209.

²⁸⁵ *Bossy J.* The English Catholic Community, 1570—1850. — London, 1975. — P. 210; *Lunn D.M.* The Origins and Early Development of the English Benedictine Congregation, 1588—1647. — Cambridge University Ph. D. Thesis, 1970.

²⁸⁶ *Hughes P.* The Reformation in England. Vol. I—III. — London, 1954. — Vol. III. P. 396; *McGrath P.* Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967. — P. 299.

²⁸⁷ *Bossy J.* The English Catholic Community, 1570—1850. — London, 1975. — P. 216—226.

²⁸⁸ *Bossy J.* The Character of Elizabethan Catholicism // *Past & Present.* — 1962. — № 21; *Idem.* The Counter-Reformation and the People of Catholic Ireland, 1596—1641 // *Historical Studies.* — 1971. — Vol. VIII. — P. 155—169; *Idem.* The Counter-Reformation and the People of Catholic Europe // *Past & Present.* — 1970. — № 47; *Wright A.D.* Catholic History, North and South // *Northern History.* — 1978. — Vol. 14; *Idem.* Catholic History, North and South, Revisited // *Northern History.* — 1989. — Vol. 25; *McGrath P.* Elizabethan Catholicism: A Reconsideration // *JEH.* — 1984. — Vol. 35; *Idem.* A Comment // *JEH.* — 1985. — Vol. 36; *Haigh C.* From Monopoly to Minority: Catholicism in Early Modern England // *TRHS.* 5th Series. — 1981. — Vol. 31; *Idem.* Revisionism, the Reformation and the History of English Catholicism // *JEH.* — 1985. — Vol. 36.

²⁸⁹ *Dickens A.G.* The First Stages of Romanist Recusancy in Yorkshire, 1560—1590 // *Yorkshire Archaeological Journal.* — 1941. — Vol. XXXV. — P. 157—158, 180—181.

«средневековый английский католицизм умер между 1534 и 1570 гг.», и поэтому новое английское постреформационное католическое сообщество было создано спонтанным возрождением католицизма в Англии и усилиями священников-миссионеров из зарубежных семинарий. Но при этом Дж. Эйвлинг обращал внимание на сложность решения вопроса о том, возродили или нет английский католицизм священники-семинаристы, поскольку на примере анализа религиозной ситуации в Йорке он обнаружил, что католики-рекузанты появились здесь без влияния семинаристов²⁹⁰.

Более отчётливо сформулировал свои мысли на этот счёт Дж. Босси, настаивавший на том, что постреформационное английское католическое сообщество было создано английскими священниками-семинаристами и английскими иезуитами после 1570 г., и с этого времени английские католики ничем не были обязаны тому католицизму, который существовал в стране ранее²⁹¹. В подкрепление такого подхода с обоснованием прерывности развития английского католицизма в реформационный период было сформулировано мнение о существовании различий между средневековой народной религией и постреформационным христианством, проникнутым сознательностью и дисциплиной. Высказывалось мнение, что дореформационная христианская религия была главным образом ритуализированным соблюдением устоявшихся обычаев, но при этом в сознании христиан не было широко распространенным явлением глубокое осознание христианской доктрины. Далее же, в эпоху Реформации и Контрреформации были созданы две новые религии индивидуального выбора: библиоцентричный евангелический протестантизм и реформированный упорядоченный католицизм, и между средневековым и современным католицизмом существует, по мнению ряда исследователей, духовный дисконтинуитет²⁹².

Эту версию о прерывности католицизма в религиозной истории Англии в XVI в. развивали в определённой мере, исходя из полемических нужд, и сами современники — участники событий. Привлекательность её понятна для протестантов, считает К. Хейг, поскольку такой подход навёл на мысль о том, что в постреформационный период католицизм стал чужд англичанам. В то же время в католической среде определённую поддержку этой версии оказывали известные католики постреформационного периода Уильям Аллен, Августин Бейкер, а широко распространяться эта версия начала, как считает К. Хейг, как иезуитская пропагандистская вер-

²⁹⁰ *Aveling J.C.H.* Catholic Recusancy in the City of York, 1558—1791. — St. Albans (Hertfordshire), 1970. — P. 41—45.

²⁹¹ *Aveling J.C.H.* The Handle and the Axe: The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation. — London, 1976. — P. 19, 56—61; *Bossy J.* The English Catholic Community 1570—1850. — London, 1975. — P. 4—5, 11—12, 106—107.

²⁹² *Delumeau J.* Catholicism between Luther and Voltaire. — London, 1977. — P. 160—161, 171—196, 190—201; *Bossy J.* The Character of Elizabethan Catholicism // Past and Present. — № 22. — 1962; *Idem.* The Counter-Reformation and the People of Catholic Ireland, 1596—1641 // Historical Studies. — 1971. — Vol. VIII. — P. 155—169; *Idem.* The Counter-Reformation and the People of Catholic Europe // Past and Present. — № 47. — 1970; *Williams G.* Welsh Reformation Essays. — Cardiff, 1967. — P. 21.

сия истории английских католиков при Тюдорах. Когда в 1580 г. в Англии появились иезуиты, многие английские католики отреагировали на это со страхом и подозрением: были опасения, что орден иезуитов спровоцирует более жёсткие преследования католиков в Англии, и старые английские католические священники смотрели на иезуитов как на способных им помешать ненужных новаторов. Само по себе английское приходское католическое духовенство после начала Реформации в Англии проявило, по словам К. Хейга, «бесхребетный конформизм», и затем при Марии тоже не отличалось особым рвением²⁹³. Священники-миссионеры потом вели долгую борьбу с этими консерваторами, а затем с апеллянтами, которые хотели сохранить традиционную структуру и обычаи церкви. Иногда из тактических соображений, отмечает К. Хейг, иезуит Роберт Парсонс в своих произведениях находил выгодным развивать утверждение о том, что католики всегда сопротивлялись Реформации, и в этом отношении можно говорить о преемственности сопротивления католиков. Эта версия формирования сообщества католиков-рекузантов в Англии подкреплялась в докладах иезуитов из английской миссии, в которых подчеркивалось увеличение численности новых убеждённых католиков, утверждение новой постреформационной иезуитской духовности²⁹⁴. По оценке К. Хейга, «Контрреформация в Англии не была духовным крестовым походом, скорее, это было приспособление к наличной действительности»²⁹⁵.

К. Хейг, тем не менее, считает возможным придерживаться мнения, что появление английских рекузантов в значительной степени было всё же связано с прошлым английским католицизмом. В 1559 г. католицизм в Англии лишь потерял свою иерархическую структуру, но отнюдь не исчез как вероисповедание в переходные по характеру 1560—70-е гг. Церковь Англии не протестантизировалась моментально в том, что касалось духовенства, убранства, служб, верований прихожан, и протестантский библиоцентризм утверждался медленно, особенно вдали от кафедральных центров, городов²⁹⁶.

В первые годы правления Елизаветы ещё существовало убеждение, что возможно восстановление католицизма, и многие приходы стремились сохранить алтари, образа, так как их восстановление требовало обременительных денежных расходов²⁹⁷. На районы, где с трудом утверждался протестантизм, впоследствии обращали внимание священники-семинаристы, но в 1560-е гг. в стране во многих районах существовал определённый религиозный вакуум, так как службы по католическому образцу были запрещены, а новая протестантская служба ещё не утвердилась.

²⁹³ The English Reformation Revised. — Cambridge University Press, 1990. — P. 177.

²⁹⁴ Records of the English Province of the Society of Jesus / Ed. by H. Foley. — London, 1877—1884. — Vol. I—VII.

²⁹⁵ The English Reformation Revised. — Cambridge University Press, 1990. — P. 178.

²⁹⁶ Haigh C. Puritan Evangelism in the Reign of Elizabeth I // EHR. — 1977. — Vol. XCII. — P. 30—58.

²⁹⁷ Leys M.D.R. Catholics in England, 1559—1829: A Social History. — London, 1961. — P. 7; Spufford M. Contrasting Communities: English Villagers in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. — Cambridge, 1974. — P. 242—243.

К. Хейг считает, что начальный период правления Елизаветы не следует рассматривать как пробел в истории английского католицизма, а надо оценивать как период, в который всё же сформировалось и поддерживало свое существование то сообщество, из которого рекрутировались последующие рекузанты. Английский католицизм в это время не был в полной мере сознательным и убеждённым. Для крестьянства старая религия была комплексом социальных практик, многие из которых по-прежнему понимались традиционно. Некоторые консервативно настроенные священники в 1560-е г., отмечает К. Хейг, сделали для сохранения католицизма не меньше, чем впоследствии самые убеждённые католические священники и самые храбрые миссионеры из семинарий, и заложили основы рекузантства среди светских лиц. Консервативное приходское духовенство, таким образом, выполнило роль необходимого связующего звена между католической церковью времён правления Марии и развернувшимся впоследствии в виде миссии английским католицизмом²⁹⁸.

Свой вывод об отсутствии связи между остаточным католицизмом и католицизмом семинаристов А.Дж. Диккенс ранее сделал на материале Йоркской епархии ещё в начале своей исследовательской деятельности, но с 1940-х гг. в материалах источников, в том числе в записях церковной комиссии Йоркской епархии, было найдено немало подтверждений того, что рекузанты уже появились тогда, когда не прекратили свою деятельность старые консервативно настроенные священники, и такие же свидетельства видны в Честерской, Нориджской, Винчестерской епархиях. Рекузанты происходили из консервативно настроенных верующих и тех, кому не нравился протестантизм, и «пережиточный католицизм» мог быть стадией в переходе к рекузантству, но встречался, как пишет К. Хейг, также как «болезнь среди старух». Выявлено географическое совпадение между районами заметно сохранявшегося пережиточного католицизма и районами наиболее широкого распространения рекузантства в последующее время. Это юго-восточный Гэмпшир, западный Суссекс, южный Уэльс, Вустершир, Херефордшир, нагорья Дербишира, южный и западный Ланкашир, северные границы Норт Райдинга и Вест Райдинга²⁹⁹.

Процесс формирования сообществ рекузантов, отмечает К. Хейг, по большей части не документирован, поскольку его фиксация была возможна только путем вторжения в жизнь этого сообщества и прерывания этого процесса. Но в материалах официально установленной церкви в отчётах о визитациях ещё до приезда священников-семинаристов сохранились упоминания о деятельности католиков: о службах в заброшенных часовнях, где сохранились алтари, или о случаях, когда лишённые сана католические священники времён Марии жили в приходе и вели себя активно, а церковные старосты при этом не доносили о деятельности католических священников властям из-за большого влияния католиков в приходе.

²⁹⁸ The English Reformation Revised. — Cambridge University Press, 1990. — P. 180.

²⁹⁹ Ibid. — P. 181.

Это явление хорошо документировано на примере Йоркшира, Ланкашира. К 1580 г. наблюдался процесс роста числа рекузантов, сохранявших традиционную религиозность, и в Йоркшире это происходило без помощи извне, даже без поддержки местного джентри. В Ланкашире — графстве с наибольшим количеством католиков были приходы, где даже в 1620—30-е гг. параллельно с протестантским действовал католический священник, и католики собирались на службу в одно время со службой в приходской церкви. В таких районах страны, пишет К. Хейг, католиком можно было быть, фактически не чувствуя себя каким-то нонконформистом, входящим в тайное сообщество. Он обращает внимание на то, что в 1560-е гг. среди английских католиков даже не было полного разрыва с Римом: в 1564 г. комитет Тридентского собора выступил с заявлением, что английские католики не должны посещать службы в церкви Англии, в 1566 г. в Ланкашир приезжал католик-эмигрант Уильям Вокс (Vaux), местный уроженец, которому было дано право примирять с католической церковью тех, кто впал в схизму, и у части католиков в Англии прослеживалось убеждение в том, что они по-прежнему являются составной частью католической церкви³⁰⁰.

К. Хейг призывает учитывать также, что священники-миссионеры набирались из англичан-католиков, воспитанники семинарий были сыновьями католического джентри и йоменства, приехавшими из Англии. Как в самой Англии большинство католиков жили на севере, в Ланкашире и Йоркшире, так и в семинариях большинство поступавших туда происходили из этих же графств. Сама миссия работала не в «чистом поле», а обращала в рекузантов тех, кто уже в основном был по своим наклонностям католиком, не ходил на службы в установленную церковь. Успехи в своей деятельности священники-миссионеры именовали обращением, но реально это было лишь возвращением в католическую церковь, а у протестантов их деятельность не имела сколько-нибудь заметного успеха. Подготовка, которую давали священникам в семинариях, была рассчитана на выпуск пасторов, а не полемистов. Священников посылали в Англию не создавать новый католицизм, а обеспечивать пасторское попечение для уже существовавшего католицизма³⁰¹.

К. Хейг на основе сравнения воспоминаний священников-миссионеров об их деятельности в Англии и данных переписей рекузантов 1577—1582 гг. о географическом распространении приверженности католицизму делает вывод о том, что миссионеры практически не изменили характер распределения католицизма по стране. Большая часть священников миссии находилась на юге и востоке Англии, но от этого они не перестали быть протестантскими по преимуществу, а не католическими районами. К. Хейг считает также, что районы Англии, где до Реформации можно выявить наибольшую преданность традиционной католической церковности, затем стали районами, где укоренились рекузанты, и географическая структура постреформационного католицизма оставалась

³⁰⁰ Ibid. — P. 183—186.

³⁰¹ Ibid. — P. 194.

сравнительно постоянной на локальном и национальном уровне до тех пор, пока эта схема была нарушена миграциями населения периода промышленной революции. Как раз это и означает, по мнению К. Хейга, что миссия не создала другого католицизма, кроме того, что уже был в стране, и даже не имела решающего влияния в изменении формы католицизма от пережиточного католицизма и церковного папизма к рекузантству. Но, хотя новые священники не создали постреформационный католицизм, они были необходимы для его дальнейшего существования. Видны, как отмечают историки, и случаи того, что консервативного предрасположения региона к восприятию католицизма, как в северном Уэльсе и на крайнем северо-западе Англии было недостаточно для будущего успешного развития католицизма, если здесь не хватало священников³⁰².

Как отмечает К. Хейг, английский постреформационный католицизм испытал слабое влияние посттридентского контрреформационного католицизма. В английской эмигрантской семинарии в Дуэ изучали Тридентские догматические декреты, но Тридентские дисциплинарные декреты не применялись в Англии — английский католицизм не имел приходской структуры, через которую можно было бы насаждать эту дисциплину. Показательно также, что, когда назначенный епископом для английских католиков Ричард Смит стал пытаться в 1625—1631 гг. утверждать свои права епископа на основе Тридентских декретов, его вытравили из страны объединенными усилиями католического джентри и монахов.

В Англии центр католической набожности находился в семье, а не в приходе, Тридентский же собор запрещал мессы в частных домах, поэтому, по мнению К. Хейга, в Англии контрреформационный католицизм не смог в полной мере проявить свою действенность, но всё же в английском католицизме под влиянием Контрреформации произошли некоторые изменения. Привычное механическое соблюдение католических традиций, которое могло сойти за католическую веру в Средние века, в постреформационный период было заменено сознательными верованиями в рекузантской семье. Католики теперь принуждались священниками-миссионерами к регулярной исповеди под руководством духовного наставника, частому причастию и к форме набожности, которая могла охватывать религиозным пониманием все стороны жизни. Такой форме набожности способствовало также развитие книгопечатания и более широкое распространение новой религиозной литературы, но по-прежнему широко использовалась дореформационная католическая литература, которую бережно хранили, так что и в этом отношении в развитии католицизма в Англии обнаруживается преемственность. Но базировавшаяся на книжной религиозности набожность была невозможна для бедняков, а кое-где даже их контакты со священниками были редкими. Католики, как и до Реформации, использовали амулеты, реликвии, святую воду для

³⁰² *Miller J. Popery and Politics in England, 1660—1688. — Cambridge, 1973. — P. 15; Bossy J. The English Catholic Community 1570—1850. — London, 1975. — P. 11; The English Reformation Revised. — Cambridge University Press, 1990. — P. 196—201.*

защиты и лечения, а магические и лечебные элементы в народном католицизме стали ещё более заметными³⁰³.

До начала XVII в. были живы католические священники, возведённые в сан во время правления Марии Тюдор. Самый последний по времени упоминания из них — живший ещё в 1616 г. Валентин Тэйлер. В связи с этим в оценке характера постреформационного английского католицизма Дж. Скарисбрик усматривает взаимовлияние старого и нового даже через личности священников³⁰⁴.

В дискуссии о прерывности или преемственности развития английского католицизма в реформационный период мнение К. Хейга о его преемственном развитии поддержал П. Мак-Грат, хотя он и критиковал его за недооценку роли английской католической миссии³⁰⁵. Более аргументированную позицию К. Хейга считает также А. Дюре³⁰⁶. П. Холмс считает, что создание в Англии католического сообщества во время правления Елизаветы было совместной заслугой и духовенства, и светских лиц³⁰⁷.

Историки также обсуждают средства, к которым прибегали английские власти, чтобы привести католиков к конформизму. Церковные суды своими приговорами, как считают исследователи, фактически не влияли на католиков, поскольку они в подавляющем большинстве туда не являлись. Католики даже использовали своё отлучение церковным судом для того, чтобы не ходить в церковь, и против рекузантов визитации были совершенно неэффективны³⁰⁸.

К конформизму католиков гораздо эффективнее приводили комиссии, направляемые казначейством. Церковные суды и должностные лица казначейства не всегда действовали согласованно. Церковные суды были важны в первую очередь тем, что они выявляли католиков, но при этом они не могли действовать без помощи светской власти, обладавшей правом на принуждение³⁰⁹.

М. Квестьер рассматривает существовавшую систему приведения католиков к покорности и к конформизму как эффективную, несмотря на отдельные её недостатки. Когда церковные и светские власти действовали согласованно, можно было привести к конформизму значительное

³⁰³ *The English Reformation Revised*. — Cambridge University Press, 1990. — P. 204—208.

³⁰⁴ *Scarisbrick J.J. The Reformation and the English People*. — Oxford, 1984. — P. 142—143.

³⁰⁵ *McGrath P. Elizabethan Catholicism: A Reconsideration* // JEH. — 1984. — Vol. 35. — P. 414—428.

³⁰⁶ *Dures A. English Catholicism, 1558—1642*. — Harlow, Essex, 1983. — P. 18.

³⁰⁷ *Holmes P. Resistance and Compromise. The Political Thought of Elizabethan Catholics*. — Cambridge University Press, 1982. — P. 185.

³⁰⁸ *Manning B.R. Elizabethan Recusancy Commissions* // *Historical Journal*. — 1972. — Vol. 15. — P. 23—36; *Marchant R.A. The Church under the Law*. — Cambridge, 1969. — P. 204; *Haigh C. Reformation and Resistance in Tudor Lancashire*. — Cambridge, 1975. — P. 272; *Price T.D. The Abuses of Excommunication and the Decline of Ecclesiastical Discipline under Queen Elizabeth* // *English Historical Review*. — 1942. — Vol. 57. — P. 106—115.

³⁰⁹ *Ingram M. Church Courts, Sex and Marriage in England, 1570—1640*. — Cambridge, 1987. — P. 85, 123, 329, 366; *Manning B.R. The Making of a Protestant Aristocracy: The Ecclesiastical Commissions of the Diocese of Chester, 1550—1598* // *BIHR*. — 1976. — Vol. 49. — P. 60—79; *Clark P. The Ecclesiastical Commission at Canterbury: 1572—1603* // *Archaeologia Cantiana*. — 1974. — Vol. 89. — P. 183—197.

количество католиков и зайти дальше, чем обеспечение только лишь политической лояльности католиков к монархии. Светские власти вместе с церковными действовали против католиков наиболее согласованно в 1580—90-е гг., когда в стране существовала политическая угроза со стороны католиков. М. Квестьер датирует временем примерно с 1595 г. ослабление политической угрозы со стороны католицизма в Англии³¹⁰.

Историки обсуждают также вопрос о том, насколько английские католики, проживавшие в стране, были политически лояльны протестантскому режиму. П. Холмс утверждает, что в среде католиков в Англии в их печатной литературе елизаветинского периода очень мало свидетельств, что существовали какие-либо политические разногласия между католическими священниками и католиками-мирянами, так что духовные лица в заметной степени влияли на поведение светских католиков в политической жизни³¹¹.

Для исследователей нет полной ясности в вопросе о том, насколько сочинения католических священников отражали взгляды и интересы английских католиков-мирян. Дж. Босси утверждал, что бунтовщические теории и предательское политическое поведение Парсонса и Аллена во время похода на Англию «Непобедимой Армады» в 1588 г. встречало несогласие многих английских католиков, особенно мирян, и считает нужным провести резкое различие между английскими католиками-мирянами и духовенством. По его мнению, «священники-семинаристы были по своему характеру гуманистически образованными политическими экстремистами, заинтересованными в завоевании Англии вооружённым путем и последующим католическим реформированием церкви Англии», в то время как старые католические священники, служившие ещё при Марии, а также эмигранты-лувенисты отличались от семинаристов своей политической умеренностью³¹².

К. Хейг утверждает, что такая трактовка различий во взглядах католического духовенства и мирян, постоянно живших в Англии, не находят достаточного обоснования на материалах графства Ланкашир³¹³. Как склонен считать П. Холмс, в отличие от гуманистически образованных священников-семинаристов, миряне-католики состояли в основном из сенъериального джентри, религиозные интересы которого заключались в сохранении и выживании католицизма. Джентри мало заботились идеалами эпохи Контрреформации, и оно было в большинстве своем лояльно к монарху. При этом не находится подтверждения тому, что в среде английских католиков существовала какая-то особая идеология, характеризовавшая лишь взгляды светских лиц — все католики были тесно связаны взглядами с писателями из среды духовенства. Хотя католики-

³¹⁰ *Questier M. Conversion, Politics and Religion in England, 1580—1625.* — Cambridge, 1996. — P. 157—161.

³¹¹ *Holmes P. Resistance and Compromise. The Political Thought of Elizabethan Catholics.* — Cambridge University Press, 1982. — P. 7—11.

³¹² *Bossey J. The Character of Elizabethan Catholicism // Past & Present.* — 1962. — № 21. — P. 39—59.

³¹³ *Haigh C. Reformation and Reaction in Tudor Lancashire.* — Cambridge, 1975. — P. 277.

светские лица в Англии были в основном верны королеве, это не всегда были искренние убеждения, а в большей степени было результатом давления практических обстоятельств. По мнению П. Холмса, судя по заговорам и восстаниям в Англии времён правления Елизаветы и в первое десятилетие XVII в. — восстанию северных графов, заговору Бабингтона, Трогмортона, Ридольфи, Пороховому заговору — часть католического дворянства в Англии признавала право католиков на сопротивление протестантским властям. Имеющиеся свидетельства 1580—90-х гг., относящиеся к поведению в это время католиков-мирян, тоже позволяют утверждать, что в их среде были сторонники сопротивления протестантскому режиму. Это хорошо чувствовали власти при Елизавете, и поэтому они во времена политических кризисов разными способами изолировали католиков, разоружали их, запрещали им появляться в Лондоне, что «не было паранойей или каким-то изуверством». С другой стороны, отмечает П. Холмс, сами католические священники в течение двух с половиной десятков лет после восшествия Елизаветы на престол внедряли в среде английских католиков идею покорности светской власти, так что потом, в 1584—1596 гг., католики-миряне уже с подозрением относились к призывам к сопротивлению — годы проповеди политического лоялизма к власти монарха тоже принесли свои результаты³¹⁴.

В первое десятилетие правления Елизаветы католики в Англии в своих заявлениях на политические темы подчёркивали, что они не собираются сопротивляться существовавшим властям, демонстрировали лояльность по отношению к королеве, несмотря на свою религиозную оппозицию протестантской церкви Англии, хотя католические священники рекомендовали воздерживаться от причастия в англиканской церкви. Дж. Нил придерживался мнения, что на этих политических позициях большинство английских католиков так и оставались в течение всего правления Елизаветы³¹⁵, но к настоящему времени представления историков об этом углубились. По словам П. Холмса, «Елизавета не собиралась заглядывать в душу каждого своего подданного, как в окно, к тому же в XVI в. у большинства людей в этих «окнах» было не на что смотреть». Он предполагает, что католики, жившие в стране, и выехавшие в эмиграцию не были полностью искренними в своих публичных заявлениях на политические темы. В явном виде в произведениях эмигрантов намерения выступить против власти Елизаветы в 1560-е гг. не проявлялись, но в их книгах эпизодически встречаются намеки на желание предпринять против Елизаветы действия политического характера с убеждением, что такое сопротивление правомерно³¹⁶.

После появления книги Джона Фокса о протестантских мучениках со стороны католиков в 1560-е гг. начались нападки на неё. Уильям Ал-

³¹⁴ Holmes P. Resistance and Compromise. The Political Thought of Elizabethan Catholics. — Cambridge University Press, 1982. — P. 176—182.

³¹⁵ Neale J.E. Elizabeth I and her Parliaments 1559—1581. — London, 1953. — P. 118—120.

³¹⁶ Holmes P. Resistance and Compromise. The Political Thought of Elizabethan Catholics. — Cambridge University Press, 1982. — P. 12—17.

лен пытался представить протестантских мучеников времени правления Марии Тюдор как самоубийц, стремившихся к бессмысленному самоуничтожению. Томаса Кранмера он пытался преподнести как предателя, участвовавшего в заговоре с целью возведения на престол Джейн Грей. Самая большая по объему критика труда Фокса со стороны английских католиков была проделана Робертом Парсонсом в конце правления Елизаветы в трехтомном труде Парсонса «Трактат о трех обращениях Англии от язычества к христианской религии», который был опубликован в 1603 г. По словам Парсонса, «мученики Фокса» были «сбродом, состоявшим из ремесленников, вдов и сумасшедших»³¹⁷.

Впервые проявившееся открытое теоретическое оправдание сопротивления Елизавете исследователи находят в изданном в 1571 г. трактате английского католика-эмигранта Николаса Сандера *“De visibili monarchia”*. В этом трактате Сандер описывал страдания католиков при Елизавете, плохое обращение с Марией Стюарт, героизм и мученичество участников Северного восстания 1569 г. и поддерживал буллу об отлучении Елизаветы³¹⁸.

После 1573 г. прекращение выступлений католиков против политической власти Елизаветы обуславливались тем, что шла подготовка к отправке священников-миссионеров в Англию. Если бы экстремистские выпады в печати против Елизаветы продолжались, власти бы особенно активно преследовали выпускников семинарий. При отправке их снабжали только духовной литературой. Католическим священникам, отправлявшимся в Англию, их руководители говорили, что в данных обстоятельствах они должны подчиняться Елизавете, что фактически подразумевало, что обстоятельства могли измениться³¹⁹.

Т. Клэнси разделил всех католических писателей-эмигрантов на три группы: 1) так называемую лувенскую группу (Томас Хардинг, Николас Сандер, Томас Стэйлтон и др.), членов которой он определил как теологов по преимуществу, стремившихся к возвращению к эпохе, предшествовавшей Реформации; 2) католиков, лояльных по отношению к английской протестантской власти; 3) группу Аллена-Парсонса и их сторонников — они представляли в Англии идеи Контрреформации и, как считает Т. Клэнси, их взгляды серьезно повлияли на развитие английской политической мысли, хотя их идеи и выступали в одеяниях прошлого³²⁰.

Английские католики-эмигранты признавали, что по меркам XVI в. английские власти относились к католикам исключительно мягко, но всё же вели пропагандистскую кампанию в Европе с целью вызвать сочувствие к преследованиям католиков в Англии. Первую мартирологическую работу об английских католиках под названием *“De persecutione Anglicana”* написал Роберт Парсонс в 1581 г., и она была переведена на английский, французский и итальянский языки. Подобные работы по-

³¹⁷ Ibid. — P. 50.

³¹⁸ Ibid. — P. 26.

³¹⁹ Ibid. — P. 29—35, 41—42, 64.

³²⁰ Clancy T.H. *Papist Pamphleteers: The Allen-Persons Party and the Political Thought of the Counter-Reformation in England, 1572—1615.* — Chicago, 1964.

сле этого продолжали публиковаться³²¹. В Европе эти книги были призваны служить предупреждением католикам, чтобы они не соглашались на правление монархов-еретиков, и были рассчитаны также на то, что английским католикам удастся под впечатлением об их преследованиях на родине собрать деньги и приобрести политическую поддержку для открытия семинарий за рубежом.

К 1584 г. английские католики стали отходить от позиции непротивления по отношению к елизаветинскому режиму. Такой подход сохранялся у них примерно в течение десяти лет, пока они надеялись на католическую интервенцию в Англию, а далее они опять перешли на позиции лоялизма, пассивного подчинения английским властям³²².

В 1584—1596 гг. католики использовали для сопротивления протестантскому режиму политические по характеру аргументы, осмыслив в свою пользу идею о том, что короли правят, опираясь на согласие народа. Королевская власть, соответственно, не происходит напрямую от Бога. Короли при вступлении на престол дают коронационную клятву, что католики рассматривали как подтверждение того, что власть монарху вручил народ. Протестанты же в Англии, в отличие от католиков, отмечает П. Холмс, стали в большей степени склонны поддерживать теорию о божественном праве монархов на власть³²³.

П. Холмс и А. Притчард не согласны с мнением, что в 1584—1596 гг. были патриотично настроенные католики, выступавшие против сопротивления королеве, и утверждают, что английские католики в это время признавали возможность политической борьбы с протестантским режимом в Англии³²⁴.

Руководители английских католиков считали, что, если католическая вера и общее благо католиков не подвергались в каком-то случае опасности, человек мог нарушать каноническое право, чтобы спасти свою жизнь. Рекузантство для католиков в Англии они рассматривали как предпочтительное, но признавали также, что могут быть обоснованные причины к тому, чтобы порой отходить от рекузантства, хотя также высказывали мысль, что в важных показательных случаях обстоятельства иногда складывались так, что надо было отдавать жизнь за католическую веру.

Цель католиков до начала XVII в. состояла в том, чтобы создать условия для повторного обращения Англии в католицизм, но достичь этого, как считали католики, можно было в первую очередь политическими средствами с поддержкой извне: завоеванием, организацией восстания,

³²¹ Petti A.G. *Richard Verstegan and Catholic Martyrologies of the Later Elizabethan Period // Recusant History*. — 1959—1960. — Vol. 5. — P. 64—90.

³²² Holmes P. *Resistance and Compromise. The Political Thought of Elizabethan Catholics*. — Cambridge University Press, 1982. — P. 53; Cross C. *The Third Earl of Huntingdon and Trials of Catholics in the North, 1581—1595 // Recusant History*. — 1965. — Vol. 8. — P. 136—146.

³²³ Holmes P. *Resistance and Compromise. The Political Thought of Elizabethan Catholics*. — Cambridge University Press, 1982. — P. 147—150.

³²⁴ Holmes P. *Resistance and Compromise. The Political Thought of Elizabethan Catholics*. — Cambridge University Press, 1982. — P. 171—172; Pritchard A. *Catholic Loyalty in Elizabethan England*. — Chapel Hill, 1979. — P. 67—72.

или же обеспечением католического престолонаследия, обращением правящей династии в католицизм. Для этого необходимо было существование в стране жизнеспособного и соблюдающего католическую обрядность сообщества, которое стало бы ядром будущего католического режима в стране. Поэтому нужно было сохранить католическое сообщество и увеличивать его численность, в том числе не отпугивать от него тех католиков, которые под влиянием жизненных обстоятельств были вынуждены прибегать к различным конформистским поступкам, ходить на службы в церковь Англии.

В британской историографии появилась специальная работа о «церковных папистах» как явлении³²⁵. Средствами сопротивления протестантизму католики считали также развод, отъезд в эмиграцию. В то же время чрезмерную эмиграцию католиков на континент лидеры английских католиков не поддерживали. Католические священники запрещали английским католикам занимать должности на государственной службе в Англии, так как это заставило бы католиков принимать участие в преследованиях своих единоверцев³²⁶.

Католики также поднимали вопрос о престолонаследии, запрещенный к публичному обсуждению в Англии, защищая права на английский престол Марии Стюарт. Затем в 1594 г. в своем сочинении "A Conference on the Next Succession" Роберт Парсонс провокационно выдвинул на английский престол кандидатуру испанской инфанты, дочери Филиппа II Изабеллы, происходившую от Джона Гонта (1340—1399), сына короля Эдуарда III (1327—1377). Католики использовали тот факт, что в 1212 г. английский король Иоанн Безземельный признал себя вассалом папы и признал его верховную власть над своим королевством, обязавшись платить Риму ежегодную дань и передать под власть папы всё королевство Англию и всё королевство Ирландию со всеми правами на них. До Иоанна Безземельного Риму подчинялись и платили деньги англо-саксонские короли Инне, Оффа, сын короля Эгберта Эдельфус (Адельфус—Адевульфус). Сам Вильгельм Завоеватель обращался за папской поддержкой перед вторжением в Англию, и папы вообще неоднократно оказывали влияние на историю Англии³²⁷.

П. Холмс отрицает, что для политики Контрреформации была характерна линия на возможность сопротивления католиков светской власти, и привлекает внимание к тому, что для Контрреформации был характерен отказ от доктрины о власти папы над всеми католическими странами, но при этом успешное заключение конкордатов между римской курией и крупнейшими католическими государствами и принятие в итоге теории о суверенности королевской власти стало одним из самых важных аспектов в раз-

³²⁵ *Walsham A. Church Papists: Catholicism, Conformity and Confessional Polemic in Early Modern England.* — Rochester, 1993.

³²⁶ *Holmes P. Resistance and Compromise. The Political Thought of Elizabethan Catholics.* — Cambridge University Press, 1982. — P. 102—109, 115.

³²⁷ *Holmes P. Resistance and Compromise. The Political Thought of Elizabethan Catholics.* — Cambridge University Press, 1982. — P. 135—136, 155—157; *Alexander H.G. Religion in England, 1558—1662.* — London, 1968. — P. 114.

вители политической мысли в католицизме в XVI—XVII вв. Эта идеология дала возможность установиться королевскому абсолютизму во Франции, Австрии, Испании. Священники-семинаристы, как считает П. Холмс, были воспитаны на новой контрреформационной идеологии несопротивления политической власти монарха. Он придерживается мнения, что действия Католической лиги во Франции, призывы английских католиков к сопротивлению со стороны Аллена и Парсонса в 1584—1596 гг. были рецидивами средневекового мышления. Важные уступки в пользу независимости и суверенитета светской власти государства были также сделаны кардиналом Робертом Беллармином в 1586 г. в сформулированной им так называемой теории «косвенной власти папы». В Риме поначалу эти идеи не принимали и внесли книгу Беллармина в Индекс запрещенных книг³²⁸.

Английские католики-эмигранты, как отмечает П. Холмс, разрабатывали конкретные планы действий на тот случай, если в Англии удастся восстановить католицизм. Примером таких планов была неопубликованная работа Роберта Парсонса «Памятная записка о Реформации Англии». Здесь рассматривалось то, какие реформы должны были быть проведены в Англии, если бы в стране восстановился католицизм в результате иностранного католического вторжения или прихода к власти наследника-католика. В вопросе о собственности на церковную землю Парсонс предлагал, что церкви должна быть возвращена только земля, принадлежавшая после диссольюции тем, кто преследовал католиков или отличался особой безнравственностью. Католики же могли продолжать пользоваться доставшейся им церковной землёй, но при этом платили бы ренту органу, который руководил бы восстановлением католицизма в стране — Совету Реформации, хотя в конечном счёте вопрос о церковных землях оставлялся на усмотрение папы³²⁹.

Парсонс также предлагал повысить роль духовенства в политической жизни страны. Епископы должны были принимать участие в избрании кандидатов в рыцари от графств. Совет Реформации, который должен был состоять из духовных лиц, непосредственно после восстановления католицизма в стране должен был иметь большую власть. Парсонс предлагал также ряд мер, внешне сходных с требованиями пуритан: проповедовал умеренность для светских лиц в одежде, поведении и развлечениях, сокращение дней святых, чтобы они не ограничивали чрезмерно рабочее время в течение года, что было характерными чертами контрреформационного католицизма³³⁰.

С рубежа XVI—XVII вв. Парсонс стал переходить на позиции политического непротивления английским властям. Его обвиняли в том, что он не

³²⁸ Holmes P. Resistance and Compromise. The Political Thought of Elizabethan Catholics. — Cambridge University Press, 1982. — P. 159—160; Murray J.C. St. Robert Bellarmine on the Indirect Power // Theological Studies. — 1948. — Vol. IX. — P. 491—535; Clancy T. English Catholics and the Papal Deposing Power // Recusant History. — 1961—1962. — Vol. 6.

³²⁹ Clancy T.H. Notes on Persons' "Memorial" // Recusant History. — 1959—1960. — Vol. 5. — P. 17—34; Scarisbrick J.J. Robert Persons' Plans for the "True Reformation of England" // Historical Perspectives / Ed. by N. McKendrick. — London, 1974. — P. 19—42.

³³⁰ Holmes P. Resistance and Compromise. The Political Thought of Elizabethan Catholics. — Cambridge University Press, 1982. — P. 161—164.

хочет утверждения для католиков в Англии религиозной терпимости, но он был лишь против того, чтобы этого добились его противники-апеллянты путем изгнания иезуитов из Англии. Парсонса вдохновляло то, какие свободы имели протестанты во Франции, и он хотел подобных свобод для английских католиков. Деятельность апеллянтов Парсонс даже рассматривал как заговор Елизаветы с тем, чтобы ослабить английских католиков. Он заявлял, что согласится лишь на самую широкую по характеру религиозную терпимость для католиков в Англии: отмену антикатолического законодательства, разрешение иметь церкви, епископов и учебные заведения в Англии. Но ещё и в начале XVII в., как выявлено, Парсонс вёл политические переговоры с Римом, Испанией, что может служить указанием на то, что он не оставлял мыслей о политическом сопротивлении английским властям: в нескольких английских архивах сохранился рукописный документ, озаглавленный "A Discourse of the Providence Necessary to Be Had for the Setting up the Catholic Faith When God Shall Call the Queen out of this Life", в котором планировалась организация восстания английских католиков после смерти Елизаветы при поддержке Испании³³¹. Из всех английских иезуитов современные историки уделяют изучению деятельности Парсонса наибольшее внимание³³².

Яков I, сын католички Марии Стюарт, не оправдал надежд католиков на ослабление антикатолического законодательства. Как показали исследователи, в начале правления с мая 1603 г. Яков I приказал начать сбор штрафов с католиков, но в июле 1604 г. отменил эти штрафы после того, как с просьбой об этом к нему обратился французский посол. Король учитывал и то, что папа Климент VIII не отлучал Якова I от церкви после восшествия на престол. Но отмена штрафов продержалась лишь до ноября 1604 г.: в парламенте Яков I заявил, что будет взимать штрафы с католиков, так как нуждается в субсидии. Испания в 1604 г., заключая мирный договор с Англией, дала обязательство не поддерживать подрывную деятельность католиков в Англии³³³.

Современные британские историки перестали активно обвинять английских католиков конца XVI—начала XVII в. в заговорщической деятельности и подрывных наклонностях. Как отмечает Дж. Эйвлинг, упоминая об отношении ныне работающих исследователей к одному из наиболее широко известных эпизодов в истории английского католического сообщества XVI—XVII вв. — Пороховому заговору, «фанатизм Гая Фокса и его сообщников, которые все происходили из респектабельных семей католического джентри, и подготовка ими Порохового заговора сейчас преуменьшаются в значении или игнорируются»³³⁴.

³³¹ Ibid. — P. 206—215.

³³² Carafello M.L. Robert Parsons and English Catholicism, 1580—1610. — London, 1998; Edwards F. Robert Parsons. A Biography of an Elizabethan Jesuit. — St. Louis, 1995; Houlston V. The Fabrication of the Myth of F. Parsons // *Recusant History*. — 1994. — Vol. 22.

³³³ Dures A. English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 41.

³³⁴ Aveling J.C.H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation. — London, 1976. — P. 206—207.

Пороховой заговор, как полагают, был ответом на прокламацию февраля 1604 г., в которой Яков I требовал высылки из Англии католических священников. Вдохновителем Порохового заговора считается Роберт Кэтсби, имевший связи с испанским королевским двором и привлечший к участию в этом предприятии Гая Фокса, офицера на испанской службе во Фландрии. Участники Порохового заговора происходили из католического джентри Мидленда и юго-запада, где особенно чувствовалось давление властей по сбору штрафов с рекузантов³³⁵.

В конце октября 1605 г. главные организаторы Порохового заговора Кэтсби, Уинтер, Перси и Фокс были выданы католиком Фрэнсисом Трэшемом, который не хотел, чтобы при взрыве палаты лордов погиб его брат католик лорд Монтигл, и якобы написал ему письмо от имени неизвестного лица, но достоверность этого письма вызывала большие сомнения. Утверждали, что заговорщики завезли в подвал под зданием парламента, арендованный Томасом Перси, дрова и 36 бочек пороха, которые должен был поджечь непосредственный исполнитель — Гай Фокс, схваченный в ночь на 5 ноября 1605 г. и под угрозой повешения на дыбу выдавший имена остальных заговорщиков. Как предполагают, подкоп в здание парламента был придуманной впоследствии деталью, поскольку подкоп вдруг куда-то бесследно исчез. Узнав об аресте Фокса, остальные заговорщики бежали в графство Уорикшир, где хотели захватить жившую там старшую дочь Якова I Елизавету (1596—1662) и провозгласить её королевой. Со всеми своими слугами участники заговора насчитывали около 80 человек. Против них были направлены вооружённые жители графства по главе с шерифом. Кэтсби и Перси были убиты в бою, остальные арестованы, преданы суду, который приговорил четверых участников заговора — Дигби, Руквуда, Уинтера, Фокса, а также знавшего о заговоре главу английских иезуитов Гарнета к смертной казни³³⁶.

В работе А. Фрейзер «Вера и измена. История о Пороховом заговоре» (1996)³³⁷ обобщены существующие к настоящему времени мнения о Пороховом заговоре. Количество даже наиболее значительных работ о Пороховом заговоре довольно велико³³⁸. В его изучении изначально

³³⁵ Dures A. English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 42—43.

³³⁶ Alexander H.G. Religion in England, 1558—1662. — London, 1968. — P. 117.

³³⁷ Fraser A. Faith and Treason. The Story of the Gunpowder Plot. — New York, 1996.

³³⁸ Jardine D. A Narrative of the Gunpowder Plot. — London, 1857; A Narrative of the Gunpowder Plot Written by the Contemporary Fr. John Gerard and Edited by J. Morris. — London, 1871; Gerard J. What Was the Gunpowder Plot? — London, 1897; *Idem*. The Gunpowder Plot and the Gunpowder Plotters. — London, 1897; *Idem*. Thomas Winter's Confession and the Gunpowder Plot. — London, 1898; Trial of Guy Fawkes and Others (The Gunpowder Plot) / Ed. by D. Carswell. — London, 1934; Williamson H.R. The Gunpowder Plot. — London, 1951; Handover P.M. The Second Cecil: the Rise to Power 1563—1604 of Sir Robert Cecil, Later First Earl of Salisbury. — London, 1959; Garnet H. Portraits of Guy Fawkes. — London, 1962; Caraman P. Henry Garnet (1555—1606) and the Gunpowder Plot. — London, 1964; *Idem*. The Years of Siege: Catholic Life from James I to Cromwell. — London, 1966; De Luna B.N. Johnson's Romish Plot. — Oxford, 1967; Edwards F. Guy Fawkes: the Real Story of the Gunpowder Plot? — London, 1969; *Idem*. The Jesuits in England: from 1580 to the Present Day. — London, 1985; *Idem*. Still Investigating Gunpowder Plot // *Recusant History*. — 1993. — Vol. 21; Loomie A.J. Guy Fawkes in Spain: the "Spanish Treason" in Spanish Documents // *BIHR*. — 1971. — Special Supplement

обозначились две противоположные точки зрения на проблему — протестантская и католическая. В начале XVII века в откликах протестантов по следам событий судивший организаторов Порохового заговора известный юрист и парламентский деятель сэр Эдвард Коук (1552—1634) рассматривал его как «ужасную опасность, которой едва удалось избежать». В протестантских кругах Пороховой заговор считали «квинтэссенцией политики сатаны, не имеющим параллелей среди самых жестоких каннибалов». В марте 1606 г. по Англии также ходили слухи, что король Яков I якобы получил ножевые ранения в Окингхеме в 20 милях от Лондона или от иезуитов, или от шотландцев, или от испанцев, или от французов — как отмечали историки, этот перечень мнимых нападавших фактически отражает укоренённые в массовом сознании представления о том, кто рассматривался в качестве врагов Англии в начале XVII в. Такая пропаганда создавала обстановку, позволявшую преследовать католиков.

В результате новый подготовленный текст Клятвы о верности королю 1606 г. намеренно провоцировал раскол в среде английских католиков между готовыми к компромиссу с протестантским государством апеллянтами и защищавшими духовную власть папы иезуитами, которые не хотели идти на компромисс с протестантским режимом. Одним из крайних проявлений антикатолических настроений в Англии было представление в 1613 г. в палате общин не принятого законопроекта, по которому предполагалось принудить католиков носить головной убор красного цвета (как евреев в Риме того времени) или носить пестрые чулки³³⁹.

В католической среде 17 ноября 1605 г. через венецианского посла Николо Молина распространились слухи, что Пороховой заговор был сфабрикован в верхах английского правительства. Эта версия устраивала католиков, в том числе католические державы в Европе, и стала распространяться ими, до сих пор являясь аргументом для тех, кто убежден, что набожные католики не могли задумать организацию взрыва. Католики утверждали, что государственный секретарь Якова I Роберт Сесиль придумал, а потом разоблачил заговор католиков. Одного из заговорщиков, агента-provokatora Томаса Перси, якобы неоднократно видели выходящим ночью от Роберта Сесилия, но всё это передавалось как слухи и пересказы из вторых уст. Роберт Сесиль в рассказах о Пороховом заговоре всегда стремился подчеркнуть пример с его раскрытием как свидетельство эффективной деятельности возглавляемой им службы безопасности³⁴⁰.

В середине XIX в. новый виток споров о Пороховом заговоре возбудила публикация в 1857 г. работы Д. Джардина «Рассказ о Пороховом

№ 9; Allen K. The Story of Gunpowder Plot. — London, 1973; Scarisbrick J.J. The Jesuits and the Catholic Reformation. — London, 1988; Haynes A. Robert Cecil, Earl of Salisbury, 1563—1612: Servant of Two Sovereigns. — London, 1989; Croft P. The Reputation of Robert Cecil: Libels, Political Opinion and Popular Awareness in the Early Seventeenth Century // TRHS. 6th Series. — 1990. — Vol. I; Nicholls M. Investigating the Gunpowder Plot. — London, 1991; Haynes A. The Gunpowder Plot. — Stroud (Glos.), 1994.

³³⁹ Fraser A. Faith and Treason. The Story of the Gunpowder Plot. — New York, 1996. — P. 279—283.

³⁴⁰ Ibid. — P. 285.

заговоре»³⁴¹, в которой автор возложил вину за Пороховой заговор на иезуитов и Гарнета, но считал, что документы, доказывавшие участие в заговоре иезуитов, были уничтожены. В результате публикации работы Д. Джардина началась кампания против католика-шотландца Уильяма Тернбулла, служившего в Государственном архиве Великобритании. Хотя его непосредственное начальство в архиве доказывало его служебную добросовестность, Тернбулл подал в отставку и в 1861 г. под влиянием этих обвинений заболел и умер³⁴².

Либеральный историк второй половины XIX в. С.Р. Гардинер одним из первых среди протестантов подошел, в сущности, как светский исследователь, аналитически, хотя и с определённой идеализацией, к рассмотрению Порохового заговора, и писал о его участниках, что их действия были абсолютно бескорыстными. Они смело рисковали своей жизнью за то, что искренне считали делом, на совершение которого их ведёт Бог для блага их страны³⁴³.

Иезуит Ф. Эдвардс³⁴⁴ утверждает, что Пороховой заговор был спровоцирован Робертом Сесилем, графом Солсбери, убеждённым исконным врагом католицизма, который использовал двойных агентов, в число которых входил сам Роберт Кэтсби, впоследствии намеренно убитый в столкновении по захвату в плен участников Порохового заговора, поскольку Роберт Сесиль опасался, что Кэтсби не промолчит. Двойными агентами были, по его мнению, также Гай Фокс и Томас Перси. М. Николз³⁴⁵ рассматривает измену католиков и подготовку ими заговора как вполне вероятную, на что Ф. Эдвардс ответил ему в статье «Все ещё исследуя Пороховой заговор», по-прежнему опровергая версию о намеренном католическом заговоре³⁴⁶.

А. Фрейзер высказывает предположение, что, возможно, Роберт Сесиль узнал о Пороховом заговоре на довольно поздней стадии благодаря откровениям Томаса Трешема лорду Монтиглу, о чем потом было сообщено королю в виде информации о поступившем якобы анонимном письме. Она предполагает, что организаторами заговора были не Роберт Сесиль и не иезуит Гарнет, но Роберт Сесиль получил возможность показать, что нужен королю, достигнув личных политических целей, а также расстроил попытки смягчения антикатолического законодательства, что отвечало интересам протестантов. Но для того, чтобы Пороховой заговор удался, необходимо было иметь поддержку внутри страны, чего у католиков в Англии как раз не было. По мнению А. Фрейзера, для углубления знаний о Пороховом заговоре, если бы позволяли источники, необходима была бы работа по изучению деятельности Роберта Кэтсби как

³⁴¹ *Jardine D. A Narrative of the Gunpowder Plot. — London, 1857.*

³⁴² *Fraser A. Faith and Treason. The Story of the Gunpowder Plot. — New York, 1996. — P. 292.*

³⁴³ *Gardiner S.R. Two Declarations of Garnet Relating to the Gunpowder Plot // EHR. — III. — 1888; Idem. What Gunpowder Plot Was. — London, 1897.*

³⁴⁴ *Edwards F. Guy Fawkes: the Real Story of the Gunpowder Plot? — London, 1969.*

³⁴⁵ *Nicholls M. Investigating Gunpowder Plot. — London, 1992.*

³⁴⁶ *Edwards F. Still Investigating Gunpowder Plot // Recusant History. — 1993. — Vol. 21.*

его руководителя, а не Гая Фокса, чьё имя прочно вошло в массовое сознание, но не помогло понять Пороховой заговор³⁴⁷.

Таким образом, в изучении английского католицизма в XVI—начале XVII в. в современной британской историографии утверждается мнение, что накануне Реформации католическая церковь в Англии не находилась в состоянии кризиса, в народе сохранялась по преимуществу традиционная по характеру религиозность. В то же время церковь не могла противопоставить себя воле монарха, социальные низы не имели конструктивных средств воздействия на политический процесс, и поэтому стал возможен разрыв церкви Англии с Римом.

Продолжается изучение политики протестантских властей по отношению к католикам во второй половине XVI—начале XVII в. Как установлено, в случае обострения угрозы Англии со стороны европейского католицизма светские и церковные власти в стране проводили согласованную политику по отношению к католикам и держали ситуацию под контролем. Английские власти не добились искоренения католицизма в стране, и, судя по всему, не ставили перед собой такой цели, но, как показали историки, угроза конфискации части имущества по отношению к упорным католикам-рекузантам, штрафы, налагавшиеся за непосещение церкви, были эффективным средством воздействия на английское католическое сообщество.

Продолжается также анализ английского антикатолического законодательства. Исследователи также показали, как менялись установки руководителей английского католического сообщества в вопросе о возможности сопротивления католиков протестантскому режиму. В результате дискуссии по вопросу о том, существовала ли преемственность в развитии английского постреформационного католицизма, или он представлял собой новообразование, были высказаны суждения, углубившие понимание характера английского католицизма. Много внимания было уделено анализу деятельности апеллянтов на рубеже XVI—XVII вв., что позволило глубже выяснить религиозные и политические аспекты борьбы между белым духовенством и членами духовных орденов в среде английского католического духовенства. По сей день не выходят из сферы внимания историков события, связанные с Пороховым заговором. Аналитическая работа современных историков, новое обращение к источникам, сопоставление высказанных ранее мнений дополняет характеристику английского католицизма XVI—начала XVII в.

³⁴⁷ *Fraser A. Faith and Treason. The Story of the Gunpowder Plot.* — New York, 1996. — P. 286.

§3. Оценка современными британскими историками изменений в английском католическом сообществе в первые десятилетия XVII в.

В современной британской историографии сохраняется интерес к изучению положения католиков в Англии в предреволюционные десятилетия XVII в. Историки обращаются к изучению деятельности английской католической миссии, рассматривают её организационную структуру, экономическое положение и социальный статус католического духовенства в Англии, различные группы в среде английского католического духовенства и отношение протестантских властей к существовавшему в стране католическому сообществу.

Важную работу начал в 1960—70-е гг. Г. Анструтер, составивший очень подробный словарь английских священников-семинаристов³⁴⁸. Дж. Эйвлинг считает, что Г. Анструтер применил в этой работе метод «немиризации» семинаристских священников как особой группы. На основе опубликованных исследований по-прежнему можно составить лишь общее представление об английском католицизме в XVII в., хотя практически все вопросы в изучении английского католического сообщества, представляющиеся к настоящему времени важнейшими, не остались без внимания британских историков. Неизученной остается подготовка английских католических священников в семинариях и монастырских орденах в XVII в., богословская и полемическая литература, созданная английскими католиками и её связь с полемикой, которая шла среди католиков во Франции и на континенте, история английских монашеских орденов и английской провинции общества Иисуса, анти-иезуитское движение и братства в среде белого духовенства после 1620 г., церковная организация в миссии и деятельность епископальной организации после её создания, английские католические школы в Англии и за рубежом, связи между анти-иезуитским движением в Англии и на континенте³⁴⁹.

Значительную работу по формированию общего представления о положении английских католиков в первые десятилетия XVII в. проделал Дж. Эйвлинг, обобщивший её результаты в книге «Топорище и топор. Ка-

³⁴⁸ *Anstruther G.* The Seminary Priests: Elizabeth I, 1558—1603. — St Edmunds College, Ware; Urshaw College, Durham, 1968. — Vol. I; *Idem.* The Seminary Priests. Early Stuarts 1603—1659. — Mayhew-McCrimmon, 1975. — Vol. II.

³⁴⁹ *Aveling J.C.H.* The English Clergy, Catholic and Protestant, in the 16th and 17th Centuries // Rome and the Anglicans: Historical and Doctrinal Aspects of Anglo-Roman-Catholic Relations. — Berlin — New York, 1982. — P. 111.

толические рекузанты в Англии от Реформации до легализации католицизма» (1976)³⁵⁰. Наряду с работой Дж. Босси «Английское католическое сообщество, 1570—1850» (1975)³⁵¹, работа Дж. Эйвлинга является одним из самых важных обобщающих исследований по истории постреформационного английского католицизма.

Как считает Дж. Эйвлинг, в XVII в. в английском обществе произошла вторая протестантская Реформация (если иметь в виду всплеск сектантского движения в середине XVII в.) и вторая католическая Контрреформация, в процессе которой английские католики глубже восприняли влияния, исходившие от континентального католицизма. Английское католическое сообщество в 1603—1642 гг., с одной стороны, сталкивалось с трудностями, с другой, пережило интенсивное религиозное возрождение и приток новообращённых главным образом из числа интеллектуалов и аристократов. С начала XVII в. в Англии стало более ощутимо чувствоваться влияние континентальной Контрреформации.

Были также дополнительные причины к тому, чтобы Англия стала особенно восприимчивой к культурным влияниям католической Европы. Контрреформацию поддерживали самые сильные в военном отношении европейские государства, и в ходе Тридцатилетней войны у современников, бывало, создавалось ощущение, что европейский протестантизм обречён. Дж. Эйвлинг считает, что латинская культура Контрреформации превосходила английскую в первые десятилетия XVII в. по яркости и привлекательности, что влекло за собой активизацию контактов между Англией и Францией, нашло немаловажное выражение в том, что католицизм исповедовали жена Якова I Анна Датская, жена Карла I француженка Генриетта Мария, стимулируя интерес к католицизму при английском дворе. В среде английской знати распространилась мода на портреты, написанные французскими и фламандскими художниками-католиками, на французские романы и памфлеты во французском стиле, а пьесы в театрах строились на французских и испанских сюжетах. Верхушка общества пила кларет, испанское белое вино или портвейн. Стиль одежды, включая военную, тоже был французским. Французский язык использовался в дипломатии, по-французски разговаривали в присутствии слуш³⁵².

Как отмечает А. Дюре, в первые десятилетия XVII в. в Англии численность католического сообщества увеличивалась, и оно превращалось в энергичное религиозное меньшинство. Католическая миссия в Англии XVII в. становилась всё более организованной, хотя в ней также нарастала напряжённость в отношениях между белым духовенством и монашеством, особенно из ордена иезуитов. С начала XVII в. численность монашества в английской миссии возрастала, и это касалось как иезуитов, так и бенедиктинцев, доминиканцев, францисканцев. По мнению А. Дюре, в деятельности

³⁵⁰ *Aveling J.C.H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation.* — London, 1976.

³⁵¹ *Bossey J. The English Catholic Community, 1570—1850.* — London, 1975.

³⁵² *Aveling J.C.H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation.* — London, 1976. — P. 74.

монахов дух контрреформационного католицизма проявлялся сильнее, хотя требования белого духовенства о сохранении роли католической иерархии тоже соответствовали характерному для Контрреформации подчёркиванию пасторской роли епископов. У современников в начале XVII в. было ощущение, что католицизм в Англии переживает подъём, хотя впоследствии историки, изучавшие предреволюционные десятилетия, склонились к мнению, что английский католицизм к 1603 г. был уже истощённой силой, отработавшей свои исторические роли и не вернувшей себе влияния в стране³⁵³.

В основных районах распространения католицизма в Англии в начале XVII в. происходил рост числа рекузантов. В Норт Райдинге в Йоркшире в 1603 г. было примерно 1100 рекузантов, а в 1620 г. их было в этом районе около 1700, в 1642 г. — примерно 1800 человек. В Ланкашире власти выявили 3,5 тыс. католиков-рекузантов. Среди священников-семинаристов в начале XVII в. встречались утверждения, что треть населения Англии — католики, но к числу католиков в данном случае причислялись ещё и те, кто регулярно не ходил на службы церкви Англии. Исследователи отмечают, что католики были склонны к тому, чтобы намеренно преувеличивать численность своих единоверцев в стране³⁵⁴.

В начале XVII в., как отмечает А. Дюре, была велика роль джентри и знати в поддержке католицизма в Англии, старавшихся поддерживать католиков из числа своих слуг и арендаторов. Относительно больше влияния католические лендлорды имели на севере Англии. А. Дюре считает, что существование английского католического сообщества всё же не определялось полностью влиянием земельных собственников. Католические землевладельцы, особенно в тех случаях, когда на их землях сидели протестанты, проводили огораживания, повышали вступительные платежи в земельное держание (файны). В городах существование католического сообщества испытывало опосредованное влияние джентри, имевшего городские дома. Католицизм в городской среде был распространён в основном среди ремесленников³⁵⁵.

Дж. Эйвлинг в исследовании на материалах Норт Райдинга в Йоркшире выявил, что в 1603—1642 гг. здесь происходило некоторое уменьшение влияния джентри в сообществе местных католиков, поскольку местные священники-миссионеры в этом районе не были в такой степени зависимы от джентри, и местный католицизм по своему социальному составу был разнородным, включая также крестьян³⁵⁶.

На рубеже XVI—XVII вв. в Англии стала возрастать численность иезуитов: в 1593 г. было всего 49 английских иезуитов, 30 из которых были священниками, но только 9 человек из этого общего числа служили в Англии. В 1610 г. в Англии уже было 53 иезуита, а всего иезуитов-англичан

³⁵³ Dures A. English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 58—59; Trimble W.J.R. The Elizabethan Catholic Laity. — Harvard University Press, 1964.

³⁵⁴ Aveling J.C.H. Northern Catholics: the Catholic Recusants of the North Riding of Yorkshire, 1558—1790. — London, 1966.

³⁵⁵ Dures A. English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 58—59.

³⁵⁶ Aveling J.C.H. Northern Catholics: the Catholic Recusants of the North Riding of Yorkshire, 1558—1790. — London, 1966.

было 120 человек, и начала создаваться английская провинция ордена. Были созданы школа для мальчиков в Сент-Омере и новициат в Лувене, и к 1641 г. иезуитов-англичан было почти 400 человек, 180 из которых находились в Англии. Белое духовенство обвиняло иезуитов в намеренном соблазнении католических священников к переходу в иезуиты для того, чтобы можно было создать английскую провинцию ордена, но в тяготении католических священников к ордену иезуитов, по мнению Дж. Эйлинга, были спонтанность и подъём, прослеживаемые также в других европейских странах — рост интереса к католицизму был одним из достижений Контрреформации. При этом он полагает, что иезуитский орден подавлял человека дисциплиной, к тому же в английских условиях не было места для проявления особой оригинальности в индивидуальной религиозности — необходимо было, в первую очередь, поддержание жизни католического сообщества в экстремальных условиях³⁵⁷.

С 1600 г. римская курия дала разрешение монахам-бенедиктинцам из числа англичан служить в английской миссии. Они стали создавать английскую конгрегацию бенедиктинского ордена, против чего возражали иезуиты, но конгрегация была всё же создана в 1619 г. Характерной чертой бенедиктинцев было также и тяготение к уходу от всякой деятельности в миру. В 1619—1633 гг. на ситуации в бенедиктинском ордене сказывалась борьба между Францией и Испанией за то, кто возглавит движение Контрреформации в Европе, и в ордене образовались про-французская и происпанская фракции³⁵⁸.

Часть английских бенедиктинцев также сочувствовала янсенизму. Главный труд Корнелиуса Янсения (1585—1638), голландского католического богослова, получившего образование во Франции, под названием «Августин, или Учение Св. Августина о здравии, недуге и врачевании человеческого естества, против пелагиан и масиллийцев» был опубликован лишь в 1640 г., но до этого он долго распространялся в рукописи. После 1617 г. Джон Дженнингс воссоздал в Англии ещё и францисканский орден. Среди англичан появились также монахи-доминиканцы. Этот орден с 1580-х годов конфликтовал с иезуитами по всей Европе. Доминиканцем стал английский аристократ Филипп Хауэрд, и семья имела такие средства, что был основан английский доминиканский монастырь в Борнхеме во Фландрии, но авторитет этот монастырь приобрел только в 1670-е гг.

Английские монахи, служившие ещё в двух орденах — капуцины и кармелиты — в понимании своего служения тяготели к умозрительности. Один из капуцинов, Бенет Кэнфилд, приобрел общеевропейскую известность своей работой «Правление совершенства». Эту книгу считали лучшим католическим духовным руководством эпохи Контрреформации, автора же сравнивали с влиятельнейшими духовными авторитетами католиков — Иоанном Крестителем, Терезой Авильской³⁵⁹.

³⁵⁷ Aveling J.C.H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation. — London, 1976. — P. 77.

³⁵⁸ Ibid. — P. 80—81.

³⁵⁹ Ibid. — P. 84—86.

К 1610 г. исследователи насчитывают у английских католиков 11 руководимых ими учебных заведений, которые готовили к возведению в духовный сан. Это были колледжи для белого духовенства в Дуэ, Риме, Вальядолиде, Севилье, Мадриде, центры белого духовенства в Сан Лукаре и Лиссабоне, иезуитский колледж в Сент-Омере, иезуитский новициат в Лувене, дававший подготовку по схоластике, два небольших бенедиктинских новициата в Дуэ и Дьелуаре (Dieulouard). Англичане возводились в сан также и в других католических учебных заведениях, в неанглийских монастырях бенедиктинцев, францисканцев, капуцинов, минимов, августинцев, доминиканцев, кармелитов, ораторианцев.

С 1619 г. семинарию в Дуэ контролировало белое духовенство. Предполагалось, что теперь в составе английской миссии будут представители белого духовенства из Дуэ, иезуиты, подготовленные иезуитами «игнацианцы», остававшиеся в составе белого духовенства, а также допускалось и присутствие монахов других орденов, но это не привело к миру в английской миссии. Отчуждение между белым духовенством и иезуитами усиливалось и расширялось, и одним из проявлений, но также и стимулятором этого раскола была агрессивная линия в отношении иезуитов, которую проводил епископ Ричард Смит, и к 1642 году анти-иезуитские силы имели в английской миссии значительный численный перевес. Английские францисканцы создали провинцию в 1623 г., доминиканцы — с большим трудом в 1650-е гг., а другим католическим орденам этого в Англии сделать не удалось. В 1641 г. семинария в Дуэ имела большие долги, и в ней учились только 8 кандидатов на принятие сана. Условия в европейских университетах в XVII в. не благоприятствовали изучению богословия. В это время происходил большой наплыв в университеты на светские специальности, значение богословских факультетов стало меньшим, к иезуитам подозрительно относились и студенты, и университетские власти. Но руководители английских католиков считали, что для существования в качестве полноценных учебных заведений семинарии должны были иметь связи с университетами³⁶⁰.

Установлено, что после 1619 г. в английской миссии увеличилось количество католических священников, прошедших ускоренный курс обучения, и такие священники были не лучше или только чуть лучше подготовлены по сравнению с не имевшими университетского образования англиканскими священниками. С начала XVII в. англикане и католики критиковали друг у друга уровень требований, предъявлявшихся к соискателям богословских ученых степеней, но в то же время ни те, ни другие прямо не отвергали действительность этих степеней. С 1597 г. римская курия добивалась, чтобы студенты обучались в течение не менее 4 лет для получения степени бакалавра и ещё 4 года для получения степени доктора богословия, и в английской семинарии в Дуэ это распоряжение соблюдалось. По мнению Дж. Эйвлинга, если сравнивать англиканскую и католическую

³⁶⁰ *Aveling J.C.H. The English Clergy, Catholic and Protestant, in the 16th and 17th Centuries // Rome and the Anglicans: Historical and Doctrinal Aspects of Anglo-Roman-Catholic Relations. — Berlin — New York, 1982. — P. 125—127.*

систему подготовки кадров, теоретически католическая система была лучше, поскольку католики были свободны от ограничений бенефициальной системы и от университетского академического рационализма. Католическая система была лучше организована, сильнее вовлечена в международные связи при получении образования. Но в то же время, как он полагает, на практике различия между англиканской и католической системами образования были не так существенны. Для англиканского и католического духовенства был характерен культ эрудиции, стремление к наступательному характеру полемики, признание абсолютного авторитета Аристотеля, убеждение в апостольском происхождении форм управления той церковью, к которой они принадлежали. И англиканское, и католическое духовенство активно боролись с притязаниями женщин на свободу и право голоса в религиозных делах, поскольку женщины особенно активизировались в постреформационные десятилетия, но женская религиозность воспринималась в это время как опора суеверия, и активизация женщин в религиозных делах воспринималась современниками в целом как одно из проявлений общественного зла и недостатков беспокойного времени³⁶¹.

К середине XVII в. на континенте было более ста различных религиозных общин, школ, интернатов, созданных английскими католиками, и более 40, созданных ирландскими католиками, примерно дюжина, созданная шотландскими католиками. Большинство из них находились в испанской Фландрии. Как выяснилось, испанский контрреформационный католицизм не нравился англичанам, и связи с Испанией в течение XVII в. слабели. Итальянский климат большинство англичан считали тяжёлым, и в этой стране тоже было мало английских католиков — только из соображений престижа в Риме действовали английские семинария и женский монастырь, шотландская семинария, ирландские семинария и два монастыря. На территории Англии женские монастыри тайно создавали в Лондоне и на севере в Йоркшире в 1620—30-е гг. и в годы гражданской войны. В женских монастырях происходили конфликты относительно того, переходить ли под духовное руководство иезуитов. В английском католицизме возник как явление «бейкеризм» (по имени Дэвида Августина Бейкера), для которого была характерна похожая на распорядки картезианского монашеского ордена отшельническая жизнь с долгими периодами, посвящаемыми индивидуальной молитве. Бейкеризм был особенно характерен для английского женского монастыря в Камбрэ во Франции. Августин Бейкер, а также известная деятельница английского католицизма Мэри Уорд высоко ценили созерцательный образ жизни и считали, что те, кто ведет такую жизнь, руководимы божественным вдохновением³⁶².

У католиков, бывало, трудно было отчислить из семинарии сына того, кто давал средства для этой семинарии. В английской миссии разрешали

³⁶¹ Ibid. — P. 129—131.

³⁶² Aveling J.C.H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation. — London, 1976. — P. 93, 100.

даже монахам сохранять право на пользование наследством, что делало миссионеров независимыми, приводило к нарушениям дисциплины³⁶³.

Как отмечает Дж. Эйвлинг, в период 1598—1642 гг. примерно 5 тыс. англичан стали католиками в эмиграции, что для тех лет было заметным явлением, и сравнивает эти цифры с отъездом примерно 20 тыс. англичан в Америку из-за пуританских наклонностей³⁶⁴.

Английское католическое белое духовенство 1600—1642 гг. Дж. Эйвлинг называет «находившимся в депрессии меньшинством» — наиболее способные индивиды шли в монахи. Белое духовенство финансово зависело от джентри. Представители белого духовенства часто служили в бедных районах страны, на промежуточных станциях для передвижения священников, где-нибудь в округе с большой территорией, отдалённой, глухой, где приходилось постоянно переезжать и служить для некомпактно живших мелких землевладельцев. Такие условия обычно были на севере страны. Священники зависели от средств, собираемых с тех, для кого они служили, и от сборов во время мессы. Бывало, священники жили тут даже на собственные средства. Такие священники объединялись в братства, члены которых вносили взносы на общие нужды и для тех, кто из их числа был пока без работы. Лучшие места в миссии принадлежали иезуитам, монахам. Безработных католических священников можно было найти в Лондоне, что успевали заметить в 1630-е гг. даже иностранные наблюдатели. Терпимость к католикам в английском обществе в 1603—1642 гг., как считает Дж. Эйвлинг, возрастала, и это пугало некоторых священников, хотя были и казни, и аресты священников, и периодически происходили гонения, продолжавшиеся по времени от нескольких месяцев до 2—3 лет. Многие семейства католического джентри, даже из числа рекузантов, предпочитали не иметь постоянного священника, а пользоваться услугами периодически приезжавших — это было дешевле, а зачастую также духовно комфортнее³⁶⁵.

Из переписки в католической миссии предреволюционных десятилетий XVII в. известно, что многие из числа белого духовенства с большим раздражением относились к воспитанникам иезуитов — игнацианцам. Руководители белого духовенства стремились вытеснить иезуитов из руководства семинариями, чтобы контролировать приток новых священников в миссию и изменить сам характер английской миссии. Белое духовенство, как считают исследователи, уступало по уровню подготовки выпускникам семинарий, руководимых иезуитами, было часто ниже их по социальному происхождению и больше подходило для службы среди социальных низов. К 1640-м гг. белое духовенство смогло захватить контроль над семинариями в Дуэ и Лиссабоне, двумя женскими монастыря-

³⁶³ *Aveling J.C.H.* The English Clergy, Catholic and Protestant, in the 16th and 17th Centuries // Rome and the Anglicans: Historical and Doctrinal Aspects of Anglo-Roman-Catholic Relations. — Berlin — New York, 1982. — P. 115.

³⁶⁴ *Aveling J.C.H.* The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation. — London, 1976. — P. 98.

³⁶⁵ *Ibid.* — P. 112.

ми (один из них в Париже был самым модным), но иезуиты по-прежнему контролировали 4 семинарии. Образовательный уровень белого духовенства в первые десятилетия XVII в. не повышался³⁶⁶.

В начале XVII в. важнейшей целью белого духовенства в Англии было установление нормальной католической иерархии епископов, которые должны были быть назначены из среды белого духовенства. В подчинение епископам, согласно этим планам, должны были перейти религиозные ордена и светские патроны-аристократы. Зачинателями этих планов были апеллянты 1590-х годов. Назначавшиеся из Рима с 1598 г. Верховные священники не имели полномочий епископа и власти над светскими патронами и религиозными орденами³⁶⁷.

В начале XVII в., отмечает Дж. Эйвлинг, заметным явлением был быстрый рост католицизма среди высших классов при дворе и в стране³⁶⁸. До 1603 г. рекузанты и даже лица, имевшие жен-рекузанток, не допускались ко двору для службы. У Якова I была идея о том, что конфликт между католиками и протестантами может быть решён поглощением католицизма расширившим свои идейные рамки и ещё более реформированным протестантизмом, но, как считает Дж. Эйвлинг, «замысел был великолепен, а человек, выдвинувший этот план, а также исполнение этого плана были неполноценны». Яков I привлекал католиков на важные государственные должности (даже на должность президента Северного совета), настаивая, чтобы они внешне были лояльны к церкви Англии. Католик Генри Спиллер, женатый на католичке-рекузантке, был даже назначен ответственным в государственном казначействе за сбор штрафов с рекузантов. В 1603 г. в Англии исследователи выявили 8—9 католических пэров, а в 1625 г. их уже было 18 человек³⁶⁹.

При этом власти в правление Якова I также предпринимали меры, побуждавшие католиков к переходу в протестантизм. В первый год правления Якова I был принят закон, по которому становившийся конформистом наследник отца-католика освобождался от долгов отца государственному казначейству в платежах за рекузантство³⁷⁰.

После Порохового заговора 1605 г. протестантские власти в Англии предприняли дополнительные меры для обеспечения политической лояльности католиков, живших в Англии. Одной из них стала клятва о верности королю 1606 г. Клятва содержала формулировки, неприемлемые для католиков, из-за отрицания в них власти и авторитета папы, и смущала некоторых представителей белого духовенства, которые просили изменить формулировку клятвы, чтобы католики могли её принести, и взамен за согласие на принятие клятвы просили, чтобы власти пообещали им введение некоторой степени религиозной терпимости по отношению к католикам. Правительство было озадачено, некоторые протестанты

³⁶⁶ Ibid. — P. 113.

³⁶⁷ Ibid. — P. 117.

³⁶⁸ Ibid. — P. 122.

³⁶⁹ Ibid. — P. 123.

³⁷⁰ Bossy J. The English Catholic Community, 1570—1850. — London, 1975. — P. 151.

станты не возражали, но протестантское большинство в целом всё же не могло на такое согласиться³⁷¹.

Большинство католических священников отказались от клятвы о верности королю, которую также осудил папа, хотя в среде католического джентри было немало тех, кто её принял. Отказ от принятия этой клятвы, как считает Дж. Босси, опять сплотил английских католиков, так что и апеллянты предпочли в большинстве своём отказаться от принесения этой клятвы. Пороховой заговор привёл также к усилению финансового давления на английских католиков. Штрафы, взимавшиеся с рекузантов, резко возросли от 2 тыс. фунтов в 1605 г. до 10 тыс. фунтов в 1606 г., а в Лондоне и Миддлсексе в 1606 г. выявили и осудили в три раза больше католиков, чем в предыдущем году³⁷².

Исследователи отмечают также, что клятву о верности королю 1606 г. власти поначалу требовали принести не очень настойчиво, но давление властей усилилось после убийства католиками французского короля Генриха IV в 1610 г., хотя представители английской католической знати, как известно по сохранившимся свидетельствам, откупались от принесения этой клятвы³⁷³.

В 1606 г. против католиков были приняты два законодательных акта. «Акт в целях лучшего обнаружения и подавления папистов-рекузантов» предусматривал, что не подходящие к причастию католики будут за это штрафовать на 20 фунтов в год, а у тех католиков, которые уже платили за непосещение церкви 260 фунтов в год, разрешалось отбирать две трети имущества и земли, даже если эти католики вовремя платили штрафы. Было также постановлено, что ни одно лицо, уже осуждённое в качестве рекузанта, не могло появляться при дворе или заниматься медициной без специальной лицензии. Рекузанты и те лица, у которых исповедовала католицизм жена, не могли впредь занимать публичные должности, но в последующие годы всё же многие государственные служащие имели жен-католичек. К 1614 г. казначейство получало от рекузантов в виде штрафов примерно 8 тыс. фунтов стерлингов в год, и, предположительно, это не вся сумма, реально выплачивавшаяся католиками. В дальнейшем преследования католиков в Англии зависели от привходящих факторов, связанных с внутренней и внешней политикой Англии, в том числе и с причудами самого короля, и в связи с переговорами о браке принца Кар-

³⁷¹ *Questier M.* Conversion, Politics and Religion in England, 1580—1625. — Cambridge, 1996. — P. 106; *Aveling J.C.H.* The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation. — London, 1976. — P. 117—118; *Sommerville J.P.* Jacobean Political Thought and the Controversy over the Oath of Allegiance. — Cambridge University PhD, 1981; *Gifford J.V.* The Controversy over the Oath of Allegiance. — Oxford University PhD, 1971.

³⁷² *Bossey J.* The English Catholic Community, 1570—1850. — London, 1975. — P. 39; *Dietz F.C.* English Public Finance, 1558—1641. — New York, 1943.

³⁷³ *Questier M.* Conversion, Politics and Religion in England, 1580—1625. — Cambridge, 1996. — P. 148; *Aveling J.C.H.* Northern Catholics: the Catholic Recusants of the North Riding of Yorkshire, 1558—1790. — London, 1966. — P. 214—215; *Sommerville J.P.* Jacobean Political Thought and the Controversy over the Oath of Allegiance. Ph.D. Thesis. — Cambridge, 1981; *Gifford J.V.* The Controversy over the Oath of Allegiance of 1606. Phil. D. Thesis. — Oxford, 1971; *Ryan C.J.* The Jacobean Oath of Allegiance and English Lay Catholics // *Catholic Historical Review.* — 1942. — Vol. 28. — P. 159—183.

ла в Испании, затем во Франции преследования католиков смягчались. В целом при Якове I финансовое давление на католиков возрастало³⁷⁴.

Организация, созданная иезуитами, и режим управления во главе с Верховным священником просуществовали в единых организационных рамках лишь до 1602 г., а затем стала формироваться своя организация у белого духовенства, а иезуиты стали развивать свою организацию. С 1623 г. существовала отдельная провинция ордена иезуитов в Англии во главе с Ричардом Блаунтом, подразделявшаяся на 12 дистриктов. Провинциал ордена жил в Лондоне или в его окрестностях, поддерживал связи с руководителями дистриктов и осуществлял руководство финансовой деятельностью организации. Иезуиты были обычно хорошо укрыты в домах джентри и знати. Организация белого духовенства, по оценке А. Дюре, «была не такой спокойной во внутренних взаимоотношениях, как организация иезуитов». С 1607 г. Верховным священником был Джордж Биркхед. Верховному священнику не хватало полномочий, и некоторые его помощники были более влиятельны, чем он сам. Режим управления во главе с Верховным священником просуществовал до 1623 г.³⁷⁵

По мнению Дж. Босси, разделение миссии в 1602 г. на иезуитов и белое духовенство привело к запутанности, дублированию в деятельности английских католиков, ограничило возможности расширения католического сообщества. Лидеры белого духовенства, как он считает, не уделяли должного внимания миссионерской деятельности. К середине XVII в. деятельность английской католической миссии в своих целях стала смещаться от решения задач по расширению миссии к её стабилизации. Это повлекло за собой всё более экономное использование средств и людей, ослабление усилий в миссионерской деятельности, особенно в территориально удаленных районах страны. Произошёл упадок численности католиков в среде простого народа. Католическое джентри, во многом подчинившее в это время католических священников, поставив их себе на службу, обеспечило священникам приют и относительно большую безопасность, чем способствовало сохранению английского католического сообщества, хотя численный его состав и уменьшился³⁷⁶.

К 1625 г. в управлении английскими католиками в стране, наряду с должностью Верховного священника, имевшего практически положение епископа, действовали капитулы каноников, которые были советниками Верховного священника, генеральные викарии, местные архидиаконы, сельские деканы. В связи с женитьбой принца Карла на французской принцессе Генриетте Марии в 1625 г. в Англию был назначен епископ. Рим долгое время не реагировал на просьбы английского белого духовенства о назначении епископа в Англию, возможно, считая, что английские власти могут истолковать назначение в страну епископа из Рима как провокацию. В течение двух лет после вступления на престол Карла I католи-

³⁷⁴ Dures A. English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 45, 50—53; La Rocca J.J. James I and his Catholic Subjects, 1606—1612: Some Financial Implications // *Recusant History*. — 1987. — Vol. 18. — P. 251—262.

³⁷⁵ Dures A. English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 64.

³⁷⁶ Bossy J. The English Catholic Community, 1570—1850. — London, 1975. — P. 280—283.

цизм имел большие возможности для открытого исповедания при дворе, что вызвало в итоге волну протестантского гнева. Католиков вновь стали облагать штрафами, но, с другой стороны, уплатившим штрафы уже не досаждали власти. В 1623—1631 гг. двумя последовательно управлявшими в Англии католическими епископами Халкедонскими (наименование епархии было намеренно сделано не совпадающим с традиционными английскими названиями), назначенными Римом, были Уильям Бишоп и Ричард Смит. К этому времени возникли две независимые миссии, руководимые религиозными орденами — иезуитская и бенедиктинская.

Ордена в Англии уже примирились со своим миссионерским статусом, оставили мечты о создании католической церкви Англии, и служили католическому джентри, что, по словам Дж. Босси, стало напоминать сектантские группировки. Большинство католического джентри, которое во время спора о Верховном священнике ещё не занимало своей позиции, к этому времени стало вполне дружелюбно относиться к священникам из религиозных орденов. Фактически реализовался на практике план организации английских католиков вокруг имений джентри, впервые намеченный в петиции католиков 1604 г. Джентри стало осознавать большие преимущества, которые были связаны для них с режимом, установившимся в миссии, поскольку теперь джентри могли выбирать себе для службы такого священника, который был им по нраву. Теперь оказалось, что апеллянты, настаивавшие на сохранении традиционных церковных структур управления, стремились лишить мирян свободы выбора священника и подчинить их священникам, которых эти миряне не могли выбирать.

Назначение епископа грозило подрывом сложившейся системы, в которой католическое джентри стало оказывать большое влияние на деятельность священников. Второй из епископов, Ричард Смит, стремился подчинить себе бенедиктинскую и иезуитскую миссии. Смит опирался на решение Тридентского собора, согласно которому никто, кроме приходского священника, не мог слушать исповедь, отпускать грехи, если не получил на это одобрения епископа своей епархии. Епископ ставил своей задачей восстановление приходской системы в Англии, а также стремился распорядиться денежными средствами, которые давались светскими лицами отдельным священникам, и религиозными пожертвованиями. Деятельность соборного капитула, существование должностей генеральных викариев, архидиаконов и сельских деканов были призваны подчеркнуть преимущество организации английских католиков с дореформационной церковью. Исследователи обращают внимание на то, что назначение епископа привело к чрезмерному увеличению численности управленческого аппарата — только для занятия должностей в этой системе требовалось 50 человек, и вдобавок был создан капитул в составе декана и 18 каноников, и вся эта структура имела в подчинении не более 400 представителей белого духовенства. Организация белого духовенства, как считает Дж. Босси, по сравнению с иезуитской организацией действовала гораздо менее эффективно³⁷⁷.

³⁷⁷ Ibid. — P. 210—212.

Епископу Ричарду Смигу удалось подчинить себе организацию английских бенедиктинцев, созданную в 1619 г. — они получили права автономии под надзором епископа. Следующим шагом было намерение епископа подчинить иезуитов, что, как отмечают историки, обострило ситуацию в английской миссии³⁷⁸.

Возникли также опасения, что епископ Смит может выступить за введение обязательной десятины, что и могло последовать, если бы реализовались его планы. Ещё Уильям Бишоп утвердил за собой право получать информацию обо всех завещаниях на духовные нужды католиков, а Смит требовал, чтобы эти завещания представлялись ему на утверждение, что соответствовало постановлениям Тридентского собора. Но завещания католиков в Англии того времени должны были храниться в тайне. Направление средств из завещаний на цели, намеченные епископом, вызывало недовольство. Джентри также подозревало, что Смит хочет получать доходы за утверждение завещаний. Эти притязания Смита на расширение полномочий епископа, восстановление католической церковной юрисдикции, в том числе и церковных судов, привели к тому, что, не без влияния видных английских католиков, власти в начале декабря 1628 г. выпустили прокламацию об аресте епископа Ричарда Смита с обвинением его в государственной измене, что распространялось также на лиц, которые его укрывали, поэтому с начала 1629 г. Смит стал жить во французском посольстве. В Риме тоже выступили против Смита, и 24 августа 1631 г. он вынужден был выехать во Францию, где его устроил в церкви кардинал Ришелье³⁷⁹.

Иезуиты не подчинялись Ричарду Смигу в течение всего времени его пребывания в стране, добивались ограничения влияния епископа, что сопровождалось перебранкой в печати, породив также волну выступлений против папской курии и против иезуитов. Но Смит не смог сплотить все силы, настроенные против иезуитов, хотя сюда можно было ещё подключить бенедиктинцев и францисканцев. Смит в своих действиях отличался авторитаризмом, раздражал светских патронов, хотя они в большинстве своём были настроены против иезуитов. До своей смерти в 1655 г. Смит не признавал своего отстранения от должности в Англии, даже слал туда распоряжения, и от его имени там действовал капитул каноников, руководивший братствами местных представителей белого духовенства с численностью священников свыше 300 человек. Король Карл I считал, что правота на стороне Смита, а не Рима. В 1630-х гг. Англию посещали папские агенты, но никто из них не предлагал решение этой проблемы³⁸⁰.

В результате отъезда епископа Ричарда Смита из Англии после 1631 г. в XVII—XVIII вв. создались условия для окончательного установления господства джентри в английском католическом сообществе. Миссии, созданные религиозными орденами, окончательно укоренились в Англии. Католики в Англии стали превращаться в сообщество, которое

³⁷⁸ Dures A. English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 65.

³⁷⁹ Bossy J. The English Catholic Community, 1570—1850. — London, 1975. — P. 55—59.

³⁸⁰ Aveling J.C.H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation. — London, 1976. — P. 118.

Л. Стоун назвал «сектой, состоявшей из представителей высших классов», но без всякой иерархии в среде католического священства³⁸¹.

Епископы вновь появились в английском католическом сообществе только полвека спустя, но это были епископы-миссионеры, которые не притязали на то, чтобы представлять историческую церковь Англии и осуществлять ординарную юрисдикцию, и поэтому они не нарушали *status quo*, сложившийся в английском католическом сообществе. В вопросах управления католиками действовавший в Англии капитул продолжал настаивать на введении ординарного епископального управления, не соглашаясь ни на какие другие варианты, но достижение этой цели оказалось совершенно невозможным. К тому же в условиях обострившегося в конце 1630-х гг. политического положения в Англии члены капитула перессорились между собой, растеряли даже своих прежних сторонников. По словам Дж. Босси, история капитула ещё ждёт своего исследователя и практически не написана³⁸².

Влияние иезуитов в предреволюционные десятилетия расширялось. Католическое джентри отдавало своих детей в иезуитскую школу в Сент-Омере, всё больше иезуитов становились домашними капелланами. В 1628 г. в Кларкенуэлле английскими властями была обнаружена даже своего рода иезуитская семинария. Бенедиктинская конгрегация в своей деятельности изначально подчеркивала неполитический характер своего католицизма — они были оппонентами иезуитов, ориентировались на Францию, а не на католический империализм Габсбургов, делали основной акцент на созерцательные формы духовной жизни³⁸³.

Во второй половине 1620-х гг. английские католики проникли на американский континент. В 1624 г. сэр Джордж Кэлверт, занимавший должность государственного секретаря, при этом исповедуя католицизм, ушел с государственной службы, получил ирландское пэрство — титул лорда Балтимора, право свободно исповедовать католицизм, государственную пенсию, право основания колонии в Америке, и стал основателем колонии Мэриленд в Северной Америке. С 1629 г. в Мэриленде действовали английские иезуиты, создав там жёстко дисциплинированную организацию, а в 1642 г. в колонии появились первые представители белого духовенства³⁸⁴.

Ко времени вступления Карла I на престол двор имел дурную репутацию в глазах протестантов в связи с его огромной, по их мнению, численностью, коррумпированностью и открытостью католическим влияниям. Карл I обещал даровать веротерпимость католикам по условиям брачного договора с Генриеттой Марией, но не сделал этого. В августе 1625 г. под давлением парламента и Тайного совета Карл I выпустил прокламацию, подтверждавшую сохранение всего репрессивного законодательства против католиков. Усилились финансовые наказания католикам за отправку

³⁸¹ Stone L. *The Crisis of the Aristocracy*. — Oxford, 1965. — P. 731.

³⁸² Bossy J. *The English Catholic Community, 1570—1850*. — London, 1975. — P. 60.

³⁸³ Dures A. *English Catholicism, 1558—1642*. — Harlow, Essex, 1983. — P. 68.

³⁸⁴ Aveling J.C.H. *The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation*. — London, 1976. — P. 121.

своих детей обучаться на континент в католические школы, рекузанты подлежали двойному налогообложению, а с бедных рекузантов взимали подушный налог. Карл I учредил особый отдел в казначействе по взиманию штрафов с рекузантов³⁸⁵.

Стали заметно возрастать доходы от штрафов с католиков: Ф. Дитц установил, что доходы, собираемые казной с рекузантов по всей стране, возросли с 6396 фунтов в 1631 г. до 32000 в 1640 г.³⁸⁶ А. Дюре призывает относиться к этой конкретной цифре с осторожностью, но не сомневается, что сборы с католиков действительно возрастали. Усиление налогообложения католиков, видимо, было составной частью усиления налогообложения всей страны. При Карле I субсидии взимались с католиков в двойном размере, с бедных католиков взималась подушная подать в размере 8 пенсов в год, и бывало, что католики даже возглавляли оппозицию сбору «корабельных денег». С другой стороны, при Карле I католики, уплатив штраф, были более спокойны в том, что их не будут тревожить за исповедание католицизма, и стало меньше доносчиков³⁸⁷.

Католики, перешедшие в протестантизм, могли вернуть себе конфискованное имущество только один раз, но из-за административных ошибок или невозможности представить свидетельства о конформизме в казначейство против перешедших в установленную церковь католиков, бывало, возбуждались преследования, арест имущества. В комиссиях по конфискации имущества у католиков нередкой была коррупция: должностные лица вступали в различные сговоры с рекузантами, брали взятки, и комиссии в результате, будучи потенциально опасным для католиков механизмом, способным ликвидировать рекузантов, в некоторых случаях не имели должного эффекта от своей деятельности в религиозно-политическом отношении, но всё же система давления на рекузантов, угрожая конфискацией имущества, действовала вполне эффективно³⁸⁸.

Финансовое давление на рекузантов посредством штрафов тоже демонстрировало свою эффективность, и в целом можно утверждать, что количество становившихся конформистами католиков увеличивалось по мере того, как росло финансовое давление на них. Некоторые рекузанты становились конформистами после того, как начинался процесс оценки их имущества. Процедура оценки имущества на рубеже XVI—XVII вв. усовершенствовалась и стала более точной — обязательно указывалась площадь земли в имении в акрах, а при Якове I описи имущества стали ещё подробнее. М. Квестьер не считает особенно распространенным явление, когда оценочные комиссии занижали стоимость имущества рекузанта, поскольку в составе этих комиссий бывало немало пуритан.

³⁸⁵ Dures A. English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 71.

³⁸⁶ Dietz F. C. English Public Finance. — New York, 1943. — P. 91—92.

³⁸⁷ Dures A. English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 73—74.

³⁸⁸ Questier M. Conversion, Politics and Religion in England, 1580—1625. — Cambridge, 1996. — P. 130; Aylmer G.E. The King's Servants. — London, 1974. — P. 32; Hill L.M. Bench and Bureaucracy. — Cambridge, 1988. — P. 121; Hawkins M.J. The Government: Its Role and its Aims // The Origins of the English Civil War / Ed. by C. Russell. — London, 1973. — P. 35—65.

Упорствующих рекузантов неоднократно приговаривали к оценке их имущества, и были случаи, когда отдельные лица проходили через эту процедуру до 5 раз и более, а последующие описи иногда более высоко оценивали имущество рекузанта.

В планировании политики в отношении рекузантов М. Квестьер не находит какой-то последовательности в обращении с регионами, где было много рекузантов, хотя на примере Вест Райдинга и Норт Райдинга в Йоркшире, Дербишира, Гланморганшира и Монмаутшира в Уэльсе было видно, что конформизм легче насаждать там, где рекузантов регулярно преследовали и светские, и церковные власти. Исследователи также высказывают мнение, что штрафами удавалось принуждать к конформизму только католиков из числа джентри. М. Квестьер отмечает, что среди тех конформистов, которые прошли всю процедуру отречения от католицизма, включая то, что они предстали перед казначейством, 41% составляли джентльмены, около 43% выглядят в источниках как йомены или земледельцы, но социальный статус можно определить не у всех из числа упомянутых. Перед лордом казначейства также свидетельствовали о своём конформизме женщины (вдовы и незамужние), и они составляли в 1587—1604 гг. 10% от общего числа лиц, прошедших через эту процедуру³⁸⁹.

С 1629 г. в окружении Генриетты Марии появились не только католические священники, но и монахи-капуцины³⁹⁰. По мнению Дж. Эйвлинга, «Карл I в умственном отношении был неспособен ни на что, кроме копирования политики его отца, но без умеренности и искусности, характерной всё же для Якова I». После убийства Бекингема в 1628 г. Карл I был привязан к Генриетте Марии, так что хотя и не испытывал тяги к католицизму, уступал её просьбам о поддержании католиков. Отдельный двор королевы с открыто действовавшими католическими часовнями, изысканным французским вкусом порождал интерес, привлекал к обращению в католицизм. Учитывая сохранявшиеся предубеждения англичан против иезуитов, католические влияния при королевском дворе шли из Франции, причём обращалось специальное внимание на привлечение в католицизм способного молодого дворянства, преподавателей университетов³⁹¹.

В 1632 г. в дворцовую церковь королевы Генриетты Марии католики стали водить крестить детей. При Карле I католицизм при дворе стали терпеть в беспрецедентных масштабах, но большинство католиков по стране подвергалось финансовому давлению даже в большем объеме, чем это было ранее — из преследований католиков английские власти стали извлекать, в первую очередь, экономическую пользу. При Карле I были казнены только трое католиков³⁹².

³⁸⁹ *Questier M. Conversion, Politics and Religion in England, 1580—1625.* — Cambridge, 1996. — P. 136—143, 145—147; *Walsham A. Church Papists.* — London, 1993. — P. 80.

³⁹⁰ *Dures A. English Catholicism, 1558—1642.* — Harlow, Essex, 1983. — P. 75.

³⁹¹ *Aveling J.C.H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation.* — London, 1976. — P. 126.

³⁹² *Dures A. English Catholicism, 1558—1642.* — Harlow, Essex, 1983. — P. 59, 70.

Активнее всего действовали в качестве пропагандистов католицизма в придворных кругах Эндимион Портер и его жена Оливия, служившие в свите короля и королевы. Этих лиц и их окружение Дж. Эйвлинг называет «беспутной маленькой бандой, стремившейся заниматься католической прозелитизацией» (муж и жена Портеры, Уолтер Монтагю, Тоби Мэтью, сэр Кенельм Дигби) и прикрывавшейся именем королевы. Те, кого они смогли обратить, считает Дж. Эйвлинг, «были очевидными психологическими и моральными отщепенцами по сравнению с убежденными протестантами». Обращенные при дворе католики не отличались высокими моральными достоинствами, о чём папские агенты сообщали в Рим. Придворный католицизм, считает Дж. Эйвлинг, «был и грозным, и хрупким, и рассчитать его политическое влияние было трудно». Отношение Карла I к католицизму, по словам Дж. Эйвлинга, было смесью терпимости и острого раздражения, поскольку короля раздражала суеверная набожность Генриетты Марии. Принцы Карл и Яков имели англиканские наклонности, и только в конце жизни повернулись к католицизму. Генриетта Мария чувствовала, что её основным соперником во влиянии на короля является группировка Лода. Лод, отмечает Дж. Эйвлинг, осознавал растущую силу идеологии католической Контрреформации и стремился спасти англиканский протестантизм и Карла I, предотвратить волну обращений в католицизм. Лод планировал реформировать англиканство и, по словам Дж. Эйвлинга, интегрировать в англиканство всё то позитивное, что можно было взять из католицизма с протестантской точки зрения. Сторонники Лода утверждали, что настоящее англиканство является чистым католицизмом времён первоначального христианства, подчёркивали значение епископата, священства, Евхаристии, алтарей, исповеди. Генриетта Мария, считает Дж. Эйвлинг, не обладала необходимой учёностью и духовностью, чтобы убедительно воздействовать на группировку Лода — «она не была интеллектуальной католичкой». Окружение королевы, пытавшееся вести католическую прозелитизацию, сталкивалось с противодействием при дворе со стороны лодианской группировки — между ними происходила настоящая борьба в целом по стране и в церкви. Пользуясь некоторым расположением к католицизму при дворе, католики-предприниматели пытались получить контракты и лицензии. В 1630-е гг. пуритане вели кампанию против «папистского мыла», так как королеве с Эндимионом Портером удалось получить патент и передать монополию на варение мыла синдикату, состоявшему главным образом из католиков, но с участием также некоторых протестантских предпринимателей. К 1640 г. в палате лордов, наряду со 140 протестантами, заседали около 40 католиков. Случилось так, что англиканская партия высокоцерковников во главе с Лодом в глазах общественного мнения была заодно с королевой и её католическими сообщниками, а в действительности они были врагами³⁹³.

Увеличение числа католических пэров было следствием торговли титулами после 1603 г. Треть таких новых титулов у католиков имела по-

³⁹³ *Aveling J.C.H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation. — London, 1976. — P. 127—133.*

ниженный шотландский и ирландский статус. В борьбе за должность принадлежность пэра к числу католиков всё же была недостатком — католиков терпели при условии, что они были согласны с существованием протестантской власти в стране. При Карле I пэры-католики занимали некоторые важные государственные должности: Томас Хауэрд, граф Эрандел, был графом-маршалом Англии (это глава пэрства и официальный защитник прав и привилегий пэрства), при этом не исповедуя католицизм открыто. Его старший сын лорд Мэлтраверс был депутатом парламента, членом Ирландского совета, лордом-лейтенантом Суссекса, членом Суда Высокой Комиссии, и ему пожаловали право на создание колонии Каролина в Америке. Крупными католическими магнатами были Генри Сомерсет, пятый граф и первый маркиз Вустерский, и Джон Паулет, пятый маркиз Винчестерский. Остальные католические пэры были незначительными фигурами. Численность католического пэрства несла также и потери — графы Петерборо, Карнарвон и третий лорд Фэрфакс были в детстве обращены в протестантизм Судом по опекунству и протестантскими родственниками. Если пэр-папист умирал, не оставив сына, этот пэрский титул мог исчезнуть или перейти к наследнику-протестанту. Не было также стабильности в верованиях самих пэров и их наследников, но в среде аристократии продолжала сохраняться, по словам Дж. Эйвлинга, своеобразная «очарованность католицизмом». Одним из факторов, влиявших на распространение католицизма, стали религиозные сомнения некоторых протестантов, испытывавших страх перед индивидуальной судьбой, пугавшихся распространения скептицизма в обществе. Религиозный поэт Джон Донн рассматривал тягу к католицизму как «снобизм среди аристократии». Карл I считал, что наиболее подходящим исповеданием для консервативного джентльмена является англиканство, а католицизм и пресвитерианство имеют подрывные черты и могут разрушить естественное устройство общества³⁹⁴.

Дж. Эйвлинг отмечает, что в 1630-е гг. английское католическое общество держалось в стороне от того, что происходило в политической жизни Англии. Во время «епископской войны» против шотландцев в 1638 г. северные католики в Англии не хотели помогать королю. С началом гражданской войны многие крупные католики тоже неохотно становились на сторону короля. Большинство пэров и джентри-католиков заняли нейтральную позицию во время гражданской войны³⁹⁵.

Накануне гражданской войны в Англии был силен страх перед католицизмом, но никто не знал даже приблизительно, сколько в Англии католиков. В эпоху Елизаветы массовое сознание, как считают историки, тоже зачастую преувеличивало единство, сплоченность и конспиративный характер деятельности английских католиков. Главными виновниками всех дурных намерений католиков считали влияние папы и иезуитов, что в некоторой степени снимало часть вины с самих английских католиков, и

³⁹⁴ Ibid. — P. 134—139.

³⁹⁵ Ibid. — P. 168.

в Англии не утвердилось мнение о том, что все сплошь католики — предатели, так что в ряде местностей рекузанты вполне мирно уживались с протестантами. Яков I намеренно заявлял публично, что католиками являются некоторые из его самых преданных подданных³⁹⁶. Англичане считали коварство иезуитов столь многогранным, что в середине XVII в. Уильям Принн даже предполагал в появлении различных политических и религиозных радикалов, в том числе левеллеров, католическую провокацию³⁹⁷.

Антикатолицизм стал отчетливо нарастать в 1640—42 гг.: высказывались предположения, что в Лондоне, Норидже, Бристоле, Ньюкасле и Йорке организованы папистские заговоры. В мае 1640 г. были попытки нападений на королеву, её священников, на папского представителя в Англии, на джентри-католиков, и происходили волнения в воинских частях, которыми командовали католики, в результате чего два офицера-католика были убиты в Беркшире и Глостершире³⁹⁸.

Как отмечает А. Дюре, многие католики отнеслись к начавшейся гражданской войне безразлично. К.Дж. Линдли утверждал, что значительная часть английских католиков во время гражданской войны стремилась сохранить нейтралитет³⁹⁹. П.Р. Ньюмен подсчитал, что около трети офицеров в королевской армии во время гражданской войны составляли католики⁴⁰⁰. Деятельность английской католической миссии во время гражданской войны была дезорганизована⁴⁰¹.

В XX в. как объяснение распространения католицизма в Англии XVII в. стала предлагаться точка зрения, согласно которой для англичан всегда был характерен нонконформизм, склонность к диссидентству. В XVII в. увеличилось число аристократов, выпускников университетов, которые не находили себе места в устоявшемся строе, и они подсознательно искали психологической компенсации путём обращения к нонконформистским идеям. Предреволюционное время было периодом максимального развития католицизма среди сельских католиков, землевладельческого джентри. Католическое духовенство в это время было ослаблено внутренней междоусобной борьбой. Придворные католики вынуждены были придерживаться компромиссов с протестантами. Джентри становилось опорой католицизма в стране. К 1642 г. в английской католической миссии, по словам Дж. Эйвлинга, «потерпели поражение все идеалисты», и реальный контроль над английским католическим сообществом, над его организацией и политикой прочно оказался в руках католической аристократии и джентри⁴⁰².

³⁹⁶ Dures A. English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 80—82.

³⁹⁷ Ibid. — P. 82—83.

³⁹⁸ Ibid. — P. 84.

³⁹⁹ Lindley K.J. The Part Played by Catholics // Religion, Politics and the English Civil War / Ed. by B. Manning. — London, 1973.

⁴⁰⁰ Newman P.R. Catholic Royal Activists in the North 1642—1646 // Recusant History. — 1977. — Vol. 14. — № 1.

⁴⁰¹ Dures A. English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 86.

⁴⁰² Aveling J.C.H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation. — London, 1976. — P. 121, 140—141.

Как считает Дж. Эйвлинг, «точное число католического джентри никогда не будет установлено» — в записях об осуждении католиков первых десятилетий XVII в. есть большие пробелы. Многие избегали осуждения, но у современников было чувство, что численность католиков становится пугающе большой. Католики в XVII в. считали, что наиболее многочисленным католическое джентри было в 1620-е гг.⁴⁰³ Как установлено, в Англии и Уэльсе было в общей сложности примерно 9 тыс. семей джентри, права которых на герб были официально зарегистрированы геральдической коллегией (это составляло в совокупности примерно 50 тыс. человек). Примерно такое же количество в 50 тыс. человек принадлежали к мелкому джентри, у которого не было зарегистрированного права на герб. Верхушка джентри имела доход в 5 — 1,5 тыс. фунтов в год, среднее джентри — 700—500 фунтов в год. Доля католиков среди крупного и мелкого джентри, которая может быть установлена только оценочно, составляла по разным графствам от 25% до менее, чем 10%. При этом католики нередко брали в аренду право сбора десятины, имели арендованные церковные земли, бывали даже церковными старостами, а «церковные паписты» иногда заседали в церковных судах⁴⁰⁴.

Католики официально не допускались в средние школы и в университеты, в юридические корпорации, на государственные должности, но на практике они туда проникали. Трудно было попасть католикам также в свободные профессии, но некоторые юристы с традиционалистскими взглядами в это время помогали католикам. Юристов также привлекали трудные случаи для собственного профессионального совершенствования, и без помощи таких юристов католическому джентри было бы крайне трудно выжить. Занятие юридических должностей предполагало полный конформизм, и некоторые католики становились конформистами, чтобы проникнуть в профессию. Врачам для практики требовалась лицензия, выдаваемая епископом. Путем временных переходов в конформизм и уклонением от раскрытия своих религиозных взглядов к 1640 г. несколько докторов-католиков смогли оставаться практикующими врачами. С 1650-х гг. начался заметный рост числа врачей, в обществе возник культ науки, и в профессию стремились и католики, и протестанты. Школьных учителей особенно строго контролировали на предмет конформизма, и в случае обмана могли приговорить к длительному тюремному заключению, и школьным учителям тоже требовалась лицензия епископа. Многие из числа джентри отправляли детей учиться в католические учебные заведения на континент, надеясь даже на получение ими достойного места службы у католических семей в Англии или в католической церкви за границей. На практике определённый процент католиков допускался к государственной службе, особенно в таких регионах, как Уэльс, Йоркшир, где было много католического джентри, и где католики имели политическое значение как избиратели. Для детей католического джентри привлекательной была во-

⁴⁰³ Ibid. — P. 176.

⁴⁰⁴ Ibid. — P. 141—144, 152.

енная профессия, хотя католикам в Англии не доверяли служить в крепостях и арсеналах. На практике в это время на военной службе было много наемников, в чьи настоящие религиозные убеждения никто старался не углубляться. Многие католики были активными предпринимателями, успешно вели дела. Например, в железоделательном производстве наиболее успешно действовавшее объединение составляли два протестантских предпринимателя и три предпринимателя-католика⁴⁰⁵.

Дж. Эйвлинг отмечает, что большинство католиков в начале XVII в. принадлежали к среднему и низшему джентри, преуспевающим йоменам и арендаторам. На севере Англии в Йоркшире (в Ниддердейле), где приходы были большими, и официальная церковь слабо контролировала население, верхушка и средняя часть джентри была почти полностью католической вместе со своими арендаторами, и осуществляла своего рода феодальное покровительство над деревенскими католиками, но была здесь также и пуританская семья — Прокторы из Фаунтинз Эбби, которая осуществляла подобный же строгий контроль над своими арендаторами, а также покровительствовала другим местным нонконформистам пуританского толка. В городах было очень мало католиков, занимавшихся физическим трудом. Некоторые представители католического джентри имели дома в городах, в которых жили зимой, оказывая некоторое религиозное влияние на окружающих. В результате появлялись бедные католики, католики-слуги в городах, встречались также ремесленники-католики⁴⁰⁶.

Дж. Эйвлинг утверждает, что большинство состоятельных папистов, пэров и крупного джентри были освобождены от штрафов, обеспечив себе получение охранных писем, или прибегнув к помощи хороших юристов, так что основная масса уплачивавшихся за исповедание католицизма штрафов приходилась на среднее и мелкое джентри, крестьян. Если сначала государственная власть исходила из намерения устрашения католиков большими штрафами, к 1630-м гг. обращение с католиками свелось к тому, чтобы не разорять их непомерными платежами и фактически не требовать от них конформизма, но при этом получать доходы для казны⁴⁰⁷.

По закону местные власти могли брать дополнительный штраф в один шиллинг с человека за отсутствие в церкви в воскресенье и важнейшие праздники (всего в году было 75 дней обязательного присутствия в церкви). Власти могли требовать подписания католиками обязательства о том, что они будут посещать церковь, с предварительным внесением определённой денежной суммы, и сумма конфисковывалась, если католик не исполнял обещание. С 1629 г. в случае необходимости парламентской субсидии католики облагались в двойном размере. Если бы законодательство соблюдалось в полном объёме, исповедание католицизма стало бы невозможным для всех, кроме небольшого количества безземельных и преследуемых беженцев, а на самом деле власти в Англии нашли способ со-

⁴⁰⁵ Ibid. — P. 145—148, 150—151.

⁴⁰⁶ Ibid. — P. 154—155, 163.

⁴⁰⁷ Ibid. — P. 156.

существования с католиками. Вместе с тем, в стране никогда не исчезали доносчики, досаждавшие тем обладавшим определенной материальной состоятельностью католикам, которые не были влиятельны в обществе, так что за исповедание католицизма приходилось терпеть финансовый ущерб. Протестанты считали, что в 1630-е гг., когда уплату штрафов рекузанты могли заранее обсудить с чиновниками казначейства, эти штрафы уже вряд ли кого из католического джентри разоряли больше, чем общие экономические трудности того времени, и протестантам представлялось, что штрафы были для католиков даже стимулом к совершенствованию ведения хозяйства. Нередко католики были активными огораживателями, вытеснявшими арендаторов. Как полагает Дж. Эйвлинг, католицизм в Англии сохранился во многом благодаря различным элементам компромисса католиков с установленной церковью (временный конформизм, эпизодические посещения англиканской церкви и т. п.), но сыграло свою роль и героическое прямолинейное поведение небольшого числа упорных рекузантов, хотя, по его мнению, в целом спасли английское католическое сообщество своей мимикрией «церковные паписты»⁴⁰⁸.

Причины продолжавшихся в Англии в постреформационный период обращений в католицизм были разнообразными, считает Дж. Эйвлинг, как были разнообразны эти вновь обращённые люди. Среди католиков были те, кто исповедовал католицизм по упорной семейной традиции. Некоторые из протестантов избирали переход в католицизм формой протеста против чрезмерного давления родителей. В XVI в. среди части образованных валлийцев распространилась тяга к католицизму, так как в Англии они не могли конкурировать за получение приходов с образованными англичанами. Переходы в католицизм с XVI в. провоцировались также браками с католиками, влиянием родственников, опекунов, учителей, личными предпочтениями. При этом католики считали те или иные обстоятельства жизни, приводившие к обращению в католицизм, влиянием провидения. В католицизм приводили, бывало, панический страх оказаться в числе осуждённых на гибель, неуверенность в спасении — такие ищущие личности встречались с 1580-х гг. Постоянным явлением стали католики, вышедшие из пуритан, начиная с Роберта Парсонса. Встречались также различные мистики, комфортно чувствовавшие себя на католической, а не на англиканской службе, а также те, кто, по мнению протестантов, обращался в католицизм под влиянием различных суеверий. Но, как отмечает Дж. Эйвлинг, даже среди образованных протестантов в XVI—XVII вв. католические священники, католические реликвии и обряды обладали определённым магическим влиянием.

В 1590—1620 гг. по Англии прокатилась кампания поиска ведьм, и католические священники сыграли в это время заметную роль как экзорцисты. Местные католические святыни ещё и в XVIII в. оказывали влияние на воображение протестантов — они их посещали, и не только из любопытства, но и с верой. Возведение в сан католического священника

⁴⁰⁸ Ibid. — P. 157—158, 162.

рассматривалось и как средство от депрессии, от телесных недугов. Были поверья, что католические таинства способны совершать чудеса при их принятии. Вера в чудеса католиков заметно держалась до 1670-х гг., сохраняясь в дальнейшем в отдалённых районах страны. Некоторых протестантов привлекала в католицизме возможность устной исповеди — протестанты чувствовали её покаянное влияние. Некоторые обращённые были привлечены в католицизм той репутацией, которую католики имели как мастера аскетической или мистической молитвы. В течение долгого времени многие протестантские духовные писатели избирательно использовали католическую духовную литературу. Были католические духовные книги (например, произведения Роберта Парсонса), которые больше читались протестантами, чем католиками, что тоже частично способствовало обращению в католицизм. В целом представляется, как пишет Дж. Эйвлинг, что большинство англичан, обратившихся в католицизм, начиная с 1570-х гг., пришли к нему нерационально и неожиданно, разными путями, удивляя этим самих английских католиков. Апологеты английского католицизма до середины XIX в. представляли католицизм в стране как монолитное, неизменное сообщество, что было основой претензий английских католиков на их принадлежность к истинной вселенской католической церкви. Но Дж. Эйвлинг считает, что английский католицизм за период XVI—XIX вв. нельзя считать неизменным⁴⁰⁹.

Средневековый английский католицизм, как отмечает Дж. Эйвлинг, был совокупностью верований, включавшей в себя различные оттенки и даже школы мысли. В нём были даже языческие элементы, видные для последующих протестантов. Впоследствии на континенте Контрреформация начала процесс очищения, унификации и реформирования католицизма, но декреты Тридентского собора не могли быть выполнены в протестантской Англии в полном объёме, и английские католики внесли в жизнь своего сообщества значительные элементы импровизации, которые были им необходимы, а потом предпринимали меры к тому, чтобы согласовать свою жизнь с католическими установлениями и с Римом. Появление различных католических институтов, созданных англичанами-католиками за рубежом, принесло некоторое единообразие, но унифицированных внутренних порядков в жизни английских католиков не было до рубежа XVIII—XIX вв.

После легализации английского католицизма католики середины XIX в. рассматривали время после 1570 г. как тёмное время полукатолицизма, но также и героическое, достойное восхищения, которому, правда, лучше не подражать, чтобы его забыть. В 1570—1850 гг. протестанты в Англии воспринимали католиков лишь как папистов, но в этот период образованные английские католики придерживались довольно широкого спектра мнений относительно папства и его места в жизни церкви. Тем не менее, все католики признавали, что необходимо ненарушенное церковное общение с другими католическими церквями, с папой. Но в исто-

⁴⁰⁹ Ibid. — P. 350—353.

рии английского католицизма в 1570—90-е гг. был период, когда такое церковное общение потеряло свои формальные характеристики, и даже в среде английского католического духовенства высказывалось мнение, что католики могут быть одновременно также членами церкви Англии, но затем давление Рима, большей части английского католического духовенства и самой англиканской церкви показали, что такая позиция несостоятельна. С конца XVI в. английские иезуиты стали превозносить значение папства, в то время как белое духовенство, бенедиктинцы уделяли этому вопросу минимальное внимание. До 1840-х гг. большинство английских католиков воспринимало папство по-средневековому, как безусловную данность, но без особого почитания, интереса или романтизирования. Образованные католики и даже протестанты почитали Рим как город классических и христианских древностей, но их отталкивала коррумпированная курия и неприглядные стороны жизни Рима. Но в мышлении людей XVII—XVIII вв., отмечает Дж. Эйвлинг, всё же большое место занимала верность принципам — божественному верховенству в мире, иерархическому строю общества, своей церкви, монархии, и недостатки отдельных представителей этих социальных институтов не подрывали в их сознании незыблемость этих принципов как таковых⁴¹⁰.

Жизнь без епископов в протестантской Англии в 1558—1686 гг. и с епископами, обладавшими малыми полномочиями в 1686—1790-х гг. привела к тому, что вопрос о епископате и даже его необходимости для английских католиков стал дискуссионным. Мнения в этом вопросе простирались от принижения значения епископата, что было характерно для многих иезуитов, до активной защиты епископов белым духовенством. Католицизм всегда пытался отстаивать высокий авторитет священства, но исторически в Англии в XVII—XVIII вв. авторитет священников-миссионеров не был таким безусловным — они во многом находились под властью джентри и аристократии.

Вся история христианства, считает Дж. Эйвлинг, это колебание между тягой к ритуализму и его ослаблению: ритуализм в церкви то ослабевал, то усиливался, и даже протестантские церкви, поначалу отталкивавшиеся от усложненного позднесредневекового ритуализма, впали впоследствии в свой ритуализм. Английский католицизм тоже испытал подобные влияния, и после 1570-х гг. даже среди английских иезуитов были своеобразные «пуритане» и ритуалисты. В английском католицизме в целом ритуализм набирал влияние и силу до 1660-х гг. В истории католицизма очистительные импульсы часто исходили от монашества, в результате чего основывались новые ордена, а старые, дискредитировавшие себя, распускались. В 1570-е гг. в английском католицизме ещё преобладало отрицательное отношение к монашеству как к коррумпированному институту, а с 1620-х гг. опять стал наблюдаться подъём интереса к монашеству и приток туда новых сил⁴¹¹.

⁴¹⁰ Ibid. — P. 354.

⁴¹¹ Ibid. — P. 355—357.

Контрреформация в Европе, как и протестантизм, сократила количество дней, отводившихся для религиозных постов и праздников. Даже священники-миссионеры критиковали приверженность англичан-католиков к соблюдению постов. При протестантах в Англии стала утверждаться шестидневная рабочая неделя со строгим соблюдением воскресного дня⁴¹².

В католической традиции также обычно насаждалось представление о необходимости жёсткого отделения настоящих католиков от протестантов и еретиков. Реально в Англии 1570—1829 г. существовала обособленность католиков и протестантов, но требуемой настоящим католицизмом сегрегации между католиками и протестантами не было. Общество, по сути дела, смирилось с существованием католиков как разновидности диссентеров при условии, что общественные устои в стране будут оставаться протестантскими, а католики до 1850 г. были вынуждены мириться с отсутствием в Англии полномасштабных католических структур. Во второй половине XIX в. католические писатели стали насаждать представление, что английский католицизм всегда был верным себе и охранял собственную идентичность. Реальная же линия преемственности в жизни английского католического сообщества, считает Дж. Эйвлинг, прошла через многие, хотя и постепенные, изменения в мировоззрении. С этим Дж. Эйвлинг связывает название своей работы — «Топорище и топор»: в истории английского католицизма «топор» — католицизм всё же оставался топором, но его рукоятки, «топорища», менялись. При всех этих изменениях, считает Дж. Эйвлинг, католицизм сохранил узнаваемую идентичность и постоянные функции⁴¹³.

Из литературы, которой пользовались английские католики, исследователи обращают внимание на «Христианское руководство» Роберта Парсонса, переводы сочинений Луиса де Гранады, вышедшую в 1533 г. в Англии книгу Ричарда Уитфорда «Работа для домохозяев», перевод труда Фомы Кемпийского «Подражание Христу». Влияние Контрреформации на английских католиков, считает А. Дюре, ограничивалось средой джентри, поскольку преимущественно джентри были грамотными и имели регулярный доступ к священнику. В среде джентри была возможность придерживаться практики частой исповеди и подхода к причастию, что было рекомендовано Тридентским собором. Для крестьян-католиков католицизм по-прежнему оставался традиционной религией с мессой, молитвами на латыни, выученными наизусть без понимания, защитной магией и паломничествами. Месса у английских католиков стала в постреформационный период скорее домашней, а не публичной службой, и её служили даже на чердаках⁴¹⁴.

Высказывалось мнение, распространённое в XVII в., что численность католического духовенства в первые десятилетия XVII в. к 1640 г. чрезмерно возросла, что повлекло за собой безработицу и неполную занятость среди духовенства и вызывало недовольство среди молодых священников.

⁴¹² Dures A. English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 61.

⁴¹³ Aveling J.C.H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation. — London, 1976. — P. 358.

⁴¹⁴ Dures A. English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983. — P. 63.

Основной причиной этого считали существенное повышение численности студентов университетов к началу гражданской войны. По этой причине многие выпускники университетов принимали посвящение в духовный сан не по призванию, а лишь для получения места работы, становясь также пуританами (это был дополнительный способ найти покровителя и место работы) и даже переходили в католицизм, тоже приоткрывавший возможность трудоустройства. В среде английских католиков с начала XVII в. создание новициатов монашеских орденов, создание английской провинции иезуитов увеличивали количество духовных лиц. До 1642 г. увеличивалось количество рекузантов и священников в миссии⁴¹⁵.

Увеличение численности рекузантов к 1642 г. Дж. Эйвлинг связывает со все более эффективной деятельностью католического духовенства. Хотя английские католики не породили крупных богословов с общеевропейской известностью, среди них было много способных авторов духовных руководств, полемистов, историков церкви (Кресси, Бенет Уэлдон, Августин Бейкер), значительные по способностям спекулятивные богословы (Томас Уайт (Блэкло), Джон Барнс), два очень влиятельных мистических богослова (Бейкер и Кэнфилд), крупный религиозный поэт Ричард Крэшо. В XVII в. в среде английского духовенства распространились также идеи Августина Бейкера. Он считал, что состояние религиозности в человеке открывает для него уникальные духовные преимущества, но, как ему представлялось, в соответствии с божественным предопределением этого состояния можно достичь лишь вне формальной религиозной дисциплины и даже вне состояния священства, и такие настоящие «созерцатели религиозных истин», которых он даже называл монахами, рассматривались им как наиболее подходящие для миссионерской деятельности. Обычное духовенство, как считал Бейкер, необходимо лишь для поддержания формальной дисциплины. У самого Бейкера не было формального богословского образования, и к своим взглядам он пришел, читая позднесредневековую богословскую литературу и духовных писателей круга *Devotio Moderna*. Идеи Бейкера восприняли самые разные духовные течения в Англии XVII в.: иезуиты, Мэри Уорд, английские капуцины, английские богословы, а также сектанты и диссентеры⁴¹⁶.

В регулировании жизни английского католического сообщества декреты Тридентского собора не вступили в действие, так что английское католическое духовенство регулировало свою деятельность в XVI—XVII вв. средневековыми канонами. Историки выделяют среди священников английской католической миссии в XVII в. три группы: семейных капелланов, странствующих священников, переезжавших из дома в дом в среде мелкого джентри, обслуживая их семьи и тех крестьян-арендаторов на принадлежавших этому джентри землях, которые оставались католиками, и священников, живших на одном месте и обслуживавших католиков

⁴¹⁵ *Aveling J.C.H. The English Clergy, Catholic and Protestant, in the 16th and 17th Centuries // Rome and the Anglicans: Historical and Doctrinal Aspects of Anglo-Roman-Catholic Relations. — Berlin — New York, 1982. — P. 112—114.*

⁴¹⁶ *Ibid.* — P. 121.

из простонародья, торговцев, ремесленников и крестьян. Среди католиков появившиеся в XVII в. братства в среде белого духовенства стремились к равномерному распределению священников по территории страны и к более равномерному распределению средств, жертвовавшихся английскими католиками, среди священников, а епископ Смит оказывал с этими целями давление на светских патронов. Английская католическая миссия в течение всего XVII в. боролась за улучшение экономических условий жизни священников. Судя по некоторым из сохранившихся документов — завещаниям священников-миссионеров и джентри-рекузантов — некоторые миссионеры были достаточно материально обеспеченными и работали в согласии со своими патронами, но немало сохранилось свидетельств о священниках-миссионерах, которым не хватало средств, и они не находили общего языка со своими покровителями из католического джентри⁴¹⁷.

Английская провинция Ордена иезуитов существовала с 1623 по 1773 г.⁴¹⁸ Численность иезуитов за этот период колебалась от 120 до 170 человек. Примерно такой же, как установлено, была численность монахов бенедиктинского ордена. Численность миссии расширялась до гражданской войны. Накануне её начала члены орденов и белое духовенство, численность которого особенно увеличилась, вместе составляли примерно 750 человек. Эта численность духовных лиц сохранялась до конца XVII в. и была, как считает Дж. Босси, даже несколько избыточной по отношению к числу католиков-мирян, что создавало среди священников конкуренцию за лучшие места служения⁴¹⁹.

В организации служения в миссии иезуиты стремились к тому, чтобы не жить на пожертвования лишь одного человека, поскольку такой священник фактически мог превратиться в наёмного капеллана. Иезуиты получали порой значительные пожертвования в несколько тысяч фунтов. Иезуиты отказывались принимать пожертвования, которые жертвователи хотели направить только на определённые цели, отдавая такие пожертвования белому духовенству. Самыми большими по размерам денежными поступлениями в истории английской католической миссии было получение двух пожертвований в 8000 и 9000 фунтов. На собранные средства иезуиты покупали дома, фермы, получали с них ренту, закладывали это имущество, а также обучали детей католического джентри. Установлено, что английская миссия существовала на свои средства, а континентальные субсидии, иногда получаемые английскими католиками, были незначительны.

В XVII в. руководство английской миссии исходило из того, что содержание католического священника в стране должно обходиться не более, чем в 20—25 фунтов в год, но на крайнем юго-западе Англии, на северо-востоке страны работавшие в этих районах священники жили менее чем на 10 фунтов в год. В начале XVII в. после гибели Генри Гарнета в ре-

⁴¹⁷ Ibid. — P. 139.

⁴¹⁸ MacCoog T.M. The Establishment of the English Province of the Society of Jesus // Recusant History. — 1984. — Vol. 17.

⁴¹⁹ Bossy J. The English Catholic Community, 1570—1850. — London, 1975. — P. 216—226.

зультате Порохового заговора распоряжение финансовыми средствами строилось с учётом того, какой район сколько сумел собрать денежных средств. Это было уступкой влиянию местного джентри в английском католическом сообществе.

О финансовом положении белого духовенства нет данных, подобных данным об иезуитах. Белое духовенство позднее создало эффективную организацию, а финансовые средства, которые они добывали, принадлежали у белого духовенства отдельному священнику или местной миссии, а не организации в целом. Белое духовенство при епископе Ричарде Смите тоже пыталось создать общий финансовый фонд⁴²⁰.

В 1616 г. иезуиты предприняли первое общее исследование образа жизни священников в английской католической миссии и распределили священников на три категории: 1) те, кто жил в больших домах крупных землевладельцев и был в целом защищен от непосредственной угрозы своей деятельности; 2) жившие в укрытиях в домах джентри и прятавшиеся на чердаках; 3) священники, перемещавшиеся по территории страны. В первые десятилетия существования миссии большинство священников были странствующими, и такое служение сохранялось в английской миссии до 1700 г. С течением времени странствующие священники стали в основном обслуживать бедных католиков, главным образом в нагорьях. С середины XVII в., когда распространилась практика содержания домашних капелланов, католические священники стали жаловаться, что обращение с ними стало менее почтительным — покровители священников из числа джентри стали даже требовать, чтобы священники занимались хозяйственными делами, а не просто маскировались, например, под садовников, служивших в доме. Служение католических священников в Англии перестало быть смертельно опасным, как считают, к концу XVII в.⁴²¹

Католические священники вплоть до XVIII в. выполняли миротворческие функции. Как показал К. Томас, важной функцией католического священника был экзорцизм, а также физическое и психическое лечение в целом, причем в постреформационный период эти функции католического священника продолжали рассматриваться не как второстепенные умения, а как одна из главных его способностей. Экзорцизм и способность к этой деятельности были особенно важны для католического священника примерно до середины XVII в.⁴²²

Для католических священников также были очень важны исповедь и проведение катехизации. В XVII в. исповедь на коленях становилась всё более редкой — многим католикам из числа джентри она давалась тяжело из-за самолюбия. На колени становились в случае отпущения грехов. Иезуиты способствовали повышению качества исповеди⁴²³.

Дж. Босси отмечает, что отношение католического джентри к распространению грамотности среди бедных католиков было сдержанным. Од-

⁴²⁰ Ibid. — P. 229—238, 243.

⁴²¹ Ibid. — P. 251, 257.

⁴²² Thomas K. *Religion and the Decline of Magic*. — London, 1978. — P. 488—492.

⁴²³ Bossy J. *The English Catholic Community, 1570—1850*. — London, 1975. — P. 268—273.

ним из основных опасений в этом отношении было то, чтобы грамотные католики из социальных низов не занялись прозелитизмом среди окрестного протестантского населения, чего не потерпела бы англиканская церковь. К 1620-м годам, как он полагает, завершилась консолидация католической фракции английского землевладельческого класса: исчезли «церковные паписты», все лица, жившие в доме, включая слуг, были, чаще всего, одного вероисповедания, довольно широко распространилась практика обучения детей в католических учебных заведениях на континенте⁴²⁴.

Дж. Босси сравнивает трудности английского католического сообщества в середине XVII в. с проблемами «кризиса середины XVII столетия», о котором писали британские историки⁴²⁵, связывавшие этот кризис в экономической его составляющей с тем, что в середине XVII в. трансформировавшееся феодальное общество не могло ещё потреблять в значительных объёмах продукты раннего формировавшегося капитализма. Это сравнение Дж. Босси метафорически переносит на оценку деятельности английской католической миссии в Англии: по его словам, английская миссия «торговала «предметами роскоши» — католическими священниками, и не могла их всех сбывать и реализовать». Из-за перепроизводства «цена» католических священников на рынке в 1640—1670 гг. «очень сильно упала»⁴²⁶. И всё же, как отмечает Дж. Скарисбрик, в течение значительной части XVII в. английский католицизм не был лишь домашней религией землевладельца, его семьи, слуг и арендаторов — социальная база католицизма была шире⁴²⁷.

Оценивая английский католицизм XVII в., Дж. Эйвлинг охарактеризовал его как «немногочисленную, территориально разбросанную, сельскую по характеру нонконформистскую секту, сознающую себя как особое образование, занявшую позицию в обороне, почти пуританскую в импульсивности своего культа, по социальному составу отличающуюся преобладанием светской аристократии и сквайрархии». Современный католицизм в Англии, как полагает Дж. Эйвлинг, во многом обязан ирландскому католицизму, питавшему английский католицизм в результате переселения ирландцев в Англию в ходе индустриализации страны, и, если бы, по его мнению, английский католицизм состоял только из коренных англичан, он был бы «малочисленной, бесцветной, выродившейся нонконформистской сектой». Но при этом всё же, считает британский историк, в основе английского католицизма в годы преследований существовала своя идентичность, которая смогла возродиться в более благоприятных условиях⁴²⁸.

Таким образом, в изучении английского католического сообщества предреволюционных десятилетий XVII в. к настоящему времени оце-

⁴²⁴ Ibid. — P. 277—279.

⁴²⁵ Hobsbawm E. The Crisis of the Seventeenth Century // Crisis in Europe, 1650—1660 / Ed. by T. Aston. — London, 1965. — P. 5—58.

⁴²⁶ Bossy J. The English Catholic Community, 1570—1850. — London, 1975. — P. 288—289.

⁴²⁷ Scarisbrick J.J. The Reformation and the English People. — Oxford, 1984. — P. 158—159.

⁴²⁸ Aveling J.C.H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation. — London, 1976. — P. 21.

ночно установлена численность католических священников, служивших в Англии, проанализированы отношения между группировками внутри сообщества английских католиков, характеризовавшиеся противостоянием белого духовенства и религиозных орденов. В отличие от изучения причин Английской революции и положения в церкви Англии, деятельности пуритан, католицизмом предреволюционных десятилетий занимается не так много историков, но современные исследователи в целом реконструировали основные проявления деятельности сообщества английских католиков этого времени. Историки обращались к изучению организационных структур, управлявших английским католическим сообществом, и к вопросам о распределении финансовых средств внутри сообщества. Предметом анализа была также политика английских властей по отношению к католикам и её особенности в правление Якова I и Карла I, и вопросы о влиянии континентального католицизма на английское католическое сообщество. Рассматривался вопрос об объёме штрафов, уплачивавшихся католиками в государственную казну. Изучался вопрос о том, в каких социальных группах католицизм в Англии имел поддержку. Историки пришли к мнению, что к середине XVII в. английское католическое сообщество занимало оборонительные позиции в протестантском окружении и опиралось главным образом на материальную поддержку землевладельцев-католиков, а придворный католицизм не имел серьёзного политического значения. Протестанты в предреволюционные десятилетия XVII в., как считают современные британские историки, преувеличивали организованность, сплочённость и степень политической опасности католицизма в Англии. Хотя в эти десятилетия происходил рост численности католических священников, и у современников было ощущение увеличения численности приверженцев католицизма, руководители английского католического сообщества не стремились к политической деятельности, направленной против протестантского режима в Англии, поскольку уже были поглощены решением внутренних проблем, связанных с поддержанием существования католицизма в протестантской стране.

Заключение

Проделанное исследование показало, что во второй половине XX в. в британской историографии уделялось большое внимание изучению религиозных проблем в Англии в XVI—первой половине XVII в. Было опубликовано значительное количество монографических исследований, статей в научно-исторических журналах, посвященных английской Реформации и постреформационному периоду в истории Англии. Религиозные вопросы и влияние религиозных идей в XVI—XVII вв. были тесно переплетены с политической историей страны, имели определённое идейное влияние на социально-экономическое развитие Англии, значительно повлияли на развитие английской культуры, в связи с чем в британской историографии исследование истории раннего нового времени предполагает также и обращение к изучению английской Реформации и возникших как её следствие религиозных направлений.

В работе установлено, что в современной британской историографии английской Реформации можно выделить три методологических направления: либеральное, ревизионистское и социально-историческое.

Либеральное направление является одним из традиционных направлений в британской историографии, которое продолжает развиваться, сохраняя в современных условиях методологические и идейно-теоретические установки, присущие либеральной историографии, но при этом испытывая влияние методологических подходов социальной истории, ревизионистского направления. На современной стадии его развития есть основания для того, чтобы квалифицировать его как неолиберальное. В данной предметной области развитие либерального направления во второй половине XX в. происходило под влиянием концепции английской религиозной Реформации, разработанной А.Дж. Диккенсом (1910—2001). Реформация в рамках этой концептуальной схемы понимается как следствие упадка позднесредневекового католицизма и возникновение новой формы церковной организации и религиозности, соответствовавших новым историческим условиям. В концепции Диккенса сохраняется характерная для либерального историзма вера в общественный прогресс, который проявляется также и в сфере религиозных отношений в обществе. Либеральная концепция Реформации интересна в общетеоретическом отношении и пропагандируемой в ней верой в то, что историческое действие совершается под влиянием распространения в обществе новых идей: в ней предполагается, что, восприняв идеи, которые представляются как новые, более убедительные, передовые, человек, те или иные социальные группы, действуя под таким

идейным влиянием, способствуют реализации прогрессивных изменений в общественной жизни. Соответственно, применительно к изучению английской Реформации либеральная концепция отстаивает тезис о том, что англичане, восприняв как убедительные идеи религиозных реформаторов, уже не могли примириться с ложным, с протестантской точки зрения, учением католической церкви. Идеейные влияния в трактовке либеральных историков преподносятся как главный фактор, способствовавший появлению реформационных идей в Англии и утверждению в стране протестантской церковной организации, независимой от Рима. Действия короля Генриха VIII, разорвавшего с Римом и законодательно оформившего создание протестантской церкви Англии, в интерпретации либеральных историков, будучи важным фактором утверждения Реформации, достигли цели и не вызвали серьезного противодействия в стране потому, что протестантизм был идейно привлекателен для англичан. В обсуждении вопроса о темпах распространения протестантизма в Англии либеральные историки отстаивают мнение, что уже к 1553 г. Англия была, в сущности, протестантской страной. Реставрация католицизма в правление Марии Тюдор не остановила утверждение реформированной религии, а с восшествием на престол королевы Елизаветы в 1559 г. протестантизм установился в Англии окончательно и бесповоротно.

Значение деятельности представителей либерального направления, как представляется, состоит в том, что методологические установки либеральных историков способствовали изучению идейных влияний в происхождении английской Реформации, анализу идейно-смыслового, богословского содержания реформационных учений, то есть пониманию того, как англичане XVI—XVII вв. аргументировали неприемлемость учения католической церкви и необходимость утверждения протестантской религиозности. Гораздо меньше внимания либеральные историки уделяют анализу социально-экономических причин Реформации и различных материальных интересов конкретных людей, тех или иных социальных групп, которые повлияли на их отношение к Реформации и привели к её восприятию или неприятию по отношению к ней. Влияние материальных интересов как мотив исторического действия полностью не выпадает из сферы внимания либеральных историков, но не находится в разрабатываемой ими объяснительной схеме человеческого поведения на первом плане.

Значительным явлением в изучении истории английской Реформации и религиозных проблем в Англии XVI—первой половины XVII в. стало оформление в 1970—80-е гг. ревизионистского направления, крупнейшими представителями которого являются продолжающие свою научную деятельность К. Хейг и Дж. Скарисбрик. В общетеоретическом плане ревизионисты отрицают, что исторический процесс по своему содержанию представляет собой реализацию тех или иных внутренне присущих ему или заранее кем-то сформулированных целей, при этом критикуя либеральных историков за то, что, по мнению ревизионистов, как раз либеральный историзм способствовал пониманию хода истории общества как телеологического по характеру, в котором реализуются определенные цели. Либе-

ральный историзм ещё в середине XX в. был подвергнут представителями консервативного направления в британской историографии развернутой критике, а теоретические взгляды ревизионистов, восприняв критические выпады, с которыми в адрес либеральных историков обращался Г. Баттерфилд (1900—1979), сложились также под влиянием идей М. Оукшотта (1901—1990), на которого ревизионисты прямо ссылаются. В трактовке ревизионистов, историческое прошлое — сложный, трудный для понимания мир без ясности в том, какая сюжетная линия в развитии событий является главной, поскольку в истории общества велика роль случайностей. Ревизионисты скептически относятся к идеям общественного прогресса и существования исторических закономерностей. Лишь задним числом, в ретроспективе, зная, чем завершился тот или иной процесс, можно выделить ту линию в развитии событий, которая стала главной, но деятельность историка, с точки зрения ревизионистов, не сводится к тому, чтобы способствовать разъяснению единственно возможной последовательности событий, поскольку в развитии общества реализуется тот сценарий, который появляется из множества актов конкретных выборов, которые люди делают в складывающихся ситуациях, и в реализовавшемся варианте развития событий ревизионисты не находят предопределённости.

Применительно к изучению английской Реформации этот подход проявляется в том, что ревизионисты, в отличие от либеральных историков, считают вполне жизнеспособной позднесредневековую английскую религиозность и рассматривают церковь Англии предреформационных десятилетий XVI в. как институт, соответствовавший запросам общества и вполне удовлетворявший духовные потребности англичан этого времени, отказываясь рассматривать Реформацию как результат победы нового истинного прогрессивного протестантизма над старым, ложным, неадекватным новым историческим условиям католицизмом. Выявленная на континентальном материале «порча церкви», рассматриваемая как одна из причин Реформации в Западной Европе, по мнению ревизионистов, не имеет отношения к церкви Англии. Ревизионисты рассматривают Реформацию как политическое явление, связанное со стремлением Генриха VIII укрепить королевскую власть, что было ему необходимо на рубеже 1520—30-х гг. для решения брачной проблемы, увеличения финансовых поступлений в государственную казну, и отвечавшее также материальным интересам некоторых групп в составе английского общества — предпринимателей и землевладельцев, стремившихся ограничить роль церкви в общественной жизни и лишить её части материального богатства, а также юристов общего права, стремившихся ограничить юрисдикцию церковных судов и увеличить свои доходы путём расширения сферы судопроизводства судов общего права. В ревизионистской трактовке, Реформация в Англии была результатом многочисленных актов выбора в конкретных ситуациях, складывавшихся в политической истории страны, в связи с чем К. Хейг даже характеризует то, что происходило в Англии в 1530—50-е гг., как «спотыкающуюся Реформацию», или как совокупность «Реформаций» в результате столкновений придворных политиков, перемен во внешней политике Англии, а не как явление, ранее

традиционно обозначавшееся в британской историографии единым понятием, предполагавшим единство в ходе этого процесса (the Reformation). Происходившие в религиозно-политической сфере события были трудны для понимания современников, и в 1530—50-е гг., и даже позже, для англичан было большим вопросом, можно ли называть разворачивавшиеся в стране процессы Реформацией. В ревизионистской трактовке Реформация характеризуется как действия королевской власти, которых не хотело большинство англичан, подчинившихся Генриху VIII главным образом потому, что в стране, как считают ревизионисты, был высок авторитет монархии. В подкрепление этого мнения ревизионисты привлекают свидетельства источников о том, что реформированная религия утверждалась в массе народа медленно, отстаивая мнение, что лишь к 1580-м гг., когда протестантское исповедание было воспринято представителями властных элит на местном уровне в графствах, были достигнуты заметные успехи в процессе утверждения реформированной религии среди большинства англичан.

Новым подходом в трактовке религиозных проблем в Англии в XVI—первой половине XVII в. в концепции ревизионистов стало и то, что они нашли место в религиозной истории постреформационного периода для католиков. Католицизм сохранился в Англии, по мнению ревизионистов, в связи с тем, что протестантизм в стране насаждался властями сверху, но этот процесс не увенчался полным успехом, поэтому, в ревизионистской трактовке, Реформация не превратила Англию в протестантскую страну: для ревизионистов Англия стала в результате Реформации страной, расколотой в религиозном отношении. Католики перестали рассматриваться ревизионистами как носители вероисповедания, которое пыталось, как утверждали либеральные историки, воспрепятствовать прогрессивному ходу самого исторического процесса. Либеральные историки, на первый взгляд, подходя к изучению Реформации с сугубо светских, аналитических позиций, фактически сохраняли в рамках своего подхода симпатии к протестантизму, а в ревизионистской концепции католики перестали исключаться из истории английской Реформации и были интегрированы в неё как предмет исследования, без изучения которого понимание реформационного и постреформационного периодов в истории Англии нельзя считать полноценным. Вместе с тем, критики концепции ревизионистов пытались приписывать их подходу в трактовке английской Реформации католические симпатии. Представляется, что ревизионистское направление в изучении Реформации в Англии — это консервативное направление, одно из традиционных направлений британской историографии, на современной стадии его существования в данной предметной области.

В общетеоретическом плане интересно также мнение историков-ревизионистов о том, что в основе мотивов исторического действия лежат материальные, политические интересы действующих лиц, и в соответствии с этими мотивами подбирается то или иное их идейное оформление. Точку зрения о том, что люди действуют в истории под влиянием идейной убежденности, ревизионисты рассматривают как неосновательную идеализацию человеческой природы.

Историки, придерживающиеся методологических подходов социальной истории, тоже внесли вклад в изучение религиозно-политической истории Англии XVI—XVII вв. Будучи разнородным в идейно-мировоззренческом отношении, социально-историческое направление отличается стремлением к анализу процессов, происходивших в религиозной истории Англии, в широком социальном контексте, пытаясь выявить те факторы общественной жизни, которые влияли на развитие церкви Англии, религиозности англичан, появление в постреформационный период различных религиозных направлений. Среди британских историков обсуждается вопрос о том, как связать процессы, происходящие в социально-экономической жизни общества, с религиозно-культурными процессами, остающийся дискуссионным по сей день.

Среди концептуальных подходов к изучению религиозных проблем в Англии, появившихся в рамках методологических подходов социальной истории, важна социально-экономическая интерпретация истории реформационного и постреформационного периодов, которую развил К. Хилл (1912—2003), показавший, что имущественные вопросы, экономические мотивы занимали большое место во взаимоотношениях между королевской властью и церковью, между церковью и светскими лицами, и в повседневной жизни церкви Англии. Без учёта социально-экономической интерпретации Реформации, предложенной К. Хиллом, рассмотрение истории Реформации теперь невозможно. Но сам Хилл не рассматривал социально-экономический подход к пониманию Реформации как всеобъемлющий и полностью объясняющий религиозную сферу общественной жизни.

В рамках социальной истории для изучения религиозности англичан XVI—XVII вв. стал использоваться также культурно-антропологический подход, наиболее наглядно представленный в этой предметной области в работах К. Томаса и Р. Хаттона. Они показали продуктивность используемого ими описательного метода «примеров» и «контрпримеров». Культурно-антропологический метод, в дополнение к характеристике политического содержания, доктринальных вопросов и споров, социально-экономических процессов, происходивших в реформационный и постреформационный периоды, дал возможность показать, как в религиозном сознании англичан уживались между собой требования, предъявлявшиеся к христианину реформированной религией, элементы католических верований, магические практики, которые долго сохранялись в массовом сознании. На основе культурно-антропологического подхода появились даже предложения преодолеть разногласия в понимании религиозной истории постреформационного периода, существующие между либеральными историками и историками-ревизионистами. Р. Хаттон, описывая религиозные верования и практики постреформационного периода, предлагает считать сохранение элементов католических верований и обрядов среди англичан не сознательным сопротивлением распространению Реформации, а, скорее, частью процесса восприятия Реформации, при этом облегчавшей трансформацию английского общества из католического в протестантское. Такие явления могли сохраняться в

массовом сознании, которое не является непротиворечивой системой и может сохранять в себе элементы старого и нового. При этом вопрос о существовании в XVI—XVII вв. «народной религии», отличавшейся от религиозных верований социальных верхов, остается среди историков дискуссионным: в христианской религии непросто выделить то, во что верили только верхи или низы общества, поскольку христианство всегда обращалось к человеку как таковому, а не к носителю того или иного социального статуса.

Методологические подходы социальной истории позволили также значительно расширить проблемное поле в изучении религиозных проблем в Англии в XVI—XVII вв., в результате чего появились исследования о влиянии изменений в религиозности на развитие образования, тех или иных сфер культуры, экономического мышления, семейных отношений, самых разных сторон общественной и частной жизни, причём более активное развитие сферы частной жизни, новый исторический этап в развитии человеческой индивидуальности историки склонны связывать с влиянием протестантизма.

В проделанном исследовании на основе привлечения работ представителей всех трёх охарактеризованных выше направлений рассмотрены также ещё три важнейшие группы проблем, выделяемые в современной британской историографии Реформации и постреформационного периода: становление протестантской церкви Англии в XVI—первой половине XVII в., пуританское движение в Англии и существование английского католического сообщества в этих же хронологических рамках. В этих трёх главах предпринята попытка реконструкции и обобщения того, что сделано британскими историками к настоящему времени, что обусловило необходимость обращения к важнейшим конкретно-историческим исследованиям по этим вопросам.

В понимании становления протестантской церкви Англии современная британская историография пришла к мнению, что это был процесс, занявший несколько десятилетий, и завершившийся в своих важнейших характеристиках после реставрации Стюартов в 1660 г., в результате чего была восстановлена епископальная система управления церковью, а в 1662 г. опять были приняты 39 статей в качестве доктринальной основы церкви Англии. Растянувшийся во времени процесс становления протестантской церковной организации нашёл отражение также в эволюции названия церкви. После принятия Акта о супрематии (1534) церковь обычно именовалась по-латыни *Ecclesia Anglicana*. Первые свидетельства появления термина «англиканство» (“Anglicanism”) относятся исследователями к началу XVII в., но слово “Anglicanism” в XVII—XVIII вв. не вошло в словари английского языка и впервые появилось в религиозном смысле в «Оксфордском словаре английского языка» в 1797 году как цитата из Эдмунда Бёрка, окончательно утвердившись только в середине XIX в., когда это понятие популяризировали трактарианцы — деятели Оксфордского движения. Отчётливый процесс становления собственной идентичности начался в церкви Англии не сразу после законодательного

утверждения протестантизма королевской властью, а только на рубеже XVI—XVII вв. Целенаправленной попыткой более точного самоопределения церкви Англии среди протестантских церквей, по мнению современных исследователей, была деятельность архиепископа Кентерберийского Уильяма Лода в 1630-е гг., которая привела к конфликту с пуританами, обострению религиозно-политической ситуации в стране и стала одним из факторов в происхождении Английской революции середины XVII в. Пуританские нонконформисты в результате были вытеснены за рамки церкви Англии, которая после реставрации Стюартов восстановилась на более жёстких идейных и организационных основах.

Появление пуританизма связывается британскими историками с идейным влиянием европейских реформированных церквей на часть духовных лиц в церкви Англии, в результате которого среди них возникло стремление провести Реформацию в Англии по континентальным образцам, поскольку религиозная политика королевской власти представлялась им недостаточно активной в утверждении «истинной реформированной религии». Такая объяснительная схема, рассматривавшая возникновение пуританизма как результат идейных влияний, в своём появлении связана с оценкой происходившего самими пуританами и была развита в либеральной историографии. Современные британские историки, в дополнение к этому подходу рассматривая деятельность пуритан с политической точки зрения, отмечают, что королевская власть блокировала развитие пуританизма в его пресвитерианской форме, в конечном счёте, потому, что стремилась не допустить утверждения в Англии религиозного течения, которое ориентировалось на зарубежные авторитеты и навязывало монарху как главе церкви Англии неприемлемые формы церковной организации, не оставлявшие для монарха места в системе церковного управления и подрывавшие его прерогативу как главы церкви. Защитники епископальной системы церковного управления в Англии впервые ещё в XVI—XVII вв. обвинили пуритан в стремлении лишиться епископальную церковь сохранившейся у неё собственности, и в пропаганде пуританизма среди светских лиц с целью найти себе союзников в деле грабежа церковного имущества. Современные исследователи признают существование этого мотива поддержки пуританизма у его светских патронов, но не находят достаточных свидетельств, чтобы сделать вывод о значительности его влияния на развитие пуританского движения.

На современном этапе исследований появилось целостное представление о пуританском движении в Англии во второй половине XVI—начале XVII в., достигнутое в значительной степени благодаря работам П. Коллинсона (р. 1929), который рассматривает пуританизм как внутрицерковное явление, не ставившее своей целью любой ценой разрушить епископальную форму управления церкви и подорвать церковную и социальную иерархию. Сложилось также мнение, что деятельность пуритан в правление первых Стюартов в предреволюционные десятилетия XVII в. перестала быть «движением» в смысле целенаправленных действий в достижении такой цели, которая была бы единой для всех участников движения, по-

скольку к этому времени развитие пуританизма и религиозной ситуации в стране привело к возникновению различных течений, связанных по своему происхождению с пуританизмом, но имевших свою специфику и свои цели: сепаратистов, «не отделившихся конгрегационалистов», общих и партикулярных баптистов.

Современные исследователи также обращают внимание на то, что традиционное выделение историками применительно к религиозной ситуации в начале XVII в. двух противостоявших друг другу группировок англикан и пуритан не может быть признано достаточным для понимания существовавшего в стране положения в религиозной сфере. Значительный объём религиозной литературы первых десятилетий XVII в. ещё не вовлечен в исследовательский оборот, и ранее предлагавшиеся выводы базировались на цитировании небольшого круга авторов, у которых можно было обнаружить свидетельства наиболее явственной приверженности тем позициям, которые отождествлялись с англиканской и пуританской, в то время как современники выделяли в эти годы в Англии до двенадцати различных религиозных группировок (три партии католиков, три индифферентных в вопросах веры, четыре группировки по-своему поддерживали ту форму веры, которую исповедовал монарх, две пуританские партии). Исследователи находят в церкви Англии раннестюартовского периода пуритан, которые не были противниками епископального устройства церкви Англии, и англикан, разделявших многие пуританские идеи — между различными религиозными группировками существовало идейное взаимопроникновение. Складывается мнение, что жёстко дуалистический взгляд на религиозную ситуацию в раннестюартовский период с выделением противостояния англиканской и пуританской группировки или арминианской и кальвинистской группировок упрощает и обедняет тот широкий спектр религиозных мнений, который существовал в Англии накануне гражданской войны. Появилась также точка зрения, что взгляды представителей лодианской группировки в церкви Англии не следует квалифицировать как арминианство или протокатолические симпатии — Лод и его сторонники не имели тяготения ни к арминианству, ни к католицизму, но их стремление усилить социальную роль церкви Англии после её относительного ослабления в результате Реформации спровоцировали враждебную реакцию влиятельных светских лиц, не желавших расставаться с захваченным церковным имуществом и вновь оказаться в духовной зависимости от церкви. Как исследователи истории пуританизма, так и те историки, которые занимаются изучением истории церкви Англии, приходят к выводу, что пуритан стал вытеснять из церкви только архиепископ Лод, а в правление Якова I (1603—1625) существовали возможности для удержания пуритан в рамках церкви Англии. В понимании происхождения Английской революции, при всех дискуссиях, оттенках мнений в существующих подходах, историки придерживаются мнения, что пуританизм и кальвинизм внесли вклад в то, что существовавшее между королевской властью и оппозицией противостояние приобрело форму вооружённой борьбы.

Исследователи истории пуританизма также уделяют большое внимание формулировке его определения. Существующие трудности в определении пуританизма связаны с тем, что во второй половине XVI в., когда появился пуританизм, церковь Англии находилась в стадии становления, и многие пуританские по характеру идеи высказывали даже епископы, представители церковной администрации, которые тоже были сторонниками дальнейших реформ в церкви. Пресвитерианство, которое в 1570—80-е гг. стремилось утвердить в церкви Англии систему церковного управления по женеvскому образцу, не объединило своими целями всех пуритан — понятия «пуританизм» и «пресвитерианство», как отметили историки, не являются синонимами. В предреволюционные десятилетия XVII в. взаимопроникновение пуританских и англиканских идей тоже сохранялось. Обобщая то многообразие определений пуританизма, которые предлагаются британскими историками, в работе показано, что к пуританам они относили тех, кто стремился продолжить реформы в церкви Англии по образцу европейских реформированных церквей, при этом не покидая церковь Англии и не отчаиваясь в возможности её реформирования. В связи с этим дискуссионным среди исследователей является вопрос, следует ли относить к числу пуритан сепаратистов — предшественников индепендентов XVII в., которые пришли к выводу, что церковь Англии не поддается реформированию, и стали отделяться от неё, основывая свои общины. Современники отмечали, что пуритане и сепаратисты порицали друг друга, и не отождествляли эти две группировки. Историки пуританизма, выделяя отличия пуритан от сепаратистов, в то же время склонны подчёркивать возможность возникновения сепаратизма из радикального пуританизма.

На основе развития локальных исследований в настоящее время продолжается анализ распространения пуританских идей в регионах на территории Англии. В связи с этим обсуждается вопрос о том, какая социальная среда была наиболее восприимчивой к пуританизму, и какие социальные группы можно рассматривать в качестве его социальной опоры. Британские историки склоняются к мнению, что пуританизм лучше укоренялся в наиболее развитых в социально-экономическом отношении районах страны среди представителей формировавшегося в процессе становления капитализма предпринимательского класса преимущественно из числа горожан. При этом отмечается, что такая взаимозависимость может быть охарактеризована лишь как своего рода корреляция, а не жёсткая причинная связь, поскольку во многих городах, которые даже составляли относительное большинство, пуританизм не имел заметного успеха. К тому же приверженцев пуританизма исследователи находят среди представителей буквально всех социальных групп английского общества, что зависело также от индивидуального выбора, а не только от социальной принадлежности.

В изучении английского католицизма постреформационного периода в современной британской историографии сосредоточены относительно меньшие исследовательские усилия по сравнению с теми, что задейство-

ваны в изучении английского протестантизма. Английское католическое сообщество — явление меньшего масштаба, но без его изучения характеристика религиозной ситуации в Англии XVI—первой половины XVII в. невозможна. Это было дополнительно осознано современными британскими историками под влиянием работ представителей методологических подходов социальной истории и, особенно, под воздействием идей историков-ревизионистов. Если ранее английские католики были, по сути дела, париями и изгоями британской либеральной историографии, вследствие чего они изучались преимущественно английскими историками из числа своих единоверцев, то с 1960-х гг. ситуация стала меняться.

Исследователи истории английского католицизма ещё с тех времен, когда среди них преобладали единоверцы, по сравнению с историками, занимающимися изучением английского протестантизма, отличаются организационной сплоченностью. Они создали в 1904 г. Католическое архивное общество (Catholic Record Society), которое ежегодно в последних числах июля проводит свои конференции, а также издаёт серию монографий, основали в 1951 г. журнал «История рекузантов» (“Recusant History”), и поддерживают издание ещё 11 региональных научно-исторических журналов по истории английского католицизма.

В работах Дж. Эйвлинга и Дж. Босси к настоящему времени представлен общий очерк истории английского католического сообщества в период с середины XVI по середину XIX в. Дж. Босси предлагает рассматривать английских католиков как одну из разновидностей неконформизма, представленного в религиозной истории Англии нового времени, но считает при этом, что к английским католикам неприменимо понятие «религиозное меньшинство». По его словам, меньшинство обычно рассматривается с предположением, что ему противостоит какое-то большинство, но в истории Англии постреформационного периода, как он считает, произошел религиозный раскол, в результате которого возник ряд религиозных течений, не поддающийся описанию через пару понятий «большинства» и «меньшинства».

Современными исследователями истории английского католицизма изучены вопросы о распространении католицизма в отдельных регионах на территории Англии в XVI—XVII вв. Наибольшее количество английских католиков, как установлено, жило на севере страны, который был не только менее развитым в социально-экономическом отношении, но был также труднодостижим для административных усилий властей в насаждении религиозного конформизма. Исследователи выявили, что важнейшим фактором в обеспечении деятельности английской католической миссии после её основания была поддержка светскими покровителями из числа джентри, в такой степени, что английский постреформационный католицизм называют «сеньериальным католицизмом». Дж. Босси представил обоснованные предположения в оценке численности английских католиков в постреформационный период, поскольку источники не позволяют провести точные статистические подсчеты. Изучена также деятельность английских католиков-эмигрантов на континенте и их попыт-

ки использовать помощь континентальных католических государств для поддержания католицизма в Англии, политическая мысль английских католиков, взаимоотношения между белым духовенством, иезуитами и представителями других монашеских орденов в английском католицизме. Выявлено влияние Контрреформации на английский католицизм. Появились работы, в которых проводится сравнение между деятельностью английского католического и протестантского духовенства.

Английские власти в постреформационный период не добились искоренения католицизма в стране, и, судя по всему, не ставили перед собой такой цели, поскольку штрафы, уплачиваемые католиками, превратились в один из регулярных источников доходов для государственной казны. В то же время историки показали, что угроза конфискации части имущества по отношению к упорным католикам-рекузантам, штрафы, налагавшиеся за непосещение церкви, были эффективным средством воздействия на английское католическое сообщество, и власти держали английских католиков под контролем.

Протестанты в предреволюционные десятилетия XVII в., как установили современные британские историки, в страхе перед католицизмом преувеличили организованность, сплочённость и степень политической опасности католиков в Англии. Хотя в эти годы происходил рост численности католических священников, и у современников было ощущение увеличения численности приверженцев католицизма, руководители английского католического сообщества не стремились к политической деятельности, направленной против протестантского режима в Англии, поскольку были поглощены решением внутренних проблем, связанных с поддержанием существования католицизма в протестантской стране.

В настоящее время тенденцией в изучении английского католицизма является дальнейший анализ источников о деятельности католиков в отдельных местностях на территории Англии в XVI—XVII вв. и стремление выявить, наряду с социальными, также и личностные факторы, которые влияли на самоидентификацию человека с тем или иным религиозным направлением, существовавшим в этот период.

Библиография

Список сокращений

- BIHR — Bulletin of the Institute of Historical Research (London)
CHR — Catholic Historical Review (Washington)
CRS — Catholic Record Society (London)
EHR — English Historical Review (Oxford)
ERH — English Recusant History (Menston, Yorkshire)
HJ — Historical Journal (Cambridge)
JBS — Journal of British Studies (Chicago)
JEH — Journal of Ecclesiastical History (London)
RH — Recusant History (London)
TRHS — Transactions of the Royal Historical Society (London)

Философия, теория, методология истории, институциональная организация современной зарубежной исторической науки

- Burke P.* History and Social Theory. — Cambridge-Oxford, 1992.
Elton G. Political History, Principles and Practice. — London, 1970.
Elton G. The Practice of History. — London, 1967.
Marvick A. The Nature of History. — New York, 1971.
Namier L.B. Avenues of History. — New York, 1952.
Namier L.B. In the Margin of History. — New York, 1969.
Toynbee A. An Historian's Approach to Religion. — Oxford University Press, 1956.
What is History Today...? / Ed. by J. Gardiner. — Humanities Press International, Inc. Atlantic Highlands (N.J.), 1988.
Вебер М. Избранные произведения. — М., 1990.
Зверева Г.И. Британская историография в контексте академической культуры XX в. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. — М., 1998.
Зверева Г.И. Организация исторической науки в Великобритании в новое и новейшее время. — М., 1986.
Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. — М., 1980.
Никоненко С.В. Английская философия XX века. — СПб., 2003.
Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи. Перевод с англ. — М., 2002.
Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. — М., 1998.
Согрин В.В., Зверева Г.И., Репина Л.П. Современная историография Великобритании. — М., 1991.
Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. — М., 2000.
Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX в. / Пер. с англ. — Екатеринбург, 2002.
Шарифжанов И.И. Английская историография в XX веке. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. — Казань, 2004.
Шарифжанов И.И. Современная английская буржуазная историография. Проблемы теории и метода. — М., 1984.
Шарифжанов И.И. Современная английская историография буржуазной революции XVII в. Основные идейно-методологические тенденции и направления. — М., 1982.
Шарифжанов И.И. Эволюция теоретико-методологических основ английской немарксистской историографии в XX веке (1900—1980). Дисс. ... д-ра ист. наук. — Казань, 1990.

Опубликованные источники

- Acts of the Privy Council. New Series / Ed. by J.R. Dasent et al. — London, 1890—1964. — Vol. I
- Allen William*. Allen's Defence of English Catholics: 1584. With a Preface by His Eminence the Cardinal Archbishop Westminster. — St. Louis, 1914. — Vol. I—II.
- The Book of Common Prayer and Administration of the Sacraments and Other Rites and Ceremonies of the Church According to the Use of the Church of England. Enlarged Edition. — Cambridge, 2004.
- The Book of Common Prayer from the Original Manuscripts Attached to the Act of Uniformity of 1662, and Now Preserved in the House of Lords. — London, 1892.
- Booty J.E.* (Ed.). An Apology of the Church of England by John Jewel. — Ithaca, 1963.
- Bowler H.* (Ed.). Recusant Roll № 2 (1593—1594) // Catholic Record Society. — London: Catholic Record Society Publications, 1965. — Vol. LVII.
- Bowler H.* (Ed.). Recusant Rolls № 3 (1594—1595) and № 5 (1595—1596) // Catholic Record Society. — London: Catholic Record Society Publications, 1969.
- Burton E., Williams Th.* (Ed). The Douay College Diaries. Third, Fourth and Fifth 1598—1654. With the Rheims Report, 1579—1580 // Catholic Record Society. — London, 1969. — Vol. X. Reprint of the 1911 Edition.
- Burton E., Williams Th.* (Ed). The Douay College Diaries. Third, Fourth and Fifth 1598—1654. With the Rheims Report, 1579—1580 // Catholic Record Society. Vol. XI. Reprint of the 1911 Edition. — London, 1969.
- Calendar of Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII / Ed. by R.H. Brodie. — London, 1864—1932. — Vol. I—XXI.
- Calendar of State Papers, Domestic Series, of the Reign of Charles I, 1625—1649 / Ed. by W.D. Hamilton and S.C. Lomas. — London, 1858 — 1897. — Vol. I — XXIII.
- Calendar of State Papers, Domestic Series, of the Reign of Edward VI, 1547—1553 / Ed. by C.S. Knighton. — London, 1992.
- Calendar of State Papers, Domestic Series, of the Reign of Mary I, 1553—1558. Revised Edition / Ed. by C.S. Knighton. — London, 1998.
- Calendar of State Papers, Domestic Series, of the Reigns of Edward VI, Mary, Elizabeth, 1547—1625 / Ed. by C. S. Knighton. — London, 1856—1872. — Vol. I—XII.
- Calendar of State Papers, Foreign Series, of the Reign of Edward VI 1547—1553 / Ed. by W.B. Turnbull. — London, 1861.
- Calendar of State Papers, Foreign Series, of the Reign of Elizabeth 1558—1589 / Ed. by J. Stevenson, A.J. Crosby, A.J. Butler, S.C. Lomas, R.B. Wernham. — London, 1863 — Vol. I — XXIII.
- Calendar of State Papers, Foreign Series, of the Reign of Mary 1553—1558 / Ed. by W.B. Turnbull. — London, 1861.
- Calendar of State Papers, Relating to English Affairs, Preserved Principally at Rome, in the Vatican Archives and Library 1558—1578 / Ed. by J.M. Rigg. — London, 1916 — 1926. — Vol. I—II.
- Calthrop M.M.* (Ed.). Recusant Roll № 1 (1592—1593) // Catholic Record Society. — London: Catholic Record Society Publications, 1916. — Vol. XVIII.
- Camden W.* Remains Concerning Britain / Ed. by R.D. Dunn. — Toronto, 1984.
- Cardwell E.* (Ed.). Documentary Annals of the Reformed Church of England: Being a Collection of Injunctions, Declarations, Orders, Articles of Inquiry from the Year 1546 to the Year 1716. — Oxford, 1839. — Vol. I.
- Cardwell E.* (Ed.). Synodalia in Two Volumes: A Collection of Articles of Religion, Canons and Proceedings of Convocations. — Oxford, 1842.
- Carlson L.E.* (Ed.). Henry Barrow. Writings 1587—1590. Elizabethan Nonconformist Texts. Vol. III. — London, 1962.
- Carlson L.E.* (Ed.). Henry Barrow. Writings 1590—1591. — London, 1966.

- Catholic Record Society. — London: Catholic Record Society Publications, 1904—2004. — Vol. I — CXXX.
- Chambers D.S.* Faculty Office Registers, 1534—1549: A Calendar of the First Two Registers of the Archbishop of Canterbury's Faculty Office. — London, 1966.
- Chancery Decree Rolls: Elizabeth I. — London, 1983.
- Chandos J.* (Ed.). In God's Name: Examples of Preaching in England from the Act of Supremacy to the Act of Uniformity, 1534—1662. — Indianapolis-New York, 1971.
- The Constitutional Documents of the Puritan Revolution 1625—1660 / Sel. and ed. by S.R. Gardiner. 3rd ed. — Oxford, 1968.
- Draft Calendar of Patent Rolls Elizabeth I, 1584—1585. — London, 1990.
- Draft Calendar of Patent Rolls Elizabeth I, 1587—1588. — London, 1992.
- Emerson E.H.* English Puritanism from John Hooper to John Milton. — Durham (N.C.), 1968.
- English Recusant Literature 1558—1640. — Menston, Yorkshire, 1968—1978.
- Foley H.* Records of the English Province of the Society of Jesus. Historic Facts Illustrative of the Labours and Sufferings of Its Members in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. — London, 1877—1883. — Vol. I—III.
- Foster C.W.* (Ed.). The State of the Church in the Reigns of Elizabeth and James I as Illustrated by Documents Relating to the Diocese of Lincoln. — Lincoln Record Society, 1926.
- Foxe J.* Acts and Monuments / Ed. by S.R. Cattley with a Preface by G. Townsend — London, 1877. — Vol. I—VIII.
- Frere W.H., Douglas C.E.* (Ed.) Puritan Manifestoes: A Study of the Origin of the Puritan Revolt with a Reprint of the Admonition to the Parliament. — London, 1907.
- Frere W.H., Kennedy W.P.M.* (Ed.). Visitation Articles and Injunctions of the Period of the Reformation. Alcuin Club Collections XIV—XVI. — London, 1910. — Vol. I—III.
- Gee H., Hardy W.J.* (Ed.). Documents Illustrative of English Church History. — New York-London, 1921.
- Gerard J.* The Autobiography of a Hunted Priest: With an Introduction by Graham Greene. — Garden City, 1952.
- Hicks L.* (Ed.) Letters and Memorials of Father Robert Persons to 1558 // Catholic Record Society. — London: Catholic Record Society Publications, 1942. — Vol. XXXIX.
- Holden W.P.* (Ed.). Anti-Puritan Satire 1572—1642. — New Haven, 1954.
- Holmes P.J.* (Ed.). Elizabethan Casuistry // Catholic Record Society. — London: Catholic Record Society Publications, 1981. — Vol. CXVII.
- Holt G.* (Ed.). St. Omers and Bruges Colleges, 1593-1773. A Biographical Dictionary // Catholic Record Society. — London: Catholic Record Society Publications, 1979. — Vol. CXIX.
- Hooker R.* The Folger Library Edition of the Works of Richard Hooker. — Cambridge (Mass.)-London, 1977—1982. — Vol. I—IV.
- Hooker R.* The Works of That Learned and Judicious Divine, Mr. Richard Hooker, with an Account of his Life and Death by Isaac Walton. — Oxford, 1950. — Vol. I—II..
- Hughes P.L., Larkin J.F.* (Ed.). Tudor Royal Proclamations. 1553—1587. — New Haven, 1969. — Vol. II.
- Hughes P.L., Larkin J.F.* (Ed.). Tudor Royal Proclamations. 1588—1603. — New Haven, 1969. — Vol. III.
- Images of English Puritanism. A Collection of Contemporary Sources, 1589—1646 / Ed. by L. Sasek. — Baton Rouge-London, 1989.
- Journal of the House of Commons. 1547—1629. — London, 1802. — Vol. I.
- Kenny A.* (Ed.). The Responsa Scholarum of the English College, Rome. Part One: 1598—1621 // Catholic Record Society. — London: Catholic Record Society Publications, 1962. — Vol. LIV.
- Kenny A.* (Ed.). The Responsa Scholarum of the English College, Rome. Part Two: 1622—1685 // Catholic Record Society. — London: Catholic Record Society Publications, 1963. — Vol. LV.

- Kitching C.J.* (Ed.). *The Royal Visitation of 1559. Act Book for the Northern Province.* — Durham, 1975.
- Knox J.* *On Rebellion* / Ed. by R.A. Mason. — Cambridge, 1994.
- Knox T.F.* (Ed.). *The First and Second Diaries of the English College, Douay, and an Appendix of Unpublished Documents, Edited by Fathers of the Congregation of the London Oratory. With a Historical Introduction by Thomas Francis Knox.* — London, 1969.
- Larocca J.* (Ed.). *Jacobean Recusant Rolls for Middlesex // Catholic Record Society.* — London: Catholic Record Society Publications, 1997. — Vol. LXXVI.
- Laud W.* *Works* / Ed. W. Scott and W. Bliss. — Oxford, 1847—1860. — Vol. I—VII.
- Law T.G.* (Ed.). *The Archpriest Controversy. Documents Relating to the Dissensions of the Roman Catholic Clergy 1597—1602.* Camden Society 56. — Camden Society, 1896. — Vol. I.
- Law T.G.* (Ed.). *The Archpriest Controversy. Documents Relating to the Dissensions of the Roman Catholic Clergy 1597—1602.* Camden Society 58. — New York, 1898. — Vol. II.
- The Letters and Memorials of William Cardinal Allen (1532—1594)* / Edited by the Fathers of the Congregation of the London Oratory. With a Historical Introduction by Th.F. Knox. — Ridgewood, N.J, 1965.
- The Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII* / Arranged and Catalogued by J.S. Brewer. — London, 1862—1932. — Vol. I—XXII.
- The Letters of King Henry VIII. A Selection, with a Few Other Documents* / Ed. by M.St. Clare Byrne. — London: Cassell, 1968.
- The Letters of Queen Elizabeth I* / Ed. by G.B. Harrison. — London, 1968.
- Letters of Thomas Wood, Puritan. 1566—1577* / Ed. by P. Collinson // *Bulletin of the Institute of Historical Research.* — London: Athlone Press, 1960. — Special Supplement. — № 5.
- Loomie A.* (Ed.). *Spain and the Jacobean Catholics. Vol. I. 1603—1612 // Catholic Record Society.* — London: Catholic Record Society Publications, 1973. — Vol. CXIV.
- McCann T.* (Ed.). *Recusants in the Exchequer Pipe Rolls 1581—1592 // Catholic Record Society.* — London: Catholic Record Society Publications, 1986. — Vol. LXXI.
- Martin Bucer and the Book of Common Prayer* / Ed. by E.C. Whitaker. — London, 1974.
- Martyrs of England and Wales 1535—1680* / Ed. by Ph. Caraman and J. Walsh. — Catholic Truth Society, 1960.
- A Member of the Society of Jesus. Jesuits in Conflict, or, Historical Facts Illustrated of the Labours and Sufferings of the English Mission and Province of the Society of Jesus in the Times of Queen Elizabeth and Her Successors.* — London, 1873.
- Morris J.* (Ed.). *The Troubles of Our Catholic Forefathers Related by Themselves.* — London, 1872, 1875, 1877. — Vol. I—III.
- Morris J.* (Ed.). *The Condition of Catholics under James I. Father Gerard's Narrative of the Gunpowder Plot.* — London, 1872.
- Murphy M.* (Ed.). *St. Gregory's College, Seville, 1592—1767 // Catholic Record Society.* — London: Catholic Record Society Publications, 1992. — Vol. LXXIII.
- O'Day R., Berlatsky J.* (Ed.). *Letter Book of Thomas Bentham, Bishop of Coventry and Lichfield, 1560—1561 // Camden Miscellany XXVII. Camden 4th Series 22.* — London, 1979.
- Oliver G.* *Collections Illustrating the History of the Catholic Religion in the Counties of Cornwall, Devon, Dorset, Somerset, Wilts and Gloucester. In Two Parts, Historical and Biographical. With Notices of the Dominican, Benedictine and Franciscan Orders in England.* — London, 1857.
- The Other Face. Catholic Life under Elizabeth I* / Collected and Edited by Ph. Caraman. — London, 1960.
- Palmer A.* (Ed.). *Tudor Churchwarden Accounts. Herefordshire Record Publication.* — Herefordshire Record Society, 1985 — Vol. I.
- The Parker Society for the Publication of the Works of the Fathers and Early Writers of the Reformed English Church.* — Cambridge, 1841—1855. — Vol. I—LV.
- Peel A.* (Ed.). *The Notebook of John Penry 1593.* — London, 1944.

- Peel A.* (Ed.). *The Seconde Parte of a Register, Being a Calendar of Manuscripts under that Title Intended for Publication by the Puritans about 1593, and Now in Dr. Williams' Library.* — Cambridge, 1915.
- Peel A.* (Ed.). *Tracts Ascribed to Richard Bancroft.* — Cambridge, 1953.
- Peel A., Carlson L.H.* (Ed.). *Cartwrightiana.* — London, 1951.
- Peel A., Carlson L.H.* (Ed.). *The Writings of Robert Harrison and Robert Browne.* — London, 1953.
- Pierce W.* (Ed.). *The Marprelate Tracts 1588, 1589.* — London, 1911.
- Pollen J.H.* (Ed.). *Acts of English Martyrs Hitherto Unpublished.* — London, 1891.
- Pollen J.H.* (Ed.). *Richard Challoner. Memoirs of Missionary Priests as Well Secular as Regular and of Other Catholics of Both Sexes That Have Suffered Death in England on Religious Accounts from the Year of Our Lord 1577 to 1684.* — London, 1924.
- Porter H.C.* *Puritanism in Tudor England.* — London, 1970.
- The Presbyterian Movement in the Reign of Queen Elizabeth as Illustrated by the Minute Book of the Dedham Classis, 1582—1589 / Ed. for the Royal Historical Society from the MS. In the Possession of J.F. Gurney, K. Hall, R.G. Usher.* — London, 1905.
- Price D.* (Ed.). *Commission for Ecclesiastical Causes in the Dioceses of Bristol and Gloucester, 1574.* — Bristol and Gloucester Archaeological Society, 1972.
- Prothero G.W.* (Ed.). *Selected Statutes and Other Constitutional Documents Illustrative of the Reigns of Elizabeth and James I.* — Oxford, 1934.
- Questier M.* (Ed.). *Newsletters from the Archpresbyterate of George Birkhead. Camden Fifth Series.* — Cambridge University Press, 1999.
- The Reformation in England. To the Accession of Elizabeth I / Ed. by A.G. Dickens, D. Carr.* — London, 1967.
- Religion and Society in Early Modern England: A Sourcebook / Ed. by D. Cressy, L.A. Ferrell.* — London, 1996.
- Renold P.* (Ed.). *Letters of William Allen and Richard Barret 1572—1598 // Catholic Record Society.* — London: Catholic Record Society Publications, 1967. — Vol. LVIII.
- Renold P.* (Ed.). *The Wisbech Stirs 1595—1598 // Catholic Record Society.* — London: Catholic Record Society Publications, 1958. — Vol. LI.
- Robinson H.* (Ed.). *Original Letters Relative to the English Reformation Written during the Reigns of King Henry VIII, King Edward VI and Queen Mary, Chiefly from the Archives of Zurich.* — Cambridge, 1842. — Vol. I.
- Robinson H.* (Ed.). *The Zurich Letters, Comprising the Correspondence of Several English Bishops and Others with Some of The Helvetian Reformers during the Early Part of the Reign of Queen Elizabeth.* — Cambridge, 1845. — Vol. II.
- Sharrat M.* (Ed.). *Lisbon College Register 1628—1813 // Catholic Record Society.* — London: Catholic Record Society Publications, 1991. — Vol. LXXII.
- State Papers during the Reign of Henry VIII.* — London, 1830—1852. — Vol. I — XI.
- Statutes of the Realm (1101—1713) in 11 Volumes / Ed. by A. Luders et al.* — London: Record Commission, 1810—1822. — Vol. I—V. *The Thirty-Nine Articles. 1571 version.*
- Trinterud L.* (Ed.). *Elizabethan Puritanism.* — New York, 1971.
- Valor Ecclesiasticus Temp. Henr. VIII Auctoritate Regia Institus / Ed. by J. Caley with Introduction and Indexes by J. Hunter.* — London: Record Commission, 1810 — 1834. — Vol. I—VI.
- Visitation Articles and Injunctions of the Early Stuart Church / By Kenneth Fincham. Church of England Record Society 1.* — Woolbridge (UK), 1994 — Vol. 1.
- Williams A.* (Ed.). *Spain and the Jacobean Catholics. Vol. II. 1613—1624 // Catholic Record Society.* — London: Catholic Record Society Publications, 1978. — Vol. LXVIII.
- Williams C.H.* *English Historical Documents 1485—1558.* — London, 1971. — Vol. V.
- Английская реформация (Документы и материалы) / Под ред. Ю.М. Сапрыкина.* — М., 1990.
- Англия в эпоху абсолютизма (Статьи и источники) / Под ред. Ю.М. Сапрыкина.* — М., 1984.

Исследования британских историков

- Addy J.* Sin and Society in the Seventeenth Century. — London, 1989.
- Alexander H.G.* Religion in England, 1558—1662. — London, 1968.
- Ashton R.* Radical Puritans in England, 1550—1660. — London-New York, 1990.
- Ashton R.* Reformation and Revolution, 1558—1660. — London, 1984.
- Aston M.* England's Iconoclasts. Laws against Images. — Oxford, 1988. — Vol. I.
- Aston M.* The King's Bedpost: Reformation and Iconography in a Tudor Group Portrait. — Cambridge (UK), 1993.
- Aveling J.C.H.* Catholic Recusancy in the City of York, 1558—1791. — St. Albans (Hertfordshire), 1970.
- Aylmer G.E.* The Struggle for the Constitution. England in the Seventeenth Century, 1603—1689. — London, 1965.
- Ball B.W.* The Seventh-Day Men: Sabbatarians and Sabbatarianism in England and Wales, 1600—1800. — Oxford, 1994.
- Beaver D.C.* Parish Communities and Religious Conflict in the Vale of Gloucester, 1590—1690. — Cambridge (Mass.), 1998.
- Beckingsale B.W.* Burghley — Tudor Statesman, 1520—1598. — London-New York, 1967.
- Beckingsale B.W.* Thomas Cromwell, Tudor Minister. — London, 1978.
- Beilin E.V.* The Examination of Anne Askew. — New York, 1996.
- Best E.E.* Religion and Society in Transition: The Church and Social Change in England, 1560—1850. — New York-Toronto, 1982.
- Betteridge T.* Tudor Histories of the English Reformations, 1530—1583. — Aldershot, 1999.
- Black J.B.* The Reign of Elizabeth, 1558—1603. 2nd Ed. — Oxford-New York, 1994.
- Block J.S.* Factional Politics and the English Reformation, 1520—1540. — Suffolk, 1993.
- Bossy J.* The English Catholic Community, 1570—1850. — London, 1975.
- Bossy J.* Peace in the Post-Reformation: The Birkbeck Lectures, 1995. — Cambridge, 1998.
- Brachlow S.* The Communion of Saints: Radical Puritan and Separatist Ecclesiology, 1570—1625. — Oxford, 1988.
- Breslow M.A.* A Mirror of England. English Puritan's Views of Foreign Nations (1618—1640). — Cambridge, 1970.
- Bridenbaugh C.* Vexed and Troubled Englishmen, 1590—1642. — New York, 1968.
- Brigden S.* London and the Reformation. — Oxford, 1989.
- Bruce M.L.* Anne Boleyn. — New York, 1972.
- Burrage Ch.* The Early English Dissenters in the Light of Recent Research (1550—1641). — New York, 1967. — Vol. I—II.
- Carlton Ch.* Charles I: The Personal Monarch. — London, 1983.
- Chapman H.W.* The Last Tudor King: A Study of Edward VI (Oct. 12th 1537—July 6th 1553). — Bath, 1982.
- Church and Society in England: Henry VIII to James I / Ed. by F. Heal and R. O'Day. — London — Basingstoke, 1977.
- Clebsch W.A.* England's Earliest Protestants. — New Haven-London, 1964.
- Collinson P.* Archbishop Grindal, 1519—1583. The Struggle for a Reformed Church. — London, 1979.
- Collinson P.* The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. — New York, 1988.
- Collinson P.* Elizabethan Essays. — London, 1994.
- Collinson P.* Elizabethan and Jacobean Puritanism as Forms of Popular Religious Culture // The Culture of English Puritanism, 1560—1700 / Ed. by C. Darston and J. Eales. — New York, 1996. — P. 45—54.
- Collinson P.* The Elizabethan Puritan Movement. — London-New York, 1982.
- Collinson P.* English Puritanism. — London, 1984.

- Collinson P.* Godly People: Essays on English Protestantism and Puritanism. — London, 1983.
- Collinson P.* A Mirror of Elizabethan Puritanism. The Life and Letters of “Godly Master Dering”. — London, 1964.
- Collinson P.* The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559—1625. — New York, 1982.
- Collinson P.* Truth and Legend: The Variety of John Foxe’s “Book of Martyrs” // *Collinson P.* Elizabethan Essays. — London, 1994. — P. 157—163.
- Conflict in Early Stuart England.* Studies in Religion and Politics, 1603—1642 / Ed. by R. Cust and A. Hughes. — London and New York: Longman, 1989.
- Continuity and Change.* Personnel and Administration of the Church in England, 1500—1642 / Ed. by F. Heal and R. O’Day. — Leicester University Press, 1976.
- Cremins C.D.* The Reception of Calvinist Thought in England. — University of Illinois Press, Urbana, 1949.
- Cressy D.* Birth, Marriage and Death: Ritual, Religion and the Life-Cycle in Tudor and Stuart England. — Oxford, 1997.
- Cressy D.* Bonfires and Bells: National Memory and the Protestant Calendar in Elizabethan and Stuart England. — Berkley, 1989.
- Cressy D.* Literacy and the Social Order: Reading and Writing in Tudor and Stuart England. — Cambridge, 1980.
- Crisis in Europe, 1560—1660.* Essays from Past and Present / Ed. by T. Aston with an Introduction by Ch. Hill. — London, 1966.
- Cross C.* Church and People, 1450—1660. The Triumph of the Laity in the English Church. — London, 1976.
- Cross C.* The Puritan Earl. The Life of Henry Hastings, Third Earl of Huntingdon, 1536—1595. — New York, 1966.
- Cross C.* Patronage and Recruitment in the Tudor and Early Stuart Church. — York, 1996.
- Cross C.* The Royal Supremacy in the Elizabethan Church. — London, 1969.
- The Culture of English Puritanism, 1560—1700* / Ed. by C. Dartston and J. Eales. — New York, 1996.
- Curtis M.* Oxford and Cambridge in Transition, 1558—1642. An Essay on Changing Relations between the English University and English Society. — Oxford, 1959.
- Daniell D.* William Tyndale: A Biography. — New Haven, 1994.
- Danner D.* Pilgrimage to Puritanism. History and Theology of the Marian Exiles at Geneva, 1550—1560. — New York, 1999.
- Davies C.S.L.* Peace, Print and Protestantism, 1450—1558. — London, 1976.
- Davies J.* The Caroline Captivity of the Church: Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625—1641. — Oxford, 1992.
- Dickens A.G.* The English Reformation. — London, 1973.
- Dickens A.G.* Lollards and Protestants in the Diocese of York, 1509—1558. — Oxford University Press, 1959.
- Dickens A.G.* Thomas Cromwell and the English Reformation. — New York, 1969.
- Dickens A.G.* The Shape of Anti-Clericalism and the English Reformation // *Politics and Society in the Reformation Europe.* — Basingstoke, 1987. — P. 379—410.
- Dickens A.G., Tonkin J.* The Reformation in Historical Thought. — Cambridge (Mass.), 1985.
- Duffy E.* The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, 1400—1580. — New Haven-London, 1992.
- Dures A.* English Catholicism, 1558—1642. — Harlow, Essex, 1983.
- Eales J.* Puritans and Roundheads: The Harleys of Brampton Bryan and the Outbreak of the English Civil War. — Cambridge, 1990.
- The Early Stuart Church, 1603—1642* / Ed. by K. Fincham. — Stanford (Calif.): Stanford University Press, 1993.

- Elizabethan Government and Society. Essays Presented to Sir John Neal / Ed. by S.T. Bindoff. — London, 1961.
- Elton G.R.* England under the Tudors. — London, 1978.
- Elton G.R.* Policy and Police: The Enforcement of the Reformation in the Age of Thomas Cromwell. — Cambridge, 1972.
- Elton G.R.* Reform and Reformation England, 1509—1558. — Cambridge (Mass.), 1979.
- Elton G.R.* Reformation Europe 1517—1559. — London — Glasgow, 1963.
- Elton G.R.* The Tudor Revolution in Government. Administrative Changes in the Reign of Henry VIII. — Cambridge, 1953.
- English Commonwealth, 1547—1640: Essays in Politics and Society Presented to Joel Hurstfield. — Leicester University Press, 1979.
- Eusden J.D.* Puritans, Lawers and Politics in Early 17th Century England. — New Haven, 1958.
- Ferrell L.A.* Government by Polemic: James I, the King's Preachers and the Rhetorics of Conformity, 1603—1625. — Stanford, 1998.
- Firth K.R.* The Apocalyptic Tradition in Reformation Britain, 1530—1645. — Oxford, 1979.
- Fox A., Guy J.* Reassessing the Henrician Age: Humanism, Politics and Reform, 1500—1550. — Oxford-New York, 1986.
- Fraser A.* Faith and Treason: The Story of Gunpowder Plot. — New York, 1996.
- Fraser A.* The Weaker Vessel: Woman's Lot in Seventeenth Century England. — London, 1984.
- Frye S.* Elizabeth I: The Competition for Representation. — New York-Oxford, 1993.
- George C.H. George K.* The Protestant Mind of the English Reformation, 1570—1640. — Princeton (N.J.), 1961.
- Goring J.* Godly Exercises or the Devil's Dance? Puritanism in Popular Culture in Pre-Civil War England. — London, 1983.
- Greaves R.L.* Society and Religion in Elizabethan England. — Minneapolis, 1981.
- Green J.* The Christian's ABC: Catechisms and Catechizing in England c. 1530—1740. — Oxford, 1996.
- Grell O.P.* Calvinist Exiles in Tudor and Stuart England. — Aldershot, 1996.
- Gwyn P.* The King's Cardinal: The Rise and Fall of Thomas Wolsey. — London, 1990.
- Gwynn R.D.* Huguenot Heritage: The History and Contribution of the Huguenots in Britain. — London, 1985.
- Haigh C.* (Ed.). The English Reformation Revised. — Cambridge University Press, 1990.
- Haigh C.* English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993.
- Haigh C.* Reformation and Resistance in Tudor Lancashire. — London, 1975.
- Haigh C.* (Ed.). The Reign of Elizabeth I. — London, 1984.
- Haller W.* Liberty and Reformation in the Puritan Revolution. — New York-London, 1963.
- Haller W.* The Rise of Puritanism. — New York, 1947.
- Haugaard W.P.* Elizabeth and the English Reformation. The Struggle for a Stable Settlement of Religion. — Cambridge, 1968.
- Heal F.* Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate. — Cambridge, 1980.
- Helmholz R.H.* Roman Canon Law in Reformation England. — Cambridge, 1990.
- Hembry P.M.* The Bishops of Bath and Wells, 1540—1640. Social and Economic Problems. — London, 1967.
- Hill Ch.* Antichrist in Seventeenth-Century England. — Oxford University Press, 1971.
- Hill Ch.* The Century of Revolution, 1603—1714. 2nd Ed. — Berkshire, 1988.
- Hill Ch.* Change and Continuity in the 17th Century England. — Cambridge (Mass.), 1975.
- Hill Ch.* The Collected Essays of Ch. Hill. Religion and Politics in 17th Century England. — London, 1986. — Vol. 2.

- Hill Ch.* The Economic Problems of the Church. From Archbishop Whitgift to the Long Parliament. — Oxford, 1956.
- Hill Ch.* Intellectual Origins of the English Revolution. — Oxford, 1965.
- Hill Ch.* Puritanism and Revolution. Studies in the Interpretation of the English Revolution of the 17th Century. — London, 1958.
- Hill Ch.* Reformation to Industrial Revolution. A Social and Economic History of Britain, 1530—1780. — London, 1968.
- Hill Ch.* Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England. — New York, 1967.
- Hoak D.E.* The King's Council in the Reign of Edward VI. — Cambridge, 1976.
- Holmes P.* Resistance and Compromise. The Political Thought of Elizabethan Catholics. — Cambridge, 1982.
- Houlbrooke R.* Church Courts and the People during the English Reformation 1520—1570. — Oxford, 1979.
- Houlbrooke R.* Death, Religion and the Family in England, 1480—1750. — Oxford, 1998.
- Hudson W.S.* The Cambridge Connection and the Elizabethan Settlement of 1559. — Durham (N.C.), 1980.
- Hughes Ph.* The Reformation in England. — London, 1952—1953. — Vol. 1—2.
- Hunt W.* The Puritan Moment. The Coming of Revolution in an English County. — Cambridge (Mass.)-London, 1983.
- Hurstfield J.* Freedom, Corruption and Government in Elizabethan England. — Cambridge (Mass.), 1973.
- Hutton R.* The Rise and Fall of Merry England: The Ritual Year, 1400-1700. — Oxford-New York, 1994.
- The Impact of the English Reformation, 1500—1640 / Ed. by P. Marshall. — London: Edward Arnold, 1997.
- Ingram M.* Church Courts, Sex and Marriage in England, 1570—1640. — Cambridge, 1990.
- Ives E.W.* Anne Boleyn. — Oxford-New York, 1988.
- Ives E.W.* (Ed.). The English Revolution 1600—1660. — London, 1968.
- James M.E.* Family, Lineage and Civil Society: A Study of Society, Politics and Mentality in the Durham Region, 1500—1640. — Oxford, 1974.
- James M.* Society, Politics and Culture. Studies in Early Modern England. — Cambridge, 1986.
- Jenkins E.* Elizabeth and Leicester. — London, 1961.
- Jenkins E.* Elizabeth The Great. — London, 1965.
- John Foxe and the English Reformation / Ed. by D. Loades. — Aldershot, 1997.
- John Knox and the English Reformations / Ed. by R.A. Mason. — Aldershot, 1998.
- Johnson P.* Elizabeth I: A Study in Power and Intellect. — London, 1974.
- Kendall R.T.* Calvin and English Calvinism to 1649. — Oxford University Press, 1979.
- Knappen M.M.* Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism. — Chicago, 1939 (2nd ed. 1970).
- Knowles D.* Bare Ruined Choirs. The Dissolution of the English Monasteries. — Cambridge, 1976.
- Lake P.* Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker. — London, 1988.
- Laslett P.* The World We Have Lost Further Explored. 3rd Ed. — New York, 1984.
- Leys M.D.R.* Catholics in England 1559—1829. A Social History. — London, 1961.
- Litzenberger C.* The English Reformation and the Laity: Gloucestershire, 1540—1580. — Cambridge, 1997.
- Loades D.M.* John Dudley, Duke of Northumberland, 1504—1553. — Oxford, 1996.
- Loades D.M.* The Mid-Tudor Crises, 1545—1565. — London, 1992.
- Loades D.M.* Politics, Censorship and the English Reformation. — London, 1991.
- Loades D.M.* Politics and the Nation, 1450—1660. Obedience, Resistance and Public Order. — London-Glasgow, 1974.

- Loades D.M.* The Reign of Mary Tudor: Politics, Government and Religion in England, 1553—1558. — London, 1979.
- Loades D.M.* The Tudor Court. — London, 1986.
- Loane M.L.* Masters of the English Reformation. — London, 1954.
- Loomie A.J.* The Spanish Elizabethans. The English Exiles at the Court of Philip II. — Westport (Connecticut), 1983.
- MacCaffrey W.* Elizabeth I. — London, 1993.
- MacCaffrey W.* The Shaping of the Elizabethan Regime (1558—1572). — London, 1969.
- McClendon M.* The Quiet Reformation: Magistrates and the Emergence of Protestantism in Tudor Norwich. — Stanford, 1999.
- MacCulloch D.* The Later Reformation in England, 1547—1603. — New York, 1990.
- MacCulloch D.* Suffolk and the Tudors: Politics and Religion in an English County, 1500—1600. — Oxford, 1986.
- MacCulloch D.* Thomas Cranmer: A Life. — New Haven (Conn.), 1996.
- McCullough P.E.* Sermons at Court: Politics and Religion in Elizabethan and Jacobean Preaching. — Cambridge, 1998.
- McGee J.S.* The Godly Man in Stuart England. Anglicans, Puritans and the Two Tables, 1620—1670. — London-New Haven, 1976.
- McGrath A.E.* In the Beginning: The Story of the King James Bible and How it Changed A Nation, A Language and A Culture. — New York, 2001.
- McGrath A.E.* Reformation Thought. — New York, 1988.
- McGrath P.* Papists and Puritans under Elizabeth I. — London, 1967.
- Maltby J.* Prayer Book and People in Elizabethan and Early Stuart England. — Cambridge, 1998.
- Manning R.* Religion and Society in Elizabethan Sussex. A Study of the Enforcement of the Religious Settlement, 1558—1603. — Leicester University Press, 1969.
- Marchant R.A.* The Church under the Law: Justice, Administration and Discipline in the Diocese of York, 1560—1640. — Cambridge, 1969.
- Marsh C.* Popular Religion in Sixteenth-Century England: Holding Their Peace. — New York, 1998.
- Marshall P.* The Catholic Priesthood and the English Reformation. — Oxford, 1994.
- Martin Bucer: Reforming Church and Community* / Ed. by D. F. Wright. — Cambridge, 1994.
- Martin J.W.* Religious Radicals in Tudor England. — London, 1989.
- Mayer T.F.* Reginald Pole: Prince and Prophet. — Cambridge, 2000.
- Mayer T.F.* Thomas Starkey and the Commonweal: Humanist Politics and Religion in the Reign of Henry VIII. — Cambridge, 1989.
- Miller P.* Orthodoxy in Massachusetts, 1630—1650. — Boston, 1959.
- Milton A.* Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought, 1600—1640. — Cambridge, 1995.
- Milward P.* Religious Controversies of the Jacobean Age. — London, 1978.
- Morgan J.* Godly Learning: Puritan Attitudes towards Reason, Learning and Education, 1560—1640. — Cambridge, 1986.
- Morris C.* Political Thought in England. Tyndale to Hooker. — Oxford, 1953.
- Neale J.E.* Elizabeth I and her Parliaments, 1559—1581. — London, 1953.
- Neale J.E.* Elizabeth I and her Parliaments, 1584—1601. — London, 1957.
- Neale J.E.* The Elizabethan House of Commons. — London, 1950.
- New J.F.H.* Anglican and Puritan. The Basis of Their Opposition, 1558—1640. — Stanford, 1964.
- O'Day R.* The Debate on the English Reformation. — London-New York, 1986.
- Ogier D.M.* Reformation and Society in Guernsey. — Woodbridge, 1996.
- Oldridge D.* Religion and Society in Early Stuart England. — Aldershot, 1998.
- Order and Disorder in Early Modern England* / Ed. by A. Fletcher and J. Stevenson. — Cambridge, 1985.

- Palliser D.M.* The Age of Elizabeth: England under the Later Tudors, 1547—1603. — London-New York, 1983.
- The Parish in English Life, 1400—1600 / Ed. by K.L. French, G.G. Gibbes, B.A. Kümin. — Manchester, 1997.
- Parker K.L.* The English Sabbath. A Study of Doctrine and Discipline from the Reformation to the Civil War. — Cambridge University Press, 1988.
- Parker K.L., Carlson E.J.* "Practical Divinity": The Works and Life of Revd. Richard Greenham. — Aldershot, 1998.
- Parker T.M.* The English Reformation to 1558. — London-Cambridge, 1950.
- Patterson W.B.* James VI and the Reunion of Christendom. — Cambridge, 1997.
- Pearl V.* London and the Outbreak of the Puritan Revolution. City Government and National Politics, 1625—1643. — Oxford, 1961.
- Pearson A.F.S.* Thomas Cartwright and Elizabethan Puritanism, 1535—1603. — Gloucester (Mass.), 1966.
- Pettegree A.* Marian Protestantism: Six Studies. — Hampshire (UK), 1996.
- Porter H.C.* Reformation and Reaction in Tudor Cambridge. — Hamden (Connecticut), 1972.
- Primus J.H.* Richard Greenham: Portrait of an Elizabethan Pastor. — Macon, Ga., 1998.
- Pritchard A.* Catholic Loyalty in Elizabethan England. — Chapel Hill, 1979.
- Protestantism and the National Church in Sixteenth Century England / Ed. by P. Lane and M. Dowling. — London, 1988.
- Puritans and Revolutionaries: Essays in 17th Century History Presented to Ch. Hill / Ed. by D. Pennington and K. Thomas. — Oxford, 1982.
- Questier M.C.* Conversion, Politics and Religion in England, 1580—1625. — New York, 1997.
- Read C.* Lord Burghley and Queen Elizabeth. — New York, 1960.
- Rebellion, Popular Protest and the Social Order in Early Modern England / Ed. by P. Slack. — London, 1984.
- Reese M.M.* The Puritan Impulse. The English Revolution, 1559—1660. — London, 1975.
- The Reformation in England to the Accession of Elizabeth I / Ed. by A.G. Dickens and D. Carr. — London, 1969.
- The Reformation in English Towns, 1500—1640 / Ed. by P. Collinson and J. Grovig. — London, 1998.
- Religion, Culture and Society in Early Modern Britain: Essays in Honour of P. Collinson / Ed. by A. Fletcher, P. Roberts. — Cambridge, 1994.
- Revolution Reassessed: Revisions in the History of Tudor Government and Administration / Ed. by C. Coleman, D. Starkey. — Oxford, 1986.
- Rex R.* Henry VIII and the English Reformation. — New York, 1993.
- Ridley J.G.* Elizabeth I: The Shrewdness of Virtue. — New York, 1988.
- Ridley J.* Henry VIII: The Politics of Tyranny. — New York, 1986.
- Ridley J.* John Knox. — New York-Oxford, 1968.
- Ridley J.* The Life and Times of Mary Tudor. — London, 1973.
- Ridley J.* Thomas Cranmer. — London-Oxford, 1962.
- Ridley J.* The Statesman and the Fanatic: Thomas Wolsey and Thomas More. — London, 1983.
- Rose E.* Cases of Conscience. Alternatives Open to Recusants and Puritans under Elizabeth I and James I. — Cambridge, 1975.
- Rupp G.* Six Makers of English Religion, 1560—1700. — New York, 1957.
- Rupp E.G.* Studies in the Making of the English Protestant Tradition. — Cambridge, 1966.
- Russell C.* The Causes of the English Civil War. — Oxford, 1991.
- Scarisbrick J.J.* Henry VIII. — London, 1970.
- Scarisbrick J.J.* The Reformation and the English People. — Oxford, 1984.
- Seaver P.S.* The Puritan Lectureships. The Politics of Religious Dissent, 1560—1662. — Stanford, 1970.

- Sharpe K.* The Personal Rule of Charles I. — New Haven-London, 1992.
- Simpson A.* Puritanism in Old and New England. — Chicago, 1955.
- The Sixteenth Century, 1485—1603 / Ed. by P. Collinson. — Oxford-New York, 2002.
- Skeeters M.C.* Community and Clergy: Bristol and the Reformation c. 1530—1570. — Oxford, 1993.
- Smith A.G.R.* The Emergence of a Nation State. The Commonwealth of England, 1529—1660. — London-New York, 1984.
- Solt L.F.* Church and State in Early Modern England, 1509—1640. — Oxford, 1990.
- Sommerville J.P.* The Discovery of Childhood in Puritan England. — Athens (Ga.), 1992.
- Sommerville J.P.* Politics and Ideology in England, 1603—1640. — London-New York, 1986.
- Sommerville J.P.* The Secularization of Early Modern England: From Religious Culture to Religious Faith. — New York, 1992.
- Starkey D.* The Reign of Henry VIII. Personalities and Politics. — London, 1985.
- Stone L.* The Causes of the English Revolution, 1529—1642. — London, 1972.
- Stone L.* The Crisis of the Aristocracy, 1558—1641. — Oxford, 1965.
- Stone L.* Social Change and Revolution in England, 1540—1640. — London, 1966.
- Thomas K.* Religion and the Decline of Magic: Studies in Popular Beliefs in 16th and 17th Century England. — Harmondsworth, 1973.
- Todd M.* Christian Humanism and the Puritan Social Order. — Cambridge, 1987.
- Tolmie M.* The Triumph of the Saints. The Separatist Churches of London, 1616—1649. — Cambridge, 1977.
- Towers S.M.* Control of Religious Printing in Early Stuart England. — Woodbridge (Suffolk)-Rochester (N.Y.), 2003.
- Trevor-Roper H.R.* Archbishop Laud, 1573—1645. 3rd Ed. — London, 1988.
- Trevor-Roper H.R.* Catholics, Anglicans and Puritans. 17th Century Essays. — Chicago, 1988.
- Trevor-Roper H.R.* Religion, the Reformation, Social Change and Other Essays. — London, 1967.
- Trimble W.R.* The Catholic Laity in Elizabethan England, 1558—1603. — Cambridge (Mass.), 1964.
- Trueman C.R.* Luther's Legacy: Salvation and English Reformers, 1525—1556. — Oxford, 1994.
- Underdown D.* Fire from Heaven: Life in an English Town in the Seventeenth Century. — New Haven (Conn.), 1992.
- Underdown D.* Rebel, Riot and Rebellion: Popular Politics and Culture in England, 1603—1660. — Oxford, 1985.
- Walzer M.* The Revolution of the Saints. A Study in the Origins of Radical Politics. — Cambridge (Mass.), 1965.
- Watson D.R.* The Life and Times of Charles I. — London, 1972.
- Watt D.* Sectaries of God: Women Prophets in Late Medieval and Early Modern England. — Cambridge, 1997.
- Watts M.* The Dissenters. — Oxford, 1978. — Vol. 1.
- Webster T.* Godly Clergy in Early Stuart England: The Caroline Puritan Movement c. 1620—1643. — Cambridge, 1997.
- Weir A.* The Six Wives of Henry VIII. — London, 1992.
- White B.R.* The English Separatist Tradition. From the Marian Martyrs to the Pilgrim Fathers. — Oxford University Press, 1971.
- White P.* Predestination, Policy and Polemic: Conflict and Consensus in the English Church from the Reformation to the Civil War. — Cambridge, 1992.
- Whiting R.* The Blind Devotion of the People. Popular Religion and the English Reformation. — Cambridge (Mass.), 1989.
- Whiting R.* Local Responses to the English Reformation. — New York, 1998.
- Woodward G.W.O.* Reformation and Resurgence England in the 16th Century, 1485—1603. — New York, 1968.
- Wrightson K.* English Society, 1580—1680. — London, 1982.

- Wrightson K. Levine D. Poverty and Piety in an English Village. Terling, 1525—1700. — New York, 1979.
- Youngs J. Sixteenth-Century England. — London, 1988.
- Zagorin P. The Court and the Country. The Beginning of the English Revolution. — New York, 1970.
- Zaret D. The Heavenly Contract. Ideology and Organization in Pre-Revolutionary Puritanism. — Chicago-London, 1985.

Периодические и серийные издания.

- Avis P.D.L. Richard Hooker and John Calvin // Journal of Ecclesiastical History. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. — Vol. 39. — P. 251—270.
- Bartlett B. John Foxe as Hagiographer: The Question Revisited // The Sixteenth Century Journal. — Kirksville (Missouri), 1995. — Vol. 26. — № 4. — P. 771—789.
- Beier A.L. Social Problems in Elizabethan London // Journal of Interdisciplinary History. — Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1978. — Vol. IX. — № 2. — P. 203—221.
- Benneth J.M. Conviviality and Charity in Medieval and Early Modern England // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1992. — № 134. — P. 19—41.
- Black J. The Rhetoric of Reaction: The Martin Marprelate Tracts (1558—1559), Anti-Martinism and the Uses of Print in Early Modern England // The Sixteenth Century Journal. — Kirksville (Missouri), 1997. — Vol. 28. № 3. — P. 707—725.
- Bossy J. The Character of Elizabethan Catholicism // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1962. — № 21. — P. 39—59.
- Bossy J. The Mass as a Social Institution 1200—1700 // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1983. — № 100. — P. 29—61.
- Brigden S. Youth and the English Reformation // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1982. — № 95. — P. 37—67.
- Clifton R. The Popular Fear of Catholics during the English Revolution // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1971. — № 52. — P. 23—55.
- Cornwall J. Debate: Kett's Rebellion in Context // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1981. — № 93. — P. 160.
- Cressy D. Purification, Thanksgiving and the Churching of Women in Post-Reformation England // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1993. — № 141. — P. 106—146.
- Cromartie A. The Constitutional Revolution: the Transformation of Political Culture in Early Stuart England // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1999. — № 163. — P. 76—120.
- Curtis M. The Alienated Intellectuals of Early Stuart England // Past and Present. 1962. № 23. P. 25—43.
- Davies C.S.L. The Pilgrimage of Grace Reconsidered // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1968. — № 41. — P. 54—76.
- Enssle N. Patterns of Godly Life: The Ideal Parish Minister in Sixteenth and Seventeenth-Century English Thought // The Sixteenth Century Journal. — Kirksville (Missouri), 1997. — Vol. 28. — № 1. — P. 3—28.
- Fox A. Ballads, Libels and Popular Ridicule in Jacobean England // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1994. — № 145. — P. 47—83.
- Freeman T. Texts, Lies and Microfilm: Reading and Misreading Foxe's "Book of Martyrs" // The Sixteenth Century Journal. — Kirksville (Missouri), 1999. — Vol. 30. — № 1. — P. 23—41.
- Gascoigne J. Church and State Unified: Hooker's Rationale for the English Post-Reformation Order // The Journal of Religious History. — London: Blackwell Publishing, 1997. — Vol. 21. — № 1. — P. 23—34.
- George Ch.H. Puritanism as History and Historiography // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1968. — № 41. — P. 77—104.

- Green J.* Career Prospects and Clerical Conformity in the Early Stuart Church // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1981. — № 90. — P. 71—115.
- Haigh C.* The Continuity of Catholicism in the English Reformation // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1981. — № 93. — P. 37—69.
- Haigh C.* The Fall of a Church or the Rise of a Sect? Post-Reformation Catholicism in England // Historical Journal. — Cambridge: Cambridge University Press, 1978. — № 21. — P. 182—186.
- Haigh C.* From Monopoly to Minority: Catholicism in Early Modern England // Transactions of the Royal Historical Society. — 5th Series. — 1981. — № 31. — P. 129—147.
- Haigh C.* Puritan Evangelism in the Reign of Elizabeth I // English Historical Review. — Oxford: Oxford University Press, 1977. — Vol. XCII. — P. 30—58.
- Heal F.* The Idea of Hospitality in Early Modern England // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1984. — № 102. — P. 66—93.
- Herrup C.B.* Law and Morality in Seventeenth-Century England // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1985. — № 106. — P. 102—123.
- Hill Ch.* Debate: Puritanism, Capitalism and the Scientific Revolution // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1965. — № 29. — P. 88—97.
- Hill Ch.* The Puritans and the “Dark Corners of the Land” // Transactions of the Royal Historical Society. 5th Series. — 1963. — № 12. — P. 77—102.
- Hill Ch.* Science, Religion and Society in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1965. — № 32. — P. 110—112.
- Hitchcock J.* A Confession of the Family of Love, 1580 // Bulletin of the Institute of Historical Research. — 1970. — Vol. XLIII. — № 107. — P. 85—86.
- Hobsbawm E.* The Revival of Narrative: Some Comments // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1980. — № 86. — P. 3—8.
- Hunt A.* The Lord’s Supper in Early Modern England // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1998. — № 161. — P. 39—83.
- Hurstfield J.* Queen and State: the Emergence of an Elizabethan Myth // Britain and the Netherlands. — The Hague, 1975. — Vol. 5. — P. 58—77.
- Hutton R.* The English Reformation and the Evidence of Folklore // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1995. — № 148. — P. 89—116.
- Ingram M.* Ridings, Rough Music and the “Reform of Popular Culture” in Early Modern England // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1984. — № 105. — P. 79—113.
- James M.E.* The Concept of Order and the Northern Rising 1569 // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1973. — № 60. — P. 49—83.
- James M.E.* Obedience and Dissent in Henrician England: The Lincolnshire Rebellion 1536 // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1970. — № 48. — P. 3—78.
- Joyce P.* The Return of History: Postmodernism and the Politics of Academic History in Britain // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1998. — № 158. — P. 207—235.
- Knott J.* John Foxe and Joy of Suffering // The Sixteenth Century Journal. — Kirksville (Missouri), 1996. — Vol. 27. — № 4. — P. 721—734.
- Knowles D.* The Eltonian Revolution in Early Tudor History // Historical Journal. — Cambridge: Cambridge University Press, 1974. — Vol. XVII. — № 4. — P. 867—872.
- Kearney H.F.* Puritanism and Science: Problems of Definition // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1965. — № 31. — P. 104—110.
- Kearney H.F.* Puritanism, Capitalism and Scientific Revolution // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1964. — № 28. — P. 81—101.
- Lake P.G.* Calvinism and the English Church, 1570—1535 // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1987. — № 114. — P. 32—76.
- Lake P., Questier M.* Agency, Appropriation and Rhetoric under the Gallows: Puritans, Romanists and State in Early Modern England // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1996. — № 153. — P. 64—107.

- Lambert S.* Richard Montagu, Arminianism and Censorship // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1989. — № 124. — P. 36—68.
- Lamont W.M.* Puritanism as History and Historiography: Some Further Thoughts // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1969. — № 44. — P. 133—146.
- Lamont W.M.* The Rise of Arminianism Reconsidered: A Comment // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1985. — № 107. — P. 227—231.
- Loomie A.J.* The Armadas and the Catholics of England // Catholic Historical Review. — Washington: Catholic University of America Press, 1973. — Vol. LIX. — № 3. — P. 385—403.
- MacCaffrey W.T.* Elizabethan Politics: The First Decade, 1558—1568 // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1963. — № 24. — P. 25—42.
- MacCulloch D.* Kett's Rebellion in Context // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1979. — № 84. — P. 36—59.
- MacCulloch D.* Kett's Rebellion in Context: A Rejoinder // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1981. — № 93. — P. 165—173.
- Morrill J.* The Religious Context of the English Civil War // Transactions of the Royal Historical Society. 5th Series. — 1984. — № 34. — P. 155—178.
- Moss J.D.* Additional Light on the Family of Love // Bulletin of the Institute of Historical Research. — 1974. — Vol. XLVI. — № 115. — P. 103—105.
- Nuttall G.F.* The English Martyrs, 1535—1680: A Statistical Review // Journal of Ecclesiastical History. — Cambridge: Cambridge University Press, 1971. — Vol. XXII. — № 3. — P. 191—197.
- Parker G.* Success and Failure during the First Century of the Reformation // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1992. — № 136. — P. 43—82.
- Perrot M.E.C.* Richard Hooker and the Problem of Authority in the Elizabethan Church // Journal of Ecclesiastical History. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998. — Vol. XLIX. — № 1. — P. 29—60.
- Presbyterians, Independents and Puritans.* Debate // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1970. — № 47. — P. 116—146.
- Rabb T.K.* Religion and the Rise of Modern Science // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1965. — № 31. — P. 111—126.
- Robinson B.* "Dark Speech": Matthew Parker and the Reforming of History // The Sixteenth Century Journal. — Kirksville (Missouri), 1998. — Vol. 29. — № 4. — P. 1061—1088.
- Schnucker R.V.* Elizabethan Birth Control and Puritan Attitudes // Journal of Interdisciplinary History. — Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1975. — Vol. VI. — № 4. — P. 655—667.
- Sharpe J.* "Last Dying Speeches": Religion, Ideology and Public Execution in Seventeenth Century England // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1985. — № 107. — P. 144—167.
- Simon J.* The Reformation and the English Education // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1957. — № 11. — P. 48—65.
- Stone L.* The Educational Revolution in England, 1560—1640 // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1964. — № 28. — P. 41—80.
- Stone L.* The Revival of Narrative: Reflections on a New Old History // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1979. — № 85. — P. 3—24.
- Todd M.* The Godly and the Church: New Views of Protestantism in Early Modern Britain // Journal of British Studies. — Chicago: University of Chicago Press, 1989. — Vol. 28. — № 4. — P. 418—427.
- Thomas K.* History and Anthropology // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1963. — № 24. — P. 3—24.
- Trevor-Roper H.R.* The General Crisis of the 17th Century // Past & Present. — Oxford: Oxford University Press, 1959. — № 16. — P. 31—64.
- Walsham A.* "Domme Preachers?" Post-Reformation English Catholicism and the Culture of Print // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 2000. — № 168. — P. 72—123.

- Walsham A.* "The Fatal Vesper": Providentialism and Anti-Popery in Late Jacobean London // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1994. — № 144. — P. 36—87.
- White P.* The Rise of Arminianism Reconsidered // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1983. — № 101. — P. 34—54.
- Wiener C.Z.* The Beleaguered Isle: A Study of Elizabethan and Early Jacobean Anti-Catholicism // Past and Present. — Oxford: Oxford University Press, 1971. — № 51. — P. 27—62.
- Zagorin P.* The Social Interpretation of the English Revolution // The Journal of Economic History. — Cambridge: Cambridge University Press, 1959. — Vol. XIX. — № 3. — P. 376—401.

Труды отечественных исследователей.

- Алексеева Н.С.* Деятельность пуритан в Англии в царствование Якова I Стюарта // Из истории западноевропейского средневековья. — М., 1972. — С. 238—253.
- Алексеева Н.С.* Пуританская оппозиция абсолютизму Стюартов в первой четверти XVII в. Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1972.
- Англия в эпоху абсолютизма / Под. ред. Ю.М. Сапрыкина. — М., 1984.
- Барг М.А.* Великая английская революция в портретах ее деятелей. — М., 1991.
- Будилова К.А.* Возникновение движения индепендентов в Англии во второй половине XVI века. Дисс. ... канд. ист. наук. — Владикавказ: Северо-Осетинский университет, 2000.
- Вейш Я.Я.* Критика идеологии англиканской церкви. Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. — М., 1970.
- Волосникова Л.М.* Социально-политическая борьба в Англии во второй половине XVI в. и ее отражение в парламентских дебатах. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1989.
- Воробьева Е.Д.* Политическая борьба в Англии в парламентах Якова I Стюарта (1603—1625 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1962.
- Дмитриева О.В.* Елизавета Тюдор. — М., 2004.
- Дмитриева О.В.* Социально-политическая борьба в Англии в конце XVI—начале XVII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1985
- Дмитриева О.В.* Социально-экономическое развитие Англии в XVI в. — М., 1990.
- Дмитриева О.В.* Театр и политическая борьба в Англии конца XVI—начала XVII в. // Культура Возрождения XVI века. — М., 1997. — С. 203—214.
- Дмитриева О.В.* Экономическая политика правительства Елизаветы I и парламентская оппозиция // Общество и государство в древности и средние века. — М., 1984. — С. 73—93.
- Журавель Н.А.* Граф Лестер и католическая оппозиция при Елизавете I Тюдор. Дисс. ... канд. ист. наук. — СПб., 2000.
- Ивонин Ю.Е.* Реформация Генриха VIII и внешняя политика Англии. Дисс. ... канд. ист. наук. — Л., 1974.
- Ивоина Л.И.* Конфессионализм и дипломатия Англии накануне двух английских революций XVII в. // Религия и политика. От Античности к эпохе Просвещения. — Смоленск, 1997. — С. 23—31.
- Ильин В.Н.* Анабаптизм в Англии в XVI веке. Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1987.
- Ильин В.Н.* Борьба Тюдоров с анабаптизмом (XVI в.) // Англия в эпоху абсолютизма (статьи и источники). — М., 1984. — С. 170—188.
- Ильин В.Н.* Poleмика с анабаптизмом в англиканской публицистике XVI века // Общество и государство в средние века. — М., 1984. — С. 94—113.
- Исаенко А.В.* Английская королевская реформация XVI в. — Орджоникидзе: Северо-Осетинский университет, 1982.
- Исаенко А.В.* Пуританское движение в Англии в XVI—начале XVII вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1975.

- Исаенко А.В. Пуританская реформация в Англии в XVI—начале XVII в. — Орджоникидзе: Северо-Осетинский университет, 1980.
- Исаенко А.В. Теория «королевской супрематии» в английской религиозно-политической литературе конца 50-70-х гг. XVI в. // Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии. — Горький, 1980. — С. 33—42.
- Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. В 7 томах. — СПб., 1904. — Т. 2.
- Ковин В.С. Королевские слуги и яковитский двор в Англии 1603—1625 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. — СПб., 1999.
- Кондратьев С.В. Идея права в предреволюционной Англии. — Тюмень, 1996.
- Кондратьев С.В. Юристы в предреволюционной Англии (политические и правовые воззрения). — Шадринск, 1993.
- Лукоянов В.В. Фрэнсис Бэкон о церковной политике Англии в конце XVI—начале XVII в. // Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Европе. — Горький, 1989. — С. 47—56.
- Осиновский И.Н. Гуманизм и Реформация в Англии в первой трети XVI века // Культура Эпохи Возрождения и Реформация. — Л., 1981. — С. 218—226.
- Осиновский И.Н. Томас Мор и реформация Генриха VIII (к вопросу о противоречиях в идеологических взглядах Т. Мора) // Очерки социально-экономической и политической истории Англии и Франции XIII—XVII вв. — М., 1960. — С. 79—95.
- Павлова Т.А. Роль раннего пуританизма в политической и культурной жизни Англии // Культура эпохи Возрождения и Реформация. — Л., 1981. — С. 226—231.
- Петросьян А.А. Джон Нокс и кальвинистская реформация в Шотландии. Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1982.
- Петросьян А.А. Тираноборческие идеи Джона Нокса // Проблемы истории докапиталистических формаций. — М., 1978. — С. 88—108.
- Победоносцев К.П. Церковь // Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. — М., 1993. — С. 233—266.
- Покровский Н.Е. Ранняя американская философия. Пуританизм. — М., 1989.
- Потехин А.Н. Очерки из истории борьбы англиканства с пуританством при Тюдорах (1550—1603). — Казань, 1894.
- Руденко О.А. Англо-испанский союз 1554 г. и его крах. Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1984.
- Руденко О.А. Контрреформация в Англии при Марии Тюдор // Англия в эпоху абсолютизма (статьи и источники). — М., 1984. — С. 69—89.
- Сапрыкин Ю.М. Эдмунд Дадли и его идеи реформы церкви в Англии // Культура эпохи Возрождения и Реформация. — Л., 1981. — С. 211—218.
- Серёгина А.Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI—начала XVII вв. — СПб., 2006.
- Серёгина А.Ю. Церковь и государство в политической мысли английской католической эмиграции конца XVI—первой четверти XVII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1999.
- Смирнова Н.А. Реформация в Англии и деятельность Томаса Кранмера в первой половине XVI в. Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1990.
- Смирнова Н.А. Томас Кранмер и начало англиканской реформации в XVI в. // Из истории древнего мира и средневековья. — М., 1988. — С. 76—94.
- Соколов В.А. Реформация в Англии (Генрих VIII и Эдуард VI). — М., 1881.
- Соколов В. Церковь и университеты Англии XVI в. по описанию современников // Творения Св. отцов в русском переводе. Прибавления ... — М., 1884. — Ч. 33. — С. 482—541.
- Фёдоров С.Е. Пуританизм и общество в раннестюартовской Англии. — СПб., 1993.
- Фёдоров С.Е. Раннестюартовская аристократия (1603—1629). — СПб., 2005.
- Фёдоров С.Е., Кондратьев С.В., Питулько Г.Н. Англия XVII века: Социoproфессиональные группы и общество. — СПб., 1997.

- Хозиева Т.Х.* Религиозно-политические идеи Томаса Картрайта и опыт определения авторства анонимных памфлетов. Дисс. ... канд. ист. наук. — Владикавказ: Северо-Осетинский университет, 1995.
- Челлини К.Г.* Проблема «истинной» и «ложной» веры в творчестве Джона Нокса // Общественное сознание в кризисные и переходные эпохи. — М., 1996. — С. 40—45.
- Штокмар В.В.* К истории английского пуританского движения в конце XVI в. // Англия XIV—XVII вв. — Горький, 1974. — С. 27—36.
- Штокмар В.В.* Очерки по истории Англии XVI в. — Л., 1957.
- Штокмар В.В.* Социальная и экономическая политика английской абсолютной монархии второй половины XVI в. Автореф. дисс ... докт. ист. наук. — Л., 1963.
- Штокмар В.В.* Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. — Л., 1962.
- Шулякова Н.Г.* Архиепископ Лод. Английский Киприан // Человек XVII столетия / Под ред. А.А. Сванидзе и В.А. Ведюшкина. — М., 2005. — Ч. 1. — С. 174—202.

Историографические исследования отечественных историков.

- Барг М.А.* Вопросы метода в современной буржуазной историографии // Вопросы истории. — М., 1972. — № 9. — С. 63—81.
- Бацер М.И.* К вопросу о неоконсервативной интерпретации протестантизма в современной американской и английской историографии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. — Томск, 1992. — Вып. 20. — С. 41—61.
- Бацер М.И.* От Кальвина к Руссо. Историографические исследования. — Петрозаводск, 2008.
- Будцын И.В.* Проблема исторических понятий в английской буржуазной историографии и философии истории 50-60-х гг. XX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Казань, 1988.
- Виноградов К.Б.* Очерки английской историографии нового и новейшего времени. — Л., 1975.
- Ерохин В.Н.* Методологические подходы к изучению истории религиозной Реформации в Англии в современной британской историографии. — Нижневартовск, 2008.
- Ерохин В.Н.* Пуританское движение в Англии в XVI—начале XVII вв. в освещении современной англо-американской историографии. — Екатеринбург, 2001.
- Ерохин В.Н.* Становление англиканской церкви в XVI—первые десятилетия XVII в. в освещении современной британской историографии. — Нижневартовск, 2009.
- Ерофеев Н.А.* Л. Нэмир и его место в буржуазной историографии // Вопросы истории. — М., 1973. — № 4. — С. 76—89.
- Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века: Курс лекций. Становление «новой исторической науки». — Томск, 2003. — Вып. II.
- Могильницкий Б.Г., Мучник В.М., Николаева И.Ю.* «Возрождение нарратива»: О новейшей тенденции в развитии буржуазной исторической мысли // Новая и новейшая история. — М., 1987. — № 3. — С. 87—105.
- Нейман А.М.* «Старые» и «новые» пути в истории (некоторые проблемы методологии в английской буржуазной историографии 30—60-х гг. XX в.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Томск, 1977.
- Николаев Б.В.* Проблемы методологии истории в творчестве М. Оукшотта. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. — Казань, 1996.
- Репина Л.П.* Дискуссия о «методе Хилла» или новое наступление реакционной историографии // Идеино-политические проблемы исторической науки. — М., 1987. — С. 47—57.
- Репина Л.П.* Концепции «локальной автономии» и «провинциального общества» в современной историографии английской революции середины XVII в. // Ранние буржуазные революции и современная историческая мысль. Тезисы докладов. — Казань, 1990. — С. 9—10.

- Репина Л.П.* Локальная история и современная историография Английской революции // Новая и новейшая история. — М., 1992. — № 3. — С. 174—183.
- Репина Л.П.* Локальные исследования и национальная история: проблема синтеза // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. — М., 1989. — Вып. 1. — С. 148—158.
- Репина Л.П.* Новые подходы к Английской революции середины XVII в. в немарксистской историографии // Средние века. — М., 1992. — Вып. 54. — С. 202—216.
- Репина Л.П.* На пути к новому синтезу: перспективные тенденции в современной британской историографии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. — Томск, 1994. — Вып. 21. — С. 3—18.
- Репина Л.П.* Социальная история в историографии XX века: научные традиции и новые подходы. Дисс. ... докт. ист. наук. (в форме научного доклада). — М., 1998.
- Репина Л.П., Зверева Г.И.* Социальная история и «новая историческая наука» // Новая и новейшая история. — М., 1988. — № 4. — С. 159—174.
- Яцук А.Н.* Идеино-методологические основы исторической концепции Р. Дж. Коллингвуда. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Томск, 1977.
- Труды зарубежных историков в русском переводе.
- Линдсей К.* Разведенные, обезглавленные, уцелевшие: Жены короля Генриха VIII. — М., 1996.
- Макенни Р.* XVI век. Европа. Экспансия и конфликт / Пер. с англ. — М., 2004.
- Стрэчи Дж.Л.* Королева Елизавета и граф Эссекс. — М., 1992.
- Райтсон К.* Разряды людей в Англии при Тюдорах и Стюартах // Средние века. М., 1994. — Вып. 57. — С. 46—61.
- Хейг К.* Елизавета I Английская. — Ростов-на-Дону, 1997.
- Хилл К.* Английская Библия и революция XVII века. — М., 1998.
- Эйлмер Дж.* Восстание или революция? Англия 1640—1660 гг. / Пер. с англ. — СПб., 2004.

Периодические и серийные издания на русском языке.

- Алексеева Н.С.* Тысячная петиция и конференция в Гэмптон-Корте // Московский педагогический институт. Уч. записки. — № 321. — М., 1969. — С. 254—279.
- Ивонин Ю.Е.* Был ли Томас Кромвель протестантом? // Античная древность и средние века. — Свердловск, 1975. — Сб. 11. — С. 168—172.
- Ивонин Ю.Е.* О влиянии Крестьянской войны и Реформации в Германии на политику монархий Англии и Франции // Античная древность и средние века. — Свердловск, 1976. — Сб. 12. — С. 132—140.
- Ивонин Ю.Е.* Лондон и реформация Генриха VIII (об одном малоизвестном памфлете Генри Бринклову) // Средневековый город. — Саратов, 1975. — Вып. 3. — С. 204—209.
- Ивонин Ю.Е.* О характере Реформации Генриха VIII // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. — Л., 1980. — Вып. 3. — С. 83—93.
- Ильин В.Н.* Общность имущества и равенство у анабаптистов (по материалам английской публицистики XVI в.) // История социалистических учений. — М., 1990. — С. 185—194.
- Мещерякова Н.М.* О промышленном развитии Англии накануне буржуазной революции XVII века // Средние века. — М., 1955. — Вып. 7. — С. 174—198.
- Серёгина А.Ю.* «Истинная» Реформа церкви в представлении английской католической эмиграции конца XVI в. («Записка о реформации Англии» Роберта Парсонса) // Средние века. — М., 1997. — Вып. 60. — С. 107—117.
- Серёгина А.Ю.* Проблема происхождения власти и государства в английской католической мысли на рубеже XVI и XVII вв. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. — М., 1999. — № 3. — С. 201—213.
- Серёгина А.Ю.* Роберт Парсонс и английская революция // Средние века. — М., 2001. — Вып. 62. — С. 26—42.

- Штокмар В.В.* Борьба с пуританами как один из аспектов социальной политики Тюдоров во второй половине XVI в. // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. — Л., 1974. — Вып. 1. — С. 124—134.
- Штокмар В.В.* Идеология английского абсолютизма в письмах Елизаветы Тюдор // Уч. зап. Ленингр. ун-та Серия исторических наук. — № 127. — Л., 1950. — Вып. 17. — С. 223—248.
- Штокмар В.В.* Особенности пуританского движения конца XVI— первой трети XVII в. и начало конфликта между пуританами и абсолютной монархией // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. — Л., 1980. — Вып. 3. — С. 93—104.
- Штокмар В.В.* Пуританское движение 70-80-х гг. XVI в. в Англии. // Уч. зап. Ленингр. ун-та. — № 192. Серия ист. наук. — Л., 1956. — Вып. 21. — С. 138—168.

Справочные издания

- Anstruther G.* The Seminary Priests. A Dictionary of the Secular Clergy of England and Wales, 1558—1850. Elizabeth I 1558—1603. — St. Edmunds College, Ware; Urshaw College, Durham, 1968. — Vol. I.
- Anstruther G.* The Seminary Priests. A Dictionary of the Secular Clergy of England and Wales, 1558—1850. Early Stuarts 1603—1659.— Mayhew-McCrimmon, 1975. — Vol. II. Bibliography of the Reform, 1450—1648. Related to the United Kingdom and Ireland for Years 1955—1970. — Oxford: Basil Blackwell, 1975.
- Early Nonconformity, 1566—1800. A Catalogue of Books in Dr. Williams's Library, Published in 12 Volumes. — London, 1968.
- Fasti Ecclesiae Anglicanae 1547—1857. — Vol. I—XI. — London, 1969—2004.
- Gillow J.* A Literary and Biographical History, or Bibliographical Dictionary of the English Catholics from the Breach with Rome to the Present Time. — London: Burns & Oates, 1885. — Vol. I—V.
- The History of Parliament: The House of Commons, 1558—1603 / Ed. by P.W. Hasler.— London, 1981. — Vol. I.
- The History of Parliament: The House of Commons, 1558—1603 / Ed. by P.W. Hasler.— London, 1981. — Vol. II.
- The History of Parliament: The House of Commons, 1558—1603 / Ed. by P.W. Hasler.— London, 1981. — Vol. III.
- Hoffman A.* Lives of the Tudor Age, 1485—1603. — New York, 1977.
- The House of Commons 1509—1558 / Ed. by S. T. Bindoff. — London, 1982. — Vol. I—III.
- Kinney A.F.* Titled Elizabethans. A Directory of Elizabethan State and Church Officers and Knights with Peers of England, Scotland and Ireland, 1558—1603. — Hamden (Conn.), 1973.
- McCoog T.M.* (Ed.). English and Welsh Jesuits 1555—1650 // Catholic Record Society. — London: Catholic Record Society Publications, 1994. — Vol. LXXIV. — Part I.
- McCoog T.M.* (Ed.). English and Welsh Jesuits 1555—1650 // Catholic Record Society. — London: Catholic Record Society Publications, 1995. — Vol. LXXV. — Part II.
- Miller H., Newman A.* Early Modern British History, 1485—1760. A Select Bibliography. — London, 1970.
- The Oxford Encyclopedia of the Reformation / Ed. by H.J. Hillerbrand. — New York: Oxford University Press, 1996. — Vol. I—IV.
- Routh C.R.N.* (Revised by P. Holmes). Who's Who in Tudor England. — Mechanicsburg (Pa), 2001 (Originally published in Great Britain in 1990 by Shephard-Walwyn Publishers Limited).
- Shorney D.* Protestant Nonconformity and Roman Catholicism: A Guide to Sources in the Public Record Office. PRO Readers' Guide 13. — London, 1996.
- Smeaton D.D.* English Religion. A Bibliography. — Macon (Georgia), 1988.
- Tudor England: An Encyclopedia / Gen. editor A.F. Kinney and D.W. Swain. — New York-London, 2001.

Научное издание

Владимир Николаевич Ерохин

Становление нации.

Религиозно-политическая история Англии XVI—первой половины XVII
в. в современной британской исторической науке

Макет и оформление Ю.В. Балабанов

Издательский редактор И.В. Румянцева

Корректор Н.С. Головин

Предложения и вопросы можно присылать на электронный адрес серии:
medieval.books@mail.com

Подписано в печать 20.04.2016. Формат 70×100/16. Заказ № 138.

Тираж 500 экз. 47,0 п.л. 60,0 уч.-изд. л.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета

в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpk.ru. e-mail: marketing@chpk.ru

факс 8(496) 726-54-10, тел. 8 (495)988-63-87

По издательским вопросам обращаться:

«Центр гуманитарных инициатив»

e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».

«Университетская книга-СПб» предлагает книготорговым организациям,
библиотекам и простым читателям широкий ассортимент книг по всему спектру гумани-
тарных наук — философии, филологии, лингвистики,
истории, социологии и политологии.

Вы можете приобрести у нас по издательским ценам продукцию ведущих
научно-гуманитарных издательств России.

Контакты:

в Санкт-Петербурге: Тел. (812) 640-08-71, e-mail: uknigal@westcall.net

в Москве: ООО «Университетская книга-СПб». Тел. (495) 915-32-84,

e-mail: ukniga-m@libfl.ru

Книжные новинки издательства всегда представлены

в киоске Государственного института искусствознания:

Москва, Большой Козицкий переулок, д. 5 (ст. метро «Чеховская»,
выход в сторону Музыкального театра им. К.С. Станиславского
и В.И. Немировича-Данченко).

Тел./факс: (495) 692-29-39, e-mail: kiosk_gii@sias.ru

Рассылка по России:

Интернет-магазин Лабиринт.ру: <http://www.labirint.ru/>

В.Н. Ерохин

Становление нации

Религиозно-политическая история Англии XVI—первой половины XVII в. в современной британской исторической науке

В монографии представлено современное понимание истории Реформации и религиозно-политической борьбы в Англии XVI—первые десятилетия XVII века. Данный период в британской истории был временем разрыва церковно-административных связей с римско-католической церковью, началом формирования национальной церкви и пуританизма, комплекс этих факторов оказал большое влияние на развитие духовной культуры во всем англоязычном мире. Под непосредственным воздействием Реформации приобрела свою идентичность британская политическая система, государственность во главе с монархом, сосредоточившим светские и церковные властные функции, а также активизировался Парламент как законодательное учреждение. Автором проанализированы методологические подходы к изучению Реформации в Англии и работы представителей либерального, ревизионистского и социально-исторического направлений. Кроме того, исследовано становление англиканской церкви, возникновение и развитие пуританского движения, деятельность английского католического сообщества, продолжавшего существовать в протестантском окружении в постреформационный период.

